

О. В. Серова

РОССИЯ И ВАТИКАН
ПОЛИТИКА
И ДИПЛОМАТИЯ
XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

КНИГА ПЕРВАЯ
1825—1870

S T U D I A H I S T O R I C A

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

О. В. Серова

РОССИЯ И ВАТИКАН
ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ
XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

КНИГА ПЕРВАЯ
1825—1870

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва 2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-6
С 32

Работа выполнена при поддержке РГНФ
проект № 04-01-00040-а

Рецензенты:
доктор исторических наук *П. П. Черкасов*
кандидат исторических наук *А. В. Юдин*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Серова О.В.

С 32 Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX — начало XX века.
Кн. 1: 1825—1870. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. —
984 с., *вклейка в конце книги.* — (Studia historica.)

ISBN 978-5-907117-28-0 (кн. 1)

ISBN 978-5-6041006-8-4

Привлекая широкие пласты в значительной мере ранее не использованных документальных материалов отечественных архивов и Секретного архива Ватикана, в работе осуществляется целостная, систематическая и достоверная реконструкция отношений России с Ватиканом в чрезвычайно сложный, трудный период, охватывавший почти сто лет. Это позволяет ознакомиться часто с запутанными перипетиями и многими малоизвестными или вовсе не известными их страницами, а главное — выявить и проанализировать важнейшие тенденции в них, глубинные причины происходивших изменений и те факторы, которые влияли на их состояние, разобраться в методах, особенностях стиля деятельности дипломатов обеих сторон. Работа содержит немало нового материала для размышлений отечественных политологов и дипломатов над взаимоотношениями между Россией и Ватиканом. Хронологическими рамками первой книги служат вступление на престол Николая I в 1825 г. и утрата папой светской власти в 1870 г.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-6

ISBN 978-5-907117-28-0

9 785907 117280 >

© О.В. Серова, 2018

© Издательский Дом ЯСК, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	9
Краткий очерк устройства римско-католической Церкви в Российской империи в конце XVIII — начале XIX века	15
Глава первая Миссия Томмазо Бернетти. Создание Духовной коллегии для греко-униатов. Конклав 1829 г. Избрание Пия VIII. Передача Святому Престолу церкви Мадонна дель Пасколо	55
Глава вторая Конклав 1829—1830 гг. Вступление на престол Григория XVI. Революция 1830 г. в папских государствах. Деятельность Совецания представителей великих держав	118
Глава третья Восстание 1830 г. в Польше	146
Глава четвёртая Дела епископов Скорковского и Гутковского. Поездка в Рим великого князя Александра, наследника российского престола	185
Глава пятая Переход в православие греко-униатов. Продолжение дела Гутковского. Миссия Фурмана	241
Глава шестая Аллокуция Григория XVI о положении католической Церкви в России и Польше. Трудности с возведением в сан новых епископов. Начало переговоров по епископскому вопросу	303
Глава седьмая Несостоявшийся брак российской великой княжны с австрийским эрцгерцогом. Роль Ватикана. Подготовка встречи двух монархов и глав двух Церквей	380

Глава восьмая	
Поездка Николая I в Рим.	437
Глава девятая	
С.-Петербург готовится к переговорам со Святым Престолом: работа специального Комитета. Вступление на престол Пия IX	506
Глава десятая	
Переговоры и заключение соглашения 1847 г.	548
Глава одиннадцатая	
Революция 1848—1849 гг. в папских государствах. Прогресс в назначении епископов	598
Глава двенадцатая	
Что стояло за «угрызениями совести» Пия IX в деле аббата Буткевича?	650
Глава тринадцатая	
Крымская война. Вступление на престол Александра II. Работа Комитета по делам римско-католической Церкви. Пребывание в Москве и С.-Петербурге посольства Флавио Киджи . . .	711
Глава четырнадцатая	
Польское восстание 60-х гг. Разрыв отношений России со Святым Престолом.	776
Глава пятнадцатая	
Решения Комитета по делам Царства Польского. Новые осложнения в отношениях С.-Петербурга с Римом. Начало неофициальных переговоров	859
Глава шестнадцатая	
I Ватиканский (XX Вселенский) Собор 1869—1870 гг. «Римский вопрос»	912
Библиография	954
Указатель имён	959

Памяти моей сестры Веры

«История — учитель строгий и суровый, но правдивый и благодетельный. Раскрывая перед нами тайны прошлого, она поучает нас... что внешняя политика великого народа слагается не произвольно или случайно, а веками, в силу нужд и пользы этого народа, и что всякое уклонение от этого пути, хотя бы вызванное самими благородными и великодушными побуждениями, влечёт за собой кару суровую и неизбежную»¹.

«Если история способна научить чему-нибудь, то, прежде всего, сознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее. В этом отношении интересы текущей жизни, уроки её могут служить надёжной руководящей нитью, готовым указанием на то, что наиболее требует разъяснения в своих началах и развитии, а равно и готовой проверкой этого развития».

«...история учит даже тех, кто у неё не учится; она их проучивает (подчёркнуто в тексте. — О.С.) за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо её или вопреки ей, тот всегда в конце жалеет о своём отношении к ней»².

В истории отношений России с Ватиканом период XIX — начала XX века является важным и чрезвычайно сложным, ведь они развивались очень трудно, подчас просто драматически, неоднократно проходя через стадии крайней напряжённости вплоть до разрыва, а последующее их восстановление, урегулирование возникавших проблем требовало больших усилий, занимало много времени. Причём всё это серьёзно затрагивало духовные интересы российских подданных католического исповедания.

¹ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая первого. СПб., 1887. С. XV.

² *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 237, 266.

Ватикан выступал в этих отношениях в двойной ипостаси: как участник международных отношений и как центр католической Церкви.

Что касалось России, это была страна с господствующей православной верой, законным покровителем которой выступал российский монарх, чем создавалась неразрывная связь престола с Церковью. Венчаясь на царство, он давал клятву заботиться о ней и защищать от всяких враждебных посягательств и о таком своём долге должен был не забывать никогда. Это проявлялось, в частности, в том, что все российские монархи, уделявшие много внимания вообще вопросам внешней политики, чрезвычайно пристально следили за развитием отношений с Ватиканом.

Следует также помнить, что речь идёт об отношениях с Ватиканом христианской страны, принадлежавшей к Церкви, изначальный разрыв, формальное разделение, которое привело к появлению самих этих конфессий, произошло в 1054 г., т. е. довольно скоро после принятия на Руси христианства. Это, несомненно, накладывало на них свой отпечаток, и придаёт этой теме, которая является и важной частью истории христианства, особое звучание. Ведь именно по этой причине российское правительство стремилось свести их отношения к чисто политическим, избежать обсуждения догматических вопросов, отдавая отчёт в невозможности достичь по ним согласия. Это условие было принято и папским правительством. По этой же причине иногда особенно папская сторона возвращалась к вопросу о восстановлении их единства. Россия же в предшествовавшие времена никак не соглашалась на унию, и это повлияло на ход многих событий на Руси. С этого времени Рим стал называть православную Церковь «схизматической», т. е. раскольнической.

Д.А. Толстой справедливо отмечал в работе о римском католицизме в России, что эта тема — «важный отдел отечественной истории и знать его тем более необходимо, что вопрос об отношении православной Церкви к Церквям западным и, особенно, к римско-католической постоянно стоит на очереди и особенно в последнее время сильно занимает умы всего образованного мира»¹. Нужно заметить, что интерес к этой теме неизменно сохранялся и в дальнейшем.

Свою исключительную важность для России католический вопрос, безусловно, обретал в силу слияния его в значительной мере с польским вопросом. Ведь он непосредственно затрагивал жизненные интересы населения католической Польши, сравнительно недавно насильственно присоединённой к России и не смилившейся с таким положением.

Изучение проблемы этих отношений за столь продолжительный период диктовалось стремлением не только воспользоваться создаваемой тем самым возможностью рассмотреть в более широком ракурсе многие сложные вопросы, решение

¹ Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование. Т. I. СПб., 1876. С. 2.

которых наталкивалось на большие трудности или которые оказывались вовсе не разрешимыми, но также лучше выявить динамику развития этих отношений. В значительной степени оно было связано и с той их особенностью, что решение большого числа возникавших вопросов занимало чрезвычайно много времени: иногда по несколько десятилетий тот или иной вопрос не сходил с повестки дня. Показательно признание этого факта в инструкции от 22/9 января 1901 г. К.А. Губастову при назначении его министром-резидентом при Святом Престоле: «В архивах императорской миссии в Риме Вы найдёте ценные материалы, относящиеся до деятельности наших дипломатических уполномоченных в течение XIX-го столетия, и изучение их представит для Вас тем более интерес, что, по существу, возбуждающие ныне разногласия вопросы суть те же, что и в начале века»¹.

Учитывая малую изученность этой проблемы в отечественной историографии, важность ликвидации многих белых пятен фактической истории, автор ставил перед собой двуединую задачу.

С одной стороны, произвести во всей возможной полноте историческую реконструкцию фактической картины развития их взаимоотношений. Это требовало восстановить, сколь возможно подробно, с учётом привходящих обстоятельств, их канву, воспроизвести мотивировку конкретных акций, шагов одной стороны и реакцию на них другой, роль в этом политиков, возникновение на этой почве дел отдельных священнослужителей. При этом было необходимо постараться максимально воспроизвести и конкретную ситуацию, в которой высказывалось то или иное суждение и принималось то или иное решение, ибо, только широко привлекая источники, можно понять и справедливо оценить ход мысли и логику умозаключений дипломатов и политиков и тем самым по возможности приблизиться к истине.

Было очевидно, что без такой подготовительной работы, полезной и чрезвычайно увлекательной, поскольку она позволяет заглянуть туда, где формируется политика, и сведения о чём долгие годы хранятся в глубоком секрете, невозможно понимание происходивших событий.

С другой стороны, задача состояла в том, чтобы проанализировать важнейшие тенденции в развитии отношений России с Курией, выявить глубинные причины происходивших в них изменений, конфессиональные, общественно-политические, международные и национально-культурные факторы, оказывавшие влияние на их состояние и на формирование общественных настроений как в С.-Петербурге, так и в Риме.

Для понимания и объяснения характера двусторонних отношений представлялось чрезвычайно важным освещение восприятия событий внутренней жизни, внешнеполитического курса, методов дипломатии Ватикана и России соответственно

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 8. Л. 181.

российскими и папскими дипломатами, политиками, так же как воспроизведение характеристик первыми римских первосвященников, высших иерархов, папских посланцев, а вторыми — российских императоров, государственных деятелей, дипломатов. И в то же время (в той мере, как это позволяли имевшиеся документы) проанализировать методы, особенности стиля деятельности этих дипломатов, образа их мышления, типа сознания, отражавшего дух времени с его религиозными убеждениями, национальными идеалами, нравственными критериями, пониманием долга.

Что касается характеристик, следует особо отметить, что нередко они были весьма нелицеприятного свойства. Приводя их, всякий раз невольно вспоминался случай, о котором Губастову, тогда министру-резиденту, поведал известный историк Людвиг Пастор, занимавшийся изучением жизни и деятельности римских пап. Когда он дошёл до времени Алессандро V, то, затрудняясь опубликовать найденные данные о неизвестных ещё мрачных деяниях этого папы, он доложил об этом папе Льву XIII и получил от него следующее краткое указание: «Не бойтесь и говорите в Вашем историческом труде всю правду, для того я и открыл Вам все наши архивы»¹.

К работе над книгой были широко привлечены официальные акты и документы российских архивов, в которых сосредоточен первоклассный материал для исследования данной темы.

Это — Архив внешней политики Российской империи, Государственный архив Российской Федерации, Центральный государственный исторический архив, Центральный государственный архив древних актов, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

В Архиве внешней политики Российской империи были изучены материалы фондов: Канцелярия министра иностранных дел, Отчёты МИД России, Российское посольство в Риме, Российское посольство в Вене, Российское посольство в Париже, Ватикан, Секретный архив министра, II Департамент II-5, Наместник Царства Польского, Особый политический отдел, Архив «Война», Российское консульство во Львове, Шептицкий А., Коллекция документальных материалов чиновников МИД (личные архивы: Нессельроде К.В., Италинского А.Я., Жомини А.Г., Лобанова-Ростовского А.Б., Орлова Н.А., Вестмана В.И., Гирса Н.К., Извольского А.П., Сазонова С.Д., Муравьёва М.Н. и др.), Формулярные списки чиновников МИД России, Департамент личного состава и хозяйственных дел и др.

В Государственном архиве Российской Федерации был использован материал фонда Царскосельского Александровского дворца, III Отделения, личных фондов Николая I, Александра II, Александра III, Николая II, Горчакова А.М., Извольского А.П., Шиллинга М.Ф. и др.

В Российском государственном историческом архиве велся сбор документов в фондах: Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, включая

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 2140. Л. 6.

материал Секретного отдела, «Всеподданнейшие» доклады министра внутренних дел по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий и др. Была изучена переписка Николая I с Паскевичем Ф.И. и переписка Паскевича с Орловым А.Ф. и др.

В Центральном государственном архиве древних актов был использован материал фондов: Панины и Блудовы, Гагарины.

В рукописном отделе Пушкинского Дома были проработаны материалы архивов: Губастова К.А., Киселёва П.Д., Аксаковых и др.

Собранные в российских архивах документы отражают в полной мере точку зрения российской стороны. Что касается позиции Ватикана, в них имеются лишь официальные документы.

Поэтому чрезвычайно ценен материал, извлечённый из фондов Секретного архива Ватикана: Государственный секретариат: Чрезвычайные миссии Россия, Секретный архив; Конгрегация Чрезвычайных духовных дел: Россия и Польша, Документы Россия и Польша, Россия, Доклады Сессий, Сессии; конгрегация Пропаганды веры, Личный архив Пия IX, архивы папских нунциатур в Вене, Париже, Мюнхене и др.

К сожалению, привлечь документы этого богатейшего архива удалось в весьма незначительной мере по причине отсутствия материальной возможности сколько-нибудь продолжительной работы в нём. Это, естественно, ограничивало выявление материалов, которые позволяли прояснить, лучше понять, оценить позицию Ватикана, а главное — её подлинную мотивацию, скрытые внутренние пружины решений по принципиально важным проблемам.

Существенным дополнением к архивным материалам стали публикации документов из архивов. В этой связи следует упомянуть многотомное издание дипломатических документов «Внешняя политика России XIX и начала XX века»¹ и, конечно, две публикации документов из Секретного архива Ватикана, подготовленные Софьей Олшамовской-Сковроньской. Одна из них посвящена переписке римских пап и российских императоров за период 1814–1878 гг., а вторая — переговорам между Святым Престолом и Россией, которые велись в Вене и Риме в 1880–1882 гг.²

Поскольку подавляющее большинство использованных документов до сих пор не привлекалось исследователями, представлялось необходимым, как можно больше заставить говорить сами документы, а значит, самих участников событий. Ибо, безусловно, никто лучше их не мог сказать о времени, о себе и помочь понять то время, вынести верное суждение об их поступках, решениях, их жизненной философии,

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I–II.

² *Olszawska-Skowronska S.* La correspondance des papes et des empereurs de Russie. 1814–1878. Roma, 1970; Les accords de Vienne et de Rome entre le Saint-Siège et la Russie. 1880–1882. Roma, 1977.

которой они, возможно, не всегда могли следовать и следовали. И конечно, извлечь поучительные уроки из принимаемых ими решений, хотя они и касались таких далёких, казалось бы, событий. Всегда важные сами по себе знания, понимание прошлого в случае отношений России с Ватиканом, в силу самого их характера, безусловно, способны дать дополнительный материал для размышлений об их настоящем и будущем, ведь эта проблема остаётся неизменной, сохраняет своё значение и актуальность и трудно сказать, сможет ли их утратить и когда.

Разумеется, нами были использованы имевшиеся мемуары и работы историков. Своё отношение к оценкам наших предшественников, российских и зарубежных историков, мы постарались дать по ходу рассмотрения конкретных вопросов.

Наконец, в силу естественно возникавшей необходимости понять истоки, корни многих из стоявших между двумя Дворами конкретных проблем в изучаемый период оказалось невозможным обойтись без того, чтобы предпослать этому исследованию экскурс, хотя бы самый краткий, в предшествующие времена.

Поскольку осветить чрезвычайно насыщенную событиями историю отношений России со Святым Престолом почти за сто лет — от вступления на российский престол Николая I до падения монархии в России в 1917 г. — в одной монографии оказалось невозможно, представленная работа является только частью исследования. Её хронологическими рамками служат вступление на престол Николая I в 1825 г. и утрата папой светской власти в 1870 г. Вторая книга охватывает период от 1870 до 1894 г., а третья — 1894—1917 гг.

Автор приносит самую глубокую, искреннюю благодарность сотрудникам всех архивов и библиотек за их неизменную благожелательность и готовность помочь при работе в них.

Его особая признательность за дружескую поддержку сотрудникам Секретного архива Ватикана Лука Карбони и Джованни Коко, которые помогли ориентироваться в бывшем для автора совершенно новом архиве, к тому же в ситуации, когда времени для работы было мало, а найти хотелось очень много.

КРАТКИЙ ОЧЕРК УСТРОЙСТВА РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Издавна российское законодательство включало в себя положения, касавшиеся отправления их культа проживавшими в России иностранцами или, как их тогда называли, иноземцами. Так, по Уложению 1649 г. царя Алексея Михайловича они были уравнены в гражданских правах с подданными страны. Позднее законодательными актами не только было подтверждено предоставленное иноверцам право, публично и дома, отправлять богослужение согласно обрядам их религии, но их Церквам были даны различные льготы и оказывалось покровительство. Об этом, в частности, свидетельствуют такие акты, как: Манифест Петра I (от 28/16 апреля 1702 г.) о вызове иноверцев в Россию с обещанием им свободного вероисповедания; Регламент государственной Коммерц-коллегии (от 15/3 марта 1719 г.) о разрешении приезжающим купцам и корабельщикам вместе с их людьми иметь свободное отправление их веры; Указ Екатерины I (от 22/10 ноября 1726 г.) об освобождении от постоя лиц, принадлежащих к католическим, лютеранским и кальвинистским Церквам; Манифест Анны Иоанновны (от 6 марта/22 февраля 1735 г.), подтверждавший прежние узаконения о свободном отправлении иноверцами богослужения; Манифест Екатерины II (от 3 августа/22 июля 1763 г.) о дозволении, в частности, всем прибывшим в Россию на поселение иностранцам иметь свободное отправление веры.

Предоставляя иноверцам свободу богослужения, как свидетельствовал сам дух законоположений, российское правительство всегда ставило непременным условием неприкосновенность прав господствующей Церкви и решительно запрещало иноверцам любые попытки привлекать россиян в свою веру. За возвращение из православия Уложением 1649 г. мерой наказания определялась смертная казнь¹.

До второй половины XVIII столетия из-за небольшого числа лиц католического исповедания (в основном это были переселенцы из Германии, проживавшие в их колониях в Саратовском и Краснодарском крае) в России не существовало духовного судебного учреждения для дел этого исповедания. Правительственные распоряжения по части управления католической Церковью касались лишь отправления богослужения и постройки костёлов. В «Регламенте» от 24/12 февраля 1769 г.,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 133–136.

изданном Екатериной II для римско-католической Церкви в С.-Петербурге, впервые встречается указание на Юстиц-коллегию лифляндских, эстляндских и финляндских дел, как на судебное место, куда прихожане римско-католического исповедания могли обращаться в случае несогласия с духовенством для получения суда и расправы. При этом особо оговаривалось, что поскольку жителям Империи римского исповедания давно уже дозволено свободное отправление их веры, «то Юстиц-коллегия ни под каким видом при разбирательстве споров не должна мешаться в догматы самой веры римского исповедания»¹.

Вопрос об отношениях с римской Курией стал особенно актуален для С.-Петербурга в конце XVIII в. после разделов Польши, когда к России перешли территории со значительным католическим населением, а также с несколькими тысячами обращённых в латинский обряд и униатов².

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание первое. Т. XVIII. СПб., 1830. № 13252. С. 838—839.

² Их появление стало итогом стремления католической Церкви добиться объединения с православной. Первая такая попытка имела место на Соборе во Флоренции в июле 1439 г. Тогда была принята Флорентийская уния при условии, что православием разделялись догмы католического вероучения о филиокве (положение о том, что Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына), о чистилище, главенстве папы. Православные сохраняли свои обряды, греческий язык при богослужении, брак священников и причащение «под обоими видами» — хлебом и вином. Византийский император и духовенство согласились на унию в надежде получить благодаря этому помощь государств Западной Европы в борьбе с турками. Поставил под ней свою подпись и глава русской делегации митрополит Исидор, грек по национальности, но русское духовенство и великий князь Василий II решительно отказались её принять. Исидор был низложен. Вскоре унию отвергла и Византия. Однако в некоторых юго-западных областях Руси, входивших в Великое княжество Литовское, уния была принята.

Через полтора столетия последовало принятие унии собором епископов западной русской митрополии, происходившим в Бресте в октябре 1596 г. Причиной послужили прозелитские усилия католического духовенства на украинских и белорусских землях и переживаемый здесь православной Церковью кризис. Он проявился в росте напряжённости в отношениях между епископами и паствой вследствие политики католических правителей Речи Посполитой, раздававших епископские кафедры светским лицам в вознаграждение за их услуги, что привело к появлению иерархии, не подготовленной к исполнению своих обязанностей, а озабоченной лишь обогащением. На церковных соборах их поведение подвергалось осуждению. Выход для себя в сложившейся ситуации епископы киевской митрополии увидели в подчинении папе. О таком своём желании епископы луцкий, холмский, турово-пинский и лембергский (львовский) 24 июня 1590 г. известили короля Сигизмунда III и получили его одобрение и обещание гарантировать сохранение за ними их кафедр. Последующие шаги к сближению с Римом предпринимались епископами тайно, ибо известие весной 1595 г. о намерении их пойти на это вызвало протесты со стороны православных.

23 декабря 1595 г. папа Климент VIII удовлетворил обращённую к нему просьбу епископов о сохранении в киевской митрополии своих обрядов и церемоний при условии, если

После первого раздела в 1772 г. часть Белоруссии (Могилёв-Вильно) отошла к России. Это означало появление в ней областей с населением, принадлежавшим к католической религии. В этой ситуации Екатерина II постаралась так организовать латинскую Церковь, чтобы она могла существовать без вмешательства Рима в её дела, а её иерархи были такими же верноподданными, как православные. Она воспользовалась тем, что иерархи трёх епархий на территории Белоруссии не принадлежали к числу новых её подданных. Поэтому, не сносаясь с папой, не обращаясь к нему за советом и согласием, она сама назначила в 1773 г. епископом *in partibus* (т. е. за пределами Италии) латинских церквей¹ по всей России Станислава

они «не противоречат истине и не препятствуют общению с римской Церковью». Вводился запрет на переход из унии в католицизм, превращение православных храмов в костёлы, принуждение переходить в католичество лиц, заключающих брак с католиками. Папа оставил митрополита и епископов на их прежних местах, но каждый новый митрополит должен был утверждаться в Риме. В следующем, 1596 г. 6 октября в Бресте состоялись два Собора. На Соборе, собранном митрополитом, было провозглашено присоединение киевской митрополии к римской Церкви. А на православном Соборе — объявлено о низложении заключивших унию епископов (Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 238–240). Таким образом, Собор привёл к разъединению между многочисленными православными и малочисленными униатами.

Уния распространилась в Галиции, Белоруссии, в Правобережной Малороссии, а в левобережной её части сохранилось православие.

На Соборе в Замостье (часто его называли Поместным Собором или Синодом) в 1720 г. состоялось провозглашение униатской Церкви единственной законной, за исключением католической, в Речи Посполитой, за чем последовали открытые гонения на православных.

Постановления собрания униатов в 1720 г. были утверждены папой. Они нанесли, считал российский историк, «окончательный удар самостоятельному существованию униатской Церкви». Произошло искажение внешнего устройства храмов и большинства обрядов по образцу римско-католических. Претерпели изменение многие догматические учения и правила, монашеское духовенство униатов почти полностью обратилось в латинское. Оно образовало «один из его орденов (базилианский) и вытесняло, более и более, белое духовенство, связанное с народом, потому что оно сохраняло обычай брачного состояния». Высшее духовенство колебалось между двумя противоположными направлениями (Попов А.Н. Последняя судьба папской политики. 1845–1867 гг. СПб., 1868. С. 9).

¹ При оценке действий императрицы следует учесть опыт того времени. О нём можно судить, в частности, по ответу австрийскому императору, данному 12 апреля 1774 г. на вопрос, как в королевстве Галиции и Лодомерии (Австрийская империя) замещались вакантные епархиальные кафедры, капитулом или же по непосредственному монаршему только назначению?

Из него следует, что в прежние времена для этого собирались не только капитулы, но всё духовенство, монашеское и белое, знаменитые люди, дворяне и светское общество этих епархий. Именно так было проведено, в частности, избрание двух последних

Иоанна Сестренцевича-Богуша¹. С этого времени начинается создание католической иерархии в России.

Одновременно Сестренцевич возглавил учреждённое в том же году белорусское епископство. В 1782 г. без согласия римского Двора оно было переименовано в моголиёвское архиепископство. Тогда же его архиепископом императрицей был назначен Сестренцевич и введено новое устройство католической иерархии в России. В этой связи, однако, возник вопрос о признании Пием VI произошедших перемен в положении католической Церкви. Императрица настаивала на даровании им Сестренцевичу звания архиепископа и высшего знака этого звания — паллиума (омофора)².

С этой целью Святым Престолом (по получении предварительного согласия Екатерины II) в С.-Петербург был специально направлен бывший тогда нунцием в Варшаве архиепископ халкедонский Джованни Аркетти в звании папского посла, чтобы подтвердить разграничение епархий и церковную организацию, введённую Екатериной II. Папой ему были даны инструкции от 15 и 26 апреля 1783 г. об устройстве католической Церкви в России. Он имел полномочия учредить в Моголиёве архиепископскую церковь, поставить архиепископа и назначить ему коадьютера (помощника). Об этом от имени папы он обнародовал 19/8 декабря 1783 г. буллу, т. е. важный и торжественный документ, исходящий от понтифика.

львовских епископов, Варлаама (25 января 1710 г.) и Афанасия (10 сентября 1715 г.) Шептицких.

По предположению автора записки, такая практика вела начало «с древних постановлений Соборов (Анкирского правило XVIII и Лаодикийского правило XVII)». Собрание проводилось под председательством самого митрополита или назначенного им лица. Затем митрополит и избиратели ходатайствовали перед монархом об утверждении и назначении избранного лица. В последнее же время назначение монархом предшествовало избранию, так что после Варлаама и Афанасия Шептицких никого уже не избирали. Как писал составитель записки Лев Шептицкий, он сам, «львовский, галицкий и каменецкий епископ, киевский митрополит и всей Руси коадьютор и епархиальный администратор, как и другие после него: как то холмский, люцеоренский, перемышльский, пинский епископ и владимирский коадьютор в силу одного лишь монаршего назначения (nominatione) и без предварительных или последующих избраний, посвящались, вводились и постановлялись (consecrati et installati)» (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 72. Л. 138–139).

¹ *Морошкин М.* Иезуиты в России в царствование Екатерины II и до нашего времени. Ч. I. СПб., 1888. С. 46–47.

² «Это род воротника с кистями, висящими спереди и сзади и с чёрными крестами, в которых защиты мощи. Паллиум надевается только для торжественного богослужения и носится пониже шеи, поверх облачения. Он выткан из шерсти белых ягнят, и только один женский монастырь в папских владениях имеет привилегию на это изделие» (*Пржецлавский А.О.* Митрополит Головинский 1807–1855 // Русская старина. СПб., 1890. Т. 66. С. 388).

В январе 1784 г. состоялось торжественное возведение им Сестренцевича в звание архиепископа, чему предшествовали переговоры о форме присяги. Российская сторона настояла на изменении некоторых её пунктов и на исключении того, согласно которому посвящаемый в сан должен был поклясться, что будет преследовать еретиков и схизматиков. А в заключительной части присяги было опущено положение об обязательстве его, без согласия папы, не отчуждать никаких земель, принадлежащих его кафедре. Вместо этого было добавлено обещание им «соблюдать все вышеприведенные пункты тем нерушимее, что он убеждён, что ни один из них не находится в противоречии с присягой на верность, которую принёс своей законной Государыне и её преемникам на Императорском престоле».

Именным указом императрицы от 29/17 апреля 1784 г. были утверждены предъявленные нунцием в связи с учреждением в Могилёве архиепископства акты и грамоты. Согласно им Аркетти учредил в Могилёве архиепископскую кафедру, обратил церковь Успения пресвятой Богородицы в архиепископскую и митрополичью церковь римско-католического исповедания. Ими же могилёвскому архиепископу и его преемникам, назначаемым в соответствии с каноническими правилами и пребывавшим «в единстве и сношениях» со Святым Престолом, предоставлялось право носить палиум и крест, пользоваться всеми правами и преимуществами архиепископского сана. Ему и его законным преемникам подчинялись все проживавшие в Империи католики. При архиепископе учреждался капитул (совет) каноников, обязанных помогать ему советами и делами. Их число ограничивалось 12 лицами. В это звание должны были возводиться восемь духовных лиц, владевших бенефициями (т. е. занимавших должности, связанные с определёнными доходами), а также настоятели четырёх католических церквей — московской, санкт-петербургской, херсонской и могилёвской. Ещё четыре члена капитула имели лишь каноническое достоинство. По получении предварительно предписания о том папы митрополит в соответствии с каноническими правилами посвящал епископов, назначенных в этот сан папой.

Грамотой о власти архиепископу поручалось разрешать брачные дела, а бракоразводные дела ему предоставлялось право решать сокращённым порядком, без стряпчего, но «с должною осмотрительностью и с согласия своих каноников». При этом особо упоминалось, что ещё в 1775 г. ему было разрешено таким же порядком разбирать бракоразводные дела в Белоруссии из-за недостатка стряпчих и бедности жителей, не имевших средств на судебные расходы.

Таким образом, российскому правительству удалось добиться от Святого Престола предоставления определённой самостоятельности католической Церкви. С той же целью оно стало прилагать усилия к возведению архиепископа Сестренцевича в кардиналы. Вице-канцлер И.А. Остерман писал папе в ноябре 1784 г. о таком желании Екатерины II, ссылаясь на то, что, ввиду обширности епархии Сестренцевича и важности его пасторских обязанностей, он должен пользоваться особыми привилегиями.

Отказ папы удовлетворить эти пожелания повлёк охлаждение отношений между Россией и Курией. Тем не менее в результате переговоров с ней власть архиепископа была всё-таки расширена. Бreve от 28 августа 1786 г. папа даровал ему на 10 лет весьма широкие духовные полномочия, сформулированные в 29 пунктах. Среди них особого внимания заслуживало право разрешения грехов во всех случаях, по которым прежде надлежало обращаться к Святому Престолу. Следует особо отметить, что в определении Сената по поводу этого бреве было, в частности, подчеркнуто, что, если бы эти полномочия были бы даны архиепископу не на 10 лет, а навсегда, была бы устранена необходимость для него сноситься и переписываться с Римом.

Позднее, после второго и третьего разделов Польши в 1793 и 1795 гг., когда Россия получила всю Белоруссию и Малороссию, за исключением западной части Подолии, и Литву с Вильно, Екатерина II подчинила ведению Сестренцевича все римско-католические епархии в присоединённых губерниях¹.

При этом российское правительство не последовало примеру прусского правительства, которое в полученных им Варшаве и Познани начало германизацию, для чего прибегло к крестьянской колонизации, введению немецкого языка в школах и в администрации.

Российское же правительство при Екатерине II, Павле I и Александре I, несмотря на разницу в провозглашаемых принципах, проводило в этом отношении по существу одну и ту же политику, при которой язык и религия помещичьего класса не подвергались преследованию, но при этом стремились постепенно вернуть в православие униатское население. Делая это, приходилось считаться с тем, что униатское население было по преимуществу крестьянским, а римско-католическое — из шляхты, что придавало часто двойственный характер позиции правительства в вопросе воссоединения униатов. На ход процесса воссоединения влияло и состояние униатской Церкви, в которой не было единодушия в этом вопросе. Самым многочисленным был переход в православную Церковь при Екатерине II в 1794–1795 гг. более полутора миллионов униатов.

По причине разделов Курия стала добиваться разрешения направить нового посла в С.-Петербург, будучи озабочена устройством католического населения перешедших к России новых польских территорий и, в частности, необходимостью утвердить только что проведённое императорским правительством новое разграничение католических епархий. Нунций в Варшаве архиепископ фиванский Лоренцо Литта в марте 1796 г. сообщил Остерману о желании папы прислать в Россию уполномоченное лицо «для блага религии» и в качестве нового доказательства его высокого уважения к императрице.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 155–156, 164–166, 168–172; Д. 825. Л. 206–207.

В ответе вице-канцлера говорилось о согласии императрицы принять эту миссию, несмотря на то что папа за все последние годы проявлял мало готовности пойти навстречу её желаниям, в особенности в вопросе возведения архиепископа Сестренцевича в кардинальский сан. Он также настаивал на предварительном оповещении о предмете переговоров и о полномочиях, которыми будет обладать назначенное лицо. С кончиной Екатерины II ситуация не изменилась. Только теперь о присылке посольства просило само императорское правительство, рассчитывая посредством этой миссии достигнуть договорённости с папой по всем вопросам, касавшимся католической религии. Папа доверил его Литта, кандидатура которого намечалась и прежде¹.

Он ехал в качестве чрезвычайного посла. Первое, что он должен был сделать, — это поздравить от имени папы только что коронованного императора Павла I в Москве, куда он прибыл в марте 1797 г. несколько дней спустя после коронации.

Им были изданы в августе 1798 г. акты о могилёвской митрополии и об учреждении шести епархий: могилёвской, виленской, жмудской, минской, луцкой и каменецкой. Эти акты были утверждены буллой папы от 15 декабря 1798 г.

С этого времени могилёвская кафедра, как первое епископство, основанное в России, была признана митрополией всех других, а её начальнику Сестренцевичу, возведённому в сан архиепископа (бreve от 7 августа/27 июля 1798 г., переданное Литта), подчинялись все другие епископы в России. Власть митрополита над духовенством определялась постановлениями Тридентского Собора² и пап. Епископы, которых по каноническим правилам назначал папа, затем посвящал митрополит после получения предписания о том папы.

В это же самое время указом императора от 10 марта/26 февраля 1797 г. был создан специальный департамент в министерстве юстиции, уполномоченный заниматься юридическими делами католиков. Этот департамент был подчинён архиепископу, но можно было подавать апелляцию в Сенат.

Литта деятельно вмешивался в дела католической Церкви. В течение двух лет своего пребывания здесь он постоянно делал представления и вручал ноты министерству. На этой почве между ним и Сестренцевичем началась упорная борьба за влияние при Дворе и на ход церковных дел. Когда Литта в резкой форме выразил недовольство отказом правительства оставить на каменецкой кафедре назначенного папой епископа, Павел I 29 апреля 1799 г. подписал указ генерал-прокурору А.А. Беклешову, согласно которому миссия Литта считалась оконченной и он изгонялся из Империи. Управление римско-католическим духовенством перепоручалось Сестренцевичу. Беклешову предписывалось впредь следить, чтобы

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 2206. Л. 33–34.

² Тридентский вселенский Собор католической Церкви заседал в 1545–1547, 1551–1552, 1562–1563 гг. в Тренто и Болонье.

папа не направлял булл католическим начальникам (ибо это свидетельствовало бы о присвоении им себе управления польскими губерниями), а также не допускать поступления по назначению булл и их исполнения без предварительного утверждения императором. Иными словами, папскому вмешательству в дела католической Церкви решительно ставился предел.

Во вручённой министерством Литта при его отъезде ноте за Святым Престолом в вопросе о праве его вмешиваться в дела католической Церкви признавалось лишь положение, «на подобие того, что было постановлено при императрице Екатерине II». Эта ссылка на его предшественницу была чрезвычайно показательна, учитывая стремление Павла I отрицать всё, сделанное его матерью. Ведь именно так российское правительство поступило, согласившись принять папского посла безо всяких условий и оговорок, и должно было убедиться, что предоставленная послу свобода действий привела к положению, когда появилась угроза суверенным правам императора. Отсюда названные «аксиомами» четыре положения, определявшие права Святого Престола вмешиваться в дела католической Церкви: светская власть римско-католической Церкви в России подчиняется без ограничений гражданской юрисдикции, главенство римского папы ограничивается только духовной властью, т. е. соблюдением правил, обрядов и догм Церкви, от чего зависит полное единство между главой и членами; лишь вопросов такого рода должны были касаться все буллы, направляемые папой епископам католической Церкви в Империи; а чтобы заранее обеспечить невозможность выхода никогда никакой из этих булл за указанные границы, будет предписано, чтобы до того, как она могла бы быть получена в Империи, всякий раз на неё накладывалась виза Сената, те же, кто будет запрашивать буллы, должны предварительно на это получить согласие императора.

После отъезда Литта представителем папы оставался в звании поверенного в делах бывший при нём аудитором (советником) аббат Джованни Бенвенутти. Но уже тогда рассчитывавшей на постоянное представительство в России Курией был поставлен вопрос о присылке нового посла. Им был намечен монсеньор Аннибале дела Дженга, архиепископ дирский (в будущем — папа Лев XII)¹. Вследствие кончины Павла I посольство не состоялось.

Со вступлением на престол Александра I папа (письмо от 27 апреля 1801 г.) напомнил о согласии его предшественника принять посла Курии. В ответном письме император писал, что «не встречает никакого препятствия» к его приёму. Тогда кардинал Эрколе Консальви, государственный секретарь, известил вице-канцлера Н.П. Панина о желании папы послать в Россию нунция, которому будет поручено поздравить императора с восшествием на престол и вести переговоры по делам католической Церкви в России.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 2206. Л. 35–36; Д. 825. Л. 207.

В это же время при папском Дворе был аккредитован в ранге поверенного в делах В.И. Кассини. До этого в 1783–1794 гг. Россию в Риме представлял Гаспар Сантини в ранге консула. Кассини прибыл в Рим в начале 1802 г. Намечавшаяся на пост папского представителя кандидатура делла Дженга Аннибале отпала по причине его болезни. Послом был назначен архиепископ севельский Томмазо Арещо, весной 1802 г. выехавший в Вену, чтобы затем отправиться в Россию.

Тем временем в мае государственный канцлер внутренних дел В.П. Кочубей известил Бенвенутти о желательности придания временного характера посольству Арещо, что мотивировалось стремлением избежать постоянного вмешательства посла папы в дела католической Церкви, как это делал Литга. Кроме того, условием допуска посла в Россию было поставлено немедленное назначение папой нового гроссмейстера Мальтийского ордена и подтверждение им всех распоряжений по делам ордена, изданных в царствование Павла I. А поскольку Пий VII медлил с исполнением этих требований, сочли возможным воспользоваться этим предложением для отказа в приеме посла. Курия решительно протестовала. Тем не менее вице-канцлер А.Б. Куракин в сентябре 1802 г. предписал Кассини передать ей о желании императора «отсрочить» приезд посла, сославшись на то, что нунции назначаются к католическим Дворам. В ответ последовала ссылка на ранее данное согласие принять посла и указание на трудное положение папы ввиду такого отказа, когда всей Европе было известно о посольстве Арещо, ожидавшем в Вене уже несколько месяцев паспортов для поездки в Россию. Со своей стороны, Курия согласилась на временное, краткое его пребывание в С.-Петербурге. В конечном итоге в кредитивных грамотах Арещо был назван чрезвычайным послом. Срок посольства по соглашению с Консальви был установлен Кассини в четыре месяца. Оно прибыло в столицу в марте 1803 г. и отбыло не через четыре месяца, как было условлено, а лишь в июне 1804 г. после года и трёх месяцев пребывания по причине разрыва отношений России со Святым Престолом.

Он был спровоцирован делом принявшего российское подданство французского эмигранта-легитимиста, неодобрительно высказывавшегося в адрес французского правительства, кавалера Жозефа Готье Вернега, состоявшего на русской службе и причисленного к миссии в Риме. Франция через своего посла при папском Дворе потребовала его выдачи, утверждая, что он был замешан в массе интриг против Наполеона. Россия была против этого. Папское правительство, несмотря на данное российскому правительству обещание не выдавать его, сделало это. Александр I прервал отношения с Курией. Из Рима был отозван Кассини, Арещо пришлось покинуть С.-Петербург¹. Вернега был освобожден в декабре 1804 г. после обращения папы к Наполеону по случаю его коронации с просьбой о его помиловании. Однако

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 2206. Л. 38; Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 298; Boudou A. Le Saint Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au XIX siècle. Paris, 1922. Т. I. P. 26–27.

предпринятые Пием VII после этого попытки добиться от Александра I возобновления отношений успеха не имели, но папа от них не отказывался до лишения его трона и пленения¹. Пройдя через эти испытания, он продолжил предпринимать шаги к примирению, но они были безуспешными².

Одновременно с прибытием Арещо в С.-Петербург в 1803 г. было решено учредить в Риме российскую миссию с посланником, аккредитованным при папском Дворе. Им был назначен Д.Ф. Бутурлин (Кассини должен был стать советником миссии), не успевший приступить к исполнению своих обязанностей из-за разрыва отношений. В данной ему инструкции от 12 декабря/30 ноября 1803 г. ему предписывалось устроить так отношения между Святым Престолом и католическим духовенством Империи, чтобы верховная власть Рима как можно меньше тяготела над ним. Следовало противостоять стремлению Рима «завладеть исключительным правом распоряжаться духовенством и его имуществами, и под видом духовных интересов овладеть и светскими». «Дозволяя моим подданным латинского исповедания иметь сношения с верховным первосвященником, я обязан наблюдать, чтобы его власть над ними не переходила тех пределов, в которые я желаю её поставить. Она должна быть чисто духовной и не касаться светских дел, под каким бы то ни было предлогом», — говорилось в инструкции.

При этом все сношения Рима с католическим духовенством в России должны были проходить через него, а все агенты римского Двора не могли иметь непосредственных сношений с католическим духовенством в Империи ни по какому вопросу. В инструкции специально подчёркивалось, что, таким образом, все дела, в которые потребуется вмешательство папы, будут совершаться дипломатическим путём, обсуждаться между Дворами, «а не между паствою и её пастырем». Затем монархом оговаривался особо важный момент. «Назначение на епископии есть право государя, которое желаю сохранить неприкосновенным и надеюсь, что в случае надобности Его Святейшество поспешит, по вашему требованию, отправить к назначаемым мною прелатам буллы, необходимые для их посвящения, и в то же время удержится возводить в епископы *di proprio motu*³ кого-либо из моих подданных»⁴.

Между тем Сестренцевич с учреждением при Павле I могилёвского архиепископства в апреле 1798 г. получил сан митрополита и сделался высшим духовным

¹ В связи с отказом папы присоединиться к континентальной блокаде Наполеон I в феврале 1808 г. занял Рим. В мае 1809 г. он был провозглашён «свободным городом», а часть папских владений присоединена к Французской империи. В ответ папа издал буллу об отлучении Наполеона I от Церкви. Тогда Пий VII был захвачен в Квиринале французскими войсками и отправлен сначала в Савону, а затем в Фонтенбло, где пробыл в качестве пленника Наполеона I до падения императора. В Рим он вернулся в 1814 г.

² Boudou A. Op. cit. T. I. P. 37.

³ По собственному побуждению (лат.).

⁴ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 2206. Л. 38; Ф. Канцелярия. 1803. Оп. 468. Д. 12844. Л. 1—2; Толстой Д.А. Указ. соч. Т. II. СПб., 1876. С. 405—406.

начальником всех римско-католических церквей России согласно бреве папы от 7 августа/27 июля, переданного Литта. При этом было постановлено, что он получал указы только от Правительствующего Сената или верховной власти¹, т. е. монарха. В 1799 г. он получил от папы кардинальские одежды.

Как отмечалось в секретной записке о делах римско-католического исповедания в Царстве Польском, составленной в 1871 г. заведующим Комиссией духовных дел иностранных исповеданий в Царстве Польском А.С. Мухановым, митрополит, «при поддержке правительства, сколь возможно противодействовал неограниченному властолюбию папской Курии». Впрочем, замечал он, подобно тому, как это делали католические епископы «других стран, отстаивавших свои права против притязаний Ватикана». Сестренцевич вёл решительную борьбу с епархиальными епископами, монашескими орденами, с папским нунцием. После создания Департамента Юстиц-коллегии он ходатайствовал об учреждении в С.-Петербурге постоянного Провинциального Синода под названием Коллегии и вынашивал планы об устройстве римско-католической Церкви по образцу синодального управления православной Церкви. Их он обсуждал с некоторыми русскими иерархами, в числе которых был санкт-петербургский архиепископ Амвросий (Подобедов А.И.)². Реализовать эти планы тогда ему не удалось.

С учреждением указом Павла I от 10 мая/28 апреля 1798 г. шести епархий римско-католической Церкви в России (могилёвская, виленская, жмудская, минская, луцкая и каменецкая)³ начал постепенно изменяться и прежний порядок управления её делами. По Регламенту от 24/12 февраля 1769 г., как отмечалось, они были сосредоточены в Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел. В 1773 г. (именной указ Сенату от 26/14 декабря) при единственном тогда в России белорусском епископстве (в нём имелся униатский архиепископ и ожидалось назначение римско-католического епископа) было учреждено первое правительственное место — консистория (управление делами епархии), подведомственная, правда, ещё Юстиц-коллегии. Оба епископа имели консистории. Каждая из них должна была состоять из 2 или 3 духовных лиц, которых определял и содержал епископ. С учреждением могилёвского архиепископства правительственным местом стала установленная при архиепископе консистория. С апелляцией следовало обращаться в Юстиц-коллегию, а с апелляцией на её решение — в Сенат⁴. Затем, указом от 26/14 ноября 1783 г., Юстиц-коллегии было запрещено заниматься делами, касавшимися римско-католической Церкви⁵.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 155—156.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 38. Л. 78—79.

³ ПСЗ. Собрание первое. Т. XXV. СПб., 1830. № 18504. С. 222—223.

⁴ Там же. Т. XIX. СПб., 1830. № 13922. С. 688—689.

⁵ Там же. Т. XXI. СПб., 1830. № 15876. С. 1054—1056.

Позднее при каждой из шести учреждённых епархий существовали консистории, все состоявшие под апелляцией Правительствующего сената, пока указом Павла I от 10 марта/26 февраля 1797 г. в качестве высшего правительственного места для духовных дел не был учреждён римско-католический Департамент.

«По делам до духовенства и брачных тяжб относящимся, — говорилось в нём, — повелеваем учредить в С.-Петербурге при Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, под особым надзиранием президента той Коллегии, Департамент для римско-католических юстицких дел, в котором производится сим делам на основании принадлежащих тем народам законам, подобно как оныя в самой Юстиц-коллегии течение своё имеют».

В его штат, первоначально состоявший из вице-президента, коллежского и надворного советника, ассессора, прокурора и секретаря, позднее указом от 27/15 февраля 1798 г. были ещё включены: президент из духовных лиц, епископ, соборный каноник, протоиерей и секретарь «из духовных лиц при начальнике». Судебные дела поступали в Департамент по окончании их в отдельных духовных правительственных, а из него по апелляции — в Сенат¹.

Президентом Департамента Юстиц-коллегии был Сестренцевич, а его членами были епископ Иоанн Бениславский и архимандрит Иосиф Бышковский. Следует отметить, что полномочия этого учреждения, впрочем не очень определённые, в некотором отношении соперничали с властью митрополита, учитывая, что Сестренцевич в силу данных ему полномочий, например, решал в третьей инстанции большинство брачных дел².

Вслед за этим указом в правление Павла I были обнародованы новые законоположения в виде быстро последовавших одно за другим двух общих церковных регламентов. Они назывались: «Регламент для церквей и монастырей римско-католического исповедания в Российской империи» от 15/3 ноября 1798 г. и «Высочайше утверждённые Пункты» об управлении римско-католического духовенства в России от 23/11 декабря 1800 г.

Согласно первому, высшим судебным и правительственным органом по делам римско-католических церквей в России был римско-католический Департамент под председательством могилёвского архиепископа. Департаменту подчинялись епархиальные епископы и консистории, а сам он был подведомственен Правительствующему сенату. Одновременно духовенству напоминалось о его священной обязанности хранить подданническую верность императору; запрещалось всякое отчуждение церковного достояния без разрешения монарха. При этом все здания,

¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. XXIV. СПб., 1830. № 17836. С. 493; Т. XXV. СПб., 1830. № 18377. С. 74.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 212; Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 624.

принадлежавшие духовным установлениям (церкви, монастыри, семинарии, богадельни) освобождались от поста.

В статьях, определявших власть архиепископа и епархиальных епископов, говорилось следующее. Главным духовным начальником в епархии является епархиальный епископ. Ему подчиняются все монахи без исключения. Он замещает все вакансии на духовные места, кроме архимандритов (в монастырях), епископов-суффраганов (имелись при архиепископе и каждом епархиальном начальнике и назначались по закону в определённом числе от одного до трёх в каждую епархию) и инфулатов (митрою удостоенных аббатов), имевших право при священнодействии носить в определённых случаях митру. Право входить в Сенат с представлениями на замещение этих последних вакансий предоставлялось Департаменту Юстиц-коллегии. Епархиальный же епископ на каждое вакантное место представлял кандидатуру Департаменту, передававшему их на утверждение императора. Епископы обязаны были направлять в Департамент подробные сведения (так называемые описи генеральной визиты) о состоянии монастырей, т. е. о монашествующих и об имуществе монастырей. По вопросам, выходящим за пределы их власти, архиепископы могли подавать свои предложения в Департамент, обязанный их рассмотреть и передать на утверждение Правительствующего сената.

Из постановлений о консисториях и о подсудности духовных лиц следовало, что консистории под председательством епископского наместника или официала (председателя) были обязаны разбирать и выносить решения — на основании духовных законов — по всем делам, кроме тяжёлых и уголовных, которые подлежали рассмотрению в общих присутственных местах. О правах духовенства в одной из статей говорилось: «Как белое, так и чёрное духовенство... в случае какого-либо на них неудовольствия имеют принести жалобу епархиальному своему архиерею (т. е. в случае недовольства поставленным над ними начальством. — О.С.), а буде бы сей не доставил законного удовлетворения, тогда могут просить о том римско-католицкий Департамент Юстиц-коллегии». В то же самое время настоятели монастырей приносили свои жалобы на начальника их ордена в консисторию.

В монастырях предусматривались следующие должности: провинциал или начальник монашеского ордена, суперитор или настоятель, т. е. непосредственный начальник монастыря (он подчинялся провинциалу), консултор (круг его деятельности в «Регламенте» не был определён), викарный, т. е. помощник суперитора, и прокурор (этим двум последним лицам вменялся в обязанность надзор за хозяйственной частью монастыря). Высшим начальником над всеми монастырями и монастырскими властями был местный епархиальный епископ. Специально оговаривалось, что все монашеские ордена должны быть полезны обществу; монахи, способные преподавать науки, как то: иезуиты, базилиане и пиары, должны заниматься обучением под

покровительством своего епархиального епископа, решавшего совместно с гражданским губернатором связанные с этим вопросы¹.

Официально никак не мотивировалось появление в 1800 г. «Пунктов», т. е. нового регламента, спустя столь короткий срок после «Регламента» 1798 г.

Да к тому же он отличался от прежнего по существу лишь тем, что частично освобождал монашествующие ордена от подведомственности епархиальным епископам, чего настойчиво добивались иезуиты. Каждый монашеский орден избирал монастырских настоятелей, или высшие начальники — низших, согласно с правилами ордена. Об избранном настоятеле сообщали провинциалу своего ордена, а он передавал списки обо всех настоятелях римско-католическому Департаменту. Специально оговаривалось, что «епархиальные архиереи в таковые выборы не вмешиваются, ибо им трудно каждого в особенности ордена знать постановления и правила»².

Размышляя над причинами этих отступлений в «Пунктах» от постановлений «Регламента» 1798 г., в записке под названием «Исторический очерк о постепенном развитии в России учреждений римско-католической Церкви» (её автор не указан, как и дата, но, судя по содержанию, она составлялась в 1847 г.) высказывались следующие представляющиеся убедительными соображения. Предполагалось возможным с полным основанием видеть их в значительно усилившемся в то время влиянии иезуитов на дела этой Церкви в России³, но одновременно привлекалось внимание к вопросу об отношении епархиальных епископов с монашескими обществами. «Впрочем, нельзя упустить из виду, что затруднения в соглашении власти с правами монашествующих обществ проистекают из самой сущности римско-католических духовных учреждений, и что этот вопрос один из тех, которые *de jure*⁴ могут быть разрешаемы одним папой», — говорилось в ней. В доказательство такого положения следовала ссылка на миссию Аркетти и утверждённую именным указом Екатерины II грамоту о власти архиепископа над монахами, засвидетельствовавшую, что почти со времени учреждения католических епархий в России сами епископы признавали необходимость получения от главы Церкви полномочий на подчинение им монашествующих лиц, проживавших в пределах их епархий. Причём эти разрешения давались на определённый срок⁵.

¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. XXV. СПб., 1830. № 18734. С. 436–438; АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 179–183; Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 19.

² ПСЗ. Т. XXVI. СПб., 1830. № 19684. С. 433–436.

³ В 1800 г. Сестренцевич-Богуш был устранён от власти и сослан в свои деревни. Это произошло под влиянием иезуитов, игравших в это время важную роль в С.-Петербурге. Сохранявшийся тогда только здесь орден вступил во враждебные отношения с Сестренцевичем, который хотел подчинить его епархиальным властям. Пользовавшийся доверием Павла I иезуит Габриэль Грубер, генерал ордена, добился ссылки митрополита.

⁴ По праву (*лат.*).

⁵ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 192–193.

Вскоре после вступления на престол Александра I 25/13 ноября 1801 г. был принят новый регламент под названием «Положение для духовного и церковного правительства римско-католического закона».

Составлявшая его комиссия опиралась на ранее принятые узаконения для католической Церкви в России. Она полагала, что извлекла из таких постановлений, как «Положение» 1795 г. об управлении епархиями отдельно от моголиевского архиепископа, «Регламент» 1798 г. и «Пункты» 1800 г. для управления духовенства и особенно монашествующих орденов, положение, «сближающееся к образу государственного правления и к каноническим правилам».

Свою роль в создании этого документа сыграли иезуиты¹. Не сумев помешать возвращению Сестренцевича из ссылки (после смерти Павла I в 1801 г. он был восстановлен Александром I во всех его должностях), они, будучи очень влиятельными тогда в С.-Петербурге, приложили все старания, чтобы ограничить, насколько возможно, его власть. Они внушили правительству, которое только что учредило Комитет для урегулирования дел католической Церкви, идею создания духовного установления, которое должно быть на деле почти независимым от митрополита, хотя ему предоставлялось председательство в нём. Именно таким образом появилась санкт-петербургская Духовная коллегия. Вместо митрополичьей консистории, члены которой избирались бы архиепископом и католическим департаментом в министерстве юстиции, состоявшем из правительственных служащих, речь шла о создании ведомства, состоявшего из делегатов от различных

¹ Положение монахов иезуитского ордена в России прошло несколько стадий. В царствование Петра I ряд указов (1689, 1690 и 1719 гг.) запрещал их пребывание в России и предусматривал высылку тех, кто в то время жили в Москве. Это запрещение существовало до 1772 г., когда с возвращением России Белорусского края в её пределы вошли и обитавшие там иезуиты. А после появления буллы папы Климента XIV об уничтожении ордена иезуитов и подчинении его членов наравне с белым духовенством епархиальным епископам и начавшегося общего гонения на иезуитов Екатерина II приняла их под своё покровительство. Грамотой от 16/4 февраля 1774 г. об учреждении белорусской римско-католической епархии она предоставила им, наравне с прочими монашескими орденами, неприкосновенность их монастырей, школ и принадлежавших этим установлениям и им самим имуществ «до тех пор, пока они сами верноподданнический свой долг и присягу непорочно сохранять будут». Иезуиты вскоре получили значительное влияние в обществе и стали единственным из римско-католических орденов, получившим право (указ от 1 августа/20 июля 1782 г.) иметь в пределах России главного орденского начальника, так называемого генерала. Это, впрочем, не помешало вскоре напомнить им об их зависимости от епископа. В сентябрьском указе 1784 г. говорилось: «...что нет для них других институтов, кроме узаконений Её Императорского Величества, и нет других властей кроме единой епископской, яко главного их предпочета (предпочтения. — О.С.). Что институт их имеет силу в том только, что согласно с узаконениями государственными» (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 184—185; Ф. Канцелярия 1820. Оп. 468. Д. 12850. Л. 3).

епархий, в котором иезуитам удалось немедленно создать компактное большинство, естественно враждебное Сестренцевичу.

Составленные в таком смысле две записки, принадлежавшие перу иезуитов Грубера и Бышковского, были переданы в Комитет и императору Александру I. Этими записками стремились доказать, что власть митрополита была слишком широкой. В одной из них, в частности, говорилось:

...источник бывших несогласий между католическим духовенством проистекает от безмерной власти, какая была поручена митрополиту Сестренцевичу, который под названием архиепископа могилёвского, митрополита римско-католического в России и начальника Юстиц-коллегии имел в руках своих совокуплённые все власти, так, что жалующиеся, перенеся апелляцию от первой инстанции в другую и последнюю, везде находили Сестренцевича, или в виде архиепископа, или митрополита, или начальника Коллегии, имеющего влияние на оный суд, одним судьёю. По каноническим правилам архиепископ должен иметь пребывание в Могилёве при своей консистории, но, ежели власть и преимущество начальника католической Коллегии совокуплены будут с властью митрополита, то она опять сделается троякою и те же последствия произойдут¹.

Эти записки оказали большое влияние на работу Комитета и послужили, что касалось Коллегии, основой нового регламента по делам католической Церкви, который был выработан Комитетом.

Как отмечал Муханов в упоминавшейся секретной записке, «Положения» старались, сколь возможно, противодействовать намерениям Сестренцевича устроить католическую Церковь по образцу Синодального управления православной Церкви. Он при этом ссылался на исследования Д.А. Толстого и протоиерея М.Я. Морозкина, после которых, считал он, не подлежал никакому «сомнению тот факт, что “Положение” 1801 г. было делом иезуитов, имевших целью образовать в России Церковь независимую не от Рима, а от их врага — митрополита»².

По рассмотрении этих двух представленных ему документов Сенат передал их Александру I, предложив назначить председателем учреждаемой римско-католической Духовной коллегии Сестренцевича, как архиепископа и митрополита всех римско-католических церквей в России. Высочайшее утверждение последовало 25/13 ноября 1801 г.³

Казалось бы, новый регламент должен был заменить все прежние, но этого не произошло. Они продолжали действовать наряду с ним. Его появление вполне соответствовало стремлению правительства усовершенствовать вообще управление,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 213–214; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 624–625.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 38. Л. 80–81.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 214; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 626.

но, возможно, было связано и с недовольством по поводу управления духовными делами католической Церкви.

Учреждаемая новым регламентом Главная духовная консистория или римско-католическая Духовная коллегия должна была заменить Департамент Юстиц-коллегии. Следует заметить, что вопрос о ней займёт чрезвычайно важное место в дальнейших взаимоотношениях С.-Петербурга со Святым Престолом и неоднократно будет предметом специального обсуждения правительства, в частности, в 1846 г., к которому председателем законодательной секции Государственного совета Д.Н. Блудовым была подготовлена записка «Римско-католическая Духовная коллегия».

Председателем Коллегии был моголиевский архиепископ. В неё также входили: один епископ, один прелат-инфулат (на их места Коллегия должна была избирать по два кандидата и представлять в Правительствующий Сенат, а он, в свою очередь, — на высочайшее утверждение) и шесть прелатов или каноников по одному от каждой из шести епархий, которые избирались капитулами через каждые три года. Кроме того, к составу Коллегии принадлежали: прокурор, два секретаря, переводчик, эзекутор и семь юнкеров. Позднее указом от 2 августа/20 июля 1815 г. было специально оговорено избрание капитулами в члены Коллегии лишь духовных лиц, кроме церковных правил знакомых с русским и польским языками и гражданским узаконением.

Ведению Коллегии по «Положению» 1801 г. подлежали дела духовные и церковные, которые касались догмата веры и канонических правил и не могли быть предметом разбирательства общих присутственных мест. К ним были отнесены следующие дела. Рассмотрение жалоб на епископов (без указания, от кого они поступают и в каких случаях). Определение меры наказания и взыскания начальникам духовных орденов или провинциалам за нарушения, ставшие известными из донесений епископов, составленных при обследовании монастырей. Вынесение приговоров по апелляциям на решения консисторий (без указания, по каким делам), в особенности же окончательных приговоров по брачным делам при разногласиях при принятии решения консисториями или недовольстве сторон. Представление на высочайшее утверждение через Правительствующий Сенат кандидатов из аббатов на места епископов, суффраганов и митрою удостоенных аббатов-инфулатов. Утверждение избранных на законном основании начальников духовных орденов или провинциалов. Сбор через епископов сведений о монашествующих, церквах и духовных учреждениях, имениях и капиталах, а также о всяких примечательных, достойных внимания происшествиях, о чём Коллегия сообщает Сенату. При рассмотрении и решении этих дел Коллегия должна была следовать церковным законам и правилам, но при этом руководствоваться также монаршими указами, «охраняя права самодержавной власти, государственные узаконения и Высочайший интерес». Коллегия, как прежде Департамент, стала второй, а консистории первой инстанцией по духовным делам. Правительствующий Сенат сделался третьей, высшей инстанцией.

Главное отличие Коллегии от Департамента состояло в том, что ей было предоставлено право окончательного решения духовных дел, не представляя их, как прежде, на рассмотрение Сената, и только по делам административным она подчинялась Сенату. Правда, в положении о Коллегии не оговаривалось, по каким из этих дел её решение было окончательным, а по каким она должна была испрашивать утверждение Сената¹.

Решения в Коллегии принимались коллегиально, по большинству голосов, при их равенстве решающим был голос председателя. При рассмотрении дел, поступавших в Коллегию из епархии, управляемой митрополитом, он не должен был принимать участия. Позднее, указом от 7 ноября/26 октября 1803 г., было уточнено, что он может участвовать в решении бракоразводных дел, но устранялся от дел, касавшихся духовных лиц или имений его епархии или зависевших непосредственно от его управления².

Указом от 30/18 июля 1803 г. Коллегии было предоставлено право назначения начальника главной семинарии при университете в Вильно. В соответствии с утверждённым 18/6 сентября 1806 г. Уставом этой семинарии на Коллегию возлагалась обязанность «ежегодного осмотра семинарии» путём командирования для того своего уполномоченного³.

Что касалось епархиальных епископов, «Положением» 1801 г. им предписывалось при раздаче приходов не отступать от церковных правил и посему самим не иметь ни в своих, ни в других епархиях приходов, не давать более одного прихода кому-либо из белого духовенства. Подтверждалось также впервые зафиксированное в «Пунктах» 1800 г. право ктиторов (т. е. данное помещикам и их наследникам право представлять епархиальному епископу кандидатов на вакантные в своих владениях места приходских священников) одобрять достойных духовных особ в получении приходов в ктиторских владениях. О кандидатах на вакантные места архимандритов в монастырях, а также епископов-суффраганов и митрою удостоенных аббатов при церквях епархиальные епископы обязаны были сообщать Коллегии, которая, со своей стороны, входила с представлениями в Сенат для следующего утверждения их императором.

По поводу монашесствующих орденов говорилось, что монастыри должны управляться в соответствии с их правилами и поэтому иметь своих орденских начальников или провинциалов, но под угрозой уголовного наказания им запрещалось иметь сношения с генералами монашеских орденов или иными властями, находящимися вне России. Провинциалы, не будучи подвластны епархиальному

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 215–218; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 626–628; ПСЗ. Собрание первое. Т. XXVI. СПб., 1830. № 20053. С. 823–827.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 201.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 21.

епископу, однако, должны были во всяком случае относиться к нему как к общему духовному их начальству в епархии и не уклоняться от его надзора и напоминаний относительно должного по закону устройства и порядка. Им следовало доносить ему о всяком достойном внимания происшествии в монастырях, о выборе монашеских начальников и управителей, о состоянии монастырей, о монашествующих, об имуществе, заведениях и прочем, и вообще обо всём, что нужно знать епархиальному епископу как начальнику всего духовенства в епархии.

Епархиальные епископы не вмешиваются в управление монастырями, однако в случае смерти провинциала сообщают об этом Коллегии, которая должна проследить, чтобы выбор провинциала происходил на законном основании. Для утверждения Коллегией вновь избранных лиц орден предоставляет сведения епархиальному епископу, который, время от времени, должен посещать монастыри, обозревать их заведения и особенно следить за преподаванием наук и давать указания, согласующиеся с законом. Епархиальный епископ принимает и рассматривает жалобы на провинциалов; в случае необходимости — вместе с ними или по собственному усмотрению — он входит с представлением в Коллегию.

В постановлениях о церковном имуществе отмечалось, что имущества монастырей и церквей охраняются «на правах казённых имений. Принадлежащие монастырям и церквам здания и фондуши (именье или капитал. — О.С.), назначенные для семинарий, училищ и богаделен, а также собственные дома духовенства свободны от всякого постоя»¹.

Первоначально униаты были исключены из Коллегии, но в июле 1804 г. в неё были включены четыре униата, а в июле 1805 г. указом был учреждён в Коллегии второй департамент по делам униатов.

Важным моментом в жизни униатской Церкви в России стал её раздел в 1809 г., без согласования с Римом, на четыре епархии: виленскую, полоцкую, луцкую и брестскую.

Что касалось «Положения», нельзя не согласиться с неопределённостью и неясностью, характеризовавшими его, на которые обращал внимание в историческом обзоре своей памятной записки, составившейся в начале 1872 г., П.А. Капнист, представлявший тогда Россию при Святом Престоле.

С одной стороны, Коллегия в нём представала в качестве верховной духовной власти по догматическим и каноническим вопросам (то, что, очевидно, никогда не имело никакого практического значения). С другой стороны, Коллегия указывалась в качестве третьей судебной инстанции по брачным делам (что противоречило всем самым элементарным сведениям о каноническом праве и нарушало власть митрополита): в то же самое время, — писал он, — Регламент предписывал Коллегии сообразовываться с каноническими законами; наконец, Коллегия

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 202—205; ПСЗ. Собрание первое: Т. XXVI. СПб., 1830. № 20053. С. 827—829.

получала административные полномочия, в силу вменённой обязанности следить за состоянием монастырей, церквей и церковной собственностью — без того, однако, чтобы имелось какое-нибудь определение способа, которым она должна осуществлять этот контроль, ни размер и пределы её власти в этом вопросе¹.

Не столь критически оценил положения о Коллегии российский историк А.Н. Попов в исследовании, которое писал почти в это же время. Он полагал, что, благодаря этому институту, «не вмешиваясь в чисто духовные дела», правительство «наблюдало за действиями латинских епископов, как по управлению, так и по суду, и давало высшую защиту против злоупотреблений властью». Со своей стороны, Рим, должен был констатировать историк, никогда не признавал существования Коллегии².

По поводу последнего чрезвычайно важного момента французский исследователь Адриен Буду пояснил, что Святой Престол не мог одобрить столь дерзкое бесцеремонное вмешательство гражданской власти в область для неё недоступную. Одновременно он обращал внимание на то, что, разумеется, в С.-Петербурге не предприняли ничего, чтобы добиться его одобрения. С Римом же не проконсультировались, его не предупредили, а он, со своей стороны, хранил молчание, избегая всякого демарша, слова, из которого можно было заключить, что Коллегия была «предметом положительной терпимости». Это продолжится до 1867 г.³

Все, дававшие много лет спустя в своих записках, составлявших в связи с обсуждением вопроса о Коллегии, ретроспективную оценку нового установления, неизменно обращали внимание на то, как оно было использовано иезуитами.

Условия шести статей этого регламента, хотя очень расплывчатые и неясные, давали, признавалось в одной из записок, большой простор деятельности Коллегии как в административной, так и в юридической сфере. Враждебная Сестренцевичу партия тотчас же захватила этот институт, где иезуиты немедленно получили большинство и его использовали, чтобы противодействовать и парализовать влияние митрополита. Тщетно этот последний протестовал перед правительством и боролся с Коллегией. Он потерпел поражение благодаря влиянию иезуитов. Однако триумф его врагов длился недолго⁴.

В первые годы существования Коллегии иезуиты обрели в ней «нравственное и численное преобладание». В их руках она стала «орудием ежедневной ожесточённой борьбы против митрополита и наилучшим проводником иезуитской пропаганды», — писал Муханов, обратившись к истории. Ситуация, однако, изменилась с появлением рескрипта от 25/13 декабря 1803 г., которым на митрополита была

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 148.

² Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России. 1845—1867. СПб., 1868. С. 39.

³ Boudou A.F. Op. cit. P. 24.

⁴ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 825. Л. 208—212.

возложена обязанность по подаваемым на имя папы прошениям: либо принимать решения собственной властью, либо представлять их в министерство иностранных дел для дальнейшего направления их через российского посланника в Риме. Это означало отступление от «Положения» 1801 г., поскольку епархиальные епископы, до того непосредственно подведомственные Коллегии, теперь больше подчинялись митрополиту.

А с разрывом отношений с папским Двором рескриптом от 16/4 августа 1804 г. Сестренцевичу было передано управление латинской Церковью в России на основании полномочий, данных ему Пием VI. Согласно этому акту, к митрополиту перешли — но в гораздо большем объёме — все права, признанные за три года до того за Коллегией, которая вследствие этого «совершенно утратила всякую власть и значение». В числе полученных им полномочий было, в частности, право окончательно решать бракоразводные дела. Таким образом, с 1804 г. юридические функции Коллегии были просто сокращены.

Что касалось административных полномочий Коллегии, они были значительно уменьшены позднее с созданием в 1810 г. Департамента духовных дел иностранных исповеданий в министерстве внутренних дел. Он поглотил большую часть управления. Его функции оставались таковыми до Конкордата 1847 г., когда в ходе подготовки к переговорам о нём стоял вопрос даже о создании в Коллегии просинодальной секции, которая образовывала бы духовный суд, получавший свою юрисдикцию от Святого Престола и решавший брачные дела в третьей и последней инстанции¹.

Муханов считал, что административные функции в действительности оставались всегда в руках правительства, а Коллегия даже теоретически обладала лишь консультативными возможностями, будучи на деле почти бесполезным передаточным органом.

Убедительно звучало его общее заключение, что «Коллегия имела довольно существенные права и некоторое значение только в течение двух лет, с ноября 1801 г. до декабря 1803 г.».

Да и в этот период её деятельность была отмечена «самым вредным для государства направлением, которое могло быть устранено лишь с возвращением митрополиту власти, принадлежавшей ему до 1801 г.».

Но и тогда, даже утратив прежнее значение, Коллегия в узкой сфере своей деятельности «оставалась послушным орудием в руках иезуитов и существенно облегчала распространение их миссий во всех частях Империи»².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 38. Л. 84–85; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 825. Л. 212.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 38. Л. 86.

Это продолжалось до 1814 г., когда, после восстановления Пием VII 7 августа ордена иезуитов, они по решению российского правительства были изгнаны сначала из столиц, а в марте 1820 г. — со всей территории Империи.

Возвращаясь к вопросу о Коллегии, следует отметить, что сложившийся в начале века порядок просуществовал до 29/17 августа 1810 г., когда было учреждено Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. К нему перешло решение многих из важнейших вопросов, принадлежавших до того Коллегии. Это были: представления об определении по высочайшему повелению кандидатов в епископы и других духовных чинов католического и униатского исповеданий; назначение бенефиций; утверждение начальников монашеских орденов и начальника главной семинарии. А также рассмотрение жалоб на епархиальных епископов; отправление ревизоров; главный надзор над духовными семинариями и монастырями в охранении их правил; построение и упразднение церквей; охранение духовных имений и капиталов по регламентам.

За Коллегией остались только: решение духовных дел, в особенности же брачных дел; требование от подведомственных учреждений сведений о состоянии монастырей, церквей и вообще духовенства для передачи их затем Главному управлению; представление к утверждению провинциалов и ректора главной семинарии; объявление высочайших указов и постановлений Главного управления лицам и подведомственным учреждениям. Таким образом, появление в числе государственных учреждений Главного управления повлекло за собой серьёзное изменение прежнего положения, когда долгое время правительство мало вникало во внутренние дела иноверческих Церквей, предоставляя это созданным для управления этими делами органам. Коллегия оказалась лишена даже всякой видимости автономной административной деятельности¹.

Последующие новые преобразования высшего правительственного учреждения для духовных дел имели своим неизменным следствием усиление влияния правительства на духовные дела. Постановлением от 7 ноября/26 октября 1817 г. все духовные дела, как православной, так и иноверческих Церквей, вместе с делами, относящимися к народному просвещению, были сосредоточены в управлении министерства духовных дел и народного просвещения.

К этому министерству отошли следующие дела. Сношения с Римом; устройство епархий; дела о строительстве церквей и упразднении церквей и монастырей; определение и увольнение епархиальных епископов, коадьютеров, суффраганов, инфулатов и аббатов, от высочайшего назначения зависящих; определение и увольнение, по высочайшим повелениям, членов римско-католической Духовной коллегии, и в кафедральные капитулы прелатов и каноников; утверждение начальников

¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. XXXI. СПб., 1830. № 24326. С. 327; АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 220—222, 629—630; Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 218—220.

монашеских орденов и управляющего главной семинарией; разрешение епископам отлучаться в другие епархии и увольнение их и других духовных лиц за границу; награждение духовных лиц; рассмотрение жалоб в отношении духовенства; разделение церковных и монастырских фондушей; сбор статистических данных о состоянии духовенства; всё, что касалось ревизий епископами епархий, управления монастырями и зависящими от них учебными и богоугодными заведениями и семинариями, всё относительно управления духовными имениями, а также дела тяжёлые о таких имениях, которые направлялись из Сената к министру.

После этого круг функций Коллегии остался прежним, ибо министерство получило права, предоставленные Главному управлению. С того времени по существу Коллегия стала не чем иным, как судебным учреждением для духовных дел, по которым она сносилась с Сенатом и министерством юстиции. По делам же административным она лишь передавала министерству сведения, получаемые от подведомственных ей властей, а им, в свою очередь, объявляла постановления министерства или верховной власти. Коллегия, таким образом, утратила значительную часть своих прежних функций. Заметим, кстати, что уже в 1824 г. духовные дела православной Церкви и народного просвещения были отделены от Главного управления духовных дел иностранных исповеданий¹.

Итак, с момента её учреждения Коллегия была исключительно судебным органом. И хотя с течением времени на неё различными распоряжениями правительством были возложены некоторые административные обязанности (надзор за монашествующим духовенством, духовными учебными заведениями и т. п.), они оставались для неё второстепенными, так как административная власть, в собственном смысле, всегда принадлежала лишь правительству. Что касалось её судебной функции, то по делам чисто духовным (о расторжении браков, о сепарации, об освобождении от монашеских обетов и назначении покаяния за прелюбодеяния или блудную жизнь) Коллегия была последней, высшей и окончательной инстанцией. Во всех прочих (спорных делах о бенефициях, духовных тяжбах, о праве собственности духовных учреждений, о вознаграждении за обиды, а также по жалобам на епископов) она была лишь второй инстанцией, на которую допускались жалобы в Сенат.

При этом следует особо подчеркнуть, что, учредив для разбора духовных дел Консисторию (управление делами епархий) и Коллегию и допуская кроме общих государственных законов применение и канонических законов римско-католической Церкви, императорское правительство неизменно придерживалось двух начал. Во-первых, чтобы никакие папские буллы или иные повеления, полученные от папы непосредственно или через конгрегации или другое католическое

¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. XXXIV. СПб., 1830. № 27106. С. 814; АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 136–138, 222–224, 630–632; Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 222–223.

духовное начальство, не могли быть обнародованы без особого высочайшего на то разрешения. Во-вторых, чтобы применение канонических правил латинской Церкви допускалось в такой только мере, в какой они не противоречат общим государственным законам. Второе положение впервые встречается в утверждённом Александром I докладе Сената от 13/1 марта 1804 г. в связи с расследованием дела о злоупотреблениях латинских монахов и властей¹.

Первое положение содержалось в указах Екатерины II от 26/14 декабря 1772 г. и от 29/17 января 1782 г.² О нём императрица сама поставила в известность Пия VI, заявив:

Если по примеру своих предков я хочу допустить в моих обширных владениях все без исключения вероисповедания и среди них римское, я никогда не соглашусь, чтобы верующие этого обряда зависели, в чём бы то ни было, от любой иностранной власти. Поэтому все буллы и послания римского Двора могут быть опубликованы в России лишь с санкции монарха.

Этой же цели отвечало и введённое императрицей правило о том, чтобы униатский и латинский архиереи были подданными России, а не иностранцами, и пребывали в пределах России, а не вовне её. Она также подчинила архиерейской власти не только белое, но и монашеское духовенство³.

Это правило, повторенное во многих позднейших узаконениях, несомненно, весьма ограничивало влияние Святого Престола на дела католической Церкви в России, хотя не устраняло его полностью. Так, в полученной в 1784 г. императорским правительством булле об учреждении в Могилёве архиепископства оговаривалось, что могилёвскому архиепископу и его преемникам «предоставляется сопряжённая с их саном духовная власть, доколе они пребудут в единении со Святым Престолом». Правда, позднее на это последнее обстоятельство предпочитали не обращать внимания. Например, в указе Екатерины II от 18/6 сентября 1795 г.

¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. XXVIII. № 21193. СПб., 1830. С. 189.

² В именном указе Сенату от 26/14 декабря 1772 г. говорилось: папские буллы «отсылать прежде должны к генерал-губернатору Белорусскому для представления нам самим и ожидать о объявлении того в народ с нашего соизволения» (ПСЗ. Собрание первое. Т. XIX. СПб., 1830. № 13922. С. 689). Указом от 29/17 января 1782 г. подтверждалось прежнее положение о «не принятии никаких булл папских». Их предписывалось отсылать в Сенат. Он, рассмотрев содержание, «особливо не находится ли в них чего-либо не сходственного с гражданскими законами Всероссийския Империи, с правами самодержавныя власти, от Бога нам данныя, обязан будет мнение своё нам представлять и ожидать позволения или запрещения Нашего на обнародование подобных булл и посланий». Закон подлежал публикации, а в церквях римского исповедания его предписывалось выставить для всенародного сведения (ПСЗ. Собрание первое. Т. XXI. СПб., 1830. № 15326. С. 384–385).

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 22; Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 2.

об учреждении двух новых епархий (пинской и летической) имелся такой параграф: «Возобновляем повеления Наши, воспрещающия епископам, монастырям и всему духовенству римского исповедания признавать себя зависимыми от какой-либо духовной власти, пребывающей вне пределов Империи Нашей»¹.

Подобное запрещение содержится в изданном в царствование Павла I указе от 29/17 марта 1799 г., в котором, в частности, говорилось следующее:

Снабдив церкви и монастыри сего исповедания регламентом, в 3 день ноября того же года Нами утверждённым, все сии постановления почитаем Мы достаточными к благоуспешному управлению дел, встречающихся по сей части, без всякого постороннего влияния Папских Булл и посланий, кои тем менее считаем Мы нужными, что самая власть, от коей они проистекают, по настоящему положению обстоятельств, пребывает в не действии»².

А в утверждённом Александром I докладе Правительствующего Сената о трудах Комитета, составлявшего новый Регламент, сказано, что дела римско-католической Церкви «должны быть управляемы и распоряжаемы без всякого чуждой власти влияния»³.

После учреждения постоянной российской миссии в Риме, управление которой было доверено посланнику, т. е. дипломату второго ранга, ситуация несколько изменилась, появились указы, устанавливавшие порядок сношений между католическим духовенством в России и Курией, а тем самым допускавшие такие сношения. Упомянем указ от 25/13 декабря 1803 г. «О строжайшем запрещении всем обществам и частным жителям римско-католического исповедания иметь непосредственное сношение с римским Двором». Им митрополиту предписывалось в случаях возникновения вопросов, решение коих превосходит его власть, обращаться в министерство иностранных дел, которое предложит российскому представителю в Риме сделать соответствующее представление папскому Двору⁴.

И в дальнейшем неизменно придерживались этой линии. Это подтверждает материал «Исторического очерка постепенного развития в России учреждений римско-католической Церкви», составленного, скорее всего, в 1846 г. Его автор приходил к следующему заключению. Сношения между

...римско-католическим духовенством в России и Святым Престолом и некоторое влияние папы на дела римско-католической Церкви в России были допускаемы нашим правительством только с условием, чтобы сношения сии производились

¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. XXIII. СПб., 1830. № 17379. С. 762.

² Там же. Т. XXV. СПб., 1830. № 18892. С. 589.

³ Там же. Т. XXVI. СПб., 1830. № 20053. С. 824.

⁴ Там же. Т. XXVII. СПб., 1830. № 2178. С. 1062–1063.

не в тайне, а с ведома правительства и путём, им указанным, т. е. через посредство самого правительства¹.

О том, чем это мотивировалось, можно судить по положениям упоминавшегося рескрипта от 12 декабря/30 ноября 1803 г. Александра I Бутурлину. Согласно им власть папы над подданными императора, исповедующими католическую религию, не должна была переходить пределов, «коиими я хочу её ограничить», быть чисто духовной и не вмешиваться в светскую власть.

За этим посланнику предписывалось не только следить, но и упреждать стремление к этому. Он должен был информировать Курию о том, что отныне все прошения католического духовенства в России к Святому Престолу и наоборот должны будут проходить через миссию в Риме. Наконец, император заявлял о законном праве на назначение на епископские кафедры и рассчитывал, что в случае необходимости папа направит назначаемым им прелатам буллы, необходимые для посвящения их, а сам не будет возводить в епископский сан прелатов из его подданных².

С появлением миссии установился порядок, согласно которому все христиане римско-католического исповедания, духовные и светские, из подданных государства, по делам своего исповедания сносятся с римским Двором не иначе, как через министра внутренних дел, а он, в свою очередь, — с министерством иностранных дел. Буллы, бреве (послания и наставления папы по вопросам второстепенного значения, имевшие менее торжественную форму, чем буллы, скрепляемые папской печатью, но подписываемые не им), энциклики (адресованные всем католикам программные послания папы, посвящённые религиозным, общественно-политическим и моральным вопросам) не могли быть приведены в действие без разрешения императора, испрашиваемого министром внутренних дел. Последний должен был предварительно удостовериться, что эти акты не заключали в себе ничего противного «государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной самодержавной власти». При этом в С.-Петербурге вполне обоснованно ссылались на то, что эти, так сказать, изначально существовавшие ограничения были «аналогичными тем, что были приняты большинством даже католических государств». К тому же, по его оценке, они носили «скорее оборонительный, чем запретительный характер» и были продиктованы единственно стремлением «оградить господствующую Церковь от пропаганды и гарантировать верховную власть от незаконного вмешательства римского Двора, запрещая российским подданным, исповедующим римскую

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 163.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1803. Оп. 468. Д. 12844. Л. 1–2; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I. (1801–1815). Т. 1. М., 1960. С. 364–365.

католическую веру, прямые сношения с папой, одновременно являвшимся иностранным монархом»¹.

Важность отношений со Святым Престолом для российского правительства возросла с подписанием 3 мая/21 апреля 1815 г. на Венском конгрессе между Россией, Австрией и Пруссией трактата о присоединении к России под названием Царства Польского Варшавского герцогства², за исключением Познани, Бромберга и Торна, которые отошли к Пруссии. А Краков был объявлен вольным городом, получившим статус Краковской республики. Принадлежавшие России с 1809 г. соляные копи Величко вместе с тернопольской областью были возвращены Австрии.

25/13 мая 1815 г. жителям Царства Польского манифестом были дарованы конституция, самоуправление, собственная армия и свобода печати. Польский язык объявлялся общегосударственным, католическая религия — господствующей, а другие религии пользовались правом свободного отправления богослужения. По конституции Польша присоединялась к Российской империи и подчинялась одному с ней порядку престолонаследия. Императорскую власть здесь представлял наместник. Им был один из членов императорской семьи. Первым наместником стал брат императора великий князь Константин Павлович. 27/15 марта 1818 г. состоялось открытие первого заседания польского сейма. На нём были приняты все правительственные законы, кроме закона о браке и разводе. Второе заседание сейма состоялось 13/1 сентября 1820 г. Александр I выступил на нём с тронной речью. Правительственные проекты были отклонены. Оппозиция проявила большую активность. В С.-Петербурге обнаружили готовность отменить конституцию, воспользовавшись тяжёлым финансовым положением. Последнее при Александре I заседание сейма произошло только в апреле 1825 г. И хотя правительственные законы прошли, оппозиция направила в сейм массу запросов по поводу незаконных распоряжений правительства.

Первопричиной сложности отношений России со Святым Престолом служил тот факт, что как российский император выступал главой государства и одновременно православной Церкви, так и римский папа (вплоть до 1870 г.) обладал

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 2; Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 29.

² Образованное из прусских земель Речи Посполитой и части австрийских владений во время встречи Наполеона с Александром I в Тильзите, оно находилось в зависимости от Франции и получило от Наполеона конституцию. Если с содержавшимся в ней объявлением об отмене крепостного права по существу ничего не изменилось в положении крестьян, то в политическом отношении она значила для «польского народа чрезвычайно много: она объединила значительную часть этнографической Польши и дала ей возможность свободной национальной жизни». Однако при этом Наполеон, не доверяя полякам, предоставил неограниченную власть посаженному им на престол саксонскому королю Фридриху Августу («Энциклопедический словарь Гранат». Т. XXXII. С. 608—609).

светской и духовной властью. В такой ситуации, не признавая религиозной власти папы над своими подданными, российские монархи стремились и сумели придать отношениям с Ватиканом односторонний и исключительно светский характер. В условиях отсутствия представителя Святого Престола в С.-Петербурге вся его переписка должна была вестись через императорскую миссию в Риме. Такое положение, естественно, не устраивало Курию.

Однако, возможно, потому, что установление постоянной миссии при Святом Престоле в 1814 г. произошло в час восстановления папы Пия VII на папском троне и возвращения его в Рим¹, чему весьма содействовал император Александр I, отношения первое время носили вполне взаимно дружеский характер. Начало восстановлению порванных в 1804 г. официальных отношений и положила посылка в Рим в 1815 г. со специальной миссией барона Ф.В. Тейля фан Сероскеркена (голландца по происхождению). В письме из Вены от 18/6 марта, которое он должен был передать Пию VII, Александр I просил папу «верить всему, что он скажет от моего имени», и выражал надежду, что эта миссия «будет способствовать ещё большему укреплению так счастливо соединяющих нас уз дружбы»².

Из данной Тейлю инструкции (также из Вены и от того же 18/6 марта) следовало, что выбор его для этой миссии был связан с тем, что после бегства Наполеона с политической точки зрения Италия представляла в данное время большой интерес. Предполагалось, что для поддержания восстановленного порядка могло потребоваться применение военной силы. Поэтому важно было, чтобы опытный военный смог наблюдать за тем, что происходило в стране, за силами, которые будут в состоянии развернуть соответствующие правительства, а также австрийская армия, чтобы предотвратить революцию в Италии, и для оказания содействия при проведении операций во Франции, если иностранные армии будут вынуждены туда вступить. В случае воцарения в Италии устойчивого спокойствия, когда понадобится установить с папским правительством такие отношения, «которые придадут постоянный характер политическому влиянию России», миссия Тейля в Риме

¹ В апреле 1814 г. Александр I получил в Париже бреве папы с просьбой восстановить его в его владениях. А через месяц в Лондоне российскому императору папским полномочным представителем на конгрессе Консальви было вручено письмо папы с пожеланием посещения им Рима и восстановления отношений. Он поручал ему своё дело в преддверии конгресса, на котором решались судьбы Европы. Послание удовлетворило императора, и с его стороны последовали обещания, хотя и расплывчатые. Свой же приезд в Рим он поставил в зависимость от хода дел на конгрессе, поскольку, если он продлится слишком долго, он не сможет совершить поездку, в ходе которой хотел бы не столько посмотреть город, сколько познакомиться с папой. При этом он обнадеживал, что, поскольку у него будет ещё не один случай побывать в этих краях, он, конечно, придет в Рим (*Толстой Д.А.* Указ. соч. Т. II. С. 396–397; *Boudou A.* Op. cit. Т. 1. P. 38–39, 49).

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I. (1801–1815). Т. VIII. М., 1972. С. 225.

состояла бы в том, чтобы «подготовить пути к достижению этих важных результатов».

По дороге в Рим он должен был собрать сведения о впечатлениях, произведённом на итальянский народ бегством Бонапарта, а по прибытии в столицу на аудиенции у папы передать ему письмо Александра I. Не предвосхищая решений конгресса по папским делам, ему надлежало избегать каких-либо высказываний по этому поводу, ограничившись устными заверениями римскому Двору «в готовности русского кабинета способствовать принятию такого решения, которое отвечало бы интересам Его Святейшества и вместе с тем способствовало бы благоденствию и спокойствию Италии». В таком же смысле ему предписывалось высказываться и перед членами дипломатического корпуса, если они затронут этот вопрос.

В случае же, если Италия вновь окажется на военном положении и её судьба будет зависеть от превратностей войны, Тейль должен был отправиться в штаб-квартиру действующей австрийской армии. Если же этого не произойдёт, ему следовало заняться отношениями между Россией и Святым Престолом в области церковных дел, а также «вопросами, которые могут послужить впоследствии основанием для постоянного пребывания нашей миссии при папе римском». Конкретно имелось в виду установить связи с наиболее влиятельными членами Священной коллегии, «дабы, воспользовавшись их посредничеством, глубоко изучить политическую систему римского Престола и его отношения с различными католическими державами». При этом отмечалось, что «особого внимания заслуживают отношения между папским Престолом и австрийским Двором из-за того влияния, которое они могут оказывать на внутреннее положение и общественное мнение находящейся под русским скипетром Польши». Рассчитывали, что, «руководствуясь этими замечаниями, Вы постараетесь... подготовить почву для того, чтобы наша миссия имела возможность предупредить в этом отношении любые происки, могущие быть следствием мелочной и завистливой политики (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) австрийского правительства»¹.

В дополнительной инструкции Тейлю приводились аргументы, которыми он мог воспользоваться при обсуждении вопроса, уже поставленного перед Консальви. Речь шла о терпимом положении в России римско-католической Церкви, находившейся под защитой правительства, которое «не только представляет исповедующим её русским подданным-мирянам и католическому духовенству возможность отправлять их культ, но и даёт им полное равенство в правах с православными без каких-либо ограничений». К тому же духовенство владеет имуществом на всей территории страны и может приобретать его беспрепятственно.

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I. (1801–1815). Т. VIII. М., 1972. С. 227–229; АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 5. Л. 38–42.

К этому следовало присовокупить соображения, вытекавшие из факта активного участия России «в чрезвычайных событиях», вернувших папе его светскую власть.

Относительно того, о чём настойчиво просило правительство у римского Престола, разъяснялось, что, по существу, речь шла о прерогативах, которыми необходимо срочно облечь примаса римско-католической Церкви в России, чтобы облегчить церковное управление и дополнить их теми полномочиями, которые должны бы были ему быть дарованы в присутствии папского нунция. Посредством пожизненного звания и полномочий от легата, направленного Святым Престолом, избежали бы неудобств, которые проистекали от отличавшихся медленным характером сношений с Римом.

В дополнение к этим аргументам Тейль должен был сослаться на пример Испании и Португалии. Будучи тесно связаны со Святым Престолом, они, тем не менее, никогда не признавали за папским нунцием прерогатив, выходящих за рамки его политической миссии. Всея же духовной юрисдикцией там обладал исключительно архиепископ-примас королевства, наделённый преемственными неограниченными полномочиями. Полагали, что эти факты служили доказательством уместности такого обращения к Святому Престолу, отсутствия покушения на верховную власть папы и необоснованности подозрений в желании лишить католических подданных российского императора подчинения папе¹.

30/18 сентября 1815 г. Тейля информировали, что, поскольку его пребывание при австрийской штаб-квартире может быть полезным, лишь пока будут сохраняться нынешние условия, император желал, чтобы он продолжил своё пребывание там до тех пор, пока австрийская армия будет находиться во Франции. Когда она покинет эту страну, он должен был отправиться в Рим, чтобы там продолжить порученные ему переговоры относительно дел Церкви².

Эта миссия положила начало обсуждению некоторых вопросов. В частности, переговоры касались отношений папы с католической Церковью в России, возведения митрополита Сестренцевича в сан кардинала, присоединения папы к Священному союзу. Но лишь в некоторых случаях они оказались весьма успешными.

Папа отказался присоединиться к подписанному 26/14 сентября 1815 г. Австрией, Пруссией и Россией акту Священного союза, участницы которого исходили из слов священных писаний, «повелевающих всем людям быть братьями». Ведь, согласно первой статье, участвуя в нём, подписавшие его три монарха «пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства» и всегда, и везде будут «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». А своими подданными и войсками, «как отцы семейства, они будут управлять в том же духе братства,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 12845. Л. 1–2; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I. (1801–1815). Т. VIII. С. 229–231.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 5. Л. 77.

которым они одушевлены, для охранения веры, мира и правды». Причём это братство (статья вторая) должно было проявляться не только между монархами, но и их подданными, которые должны считать себя «как бы членами единого христианского народа»¹.

В частном письме Тейлю от 27/14 сентября Консальви так мотивировал отказ папы при всём его желании пойти навстречу императору:

Однако, акт, о котором идёт речь, хотя нельзя бы порицать цель, на которую он ссылается, тем не менее, выражает, как по причине его основ, так и вследствие форм, в кои он облечён, и самого своего названия Священный союз и Христианское объединение, религиозную точку зрения. Поэтому Святой Отец усматривает в принципах католической религии неодолимое препятствие, которое противодействует тому, чтобы названный акт, в каком-либо случае, мог бы быть принят².

Поскольку в С.-Петербурге этот союз находили «столь необходимым для умиротворения и объединения христианских наций»³ и в отличие от своих союзниц относились к нему серьёзно, видя в нём основу своей политической системы, строго соблюдали его условия, нежелание папы вступить в союз глубоко огорчило Александра I.

Действия Тейля в Риме явно не вызвали удовлетворения и одобрения в С.-Петербурге. На полученные от него сведения о ходе его переговоров 8 февраля/27 января 1816 г. ему была предписана следующая линия поведения при исполнении доверенного поручения.

Пояснялось, что в политическом отношении единственной целью было сохранять в итальянских государствах действие условий Венского и Парижского договоров, как в отношении границ и соответствующих интересов, так и в отношении принципов умеренности, которые важно поддерживать среди правительств, восстановленных в их прежних правах. Любое другое участие во внутренних делах Италии носило бы характер чрезмерного вмешательства, которое не входило в намерения императора. Это же относилось к указанным Тейлем средствам повлиять на возможности выдвижения в будущем кандидата на римский Престол, поскольку император был расположен проявлять по этому вопросу лишь интерес, продиктованный простой благожелательностью. Из сделанных же ему некоторыми членами Священной коллегии инсинуаций, та, в которой речь шла об изменениях закона о смешанных браках, представлялась неприемлемой. Ибо император рассматривал это положение в качестве руководящего начала, которое в России является

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I. (1801–1815). Т. VIII. С. 251, 518.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1816. Оп. 468. Д. 9996. Л. 192–193.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I. (1801–1815). Т. VIII. С. 251.

единственным регулятором полной толерантности, проведение в жизнь которой распространяется до самой действенной защиты различных вероисповеданий.

Относительно проекта объединения двух Церквей Тейлю были даны такие разъяснения:

Император не мог позволить себе в этом отношении высказаться против мнения, которое, независимо от мотивов христианского милосердия и братства между народами, должно обсуждаться теми, кого Церковь назначила хранителями любой религиозной доктрины. Его императорское Величество предполагает выслушать по этому поводу представления Святейшего Синода и не оставит без внимания ничего из того, что могло бы быть сочтено благотворным, вообще, для христианства.

Однако, высказываясь по этому предмету перед кем-либо из членов Священной коллегии, Вы... позаботитесь подчёркивать различие, которое важно делать в вопросе, столь большого значения. Оно состоит в том, чтобы предварительно договориться о том, что понимают под объединением двух Церквей. До сих пор во всех случаях, когда речь шла о том, чтобы это осуществить, римская Церковь не переставала смешивать умышленно это установившееся понятие с идеей о безоговорочном присоединении к принципам, которые она исповедует в отдельности. Образ действия, которого она держалась постоянно в отношении всех тех, кто имел отношение к Её Верховенству, является доказательством этого. Вместо объединения, осуществлённого согласно неизменным принципам христианской религии, до сих пор видели лишь частичное соединение, когда суть дела была принесена в жертву заинтересованности в некоторых прерогативах.

Поэтому император хотел, чтобы Тейль ограничил его начинания по этому поводу¹.

Весной 1816 г. С.-Петербург смог подвести итог своей попытки расширить полномочия митрополита в России после получения ответа папы на запрос по этому поводу Сестренцевича. 12 апреля/31 марта Тейлю было направлено получившее одобрение императора заключение князя А.Н. Голицына, главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий. Барону предписывалось продолжить эту часть его миссии, действуя примирительно, как ему было указано. Надежду на успех связывали с крайней умеренностью просьб и с отказом от «почётных и второстепенных прерогатив». Поскольку римский Двор обнаружил готовность удовлетворить некоторые из этих просьб, на другие соглашался лишь с изменениями и находил невозможным удовлетворить третьи, Голицын посчитал необходимым просить вновь римский Двор удостоверить права и привилегии, предоставленные в разное время митрополиту Сестренцевичу. Они излагались в следующих пунктах:

1. Исходили из того, что виленский митрополит является примасом с теми же самыми правами, которыми пользовался в прежней королевской Польше гнейсенский примас. Что касалось титула легата, римский Двор возражал против предоставления его виленскому примасу и его преемникам, по причине связанных с ним

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 5. Л. 238—239.

привилегий и того, что давал его прелатам лишь за особые оказанные услуги. Поэтому

...представлялось бы надлежащим просить римский Двор предоставить это звание только митрополиту Сестренцевичу, в уважение его услуг давних и выдающихся, не распространяя эту милость на всех его преемников. Но, так как звание легата не заключало в себе никаких реальных выгод для католической Церкви в России, не следовало бы очень настаивать на возведении в это звание митрополита, если римский Двор очень против этого возражал.

Кроме того, Голицын ставил вопрос об обращении к римскому Двору с просьбой о возведении в кардинальский сан митрополита Сестренцевича, учитывая долгую его службу и заслуги перед Церковью, по поводу чего предпринимались демарши уже при императрице Екатерине II.

2—3. Что касалось посвящения епископов, их возведения в сан на местах и их перемещения из одной епархии в другую, поскольку такой акт считался одним из самых важных для Церкви и по этой причине признавался лишь за одним папой, нашли возможным не настаивать больше на этой просьбе.

4. Считали необходимым просить, чтобы, за неимением светских священников, было бы позволено освобождать иеромонахов от их монашеского обета, оставляя их среди светского духовенства, но всегда ограничивая их число — именно 12 человеками. При этом те из них, которые отличатся своими заслугами, могли бы перейти в высшие звания светского духовенства.

6. Можно согласиться с римским Двором, что разрешения на браки первой степени родства даются лишь одним папой, тем более что митрополит больше не настаивал сам на этом пункте.

7. Поскольку римский Двор отказывался давать разрешение на браки между крестным отцом и крестницей, предлагалось ограничиться просьбой о разрешении для браков в других степенях, как духовного родства, так и степеней, вытекающих из таинства конфирмации, на что римский Двор соглашался сам.

8. Поскольку митрополит изложил¹, по какого рода духовного отрешения от должности священников нуждались получить освобождение, т. е. по так называемым случаям, не соответствующим правилам, эта статья остаётся в числе тех, о которых надо настойчиво просить.

10. Необходимо, чтобы было бы подтверждено начальникам монашеских орденов, что они должны строго выполнять просьбу митрополита относительно

¹ По поводу вопроса митрополита: «Освобождение от наказания священников, оказавшихся под духовным интердиктом», папа просил разъяснений. Ответ митрополита был таким: «Если священник, оказавшийся под интердиктом, исполняет по собственной инициативе, не получив отпущения грехов, функции священника, он становится поэтому не соответствующим правилам, незаконным».

посылки иеромонахов для исполнения функций светских священников, за неимением этих последних.

11. По поводу необходимости в Азии предоставления разрешения священникам совершать таинство конфирмации, папа был готов его дать, но просил только указать место.

12. Поскольку митрополит больше не настаивал на том, чтобы ему было позволено возлагать на епархиальных епископов те же самые духовные полномочия, стало быть, просьба, с которой он обращался об этом и в которой римский Двор отказал, может быть оставлена.

Что касалось перемещения луцкого епископа в могилёвскую епархию, вопрос об этом отпал в связи с его смертью.

На два вопроса (пункты 5 и 9 представления Сестренцевича), поставленных митрополитом, папа ответил согласием, поэтому они не упоминались. Это была просьба разрешить собрать, в случае необходимости, простой бенефиций в приходской церкви и просьба о его праве надзора за монастырями обоих полов относительно соблюдения их духовных обязанностей¹.

Предписывая барону продолжить эту часть его миссии, в С.-Петербурге, безусловно, не без невысокой оценки деятельности Тейля, было принято решение направить в Рим постоянным посланником карьерного дипломата А.Я. Италинского, который на этом посту закончит свою карьеру в 1827 г.

В депеше от 6 июля/24 июня 1816 г. Тейлю было разъяснено, что император отзывал Италинского из Константинополя ради того, чтобы поставить на пост, соответствующий его талантам, и ради обеспечения попечения, которого требует Его Святейшество в его преклонном возрасте².

Серьёзная подготовка его миссии явно свидетельствовала о большом значении, которое придавалось отношениям с Римом. Данные ему инструкции были очень пространными и изложены в нескольких документах. Они включали: депешу министра иностранных дел К.В. Нессельроде от 12 февраля/31 января 1817 г., рескрипт Александра I от 8 февраля/28 января, памятную записку от 27/15 января, должностовавшую служить собственно инструкцией. Кроме того, к ним были приложены материалы миссии Тейля, а также соглашения, касающиеся польской Церкви. Дополнением к ним служили: копия депеши Нессельроде посланнику России в Вене Г.О. Стакельбергу от 20/8 марта 1816 г., выдержка из депеши Нессельроде российскому посланнику при сардинском Дворе П.Б. Козловскому от 27/15 января 1816 г., выдержка из памятной записки о первых результатах заседаний в Лондоне об отмене договора о неграх и пиратах. При этом было специально разъяснено, что

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 5. Л. 249–261.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1816. Оп. 468. Д. 9997. Л. 52.

эти дополнительные инструкции касались ошибок, допущенных на переговорах, уже начатых предшественником Италинского¹.

Из инструкции от 27/15 января 1817 г. (она называлась первой памятной запиской, чтобы служить инструкцией), в частности, следовало, что российское правительство было не удовлетворено ответом римской Курии на просьбу о возведении Сестренцевича в сан кардинала. Дело в том, что Пий VII оговорил это таким условием: за участие в библейском обществе² — заметим, кстати, разрешённом законами страны — митрополиту следовало принести публичное покаяние. Обратившись к пастве, он должен был разъяснить, что рекомендовал использовать только переводы Библии, соответствовавшие церковным канонам и папским декретам, рекомендуя же её чтение, он имел в виду не всех верующих, а только духовных лиц и мирян, которых пастыри считали достаточно просвещёнными. В инструкции особо обращалось внимание на то, что речь шла о российском подданном, а потому это было сочтено политическим нажимом Рима, недопустимым и несовместимым с характером предложения, сделанного папе.

Перед дипломатом были чётко обозначены основные стоявшие задачи, определявшиеся тем, какому устройству католической Церкви в России он призван был содействовать. Ясно формулировалась цель миссии. Во-первых, поддерживать политические отношения со светским правительством папы. Во-вторых, поставить на прочную основу управление римской Церковью, протезируемой в России и преобладавшей в Царстве Польском. Затем в записке излагались принципы, которым посланнику предписывалось неизменно следовать при обсуждении дел того и другого рода.

Что касалось политических отношений России с римским Двором, были отмечены два основополагающих положения. Венский договор и Парижские постановления 1815 г. составляли государственный закон договаривавшихся держав и, следовательно, содержали в себе обязательства, которые каждое государство в отдельности обязано выполнять, чтобы обеспечить миру долгие годы мира и спокойствия. При этом из всех соглашений акт от 26/14 сентября о Священном союзе рассматривался императором «в качестве краеугольного камня европейского восстановления».

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 118. Л. 15–16.

² Пий VII в бреве митрополиту Сестренцевичу от 3 сентября 1816 г. выражал «глубокую печаль» по поводу содействия Сестренцевича осуществлению перевода Библии на польский язык. Ссылаясь на церковные Соборы и авторитеты, папа писал «о неправомерности и еретической направленности» подобного предприятия, которое «придавало чуждый смысл» Священному Писанию и «колебало веру», поскольку, став общедоступным, оно «потеряло бы своё значение» (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I. Т. VIII. С. 731).

Одновременно было замечено, что, тем не менее, отказ папы присоединиться к нему не лишил римский Двор «дружеского расположения» Александра I.

Признавалось, что духовные отношения римского Двора с Церковью его исповедания в Империи и Польше были совершенно особого рода, а посему их нельзя «ни сравнивать, ни смешивать с отношениями, которые входят в обязанность светского правительства». Но, поскольку две чужеродные власти, к которым они принадлежат — духовная и светская, — находились под папской короной, считалось совершенно необходимым рассматривать «с полным и взаимным равенством полномочия одной и другой».

Если именно превосходству, которого сила права достигла над всякой другой силой, Святой Престол обязан своим восстановлением светской власти; если именно нерушимому сохранению этого единственного превосходства Святой Престол будет обязан в будущем своим упрочением и своим процветанием, допустимо ли, чтобы осуществление духовной власти Святого Отца безнаказанно посягало на ту же самую силу права, которая одна только должна определять власть других королей? Притязания Ватикана на всеобщее господство, облечённое в разные формы, слишком удручало мир, чтобы римский Двор мог бы ещё об этом помышлять, —

в этом император был убеждён.

Поэтому он надеялся, что, изложив эти соображения папе, Италинийский сможет легко заставить его «в точности оценить права, которыми обладает римский Двор, чтобы добиться в свою очередь от Его Святейшества принятия принципов, согласно которым император желает улаживать дела римской Церкви, существующей в Его государствах».

Эти пять принципиальных положений сводились к следующему. Признавалось необходимым сохранить за верховной властью Святого Отца над католической Церковью в России и Царстве Польском «всю её духовную чистоту». Следовательно, поставить эту Церковь навсегда под защиту от всякого прямого или косвенного участия, которое в ней могла бы принять светская политика или интересы любого иного свойства.

Отправление этой верховной власти должно происходить таким образом, чтобы ни в коем случае не вступать в противоречие с законами и властью светского правительства, под покровительством которого находится римское исповедание в России.

При осуществлении этого на практике и с общего согласия необходимо было следовать употреблявшемуся до этого времени способу назначения епископов, обнародования булл и бреве и вообще всех административных мер, касавшихся римского вероисповедания, а посему только через посредство императорского министерства передавать послания папы римскому духовенству и все указания ему римского Престола.

Допустить разрешения, испрашиваемые католическим духовенством у Святого Престола, в качестве средства упростить взаимные сношения и не замедлять

препятствиями (которые расстояния увеличивают), церковную службу этого исповедания.

Были готовы принять вообще для Царства Польского, по тем же самым соображениям, подобные льготы и согласиться на изменения епископской юрисдикции, которых может потребовать нынешнее положение этих государств. И пойти на это для того, чтобы «служба Церкви Царства не была бы никоим образом осложнена, как служба той же самой Церкви в областях, оказавшихся под скипетром иностранных монархов».

Рассчитывали на «непреложное одобрение» этих принципов римским Двором. Поясняли, что император не намерен был терпеть, чтобы над католическим исповеданием в России и Польше

...римский Престол мог бы осуществлять своё духовное главенство ни неопределённым и произвольным образом, ни в других формах, несовместимых с законами Империи. Эти законы неоспоримы. Духовная юрисдикция заключается в границах, начертанных Божественным Законодателем (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.). Если эти границы строго соблюдаются православной Церковью, господствующей в России, было бы абсурдно претендовать, чтобы протезируемому исповеданию было позволено выходить за их пределы.

Посланник должен был дать понять папе, что решения императора в этом отношении не допускали никакого изменения и не могли быть отменены. При этом следовало использовать все средства, чтобы склонить Святого Отца глубоко проникнуться этой истиной. С одной стороны, ему нужно было показать всё, чем он может помочь христианам своего исповедания, проживавшим в России и Польше. С другой — полезно, чтобы он считался с опасностью, которой может подвергнуть это исповедание, применяя, со своей стороны, иную систему¹.

В письме Александра I от 8 февраля/27 января определялись задачи недавно основанной миссии, в которую назначался Италинский. Они охватывали интересы католического вероисповедания, покровительствуемого в России и преобладающего в Царстве Польском, так же как отношения, связанные с европейской системой того времени, когда римский Престол был призван принять участие в протоколе, скреплявшем Венский договор между державами.

Цель императора была

...одна: сохранение в неприкосновенности правовых основ, под покровительство которых Провидение поставило спокойствие мира и процветание народов, только что вышедших из революционных кризисов. Средствами, которым я больше отдаю предпочтение, чтобы постараться содействовать этому благотворному результату, являются, с одной стороны, сила справедливости и здравого смысла, очищенные моралью Евангелия, и, с другой — неотразимое влияние обдуманной умеренности

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 118. Л. 16—24.

и спокойной и невозмутимой твёрдости. Будучи носителем и проводником таких неизменных замыслов, никакое препятствие не смогло бы помешать следованию линии, Вам намеченной. Те же препятствия, что создают обычные страсти, легко устранить. Их сопротивление — мимолётно. Оно объясняется лишь корыстью или обстоятельствами данного времени.

Но поскольку «такая корысть и такие обстоятельства не могут иметь ни доступа, ни влияния на ум, столь просвещённый, и совесть, столь чистую, как совесть Пия VII», император настоятельно рекомендовал посланнику установить прямые отношения с понтификом, чтобы иметь возможность его «ознакомить без всякого ограничения с точкой зрения, с которой я рассматриваю все вопросы, послужившие основой уже начатых переговоров с его правительством, как и другие дела подробно рассмотренные в Ваших инструкциях». Не подлежало сомнению, что папа оправдает ожидания его подданных римского исповедания и защитит с успехом их дело. Рекомендация в отношении предложенного соглашения сводилась к следующему:

Вам надлежит дать знать этому понтифику, что незаконные требования его правительства на верховенство без границ, как и без постановления собора, на римскую Церковь, существующую в моих государствах, не будут никогда терпимы; и что нежелательные последствия, могущие из этого вытекать, все, безо всякого исключения, падут единственно на его ответственность.

Такие разъяснения являются важными и решающими. Высказанные в самый подходящий момент, сопровождаемые самой дружеской и искренней речью, они вовсе не могут не возыметь действия, —

полагал Александр I¹.

В депеше от 12 февраля/31 января Нессельроде как бы обобщал весь представленный Италинскому обширный материал, как фиксировавший общую точку зрения, с которой император рассматривал в целом отношения с римским Двором, так и подробно намечавший темы, которые должны занимать всё его внимание.

Затем министр уточнил формы, в которых император желал, чтобы ещё больше уточнить формы, в которых император желал, чтобы римский Двор приступил к исполнению соглашений, о которых шла речь, как только по ним будет достигнуто полное согласие. Поскольку эти формы должны были соответствовать в том, что касалось службы Церкви римского исповедания, протежируемой в России, обычаем, освящённым временем, ничто не могло бы быть более верным и приемлемым, как формы, подобные принятым, что касалось способа упорядочивать службу римской Церкви, преобладавшей в Польше.

Он полагал, что было бы трудно ожидать, чтобы папское правительство претендовало на придание этим соглашениям формы Конкордата, которая была бы

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 118. Л. 10—12.

неприемлемой для мер, настойчиво требуемых к выгоде протезируемой Церкви, и никакое соображение не смогло бы заставить её одобрить в том, что касалось Церкви Царства Польского. Поскольку в данный момент речь вовсе не шла о делах этой второй категории, Италинский должен был ограничиться требованием, чтобы постановления относительно протезируемой Церкви были бы, как в прошлом, письменно приведены в бреше. А относительно содержания и редакции их было бы желательно, чтобы посланник был осведомлён конфиденциальным сообщением, чтобы им обеспечить заранее публикацию и бесспорное исполнение.

Напоминалось, что в направленных ему материалах ясно излагались намерения императора, что касалось способа поддерживать постоянные отношения между духовной властью Святого Престола и Церковью этого исповедания в России, а также намечалась разграничительная линия, которая могла обеспечить этой верховной власти её подлинно духовный характер. Из этого следовало, что любой представитель папы в России мог бы осуществлять лишь функции, строго принадлежавшие светскому правительству Его Святейшества. Они могли бы иметь своим предметом лишь политические отношения двух Дворов, а всякое вмешательство, имевшее целью представительство духовной власти римского Престола, было бы нетерпимо.

По поводу выраженного папой желания направить своего посла в С.-Петербург Италинский должен был разъяснить, что наиболее благоприятным моментом для такой дипломатической миссии казался тот, когда начатые с Тейлем переговоры окажутся законченными заключением соглашения и будут приведены в исполнение. До того времени, ускорить наступление которого целиком зависит от римского Двора, присутствие посла в С.-Петербурге, возможно, мешало бы управлению Церковью этого исповедания и осложнило бы отношения, которые желают упростить.

При этом особо подчёркивалось: «Важно, в самом деле, чтобы католическое духовенство в России знало, действительно, что посол не имеет и не может иметь над ним никакой юрисдикции, и что лишь при посредстве императорского правительства римский Престол может осуществлять своё духовное верховенство»¹.

Отношения со Святым Престолом в первые годы после учреждения миссии в Риме были довольно ровными.

Даже в отношении обсуждавшихся религиозных вопросов эти первые отношения были настолько удовлетворительными, насколько их особый и деликатный характер мог это допускать. Организация католических епархий Царства Польского, тогда отошедшего к России, была легко урегулирована, между тем как католический

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 118. Л. 13–14.

митрополит в России Сестренцевич готовился получить звание кардинала и обрёл, по крайней мере, право носить его облачения¹, —

заключал, покидая пост посланника в Риме, А.П. Бутенев в записке от 7 августа/26 июля 1855 г., которая должна была послужить канвой инструкций его преемнику.

В таком состоянии находились отношения России с Курией накануне вступления на престол Николая I. В целом их можно было считать вполне удовлетворительными.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 169. Л. 219.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИССИЯ ТОММАЗО БЕРНЕТТИ.

СОЗДАНИЕ ДУХОВНОЙ КОЛЛЕГИИ ДЛЯ ГРЕКО-УНИАТОВ.

КОНКЛАВ 1829 г. ИЗБРАНИЕ ПИЯ VII.

ПЕРЕДАЧА СВЯТОМУ ПРЕСТОЛУ ЦЕРКВИ МАДОННА ДЕЛЬ ПАСКОЛО

Довольно ёмкую характеристику правления Николая I и его особенностей дал чиновник высокого класса, непосредственно участвовавший в формировании внешнеполитического курса России того времени, товарищ министра иностранных дел А.Г. Жомини¹ в работе, посвящённой царствованию Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I.

Любая смена правления обычно сопровождается изменением политики. Было предначертано императору Николаю дать очень редкий в истории пример противного, — писал он. — Вступив на трон, он полностью принял наследие своего прославленного предшественника. Это было не только следствием глубокого и сыновнего уважения, питаемого императором к своему августейшему брату. Но он родился в конце прошлого века и сформировался во время событий, ознаменовавших начало нынешнего века. Как почти все люди этой эпохи он сохранил о них глубокое впечатление. Обстоятельства, сопровождавшие его восшествие на трон, обнаруживая, до какой степени деятельность тайных обществ распространилась в России, могли его только укрепить в непоколебимой привязанности к консервативной системе, которую он черпал в своих собственных убеждениях, так же как в своих семейных традициях. Никакой из важных принципов, присущих политике императора Александра, не был изменён его августейшим преемником, и почти все лица, бывшие их выразителями, остались облечёнными монаршим доверием.

¹ Видный российский дипломат, ближайший сотрудник и правая рука российского министра иностранных дел А.М. Горчакова, которого, кстати, он считал «одним из лучших его сотрудников и наиболее талантливых» (Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. СПб., 1883. № 10. С. 180). Будучи старшим советником министерства, он неоднократно замещал министра, а в 1879—1880 гг. выполнял обязанности товарища министра. Заметим также, что он был не чужд изучению дипломатической истории предшествующей эпохи.

Император Николай только привносил в следование этой системе, с тем же самым благородством чувств и рыцарской верностью, энергичный характер, который не сломали испытания беспокойной жизни, твёрдую и непреклонную волю, более спокойное, менее подвижное воображение и более устоявшиеся убеждения.

Эта неизменность принципов, которая в течение 40 лет удерживала нашу политику в традициях 1815 г., в то время как всё менялось вокруг нас, является одним из очевидных фактов нашей истории¹.

У Жомини вызывало глубокое сожаление то предубеждение, которое сложилось у императора Николая в отношении Екатерины II. Её политика, писал он,

...бесспорно тонко рассчитанная в своих результатах, но часто мало щепетильная в своих средствах, ему больше не казалась отвечающей нашему времени, потому что расходилась с принципами верности и порядочности, которые император Николай всю свою жизнь будет рассматривать в качестве правила политики, и в которых он видел подлинную силу России².

Всё отмеченное дипломатом распространялось на политический курс нового императора в отношении Святого Престола. Причём о намерении полностью следовать линии своего брата молодой монарх будет неоднократно упоминать в своих письмах римскому папе. В такой ситуации в С.-Петербурге не будут спешить направить новые инструкции Италинскому, предписав ему пользоваться прежними, данными Александром I.

Знаменательно, что и первым вопросом на повестке дня в отношениях со Святым Престолом в начале царствования Николая I по существу оказался, так сказать, доставшийся в наследство закон о браке и разводе, принятый в 1825 г. сеймом

¹ АВПРИ. Ф. Коллекция документальных материалов чиновников МИД. Личный архив А.Г. Жомини. Оп. 802-а. Д. 49. Л. 40–41.

² Там же. Д. 13. Л. 1. Утвердиться в таком отношении к Екатерине II, считал Жомини, императору «помог» подготовленный в 1838 г. по его заданию для наследника престола Ф.И. Брунновым, известным российским дипломатом, курс по истории внешней политики России, начиная с времён Екатерины II и включая Николая I. Он находил этот труд поверхностным, поскольку был написан без привлечения материалов архива министерства иностранных дел, а только на основе публикаций официальных актов и мемуаров того времени, «по большей части иностранных и, вообще, враждебных». К тому же, должен был признаться и сам он, «факты, впрочем, были известны лишь очень не полностью даже у нас». А С.С. Татищев обвинил Бруннова в том, что он постарался «выставить преимущества усвоенной графом Нессельроде политической системы над преданиями екатерининской политики» (Там же. Д. 13. Л. 1; Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890. С. 65).

Царства Польского при его предшественнике. Выражая протест против его принятия, польские епископы направили папе письмо от 6 июня 1825 г.

В своё время, пересылая его, депешей от 17 / 5 сентября 1825 г. Нессельроде предписал Италинскому передачу его по назначению сопроводить следующими разъяснениями. До принятия этого закона в Царстве по этим вопросам использовался свод законов французского гражданского кодекса, известного как кодекс Наполеона. По нему обязательным было оформление гражданского брака, а религиозный брак становился второстепенной формальностью, поскольку стороны сами решали, заключать ли его или нет. Этим кодексом допускался развод независимо от того, был ли брак освящён или нет церковной властью. Причём одного решения гражданской власти было достаточно, чтобы его расторгнуть. Такое положение вещей, вменённое Польше иностранной силой (то есть французами), не вызывало никакого протеста со стороны духовенства.

Принятый же закон возвратил Церкви прежнее исключительное право. Теперь церковное благословение брака стало необходимым, гражданский же контракт сделался второстепенной формальностью. Один гражданский суд без участия лица, назначенного Церковью, не мог больше расторгнуть брак. При принятии этого закона польское правительство последовало примеру Австрии, где такой закон действовал уже 40 лет. Впрочем, первоначально предложенный сейму проект закона ещё более соответствовал букве канона, но выяснилось, что большинство настаивало на положениях, вошедших в новый закон. Александр I полагался на то, что папа направит польским епископам двойное разрешение в отношении заключения брака и развода, которого они настойчиво просили. Со своей стороны, он был рад дать Святому Отцу «новое доказательство уважения, всегда испытываемого им к религии, пасторам и его авторитету», изменяя брачное законодательство и возвращая католической Церкви её прежние права¹.

Папский государственный секретарь Джулио Мария дела Сомалья, которого Италинский попросил прочесть письмо епископов и передать по назначению, обещал ускорить получение ответа и постараться сделать его, насколько возможно, благоприятным. Вместе с тем он не скрыл, что сущность этого вопроса была мало-приятного свойства для Святого Престола и, если подобный закон уже существовал в Австрии, «римский Двор никогда не смог его одобрить и терпел лишь вопреки своей воле». Выслушав замечание посланника, что первоначальный проект закона, предложенный императорским правительством сейму, гораздо больше соответствовал каноническим правилам, а в нынешнем виде был принят, только чтобы избежать дальнейшего использования наполеоновского кодекса, признающего лишь гражданский брак, кардинал согласился со справедливостью этих аргументов. Он обещал убедить папу оценить их, отметив, что запрос епископов касался

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 240. Л. 248–250.

вопроса дисциплины, который мог быть по-разному воспринят и по которому каноники высказали различные и противоположные одни другим мнения.

Содержание разговора и приведённые в депеше Нессельроде аргументы Италинский изложил затем в конфиденциальной записке, переданной Сомалье, чтобы он мог лучше осведомить папу о подлинном смысле просьбы епископов Царства¹.

Кардинал ответил нотой от 21 октября 1825 г. Из неё следовало, что папа дал указание в возможно короткое время рассмотреть это дело конгрегации Собора, как относившееся к её компетенции, поскольку она специально занималась интерпретацией канонов Тридентского Собора.

Правда, последних не придерживались в большинстве католических стран, особенно в том, что касалось дисциплины, но они были полностью признаны в Польше с 1564 г., а посему не могли не быть приняты во внимание епископами Царства².

Италинский полагал, что в сложившейся ситуации потребуется время, чтобы в Риме было найдено компромиссное решение, которое позволило бы Святому Престолу учесть в своём ответе намерение папы исполнить пожелания Александра I. Рассчитывать же на полное одобрение нового закона Курией не приходилось.

Всё, чего мы можем желать, — писал он, — состоит в разрешении терпеть введённый порядок вещей, пока принципы, более соответствующие канонам Тридентского собора, могли бы быть приняты в качестве законов Царства. Подобного решения было бы достаточно, и оно примирило бы принципы римского Двора и щепетильность епископов. Ведь 111 канон 114 сессии собора предавал анафеме тех, кто стал бы утверждать, что рассмотрение дел, касающихся брака, не лежит на обязанности духовных судей³.

Не таким, как рассчитывал Италинский, оказался ответ папы на письмо епископов. Он призвал их не только не исполнять этот закон, но и бороться за католическую веру.

Направленной 15 / 3 апреля 1826 г. депешей Италинского извещали о реакции в С.-Петербурге на изложенное в донесении от 5 января 1826 г. / 24 декабря 1825 г. известие о таком решении папы: Николай I, сожалея о его ответе, решил не сообщать епископам спровоцированный их петицией бреше, не предавать его никакой огласке, рассматривая в качестве не имевшего места, не существовавшего. Посланник был уполномочен информировать об этом папское правительство без объяснения причин, каковое было сочтено излишним. О последующих решениях императора относительно исполнения этих законов, во избежание всяких дискуссий,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1825. Оп. 468. Д. 10036. Л. 275—276.

² Там же. Л. 281.

³ Там же. Л. 276—277.

ему предписывалось заявить о неосведомлённости в таковых намерениях. Для личного же сведения его ставили в известность, что эти законы будут исполняться¹.

Вскоре, однако, появилось обстоятельство, несколько смягчившее впечатление, произведённое ответом папы. 30 мая Сомалья навесил Италинского, чтобы его информировать о решении папы направить на коронацию в Москву с миссией монсеньора Бернетти. Столь запоздалое известие — ведь коронация была назначена на 2 сентября / 22 августа, а о том, что она предстояла, было ясно со времени вступления на трон Николая I — вызвало немалое удивление посланника, оказавшегося тем самым лишённым возможности выяснить заранее намерения императора, предупредив о таком желании папы. Кардинал признался, что подозревал наличие у папы такого плана, но услышал о нём только теперь, да и сам Бернетти узнал об этом всего несколько часов назад, и добавил, что, несмотря на опоздание, папа льстит себя надеждой, что его посланец будет принят. Странно, что ни Сомалья не дал никаких объяснений, ни Италинский не высказал в своих донесениях никаких соображений о причинах столь затянувшихся раздумий папы.

До отъезда Бернетти у Италинского оставалось слишком мало времени, чтобы получить инструкции по этому поводу. К тому же он опасался бесполезными замечаниями настроить против своего Двора государственного секретаря и самого папу, поскольку они могли бы увидеть в таком поведении проявление охлаждения со стороны санкт-петербургского Двора. Посему он пошёл на тот единственный шаг, который ему оставался. Он решил «принять с предупредительностью то, чего не мог предвосхитить, и постараться, по крайней мере, обсудить способ, не имея больше возможности вести переговоры относительно существа». Он стал действовать без специальных инструкций, но в соответствии с общими указаниями, предписывавшими сохранять доброе согласие между двумя правительствами. Оставив в стороне сожаления о запоздалом сообщении, он заверил Сомалью, что император «увидит, несомненно, с удовлетворением в этом проявлении чувств папы новое доказательство той счастливой взаимности в знаках уважения, которые составляют основу наших политических отношений с римским Двором». Выразив надежду, что миссия Бернетти будет носить чисто дипломатический характер и ей будет поручено засвидетельствовать простую любезность, Италинский поинтересовался, поедет ли Бернетти прямо в Москву и какой будет его свита.

На следующий день, явно после обсуждения этих вопросов с папой, Сомалья сообщил, что, поскольку Бернетти ещё только должен был получить пурпурную мантию, т. е. стать кардиналом, и занимался лишь административными вопросами, он будет иметь титул чрезвычайного посла. Целью его миссии будет лишь поздравить императора. Он поедет прямо в Москву с немногочисленной свитой, состоящей из светских лиц.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Оп. 468. Д. 10045. Л. 14—16.

В заключение своей депеши от 31 / 19 мая Италинский так характеризовал главу предстоящей миссии:

Монсеньор Бернетти, происходящий из выдающейся семьи из Фермо, занимающий один из самых видных постов прелатства — пост римского губернатора, пользуется заслуженной известностью за прямоту, терпимость и умеренность. Он находится в расцвете лет и призван в силу его карьеры, его поведения, его талантов и общественного мнения к самым высоким предназначениям. Я должен искренне признать, что выбор Святого Отца не мог пасть на лицо более достойное столь почётной миссии.

Ещё более подробную характеристику Бернетти он дал в одном из следующих донесений (от 6 июня / 25 мая), написанном после получения от Сомали официальной ноты о миссии. Он уточнил, что Бернетти был племянником кардинала Чезаре Бранкадоро, поступил на службу в 1803 г. и был допущен к тайнам верховного трибунала, высшего секретного суда римско-католической Церкви в Риме, «известного тогда своим составом и своей высокой мудростью». На судебном процессе он пробыл до 1809 г. Верный своему законному государю, он тогда последовал за ним во Францию и сопровождал своего дядю Чезаре Бранкадоро в Реймс и Париж, «где дал многочисленные доказательства своей готовности к любому испытанию ради дела добродетельного Пия VII. Приветствуя с энтузиазмом героя легитимизма в момент его въезда в столицу Франции, он вскоре после этого сопровождал Святого Отца при его возвращении в Рим»¹.

Признательный за услугу, оказанную ему лично и его делу, папа обещал вознаградить Бернетти за его усердие. С 1815 г. вошедший в прелатство, он получил поручение от имени Святого Престола овладеть Маркой. Посланный в том же году занять Феррару, он управлял этим легатством, «проявив мудрость и умеренность, чем завоевал авторитет среди всех придворных». После отозвания в Рим ему доверили управление и верховное руководство вооружёнными силами римских государств. В 1820 г. он был назначен губернатором Рима. Этот видный пост, различные прерогативы которого — военные, гражданские, юридические, административные и даже законодательные — «требуют большой активности,

¹ В ответ на отказ папы присоединиться к континентальной блокаде Наполеон двинул войска в Папскую область и в феврале 1808 г. захватил Рим. Часть папских владений, включая Рим, была превращена в департамент Французской империи. Пий VII издал буллу об отлучении Наполеона I от Церкви. Последовал захват папы в Квиринале французскими войсками, а затем заявление о ликвидации светской власти пап. Увезённый из Рима Пий VII в качестве пленника пребывал сначала в Савоне, а затем был перевезён в Фонтенбло, где находился до падения Империи. В Рим он вернулся в 1814 г. Решением Венского конгресса было восстановлено и частично присоединённое к Французской империи Папское государство, включавшее в себя Лацио, Марку, Умбрию, и легатства: Романью, Болонью и Феррару.

интеллекта и умеренности, позволили узнать монсеньора Бернетти в двух отношениях — его талантов и его достойного уважения характера». Римский губернатор, вице-камерлинг (кардинал, управляющий делами Римской Курии после смерти папы), первый прелат римского Двора, кардинал по праву, монсеньор Бернетти при первом выдвижении был единодушно утверждён на своём посту кардиналами, собравшимися во время последнего конклава. Лев XII, вступая на престол, сохранил за этим министром все его полномочия и даровал ему своё благорасположение, доказательством которого и служило назначение его чрезвычайным послом при российском монархе.

Монсеньор Бернетти, — продолжал Италинский, — известен в Риме своей откровенностью и искренностью. Возможно, он здесь единственный с кардиналом Гуррьери (Чезаре Гуэррьери Гонзага. — О.С.), своим другом, кто осмеливается говорить почтительно Святому Отцу всю правду, не скрывая её. Но он здесь не любим ревностными блюстителями, обращающими на себя внимание лишь притворством внешних проявлений их набожности. Они обвиняют его, однако, только в нестрогом соблюдении таких проявлений. Но выбор Его Святейшества, как правило, одобряемый, не мог пасть в Риме на лицо более достойное такого высокого назначения. Польщённый столь большой честью монсеньор Бернетти мне выразил всю радость, испытываемую им из-за возможности представить свои личные свидетельства к подножию трона Его Императорского Величества. Я сам счастлив таким выбором, так как мои отношения с монсеньором Бернетти мне неоднократно предоставляли случай узнать его близко, я осмеливаюсь надеяться, что наш Августейший монарх соблаговолит оценить подлинные заслуги этой выдающейся личности и пожелает ему дать знаки своего императорского благорасположения, которые лишь укрепят ещё больше узы, связывающие наши два Двора... Если монсеньор Бернетти призван, как надеются, заменить кардинала Сомалья в качестве государственного секретаря, Ваше Сиятельство представляет всё значение, которое будет иметь для наших отношений здесь благоприятный голос этой личности, которая в любом случае будет оказывать большое влияние на решения римского Двора.

Доволен Италинский был и выбором сопровождавших Бернетти лиц. Секретарём посольства назначался монсеньор шевалье Луиджи Кардинали, близкий друг Бернетти, «достойный человек, известный своими научными и литературными познаниями, своими принципами и благородством, с которым он выполнял многие административные должности». Двумя другими членами свиты были монсеньор Паоло Массани, пользовавшийся доверием посла, и аббат Амброджо Камподонико, священник миссии¹.

Нотой от 6 июня / 25 мая императорский Двор был извещён о решении Рима направить миссию на коронацию. Её посылка мотивировалась стремлением папы засвидетельствовать глубокое уважение и признательность Святого Престола,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Оп. 468. Д. 10038. Л. 336—338.

на которые брат и преемник Александра I имел право за оказанное этим монархом покровительство католической религии в его обширной Империи и за эффективность, с которой он отстаивал на Венском конгрессе права римских пап на их светские владения¹.

Отчёт Италинского (донесение от 29 / 17 мая 1826 г.) о том, как он исполнил полученные указания относительно бреве, направленного папой всем епископам Царства Польского, о новом брачном законодательстве, так же как об обстоятельствах, сопровождавших миссию Бернетти, вызвал полное одобрение в С.-Петербурге. Император был удовлетворён реакцией делья Сомалья, признавшего, что послание папы было составлено «в выражениях, могущих вызвать лишь сожаление». Было сочтено, что миссия Бернетти,

...последовавшая сразу за этими трудными объяснениями, блеск, который римский Двор придал его посольству, и письмо папы, подателем коего он был, загладили удар, нанесённый решением папы относительно закона о браке доверию, засвидетельствованному ему императором Александром. На будущее в этом отношении дела останутся в том положении, в котором находились в данное время. Законы о браках исполняются и будут исполняться в Царстве Польском, —

говорилось в депеше от 12 сентября / 31 августа 1826 г., посланной Италинскому уже после коронации. Ему предписывалось хранить полное молчание о том, что их касалось.

Со своей стороны, его информировали, что, когда Бернетти заговорил о надежде папы на изменение брачного законодательства, принятого сеймом, ему было твёрдо заявлено, что «после досадных глубоких разногласий, возникших по этому поводу, лучше было бы в будущем больше не обсуждать его между двумя Дворами».

В случае если этот вопрос окажется поднятым перед ним, Италинский должен был отклонить «обсуждение дела, полностью оконченного в глазах императора». «Что касается наших общих отношений со Святым Престолом, — разъяснялось в заключение депеши, — Его Величество выражает пожелание, чтобы они носили действительно взаимно дружеский характер. Тем, что он доверил посольство монсеньору Бернетти, папа дал императору официальное свидетельство этого чувства. Полная взаимность будет лишь справедливым актом». От имени императора Италинского призывали в этой связи пользоваться любым представившимся случаем, «чтобы заставить оценить дружескую природу отношений с папой» императора, и просили выразить, «насколько Он был чувствителен к миссии его посла». Посланнику сообщали о намерении наградить Бернетти польским орденом Белого орла и передать с ним ответ на письмо папы, содержащий благодарность за поздравления и искренние заверения, что в соответствии с выраженными папой

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Оп. 468. Д. 10038. Л. 340.

законными пожеланиями «постоянная отеческая забота не перестанет проявляться в отношении религиозных интересов всех католических подданных Его Величества». Предполагалось, что таким образом были исчерпаны на данный момент все средства, чтобы отплатить взаимностью на знаки уважения, засвидетельствованные римским Двором, а «наши будущие отношения с ним будут представлять постоянный и счастливый обмен взаимными услугами».

Для достижения этого намечалась следующая линия, которой предписывалось следовать посланнику.

Избегать всяких разногласий, не поднимать, без крайней необходимости, никакого вопроса о принципах, не требовать возобновления различных соглашений, потребность в коих католическое исповедание испытывает в государствах императора со времени заключения мира. Просить о них лишь по мере того, как истечёт срок, на который они были заключены, чтобы добиться их продления на такое же самое время. И никогда не допускать дискуссий относительно оснований, не только обеспечивающих Его Величеству право, но вменяющих Ему в обязанность требовать от католического духовенства Его Империи и Царства Польского повиновения, всегда независящего от иностранной власти, — такова система, коей император решил следовать в отношениях с папой¹, —

говорилось в депеше. Она стала инструкцией, данной Италинскому новым императором. Она была им подписана 15 / 3 сентября. В дальнейшем всем преемникам Италинского министр будет давать указание ознакомиться с ней.

Другой депешей, также подписанной 15 / 3 сентября Николаем I, посланника информировали о том, что Бернетти поднял вопрос о желании папы прислать своего поверенного в делах в С.-Петербург. В ответ ему было заявлено, что, при всём желании императора идти, насколько это в его власти, навстречу пожеланиям папы, он не сможет этого сделать в данном случае².

Так выглядела намеченная С.-Петербургом его линия отношений со Святым Престолом.

В свою очередь, была она выработана и в Риме, где накануне отъезда Бернетти была подготовлена специальная справка, характеризовавшая состояние отношений с С.-Петербургом на тот момент. В ней после краткого изложения обсуждавшихся до этого вопросов следовал вывод:

После всех этих переговоров польские церковные дела могут считаться приведёнными в порядок. Правительственная переписка между двумя Дворами касается теперь лишь просьб о помиловании и назначении епископов и их суффраганов. А также пересылки информативных процессов (так назывались собранные

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Оп. 468. Д. 10045. Л. 59—63.

² Там же. Л. 65.

на месте сведения о кандидатах на возведение в сан епископа или суффрагана. — О.С.) и других дел подобного рода¹.

Обращает на себя внимание факт совпадения в целом оценки состояния их отношений и С.-Петербургом, и Римом.

Поездка в Москву была для Бернетти омрачена его болезнью, начавшейся ещё в Литве (случилось что-то с ногами, он не мог ходить подолгу), так что он вынужден был задержаться в Витебске и прибыл в Москву на следующий день после коронации. По причине этой болезни прощальная аудиенция была ему дана императором не в Зимнем дворце, а в его личных апартаментах. Он был принят с посольством. Беседа с императором, как он писал 21 ноября из Парижа, свелась к обмену любезностями. Затем он виделся с членами императорской семьи. На следующий день он нанёс визит Нессельроде².

По возвращении в Рим глубоким впечатлением от своего пребывания в Москве Бернетти поделился с Италинским и просил его «передать искреннюю признательность за оказанный ему приём» императору, которым восхищался, и Нессельроде³.

В С.-Петербурге выполнили своё намерение наградить папского посланца королевским орденом Белого орла, о чём он был оповещён письмом от 30 / 18 сентября 1826 г.⁴

В начале 1827 г. Николай I дал папе новое подтверждение продолжения курса своего предшественника. Им стало полученное от Италинского (он это делал в соответствии с циркуляром от 30 / 18 января 1827 г.) известие о возобновлении императором «уведомления», в своё время сделанного Александром I итальянским принцам, о его заинтересованности в благополучии их подданных и спокойствии в их государствах.

Папа выразил признательность за такую готовность Николая I «продолжать предоставлять свою могущественную и великодушную поддержку итальянским монархам, которые обязаны Его бессмертному предшественнику восстановлением их власти и стабильности их владений».

В ответ на повторные заверения «в великодушных и дружеских» намерениях императора в отношении итальянских монархов, о которых Италинский, в соответствии с предписанием депеши от 24 / 12 февраля, сообщил папе и государственному секретарю, ему была представлена официальная информация о положении в папских государствах. Из неё следовало, что римский Двор гарантирует спокойствие своих государств, ему известны все его подданные, дающие справедливый

¹ Archivio Segreto Vaticano (далее — ASV). Fondo. Segreteria di stato. Buste separate. Busta 92. Missioni straordinarie. Russia. Anno 1826—1827.

² Ibidem.

³ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 347. Л. 10.

⁴ Там же. Ф. Канцелярия. 1826. Оп. 468. Д. 10040. Л. 8.

повод для опасений, но он бдительно следит за ними и заверяет, что никакой политической взрыв не сможет разразиться в его провинциях. Он утверждает, что его войска верны, что фанатики, имеющиеся среди жандармов и линейных войск, находятся под наблюдением. Составленный им список из 400–500 подозреваемых, рассеянных по всем государствам, включает лишь лиц из народа, молодых людей, введённых в заблуждение, лиц без имени и неудачников, а также небольшое число собственников, не пользующихся влиянием.

Римский Двор не усматривал оснований для опасений по поводу политических потрясений в его государствах по следующим соображениям. Во-первых, его войска никогда не были объединены и состояли лишь из изолированных групп, за настроениями которых легко следить. Во-вторых, жители столицы полностью преданы правительству, предлагающему им обширное поле прибыльных занятий, множество пользующихся спросом должностей и большие возможности честолюбцам сделать быстро карьеру. В-третьих, столица изолирована от провинции обширными не населёнными равнинами, и её охрана доверена различным небольшим корпусам, таким как дворянская гвардия, швейцарцы, гвардия сенатора, финансовая гвардия, жандармерия, драгуны, линейные войска и национальная гвардия.

Действительно, отмечал Италинский, во время неаполитанской революции римские войска сохранили верность, а во время французского господства только Рим скорбел о папском правительстве, между тем как в провинции привыкли к иностранной администрации. Разделяя точку зрения папского правительства в отношении обеспечения политической безопасности в его государствах, посланник не исключал возможности отдельных проявлений недовольства в том или другом городе или коммуне суровым или не пользующимся авторитетом администратором. Но он считал, что такие демонстрации не могли быть отнесены к разряду политических выступлений, предполагающих посягательство на центральное правление, его форму, организацию или на его личный состав. Отдельные преступления, не имеющие такого характера, являются политическими преступлениями в отношении государства, где они совершаются, но являются, однако, лишь административными правонарушениями относительно соседей этого государства. Вот почему римское правительство, несомненно встревоженное, если бы разразилась революция в Неаполитанском королевстве, отнеслось бы с безразличием, в политическом отношении, к разногласиям по административным и частным вопросам в провинциях этого королевства, даже пограничных с его государствами.

В этой связи Италинский даже счёл долгом успокоить папу относительно действия размещённых в Ломбардии австрийских войск, которые свою «чисто охранительную и морально-превентивную миссию» начнут выполнять в случае, когда поступит сигнал о том, что законность в опасности. Только это заставит их перейти границу, чтобы бороться и разбить у их соседей виновников волнений и революций.

Дипломат сообщал также об обеспокоенности, проявленной французским посольством, когда оно узнало о заявлении, которое он был уполномочен сделать

от имени императора. В этой связи он заметил, что министерство уже знало, что французское правительство протестовало против австрийской военной оккупации в римских государствах. К тому же министру было известно, что существующее в Италии соперничество между Францией и Австрией восходит к средним векам и что чувства государств этого полуострова, не находящихся в их власти, были по отношению к ним во все времена одни и те же: они всегда ненавидели господствующее влияние и всегда сожалели о прежнем влиянии, было ли оно австрийским или французским¹.

Ознакомившись с этим донесением посланника, император «испытал удовлетворение» от содержащихся в нём сведений о внутреннем спокойствии в папских государствах. Поставленная цель была сочтена достигнутой, ибо, говорилось в депеше Италинскому от 10 сентября / 29 августа 1827 г., «сообщения, которые Вы, в конечном счёте, были призваны сделать папскому правительству, дают ему свидетельство горячего интереса и заботы, которые наш Августейший монарх проявляет к спокойствию и благополучию Италии. Он рад увидеть, что эти чувства полностью оценены Его Святейшеством и его правительством»².

В сложившейся ситуации Святой Престол взял на себя инициативу начала обсуждения остававшихся нерешёнными вопросов. Как писал в донесении от 24 / 12 сентября 1827 г. Г.И. Гагарин, сменивший на его посту только что умершего Италинского, при представлении им папе верительных грамот последний признался, что решил с первой встречи поговорить с ним о делах. Посему он напомнил о выраженном в своё время императорским правительством пожелании переместить кафедру митрополита в Империи из Могилёва в Вильно. Тогда различные препятствия помешали осуществлению этого, теперь он был очень рад заявить, что, с его стороны, к этому больше не будет препятствий, поскольку он находил уместным, чтобы Вильно, столица Литвы, стало бы одновременно местом пребывания митрополита. Папа добавил, что пришло время вернуться к этому вопросу, потому что речь идёт о введении в должность восприемника покойного Сестренцевича. Гагарин ограничился выражением признательности за это проявление благорасположения, припомнив, что, когда этот вопрос был поднят, идея перемещения места пребывания митрополита была увязана с некоторыми другими требованиями, по которым римский Двор высказался негативно. Теперь Гагарину представлялось полезным предать их забвению. Дело в том, что инструкции того времени предписывали Италинскому просить для Сестренцевича, кроме звания кардинала, письмо и полномочия легата (чрезвычайного посла) с правами, которые полностью освобождали бы его от необходимости обращаться к Риму. Подобная уступка делала слишком бесполезным покровительство

¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. 1827. Оп. 468. Д. 10052. Л. 55–58; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 347. Л. 28–31.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1827. Оп. 468. Д. 10053. Л. 25.

Святого Престола, чтобы он мог бы когда-либо на это согласиться на каком бы то ни было условии.

Было очевидно, что он может с готовностью пойти на частичные и временные уступки, но никогда не откажется от некоторых принципов. Во все времена католическая Церковь требовала от папы проявлять бдительность и осуществлять контроль. Применение этих принципов некогда могло иметь нежелательные последствия. В настоящее же время, находил Гагарин, они введены в самые миролюбивые границы, и если время от времени всё-таки прибегают к римскому Двору, бывают уверены, что встретят там полное снисхождение и могут легко избежать предполагаемых опасностей. К тому же со временем многое изменилось. Звание легата, которое Италинский был уполномочен испросить для митрополита, совершенно вышло из употребления в духовном отношении и больше не встречалось ни в какой католической стране. Звание примаса, также запрошенное в своё время, казалось Гагарину «бесполезным для Российской империи по всем представлениям, которые связываются с этим званием». В конечном счёте, полагал он, новый митрополит получит все полномочия, необходимые для выполнения его функций и для духовного блага его паствы. Правда, некоторые из них будут ограничены сроком в три или четыре года, другие — числом определённых случаев, и возобновление их состоится без малейшего затруднения всегда, когда миссия будет уполномочена сделать об этом запрос. Всё же, чего здесь хотят для сохранения своих прав верховенства, — это видеть ходатайство всех участников католичества¹.

Ещё одним свидетельством продолжения Николаем I курса его брата стали его решения в отношении греко-униатов, имевшие целью добиться перехода их в православие². Он обратился к этому вопросу почти в самом начале вступления на престол. В указе Правительствующему Сенату от 20 / 8 октября 1827 г. ставился вопрос о принятии в греко-униатский орден Св. Василия Великого лиц, «мало сведущих в греческих обрядах богослужения, отправляемого в унии, так же как и в православной греко-российской Церкви на языке славянском». Это означало отступление от того изначального его учреждения, которое «и римскими папами торжественно в древних буллах об унии признано и от чуждого влияния и смешения охранено было». Следствием стало то, что это монашество преимущественно состояло из лиц римского обряда, начальство же, не занимаясь образованием униатского юношества духовного звания для служения Церкви, предпочитало открывать светские училища для лиц другого обряда, а между белым и монашествующим греко-униатским духовенством возникли разногласия и недоверие.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1827. Оп. 468. Д. 10050. Т. 2. Л. 696—697.

² О ходе этого процесса со времён Екатерины II см.: Смолич И. К. История русской Церкви 1700—1917. Ч. 2 // История русской Церкви. Кн. Восьмая. Ч. Вторая. М. 1997. С. 326—334.

Чтобы упредить на будущее возможность такого отступления от правил и сохранить древние обряды богослужения, подтверждались положения двух пунктов (IX и X) указа от 6 ноября / 25 октября 1807 г.¹, предписывавшие строго следить за точным их исполнением. В соответствии с этим ни в коем случае не разрешалось принимать в греко-униатское монашество лиц другого обряда, а из среды униатов — лишь лиц, доказавших достаточные познания в славянском языке и в чине греческого богослужения. О лицах, которые на основании этих правил вступят в монашество, надлежало извещать через управляющего духовными делами греко-униатского исповедания. Следовало открывать где нужно училища для подготовки греко-униатского юношества духовного звания в правилах веры и в обрядах богослужения на славянском языке².

На появление этого указа подробной запиской, датированной 17 / 5 ноября, откликнулся греко-униатский прелат Иосиф Семашко, увидевший в нём стремление «к ограждению целостности греко-униатского исповедания и сохранению свойственного ему обряда богослужения». В ней он представил положение греко-униатской Церкви в России и меры для присоединения её к православию.

Он утверждал, что после изъятия монастырей (сначала в Литве, а затем в Речи Посполитой) из-под власти епископов и создания ордена базилиан от древнего униатского обряда не осталось почти ничего, кроме употребления славянского языка. Сами же униатские монахи из защитников обряда и прав своей Церкви стали «виновниками преступного на оных посягательства» и, как другие монашеские ордена, сделались орудием папской власти, действовавшей посредством нунциев и пребывавших в Риме генералов и прокураторов орденов.

Что касалось белого духовенства, на него хотели сначала воздействовать силою власти. Поэтому его лишили знатнейших фундушей, используя их для создания

¹ Пунктом IX этого указа военным и гражданским губернаторам присоединённых от Польши губерний следовало предписать без промедления исполнить волю императора о возвращении под униатское духовное правление прихожан и тех священников, которые с их приходами перешли в латинский обряд; содействовать и помогать желающим стать монахами. Они должны были также следить, чтобы для обращения униатов в латинство, из опасения наказания согласно закону, не только никогда не прибегали к насилию или к уговору, но не принимали бы даже тех униатских священников и прихожан, которые добровольно шли на это.

Согласно X пункту всё римско-католическое и униатское духовенство должно быть строжайше поставлено в известность, что императорские указы о запрете перехода из одной христианской веры в другую терпимую распространяются и на униатский обряд, и посему, чтобы никто из этих обрядов в другой не переходил, а римско-католическое духовенство не принимало желающих, и как и униатское никому не давало на то разрешение. Тот же, кто на это пойдёт, будет наказан как преступник. (Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА). Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 560. Л. 57).

² Там же. Л. 56, 58.

новых монастырей. Это породило взаимную ненависть между монашеством и светским духовенством, но не дало желаемого результата: страдавшие не только от внешнего, но и от внутреннего угнетения от своих же братьев священники строго сохраняли свои обряды.

Тогда нашли другие способы. Использовали издавна существовавшие в Риме, Вильне, Бромберге и Лемберге училища, которые были учреждены папами. Руководимые сначала иезуитами, после упразднения их ордена они находились под надзором папских нунциев. Первоначально ими пользовались только монахи, но затем было решено посылать в Рим и Вильно светское духовное юношество, а чтобы они под влиянием базилиан не переходили в монашество, при приёме в училище они давали об этом присягу. По получении образования они оказывались наиболее склонными к нововведениям, которые во второй половине XVIII в. совершенно изменили униатское исповедание. Тогда священники сбрили бороды, сняли прежние рясы, ввели некоторые римские обряды и праздники, папой был учреждён крест для ревностных в унию белых священников, составлены униатские капитулы, подобные римским. Одним словом, к концу века униатское исповедание было в том состоянии, что пребывало теперь «ежели не по своему духу, то, по крайней мере, по внешнему образованию». Правда, они не успели укорениться и распространиться, не имея для этого достаточно времени, поскольку «над Польшей загремело оружие Екатерины — и большая половина униатского народа обратилась к греко-русской Церкви».

Говоря об отношении к новому своему Отечеству католиков и униатов, Семашко вынужден был признать, что оно почти одинаково. Единственной отличительной чертой между двумя исповеданиями остался славянский язык, употребляемый в богослужении, но и он назначенными священниками из римских католиков, да и униатскими священниками искажается и употребляется неохотно. В проповеди же пользуются польским языком, для народа непонятным, на нём же во многих местах, как слышал Семашко, учат его и молитвам. В сложившейся ситуации он не видел никаких препятствий соращению униатов в римский обряд, поскольку прозелитизм продолжал действовать и никакие законы не могли послужить препятствием для него. К тому же униатское духовенство зависело от римских духовных лиц и помещиков, поэтому частные случаи обращения были обычным явлением. Вместе с тем, и к этому факту он привлекал внимание, одного письма из С.-Петербурга оказалось достаточно, чтобы при Александре I¹ «бесчисленное множество униатов целыми приходами со своими священниками восприняли римский обряд». Сведений об обращении в унию «сих перешельцев», в соответствии с волей императора, он не имел, но знал, что было не окончено в Коллегии дело о возвращении более 20 тысяч в то время перешедших униатов из виленской

¹ На полях, судя по почерку, Блудовым помечено: «Это было в начале царствования покойного Государя императора».

епархии, состоявшей из 300 церквей. Уверенный, что мало найдётся крестьян русского происхождения в римском обряде, которые бы не присоединились к нему уже во время российского правления, Семашко высказывал предположение, что, возможно, достаточно окажется благоприятного случая для отчуждения навсегда полутора миллионов русских по крови и языку от «старших своих братьев».

Не берясь судить о способах воздействия на римлян, он полагал, что для осуществления этого в отношении униат было достаточно их «только удалить несколько от римлян», «дать посредством воспитания надлежащее направление умам духовенства» униатских приходов и народ пойдёт указанным его пастырями путём. Для этого была важна реализация намеченной указом меры — создания училищ для униатского духовенства. При этом следовало обязать всё униатское духовенство посылать своих детей в такие училища, подобно господствующему исповеданию, а чтобы не было стремления уклониться от этого правила, это юношество должно найти в них и в семинариях всё то, чем пользуется теперь. Для этого их должно быть достаточно, чтобы они находились недалеко, чтобы в них кроме славянского языка и обрядов богослужения преподавались все те предметы, что в светских училищах, за исключением тех, что лицам духовного звания были совершенно не нужны. В зависимости от потребности в этом следовало назначать количество учеников, обучавшихся за счёт училища, которых определяет епархиальное начальство из сирот или из бедных детей священников.

Поскольку ничто так не сближает людей в общезнании, как употребление одного языка, во всех училищах надлежало ввести сразу или постепенно преподавание наук на русском языке вместо польского языка. В низших духовных училищах преподавание следовало сохранять за монахами, по причине недостатка преподавателей из белого духовенства, а чтобы юношество не проникалось под их руководством вредным духом, обучение в этих училищах ограничить тремя классами, дальнейшее же воспитание оно получало бы в семинариях, которые должны быть свободны от всякого влияния монашеских орденов.

Он считал, что если белое духовенство было приближено к римскому, то базилианский орден «совершенно римским должен почитаться» и гораздо большее может оказывать воздействие на народ. Понимание этого начальством он усматривал в его намерении сделать его «более полезным и менее вредным». Для достижения этой цели, полагал он, следовало осуществить давно намеченную меру по закрытию излишних монастырей, поскольку базилиане не заполняли их даже тогда, когда в половину из них принимали римлян. Он предлагал решить и вопрос о находившемся в руках католического духовенства недвижимом имуществе, которое приносило пользу лишь некоторым особам. Передача его под присмотр начальства была бы полезнее и для государства, и для духовенства при хорошем распределении.

Он предлагал следующий способ преобразования базилианского ордена в истинно униатский. Базилиан униатского происхождения поместить в монастырях, при которых находились духовные училища, а остальных перевести в другие

монастыри. Сами монастыри подчинить местным архиереям, уничтожив общее монашеское начальство; запретить принимать в монашество малолетних, заполнять их лицами, закончившими духовные училища, но запретить приём новициев в монастыри, занимаемые римляно-базилианами.

Тому, чтобы белое духовенство прониклось истинным духом униатской Церкви, по его мнению, могли бы послужить два момента: пребывание епархиальных начальников подале от римских кафедр и даже от мест, где католики преобладают. А если бы было возможно, то и второй Департамент следовало отделить от первого. По его мнению, отделению белого униатского духовенства от римского более всего могло бы содействовать учреждение кафедральных штатов, т. е. униатских капитулов.

В заключение Семашко признавался, что в исполнении распоряжений по всем вопросам нельзя было полагаться на архиереев, поскольку они либо по происхождению, либо по духу были римлянами и не захотят содействовать мерам, противным их убеждениям. Поэтому он предлагал всё подробно оговорить, чтобы лишить их возможности уклоняться, а наблюдение за исполнением правил возложить не только на архиереев, но и на местные консистории и Коллегию, и поставить под строгую ответственность всех их.

Свою записку Семашко подписал так: ассессор (т. е. заседатель) римско-католической Духовной коллегии¹.

Эта записка была передана Блудову, тогда помощнику министра народного просвещения, Николаем I, который хотел знать его мнение о ней. Она, как признавался в своей докладной записке от 2 января 1828 г. / 21 декабря 1827 г. Блудов, превзошла все его ожидания.

Я нашёл в ней, — пояснил он, — не только любопытные, отчасти новые известия об унии, но и общее верное и разительное состояние умов в присоединённых от Польши областях в отношении религиозном и политическом, основательные, даже глубокомысленные замечания о причинах сего расположения, о постепенном ходе зла, о необходимости и средствах остановить дальнейшие успехи римско-католического духовенства и дворянства в прозелитизме и, что, вероятно, всего лучше и важнее, в сей бумаге виден человек, который по своим способностям, чувствам и самому званию может быть употреблён правительством с великою пользою для великого и святого дела. Ревность его к древней Восточной Церкви и к России можно смело назвать нелицемерною: в нём явно играет кровь Русского, Киевлянина.

На логически возникший вопрос о том, «каким образом сии чувства родились и доселе сохраняются в душе униатского священника, воспитанного в виленской семинарии?», Блудову удалось получить ответ по прочтении одного письма Семашко директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий. В нём

¹ ЦГАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 560. Л. 13—18.

он «с простодушием Студента и затворника рассказывает о главных, не весьма важных, но сильно действовавших на него происшествиях своей жизни». Это письмо, по мнению Блудова «само по себе довольно интересное», могло служить новым доказательством его искренности, почему он и обращал на него внимание императора.

Со своей стороны, исполняя указание императора, он намерен был немедленно, но соблюдая осторожность, установить личные отношения с Семашко и с другими лицами, заседавшими во втором Департаменте римско-католической Коллегии, среди которых, по собранным им уже сведениям, был ещё один надёжный человек — Зубко (Антон). Третьим, по его мнению, мог стать Маркевич (Виктор), по причине того, что этот «уже не молодой и ни почему не отличный, но добрый человек, всегда руководствуется примером своих товарищей». Он полагал, что «все они вместе, вероятно, увлекут и митрополита, если ещё не к желаемой цели, то, по крайней мере, на истинный путь к оной».

Свою задачу на тот момент Блудов видел в том, чтобы по получении разъяснений от них, но особенно от Семашко относительно предложенных в его записке мер, составить подробный план их осуществления. При этом следовало сделать так, чтобы он казался исходящим от самой Коллегии. Что касалось этих мер, все они, как представлялось Блудову, «будут и полезны, и довольно удобны». Начать он предлагал, однако, с «одной весьма действенной» и уже намеченной императором меры, которую Семашко, как казалось, не осмелился предложить, но она могла стать важнейшей: с удаления из Белоруссии и российских областей римско-католических монахов. Затем могли быть приняты следующие меры, указанные в записке Семашко. Заменить канонические кресты наперсными греческими, чтобы направить почитание униатского духовенства от папы и митрополита к престолу. Улучшить состояние и воспитание этого духовенства, особенно белого, уменьшить число и круг действия монашеских училищ, а в учреждённых правительством училищах вести преподавание на русском языке, разместить их в удобных для присылки учащих мест, давая им не только безбедное, но хорошее содержание. Отделить римско-католических базилиан от настоящих униатов, чтобы первые меньше участвовали в воспитании юношества, распространить это и на виленскую главную семинарию, произвести полное разделение римско-католической Коллегии путём запрета совместных заседаний Департаментов, а также дав особого прокурора из униатов второму Департаменту.

Одновременно с этим, а возможно, и прежде, на основании мнения Семашко можно будет приступить к упразднению многих базилианских монастырей и к обращению их имений на содержание белого духовенства. Свою задачу на ближайшее время Блудов видел в сборе справочного материала по поводу предложенных мер¹.

¹ ЦГАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 560. Л. 5—10.

Важным подспорьем для размышлений его и императора мог стать полученный из Рима материал о положении папского правительства. Дело в том, что на сей раз сведения о положении внутри папских государств были получены не от папского правительства, а от Гагарина. Он посвятил этому вопросу одно из первых своих донесений от 10 января 1828 г. / 29 декабря 1827 г. Представленная им картина далеко не совпадала с той, что нарисовал Рим.

Он разделял утверждение Италинского, что хотя революционное движение было не полностью подавлено в Италии, тем не менее оно не сможет нарушить её спокойствие, пока сохраняется согласие между великими державами Европы и общий мир. При этом он особо подчёркивал, что это относилось исключительно к положению дел на тот конкретный момент, но «не предоставляет никакой гарантии на будущее более или менее переменчивое, более или менее отдалённое».

Признавая важность стремления российского правительства, нашедшего своё выражение в циркуляре от 30 / 18 января 1827 г., дать знать итальянским правительствам, «что их самый насущный интерес состоит в том, чтобы заслужить любовь и признательность населения», Гагарин полагал, что достижение такой цели натолкнётся на большие трудности в Риме. Причину этого он видел в том, что здесь правительство, служащее интересам лишь одной части населения, к тому же состоит из лиц, преследующих собственные интересы.

Конечно, папа проникнут наилучшими и самыми благородными намерениями. Но таким намерениям, ни в какой степени, не оказывается поддержки. Окружающая Его Святейшество придворная клика, состоящая из лиц, не пользующихся поддержкой общественного мнения, или из ловких интриганов, будет постоянно парализовать все усилия к улучшению нынешнего положения дел. С первых дней своего понтификата Лев XII хотел провести реформу в монастырской жизни, но самые грозные предзнаменования вынудили его сразу отказаться от этой идеи. С тех пор, как кажется, конец Климента XIV¹ постоянно присутствовал в его размышлениях, его поведение носило отпечаток страха, поразившего его воображение, и надежды, которые связывались с началом его правления, постепенно ослабли и гаснут день ото дня всё больше. В своих отношениях и политических соглашениях Лев XII всегда обнаруживал мудрость и похвальную умеренность, но именно во внутренней администрации заключается зло, именно там, где укоренившиеся злоупотребления стали сущностью управления. Режим священников устранил светских служащих с должностей за исключением небольшого числа должностей под его началом. Все же те, что влиятельны и прибыльны, заняты прелатами и священниками, людьми, которые, из-за их изоляции в социальном строе, думают единственно лишь о себе;

¹ Климент XIV (Лоренцо Гаганелли) был папой в 1769–1774 гг. В своей политике придерживался принципа примирения враждовавших между собой европейских государей и Церкви с государством. Отдавая отчёт в важности стоявшей задачи, он приступил к уничтожению ордена иезуитов, о чём подписал указ в 1773 г. Это настроило против него ультрамонтанскую партию. Когда он умер в следующем году, его смерть приписывали отравлению.

и, хотя они вовсе не имеют семьи, чтобы её содержать, они лишь с ещё большей жадностью копят богатства. Некогда это неудобство компенсировалось, по крайней мере, тем, что эти священнослужители избирались обычно из среды высшей аристократии страны и своими благодеяниями и богатствами, получаемыми благодаря своим должностям, умели привлечь свои семьи на сторону правительства. Этот консервативный принцип, которым предусмотрительность пап стремилась подкрепить слабеющую силу папства, лишь только столкновение общественных мнений поколебало его религиозную основу, кажется, сегодня был полностью оставлен. Даже о пурпурной мантии, за некоторым исключением, мечтают только лица безвестные. Несмотря на её территориальные владения и многочисленную передающуюся по наследству клиентуру, римская знать чувствует себя низведённой на положение абсолютного политического ничтожества, что её делает с каждым днём всё более безразличной к судьбам правительства и возбуждает глухое недовольство, которое при случае обнаружит устрашающим образом интенсивность и неистовую силу.

Между тем здравомыслящие люди хорошо понимают, что абсурдно было бы идти на потрясения при нынешних обстоятельствах; сохранившаяся часть секретных обществ состоит лишь из безрассудных лиц низшего слоя населения.

Угрозу Гагарин видел вовне. Он полагал, что в случае всеобщей войны «вся Италия выскочит против нынешнего положения вещей». Исключение он делал для Тосканы, где, благодаря «мудрому и умеренному» правительству, народ доволен и спокоен. Чтобы иметь возможность самому убедиться в нынешнем положении и настроениях в Марке и легатствах, Гагарин просил разрешения Нессельроде совершить весной на две недели поездку туда, якобы из-за состояния здоровья или для ознакомления с живописью и древностями¹. Такое разрешение он получил².

Вероятно, впечатления от этой поездки нашли своё отражение в его донесении от 18 / 6 сентября 1828 г. Первое, что поражает в этой стране, писал он, это отсутствие уважения к главе и членам правительства. Такое чувство недовольства повсеместно распространено в Италии и применимо к большинству правительств полуострова, но особенно оно преобладает среди подданных папы. Папское правительство такое слабое, что для его ниспровержения достаточно было бы малейшего потрясения. Причины же его слабости лежат в его собственном образе действия, и первая такая причина кроется в потери им уважения. Посланник не стал вдаваться в подробности описания той прискорбной системы, которой следовало папское правительство, этих бесконечных денежных поборов, этих бесосновательных притеснительных мер, постоянно стоящих на очереди дня, беспорядке, царящем в финансах, недостатках администрации, всякого рода злоупотреблениях, которые себе позволяют представители власти в столице, как и в провинции.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828. Оп. 468. Д. 10055. Л. 37–39.

² Там же. 1828. Оп. 468. Д. 10056. Л. 13.

Вынесенное впечатление и неутешительный общий вывод он сформулировал так:

Достаточно сказать, что понтификат Льва XII примечателен лишь по-прежнему возрастающей отчуждённостью, испытываемой при нём всем населением, несмотря на усвоенную им привычку к священническому гнѣту. Правление этого папы составит в истории самый странный контраст правлению его предшественника, память которого всеми высоко чтима. Представляя Вашему Сиятельству плачевное состояние дел значит в то же самое время Вам сообщить об опасностях, которым подвергается страна. Принудительные меры, принятые несколько лет назад политикой мудрой и предусмотрительной союзных монархов против революционных происков Неаполя и Пьемонта, действительно подавили на время дух смуты и беспорядка, обнаружившийся в этих краях. Но, чтобы упрочить благо, принесённое этими мерами, нужно, чтобы правительства, спокойствие которых было нарушено, прислушались бы и последовали бы данным им благотворным советам. Далёкие от этого правительства Италии придерживаются противоположной системы, и, действуя в смысле, обратном советам об осторожности, они двигаются к верной гибели и копают собственными руками яму, из которой не смогут выбраться.

Но в тот день, когда станет очевидно, что их советам не следуют, державы-покровительницы перестанут оказывать их мощную поддержку, или, в случае, когда осложнения, которые нельзя предвидеть или предотвратить, вынудили бы эти правительства искать спасения их собственными средствами, они убедились бы, но, возможно, слишком поздно, в ошибочности политики, которая провоцирует беспорядки, не имея силы их подавить¹.

Между тем летом 1828 г. состоялся по существу первый контакт нового российского императора с папой по конкретному вопросу, позволивший ему изложить принципы своей религиозной политики.

Весной 1828 г. преследования армян латинского исповедания в столице Оттоманской империи послужили поводом для обращения папы к Николаю I с просьбой положить этому конец.

13 / 1 мая 1828 г. Гагарин сообщал в С.-Петербург о получении конгрегацией Пропаганды веры об этом обстоятельном донесении от папского викария в Константинополе. Представив душераздирающую картину жестокостей, совершённых без различия возраста и пола, он кончал такими словами: «Вера погибнет, если быстро и решительно не вмешается российский император, и только на России зиждется сегодня надежда католицизма».

Исходя из того, что это донесение произвело здесь очень глубокое впечатление, Гагарин находил уместным (и просил на это его уполномочить) поставить Курию в известность о проявленном императором сочувствии к страданиям католиков

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 33—35.

и удовлетворении, с которым он увидел бы конец этих страданий, а также о его готовности предоставить им постоянную защиту. Подобные заверения, считал посланник, очень содействовали бы в данный момент укреплению существующих добрых отношений с римским Двором¹.

Явно получив одобрение его предложения, Гагарин 19 / 7 мая 1828 г. передал дела Сомалья ряд документов (включая копию присланного ему циркуляра Нессельроде), касавшихся развития событий на полях сражений российской армии с турецкой. На следующий день, 20 мая, государственный секретарь вручил Гагарину ноту и письмо папы Николаю I.

От самого папы о его реакции на поступившее из Константинополя известие Гагарин узнал (донесение от 30 / 18 мая 1828 г.) во время последней аудиенции. Лев XII, выразив «со всем жаром искреннего убеждения чувства восхищения и преданности» императору, заявил о желании прямо написать ему, «чтобы настойчиво просить о его могущественной поддержке в пользу католической религии и против преследований, которых он опасается со стороны турецкого правительства»².

В полученной Гагариным ноте говорилось:

Предаваясь самым радужным и обоснованным надеждам, Святой Отец несколько не сомневается, что скоро доблесть российской армии обеспечит свободное отправление католической религии большому числу верующих, которые были этого лишены столь жестоким образом в Оттоманской империи. Она восстановит спокойствие и мир на Востоке и обеспечит всем дружеским флагам свободный проход через Босфор и плавание по Чёрному морю³.

В письме папы эти изложенные в общей форме пожелания и надежды конкретизировались. Он пояснил, что если бы речь шла только о настоящем, то он воздержался бы от посылки этого письма, «будучи глубоко убеждён, что повсюду присутствие победоносных войск Вашего Величества является символом мира и гарантией религиозной и гражданской свободы для тех, чьё единственное преступление состоит в желании оставаться верными вере их предков». Его заботило будущее. Было очевидно, что «доблесть войск, руководимых лично Вашим Величеством, предоставит Вам скоро случай продиктовать законные требования Оттоманской Порте. Она согласится с условиями, всегда умеренными, которые Ваша справедливость и Ваша мудрость пожелают ей предписать», — пояснил он. Он просил императора «именно в это время использовать Вашу высокую власть, чтобы вынудить своего врага признать за католиками и гарантировать право сво-

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828. Оп. 468. Д. 10055. Л. 253; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 367. Л. 28–29.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 19.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1828. Оп. 468. Д. 10055. Л. 170.

бодно исповедовать их веру, а также оговорить прекращение всех бед, которым они подвергались»¹.

Ответное письмо Николая I от 14 / 2 июля с фронта, из Базарджика, было передано папе Гагариным во время аудиенции 19 / 7 августа. Император заверил в готовности содействовать вместе с его союзниками любой комбинации, которая была бы сочтена действенной для восстановления свободы исповедания в оттоманских государствах. Он так излагал принципиальную основу своей религиозной политики: «Мои самые глубокие убеждения, установления моей Империи и правила терпимости, которым неизменно следовали мои предшественники, делают для меня законом сочувствие страданиям всех христиан, сколь бы ни отличались их воззрения от исповеданий моих предков».

Обещая в любом случае проявлять законную заботу о христианстве, ущемлённом в своих правах, Николай I привлекал внимание папы к «не соответствующему предписаниям нашей Святой Религии» духу нетерпимости, проявляемой католическим духовенством и миссионерами, находящимися в Леванте. Ибо это стало в Греции «источником разрыва и ненависти вместо согласия и братства, которые должны одушевлять христиан всех исповеданий. Распри, постоянно происходящие на глазах мусульман, были во все времена и являются теперь, Святейший Отец, досадным последствием зла, о котором я здесь говорю с сожалением». Император рассчитывал, что папа употребит свой духовный авторитет, чтобы избавить человечество от поразившего его глубокого бедствия и восстановить между восточными христианами союз, взаимную терпимость и забвение прежней враждебности.

Я прошу Вашей помощи и на неё рассчитываю в деле, которое я считаю столь похвальным, сколь оно является срочным для благополучия всех. По моему возвращению, — говорилось в заключение письма, — я не пренебрегу никакими средствами, ниспосланными мне Божественным Провидением, чтобы способствовать милосердным усилиям Вашего Святейшества на принципе полной взаимности. Тогда вмешательство в пользу армян латинского исповедания сможет привести к результатам, соответствующим желанию, выраженному мне Вашим Святейшеством. Тогда мне будет легко, мне будет приятно содействовать его осуществлению в границах, начертанных моей совестью, характером моих отношений с Портой и содержанием договоров².

Понтифик через Гагарина «выразил глубокую признательность за это доказательство благожелательной памяти среди серьёзных и столь славных занятий, успеха которых Он горячо желал». Кроме того, посланник получил «формальное обещание, что те из латинских священников, которые стремятся предосудительным

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828. Оп. 468. Д. 10055. Л. 173.

² Там же. Д. 10057. Л. 4–7.

поведением вызвать разногласия, будут во всеуслышание осуждены и порицаемы с тем, чтобы больше не давать повода для подобных возмутительных поступков»¹.

Этот обмен любезными посланиями происходил на фоне события, имевшего серьёзные последствия для отношений Рима с С.-Петербургом. 4 мая / 22 апреля 1828 г. появился указ о создании отдельной Духовной коллегии для греко-униатов, независимой от уже существовавшей римско-католической Духовной коллегии, и о закрытии части базилианских монастырей. Прежние четыре униатские епархии им преобразовывались в две: литовскую и белорусскую, и при каждой из них имела духовная консистория и семинария. Все базилианские монастыри подчинялись епархиальным архиереям и духовным консисториям². За этим указом вскоре последовал указ от 16/4 июня о переименовании второго Департамента римско-католической Духовной коллегии в греко-униатскую Духовную коллегию³.

Вопрос об этом указе был вынесен на обсуждение сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел, состоявшейся 28 августа. В ходе его подготовки своё видение того, чем были продиктованы просьба греко-униатов о создании Духовной коллегии, которая решала бы лишь их проблемы и представление ими проекта упразднения части монастырей базилианских монахов, Бернетти изложил письменно. Следует заметить, кстати, что он делал это теперь в качестве государственного секретаря, поскольку незадолго перед этим сменил на этом посту дела Сомалья, в июне подавшего в отставку по состоянию здоровья⁴.

Он напоминал, что во время пребывания в 1803 г. миссии Ареццо в С.-Петербурге греко-униаты добились допущения в римско-католическую Духовную коллегию их епископа и трёх духовных лиц, избранных епископами их трёх епархий. Последние не только стали заседателями, но и получили право каждый подавать два голоса, как предписал в своём указе император Александр I. Это было сделано, чтобы уравнивать голоса преобладавших в Коллегии латинских католиков и, учитывая, что их митрополит к тому же был её председателем и, таким образом, главой первой инстанции духовного суда для всей Российской империи, что ставило латинскую иерархию над греко-униатской и предоставляло ей больше возможностей влиять на ход дел.

Это, несомненно, должно было возбудить зависть и честолюбие греко-униатского духовенства, которое, дабы встать на уровень латинского духовенства, задумало и осуществило опрометчивое решение просить у императора отдельную Коллегию, не считаясь с пагубными последствиями, вытекавшими от такого разделения не только для них, но и латинской Церкви, — говорилось в записке. — Но если... представляется несомненным, что соперничество и честолюбие послужили при-

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1828. Оп. 468. Д. 10055. Л. 237.

² ПСЗ. Собрание второе. СПб., 1830. Т. 3. № 1977. С. 457–459.

³ Там же. № 2086. С. 616.

⁴ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 22.

чиной запроса об отдельной Коллегии, не менее верно, что забота и стремление улучшить собственные условия побудили греко-униатское духовенство на другой фатальный шаг — представить императору проект упразднения многих монастырей базилианских монахов.

Этим проектом, включавшим 4 статьи, предлагалось, пояснил он, следующим образом распределить 79 базилианских монастырей, имевшихся в Польше: 21 предлагалось закрыть, а фонды в основном раздать белому духовенству; 28 монастырей подлежали секуляризации, т. е. становились бы простыми приходскими церквями и, в зависимости от обстоятельств, обслуживались одним или двумя священниками. На их содержание расходовалась бы часть фондов, а другая часть тратилась бы так же, как фонды от закрытых монастырей. 6 монастырей, а именно те, при которых имелись общественные школы, сохранялись временно, пока правительство не найдёт другого средства для обучения юношества. Действующими оставались бы только 24 монастыря, но во всём (даже по вопросам внутренней жизни) поставленные под управление епископской власти.

Вновь учреждённая Духовная коллегия состояла из митрополита в качестве председателя и четырёх протоиереев по выбору епархиальных епископов и соответствующих консисторий. К указу прилагалось специальное положение об обязанностях членов Коллегии.

Коллегии поручалось тщательно следить за точным соблюдением основ, обрядов и дисциплины греко-униатской Церкви и гарантировать её от каких-либо чуждых обычаев, которые «вовсе не отвечают греческим церемониям, тем, что были зафиксированы жалованной грамотой 1595 г., на которой основывался союз этих Церквей».

В заключение записки говорилось:

Двойной интерес... должен побуждать и требовать от Святого Престола приложить всю возможную энергию, чтобы помешать возвращению греко-униатов в схизму: 1. чтобы не потерять эту, такую ценную часть паствы Иисуса Христа, возвращённую к единению с кафедрой Св. Петра с такими почестями папой Климентом VIII. 2. чтобы её отпадение не подготовило бы упадок латинской Церкви в России.

«Но каким путём можно этого достичь?» — вот единственный, но важнейший вопрос, который государственный секретарь выносил на обсуждение¹.

В своём устном выступлении на сессии конгрегации он привлёк внимание ещё к ряду аспектов этой проблемы. Прежде всего, он призывал

...не терять из вида, что российское правительство всегда рассматривало, как бунтарский осуществлённый греко-униатами акт отделения от массы схизматиков... и на этом основании считало и продолжает считать себя вправе употребить

¹ ASV. Fondo. Affari ecclesiastici straordinari. Sessioni. Sessione 113. Vol. XII. Anno 1828.

свою власть в религиозных вопросах, как оно это делает в отношении греков-схизматиков. Монарх же стремится не утратить возможность восстановить свою власть над восставшими подданными.

Бернетти напомнил об интригах, к которым прибегала Екатерина II, чтобы вернуть греко-униатов в православие, утверждал, что и нынешнее правительство обнаруживает не меньшее старание для достижения этой цели. В доказательство он сослался на его предписание мешать заполнению вакантных приходов греко-униатов, дабы их принудить посещать ближайшие православные приходы, против чего безуспешно протестовала конгрегация Пропagанды веры.

Заканчивая свой доклад, Бернетти признался, что находил «переход греко-униатов в схизму почти неизбежным не столько вследствие предписаний указа, сколько под влиянием настроения, присущего белому духовенству греко-униатов». Сославшись на то, что во времена Екатерины II,

...когда использовались все средства обольщения и силы, чтобы вернуть греко-униатов в схизму, многие действительно уступили... но многие даже заявляли о своей привязанности к центру католического единства, идя на страдания... Теперь, однако, какие надежды можно связывать с доблестным сопротивлением предписаниям, сделанным императором посредством его указа по существенным пунктам духовной юрисдикции и дисциплины, если само греко-униатское духовенство либо из-за честолюбия, либо из откровенного расчёта их умышленно спровоцировало?

Наконец, государственный секретарь особо заострил внимание на том,

...что падение греко-униатов подвергло бы серьёзной опасности также латинскую Церковь. До сих пор усилия и попытки этого схизматического правительства направлены на то, чтобы возвратить добычу, которую оно также считает своей, но в качестве выскользнувшей из его рук. Когда его попытки окажутся успешными... направят объединённые силы на разрушение латинской Церкви, против которой оно никогда не прекращало демонстрировать то одним, то другим способом свою врождённую неприязнь. Поэтому двойной расчёт должен вдохновлять и торопить Святой Престол использовать все возможности, чтобы помешать возвращению греко-униатов в схизму, чтобы не потерять такую ценную часть паствы Иисуса Христа, чтобы её отпадение не подготовило упадка латинской Церкви в России.

И вновь, как и в записке, следовал призыв обсудить пути достижения этого, «пути, которыми можно было бы помешать возвращению греко-униатов в схизму»¹.

Гагарин об этом указе был в своё время осведомлён, получив о нём лишь простую информацию из С.-Петербурга, а посему предпочёл в течение шести месяцев

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Posizione. 41. Fascicolo 20.

хранить «самое глубокое молчание», пока вопрос о нём не поднял Бернетти. Сначала, правда, он заговорил с ним лишь о желании папы направить дипломатического агента в С.-Петербург. На это Гагарин ответил, что не был уполномочен сообщить ему ничего нового по этому поводу после того, как Бернетти сам обсуждал этот вопрос, находясь в России¹.

Месяц спустя после этой беседы, 31 / 19 декабря 1828 г., государственный секретарь вручил посланнику ноту по поводу указа. Из неё следовало, что, испытывавший «самое глубокое огорчение» в связи с внесёнными этим указом новшествами в церковный образ жизни греко-католиков России, папа был убеждён, что инициатива этого проекта исходила не от императора. Он видел все основания полагать, что положения указа были представлены ему в качестве мер, направленных на благо католической веры и «к моральной пользе тех, кто в России исповедует греческий обряд, более того в качестве предмета их самого страстного желания». На деле все положения указа «являются в сущности лишь выражением желания немногих среди них, движимых жадностью и тщеславием».

Будучи твёрдо в этом уверен, папа призывал Николая I приостановить действие указа до тех пор, пока он не ознакомится с соображениями, которыми понтифик, «несомненно, сможет ему показать со всей очевидностью, насколько оно было бы фатальным, как для религиозного обучения, так и для морали этих католиков».

Сославшись на наличие, кроме этого специального вопроса, другого, не менее важного, относительно которого Святой Престол охотно вступил бы в переговоры, проявив в них «подобающую умеренность и дух примирения», Гагарина просили осведомить об этом российский Двор, так же как о готовности папы направить в С.-Петербург для этого лицо, облечённое соответствующими полномочиями².

Видя в этой ноте, прежде всего, документ, «обнаруживавший своего рода дурные предчувствия со стороны Святого Престола», о причинах которых он догадывался, Гагарин, чтобы полностью успокоить кардинала, сказал ему, что усматривал во всём этом результат недоброжелательных сообщений. В ответ Бернетти признался, что русский экземпляр указа получила конгрегация Пропagанды веры, а перевод был сделан в Польше. Затем, на утверждение посланника, что это постановление служило лишь «доказательством великодушия намерений» императора, он заявил, что «в этом нельзя сомневаться, но что конгрегация Чрезвычайных духовных дел, выслушав доклад относительно этого нового постановления, усмотрела в нём желание сделать так, чтобы греко-унииаты отделились от римского Двора, чтобы присоединиться к исповеданию Восточной Церкви».

Гагарин заметил, «что не видел никакого основания для столь смелого утверждения, что это подозрение может проистекать только из инсинуаций некоторых польских святош, которые считали свою совесть спокойной, когда они занимались

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10058. Л. 11.

² Там же. Л. 14–15.

своей вредной деятельностью, в смысле иезуитских интриг». Высказавшись так перед кардиналом, Гагарин счёл долгом привлечь внимание Нессельроде к тому факту, что указ содержал некоторые положения, в отношении которых Святому Престолу позволительно было бы сделать вполне обоснованные представления, о чём кардинал, будучи слишком озабочен, явно забыл сказать. Таковым, среди прочих, по мнению Гагарина, являлось новое разграничение епархий, так как право его определять или, по крайней мере, одобрять, несомненно, принадлежало Святому Престолу. Но, полагал он, урегулировать этот вопрос было бы нетрудно, поставив его перед папой после получения предварительно из С.-Петербурга документов, которые доказывали бы, что оно было проведено с самым тщательным учётом местных условий.

Поняв из беседы с кардиналом, что предубеждение папы проистекало из опасения отхода греко-униатов от Рима, Гагарин обратился к документам, на которых основывался союз 1595 г., и, чтобы его полностью успокоить по этому поводу, направил кардиналу ноту от 11 января 1829 г.¹

Прежде всего, он ставил его в известность, что отправил в С.-Петербург его ноту от 31 декабря 1828 г. и ждал ответа. Со своей стороны, чтобы успокоить папу относительно целей, продиктовавших указ, он привлекал внимание к положению первого параграфа указа, гласившему, что «следует строго сообразовываться с правилами, послужившими основой союза 1595 г.».

А поскольку такой основой стало торжественное обещание, данное Клименту VIII прибывшими из России епископами, Гагарин полагал, что нельзя было найти отправной пункт, могущий стать более убедительным для Святого Престола.

Во второй части ноты он напомнил, что кардинал имел случай обсуждать с императорским правительством вопрос о представителе папы в С.-Петербурге. Будучи не в состоянии к этому ничего добавить, Гагарин сослался только на то, что его предшественник получил в своё время указание отклонить любое предложение папы такого рода, ибо император был глубоко убеждён, что присутствия посланника России в Риме достаточно для поддержания добрых отношений².

Ответ Бернетти последовал уже на следующий день, 12 января 1829 г. Кардинал брался доказать, что этот указ, который ссылается на знаменитую буллу о союзе, составленную папой Климентом VIII в 1595 г., вовсе не может считаться благоприятным духовному благополучию греко-униатов по следующим причинам.

Две просьбы, обращённые к императору, были частично удовлетворены этим указом. Первая была продиктована естественным соперничеством со стороны некоторых греко-униатов, стремившихся добиться отмены тех немногих прав, которые до сих пор составляли привилегию латинского духовенства в России. Вторая

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10058. Л. 11–13.

² Там же. Л. 18.

была направлена на то, чтобы добиться закрытия многих базилианских монастырей, чтобы отобрать их имущество.

По существу, он повторил интерпретацию указа, представленную им сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел. При этом он подчеркнул, что даже одного характера подобных просьб было достаточно для доказательства того, что Святой Престол не может безразлично относиться к их удовлетворению. Особенно если к тому же принять во внимание создание указом Духовной коллегии, главная задача которой состояла в наблюдении за тем, чтобы ход божественного культа и дисциплина греко-униатов не отклонялись бы от того высокого состояния, в котором они были закреплены буллой Климента VIII.

В ноте признавалось, что хотя булла о многом позаботилась, но на многое, даже не перечислив, она только указала, в качестве нуждавшегося в реформировании. Действительно, посредством папского акта были приняты в лоно католической Церкви вернувшиеся рутены¹. Однако, поскольку стало очевидно, что многие рутены, даже вернувшиеся в католичество, продолжали придерживаться некоторых положений доктрины и некоторых обрядов, противоположных католической вере, поэтому почти через век после объединения возникла необходимость воспрепятствовать этому, для чего и был созван Замойский синод, как в ноте предпочли именовать Замойский собор. На нём было решено составить один катехизис, пригодный для обучения народа, и другой — для подготовки приходских священников, чтобы обучать их; последовал призыв к соблюдению прежних обрядов Восточной Церкви; было обнародовано несколько новых важных дисциплинарных постановлений. Поэтому предписание указом новой Духовной коллегии следить, чтобы рутенская Церковь нисколько не самоустранялась ни от дисциплины, ни от внешнего вида, с которыми была принята в союз с римской Церковью буллой Климента VIII, порождало серьёзные опасения, что могло бы устранить всё последующее попечение Святого Престола и особенно объявленное Замойским синодом.

Указ, — говорилось в ноте, — полностью нарушает (и в этом Гагарин мог убедиться сам) нынешний порядок греко-униатской иерархии, придавая ему новую форму, которая не исходит от папской власти, не соответствует той, которой во всём остальном католическом мире управляются провинции Церкви. Действительно, оказывается, что после уничтожения виленской суффраганной епархии сохраняются только две кафедры. При этом обе они выступают в качестве митрополичьих, и потому предоставление одной и другой видимого повышения на деле означает

¹ Рутены (латинизированная форма) или русины (по официальной австрийской и польской терминологии) — это украинское население Галиции, Прикарпатья и Буковины, потомки славян, проживавших на территории Галицкой Руси, сохранившие свой язык и культуру, несмотря на многовековые усилия их денационализации со стороны Австро-Венгрии и Польши (Энциклопедический словарь Гранат. Т. XXXVI. Ч. VII. М., 1941. С. 147).

прекращение всякого представления о митрополии, которое предполагает по существу наличие низших степеней епископата.

Из-за такого отклонения от нормы в церковной форме правления для этих католиков сужались также средства сообщения по линии их духовной культуры и при том с тем большим ущербом, что их условия без того были трудными по причине исключительной обширности епархий, несмотря на то, что их было три. С другой стороны, поскольку две оставшиеся епархии ставятся в независимое друг от друга положение, будет недоставать подчинённого центра единства, который там уже существовал, и через который они сообщались с центром католического Единства, то есть со Святым Престолом.

Верхом всех этих несчастий стало уничтожение базилианских монастырей... Хорошо известно, что мирское рутенское духовенство, в большинстве не просвещённое, поглощённое домашними работами, поскольку не холостое, не может вполне успешно исполнять свои обязанности. Религия греко-униатов продвигается вперёд пропорционально усердию и подготовке, получаемой от базилианских монахов.

В заключение ноты сообщалось, что из-за трудности письменного изложения всех последствий указа папа пришёл к идее направить своего представителя, пользующегося доверием обеих сторон, чтобы дать разъяснения¹.

По поводу ноты Бернетти у Гагарина было немало соображений, но поделиться ими он смог только с новым папой, поскольку Лев XII скончался 10 февраля 1829 г.

Но, разумеется, это не помешало дипломату, воспользовавшись вакансией Святого Престола, временем, когда все дела были приостановлены, в пространном донесении в С.-Петербург от 16 / 4 февраля изложить своё отношение к жалобам государственного секретаря по поводу новой организации дел греко-униатов. Стремясь доказать, что положения указа не отвечали их духовному благу, Бернетти в ноте от 13 / 1 января, считал он, дал истолкование, не отвечавшее его содержанию. Так, он говорил о двух просьбах, адресованных императору и частично исполненных указом. Первая из них была якобы продиктована завистью греко-униатского духовенства к латинскому, вторая состояла в требовании упразднения нескольких базилианских монастырей, чтобы завладеть их имуществом. Первой самой по себе было достаточно, чтобы понять порочность источника, из которого эти сведения были почерпнуты. Несостоятельность второй вытекала из невозможности подобного отчуждения части какого-нибудь имущества католического духовенства, поскольку согласно установившемуся обычаю это требовало согласия Святого Престола и императорское правительство должно было бы пойти на формальный демарш, чтобы его добиться.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10058. Л. 19–21; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 367. Л. 121–124.

Затем он остановился на возражении римского Двора по поводу ясного предписания указа сохранять исповедание и дисциплину греко-униатов в положении, в которое их поставил акт 1595 г. (так называемая булла Климента XIV), потому что это исключает уступки, позже предоставленные Святому Престолу Синодом в Замойске в 1720 г.

Его соображения по этому поводу свелись к следующему. Первый акт сохранил в первоначальной форме обряды и дисциплину части греческой Церкви, которая захотела подчиниться верховенству папы, в то время как Синоду в Замойске, под предлогом необходимого очищения, удалось ввести некоторые чисто латинские принципы. Так, например, в западном исповедании таинство конфирмации может быть доверено только епископам. И если греко-униаты могли продолжать получать его из рук простых священников, это было всего лишь специальной милостью, которую предоставивший её Святой Престол всегда мог отменить. В этом, считал дипломат, проявляется «подлинная цель римского Двора, всегда одержимого самой неодолимой антипатией к греческой Церкви, которую он стремится постоянно латинизировать, потому что обрядовое различие вредит той идее единства, на которой Рим беспрестанно старался обосновать главенство».

Содержавшийся в ноте протест против упразднения епархии Гагарин находил обоснованным, потому что было бесспорно признано исключительным, присущим только Святому Престолу право создавать или упразднять католические епархии.

Имевшееся в ноте замечание о создании двух митрополий, которые, будучи, так сказать, соперницами, нейтрализуют всякую идею власти митрополита, представлялось посланнику простым недоразумением, поскольку в указе ясно говорилось о подчинении этих епархий новой Духовной коллегии, возглавляемой Игнатием Иосафатом Булгаком, единственным митрополитом, которому подчинялись и другие епископы.

Гагарин был готов в ответ на содержащиеся в ноте жалобы привести убедительные аргументы, но просил дополнительный материал по некоторым вопросам, в частности о духовном образовании греко-униатского духовенства, о положении с базилианскими монастырями. Он полагал, что правительство сможет легко убедить папу в великодушии намерений, продиктовавших принятые решения. Одновременно, по его мнению, ему следовало бы открыто заявить папе, что они «будут сохранены и его призвать соответственно убедиться в их совершенно бесспорной пользе и дать им свою санкцию»¹. Иными словами, считал Гагарин, нужно было разъяснить понтифику, что от этих решений не отступят, и убедить признать их.

Что касалось предложения Бернетти послать в С.-Петербург папского посланца для переговоров, Гагарину удалось убедить его оставить эту идею после того, как он привёл аргументы, содержащиеся в одной из депеш Нессельроде,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 57–61.

посланной Италинскому из Москвы и подписанной императором 15/3 сентября 1826 г., о которой упоминалось выше.

Тем временем 10 марта / 26 февраля Николай I направил соблезнование, обращённое к кардиналам, епископам, пресвитерам и диаконам римской Церкви. В нём, в частности, говорилось: «По изящным качествам, украшавшим покойного, потеря сия должна быть прискорбна и чувствительна для Церкви и народа, которых он был главою; дружественное же Его к Нам расположение пребудет всегда для Нас незабвенно»¹.

До избрания нового понтифика в Риме внимание всех было сосредоточено на подведении итогов деятельности прежнего папы и избрании нового. Оба эти вопроса занимали, разумеется, и российского посланника.

Он должен был проявлять тем больший интерес к ходу заседаний кардиналов, что получил предписание занять более активную позицию в связи с выборами папы, чем та, что обычно диктовалась положением представителя России. Сначала об этом ему написал российский посол во Франции К. О. Поццо-ди-Борго, затем последовала депеша из С.-Петербурга по этому поводу.

Его информировали о настроениях французского правительства, засвидетельствовавшего «законное и горячее желание», чтобы выбор остановился на папе, склонном, «как в силу его происхождения, так и личного характера, следовать мягкой и благожелательной системе, установившейся и сохранявшейся при двух его предшественниках». В депеше выражалось согласие с пожеланием французского правительства, чтобы Гагарин оказал содействие успеху этих настроений, насколько это сможет зависеть от него. Полностью одобряя соображения и указания, которые Поццо-ди-Борго сообщил в этом отношении Гагарину, ему рекомендовалось принять их за правила поведения и использовать, опираясь на собственные знания, но с предосторожностями, необходимыми в вопросе такого рода².

В свете этого понятен подробный анализ посланником хода событий на конклаве и изложение соображений по возможным кандидатурам.

В донесении от 16 / 4 февраля Гагарин давал оценку того, что было сделано Львом XII.

Я уже говорил Вашему Сиятельству, что Лев XII имел превосходные замыслы, но деятельность камарильи, не без основания заслуживающей отвращения, искажала его благодетельные намерения, и его неоконченные дела оставляют администрацию в самом глубоком замешательстве. Что касается внешних отношений, оставленные им воспоминания являются самыми достойными похвалы. Именно благодаря ему в Испании не была восстановлена инквизиция. Его мудрость предотвратила американские Церкви от раскола, которого опасались с основанием. Он закончил церковные дела с Нидерландами и германскими протестантскими князьями, так

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 390. Л. 16.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10060. Л. 14–15.

долго наталкивавшиеся на затруднения, которые всё искусство Консальви так и не смогло преодолеть. В конечном счёте, он предотвратил бурю, разразившуюся во Франции из-за постановления относительно малых семинарий. И, хотя заслуга этого примирения принадлежит кардиналу Бернетти, не менее верно, что обязаны папе бесконечной признательностью за то, что он сумел предпочесть умеренное мнение своего министра мнению многих фанатиков, у которых он предварительно проконсультировался по этим делам и которые продолжили бы волнения и увеличили бы затруднительное положение французского правительства.

Размышляя над кандидатами на папский престол, Гагарин высказывал такие соображения:

Кардинал Бернетти был бы, конечно, превосходным папой, но он слишком молод, чтобы можно было мечтать о нём в данное время. Кардиналы вовсе не любят продолжительных понтификатов.

Кардинал Бенвенутти, известный в С.-Петербурге, поскольку был аудитором нунциатуры с кардиналом Литта, был бы прекрасным выбором, и пожелания общества почти все за него, но именно этого довода достаточно, чтобы тиара не выпала на его долю¹.

Сведения о первых заседаниях кардиналов позволили Гагарину подробно воспроизвести (донесение от 10 марта / 26 февраля) царившую на нём атмосферу. Конклав действовал медленно, и нельзя было предсказать, каким будет его исход. Как обычно случается, писал он, несколько кардиналов вовсе не для того, чтобы получить тиару для себя, возглавили сообщества и стали собирать голоса за выдвинутого ими кандидата. На сей раз так поступили кардиналы Джузеппе Мороццо, Антонио Палотта и Гамберини, предложившие кандидатуру кардинала Эммануэле Де Грегорио, сицилийца, воспитанного в Испании при Дворе Карла III и Карла IV. Собрав в его пользу более 20 голосов, они стали убеждать кардиналов, что, поскольку было уже выражено мнение в его пользу, нужно сделать его папой без голосования. Такой призыв, возможно, имел бы действие, если бы не осторожность кардинала дела Сомалья, бывшего государственного секретаря, а теперь дуайена Священной коллегии, которому, замечал Гагарин, «надежда стать папой внушила поразительную пунктуальность». Кардинал заявил, что такой неожиданный способ одобрения был столь же необычным, сколь неподобающим, что уважение должно королям, как кажется, указывает на необходимость подождать прибытия французского, австрийского и испанского кардиналов и передачи послами верительных грамот. Его слова произвели впечатление. От предложенного решения отказались.

Гагарин с удовлетворением отмечал полнейшее единодушие, царившее между послами Франции и Австрии, что, впрочем, относил в основном за счёт прямого характера австрийского посланника Рудольфа Лютцова.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10058. Л. 56–57.

В сущности, одно-единственное мнение преобладает среди влиятельных членов дипломатического корпуса, то, которого я всегда придерживался, что в нынешние времена вовсе не нужно настойчиво добиваться выбора того или другого лица папой, ни стараться направлять выбор. Встарь короны давали членам Священной коллегии богатые аббатства, доходные тёплые местечки, чтобы иметь преданных кардиналов, и понятно, что тогда каждая корона была заинтересована в избрании папы из её партии, а не из партии соперничавшей короны. Ныне, когда ничего подобного больше не существует, кардиналы независимы и выбор, безусловно, должен нести на себе отпечаток этой независимости. С другой стороны, избранный папа будет испытывать настоятельную потребность жить в добром согласии со всеми Дворами, применяться к их взглядам и удовлетворять весь мир.

По этому поводу Гагарин напоминал об эволюции, которую претерпел Лев XII, избранный фанатической партией и казавшийся в принципе и сам таковым, но опыт ему показал, что он шёл по ложному пути, и он прислушался к советам разума. Гагарин не считал, что дипломатический корпус мог оказать большое влияние на участников конклава. Тем не менее у него вызывало удовлетворение согласие, царившее между послами Австрии, Франции и Нидерландов. Ибо уже с первых дней его работы стало очевидно, что дипломатический корпус в Риме в основном был един в подходе к вопросу о выборе папы: все были против влияния иезуитов и за то, чтобы папа проводил политику, отвечающую «духу века». Ему казалось, что их желания склоняются в пользу кардиналов Бенвенутти или Дом Мауро Каппеллари, которые и ему представлялись наиболее достойными избрания.

Гагарин не ограничился оценкой ожидаемых результатов конклава лишь с точки зрения внешней политики будущего папы. Он дал их оценку и с точки зрения их внутренней политики, затрагивавшей благополучие двух миллионов шестисот тысяч жителей государств Церкви, от чего зависело спокойствие всей Италии. Напомнив о прискорбной картине правления Льва XII, представленной в донесениях его собственных и Италинского, Гагарин привёл слова, с которыми обратился к коллегам кардинал Бонавентура Гаццола, францисканец, епископ Монте Фьясконе, человек престарелый и очень осторожный. Обрисовав тяжёлое положение населения, он заявил, «что это зло проистекает от злоупотреблений правительства и способа управления. Но, в заключение он сказал, чтобы устранить эти злоупотребления, надо начинать с нас самих; именно в этом начало, к которому нужно обратиться, без чего всё, что сделают, послужит лишь тому, что усугубит беды народов».

Приведя речь «благородного человека, который, конечно, вовсе не будет папой и который нисколько не желает им быть», Гагарин признавался, что «будет просто дать отчёт о произведённом на конклав действия этими серьёзными и важными соображениями. Как и следовало предположить, они нисколько не повлияли на личные виды каждого, и что все, как и в прошлом, заняты лишь удовлетворением личных интересов».

Подводя итог прошедшим голосованиям, Гагарин отмечал, что кардинал Бартоломео Пакка, казалось, собрал много голосов, но эти первые попытки почти никогда не позволяют ничего предугадать относительно подлинных намерений кардиналов. Он признавал, что Пакка был человеком достойным уважения, но его упрекали в слабости характера и в окружении, заставлявшем предвидеть камарилью столь же достойную сожаления, как придворная клика, окружавшая умершего понтифика. Кардинал Бернетти имел около 16 голосов, которые Гагарин относил за счёт проявления учтивости. Кардинала Де Грегорио, бывшего так близко к тиаре, посланник характеризовал как человека очень мягкого характера, но крайне посредственного ума. А Лютцов по его поводу заметил, что ничего не имел против него, но, конечно, это один из последних, кого он хотел бы видеть на папском престоле. Он поделился с Гагариным также своим негодованием по поводу группы иезуитов, которые поддерживают такого ничтожного человека, как Карло Педичини, к тому же именно они дали свои голоса Пакка, человеку слабому, что им и нужно, чтобы создать благоприятные условия и увеличить средства для решающего влияния¹.

Наконец, конклав завершил свою работу. 31 / 19 марта 1829 г. Гагарин сообщил: «Пушка форта Св. Ангела объявляет в этот момент жителям этой столицы об избрании нового папы». Им стал Франческо Саверио граф Кастильони.

Он взял имя Пия VIII. Он родился в Чинголи, в папских государствах, 20 ноября 1761 г. Ему было 68 лет².

31 марта Пий VIII направил Николаю I письмо по случаю вступления на престол с выражением надежды на сохранение дружеских отношений, связывавших императора с его предшественником³.

В ответном письме, поздравив понтифика со столь радостным событием, император писал: «К сему присовокупляем сердечное желание, чтобы всещедрый Промысел, осенив благодатию своею воспринятое Вами правление, увенчал все предначертания Ваши успехами ко благу вверенного Вашему попечению народа»⁴.

Спустя почти два месяца после завершения работы конклава и избрания нового папы Гагарин вернулся (донесение от 25 / 13 мая) к событиям тех волнующих дней. Ибо было очевидно, что теперь, «когда возбуждение, царившее внутри избирательного корпуса, улеглось из-за недостатка пищи, когда страсти и самолюбие различных кандидатов в папство поневоле успокоились, и стало легче здраво судить о вещах, произошедших при закрытых дверях». Посему Гагарин счёл должным дать министру более точный отчёт о том, что дошло до его сведения об особенностях последнего избрания.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 82–86.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10058. Л. 144.

³ Там же Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 390. Л. 51.

⁴ Там же. Л. 53.

В первые дни заседаний кардиналов, которое может быть рассматриваемо как время независимости конклава, время, когда иностранное влияние ещё не мешает свободе голосования, самое значительное число голосов, но не большинство, было подано за кардинала Пакка. Кардинал Франческо Саверио Кастильони, ставший Пием VIII, получил небольшое число голосов. В своё время на конклаве 1823 г. он был кандидатом на Престол, предложенным кардиналом Консальви и поддержанным Францией и меньшинством, которому не удалось помешать проискам фанатичной партии. Последующее развитие событий на нынешнем конклаве, отмечал посланник, «оказалось проникнуто духом интриг и спекуляций». Кандидаты на первые должности государства, кардиналы Гамберини и Джованни Фальца Каппа, приложили все свои усилия, чтобы возвести на папский Престол кардинала Де Грегорио, их общего друга и одного из наиболее усердных защитников ультрамонтанской доктрины. Французский посол, хотя и уверявший, что придерживался умеренных принципов, был готов употребить своё влияние в пользу Де Грегорио, очевидно, полагал Гагарин, в намерении способствовать избранию папы лично приятного французскому королю. В то время как сторонники Де Грегорио стремились увеличить число голосов в его поддержку, на конклав прибыл опоздавший из-за необходимости сначала получить в Вене подробные инструкции кардинал Джузеппе Альбани, который полностью изменил ход дел. Личный враг Де Грегорио, он приложил все силы, чтобы помешать его избранию и обеспечить себе пост премьер-министра, которого всегда домогался. Будучи доверенным лицом Австрии, породнённым с её Двором через моденского герцога, родственником которого он был, кардинал Альбани постоянно обнаруживал, что очень дорожил интересами этой державы. В течение последнего понтификата он был легатом в Болонской провинции, где

...пользовался репутацией хорошего администратора и снискал всеобщее уважение. Человек умелый и очень способный в делах, Альбани был бы блестящим выбором на занимаемый им теперь пост, если бы его таланты не были уравновешены пагубной скаредностью и его слепой преданностью Австрии, которая, как показывают нам история и опыт, — замечал Гагарин, — не расположена к независимости Италии.

Альбани был склонен поддержать кардинала Капеллари, но, видя, что последний не готов был привлечь его к участию в своём правлении, объявил себя его противником и увлёк за собой других его сторонников. Поиски кандидата, благосклонного к его видам, привели к кардиналу Кастильони. Последний согласился на то, чего не удалось добиться от Капеллари, — обещания назначить его премьер-министром в случае своего избрания. Этот пост он теперь и занимал. Свою роль в дальнейшем развитии событий сыграло прибытие на конклав французского кардинала Антуан Клермон-Тонера. Альбани близко сошёлся с ним, чтобы привлечь на свою сторону. Он представил ему Кастильони в качестве борца

...с разрушительными максимумами духовной власти, желавшего, чтобы папа отвечал требованиям времени и сообразовывался с потребностями века, как того требовали и либералы во Франции. Эти соображения так поразили ум французского кардинала, что было достаточно 48 часов, чтобы решить выбор в пользу Кастильони. Монсеньор Клермон начал с того, что отдал ему свой голос и голоса своих французских коллег; ещё несколько человек по воле обстоятельств, пребывавшие в нерешительности, были также завоёваны, некоторые, видя, что большинство высказывается в пользу Кастильони, отошли от партии Де Грегорио, считая более полезным для Церкви и государства и, особенно, для их собственных интересов, следовать по течению.

Таков, господин граф, рассказ, возможно, уж слишком длинный, о взвешиваниях за и против собрания, которое должно в серьёзных обсуждениях, коими занималось, слушать лишь советов мудрости и иметь в виду лишь благополучие своей страны. Дух Евангелия, Святой Дух, на который оно ссылается, Высочайший Авторитет в актах, от него исходящих, исчезает, при внимательном рассмотрении, перед лицом эгоизма и личного властолюбия, которое не должно было бы больше воздействовать на старцев, стоящих на краю могилы и накануне подачи отчёта грозному судье о своих самых тайных деяниях.

Чтобы убедиться в этой печальной истине, достаточно одного-единственного наблюдения: тот самый конклав, который избрал Пия VIII, возвёл в папы на протяжении краткого времени в пять с половиной лет трёх пап (считая Антонио Североли, проваленного Австрией), всех подверженных хроническим заболеваниям. Очевидно, что всегда стремились остановить выбор на лицах, немощь которых обещала близкую вакансию Святого Престола, и, следовательно, новый шанс для каждого из них. Итак, какие благодеяния может ожидать страна от монарха, старого и немощного, которому недостаёт одновременно моральных и физических сил, строгости, энергии, столь необходимых, чтобы выносить тяжёлый груз управления, от того, кто, внезапно вознесённый на вершину власти на склоне своих дней, не может здесь, на земле, быть заинтересован ни в чём другом, как продлить существование без славы, как и без будущего¹.

Ещё в одном донесении от 25 / 13 мая 1829 г. Гагарин замечал о новом папе: «Умеренность во всём, кажется, должна быть правилом его поведения». А о его государственном секретаре Альбани он писал, что

...несмотря на его возраст более 79 лет, он ещё бодр и крепок... Одновременно человек умный и светский, Альбани любезен со всеми и совсем не кажется честолюбивым, чтобы взять на себя все дела, как, например, это делал Консальви, превративший государственный секретариат во всеобъемлющее министерство. Кардиналы Сомалья и Бернетти очень остерегались изменить этот новый порядок вещей. Альбани, напротив, обнаруживает желание, чтобы обращались непосредственно в различные учреждения, в ведении которых находятся дела, подлежащие обсуждению. Конечно, выбор этого австрийского посредника в качестве премьер-министра должен

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 391. Л. 3—6.

был поражать, но в нынешней ситуации, что может сделать папа, как не кинуться в объятия Австрии, и мы не увидели ни одного из послов, наиболее заинтересованных в независимости Святого Престола, чтобы он протестовал против назначения Альбани на пост, на который он был призван, несмотря на горячее желание, коим были одушевлены члены дипломатического корпуса, чтобы сохранить кардинала Бернетти, который их устраивал и которого новый папа только что назначил легатом в Болонью вместо кардинала Альбани¹.

Пока в Риме были заняты выборами, в С.-Петербурге полученные Гагариным ноты Бернетти по поводу указа от 4 мая / 22 апреля 1828 г. находились на рассмотрении Блудова, ставшего управляющим Департаментом духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел. Однако в министерстве иностранных дел отдавали себе отчёт, что с избранием нового папы в Риме не замедлят вернуться к вопросам, вставшим при его предшественнике. Поэтому ещё до получения ответа Блудова и его Департамента Гагарина поспешили осведомить о нескольких соображениях Блудова, касавшихся проблемы, на которой кардинал особенно не настаивал в своей ноте, но которая, вероятно, составляла предмет, как признал и Гагарин, главных возражений римского Двора. Речь шла о разграничении епархий, которое он рассматривал в качестве прерогативы, неотделимой от его духовной власти. На Неве же она была признана за ним в отношении римско-католического исповедания, но не греко-униатского. При этом ссылались на вековой опыт, когда позиция Рима была иной.

Совсем напротив, — разъяснялось в депеше от 6 мая / 24 апреля 1829 г., — римский Престол с возникновением унии воздерживался от всякого вмешательства в разделение греко-униатских епархий, и булла папы Климента VIII, основа унии 1595 г., освещает этот принцип, от которого никогда, по нашим сведениям, не отступали. Имеются многочисленные примеры, подтверждающие этот фундаментальный принцип с тех пор, как большая часть областей, исповедующих греко-униатскую веру, перешла под власть России. С вхождением в Империю польских областей в 1795 г. императрица Екатерина II объединила в одну все епархии греко-униатского исповедания, существовавшие тогда, а при Александре I это разграничение претерпело ещё несколько раз изменения без того, чтобы эти меры дали повод жалобам или даже простым представлениям со стороны римского Двора. Таким образом, он не сумел бы с основанием их представить сегодня. А если это всё-таки случится, только что сформулированные кратко соображения, которые будут развиты в необходимом объёме в ответной памятной записке Департамента исповеданий, доставят Вашему Сиятельству неоспоримые аргументы, чтобы опровергнуть и отклонить все притязания такого рода².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10058. Л. 375–376.

² Там же. Д. 10060. Л. 21–23; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 390. Л. 37–39.

Пересланный Гагарину труд Блудова назывался «Записка. О нотах кардинала Бернетти от 31 / 19 декабря 1828 г. и 13 / 1 января 1829 г.». Свою задачу её автор видел в том, чтобы, с одной стороны, рассмотреть, какое основание имели положения, содержащиеся в нотах Бернетти об указе, суммированные им в четырёх пунктах. С другой стороны, она состояла в том, чтобы пояснить, в чём заключались «истинное свойство, цель и побудительные причины распоряжений, возбуждивших опасения римского Двора».

В заявлении Бернетти, что «чрез сии постановления римско-католическое духовенство, всегда пользовавшееся особенным в России покровительством, лишается тех небольших преимуществ, кои отличали оное от духовенства греко-униатского», он считал совершенно необоснованным утверждение о том, что «наше правительство оказывало особенное покровительство римско-католическому исповеданию, и что духовенство оно должно пользоваться какими-либо преимуществами пред греко-униатским». В подтверждение следовала ссылка на правила веротерпимости, от которых правительство никогда не отступало и в силу которых оно охраняло неприкосновенность прав каждого вероисповедания и не позволяло «одному распространяться насильственным образом на счёт прав другого». Именно поэтому, разъяснял он, в указе греко-униатской Коллегии предписывалось, «заведывая делами сей Церкви в России, тщательно наблюдать, чтобы установления оной, чин богослужения и весь порядок церковного правления был охраняем от введения каких-либо чуждых, несвойственных греческим обрядам обычаев, на точном основании положивших начало унии грамот 1595 г.».

Поскольку Бернетти усмотрел в этом нарушение постановлений Замойского Собора 1720 г. и коренных правил греко-униатской Церкви, Блудов ставил два вопроса: обязано ли российское правительство считать законными постановления Замойского Собора и в самом ли деле несоблюдением его постановлений нарушаются правила греко-униатской Церкви?

Обратившись к истории унии, Блудов напоминал, что её основание было заложено на Флорентийском Соборе (т. е. в 1439 г.), на котором в числе депутатов Восточной Церкви находился и киевский митрополит Исидор. Это мнимое соединение не было признано российским духовенством и правительством. А вскоре затем и литовское духовенство отвергло флорентийский устав и, несмотря на обещания и гонения своих государей, бывших римскими католиками, считало главой своей Церкви константинопольского первосвященника. Однако усилия ревнителей латинства были продолжены, особенно после объединения Литвы с Польшей, и привели к присоединению литовского духовенства к римской Церкви в 1595 г. с условием,

... чтобы таинство Св. причащения, униатами до толе употребляемое под обоими видами хлеба и вина, всецело и не нарушимо соблюдено было, а равно и таинство крещения и обряд оног также оставались без всякой перемены или прибавки: чтобы греко-униатов не принуждали к крестному ходу в праздник тела Христова

в римско-католических церквях и ни убеждали ни к освещению огня пред праздником Пасхи, ни к другим обрядам, коих нет в греческой Церкви, а, напротив, чтобы они свободно совершали торжества Церкви Восточной со всеми оной обрядами и обыкновениями, также как прежде; чтобы супружество священникам за исключением лишь двоежёнства осталось без перемены, наконец, чтобы не посылали в Рим за подтвердительными на епископский сан грамотами.

Все эти условия были приняты и утверждены грамотами 1595 г. папы Климента VIII.

Эти первые распоряжения римского Двора относительно униатов Блудов оценивал как совершенно «согласные и с истинными понятиями о вере, и с правилами благоразумной политики». Их целью было

...не только без сопротивления утвердить унию в некоторых русских областях, завоеванных Литвою, но, устраняя споры о неважных, не касающихся существа религии обрядах и установлениях, приготовить соединение двух главных христианских исповеданий, сих, по выражению одного почтенного иерарха нашей Церкви, ныне разделённых великих членов тела Христова: мысль, которую имел ещё в 1581 году известный своею политическою деятельностью и дальновидностью иезуит Антоний Посевино. Но сия мысль вскоре была потеряна из вида, по крайней мере, правительством польским и другими ближайшими исполнителями предначертаний польского кабинета. Они хотели не только единства, а единообразия, совершенного уничтожения обрядов греческих.

В их числе самыми ревностными, правда не сразу, оказались монахи ордена Св. Василия Великого.

Римское правительство им даровало все преимущества римско-католического духовенства, и среди них в 1627 г. право раздавать индульгенции. Деятельность их ордена сделалась особенно заметной с 1613 г., когда иезуитам было позволено вступать в русские монастыри, принявшие унию, не требуя на то особого разрешения. Цель их ясно обнаружилась на Замойском Соборе, который Блудов, впрочем, именовал поместным Собором или Синодом, «дерзнувшим восстать» против постановлений Флорентийского Собора, «почитаемого католиками Вселенским». Он ссылался на его акты, показавшие, как мало он имел в виду соблюдение истинных оснований своего восточного обряда, ибо в них везде встречались постановления западной Церкви и ссылки почти исключительно на Западные Соборы и учреждения. «Такое нарушение коренных постановлений Церкви духовенством провинциального Собора не было одобрено и римским Двором. Оный после четырёхлетнего рассмотрения, хотя и утвердил постановления Синода Замойского, но как бы условно, объявляя, что сим утверждением не отменяются постановления Соборов Вселенских и пап, в отношении греческих обрядов изданные, что, напротив, оныя во всей силе оставаться должны», — отмечал Блудов. Отсюда он делал заключение о невозможности считать постановления этого поместного

Собора законными или обязательными для униатской Церкви. Ведь даже при польском правительстве эти постановления никогда не были осуществлены повсюду, они вводились постепенно, если позволяли обстоятельства, а большая часть униатского духовенства, устроясь от их исполнения, хотя и негласно, показывала, что считала их противозаконными; даже те, кто не оспаривал прав Замойского Собора, находили их противными чистоте греко-униатского исповедания. Впоследствии же наиболее достойные иерархи этой Церкви никогда не переставали стремиться к очищению богослужения от постепенно вкрапившихся несвойственных этому обряду новшеств. Доказательства этого имелись, в частности, в переписке в 1785 г. между полоцким архиепископом Ираклием Лисовским и римским правительством. Из неё следовало, что он делал представления папе об уничтожении тех изменений в славянских обрядах богослужения, которые стали последствием распоряжений Замойского Собора, и что с согласия самого папы он составил новый сообразный с древним служебник, который был им препровождён для рассмотрения в Рим с приложением перевода литургии Св. Иоанна Златоуста на латинский язык. Этот вопрос тогда остался нерешённым. Тем не менее из переписки видно, что большинство нововведений архиепископ приписывал монахам базилианского ордена. И в сношениях своих с кардиналами римской Церкви «поставлял им на вид, что и прибавление в символе веры и сына (*filioque*) (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), и воспоминание о папе во время богослужения принадлежит к числу сих нововведений». Отсюда вывод автора, что для сохранения греко-униатской Церкви «в её первобытной, неприкосновенной чистоте» следовало соблюдать и принимать постановления не Замойского собора, а те, что положили основание унии в грамотах Климента VIII 1595 г.

Добиваться этого входило «в число обязанностей греко-униатской Коллегии, — говорилось в записке, — она должна останавливать покушения противныя и благосостоянию, и самым постановлениям римского Престола. И в данном ей о сём повелении нет ничего странного или нового, также обязан действовать в своём кругу и наш Святейший Синод; также действует римско-католическая Духовная коллегия».

Но, подчёркивал Блудов, греко-униатская Коллегия учреждена не только с этой целью, как полагал кардинал Бернетти. Ему представлялось странным, что в Риме не знали о её подлинном назначении, как и о том, что она не являлась новым учреждением, а давно, лишь под другим названием, существовавшим правительственным местом для дел духовных, во всём подобным римско-католической Духовной коллегии.

Тем не менее кардинал Бернетти находил, что весь установленный указом 4 мая / 22 апреля порядок управления греко-униатской в России Церкви, «как не проистекающий от папской власти противен тому порядку, коим управляются церковные провинции римско-католического мира». По поводу такого утверждения Блудов замечал, что с самого начала унии порядок управления униатской

Церковью не был и не мог быть единообразен с этим последним управлением. Ведь, в силу грамоты Климента VIII от 1595 г., униатами не только сохранялись все обряды богослужения Восточной Церкви, но за их митрополитом было оставлено право назначения епископов безо всякого сношения с папами. Уже из одного этого, считал Блудов, было очевидно, что

...право на нынешнюю всеобъемлющую папскую власть, сие соединение прав митрополитанских, патриарших, папских, а отчасти и царских, хотя и принято в средних веках римско-католическою Церковью за непреложный закон, но никогда с равной силой не распространялось на Церковь греко-униатскую, сию частицу Восточной, соединившуюся с Западною и, однако ж, сохранившую почти все прежние права свои.

Именно на этом основании после возвращения древних российских областей Империи неоднократно производились изменения в духовном правлении униатов, подобные тем, что осуществлялись теперь. Указом от 6 сентября 1795 г. все прежние униатские епархии были соединены с белорусской, которой управлял архиепископ Лисовский. Затем последовало учреждение трёх епархий: полоцкой, брестской, луцкой (указ от 28 апреля 1798 г.). В 1809 г. (указ от 14 февраля) учреждена была четвёртая — митрополичья виленская, составленная большей частью из церквей, отделённых от брестской епархии. Докладом Сената от 27 сентября 1804 г., утверждённым императором, были преобразованы консистории. Указом от 16 декабря 1806 г. полоцкий монастырь с фундушами был отдан на содержание епископской кафедры и на создание епархиальной семинарии и т. д. Причём против всех этих распоряжений римский Двор никогда не протестовал, хотя они делались без всякого его согласия.

Поскольку император, подчёркивал Блудов, ни в коем случае не откажется от прав, которыми пользовались его предшественники, у правительства нет необходимости объяснять римскому или иному Двору причины мер, принимаемых им по внутреннему управлению государства. Тем более что император знал истинные потребности тех, кто принадлежит к греко-униатскому исповеданию, лучше, нежели министерство папы, судившее по донесениям «не всегда основательным». Это ясно обнаруживалось в ноте кардинала Бернетти, когда он везде говорил о бывших в России до указа трёх униатских епархиях, а их было четыре, о вновь учреждённых двух независимых архиепископствах и так далее.

Образованием лишь двух епархий греко-униатской Церкви, по утверждению Блудова, преследовалось наведение порядка в течение дел, а также достижение такой важнейшей цели, как улучшение нравственности среди духовенства, а через это и народа. На подробных статистических данных о распределении приходов в записке доказывалась необходимость уничтожения двух совершенно лишних епархий, затем давалась ссылка на то, что для приличного содержания полного епархиального правления с двумя епископами, епархиальным и викарным, с кафедральными капитулами и консисториями были нужны немалые суммы. К тому

же настоящий порядок, т. е. разделение всего греко-униатского управления на две епархии: белорусскую и литовскую, делал более удобными сношения приходом с епископами и консисториями. Кроме того, легче было найти достойных лиц в звании епископов в члены консисторий для двух епархий, чем для четырёх, учитывая малочисленность и положение греко-униатского духовенства. Объединение епархий давало правительству также средства создать в литовской епархии одну, но хорошую семинарию, а на основе полоцкой семинарии создать высшее учебное заведение под названием Духовной академии. Наконец, размер общего церковного фондуша должен был увеличиться за счёт тех имений, которые шли на содержание луцкого и виленского епархиальных начальств в их консисториях, а это позволило бы как увеличить помощь нуждавшемуся духовенству, так и создать для него же учебные и другие полезные учреждения.

Утверждение Бернетти, что из-за нового устройства греко-униатская Церковь лишалась «необходимого для неё центра соединения, что в ней будет две независимые митрополии, а через сие потеряется истинное понятие о митрополии», Будов относил за счёт неверного перевода указа от 4 мая / 22 апреля. Ибо ни одна из новообразованных епархий не называется митрополичьей; ни одна из них не получила особых перед другой преимуществ, но их не имели и раньше ни эти, ни вновь учреждаемые епархии. Обе они по-прежнему подчинены одной Коллегии, в которой также по-прежнему председательствует утверждённый папой митрополит Булгак.

Причины отделения этой Коллегии от римско-католической объяснялись бедственным положением, в коем долгое время пребывала греко-униатская Церковь. Конкретно это выражалось, прежде всего, в упоминавшемся постоянном стремлении некоторых слепых ревнителей единообразия к изменению обрядов, к ниспровержению уставов этой Церкви в нарушение грамот 1595 г. Таким покушением Замойский Собор дал и новый предлог, и новые силы. Благодаря проискам иезуитов и других монахов латинского исповедания вскоре всё знатнейшее дворянство униатского исповедания перешло в римский обряд, а затем способствовало переходу в него и других классов. Все епископские кафедры отдавались лицам, принадлежавшим к римско-католической Церкви, или латинствовавшим униатам. Униатское монашество до такой степени наполнилось римскими католиками, что, по последним сведениям, из 60 литовских и белорусских монастырей только шесть или семь, и то самые бедные, имели настоятелями настоящих униатов. Преобладание римских католиков совершенно изменило базилианский орден, лишив его почти всякого сходства с монашеством Восточной Церкви, кроме некоторых обрядов, наполовину уже смешанных с римскими, и употребления в богослужении славянского языка, часто искажаемого монахами, а для многих из них непонятного. С помощью помещиков, бывших римскими католиками, епископов и монахов лже-униатов, латинское духовенство и особенно иезуиты чинили всяческие притеснения. Греко-униатское духовенство, как чуждое, подвергалось гонению. Базилианский орден,

чтобы присвоить себе богатые фондуши приходских церквей, обратил их в монастыри. Все пути к епархиальному управлению для священнослужителей из белого духовенства были закрыты, ибо униатские епископы всегда избирались из монахов. Это лишало их приличного содержания, а детей их — средств воспитания. Обуздание прозелитизма, писал Блудов, не помогали ни меры, принимаемые правительством, ни постановления самого римского Двора. Особо он ссылался на декрет Бенедикта XIV 1744 г. Им воспрещалось «всем вообще и в особенности русским униатам, Восточные обряды сохраняющим», переходить в латинское исповедание, а иезуитам и вообще римскому духовенству принимать кого-либо или уговаривать к такому переходу. Более того, предписывалось стремиться к сохранению униатами «древних обрядов и постановлений Восточной Церкви под страхом лишения прав на повышение и должности». Однако это не оказывало действия: греко-униатское духовное начальство, со времени Замойского Собора находясь под влиянием латинского духовенства, потворствовало таким переходам и допускало обращение в римско-католическую веру не только частных лиц, но и целых обществ.

Подобно тому как римское духовенство полностью завладело воспитанием юношества, базилианский орден создавал училища для светских лиц, преимущественно для дворян, следовательно, для римских католиков, ибо среди униатов остался только нижний класс общества. А это означало, что он обращал в пользу римского исповедания фондуши, данные на потребности Восточной Церкви, и если участвовал в воспитании, то к вреду униатов. Сами базилиане и их воспитанники всё более забывали русский язык, а значит лишались средства поучать вверяемую им паству.

Прежний порядок создавал возможности для продолжения этих злоупотреблений. Сначала униаты не имели представителей в Духовной коллегии, а посему она не принимала никаких мер против нарушителей законов, долженствовавших охранять целостность греко-униатской Церкви. Когда же в неё было введено несколько заседателей из униатов, то заседатели от римских католиков составляли большинство, и хотя потом было предписано считать за два голоса каждого униатского заседателя, однако представители римско-католического духовенства по богатству, по местам, ими занимаемым, продолжали иметь перевес. Разделение в 1805 г. Коллегии на два департамента, один из которых составляли греко-униаты, не произвело желаемого действия: часто решения их Департамента отменялись на совместном заседании обоих Департаментов.

Могло ли наше правительство взирать равнодушно на столь бедственное положение греко-униатов, своих подданных, на уничтожение 1500 000 народа русского племени, — на гонения, претерпеваемые теми из них, которые старались охранять чистоту своего исповедания, и на отторжение слабых, — на совершенный упадок воспитания и происходящее от того развращение нравов? Могло ли, имея в руках своих все нужные к тому способы, не стараться положить конец покушениям

людей злонамеренных или непонимающих истинных отношений римского Престола к греко-униатам? —

спрашивал Блудов. И, давая отрицательный ответ, лишь невозможностью равнодушно относиться к сложившейся ситуации объяснял он причины учреждения греко-униатской Духовной коллегии и прочих постановлений указа от 4 мая / 22 апреля. «Никакие иные побуждения, вопреки мнению кардинала Бернетти, не имели и не могли иметь действия», — подчеркнул он.

Что касалось вопроса о базилианских монастырях, Блудов ссылаясь на то, что при бедственном состоянии греко-униатов, признаваемом самим кардиналом Бернетти, духовное начальство имело право воспользоваться базилианскими фондами на основании постановлений Тридентского Собора, которые позволяли при недостатке других источников употреблять на создание семинарий часть доходов от монастырских фондуш. Оно могло и упразднить многие из этих монастырей на основании распоряжений папы Бенедикта XIV, который в 1744 г. поручил униатскому митрополиту в соответствии с каноническими правилами закрыть все те монастыри, в коих нет 8 или 10 монахов. В настоящее же время в 80 униатских мужских обителях насчитывалось лишь 600 иноков; по большей части в них обитает по четыре, по три, по два, даже по одному монаху. В такой ситуации в них наблюдается упадок дисциплины, беспорядки в управлении фондами и в нравственном поведении монашествующих. Впрочем, отмечал Блудов, по указу от 22 апреля ни один из монастырей базилианского ордена не был упразднен совершенно, а правительство никогда не имело намерения присвоить себе их фондуши. Он не разделял мнение Бернетти о плодотворном влиянии монахов-базилиан на сохранение чистоты обучения, учитывая, сколь мало при нынешнем составе этого ордена они могут способствовать достижению этой цели, считая более надёжными принимаемые правительством меры: создание хорошо устроенных многочисленных семинарий, высшего учебного заведения в Полоцке и увеличения числа низших духовных училищ.

В заключение записки подводился итог уже достигнутого благодаря указу от 4 мая / 22 апреля.

Дела в греко-униатской Коллегии и Консисториях, ей подведомственных, приняли течение более правильное; истинные пастыри сей Церкви, уже не страшась притеснений за верность к ея установлениям и преданиям, беспрепятственно, с новым усердием и деятельностью, занимаются назиданием вверенного им стада Христова; бедные священнослужители, вдовы и дети их знают, где им искать защиты, призрения, вспоможений; преобразованные и вновь заводимые духовные училища наполняются воспитанниками, ибо цель и устройство оных внушают всеобщую доверенность; самая издавна существующая вражда между белым и монашествующим духовенством начинает уменьшаться вместе с причинами оной и правительство слышит отовсюду не ропот и жалобы, как предполагает министерство папы,

а единогласные, единодушные благословения признательности за его мудрую почитательность¹.

Следует признать, с одной стороны, что точка зрения правительства на положение греко-униатской Церкви аргументирована в записке Блудова весьма убедительно, в чём ему, безусловно, помогло общение с Семашко и представленные последним записки. С другой стороны, безусловно, имели полное основание опасения римского Двора, что последствием указа станет утрата им части своей паствы, ибо он, действительно, был составной частью плана возвращения греко-униатов в православие. Тем более что сам Бернетти далеко не случайно не только с появлением указа связывал такую опасность, но и с настроем светского духовенства греко-униатов.

В этой ситуации Блудов понимал трудное положение российского посланника. Поэтому в письме вице-канцлеру от 28 / 16 мая 1829 г. в дополнение к личным объяснениям и изложенному в препровождаемой записке он поделился своими соображениями по поводу того, как, по его мнению, следовало действовать миссии в данном случае. Находя заслуживавшим внимания беспокойство папского правительства, он полагал, что оно едва ли могло быть предметом или поводом формальных дипломатических переговоров, поскольку они неизменно превратились бы в богословский спор. «Прилично ли нам входить в оные, и невернее ли мы достигнем нашей единственной в сношениях с Римом цели, то есть соблюдения согласия и, по крайней мере, наружного вида взаимного дружелюбия, избегая по возможности всяких споров, даже всяких пространных объяснений и, особенно, излишней официальной переписки?» — ставил вопрос Блудов. Он считал, что следование этому правилу должно быть предоставлено на усмотрение посланника, который будет действовать, сообразуясь с обстоятельствами и поступками римского Двора и внимательно следя «как за направлением политики нового папы и министерства его в отношении России, так и за происками их тайных агентов и возбудителей». И в случае необходимости он должен будет отклонять их новые притязания, заявляя, что настроения императора относительно устройства греко-униатской Церкви «столь же неперемьны, сколь они бескорыстны и благодетельны». Если такие разъяснения давать «с твёрдостью, хотя и в самых умеренных выражениях, и с уверением в доброжелательстве», они, считал Блудов, положили бы конец настояниям римского Двора. Он не исключал и возможности устного разъяснения необходимости принятия правительством мер для восстановления порядка в делах униатской Церкви и бесспорного права его на это. Но при этом следовало постараться, чтобы эти объяснения «имели вид не оправданий, и даже не возражений и чтобы они не заключали в себе ничего, могущего показаться обещанием и, следовательно,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 390. Л. 61–80; ЦГАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 529. Л. 3–18.

стеснить действия правительства нашего в будущем, или же поставить нас в неприятную обязанность продолжать или возобновлять переговоры о сём деле»¹.

Содержание этого письма легло в основу депеши Нессельроде Гагарину от 19 / 7 июня 1829 г., к которой прилагалась записка Блудова. Признавалось, что записка, «по правде говоря, не такого рода, чтобы могла быть сообщена папскому правительству. Мы желаем даже, вообще, избежать всяких официальных переговоров по делу, о котором идёт речь, так как они могли бы легко перерасти в теологические споры, ведение которых с римским Двором не отвечает ни намерениям, ни достоинству императорского правительства». Этот труд Гагарину следовало рассматривать в качестве достоверного источника, предназначенного для его собственной информации. Он не должен был его использовать, если со стороны римского Двора больше не вернутся к этому вопросу, и ни в коем случае не брать на себя инициативу в этом. Это мотивировалось его собственным признанием, что «в начале нового царствования важно, прежде всего, собрать более точные данные относительно настроений нынешнего папы и его правительства в отношении России и упорядочить Ваши отношения с ними на основе Ваших наблюдений». Если, тем не менее, новый государственный секретарь повторил бы сказанное его предшественником и обнаружил бы те же самые опасения в отношении греко-униатского исповедания в России, посланник мог во время чисто конфиденциальной встречи рассеять его опасения. Он ему представил бы положение дел в его подлинном свете с помощью фактов и сведений, обстоятельно изложенных в записке Блудова.

В заключение депеши Гагарину ещё раз предписывалось «особенно постараться отклонить» любые официальные переговоры по этому вопросу, дав понять папскому правительству, спокойно и откровенно, что подобные переговоры были бы абсолютно бесцельными, поскольку органические меры, могущие стать их предметом, уже введены полностью в действие. А император «решил, тем более, сохранять их, что пошёл на их принятие лишь после того, как полностью признал их необходимость и справедливость». Доказательства этого он мог почерпнуть в записке, а в дополнение Гагарин мог сослаться и на то, что успех новой организации, установленной указом, уже начал отвечать целям, его мотивировавшим. «Дела греко-униатского культа приняли ход более активный и регулярный; белое духовенство испытывает более действенную поддержку; открываются новые школы для обучения молодёжи, исповедующей этот культ. И всё, наконец, обещает, что изменения, проведённые по этой части, произведут благоприятное действие, соответствующее намерениям императорского правительства»² — так формулировался этот важный дополнительный аргумент.

¹ ЦГАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 529. Л. 1–2.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10060. Л. 41–42; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 390. Л. 59–60.

В то время, когда так остро встал вопрос о греко-униатах Западного края России, Альбани 21 октября 1829 г. вручил ноту Гагарину о согласии на назначение в греко-униатское епископство в Холме (в Царстве Польском) аббата Фелициана Шумборского, архидиакона кафедрального собора этого города и генерального викария¹. Это стало неожиданным для дипломата.

В конце 1829 г. — в начале 1830 г. вопрос о греко-униатах активно обсуждался российским правительством с Ватиканом ещё по одному поводу — о праве России на принадлежавшую базилианскому ордену в Риме церковь Мадонна дель Пасколо, при которой имелась богадельня. Основанное папой Урбано VIII, одариваемое его преемниками и наследниками, неоднократно пользовавшееся помощью монархов, занимавших папский Престол, это установление, по существу, никогда не переставало зависеть почти непосредственно от римского Престола. Поддержка, которую ему предоставляло королевское правительство Польши, состояла скорее лишь в осуществлении права собственности. В своё время, ещё при Италинском, после того как миссия представила два доклада своего сотрудника (тогда секретаря) С.О. Коссаковского об управлении этой церковью и церковью Св. Станислава² Комиссии вероисповеданий и народного просвещения Царства Польского,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Оп. 468. Д. 10059. Л. 25.

² Нужно отметить, что вопросом об этой церкви Италинский занимался и раньше, но в другой связи. Из донесения от 16 / 4 декабря 1824 г. следовало, что он был уполномочен ещё в 1818 г. Комиссией культов Царства Польского отстаивать права на принадлежавшее этой церкви недвижимое имущество, которое было продано во время французского правления. Эта собственность состояла, главным образом, из двух домов. Они частично служили для проживания поляков, а плата за наём обеспечивала доход церкви. Первый демарш посланника, выразившийся в передаче конфиденциальной ноты Консальви, не имел успеха. Италинский решил подождать более благоприятного момента, и он представился. Желаемый успех принёс новый демарш, предпринятый перед дельла Сомалья, новым государственным секретарём. Тогда в обоснование требования российской стороны были приведены такие аргументы. Апостольское послание папы от 6 июля 1816 г. соотносится со статьёй 103 Венского договора, которая утверждает законно совершённые покупки; но закон от 5 ноября 1790 г. так называемого Учредительного собрания исключал из категории национальной собственности благотворительные учреждения и собственность иностранных держав. Богадельня, составлявшая часть церкви Св. Станислава, была, таким образом, признана не относившейся к частной собственности и, следовательно, подлежала возврату к её первоначальному назначению. Такое решение и было утверждено папой.

Расходы, которые повлекло такое «повторное приобретение», достигавшие более 16 тысяч римских экю, Италинский считал необходимым незамедлительно внести в дом Торлония. Он предупреждал, что в случае, если император не санкционирует такой расход, эта недвижимость может быть вновь продана с выгодой. При этом он замечал, что при сохранении приюта при церкви только плата за наём давала бы сумму в 800 экю в год, чего было достаточно для содержания всего этого установления. Посланник особо отметил роль каноника

последняя предложила управление церковью Св. Станислава уподобить таковому церковью Мадонны дель Пасколо, передав его миссионерам.

Ознакомившись с докладом Комиссии, Гагарин нашёл, что, сохраняя в установлении Пасколо управление религиозного ордена, Комиссия лишь санкционировала принцип, совершенно согласный с целью этого установления, и он готов был выполнить данные в этой связи указания.

Решение же Комиссии по поводу установления Св. Станислава, по мнению посланника, должно было иметь последствия, коих ни правительство, ни Комиссия не имели в виду. Он понимал, что Комиссия исходила из финансового положения этих церквей: церковь Св. Станислава, находившаяся под управлением ректоров то поляков, то иностранцев, была обременена значительными долгами, а церковь Мадонна дель Пасколо, управляемая со времени её создания монахами ордена Св. Василия, не испытывала никогда нужды. Гагарин (донесение от 19 / 7 июля 1828 г.), прежде всего, привлекал внимание к глубокому отличию в происхождении двух церквей. Созданное в 1578 г. посредством вкладов нескольких польских дворян, предназначенное для паломников и содержания учеников-стипендиатов, постепенно разбогатевшее благодаря щедрости польского королевского правительства и национальных дарений установление Св. Станислава «не переставало никогда ни на мгновение быть непосредственно зависимым от польской короны, признавать исключительную юрисдикцию её представителей и составлять, так сказать, королевское ленное владение в стенах самого Рима, феодал, неприкосновенность и права которого никогда не были оспорены папским правительством». Впрочем, почти все основные (наиболее влиятельные) миссии владели установле-

Пива, который много способствовал успешному завершению дела (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1825. Оп. 468. Д. 10036. Л. 20—22).

В ответ депешей от 31 / 19 января 1825 г. Нессельроде информировал Италинского, что император «с удовольствием узнал» об успехе демарша относительно возвращения собственности церкви Св. Станислава в Риме и особенно был рад тому, что оно совершилось без того, «чтобы наши требования нанесли ущерб принципу неприкосновенности продажи национальных владений, закреплённому общим актом Венского конгресса».

Италинский был уполномочен сделать конфиденциальное заявление папскому правительству о мерах, принятых против покупателей национальной и церковной собственности. В нём было сочтено необходимым показать разницу, существующую между собственностью, о которой шла речь, и той, которая принадлежит иностранным державам, а также разъяснить следующий важный момент. «Обосновывая наши демарши на исключении (подчёркнуто в тексте. — О.С.), содержащемся в акте, в силу которого имело место отчуждение национальной собственности, вместо того чтобы ослабить постановления Венского конгресса, мы их в некотором роде усилили, потому что без вышеупомянутого исключения, мы сочли бы себя вынужденными подчиниться последствиям продажи».

Был извещён Италинский о начале обсуждения с польским правительством вопроса о деньгах, потраченных домом Торлония, и о том, как лучше отметить усердие каноника Пива (Там же. Ф. Канцелярия. 1825. Оп. 468. Д. 10037. Л. 10—11).

ниями такого рода в Риме, считая это престижным для короны, которую представляли. Гагарин не сомневался, что отчуждения права, являвшегося прерогативой суверенной власти, не могло быть ни в видах правительства, ни входить в намерения Комиссии. Он полагал, что в случае передачи управления польским миссионерам светское управление неизбежно будет заменено управлением монашеского ордена. А это было чревато серьёзными последствиями.

Какой бы ни была их добрая воля и чистота намерений, однажды обосновавшись в Риме, миссионеры вовсе не смогут уклониться от исполнения положений римского канонического права, которое позволяет религиозным орденам принимать управление светскими установлениями лишь на условиях... первое из которых утверждает принцип непосредственной зависимости от римского Святого Престола и устранения светской власти, какими бы священными ни были её первоначальные права. Скрупулёзное соблюдение этих условий является атрибутом, неотделимым от одеяния, которое они носят, оно становится вопросом совести, и малейшее нарушение его влечёт критику и наказание Церкви.

Полагать, что, поскольку в других странах, также исповедующих католицизм, положения канонического права претерпели некоторые изменения, их власть, я бы сказал даже, их могущество утратило в Риме некоторую часть своей силы, значило бы тешить себя тщетной иллюзией. Отнюдь: Рим никогда не отступает, и если прогресс познания и ход развития человеческого разума стали неприятной неожиданностью для Ватикана, для влияния на общественное мнение в узком круге его нынешней власти, папский Престол не пренебрегает никаким случаем, чтобы восстановить утраченное влияние. Миссионеры стали бы первыми, кто испытал бы последствия этого. Поставленные между долгом их совести, пассивным повиновением, которым они обязаны папе, и обязательствами, которые будут оговорены с их начальниками в Варшаве, их выбор не может подвергаться сомнению ни на минуту, и миссия Его Величества окажется вовлечённой в споры самого щекотливого и опасного характера по правовым вопросам. Это не преминет совершенно неблагоприятно сказаться на отношениях между двумя Дворами, носящими сегодня счастливые признаки согласия лишь потому, что императорский Двор благоразумно избегает всякой дискуссии по вопросам права, следуя принципу взаимной приемлемости и фактических результатов (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

Посланник сообщал, что миссионеры, назначенные для управления церковью Св. Станислава, ещё не прибыли, но об их скором приезде уже было объявлено. Он, со своей стороны, решил, что, если не получит до их прибытия указания приостановить передачу установления в их руки, он выполнит данное ему предписание. Но, будучи убеждён, что, если однажды они приступят к их новой деятельности, будет нелегко затем их от неё отрешить в случае, если император удостоит одобрения его соображения, Гагарин намерен был передать церковь Св. Станислава в руки миссионеров лишь при условии подписания ими документа, содержащего оговорку, которая ограждала права польской короны от покушения римского

канонического закона. Сомневаясь в добросовестном выполнении этих обязательств монахами, он видел в таком компромиссе единственный способ примирить повиновение приказаниям императора со своим долгом охранять интересы короны от малейшего посягательства.

В свете изложенного Гагарин был рад предусмотрительному решению правительства подвергнуть новому рассмотрению предложение облечь одного из кардиналов правом протектората над двумя церквями. Но он считал, что такая мера была бы чревата неизбежными конфликтами между кардиналом и российским представителем.

В заключение посланник ссылался ещё на один, «самый решающий» аргумент в пользу его мнения в отношении способа управления заведением Св. Станислава — это материал памятной записки об управлении и состоянии его финансов в сравнении с заведением Мадонна дель Пасколо. Из него следовало, что первый институт постепенно довёл свой первоначальный ежегодный доход в 60 пиастров в нынешний доход свыше 1700 и что таким увеличением были обязаны исключительно просвещённому и предусмотрительному управлению, после неудачного правления Пива. Обращение в своё время за помощью к императорскому правительству было связано с революционным кризисом, вызванным французским господством в Италии. В данный же момент оно не обременено никаким долгом, и он надеется на увеличение его годового дохода¹.

В тот же день Гагарин направил служебную записку императору². А несколько дней спустя, 26 / 14 июля 1828 г., в шифровке он просил позволения у Нессельроде

...подсказать средство покончить с трудностями, могущими проистекать из последних соглашений, принятых в Варшаве по поводу Св. Станислава. Оно заключалось бы в том, чтобы доверить управление светским священникам, назначенным министром исповеданий Польши, которые будут направлены из Варшавы, чтобы исполнять предписания Совета управления. Таким образом, все опасения о покушении монашеских орденов на права короны были бы устранены, и пожелания Комиссии были бы выполнены во всех существенных положениях³.

К вопросу о Пасколо Гагарин вернулся в донесении от 16 / 4 февраля 1829 г., когда начал выполнять решения Комиссии относительно этого установления. На сообщение об этих решениях его ректор отец Анатолий Вильчинский ответил, что сообразует с ними свои действия лишь с согласия конгрегации Пропagationды веры. О «таком непристойном ответе» посланник поставил в известность наместника Царства Польского великого князя Константина Павловича.

Гагарин чётко определил и обосновал свою личную позицию по вопросу об этом установлении, которое «не представляет никакой пользы ни для России, ни для

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 23—28.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 30.

Царства Польского». Он ссылаясь на то, что согласно намерениям его основателей ученики греко-униатского обряда должны были находиться в нём на полном содержании, чтобы изучать в Риме теологию. Исходя из этого, он предлагал решить, в какой степени могло быть полезно, чтобы молодые люди, призванные отправлять затем должности, а возможно, и епископские, отправлялись в Рим, чтобы там проникнуться ультрамонтанскими максимами и повиновением папе, в ущерб тому, чем они обязаны своему монарху.

Гагарин видел два возможных решения: просто вернуть Пасколо Пропаганда, воздерживаясь в будущем посылать туда базилиан, или взять его в управление от чьего-либо имени и по доверенности ордена, чтобы затем его продать в пользу этого ордена, как вклад, сделанный ему папой Урбано VIII. Он полагал, что митрополит Булгак, в качестве главы ордена, мог принять подобное решение, против которого здесь не встретится канонических возражений, хотя оно не понравится. А поскольку неизбежно потребуется санкция папы, найдутся столь обычные здесь половинчатые, компромиссные решения, чтобы помешать завершению дела. Сам он склонялся к первому решению¹.

В сентябре (донесение Гагарина от 8 сентября / 27 августа 1829 г.) внезапная смерть Вильчинского вновь привлекла внимание к этому вопросу. При первом известии об этом Пропаганда, несмотря на обещания (правда, устные, изложенные в докладе, направленном Италинскому в июне 1827 г. Коссаковским перед его переводом первым секретарём миссии в Мадрид), послала в установление своих агентов, которые заперли все двери и унесли ключи. Прибывшему затем, чтобы опечатать здание, аббату Сартори ничего не оставалось, как поставить печати на дверях здания поверх замочных скважин, таким образом, чтобы в них нельзя было вставить ключи. Сделав это, он отправился к кардиналу Капеллари, префекту Пропаганды веры, который ему высказал немало доводов в оправдание такого образа действия.

Приведённые в ответ Сартори аргументы сводились к тому, что Пасколо было собственностью базилианского ордена, доверенной стороной которого в любом подобном случае была миссия. Возникла продолжительная дискуссия, в которую Гагарин решил не вмешиваться до встречи с государственным секретарём, в ходе которой он рассчитывал по поводу произошедшего сослаться на обещания Капеллари, приведённые в докладе Коссаковского, и на просьбу благожелательно рассмотреть буллы о создании установления. Посланник сожалел, что не был снабжён со стороны ордена полномочиями, чтобы действовать во всём, что касалось имущества и сохранности здания. Он отдавал отчёт, что это дело принесёт немало хлопот, так как Капеллари и особенно секретарь Пропаганды монсеньор Кастракане не проявят сговорчивости. Настроенный, однако, решительно, Гагарин готов

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 61–62; Ф. Канцелярия. 1826. Оп. 468. Д. 10045. Л. 65.

был обратиться к папе. И просил министра вспомнить о его мнении, изложенном в упоминавшемся донесении от 16 / 4 февраля этого года¹.

Гагарина удивило хранимое Пропагандой молчание по этому поводу. Он выждал некоторое время, казавшееся достаточным, чтобы об этом доложить Альбани. Но когда Гагарин пришёл к нему, оказалось, что он был не в курсе дела, что запрошенная им Пропаганда не дала ещё ответа. Поэтому пришлось ограничиться вручением вербальной ноты с простым изложением сведений о поведении Пропаганды. На пожелание Гагарина узнать, по крайней мере, его личное мнение, чтобы сообщить о нём в С.-Петербург, кардинал уполномочил его заверить министра, что он осуждает образ действия Пропаганды, считает его «неприемлемым» и «сожалеет о том, что произошло». Он считал, что посланник «имел основание жаловаться, и что, со своей стороны, он сделает всё от него зависящее, чтобы устранить допущенную Пропагандой ошибку».

Гагарин полагал, что после предпринятого демарша ответ не заставит себя ждать. Заканчивая своё сообщение о таком ходе дел, он вновь повторил (в донесении от 16 / 4 сентября 1829 г.) своё личное мнение. Бесплезное и для России, и для Польши, это установление лучше было вернуть Пропаганде, оставив за собой недвижимое имущество, составляющее его часть, которое можно затем продать в пользу базилианского ордена или им управлять на его счёт².

Вскоре после этого (донесение от 29 / 17 сентября 1829 г.), чтобы закончить дискуссию по поводу Пасколо, Гагарин предложил Альбани установить папским бреве следующие различия в правах: 1) право обычной духовной юрисдикции Пропаганды, как это следовало из бреве Алессандро VII; 2) право королевской защиты и административного надзора в силу права учреждения, основанного на чьи-либо средства и пожертвования, обоснованного тем, что возведение произошло по просьбе короля Сигизмунда III, а королевская казна давала ежегодную дотацию установлению в 2000 флоринов; 3) право собственности рутенского базилианского ордена. Гагарин рассчитывал, что это предложение положит конец спорам. Альбани обещал его рассмотреть³.

По достижении временного соглашения, полагал Гагарин, следовало бы направить в это заведение базилианского монаха, который пользовался бы полным доверием, не поддавался бы соращению Пропаганды, как отец Анатолий (Вильчинский), и поддерживал бы честные отношения с миссией. За неимением такого верного лица, «лишённого того педантичного ханжества, характеризующего более или менее прямых учеников иезуитской школы», было бы предпочтительно, по мнению посланника, назначить его временно, что дало бы возможность проявить намерения римского Двора. Было очевидно, что временное состояние сможет

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 122–123.

² Там же. Л. 123–124.

³ Там же Л. 125.

продолжаться сколько захотят, но, чтобы с ним покончить навсегда, представлялось возможным лишь одно средство — это добиться от папы бреве, которое устанавливало бы три принципа, определённые в донесении от 29 / 17 сентября, об одобрении которых министерством Гагарин просил.

Рассчитывая на успешное завершение этого дела, так долго служившего лишь предлогом тщетных дискуссий, Гагарин в очередной раз напоминал о высказанном им с самого начала личном мнении в отношении Пасколо. При этом он выражал надежду, что будет отдана справедливость тому, что оно

...мне вовсе не помешало выполнить со всем усердием и всей возможной настойчивостью пожелания Комиссии исповеданий Царства Польского. Я не пренебрёг ни трудом, ни поисками, чтобы найти аргументы в пользу наших претензий, хотя монашеское происхождение установления, казалось, этому противопоставляло неодолимые препятствия канонического права. Множество булл пришло на помощь миссии Его Императорского Величества, и мы все состязались в усердии, чтобы защитить права короны. Претензии Пропаванды были слишком непомерны, чтобы она могла одержать полный успех, но при необходимости разбить их на их собственной почве, не без затруднений, удалось добиться того, о чём я только что договорился¹.

6 октября 1829 г. Альбани письменно известил Гагарина, что Пропаванда не сочла возможным полностью принять предложенный им проект о разделении управления и передаче его по чисто духовным вопросам Пропаванде, оставив решение остальных вопросов за российской миссией. По существу, она желала, чтобы ей была предоставлена свобода в осуществлении духовного и административного управления в отношении церкви. Что же касалось домов, принадлежавших установлению, и временного управления приютом следовало бы назначить, с согласия российской миссии и Пропаванды, священника, который управлял бы от имени базилианского ордена и не принадлежал бы ни одной, ни другой. Он находил, что такое разрешение спора, мало отличавшееся от предложенного им, могло бы быть принято им, по крайней мере, временно, пока не будет заменено другим, к общему удовлетворению².

Для Гагарина полной неожиданностью стал тот факт, что Альбани не только не сдержал данное им обещание побудить Капеллари пойти по более примирительному пути, но поддержал мнение префекта и его секретаря. Тогда посланник заявил Альбани (донесение от 6 ноября / 25 октября), что не намерен никоим образом вступать в учёный спор с Пропавандой, из лабиринта которого никогда не выбраться, и что, если будут продолжать отклонять все его предложения по соглашению, он должен будет сообщить об этом своему Двору. Это содержавшее угрозу заявление возымело действие. Капеллари,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 126—127.

² Там же. Д. 367. Л. 183—185.

...либо раздосадованный тем, что ему мешали в его ходах, — предполагал Гагарин, — либо опасаясь, как бы его собрат не приготовил ему какую-то западню, чтобы затем погубить его в глазах его собратьев, в случае нового конклава, либо, наконец, он был действительно убеждён в справедливости моих аргументов, но, не желая с ними соглашаться, благоразумно отказался от участия, объявив себя некомпетентным выносить суждение по вопросу, принявшему характер дипломатических переговоров.

Благодаря такому решению Гагарину удалось достичь договорённости с Альбани относительно способа временного управления этим установлением, оформленного в виде конвенции. Её условия он находил выгодными для права покровительства, которое польская корона должна осуществлять над ним. Первое преимущество, извлекаемое из неё, это переход к России светского управления, и оно было доверено по выбору Гагарина аббату Сартори, уже бывшему ректором церкви Св. Станислава, «человеку, давшему миссии не одно доказательство усердия, способностей и преданности». Временный способ был тем хорош, считал посланник, что на время его применения он предоставлял миссии полную свободу и, в частности, оставлял полной хозяйкой решения посылать или нет уполномоченного базилианского ордена в зависимости от того, сочтёт ли посланник это уместным. К тому же и с экономической точки зрения установление могло лишь выиграть, оказавшись под контролем миссии. В качестве доказательства следовала ссылка на непредоставление миссии отчётов Вильчинским об использовании излишков доходов над расходами, которые во время его ректорства составляли почти 1000 пиастров.

Одной из статей конвенции оговаривалось, что права каждой из договаривавшихся сторон в отношении установления оставались нетронутыми и что способ временного управления не предreshал ничего относительно окончательного соглашения.

Прежде чем приступить к переговорам о нём, Гагарин просил инструкций. Он считал, что предстояло чётко определить различие в отношениях с установлением каждой из заинтересованных сторон, границы полномочий каждой из них и помешать тем самым конфликтам и осложнениям, которые служат неиссякаемым источником споров. С этой целью папа будет призван закрепить специальным бреве три пункта, о которых он уже ранее писал. Ими обеспечивалось: для российского Двора право протектората и административный надзор; для базилианского ордена — право собственности; для Пропанды — право духовной юрисдикции. Подобное распределение власти, санкционированное папским законом, должно было навсегда положить конец незаконному вмешательству каждой из сторон, оставляя свободное осуществление ими части власти, выпавшей законно на её долю.

Гагарин находил данный момент благоприятным для переговоров по этому поводу, учитывая расположение папы к императору после успешной войны. Дело

в том, что Альбани поведал ему «о восхищении, испытываемом Святым Отцом к высокой сдержанности, которую Его Императорское Величество проявил в победе, сдержанности, которая одна смогла устранить от остальной Европы опасность всеобщего конфликта». А в связи с настояниями Гагарина покончить с разногласиями, возникшими между миссией и Пропагандой, понтифик сказал кардиналу: «...нужно сделать для императора Николая всё возможное»¹.

Хотя в соответствии с указаниями посланник воздерживался от бесед с Альбани относительно указа о создании греко-униатской Коллегии, однако, как он писал в донесении от 1 ноября / 20 октября 1829 г., во время одного из бесконечных обсуждений вопроса о Пасколо он вынудил его отступить от этого. Альбани сказал, «что рутенский базилианский орден дезорганизован, и, говорят, что у вас мечтают отрешить униатское население от единения с римским Двором». Гагарин в ответ заверил, что это «были сплетни покойного отца Анатоля», которые «имеют основание лишь в воображении нескольких интриганов, и что новые положения императорского указа были продиктованы самой отеческой и самой великодушной заботой». Затем он заметил, что письменно ответил на запрос по этому поводу кардинала Бернетти и выразил готовность ответить и на подобный запрос Альбани, чтобы устранить всякие сомнения. Как ему показалось, кардинал был удовлетворён ответом и больше не возвращался к этому щекотливому вопросу².

К тому же вскоре у Гагарина появились сведения, прояснившие в некоторой степени реакцию Святого Престола на указ. Дело в том, что из бумаг Вильчинского (донесение от 15 / 3 декабря 1829 г.) он смог убедиться, что именно он внушал недоверие к новым административным мерам, принятым в отношении греко-униатов. Зная об этих интригах, пояснил Гагарин, он настаивал на том, чтобы управление было передано его доверенному лицу, т. е. аббату Сартори. «Тем самым, — продолжал он, — я смогу воздержаться от того, чтобы входить серьёзно и обстоятельно в рассмотрение вопроса о том, кто стимулировал ноты кардинала Бернетти»³.

Тем временем после изучения имевшихся документов по делу об этой церкви и ознакомления с донесениями Гагарина своё мнение по нему в подробной записке от 22 / 10 декабря 1829 г. изложил Блудов. Из имевшихся у него материалов следовало, что церковь Сергия и Вакха (теперь Мадонна дель Пасколо) с прилегавшей землёй первоначально декретом конгрегации *Apostolica Visitationis* 1639 г. и утверждавшей его грамотой Урбано VIII 1641 г. была предназначена для заведения «Коллегии народа русских». В 1645 г. кардинал Бенедетто Барберини «завещал, также вообще для русских, имеющих сию церковь, ежегодно по сту скудов и купленный им при оной дом. Между тем намерение учредить особую Русскую коллегию оставлено». Присылаемое в Рим русское юношество размещалось

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 128–131.

² Там же. Д. 391. Л. 35.

³ Там же. Д. 366. Л. 136–137.

в римской, греческой и других, вне города находящихся коллегиях, где и воспитывалось смешанное с молодыми людьми латинского обряда; церковь же Сергия и Вакха со всем к ней принадлежащим перешла в ведение базилианского ордена. Каким образом и когда сие случилось, из имевшихся документов было не видно. Но в булле Бенедикта XIV 1743 г., *inter plures* (название буллы о назначении на содержание базилианского прокурора 100 скудо. — О.С.), отмечал Блудов, «уже сказано, что папа Урбано VIII отдал (*concessiosse*) церковь Сергия и Вакха русским монахам, а кардинал Барберини на приобретённом при оной месте построил дом для генерального прокуратора, которому он назначил и ежегодное содержание». Эта булла противоречила точным словам грамоты Урбано VIII, ибо в ней утверждалось, «будто бы с самого начала церковь, дом (*Hospitium*) и завещанное кардиналом Барберини содержание определены одним русским монахам базилианам». Впрочем, заключал Блудов, «как бы то ни было, но, по крайней мере, несомненно, что с сего времени, то есть с 1743 года, а может быть, и прежде единственным назначением заведения сделалось помещение генерального в Риме прокуратора базилианского ордена».

Впоследствии в помощь ему присылались ещё два монаха для представительства ордена в Риме, отправления богослужения на славянском языке и исполнения духовных треб для униатов, приезжающих из Польши и России.

На естественно возникавший вопрос: «полезно ли в наше время и даже может ли быть терпимо существование такой Духовной греко-униатской миссии в Риме?» — следовал ответ: «Оно противно нашим общим государственным узаконениям по сей части, ибо никакой и римско-католический монашеский орден не имеет права посылать прокураторов в Рим; для сношения сих орденов и, вообще, духовенства с папским Престолом предназначен один только путь: наше посольство». Блудов также замечал, что для пребывания монахов-базилиан в Риме не было необходимости, так как им не для кого было исправлять духовные требы, ибо к унии в возвращённых от Польши землях принадлежали лишь малоимущие жители, которые не ездили за границу. А иногда такое пребывание могло быть даже вредно, если они проявят склонность к проискам, как Вильчинский. К тому же, как следовало из имевшихся у Блудова документов, это заведение не имело собственных достаточных способов для своего содержания. Он разделял мнение Гагарина, что это заведение «есть не что иное, как бесполезное для нас бремя, причина напрасных забот, издержки и повод к неприятным объяснениям и спорам». Но он не поддержал предлагаемые им (в донесении от 16 / 4 февраля) способы решения этого вопроса. А именно: «возвратить сие заведение Пропаганде *tacite* (молча — лат.) (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), т. е. не назначать в оное русских базилиан на будущее время, или же, взяв в администрацию, продать оное впоследствии по доверенности митрополита Булгака, как начальника базилианского ордена». Блудов находил, что первая из этих мер едва ли была прилична, «особливо теперь, при открывшемся между посольством и Пропагандой явном споре

о праве собственности на заведение». Вторая могла при её осуществлении встретить много затруднений.

Между тем, считал он, предмет спора был очень мало важен. Разобрав, в чём состояло имущество этого заведения и на какую часть его могла бы претендовать российская сторона, он приходил к выводу, что ею были лишь принадлежавшие этому заведению дома, но, поскольку они находились в плохом состоянии, нельзя было надеяться, что их продажей можно было выручить соответствующий доход от них капитал.

Подробно проанализировав ситуацию¹, он полагал, «что было бы и удобнее, и согласнее с достоинством нашего правительства» или отдать его Пропаганде по повелению императора, или же предоставить исключительно Царству Польскому, которое, имея в Риме другое подобное заведение, церковь Св. Станислава, скорее может установить за ним надёжный присмотр.

Полученные в последнее время из Рима новые известия не должны были останавливать исполнение этого намерения. Что касалось обоснования Пропандой веры прав на владение этим заведением, их, по мнению Блудова, было не столь легко оспорить, как полагал Гагарин. Для него было очевидно, что это дело может продолжаться и, возбуждая бесконечные споры, давать римскому Двору повод поднимать важнейшие вопросы. Он обращал внимание, в частности, на то, что Альбани уже намекнул Гагарину «о мнимом расстройстве базилианского ордена, о его первобытной независимости и праве сноситься непосредственно с римским Престолом». Он отрицательно отнёсся к испрашиваемому Гагариным разрешению ходатайствовать о бреве папы. Он сомневался в получении согласия дать такое брeve, в том числе и потому, что конгрегация иногда не позволяет,

¹ Дело в том, пояснил он, что из имевшихся документов, по которым базилиане владели церковью Мадонна дель Пасколо, нельзя было точно решить, что им принадлежит полное право собственности на неё и дом, потому что «слово *concessit* больше означает дозволение пользоваться, нежели дар совершенный». А это значило, что Пропанда веры могла, без основания, продолжать спор, и даже если бы она пошла на уступку, оставалось неясно, было ли бы признано достаточным доверенности митрополита Булгака для продажи? К тому же не вызывало сомнения, что в Риме поднимут вопрос о самобытности и независимости базилианского ордена, которой по нынешнему положению греко-униатских дел не существует. Кроме того, Россия долгое время после раздела Польши не поднимала вопрос об этом заведении, и оно теперь считалось, по-видимому, относящимся к Царству Польскому. На нём имелся герб Польши. Сложности могли возникнуть и с назначением иеромонаха и его помощника, поскольку, согласно булле Бенедикта XIV, прокуратор базилиан в Риме должен быть попеременно из литовской и польской провинций. Доказательство же того, что почти всю бывшую под польской короной провинцию базилиан составляли монастыри современной русской провинции и галицийские, а монастыри современного Царства были её незначительной частью, привело бы неминуемо к спорам и препирательствам (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 390. Л. 153–154).

даже и самому папе, «действовать по видам светской здравой политики». Он не был уверен, следовало ли и желать такого согласия, «коего единственным для нас последствием будут напрасные издержки и умножение зависимости греко-униатов от Рима». Всего лучше, полагал Блудов, было решить это дело «безусловным возвращением одного Пропаганде», обоснованием чего могли стать: «Во-первых, необходимость положить конец продолжающимся уже около двух лет и столь маловажным по предмету своему спорам; во-вторых, бесполезность, при установленном ныне порядке сношений наших с Двором папы, иметь в Риме прокуратора базилианского ордена, для коего единственно сие заведение было предназначено»¹.

Записка привлекла внимание императора к этому вопросу и особо способствовала, по признанию Нессельроде, принятию им окончательного решения о судьбе этой церкви².

Спор о юрисдикции между Пропагандой и императорской миссией; административное и духовное вмешательство, которые эта конгрегация хочет осуществлять над этим установлением, несмотря на наши бесспорные права; мелочные и без конца повторяемые ходатайства, обращённые к папскому правительству против незаконного вмешательства Пропаганды; расплывчатость этих решений; деликатные вопросы, которые эти споры случайно затрагивают; все эти соображения, вместе взятые, заставляют императорское правительство желать прекращения положения дела, несовместимого с позицией малоактивной и ординарной, которую должен занимать его представитель в Риме перед правительством и Его Святейшеством.

Его Величество Император, движимый этими соображениями и своим большим великодушием, предпочитает спонтанно отказаться от всех своих прав на это установление скорее, чем их видеть даже слегка оспоренными. Возвращая римскому Двору эту церковь с её имуществом, пристройками, меблированными и не меблированными, наш Августейший Монарх хочет дать этим самому Святому Отцу доказательство своего постоянного желания устранить между двумя Дворами любой повод для какого-либо препирательства, —

говорилось в направленной Гагарину депеше от 21 / 9 января 1830 г.

Доводя до сведения папского правительства это решение, Гагарин должен был постараться «заставить оценить благожелательные мотивы, его продиктовавшие». Папа отныне должен был сам решить последующее предназначение этого установления, «от которого Его Императорское и Королевское Величество отказывается в качестве императора и польского короля, так чтобы рутенские монахи Империи и Царства не направляли отныне больше в Рим никакого ректора, ни прокурора, ни какого-нибудь клерка их ордена. Поскольку с этого дня у них там нет больше

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 390. Л. 151–155.

² Там же. Л. 150.

собственности». В случае, который отнюдь не исключался, если римский Двор захочет отклонить эту уступку, Гагарину предписывалось заявить, что решение императора «неизменно и что, поскольку полагали этим самым сделать приятное Святому Престолу, правительство Его Святейшества должно было также оценить этот благожелательный акт в его истинном свете»¹.

Подлинный смысл принятого решения раскрывает другая депеша из С.-Петербурга за то же число, 21 / 9 января.

Заставляя прекратить тем самым (возвращением церкви. — О.С.) прямые сношения Святого Престола с греко-униатами Империи и Царства, Его Величество хотел бы избежать также в будущем любых прямых отношений, которые могли бы легко установиться между рутенскими монахами Его государств и римским Двором, если бы эта церковь была отдана Австрии, которая... насчитывает среди своих подданных большое число греко-униатов в Галиции.

Чтобы предотвратить такую возможность, Гагарин должен был постараться добиться от Святого Престола формального обещания не передавать эту церковь никакому другому монарху, и сделать это так, чтобы римский Двор не заметил существующих по этому поводу опасений. Если бы между тем он встретил неодолимые трудности в получении такого обещания, всё равно он должен был следовать полученной инструкции, так как решение императора вернуть это установление римскому Двору было неизменным².

Первая реакция Альбани на сообщение о решении императора выразилась «в глубоком огорчении». Он увидел в нём «результат неприятных дискуссий, имевших место между Пропагандой и миссией», и заявил о необходимости обратиться к императору. Сославшись на то, что решение было «столь же неизменным, сколь благожелательным», Гагарин сказал, что после того, как ознакомил его с полученными инструкциями, не откажется принять письменное изложение мнения римского Двора. Он также пояснил, что, собираясь как раз испросить аудиенцию у папы, чтобы представить путешественников, воспользуется этим случаем, чтобы сообщить ему о благожелательных намерениях императора. Когда через день он увидел папу, тот сказал, «что к горячей признательности, которую у него вызывает великодушие Его Величества, присоединяется сожаление видеть, как рутенское установление разрушается, связи между верующими этого исповедания и центром единства нарушаются и установление Пасколо лишилось дотации, предоставляемой ему Царством Польским».

Папа добился от Гагарина обещания договориться с Альбани, чтобы, как он дословно выразился, «исправить это дело». Не пожелав углубляться в суть вопроса,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1830. Оп. 469. Д. 228. Л. 217—218.

² Там же. Л. 222.

он затем занял своего собеседника, как это делал охотно, продолжительной, полной доброжелательности беседой¹.

7 марта Альбани вручил Гагарину ноту. Отказ императора в пользу папы от прав и прерогатив в отношении Пасколо истолковывался как проведение в жизнь характерного для него принципа великодушия. Прошлое этого неприятного спора было слишком хорошо известно Гагарину, чтобы он мог с этим не согласиться. Если в таких трудных обстоятельствах сам император проявляет великодушие, нужно ли, ставил вопрос кардинал, чтобы Святой Отец «получил и принял предложение, которое, хотя и великодушное, несёт отпечаток огорчения?». С сожалением, но папа должен был отклонить предложение, бывшее следствием доброжелательности императора. Но это служило не единственным соображением, вынуждавшим папу настаивать на его решении. Другие заключались в следующем. В его отеческой заботе о рутенских католиках, так же как в существующей всегда надежде Святого Престола увидеть в столице католичества представителей монахов этого исповедания, в качестве ценного свидетельства гармоничных связей и религиозной общности между этими верующими и их духовным главой.

Кардинал был убеждён, что ещё одной причиной воздержаться от согласия с подобным предложением для папы служило уважение, должное праву собственности, признанному сегодня двумя сторонами в пользу базилианских монахов рутенского исповедания, которые были бы её незаслуженно лишены.

Сожаления папы возрастали особенно в связи с тем, что было бы истолковано столь не соответствующим его подлинным намерениям образом всё то, что он сделал после того, как ему стало известно о споре между конгрегацией Святой пропаганды и императорской миссией. Папа не спешит со своим решением и заверяет, что никогда не высказал бы никакого мнения, прежде чем предоставить миссии время, необходимое, чтобы предъявить документы, которые она считает способными поддержать её притязания. А чтобы в этот промежуток времени права обеих сторон были бы соблюдены, папа вместе с миссией предпочтёт способ временного правления.

Кардинал просил посланника ходатайствовать перед императором об отказе от его предложения, «великодушного, но тяжёлого» для Святого Престола, и о согласии, чтобы установление Пасколо продолжало управляться как прежде до прибытия уполномоченного от ордена-собственника или до заключения окончательного соглашения с миссией².

Нота Альбани не показалась Гагарину способной заставить императора изменить его решение. Её содержание он истолковал следующим образом. На сей раз кардинал признал, что «неудовольствие, вызванное пререканиями между миссией и Пропагандой, не является единственной причиной», побуждавшей Святого Отца

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1830. Оп. 469. Д. 228. Л. 23.

² Там же. Л. 26–27.

отклонить предложение императора. Папа хотел бы всегда иметь, «благодаря пребыванию базилианского прокуратора в Риме, это средство для прямой переписки с орденом, эти узы преданности Святому Престолу и ультрамонтанским принципам, чтобы лучше их распространять в наших странах». Так прокомментировал эти пожелания понтифика Гагарин в донесении от 11 марта / 27 февраля 1830 г.

Между тем, отмечал он, происки последнего ректора достаточно доказали неудобства такого положения вещей. Ведь в его бумагах нашли бесспорные улики всего того, что он делал, чтобы здесь внушить, посредством лживых сообщений, недоверие к мерам правительства. Именно ему «мы обязаны протестам кардинала Бернетти против императорского указа, который реорганизовал, столь отеческим и великодушным способом, греко-униатское исповедание и по поводу которого нашли написанные Вильчинским заметки, столь же ошибочные, сколь злонамеренные». Бумаги, о которых упоминал Гагарин, поступили в миссию благодаря стараниям аббата Сартори. Он же представил доклад о положении в этом установлении, которого, полагал Гагарин, «было более чем достаточно, чтобы потерять всякое желание вернуться к прежнему порядку вещей, прекращение которого только что было столь счастливо решено».

В ноте Альбании он видел заслуживающим быть отмеченным лишь один-единственный пункт, тот, где говорится, что, приняв предложение императора, папа проявил бы неуважение к праву собственности базилианского ордена, который тем самым оказался бы лишённым бесспорно принадлежавшего ему имущества. Посланнику в этой связи представлялось возможным, со стороны императора, который только что столь великодушно давал дотацию греко-униатскому исповеданию, заверить папу в компенсации этой части собственности, «реальная польза которой столь далека от того, чтобы быть вообще признана»¹.

Предвидевшийся заранее отказ римского Двора принять отказ императора от этого установления, как следовало из направленной Гагарину депеши от 15 / 3 мая, ни в чём не менял принятое решение относительно этой церкви. Речь шла теперь лишь о том, как должен был действовать посланник, не вступая в новые объяснения с папским правительством по этому поводу. Предполагалось, что аббат Сартори с общего согласия папского правительства и императорской миссии в качестве временного администратора сможет продолжить ещё в течение некоторого времени своё руководство, стараясь обращаться к государственному секретарю по делам этой церкви. Поскольку базилианские монахи больше не прибывали в Рим, предоставляемая им для содержания помощь в 200 пиастров не будет больше посылаться в Варшаву. Аббат Сартори должен будет воспользоваться удобным случаем, чтобы передать самому государственному секретарю управление церковью, доказывая фактами, что не сможет, учитывая скромность активов этого учреждения, покрывать его расходы.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1830. Оп. 469. Д. 228. Л. 23–25; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 142–144; Д. 367. Л. 201–203.

Предполагалось, что в этой ситуации Альбани поставит перед Гагариным вопрос о создании нового временного управления. На это последний должен будет напомнить, что, в соответствии с инструкциями, с которыми он его уже ознакомил, больше не считал себя призванным вмешиваться в дела этой церкви. Рассчитывали, что римский Двор тогда не сможет не принять на деле это здание в свою собственность¹.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1830. Оп. 469. Д. 228. Л. 231–232; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 390. Л. 193–194.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Конклав 1829—1830 гг.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ ГРИГОРИЯ XVI.

РЕВОЛЮЦИЯ 1830 г. в ПАПСКИХ ГОСУДАРСТВАХ.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Между тем наступила первая годовщина со времени избрания Пия VIII. В донесении от 11 марта / 27 февраля 1830 г. Гагарин как бы подвёл итоги деятельности папы и его государственного секретаря:

Если позволительно современнику предвосхищать суровый суд истории, я осмелился бы утверждать, не боясь быть опровергнутым, что страницы, посвящённые памяти Пия VIII, представят для читателя лишь незначительный интерес и что он тщетно будет искать там великие уроки мудрости, которые просвещают человека в то же самое время, как они его воспитывают.

Достигший верховной власти в возрасте, когда другие папы часто ещё сотрясали мир славой их имён, наследник Льва XII, кажется, взшёл на трон Апостолов лишь для того, чтобы там, в мире, наслаждаться сладостью частной жизни. Жажда добра, любовь к славе, забота о том, чтобы улучшить судьбу своих подданных — эти благородные пружины душ сильных и возвышенных являются струнами, лишь слабо отзывающимися в сердце, притуплённом страданием. Год, прошедший со времени вступления на престол Пия VIII, не отмечен ни во внешней политике, ни в управлении никаким заметным актом и не предлагает ничего, на чём взгляд наблюдателя мог бы остановиться с подлинным удовлетворением. Это всё те же самые злоупотребления, тот же самый беспорядок, та же самая нехватка государственных финансов, удручающую картину которых я уже прежде развёртывал перед взором Вашего Сиятельства. И, если нынешний папа внёс некоторые изменения в административные принципы своего предшественника, в этом увидят лишь одно: вечную манию пап разрушать при перестройке.

Его восьмидесятилетний министр

...также принимает занимаемый им пост за спокойную синекуру, и римляне, лукавые и насмешливые по своей природе, говорят о нём, что лучшее, что он делает — это ничего не делать. Странная вещь! Когда обсуждают плохое применение,

которое один и другой нашли для власти, спрашивают себя с удивлением: почему они потратили, чтобы её захватить, столько жару и уловок?

Кажется, впрочем, что этот понтификат не будет продолжительным: папа пребывает, как я говорил выше, в состоянии почти непрерывного страдания, подагра присоединила свои бури к стеснениям в груди, его хронической болезни, приступы которой, говорят, его выводят из себя. Он это знает сам и запрещает, чтобы ему повиновались в такие моменты.

Кардинал Альбани, игравший на последнем конклаве столь решающую роль, почти не сможет надеяться на столь же благоприятные шансы при близкой вакансии Святого Престола. Однако если он не сделал много хорошего, по крайней мере, он вовсе не оттолкнул от себя умы новыми притеснениями, можно даже утверждать, что, благодаря беспечности правительства, население сегодня меньше притеснено, чем это было при понтификате Льва XII.

Мы приближаемся, таким образом, возможно, ко времени нового конклава. Что там увидят? Ту же игру страстей, интриги, личные интересы, которые прикрываются маской религии, побуждения, амбиции, которые принимают вид внушения сверху; и в качестве результата всего этого увидят, как появляется другой старец, которому передадут власть ключей, огромную моральную силу и материальное управление над более чем двумя с половиной миллионами подданных, спасение которых его занимает настолько, насколько это ему позволяют его способности, наполовину угасшие из-за возраста и немощи. Таков, господин граф, за малым исключением, круг, в котором вращается правление выборное и священническое¹.

При очевидном признании им отсутствия каких-либо положительных сдвигов во внутренней жизни страны, Гагарин после июльских событий во Франции немало размышлял над восприятием их в Риме, влиянием на отношения Рима с Парижем и, конечно, над возможностью того, что они вызовут революционный отклик в папских государствах. В том, как были встречены в Риме становившиеся со дня на день всё более угрожающими французские новости, он увидел доказательство того, что

...здесь довольно симпатизируют разрушительным доктринам, которые раздаются во Франции. Одни священники сожалеют о том, что там происходит, но даже среди них есть такие, что тайно этому рады. В данное время население спокойно, но не дай Бог, чтобы зараза распространилась на эту страну. Папское правительство не имеет никакого средства ей сопротивляться: так как, если мы видели некоторые из итальянских правительств опрокинутыми так легко революцией, то вовсе не потому, что она была там сильной, а потому, что правительства там были ещё более слабыми, чем революция. Им недостаёт одновременно силы

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 149–151; Д. 407. Л. 29–30.

моральной и материальной. Таким образом, ничто не должно будет удивлять, если в день опасности увидят, как они бросятся в объятия Австрии, несмотря на ненависть, которую они к ней испытывают, зная по опыту о жертвах, которые она от них потребует в качестве платы за услуги¹, —

писал Гагарин 12 августа / 31 июля 1830 г.

Он попытался взглянуть (донесение от 25 / 13 сентября) на только что произошедший во Франции кризис с двойной точки зрения: того, как он воздействовал на светскую и духовную власть Святого Престола.

Незначительно, едва затрагивающая светскую власть папы французская революция нанесёт роковой удар по католической религии и поколеблет до самого основания духовную власть Святого Престола во Франции, — полагал посланник. — Опасность, которой может быть подвергнуто общественное спокойствие этой страны, вследствие частичного успеха, одержанного новыми доктринами над прежним порядком вещей, является общей для него с остальной Италией, возможно даже, что эта опасность меньше для государств Церкви, чем для других частей полуострова. Чтобы в этом убедиться, достаточно бросить взгляд на географическое положение страны. Поскольку она окружена державами, заинтересованными ещё больше, чем она, в сохранении порядка, преграда, которую на Севере и на Юге Италии противопоставят революционному потоку, гарантирует безопасность промежуточных государств, без того, чтобы эти последние нуждались в том, чтобы подумать о собственной защите.

Прежде всего, имелась в виду Австрия, проявлявшая бдительность в сохранении своих завоеваний на Севере Италии. Затем группировавшиеся вокруг неё государства второго порядка: Тоскана, страна «издавна спокойная и счастливая из-за мудрости и умеренности управляющих ею принцев»; герцогства Модены, Лукки и Пармы, «все сросшиеся с Австрией, будут действовать по побуждению венского кабинета». Что касалось Романьи и легатств, население которых ещё могло питать надежду на возвращение республики, воспоминания о которой им дороги², «они были обречены на неудачу австрийскими гарнизонами Феррары и Комаккьо»³, явно к этому времени усиленными. Заинтересовано воспротивиться проникновению «политических новаторов» было и Сардинское королевство.

Из своего краткого обзора Гагарин делал вывод, «что с этой стороны опасность заразы для Рима на данный момент очень далека». Анализ убедил его в отсутствии такой опасности и с Юга, от Неаполитанского королевства.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 167.

² Она была провозглашена в Анконе в ноябре 1797 г. и пала в ноябре 1799 г.

³ Право держать свои гарнизоны в крепостях Феррары, Пьяченцы и Комаккьо Австрия получила по решению Венского конгресса.

Обратившись к самому римскому населению, он писал, что оно

...состоит по большей части из лиц, которые слишком заинтересованы в сохранении правительства таким, как оно есть, чтобы идти на риск подвергать опасности всё своё существование. В самом деле, из кого состоит население столицы? Из священнослужителей всех родов — кардиналов, прелатов, священников, монахов, армии служащих и лиц, которые живут на счёт казны. Высшая знать, которая простирает притязания привилегированной касты дальше, чем в любой другой стране, со своими многочисленными клиентами и обслугой, совершенно не расположена к новшествам. Всё это праздное и ленивое население окажется доведённым до нищеты в случае политического потрясения, и, если некоторые горячие головы вздумают проповедовать волнения, инертная масса подавит их своим весом.

В целом эту часть своего обзора Гагарин резюмировал так:

...споконьяние государств Церкви при нынешнем порядке вещей не подвергается и не будет подвергаться неизбежной опасности ни внутри, ни вовне так долго, пока новое французское правительство будет иметь силу и желание держать революцию в границах Франции и пока Австрия, хозяйка страны, для сохранения в ней спокойствия использует средства умеренные и осторожные скорее, чем силу.

Что касалось влияния, которое смена правительства во Франции окажет на её отношения со Святым Престолом, как с духовной властью, мнение Гагарин сводилось к следующему. Он считал, что с этой точки зрения римский Двор «понёс огромную потерю, которую в данное время ещё невозможно подсчитать, но которая будет становиться всё более чувствительной для него день ото дня». Укрепит ли нынешнее правительство или претерпит изменения, писал он, «никогда Святой Престол не будет пользоваться во Франции таким влиянием, которым пользовался прежде и которое он утратил безвозвратно»¹.

В декабре 1830 г. предвидения Гагарина оправдались: 30 ноября скончался Пий VIII. Его смерть заставила подводить окончательный итог его недолгого правления. Гагарин (донесение от 2 декабря / 20 ноября) признавал, что, если никакого улучшения не предполагалось во время его краткого понтификата, оно отличалось полным отсутствием злоупотреблений. Так что

...ни один фаворит не приблизился к папе, никто не может похвастаться, что снискал его доверие и смог извлечь из этого выгоду в нарушение порядка и справедливости. Если бы его здоровье было лучше, можно было бы ожидать, что он сделал бы много добра для страны, но при сильных лишаих на затылке, почти постоянной подагре в коленях, уход, которого требовали эти немощи, не могли не поглощать большую часть его времени. Отсюда, — делал вывод Гагарин, — Ваше Сиятельство видит из этого, насколько было бы желательно, чтобы взоры собравшегося

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 173—177.

конклава пали бы на кардинала, который к достоинствам просвещённого ума присоединил положительные качества здоровья, которое обещает долгое правление. Конечно, для народа нет ничего, более приводящего в уныние, чем так часто видеть его насущные интересы вновь поставленными под вопрос и, так сказать, отданными на милость собрания старцев, частью иностранных, у которых мысль об общественном благе (если она у них имелась) должна уступить место видам на личную выгоду и жажде успеха, тем более активной, что всегда подавленная, она быстро возрастает лишь на конклаве.

Что касалось самого конклава, Гагарин писал, что состав Священной коллегии будет почти тем же, что в прошлом году. Отсутствие семи скончавшихся кардиналов будет незаметно, потому что шесть человек были возведены в это звание Пием VIII. Он полагал, что кардиналы, живущие вне Рима, имели больше шансов на успех, потому что они менее известны. Не берясь угадать, кому будут доверены судьбы папского государства и католической религии, он так заключал свои размышления: «Одно — несомненно, а именно, что необходимо, чтобы новый папа был бы избран поскорее, так как я убеждён, что в самом Риме есть плохие подданные, способные воспользоваться инертным состоянием вакансии, чтобы попытаться осуществить какое-нибудь из таких преступных дел, как пойти на то, чтобы освободить каторжников или же грабить кассы народных вкладов»¹.

По случаю кончины Пия VIII Николай I, обращаясь к иерархам римско-католической Церкви, писал: «Отдавая надлежащую дань восхищения добродетелям и выдающимся качествам прославленного покойного, Мы сохраним с чувством глубокой признательности воспоминание о дружеском расположении, которое он нам засвидетельствовал, и Мы разделяем всю скорбь, которую столь чувствительная потеря Нас заставляет испытать»².

Конклав начал работу 13 декабря, и хотя, казалось бы, следовало ожидать, что кардиналы, «вдохновляемые нынешней срочностью и, устраняя все другие соображения, смогли бы без отсрочки прийти к согласию в отношении выбора преемника», этого не произошло.

Во время конклава Гагарин оказался «в неприятной необходимости принять некоторое участие в скандальных распрях, имевших на нём место». В этой связи в донесении от 25 / 13 января 1831 г. он напомнил то, о чём уже писал в донесении от 6 ноября / 25 октября 1829 г. После смерти Льва XII кардинал Каппеллари был в числе кандидатов, поддержка которых венским Двором не вызывала сомнения. Действительно, Альбани, уполномоченный действовать в смысле этих намерений, выдвинул кардинала Каппеллари, но, действуя в интересах Двора, он решил, прежде всего, уладить свои дела, т. е. стать государственным секретарём. Он сказал

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 185—186; Д. 407. Л. 63.

² Там же. Д. 390. Л. 233.

об этом Капеллари, который ответил, что для него принять на себя заранее обязательства значило бы поступить против своей чести и достоинства. Иными словами, это означало, что Альбани не следовало рассчитывать на место премьера. После этого вопрос о Капеллари больше не стоял, и кардинал Кастильони был избран по воле Альбани, который с тех пор повторил Гагарину «двадцать раз: я тот, кто сделал папу».

Во время понтификата Пия VIII Капеллари, будучи префектом конгрегации Пропаганды веры, как уже говорилось, принял участие в дискуссии вокруг установления *Мадонна дель Пасколо*. После её окончания Гагарин его больше не видел. Но когда в сентябре 1830 г. он возвращался из Парижа в Рим, нунций Луиджи Ламбрускини попросил отвезти пакет кардиналу. Он на это охотно согласился, а чтобы доказать, что не был злопамятен, по возвращении в Рим поспешил выполнить поручение нунция. Он был встречен очень сердечно, и после первых приветствий Капеллари сказал: «...возможно ли, что Вы не сердитесь на меня из-за этого неприятного дела Пасколо? Поверьте, что это недоразумение, о котором я сожалею, и я готов принять условия, предложенные Вами в трёх пунктах». Заметим: тех, что были Гагариным приведены в донесении от 29 / 17 сентября 1829 г. Дипломат ответил, что в данный момент для него было невозможно вернуться к этому делу, но при случае он известит об этом своё правительство. Визит закончился самым дружеским образом¹.

После смерти Пия VIII лица, заинтересованные в ходе конклава, спрашивали Гагарина, не имеет ли его Двор предубеждения против Капеллари по причине спора о Пасколо. Он всегда отвечал, что его Двор не имел «ни предпочтений, ни нежеланий», что он, со своей стороны, был бы рад видеть папой Капеллари.

После отстранения Испанией кандидатуры Джакомо Джустианини, а Францией Винченцо Макки за кардинала Капеллари ратовала партия противников Альбани. Несколько дней по причине простуды не выходящий из дома Гагарин неожиданно узнал, что Капеллари был бы папой, если бы не приписанное ему утверждение, будто бы его Двору такой выбор не понравится. Гагарин написал письмо Бернетти, чтобы заверить, что никогда не имел от своего Двора никаких указаний ни в пользу, ни против ни одного из кандидатов, что был возмущён, узнав, что его имя хотели использовать, чтобы его впутать в интригу вне круга его полномочий, которые он никогда не позволит себе превысить. Позднее Гагарин узнал, что его демарш вызвал сильное недовольство кардинала Альбани. Это и послужило ему доказательством того, что именно он употребил во зло его имя. Посланник рассчитывал, что в С.-Петербурге согласятся, что для него было невозможно обойти молчанием проделку, которую с ним хотел сыграть Альбани. Тем более что он знал, что австрийский посол был очень расположен в пользу Капеллари, а он никогда не позволил бы себе показать своим молчанием, что присоединился к интригам,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 205—206.

которые ведут против него. Альбани, замечал он, хочет изо всех сил стать государственным секретарём и обещал скорее заставить конклав продолжаться до Пасхи, чем уступить¹.

Только 2 февраля / 21 января 1831 г. Гагарин смог сообщить, что конклав кончил свои заседания, и кардинал Бартоломео Альберто Каппеллари был избран папой. Он принял имя Григория XVI. Он родился в Беллуне в 1765 г. Кардиналом стал пять лет назад и был префектом конгрегации Пропанды веры. Гагарин писал, что уже имел честь поцеловать руку папы, принявшего его «самым сердечным образом»².

Как признался сам Григорий XVI Гагарину, при вступлении на трон он вовсе не хотел спешить с формированием окончательного правительства, а предполагал «предварительно сориентироваться и выяснить сам состояние дел, но быстрый ход событий его обязал решиться назначить кардинала Бернетти государственным секретарём»³. Это назначение явно порадовало российского посланника.

На официальное известие об избрании нового папы из С.-Петербурга последовал традиционный в таком случае ответ⁴. В тот же день, 7 марта / 23 февраля, Гагарину была направлена депеша, в которой сделанный Священной коллегией выбор представлялся императору «истинно», «во всех отношениях удовлетворительным».

Выдающиеся качества, отличающие нового главу римской Церкви, служат счастливым предвестием для исполнения высокого призвания, которое он только что получил, — говорилось в ней. — Его императорское Величество выражает искреннее пожелание счастья его правлению. Он хочет верить, особенно, что при Григории XVI отношения, столь счастливо существующие между императорским Двором и Святым Престолом, продолжают быть взаимно дружескими. Со своей стороны, Он приложит к сохранению этих отношений всё усердие, которое сможет лучше убедить папу в расположении, которым он одушевлён в отношении него.

Гагарину предписывалось передать папе все эти заверения, когда он будет поздравлять папу⁵.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 205—207. В свете этих перипетий становится понятным (данное, правда, со ссылкой на донесение от 1 февраля прусского посланника Кристиана Бунзена) утверждение немецкого историка, что, «ещё будучи кардиналом, Каппеллари завязал сношения с русским посланником князем Гагариным, с которым достиг полного взаимопонимания» (Винтер Э. Папство и царизм. М., 1964. С. 261). Это заключение, как вообще основанные на подобных источниках, часто оказывались очень далёкими от истины.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 229. Л. 52, 67; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 207.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 210.

⁴ Там же. Д. 432. Л. 29.

⁵ Там же. Л. 32—33.

Начало понтификата нового папы было отмечено быстрым прогрессом революции, которая из Болоньи распространилась на Романью и Марку. Как писал 26 / 14 февраля Гагарин, за короткое время трёх недель революция опустошила три четверти государства папы и сократила его достояние до храма Св. Петра, римской равнины и Фрозиноне. В Ферраре, Болонье, Равенне, Форли, Пезаро, Урбино, Марке, Перудже, Фолиньо, Сполетто революционная партия низвергла папское правительство; от Феррары до Чивита Каstellана всё пребывало в состоянии восстания, повсюду действовали временные правительства, итальянские символы заменяли символы папского государства; объявляли о падении светской власти папы; центральное правительство было создано в Болонье. Столица трепетала и ожидала с минуты на минуту оккупации повстанческими войсками. Уверяли, что были проведены все необходимые приготовления для отъезда папы в Чивита-Веккья.

Размышляя над происходящим, Гагарин заключал:

Если трудно определить точно причины и характер революции в государствах Церкви, есть пункт, по которому весь мир согласен, — это плохое правление священников, своим невежеством, своим казнокрадством оттолкнувших от себя всех умных людей... Ничто больше не свидетельствует о крайней слабости правительства, как лёгкость и ужасная быстрота, с которой оно уступает восстанию. По мере того, как оно уступает, дерзость партии увеличивается; трусость должностных лиц, измена войск её усиливает и укрепляет всё больше и больше. Что делает пока правительство, чтобы сохраниться? Без армии, без казны, без популярности оно ищет своё спасение в духовном оружии, и за неимением другого средства оно грозит в манифестах воздействовать на мятежников всей суровостью духовного суда. Но можно ли сегодня гарантировать действенность подобных угроз? Так как, с одной стороны, оружие является сомнительным, каким будут последствия, когда это средство не будет иметь успеха? К несчастью, в самом духовенстве имеется много лиц, заражённых ниспровергающими доктринами; видели епископов, певших *te deum*, чтобы отпраздновать падение папской власти. Всё доказывает, таким образом, что это правительство не обладает само по себе никаким оздоровительным средством. Одна помощь извне может и восстановить, и предохранить от полного падения. Но ищут ли эту помощь, вот животрепещущий вопрос, решение которого занимает все умы. Нужно не только, чтобы эта проблема была разрешена, но чтобы средство было применено без малейшей отсрочки, так как опасность неотвратима. Все взоры обращены к Австрии, лишь на неё одну надежда. У папского правительства спрашивают, каков ответ венского кабинета, какую позицию займёт Франция в этом вопросе? Вот то, чего никто не знает¹.

Положение прояснила, как сообщал Гагарин 3 марта / 19 февраля, полученная им нота Бернетти от 1 марта, извещающая об обращении папы к Австрии за помощью².

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 229—230.

² Там же. Л. 232—233.

Об отношении С.-Петербурга к такому развитию событий Гагарин был уведомлён ещё депешей от 17 / 5 января 1829 г., посвящённой позиции венского кабинета на полуострове. Здесь отнеслись с одобрением к увеличению им своих сил в Ломбардо-венцианском королевстве с началом событий во Франции и были убеждены, что именно присутствию австрийских войск были обязаны ещё сохраняемым в Италии спокойствием, несмотря на усилия французских революционеров. На него же возлагалась надежда в случае начала волнений. Таким образом, позиция Австрии была далека от того, чтобы вызывать тревогу. Напротив, в депеше говорилось:

Мы должны, в некотором роде, быть ей признательны за то, что на неё ложилась обязанность по решению трудной задачи сохранения в странах законного порядка, обеспечить который в нынешних обстоятельствах не смогла бы материальная операция никакой другой из союзнических держав, и спокойствие которых может столь легко быть подвергнуто опасности соседством и пагубным примером Франции, так же как повстанческими элементами в них самих.

Такая точка зрения на влияние Австрии на полуострове вовсе не исключала необходимости «следить за тенденцией». Это делали с «усердием и прозорливостью, не оставляющими ничего желать», российские представители в Италии. Кроме того, было сочтено нужным, с «надлежащей оговоркой», дать ответ на сделанное венским Двором в конце концов предложение. Он проинформировал о принятой им мере, чтобы обеспечить средства подавить в зародыше волнения, которые вспыхнут на полуострове. А затем он высказал пожелание «быть облечённым его союзниками властью действовать там от имени союза, чтобы репрессивные действия, применённые в таком случае, могли быть усилены моральной поддержкой, в которой союзники ему не отказали в 1821 г. во время волнений в Неаполе и Пьемонте».

Ответ был изложен таким образом, чтобы вовсе не предрешать заранее «столь деликатный» вопрос. Было сказано, что в случае необходимости император будет готов договориться с Австрией о поддержке, которую следует оказать её операциям. Венский же кабинет предварительно договорится с союзниками относительно целей, которые, согласно требованиям момента, будут узаконивать его вмешательство во внутренние дела стран, спокойствие которых было нарушено. По достижении полного согласия по этому поводу между тремя Дворами император, со своей стороны, уступит Австрии полномочия, чтобы придать её действиям характер комбинации, исполняемой от имени союза¹.

Таковы были планы двухгодичной давности по поводу ещё только предполагаемого развития событий. Теперь, когда этот сценарий реализовался на деле, естественно, появились новые непредвиденные обстоятельства. Так, 24 / 12 марта Гагарин писал о присланном французскому поверенному в делах предписании

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 14–16.

настаивать, более чем когда-либо, на применении принципа невмешательства. О мнении папы по этому поводу он смог судить по продолжительной беседе с Бернетти, «разделявшим убеждения папы и являвшимся его эхом». Кардинал сообщил, что в момент, когда ожидалось прибытие австрийских войск, Франция предлагает помощь своей моральной силы при условии, что эти войска вернутся домой. Она готова, полностью отказываясь от подстрекательств, призвать бунтовщиков к порядку и к здравому смыслу, а также предлагает взять на себя переговоры с ними. Но после того как они, заявляя о претензиях к Риму, не изложили их папскому легату, миссия которого носила чрезвычайный и временный характер, а подвергли кардинала Бенвенутти тяжёлым оскорблениям и унижениям, было очевидно, считал Бернетти, что эти люди приняли безрассудное решение раз и навсегда покончить с римским Двором. Поэтому вызывало недоумение, к чему эта моральная сила Франции, когда они узнают, что в то самое время, как она стремилась их убедить, успокоить, она останавливала и мешала действовать союзным войскам папы. Когда бунтовщики успокоятся по этому поводу, единственному, который наводил бы на них ужас, они предоставят благоприятные условия участникам переговоров и захотят, чтобы с ними обращались, как власть с властью. «Папа, — пояснил Бернетти — прекрасно знает, что нужно многое сделать, чтобы улучшить управление, но не в сделке с бунтовщиками он будет черпать вдохновение, чтобы устранить нынешнее зло»¹.

То, что произошло с Бенвенутти, поставило папу в затруднительное положение. Дело в том, что 26 марта в Рим пришёл подписанный кардиналом с повстанцами в Анконе акт капитуляции. В нём говорилось не только о полной и безо всякого исключения амнистии, но и о сохранении виновным их должностей и пенсий, какими они были до восстания. Появление этого акта произошло при следующих обстоятельствах. С началом восстания кардинал уехал из Рима в Озимо, где был епископом. Там повстанцы его отправили в тюрьму сначала в Анконе, затем в Болонье. Когда австрийский командующий из Феррары потребовал его освобождения, его вновь перевезли в Анкону. Видя, что их дело было проиграно, они вынудили физически и морально измученного, тяжелобольного человека, лишённого возможности обратиться за указаниями, подписать этот акт. Папа говорил, что никогда не испытывал более глубокого огорчения, так как он оказался перед альтернативой, санкционировать эту капитуляцию — невозможно; отклонив же её, можно бы было в глазах злоумышленников и их сторонников, французских якобинцев, поставить под сомнение честность Святого Отца.

По мнению Гагарина, выраженному Бернетти, «выиграть время было единственным решением, которое следует принять: с одной стороны, австрийские войска приближаются, с другой — бунтари полностью деморализованы и контрреволюция действовала во всей Умбрии — в Мачерата и Перудже»².

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 243.

² Там же. Л. 245—247.

Откликнувшись на призыв Святого Престола, австрийское правительство приняло на себя двойное обязательство: подавить восстание и подумать о средствах, чтобы предупредить его повторение. Однако, когда австрийские войска приближались к легатствам, французское правительство, стремясь остановить их движение, предложило созвать в Париже конференцию, чтобы на пути примирения найти средства восстановить порядок в государствах папы. Австрия отказалась принять это предложение, пока повстанцы не сложат оружие. А после того, как это произошло и папская власть была восстановлена, дала своё согласие.

Свою позицию по поводу предстоявших преобразований в папских государствах Гагарин сформулировал (донесение от 12 апреля / 31 марта) в связи с настойчиво повторяемыми французским послом утверждениями, что продолжение пребывания австрийцев в папских государствах должно неизбежно привести к войне. «Такое мнение, очевидно, является результатом озабоченности, с тех пор как ему было доказано, что помощь извне является единственным средством спасения», — полагал Гагарин. Со своей стороны, он считал: поскольку эта помощь едва начала осуществляться, безрассудно не предоставить необходимого времени, чтобы она проявилась, тем более что при нынешнем положении папского правительства, нуждающегося в коренном преобразовании, Святому Отцу требуется время, чтобы обстоятельно обдумать планы реформ, которые предполагается принять. «Я доверяю и его мудрости, и его превосходным намерениям, но влияние окружения меня заставляет опасаться, как бы всё не свелось к полумерам, которые популярны лишь в Риме и не удовлетворят никого. Именно поэтому я упорно утверждаю, что здесь нужно европейское покровительство, которое не предвзятыми и великодушными взглядами уравновешивает взгляды священнической касты. Ведь она скорее пойдёт на всё, чем выпустит из своих рук власть...»¹ — писал посланник.

Депешей от 24 / 12 апреля Гагарина информировали о цели совещания, в котором будут принимать участие уполномоченные Австрии, Франции и Англии: достичь договорённости о мерах, способных предупредить возникновение восстаний путём укрепления светской власти Святого Престола разумно составленными законными постановлениями. Поскольку императорский кабинет не был призван к участию в нём, Гагарину предписывалось воздержаться от непосредственного в нём участия, но с оговоркой. «Но если Ваши личные отношения с наиболее влиятельными членами Ватикана Вам позволяют поддерживать советы, которые уполномочен высказывать австрийский представитель, императору было угодно уполномочить Вас содействовать его усилиям, чтобы ускорить результаты совещания, которое будет иметь решающее влияние на спокойствие Италии», — говорилось в заключение депеши².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 229. Л. 207—208.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 52—54.

Иными словами, чем мог, посланник должен был помогать Лютцову, но оглядываясь на Ватикан.

Почти одновременно с этой депешей 26/14 апреля с Гагариным поделился своими соображениями по поводу итальянских дел и цели переговоров, начатых в Риме, Поццо-ди-Борго. Своё письмо к нему он переслал также и в С.-Петербург. Изложенное им было полностью одобрено императором и послужило основой указаний на этот счёт министра в депеше и частном письме Гагарину от 27/15 мая. В депеше суть их сводилась к следующему.

В интересах всех держав было добиться успеха решений, цель которых — установить спокойствие в папских государствах на прочной базе. Чтобы результат их был удовлетворительным, нужно, чтобы Святой Престол избегал двойного подводного камня: отвергать упорно то, что полезно, и соглашаться допускать из-за слабости то, что опасно. Полезным считали: тщательно изучить несовершенство нынешнего исполнения обязанностей правосудием; создать условия, при которых светские лица могут быть допущены к занятию государственных должностей; обеспечить налогоплательщикам снижение налогов, которые включают общественные повинности; дать облегчения торговле; наконец, подумать о системе внутренней безопасности и полиции, разумно и основательно организованной.

С другой стороны, находили опасным вводить в папских государствах представительные формы правления, которые не отвечали ни обычаям, ни потребностям страны.

Насколько были осведомлены о точке зрения правительств, участвовавших в римских совещаниях, полагали, что она по существу не расходилась с таковой российского правительства.

Считали невозможным предписать папскому правительству создание новых установлений. Речь могла идти лишь о том, чтобы ему помочь исправить злоупотребления тех, которыми он обладает. Признавалось, что «в значительной степени зависит от Франции, удастся или нет достичь этой цели. Она может сделать задачу римского Двора лёгкой, если эти советы будут справедливыми. Она может сделать её невыполнимой, если её мнения являются законами. Нам позволительно подождать, когда позиция французского правительства в этих обстоятельствах засвидетельствует мудрость принципов, исповедуемых нынешним кабинетом. Австрия из уважения к Франции уменьшила в Италии силу своего оружия. Теперь надлежит Франции в свою очередь умерить силу своих советов.

Такая столь справедливая взаимность почтительности и примирения является, впрочем, тем более необходимой, что легко понять мотивы, которые, естественно, должны побудить Святой Престол предпочесть точку зрения того из кабинетов, от которого он ожидал и получил испрошенную материальную помощь в самых угрожающих обстоятельствах», т. е. Австрии.

Полагали, что, если бы эти соображения не были бы вовсе оценены в их подлинном значении, в опасности оказалось бы «доброе согласие, столь счастливо

установившееся в отношении дел Италии» и к сохранению которого проявляется такой интерес¹.

В частном письме министра Гагарина призывали убедить папу признать, что спокойствие его государств,

...восстановленное сегодня силой оружия, на деле оказалось бы подвергнуто новым опасностям, если бы оно было лишь временно упрочено присутствием иностранных войск и если бы оно не было гарантировано на будущее мерами мудрыми и благодетельными. Время торопит их осуществить. Запоздалые, эти меры будут менее действенными, потому что они не будут казаться спонтанными.

Императорский Двор не колеблется высказать это мнение, потому что считает его согласным с интересами, как и достоинством римского Двора. Насколько для него будет опасно вводить в своих государствах представительные формы, несовместимые с обычаями и потребностями страны, настолько было бы благотворно устранить из своей администрации злоупотребления, суровый анализ которых содействовал бы тому, чтобы их разоблачить и искоренить.

В С.-Петербурге надеялись, что посланник в беседах с влиятельными лицами римского Двора воспользуется с пользой соображениями, изложенными Пюццоди-Борго, а представители правительств, прямо участвующих в начатых с папой совещаниях, будут уполномочены давать советы, соответствующие направлению, указанному им Гагарину. Его же просили, в свою очередь, осведомлять посла о результатах своих наблюдений о ходе переговоров в Риме².

Тем временем Лютцов предложил сделать заявление о намерении великих держав поддержать светскую власть папы. Гагарин выразил своё согласие с Лютцовым, что такое заявление должно быть сделано от имени пяти великих держав. Французский посол сказал, что нуждается в инструкции. Английский посол хотел дожидаться получения специальных полномочий.

Запрашивая мнение С.-Петербурга по этому поводу, Гагарин в донесении от 15 / 3 мая так делился своими соображениями:

Улучшения или изменения, подготавливаемые папой, смогут произвести наилучшее действие, которое следует от них ожидать лишь, когда будут одобрены, санкционированы и непременно гарантированы великими державами, не только с тем, чтобы им придать более внушительный и обязательный характер, но и защитить их от прихоти и плохого настроения тех, кто не находит это выгодным для себя, одним словом, необходимо, чтобы новые законы, когда будут обстоятельно обдуманы и утверждены, были бы поставлены под охрану великих держав и под защиту полноты папской власти, очень часто использовавшей, столь неправомерно и столь пагубно, право отпускать и не отпускать грехи. Как, например, в наши дни Лев XII

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 201. Л. 251–255.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 60–61.

разрушил труд Консальви, — возрождение едва начатое, но которое, казалось, могло стать началом лучших времён.

Если подготавливаемое папой законодательство даст его подданным законы, которых им так не хватает, обеспечит им хорошую администрацию финансовую и провинциальную, оно исполнит их пожелания на данный момент, но у них всегда сохранится опасение, как бы, при смене папы или даже министра, все эти улучшения не были бы отняты и не восстановился бы прежний беспорядок. Таким образом, необходимо, по мнению всех порядочных людей, чтобы гарантия Европы обеспечивала сохранение того, что будет постановлено и о чём мы сможем узнать скорее, чем уверяют¹.

Об отношении папского правительств к вмешательству представителей великих держав Гагарин (донесение от 21/9 мая) смог понять из реплики Бернетти во время конфиденциальной беседы. Последний не скрыл от него, «что был очень раздражён настояниями французского посла относительно вывода войск, милосердия и, особенно, относительно улучшений, о которых он хотел знать в мельчайших подробностях. Он указал на некоторые из них, которые назвал самыми важными». Кардинал так воспроизвёл свой ответ французскому послу: «Вы о них узнаете, но вовсе не одновременно с обществом, я надеюсь, а немного раньше».

Гагарин полагал, что эта реплика, явно продиктованная раздражением, была ему повторена, чтобы «всем дать понять, что вмешательство представителей великих держав было очень неприятно папскому правительству»².

Со своей стороны, посланник находил «это вмешательство столь необходимым, столь благотворным, что ни в чём невозможно уступить в этом вопросе». После беседы с Бернетти он посчитал должным проконсультироваться со своим австрийским и прусским коллегами. Он им заметил, «что нельзя допустить, чтобы совещание пребывало в пассивном выжидании и в полном неведении о том, что готовится под покровом глубокой тайны и, конечно, в духе, не соответствующем консервативным взглядам держав, приверженных порядку и проявляющих столь большую заинтересованность в сохранении мира в Италии». К тому же, будучи учреждено, совещание, полагал Гагарин, не могло не действовать.

Коллеги полностью разделяли его мнение. На состоявшемся заседании было единодушно решено уполномочить Лютцова «высказать папе общее мнение о необходимости принять разумные пожелания депутатов провинции, позаботиться о самых действенных средствах, чтобы удовлетворить обоснованные требования населения и установить порядок, который мог бы сам поддерживать спокойствие среди его подданных, лишая партии всякого предлога для незаконной деятельности». Затем была подготовлена памятная записка, содержащая краткое изложение вопросов, на которые папе было необходимо обратить самое серьёзное внимание. Она

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 229. Л. 300–302.

² Там же. Д. 231. Л. 9–10.

была составлена прусским посланником Бунзенем, бывшим учёным-богословом и филологом, и отредактирована Лютцовым. Каждый из участников совещания должен был её передать Бернетти «отдельно, но тождественно сходной»¹.

В беседе с Лютцовым папа ответил согласием по одному из самых важных пунктов — о допущении светских лиц к занятию должностей. Но он был очень огорчён мыслью, что не хотят предоставить возможность ему одному позаботиться о благе, обещанном им его подданным. Он сказал Лютцову: «Я ясно вижу, что дело революции побеждает; превращать церковное управление в светское — это значит привести к секуляризации страны и к концу власти Святого Престола».

В ответ Лютцов умело, по мнению Гагарина, привёл многочисленные доказательства неспособности, которые дали в стольких случаях и, особенно, во время конклава прелаты, уполномоченные управлять провинциями. Эта неспособность «больше, чем всё остальное, взрастила зло, столь быстро и скоро поставило Святой Престол на край пропасти»².

Гагарин последним пошёл передавать Бернетти памятную записку, рассчитывая выяснить впечатление, произведённое посещением его коллег. Он не ошибся. Кардинал с ним поделился опасением по поводу того, «как бы наши инсинуации вместо того, чтобы быть полезными делу, которому мы хотим служить, не пошли бы ему во вред». Он пояснил, что был намерен «сначала устроить новый порядок в легатствах, а затем заняться остальными владениями Святого Престола; но что наша идея принять единую систему для государств Церкви, включая столицу, ему очень мешает». Гагарин заверил в готовности его и его коллег выслушать его доводы, но отказался вступать в дискуссию, решив предоставить это Лютцову.

Кроме того, кардинал сказал, что никогда не говорил от имени папы о согласии на эвакуацию австрийских войск. Он заявил о неприемлемости предложения французского посла о создании национальной гвардии в легатствах, потому что расхождения во мнениях столь резко обозначились, что невозможно заставить людей служить вместе, а тем более подчиниться приказам главы того или другого края, который всегда будет уверен в неповиновении части своего войска. Кардинал напомнил, по чьей вине папское правительство оказалось в нынешней трудной ситуации.

Впрочем, закончил кардинал, говорят, что мы нуждаемся в иностранных советах, потому что не смогли обойтись без внешней помощи, но вспомните, откуда к нам пришло зло. Я вовсе не боюсь волнений, которые могут быть порождены положением в стране, и берусь их успокоить. Но, когда парижская пропаганда привела в расстройство всю Европу, вовсе не следует удивляться, что мы оказались в отчаянном положении. Вина не наша; именно поэтому мы вынуждены были прибегнуть

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 231. Л. 10—11.

² Там же. Л. 11—12.

к чрезвычайным средствам, и мы будем в них нуждаться, пока источник бедствий не перестанет существовать, —

воспроизвёл посланник слова кардинала.

Своё отношение к тому, что услышал от Бернетти, Гагарин выразил кратко: «Может быть, это очень хорошо сказано, но тем не менее не опровергает того, что недостатки папского правления оказались столь укоренёнными, что их трудно истребить, и если пламя восстания распространилось так быстро, то именно потому, что нашло богатую почву»¹.

В представленной Бернетти 21 мая 1831 г. памятной записке представители пяти держав заявляли «о необходимости, в общих интересах всей Европы, решения в том, что касалось папских государств, двух фундаментальных вопросов. Во-первых, чтобы управление ими покоилось на надёжных основах улучшений, задуманных и объявленных папой в начале его царствования». Во-вторых, чтобы эти улучшения, призванные, по утверждению Бернетти, открыть новую эру для подданных папы, «были бы защищены внутренней гарантией от изменений, присущих природе всякого выборного правительства».

Для достижения такой цели, представляющей европейский интерес «по причине географического и социального положения государств Церкви», было сочтено необходимым, чтобы «основное заявление (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) Его Святейшества исходило из двух насущных принципов». А именно: из введения улучшений, о которых шла речь не только в провинциях, где разразилась революция, но и в тех, которые остались верными и в столице, а также из повсеместного допущения светских лиц к административным и судебным должностям.

Сами улучшения, казалось бы, должны были охватывать в первую очередь судебную систему и систему муниципального и провинциального управления. В отношении первой казалось, что полное исполнение и последовательное развитие обещаний и принципов апостольского послания папы от 1816 г. предоставляло самые верные и действенные средства для удовлетворения повсеместных жалоб по этой столь важной части социального порядка.

В отношении местного управления предполагалось, что восстановление и повсеместная организация муниципалитетов, избранных населением, и введение муниципальных льгот для упорядочения их деятельности в интересах коммун должно стать необходимой основой любого административного усовершенствования. Во-вторых, рассматривалась возможность организации провинциальных советов либо постоянного административного совета, предназначенного помочь, получив соответствующие полномочия, управлению провинции при исполнении его функций. Ставился вопрос и о более многочисленном собрании, составленном, главным образом, из представителей новых муниципалитетов и долженствовавшем давать

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 231. Л. 13—14.

консультации по самым важным проблемам провинции. Это представлялось чрезвычайно полезным для улучшения и упрощения провинциального управления, для контроля коммунальной администрации, для распределения средств и для осведомления правительства о подлинных потребностях провинции.

В качестве важнейших вопросов в записке назывались: упорядочение финансов и такое управление государственным долгом, которое давало бы столь необходимые гарантии для финансового кредита правительства, существенно способствовало бы увеличению его ресурсов и обеспечению его независимости. Предполагалось, что решение этих вопросов делало обязательным создание в столице центрального учреждения, уполномоченного в качестве Верховного двора расчётов на ведение контроля над ежегодной работой каждой ветви гражданского и военного управления и надзора за государственным долгом, пользуясь прерогативами, соответствующими великой и благотворной цели, которую предполагалось достичь. Чем больше это установление будет носить независимый характер и печать тесного союза правительства и страны, тем больше оно будет отвечать благодетельным намерениям монарха и общим ожиданиям. Представлялось, что для достижения этой цели оно должно было включать лиц, избранных местными советами, составляя вместе с советниками правительства хунту или Административный совет. Такая хунта могла бы стать частью Государственного совета, члены которого назначались бы монархом из знати по рождению, состоянию или талантам¹.

На следующий день после написания этого донесения (от 21 / 9 мая, к которому прилагалась и памятная записка) Гагарин получил (вышеупомянутую) депешу от 24 / 12 апреля, содержащую, в частности, предписание Нессельроде воздержаться от прямого участия в тех открытых совещаниях, на которых он, со своей стороны, счёл долгом присутствовать. В донесении от 31 / 19 мая, объясняя причины этого, Гагарин сослался на то, что от Лютцова и Луи Сент-Олара, французского посла, последовало формальное приглашение, что он получил указания в этом смысле от посла в Вене Д.П. Татищева и Поццо-ди-Борго. К тому же все инструкции из Вены и Парижа уполномоченным этих Дворов исходили из необходимости установить согласие между пятью великими державами. Лютцов ему обещал представить выдержку из своих инструкций относительно предписания обратиться к нему и к его прусскому коллеге. По получении этой выдержки он намерен был переслать её немедленно министру в оправдание шага, который счёл долгом предпринять. По его мнению, этот шаг отвечал сказанному ему Нессельроде, что император его «уполномочил оказывать содействие усилиям австрийского полномочного представителя, чтобы достичь благоприятных результатов». Затем он пояснил, что эти совещания носили характер лишь конфиденциальных бесед, результаты которых были очень полезными, а влияние — неизбежно. Что касалось

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 231. Л. 15–17; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 776. Л. 395–396.

памятной записки, она не была подписана никем и содержала лишь изложение идей, которые в случае их принятия принесут большую пользу. Поскольку Лютцов настоятельно просил продолжать сотрудничество, коему он придавал большое значение, и, учитывая полученные полномочия способствовать его усилиям, Гагарин не находил возможным от этого отказаться, тем более что австрийский посол ему заметил, что его «отстранение в данный момент удовлетворило бы Францию, требования которой возрастают день ото дня». Да и Бунзен получил инструкции, уполномочившие его сотрудничать в деле умиротворения и улучшений. Наконец, Гагарин замечал, «что, впрочем, оставалось сделать немного совещанию, которое дало хороший импульс ходу дел в стране и результат которого, как правило, оценён здравомыслящими лицами». Вопрос гарантий, которые следовало дать новым положениям, которые собирался ввести папа, будет, полагал он, предметом переписки между правительствами¹.

Тогда же (донесение от 28 / 16 мая) Гагарин сообщил, что узнал от Бернетти о результате обсуждения 12 кардиналами (им была представлена и памятная записка) улучшений, которые следует произвести в управлении страной. В ходе него был принят принцип допущения к нему светских лиц. По этому поводу Бернетти привёл лишь единственную деталь: легатства будут управляться комиссией из четырёх светских лиц, причём председатель имел бы два голоса. «Этот принцип мне кажется очень правильным и такого рода, чтобы удовлетворить депутатов различных городов провинции», — выразил Гагарин своё мнение².

Аргументы посланника в оправдание его участия в совещаниях встретили положительный отклик в С.-Петербурге. Депешей от 12 июля / 30 июня, учитывая, что, вопреки ожиданиям, до достижения окончательного результата было ещё далеко, его призывали продолжать объединять свои усилия с усилиями его коллег. Его также информировали о высокой оценке венским кабинетом поддержки, оказанной им австрийскому коллеге со времени начала конференции в Риме³.

В июле Гагарин, как и другие участники совещания, получил ноту кардинала Бернетти с изложением системы, которую папское правительство намерено было принять для коммунального и муниципального устройства. Этот проект участниками совещания был найден не отвечающим как обещаниям, содержащимся в ноте Бернетти от 5 июня (в своё время она была переслана в С.-Петербург), так и идеям представленной кардиналу памятной записки, содержание которой одобрили венский и парижский Дворы. Было решено, что Лютцов переговорит с папой, а все остальные направят новые ноты Бернетти, составление которых поручалось Лютцову⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 231. Л. 29–33.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 70.

⁴ Там же. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 231. Л. 71.

По получении отчёта об окончательном результате римских совещаний участие в них Гагарина заслужило полное одобрение императора. Особо им было отмечено письмо, направленное Бернетти, чтобы засвидетельствовать идентичность целей императорского и венского кабинетов во всём, что касалось суверенных прав и положения владения Его Святейшества. Он также уполномочил посланника (депеша от 5 августа / 24 июля) подтвердить от его имени римскому Двору заверения, которые он ему дал в этом отношении¹.

Общую оценку происходившего Гагарин изложил в донесении от 13 / 1 декабря 1831 г. Кратко обрисовав картину переживаемых страной трудностей, он заметил, что, возможно, они служили лишь прелюдией новых, ещё более серьёзных. Он не брался назвать средство их преодоления. Тем не менее, долго прожив в этой стране, полагал, что знал её достаточно, чтобы поделиться своими соображениями на этот счёт.

Римский Двор не может и никогда не сможет сделать ничего, чтобы восстановить свою власть на прочных основаниях, то есть на реальной силе и на любви подданных. В течение пятнадцати лет я наблюдаю, как возрастает утрата им доверия в прогрессии, пугающей и, тем более, стремительной, что всё меньшее расстояние его отделяет от края пропасти. Такое положение дел так деморализовало всё общество, что можно смело утверждать, что у Рима нет ни одного друга, способного ему действительно помочь, —

писал он. Он понимал, что неминуемо обратятся к Вене с просьбой о помощи австрийских войск, которые будут приняты с распростёртыми объятьями всем обществом, как несущие порядок и спокойствие после стольких потрясений. Он искал ответ на возникавший в этой связи вопрос: к чему приведёт эта оккупация, могущая быть лишь временной? При этом он вовсе не хотел здесь говорить о «затруднениях, которые могла бы создать ей Франция, новых средствах, которые пустит в ход пропаганда, ни о всех осложнениях, как общего, так и местного характера, что, несомненно, и, более или менее, немедленно из этого последуют». А своё мнение он формулировал так:

Применение лекарства мне представляется необходимым, и я приношу повинную за его нежелательные последствия. Но, прибегая к нему, нужно извлечь всю возможную пользу, чтобы обеспечить стабильное будущее церковного государства, а достичь такого результата можно лишь посредством европейского вмешательства, обязательного для папского правительства. Чтобы обещанные улучшения получили их полное развитие, а после того, как будут иметь для этого время и пройдут проверку на необходимую зрелость, нужно, чтобы они были бы облечены санкцией держав, чтобы папская власть не могла бы никогда больше их ниспровергнуть, ни изменить в будущем, как только с общего согласия.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 84.

Гагарин не видел смысла в продолжении совещаний в Риме, поскольку верил в средство более верное и быстрое для достижения такого же самого результата. Хороший протокол, чётко продуманный и облечённый общим согласием в Вене, достиг бы желанной цели, считал он. А содержащиеся в нём принципы легли бы в основу договора, заключённого папой с Дворами великих держав, к которому были бы приглашены присоединиться итальянские Дворы.

Дипломат был убеждён в возможности исполнения единственно предлагаемого им варианта, подчёркивая, что «превыше всего будет необходимо упорядочить управление финансами, которые с давних пор расхищаются самым постыдным образом»¹.

В этом донесении Гагарина (от 13 / 1 декабря) внимание Нессельроде (депеша от 16 / 4 марта 1832 г.) привлекла идея гарантии пятью державами постановлений папского правительства, чтобы оно не могло их изменить или незаконно отменить в будущем. Не затрагивая вопрос о большей или меньшей пользе такой меры, он рассмотрел лишь следующие моменты. С одной стороны, «трудность исполнения, которую повлечёт за собой соответствующее положение кабинетов в нынешних обстоятельствах». С другой — «нежелательные последствия и затруднения, перед которыми мы оказались бы поставлены, и сама опасность позволить создать прецедент, на который, возможно, смогли бы сослаться впоследствии против нас самих». Он считал необходимым признать,

...что согласие и соглашение пяти Дворов в отношении итальянских дел в данный момент не означали полного совпадения точек зрения и интересов. Революционная склонность Франции, вынужденная безучастность Великобритании, которая, как мы видим сегодня, впрочем, охотно разделяет взгляды первой, наконец, особое положение английского правительства в отношении Его Святейшества вовсе не укладываются в рамки принципов, которыми руководствуется Австрия, а Пруссия и мы расположены поддержать. При таком различии невозможно придать коллективному действию пяти держав в Италии единый характер, составляющий всю его силу. Благоразумно, следовательно, тщательно избегать всего того, что могло бы его подрывать и вести к столкновению между различными интересами.

К этой проистекавшей из общих соображений причине, обязывавшей российскую сторону устранить идею гарантии, присоединялись другие, свойственные только ей. Кроме необходимости избежать всего, что может обосновать применение принципа гарантий к вопросам, непосредственно интересовавшим Россию, «мы также должны, — пояснил министр, — среди повседневных осложнений, возникающих со всех сторон, обезопасить себя, насколько возможно, от затруднительных ситуаций, которые повлекли бы за собой обязательства второстепенной важности».

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 245. Л. 130–132.

Нессельроде напоминал о непоколебимом решении императора оказать Австрии поддержку против агрессии Франции, какой бы ни была причина или предлог, но он не считал необходимым связывать себя для этого системой гарантий, касавшихся исключительно местных интересов и системы внутреннего управления, за чем призвана следить одна Австрия.

Подводя итог, министр предписывал посланнику «вместо того, чтобы подстрекать к идее гарантий, важно, чтобы Вы позаботились её отклонить, если когда-нибудь она будет выдвинута».

Депеша предназначалась исключительно для личной информации Гагарина, но её содержание сообщалось также Татищеву с тем, чтобы он мог опираться на неё в беседах с австрийским министром¹.

Случилось так, что Гагарин поступил как бы вопреки этим указаниям министра (по правде говоря, они не были ещё даже составлены, когда он это сделал), поделившись с участниками совещаний своими соображениями относительно гарантий.

Дело в том, что 10 января 1832 г. Бернетти нотой известил Гагарина, как и других участников совещания, что военная реорганизация в папских государствах закончена. Теперь правительство было в состоянии доверить своим войскам поддержание безопасности и общественного порядка в легатствах, которое, за неимением регулярных войск, после отбытия австрийских войск было передано гражданской гвардии. Пришло время положить конец серьёзным и многочисленным нежелательным последствиям, источником которых был этот способ, предписанный необходимостью².

Как писал Гагарин 13 / 1 января 1832 г., собравшись у австрийского посла, участники совещания обсудили тексты ответов на эту ноту Бернетти с тем, чтобы продемонстрировать единодушие, «столь необходимое для оказания желаемого действия».

По завершении этой работы Сент-Олар заметил, что в их демарше он видел лишь временное средство. Подлинный же результат, полученный от доброго согласия, царящего между великими Дворами, сказал он, «должен бы иметь целью установить такой стабильный, удовлетворительный порядок вещей, который заключал бы в себе достаточные гарантии порядка». Это избавило бы, пояснил он, от необходимости каждый год вновь начинать трудные дискуссии и деликатные переговоры, чтобы вывести папское правительство из затруднений, в которые его будет ставить без конца его устройство, столь порочное.

Тогда Гагарин изложил свои соображения на этот счёт. Он сказал, что таким единственным средством могло бы стать единодушное требование великих держав от римского Двора дополнения и развития обещанных установлений, так же как

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 227–229.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 245. Л. 173.

их включения в единый свод органического закона. А для достижения такой цели следовало это вменить в обязанность Святому Престолу в качестве условия предоставленной гарантии его светского суверенитета. При этом, возлагая серьёзные надежды «на превосходные намерения нынешнего папы», он призывал «подумать о стабильности на будущее» и защитить ожидаемые от его обещаний результаты от их ниспровержения его преемником. Он напомнил о том, как Лев XII уничтожил все улучшения, которые кардинал Консальви начал вводить после возвращения в Рим папы Пия VII в 1814 г. По мнению Гагарина, решить этот важный вопрос следовало в Вене. Составить протокол о принятом решении и направить в Рим, чтобы его сделать основой договора, который папа заключит с великими державами. Им он обяжется за себя и своих преемников сохранить в целостности новые реформы и вносить в них какие-либо изменения лишь с общего согласия.

Послы Австрии, Франции и посланник Пруссии, присутствовавшие на совещании, одобрили эту идею и обещали представить на рассмотрение своих Дворов в качестве наиболее действенного средства для обеспечения спокойствия Италии.

Извецзя Нессельроде об этом, Гагарин напомнил, что месяц назад он уже излагал ему эти идеи, а теперь «счёл долгом не молчать перед своими коллегами». Прося прощения за смелость своей речи, он признавался, что это был «результат долгого опыта и глубокого убеждения, подтверждаемого каждый день». К нему приходил, полагал он, всякий беспристрастный наблюдатель, живя в этой стране, научившийся «разбираться в организации этого правительства, в его работе, в механизмах и побудительных причинах, заставляющих его действовать, и в печальных последствиях порядка вещей, единственными движущими силами которого являются слабость и злоупотребления». Утверждая всё это, он вовсе не хотел сказать, что повстанцы менее виноваты и могут заслужить некоторого внимания. Он был убеждён, что, если бы даже папа захотел согласиться на все их требования, анархия была бы ещё больше и их сумасбродство ещё более нетерпимо. Речь шла вовсе не о них, а обо всех папских подданных, о формулировании стабильных, незыблемых и гарантированных законов, административных и юридических подзаконных актов; прежде всего, о создании финансовой системы, которая положит конец расхищению и незаконным поборам всякого рода. У него не вызывало сомнения, что намерения Святого Отца небезукоризненны, но оправданием ему служило отсутствие всякой помощи, противодействие, встречаемое им со всех сторон, недостаток осведомлённости и умения у его советников. Уже появившиеся указы и проведённые реформы содержали правильные вещи и вели к существенным улучшениям. Необходимо же, считал посланник, «стройное целое, законченный труд». Относительно будущего он был пессимистом, потому что был убеждён, что нельзя сделать хорошо то, что хотят сделать быстро. К тому же он должен был признаться, что из того, что уже появилось, и из того, что «я предугадываю, исходя из настроений и мнений авторов уже сделанного, я вовсе не осмеливаюсь предсказать такой результат, который был бы желателен в подлинных интересах этих областей».

По мнению Гагарина, в данный момент правительства-посредники должны были обратить самое серьёзное внимание на срочное допущение светских лиц к должностям, далеко не второстепенным, что было, по правде говоря, обещано, но «исполнение свелось, так сказать, ни к чему». Он не скрывал, что будет трудно преодолеть препятствия, которые возникнут со всех сторон, и даже в настрое Святого Отца против принятия этого принципа. Но, полагал он, «его принятие слишком отвечает общим интересам страны, чтобы было позволительно падать духом даже из-за самого упорного сопротивления».

Донесение посланник заканчивал, подтверждая свою самую глубокую убежденность: «...чтобы принести пользу, сделать доброе этой стране, нужно к нему принудить. Спокойствие Италии и, следовательно, мир Европы слишком от этого зависят, чтобы не ставить это соображение выше всех других»¹.

Позднее, после беседы с навестившим его английским послом Джорджем Гамильтоном Сеймуром, которого (донесение от 10 марта / 27 февраля 1832 г.) нашёл «человеком очень мудрым и не слишком спешащим заниматься делом», Гагарин взглянул на проблему в ещё одном ракурсе. Дело в том, что Сеймур ему сказал, что его «инструкции были расплывчатыми и ему предоставляли большую свободу действий, что он был уполномочен, главным образом, посмотреть и предложить то, что там следует сделать, чтобы, на прочной основе, установить мир в государствах Церкви». Из этого Гагарин заключил, что об изложенных им до этого его австрийскому, французскому и прусскому коллегам идеях британское правительство было осведомлено очень неполно. И оно, казалось ему, считало необходимым, чтобы в Риме закончились совещания, которые имели бы целью подвести прочные основы под папское правительство, которое, главным образом, именно в этом испытывает недостаток.

Гагарин, со своей стороны, выразил твёрдую уверенность, что как раз «это было бы самым верным средством не достичь цели, так как здесь могут заключать соглашение лишь с таким правительством, которое привыкло столь мало уступать, а, ещё меньше, признавать слишком очевидные ошибки». Он был убеждён, что подлинные интересы главы католической Церкви, как светского монарха, требуют, чтобы соглашение великих держав заставило его принять, в качестве условия гарантии его суверенитета и независимости, искоренение злоупотреблений и установление законного порядка.

Сформулировав, таким образом, своё представление о том, что и как следовало делать, Гагарин оговаривался, что ожидал указаний правительства. Его же «скромный совет» не имел другой цели, кроме как необходимость «возродить мир и процветание в этом таком прекрасном и таком несчастном крае»².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 245. Л. 168–172.

² Там же. Л. 396.

Эти указания ему были даны в двух депешах от 16 / 4 марта 1832 г. Те, что содержались в одной из них, были приведены выше в связи с донесением Гагарина от 13 / 1 декабря 1831 г., поскольку служили ответом на него. Вторая депеша содержала комментарий посылавшегося во все миссии за границей циркуляра (он прилагался) по поводу позиции по важнейшим европейским вопросам. При этом внимание Гагарина, естественно, особо обращалось на то, как воспринимались итальянские дела. Сообщалось, что император будет придерживаться ранее принятого решения «оказать свою моральную поддержку (подчёркнуто в тексте. — О.С.) Австрии и тем самым облегчить осуществление мер, которые эта держава сочтёт необходимыми, чтобы восстановить порядок и спокойствие в папских государствах и защитить интересы римского Двора».

Полностью подтверждая содержание предыдущих инструкций по этому поводу, Гагарина призывали строго следовать прежней линии поведения, удовлетворявшей как Вену, так и С.-Петербург. В случае реализации Францией её проекта ввести войска в Анкону ничто не должно было измениться в его поведении. Ему следовало действовать вместе с австрийским представителем, «чтобы отвести угрозу этого нового осложнения». Затем его информировали о полученном от Татищева сообщении о том, что в ответ на поступившее известие об отбытии французского экспедиционного корпуса австрийское правительство решило направить войска в Модену и Феррару и заявило, что их не выведет из легатств, пока французский флаг будет развеваться над Анконой. Надеялись, что дело не дойдёт до такой крайности. И тем не менее, «как бы то ни было, император желает, чтобы Вы открыто засвидетельствовали... полное одобрение Его Величеством мер, принятых Австрией в этом случае»¹.

Позднее многое, занимавшее Гагарина в позиции английского правительства после его беседы с Сеймуром, должна была прояснить депеша Нессельроде в российское посольство в Англии от 11 августа / 30 июля 1832 г., посланная Гагарину для сведения. В ней приводились дополнительные разъяснения о позиции России.

Подчёркивалось, что касавшиеся Италии вопросы, «как все те, что привлекали теперь внимание держав», имели две стороны: «политическую и вторую», которую министр «не мог обозначить иначе, как квалифицируя её революционной».

Было очевидно, что английское правительство

...не упорствовало бы в суждении, которое оно нам так часто демонстрирует в отношении нашей позиции в римских делах, если бы причина, побудившая его от них отстраниться, была бы связана с существованием идейного расхождения между двумя Дворами в их политических взглядах. В этом мы ему не приписываем умысел, а если бы мы должны были заблуждаться по этому поводу, лорд Пальмерстон должен был нас в этом просветить. В самом деле, это не уважение, которое испытывает император к независимости государств Италии и к суверенным

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 172.

правам папы; это не неприязненное отношение Его Императорского Величества ко всякой идее расширения и завоевания; наконец, это не Его твёрдое решение свято сохранять территориальные границы, санкционированные важными европейскими соглашениями, могли бы заставить британское правительство позволить себе упрек в адрес политической линии, которой следует Его Императорское Величество, и побудить это правительство сойти с пути, который нам был предначертан.

Причина, побудившая английское правительство отстраниться от итальянских дел, лежала в иной плоскости. Она заключалась в его убеждении, «что принятие более широкой системы уступок со стороны папы в отношении тех его подданных, которые требуют реформ и нововведений, представляло бы единственное средство обеспечить спокойствие внутри папских государств». А это означало серьёзное расхождение между двумя правительствами в оценке положения дел в папских государствах.

Отношение российского правительства к уступкам такого рода сводилось к следующему. Оно вообще отвергало «систему уступок, которой добивались от правительств». Объяснялось это тем, что поскольку за правительствами признавалась обязанность упреждать, мудростью их руководства и другими надлежащими средствами, доведение дела до уступок, то не могли рассматривать правительство и управляемых в качестве участвующих в постоянной борьбе противоположных интересов. Напротив, поскольку признавали существование полного и постоянного единства между интересами трона и нации, то не могли «приписывать введению хороших законов и упорядочению хорошей администрации наименование уступки. Одним словом, вовсе не состояние пререканий и борьбы между правительствами и народами мы рассматриваем, в качестве правильного устройства общества, но вполне определённо в качестве несчастья, присущего временам восстания и анархии».

Применительно же к римским делам император должен был признать, что легатства нуждались в законах, а их управление было порочным. Поэтому, без колебания, он дал папе в 1831 г. советы, «казавшиеся ему способными его убедить в крайней необходимости ввести в его государствах благоразумные законы и упорядочить систему внутреннего управления». Поддержанный своими союзниками, папа удовлетворил эти советы. Вместо того чтобы ответить на ожидания папы и держав, вовлечённых в это досадное осложнение, болонские мятежные группировки не только отвергли все улучшения, не позволили ввести новые законы, но помешали даже их публикации. С их стороны подобное поведение было совершенно последовательным, поскольку решившим освободить легатства от господства Святого Престола не могло бы казаться желательным введение законов, способных удовлетворить нужды их населения.

Последующие события существенно изменили позицию папы как в отношении держав, так и его подданных. Насильственный захват Анконы поставил папу

перед важнейшим политическим вопросом. Усилия, приложенные российским правительством «для наилучшего возможного разрешения столь злополучного предприятия, не остались без успеха». Общественное мнение, в том числе и Англии, отдало России справедливость в этом отношении.

В своём отношении к занятой папой позиции на этом новом этапе развития событий император исходил из неприятия требования уступок.

Если Его Величество никогда не придавал решениям папы, предшествовавшим восстанию 1832 г., значения уступок, то далёкий от того, чтобы требовать новых уступок со стороны этого монарха, начиная с этого времени, он нашёл естественным, что папа отменил уже сделанные. Но на изданных Его Святейшеством законах, поскольку они, никоим образом, не имели такого характера, император должен был настаивать, и он не перестанет настаивать на их полном и точном исполнении, —

говорилось в депеше. При этом министр рассчитывал, что эти разъяснения и те, что содержались в ноте английскому послу, исчерпали вопрос о принципе, определявшем действия императорского правительства.

Затем он остановился ещё раз на расхождении во мнении российского и британского правительства (по вопросу о пользе некоторых реформ и уместности осуществления в настоящее время тех, которые были бы признаны полезными, а ещё проще — о расхождении) в вопросе секуляризации папского управления и по двум пунктам, отмеченным в ноте Фредерику Лэмбу, послу Англии в России.

Что касалось первого вопроса, «мы признаём, что папа пребывает в невозможности идти дальше того, что он сделал, заявив, что “светские лица допустимы на административные должности”», что исключалось обычаем с незапамятных времён. Будучи церковным, римское правительство воспользовалось своими правами, чтобы как устранить светских лиц от некоторых общественных обязанностей, так и объявить их способными их исполнять.

Заявлением о допущении светских лиц к общественным обязанностям, к которым они не допускались прежде не вследствие исключительного закона, а вследствие обычая, освящённого временем, намеченная разумная цель оказалась достигнута. И даже до такой степени, что единственное логическое соображение, которое можно бы ещё себе позволить, состояло бы в том, чтобы спросить себя, должен ли глава католической Церкви одновременно быть светским монархом.

Поскольку этот вопрос лежал в совершенно иной плоскости, чем та, в которой велась настоящая дискуссия, и был решён политическими соглашениями, не было смысла погружаться в его обсуждение. «Мы ограничимся тем, чтобы заметить, что именно к такой секуляризации (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), которая лишила бы папу светской власти, революционная мятежная группировка призывает в своих пожеланиях, требуя, как казалось, лишь секуляризации администрации», — писал министр.

Что касалось мер, рекомендованных конференцией 1831 г. и отклонённых папой, российская сторона открыто признала многочисленные причины, на которых основывался отказ папы.

В заключение депеши министр заявил, что считал долгом «отклонить обвинения в отношении нас», которыми была переполнена английская нота, и выразить сожаление императора по поводу того, что английское правительство отстраняется от римских дел. Он просил ознакомить с этой депешей Пальмерстона¹.

Итог деятельности дипломатов в Риме С.-Петербургом был подведён в документе под названием «Анализ памятной записки» (добавим, от 21 / 9 мая 1831 г.), составленном не ранее лета 1832 г., судя по упоминанию в нём ноты Бернетти Лютцову от 15 июня 1832 г.

Автор приводит четыре пункта памятной записки² и меры Святого Престола в отношении различных вопросов, поднятых в ней.

По первому пункту папа заявил нотой Бернетти австрийскому послу от 3 июля 1831 г., что не существует изменений, действительно полезных и совместимых с характером его правления, которые Святой Отец не был бы расположен внести в общественные, административные и юридические установления, что он и постарается доказать на деле.

По второму вопросу нотой Бернетти Сент-Олару от 25 июня он заверил, что надёжное соблюдение и стабильность законов получают гарантию посредством соответствующих консервативных установлений. Причём это заверение было «возобновлено в конфиденциальной ноте Бернетти Лютцову от 15 июня 1832 г., выражавшей намерение папы, который в обоснование допустимости светских лиц на места, вследствие древнего обычая предназначавшиеся духовным лицам, не сумел бы высказаться за, ни допустить, на деле, устранения этих последних от гражданских должностей».

Третий пункт послужил основанием для протестов либералов.

Что касалось юридического порядка, анализ которого был сообщён английскому правительству, он был определён указами от 5, 31 октября и 5 ноября 1831 г. Основой этого труда послужило *motu proprio* (т. е. послание) Пия VII 1816 г., сделанное по собственному почину, без согласования с кардиналами; и если у него ещё оставались недостатки, законодательный корпус позаботился об исправлениях, пригласив суды, ясным положением указа от 31 октября, высказать своё мнение относительно улучшений, которые следует в них внести.

Указ от 5 июля 1831 г., принимая за основу административной организации главные положения этого послания Пия VII, учредил конгрегации управления, предназначенные помогать делегатам или главам администрации провинций. Он учредил коммунальные советы на довольно широкой основе, даровав им, после первого

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 408. Л. 59–65.

² См. с. 133–134.

назначения, сохранённого за правительством, полномочие заполнять путём выбора места, ставшие в них вакантными, и им поручая выбор членов провинциальных советов, которые последующим положением были уполномочены сообщать папе замечания относительно полезных изменений в управлении. Эти корпорации, таким образом, пользовались независимостью и диапазоном власти, который никогда вовсе не был признан за аналогичными установлениями в итальянских провинциях Австрии, в Тоскане и в Неаполитанском королевстве. Но папа вовсе не хотел допустить принцип народных выборов, указанный для коммунальных советов в памятной записке.

В таком установлении, не принятом нигде в Италии, он видел создание в государстве новой власти, несовместимой, по существу, с монархической формой его правления. Именно этот пункт советов представителей пяти держав вызывал протесты недовольных, которые в нём усматривали орудие для борьбы с правительством и средство вызывать и сохранять беспрестанно беспорядки в государстве.

Главная рекомендация четвёртого пункта была выполнена указом от 11 июня относительно контроля амортизационного фонда и указом от 2 ноября 1831 г., учредившего конгрегацию по проверке финансового управления, сформированную под председательством кардинала из четырёх прелатов и из стольких же гражданских советников, избранных в четырёх главных частях государства.

Папа, не считая возможным согласиться с избирательным принципом для одного из высших ведомств государства, не захотел ввести в эту конгрегацию членов, избранных провинциальными советами.

Он не намеревался больше создавать основы постоянной оппозиции в своём правительстве, учредив Государственный совет, состоявший из гражданских лиц, наряду с его обычным советом, сформированным из кардиналов, в познания которых он верил¹.

Итак, данный на Неве анализ позиции папы по конкретным вопросам, вынесенным на обсуждение, свидетельствовал о признании выполнения папой всех поступивших предложений и консервативного характера принятых им мер, который специально подчёркивался в каждом случае. Одним словом, итог этих переговоров не мог не вызвать удовлетворения императорского правительства.

Следует также отметить, что развитие событий в начале 30-х гг. на Апеннинском полуострове и, в частности, в папских государствах особо привлекало его пристальное внимание по причине того, что само оно переживало трудные времена в связи с восстанием, охватившим Царство Польское.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 408. Л. 56–58.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОССТАНИЕ 1830 г. в Польше

В ходе начавшегося в Польше восстания повстанцами были предъявлены наместнику требования о включении в состав Польши Западных областей Империи — Белоруссии со Смоленском, Малороссии с Киевом и Черниговом, Волыни, Подолии и Литвы, — некогда входивших в состав Польши. А 25 / 13 января 1831 г. сейм объявил династию Романовых лишённой польского престола.

Ответом на эти требования стал манифест Николая I от 6 февраля / 25 января, которым фактически объявлялась война Польше. В тот же день российские войска перешли в наступление и в битве при Грохове разбили польскую армию, заставив её отступить в Варшаву, потеряв 12 тысяч человек¹.

Это восстание было воспринято российским монархом как провал политики в отношении Польши, которой Россия следовала в предшествовавшие полтора десятилетия, и ставило его перед необходимостью найти ответ на трудный вопрос, как быть дальше с ней. Свои размышления над всеми этими вопросами император подробно изложил в собственноручно написанной пространной записке, составленной, вероятно, в 1831 г. в ситуации, когда происходила битва между польской и российской армиями.

Сославшись на то, что Польша всегда была «соперницей и непримиримым врагом» России, он особо подчеркнул, что во время нашествия Наполеона из народов, входивших в его армию, ни один не обнаруживал к России «столько ненависти и мести, как Поляки» своими «страшными зверствами».

Он напоминал, что после окончания войны и завоевания Россией Польши Александр I считал, что интересам России отвечало её восстановление в качестве части Империи: она получила титул Царства, отдельное управление и войско. Ей была дана конституция.

Благодаря помощи России, она смогла подняться экономически, так что разница между доходами и расходами позволила ей создать резервный фонд, который теперь ею используется для начатой борьбы; её армия, насчитывавшая сто тысяч человек, была снабжена всем необходимым и вооружением для крепостей;

¹ Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1903. С. 335–336; Назаревский Н.Н. Царствование императора Николая I. 1825–1855. М., 1910. С. 53–54.

польские товары наводнили Империю в ущерб её собственной промышленности. Между тем единственная польза, которую получила Империя, — это «прибавление нового титула к титулам своего государя».

Независимое положение, в которое была поставлена Польша, повлекло желание добиться такого же положения областями, прежде входившими в её состав, что привело к их восстанию. На счёт того порядка вещей, «согласного с модными идеями, который, будучи почти неприменим в Царстве Польском, был невозможен в Империи», император относил порождение надежд, «которые нанесли чувствительный удар, как общественному порядку, так и уважению государственной власти, и вызвали в первый раз прискорбные события конца 1825 года». Одним словом, заключал император, «подобный порядок вещей должен был разрушить то, что составляет силу Империи», а значит, она будет сильной лишь под скипетром монарха.

Со своей стороны, Россия была вынуждена двинуть войска на подавление восстания, только испробовав все примирительные средства. Исходя из уроков прошлого и того, что ещё продолжалось в Польше, император полагал, что «интересы России не допускают ни восстановления Царства Польского в том виде, как оно было создано в 1815 году, ни сохранения конституции». Вопрос для него состоял не только в том, чтобы «лишить Польшу фактической возможности вредить России», но и решить, «какое вознаграждение можно получить от неё за тяжкие жертвы и какие выгоды может извлекать Россия из владения Польшей».

Он не видел ничего, могущего вознаградить за понесённые жертвы, и отдавал отчёт в невозможности извлечь из обладания ею «при нынешнем её состоянии никакой осязательной пользы; мало того: она даже не представляет никакого обеспечения в спокойном владении Россией этою страной». Для уяснения истинных интересов России император призывал учитывать следующие моменты. Россия «никогда не должна быть угрозой ни для своих соседей, ни для Европы. Но оборонительное её положение должно быть настолько внушительным, чтобы сделать всякое нападение невозможным». В этой связи он обращал внимание на тот факт, что граница польской территории Империи доходила почти до Одера, т. е. она слишком далеко вдавалась, по сравнению с её флангами, и в этой выдающейся части находилась армия для удержания в подчинении её населения, враждебного России.

Напомнив ещё раз, что Польша «ничего не приносит Империи; напротив, она не может существовать иначе, как посредством постоянных жертв со стороны Империи, чтобы дать ей возможность содержать своё собственное управление», император приходил к выводу: «Таким образом, ясно, что выгоды от этого беспокойного владения ничтожны, между тем как неудобства велики и даже опасны».

В заключение Николай I делал такое признание. Он

...не видел другого средства, кроме следующего: объявить, что честь России получила полное удовлетворение завоеванием Царства Польского, что Россия

не имеет никакого интереса владеть провинциями, неблагодарность которых была так очевидна, что истинные её интересы требуют установить и утвердить свою границу по Висле и Нареву, что она предоставляет остальное, как недостойное принадлежать ей, своим союзникам, которые могут сделать из неё всё, что им может показаться нужным, что, оставаясь верною своим началам, Россия утвердила бы за тою частью Царства Польского, которая за нею осталась, пользование её законами и учреждениями настолько, насколько они были бы согласны с её безопасностью в будущем, что титул Царства Польского будет связан с этою странюю с целью предупредить, чтобы он не был дан кому-либо другому и чтобы не было создано новое государство, враждебное в отношении России¹.

Идеи, выраженные в записке императора, не были реализованы на практике, поскольку он сам убедился в невозможности фактически нового передела польских земель. Сама же записка представляет, несомненно, большой интерес с точки зрения понимания восприятия им как польской проблемы в целом, так и восстания 1830 г., которое произвело на него глубокое впечатление. Эти размышления заложат основу дальнейшей позиции императора в отношении Царства Польского. Отражение их встретится не раз в его переписке с наместником Царства Польского И.Ф. Паскевичем. Вероятно, он был ознакомлен с этою запискою императором и 16 / 4 июня 1831 г. предложил свой вариант передела польских земель: в обмен на уступку воеводств левого берега Вислы и Кракова получить устье Немана с Мемелем и Торном и Восточную Галицию².

Принципы, которым следовало императорское правительство во время Польского восстания, были сформулированы в отчёте министерства иностранных дел за 1830 г.: никогда не договариваться с повстанцами; изолировать восстание, поддерживая самый тесный контакт с пограничными с Польшею державами; закрыть доступ любому иностранному вмешательству; ограничиться тем, чтобы осведомлять правительства о ходе наших военных операций, но воздерживаться от любых других сообщений о будущих мерах в отношении Польши. Полагали, что такая линия поведения, которая не предполагала никаких обязательств в отношении других держав, обеспечивала «свободу принятия впоследствии таких решений, уместность коих подскажет время»³. Не было сделано исключения и для Святого Престола. В то время как события в Польше ещё только разворачивались, вопрос о привлечении его не ставился.

Однако после подавления восстания стала очевидной уместность прибегнуть к помощи папы. Первым инициативу проявил Гагарин. С приходом нового папы

¹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. VIII. СПб., 1888. С. 177–181; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 335–349.

² Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 349.

³ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1830. Оп. 475. Л. 63.

у него появилась идея просить его обратиться к высшему польскому духовенству с отеческим увещанием, призвав его к поведению, более соответствующему святости его епископского звания. Он полагал, что письмо папы возымело бы должное действие. Предугадавшая намерения императора идея формального осуждения поведения той части польского духовенства, которая приняла участие в восстании, вместо того, чтобы употребить своё влияние, чтобы успокоить умы и удержать в повиновении законному правительству, была одобрена. В С.-Петербурге считали, что «энергичный выговор, адресованный в этом смысле польским епископам, был бы подлинной услугой, оказанной делу общественного порядка», и просили заранее благодарить папу¹.

Григорий XVI откликнулся на это пожелание. Он обратился с письмом к сандомирскому епископу, в котором призывал «глубоко проникнуться благородными чувствами мира и спокойствия». Пересылая это письмо с донесением от 18 / 6 февраля 1831 г., Гагарин отмечал, «что история католической Церкви не даёт примера подобных увещаний, обращённых к членам католического духовенства в стране, управляемой монархом, исповедующим религию, отличную от религии римской Церкви»². Случится, однако, так, что это послание не попадёт к его адресату.

По мере дальнейшего развития событий, когда после подавления восстания стало очевидным, что с прежним настроем справиться не удалось, Николай I отменил конституцию своего брата. Затем 26 / 14 февраля 1832 г. в С.-Петербурге был принят выработанный Особым польским комитетом документ о «Новом порядке управления и образования Царства Польского», известный как Органический статут.

Установлением «постоянного и твёрдого порядка» преследовалась двойная цель: «оградить навсегда от новых покушений» общественное спокойствие края и сохранить «неразрывное соединение двух народов, Небесным Попечением попечению Нашему вверенных».

Присоединённое навсегда к России, Царство Польское объявлялось её нераздельной частью. Ему было обещано: особое, соответствующее местным особенностям управление; такие же гражданский и уголовный кодексы; сохранение всех предоставленных прежде местных прав и установлений.

В полной мере сохранялась свобода вероисповеданий. При этом римско-католическая вера, поскольку исповедуется большей частью подданных Царства Польского, будет предметом постоянной заботы правительства.

Фундушевые имения, принадлежавшие духовенству римско-католической и греко-униатской Церквей, признавались неотъемлемой собственностью церковной иерархии каждого из вероисповеданий.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 34.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1831. Оп. 469. Д. 229. Л. 81, 83.

Новый порядок управления сводился к следующему. Главное управление поручалось Совету управления, действовавшему от имени императора под председательством наместника. В него входили: наместник, главные директора — председатели Комиссий, между которыми разделялись дела управления, генеральный контролёр, бывший председателем Высшей счётной комиссии, и чиновники, назначаемые императором.

Совет управления избирал и представлял на решение императора, через наместника, кандидатов на освободившиеся места архиепископов, епископов, главных директоров, государственных советников, членов высшего суда и других назначаемых императором чиновников.

Кроме того, в Царстве учреждался Государственный совет, и тоже под председательством наместника. Членами его были главные директора и генеральный контролёр. В него также входили имевшие звание государственных советников чиновники. На заседаниях временно или постоянно участвовали, по усмотрению императора, и другие чиновники.

Функции Государственного совета определялись так. 1. Рассмотрение и составление проектов новых законов и уставов, касавшихся общего управления Царством; 2. Разрешение споров между правительственными судами и начальствами и споров о пределах их ведомства; 3. Рассмотрение представлений и просьб областных чиновников и советов воеводств относительно нужд их краёв; 4. Рассмотрение годовой сметы доходов и расходов, составленной Советом управления; 5. Рассмотрение отчётов главноначальствующих различными областями управления об их действиях по вверенным им делам; 6. Принятие заключений и предание суду тех из замеченных в преступлениях по должности чиновников, которые были назначены императором или его именем.

Законодательные дела и особо важные предложения, годовая смета, представленная Государственным советом Царства на утверждение императора, подлежали представлению Государственному совету Империи. Для этого в этом последнем учреждался особый Департамент по делам Царства Польского.

При императоре находился министр — государственный секретарь Царства Польского, который докладывал ему о материалах, представленных через наместника Советом управления и Государственным советом, и он же объявлял указания императора наместнику. Он же вносил в кодекс законов все законы, постановления и уставы относительно Царства Польского.

Административным, судебным языком оставался польский.

Дела управления поручались ведению трёх правительственных Комиссий, под председательством главных директоров: внутренних и духовных дел и народного просвещения; юстиции; финансов и казначейства.

Кроме того, учреждалась также счётная палата для общей ревизии счетов, доходов и расходов Царства.

Дела, решение которых превышало власть главных директоров и Комиссий, поступали в Совет управления, те же, что были неразрешимы властью Совета и наместника, представлялись императору через министра — государственного секретаря¹.

Итак, больше не шло речи об отдельном сейме, коронации и национальной армии. Всего этого поляки лишались. И хотя за ними признавалась национальная и политическая автономия, но все проекты законов подлежали рассмотрению Департаментом по делам Царства при Государственном совете Империи, а законодательная власть, как и во всей Империи, принадлежала императору.

В Польше статут был объявлен 25 / 13 марта 1832 г. В стране было введено военное положение. В феврале был учреждён уголовный суд над участниками восстания.

Одновременно с принимаемыми мерами в С.-Петербурге видели необходимость привлечь Святой Престол к ликвидации последствий восстания. На этот раз идея обратиться к папе была чётко изложена в памятной записке Паскевича от 17 / 5 февраля 1832 г., переданной им императору. Он отмечал, что мятеж в Польше «только усмирён, подавлен, но нравственно ещё существует. Для искоренения духа возмущения в поляках одной власти правительства недостаточно. Нужно употребить средства иные». Одним из самых действенных средств он считал духовенство, оказывавшее сильное воздействие на все классы общества, но особенно на женщин, которые в Польше «более, может быть, чем в других государствах имеют влияние вообще на дела и мнения».

По сим причинам, я убеждён, — продолжал Паскевич, — что величайшую пользу к успокоению умов в Польше произвело бы, если бы можно было ввести в это дело римского папу и убедить его принять в нём участие прямодушно, с истинным желанием успеха, издав для сего буллу, явно или секретно действуя чрез епископов и легатов своих и других агентов, наконец, может быть, бесполезно было бы употребить и все сии средства вместе.

Папе, считал он, следовало разъяснить, «что теперь не то уже время, чтобы исповедания христианской религии спорили между собой о преимуществе или старались обращать в своё исповедание». Следовало понять, что, «напротив, ныне все должны соединиться против неверия, проповедуемого и распространяемого во всей почти Европе». Теперь все христиане без различия исповедания должны стремиться к достижению «одной цели: сохранению всего священнейшего: религии, нравственности и порядка». Люди же, распространяющие новые религиозные идеи, «посягают на истину, нарушают права религии и вместе права законных правительств». Понтифик должен был проникнуться пониманием того,

¹ ПСЗ. Собрание второе. Т. VII. СПб., 1833. № 5165. С. 83—87.

...что дух неверия и мятежа, распространяясь от одного конца Европы до другого, тесно соединил злонамеренных всех государств от Италии, Франции и до Польши; что остановить зло равно необходимо как между итальянцами, так и поляками; что, наконец, по сим причинам, он должен стараться всеми средствами, от него зависящими, внушить полякам, что, если они желают истинного блага своим единосверцам, то им остаётся только одно: соединение с Россиею и привязанность правительству¹.

Содержание записки наместника легло в основу направленной Гагарину депеши от 16 / 4 марта 1832 г. Оно преломилось в следующие идеи, которые ему предписывалось развивать перед римским Двором. Начав восстание, революционная мятежная группировка сочла, что «самое верное средство вовлечь народные массы в войну насмерть против России, — это прикрыться интересами религии и, утверждая, что католическое исповедание подвергается опасности неминуемого истребления, призвать для его защиты всё то, что религиозная экзальтация и фанатизм могли произвести наиболее энергичного и необузданного. Успех превзошёл их ожидания: почти всё духовенство было вовлечено в движение, не замечая, что, оказывая ему свою поддержку, оно действовало в пользу беспорядка» — так следовало объяснить участие масс в восстании. Отсюда была логичной реакцией правительства и та линия, которой оно придерживалось.

В таких обстоятельствах оно

...оказалось вынужденным пойти на суровые меры против священников, монастырей, которые осмелились вести себя вызывающе и провоцировать войска. Но не менее верно, и вся Польша может это засвидетельствовать, что, несмотря на ожесточение войны до победного конца, католическая религия постоянно встречала, с нашей стороны, уважение и защиту всюду, где её служители оставались в рамках своего долга и воздержались от того, чтобы поднять оружие против нас.

Но всё это относилось к прошлому. На данном этапе предстояло решить очень трудные задачи.

Если император горячо сожалел о бедах, которым был не в силах ни помешать, ни предотвратить, то тем сильнее сегодня его беспокоило то, как их исправить. А его самое сильное желание состояло в том, «чтобы увидеть, как спокойствие, безопасность и доверие обретут прочное и долговременное основание, гарантирующее будущее благополучие страны, судьбы которой бесповоротно связаны с судьбой России».

Расчитывая на достижение такого результата административными средствами, одновременно признавали, что католическое духовенство, пользующееся столь сильным влиянием в Польше, могло бы оказать правительству самую действенную помощь. Ведь в интересы самой религии, несомненно, должно было входить

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. II. Л. 162—164.

обеспечение российскому правительству такой помощи, но особенно это надлежало сделать римскому Двору, поскольку папа, как глава католической Церкви, должен неизбежно желать, со своей стороны, чтобы отправление этого исповедания было полностью гарантировано большинству населения Польши, его исповедовавшему. Представлялось очевидным, что благополучие католического культа зависело, по существу, от положения, в коем окажется страна, и от образа действия духовенства, потому что, в случае новых беспорядков и поддержания их служителями культа, правительство было бы вынуждено «применить крайне суровые меры, чтобы уменьшить зло, при невозможности ему помешать». Итак, речь шла об обращении к римскому Двору с просьбой о кооперации в деле, которое «его особо касается и которое затрагивает нас самих».

Кроме приведенных соображений, относившихся, главным образом, к Польше, указывалось на ещё более широкую сферу, затрагивавшую интересы всего европейского общества и заслуживавшую внимания всех держав, включая и римский Двор, к тому же в двух отношениях — религиозном и политическом. Имелся в виду

...революционный дух, который уже несколько лет стремится потрясти весь мир, вовлекая в свои разрушительные проекты и трон, и религию. Он атакует первый (трон. — О.С.), — разъянялось далее, — лишь для того, чтобы опрокинуть вторую (религию. — О.С.), и его доктрины, враждебные всем религиозным верам, угрожают, вообще, христианству без всякого различия исповедания. Нельзя не признаться, что победа революции в Польше неизбежно решила бы судьбу всей Европы. Огонь перешёл бы на польские области Австрии и Пруссии, а затем на Венгрию, Италию. Но Провидению было угодно, чтобы там была Россия, чтобы его погасить. Император действовал ради России, но знал, что обеспечивает спасение Европы.

Собранные вместе все эти соображения, полагали в С.-Петербурге, должны были стать столь убедительными для римского Двора, чтобы его побудить действовать совместно и энергично для достижения цели, поставленной перед ним. Конкретно речь шла о том, чтобы «употребить влияние католического духовенства в Польше, чтобы расстроить революционные замыслы», которые были бы направлены на то, чтобы вновь нарушить спокойствие этой страны и этим подвергнуть опасности спокойствие других стран.

Выбор необходимых средств предоставлялся римскому Двору, но с оговоркой,

...что полумеры были бы вредны. Мягкие поучения, слабые или двусмысленные послания, подобные персланному нам Вами с депешей от 18 / 6 февраля 1831 г. (№ 5) и которым мы не смогли никак воспользоваться, не достигли бы их цели и остались бы безрезультатными. Но поддержка, которую нам окажет римский Двор в этих обстоятельствах, если она будет значительной и энергичной, будет, бесспорно, полезным дополнением для морального духа и общественной безопасности.

В заключение ссылались на то особое обстоятельство, в силу которого император, «тем менее, колебался настойчиво просить этой поддержки». Ибо «независимо от основных причин, это вменяющих в обязанность главе католической Церкви, Его Величество убеждён в предупредительности, которую Святой Отец пожелает проявить в этом случае, дав свидетельство признательности за заботу, проявленную императорским правительством вместе с венским кабинетом ещё совсем недавно в отношении итальянских дел и в пользу интересов понтифика»¹.

Другой депешей за то же число Гагарину сообщалось, что было сочтено уместным о демарше, осуществление которого ему было поручено, оповестить венский кабинет и попросить, чтобы он, со своей стороны, его поддержал перед папой. Поэтому Татищев должен был ознакомить Клеменса Меттерниха с направленной Гагарину депешей. Посланника об этом предупреждали, чтобы он мог согласовать с Лютцовым наиболее полезный способ для успеха его демарша².

Кстати, ещё одной депешей за то же число Гагарину дали знать о реакции на высадку французского экспедиционного корпуса в Анконе. Не зная ещё точно о решении Австрии и не имея поэтому возможности сообразовать с ней свои решения и дать аналогичные указания Гагарину, позиция российской стороны определялась ясно. Каким бы ни стало окончательное решение венского Двора, он должен быть заранее убеждён в неизменном решении императора оказать содействие всеми средствами мерам, которые австрийский император сочтёт необходимым принять³.

По совету Лютцова Гагарин ознакомил кардинала Бернетти с депешей Несельроде по поводу памятной записки Паскевича, а затем направил ему ноту, отражавшую содержание этой депеши. В ней, в частности, говорилось о том, что «священнослужители всех категорий, забыв о святости их миссии, участвовали в самых кровавых действиях, почти повсюду стояли во главе революционных происков, и иступлённое ожесточение неоднократно приводило их на поля битв, где они становились активными участниками и жертвами». Затем следовала обращённая к папе просьба императора употребить его духовную власть, «чтобы побудить духовенство раскаяться в столь преступных и пагубных ошибках. И твёрдо ему сказать, что оно может их исправить лишь полным подчинением законам, путём чистосердечного сотрудничества с тем, кто может навсегда гарантировать самое искреннее и действительное повиновение законному положению дел». Заканчивалась нота заверением: «Его Святейшество легко убедится, что, поддерживая права трона, Он будет защищать самым решительным образом права религии»⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. II. Л. 150–161.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 244.

³ Там же. Л. 247–248.

⁴ Там же. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 3.

Бернетти передал Гагарину, что папа «чрезвычайно сожалел», что его послание в прошлом году не было передано польскому духовенству и что, «какими бы умеренными в нём ни могли бы быть выражения, оно оказало бы, тем не менее, значительное влияние, так как содержало очень недвусмысленное неодобрение восстания».

Объяснения Гагарина по этому поводу, безусловно, не могли прозвучать сколько-нибудь убедительно. Они свелись к тому, что императорское правительство, получив этот документ, направило его бывшему тогда командующим войсками в Польше, ныне покойному И.И. Дибичу. Именно он принимал решение о его дальнейшей судьбе. И оставалось неясно, диктовался ли избранный им способ его пересылки тем, что он не обнаружил в его редакции решительного тона. Хотя нельзя было исключить и невозможности в тех условиях доставить его иначе, как через сторожевое охранение, «в обоснованном опасении, как бы революционные власти его не уничтожили или, по крайней мере, не исказили». А посему он предпочёл переслать его через придворного советника Ф.П. Фонтону, чтобы придать больше важности этому умеренному высказыванию, поскольку этот служащий был свидетелем решения, которое счёл уместным принять покойный командующий.

В этом же донесении от 21 / 9 апреля Гагарин информировал С.-Петербург о ставшем ему известным факте обращения польских повстанцев к папе за помощью, в чём он им постоянно отказывал¹.

Подтверждение сказанному ему Бернетти о реакции папы по поводу произошедшего с его последним бревом от 15 февраля 1831 г. Гагарин вскоре смог получить от папы лично. Он признал, что его послание «не оказалось достаточно решительным», и пояснил:

... между тем, я его продиктовал преднамеренно в самом умеренном тоне, чтобы придать спонтанный характер, который, по моему мнению, мог его сделать лишь более эффективным и глубже воздействовать на озлобленных и отчаявшихся людей. Моё обращение, чтобы их привлечь, не должно было ограничиться увещеваниями, побуждавшими не выходить за рамки санкционированных полномочий, и это послание, не содержит ли оно также неявное осуждение всех пагубных и опасных доктрин на будущее (подчёркнуто в тексте. — О.С.), которые причинили такое зло Польше. Впрочем, сказал он, заканчивая, я сейчас занят составлением нового послания, и, насколько это в моих силах, я постараюсь вновь сделать внушения относительно намерений императора.

При этом папа не скрыл от Гагарина, что испытывал некоторое затруднение, «будучи должен теперь обращаться к польскому духовенству, вовсе не зная, может ли он ему напомнить о том, что он говорил в начале своего понтификата». Гагарин в ответ сказал, что ему «представлялось предпочтительным не возвращаться

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 2, 6.

к прошлому и удовлетвориться тем, чтобы действовать в общих интересах всех поборников порядка, долженствовавших объединиться, более чем когда-либо, против дерзости и коварных происков революционеров». В свою очередь папа, заверив, что был «готов сделать всё для императора», высказал пожелание, чтобы и он кое-что сделал для него, а именно, «чтобы сообщение между Святым Престолом и епископами стало более свободным». Гагарин, сославшись на то, что Россия по этому поводу придерживалась тех же принципов, что и монархи католических государств, а поскольку папа ссылаясь на Австрию, он его заверил, что будет совсем нетрудно согласиться на способ, принятый Австрией¹.

Подготовив своё послание к польским епископам, папа пожелал ознакомить с ним Гагарина, по случаю чего дал ему аудиенцию. «Я хочу, сказал он мне, — писал посланник в донесении от 3 июня / 22 мая, — чтобы император, благодаря этому посланию, осознал, насколько я рад пойти навстречу его пожеланиям. Но нужно также, чтобы мир видел, насколько речь папы продиктована лишь законами, канонами и традициями Церкви, так как только при таком образе действия его власть будет вызывать уважение и будет признаваться безупречность её происхождения».

На просьбу Гагарина о некоторых исправлениях и сокращениях папа ответил согласием. В частности, он удовлетворил пожелание дополнительно обратить внимание польских епископов, «что, по только что сделанному им изложению неизменных доктрин Церкви, его уважаемые собратья могут ясно увидеть, в какие серьёзные заблуждения впала участвовавшая в волнениях часть польского духовенства».

Гагарин настоял также на изъятии двух частей из бреве. Одна касалась приветствия епископов, которое было воспринято им как незаслуженное, хотя папа и государственный секретарь не переставали утверждать, что они не располагали точными сведениями относительно того, что польские епископы лично приняли участие в восстании. Во втором случае он добился изъятия обычно употребляемого выражения, когда пишут в далёкие страны, население которых к тому же принадлежит к различным исповеданиям. Гагарин предпочёл, чтобы его удалили, потому что оно напоминало отрывок из слишком известного послания, адресованного Львом XII в 1825 г. тем же епископам, и когда это выражение, имевшее тогда совершенно другое значение, вызвало у императорского правительства справедливое недовольство.

Гагарин явно был тронут готовностью, с которой папа откликнулся на его пожелания. Он даже признавался в опасении, что «не сумел бы достаточно воздать должное расположению, услужливости, с которой папа принял мои замечания, и проявленную им заботу о том, чтобы я мог прийти к правильной оценке его идей».

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 13—14.

Достигнутый результат он считал возможным рассматривать «как действительно полный успех».

Трудно сказать, под влиянием ли столь успешного разрешения такого непростого вопроса, но Гагарин очень необычно прореагировал на предполагаемый шаг Святого Престола при пересылке этого бреве польским епископам. В ожидании получения послания, экземпляры которого изготавливались для каждого епископа, Гагарин принял решение, что, «если захотят их направить непосредственно, как я имею основание это полагать, я не буду этому чинить никакого препятствия» (всё подчёркнуто карандашом. — О.С.).

Против подчёркнутых слов поставлен знак *nota bene* (заметь хорошо), свидетельствующий об отклике на позицию Гагарина¹.

Смысл его раскрывает направленная ему депеша от 21 / 9 июля 1832 г. Из неё следует, что допущенный посланником в данном случае жест в отношении посылки бреве папой непосредственно епископам вместо обычной процедуры через министерство внутренних дел одобрялся, но с оговоркой. Он должен был дать знать кардиналу Бернетти, что в данном случае было сделано исключение, которое не могло стать правилом на будущее².

В датированном 9 июня новом послании папа ссылаясь на направленную епископам в прошлом году энциклику, в которой дал знать, что разделял их беды; хотел утешить их и усилить их пастырскую заботу, чтобы с новым и ещё более горячим усердием они могли защищать святые доктрины и их внушать духовенству и верующим. Однако папу поставили в известность, что в силу крайних трудностей это письмо до них не дошло. Теперь, в условиях восстановления мира и спокойствия, он призывал епископов всеми силами устранить от доверенной им паствы истинные причины прошлого зла, помешать распространению среди паствы ошибочных доктрин и ложных догм, придать гласности недобрую волю этих лжеучёных.

В заключение послания говорилось:

Ваш очень могущественный император будет добр с Вами, он всегда будет принимать в расчёт предлагаемое нами посредничество и обращённые Вами к нему просьбы в пользу исповедуемой в Царстве католической религии, которую он обещал всегда защищать. Те, кто действительно мудр, Вас будут восхвалять, а Ваши враги умолкнут, не имея возможности ничего плохого сказать против Вас³.

Получив известие о папском бреве, из С.-Петербурга Гагарину сообщили, что император был ему особенно благодарен за приложенные им усилия для достижения такого результата и просил «засвидетельствовать от его имени римскому Двору глубокое удовлетворение», с которым узнал о нём. Не забыт был и венский Двор.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 36–38.

² Там же. Ч. II. Л. 202.

³ Там же. Ч. I. Л. 44–48.

Ему была выражена признательность за активное содействие его посла в Риме де-маршам Гагарина. Последнего просили, в свою очередь, передать Лютцову благодарность императора «за искреннюю и полезную поддержку», оказанную ему¹.

Положительно оценил бреве Татищев, как это видно из его письма от 12 июня / 31 мая 1832 г. Паскевичу. Правда, даже в его улучшенной форме он находил несколько пассажей, которые желательно было бы сформулировать иначе, не мог бы он также одобрить его передачу непосредственно из Рима епископам. Тем не менее «я думаю, однако, — писал он, — что оно такого рода, что заставит вернуться на верный путь не одного католика, и послужит противвесом попыткам некоторых фанатиков, которые хотели бы воспользоваться религией в качестве средства для осуществления их преступных и химерических желаний»².

По случаю получения этого бреве в С.-Петербурге Гагарин направил государственному секретарю ноту от 30 / 18 августа с выражением чувства удовлетворения, испытанного императором после ознакомления с содержанием бреве³.

Ответной нотой от 2 сентября 1832 г. Бернетти его известил, что из его ноты от 30 августа папа узнал с удовольствием, что его бреве епископам Польши «во всём соответствует пожеланиям Его Императорского Величества». В заключение ноты говорилось, что папа был убеждён в преданности этих прелатов папскому Престолу, как, с другой стороны, он надеялся, что «Великий монарх соблаговолит им предоставить своё высокое покровительство и расположение»⁴. Одним словом, было засвидетельствовано удовлетворение одной стороной самим бреве, а другой стороной — его восприятием первой.

События в папских государствах и в Польше, естественно, не могли не отвлечь внимание от решения текущих и давно стоявших на повестке дня проблем, в частности вопроса о разграничении епископств. Однако 7 июля 1832 г. Бернетти известил Гагарина о предложении папы послать для ознакомления с местными условиями, как это делалось его предшественниками, прелата, «обладающего необходимыми способностями, благоразумного и примирительно настроенного», облечённого полномочиями довести до конца переговоры по такому чрезвычайно важному вопросу. Кардинал просил его прозондировать отношение к этому императорского правительства⁵.

Гагарин отнёсся к этому с пониманием. По его мнению, такая временная и специальная миссия могла бы быть тем более полезна, что ускорила бы окончание дела, решение которого было столь желательно⁶.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 265–266, 268.

² Там же. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 2356. Л. 54.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 131.

⁴ Там же. Л. 132; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 284.

⁵ Там же. Д. 367. Л. 428.

⁶ Там же. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 94, 91.

Тогда же, в ответ на переданную Гагариным Бернетти памятную записку о плане нового разграничения епархий в России, в которой, в частности, говорилось о безнравственности и ослаблении веры среди духовенства, посланник получил от папы лично памятную записку, которую переслал с донесением от 10 июля / 28 июня 1832 г.

В ней заявлялось, что наблюдающийся среди католиков и грекокатоликов упадок понтифик издавна порицал и продолжает осуждать. Главные же причины этого он видел «в новшествах и прагматических санкциях, которые со стороны политического управления по церковным делам в них вводятся и соблюдаются с безмерным вредом для самой религии». Затем раскрывались конкретные новшества, составившие восемь причин, породивших этот упадок. Первая из них состояла в строгом запрете свободного сношения со Святым Престолом по духовным вопросам епископам, духовенству и всем католикам России под угрозой самых суровых наказаний, как следует из акта, опубликованного в Вильно могилёвским архиепископом 12 января 1814 г.

Ещё одна причина — это слишком большая протяжённость епархий, в силу чего пастырский надзор епископа не может охватить всю её. Затем перечислялся следующий ряд причин. Обнищание духовенства с лишением Церкви собственности в связи с упразднением стольких бенефиций, монастырей, благотворительных учреждений, из-за чего недостаёт средств на содержание служителей Церкви и для придания блеска богослужению и, следовательно, не хватает служителей для оказания духовной помощи населению. Отстранение епископов от руководства образованием и, особенно, воспитанием, как белого, так и чёрного духовенства. Привлечение для этого даже лиц иного исповедания или неосведомлённых в церковных делах, или придерживавшихся ошибочных принципов и использовавших при преподавании осуждённые доктрины и книги, тем более что делается это в университетах и лицеях, где духовенство, белое и чёрное, находит почву для развращения, обольщения и растрат. Не исключалось, что это могло происходить из-за недостаточного соответствия и слабого усердия какого-нибудь лица, возведённого в епископский сан, но, полагали, что гораздо больше это могло случаться из-за злоупотребления, допущенного кем-то из властей, обычных и ещё больше чрезвычайных. Седьмая причина касалась дисциплины монахов, её несоблюдения, что вызвало серьёзнейший скандал и подало плохой пример верующим. Произошло же это из-за новшеств, которые проникли к ним вследствие нарушения дисциплины, установленной канонами и папскими постановлениями. Было связано это также с отделением и независимостью их от собственных генералов, с подчинением распоряжениям епархиальных епископов, с новыми правилами, касающимися исповедания и монашеских обетов, религиозного воспитания и обучения в университетах и лицеях. В качестве восьмой причины называлось нарушение духовной дисциплины, которое особенно проявлялось в процедуре по духовным делам, в частности по брачным делам. И выражалось это в лёгкости, с которой допускался развод,

вопреки положению католической Церкви о нерасторжимости супружеских уз. В свою очередь лёгкость разводов порождала бесконечные скандалы и смятение, нанося серьёзнейший вред не меньше, чем религии, «политическому обществу».

В заключение отмечалось, что «несмотря на то, что Святой Престол не преобрёт никаким имевшимся в его распоряжении средством, могущим быть своевременным, никакая мера до сих пор и никакое попечение не оказалось действенным и верным». Сославшись на прежнюю практику посылки в С.-Петербург нунциев и чрезвычайных посланников для решения вопроса разграничения епархий в России и Царстве Польском, папа просил принять представителя Святого Престола, чтобы он мог получить информацию о подлинном положении вещей в делах католической Церкви в России и Польше. В качестве основания для удовлетворения такого требования он ссылаясь на право взаимности¹.

Экземпляр этой памятной записки был передан через Лютцова также в Вену с явным расчётом, по мнению Гагарина, на её помощь в решении этого вопроса. Лютцов разделял его мнение, но полагал, что она может заключаться лишь в том, что укажут на ход и принципы, соблюдаемые в этом отношении в Вене.

Приветствуя проект скопировать отношения России со Святым Престолом с отношений Австрии, Гагарин считал, однако, что его будет трудно реализовать на практике. Он напоминал о случае противления епископов подобной идее, когда Александр I задумал восстановить в Польше религиозный закон относительно брака, взяв за основу действовавшие в Австрии правила. Брeve Льва XII епископам заключало тогда в себе неуместные выражения и вызвало недовольство императора². В архиве миссии не удалось обнаружить следов этого документа. Не смог его найти и кардинал Бернетти. Гагарин просил министерство прислать копию, поскольку обещал её кардиналу. Ему он дал понять, что это послужит доказательством, что первая предпринятая попытка допустить свободный обмен корреспонденцией между Святым Престолом и епископами была неудачной и способствовала лишь тому, чтобы поощрить епископов не подчиняться законам страны³.

Состояние отношений со Святым Престолом в это время очень занимало Николая I. По его указанию Блудову, ставшему в 1832 г. министром внутренних дел, были переданы материалы по этому вопросу, полученные из Рима и Вены. Речь шла о донесениях Гагарина по поводу памятной записки папы, его просьбы о предоставлении католическим епископам полной свободы непосредственных сношений с римским Двором и намерении направить нунция в Россию, а также донесение о впечатлении, произведённом на папу последними событиями в Польше.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 84–90; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 378–380.

² См. с. 57–58.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. I. Л. 83.

К ним были присовокуплены донесения Татищева, содержавшие его соображения относительно требований римского Двора, найденные императором «весьма основательными»¹.

Своё мнение Блудов изложил в записке для Николая I. «Нынешний порядок сношений русских подданных с Римом имеет форму более непосредственного участия правительства в сих сношениях, нежели простого за оными надзора; сие участие представляет, некоторым образом, правительство в виде едва ли приличном канцелярии, предназначенной для переписки здешних епископов с папою, и даже для взыскания и пересылки доходов папы», — писал он. Таким образом, Блудов находил участие правительства в сношениях епископов с папою чрезмерным и унижительным для него.

Он считал, что применяемый в Австрии способ сношений

...был бы совершенно достаточен для обеспечения политических выгод России, и более нынешнего сообразен с достоинством кабинета Вашего Императорского Величества. Если же будет признано нужным иметь и более цензуры за сими сношениями, то можно ограничиться наблюдением, чтобы отношения епископов к папе и папы к епископам пересылались открыто через министерство и российского в Риме посланника, и чтобы участие правительства имело лишь вид некоторой цензуры. Сие облегчение папских сношений со здешними епископами, по моему мнению, было бы полезно, во-первых, потому, что правительство освободилось бы от затруднительных переписок и не подвергало бы себя, как сие случается нередко ныне, отказам, всегда более или менее неприятным; во-вторых, потому, что сею мерою будет отнят повод и у русских подданных и у самого папы, слагать во всём вину на русское правительство.

«Впрочем, — в заключение специально подчёркивал Блудов, — сия перемена столь важна, что должна быть предметом особых соображений и, может быть, особой негоциации».

Что касалось ответа римскому Двору, Блудов полагал возможным дать его следующим образом:

...что Ваше Императорское Величество в предназначенном перемещении митрополии из Могилёва в Вильну и приписании римско-католических церквей могилёвской епархии к другим, имели в виду одне существенные истинные выгоды русских подданных Ваших римско-католического исповедания, что сей план и побудительные оного причины в том уверении, что оные будут им поняты и оценены, как должно².

На самой атмосфере и ходе только что начатых переговоров о новом разграничении епархий не могло не отразиться совпадение их по времени с появлением

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1832. Оп. 469. Д. 245. Л. 470.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1833. Оп. 469. Д. 187. Л. 437—439.

нового фактора, который не мог не повлиять на отношения со Святым Престолом вообще и на ход этих переговоров в частности. Им стал указ от 31 / 19 июля 1832 г. об упразднении в западных губерниях России некомплектных монастырей, «как лишённых средств к поддержанию порядка и благочестия между монашеством». Он касался также тех монастырей, кои «находятся посреди селений греко-российских и греко-унитских, и коих монахи в приходах чуждого им исповедания не могут быть нужны ни для каких духовных треб». Монахов из упраздняемых монастырей предполагалось перевести в другие обители их ордена. Церкви таких монастырей надлежало обратить в простые приходские, настоятельские или филиальные, т. е., в бесприходные. Но делать это следовало только при условии наличия значительного числа прихожан и отдалённости их от других приходских церквей, а иначе — использовать вместе с прочими монастырскими зданиями в качестве общепользовательных заведений. Решать же этот вопрос необходимо было, исходя из правила, введённого ещё в 1795 г., чтобы на одного священника на небольшом пространстве приходилось не менее 100 дворов (т. е. жителей, имевших дома или иную недвижимую собственность), при наличии же 200 дворов назначалось два священника. При недостатке белого духовенства должность священников могли замещать и монахи. Фундушевые обязанности¹ упраздняемых монастырей оставить при церквях, обрацаемых в приходские, если они могут быть выполняемы белым духовенством, а в противном случае эти обязанности передать вместе с монахами в другие обители.

Капиталы упраздняемых монастырей было решено присоединить к общему вспомогательному капиталу² римско-католического духовенства и выделять из него суммы на нужды римско-католической Церкви. И делать это

...сообразно с её правилами и духом христианства, преимущественно же на отправление фундушевых обязанностей упраздняемых монастырей, на содержание священников в приходах сих монастырей, усиление семинарий для образования белого духовенства и на учреждение заведений для призрения священнослужителей престарелых или одержимых неизлечимыми болезнями.

Имения и другая недвижимая собственность упраздняемых монастырей передавались в управление казны. Доходы от них должны были расходоваться на различные богоугодные заведения, а также на училища, создаваемые вместо училищ, содержавшихся прежде монастырями. Здания этих монастырей, за исключением

¹ По условиям, на которых монастырям передавалась собственность при дарении или по духовному завещанию, на них возлагались обязанности поминовения за упокой, учреждение или содержания какого-либо богоугодного заведения.

² По предложению Сестренцевича-Богуша он был создан для церквей и монастырей с недостаточными доходами для пополнения их за счёт избыточных доходов других монастырей.

помещения для священников при становившихся приходскими церквах, использовались как общепользные заведения. При этом в каждой епархии сохранялся один монастырь для нужд самого духовенства — содержания престарелых и неизлечимо больных священников.

Полная власть над монастырями предоставлялась епархиальным епископам, на которых возлагалась ответственность и за управление фондами остававшихся монастырей¹.

Следует отметить, что до 1830 г. в Западном крае закрытие монастырей происходило весьма редко, но с этого времени началось их упразднение за участие в восстании. Замеченных в мятеже было 50 монастырей, из них 17 было закрыто. Самым значительным их упразднением был отмечен 1832 г. К этому времени в крае было 305 монастырей. Из них полный состав имели 104, а 201 было некомплектных (по 3—2—1 человеку). Был упразднён 191 монастырь и оставлено 114.

Эту меру оправдывали крайним упадком монастырей из-за неразборчивости в приёме монахов, недостатка надзора над ними, ослабления дисциплины, плохого управления имуществом. Разумеется, диктовалась она не в последнюю очередь и стремлением правительства ослабить их влияние на православное население и оградить жителей от «политических происков», орудием которых служили монастыри. В каноническом отношении руководствовались буллой от 2 мая 1744 г. папы Бенедикта XIV. Ею предписывалось польским епископам закрывать монастыри, где было менее 8 монахов, как слишком бедные, а монахов переводить в другие обители².

Нота от 6 сентября 1832 г. стала ответом Бернетти на этот указ. В ней от имени папы выражался протест по поводу фактов, свидетельствовавших, в частности, о нарушении положения Органического статута Царства Польского от 14 февраля этого года (о нём Гагарин его информировал нотой от 12 апреля) о признании неотчуждаемым имущества, принадлежавшего католическому духовенству, как латинскому, так и греко-униатскому. Речь шла о передаче в казну имущества религиозных орденов, упразднённых в Царстве Польском, прежде предназначавшегося на оказание помощи кафедральным церквам и семинариям; о требовании об уступке каждой епархией одной из католических церквей, указанной правительством, чтобы предназначить её для православного исповедания; об удалении польских детей во внутренние районы Империи, где существовала угроза, что они оставят католическое исповедание; об уменьшении вдвое пенсий, выплачиваемых епископам в качестве компенсации за их имущество.

В ноте перечислялось то, что причинило вред интересам католической церкви в Империи: передача православной Церкви знаменитого храма Почаевской Божьей

¹ ПСЗ. Собрание второе. Т. VII. СПб., 1833. № 5506. С. 598—509; Журнал министерства внутренних дел 1832. СПб., 1832. С. VI—XII.

² АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1338. Л. 31—32.

Матери и базилианского монастыря на Вольни, различных церквей и монастырей ордена Св. Василия в Литве и других¹.

8 сентября оригинал этой ноты (как помечено на копии, оставшейся в миссии) увёз в С.-Петербург Гагарин, оставлявший свой пост в Риме. Дело в том, что осенью 1832 г. произошла смена российского представителя при Святом Престоле. Ещё летом депешей от 21 / 9 июня Гагарин был информирован о посылке ему отзывной грамоты. Местом его нового назначения стал Мюнхен².

Временно поверенным в делах назначался первый секретарь миссии Ф.Ф. Фурман. Гагарина просили (депеша от 21 / 9 июля), при передаче ему управления, строго наказывать следовать инструкциям, в своё время направленным ему. Напоминалось, что, согласно им, он должен был помогать демаршам, которые австрийский посол был бы уполномочен предпринять его правительством для сохранения суверенных прав Святого Престола и обеспечения безопасности государств, находившихся под его властью. «Настойчивость, с которой Вы выполнили в этом отношении намерения Нашего Августейшего монарха, Вам обеспечила действительные права на Его одобрение. Таким образом, у Вашего Сиятельства появится вдвойне обязанность рекомендовать нашему поверенному в делах следовать этой же самой линии поведения при выполнении временно ему доверенных функций»³.

А ровно через месяц после того, как Гагарин был извещён о его отзыве из Рима, депешей от 21 / 9 июля Н.Д. Гурьеву, тогда поверенному в делах при нидерландском Дворе, племяннику Нессельроде, было официально сообщено в Гаагу о его назначении чрезвычайным и полномочным посланником при Святом Престоле⁴. Одновременно ему предписывалось, прежде чем прибыть к месту своего нового назначения, заехать в Вену, чтобы собрать точные сведения,

...как о нынешнем положении дел в Италии вообще, так и о средствах воздействия, которые венский кабинет считает наилучшим образом применимыми для восстановления спокойствия в папских государствах. Ваше присутствие в Вене послужит, к тому же, чтобы удостоверить лучше твёрдое решение Его Величества действовать одновременно с австрийским правительством во всём, что касается сохранения порядка и мира внутри Италии.

В Вене новый посланник должен был подождать получения своих верительных грамот и специальной инструкции⁵.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 286—287; Д. 442. Л. 27.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 246. Ч. II. Л. 207.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 267.

⁴ В его личном деле имелась запись, что на этот пост он был «определён» 21/9 апреля (Там же. Ф. Формулярные списки чиновников МИД России. Оп. 464. Д. 1059. Л. 2).

⁵ Там же. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 248. Л. 37; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 432. Л. 263—264.

Эта инструкция, датируемая 15 / 3 сентября, представляла собой весьма пространный документ.

Перед Гурьевым была поставлена двоякая задача. «Во-первых, попечение о том, чтобы поддерживать в хорошем состоянии политические отношения, существующие между императорским правительством и светским правительством папы; во-вторых, заботиться о сохранении отношений, установившихся со Святым Престолом, чтобы удовлетворить нужды римской Церкви, как в России, так и в Царстве Польском». Далее следовало изложение принципов, с которыми он должен был сообразовывать свой образ действий, чтобы, выполняя эту двоякую задачу, заслужить одобрение императора.

После этой преамбулы инструкция делилась на две части. Первая была озаглавлена «Политические отношения с римским Двором».

В ней речь шла об общих принципах внешнеполитического курса, хорошо ему известных: «...император хочет мира, чтит договоры; не посягает ни на какое право, из них проистекающее; но не терпит также, чтобы те права, которыми обладает Россия, были бы когда-либо подвергнуты сомнению».

Единственная дополнительная обязанность, специально вменяемая постом, на который он направлялся, состояла в том, чтобы «констатировать в любом случае идентичность взглядов и принципов», существующих между российским и австрийским императорами «во всём, что касается сохранения суверенных прав папы, так же как внутреннего спокойствия в государствах, поставленных под власть Святого Престола». Он должен был открыто засвидетельствовать намерения императора в этом отношении, которые являлись результатом обдуманной политики. Суть её формулировалась так: «Россия вовсе не стремилась, и никогда не будет стремиться обрести по ту сторону Альп ни власть, ни влияние. Единственное соображение общественного порядка и всеобщей пользы привлекает Её к итальянским делам. А именно: желание видеть полуостров мирно пребывающим под властью принцев, им управляющих, и избавленным от влияния революционных идей, волнующих Францию».

Что касалось характера отношений с Австрией, признавалось следующее. Из всех великих держав Европы она являлась единственной, которая её географическим положением призвана заботиться о сохранении внутреннего спокойствия Италии. У венского правительства для этого есть желание и возможность. Оно приняло на себя эту задачу с такой же твёрдостью, как и благоразумием, и продолжает её выполнять посреди очень серьёзных трудностей. Император уменьшает их опасность, вовсе не колеблясь её разделить. Именно в этом состоит суть идеи, которая направляла российское правительство со времени июльских событий. Россия остановила революционный поток, показав себя твёрдо решившей вместе с союзниками попытать счастья борьбы, в которую эти последние оказались бы вовлечены Францией. Применение этого принципа к итальянским делам показало его мудрость и силу. Как Гурьев мог убедиться из инструкций

его предшественнику, император решил оказать моральную поддержку Австрии, чтобы помочь сохранить спокойствие Италии мирными путями. Они свидетельствуют, кроме того, о желании императора не отделять свои действия от действий австрийского императора, если он окажется несправедливо атакован Францией. По этому поводу посол во Франции получил указание покинуть Париж в феврале, если экспедиция в Анкону воспринималась австрийским правительством в качестве сигнала к разрыву.

Венский Двор судил об этом иначе. Соображения осторожности, проистекавшие из неуверенности, в коей он пребывал в отношении внутреннего положения в Германии, ему посоветовали умело сорвать замыслы Франции, вместо того чтобы покончить с ними силой оружия. В соответствии со своими принципами император предоставил венскому Двору полную свободу в выборе средств, которые он предпочитает употребить в вопросе, который прямо его касался.

Этот пример должен был привлечь особо внимание посланника, так как он точно указывал линию поведения, которой он должен был следовать в случае возникновения подобных обстоятельств. В частности, он давал ему знать, что забота сохранить покой в Италии принадлежит Австрии.

Она «одна избирает для этого оружие, которым захочет воспользоваться». В то время как император, «верный своим обещаниям, сохраняет за собой право оказать ей содействие, либо, чтобы обеспечить мир, так долго, пока он возможен, либо, чтобы разделить опасности войны, когда она станет неизбежной». Этой линии твёрдо придерживались два последних года. Исходя именно из этого соображения, Гурьеву предписывалось прибыть в Вену, чтобы «постичь суть политики австрийского кабинета в итальянских делах вообще и особенно в отношении римских государств».

Нессельроде полагал, что в ходе бесед с Татищевым и австрийским канцлером Меттернихом Гурьев ознакомится с результатами решений, принятых в Риме в течение последнего года, чтобы склонить папское правительство улучшить управление провинциями, находившимися под его властью. Со своей стороны, он призывал его проникнуться смыслом секретной депеши от 16 / 4 марта 1832 г., направленной Гагарину, где излагались причины, которые не позволяли бы России

...присоединиться к другим державам, если в их видах будет гарантировать исполнение этих административных постановлений. Мы недвусмысленно хотели избежать принятия какого-либо обязательства в этом отношении. Такое же намерение нами руководит ещё и теперь. Вы постараетесь приводить в соответствие с ним Ваши речи, если впоследствии сможет возникнуть идея подобной гарантии. Венский Двор разделяет наше мнение по этому поводу. Он даже вдвойне заинтересован придерживаться его, потому что для него важно вовсе не доставлять французскому правительству средство для постоянного вмешательства в итальянские дела под предлогом заботы об исполнении административных улучшений, которые папа поставил бы под гарантию иностранных держав и, именно, под таковую

Франции. Чем более фатально её влияние на судьбы народов, которые являются его предметом, тем более мы должны стараться вовсе не увеличивать возможности, позволяющие ей распространять вовне свои требования и доктрины. Именно они формируют в Италии недовольство и разногласия. Спокойствие установится в этой стране, лишь когда Франция утратит пагубную способность её смущать. Нам не следует указывать заранее предел, который приведёт к такому изменению в положении полуострова. Мы должны ограничиться тем, чтобы всеми нашими средствами помочь Австрии в борьбе, которую она ведёт ради защиты монархических принципов. Такова цель нашей политики в итальянских делах; следовательно, это станет также целью, которой Вы посвятите... Ваши заботы и усилия.

Во втором разделе инструкций, озаглавленном «Отношения с римским Двором, касающиеся нужд латинской Церкви в России и Польше», Нессельроде пояснилось, что принципы, которые должны были регулировать эти отношения, были провозглашены в 1817 г., в то время когда Италиний занял пост в Риме. Выработанные при Александре I, они были изложены в инструкциях от 27 / 15 января 1817 г., данных Италинию, только что занявшему пост в Риме.

В инструкции Гурьеву, в частности, говорилось:

Этот монарх основывал существование латинской Церкви в Империи и Царстве, на двух незыблемых принципах. С одной стороны, Он считал своим долгом сохранять спокойствие совести его католических подданных; с другой — Он категорически заявил, что вовсе не потерпит, чтобы папа осуществлял неограниченное главенство над римской Церковью в России. Устанавливая надлежащее согласие между этими двумя фундаментальными правилами, покойный император провозгласил принцип: «что латинской Церкви в России и Царстве разрешено прибегать к римскому Престолу по некоторым предусмотренным случаям духовной юрисдикции; но, что эти отношения были подчинены общему правилу, а именно, что они не могут никогда иметь место иначе, как через посредничество, регулярное и неизменное, правительства Империи и Царства» (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

Затем министр обрисовал основанный на этом принципе следующий процесс, которому подчинялись отношения между римской Церковью и её духовным главой: в случае необходимости вмешательства папы примас этой Церкви обращается в министерство иностранных исповеданий. Последнее, представив этот запрос императору, сообщает о нём министерству иностранных дел, который, в соответствии с указаниями императора, информирует Святой Престол о нём через посланника в Риме. Такой же путь должны проделать ответы, решения или какие-то объяснения со стороны римского Престоло, касались ли они России или Польши.

Такой способ, введённый в 1817 г., чтобы удовлетворить потребности католического исповедания в Империи, не позволял, однако, римскому Двору посягать на суверенные права наших монархов. Император считает важным сохранить эти права во всей их полноте. Принципы, на которых его Августейший предшественник

обосновал свои отношения с римским Двором, таким образом, остаются неизменно теми же самыми. Это решение Николай I изложил в инструкции Италинскому в Москве 15 / 3 сентября 1826 г.¹ Соболаговолите обдумать общие соображения, которые содержит этот документ, и из них постоянно выводить правило поведения в отношении римского Двора, —

наказывал министр Гурьеву и так пояснил почему:

Избегать с ним всяких пререканий, не поднимать, без крайней необходимости, никакой принципиальный вопрос, просить о возобновлении соглашений относительно латинской Церкви в Империи лишь по мере окончания времени, на которое эти соглашения были заключены; достигать продолжения их на тот же самый срок; и никогда не вступать в обсуждение актов, не только обеспечивающих Его Величеству право, но вменяющих обязанность требовать от католического духовенства Его Империи и Царства Польского повиновения, независимого от всякой иностранной власти — такова система, которой император следовал в своих отношениях с папой и бесспорные преимущества которой он признаёт.

Строгое следование линии, начертанной его предшественникам, представлялось тем более важным, что у римского Двора предполагали тайное желание заставить российское правительство от неё отклониться. Таковую тенденцию усмотрели в двух недавних случаях. В мае папское бреве было прямо доставлено польским епископам. Тогда ограничились тем, что уполномочили Гагарина недвусмысленно заявить, что этот факт не может служить прецедентом и не должен ни в чём изменить установившиеся формы регулирования сношений римского Двора с латинской Церковью в Империи и Царстве. Но до получения Гагариным этого указания папское правительство дало ещё один повод удвоить бдительность. Им стало выраженное папой в его памятной записке желание направить в Россию прелата со специальной миссией. Всё ещё не располагая мнением на этот счёт министра внутренних дел и указаниями императора, Нессельроде на случай, если этот вопрос поднимет Бернетти, отсылал Гурьева к ответу, данному в Москве самому кардиналу на такую же просьбу: она была отклонена. Он должен был постараться убедить его в бесполезности возобновлять демарш, обречённый на провал, что избавило бы С.-Петербург от прямого отказа, сделанного официальным путём. Во всяком случае, он должен был воздержаться его поднимать, если только государственный секретарь его к этому не вынудит.

Мудрая сдержанность, которой требует император ото всех своих дипломатических агентов за рубежом, становится вдвойне обязанностью для посланника, которого император удостоивает чести Его представлять при римском Дворе. Политические и религиозные доктрины, Вы это знаете, господин граф, вовсе не наши. Те и другие, чтобы совсем не сталкиваться, должны избегать того, чтобы

¹ См. с. 62—63.

оказываться поставленными друг против друга. Император желает, чтобы Вам удалось бы убедить римский Двор в важности этих истин. К сожалению, они не казались глубоко осознанными католическим духовенством. Не в одной стране пагубная тенденция его ослепляет и вводит в заблуждение. В Бельгии, Польше мы видели, как увлечённое за собой революционным движением оно поддерживает мятеж, приумножает его ошибки, разделяет его преступления. Говорят, что, стремясь вновь захватить власть Церкви, оно сегодня опускается до того, чтобы потворствовать народным страстям. Такой приём, если только имеется налицо, был бы всегда достоин сожаления. Подчёркивая Вашему предшественнику необходимость внимательно следить за настроениями в центре католицизма, мы его предупредили, что в намерения императора вовсе не входит бороться в самом Риме со столь пагубными замыслами; но что Его Величество вовсе не позволил бы, чтобы они осуществлялись когда-либо в Его Государствах.

В заключение инструкции так формулировалась самая важная из всех обязанность посланника: «...открыто демонстрировать терпимость монарха... но, в то же самое время, давать знать о строгости правил, с которыми Он исполняет долг защиты и надзора в религиозных делах, которые его совесть Ему повелевает осуществлять в Его обширной Империи»¹.

Инструкция даёт ответ на естественно возникавший вопрос, почему в момент, когда предстояло возобновление прерванных переговоров по важным вопросам в отношениях с римским Двором и, в частности, всегда вызывавшего большие трудности вопроса о разграничении епархий, произошла замена российского представителя. Ведь министр в ней прямо назвал, чем был конкретно недоволен в действиях Гагарина, безусловно проявившего, по его мнению, излишнюю самостоятельность. Подтверждением этого, казалось бы, мог служить и тот факт, что 16 / 4 марта Нессельроде направил свой выговор Гагарину за его инициативу о гарантии, а 21 / 9 апреля состоялось определение на его место Гурьева, хотя, безусловно, могли быть и другие причины, но, во всяком случае, не та, неубедительная и неправдоподобная, которую указал Буду².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 248. Л. 41–65.

² Он утверждал, ссылаясь на материалы ватиканского архива, что Гагарину был сделан выговор за принятие формальных претензий в тех выражениях, как они были сделаны в ноте от 6 сентября. Перед отъездом из Италии он излил своё плохое настроение своему коллеге во Флоренции Горчакову (*Boudou A.* Op. cit. Т. I. P. 197). Такое утверждение опровергают следующие факты: в июне Гагарин уже был оповещён о его отзыве из Рима, а с нотой Бернетти С.-Петербург мог ознакомиться лишь по приезде туда Гагарина, который уезжал из Рима только 8 сентября и вёз её с собой. И конечно, трудно предположить, чтобы Гагарин или Горчаков поведали кому-то о таком настроении. К тому же, к сожалению, в подтверждение Буду не сослался ни на какой-то конкретный документ, ни на лицо, удостоившееся получения таких доверительных сведений.

Подводя итог своего пребывания в Вене, Гурьев не сомневался, что не смог узнать ничего, что не было бы уже известно. В ходе беседы с ним Меттерних изложил в общих словах принципы и цели, которыми руководствовалось его правительство в итальянских делах. Не скрывая злоупотреблений, со временем укоренившихся в администрации в папских государствах, он видел в этом дополнительные причины приняться за их устранение. Он признавал срочность этого, но при соблюдении всех предосторожностей, учитывая особый характер правительства, которое предстоит сохранить в атмосфере столь серьёзного ущерба, нанесённого коррупцией и разложением. Затем он постарался установить точное различие между административными улучшениями (за срочное проведение их венское правительство всегда высказывалось) и неуместными уступками (будучи вырваны несправедливо и силой, они, в конечном счёте, являются лишь оружием, оказавшимся в руках врагов правительства), на которые имели несчастье пойти. Переходя к выявившимся расхождениям во взглядах английского и австрийского кабинетов относительно выбора средств для обеспечения внутреннего спокойствия в папских государствах, канцлер горячо сожалел «об этом новом доказательстве порочных заблуждений британского правительства, защищавшего, таким образом, революционные происки во всех странах». Он меньше жаловался на настроения правительства Франции. Просвещённое благодаря опыту и лучше оценивавшее местные и практические трудности, оно, казалось, признавало справедливость соображений, помешавших папе приступить к выполнению всех требований меморандума пяти держав. Что касалось Австрии, Меттерних заявил о намерении своего правительства продолжить начатое дело итальянского умиротворения, несмотря на все эти препятствия. И в соответствии с этой целью привести в исполнение все меры законодательные и военные, так же как гарантии, которые должны были ускорить его завершение и в то же самое время обеспечить его прочность и продолжительность¹.

Во время второй беседы с канцлером Гурьев постарался уточнить меры, наиболее соответствовавшие решению задачи восстановления порядка и спокойствия в папских государствах. А для этого попытался сам их резюмировать следующим образом. «Поддерживать в управлении внутри страны улучшения, совместимые с природой и формой существующего правления, и заботиться о выполнении в надлежащее время обязательств, уже принятых Его Святейшеством. Противиться всякому иностранному вмешательству, которое постаралось бы принудить папу к опасным уступкам, задевая уважение, должное его суверенным правам и его независимости», — успел сказать он, когда Меттерних его перебил. Он заявил: повторяя слова, «поддерживать все улучшения и заботиться о выполнении принятых обязательств — именно в этом наше твёрдо сложившееся желание». Эвакуацию иностранных войск из восставших провинций он оговорил выполнением трёх существенных условий. Введение и приведение в действие новых административных

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 248. Л. 5—7.

и судебных установлений, уже утверждённых Григорием XVI. В возможно короткий срок сформирование швейцарских войск, чтобы они стали пригодны для эффективной службы. Утверждение гарантий или прагматических санкций, облечь которыми эти установления папа обещал, дабы придать им необходимый стабильный характер, который устраняет колебания и неудобства выборных правлений. Осуществив эти подготовительные меры, римский Двор потребует вывода войск Австрии и Франции. Тогда, как представлялось канцлеру, ничто не должно будет противодействовать этому, поскольку все предосторожности, необходимые для общего спокойствия, были бы соблюдены. Наконец, объявление о твёрдо принятом Австрией решении вернуть войска в легатства по первому обращению папы, если его власть вновь там не была бы признана и соглашение между державами лишало бы мятежников надежды получить возможность вновь безнаказанно начать беспорядки. Таков был в изложении Меттерниха способ, которому намерено было следовать венское правительство для достижения быстрого и мирного исхода итальянского дела. Выяснив это, Гурьев рассчитывал на следующий день отправиться на свой пост¹. Он прибыл в Рим 22 / 10 ноября.

Во время первой аудиенции (28 / 16 ноября) по случаю вручения верительных грамот папа просил Гурьева передать императору глубокую признательность за столь дружескую поддержку, которую он ему оказал в столь трудных обстоятельствах, которыми ознаменовалось начало его царствования. Он с похвалой отзывался о князе Гагарине.

Затем он задал Гурьеву несколько вопросов. В связи с этим посланник так объяснил причину своей остановки в Вене. Она имела целью констатировать полное согласие между австрийским и российским Дворами относительно всего, что касалось сохранения суверенных прав папы и восстановления порядка и спокойствия в его государствах. Поэтому он был уполномочен засвидетельствовать моральную поддержку, которую император решил оказать венскому правительству в том, что оно предприняло, заботясь о спокойствии Италии.

Папа оценил это как доказательство участия императора в том, что касалось светских прав Святого Престола, и выразил благодарность. Но затем поднял вопрос о печальном положении, в коем пребывают католики в России, и воспроизвёл жалобы, изложенные ранее в памятной записке, переданной Гагарину.

В соответствии с инструкцией Гурьев ограничился ссылкой на принципы, положенные Александром I в основание существования католической Церкви в Империи и Царстве, и поставил в известность о намерении Николая I настойчиво их придерживаться.

Возражая, папа заметил, что «император поставил, если это возможно, в ещё более суровые границы правила, установленные» его братом относительно сообщения епископов и священников со Святым Престолом по духовным вопросам.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 248. Л. 7–9.

Он особенно настаивал на тревоге, которую должны были вызвать недавно принятые правительством меры, направленные на отделение греко-униатского исповедания от его естественной юрисдикции, чтобы его подчинить и уподобить юрисдикции, которая управляет господствующей Церковью.

По первому пункту Гурьев заверил папу, что единственной причиной для принятия решений послужило сохранение в силе установившихся правил и стремление предупредить намерение отклониться от них, которое обнаружилось бы среди католического духовенства. Обсуждения второго вопроса он решил избежать из-за неосведомлённости по затронутым в нём фактам¹.

В другой депеше за то же число (1 декабря / 10 ноября 1832 г.) Гурьев делился содержанием беседы с Франческо Капаччини, временно исполнявшим функции государственного секретаря по причине его болезни. Встреча носила конфиденциальный характер, поскольку во время его нунциатуры в Брюсселе Гурьев имел долгое время отношения с этим «выдающимся прелатом». В ходе неё он решил воспользоваться представившимся случаем, чтобы собрать необходимые сведения, способные к тому же помочь ему определиться с линией поведения.

Папа, — сказал мне монсеньор Капаччини, — глубокий теолог и монах, в этих двух званиях Он исповедует суровые доктрины, и его религиозная совесть должна быть доступна самым лёгким угрызениям. Вышедший из монастыря, Он не смог ещё освоиться с управлением мирскими интересами. Возможно, Он слишком легко перенимает взгляды различных лиц, которые стремятся привести в движение пружину, чувствительность коей им известна. Хотя он обязан постоянно бороться с помехами, возникающими главным образом среди членов Священной коллегии, мы однако не отчаиваемся найти достаточную поддержку, чтобы их побеждать в желании Святого Отца совершать добро и выполнять свои обещания. Его Святтейшество теперь занят тем, чтобы составить общий план финансовой реформы, который он предполагает представить как можно скорее на рассмотрение конгрегации, на которую возложена эта важная часть управления государством. Все остальные реформы, Вы это знаете, касающиеся местных установлений и судебной организации, действуют или приводятся в действие. Продолжительная оккупация Анконы французскими войсками — это беда, серьёзность которой мы не скрываем; но мы не могли бы ускорить их вывод и вывод из Болоньи, не обретя предварительно каких-нибудь заверений в безопасности на будущее и не подготовив средства её сохранять.

В конце беседы он поведал о раскрытии полицией новой секретной секты под названием «Молодая Италия», явно имевшей сеть по всему полуострову, а затем заговорил о пользе пребывания в С.-Петербурге представителя папы, на что Гурьев твёрдо заявил, что император, верный традиции, на это никогда не пойдёт².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Оп. 469. Д. 248. Л. 12–15.

² Там же. Л. 17–18.

Спустя некоторое время Гурьев (донесение от 24 / 12 февраля 1833 г.) дал собственный анализ возможности проведения в жизнь намеченных папским правительством реформ. Сведения, собранные им и подтверждённые лицами, принимавшими самое активное участие в делах страны, заставляли опасаться, как бы благотельные намерения правительства не оказались парализованы возрождающимся влиянием тех самых злоупотреблений, об искоренении которых шла речь, и невежеством и предубеждениями, которые способствовали их сохранению. В качестве примера он ссылаясь на торжественно объявленную одним из постановлений реорганизацию казначейства, всё ещё подготовленную лишь вчерне. Он пояснил, что правительство колеблется перед лицом сопротивления, оказываемого ему личными интересами, тесно связанными с сохранением существующего беспорядка. С другой стороны, оно очень вяло занимается рассмотрением вопросов, связанных с внутренним управлением, которые только что были поставлены провинциальными собраниями, собравшимися с этой целью. Между тем как потихоньку оно довело дело до того, что нарушило судебное урегулирование споров исключениями, которые, если бы они повторились, повлекли бы новые посягательства на доверие и общую безопасность. Особо страдала прежней косностью финансовая администрация. Заём прошлого года пришёл к концу. Надежды восполнить отсутствие финансов налогами и экономией представлялись бесплодными.

Гурьев полагал, что эти нежелательные последствия и опасность, которой они чреватые, были хорошо известны Бернетти и Капаччини, но

...такова трудность их положения, что они могут устранить зло, лишь скрывая добро, которое хотят сделать. Слишком большое противодействие встречали бы они в лоне Священной коллегии и в отсутствии, нужно это признать, всякого практического знания дел, характеризующего папу, чтобы их действие могло бы быть столь же быстрым, сколь действенным, как того настойчиво требуют общие интересы. Более того, ни кардинал, ни прелат не являются лицами, избранными Его Святейшеством согласно его чувствам и привязанностям. И тот, и другой ему представляются действующими в русле тенденции, возможно, слишком отражающей дух века, и, ослабляя её, Он считает, что выполняет в отношении своей совести обязательство, налагаемое на него его долгом и его религиозной щепетильностью.

В поисках выхода из того ложного положения, в котором он оказался, Бернетти предложил план разделить лежавшие на нём функции между двумя министерствами. Хотя он не был принят папой, кардинал не терял надежды на его реализацию. Тогда он сохранил бы за собой вопросы внешней политики, полиции и войны. На замещение поста министра внутренних дел называли кардинала Гамберини, «образованного человека из адвокатов, придерживавшегося, как уверяли, умеренных воззрений». Гурьев пессимистически смотрел на любые подобные изменения. Он считал, что они не принесут желаемого результата, если (как имелись основания предполагать) неуверенность и недоверие будут затруднять деятельность

правительства и лишать его согласия и энергии, необходимых, чтобы преодолеть препятствия¹. Кстати, всего через две недели, 10 марта / 26 февраля, Гурьев сообщил, что Бернетти оповестил дипломатический корпус о реализации своего плана².

Позднее, перед отъездом в отпуск, в донесении от 4 июля / 22 июня Гурьев изложил свои соображения и по поводу политических действий правительства, его положения внутри страны и настрое общественного мнения в папских государствах. Он отмечал, что, поскольку правительство решилось в 1831 г. на административные и судебные улучшения под давлением восстания и иностранного вмешательства, они должны были нести на себе следы поспешности, с которой были задуманы, чтобы предотвратить опасную ситуацию того времени, давая гарантии лучшего будущего. А поскольку тогда же правительство заявило, что надёжное и постоянное исполнение законов получит гарантию посредством надлежащих консервативных установлений, перед ним теперь стояла, таким образом, двойная задача: усовершенствовать его реформы, опираясь на опыт и познания, и защитить их от влияний и изменений, чтобы их сделать одновременно реальными и прочными. Сами по себе законы, полагал Гурьев, какими бы совершенными они ни были, бесполезны и бессильны, если не опираются на твёрдую волю монарха, а за неимением таковой — на умелую и хорошо организованную администрацию. Но ни одному, ни другому из этих основных условий не отвечало папское правительство. Он признавал, что оно одушевлено наилучшими намерениями и обладает всеми достоинствами, которые составили бы прекраснейшее украшение монастыря, из которого оно вышло. Однако

... оно так же отстаёт от времени, в котором мы живём, как и чуждо роли, которую призвано здесь играть. Под властвующими над ним опасениями и сомнениями оно зависит ото всех тех, кто из-за незнания или в силу личных интересов злоупотребляет его колебаниями и его слабостью. В глазах тех людей, что его неотступно преследуют, последние реформы являются лишь временной уступкой потребностям момента и требованиям держав, которые нужно спешно отменить или уничтожить. Пропитанные застарелой любовью к самоуправству и беззаконию, они с отвращением приспосабливаются к необходимости подчиняться независимой власти законов, а одновременно требуют подчинения и преданности от населения, которому не хотят отплатить ни справедливостью, ни даже пониманием. Центром этого заговора является Священная коллегия, которая думает предотвратить опасности, коих страшится, средствами, наиболее способными, ускорить их приближение... Неизбежным последствием такого положения дел, которое является одним из обычных симптомов социального разложения, становится то, что честные и способные люди, уже столь малочисленные, отступают обескураженные. Служащие, живущие сегодняшним днём, не зная вокруг какой силы и какого принципа

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 467. Л. 102–104.

² Там же. Л. 117.

сплотиться, проявляют при исполнении их функций вялость и безразличие, почти близкие к враждебности и предательству. Правительство, таким образом, без системы и без сложившихся целей оказывается подверженным всем воздействиям заблуждения и недоброй воли. Такова печальная правда о положении в этой стране безо всякого преувеличения. Зло находится в сердцевине, то есть в порочном составе высшей администрации, —

заклучал Гурьев представленную им действительно безрадостную картину.

По его мнению, то согласие и единство, которые столь желательно было бы отразить в актах правительства, и гарантии, которых они требуют, папа может обрести лишь с созданием Государственного совета. Он имел бы двойное предназначение: предотвратить нежелательные последствия выборного режима, сохраняя и защищая добрые традиции, и просвещать администрацию, заботясь об исполнении закона. В своём нынешнем виде правительство не могло действенно заменить подобное установление. Этот Совет состоял бы, если того пожелают, из прелатов и священников, выбранных среди наиболее просвещённых и обладающих надлежащими качествами лиц. Далёкий от того, чтобы посягать на функции папского правительства, он укрепил бы, напротив, гарантии порядка и справедливости, которых ему недоставало, чтобы вернуть общественное доверие и расстроить происки, каким бы, впрочем, ни был их источник. Время и опыт должны были показать, в какой степени было бы полезно и уместно ввести в него позднее светских лиц, чтобы примирить, насколько возможно, религиозные и светские интересы, которые разделяют это правительство, и их сделать совместимыми между собой. Оставлять исключительно кардиналам заботу помогать монарху в управлении светскими делами значит устранить тех, кто был бы самым способным их вести, и сохранить в своей системе основу постоянной и непреодолимой оппозиции подлинному и полному осуществлению любого изменения и какого-нибудь улучшения. Наиболее подходящим временем для последующего расширения, которого требуют новые установления, посланнику представлялся момент, когда папа избавится от присутствия иностранных войск¹.

Первая полученная от нового посланника корреспонденция была прочитана императором. Он одобрил проявленную им осторожность, чтобы не придавать характер официального обсуждения неоднократно предпринятым инсинуациям по поводу положения католической Церкви в России и Польше. Более того, монарх рекомендовал ему продолжать придерживаться такой линии поведения.

Депешей от 6 марта / 22 февраля 1833 г. Гурьеву предписывалось в официальных отношениях избегать пререканий, тем более досадных, что они не вели ни к какому полезному результату. Во время конфиденциальных бесед с самыми влиятельными членами папского правительства следовало постараться рассеять притязания римского Двора, успокоить его подозрения и представить в их подлинном

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 467. Л. 223—226.

свете факты, которые могли быть чрезвычайно извращены. Для облегчения выполнения столь важной и деликатной задачи посланнику пересылались способные в этом помочь материалы. Речь шла, во-первых, о подготовленной министерством иностранных исповеданий памятной записке, в которой пункт за пунктом отклонялись утверждения, содержащиеся в трёх памятных записках, переданных государственным секретарём Гагарину незадолго до его отъезда из Рима. Во-вторых, об опубликованной по указанию министерства внутренних дел газетной статье, опровергавшей ошибочные сведения относительно упразднения некоторого числа католических монастырей в Западных областях¹.

Все эти сведения предназначались для его информации, но ни в коем случае не могли быть использованы для официальных сообщений, которые могли бы повлечь столкновение мнений. Однако рассчитывали, что полученные материалы помогут ему доказать римскому Двору, что, покровительствуя господствующей Церкви, правительство проявляет терпимость в отношении интересов и реальных потребностей иностранных исповеданий. Именно в соответствии с этим принципом оно рассматривало обсуждавшийся так долго с римским Двором вопрос о переносе в Вильно могилёвской архиепископской кафедры, по поводу которого до сих пор Святой Престол ограничился лишь передачей памятных записок. Теперь Гурьеву предписывалось, если он убедится в его «намерении отстаивать ошибочные воззрения», содержащиеся в этих записках, приостановить всякие переговоры, вместо того чтобы подвергать себя отказу, получение которого задевало достоинство императора.

Наконец, подчёркивалось, что к пожеланиям Святого Престола в отношении духовных дел в Царстве Польском следовало отнестись иначе, чем к претензиям,

¹ Вероятно, имелась в виду статья в «Gazette de Berlin» от 31 декабря 1832 г. Найдя её очень убедительной и надеясь на благоприятное впечатление от знакомства с ней папы, ещё до получения этой депеши Гурьев привлёк внимание к ней государственного секретаря и сделал её перевод для папы. Как он писал 19 / 7 января 1833 г., государственный секретарь заметил, что «в соответствии с церковными законами подобные меры, ставшие необходимыми по тем же самым причинам, были применены также к монастырям государств Церкви и совсем недавно, ещё при понтификате Льва XII». А папа во время аудиенции по случаю годовщины вступления на трон сказал, что ознакомился со статьёй, но в связи со сведениями, полученными из другого источника, хотел бы иметь возможность проверить содержащиеся в ней утверждения. Гурьев его заверил в достоверности сведений, приведённых в статье, и что они доказывали, что меры, о которых шла речь, далёкие от того, чтобы задевать подлинные интересы католического исповедания, были задуманы и исполнены с оздоровительной целью улучшений необходимыми реформами. Папа воспользовался случаем, чтобы в очередной раз заявить, что самыми действенными средствами для исполнения благожелательных целей императора было бы обеспечение его католическим подданным свободного отправления их исповедания и общения с их духовным главой (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 467. Л. 72, 96–97).

предъявляемым в отношении областей, составлявших часть России, по следующим причинам. Во-первых, в Царстве Польском население почти целиком католическое. В то время как в Западных областях правительство должно оказывать покровительство и присматривать за теми из жителей, которые исповедовали доктрины господствующей Церкви или принадлежали к греко-униатскому исповеданию, т. е. за многочисленным населением, которое важно не оставлять без защиты перед прозелитизмом римской Церкви.

Во-вторых, влияние, которое католическая Церковь ещё оказывала на население Польши. Ибо слишком действенное, чтобы оно не представляло бы реальной выгоды в глазах правительства, для получения поддержки римского Двора, словом, чтобы держать духовенство в повиновении законной власти вместо того, чтобы раздражать Святой Престол настолько, чтобы побудить его вступить на противоположный путь.

Пояснялось, что в силу таких соображений по предложению наместника Польши год назад перед римским Двором был предпринят официальный демарш, результатом которого стало послание папы к прелатам Польши, «публичная демонстрация намерений Святого Престола, влияние которой не могло бы вызывать сомнения».

А поскольку по предложению наместника был предпринят первый демарш, теперь было решено представить на его рассмотрение поступившие с тех пор пожелания Святого Престола по различным вопросам, касавшимся управления духовными делами в Царстве, в частности по поводу возвращения епископам той части их ежегодных доходов, которой они были лишены со времени революции. После выяснения его мнения, следует ли отклонить или принять пожелания Святого Престола, министр рассчитывал услышать решение императора на этот счёт¹.

Готовясь возобновить приостановленные переговоры относительно нового разграничения епархий, Гурьев считал (донесение от 19 / 7 апреля 1833 г.), что на них уже неблагоприятно сказались три причины. Внутренние беспорядки, со времени вступления на престол Григория XVI не прекращавшиеся и поглощавшие всё его время и внимание. Медлительность и крючкотворство, представлявшие обычный атрибут конгрегаций, на рассмотрение которых подобные материалы передавались. Личный характер папы, «столь подверженный подозрительности и религиозным угрызениям совести, всему тому, что порождает в Нём преувеличенное усердие и особые виды партии, заинтересованной их культивировать».

Что же касалось замечаний конгрегации по духовным делам относительно нового разграничения, отмечал посланник, они в основном затрагивали четыре вопроса: уничтожение могилёвской епархии и причин, на которых оно основывалось; сокращение двух суффраганств; просьба императорского правительства о сохранении за виленской архиепископской кафедрой прав и привилегий, которыми

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 11–15.

пользовался могилёвский архиепископ; наконец, просьба Святого Престола по поводу статистических сведений, необходимых, чтобы производить новое разграничение епархий и составление булл в этой связи.

По мнению Гурьева, материал памятной записки министерства иностранных исповеданий позволял рассеять все сомнения римского Двора относительно уместности и пользы предложенных мер, если он будет их рассматривать непредвзято и доброжелательно. Но, судя по ноте Капаччини, переданной Гагарину 21 / 9 августа 1832 г., Святой Престол будет настаивать на предоставлении более подробных сведений.

За высказанными в ходе переговоров соображениями и обнаруженной медлительностью Святого Престола дипломат видел определённую подоплёку. Для него не подлежало сомнению, что, «затягивая их, льстили себя надеждой, мало-помалу, путём надоедания» вынудить правительство уступить неизменному желанию папы аккредитовать его представителя в С.-Петербурге, чтобы через его посредничество собрать сведения, способные убедить его и ускорить окончание нерешённых дел¹.

В соответствии с данным ему депешей от 6 марта / 22 февраля 1833 г. предписанием Гурьев использовал информацию приложенной к депеше памятной записки министерства исповеданий для составления двух памятных записок. Одну — в ответ на жалобы римского Двора по поводу нынешнего положения католической Церкви в Империи и мерах правительства по закрытию монастырей. Вторую — о перемещении могилёвской архиепархии в Вильно и о новом разграничении епархий.

Передавая эти записки, он без обиняков заметил Бернетти, что цель этих сообщений состояла вовсе не в том, чтобы дать повод бесполезным пререканиям, а, напротив, чтобы предотвратить последующие объяснения по фактам, которые императорское правительство позаботилось достаточно прояснить и представить в их истинном свете.

Все усилия Гурьева добиться от римского Двора удовлетворительного решения оказались бесплодными, о чём свидетельствовала нота Бернетти от 4 июля / 22 июня, служившая ответом на записку о разграничении епархий².

В ней пояснялось, что «Святой Престол не может никогда одобрить меру, которая не исключает нанесения урона отправлению католического исповедания». Согласно данным памятной записки, обширность епархий не уменьшалась и, сокращая возможности надзора епископов за духовенством и католическим населением, она тем более становилась пагубной, что речь шла в основном о населении, смешанном с лицами, принадлежавшими к другому исповеданию, и рассеянном там и сям.

Кроме этих соображений, «столь же простых, сколь важных», бывших достаточными для Святого Престола, чтобы отклонить проект разграничения, обращалось

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833. Оп. 469. Д. 187. Л. 156–157.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 467. Л. 207–208.

внимание на просьбу об уничтожении одного епископства, что повлечёт расширение и без того больших епархий, а также уничтожение суффраганства. Это означало «увеличение трудности для духовенства при выполнении его обязанностей, а для верующих становилось более редким и, может быть, невозможным обучение, защита, поддержка в их духовных нуждах».

Одновременно в ноте пояснялось, в какой ситуации такая просьба могла бы быть удовлетворена. Если бы речь шла о более удобном территориальном разделении епархий, без уменьшения и их числа, и числа суффраганств, замечания относительно целесообразности присоединения некоторых приходов к одной епархии, скорее, чем к другой, или по причине большей близости к епископской кафедре, или потому, что ранее к нему принадлежали, оказали бы своё влияние. Иными словами, все эти обстоятельства представили бы Святому Престолу приемлемый довод согласиться на него.

Заявляя о своём отказе, римский Двор одновременно признавал, что в некоторых отношениях этот проект из-за лучшего размещения епископских кафедр может оказаться благоприятным для католических подданных.

Применительно же к конкретному вопросу перемещения архиепископской кафедры в Вильно и упразднения могилёвской Курия сочла бы возможным принять этот проект, если бы императорское правительство согласилось в обмен создать епископскую кафедру и восстановить уничтоженные суффраганства в каком-нибудь городе, находившемся внутри Империи, наиболее близко расположенном к католикам, которые оказались в ней рассеянными¹.

В том, что папа ставил одобрение просьбы, с которой к нему обратились, в зависимость от выполнения этого главного условия, Гурьев не увидел ничего нового. «Всегда верный своей неизменной политики — покоряться тому, чему невозможно помешать, но которая (политика. — О.С.) ему запрещает соглашаться на самую незначительную жертву, даже несмотря на то, что она ему была бы внушена его истинным интересом», — заметил он.

В беседе с Бернетти Гурьев старался указать на опасность политики, направленной на поощрение религиозных чувств народов в ущерб связи, соединявшей их с законным монархом. В качестве доказательства несостоятельности подобных обвинений кардинал сообщил, что в 1831 г. поляки неоднократно присылали своих эмиссаров в Рим, которые умоляли папу присоединиться к их делу и пойти на какой-нибудь демарш в пользу повстанческого правительства, созданного в Польше. Но Святой Отец постоянно отклонял их просьбы². На некоторое время обсуждение этого вопроса оказалось вновь отложено.

Зато в начале 1834 г. дополнительное обстоятельство — смерть временного управляющего церковью Мадонна дель Пасколо аббата Сартори — позволило

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 467. Л. 218–220.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1833. Оп. 469. Д. 187. Л. 204, 254.

довести до конца вопрос об отказе императора в пользу римского Двора от своих прав на эту церковь. Гурьеву была вручена вербальная нота от 4 января 1834 г. / 23 декабря 1833 г.

В ней говорилось о желании императора России и короля Польши, чтобы Святой Престол окончательно вступил во владение церковью Мадонна дель Пасколо, поскольку он решительно и бесповоротно отказался в пользу Его Святейшества от всякого права и прерогатив, которые на это здание принадлежат ему в качестве польского короля. Он это делал при условии заявления папского правительства о том, что оно никогда не будет расположено ни церковь, ни принадлежавшую ей собственность передать в пользу другого правительства. Государственный секретарь напомнил папе об этом желании императора в связи со смертью аббата Сартори и получил папское согласие объявить об этом. Что он и делал посредством этой ноты, добавив, что папское правительство «видит в отказе Его Величества новое несомненное доказательство постоянного благожелательного и дружеского расположения Его Императорского и Королевского Величества к Святому Престолу»¹.

Судить о подлинном отношении папы к этому шагу можно по разъяснению, сделанному им Гурьеву во время аудиенции по случаю нового года, когда понтифик сам поднял этот вопрос. Признавая самоотверженность такого отказа императора, он не скрыл того нежелания, с коим шёл ему навстречу и, таким образом, способствовал разрыву связи Святого Престола с находившимся в Империи базилианским орденом, в зависимости от которого находилась эта церковь. Посланник напомнил Святому Отцу причины, вынудившие императора принять решение, основывавшееся, главным образом, на искреннем желании устранить всякий предлог для тягостных коллизий с Его Святейшеством. Протестуя, папа заверил в своих личных чувствах к императору и желании объединить с ним усилия по укреплению дружеских отношений и взаимного доверия. Папа сетовал на то, что в обмен на все свидетельства почтительности с его стороны он не получил никаких знаков взаимности, что, несмотря на самые очевидные и самые торжественные акты, ложное представление всё ещё внушает недоверие к намерениям Святого Престола.

Что, однако, более красноречиво и больше отвечает консервативным принципам порядка и тронов, чем сказанное Мною в бреве, адресованном польским епископам, и в моей энциклике? Везде я подвергал суровому осуждению дух беспорядка и мятежа, предписывая католическому духовенству остерегаться таких соблазнов и первым давать пример единения и подчинения властям и законному монарху, —

воспроизводил Гурьев сказанное папой. Затем последовали жалобы на суровость, с которой продолжали сохраняться ограничения, внесённые в сношения Святого Престола с духовенством в Империи и Царстве Польском. Наконец,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 468. Ч. I. Л. 56—57.

в заключение папа повторил сказанное Бернетти об отклонении демарша польских депутатов во время восстания с просьбой поддержать повстанцев и вновь заговорил о своём желании, чтобы император принял папского посланца, присутствие которого в С.-Петербурге представлялось ему самым верным средством для устранения существующих предубеждений и установления тесного согласия.

В своём ответе дипломат отстаивал «принципы, на которых характер наших сношений со Святым Престолом для религиозных потребностей Империи оказался навсегда установленным». Он также не скрыл от Святого Отца, что от их строгого применения зависели основные гарантии принципов порядка и безопасности внутри страны и сохранение дружеских и доверительных отношений. По поводу свидетельств почтительности, неоднократные доказательства которых, как полагал папа, он дал императору, Гурьев заметил, что, тем не менее, во время имевшего недавно место случая, когда речь шла о соглашении, касавшемся создания комфорта для католического населения в России, справедливые ожидания императора не оправдались. Услышав такой красноречивый намёк на проект нового разграничения епархий, папа постарался избежать обсуждения этого вопроса. Посланник счёл своим долгом на этом не настаивать¹.

Пересылая в С.-Петербург (с корреспонденцией за 17 / 5 января 1834 г. и донесением о беседе с папой) письмо от 4 января Григория XVI императору, Гурьев сообщал подробности того, как оно ему было передано. Дав ему прочитать его подлинник, целиком написанный рукой понтифика, Капаччини заверил, что идея его написания неожиданно² пришла папе по получении информации от Меттерниха о благожелательных высказываниях императора в его адрес во время беседы с канцлером в Мюнхенграetze и выраженной им заботе о католической Церкви в России и Царстве Польском. В своём письме вслед за принесённой им искренней признательностью за эти, глубоко его тронувшие слова папа заверил императора, что католическая Церковь сурово осуждает повстанческий дух против законной власти, и заявил о готовности сотрудничать в деле достижения мира и спокойствия своих народов. Со своей стороны, он просил об оказании такого же доверия выполнению им его апостольского служения³.

В свою очередь, 31 / 19 марта 1834 г., при посылке Гурьеву письма Николая I, Нессельроде поделился с посланником своим представлением о методах, которыми можно добиться прогресса на пути улучшения отношений со Святым Престолом:

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1834. Оп. 469. Д. 182. Л. 18–20.

² Исследовательница переписки российских императоров с папами доказала, что это было вовсе не так. Текст письма был подготовлен папой ещё в ноябре 1832 г., а теперь был отредактирован по совету Меттерниха (*Olzawska-Scowronska S. La correspondance des papes et des empereurs de Russie (1814–1878)*. Roma, 1970. P. 236).

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1834. Оп. 469. Д. 182. Л. 29; Д. 183. Л. 1–4; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 58.

оно «может произойти лишь постепенно с помощью времени и разумного и примитивного образа действия». Именно такими он находил демарши Гурьева, давшие удовлетворительный результат. В дальнейшем же, полагал он, лучше было больше не упорствовать, как прежде, а «придерживаться такого образа действия, который, не придавая нашим отношениям с римским Двором характер близких, который они не могут иметь, тем не менее, вёл бы постепенно к тому, чтобы сделать их надёжными и лёгкими». Настойчиво продвигаясь по такому пути, проявляя отличающий его такт, посланнику удастся мало-помалу устранить препятствия, которые до сих пор противодействовали прямому согласию со Святым Престолом по остававшимся не урегулированными делам. Однако представлялось уместным приступить к их рассмотрению, лишь когда с той и другой стороны настроения стали бы более сопоставимыми. Министр призывал не спешить, не предвосхищать наступление такого момента несвоевременными демаршами, постепенно укреплять чувство взаимного доверия постоянным обменом добрыми поступками и свидетельствами уважения, одним словом, ожидать от выигрыша во времени средств обеспечить успех переговоров, которые гораздо лучше решительно отложить, чем подвергать опасности. Полагали действовать точно в таком же духе осторожности, когда сегодня обходили молчанием предпринятую перед тем инсинуацию относительно приёма в С.-Петербурге папского посланца. Ибо ещё не пришло время, чтобы такая миссия, даже временная, могла бы отвечать желаниям и, разумеется, интересам двух Дворов. Поэтому одобрялась крайняя осторожность, с которой Гурьев отнёсся к этой инсинуации, отклонив её, тем не менее, таким образом, чтобы у папы не осталось тяжёлого впечатления. Она избавила правительство от неприятной необходимости прямо давать отрицательный ответ, могущий оказать вредное влияние на отношения с римским Двором¹.

В ответном письме папе от 25 / 13 марта 1834 г. монарх заверял в своей приверженности веротерпимости, которая предполагает оказание защиты и помощи тем, кто заботился о спокойствии совести. Он напоминал об обязанности духовенства, в свою очередь, повиноваться власти, ему покровительствующей, ибо только такое взаимное согласие служит обеспечению спокойствия и прочности Империи.

Выражая благодарность за его послание к польскому духовенству, Николай I писал:

Обстоятельства, вызывающие у меня сожаление, предоставили Вашему Святейшеству редкий случай напомнить слугам католической Церкви в Моём Царстве Польском о тех истинах, которые они не признают, и об их долге, который они нарушили. Я рад воздать должное мудрости слов, которые Ваше Святейшество соблаговолило им адресовать. Пусть бы они смогли просветить их дух и удерживать отныне в границах их долга. Они найдут в моём сердце забвение прошлого

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 87—88.

и искренние заверения на будущее. Эта забота не перестаёт составлять предмет моих самых серьёзных размышлений.

Заканчивалось письмо сообщением о возвращении высшему духовенству в Царстве Польском доходов, которых его лишила революция, и заверениями, что администрация будет заботиться о реальных нуждах католической Церкви. Затем следовало пояснение, что новое разделение епархий в Западных областях Империи настоятельно требовалось в интересах населения латинского исповедания и что соображения, по этому поводу были переданы Святому Престолу миссией в Риме¹.

Замечания по поводу его собственного отношения к польскому духовенству после его участия в восстании, содержащиеся в письме к папе, Николай I — но на этот раз в более широком плане — изложит позднее в речи перед депутацией Варшавы 16 / 4 октября 1836 г. Он заявил об отказе заслушать их речь из желания «избавить от лжи», ибо знал, что они не чувствовали того, в чём хотели бы его уверить, ибо знал, что в большей своей части, «если б возобновились прежние обстоятельства, они были бы готовы опять начать то же, что делали во время революций». Он напомнил, что за пять, восемь лет перед этим они уверяли его в своей верности, преданности, привязанности, а вскоре нарушили свои клятвы, «совершили дело ужасное».

«Император Александр сделал для вас много, может быть, более, чем русскому Императору следовало бы, — говорю так потому, что так думаю, — он осыпал вас благодеяниями, он пёкся о вас более, нежели о своих настоящих подданных, он поставил вас в самое счастливое, самое цветущее состояние, и вы за всё это заплатили самую гнусную неблагодарностью», — упрекал он поляков.

Вьясняя свои отношения с ними, он ждал от них не слов, а действий, раскаяния, идущего от сердца. Он специально подчёркивал: «...вы видите, что я говорю вам хладнокровно, что я спокоен, не сержусь на вас, я давно забыл оскорбления ваши мне и моему семейству, моё единственное желание заплатить вам за зло добром; я дал в этом клятву перед Богом и никогда клятв своих не нарушаю».

Перед ними он видел два пути: «...упорствовать в мечтаниях о независимой Польше, или жить спокойно, верными подданными под моим Правлением, если вы упорно сохраняете ваши мечты о мнимой утопии, об отдельной национальности, о независимой Польше, о всех этих несбыточных призраках, вы ничего не можете сделать, кроме что навлекёте на себя тяжкие бедствия, я воздвигнул здесь Александровскую Цитадель, и объявляю вам, что при малейшем волнении, разгромяю ваш город, уничтожу Варшаву и, конечно, уже не я выстрою её снова». Признавшись, что как государю ему было тяжело обращаться так к своим подданным, он замечал, что им надлежало заслужить забвения прошедшего своим поведением,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 89—90.

преданностью правительству. В мире не существует надзора, способного воспрепятствовать тайным сношениям с иностранцами, его должны были обеспечить они сами, только они могли устранять зло. Для этого они должны давать хорошее воспитание своим детям, утверждать их в правилах веры и верности их государю, а значит, удерживать на пути истинном. И «тогда среди всех смятений, тревожащих Европу, среди всех злоучений, разрушающих здание общественности (подчёркнуто в тексте. — О.С.), вы будете пользоваться счастьем, живя спокойно под щитом России, мощной, неприкосновенной, бодрствующей за вас, и верьте мне, Господа, принадлежать русской земле, и пользоваться её покровительством есть точно благополучие»¹.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 672. Император Николай I. Оп. I. Д. 301. Л. 1–2.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ДЕЛА ЕПИСКОПОВ СКОРКОВСКОГО И ГУТКОВСКОГО. ПОЕЗДКА В РИМ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА, НАСЛЕДНИКА РОССИЙСКОГО ПРЕСТОЛА

На протяжении всего рассматриваемого периода на отношениях России со Святым Престолом сказывались и их состояние отражали неоднократно возникавшие дела вокруг отдельных представителей католического духовенства. Так, 7 декабря / 25 ноября 1833 г. Гурьева информировали об отстранении краковского епископа Карла Викентия Скорковского от должности, лишения его жалования, получаемого от польской казны, запрете возвращаться в государства российского императора.

Это мотивировалось проявлением им враждебных к России настроений во время восстания, когда

...все его пастьрские послания и все акты его администрации дышали ненавистью и жадной мести России. Всё его влияние, все его усилия имели целью поощрить своих соотечественников упорно продолжать их преступное сопротивление, чтобы сделать невозможным всякое примирение между монархом и его подданными и чтобы навсегда сохранить в Польше ужасы истребительной войны.

В подтверждение этого приводились примеры из его пастьрских посланий от 22 / 10 февраля 1830 г. и 22 / 10 апреля 1831 г.

После восстания активность епископа не ослабела, он только стал более внимателен при осуществлении своих тайных происков. Он ничем не пренебрегал, чтобы в находившихся под его влиянием учреждениях народного образования формировать тот настрой неповиновения властям, который был причиной бедствий последних лет в Польше. От него и его интриг проистекала большая часть препятствий, которые должны были преодолевать при выполнении их задачи чрезвычайные уполномоченные России, Австрии и Пруссии, занятые реорганизацией свободного города Кракова.

Некоторое время надеялись, что, осознавая, насколько он себя скомпрометировал перед законным правительством и перед своей собственной паствой, епископ добровольно подаст в отставку. Такая надежда не оправдалась. Вместе с тем всё более срочной становилась необходимость лишить его возможности мешать

проводимым правительством мерам и нарушать спокойствие в Польше. Тогда и последовало решение императора.

Извещая о нём Святой Престол, Гурьев должен был разъяснить серьёзность соображений, вынудивших на него пойти. Рассчитывали, что в Риме убедятся, что принятые в отношении епископа меры были продиктованы как потребностью гарантировать от всякого нового посягательства едва восстановленный законный порядок, так и интересами самого католического исповедания. Поэтому не сомневались, что Святой Престол не откажет в своей духовной поддержке, которая может быть необходима при приведении в исполнение этих распоряжений. Речь шла о лишении аббата Скорковского духовных полномочий и передаче их аббату Адаму Пашковичу, который был вместо него назначен администратором, а до того был администратором варшавской епархии и членом краковской консистории. Эту просьбу посланник мог сделать от имени императора¹.

В дополнение к этой нескрываемой депеше (её в случае необходимости можно было показать папским руководителям) за то же число Гурьеву была послана другая. В ней Нессельроде признавался, что понимал, насколько деликатная задача перед ним стояла. Ведь было очевидно, что римский Двор будет огорчён известием о мерах, принятых в отношении Скорковского без того, чтобы он был бы оповещён заранее о них или к нему обратились бы за советом. Не исключалось, что он воспользуется последним обстоятельством, чтобы отказать в помощи. В таком случае следовало, как было принято в отношениях со Святым Престолом, воздержаться от всякого обсуждения принципов, представив смещение краковского епископа в качестве совершившегося факта, к которому никоим образом было невозможно больше возвращаться. Было очевидно, что всё, что должно иметь значение пока что для римского Двора, — это чтобы епархия не оставалась без администратора, а назначение Пашковича призвано было снять эту озабоченность. И только от Святого Престола зависело даровать ему необходимые для этого полномочия, чтобы обеспечить духовные интересы вакантной епархии. С этой точки зрения, казалось бы, у папского правительства не должно было быть реальных возражений.

Вопрос о Скорковском поручалось обсудить конфиденциально с нунцием в Вене и Татищеву.

Гурьеву предоставлялось самому решить вопрос об уместности ознакомить папское правительство с главной депешей, так как он знал, «насколько в переговорах с римским Двором выбор формы и даже выражений может стать решающим». Однако осторожность, которую ему следовало вменить себе в обязанность, не должна была ему помешать ознакомить государственного секретаря полностью с пасторскими посланиями Скорковского, так как они, несомненно,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833. Оп. 469. Д. 187. Л. 464, 472; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 66–69.

засвидетельствовали бы его виновность и допущенное им преступное злоупотребление его духовной властью¹.

Уже 17 / 5 января 1834 г. Гурьев сообщил о весьма благоприятной ситуации вокруг вопроса о смещении Скорковского. Бернетти, к которому он обратился, чтобы доказать справедливость принятого решения, сказал, что папа был очень расположен оказать содействие намерению императорского правительства и что нунцию в Вене, монсеньору Пьетро Остини, направлены инструкции, предписывавшие договориться с Татищевым о способе устранения аббата с краковской кафедры. Речь теперь шла лишь о том, чтобы он внял совету подать в отставку, который должен был дать нунций с тем, чтобы привести его смещение в соответствие, насколько это возможно, с положениями канонического права, не позволявшего лишать епископа его епархии без предварительного процесса. Со своей стороны, Гурьев выразил надежду на скорое разрешение вопроса при столь благоприятных обстоятельствах².

Татищевым Гурьев был информирован о том, что Скорковский уступил данным ему советам и решился совершить поездку в Рим, чтобы «там возложить свою отставку к ногам папы». Поскольку Бернетти в это время отсутствовал, Гурьев переговорил об этом с Капаччини, а затем передал памятную записку. Из полученного на неё ответа (донесение от 25 / 13 февраля 1834 г.) следовало, что папа, желая дать в сложившихся обстоятельствах императору запоздалое доказательство своего дружеского расположения, поспешил направить нунцию в Вене инструкции и необходимые полномочия, чтобы ускорить решение этого дела в соответствии с пожеланиями императора³.

Это донесение вызвало удовлетворение императора, увидевшего в нём новое «свидетельство дружеского расположения Его Святейшества и благожелательных намерений в отношении правительства Его Величества, которые Его направляют, особенно, в Его решениях, касающихся католического духовенства Царства Польского». Гурьеву (депеша от 31 / 19 марта) поручалось от имени императора искренне благодарить папское правительство и самого папу, если представится случай, за решения, принятые в отношении Скорковского. Не забыт был и папский нунций в Вене. Об удовлетворении направленными ему инструкциями и исполнением им их предписывалось дать заверения государственному секретарю⁴.

Довольно скоро (донесение от 8 марта / 24 февраля) Гурьев внёс уточнения в ход поначалу складывавшегося, как казалось, благоприятно для российской стороны решения этого дела. Теперь он должен был констатировать, что «римский Двор был действительно глубоко задет принятыми в отношении епископа Скорковского

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 72–73.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1834. Оп. 469. Д. 182. Л. 22.

³ Там же. Л. 54.

⁴ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 93–94.

решениями и его смещением, касающимися столь непосредственно прерогатив, к сохранению коих он относится очень ревностно, без того чтобы предварительно императорское правительство вознамерилось бы обратиться за его помощью». Бернетти выразил по этому поводу сожаления, но «без горечи и упрёка» и к тому же лишь когда, в связи с демаршем Гурьева, для этого представился случай. Более того, и он, и Капаччини, писал дипломат, «проникнувшись справедливостью и обоснованной срочностью, побудившими прибегнуть к удалению епископа», сделались самыми усердными посредниками перед папой, чтобы победить его щепетильность и склонить его к удовлетворению пожеланий императора. Капаччини подтвердил, что в инструкции Остини он рекомендовал призвать епископа Скорковского передать аббату Пашковичу полномочия, необходимые ему в качестве администратора включённой в Царство Польское части краковской епархии. В случае же отказа и упорства с его стороны он намерен был действовать дальше в утверждении этого прелата в его новых функциях¹.

Сказанное самим папой по этому поводу в беседе с Гурьевым (донесение от 2 мая / 21 апреля 1834 г.) звучало вполне обнадеживающе. После того как посланник вручил ему ответное письмо Николая I, папа сначала поднял вопрос о разграничении епархий. Он пояснил, что причину отсрочки в достижении договорённости не следовало искать в его настрое, всегда носившем примирительный характер. Она заключалась в невозможности для него принять решение до получения сведений относительно пользы и выгоды от предложенных изменений от избранного им лица, которое обратится за ними к первоисточнику. При этом понтифик заверил, что таким же образом он действовал в подобных случаях и в отношении других стран.

Свою беседу с посланником он закончил заверениями, что касавшиеся епископа Скорковского меры дадут положительный результат, соответствовавший пожеланиям императора. Более того, он «полагал, что в данных обстоятельствах дал наилучшее доказательство своей решимости следовать на практике принципам порядка и подчинения, которые не переставал рекомендовать духовенству», а также подтверждение своей готовности оказать содействие целям и намерениям императора².

Между тем Татищев информировал Гурьева об отказе Скорковского подчиниться указаниям нунция в Вене о передаче полномочий аббату Пашковичу. Посланник обратился с просьбой к папскому правительству ускорить решение этого дела, ссылаясь на обещания папы. Бернетти и Капаччини, оба убеждённые в невозможности дальше откладывать этот вопрос, ходатайствовали перед папой об указаниях, более действенных и способных достичь желаемой цели.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1834. Оп. 469. Д. 182. Л. 60–61.

² Там же. Л. 91–92.

Вскоре от Остины в Рим поступило сообщение о новых настойчивых требованиях, предъявленных им краковскому епископу. Одновременно он просил при случае прислать бревне, как о смещении Скорковского, так и о вступлении в должность Пашковича. В сложившейся ситуации, как писал (в другом донесении от 3 мая / 21 апреля) Гурьев, папа поручил Бернетти уполномочить Остину, «как наиболее приятного нашему Двору посредника, усердие которого он соблаговолил оценить», прямо предоставить аббату Пашковичу необходимые полномочия, без других формальностей и вмешательства титульного епископа. «Таким способом, — заключал посланник, — Его Святейшество льстит себя надеждой, что закончил вышеупомянутое дело согласно пожеланиям императора и своим»¹.

Однако опальный епископ и тут не смирился. Как информировал Гурьева Татищев, аббат Пашкович уже приступил к исполнению функций администратора. Но Скорковский, прежде чем отправиться в Рим, «под влиянием озлобленности и неуверенности, впрочем, в приёме, который ему окажет папа», написал возглавлявшему церковный суд в Риме кардиналу Де Грегорио, чтобы попытаться предотвратить, насколько возможно, конфирмацию аббата в его новой функции и осведомиться об ожидавшем его в Риме приёме. По приказу понтифика Де Грегорио его поставил в известность об одобрении папой выбора Пашковича².

По получении сведений об отсутствии у Скорковского намерения покинуть Краков Гурьев (донесение от 9 августа / 28 июля 1834 г.) поставил об этом в известность Бернетти, после чего Де Грегорио по указанию папы вновь напомнил епископу, чтобы он покинул Краков³.

Наконец, 3 октября / 21 сентября Гурьев, сославшись на Бернетти, сообщил Нессельроде, что в Риме было получено письмо Скорковского, содержавшее обещание покинуть Краков и подчиниться указаниям папы⁴.

В следующем году Гурьев должен был вновь вернуться к этой проблеме. В марте он предпринял два демарша перед Святым Престолом, чтобы добиться наконец удаления епископа. Результат их был ещё неизвестен, поскольку было неясно, какое действие произведёт на него письмо Де Грегорио от 9 марта, в котором он обязывает его выполнить обещание покинуть Краков весной этого года. Тем не менее, не дождавшись итога, 30 / 18 апреля 1835 г. из С.-Петербурга Гурьеву писали о поступлении новых жалоб по поводу его враждебного поведения и считали необходимым рекомендовать повторно это дело вниманию папского нунция в Вене, поскольку он был уполномочен папой разрешить это дело в соответствии с волей

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1834. Оп. 469. Д. 182. Л. 101.

² Там же. Л. 112.

³ Там же. Л. 106.

⁴ Там же. Л. 210.

императора. В этой связи Гурьеву пересылались копии двух депеш, направленных в апреле в Вену Татищеву¹.

В одной как бы подводился итог тому, что удалось достичь более чем за год, с тех пор как Святой Престол направил папскому нунцию в Вене инструкции и необходимые полномочия, чтобы ускорить окончание этого дела: реальный результат состоял в получении аббатом Пашковичем духовных полномочий для исполнения его функций.

Скорковский же продолжал проживать в Кракове, пренебрегая как собственными обещаниями, так и самыми ясными указаниями, поступавшими либо непосредственно от Святого Престола, либо посредством Остини. Особо обращалось внимание на его поведение во время заупокойной мессы, отслуженной в Кракове за упокой души австрийского императора Франца I, когда он отказался от претензии самому совершить богослужение на этой религиозной церемонии только «после того, как во время спора с австрийским резидентом дал волю своим полным ненависти страстям». Ссылались также на новый акт, показывавший ещё раз, сколь далёк он был от повиновения. В опубликованном им только что пасторском послании, вопреки действующим законам, он высказался против вмешательства гражданской власти в браки и воспользовался случаем, чтобы представить самого себя в качестве мишени самых несправедливых преследований.

Эти доказательства враждебного настроения должны были служить подтверждением мнения, выраженного правительством уже более года назад, что присутствие Скорковского в Кракове было несовместимо с общественным спокойствием как в этом городе, так и в Царстве Польском, а посему «следует его оттуда срочно удалить, если хотят упредить ещё больший скандал».

Татищева призывали обратить самое серьёзное внимание нунция на такое положение дел. В отношении успеха посланного епископу письма Де Грегорио выражалось большое сомнение.

К несчастью, непозволительно ожидать от такого демарша более благоприятного результата, чем его имели все предыдущие предписания, сделанные ему от имени Его Святейшества. Единственное действенное средство победить его сопротивление и вынудить повиноваться, наконец, указаниям, авторитет которых он столь долго не признавал, — говорилось в депеше, — было бы, возможно, запретить его духовные функции. Это средство не раз предлагалось Святому Престолу. Монсеньор Остини сам, кажется, в прошлом году признавал его пользу, и Ваше Сиятельство окажет новую услугу, если Вы постараетесь его заставить применить против аббата Скорковского².

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 154–155.

² Там же. Л. 156–160.

В другой секретной депеше с Татищевым делились итогом очередных размышлений над поиском средств лишить аббата малейшего предлога оправдать своё неповиновение и в то же самое время победить щепетильность, могущую помешать римскому Двору его строго наказать. Обращалось внимание на последовавшие в Риме и Вене инсинуации относительно денежных затруднений, испытываемых этим священнослужителем в прошлом году. Остини полагал, что Скорковский мог оказаться не в состоянии покрыть расходы по своему путешествию, а папское правительство поставило вопрос о предоставлении ему императором средств существования.

Предполагалось следующее решение вопроса: наместник уже выразил готовность выделить сумму в 300 дукатов на покрытие дорожных расходов; император, из уважения к Святому Отцу, после того как Скорковский покинет Краков и его окрестности, был расположен договориться с римским Двором о назначении ему денежного пособия и о наиболее подходящем способе его доставки. Дело в том, что было сочтено особенно важным, «чтобы он не знал источник благоденствия, которым он пользуется», потому что, кроме того что его поведение в отношении императорского правительства делало его недостойным доброты императора, «оно, к несчастью, доказывает также, что он будет неспособен оценить его мотивы и истинный характер». Иными словами, желательно было избежать эксцессов с его стороны ещё и по этому поводу.

Татищев должен был сообщить Остини о возможности таких решений, если он вновь затронет денежный вопрос. Одновременно следовало ясно дать понять, что прежде всего нужно, чтобы Скорковский повиновался и уехал, и что, во всех случаях, помощь, которая ему будет оказана, должна рассматриваться лишь как результат великодушия императора¹.

Содержавшиеся в депешах Татищеву сведения сообщались для Гурьева лично, но, если бы Святой Престол вновь выразил свои опасения относительно возможных денежных затруднений Скорковского, посланник мог ознакомить с таким их разрешением, о котором Татищев должен был информировать Остини².

Через несколько дней после замечания Гурьева (донесение от 31/19 мая 1835 г.), что епископ не покинул Краков, хотя из Ватикана прошлой весной его об этом просили, Бернетти его посвятил в решение папы лично написать епископу, приказав ему покинуть Краков³.

Это возымело действие. 5 августа / 24 июля 1835 г. Нессельроде информировал Гурьева о поступившем от наместника известии, что, «повинуясь прямому предупреждению, которое Святой Отец решил ему направить 30 мая», Скорковский наконец покинул Краков 1 июля / 19 июня и отправился в Тропау, где избрал местом своего проживания францисканский монастырь.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 161–162.

² Там же. Л. 154–155.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1835. Оп. 469. Д. 210. Л. 132.

Посланника просили благодарить папское правительство за достигнутый результат и воспользоваться первым представившимся случаем, чтобы выразить папе чувство удовлетворения, которое он должен был вызвать у императора¹.

Ещё летом 1834 г., в то время, когда становилось очевидным, что дело Скорковского явно приближалось к завершению, российское правительство оказалось перед брошенным ему вызовом ещё одним прелатом католической Церкви — подьяцким епископом Иоанном Маркеллем Гутковским. Особенность данного случая составляло то, что речь шла о человеке, принадлежавшем к малому числу поляков, не принимавших прямого, активного участия в восстании и открыто отказавшихся поставить подпись под манифестом восставших 1830 г.

Тем не менее ещё до мятежа он был «замечен правительством, как ослушник, сопротивляющийся законам, касающимся браков», и был известен тем, что «издавал распоряжения, противные замыслам правительства». А после восстановления порядка в крае он не отказался от прежнего образа действия: запретил духовенству благословлять смешанные браки католиков с лицами других христианских исповеданий².

Депешей от 22 / 10 августа 1834 г. Гурьева информировали, что Административный совет Царства Польского проявил в отношении него долготерпение, которому пришёл конец. К этому привели следующие причины. Это дух противодействия, который он обнаружил со времени восстановления законного порядка. Это совершаемые им поступки и исповедуемые им доктрины, «направленные на то, чтобы заронить смущение в сознание людей, раздор в семьях, разногласия между различными христианскими исповеданиями, наконец, чтобы вызвать раскол между Церковью и светской властью, от всякого подчинения которой он хочет, кажется, отныне отказаться».

Сложившаяся ситуация побудила правительство употребить в отношении него суровую меру. Его лишили получаемого им содержания, а если этого средства окажется недостаточно, готовы были применить крайние меры. Но прежде император хотел бы не пренебрегать ничем, что могло бы его пощадить от необходимости к ним прибегать. Поэтому он решил предварительно представить этот случай на рассмотрение папы, чтобы выяснить, не может ли он «согласиться употребить своё влияние на подьяцкого епископа, чтобы его привести к суждениям, более соответствующим его святому призванию, и отвести от него грозящие ему меры». Именно с такой точки зрения Гурьев должен был постараться заставить рассматривать это дело. Сам факт доведения императором до сведения папы этого случая должен был послужить «новым доказательством уважения и доверия», свидетельством того, насколько был оценён его образ действия в деле Скорковского;

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 167.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1834. Оп. 469. Д. 182. Л. 403.

наконец, он предоставлял ему возможность «предотвратить своим примирительным вмешательством новый скандал в лоне католической Церкви в Польше».

Доктрины, которые епископ Гутковский хочет возродить относительно развода, смешанных браков и законного контроля светской власти за делами Церкви из числа тех, что никакие правительства, даже те, которые исповедуют католическую религию, не смогут признать. Общественное мнение их, впрочем, решило давно, и, кажется, что в интересах самого римского Двора не позволять возникновения по этому поводу разногласий, которые могут лишь разрушить взаимное доверие между правительством и духовенством, и лишить последнее его влияния на многочисленные категории верующих, доверенных его духовному руководству. Святой Престол не смог бы не осудить открыто также инсинуации, полные ненависти и столь противные духу христианской религии, которые епископ ставит задачу распространять против других культов и, особенно, против господствующей в Империи Церкви. Они плохо отвечают принципу религиозной терпимости, который великодушно практикуется в России, —

вот те соображения, из которых предлагалось исходить Святому Престолу, принимая своё решение¹.

К депеше была приложена записка наместника в Царстве Польском. В ней были подробно изложены все проступки епископа. В 1830 г. он временно отстранил от исполнения его функций священника седлецкого прихода Флориана Ктосинского за сделанное им оглашение о предстоящем бракосочетании между лицами, одно из которых, как оказалось, было разведено гражданским судом. А так как наблюдательный комитет церкви отказался привести в исполнение такое отстранение от должности, Гутковский лишил Ктосинского звания почётного каноника, им же самим данное незадолго до этого за долгую службу. После окончания восстания епископ попытался лишить аббата его прихода. Делая вид, что смягчает наказание о временном отстранении, он созвал консисторию и ей приказал осудить семидесятилетнего аббата на три года покаяния с пребыванием в Янове, резиденции епископа, хотя королевское постановление от 18 / 6 марта позволяло церковным судам выносить решение об увольнении лишь на один месяц. Несмотря на призывы официальных лиц, епископ не захотел отменить это незаконное наказание, к тому же за то, что в глазах закона было лишь выполнением долга одного гражданского государственного служащего. И только после заступничества Б.С. Строганова в ноябре 1832 г. он оставил за аббатом его церковный приход.

Ещё один проступок Гутковского был связан с появившейся в 1831 г. книгой под названием «Сходство и различие между Церквями восточными и западными, или Проект союза греческой Церкви с римско-католической». Поскольку было сочтено, «что она была наполнена ложными доктринами и оскорбительными для

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 105–107.

господствующей в Империи религии выражениями, содержала замечания и заключения, наносящие оскорбления власти и достоинству монарха России», наместник Царства Польского в октябре приказал её повсюду изъять. Епископ в начале ноября запиской, адресованной Комиссии внутренних и духовных дел, потребовал, чтобы все, кто приобрёл эту книгу, могли её хранить. Беседовавшему с ним по поручению наместника председателю Комиссии Строганову переубедить его не удалось. Не помог и вызов Гутковского самим наместником, потребовавшим подчиниться приказу правительства в отношении этой книги.

Подлясская консистория по приказанию Гутковского издала два циркулярных предписания по епархии. Одним с 1830 г. она запретила приходским священникам епархии благословлять браки католиков с православными или протестантами и предписала, чтобы священники епархии не делали оглашений о подобных браках без разрешения епископа. Комиссия приказала епископу 21 / 9 марта 1832 г. отменить это постановление, поскольку церковный закон не запрещал такие браки и в Польше давно не требовалось никакой диспенсии для них ни из Рима, ни даже от епископа. Гутковский отказался подчиниться приказу Комиссии. А его консистория даже возобновила своё постановление 1830 г. Более того, 4 августа / 23 июля 1832 г. она издала другое постановление, которое, интерпретируя и разъясняя прежнее постановление от 20 / 8 июня, отказывало всем не католикам в том, чтобы называться христианами, именуя их схизматиками и еретиками, вопреки старым и новым предписаниям.

Административный совет Царства Польского, узнав об этих решениях подлясской консистории, их аннулировал решением от 30 / 18 октября 1832 г. А 22 / 10 ноября того же года Комиссия внутренних и духовных дел предложила епископу их устранить как противные законам страны. Кроме того, она уведомила все епархиальные власти, что согласно выраженной правительством воли епископам запрещалось издавать циркулярные письма по епархиям без предварительного разрешения Комиссии.

16 / 4 декабря 1832 г. последовал ответ на это Гутковского. Поскольку, по его мнению, многочисленные буллы и письма папы содержали запрет браков между католиками и не католиками, он не мог отменить предписания его консистории, ибо они содержали положения, которые, будучи в ведении духовной власти, не зависели ни от какой светской власти. Если же они такого рода, что противоречили законам страны, следовало бы скорее отменить эти законы, считал епископ, чтобы не подвергать совести опасности оскорбить божественные законы.

Административный совет на заседании 11 февраля / 30 января 1833 г. постановил, что все предписания Гутковского, касавшиеся смешанных браков, аннулировались, а ему следовало сделать выговор за публикацию таких важных предписаний без предварительного осведомления о них Комиссии внутренних и духовных дел. Поставленный об этом в известность Гутковский направил 10 мая / 29 апреля Комиссии ответ, содержащий опровержение решения Совета. В нём он ссылался

на буллу Григория XVI, адресованную епископам Баварии 27 мая 1832 г., которая, согласно ему, запрещала такие браки. При этом он упускал из вида тот факт, что, адресованная иностранному духовенству, она ни в коем случае не являлась обязательной для Польши, потому что буллы римского Двора действительны в той стране, куда были адресованы, и к тому же лишь после того, как правительство разрешит их публикацию. Затем, утверждая, что все постановления Административного совета касались духовной власти, он выразил готовность апеллировать по поводу них к императору и просил о разрешении отправиться в С.-Петербург.

В ответ Комиссия внутренних и духовных дел 7 июня / 26 мая 1833 г. потребовала от епископа привести в исполнение решения Совета от 11 февраля / 30 января 1833 г.

Ещё до получения этого требования Комиссии 17 / 5 мая епископ направил в консисторию новое секретное указание деканам епархии¹. В ответ на ставшее известным предписание Комиссии уполномоченным округов опубликовать решение Совета в отношении браков между христианами различных исповеданий, он предупредил духовенство не делать этого. Ему не следовало ни позволять себе расшатывать постановлениями светской власти тщательное соблюдение законов римско-католической Церкви, ни ослаблять свою набожность и усердие. Деканам он сообщил и свой ответ, адресованный Комиссии 10 мая / 29 апреля.

Наконец, на требование Комиссии от 7 июня / 26 мая Гутковский заявил, что решения Совета от 11 февраля / 30 января,

...как противоречащие высшим законам, более старым и священным, не должны быть исполняемы кем бы то ни было (подчёркнуто в тексте. — О.С.). А что касается епископа, он должен стараться оберегать совесть священников и верующих от любого посягательства, проистекающего от подобных решений светской власти, учитывая, что Иисус Христос, создавая свою святейшую Церковь, не доверил руководство светской власти, а Св. Петру, другим, равным образом, слабым, смиренным и презренным служителям, так же и их преемникам, обещая, что Он будет с ними до конца света.

И добавил, что, пока на земле будет существовать римская апостольская Церковь, «решения светской власти по духовным вопросам не смогут служить ни доктринами, ни правилами поведения католическому христианству». Он просил Комиссию извиниться за него перед Советом за то, что никак не мог дать другой ответ на последнее предупреждение, только что им полученное.

Этот последний документ, — заключал свою записку наместник, — очевидно, доказывает, что, если предыдущие поступки подлясского епископа находились

¹ Ими были священники, возглавлявшие деканат, административную церковную единицу, включавшую около десяти приходов, а также каноники, стоявшие во главе капитула какого-либо учреждения: монастыря, соборной церкви.

всегда в противодействии замыслам административной власти страны, решения которой он хотел обжаловать у императора и короля, сегодня он отказывается от повиновения любой светской власти и обнаруживает, тем самым, сопротивление указаниям самого Его Императорского Величества¹.

Итак, осенью 1834 г. Гурьев должен был, наряду с делом Скорковского, заниматься решением вопроса относительно Гутковского. Хотя первые предпринятые Капаччини перед папой попытки по поводу последнего закончились провалом, однако казалось, что он был расположен их повторить. Вскоре это и произошло. Папа согласился со вторым вариантом письма, в котором, в частности, говорилось: «Вы иногда, при случае, вели дискуссии с правительством по поводу религиозных дел. Мы можем лишь высоко одобрить проявленное Вами усердие». Но это одобрение сопровождалось советом папы делать это так, «чтобы, при возникновении какого-то обстоятельства, которое сделало бы наше вмешательство необходимым для поддержания Ваших просьб, мы не рисковали бы услышать, что Ваши демарши не имели ожидаемого Вами успеха по причине использованных Вами неуважительных выражений, употреблённых в отношении правительства». Речь шла, таким образом, не о существе, а лишь об этической стороне дискуссий епископа с правительством.

Гурьев отдавал себе отчёт, что такое письмо не отвечало пожеланиям правительства, но рассчитывал, что оно благотворно воздействует на епископа. Со стороны папы он видел проявление почтительности, что будет способствовать поддержанию взаимоотношений двух Дворов, основывавшихся на пользе и взаимном уважении. Было очевидно, что это письмо «тщательно избегает всего, могущего вызвать неуместные объяснения и нарушить эти отношения. Наконец, оно наносит удар по образу действия подляского епископа упреком, правда, косвенным, но, к которому, нужно надеяться, он не останется нечувствителен»².

Обсуждением этих двух трудных вопросов в конце 1835 г. дело не ограничилось. Возник ещё один — о возведении в епископский сан католических священнослужителей, решение которого в Риме почти всегда наталкивалось на серьёзные трудности. Депешей от 1 декабря / 19 ноября временно исполнявший обязанности поверенного в делах П.И. Кривцов (первый секретарь миссии) получил указание обратиться к папе с просьбой о назначении двух епископов *in partibus* (т. е. в странах неверных). Речь шла о канонике Павле Страшинском, администраторе варшавского архиепископства, и священнике Валентине Томашевском, канонике калишского кафедрального собора и администраторе той же епархии. Поскольку не стоял вопрос о предоставлении им кафедр, их назначение было такого рода, что могло быть воспринято как стремление только увеличить общее число епископов и, таким образом, расширить, облегчить правительству возможности заполнять

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 108–116.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1834. Оп. 469. Д. 182. Л. 257–259.

вакансии в случае необходимости. Предварительно Кривцов решил выяснить ситуацию у Бернетти и Капаччини. Оба посчитали, что папа не согласится пойти на это. Тогда Кривцов составил официальную ноту, датированную 22 / 10 декабря, и направил её Бернетти. На следующий день она была, по причине болезни Бернетти, передана папе Капаччини.

Папа ответил решительным отказом, не дав никаких объяснений. Капаччини не скрыл дурного поворота дела, сказав, что «почти никогда не видел папу высказывавшимся столь категорически», но просил подождать несколько дней, пока понтифик успокоится, и обещал попытаться воздействовать на него через близких ему лиц.

Действительно, пять-шесть дней спустя папа заговорил с Капаччини об этом деле с меньшей горечью и привёл несколько причин, мешавших ему дать согласие. Одной из главных было обустройство в Варшаве православного епископа, в то время как этого не делалось для епископа латинской Церкви.

Я хорошо вижу, — продолжал Его Святейшество, — стремление российского правительства декатолизировать (*décatoliser*) страну, вводя в неё мало-помалу греческое исповедание и унижая наше; предложенной мерой они хотят только освободиться от необходимости назначать епархиальных епископов, так как после назначения епископа *in partibus* население не будет чувствовать отсутствия епархиальной власти. Я же, — добавил Святой Отец, — не могу помогать унижению Церкви, главой которой я являюсь. Я уже много сделал, и слишком часто из этой страны ко мне обращены упреки, что я жертвую интересами католиков из желания понравиться власти, —

так Капаччини воспроизвёл Кривцову сказанное папой.

Капаччини, разделяя взгляды папы, однако, заметил, «что было бы неосторожно отказать императору, что в нём можно нуждаться при случае». Да и в интересах католиков «лучше было бы решить дело полюбовно, чем не уступать и задевать такую державу, как Россия, которая никогда не оказывалась недружелюбной, хотя существенно расходилась в принципах».

Эти замечания явно впечатлили папу, и он решил передать вопрос на рассмотрение конгрегации кардиналов. Состоялось два заседания. Кардиналы высказались против этого проекта. Информированный об этом Кривцов просил Капаччини вернуться в беседе с папой вновь к этому вопросу. Спросив, что следует ответить Кривцову, и повторив уже приведённые аргументы, Капаччини ясно нарисовал понтифику альтернативу, перед которой тот оказался поставлен.

Если считать, — сказал он ему, — что российское правительство хочет декатолизировать Польшу, в таком случае отказ Вашего Святейшества будет оказывать содействие его целям, лишая страну всякой епископской власти. Или же у императорского правительства вовсе нет намерений, которые у него предполагают. И тогда решительный отказ, не располагая Его Величество к добру, которое Он предполагал

сделать, скажется ещё гораздо больше и на отношениях Святого Престола с Россией и на самой католической Церкви, и Ваше Святейшество будет испытывать угрызения совести из-за того, что не упредил сделанными вовремя уступками ещё большую беду.

Не найдя чем возразить, папа прибег к своему последнему средству защиты, а именно к своей внутренней совести: его клятва и его совесть одинаково запрещали ему дать согласие. Тогда Капаччини предложил изложенный в ноте Кривцова проект назначения обоих каноников епископами-суффраганами. Папа одобрил это предложение, но добавил, что новые епископы должны обязательно отказаться от их административных функций. По выходе от папы Капаччини составил ноту.

Поскольку Кривцов нашёл некоторые её выражения свидетельствованными об испытываемом папой недоверии, он просил их изменить. Капаччини внёс такие изменения¹.

Все эти перипетии Кривцов подробно изложил в донесении от 18 / 6 января, к которому приложил датированную 10 января 1836 г. ноту. В ней, в частности, говорилось:

Святой Отец в искреннем желании оказать услугу Его Величеству императору всея Руси и королю Польши при всяком случае, когда долг Его апостольского служения ему это позволяет, заявляет о своей готовности даровать названным священнослужителям звание и достоинства епископов *in partibus*. Одновременно он просит доверить каждому из них вакантные суффраганства в варшавской и калишской епархиях, а также выдвигает требование, чтобы они подали в отставку с занимаемых ими постов викария или администратора, чтобы капитулы могли избрать новых лиц на них².

Между тем закончившийся год не принёс никаких изменений к лучшему во внутреннем положении папских государств. Правда, спокойствие сохранялось, но в основном благодаря присутствию иностранных войск. Постановление папского правительства об увеличении земельного налога вызвало недовольство, так что в нескольких местах администрация вынуждена была прибегнуть к принудительным мерам для взимания новых налогов. Этот протест жителей был тем более опасен, что имел место там, где до этого времени население казалось расположенным к Святому Престолу и даже давало во многих случаях недвусмысленные доказательства привязанности и верности. В Романье нелюбовь к нему лишь увеличивалась, и явным было всеобщее желание избавиться от церковного господства и перейти под другое правление, каким бы оно ни было. Несмотря на неослабное внимание папского правительства к состоянию своих финансов, оно становилось всё более и более критическим. Последним займом удалось покрыть

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1836. Оп. 469. Д. 180. Л. 3–4.

² Там же. Л. 13; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 468. Ч. I. Л. 147.

часть дефицита 1835 г., но уже три месяца назад этот ресурс был исчерпан. Кассы пусты. Для покрытия расходов правительство решилось на продажу имущества государственной казны. Так рисовал положение в папских государствах Кривцов в донесении за 17 / 5 января 1836 г.¹

Занимало Кривцова и предстоявшее изменение в руководстве страной. Дело в том, что кардинал Бернетти, воспользовавшись острым приступом подагры, просил об отставке. Она была принята.

Кривцов полагал, что новым государственным секретарём станет кардинал Ламбускини, прежде бывший послом в Париже. «Друг монаха Капеллари (напомним, что теперь это папа Григорий XVI. — О.С.), кардинал Ламбускини сохранил привязанность папы и доверие, которое Его Святейшество не переставало оказывать вследствие совпадения взглядов и мнений, что ему обеспечивает преимущество над его коллегами», — писал Кривцов в донесении от 17 / 5 января 1836 г.²

А всего несколько дней спустя, 23 / 11 января, он информировал С.-Петербург о произошедшей 19 января именно такой смене правительства.

Общество её встретило с самым глубоким безразличием: тем не менее, — отмечал дипломат, — поскольку новый государственный секретарь пользуется доверием папы, оно полагает, что его мнение будет оказывать благотворное действие на ход дел, придавая градус твёрдости и единодушия, чего вовсе не было при управлении кардинала Бернетти. Все меры, предложенные последним, при их осуществлении встречали почти систематическое противодействие затруднениями, которые ему создавались со всех сторон и которые срывали самые полезные комбинации...

Кардинал Ламбускини пользуется здесь репутацией умного и разбирающегося в делах человека. Что касается его взглядов, они должны были в последнее время претерпеть такие значительные изменения, что стали бы гораздо более умеренными тех, что были прежде³.

В полученном от Кривцова донесении от 18 / 6 января 1836 г. в С.-Петербурге особое внимание привлекли переданные через Капаччини пожелания папы относительно назначения епархиальных епископов на вакантные кафедры и о том, какое значение он придаёт этой мере, отвечающей потребностям Церкви.

Депешей от 8 июня / 27 мая Кривцова просили поставить Святой Престол в известность о решении, признавая справедливость мотивов, изложенных папой устно через Капаччини, пойти дальше его пожеланий. Речь шла о назначении вновь архиепископа на варшавскую кафедру и возведении в епископское достоинство двух прелатов в вакантные епархии в Августове и Куайви-Калише.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 494. Л. 230.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1836. Оп. 469. Д. 180. Л. 20.

³ Там же. Л. 24.

На варшавскую архиепископскую кафедру предлагалась кандидатура Станислава Хороманского, епископа Адрастия *in partibus*, суффрагана и администратора августовской епархии, который, «из-за своих высоких достоинств, чистоты своих принципов, благоразумия своего поведения во всех своих публичных заявлениях, был сочтён единственным способным» занять видную должность, на которую его назначил император. В епархии предлагались соответственно Страшинский и Томашевский¹.

Направленная в тот же день Кривцову другая секретная депеша содержала ответ на серьёзные вопросы, поднятые в Ватикане по случаю переговоров о назначении епископов. Она должна была доставить Кривцову средства констатировать в глазах римского Двора искреннее намерение императора оказать латинской Церкви Царства Польского действительную поддержку и, таким образом, успокоить опасения папы относительно намерений правительства в отношении католической Церкви. Чтобы дать возможность дипломату «просветить в этом отношении Святого Отца», к депеше была приложена записка, содержавшая дополнительные сведения, которыми Кривцов мог воспользоваться в конфиденциальных беседах «с самыми влиятельными лицами Ватикана»².

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 183–184.

² Полагая, что жалобы папы по поводу предполагаемого проекта декатолизации Польши были связаны с назначением, с одной стороны, епископа православного исповедания в Варшаву, и с другой — с якобы состоявшимся решением оставить вакантной латинскую епархиальную кафедру, в записке приводились следующие сведения, явно неизвестные папе. В Варшаве проживало много русских, поскольку там постоянно находился генеральный штаб большой армии, штаб корпуса пехоты, а также гарнизон в две тысячи человек, которые сменялись. В канцеляриях управления было занято много русских служащих. Многие военные и служащие проживали с семьями. Ещё до восстания там обосновалось много купцов, число которых теперь ещё увеличилось. Многочисленный класс составляла русская прислуга. В свете приведённых данных представлялось не удивительным пребывание в Варшаве православного епископа, когда в С.-Петербурге для меньшего числа католического населения существовала латинская церковь. Причина же, по которой правительство не предлагало никого на вакантную варшавскую кафедру, лежала в невозможности найти достойного кандидата. Ведь большая часть духовенства приняла активное участие в восстании, заседала в повстанческом сейме и подписала акт отрешения от власти, «почти всё оно использовало своё влияние, чтобы распространять восстание и воспламенять умы». К тому же варшавская кафедра — архиепископская. Её может занять лишь лицо, уже облечённое духовным званием. Влияние, обретаемое архиепископом, требует от заслуживающего рекомендации лица, чтобы «его отличала суровая нравственность, глубокая набожность, образцовая жизнь с точки зрения политической». В Польше нет человека, соединяющего все эти качества. Правительство должно было искать людей незапятнанных, чтобы возвести их в епископское звание. Это оно и сделало, предложив кандидатуры Страшинского и Томашевского (Там же. Л. 198–199).

Конкретно она предназначалась для того, чтобы показать, с одной стороны, что назначение православного епископа в Варшаве вовсе не указывало на проект правительства декатолизировать Польшу. С другой стороны, что невозможность заполнить вакантные епархии латинского исповедания была результатом образа действия католического духовенства во время восстания и отсутствия способных людей на первые звания Церкви. Предлагаемые теперь императором лица являлись единственными, кто обладает качествами, требуемыми для назначения на высокие духовные должности, что даёт в то же самое время правительству достаточные моральные гарантии не опасаться, что они повернут против власти их монарха «возможности влияния и новые блага, которыми они обязаны его доверию». Именно в силу таких соображений выбор Хороманского на варшавскую кафедру был единственным, который мог быть одобрен императором. Другие епископы, несмотря на старшинство, не пользовались таким доверием: Игнатий Павловский, плоцкий епископ, — по причине того, что был «слишком малоспособным для такой важной должности»; Юзеф Дзенцельский, люблинский епископ, из-за подорванного здоровья и подписи под актом об отрешении от власти; Гутковский, подляский епископ, из-за того, что был, «к сожалению, известен систематическим противодействием администрации под видом усердия на благо Церкви».

Внимание Кривцова особо обращалось на то, что принятое императором решение относительно назначений, о которых он был официально оповещён, было окончательным. Уполномочивая же его о них сообщить папе конфиденциально до обнародования указов, император «стремится единственно дать ему свидетельство почтения», ожидая благосклонного принятия римским Двором выбора, уже получившего его одобрение. Одновременно надеялись, что полученные от Кривцова объяснения успокоят опасения папского правительства и оно будет расположено дать, в свою очередь, некоторые доказательства почтительности. Ими было бы стремление папы «способствовать моральному успокоению умов, употребляя в отношении католического духовенства духовную власть, которую глава Церкви умеет всегда заставить ценить, когда имеет к этому твёрдую волю». Из двух средств, которыми папа располагал в этом отношении (поддержать отеческими увещеваниями одних и актами суровой законности осудить вероломное или скрыто враждебное поведение других), считали, что первое средство, влияние которого не отвергалось, по своей природе давало меньший эффект. Второе средство призвано было воздействовать на умы с гораздо большей силой, потому что один пример строгости или критики со стороны главы Церкви легко заставил бы вернуться к исполнению своего долга всех тех, кто имел основание бояться навлечь на себя осуждение духовной власти.

Давая такие разъяснения лицам, пользовавшимся полным доверием Святого Отца, Кривцов должен был постараться их убедить, что, поставленный перед тяжёлой необходимостью побудить римский Двор пойти на суровые меры против какого-либо священника, император движим не чувством мести или преследования.

Он заинтересован единственно в том, чтобы укрепить «примером благотворной суровости» внутреннее спокойствие страны, которую «тайно ещё волнуют полные ненависти страсти и не угасший дух неповиновения». Воспользовавшись такими благоприятными обстоятельствами, Кривцов должен был обратить серьёзное внимание на поведение Гутковского. Следовало призвать проникнуться необходимостью заставить его встать на путь, более соответствующий его положению и его долгу в отношении законной власти. А по возможности подумать и о какой-нибудь комбинации, могущей устранить его из сферы деятельности, которая неизбежно повлечёт за собой для него достойные сожаления последствия, если он продолжит давать основания для недовольства правительству. Признавалось также, что этот частный вопрос был тем более деликатен, что Гутковский придавал своему поведению видимость горячего усердия ради интересов Церкви.

При этом вовсе не строили иллюзий относительно того, что римский Двор разделит точку зрения российской стороны, будет критиковать епископа или отстранит от исполняемых обязанностей. Расчёт строился лишь на том, что Кривцову удастся приступить к рассмотрению этого вопроса и прозондировать настроения римского Двора в момент, когда он «примет с признательностью неожиданные свидетельства благосклонности» императора и когда он, «вероятно, будет склонен к проявлению взаимности». Воспользоваться изложенными в депеше указаниями Кривцову рекомендовалось так, чтобы не подвергать опасности поспешными демаршами и несвоевременными инсинуациями важнейшую цель, которая имела в виду: «снискать доверие Святого Престола и расположить его к тому, чтобы способствовать своим влиянием моральному умиротворению Царства Польского»¹.

К этому же привлекли внимание Кривцова в ещё одной депеше за то же число. Говоря о деле Гутковского, его «призывали проявить крайнюю осторожность и надлежащий такт, чтобы вовсе не компрометировать тягостной дискуссией по второстепенному поводу моральный эффект, который наши главные сообщения призваны произвести на римский Двор». Ему следовало тщательно изучить донесения Гурьева, посвящённые его демаршам по этому вопросу, успеху которых серьёзно помешала озабоченность, в которой тогда пребывал Святой Отец из-за внушённых ему опасений относительно общего положения католического духовенства в Царстве и враждебных намерений, приписываемых правительству в предполагаемой цели декатолизовать Польшу. Именно это опасение, с которым Гурьев тщетно стремился бороться, помешало успеху его демаршей. Считали, что положение Кривцова было иным, потому что сообщение, которое он был призван сделать, давало

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 191–197.

...возможность свидетельством неопровержимых фактов успокоить озабоченность, которую аргументы нашего посланника, лишённые материальных доказательств, как это было тогда, не могли никогда победить. Причины беспокойства и недоверия, которые противостояли демаршам Гурьева, становятся, таким образом, сегодня для Вас средством влияния и успеха. Так как чем больше опасения папы в отношении намерений нашего правительства, тем с большей признательностью он примет примирительные настроения, о которых Вы ему сообщите сегодня, к тому же, он почувствует себя одушевлённым желанием сохранить наше доброе расположение справедливым возвращением уважения и почтительности. Итак, именно на этом принципе взаимности особенно проверяется наша надежда увидеть Святой Престол принимающим с большей лёгкостью Ваши увещевания, чем сделанные графом Гурьевым в своё время¹.

Поскольку было известно, что римский Двор всегда проявлял интерес к вопросу о денежных средствах, предоставляемых правительством архиепископским и епархиальным кафедрам в случае нового назначения, а иногда даже создавал трудности назначению из-за сомнения относительно недостаточности средств для существования и поддержания достоинства их сана, Кривцову были предусмотрительно сообщены сведения на этот счёт. Архиепископу была назначена сумма в 80 000 флоринов, которая была ниже на 20 000, выплачиваемой до восстания из-за мер экономии, предписанных событиями 1830 г. Что касалось епископов, каждому из них будет выплачиваться по 40 000, как и всем епископам.

Этими сведениями Кривцову рекомендовалось воспользоваться лишь в случае запроса по этому поводу папского правительства².

Кривцов успешно справился с поставленными перед ним задачами. По получении депеши Нессельроде от 8 июня / 27 мая он немедленно выполнил содержащиеся в ней указания. 9 июля конфиденциально сообщил Ламбускини о выборе императора: Хороманского в Варшаву, Томашевского и Страшинского в Калиш и Августов. В тот же день кардинал известил его о согласии папы на эти назначения. На следующий день обменялись документами о проведении канонического процесса. Но, поскольку наместник ещё депешей от 3 февраля / 22 января 1836 г. просил не доверять этот процесс Гутковскому, а из секретной депеши Нессельроде следовало, что он не мог быть доверен другим церковным служащим, также недостойным такого доказательства доверия папы, Кривцов добился того, чтобы проведение процесса было доверено им самим. Таким образом, Хороманский был уполномочен провести его в отношении Томашевского и Страшинского, а последний — относительно архиепископа. Кривцов надеялся, что такой способ засвидетельствует доверие папы к выбору императора. Была и ещё одна причина, побудившая пойти на такой шаг. Это уверенность, которую он давал, что процессы

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 200—202.

² Там же. Л. 188—189.

будут сделаны так, чтобы не породить в сознании папы ни малейшего сомнения относительно заслуг новых епископов и защитить от недоброжелателей, которые постарались бы спровоцировать такие сомнения.

Кардинал сожалел, что утверждение кандидатов не могло произойти на ближайшей консистории, которая должна была состояться на следующий день¹. Действительно, это произойдёт позднее.

Депешей от 30 / 18 декабря 1836 г. Нессельроде сообщил Кривцову о получении наместником актов о каноническом назначении намеченных прелатов. Известно стало и содержание бреве от 15 ноября 1836 г., направленного папой Гутковскому. Он ставил его в известность, что узнал из верного источника о неблагоприятном мнении, сложившемся о нём у императора, что касалось не столько исполнения им службы, сколько подстрекательства к восстанию. Затем папа напоминал епископу, что в его энцикликах и бреве в мае 1832 г. особо рекомендовалось епископам Царства хранить мир, повиноваться законным властям страны и внушать это доверенной им пастве. Поскольку полученные сведения обосновывались такими серьёзными фактами, что «невозможно было обойти их молчанием», папа счёл своим долгом сообщить об этом епископу. Он полагал, что, проявив осторожность, епископ смог бы предусмотрительно избежать всего того, что могло бы навлечь естественные подозрения, и «серьёзно заняться тем, чтобы упредить неприятности, которые легко проистекут от плохого мнения о тебе». Это сообщение должно было ещё раз доказать заботу папы о благополучии епископа².

Другой депешей от 30 / 18 декабря Кривцову предписывалось засвидетельствовать Ламбускини и Капаччини, «насколько император оценил благотворные намерения, которые Святой Престол пожелал засвидетельствовать в интересах морального умиротворения Царства Польского», и от имени правительства их благодарить за активную и искреннюю помощь в достижении такого результата. Одновременно ему рекомендовалось сохранить за собой возможность вернуться к вопросу об усилении мер в отношении аббата Гутковского в случае, если направленное ему предупреждение окажется недействительным и возникнет необходимость воспользоваться «благоприятным расположением этих самых влиятельных советников папского Престола»³.

Ответное письмо Гутковского папе датировалось 1 апреля н. ст. Отвергая обвинения его «в неприязненных поступках» против императора, он заявлял, что «покушения этого рода никогда, с моей стороны, не бывало и при помощи Божьей не будет. Я скорее бы согласился претерпеть все несчастия и даже лишиться самой жизни, нежели пристать каким ни есть образом к сынам Белиала

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 494. Л. 261.

² Там же. Д. 521. Л. 40.

³ Там же. Д. 466. Л. 218–219.

(дьявола. — О.С.) или им потворствовать». В доказательство он ссылался на своё поведение в 1830—1831 гг., когда «с большою для себя опасностью воспротивился мятежникам и к совещаниям их принадлежать не захотел», а после подавления восстания не был уличён в участии в нём. Затем он перечислял следующие выдвигаемые в его адрес правительством Царства Польского обвинения.

Оно потребовало отмены его предписания духовенству епархии без предварительного разрешения Рима не совершать браки между католиками и не католиками. Отказ от выполнения приказа правительства всем епархиальным начальникам и администраторам Царства Польского изъять у духовенства и передать для уничтожения изданную в 1830 г. книгу, посвящённую вопросу «о соединении схизматиков, то есть россиян, с церковью католической». Отказ исполнить постановление правительства об отстранении от прихода одного священника подляской епархии «за некоторые произошедшие между ним и духовным схизматическим несогласия — объясняя, что таковой приговор есть противозаконный и несправедливый». При этом вина его была признана по каноническим правилам, и епископ подверг его покаянию на месяц. Несмотря на распоряжение правительства о запрете католическому духовенству «преподавать требы лицам исповедания греко-русского (так у нас называются российские схизматики)», он приказал им «крестить детей, жизнь которых была в опасности, без всякого различия и совершать установленные таинства над обращающимися к католической религии». Его упрекали, что в Царстве Польском только он «восставал на счёт охранения прав религии католической». На эти упреки он ответил

...с должным уважением. Но, когда они были повторяемы с угрозою и когда потребовали от меня раскаяния в действиях по этому предмету, как бы в некоем тяжком согрешении, тогда я со спокойным духом присовокупил: что если эти токмо преступления мои, то я охотно в них сознаюсь, но отречься от них не могу и готов подвергнуться за них всем опасностям, ибо я не лучше святых: Афанасия, Гилария и других, обвинённых в подобных преступлениях.

Раздражение у правительства вызвал «запрет католикам вступать в брак со схизматиками, ибо российским законом предписывается рождённых в таком браке детей воспитывать в схизме».

По поводу обвинений его перед папой «в неприязненных поступках противу Всепресветлейшего императора и царя народа нашего, то, — он уверял, — ничего уже несноснейшего, ничего горестнейшего для меня воспоследовать не могло», и просил понтифика подобным обвинениям не верить.

Наконец, он упоминал ещё два обстоятельства, по которым его обвиняют «временные власти». Во-первых, за то, что он не приезжает «в воеводский город, находящийся в 8 немецких милях от места его пребывания, для отправления богослужения в торжественные дни императорской семьи, не принимая во внимание, что слабость моя исполнять сего не дозволяет». Во-вторых, что свои

ответы правительству он «якобы опубликовал в заграничных газетах, о чём ему было ничего не известно»¹.

За эти поступки он уже 27 месяцев не получает жалования и живёт только подавниями верующих, которые делают это тайком².

В опровержение сказанного в этом письме в специальной записке приводились следующие соображения.

Уверения его в приверженности будто бы императору не оправдываются, ибо, «если бы покорность его была искренна, то он уважал бы и другие начальства, проистекающие из верховной власти». Он же стремился отличиться духом сопротивления, «прикрывая ненависть свою к правительству благовидным предлогом ревности к религии». Хвастаясь верностью Престолу во время восстания, он не доказывает это непреложными доводами, а судя по его образу действия после восстания, она вообще подлежит сомнению. Пункт его пребывания находился далеко от центра мятежа в приграничном с Империей городе, с самого начала восстания бывшего под защитой российского войска, посему он и не посмел «явить себя прямым поборником бунта». К тому же, по мнению автора записки, тогдашнее его приобщение к замыслам революции «не было бы столь вредно для правительства, как нынешние его поступки, коими он нарушает едва водворившееся спокойствие края». В опровержение утверждения Гутковского, что все, хотя бы и мало участвовавшие в восстании лица находились в тюрьмах или были сосланы в Сибирь, следовала ссылка на многие тысячи чиновников и лиц светского и духовного звания, проживавших в этом крае, часть из которых занимала даже почётные места в правительстве. Причём некоторые священнослужители оставались на своих местах, несмотря на подписание акта о свержении императора.

Предъявленное же ему требование об отмене его предписания относительно смешанных браков основывалось на прежних узаконениях и обычаях этого края, утверждённых трактатами и Римом, никогда против этой статьи не протестовавшим. Особо обращалось внимание на то, что Гутковский воспользовался этим случаем, чтобы воспротивиться распоряжению правительства, подвергнув ксёндза, с точностью исполнившего его пасторское распоряжение, «только для вида мнимому наказанию».

Ксёндзам латинской Церкви разрешалось крестить детей, рождённых в греко-латинском исповедании, и совершать требы в таких случаях крайней необходимости, как опасность смерти при отсутствии священника своего исповедания. Но Гутковский при извещении об этом духовенства своей епархии сослался на такие места древних

¹ Для большей убедительности он приложил к донесению в правительственную Комиссию вместе с письмом к Григорию XVI свою частную переписку (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 286).

² Там же. Л. 279–287.

писаний отцов Церкви, «кои в насильственном приложении своём противны праву гражданскому и с учением христианским не согласны». Правительство потребовало объяснений по поводу намерения, с которым он хотел возбудить в своей пастве дух несогласия и религиозной вражды. Последовал дерзкий ответ, опубликованный в иностранных журналах.

В заключение записки подчёркивалось, что гражданские власти упрекали и продолжают упрекать Гутковского «в лицемерной ревности к правам своей Церкви, в высокомерии и строптивости, в стремлении к притязаниям, с духом христианским несовместимым, в желании прослыть страдальцем за веру и, наконец, в намерении приобрести уважение и любовь людей, питающих ненависть к России».

Особо в записке пояснялось, что у правительства не было причин раздражаться из-за запрета членам латинской Церкви вступать в брачные союзы с членами православной Церкви по причине существования гражданского закона, согласно которому для признания такого брака в гражданском отношении достаточно было обряда бракосочетания по вероисповеданию другой стороны¹.

Русский перевод письма епископа посылался посланнику лишь для собственного сведения, ибо, как уже говорилось, не было больше основания делать из этого предмет специального обсуждения с римским Двором. Если же советники папы стали бы ссылаться на приведённые Гутковским аргументы и его уверения в лояльности и преданности, в качестве оправдания нежелания папы удалить его из епархии, он должен был ограничиться замечанием, что последнее письмо его наместнику Польши опровергает эти уверения. А затем разъяснить, что именно этим неопровержимым фактом правительство обосновывает необходимость усиления мер в отношении Гутковского, с просьбой о котором посланник был уполномочен обратиться к римскому Двору².

В С.-Петербурге не ошиблись в своих предвидениях, что критика, которой Святой Отец подверг подлясского епископа, могла не произвести на прелата благотворного действия, которого были вправе ожидать папа и император, и что придётся вновь прибегнуть к помощи Ламбускини и Капаччини. В направленной Кривцову депеше от 3 июня / 22 мая 1837 г. говорилось, что поведение аббата Гутковского «не только совсем не улучшилось, но оно становится день ото дня более предосудительным». К прежним претензиям, предъявляемым к нему правительством и изложенным в депеше Гурьеву от 22 / 10 августа 1834 г., он

...не перестаёт добавлять новые своим систематическим сопротивлением всем актам администрации относительно интересов Церкви, своим стремлением оспорить у светской власти всякий контроль над церковными делами; дерзостью, с которой он не только отказывается выполнять решения правительственной Комиссии

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 279–288.

² Там же. Л. 277–278.

внутренних и духовных дел, но даже запрещает духовенству своей епархии придерживаться решений, опубликованных названной Комиссией.

Более того, продолжая злоупотреблять влиянием, которое ему давала его высокая духовная должность, и прикрываясь горячим усердием ради блага религии, он стремился в своих писаниях и речах возбуждать ненависть к господствующему в России исповеданию, объявляя его «ересь и раскол». Не считаясь с данным папой епископам наставлением о повиновении, он неоднократно позволял себе применять к королевским постановлениям оскорбительный эпитет — «акт тиранического правительства» — и даже дошёл до намёка, что монархи России были подвергнуты суровому порицанию Неба.

Одним словом, — говорилось в депеше, — положение вещей, к которому привели происки и враждебный образ действия Гутковского в отношении правительства, становится всё более и более нетерпимыми. И поскольку отеческое увещевание Его Святейшества не оказало до настоящего времени никакой помощи, император оказался, в конце концов, перед тягостной необходимостью проявить надлежащую суровость в отношении епископа, удалив его из его епархии, чтобы прекратить скандал, создаваемый его поведением, и отвратить от католической Церкви неприятности, которые он ей готовит.

Но, прежде чем прибегнуть к этой крайней мере, император решил вновь обратиться к папе, чтобы дать Святому Престолу новое свидетельство уважения и почтения.

Кривцов был уполномочен вернуться вновь в беседы с советниками папы к обвинениям, которые навлёк на себя столь бессмысленно епископ, и к убедительным причинам, которые должны бы обязать римский Двор вмешаться более действенным способом, чтобы призвать его к исполнению своего долга. Особенно следовало делать упор на то, что именно в интересах самой католической Церкви было важно строго наказать Гутковского. И объяснить это тем, что его образ действия ведёт лишь к тому, чтобы подорвать внутренний мир этой Церкви, встревожить совесть, внушая ошибочные идеи о компетенции светской власти, наконец, изменить порядок вещей, до настоящего времени служивший защитой католической Церкви и её служителей. Надлежало также сослаться на то, что этой же самой причиной диктовалась настойчивость императора, полагавшегося на помощь папы в выполнении этой задачи. По поводу того, на чём основывалась надежда на неё, в депеше говорилось следующее:

Если император ещё недавно принял меры, которыми, как засвидетельствовал римский Двор, он был удовлетворён, если император пошёл навстречу пожеланиям Святого Отца, решившись окончательно заполнить вакантные епархиальные кафедры Царства, то он сделал это в обоснованной надежде, что, отдавая справедливость намерениям Нашего Августейшего монарха, Его Святейшество, со своей

стороны, Ему предложит поддержку своей духовной власти, чтобы держать духовенство в границах повиновения и верности, которые оно обязано проявлять к власти, ему покровительствующей.

Хотя рассчитывали на поддержку папы, но вовсе не исключали, что римский Двор не признает возможным призвать Гутковского к порядку, и в таком случае оказались бы перед тяжёлой необходимостью привести в исполнение меры, эвентуально уже решённые, но которые новые демарши, предписанные Кривцову, имели целью по возможности упредить¹.

За то же число, 3 июня / 22 мая 1837 г., Кривцову была направлена ещё одна депеша. Ею предписывалось, полностью или частично — в зависимости от того, что он сочтёт более полезным, — ознакомить наиболее близких советников папы с предыдущей депешей. Особо рекомендовалось дать им понять, что только из почтительности к римскому Двору император повторно к нему обращается по делу, для решения которого правительство имеет достаточно средств. Одновременно следовало пояснить, что император больше не потерпит пагубный пример, который поведение подлясского епископа подаёт католическому духовенству Царства, и вредное влияние, которое он должен неизбежно оказывать на всех католических подданных. Наконец, что зависит от Святого Отца упредить посредством своего вмешательства крайние меры, к которым император будет вынужден прибегнуть, в конечном счёте.

В приложенной к депеше справке излагались конкретные обвинения в адрес епископа, а в депеше они суммировались следующим образом:

В своих письменных текстах, как и речах, которые, как ему было известно, он должен был сообщать правительству, он стремился уверить в своём подчинении лично своему законному монарху, и хвастался тем, что оставался верным в течение польского восстания. Но его неизменно враждебное правительству поведение, его происки и акты открытого неповиновения непрестанно дают самые очевидные опровержения его уверений и доказывают, сколь неискренним является его подчинение. Нам, впрочем, известно, что он не забывает сам его характеризовать, потому что утверждает, что ведёт себя в этом по примеру первых христиан, которые подчинялись безбожной власти. Что касается его поведения во время восстания, нужно заметить, что если он в нём не принял прямого участия, то, возможно, не из-за добрых намерений. По крайней мере, образ действия, которого он придерживается сегодня, позволяет судить о настроениях, которые его тогда одушевляли. Высказаться открыто в пользу повстанцев могло помешать ему то, что он оказался в очень отдалённом от центра восстания пункте, в небольшом городе недалеко от границы Империи, который, следовательно, всегда охранялся императорскими войсками и находился под внимательным присмотром законных властей. Как бы там ни было, впрочем, его участие в революционном движении того времени было

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 235—238.

бы намного менее опасным, чем его нынешний образ действия и, особенно, его единомыслие с врагами законной власти.

Упоминалось несколько конкретных прегрешений епископа, о которых дипломат уже был подробно информирован.

Особо внимание Кривцова привлекалось к новому факту. Гутковский предписал духовенству своей епархии не считаться с положением, изданным Комиссией внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского, которым запрещалось католическим священникам совершать причастие лиц греческого исповедания, за исключением крайних случаев. Причём его «более чем непристойный» ответ на запрос правительства по этому поводу¹ позднее появился в газетах, публикуемых польской эмиграцией в Париже. А поскольку переписка епископа с главой Комиссии внутренних и духовных дел носила конфиденциальный характер,

¹ В опубликованном им в этой связи пасторском послании, излагая постановление в отношении повиновения светской власти, он употребил оскорбительные выражения как в адрес Комиссии, так и господствующего в Империи исповедания. Он воспользовался этим случаем, чтобы возобновить запрещение сочетать браком католиков с лицами других христианских исповеданий. Возглавлявший эту Комиссию генерал-лейтенант Е.А. Головин просил Гутковского уведомить его, действительно ли им было опубликовано это послание, а также объяснить, в каком смысле приведены были им следующие слова из книги Иоанна Златоуста: «Если слышишь, дабы воздавать Кесарю кесарево, то под сим разумей то только, что отнюдь не вредит благочестию и вере: ибо, что противно вере и добродетели, то не есть дань и приношение Кесарю, но дьяволу». Епископ ответил, «что ему не остаётся ничего более, как торжественно объявить правительству, что предметы духовные не подлежат светской власти и что распоряжения римско-католических епископов не зависят от оной, — а посему не епископ сопротивляется воле правительства, но сие последнее явно действует в противность постановлений, свободы и независимости католической Церкви». Что в пасторском письме его нет ничего противного ни светской власти, ни греко-российскому исповеданию; в оном определены токмо назначенные церковным правом границы власти светской, за которые ей преступать не следует: «Не мешайся, — говорили епископы императору Константину, как свидетельствует Св. Афанасий, — в дела Церкви, и не давай нам в сём отношении приказаний, а скорее учись от нас. Тебе Бог вверил Царство, а нам поручил дела Церковные. Как тот, кто злым оком оуждает (порочит, порицает. — О.С.) твоё царствование, сопротивляется установлению Божию — так и ты, желая присвоить себе дела церковные, можешь совершить тяжкий грех». Что текст Св. Иоанна Златоуста приведён им с тою же целью, с какою употреблён оный папою Григорием XVI в циркулярном письме к польским епископам от 9 июня 1832 г., «что тогда только не следовало бы слушаться правительства, когда бы оно приказывало что-либо противное правам Божиим и Церковным, — следовательно, присовокупляет Гутковский, — послушание правительству в таком случае было бы данью не оному, но дьяволу». Этот ответ и запрос Головина Гутковский сообщил бывшему епископу краковской епархии аббату Скорковскому, который представил их папе (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 509. Л. 4–5).

было очевидно, что только сам Гутковский мог предать её гласности. В этом факте усматривалось доказательство как «его преступного единомыслия с эмигрантами, готовившими заговор в других странах, так и отсутствие щепетильности в использовании любых средств, имевшихся в его распоряжении, чтобы поддерживать возбуждение в умах и самому сделаться поборником дела, которое в своём ослеплении он смешивает с делом революционеров»¹.

В соответствии с указаниями, содержащимися в депеше от 3 июня / 22 мая, Кривцов поставил папское правительство в известность о претензиях российского правительства к подлясскому епископу. В ответ Ламбрускини выразил сожаление, что вновь поднимался этот вопрос, тем более что полученные римским Двором сведения относительно епископа со времени посылки ему папой последнего бреве были благоприятными. Тем не менее кардинал просил их изложить в записке, чтобы показать её папе².

Кривцов такую записку составил и в июле передал Ламбрускини. Опираясь на материал полученных депеш, он доказывал в ней, что епископ не откликнулся на отеческие призывы папы, содержащиеся в его бреве (ноябрь 1836 г.), не отказался от своих преступных заблуждений и, казалось, в безнаказанности нашёл новые основания в них упорствовать и ещё усугубил свою вину, совершая всё новые плохие поступки. Не повторяя прошлых обвинений в его адрес, поскольку они были хорошо известны, Кривцов приводил лишь несколько недавно полученных, представлявших в её подлинном свете позицию епископа в отношении его законного правительства. Он полагал, что они помогут разбить последние сомнения тех, кто не мог понять, чтобы столь высокопоставленный священнослужитель мог бы забыть сам и забыть до такой степени свой долг и обязанности.

Речь шла об отказе подчиниться приказу правительственной Комиссии духовных дел и народного просвещения Царства Польского о сдаче властям оставшихся у духовенства экземпляров опубликованной во время восстания книги, которая включала, в частности, пассажи, направленные на то, «чтобы расшатать доверие и уважение жителей Царства к их законному монарху». Когда позднее эта же Комиссия обязала католическое духовенство не причащать святым таинствам, за исключением крайних случаев, лиц греческого исповедания, он не только не сообразовался с этим распоряжением, но направил священникам своей епархии пасторское послание, в котором рекомендовал никоим образом не принимать во внимание указание Комиссии. На запрос по этому поводу генерал-губернатора он дал ответ, более чем неуместный. В своих речах он стремился возбуждать ненависть к господствующему в России исповеданию, называя его еретическим и раскольническим. Не принимая во внимание мудрые предписания о повиновении, рекомендованные

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1837. Оп. 469. Д. 190. Л. 164–170; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 239–245.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 521. Л. 51.

Святым Отцом епископам Царства, он позволял себе применять к законным указам оскорбительный эпитет «акты тиранического правительства» и дошёл до утверждений, что российские монархи были подвергнуты осуждению Неба. Правительство располагало данными о его преступных связях с эмигрантами, которые ведут происки в других странах для ниспровержения существующего порядка. Несмотря на внешние проявления горячего усердия на благо религии, которыми он прикрывает свои козни, епископ не выполнял даже свои обязанности и до настоящего времени ни разу не совершил инспекцию своей епархии. Афишируя бедность и прикрываясь покровом христианской покорности, он не побоялся присвоить себе принадлежавшие капитулу средства и растратить церковные пожертвования. Он распространял, внутри страны и вовне, ложные утверждения о намерениях императора относительно судьбы католической Церкви, забывая, что миллионы католиков наравне с жителями господствующего исповедания пользуются полнотою прав, предоставляемых всем подданным Империи без различия религии. Не вспомнил он об уважении и почёте, окружающих латинское духовенство, пока оно не переходит грани, вменяемые ему в обязанность его долгом святого призвания, так же как обо всём, сделанном для процветания латинской Церкви: заполнении вакантных епископских кафедр, создании духовной академии, реставрации храмов и т. п.

Обвинения в адрес епископа Кривцов суммировал в пяти следующих пунктах. Неповиновение указаниям папы и презрение к его отеческим призывам; возбуждение ненависти к его законному монарху и императорскому правительству; подстрекательство к мятежу против законной власти, злоупотребляя полномочиями, имевшимися в его руках; преступные сношения с врагами законного правительства, которых искал за границей; растрата средств церкви.

Вывод дипломата сводился к тому, что при таком положении дел епископ не мог оставаться на прежнем месте без самых серьёзных неудобств для самой Церкви и гражданского управления страны. Ибо его образ действия был направлен на то, чтобы подвергнуть опасности внутренний мир этой Церкви, смутить совесть и сменить до настоящего времени служивший защитой католической Церкви и её викариев порядок, который, по этой же самой причине, император стремился сохранить. В решении этого вопроса император рассчитывал на помощь папы, потому что в последнее время он принял меры, удовлетворение которыми засвидетельствовал Святой Престол. Он пошёл навстречу пожеланиям папы, решившись полностью заполнить вакантные епископские кафедры, в обоснованной надежде, что Его Святейшество ему предоставит со своей стороны поддержку духовной власти для удержания католического духовенства в границах подчинения и верности, покровительствующей ему власти. И если он оказался перед тягостной необходимостью побуждать Святой Престол пойти на суровые меры в отношении священнослужителя, после того как исчерпал все возможности убеждения, он это делал с единственной целью укрепить, примером спасительной суровости, спокойствие внутри страны, поставленной Провидением под его скипетр. Теперь речь

не могла идти об умеренности, терпении, бережном обращении, применение которых императорским правительством в отношении епископа не дало иного результата, как удвоение его враждебности. Император надеялся, что папа оценит эти соображения и что меры, на которые он решится теперь с полным знанием дела, будут сообразовываться с теми, которые были столь счастливо приняты в деле краковского епископа, т. е. Скорковского.

Решительный настрой российской стороны в записке был выражен следующим образом. «Впрочем, лишь с самым глубоким сожалением» император мог бы предположить, чтобы Святой Престол не признал бы для себя возможным удалить епископа Гутковского из его епархии. Ибо в таком случае императорское правительство «оказалось бы перед суровой необходимостью привести в исполнение намеченные на крайний случай меры, которые настоящие демарши должны предотвратить, если возможно»¹.

Когда Ламбускини вручил эту записку папе, он заявил, что лично займётся этим делом, и поручил собрать справки по нему. Ламбускини просил нунция в Вене Лодовико Альтьери (письмо от 22 июля 1837 г.) представить досье по делу Гутковского Меттерниху в надежде, что канцлер попытается воздействовать на российского посла и добьётся того, чего Кривцов в Риме упорно не слышит: изменить позицию в отношении Гутковского.

Альтьери сделал всё возможное. Но и сам не рассчитывал на успех своей миссии у Татищева, поскольку он не имел инструкций, а к тому же не приходилось полагаться на его добрую волю. Да и его окружение явно не испытывало расположения к Гутковскому, в подтверждение чего он ссылался на советника посольства Горчакова, который уверенно повторял: «Скоро сумеют его образумить».

Меттерних обещал, но, по привычке, не дал советов.

Альтьери собрал о Гутковском сведения с помощью леопольского архиепископа. Последний посчитал ошибкой публикацию им за границей его переписки с правительством. Тем не менее из полученных от него сведений следовало, что он пользовался общим уважением. К этим хвалебным отзывам архиепископ смог добавить и свои личные свидетельства о епископе, с которым провёл три недели в Карлсбаде. Кроме того, нунций смог переслать в Рим направленный Гутковским духовенству циркуляр от 15 марта 1825 г. о проведении причастия православных и о смешанных браках, прямо расходившийся с видами и указаниями правительства².

Получив эти сведения, понтифик просил передать Кривцову собранную информацию, чтобы он мог убедиться в невозможности для него осудить епископа.

Следует опасаться, — велел мне сказать папа, — как бы враги монсеньора Гутковского, желая ему навредить, не оклеветали его. И не удалось ли бы им, таким

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 521. Л. 35—39.

² Boudou A. Op. cit. T. I. P. 259—260.

образом, поразить религиозность и чистосердечие императорского правительства ложными изобличениями или неточными и недоброжелательными интерпретациями слов этого духовного лица. Потому что все полученные сведения и неоднократные заверения епископа сходятся в том, чтобы его представить преданным его законному монарху и во всех отношениях достойным высоких функций, коими он облечён. Могло бы стать даже, что вследствие козней, устроенных против подляского епископа его врагами, эти последние толкнули бы его на какой-то неосторожный шаг с целью всё больше и больше компрометировать в глазах правительства. Между тем как он, под влиянием ощущения, что боролся с преследованием, полагал, что действовал лишь в круге своих полномочий, строго сообразуясь с предписаниями своей Церкви и доктринами, которые она исповедует¹.

Так воспроизводит Кривцов в донесении от 29 / 17 октября 1837 г. сказанное Ламбрускини по указанию папы.

В другом донесении за то же число Кривцов, подводя итог почти четырёх месяцев своих попыток разрешить этот вопрос, выражал уверенность в близости их успеха, несмотря на колебания папы и его желание избежать необходимости высказаться против принадлежавшего к его Церкви епископа. Он предвидел случай,

...когда, не имея больше возможности представить нам положительные соображения, чтобы приукрасить свой отказ, он (папа. — О.С.) постарался бы сослаться на свои угрызения совести, и тогда я ему предложил бы призвать в Рим монсеньора Гутковского, чтобы его выслушать, и, раз уж он окажется здесь, было бы легче добиться его отставки, если предполагать, что обвинения были бы найдены обоснованными, а, тем временем, он был бы отстранён от круга своей деятельности, и цель переговоров оказалась бы, таким образом, достигнута.

Дипломат находил, что такое предложение «не могло не быть принято Святым Отцом без того, чтобы поставить его в затруднительное положение». Вместе с тем оно, «с одной стороны, льстило бы его самолюбию, с другой — оно было совершенно законным и соответствующим исповедуемым римским Двором принципам, в то же время нас оно ставило в очень выгодное положение».

Переданные же Святому Престолу сведения, достоверность которых было трудно не признать, полагал Кривцов, «неизбежно должны были изменить наше положение», поскольку они произвели очень плохое впечатление на папу, напомнив ему о проекте в отношении католической Церкви в Польше, приписываемом императорскому правительству его врагами. Тогда это впечатление, благодаря «неопровержимым свидетельствам императорской благожелательности, удалось по большей части сгладить». Но теперь, заключил Кривцов, «эту озабоченность в настроении папы придётся встречать во всех его отношениях с нашим правительством и нам потребуется время, чтобы Его вернуть к прежнему настрою».

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1837. Оп. 469. Д. 190. Л. 136—138.

По мнению Кривцова, из Рима это дело представлялось таким образом. Там считали, что первопричиной нападков на подьяцкого епископа послужили «порождённые чувствительностью разногласия, сохранявшиеся из-за недоброжелательства, которое этот последний косвенно навлёк бы каким-то неосторожным актом и сопротивлением из-за того, что считал себя преследуемым, так как, впрочем, все полученные здесь сведения представляют его епископом, во всех отношениях достойным его поста». Заверения, которые он даёт и подкрепляет своим положением епископа, который не имел никогда отношений с эмигрантами и врагами правительства, и тем, что совершенно не виновен в публикации в газетах его конфиденциальной переписки с Комиссией вероисповеданий, дипломат считал трудным поставить под сомнение, столь они были формально точны. Причём до такой степени, что нельзя было бы исключить, что, возможно, какой-то подчинённый оказался бы виновен в подобном вероломстве. Последнее соображение Кривцова было вызвано следующим обстоятельством. В памятную записку, переданную им государственному секретарю, он не включил несколько выдвинутых против епископа обвинений, перечисленных в приложенной к депеше от 3 июня / 22 мая 1837 г. справке, чтобы ими воспользоваться в случае необходимости. Как могло случиться, недоумевал он, что в полученных им от Капаччини материалах содержались ответы на все обвинения и, в частности, на дело аббата Навроцкого, не упоминавшееся в его записке папскому правительству?

На данное время, полагал он, было бы осмотрительнее отложить этот вопрос и даже вернуть епископу его жалованье. Это произвело бы хорошее впечатление на папу и больше расположило бы к удовлетворению просьб, с которыми был уполномочен обратиться к нему И.А. Потёмкин, сменявший Гурьева на посту посланника¹.

Об этой предстоявшей замене посланника Кривцову было сообщено ещё 7 апреля / 26 марта 1837 г.²

Судя по тому, что писал Буду, идея о вызове Гутковского в Рим, о которой писал Кривцов в своём донесении, была хорошо уловлена Ламбускини. Во время беседы дипломат потребовал окончательного ответа, а сказанным о том, как всё уладить, «навёл на мысль вызвать обвиняемого в Рим, чтобы папа высказал своё мнение с большей уверенностью». После того как Гутковский окажется в Риме, комментировал Буду этот демарш,

...достаточно было бы ему отказать в паспорте, чтобы помешать вернуться в его епархию, и от него смогли бы освободиться навсегда. Это было бы насилием, несомненно, но оно осталось бы скрытым; один Рим понимал бы его отвратительность и почувствовал бы оскорбление. Этим, возможно, хитроумным, но явно коварным выходом Григорий XVI пренебрёг и велел в качестве окончательного

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1837. Оп. 469. Д. 190. Л. 134–135.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 233.

ответа заявить, что самые доверительные сведения не позволяли признать епископа виновным за проступки, которые правительство ему вменяет в вину; удаление его из его епархии — это была мера, неодолимое препятствие которой папа встречает в своей совести.

А несколько дней спустя, продолжал Буду, в отсутствие Ламбрускини, Капаччини с документами в руках попытался разъяснить Кривцову поведение Гутковского в деле о смешанных браках и о таинстве причастия и показать, насколько правительство было неправо, видя в этом преступление. Отведя и другие обвинения, он заявил: «Святой Отец получил такие сведения, что сам император, если бы был на его месте, не мог бы осудить подляского епископа». Кривцов удалился, унося памятную записку, в которой излагалось всё сказанное ему¹.

Поскольку очевидно, что именно об этой беседе с Ламбрускини шла речь в приведённом донесении Кривцова, невозможно предположить, чтобы российский дипломат мог в столь искажённом виде представить сказанное им кардиналу и сделать подобное предложение, не согласовав с министерством. Остаётся только предположить, что кардинал сам мог логически прийти к возможности подобного предложения с российской стороны в сложившейся ситуации. К сожалению, Буду не привёл точно сказанное в документе, из которого он почерпнул свои сведения.

Под упомянутыми в донесении Кривцова просьбами, с которыми должен был обратиться Потёмкин, имелось в виду возобновление переговоров с римским Двором о назначении митрополита латинского исповедания в России и переводе архиепископской кафедры из Могилёва в Вильно. На начальном их этапе Потёмкину должен был помочь Гурьев. Дело в том, что он участвовал в обсуждении этого плана по приглашению министра внутренних дел Блудова во время своего пребывания в С.-Петербурге. Поэтому, несмотря на новое назначение, его уполномочивали, когда он будет проезжать через Рим, направляясь на новый пост (чрезвычайного и полномочного министра при неаполитанском Дворе), доставить предназначенные Потёмкину (до этого бывшему посланником в Гааге) инструкции и оказать активную помощь своему преемнику, поделившись опытом, полученным в доверительных отношениях с влиятельными лицами Ватикана².

Чтобы осведомить Потёмкина о позиции России в вопросе, который неизбежно должен быть поднят Римом, к данной ему инструкции прилагалась депеша, представлявшая ответ на запрос берлинского Двора по поводу пожелания Святого Престола, выраженного в марте 1836 г. об учреждении в Берлине нунциатуры. Прусский король ответил отказом и хотел быть уверенным, что принятое им решение полностью согласовывалось с принципами и намерениями императорского правительства. Такие заверения он получил.

¹ Boudou A. Op. cit. T. I. P. 260—261.

² АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 246—247.

Ответ гласил: «Руководствуясь принципами, которые служили правилом политики своего предшественника, император бесповоротно решил никогда не соглашаться на резиденцию в России папского нунция». Подтверждалось это отклонением всех демаршей, предпринятых с этой целью кардиналом Бернетти со времени его временной миссии в России, а также тем, что в направляемых с тех пор представителям в Риме инструкциях неизменно присутствовало указание отклонять любые инсинуации на этот счёт¹. Такое же предписание давалось специально и Потёмкину.

Как следует из донесения Гурьева от 14 / 2 августа 1837 г., «непредвиденное обстоятельство» предоставило ему случай предварить переговоры с римским Двором, доверенные Потёмкину, на которых он был уполномочен присутствовать. Дело в том, что Капаччини, направляясь из Дрездена на встречу с Меттернихом, остановился в Карлсбаде, чтобы увидеться с Гурьевым, отдыхавшим там. В ходе «совершенно дружеской и конфиденциальной» беседы были затронуты все пункты, касавшиеся положения католиков в Империи и отношений российского и римского правительств. Капаччини говорил об обеспокоенности папы судьбой католиков Империи, ссылаясь на слухи о враждебном настрое администрации в отношении них, для исправления тяжёлого впечатления от которых следовало бы допустить в С.-Петербург временно нунция. Тем более что его «присутствие на месте, осведомляя папское правительство, имело бы в его глазах ценность ещё и как свидетельство уважения и почтения». Он старался также убедить в выгодах, вытекавших от полученной епископами возможности непосредственно сноситься с римским Двором. Наконец, он спросил, не мог ли его собеседник сообщить ему что-нибудь новое и благоприятное по поводу решений императора в отношении его подданных католического исповедания.

На это Гурьев в точности повторил слова, сказанные ему лично императором, относительно одушевлявшего его чувства терпимости и озабоченности тем, чтобы удовлетворить религиозные потребности католического населения, подчинённого ему. Эти заверения дипломат подкрепил данными и фактами. Инсинуации о временной посылке нунция и прямого сообщения епископов отклонить было ему тем проще, что этот предмет уже неоднократно обсуждался.

В качестве доказательства ложности обвинений в адрес правительства Гурьев напомнил о его бесплодных попытках дать латинской Церкви в Западных областях Империи окончательную организацию, которая отстаивала бы её самые настоятельные интересы. На это Капаччини возразил, «что всё сказанное о благожелательном настрое императора не могло служить аргументом в пользу того, что пять епархий, пять епископов были бы способнее, чем шесть, выполнить многочисленные возложенные на них обязанности, а посему, не идёт ли речь о простом желании упразднить шестого епископа». Он просил сообщить сведения о проектируемом

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 253—256.

разграничении епархий и заверил, что дело будет завершено без дальнейшей задержки. При этом он признался, что в Риме были так обеспокоены положением католиков в России, что проявят готовность содействовать мере, которая их выведет из переходного состояния, подтверждая их права на защиту правительства.

Ободрённый откровенностью этих высказываний, Гурьев заверил Капаччини в готовности правительства принять во внимание главные возражения римского Двора в отношении последнего проекта о разграничении. Но предварительно оно хотело быть полностью уверенным в искренности намерений папского правительства, в его желании прямо приступить к вопросу, не связывая его ни с какой задней мыслью, ни чуждой ему дискуссией. Капаччини твёрдо заявил, что именно такими были намерения его Двора. Соответственно, Гурьев просил его употребить всё своё влияние, чтобы подготовить пути переговорам, которые они с Потёмкиным начнут по прибытии в Рим.

В своём донесении Гурьев отметил, что Капаччини не скрыл своей осведомлённости о мерах правительства в отношении греко-униатов и о стремлении отделить их от римской власти, по поводу чего выразил горькие жалобы, имея в виду, очевидно, указ от 1 января 1837 г. о руководстве всеми делами греко-униатской Церкви генерал-прокурором Святейшего Синода. Но по этому вопросу, как и по всем другим, столь же деликатного свойства, российский дипломат соблюдал «самую большую осторожность».

В сказанном Капаччини и данных им заверениях Гурьев увидел некоторые предзнаменования, благоприятные для исхода предстоявших переговоров, и пришёл к выводу, что озабоченность римского Двора настроением правительства в отношении католиков Империи его побудит ускорить заключение соглашения. «Тем не менее, — полагал он, — невозможно предвидеть все трудности, могущие ещё возникнуть из-за предубеждений и угрызений совести, медлительности и чувствительности, которые тормозят обычно ход дел в Риме»¹. Он не ошибся, как это видно из его донесения от 22 / 10 ноября 1837 г.

По прибытии в Рим Гурьев вручил папе свою отзывную грамоту и вместе с Потёмкиным немедленно приступил к переговорам с Капаччини, представив их как бы продолжением беседы в Карлсбаде и сохранив за ними прежний дружеский и конфиденциальный характер. Он постарался разъяснить прелату суть изменений первоначального плана разграничения епархий, предложенного в 1830 г., которые намеревалось внести императорское правительство и которые, как казалось, отвечали требованиям, выдвинутому римским Двором в качестве условия его одобрения. Если бы речь шла о переводе моголиевской епархии в соседний населённый пункт и предоставили бы запрошенные статистические сведения, весь вопрос свёлся бы к уничтожению трёх суффраганий, находившихся в местности, где их существование

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 260—264.

становится бесполезным из-за отдалённости или отсутствия католического населения, пояснил Гурьев.

Прелат полагал, что выполнение первых двух условий стало бы этапом в устранении затруднений, мешавших до этого времени санкционированию папой, запрошенных изменений. Но, по его мнению, ни конгрегация кардиналов, ни папа не смогли бы согласиться на уничтожение суффраганий до тех пор, пока об этом настойчиво просили бы, не предлагая в обмен хотя бы какой-то эквивалент. При этом последнем предположении было ещё сомнительно, что папа согласится отступить от принципа и уступить обрётённую позицию. Ибо в Риме преобладало убеждение,

...что задняя мысль, враждебная католикам, направляет все меры, которые их касаются в России, и это убеждение должно неизбежно вызывать недоверие ко всему, что может вести к лишению их преимуществ, которыми они пользуются. Ваши замечания относительно бесполезности суффраганий, поскольку вокруг них католическое население немногочисленно или разбросано, обернулись бы возражением против Вас самого, так как там, где религия слаба и находится под угрозой, она нуждается больше в присмотре и помощи. Обратите внимание, я Вас прошу, на то, что, в конечном счёте, все уступки и все жертвы ложатся на нас, без предоставления каких-то доказательств почтения и уважения, которым мы придаём такое значение. Без колебания я скажу Вам, что одно слово уничтожение, содержащееся в вашем проекте, станет неодолимым препятствием для его принятия. Я Вам здесь излагаю мнение нашего кабинета, абстрагируясь от моего личного мнения, которое не может, впрочем, каким бы оно ни было, взять верх над непреклонными чувствами и решениями папы, почерпнутыми в его совести.

Такую неблагоприятную разницу в сказанном Капаччини в Германии и в Риме Гурьев относил на счёт влияния настроений римского Двора и полученных им по возвращении новых впечатлений. Дипломат явно не был обескуражен и не сожалел о том, что во время первой беседы позволил себе выйти за границы строгой сдержанности, на что характер беседы и предыдущие отношения с Капаччини его побудили. Было очевидно, что, если бы он тогда проявил чрезмерную осторожность и ограничился общими соображениями, он не смог бы получить никакого указания, способного просветить императорское министерство и направлять его шаги в будущем.

Из совокупности сделанных в Риме наблюдений и сказанного Капаччини Гурьев пришёл к выводу, что сопротивление папского правительства осложняется не только тем, что дело само по себе было трудным, и чувством недоверия, испытываемым им к императорскому правительству. Но ещё и вопросом самолюбия, с которым оно связывает допуск временного папского нунция в Россию в надежде, что время и усталость приведут к тому, что правительство уступит и даст это свидетельство почтения и взаимности. Этой цели, как и всех других, оно добивается с обычной присущей ему настойчивостью. Когда переговоры были поставлены на такую почву, ни усердие, ни усилия дипломата не могли привести

к результату, который отвечал бы ожиданиям правительства. «Мне не удалось добиться иного результата, — признавался Гурьев, — как констатировать нынешние настроения римского Двора и сущность возражений, которые он продолжает нам выдвигать»¹.

В сложившейся ситуации Потёмкин решил хранить полнейшую сдержанность в ожидании инструкций. Со своей стороны, Гурьев после того, как передал письмо Николая I папе, считал свою миссию оконченной и предполагал на следующий день вернуться на свой новый пост².

Между тем депешей от 8 сентября / 27 августа 1837 г. Потёмкина призывали привлечь внимание Святого Престола к распространившемуся среди католического духовенства Западных областей мнению, что священник не должен раскрывать власти криминальные проекты, направленные против безопасности государства и жизни монарха, сделанные во время исповеди. Обязанность священника в таких случаях, полагали они, ограничивается тем, чтобы отказать в отпущении грехов и упредить суровыми увещеваниями приведение в исполнение проектируемого покушения. Предполагалось, что такое мнение вытекало из ошибочной интерпретации правил, установленных Тридентским Собором. Ибо представлялось невозможным предположить, что римский Двор, сделавший из неприкосновенности власти монарха одно из фундаментальных положений своих доктрин, мог бы допустить, чтобы покушение, угрожающее спокойствию государства и священной личности монарха, оставалось бы окружено тайной и чтобы священник, хранитель этого секрета, воздерживался сообщать о его существовании. Потому что, если бы даже правила Церкви обязывали священника держать в секрете имя лица, сделавшего столь криминальное признание, они должны были, несомненно, вменить, с другой стороны, духовенству обязанность дать знать правительству о реальности и природе опасности, ему угрожающей.

Исходя из этой истины, Потёмкину предписывали ясно изложить Святому Престолу сообщённые ему факты и призвать употребить его власть, чтобы «просветить совесть католического духовенства в России и его вернуть к выполнению его обязанностей способом, более соответствующим нерасторжимым узам, долженствовавшим связывать повсюду служителей Церкви с законной властью монарха». В момент, когда революционная пропаганда направляла против монархов руку убийц, вдвойне надеялись, что римский Двор признает справедливость и важность изложенных пожеланий³.

В самом С.-Петербурге осенью были заняты изложенными Кривцовым (донесение от 29 / 17 октября) ответами папы по делу Гутковского, не соответствовавшими его ожиданиям. Ведь, основываясь на собственной информации,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 521. Л. 77–80.

² Там же. Л. 80.

³ Там же. Д. 466. Л. 267–268.

касавшейся Гутковского, римский Двор не только считал возможным простить и оправдать по любому пункту образ действия прелата, но дал ясно понять, что не следовало рассчитывать на помощь Святого Отца в устранении серьёзных неприятностей, о которых он был предупреждён. К тому же появилось новое обстоятельство, побуждавшее действовать более решительно.

Дело в том, что донесение Кривцова пришло почти одновременно с новым сообщением наместника в Царстве Польском. В то время как папское правительство представляло епископа человеком, достойным уважения и искренно преданным правительству страны, в которой он пребывал, Гутковский позаботился сам о том, чтобы опровергнуть столь благожелательные слова. Таким документом стало посланное им наместнику «непристойное письмо». Его написанию предшествовала личная встреча Паскевича — во время его инспекционной поездки — с епископом в Янове, где находилась кафедра последнего.

В ходе аудиенции, продолжавшейся более двух часов, епископ, «приняв тон смиренный и покорный, жаловался на своё положение, заверял в добрых намерениях, направлявших его действия, и выразил своё глубокое сожаление, что мог обидеть правительство». Он постарался оправдать своё поведение в некоторых случаях, послуживших основанием для выдвинутых против него жалоб. Что касалось отказа изъять труд о сходстве и различии Восточной и Западной Церкви, он признал, что, возможно, был не прав, защищая книгу, содержащую недопустимые в отношении России утверждения. Относительно других пунктов он заявил, что хотел подчиниться решениям римского Двора, добавив, что в случае, если папа найдёт его виновным, он будет готов отказаться от звания, чтобы уйти в монастырь. Несмотря на такие заявления, он отклонил предложение наместника написать непосредственно ему, выразить свои сожаления по поводу произошедшего и обещать сообразовывать своё поведение с поведением других прелатов в Царстве. Эта беседа, на которую наместник согласился, чтобы не закрывать епископу всякий путь к примирению, не дала желаемого результата¹.

Поскольку среди прочего Гутковский настойчиво просил, чтобы письменно уточнили выдвинутые в его адрес претензии, наместник, по возвращении в Варшаву, письмом от 1 ноября / 20 октября сообщил ему, что только что узнал, что российская миссия в Риме, по указанию министерства, довела до сведения Святого Престола выдвинутые в его адрес претензии.

Папа оказался, таким образом, призван высказаться относительно противодействия, которое Вы проявили самым благоразумным мерам, принятым администрацией Царства. В таких обстоятельствах, — писал наместник, — я не считаю возможным вызывать непосредственные объяснения с Вашей стороны. Я приму, однако, всякое открытое проявление Ваших сожалений по поводу того, что Вы неверно судили о намерениях правительства, которое Вы пожелали бы мне направить.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 298—299.

Эта встреча, говорилось в письме, «оставила благоприятное впечатление первого шага», сделанного, чтобы прийти к примирению. Если епископ признает свои ошибки, а в будущем не даст нового повода к жалобам, он готов будет хлопотать об улучшении его положения в любой ситуации, «что бы ни могло случиться». В заключение наместник писал, что правительство считает своим долгом обеспечить процветание католической религии в Польше и приложит к этому все свои усилия, а служители алтаря должны помогать в решении этой благородной задачи, и что ему «было бы приятно постоянно пользоваться сотрудничеством епископа»¹.

Как разъяснялось в депеше наместника от 15 / 3 ноября 1837 г., письмо было написано «как для того, чтобы просветить аббата Гутковского относительно его положения, так и чтобы предоставить ему случай обнаружить, в общих словах, чувства более благоприятные, к которым он, казалось, хотел вернуться». Но достичь этой двойной цели не удалось².

Это показал ответ епископа от 20 / 8 ноября. Он благодарил наместника за то, что он его осведомил о том, что «делает правительство против меня посредством российской миссии при Святом Престоле; подождём, таким образом, конца этих министерских операций». Затем следовали его замечания по поводу некоторых выражений, содержащихся в письме наместника. Сказанное в нём о справедливых претензиях к нему правительства и о том, что папа был призван высказаться относительно пренебрежения, засвидетельствованного с его стороны в отношении разумных мер, принятых администрацией, вызвало следующую отповедь епископа.

Помилуйте, — писал он, — светское лицо, облечённое единственно властью такого же самого рода, по какому праву опережает оно верховное решение духовного государя, который в этих делах, как раз, является государем над всеми государями, несмотря на противоположные притязания политиков и иноверных; таким образом, именно Святому Отцу выносить решение относительно того, справедливы ли эти притязания и являются ли меры самыми разумными или скорее узурпаторскими, несправедливыми в обстоятельствах, о которых идёт речь.

Находя совершенно справедливым признание наместником невозможности в новых обстоятельствах вызывать его на объяснения, епископ пояснил почему: «...потому что, впрочем, они никогда ни к чему не приведут». Он благодарил за готовность помочь улучшить его положение, но заявлял, что не сможет выполнить связанные с этим условия, поскольку «ему невозможно или трудно признать за ошибки вещи, которые являются истинными». Соглашаясь, что его стиль может показаться язвительным, он заявлял, что в этом «раскаивается, и будет остерегаться в будущем»³.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 294—295.

² Там же. Л. 300.

³ Там же. Л. 296—297.

К письму было приложено адресованное епископу бреве папы от 21 июня 1837 г., которое, как замечал наместник, пришло к прелату, минуя миссию в Риме. Послание папы служило ответом на оправдания, данные Гутковским на увещевания Святого Отца, и, как казалось, также было послано в Рим окольным путём¹.

Наместник оставил письмо Гутковского без ответа.

В своём послании папа, прежде всего, старался успокоить епископа относительно подлинного смысла его увещеваний, ранее направленных ему.

Ваше последнее письмо, давшее нам знать о глубокой печали, причинённой Вам тем, что мы Вам написали ранее, нам доставило очевидное доказательство той искренней набожности и верности, которые Вы всегда исповедовали в отношении нас и апостольского Престола. В самом деле, Вы легко можете судить о том, из каких намерений мы столь серьёзно Вас уведомили об опасностях, которые, как мы предвидим, должны угрожать Вам самому, так же как Церкви, когда мы твёрдо заявляли, что не могли поверить в подлинность того, что нам было сообщено на Ваш счёт.

Затем, признавался папа, ему было приятно увидеть, как «Вы открыто и с очень религиозной искренностью заявляли, что не только не доставляли никакого повода для жалоб, о которых шла речь, но даже были готовы сносить все беды скорее, чем, каким-либо образом, отклониться от вашего долга и однажды принятых добровольных обязательств».

Одним словом, папа призывал епископа черпать мужество в его чистой совести и, советуя ему быть осторожным, обязывал его быть настойчивым в выполнении его святого служения².

В условиях очевидного стремления епископа «бравировать своей властью и нового поразительного доказательства полных ненависти настроений, пример которого не преминет найти подражателей», было решено удалить Гутковского из его епархии.

Однако прежде чем пойти на такой шаг, готовы были предпринять по поводу этого дела новую и последнюю попытку перед Святым Престолом. Поэтому депешей от 5 января 1838 г. / 24 декабря 1837 г. Потёмкин был уполномочен передать папскому правительству письмо наместника, направленное Гутковскому, «чтобы предоставить ему возможность доказать своё возвращение к более благородным чувствам», и ответ епископа. Вручая их папе, Потёмкину надлежало заметить следующее. Во-первых, что письмо епископа «добавляет неоспоримую претензию ко всем тем, основание для которых его поведение уже дало императорскому правительству». Во-вторых, что, «отвечая с насмешкой и иронией на слова о мире и примирении, он обнаружил, куда могут завлечь чувства, которые им руководят и которые так мало, впрочем, согласуются с его святым призванием». В-третьих,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 302–303.

² Там же. Л. 305–306.

пояснить, что «после провокации, столь беспричинной, вина за которую не может быть не признана лицами, даже самыми расположенными выступить в защиту епископа, невозможно, чтобы он и дальше оставался на занимаемом посту».

Затем посланник должен был информировать о позиции императора: он решил удалить епископа из его епархии, но хочет предоставить папе инициативу в реализации этой меры, «ставшей неизбежной». Ему предоставлялась возможность позаботиться о способе приведения её в исполнение: либо отозвать Гутковского, либо обязать его добровольно сложить с себя епископское звание. Император же примет, как знак уважения со стороны Его Святейшества, всё, что он решит, чтобы положить конец этому делу в желаемом им смысле. Но принятое им решение удалить Гутковского «бесповоротно», и, если до 1 июня 1838 г. он не покинет подлясскую епархию, император «будет вынужден, к своему глубокому сожалению, привести в жизнь принятое решение»¹.

Секретной депешей за то же число Потёмкину сообщалось, что предыдущую депешу он мог в выдержках или целиком зачитать папскому министру. Однако он должен был решить на месте, следовало ли с самого начала заявить, в не допускающих возражения выражениях, о необходимости, чтобы Гутковский покинул свою епархию, или предпочтительно было отложить такое заявление до последующих объяснений и воспользоваться им лишь в качестве последнего средства, чтобы воздействовать на решение римского Двора. Представлялось важным убедить папское правительство, что решение императора «положить конец скандалу, основанием которого слишком долго служило поведение Гутковского, бесповоротно»; что, передавая ещё раз на суд Святого Престола решение этого дела, он давал «последнее доказательство своего долготерпения» в отношении епископа; наконец, прося папу в качестве знака почтительности «о результате, который он имел право и средства доставить себе сам», он хотел подтвердить «знаки почтения, которые он не перестаёт торжественно обещать католической Церкви, как и её священникам, так же как доверие, питаемое к мудрости их духовного главы». Рассчитывали, что эти соображения будут оценены надлежащим образом. К тому же было очевидно, что только что произошедшее в Пруссии по случаю отрешения от должности кёльнского архиепископа (он был помещён в тюрьму) должно было подвигнуть римский Двор на серьёзные размышления. Ведь

...он не мог не признаться самому себе, что, навлекая на себя недопустимыми в наши дни притязаниями суровые меры со стороны самих монархов, правление которых было основано на принципе самой полной терпимости, католическое духовенство плохо служит интересам его Церкви; что, вступая в открытое противоречие с властью, ему покровительствующей, оно занимается общим с революционерами всех стран делом и готовит своё собственное падение; что монархи,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1837. Оп. 469. Д. 191. Л. 75–80; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 289–293.

консервативная система которых была гарантией безопасности для папского правительства среди кризисов, которые события последних лет вызвали в Италии, имеют, в свою очередь, некоторое право на моральную поддержку Святого Престола, когда революционный дух проявляет себя под обманчивой видимостью горячего усердия ради религии.

А для борьбы с ним император «в особенности приобрёл права на самое искреннее сотрудничество» Святого Престола. Мотивировалось это «постоянной протекцией, которой религия и её исповедующие всегда пользовались в его государствах, и мерами, со времени умиротворения Царства Польского великодушно принятыми им, для возвращения в этой стране культу достоинства, которое его заставили утратить неистовства революционного правительства не меньше, чем пособничество самих слуг Церкви».

Наконец, напоминали, что все эти истины уже не раз были представлены папскому правительству, и надеялись, что особенно в данный момент они встретят благоприятный приём. От папы не ждали, что он пожертвует своими религиозными убеждениями, а лишь удаления лица, злоупотребившего званием высокого сановника Церкви, чтобы заронить смущение в сознание, препятствовать законным действиям правительства и компрометировать положение других епископов Царства¹.

Вещё одной депеше за то же число обращалось внимание на нарушение Святым Престолом и епископом существовавших правил переписки. Дело в том, что в апреле 1837 г. своё письмо с ответом на бреве папы Гутковский передал запечатанным в Комиссию внутренних и духовных дел Царства Польского. Оно было ему возвращено с предписанием подать его открытым, что он и сделал. Потёмкин должен был передать письмо по его высокому предназначению. По поводу чего, впрочем, было замечено, что эта передача была простой формальностью, поскольку было засвидетельствовано, что содержание этого ответа было давно известно римскому Двору. По-видимому, с апреля или мая Гутковский нашёл способ доставлять прямо Святому Престолу объяснения, предназначенные оправдать его поведение. Бреве папы от 21 июня, которым епископ похвастался перед наместником, было ответом на такие оправдания. А справка, переданная Кривцову в октябре 1837 г., воспроизводила почти те же самые аргументы, которые епископ развил в письме папе. В депеше не рассматривалось содержание ни письма, ни бреве. Потёмкин должен был напомнить о правиле пересылки всей корреспонденции через посредство миссии в Риме.

Русский перевод письма епископа, сопровождаемый некоторыми замечаниями о его содержании, пересылался Потёмкину лишь для личной информации, основания же делать из него предмет специального обсуждения больше не усматривалось. Если советники папы привлекут доставленные Гутковским аргументы и его заявления о лояльности и преданности, чтобы оправдать невозможность для

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 307–308.

папы удалить его из епархии, следовало ограничиться заявлением, что последнее письмо епископа наместнику даёт опровержение этим заявлениям. А именно на этом неопровержимом факте правительство основывает свои требования, которые посланник был уполномочен выразить римскому Двору¹.

Высказанные в депеше предположения относительно такого способа переписки епископа с папой были верны².

Внимание Потёмкина было привлечено также к пересланному Кривцовым (с донесением от 29 / 17 октября 1837 г.) переводу послания, адресованного Гутковским в 1835 г. духовенству его епархии в связи с указом Комиссии внутренних и духовных дел Польши, которым католическим священникам запрещалось исповедовать православных, за исключением срочной необходимости. Этот документ, как сообщал Кривцов, доставил один из главных аргументов для оправдания подлясского епископа от обвинений в том, что он всегда действовал в смысле противном намерениям правительства. Признавалось, что, действительно, в послании имеется пассаж, повторявший этот указ, но в нём это предписание сопровождалось замечаниями, столь коварными и, во всяком случае, столь неуместными, что Комиссия была «ими справедливо удивлена и увидела в этом признаки поощрения неповиновения скорее, чем искренний призыв к повиновению». Ведь одновременно послание уполномочивало католическое духовенство заниматься обращением среди верующих православной Церкви, т. е. тем, что противно законам и чему указ Комиссии, упоминаемый Гутковским, имел целью помешать. Воспользовался он этим случаем и для того, чтобы недвусмысленно напомнить и даже усилить свой запрет благословлять смешанные браки, в то время как расхождение по этому пункту было одним из первых и главных предметов жалоб, выдвинутых против него.

Потёмкину сообщали эти соображения не для того, чтобы он сделал их предметом новых объяснений со Святым Престолом, а единственно, чтобы дать ему знать о причинах, по которым правительство не могло признать удовлетворительным содержание послания, запечатлевшего оппозиционный настрой епископа³.

Как явствует из донесения от 16 / 4 марта 1838 г., Потёмкин ознакомил Капаччини с новыми претензиями к Гутковскому, особо привлекая внимание к его переписке с наместником Польши, в которой прелат «столь ясно, как и дерзко, разоблачил своё отношение к законной власти». Для большей убедительности он

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 275—278.

² Из приведённых в работе Буду сведений следует, что в середине июня «знатный поляк» привёз папе и передал лично письмо Гутковского от 9 марта. Тот же молодой человек доставил ответ папы от 21 июня. Но поскольку правительство настаивало, чтобы Гутковский ответил на ранее полученное послание папы, он направил папе сообщение, идентичное своему конфиденциальному письму от 9 марта, официальным путём. В соответствии с правилами оно было подано распечатанным (*Boudou A. Op. cit. T. I. P. 255*).

³ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 273—274.

зачитал ему депешу Нессельроде, опустив, однако, ту часть, где определялся срок удаления епископа.

Выслушав его до конца, Капаччини обещал дать ответ. Со своей стороны, он не скрыл, что предмет ходатайства представлялся очень щекотливым, особенно учитывая настроения папского правительства в данное время. Если обосновывать его на изложении претензий, сделанном ему Потёмкиным, он неизбежно повлечёт обсуждение, что могло привести к дискуссии о принципах, в которую он не сможет вступить и которой римский Двор не сможет пожертвовать. Но с того времени всякий удовлетворительный результат станет невозможен. Он советовал поэтому в беседах с Ламбрускини обосновывать свою просьбу лишь непрерывно предоставляемыми подляским епископом императору поводами к недоверию. Последний в силу своего долга монарха просил удалить служащего, лояльность которого была для него сомнительна и нахождение которого во главе епископства отныне стало в его глазах несовместимо с безопасностью этой части его государств и спокойствия его населения. «Такой способ действия, добавил он, устраняя всякий спор относительно соответствующих прав светских и духовных властей, мне представляется единственным, могущим привести к удовлетворительному результату». В подтверждение своего мнения Капаччини сослался на закон канонического права, который «признавал законным удаление епископа по единственной причине, что последний навлек на себя ненависть самого плебса (*quem male plebs odit*); закон, который с гораздо большим основанием можно применить к рассматриваемому случаю»¹.

Спустя два дня посланник испросил аудиенцию у Ламбрускини, который явно был в курсе этой беседы. Едва Потёмкин начал говорить, кардинал «закричал», что было очень неподходящее время обращаться с просьбой о смещении епископа, «невиновность и лояльность которого в отношении его светского монарха была доказана в глазах Святого Отца». Он пояснил также, что епископ «служил миссией для преследования низестоящих властей лишь по причине евангельской твёрдости» и что «ценой всех жертв противостоит притязаниям, непримиримым с доктриной католической Церкви, с его совестью и с долгом в отношении Святого Престола».

Уходя, посланник обещал в следующий раз представить явные доказательства².

Выразив Потёмкину сожаление по поводу печального итога этой беседы, Капаччини поведение кардинала объяснил болезнью горла.

Именно на последнее обстоятельство сослался и сам Ламбрускини в ходе следующей встречи. Спокойно выслушав Потёмкина, он заявил, что сказанное в прошлый раз не должно было вводить в заблуждение относительно его настроения. По его словам,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1838. Оп. 469. Д. 185. Л. 44–48.

² Там же. Л. 48.

...при любых переговорах, затрагивающих общие интересы двух сторон, взаимные уступки могут привести к удовлетворяющему их соглашению. Но не так обстоит дело в вопросе совести, когда речь идёт о расхождениях в фундаментальных принципах католической Церкви и даже папской власти. Святые каноны... запрещают папе отстранять от должности либо удалять епископа с его кафедры, не подвергнув его каноническому суду, который один имеет право вынести приговор о его осуждении. Самоуправство со стороны папы в обстоятельствах, о которых идёт речь, неизбежно подняло бы против него весь корпус епископов, которым он должен быть защитником и поддержкой, пока они остаются верными их святому служению.

Выдвинутые же против подлясского епископа обвинения до сих пор не могли в глазах Святого Отца оправдать его удаление из его епархии, где «по всем сведениям, поступившим Святому Престолу из источников, если не официальных, но, конечно, достойных уважения, он, кажется, любим и уважаем». Поэтому кардинал считал «позволительным предположить, что злополучным взаимным непониманием, случившимся между ним и правительством, обязаны лишь раздражительности, как и недоверию, взаимному и не обоснованному». В заключение беседы кардинал попросил оставить переписку епископа Гутковского с заместителем.

9 февраля Потёмкин передал ему ноту. В ней говорилось о решении императора удалить Гутковского с его кафедры и об обращённой им в последний раз к папе просьбе поддержать это решение либо отозвав епископа, либо обязав его добровольно отказаться от исполнения своих епископских функций¹.

В ответной ноте кардинала от 26 февраля позиция Святого Престола оправдывалась. Начиналась она с призыва пересмотреть связанные с этим неприятным делом факты, отделяя суть от формы, чтобы удостовериться, что папа уже сделал и что мог бы ещё сделать, чтобы угодить императору. Напоминалось следующее. Понтифик откликнулся двумя посланиями к католическому духовенству Польши, когда император дал знать о его участии в восстании, напомнив о неизменном принципе католической Церкви о повиновении его гражданской власти. Тогда епископ Гутковский не вызывал никакого недовольства императорского правительства. В 1836 г. миссия представила сведения, что он не только не внушал правительству доверия, но постоянно вызывал его неодобрение из-за его манеры действовать. Полученные факты подтвердили то, что можно было подозревать: неприязнь низших властей проистекала из-за того, что епископ не подчинялся некоторым её предписаниям, касавшимся религиозных вопросов, поскольку это ему не позволяло сделать его пасторский долг. Примером могло служить обвинение, что он противился упразднению книги, могущей способствовать единению католической и православной Церквей. Несмотря на это, неоднократно получая уверения миссии, что неприязнь к епископу не имела отношения к его пасторскому служению,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1838. Оп. 469. Д. 185. Л. 49–52.

а проистекала только от того, что, как считалось, он содействовал революционным настроениям, Святой Отец ему направил послание 15 ноября 1836 г.

В нём он сообщил обо всём этом, выразив удивление по поводу такого рода обвинений, особенно после его бреве 1832 г., и призвал его вести себя так, чтобы устранить от себя даже малейшее подозрение. Одновременно, не имея своего представителя в С.-Петербурге, он вынужден был прибегнуть к помощи частных лиц, пользовавшихся его доверием, чтобы получить дополнительную информацию по такому важному и деликатному для него делу.

В ответном письме от 15 декабря епископ заверил папу, что предпочёл бы пойти на смерть, чем подстрекать к восстанию против его законного монарха или не повиноваться его указаниям.

Поступившие от хорошо знавших Гутковского частных лиц сведения сходились в том, что он был добродетельным пастором. А главной причиной немилости в отношении него и наложенного наказания с лишением жалованья была его верность и евангельская свобода, с которой он имел мужество протестовать против некоторых мер, пагубных для католической Церкви, и против некоторых принципов, не согласующихся с её фундаментальными правилами.

Одновременно с этой информацией в начале 1837 г. императорская миссия стала вновь настаивать на удалении Гутковского из его епархии. Так как в 1836 г. ей было дано знать, что папа не смог бы принять против него никаких строгих мер, ни наложить наказания без уточнения и доказательства обвинений, она их представила. И тогда сам папа признал характеризующую епископа чистосердечность, потому что понял, что несправедливые претензии, выдвинутые против него, были теми же, что указал епископ в качестве причин, по которым встретил неприязненное отношение правительства. С того времени в устных беседах с членами миссии им прямо заявлялось, что Святой Отец не мог наказать епископа за то, на что правительство жаловалось.

Действительно, не мог бы Его Святейшество сместить епископа с его кафедры за то, что он сделал замечание своим приходским священникам, чтобы они не благословляли браки католиков с иноверцами без папской диспенсии. ...За то, что приказал своим священникам крестить православных детей, когда им угрожала смерть, и не было никого из их священников, так же как причащать святым таинствам русских, перешедших в католичество. Но, поскольку эти и другие, такого же рода, обвинения были выдвинуты против подлясского епископа, ясно, что Его Святейшество, взглянув на суть дела, не мог бы упрекать его и ещё меньше удалить его оттуда, где он уважаем и любим, —

говорилось в ноте. Напротив, исходя из сообщения миссии, полученных донесений и горестного впечатления, произведённого на епископа письмом папы от 15 декабря 1836 г., понтифик счёл долгом направить ему письмо 21 июня 1837 г., чтобы его успокоить.

Что касалось внешней формы дела, самым серьёзным поводом для упреков признавалось его письмо наместнику в Царстве Польском от 8 декабря. Не оправдывая его форму, кардинал напоминал, что и сам епископ в конце письма признаёт это и просит прощения. Одновременно Ламбускини обращал внимание на то, «что Святой Отец, не вступая в противоречие со своими святыми обязанностями, не мог бы порицать епископа за то, что он там выражает». К тому же речь шла о епископе, «сознающемся самому себе в верности императору» и который за то, «что отстаивал принципы и права Церкви, давно был лишён жалования в своей епархии и вынужден был жить на милостыню». Отсюда следовало заключение о невозможности для Святого Отца принять запрошенную меру в отношении епископа Гутковского, который «в глазах его и всего католического епископата не сможет никогда казаться виноватым из-за того, что придерживался и мужественно защищал принципы и дисциплину Церкви»¹.

Во время следующей беседы посланник сообщил ему «решительную» часть инструкции о смещении Гутковского. Кардинал признался, что ожидал этого, исходя из полученных документов, и сказал, что ничто не может изменить убеждения папы².

Полученные от Потёмкина известия по длившемуся уже четыре года делу произвели на императора «тягостное впечатление», как следует из депеши от 12 мая / 30 апреля 1838 г. А поскольку с ней можно было ознакомить в случае необходимости государственного секретаря и самого папу, соответственно были расставлены акценты. Все демарши, предпринятые с 1835 г., должны были доказать искреннее уважение императора к папе, потому что именно с помощью его духовного вмешательства он рассчитывал добиться результата, который по праву имел средства обеспечить сам. Теперь Рим должен был понять, что, не удовлетворяя представленные от имени императора претензии, «он не только добавлял к разногласиям нынешнее, но давал императорскому правительству новые и весомые основания для осмотрительности и даже для недоверия при новых назначениях на высшие должности в церковной иерархии». Это было чревато промедлением в этих назначениях, а значит, и продолжительной вакансией различных епархиальных кафедр, которая «не может, ни не должна быть приписываема императорскому правительству, но обстоятельствам, которые почти полностью зависят от расположения Святого Престола в отношении него». Кроме того, казалось, что римский Двор должен был убедиться в следующем. Отказываясь от активного сотрудничества в том, чтобы держать католическое духовенство в границах повиновения и подчинения в отношении покровительствовавшей ему власти, и предпочитая в этом отношении совершенно пассивную позицию, «он добровольно лишает себя

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 521. Л. 147–151.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1838. Оп. 469. Д. 185. Л. 44–53.

своего законного влияния и уступает этой самой власти выбор средств, более всего способных сохранить её справедливо обретенные права».

В заключение депеши подчёркивалось, что, уважая решение папы, каким бы неожиданным и противным его желаниям оно ни было, император запретил всякий новый демарш перед римским Двором, чтобы добиться удаления Гутковского. Но, поскольку было установлено, что римский Двор не считал себя вправе употребить его духовную власть в этом деле, отныне надлежит самому императору подумать о средствах, чтобы гарантировать интересы, которые всё более и более подвергает опасности присутствие Гутковского. Пока ещё не пришло время сообщить о решениях, на которых император окончательно остановился¹.

Предписывая посланнику больше не поднимать этот вопрос, в С.-Петербурге рассчитывали, что по возвращении в Рим Кривцова папское правительство неизбежно захочет от него узнать о впечатлении от его ноты от 26 февраля и о решениях правительства. Если в таком случае Потёмкин сочтёт, что чтение главной депеши могло благоприятно повлиять на настрой папы и его советников, он мог довести её, но лишь совершенно конфиденциально, до их сведения. На данный момент считалось важным оставить папское министерство в «неизвестности» относительно решений, которые могут быть приняты по делу Гутковского.

Что касалось ответной ноты Ламбрускини, представлялось, что она была составлена под влиянием событий, произошедших в Кёльне. Поэтому, с одной стороны, римский Двор будет готов к мысли о применении к подлясскому епископу суровой меры, подобной той, которой подвергли кёльнского архиепископа (напомним, что он был брошен в тюрьму), ибо это должно ростом числа так называемых жертв святого дела возвысить борьбу, которую призван продолжать Рим в настоящее время.

С другой стороны, сопротивление папы в деле Гутковского считали возможным отнести за счёт его заинтересованности в том, чтобы усилить свои позиции перед прусским правительством. Независимо от того, справедливы ли были эти предположения, римскому Двору предстояло убедиться в своём просчёте, «потому что император не намерен доставлять ему род триумфа, к которому он стремится». И, в любом случае, подлинные интересы католической Церкви не преминут напомнить о себе и заставят искать поддержку в великодушной защите императора.

Было очевидно, что назначение варшавского архиепископа и епископа в Плоцк на кафедры, недавно ставшие вакантными, послужит основанием для новых переговоров с папой и предоставит возможность дать ему почувствовать всю неправоту, без оснований проявленную, в отношении императорского правительства. Заполнение этих кафедр станет доказательством заботы императора об интересах католической Церкви в его государствах и скрупулёзного выполнения

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 314–317.

его долга в отношении неё. В свою очередь, папское правительство должно будет понять, сколько затруднений приходится преодолевать императору в этом отношении

...с тех пор, как римский Двор отказывается удовлетворить его самые обоснованные жалобы. И если бы только Святой Отец пожелал нам дать какую-нибудь гарантию его доброй воли содействовать моральному умиротворению Царства Польского, было бы правильно, чтобы, по крайней мере, он помог императорскому правительству устранить препятствия, которые ему непрерывно воздвигает недоброжелательность католического духовенства в этой стране¹.

К концу года, как следовало из депеши Потёмкину от 30 / 18 декабря 1838 г., решение вопроса оставалось в прежнем положении. Епископ ни в чём не изменил своё поведение. Император не оставил ещё желания засвидетельствовать уважение и почтение папе. Тем более что в ноте Ламбускини от 26 февраля, в частности, выражалась надежда папы, что император не проведёт в жизнь решение об удалении подлясского епископа из его епархии, «чтобы пощадить, таким образом, отеческое сердце Его Святейшества от самой горькой печали». Столь прямой призыв к великодушию монарха вовсе не должен был оставаться неплодотворным. Император тщательно старался «примирить, насколько возможно, выполнение своих обязанностей монарха с пожеланиями, выраженными Ему во имя дружбы», — писал Нессельроде. Предполагалось, что папа должен был отдавать себе отчёт, что долготерпению может прийти конец. Было известно, что папа не считает себя вправе отозвать епископа из его епархии, ни даже требовать добровольного сложения им с себя своего сана. Теперь Потёмкину следовало

...выяснить, не посчитает ли он возможным направить ему, по крайней мере, новое увещевание, более серьёзное, чем предыдущее, чтобы обязать проявлять осторожность в его поведении и речах, дабы не доставлять своим примером повод для возмущения благонамеренных лиц и торжества врагов порядка? Подобная демонстрация в отношении Гутковского не заключала бы в себе ничего противного принципам римского Двора. Она могла бы не преминуть произвести благотворное впечатление на этого прелата, особенно если бы она была задумана таким образом, чтобы разрушить мнение, которое, кажется, до сих пор у епископа сложилось, что его поведение, каким бы предосудительным оно, впрочем, ни было, получало одобрение Святого Отца.

Применение этой меры император рассматривал бы как знак почтения со стороны Святого Престола, поскольку она была способна пощадить императора «от тягостной необходимости самому уведомлять о средствах, чтобы навсегда нейтрализовать вредное влияние Гутковского».

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 318—320.

Потёмкина призывали обсудить этот вопрос с Ламбрускини и Капаччини и при необходимости ознакомить их с содержанием этой депеши¹.

Направленная тогда же конфиденциальная депеша содержала серьёзное дополнение. Если бы отказ папы от предлагаемого демарша мотивировался тем, что он «ещё не мог просветить свою совесть относительно характера предъявляемых этому епископу обвинений» и что, во всяком случае, «не может его осудить, не выслушав», следовало подсказать советникам папы идею заставить Гутковского прибыть в Рим. Там он мог прямо объяснить своё поведение и его оправдать, если это возможно. Формальное приглашение от имени папы поставило бы его перед альтернативой — либо не повиноваться ему и тем самым признать обвинения, добавив к ним прямое неповиновение папе, либо отправиться в Рим и положить, таким образом, конец неудобствам, создаваемым его присутствием в Польше.

Эту идею предлагалось посланнику обстоятельно обдумать и по возможности применить. В таком случае он должен был информировать своих собеседников, что император не только не воспротивится поездке епископа, но предоставит надлежащие средства².

Между тем в конце 1838 г. у папы появилась дополнительная возможность засвидетельствовать своё личное отношение к императору. В декабре в Рим приехал великий князь Александр Николаевич, наследник престола, совершавший своё заграничное путешествие.

Накануне путешествия Николай I вручил ему 14 / 2 мая 1838 г. напутствие, составленное накануне, 13 / 1 мая. В нём, напомнив о путешествии наследника в прошедшем году по России, которое «произвело везде наилучшее впечатление», он писал, что теперь пришло время «другого, не менее важного дела». Ему предстояло показаться «в свете чужеземном» и сделать это с той же отчасти целью, а именно: «узнать и запастьсь впечатлениями», а поскольку он уже ознакомился с родной страной, то сможет беспристрастно сравнивать увиденное без всякого предубеждения.

Многое тебя прельстит; но при близком рассмотрении ты убедишься, что не всё заслуживает подражания, и что многое достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может; мы должны всегда сравнивать нашу национальность, наш отпечаток³, горе нам, ежели от него отстанем; в сём наша сила, наше спасение, наша неподражаемость! Но чувство сие не должно отнюдь тебя делать равнодушным или ещё менее пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытно или отличительно. Напротив, внимая, знакомясь, и потом развивая, ты

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 331–334; Ф. Канцелярия. 1838. Оп. 469. Д. 185. Л. 282–286.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 335–336.

³ Отгиск, что-либо отпечатанное и отпечатавшееся (*Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. Т. II. М., 2003. С. 744).

много увидишь и узнаешь полезного и часто драгоценного тебе в запасе для возможного подражания.

Путешествуя, следовало помнить, что на него будут смотреть «не только с любопытством, но даже с завистью». Помочь расположить в такой ситуации к нему мнение всех, «хотя и нехотя», могли «скромность, приветливость без притворства, и откровенность» в его обращении. Проявляя почтительность к государям и их семействам, нужно было не допускать ни малейшего различия в учтивости.

При предстоявшем посещении храмов, говорилось в инструкции, «оказывая всегда уважение к церковным обрядам и, посещая церкви, всегда крестись; и исполняй, что по их обрядам в обычае».

В этом, так сказать, ознакомительном путешествии не предполагалось обсуждение никаких политических вопросов, а посему предписывалось: «Не позволяй себе никаких политических суждений, избегай сих разговоров и, вообще, слушай — рассуждай про себя и только по необходимости отвечай и тогда всегда по совести» (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

Не были забыты и русские, которых мог встретить путешественник. С ними ему рекомендовалось: «Обходишь, как дома. — Неимущим помогай, но без нужды не расточай».

Заканчивались эти наставления напутствием, которому великий князь, судя по его переписке, в дальнейшем будет всегда следовать: «Молись усердно, чтобы Бог тебя подкрепил и наставил, и исполни советы друга старого», и подпись: «Папа Н.(олай)»¹.

Этот документ, названный инструкцией, безусловно, много говорил о самом Николае I, о его жизненной философии.

Александр Николаевич путешествовал инкогнито под именем Бородинский. Его маршрутом предусматривалось посещение папских государств². Он прибыл

¹ ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. I. Д. 288. Л. 3–4.

² Как свидетельствует ученическая тетрадь великого князя от 1830 г., т. е., когда ему было двенадцать лет, он прослушал специальный курс по истории католической Церкви, который конспективно и был им изложен в этой тетради. В истории папской (как он писал, папистической) Церкви выделялись два периода. Первый — «до отделения от неё лютеранской Церкви (1054–1517 гг.)», второй период «от начала лютеранства до наших дней».

Характеризуя первый период, он писал: это был «верх папизма или иерархического самовластия, соединившегося в одном лице. Всякая прочая власть церковная (архиепископы, соборы) и гражданская умолкла перед Папой. Он вмешивался в права императоров, королей, своевольно вводил и отменял обряды Богослужения и церковные законы. Всякого непокорного предавал проклятиям или усмирал огнём и мечом. Самые науки должны были служить единственно пользам Церкви (схоластики). ...В университетах научились различать истину от лжи и дерзнули прямо говорить о преобразовании Церкви. Сперва Виклиф (Джон. — О.С.), Гус и Иероним Прагский без успеха, а потом Лютер с великою смелостью и успехом».

в Рим вечером 16 / 4 декабря. Через Потёмкина (записка от 16 / 4 декабря) он просил государственного секретаря устранить всякий церемониал и этикет и что, кроме того, почёл бы за милость, если бы Его Святейшество удостоил его частной аудиенции¹.

Не лишённую интереса, с многих точек зрения, хронику его пребывания в Риме позволяет восстановить дневник путешествия, содержащий очень краткие записи самого великого князя, и часто его более подробное описание, данное в донесениях Потёмкиным.

Из лапидарных записей дневника следует, что великий князь посетил Григория XVI несколько раз.

На следующий день после приезда в Рим, 17 / 5 декабря, он был принят папой в его «кабинете под балдахином».

1 января 1839 г. / 20 декабря 1838 г. он нанёс визит папе, чтобы поздравить его с Новым годом. Папа его «очень милостиво принял». А на следующий день, 2 января / 21 декабря, папа прислал монсеньора Франческо Саверио Массимо, папского мажордома (префекта апостольского дворца), благодарить князя «за нанесённый визит»².

Это событие Потёмкин проинтерпретирует следующим образом. В первый день нового года великий князь неожиданно нанёс визит папе, который «оказался очень чувствителен к предупредительности, тем более утончённой, что этот визит был непредвиденным» со стороны августейшего наследника.

На следующий день папа направил монсеньора Массимо, чтобы засвидетельствовать со своей стороны, «сколь глубоко он был тронут этим, полученным им знаком внимания»³.

10 января 1839 г. / 29 декабря 1838 г. с утра великий князь отправился в базилику Св. Петра, чтобы детально её осмотреть. В сопровождении монсеньора Маттеуччи, хранителя здания, и мажордома Его Святейшества, а также капеллана собора он посетил исповедальню, подземные помещения, ризницу и, наконец, поднялся на крышу здания, а откуда — на купол и вошёл в шар, поддерживающий крест. По возвращении на крышу его провели в один из куполов, превращённый в павильон, где ему был приготовлен завтрак. Отдохнув, он спустился в большой павильон папы Пия IV, предназначенный для частных аудиенций папы, где его

Отдельно рассматривались следующие вопросы: О распространении католической Церкви по Европе после отделения её от Восточной Церкви, способы её распространения (крестоносцы — мечом, Соборы и инквизиция — проклятием, пытками и огнём, миссионеры — убеждением). Иерархия, Монашеские ордена. История правления пап до Лютера. Власть епископов и архиепископов. Капитулы. Соборы (ГАРФ. Ф. 678. Александр II. 1830. Оп. II. Д. 203. Л. 1–7).

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 521. Л. 235–236.

² ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. I. Д. 288. Л. 104, 111.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 4.

ожидал второй завтрак (заменяющий обед), честь в котором ему оказал мажордом монсеньор Массимо. Оттуда великого князя провели в галерею древностей, у входа в которую Его Святейшество вышел ему навстречу. После нескольких минут беседы папа пригласил его продолжить прогулку. Великий князь посетил галереи, где мажордом от имени папы преподнёс ему вазу зелёного порфира на подставке из восточного гранита¹.

Обо всём этом князь в своём дневнике писал так: «В 10 часов мы все отправились в церковь Св. Петра... и взобрались на самую вершину купола. Спускались вниз. Завтракали с Массимо»².

Перед своим отъездом в Неаполь 15 / 3 января великий князь пригласит на обед монсеньора Массимо вместе с несколькими прелатами, а среди прочих приглашённых были послы австрийский и французский³.

Любопытно, что на следующий день, 16 / 4 января, князь запишет: в 12 часов принимал знаменитого кардинала Джузеппе Медзофанти, «говорящего на 36 языках, и со мною во всё время разговаривал по-русски (столь) порядочно, (что) (Пр(инц) Ольденбургский принял за меня)»⁴.

Из увиденного в Риме, по крайней мере, судя по его дневнику, наибольшее впечатление на него произвёл храм Св. Петра. При каждом из частых посещений его князь неизменно выражал восхищение им: он «поразил его своей величиной и богатством (больше, чем пением)», «своим величием и великолепием»⁵.

Конечно, неслучайно перед отъездом из Рима для посещения Неаполитанского королевства князь записал 17 / 5 января: «После часа поехал на прощание в церковь Св. Петра и был в Ватикане (публичный день, народу много). Оттуда завёз карточку кардиналу государственному секретарю Ламбрускини (квиринальский дворец)»⁶.

Приведённую короткую запись в дневнике: «был в Ватикане», донесение Потёмкина уточняет следующим образом. 17 / 5 января, накануне по переданной через него просьбе великий князь получил перед отъездом из Рима аудиенцию у папы, состоявшуюся в семь часов вечера по причине отсутствия у понтифика возможности сделать это в утренние часы. В ходе неё последний, после того как дружески поинтересовался различными вопросами относительно его пребывания в Риме, его отпустил, выразив несколько раз нетерпение, с которым ожидал новой встречи с ним и радости, испытываемой им в связи с тем, что великий князь был удовлетворён своим пребыванием в Риме. Прежде чем покинуть Рим, он нанёс

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 14–15.

² ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. I. Д. 288. Л. 115–116.

³ Там же. Л. 121.

⁴ Там же. Л. 122.

⁵ Там же. Л. 104, 107.

⁶ Там же. Л. 122.

визит государственному секретарю. На следующий день, т. е. 18 / 6 января, после посещения папы он отбыл в Неаполь¹.

По случаю именин Николая I великий князь² сделал пожертвования беднякам Рима и особенно детям, ставшим сиротами после эпидемии холеры прошедшего года. Узнавший об этом от Ламбрускини папа встретил это известие с глубоким удовлетворением и просил Ламбрускини передать через Потёмкина признательность великодушному князю, который помог стольким местным жителям. «Святой Отец с полным основанием заключил из таких примеров щедрой благотворительности, которые Его Величество великий князь даёт в свои самые юные годы, то, что следует ожидать от него, когда он достигнет более зрелого возраста». Ламбрускини просил Потёмкина передать сказанное папой и заверить, что все пожертвованные деньги будут использованы по назначению³.

По возвращении из Неаполя 3 февраля / 22 января 1839 г. великого князя ждал ещё более предупредительный приём. Едва он вышел из экипажа, его приветствовал мажордом, специально для этого посланный навстречу августейшему путешественнику, чтобы, в частности, сообщить, что, желая способствовать, насколько возможно, приятному пребыванию его в Риме, папа пожелал предложить зрелище двойной иллюминации фасада и купола собора Св. Петра, поэтому он приказал, чтобы это торжество, предназначенное лишь для празднования Пасхи и дня Св. Петра, состоялось на следующей неделе.

5 февраля Ламбрускини известил Потёмкина, что папа примет великого князя 7-го числа в полдень, полагая, что эти день и час наиболее удобны для августейшего путешественника⁴. В тот же день Ламбрускини передал посланнику собственную записку. В ней он выразил желание ещё раз увидеться с великим князем и просил указать день и час, когда ему могла быть оказана такая честь, если только это не было бы ему почему-либо затруднительно⁵.

По поводу прощальной аудиенции 7 февраля / 26 января наследника и сопровождавших его лиц, данной папой в Ватикане, Александр Николаевич просто записал в дневнике, что Григорий XVI «принял меня по обыкновению очень милостиво»⁶, Потёмкин внёс такие уточнения, которые, очевидно, мог узнать от присутствовавшего на встрече Кривцова. Когда князь встал, чтобы попрощаться, папа взял его руку и, прижимая её к сердцу, горячо просил его быть перед

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 16.

² 18 / 6 декабря 1838 г. в дневнике по этому поводу он написал: «Вставши около 8 часов, я в первый раз не мог сам идти поздравить моего бесценного родителя с днём Его Ангела, доселе мы всегда проводили день этот вместе, в прошлом году мы были в Москве» (ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. I. Д. 288. Л. 105).

³ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 468. Ч. II. Л. 263.

⁴ Там же. Л. 276.

⁵ Там же. Л. 275.

⁶ ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. I. Д. 288. Л. 131.

августейшим отцом выразителем чувств восхищения и признательности, которые он испытывает к нему, а также передать от его имени, что поручает милосердию и великодушию императора католических подданных его обширной Империи.

После аудиенции князь посетил собор Св. Петра, а вечером присутствовал при иллюминации его купола, устроенной папой в его честь¹.

Трудно сказать, что побудило папу оказать наследнику российского престола действительно исключительно тёплый, воистину отеческий приём. Возможно, свою роль сыграли личные качества путешественника и проявленный им интерес к персоне понтифика, к Риму и его памятникам. Разумеется, папа отдавал отчёт, что перед ним был будущий император, и в этой связи вполне естественно, что он «прилагал все усилия, чтобы любым путём завоевать на свою сторону будущего царя», который к тому же сумел вызвать явно его расположение.

Но, скорее всего, в первую очередь папа хотел выразить тем самым своё отношение к Николаю I и свою признательность за ту роль, которую сыграла Россия в решении жизненно важных для самого существования папских государств проблем. В свете этого не лишено основания заключение Винтера, который находил, что «торжественный приём», оказанный цесаревичу, «продемонстрировал, сколь тесно, несмотря на все противоречия, сплотились в борьбе против революционного движения в Европе папа и царь». Он превратился в «общественное событие первого разряда», как замечал Винтер, «сообщал не без зависти английский посол». Однако представляется невозможным согласиться с тем, что идеология реставрации соединила их, а «поэтому охваченная революцией Польша, какой бы католической она себя ни выставляла или ни была, не могла их поссорить, но, наоборот, заставила теснее сплотиться»². Такое утверждение историка грешит во всех отношениях вообще большим преувеличением и прямо противоречит фактам.

По возвращении домой великий князь направил письмо Григорию XVI. Выражая искреннюю признательность за оказанный ему приём, он замечал: «Вы знаете, Святейший Отец, что впечатления молодого возраста столь же сильные, как и глубокие. Впечатления, которые я сохранию о доброте Вашего Святейшества, неотделимы от воспоминания, навсегда запечатлевшегося в моей памяти, о величии вечного города. То и другое относится к числу воспоминаний самых приятных и самых прочных»³.

Тёплое письмо, написанное собственной рукой, направил 9 марта / 25 февраля Николай I:

Святейший Отец. Я выполняю долг, который мне очень дорог, выражая Вашему Святейшеству, насколько я тронут добротой, которой Вы щедро осыпали моего

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 48–49.

² Винтер Э. Папство и царизм. С. 267–268.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 369. Д. 155. Л. 5.

сына во время его пребывания в Риме. Подлинно отеческий приём, полный доброжелательства и внимания, который он нашёл у Вашего Святейшества, ему внушил к Вам чувства признательности, к которым я очень искренне присоединяюсь. Также глубоко сердечно принял я пожелания, которые Вы выразили мне, Святейший Отец, в частности, поручая моему попечению интересы латинской Церкви в моих государствах.

Отвечая на сердечные слова понтифика в его адрес, переданные с сыном, император возобновлял заверения, что не перестанет никогда ставить в число своих первых обязанностей заботу о благосостоянии своих католических подданных, уважая их убеждения, обеспечивая их покой. А для достижения этой цели он нуждался в том, чтобы папа, в свою очередь, соизволил употребить своё законное влияние, чтобы католическое духовенство в России и Польше не уклонялось от его долга верности и повиновения законам страны, без которых нигде нет ни мира, ни прочного процветания. Среди всеобщего беспорядка, поразившего мир, важно, более чем когда-либо, чтобы Церковь оказывала свою моральную поддержку верховной власти¹.

В ответном письме от 6 апреля 1839 г. папа выражал удовлетворение по поводу благожелательного отношения императора, как следовало из его письма, к его рекомендациям в пользу католических подданных. Что касалось, в свою очередь, пожелания императора, чтобы папа всей своей властью «вменил в обязанность этим католикам через их духовенство оказывать Вашему Величеству повиновение, должное Вам в светских делах, Мы, — обещал папа, — это будем делать, насколько это может зависеть от Нас и насколько в этом будет чувствоваться необходимость». Затем следовало перечисление обширных свидетельств уже проявленного в этом отношении усердия. Он ссылался на два бреве к епископам Польши, одно, посланное в начале понтификата, а второе в следующем году, вскоре после папского письма (энциклики) ко всем епископам мира от 13 августа 1832 г., в котором, среди прочего, рекомендовалось повиновение монархам².

В январе 1840 г., воспользовавшись возвращением Кривцова в Рим, наследник престола передал Григорию XVI кабинетное письмо от 22 / 10 января 1840 г. В нём он благодарил папу за оказанный ему приём и извещал, что передал отцу пожелания папы и надеялся, что в этом его мог убедить ответ его отца³.

Как следовало из ответа папы (от 14 марта), это письмо «было до такой степени нам приятно, как не могло бы быть ничто больше. Так как в этом письме мы нашли то же самое благожелательное расположение в отношении нас, которое мы получили лично... в прошлом году во время вашего пребывания в Риме». Особенно папа был рад узнать, что свидетельства его привязанности (хотя

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 469. Д. 466. Л. 377.

² Там же. Д. 521. Л. 291—292.

³ Там же. Д. 466. Л. 485.

были гораздо меньше его желания и того, что заслуживал князь) запечатлелись в его памяти и что воспоминания об этом городе никогда не изгладятся из неё. Проникнутый этим новым проявлением чувств князя в отношении него, папа, со своей стороны, ему повторял настоящим письмом своё заверение «в искренней привязанности, которую наше сердце не перестаёт проявлять к вам», и «полагаясь на расположение, которое Вы Нам выразили, мы просим, всё больше и больше, Ваше императорское и королевское величество, чтобы Вы соизволили продолжить предоставлять Своё покровительство и Свою поддержку всем детям католической Церкви... которые находятся под властью обширной Российской Империи»¹.

Со своей стороны, император поблагодарил папу не только письмом. В декабре 1841 г. Кривцовым от его имени папе была передана малахитовая ваза в качестве свидетельства воспоминания, которое Николай I сохранил о благожелательном приёме, оказанном его сыну во время его пребывания в Риме. Во время аудиенции папа, уже знавший от Кривцова «о милости, которую соблаговолил ему оказать император», сказал Потёмкину, «как он дорожит столь драгоценным свидетельством доброжелательности Его Императорского Величества». А в конце беседы он вернулся к посещению Рима наследником престола. Затем, сославшись на дошедшие до него слухи о вероятности его второго путешествия в Италию, папа сказал, что, если действительно такой проект должен будет реализоваться, он «просил бы Бога продлить Его дни достаточно надолго, чтобы иметь утешение вновь увидеть августейшего князя, внушившего Ему столь сильную привязанность»².

В римской газете («Gazette di Rome») от 29 декабря появилась статья с подробным описанием подаренной папе малахитовой вазы. Особо отмечались при этом как прекрасная работа, так и замечательный по своей редкости материал. Согласно этой статье, папа велел поставить вазу в большом зале Ватиканской библиотеки среди других драгоценных памятных подарков, собранных там³.

Одновременно с вазой Кривцовым была передана папе табакерка, украшенная бриллиантами и декорированная портретом папы⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 469. Д. 466. Л. 485.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 15–16.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 77. О наличии в центре зала Ватиканской библиотеки этого подарка Николая I Григорию XVI упомянет в своём донесении от 31/19 мая 1893 г. А.П. Извольский (Там же. Ф. Канцелярия. 1893. Оп. 470. Д. 94. Л. 180).

⁴ Там же. Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 5–6.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРЕХОД В ПРАВОСЛАВИЕ ГРЕКО-УНИАТОВ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕЛА ГУТКОВСКОГО. МИССИЯ ФУРМАНА

Реализация стремления Николая I добиться перехода униатов в православие, обозначенного его указом от 20 / 8 октября 1827 г., потребовала долгой кропотливой работы при тщательно сохраняемой секретности, памятуя, особенно, о реакции Рима на сам указ. Значительная часть этой работы пала на Блудова, разработавшего стратегию и тактику решения этого трудного вопроса.

За мерами, принятыми непосредственно после появления этого указа, Блудов наметил новые шаги в направлении достижения поставленной цели, чему были посвящены две его докладные записки от 24 / 12 ноября 1832 г.

В первой он предложил подчинить греко-униатскую Духовную коллегия Святейшему Синоду. Для этого, прежде всего, следовало передать ему функции, исполняемые в отношении Коллегии Правительствующим Сенатом и министерством внутренних дел. Мотивировалось это тем, что по чисто духовным делам Коллегия была сама до этих пор «верховным правительственным местом». Поскольку функции Сената сводились лишь к непосредственной передаче «почти только по обнародовании общих и частных государственных постановлений и по производству чиновников, служащих в её ведомстве», то Синод мог вступить во все эти его права. Сношения с министерством внутренних дел велись по поводу гражданских или были тесно связаны с гражданскими делами. Поэтому от него к Синоду могли быть переданы такие вопросы, как ежегодное составление ведомости о числе родившихся, умерших и прочие, рассылка форм возглашения во время богослужения имён членов императорской фамилии, наблюдение за сохранением фондушей по униатской Церкви, разрешения на починку и строительство униатских церквей.

В случае подчинения Коллегии Синоду относительно сохранения по униатскому исповеданию обрядов и постановлений Восточной Церкви, он должен будет следить за чистотой церковных обрядов, за исполнением постановлений иерархов и порядка Восточной Церкви, за внутренним и внешним устройством церквей и за богослужебными церковными книгами. Синод должен будет также охранять униатов от совращения римскими католиками.

Ему же надлежало передать окончательное решение прямым предписанием Коллегии или консисториям смешанных дел униатов с православными в Западных

губерниях. Пока же по этим делам греко-российские и униатские начальники сносят между собой, и решаются они в Сенате или министерстве.

Наконец, вследствие подчинения Коллегии Синоду к нему будут поступать жалобы на постановления униатских духовных начальников, от рассмотрения которых он не откажется.

Результат от реализации такого решения Блудову представлялся таким: Святейший Синод будет иметь «довольно предметов, дабы ввести постепенно две униатские епархии в систему управления греко-российской Церкви». И имелось основание надеяться, что через несколько лет униаты окажутся в столь близком к православному состоянию, что он «не будет иметь никакого затруднения вступить в полное управление униатами и по чисто духовным делам».

Блудов делал затем такую оговорку в отношении министерства внутренних дел. В случае сохранения за ним по-прежнему участия в униатских делах решение о предметах указов Синода будет полностью зависеть только от этого последнего или особого секретного комитета и будут сохраняться все необходимые предосторожности в отношении и православных, и униатов¹.

Вторую записку Блудов посвятил мерам, которые надлежало принять до издания этого важного постановления, полагая решённым вопрос о подчинении греко-униатской Коллегии Святейшему Синоду. Эти меры сводились к осуществлению многих из предложений, сделанных в 1828 г. Конкретно речь шла о следующем.

Произвести дальнейшие улучшения в семинариях и определить источник для выплаты соборным протоиереям пенсий, положенных им по указу от 4 мая / 22 апреля 1828 г.

Передать греко-униатам некоторые из церквей упразднённых римско-католических монастырей, которые были не нужны ни православному духовенству, ни военному ведомству, после чего запретить униатскому духовенству отправлять богослужение в римско-католических церквях, поскольку у них будет достаточно своих церквей.

Отменить введённое обычно в униатских церквях постановлениями римских иерархов право ктиторства, которое соединяло униатское духовенство с римским и давало возможность римским помещикам влиять на назначение священников в греко-униатские приходы. Находя, что обе эти меры были «довольно круты», Блудов считал их необходимыми, тем более что если отложить приведение их в действие до подчинения униатов Синоду, то этим «усугубилось бы отвращение римских католиков и самих униатов к господствующему исповеданию». Он предлагал также вскоре приступить к упразднению тех базилианских монастырей, которые могут в сложившейся ситуации иметь вредное влияние, а остальные преобразовать в соответствии с целями правительства.

¹ ЦПАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 560. Л. 179–181.

Наконец, следовало распространить на униатов указ от 18 / 6 декабря 1829 г. Святейшему Синоду и Положение о способах к улучшению состояния духовенства. Это представлялось важным потому, что «введёт некоторым образом униатское духовенство в систему управления, свойственную греко-российской Церкви». К тому же эти постановления касались главных средств последующего обращения греко-униатов в православие, сводившихся к необходимости посылки ими детей в духовные училища, к запрету возводить в духовный сан лиц, не обучавшихся в семинариях, к упразднению некоторых мало приходных церквей и улучшению остальных беднейших приходов.

Кроме того, независимо от этого для предохранения от прозелитизма униатов и православных нужно было бы, считал Блудов, составить точные списки римских католиков, что позволило бы изобличать любые незаконные посягательства такого рода римско-католического духовенства.

Он полагал, что проведение в жизнь этих мер потребует от 6 до 9 месяцев, что они «приготовят умы униатского духовенства, устранят в значительной части противодействие и вредные последствия и доставят средства действовать с успехом в дальнейшем ходе униатского дела. Тогда уже можно будет издать указ о подчинении греко-униатской Коллегии Святейшему Синоду»¹.

Итог достигнутого в решении дела сближения униатов с православной Церковью и подготовки их перехода в неё, к которому приступили уже около 8 лет назад, Блудов подвёл в докладной записке императору от 3 июля / 21 июня 1834 г.

Трудность осуществления этого дела он объяснил невозможностью проведения решительных мер и необходимостью действовать постепенно по причине слишком тесного соединения греко-униатской Церкви с римской. Именно это продиктовало необходимость «принять меры не крутые, но тем не менее действенные, долженствовавшие, постепенно отдаляя униатов от римской Церкви, устранять препятствия к соединению их с греко-российской». К тому же из-за волнений в Западных губерниях вследствие Польского восстания 1830—1831 гг. было приостановлено приведение в действие некоторых предложенных распоряжений по униатскому делу. Правда, в это время «сделанное прежде утвердилось и даже начало приносить плоды». Он полагал, что если продолжать действовать и далее так же, то в течение 10—15 лет удастся достичь намеченной цели путём постепенного преобразования в греко-униатской Церкви. Против того, чтобы откладывать на столь долгое время решение этого вопроса, он выдвинул такие аргументы: другие важнейшие вопросы могут поглотить внимание правительства; «противодействие римско-католической польской партии может усилиться; усердные делатели (так в тексте. — О.С.) из среды униатов могут ослабеть и плоды нынешних попечений могут быть безвозвратно утеряны». Поэтому он считал, что было полезно и необходимо продолжить дальнейшее преобразование греко-униатской Церкви, сблизив её ещё больше

¹ ЦГАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 560. Л. 183—186.

в общей системе управления с Церковью греко-российской. В этой связи он напомнил императору об одобрении им подчинения греко-униатской Коллегии Святейшему Синоду, которое действует с конца 1832 г.

Чтобы подготовить надёжных помощников Синоду для его действий в этом отношении и для Белоруссии, был назначен новый православный плоцкий епископ, которому, возможно, суждено стать преемником управляющего белорусской греко-униатской епархией митрополита Булгака. Для Литвы, где требовалось «более осторожности, продолжительных и больших усилий», был назначен епископ Семашко. Состоялось также назначение трёх новых униатских епископов, на которых полагались не только в действиях в пользу православия, но и видели оплот от перехода греко-униатов в латинство, в случае полного прекращения иерархического управления греко-униатской Церкви.

Для ослабления и предупреждения противодействия со стороны преданных латинской Церкви униатов была упразднена почти половина базилианских монастырей, монахам, перешедшим из римского обряда, было разрешено вернуться в него, чем и воспользовалось 50 человек, было отменено по униатской Церкви право ктитинства. На неё был распространён указ от 18 / 6 декабря 1829 г., по которому «упраздняются мало приходные церкви, состояние духовенства улучшается, и строгий выбор одного делается удобнее». Для отделения от римских католиков униатскому духовенству запрещено отправлять богослужение в латинских церквях. Положением греко-униатской Коллегии было предписано устранить изменения и нововведения в богослужении и восстановить во всей прежней чистоте обряды греко-Восточной Церкви, а также употребление служебников и других церковных книг греко-российской Церкви.

Из приведённых данных Блудов заключал, что всё уже было сделано с униатской стороны для подчинения греко-униатской Церкви Святейшему Синоду, но предстояло ещё подготовить к этой мере православных. Он разделял мнение московского митрополита Филарета о необходимости создать для этого особый Комитет. Стоявшая перед ним задача ему представлялась так. «Согласиться малопомалу и почти нечувствительно с правилами касательно взаимных отношений греко-российской и греко-униатской Церкви, обдумать и приготовить меры, которые нужно принять впоследствии для успешного хода униатского дела». Учредить его он предлагал осенью после возвращения в Москву Филарета, а войти в его состав должны были «главнейшие и благоразумнейшие» из членов Святейшего Синода, начальники обеих греко-униатских епархий и несколько пользовавшихся доверенностью императора светских лиц, а возможно, и обер-прокурор Синода.

Первой мерой, которую должен будет осуществить Комитет — это подчинить греко-униатские учебные заведения Комиссии духовных училищ, в которую полезно назначить также одного или двух членов греко-униатского духовенства, в том числе и Булгака. Блудову казалось, что такое подчинение не может произвести неприятного впечатления и будет иметь хорошие последствия. Они проявятся

следующим образом. «Греко-униатское духовенство сблизится с греко-российским; действительнейшее средство преобразования униатов, то есть воспитание духовного греко-униатского юношества, перейдёт под власть православного духовного начальства, и взаимные отношения обеих Церквей сделаются теснее, и умы приготовятся к важнейшей мере подчинения униатов Святейшему Синоду».

Что касалось этой последней, «совершенно решительной» меры, Блудов полагал, что «она даст невозвратное направление униатскому делу, свяжет греко-униатскую Церковь с православной неразрывными узами, поставит сильный оплот влиянию поляков и римских католиков на дела униатские и, наконец, даст греко-российскому духовному начальству все способы действовать на окончательное возвращение униатов в лоно православия». При этом он уточнил, что подчинение униатов духовному греко-российскому начальству

...будет ещё лишь средством присоединения их к православию, а не самим присоединением, и сего последнего не должно даже и тогда считать лёгким. В сём деле предстоит столько мелочных, но необходимых распоряжений, при коих весьма трудно избежать ошибок, нужны такое постоянство и такая бдительность в исполнении, столько твёрдости в одних и снисходительности в других случаях, что я иногда невольно сомневаюсь в самой пользе подчинения униатов Святейшему Синоду. Надлежит особенно опасаться, чтобы Святейший Синод, во всём составе своём, не имея довольно точных сведений о местных обстоятельствах, не стал руководствоваться в действиях своих односторонними только показаниями и известиями, и мерами слишком постепенными, особенно, в начале, не испортил всё дело.

Чтобы упредить такую возможность, он предлагал сохранить деятельность этого Комитета и после подчинения униатов Святейшему Синоду, поручив ему предварительное рассмотрение всех распоряжений по униатскому делу до издания их через Святейший Синод или Комиссию духовных училищ. Поскольку этот Комитет будет состоять из сановников греко-российской Церкви и членов греко-униатской Коллегии и лиц, опытных в делах гражданского управления, он сможет рассмотреть любое предложение. Кроме того, таким же образом может обеспечиваться совместность действий министерства внутренних дел с греко-российским духовным начальством и отношений его к униатам¹.

Содержавшиеся в докладе Блудова предложения были одобрены императором. Был создан Комитет, в который вошли светские и духовные лица. Император согласился с тем, чтобы оставить его в действии и после подчинения униатов Святейшему Синоду².

¹ ЦГАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 560. Л. 216–227; Д. 561. Л. 2–8.

² Там же. Д. 561. Л. 6–8.

В том же 1834 г. (к сожалению, дата не указана) в «секретнейшем, конфиденциальном отношении» Долгорукому (скорее всего гражданскому губернатору в Вильно Ю.А. Долгорукому) Блудов, по собственному признанию, «излагал откровенно, впрочем, совершенно партикулярно и конфиденциально, в общих чертах и истинную, по мнению моему, точку зрения на униатские дела и самый ход этого дела». Он начал с подведения итога принятых мер. Произошёл переход управления униатской Церковью, сосредоточенного прежде в римско-католической Духовной коллегии и зависевшего от католиков, к особой и независимой от них Коллегии. Воспитание духовного униатского юношества больше не велось в польских училищах и в главной виленской семинарии, теперь для него учреждены семинарии и уездные училища, образованные по уставам для греко-российских духовных учебных заведений, а преподавание ведётся по большей части на русском языке и учебные книги поступают из Комиссии духовных училищ. Поскольку было запрещено посылать униатов в главную семинарию, для получения высшего образования они направляются в санкт-петербургскую Духовную академию, где уже воспитывалось 7 человек. Полностью было запрещено посвящать и отпускать для службы в костёлах униатских священников. Вместо существовавших в униатских епархиях капитулов с римскими канониками и прелатами было введено звание протоиереев, «долженствующее быть наградой заслуг и поощрением к усердию по делу настоящего преобразования». Были упразднены две из четырёх существовавших униатских епархий — виленская и луцкая, потому что были подвержены влиянию римских католиков из-за близкого пребывания епархиального начальства. К тому же луцкая епархия насчитывала 120 тысяч униатов в трёх губерниях и большую часть священников отдавала в распоряжение римских католиков для службы в костёлах.

Признавая, что эти и другие меры уже приносят благие плоды, правительство находило их недостаточными для достижения поставленной цели. На примере литовской епархии Блудов показал вопросы, решение которых ещё предстояло. Перевоспитать большое число священников (их там было 1300), ознакомить их с постановлениями, обучить богослужению по греко-российскому обряду, а часто чтению и наиболее употребительным молитвам на славянском языке. Позаботиться, чтобы все церкви имели церковнослужителей (дьячков или пономарей, звонарей), которые были лишь в половине церквей епархии, и среди них едва ли было 150 дьячков, «знающих сколько-нибудь своё дело». Предстояло обеспечить церкви иконостасами, которые могли построить немногие приходы за свой счёт, но рассчитывать в этом на помещиков, бывших римскими католиками, не приходилось. Надо было снабдить священников приличными облачениями и сосудами, приобрести для всех церквей книги.

Надо было, пояснил Блудов, считаться с тем, что все распоряжения правительства на местах встретят противодействие. Общественное мнение в Западных губерниях, даже там, где проживает наибольшее число униатов, определяют помещики-поляки, римские католики, и богатое римско-католическое духовенство.

Они имеют «тысячи средств противодействовать мерам правительства и не преминут ими воспользоваться: одни из религиозных, другие из политических или частных выгод».

Всё это, по мнению Блудова, доказывало, что восстановление в греко-униатских церквях обрядов богослужения Восточной Церкви и устройство их храмов по её правилам, преобразование во внешнем и нравственном отношении греко-униатского духовенства, а значит, и полное сближение униатов с православной Церковью, «не может совершиться вдруг. Оно по необходимости должно производиться постепенно, соответственно местным обстоятельствам и материальным средствам, для сего доставляемым. Излишняя поспешность только возбудит неудовольствие, коим римские католики не преминут воспользоваться». С удовлетворением он поделился тем, что уже имелись среди греко-униатского духовенства деятели, и рассчитывал, что их станет больше, благодаря которым «внутреннее преобразование греко-униатской Церкви может быть произведённым наиболее удобным образом». Со своей стороны, он ждал от Долгорукого соображений по этому делу и предложения надёжных мер для достижения этой цели¹.

Что касалось хода самого униатского дела, судить о готовности греко-униатского духовенства присоединиться к православной Церкви позволяли подписки, данные его представителями в 1834 г. Они различались не только по форме, но и по содержанию. Василий Лужицкий, председатель белорусской греко-униатской Духовной консистории, соборный протоиерей, доктор богословия, и Иосафат Жарский, член греко-униатской Духовной коллегии, архимандрит, по существу поставили подписи под одним и тем же текстом, носящим несколько формальный характер². Записка брестского епископа Антония Зубко составлена с пафосом³. Для остальных записок

¹ ЦГАДА.Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 560. Л. 255–265.

² «Исполняя желание Вашего Преосвященства, спешу сим объявить, что я разность по вере между Восточною и Западною Церквями считаю плодом мудрствований человеческих, а не существенными истинами христианства, и что из любви ко благу Церкви и Отечества готов во всякое время присоединиться к греко-российской Церкви. Впрочем, полагаю совершенно на благоразумие начальства (у Жарского — “на благоразумие правительства совершенно”. — О.С.), что сей поступок мой будет способствовать общему присоединению греко-униатского народа к оной же Церкви, а не возбуждать в нём отвращения к единокровным своим братьям и собственному Отечеству, России» (Там же. Л. 243–244).

³ «Ваше Преосвященство давно уже знаете мой образ мыслей и мои чувства к православной греко-российской Церкви; знаете моё твёрдое убеждение об истине верования сея Церкви и заблуждение римлян; знаете моё негодование к проискам латинян и поляков, унию произведшим; знаете моё соболезнование о последовавшем от сего перерождении полутора миллиона народа русского языка и происхождения; знаете моё искреннее участие в благом деле обращения униатов на лоно православной Церкви; знаете мою готовность присоединиться самому ныне же к сей нашей общей матери прародительской Церкви; знаете мою совершенную доверенность к мерам, кои правительству благоугодно будет принять

характерно краткое изложение сути. При этом в некоторых из них готовность присоединиться к православной Церкви оговаривается разрешением оставаться без бороды и в нынешнем одеянии или, чтобы присоединение было бы общим, а не частным¹.

Весной 1835 г. обер-прокурор С.Д. Нечаев предложил передать ведение униатского дела синодальному обер-прокурору, ссылаясь на то, что это не стало бы чем-то новым, поскольку, когда им был Голицын², долгое время униаты были подчинены обер-прокурору. К тому же это приучило бы их к мысли о воссоединении с православной Церковью и побудило бы низшее духовенство сближаться с православным духовенством, а за ними последовал бы народ и, таким образом, легко осуществилось бы подчинение Синоду.

Он видел такие благоприятные униатскому делу последствия от передачи его обер-прокурору. Более согласованными будут распоряжения по ведомствам двух Церквей, так как будут проходить через одни руки. Отпадёт необходимость в создании Комитета для решения вопроса о способе их воссоединения. При участии лица, которое заведует общими делами двух Церквей, станет проще совещание членов высшего духовенства, российского и униатского.

В пользу своей идеи он напоминал о функциях обер-прокурора. Он «совсем не есть то же, что Синод, и нисколько не обязан быть всегда одного с ним мнения и исполнять все его требования». Суть его должности сводится к тому, чтобы «в нужных случаях составить противовес (подчёркнуто в тексте. — О.С.) мнению духовного начальства, давая направление действиям его, основанное на законах, согласное с Высшею волею и не превосмогающее над гражданской частью». При таком посреднике, полагал Нечаев, и «униатам нечего опасаться излишних скорых настояний по требованию со стороны Синода». Он был уверен, что идею передать немедленно ему ведение униатских дел встретит поддержку генерал-губернаторов Западных губерний и большинства тех, кто знаком с положением дел на местах, а также высшего управления духовной части.

по униатскому делу, — всё это знаете, и я с удовольствием исполняю желание Вашего Пресвященства, объявляя Вам о сём письменно» (ЦГАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 560. Л. 245).

¹ Приведём в качестве примера записку ректора белорусской греко-униатской епархиальной семинарии, младшего соборного протоиерея, доктора богословия и кавалера ордена Св. Анны 3-го класса Михаила Шевлянича. Он заявил о готовности присоединиться к православной Церкви, «лишь бы только присоединение это униатов было общее, а не частное и чтобы мне дозволено было остаться без бороды и в нынешнем одеянии, и в противном случае дозволено было перейти в светское звание. Повергая сие моё объявление пред благодетельным моим правительством, я льщу себя надеждою, что оно в последнем случае не оставит меня без приличного содержания, соответственно проходимой мною службы» (Там же. Л. 250).

² Он был обер-прокурором в 1803–1824 гг.

В случае если император на это не даст согласия, Нечаев предлагал разослать подготовленную им ранее инструкцию под названием «Мысли и советы для православных архиереев, которых паства соприкасается с разномыслящими в вере и уклонившимися от православия»¹, положениями которой они должны были руководствоваться в своих отношениях с униатами. Замечания архиереев Западного края, представленные обер-прокурору, рассмотреть на совещании министра внутренних

¹ Содержавшиеся в инструкции предписания сводились к следующему. Архиереи Западного края наряду со своими обычными имели две особые обязанности: охранять православных от соращения и, насколько возможно, отделившихся от православной Церкви примирять и воссоединять с ней. Способы для успешного выполнения, особенно, второй обязанности следовало выбирать «с разборчивостью, с проицательностью, с дальновидностью». Они должны были отвечать духу самого христианства, видам правительства, понятиям, расположению, обстоятельствам, отношению тех, кого хотели воссоединить с православной Церковью. Не укорять их и не допускать в отношении них выглядевших враждебными поступков. Обращать внимание униатов на «одинаковость их верования и богослужения с нашим». Одновременно с миролюбием проявлять твёрдость и осторожность, особенно в отношении римского исповедания, следить, чтобы римское духовенство не вторгалось не только в пределы православия, но и униатов. Проявлять осмотрительность, вступать в сношения с духовенством других исповеданий, лишь если было очевидным миролюбивое и справедливое удовлетворение требований, а если предвидится или обнаруживается противоборство, православный священник должен сообщить о том своему архиерею, а он Святейшему Синоду или обер-прокурору. С особым вниманием нужно относиться к назначению священников в смешанные приходы, т. е. православных и неправославных. Усердно участвовать в возвращении униатов. Признавалось более трудным воссоединение униатского духовенства, чем мирян, воссоединение вместе и тех и других было бы лучше, но не следовало пренебрегать и частным воссоединением. Немедленно присоединять тех лиц, семьи, приходы, которые готовы к этому шагу и есть основание надеяться, что они не поддадутся «новому их отторжению». Но не торопить присоединение, когда они ещё не созрели к этому. Выявлять благонамеренных членов униатского духовенства и постепенно устанавливать с ними сношения. В случае обращения к православному епископу подданных униатского духовенства с просьбой о наставлении или разрешении дел (из-за отдалённости своего епископа или по другим обстоятельствам) её надо было удовлетворить. Добиваться такой степени доверия православных и униатских архиереев, чтобы посещение подведомственного одному места православным архиереем с последующим уведомлением униатского, воспринималось последним благонамеренной помощью, а подчинённые видели в этом доброе согласие двух начальников. Православные архиереи могли склонным к присоединению священникам разъяснять, что «прежние их выгоды останутся», в нуждах они найдут помощь и покровительство православного начальства и что их жёны-католички, в случае перехода, могут оставаться католичками. Можно было также им позволять, по крайней мере, вначале подражания некоторым обычаям католиков в богослужении, но только «вовсе не противным нашей Церкви». Последним, 19-м правилом было: «действовать скромно, без шума и преждевременной гласности» (ЦГАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 561. Л. 25—32).

дел, Семашко и обер-прокурора. И впредь на таком совещании обсуждать униатские дела, имевшие какое-либо отношение к делам православной Церкви¹.

Своё отношение к идее Нечаева Блудов изложил в докладе от 9 апреля / 28 марта 1835 г. Он находил, «что нет нужды, и не было бы никакой пользы изменять направление и ход униатского дела». Тем более этого не следовало делать теперь, когда «известное уже согласие некоторых высших православных духовных сановников на предполагающиеся в отношении униатов важнейшие меры обещает сим мерам надёжный успех». Содержавшиеся в записке Нечаева замечания он предлагал рассмотреть на заседании Комитета.

Блудов полагал необходимым пока отложить и идею передачи дела униатского управления в ведомство обер-прокурора. Он считал, что это произвело бы на римских католиков и поляков такое же «сильное впечатление, возбудило бы в них ту же недоверчивость, как и самое подчинение униатов Святейшему Синоду». Вместе с тем это «не имело бы важных и решительных для пользы дела последствий, ожидаемых от этого подчинения». Министр ссылался на опыт, обретенный Департаментом духовных дел иностранных исповеданий за восемь лет, что он занимался униатскими делами, на его знакомство с их ходом и направлением и может дать все необходимые объяснения Комитету, когда он приступит к работе.

Передача же этих дел в ведомство синодального обер-прокурора, считал Блудов, «произведёт непременно, по крайней мере, вначале некоторые недоразумения и запутанность».

Наконец, он пояснил, что «успех униатского дела зависел не только от действия на униатов внутренними мерами и посредством греко-российского духовенства, но почти столько же от доставления защиты противу притязаний и вмешательства сильной партии латинско-польской, она удобнее может быть доставляема непосредственным влиянием министерства внутренних дел на местные гражданские управления».

В заключение Блудов признавал, что передача этого дела в ведомство синодального обер-прокурора не подлежала сомнению, но лишь после подчинения униатов Святейшему Синоду, когда «обе стороны посредством взаимных сношений сблизятся, и сами дела греко-российского и греко-униатского управлений некоторым образом сольются».

Что касалось инструкции православным архиереям Западного края, министр считал необходимым её разослать².

Тем временем намеченный Блудовым и одобренный императором план реализовывался в Западном крае совсем не тем способом, как было задумано. Предусмотренные этим планом меры были направлены на то,

¹ ЦПАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 561. Л. 15–20.

² Там же. Л. 9–11.

...чтобы отделить униатов от римской и присоединить к греко-русской Церкви, чтобы уничтожить постепенно всё заимствованное от латинов и восстановить устройство храмов, богослужение и уставы Церкви Восточной; наконец, чтобы воспитанием юношества изменить дух и образ мыслей духовенства греко-униатского и потом, действуя посредством сего самого духовенства, переродить нечувствительно униатов из полуполяков римских католиков в русских православных.

В докладной записке от 6 июня / 25 мая 1835 г. Блудов сетовал по поводу предвиденных им ранее, а теперь подтвердившихся последствий от проводимых православным духовенством и некоторыми гражданскими чиновниками частных обращений некоторых униатов в православие посредством миссионерских и, он не исключал, полицейских мер. Результатом было присоединение 50 тысяч униатов (но без духовенства) почти исключительно из казённых и принадлежавших русским помещикам имений. Это не очень радовало Блудова, считавшего, что обращение народа без духовенства было недостаточно надёжным, успех его будет непродолжительным и остановится в находящихся в ведении польских помещиков селениях. Более того, в этих частных присоединениях он видел «истинное препятствие успеху общего возвращения униатов в православие и в течение 6 лет постоянно, с возрастающим ежегодно, явным, хотя без излишней гласности успехом исполнявшемуся плану». Вредные последствия частных присоединений, по мнению Блудова, сделали

...слишком ясными намерения правительства, возбудили общее опасение и противодействие в господствующей в Западных областях польско-латинской партии, поставили греко-российское духовенство в отношении к униатам, как будто в враждебном виде, возродили в сих последних опасение и недоверчивость к совершившимся в их церкви преобразованиям, наконец, произвели в сих духовных взаимное раздражение, весьма невыгодное для дальнейших действий правительства.

Во избежание в дальнейшем таких последствий двух систем, действовавших отдельно и независимо на униатское дело в двух почти противоположных направлениях, было принято императором решение в июне 1834 г. об учреждении Комитета из духовных лиц греко-униатского и греко-российского исповедания и нескольких светских гражданских государственных сановников. Он должен был согласовать меры в отношении униатов главного управления греко-российского исповедания и министерства внутренних дел. Тогда было решено учреждение Комитета отложить до приезда митрополита Филарета из Москвы в С.-Петербург. Это произошло, и Блудов испрашивал разрешения начать работу Комитета. Он надеялся, что удастся продвигаться к намеченной цели, как прежде, постепенно. Перед Комитетом стояли две задачи. Во-первых, согласовывать меры, предпринимаемые по министерству внутренних дел и управлению греко-российскими делами, обеспечивать исполнение постановлений правительства в отношении униатов, постоянно следить за преобразованиями по учебной части, церковному устройству,

богослужению и благочинию на основании папских булл, положивших начало унии. Во-вторых, меры по такому внешнему преобразованию «так обдумывать и так направлять, чтобы они действовали и на окончательное обращение униатов в православие». Решение первой задачи было открытым, второй — тайным. Поэтому Блудов просил согласия императора, чтобы Комитетом в полном составе обсуждались лишь первые меры, а вторые — только некоторыми его членами и в «Комитет предлагались меры, уже обдуманые и в бесспорном принятии коих не предстояло бы никакого сомнения»¹.

20 / 8 октября 1836 г. в записке императору Блудов подвёл итог проделанному в решении униатского дела. Что касалось Комитета, он считал, что главная цель его учреждения была уже достигнута. Главные иерархи православной Церкви были ознакомлены с планом, по которому действует министерство внутренних дел в отношении униатов. Доказательством этого служили два дела, которые совершил Комитет. Во-первых, разрешение помещать детей священников и церковнослужителей в училища православного духовного юношества и подчинение греко-униатских учебных заведений Комиссии православных духовных училищ; во-вторых, объявление Святейшего Синода, что униатам могут быть преподаваемы все духовные требы по их желанию без особого обряда отречения.

Несмотря на представленные достижения в решении униатского дела, Блудов не считал своевременным приступить к решительной мере — гласному подчинению греко-униатской Коллегии Святейшему Синоду. Препятствие этому создавал этот последний из-за, «конечно, неосновательного опасения, чтобы сие не произвело неблагоприятного от превратных понятий и толков впечатления на умы даже некоторых православных низших состояний, и ещё более старообрядцев». Чтобы снять эту обеспокоенность, он предложил передать греко-униатские дела не непосредственно в ведение Святейшего Синода, а обер-прокурору, которого поставить в такие же отношения с греко-униатской Коллегией, в коих находилось министерство внутренних дел.

Сия мера в настоящем положении вещей и лиц, кажется, соединяет в себе все выгоды решительного действия и благоразумной осторожной постепенности. Она не устрасит и не удивит ни православных, ни самих униатов, и между тем, однако ж, будет продолжать готовить общественное мнение к исполнению дальнейших видов правительства. Синадальный обер-прокурор есть чиновник светский, следовательно, присвоение ему власти, присвоенной ныне министру внутренних дел, не представит, по-видимому, никакой резкой перемены в управлении греко-униатской Церковью, но он есть также главный орган Святейшего Синода во всех сношениях его с другими правительственными местами и лицами и блюститель порядка в собственных делах оною.

¹ ЦПАДА. Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 561. Л. 68–70, 77.

Обер-прокурор, полагал министр, мог представлять на рассмотрение Синода некоторые частные дела по управлению греко-униатской Церковью, такие как те, что касаются нужд греко-униатского духовенства, церковного имущества и благочиния. Постепенно Святейший Синод, а под воздействием его или обер-прокурора и начальники православных епархий в Западном крае «привыкнул принимать участие и давать разрешения в делах греко-униатского духовенства». Они же станут прибегать к ним за разрешениями и наставлениями, и сближение, «осмелюсь сказать, и соединение сей Церкви с нашею совершится почти неприметно и нечувствительно, но в довольно скором времени».

Блудов ходатайствовал перед императором, чтобы при передаче дел в ведение обер-прокурору продолжал действовать учреждённый в 1835 г. секретный Комитет. Все дела и особенно важные, которые обер-прокурор сочтёт нужным вынести на рассмотрение Синода, могут обсуждаться Комитетом или же предварительно на совещаниях, составленных из некоторых его членов. Министр внутренних дел, хорошо осведомлённый о ходе и направлении униатских дел, будет, с одной стороны, и как член Комитета и в сношениях с обер-прокурором предоставлять по ним сведения и объяснения. С другой стороны, он будет направлять действия местных гражданских управлений, когда их участие будет признано полезным. Этими своими идеями Блудов поделился с участниками тайных совещаний Комитета.

Поставленная Николаем I на этой записке Блудова помета «Быть по сему» означала принятие предложения и проведение его в жизнь¹.

Черта подо всей многолетней работой, начатой в 1828 г., была подведена фактически спустя десятилетие.

В феврале 1839 г. в Полоцке собрался собор униатских епископов и духовенства полоцкой и виленской епархий, принявший решение о переходе в православие². Им было составлено всеподданнейшее прошение о том к императору, подписанное 1305 духовными лицами. На этом прошении Николай I оставил помету: «Благодарю Бога и принимаю». Торжественное богослужение по этому случаю состоялось в Витебске, Орше, Полоцке, Вильне. На медали, выпущенной по этому случаю, было написано на одной стороне: «Отторженные насилем (1596) воссоединённые любовью (1839)», на другой стороне под ликом Спасителя на убресе: «Такова имамы Первосвященника»³.

Бывшие униатские архиереи (Иосиф, епископ литовский, Василий, епископ оршанский, управляющий белорусской епархией, и Антоний, епископ брестский, викарий литовский) стали православными епископами.

¹ ЦГАДА.Ф. № 1274. Панины и Блудовы. Оп. 1. Ч. 1. Д. 561. Л. 83–90.

² О подготовке этого акта см.: *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2 // История Русской Церкви. Т. 8. Ч. 2. М., 1997. С. 336–343.

³ *Тальберг Н.* Император Николай I в свете исторической правды (1839–1842). N. Y., 1961. P. 1.

Это событие означало, что прилагаемые обеими Церквями усилия привлечь на свою сторону униатов для одной из них увенчались успехом: одна их часть перешла в православие. В глазах Рима это должно было восприниматься большой потерей, ведь белорусская епархия охватывала несколько губерний: Витебскую, Курляндскую, Минскую, Могилёвскую, Киевскую, Вольнскую, Подольскую и Херсонскую. В этих губерниях было 17 мужских и 3 женских монастыря; 700 греко-униатских церквей, 770 представителей духовенства и более миллиона населения¹. Естественным было ожидание в С.-Петербурге реакции Рима на это событие.

Между тем дипломаты продолжали свою деятельность, решая дело Гутковско-го. Выполняя указания, содержащиеся в депеше от 30 / 18 декабря, Потёмкин начал с конфиденциальной беседы с Капаччини. О его реакции он так сообщал в донесении от 26 / 14 января 1839 г.

Прочтя депешу, монсеньор, как казалось, не усмотрел никакого затруднения в том, чтобы, за неимением других, более действенных мер, добиться от Святого Престола согласия направить Гутковскому, по крайней мере, увещание более серьёзное, чем прежде, проявлять больше осмотрительности в своём поведении и речах. Обещая способствовать, насколько это будет зависеть от него, успеху такой обоснованной просьбы, Капаччини не скрыл, что не изменил ранее выраженное мнение о недостаточности простого увещания, а единственным действенным средством в его глазах было удаление столь явно недоброжелательного лица. Одновременно, учитывая непримиримый настрой государственного секретаря в данное время, он предлагал дожидаться более благоприятного момента для начала переговоров².

Потёмкин согласился с мнением Капаччини. Депешей от 10 марта / 26 февраля С.-Петербургом было одобрено его решение «при более благоприятных предзнаменованиях» вернуться к этому делу³.

Сделать это стало возможно только весной. Из донесения Потёмкина от 26 / 14 апреля следовало, что, ещё раз ознакомившись с депешей от 30 / 18 декабря, Капаччини нашёл её столь умеренной, что не видел никакого неудобства немедленно ознакомить с ней государственного секретаря. Однако одновременно он откровенно признался, что не сомневался в неизбежном возникновении существовавшего с самого начала переговоров препятствия, источником которого служило недоверие Святого Престола, связанное «с так называемыми антикатолическими тенденциями» императорского правительства, которому многочисленные тайные донесения, поступавшие к папе, приписывали преследования подляского

¹ Записки о воссоединении греко-униатского духовенства и народа в Белоруссии и на Волини с православной Церковью // Русский архив. М., 1881. Кн. II. С. 383.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 41–42.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 372.

епископа. Затем последовало пояснение, что, лишённый всякого средства контролировать поступающие донесения, Святой Престол поневоле вынужден был действовать с крайней осторожностью всегда, когда вставал вопрос о предъявлении обвинений по поводу поведения духовных властей. Отсюда вытекало логическое заключение, что только от своего представителя он мог получать информацию о реальном положении вещей в Польше.

Когда после этого Потёмкин дал прочесть эту депешу государственному секретарю, тот отреагировал на неё спокойнее, чем ожидал посланник. Он попросил её оставить, чтобы дать прочитать понтифику. А через некоторое время сообщил, что, прежде чем принять решение, последний хотел выяснить мнение нескольких кардиналов, пользовавшихся его полным доверием¹.

В итоге ответ папы, довольно путано изложенный Ламбрускини Потёмкину (донесение № 25 от 30 / 18 мая 1839 г.), свелся к следующему. После того как он сам серьёзно занимался делом подлясского епископа и проконсультировался с кардиналами, папа убедился в невозможности подвергнуть суровому порицанию епископа, против которого не было выдвинуто никакого нового серьёзного обвинения. Прежние же обвинения политического характера он с успехом отклонил в присланных им доказательствах его невиновности. Что касалось упреков, которые, казалось, он навёл на себя по поводу его духовного управления, то Святой Престол не мог осудить епископа «за его усердие, проявленное в защите принципов и доктрин, освящённых католической Церковью».

Объяснение позиции Святого Престола Потёмкин видел в том, что папа постоянно пребывал под влиянием мысли, что императорское правительство стремится постепенно декатолизировать Польшу.

Сведения, поступавшие, как прямо к папе, так и к кардиналам, со стороны искренних и притворных ревнителей католицизма, лишь утверждали их в этом. К тому же борьба с Пруссией и её опасный резонанс в Европе подняли мужество так же как притязания римского Двора. И, не опасаясь породить нового врага, он, кажется, хочет создать видимость преследования его веры со стороны иностранных правительств, чтобы, таким образом, из возрождённого фанатизма сделать себе мощное орудие, чтобы успешно их разбить. Таков настрой, который, кажется, направляет советы Святого Отца, который не может не считаться с настроениями римского духовенства, —

полагал Потёмкин. В качестве дополнительного обстоятельства он называл публикацию во франкфуртской газете от 23 апреля статьи о переходе греко-униатов в польских областях в православие, статьи, усилившей недоверие к российскому правительству².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 186—188.

² Там же. Л. 208—210.

Между тем, получив от Потёмкина известие о решении папы передать это дело на рассмотрение конгрегации кардиналов, из С.-Петербурга ему направили с депешей от 18 / 6 июня 1839 г. справку о новых прегрешениях Гутковского. В общей форме новые факты сводились к следующему: незаконные поборы, преследование священников, не нравившихся ему из-за их преданности правительству, незаконное перемещение священников, противозаконное изменение границ приходов¹.

Конкретно эти факты были таковы. После прекращения выплаты ему жалования епископ незаконно установил в своей епархии подать в свою пользу, которую обязано было предоставлять духовенство. Он получал также помощь от недоброжелательно настроенных к правительству лиц. Независимо от этой подати он требовал сам или через других лиц от священников его епархии пожертвований, как деньгами, так и продуктами, а приходские священники, отказывавшиеся собирать их, подвергались преследованию и мщению.

Когда наместником было приказано зачитать в церквах положение о решении (оно было принято правительством в качестве одной из мер в борьбе с актами грабежа) снабдить всех жителей Царства имеющим законную силу документом, без которого никто не мог отлучаться со своего обычного места жительства, Гутковский отказался сделать это.

В марте 1838 г. он направил в Комиссию внутренних дел и исповеданий записку, доказывавшую права многих приходов его епархии на капиталы, обременённые ипотекой на имущества, находящиеся в Империи, и потребовал содействия правительства для его получения обратно. Комиссия сообщила, что обязательства, которые в силу Санкт-Петербургского соглашения 1797 г. перешли к государственной казне Империи и получили позднее иное предназначение, не могли больше, по этой причине, дать основание ни для возвращения, ни для какой-либо компенсации. Что же касалось капитала, состоявшего из подношений духовенству Царства с 1797 г., который был отдан в залог на имущество, находящееся в России, он мог быть затребован через посредство гражданских властей и судебным путём. Гутковский подал по этому поводу новое представление, в котором жаловался на этот ответ Комиссии, утверждая среди прочего, что сделанные Церкви подношения не могли быть отвлечены от их предназначения без разрешения папы, что «никто не имел права заносить на них свою святотатственную руку». Он заявил также, что после того, как польское духовенство не получило компенсации за имущество, которого оно было лишено, принятые в отношении него соглашения не имели для него никакой обязательной силы.

Согласно 27-й статье императорского указа от 18 / 6 марта 1817 г., учреждение новых приходов, изменение их границ или объединение двух приходов в один могло происходить лишь с согласия правительства. Несмотря на это, Гутковский уничтожил бардзиловский приход, присоединив его к паулинскому монастырю, и лишил, таким образом, приход его дохода. Этот акт противоречил даже каноническому

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 398—402.

закону, запрещавшему епископам уничтожать приходы или давать принадлежавшим им фондам иное предназначение без согласия Святого Престола.

Он отстранил суффрагана подлясской епархии Францишека Игнацы Левинского от управления фондами приходской церкви под предлогом его психического расстройства, в то время как он был лишь жертвой личной ненависти и желания преследовать всех, пользовавшихся расположением правительства¹.

В министерстве хорошо отдавали себе отчёт, что все приведённые в справке аргументы могли быть оспорены, а поступки епископа оправданы. И если, несмотря на такие предположения, доводили до сведения Потёмкина новые факты, то делали это

...гораздо меньше в надежде навлечь на епископа неодобрение Святого Престола, чем, чтобы сигнализировать о систематической стойкости, с которой этот прелат упорствует в своих повадках, своих всё возрастающих притязаниях, явно обнаруживающих намерение вывести правительство из терпения; наконец, о невозможности, перед которой вскоре окажется последнее, оставаться дальше пассивным свидетелем положения дел, которое оно тщетно стремилось исправить с помощью духовного влияния папского Престола.

Поэтому справку, как, впрочем, и депешу, предлагалось по усмотрению Потёмкина представить папскому правительству либо целиком, либо только пассажи, способные, по его мнению, повлиять на настрой папы².

Вернувшись к ранее сообщённой готовности оплатить поездку епископа в Рим, если она состоится, на этот раз, сославшись на случай с удалением Скорковского, Потёмкина ставили в известность о готовности императора назначить Гутковскому годовую пенсию в 20 тысяч польских флоринов с того дня, как он покинет Царство Польское. Такая же сумма будет ему выплачена единовременно на расходы по переезду и поездке в Рим³.

Получив новые инструкции из С.-Петербурга, Потёмкин (поскольку, из-за «недоверия и ревности» государственного секретаря, Капаччини уже некоторое время был удалён от своего поста) вынужден был сразу обратиться к Ламбрускини (донесение № 32 от 27 / 15 июля 1839 г.). Он дал ему прочесть две депеши относительно сформированных в Риме объединений с целью ввести в религиозные ордена занимавшихся революционной пропагандой польских беженцев, чтобы под этой маскировкой проникнуть в Царство Польское и там под эгидой польского духовенства трудиться над выполнением разрушительных проектов.

Кардинал отверг утверждения об участии Святого Престола или его сановников в этом. Он сослался на то, что призванный к защите религии, при разговорах

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 403—407.

² Там же. Л. 418—420.

³ Там же. Л. 416—417.

с иностранными державами он высказывал свои претензии и защищал свои права перед лицом всего мира. И пояснил, что Церковь питала отвращение и всегда осуждала тайные происки, направленные против безопасности государств, что папское правительство восприняло бы как оскорбление подобное обвинение, сделанное в письменной форме.

Поскольку Потёмкин имел целью лишь осведомить о существовании подобных происков и обратился с просьбой о кооперации, чтобы их упредить или расстроить, кардинал это положительно обещал. Он сказал, что не мог не признать возможности наличия в лоне духовного корпуса нескольких путаников, замешанных в столь криминальных интригах, но протестовал против того, чтобы корреспонденция такого рода, как было указано в секретной записке, поддерживалась Святым Престолом и каким-либо его уполномоченным.

Относительно назначения епископов *in partibus* на вакантные кафедры в Польше, «чтобы оживить католическую веру», кардинал посчитал подобный проект столь абсурдным, что он не заслуживал серьёзного ответа с его стороны¹.

В С.-Петербурге данные Ламбускини объяснения были «найжены внушающими доверие», «восприняты с удовлетворением», а «за его обещание следить и помешать принятию в ряды Церкви польских эмигрантов» были признательны. Там рассчитывали на «эффективность сотрудничества» римского Двора, будучи «уверены, что ему достанет средств, чтобы осуществлять контроль и воздействие»; никогда не допуская возможности участия членов высшего римского духовенства в планах революционной пропаганды, сочли необходимым поставить его в известность о проектах, авторы которых прикрываются религией, чтобы распространять элементы беспорядка. При этом отдавали себе отчёт, впрочем, «что римский Двор был слишком осведомлён о своих собственных интересах, чтобы терпеть и ещё меньше, чтобы поощрять революционные тенденции, которые одинаково угрожают алтарю и трону», — говорилось в депеше от 28 / 16 сентября 1839 г. Потёмкин должен был говорить с Ламбускини, исходя из этих соображений².

Однако в секретной депеше по этому вопросу за то же число прямо признавались, что не приходилось рассчитывать на «соучастие в протестах правительства, недоверчивого, вспылчивого и не щепетильного в выборе средств, чтобы обеспечить торжество ультрамонтанских доктрин». Поэтому Потёмкину предписывали следить, насколько возможно, за приёмом в религиозные ордена представителей польской эмиграции. Отдавая отчёт в трудностях, которые он будет встречать при исполнении сурового контроля в этом отношении, не сомневались, что его расследования будут облегчены, по крайней мере частично, использованием секретных каналов, умело им подготовленных в сфере некоторых конгрегаций и, в частности, в среде конгрегации церковного собора.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 246—247.

² Там же. Д. 181. Л. 27.

Собранные сведения по этому поводу Потёмкин должен был направлять наместнику в Польше, а последний — делиться с ним своими данными¹.

Потёмкин понимал, что, когда ему направлялись инструкции, его донесение № 25 от 30 / 18 мая, сообщавшее о решении папы передать вопрос о Гутковском на рассмотрение кардиналов, не было ещё получено, ибо иначе в них были бы явно внесены изменения. Тем не менее он (ещё одно донесение от 27 / 15 июля, но за № 33) решил действовать в соответствии с ними. Он дал Ламбрускини прочесть депешу Нессельроде. Последовало повторение прежнего ответа. Новые обвинения в адрес Гутковского не казались кардиналу убедительными. Что же касалось грубости формы, к которой он прибегает для защиты прав католической Церкви, она, конечно, подлежала осуждению, но не могла служить «причиной удаления епископа, остающегося верным своему призванию, защищая, в ущерб личного благосостояния, права Церкви от незаконного вмешательства светской власти». Отсюда кардинал перешёл к такому «слишком достоверному» незаконному вмешательству, к тому, что случилось в России среди католического населения греко-униатов, вмешательству, известие о котором глубоко огорчило папу. При этом он поспешил сделать оговорку, что ещё не пришло время для официального разговора по этому поводу.

Уже это первое замечание убедило посланника, что отныне не следовало ожидать ни малейшей уступки со стороны Святого Престола, поскольку «если прозелитизм является первым долгом католического духовенства, то вероотступничество его паствы — самым большим преступлением в его глазах». Будучи глубоко взволнован и явно опасаясь, увлекшись, сказать больше, чем хотел бы, кардинал внезапно прервал разговор и перешёл к Восточным делам. Потёмкин понимал, что римский Двор готовился излить свою горечь, но не мог сказать, произойдёт ли это в форме аллокуции, либо энциклики к польским епископам, либо увещевания, обращённого к населению, отделившемуся от католической Церкви².

Среди всей полученной от Потёмкина корреспонденции за 27 / 15 июля 1839 г. содержащийся в этом донесении факт, что Ламбрускини, неожиданно и без всякой провокации со стороны дипломата, поднял вопрос о греко-униатах, привлёк внимание Николая I. В помете на этом донесении император изложил своё видение существа произошедшего:

Вопрос о греко-униатах очень простой. Когда политически отделённые от России греческие жители были лишены их духовного главы, они приняли за такового папу; акты существуют и доказывают, что это было лишь политическое признание. В настоящее время то же самое духовенство попросило о возвращении в лоно Церкви-матери, отделённым от которой оно себя никогда не считало — дело уладилось и аминь (все подчеркнуто в тексте. — О.С.)³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 181. Л. 31.

² Там же. Д. 180. Л. 251–254.

³ Там же. Л. 251.

Депешей от 28 / 16 сентября посланник был информирован, что император полностью одобрял проявленную им осмотрительность, когда он не сделал замечания относительно неуместности запроса, адресованного таким неожиданным образом.

Действительно, нам не следует принимать на себя перед римским Двором инициативу бесполезных препирательств, малейшее нежелательное последствие которых не привело бы ни к какому результату и ничего не изменило бы в положении дел. Итак, Вы будете настойчиво продолжать следовать пассивной позиции, так благоразумно занятой, и воздержитесь от того, чтобы возвращаться к вопросу о греко-униатах, —

рекомендовалось Потёмкину.

Было очевидно, что Ламбускини не последует его примеру. И поскольку приходилось ожидать, что он вернётся к этому вопросу, излагалась (но лишь для личного сведения посланника) российская точка зрения относительно произошедшего в Западных областях Империи. Возвращение духовенства и населения в лоно православной Церкви «является совершившимся фактом».

Император воспринял известие об этом счастливом событии, как новое благодеяние Божественного Провидения. Впрочем, императорское правительство оставалось непричастным к решению греко-униатского духовенства. Оно явилось плодом его глубокого убеждения, его спонтанного желания. Император лишь согласился с решением, которое является одновременно религиозной победой и ещё одной нитью, вновь связующей это население с его Родиной. Ибо не следует заблуждаться в том, что в областях Белоруссии именно православие является старой, а римский католицизм — новой религией. Более того, это возвращение не является обращением, это ещё меньше — вероотступничество (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), как римский Двор хотел бы это квалифицировать; это — естественное следствие принципа, в силу которого всякое воззрение стремится вернуться к своему истоку, от которого оно было отвлечено насильственным путём.

Чтобы в этом убедиться, предлагалось взглянуть на историю «так называемого объединения». Она представлялась в следующем виде.

В то время когда Белоруссия, тогда православная, была временно отделена от Империи и включена сначала в Великое герцогство Литовское, а позднее в Польскую республику, духовенство и население этих областей, лишённые защиты их духовных глав, оказались вынуждены принять покровительство римской кафедры. Эта номинальная поддержка со временем превратилась в реальное верховенство. Легко понять, как подчинённое ультрамонтанским доктринам, живущее среди католического населения, притесняемое фанатичным и нетерпимым польским духовенством, слабое славянское и православное население должно было малопомалу смириться с игом завоевания. Однако всегда привязанное к своей прежней вере, оно тайно питало надежду на скорое возвращение к ней. Сам римский

Двор, не надеясь, что сможет полностью поколебать религиозную верность этого населения, постарался, по крайней мере, ввести его в заблуждение, сохраняя внешние формы его исповедания и создавая, так сказать, видимость православия. Так, духовенство, именуемое униатским, долгое время сохраняло прежнюю литургию, причастие под двумя видами, свой язык и формы своих священнических облачений. Лишь постепенно стремились вводить догмы и обычаи латинского исповедания, щедро раздавая знати и высшему духовенству «обещания, соблазнительные и столь же ложные, как источник, из которого они проистекали».

Но, как только с политическим господством было покончено, это население, православное и верующее, обретя свободу, смогло соединиться со своими братьями-соотечественниками и единоверцами и поспешило с политическим игом сбросить иго религиозное, под которым страдало в течение двух веков. Уже в царствование императрицы Екатерины II половина греко-униатов выбрали веру их первоначальной Церкви. А её внуку было предначертано увидеть завершившимся это «спасительное деяние».

В заключение депеши, ещё раз подтвердив, что «правительство было непричастно к этому делу духовного примирения двух народов, издавна объединённых общим исповеданием», Нессельроде, продолжив, по существу недвусмысленно опроверг это.

Но, вопреки всему, если бы даже, — что вовсе не относится к данному случаю, — я повторяю, правительство этому содействовало бы, конечно, не римскому Двору его в этом упрекать, ему, который делает из прозелитизма долг совести любого католика, и который соглашается на брачные диспенсии, по причине разницы в исповеданиях, лишь при непрременном условии воспитания всех детей от таких браков в римско-католической религии.

Это замечание министра примечательно как косвенное признание истинного положения дела — участия правительства в этом событии, так же как разъяснение того, что воспользовались при этом собственным способом католицизма — прозелитизмом.

В депеше специально перечислялись акты, доказывавшие свободу действия греко-униатов:

1. Акт полоцкого Синода, содержащий заявление епископов и духовенства о признании объединения их исповедания с православной греко-восточной религией Империи и обязательство подчиняться руководству Святейшего Синода.
2. Письменно обращённая к императору просьба духовенства о его согласии на присоединение к их прежней Церкви.
3. Императорский Указ, предписывавший Святейшему Синоду рассмотреть желание греко-униатского духовенства и вынести решение относительно его просьбы в соответствии с канонами и церковными предписаниями.

4. Решение и доклад Синода о принятии духовенства в православное исповедание и об исполнении его желания войти в подчинение высшего церковного суда Империи.
5. Наконец, утверждение императором заключений Святейшего Синода¹.

На подлиннике именно этого последнего документа собственной рукой Николая I было написано: «благодарю Бога и принимаю. 25 марта 1839 г.»².

Принимая своё решение, в С.-Петербурге хорошо отдавали отчёт в том, что переход униатов в православие «не мог не поразить болезненно папу, привыкшего рассматривать греко-униатов составной частью католической паствы, расставание которой с латинской Церковью его лишает сегодня духовной власти, осуществлявшейся почти три века». Там констатировали, что первоначально, обладая лишь косвенной информацией, папское правительство в объяснениях с российским представителем ограничилось лишь простыми намёками и расплывчатыми сетованиями, но, когда разрыв униатов с римской кафедрой «стал очевидным и бесспорным фактом», ситуация изменилась³.

Что касалось вопроса о Гутковском, исходя из очевидной безуспешности новых демаршей перед папским правительством, отнеслись с одобрением (ещё одна депеша от 28 / 16 сентября) к тому, что Потёмкин его осведомил о содержании последних сообщений наместника, лица, которое более других было вынуждено высказаться о неудобствах продолжения пребывания Гутковского в Царстве Польском. Со своей стороны, в сложившейся ситуации наместник, принимая во внимание трудности, которые предстояло преодолеть, предпочёл смириться с тем, чтобы ещё в течение некоторого времени выдерживать затруднительное присутствие его в Польше, «чем нас подвергать в нынешних обстоятельствах разрыву с папским правительством». Решение наместника было одобрено. Потёмкину предписывалось приостановить на данное время любые последующие шаги в этом деле, но сделать это так, чтобы римский Двор не составил себе ложного представления относительно причин такого молчания, ибо речь шла не об отказе дать делу законный ход, а о надежде добиться выигрыша во времени⁴.

Реакция папы на переход греко-униатов в православие, носившая характер буквально полного горечи крика души, нашла своё выражение в аллокуции, произнесённой на секретной консистории 22 ноября 1839 г. «Со времени начала Нашего апостольского служения, Нам приходилось объявлять о многих действительно важных и прискорбных событиях. Но то, что Мы скажем сегодня, среди горестей и плача всей Церкви, далеко превосходит все несчастья, по поводу которых Мы

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 181. Л. 43–48; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 433–442.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 443.

³ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1839. Оп. 475. Л. 138.

⁴ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 431–432.

в других случаях скорбели» — так начиналась эта речь. Затем в ней излагалась история греко-униатов, начиная с экуменического собора во Флоренции, на котором киевский архиепископ, митрополит Всея Руси, подписал знаменитый документ об объединении с католической Церковью. Теперь же речь шла об отделении и переходе в православие части их вместе с несколькими светскими русскими униатами Литвы и Белоруссии и частью духовенства, на которое возлагалась вина за случившееся. Процесс перехода рисовался следующим образом. Прежде всего, обманным путём ведя службу по книгам, полученным от греко-русских, они приравнивали этим почти все формы их исповедания, чтобы невежественный народ был вовлечён в «схизму», почти вопреки его воле, сходством, которое всё более складывалось между двумя исповеданиями. Затем по их указанию несколько раз созывались приходские священники и им направлялись даже письма, которыми предписывалось каждому согласиться на присоединение к греко-русской Церкви, сообразно формулировке, которую им представляли для этого. Одновременно их предупреждали о потере строптивыми их мест и о том, что они будут обвинены перед властями, так же как все священники, которые последуют их примеру. Наконец, после того, как прибегли и к другим махинациям, дошли до того, что публично заявили о своём намерении перейти в эту Церковь, более того, от имени своих епархий просили о разрешении на это императора. «Их желания осуществились. Мучительно вспоминать здесь всё то, что готовило издавна это событие, столь прискорбное и какими побуждениями эти дегенеративные пастыри позволили себя довести до падения в эту ужасную бездну безбожия и гибели», — заключил папа эту часть своей речи. Изобличив греко-униатских иерархов, он не забыл о трудной судьбе тех, кто продолжал «пребывать в католическом общении». Не умолчал он и ещё об одной причине скорби — о состоянии католичества в обширной России, для улучшения которого употреблялись все усилия, и давал обещание не пощадить и в будущем никаких стараний в этом отношении перед могущественным монархом в надежде, что он откликнется на эти просьбы¹.

Передача Ламбускини через Потёмкина аллокуции, впечатления, произведённые ею в Риме, никак не повлияли на изложенную в депеше от 28 / 16 сентября точку зрения, с которой в С.-Петербурге рассматривался вопрос о греко-униатах. Сетования римского Двора вовсе не вызывали удивления, их следовало ожидать. Хотя предпочли бы, чтобы «в интересах, разумеется, наших отношений со Святым Престолом, он воздержался от стерильных сожалений относительно совершившегося факта», однако не могли не признать, что «эти сожаления были выражены с умеренностью, которую римский Двор должен был принять за неизменный принцип, соблюдаемый в его отношениях с другими правительствами». В этом отношении аллокуция от 22 ноября была найдена существенно отличающейся от аллокуции,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 387—390; Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 37. Л. 13—18.

произнесённой по поводу распрей римского Двора с Пруссией. В С.-Петербурге увидели в аллокуции «трудное признание бессилия перед совершившимся фактом». Потёмкину следовало постараться больше к ней не возвращаться и категорически отклонить любые объяснения по этому поводу с Ламбрускини.

Зная в то же самое время о внесённом Капаччини вкладе в то, чтобы придать этой аллокуции примирительный характер, посланнику предписывалось при случае выразить ему искреннюю признательность¹.

Получив этот документ, Потёмкин ограничился тем, что подтвердил Ламбрускини сам факт. В целом же он действовал в соответствии с положением инструкции о том, что, «признавая сдержанность, с которой папа выражает свои сожаления», императорское правительство «рассматривало всякую дискуссию по поводу греко-униатов окончательно закрытой», и ему предписывалось «категорически объявить, что исключались всякие последующие объяснения по вопросу, переходящему теперь в область внутренней политики».

На Неве надеялись, что римский Двор «не вернётся больше к сетованиям, отныне беспредметным», но признали, что следовало ожидать, «что он будет ещё долго хранить тягостные воспоминания о поражении, которое понесло его влияние в России». Говоря о «деликатного свойства» дискуссии, ведшейся российскими дипломатами с папским правительством, в отчёте министерства за 1839 г. обнаруженную в ходе них «некоторую раздражительность» со стороны Святого Престола считали нужным отнести «по большей части за счёт недоверчивого характера понтифика и, особенно, нетерпимости его главного советника кардинала Ламбрускини».

В качестве ещё одного обстоятельства, серьёзно отразившегося на ходе дел, обсуждавшихся с римским Двором, указывалось на борьбу папы с протестантским правительством Германии, а именно Пруссии, по острому вопросу о смешанных браках, борьбу, которая ещё продолжалась, и невозможно было предсказать, ни каким будет её исход, ни время окончания².

Если в аллокуции Григорий XVI в значительной степени сосредоточился на изобличении недостойного поведения греко-униатского духовенства, то в ходе обсуждения этого события на сессии Конгрегации чрезвычайных духовных дел центральное место было отведено роли императорского правительства. Исходили из того, что оно всегда рассматривало «как акт мятежа отделение греко-униатов от господствующей религии, и поэтому его усилия были направлены постоянно на то, чтобы заставить их вновь впасть в схизму». Не останавливаясь на фактах притеснения и насилия в отношении греко-униатов во времена Екатерины II, а также Павла I и Александра I, когда эти притеснения стали более замаскированными, сочли достаточным ограничиться периодом правления Николая I.

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 483–484.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1839. Оп. 475. Л. 139–140, 133.

Согласно булле Пия VI от 15 ноября 1798 г., в областях, отошедших к России после трёх разделов Польши, было три греко-униатские епархии с центрами в Полоцке, Луцке и Бресте, каждая из них должна была иметь суффрагана. Указом императора от 22 апреля 1828 г. была уничтожена епархия в Луцке, а в двух других были созданы независимые митрополии, одна литовская, другая белорусская. Было также упразднено виленское суффраганство. Указ, «таким образом, изменил и привёл в расстройство всю греко-рутенскую иерархию, покончил со всякой подлинной идеей митрополии этого исповедания и лишил подчинённого центра единения и сообщения этих католиков с апостольской кафедрой», — говорилось в акте сессии. Другой «смертельный удар» по греко-униатской Церкви в польско-русских областях был нанесён положениями этого указа относительно базилианских монастырей, от деятельности монахов которых в значительной мере зависело её существование. Объяснялось это так: «Поскольку греко-униатское белое духовенство было бедным, необразованным и женатым и мало или никакого влияния не оказывало на религию и мораль народа, в то время как крупнейшее влияние имели указанные монахи, которым, вообще, была доверена забота о душах и обучение молодёжи».

Указом эти монастыри были подчинены епархиальным консисториям, отменены обязанности провинциалов. И «самим белым духовенством опрометчиво, а может быть, из-за амбиций и заинтересованности, был создан» проект закрытия многих монастырей. Правда, первоначально он не проводился в жизнь, не столько из-за жалоб Святого Престола, сколько потому, что император был целиком поглощён войной с Турцией, но затем начал исполняться. Указом от 26 октября 1833 г. известный почаевский монастырь был превращён в православный собор, а его архимандрит стал называться волынским епископом. В 1834 г. оказались закрытыми 69 монастырей базилианского ордена. Сохранившийся новициат был уничтожен в 1835 г.

Судьбу этих монастырей разделили церкви и приходы греко-униатского белого духовенства. После проведения тщательного расследования об их изначальном происхождении, если выяснялась их принадлежность православным во времена Екатерины II, этого было достаточно, чтобы приход был признан принадлежащим господствующей религии. Очень быстро греко-униатами было утрачено почти 68 приходов. Их попытки компенсировать создавшийся недостаток в удовлетворении собственных духовных потребностей обращением к священникам латинского исповедания для совершения таинств и, особенно, таинства причастия были пресечены указом 1832 г., запрещавшим последним совершать таинства лицам иного исповедания. В 1835 г. последовали три указа «один другого хуже». Одним объявлялось о признании русскими православными всех семей, которые при Екатерине II принадлежали к латинской вере там, где их предки были к этому вынуждены, чтобы избавиться от открытого преследования императрицей греко-униатов. Вторым было постановлено, что молодые священники этого исповедания должны были

изучать теологию в университете Александро-Невской лавры в С.-Петербурге вместе с православным духовенством. Наконец, третьим греко-униатская Духовная коллегия была подчинена Святейшему Синоду. Считалось очевидным, что «все эти указы вели, в силу их характера, к схизматизации греко-униатов польско-русских областей». И все они признавались нарушающими «принятое российским императором обязательство сохранить в состоянии статус-кво католическую религию обоих исповеданий и не употреблять в ущерб ей все, так называемые, суверенные права»¹.

Итак, обе стороны обвиняли друг друга в действиях по совращению униатов в свою религию и имели для этого полное основание. При этом они пользовались тем, что, как отмечал российский историк, существование, в качестве самостоятельной, униатской Церкви в том виде, какой она была после собрания в Замостье в 1720 г., было чрезвычайно трудным. Римский Двор смотрел на унию «как на временную сделку, как на первый шаг к полному присоединению униатов к латинской Церкви», вёл постоянно пропаганду в отношении них, обращал в латинское исповедание, всё более заменял обряды и священнодействия восточного православия латинскими, подготавливая полное уничтожение униатской Церкви.

Свои действия, направленные на то, чтобы вернуть униатов в своё лоно, постоянно осуществляла и православная Церковь, и российские власти.

Важным моментом для них была принадлежность их к русской народности и то, что обращение их в латинство было чревато их ополячением.

Наше правительство, — замечал по этому поводу Попов, — не исполнило бы своего назначения, если б допустило принести такую жертву в пользу враждебных России начал. Все предпринятые им меры были оборонительного свойства: с одной стороны, против латинской пропаганды, стремившейся совершенно уничтожить самостоятельность униатской Церкви, соединив её в одно целое с римской, — с другой, чтобы оградить себя от враждебных замыслов польских мятежников, в которых латинское духовенство принимало такое ревностное участие. Устранить его от такого участия требовала безопасность государства².

Осенью 1839 г. в дополнение к затянувшемуся обсуждению дела епископа Гутковского совершенно неожиданно возникли затруднения с заполнением ставшей вакантной ещё в 1831 г. кафедры могилёвского архиепископа-митрополита. Указом Николая I от 27 / 15 марта 1839 г. им был назначен Павловский, председатель Духовной коллегии, а её епископом — Анжей Бенедикт Клонжевик, епископ-суффраган и администратор виленской епархии. Об этих указах было сообщено Святому Престолу

¹ ASV. F. Affari ecclesiastici straordinari. Atti delle Sessioni. Sessione 202. Vol. XVII. Fascicolo 10. Anno 1839. Russia-Polonia.

² Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России. 1845—1867 гг. СПб., 1868. С. 8—10.

для получения канонического подтверждения этих назначений. Никаких возражений не последовало. И 17 / 5 августа Потёмкин переслал из Рима два декрета консисторской конгрегации, уполномочивавших луцкого епископа Михаила Пивницкого произвести канонический процесс по этим двум прелатам. Епископ занялся формальностями. Тем временем в Риме стало известно о том, что брак великой княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лихтенбергом был благословлён, что касалось католического супруга, епископом Павловским. Папа, как полагали, явно по причине своей озабоченности распрей с Пруссией по поводу смешанных браков, потребовал от епископа объяснений относительно формы, в которой он дал это благословение. Речь шла о предписанных законом условиях латинской Церкви для брака между супругами различных исповеданий¹.

И уже совершенно неожиданным для С.-Петербурга стало донесение Кривцова (Потёмкин находился в Тоскане) от 14 / 2 сентября о получении им конфиденциальной ноты от 10 сентября о возникших у папы угрызениях совести по поводу предоставления окончательных актов о канонической инвеституре Павловскому. Причиной послужили дошедшие до него сведения, согласно которым он дал благословение на этот брак, не выполнив прежде предписанные Церковью статьи и условия разрешения подобных союзов: они касались воспитания детей в католической религии. Удивлённый столь неожиданным поворотом дела и, особенно, задетый языком ноты, Кривцов привлёк внимание Ламбускини к этому факту. Кардинал взял ноту обратно, чтобы изменить её форму и удалить всё, что могло быть оскорбительным для императорского правительства. Восемь дней спустя он вернул ноту Кривцову с заметными изменениями и заверил, что не желал бы ничего другого, как увидеть, что епископ оправдался, а тогда на следующий день он будет посвящён в архиепископы. Одновременно с нотой Ламбускини передал бреве папы для передачи Павловскому. В нём понтифик потребовал объяснений по этому поводу. Вопрос ставился так: если епископ сможет дать требуемые заверения, то его назначение не встретит никаких трудностей, в противном случае папа на него не согласится. Было ещё одно обстоятельство, совпавшее с этим протестом Святого Престола.

Дело в том, что Павловский до получения известия о согласии папы на его назначение обратился к нему с просьбами о духовном помиловании, назвав себя «назначенным архиепископом», что ещё больше задело самолюбие римского Двора и увеличило неприязненное отношение к новому сановнику, поскольку в этом усмотрели недостаток почтительности к Святому Престолу. Тем не менее Кривцову стало известно о решении послать запрошенные прощения, но адресовать их предполагалось не на имя епископа, а викарию могилёвского капитула. В то же самое время папа приказал написать по этому поводу Павловскому, и Кривцов рассчитывал

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1839. Оп. 475. Л. 140–142.

на следующей неделе получить возможность отправить диспенсию и письмо кардинала протонотария¹.

Как признавался Нессельроде в депеше Потёмкину от 25 / 13 января 1840 г., прежде чем решиться передать папское письмо, нужно было трезво взвесить уместность такой передачи. А для этого понять, какими могли быть подлинные мотивы его посылки и что могло породить угрызения совести папы, спровоцировавшие это послание.

Действительно, ничто в истории прошлого, казалось, не оправдывало эти угрызения. Более 70 лет католическое духовенство в России давало брачное благословение смешанным бракам, не имея необходимости прибегать к предписаниям римского Двора и без того, чтобы он когда-нибудь возражал против обычая, освящённого временем. Поэтому запрос, обращённый к могилёвскому архиепископу, вызывал удивление. Представлялось, что это право вытекало из 10-го параграфа договора, заключённого в 1768 г. между Россией и Польской республикой², над правительством которой римский Двор в то время осуществлял преобладающее влияние. Из его долгого молчания естественно было сделать вывод о его молчаливом согласии. На возможную ссылку на положения Тридентского Собора ответ ему был очевиден: его постановления никогда не были признаны и не имели законной силы в России, как и в Польской республике. Точно так же не могли служить нормой недавние заявления римского Двора, бреве и инструкции, адресованные баварским епископам в 1832 и 1834 гг. по поводу смешанных браков, о которых католическое духовенство России никогда не знало и которые, казалось, не были даже признаны католическим правительством Баварии.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Оп. 469. Д. 180. Л. 294–295; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 521. Л. 435–436.

² Трактат между Всероссийской империей и Речью Посполитой. 1768 года 24 / 13 февраля. Параграф 10.

«Бракосочетание между людьми разной веры, то есть католической римской, греческой, несоединённой с римской, и евангелицкой обеих исповеданий, не имеют быть ни от кого запрещаемы и препятствуемы. Дети, от родителей разных вер рождающиеся, сыновья в отцовской, а дочери в матерней вере воспитываемы быть должны, разве бы между дворянами поставлено было пред браком другое условие; бракосочетание должно совершаться священником, или министром той веры, коей будет невеста; если же бы священник невесты римской веры брака благословить не хотел, то и диссидентской священник может оное учинить. Декреты сему учреждению противные, если в каком суде воспоследовали, в ничто обращаются» (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 479).

Кстати, следует отметить, что этот договор с Польской республикой был подписан польским примасом и высшими духовными чинами. А 163-й параграф Гражданского уложения Царства Польского, в принятии которого участвовали епископы и духовные чины сейма 1825 г., содержал такое же положение.

Кроме того, латинское духовенство должно было соблюдать законы страны, ему покровительствующей. Такое ограничение существует повсюду. Положение же о том, чтобы дети, рождённые от брака, в котором один из супругов был католиком, воспитывались в католической религии и чтобы латинский супруг всеми средствами, имевшимися в его власти, стремился обратить другого в свою веру, противоречило российскому законодательству. Вопрос, таким образом, сводился к тому, что делать и как примирить два, по-видимому, несовместимых принципа?

Ответ министра на него был таким:

Нет ничего проще, по нашему мнению, и нас удивляет, что римский Двор, столь изобретательный в компромиссных выходах, не руководствовался в этих обстоятельствах принципами политики благоразумной и умеренной. Компромиссный выход, о котором мы говорим, впрочем, тот, которому он следовал всё время, а именно, терпеть то, что невозможно изменить, и не поднимать без основания проблемы неразрешимые по их природе (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

Затем следовало его признание:

Нам не нравятся препирательства, нам ещё меньше нравится вступать в религиозные учёные споры, в ходе которых так трудно договориться, но, с другой стороны, для нас невозможно обойти молчанием неприемлемые претензии и обвинения, которые мы считаем незаслуженными.

Нужно, чтобы римский Двор проникся той истиной, что наш Августейший Монарх не может терпеть в своих государствах незаконное осуществление иностранной власти, которая покушается на фундаментальные законы Империи и существование которой, если бы было неукоснительно признано, стало бы тяжким оскорблением для господствующей Церкви и явным насилием над её предписаниями.

В размышлениях над соображениями, побудившими папу отказать в каноническом назначении Павловского, не была забыта и церковная история, дававшая не один пример уступок, которые весьма трудно было примирить с точным соблюдением догм римской Церкви. В частности, католическое духовенство во все времена легко терпело разводы в Польше и в некоторых других странах, так что светская власть вынуждена была, наконец, принять на себя инициативу репрессивных мер. Таким образом, не оставляли ещё полностью надежды привести римский Двор на пути более примирительные и увидеть, что он отказывается от решения, представляющегося ничем не оправданным и принятым под влиянием предубеждений.

В случае отказа папы подтвердить Павловского готовы были, хотя и с сожалением, смириться с последствиями недоброй воли римского Двора и обойтись без формальности. Но это в глазах императора «вовсе не делало бы недействительными

права монсеньора Павловского на могилёвскую архиепархию»¹. Приведённые аргументы посланник должен был использовать в случае, если Ламбускини вернётся к этому вопросу.

Собственные размышления убедили С.-Петербург, «что обращение папы к епископу является лишь предлогом и ловушкой, которую расставил римский Двор, чтобы нас вовлечь в теологический спор с прусским правительством относительно смешанных браков. Без этих распрей, которые весьма беспокоят сегодня римский Двор, этот последний, вероятно, не помышлял бы потребовать объяснений относительно освящения союза, заключённого согласно давно установившемуся обычаю для такого рода браков».

Предложенный Капаччини компромиссный выход был найден чреватый нежелательными последствиями. Во-первых, соглашаясь с тем, чтобы епископ признал себя виновным, как это предлагал помощник государственного секретаря, возможно, удалось бы добиться для Павловского прощения римского Двора, но уверенности в этом не могло быть. Между тем как признанием своей ошибки епископ принимал бы перед ним молчаливое обязательство в будущем больше не допускать такой ошибки, т. е. больше не давать благословения смешанным бракам, не запросив предварительно диспенсию. Ясно, что такой прецедент не следовало создавать и тем более закреплять. Во-вторых, зная о враждебных настроениях некоторых членов католического духовенства в Польше, было важно не предавать гласности папское увещевание, которое недолго останется тайной для духовенства. Письменное брeve неизбежно пробудило бы его религиозную щепетильность, поскольку оно оказалось бы поставлено перед трудной альтернативой: либо не повиноваться папе, либо не сообразовываться со сложившимися обычаями по освящению смешанных браков. В свою очередь, нерешительность духовенства воздействовала бы на настроения католического населения в Польше, что могло бы привести к беспорядкам, которые следовало упредить.

Наилучшим средством избежать «такого двойного подводного камня» и представлялся отказ передать Павловскому брeve. Исходили из того, что в данное время римский Двор «в своей слабости стремится всеми имеющимися в его распоряжении средствами вновь овладеть ускользящим от него влиянием». Поэтому «углубляться с ним по трудным вопросам в препирательства, самым малым злом которых было бы то, чтобы они не привели ни к какому действительно практическому результату, очевидно, значило бы играть ему на руку». В то же самое время единственным отрицательным последствием непередачи брeve мог стать отказ папы дать каноническое поручение епископу Павловскому. «Из двух зол мы выбрали меньшее, тем более что, идя на такой шаг, мы не наносили бы никакого урона упорядоченному управлению могилёвской епархии, которая будет управляться,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 471–478.

как прежде, её капитулярным викарием», — разъяснил Нессельроде позицию С.-Петербурга¹.

Судьба бреве папы Павловскому была решена министром по согласованию с Николаем I. Это следовало из его отчёта о работе министерства за 1839 г.

Трезво взвесив неудобства передачи папского бреве архиепископу, совесть которого могла встревожиться духовным осуждением главы его Церкви, а также, учитывая, что, если бы даже прелат имел бы мужество защищать перед Святым Престолом обычное право, в силу которого благословение смешанных браков даётся католическим духовенством в России на протяжении многих лет, без того, чтобы это право было оспорено римским Двором — подобное оправдание не было бы принято папой, — я подумал, что было бы благоразумнее не передавать письмо папы. Поскольку Ваше Величество одобрили эту точку зрения, эпистолярное бреве папы было сдано в архив министерства иностранных дел.

Когда лужский епископ закончил канонический процесс, в котором не было вопроса о браке герцога Лихтенбергского, его материал был отправлен миссии в Риме. Но передача его Курии оговаривалась временем, «когда будет моральная уверенность достичь результата», отвечавшего целям императора².

Инцидент с бреве, должен будет признать министр в отчёте за следующий год, усилил раздражение римского Двора, всегда отказывавшегося признать контроль светской власти над его сношениями с латинским духовенством³.

Между тем в С.-Петербурге серьёзно рассчитывали на нового митрополита в реализации плана создания единого духовного управления для Империи и Царства. 13 / 1 марта 1840 г. Николай I писал Паскевичу о необходимости «думать о соединении всего католического управления в одно целое здесь в Коллегии их, учреждённой самим папой при Батюшке; и где старик-председатель, почтенный митрополит Павловский голова самый надёжный и благонамеренный. В Варшаве о всём с тобой переговорим...»⁴

А тем временем Григорий XVI, со слов Капаччини, намерен был приостановить каноническое введение Павловского в должность: размышляя над последствиями, порождёнными эпистолярным бреве, направленным этому прелату, Его Святейшество пришёл к тому, что, возможно, лучше было его не писать.

Но после того, как дело сделано, а российское правительство не доставило его по причине, что содержащиеся в нем увещания направлены на введение в церковный порядок в России новшества, противного законам страны, в этой

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 480–482.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1839. Оп. 475. Л. 142–143.

³ Там же. 1840. Л. 146.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1018. Николай I — Паскевичу. Оп. 5. Д. 215. Л. 1.

ситуации для Его Святейшества, в его качестве высшего главы католической Церкви, стало невозможно допустить, чтобы путём изъятия его эпистолярного бреве законы Церкви могли быть подчинены контролю гражданских властей, —

излагал Потёмкин (донесение от 21/9 апреля 1840 г.) сказанное Капаччини. Он указал и ещё на одну причину для отказа Павловскому в каноническом назначении. Речь шла о статье, помещённой во французской церковной газете «Будущее», сообщавшей о запрете Павловским священникам принимать лиц, не принадлежащих к их приходам. Папа расценил эту меру как явно предложенную правительством с целью устранить законное влияние римского духовенства на греко-униатов, лишённых теперь их собственного духовенства. Такая мера, по словам папы, «не должна была, конечно, получать санкцию католического священника и, следовательно, явно свидетельствовала о слабости и отсутствии усердия у епископа Павловского». После всего случившегося, заключил Капаччини, «папа ничего так не желает, как возможности устранить новый повод для разногласий с императорским правительством. Но нужно ему открыть путь, где его достоинство не было бы задето». Сделать это могло бы письмо Павловского папе. В нём, сославшись на полученные им сведения, что причиной отказа предоставить каноническое назначение послужило данное им благословение смешанного брака, он пояснил бы, что вовсе не считал, что преступил закон Церкви, «потому что воспользовался лишь полномочием, коим католическое духовенство всегда обладало в России и Польше». Такой шаг со стороны епископа в качестве свидетельства его покорности Святому Престолу, по мнению Капаччини, облегчал папе возвращение к прежнему решению в отношении него. Потёмкин не брался судить, приемлемо ли это предложение для правительства¹.

Когда в Риме искали выход из ситуации вокруг введения Павловского в должность митрополита, в С.-Петербурге готовились к практической реализации по существу уже давно принятого решения об удалении Гутковского с его кафедры.

Напомним, что в конце 1839 г., в связи со сложившейся вокруг этого вопроса ситуацией, Потёмкину предписывалось отложить всякие последующие шаги. В то же самое время он не должен был скрывать от Ламбрускини, что это молчание никоим образом не означало отказа от его разрешения, а лишь надежду выиграть время. Исходили из того, что на переговорах с римским Двором «успех почти всегда принадлежит тому, кто умеет ждать, так как изменение лиц, столь частое в правительстве старцев, может дать делам, так сказать, приостановленным, благоприятный и неожиданный поворот»².

Весной следующего года к нему вернулись. В депеше Потёмкину от 20 / 8 апреля 1840 г. на вопрос: каковы поступки, каковы речи Гутковского, какой пример

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 469. Д. 156. Л. 99—101.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1839. Оп. 475. Л. 137.

он даёт высшему духовенству Царства, следовал ответ, обобщавший все его преступления, о которых уже неоднократно говорилось в посланных в Рим материалах. Список получился очень длинный. Явное неповиновение указаниям власти. Положительный и повторный отказ на запросы, официально направленные ему Комиссией внутренних и духовных дел, которой только один подлясский епископ осмелился отказать в компетенции, в то время как другие епископы Царства, не менее его ревностные в отстаивании интересов католической религии, её признают и ей подчиняются. Запрет духовенству его епархии проводить в жизнь решения гражданской власти. Злоупотребление властью. Незаконное смещение церковнослужителей, повиновавшихся законодательству страны. Непозволительное присвоение фонда, предназначенного на благотворительность. Тайная переписка с иностранными властями, такими как нунциатура в Вене. Пропаганда бунтарских сочинений и доктрин. Возбуждение неприязни к правительству, открыто квалифицируемому «схизматическим, несправедливым и притесняющим», слова, более чем неуместные в его ответах высшим властям Царства. «И всё это под маской лицемерия и заверений в своей преданности и повиновении воле императора», говорилось в заключение депеши.

Предлогом привести в исполнение принятое ранее решение удалить епископа послужил его ответ от 21 / 9 марта 1840 г. на запрос Комиссии внутренних и духовных дел относительно братств, существовавших в его епархии¹.

Он пояснил, что эти собратства

...не суть какие-либо общества и заговоры тайные, противные видам и политике светских правительств, но это известный порядок приношения молитвы и поклонению всевышнему и восхвалению промысла — порядок, учреждённый верными христианами с добровольным их обязательством, отправлять в известные дни торжества для испрошения милостей и благословения. Собратства сии, учреждённые Святой Церковью, остаются под бдительным надзором епископов и назначенных ими управителей церкви — о цели их и начале, равно и обязанностях пастыря начают верных, не тайно, но явно и публично везде по церквам.

Поэтому епископ не считал нужным предоставлять требуемое Комиссией сведение и не видел в этом «никакой спасительной пользы», так как «наверно чиновник, католик и правоверный, хотя бы и получил такое сведение, останется в своём неверии, а раскольники и еретики не возвратятся в недра православной Церкви».

Затем епископ напомнил Комиссии о важнейших вопросах, касающихся церквей: фондушах, их постройки и починки, по поводу которых он неоднократно делал представления Комиссии, но не получил желаемого ответа².

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 493—496.

² Там же. Л. 516—518.

Этот ответ Гутковского был найден составленным «в духе, столь враждебном», и облечённым «в формы, столь неподобающие, что не знали, чему следовало бы удивляться больше, фанатизму ли написавшего его человека, или его самомнению полагать, что такой акт мог остаться безнаказанным». «Нам кажется, согласно тому, что я только что изложил, — говорилось в депеше Потёмкину от 20 / 8 апреля, — что Гутковский является слепым инструментом в руках либеральной партии или партии польской эмиграции, которая им пользуется, чтобы сохранять в Царстве начала недовольства, посредством которого она надеется достичь своих революционных целей». Было решено не терпеть больше положение дел, подрывавшее спокойствие Царства и служившее пагубным примером для остального католического духовенства. Приведение в исполнение меры, о возможности чего римскому Двору было давно сообщено, но откладывалось до сих пор, стало неизбежным из-за «недоброй воли» римского Двора. В качестве доказательства того, до какой степени следует рассчитывать на сотрудничество последнего, Потёмкину пересылалась копия письма, которое нунций в Вене Альтьери направил не прямым, а тайным путём Гутковскому. Оно было найдено в бумагах священника Добровольского в Янове, и хотя не имело даты, но предполагалось, что было написано 11 июля 1839 г., а лицом, сведения о котором запрашивал нунций, был архидьякон Франсуа Пиотровский, администратор могилёвской архиепархии. В нём нунций «от имени Святого Отца хвалит усердие епископа, представляет его в качестве мишени самых несправедливых преследований и призывает настойчиво придерживаться своего прежнего образа действий».

Таким образом, очевидно, — заключили в С.-Петербурге, — что, если, с одной стороны, римский Двор делает вид, что соглашается с нашими настояниями по неодобрению подляского епископа, с другой стороны, он пользуется средствами и окольными путями, чтобы поддерживать его в сопротивлении правительству. Подобная двуличность оказывает столь же мало чести правительству, которое имеет слабость на это соглашаться, сколь плохо служит делу религии, которую хочет защищать.

В такой ситуации император принял твёрдое решение удалить епископа из его епархии. А чтобы вынести суждение о степени виновности Гутковского, хотели установить, следовало ли его поразительное поведение приписать установившейся системе противодействия или же оно является результатом снижения его умственных способностей. Поэтому находившегося в С.-Петербурге наместника император просил направить в Янов комиссию из генерала, гражданского служащего, представителя католического духовенства, ассистируемых медиком, чтобы на месте глубоко проанализировать умственное состояние епископа. Если бы комиссия нашла, что Гутковский не пользовался полностью своими умственными способностями, наместник на основании её доклада должен был обратиться прямо к Потёмкину, чтобы он сообщил римскому Двору результат расследования комиссии и его

призвал позаботиться о замещении Гутковского, признанного неспособным выполнять свои епископские функции. Если же, напротив, комиссия придёт к убеждению, что Гутковский находится в здравом уме и действует осознанно, наместник без колебаний должен был перевести его в Россию, где ему будет определён для пребывания один из монастырей в одной из Западных областей Империи. В этом случае, по получении письма наместника, Потёмкин должен был поставить об этом в известность римский Двор.

Общее заключение депеши звучало так:

Если, по мнению главы католической Церкви, Гутковский за вменяемые ему в вину факты, изложенные по пунктам, не заслуживает смещения с епископской кафедры, то вопрос относится к области церковной дисциплины, решение которого принадлежит Его Святейшеству и арбитром по которому наш Августейший Монарх не хочет становиться. Но, в глазах нашего императора, Гутковский — подданный и государственный служащий — показал себя явно виновным в неповиновении указаниям властей. Итак, не как епископа, а как подданного и государственного служащего, император признаёт за собой право его судить, лишить своего доверия и должности, которой он обязан его выбору¹.

Обещанное письмо наместника датировалось 3 мая / 21 апреля 1840 г.

В нём подробно излагалось, как было выполнено решение в отношении Гутковского. К нему прилагались: протокол комиссии, материал которой лёг в основу этого письма, и биографическая справка, составленная по сведениям, поступившим от лиц, знавших Гутковского на различных этапах его жизни². Накануне

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 496–500; Д. 563. Л. 12–19.

² Из неё следовало, что сын мелкопоместного дворянина из Плоцка Иван Гутковский при вступлении в плоцкий доминиканский монастырь в 1796 г. принял имя Маркелл. В том же году был переведён в доминиканский монастырь в Варшаве и стал священником. Всё это время его отличало непристойное поведение. А в 1801 г. по причине безнравственности он потерял место профессора теологии в Варшаве. После скандальной истории с одной девицей он бежал в Краков, а оттуда в Галицию. Когда французская армия приблизилась к Висле, он отправился в Бреславль, вступил капелланом в польский легион и сопровождал его в Испанию. Он участвовал в кампании в Россию в 1812 г. и во время отступления французской армии остался в Вильно, как утверждают, с целью собирать сведения, могущие быть полезными французской армии, а затем отправиться во Францию. Но с падением Наполеона он изменил своё решение. В 1815 г. при реорганизации польской армии он был назначен капелланом четвёртого пехотного полка. В том же году он секуляризовался, т. е. перешёл в мирскую жизнь, и после смерти главного капеллана польской армии благодаря благосклонности великого князя Константина и протекции нескольких высокопоставленных лиц занял этот пост. Позднее он был назначен суффраганом плоцкой епархии, Тем, что он стал епископом подлясской епархии, он обязан был доброте княгини Лович (княгиня Лович Иоанна, или Жанетта, Антоновна (урождённая графиня Груздинская) с 1820 г. морганатическая

исполнения решения Гутковский, как если бы очень хотел его оправдать, добавил новое тяжкое оскорбление достоинству правительству. В новой представленной им записке он не только отказывается подчиниться постановлению, принятому другими епископами Царства, но «дерзкой манерой» выражался относительно личности Александра I.

Дело в том, что правительственной Комиссией 29 / 17 февраля 1840 г. были разосланы экземпляры императорских декретов от 18 / 16 марта 1817 г. и 6 сентября / 25 августа 1818 г. епископам, чтобы они сообщили вверенному им духовенству о внесённых в них изменениях и дополнениях. Декрет был издан в употребляемой в то время форме, предусмотренной конституцией, и требовалось получить его признание. Тогда некоторые епископы представили замечания относительно его содержания. Александр I их не принял, и закон, не будучи отменён, исполнялся администрацией и духовенством. Однако не была соблюдена одна формальность: декрет не был включён в кодекс законов. После подавления восстания, наводя порядок в законодательстве, Административный совет опубликовал декрет, а поскольку его экземпляры, прежде разосланные главам епархий, за прошедшее время могли быть утрачены, циркуляр призывал епископов вновь раздать его в приходах. Епископы

жена великого князя Константина Павловича), которой он внушил почтение внешностью и напускной набожностью.

Основной лейтмотив всей биографии — это непристойное поведение и безнравственность. О политических взглядах епископа сведений мало, известно только, что он был франкмасоном. Во время восстания 1830 г. он отказался принести клятву повстанческим войскам и не принимал никакого участия в решениях революционного сената. Огромное влияние на его поведение в это время, несомненно, оказало то обстоятельство, что его резиденция находилась очень близко к российской границе и всегда была занята российскими войсками. После восстановления законной власти он льстил себя надеждой быть возведённым в архиепископское достоинство в вознаграждение за верность, которую, как он считал, он доказал. После того, как ошибся в своём ожидании, он начал остывать к правительству, становясь всё более и более в оппозицию к светской власти. Он питал самую слепую преданность к римскому Двору, с которым, имелись все основания в это верить, находился в постоянных сношениях.

Заканчивалась эта справка таким обобщением в отношении поляков:

«Разногласия, внезапно наступившие между светской властью и епископом Гутковским, дали новое доказательство всей непоследовательности поляков и их склонности порицать все меры, которые правительство считает долгом принять. Этот самый прелат, до восстания так мало пользовавшийся уважением по причине безнравственности, а во время революции, вообще, считавшийся плохим патриотом, теперь стал предметом почитания духовенства и дворянства своей епархии. Его рассматривают в качестве подлинного защитника религии и мученика веры. Каждый считает за честь позаботиться о всех его нуждах» (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 520—524).

и администраторы шести епархий сообщили, что это сделали, один ещё не ответил. Если бы Гутковский удовольствовался тем, что сделал исполненные почтения представления относительно самого декрета, могли бы допустить, что в силу своего особого мнения он находил некоторые причины совести, чтобы воздержаться. Но нет. Он направил в адрес Комиссии внутренних и духовных дел отношение.

В нём, отмечал Паскевич, Гутковский «воспользовался этим случаем, чтобы обрушить тяжкие оскорбления на императора Александра, на прежнего министра исповеданий и всё правительство, как прежнее, так ныне действующее в стране. Он осмеливается даже без основания допустить, что царствующий император сам издал этот указ, и поэтому ещё он не способствовал бы никакому ему повиновению».

В заключение своего ответа он не только уведомил, что «не видит надобности рассылать духовенству своей епархии присланных к нему экземпляров сказанного декрета, но торжественно сим объявляет, что, как он сам не будет исполнять декрета сего, так равно и не дозволит одного своему духовенству» (подчёркнуто в тексте. — О.С.).

Наместник видел в этом «очевидную преднамеренность показать стране, что он осмеливается во весь голос сопротивляться», и задавался вопросом, не являлось ли это доказательством, что он хочет «сделаться главой оппозиции, осуществить желания эмигрантов и стать лидером либерализма?».

Впрочем, если Гутковский долго смог обманывать, его прошлая жизнь объясняет фанатизм, которым он хвалится в настоящее время. Биографическая справка, по мнению наместника, заставит оценить, «каков человек, в котором римский Двор принимает столь живое участие и которого он находит удовольствие рассматривать в качестве жертвы религиозного дела»¹.

Изложив кратко причины принятого в отношении Гутковского решения, Паскевич осведомлял посланника о том, как оно было выполнено.

В соответствии с указанием императора он создал комиссию. В неё вошли: генерал-майор Н.А. Реед, Скворонский, член Комиссии внутренних дел и культов, Стумер, доктор медицины, член медицинского совета, и, в соответствии с каноническим законом, в неё был включён позднее, уже в Янове, Валентин Вержбицкий, один из членов епархиальной консистории, ведший, по доверенности, дела семинарии в Янове. Майор Павело-Швейковский из жандармерии был уполномочен сопровождать епископа в Империю. В его распоряжение были предоставлены два экипажа, прислуга и повар. А чтобы избежать всякой возможности даже внешнего сопротивления, было сочтено необходимым присутствие военных. Поэтому в соответствии с полученной инструкцией уже по прибытии в Янов председатель комиссии дал приказ прибыть туда эскадрону гусар.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 504–507, 512–515.

В целом процедура прошла спокойно. Правда, не удалось найти в монастыре ни одного члена консистории, поскольку по случаю Пасхи все они отмечали праздник в окрестностях епархии. Поэтому и пришлось пригласить священника Вержбицкого. После этого в присутствии всех членов комиссии председатель объявил о характере возложенной на него миссии и информировал епископа о бесповоротном решении в отношении него.

Он заявил, «что его поведение, обличая постоянное противодействие законному правительству, неуважение к высшей власти и явное презрение к его распоряжениям, долее терпимо быть не может, как возбуждающее соблазн и непрерывно питающее дух неудовольствия и даже возмущения». Что касалось его поступков, они

...дают повод сомневаться в здравом состоянии его умственных способностей или полагать, что он, епископ, есть орудие злонамеренных лиц или обществ за границей, старающихся через него поддерживать в Царстве Польском дух неповиновения законной власти; что посему правительство, видя в нём ослушного подданного, находится в необходимости удалить его из Царства в монастырь одной из Западных губерний Империи.

...Гутковский слушал внимательно и после нескольких минут размышления сказал: что его звание епископа не позволяет ему согласиться ни с чем из того, что от него требуют, разве что он был бы принуждён к тому насильственными средствами. Генерал Ред в ответ выразил надежду, что, руководствуясь здравым смыслом, он убедится, что в качестве подданного должен повиноваться своему монарху, что в противном случае комиссия, к сожалению, должна будет принудить его к повиновению и что она для этого имеет средства.

Епископ смягчил тон и заявил, что не намерен оказывать сопротивления, но подчиняется лишь необходимости. Комиссия и, особенно, медик, внимательно следя с самого начала за всей встречей, пришли к убеждению, что Гутковский не страдал психическим расстройством, и было решено, что в соответствии с инструкцией его нужно перевести в Россию. Епископу сообщили, что он будет получать ежемесячно 1000 флоринов (150 рублей серебром) и сохранит свободу распоряжаться всем, что имел.

Гутковский был перевезён в Могилёвскую губернию, Рогачёвский уезд, в озеранский монастырь. Там ему было приготовлено соответствующее помещение, с ним обращались в соответствии с его рангом, но он был лишён права переписки со своей епархией¹.

По получении депеши Нессельроде с инструкциями в связи с принятыми в отношении епископа Гутковского мерами Потёмкин направил 17 / 5 мая ноту

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 507–511, 525–527.

Ламбускини. В ней не перечислялись обвинения в адрес епископа, поскольку были хорошо известны после того, как в течение шести лет служили предметом протестов со стороны миссии. Пояснялось лишь, что терпение императора достигло последней грани и он решил покончить с положением дел, подрывавшим спокойствие в Царстве и служившим опасным примером для остального католического духовенства. Поэтому он удалил епископа с кафедры, о чём римский Двор был извещён¹.

Ответная нота Ламбускини датировалась 1 июня 1840 г. Её автор повторял уже имевшееся в его ноте от 26 февраля утверждение, что он «не пойдёт на оправдание формы» записки епископа Комиссии внутренних и духовных дел в Царстве Польском от 9 мая. Однако он считал нужным указать, что отмеченная в ноте как «самая оскорбительная фраза» — «утешительная надежда, питаемая епископом, чтобы Бог положил конец правлению Его императорского Величества в Польше — имеет совершенно иной, а не столь неуместный и дерзкий смысл, который ей захотели придать». Хотя папа не был осведомлён о том, как ставился Комиссией вопрос Гутковскому, и был знаком лишь с переводом выдержки из его ответа, но и этот документ достаточно показывал, что он не имел в виду ни императора, ни наместника Царства Польского, а единственно низшее управление либо гражданскую власть, подчинённую Комиссии.

По этому поводу, — говорилось в ноте, — он советует здесь Административной комиссии, что она должна бы заниматься более важными вещами, которые касаются благосостояния церквей, их доходов и т. п., серьёзно позаботиться о том, чтобы поставить в известность, насколько возможно, о средствах обязать гражданские власти Подлакии привести в исполнение указания Административной комиссии, о чём она не думает, и на что он уже обращал внимание в своём докладе от 25 февраля. На подобные же представления епископ не имел ответа: и это — правительство, которое он называет несправедливым и злобно беспечным в отношении интересов католической Церкви. Это подтверждается последними словами самого ответа, когда епископ спрашивает, был ли его ответ дословно сообщён министру-государственному секретарю.

Отсюда следовало заключение, что «любое выражение, употреблённое монсеньором Гутковским в этом его ответе, было обращено лишь к местным гражданским властям, а его письмо является лишь жалобой высшей власти на нерешительность или даже на несправедливость низшей власти».

Особо обращалось внимание на положение самого епископа, которое должно было побудить проявить снисходительность в отношении его ответа из-за следующих обстоятельств. Из-за стремления правительства устранить его с его кафедры за то, что «с апостольским усердием он защищал дело католической

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 469. Д. 156. Л. 127–128.

Церкви». Уже в течение нескольких лет он был лишён жалованья. Он знал об обвинении его в предательстве перед верховным главой католической Церкви, в то время как чувствовал себя невиновным.

Что же удивительного, что епископ, оказавшись в столь тягостной, невыносимой ситуации, видя, что все его жалобы правительству остались без ответа, сказал бы в момент глубочайшей скорби, что единственным утешением для него служит мысль, что правительство Царства Польского не является для него последней инстанцией, а Провидение, которое, как он надеется, захочет положить конец отнодзь не правительству Его Величества, а тому небрежению его жалобами в защиту прав Церкви, которое епископ сам так давно испытывал? (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.)

В ноте напоминалось, что никогда Риму не был представлен никакой из тех документов, имевшихся, по утверждению миссии, в распоряжении правительства, который содержал сведения «о преступном сговоре епископа с эмигрантами, замышляющими в других странах ниспровержение существующего строя».

Собственное отношение Ватикана к этому делу формулировалось так: «В конечном счёте, по всем доходившим до Святого Престола сведениям в поведении монсеньора Гутковского по вопросам, касающимся законов и дисциплины Церкви, ...Святой Отец не только не может его осудить, но должен хвалить». В этой связи приводилась его интерпретация ряда конкретных поступков, достойных похвалы.

Первым был назван отказ передать в распоряжение гражданских властей книгу «Сходство и расхождения между Восточной и Западной Церквями, или Идея объединения греко-схизматической Церкви с римско-католической». По этому поводу отмечалось: факт отступничества греко-униатов «ныне довольно ясно даёт понять, чем был одушевлён подляский епископ, отказываясь передать эту книгу правительству, и какими соображениями руководствовалось оно, требуя её обратно, и, поэтому, заставляет вновь увидеть в жалобщике епископа, поборника догм и дисциплины Церкви».

В ноте останавливались также на письме варшавскому наместнику в ноябре 1837 г., ответе Комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского; постоянной неприязни к правительству. Последняя опровергалась его поведением во время Польского восстания, тем, что «она не была доказана никаким фактом», дошедшим до Святого Престола, проявлялась «не в отношении гражданской власти, а лишь её актов, противных правам Церкви». К тому же, возможно, она объяснялась лишь «простотой и не приукрашенностью фраз или обдуманном выбором способа действия, что, как раз, раскрывает её характер и определяет её природу, очень отличную от той, что хотелось бы ему (правительству. — О.С.) ей придать». Относительно писем епископа от 8 ноября 1837 г., 9 мая 1840 г. утверждалось, что если отделить суть от формы, то не обнаружится ничего враждебного или противного ни к императору, ни к правительству. Особо подчёркивалось, что в ответ

на письмо Святого Отца, посланное в ноябре 1836 г. в связи с поступившими негативными оценками поведения епископа, последний в июне 1837 г. письменно сообщил о намерении «не нарушать верность, обещанную и должную» императору.

Исходя из всего изложенного, чтение российской ноты оставило в душе папы «очень сильное и горестное впечатление». А факт высылки епископа поставил его перед трудной альтернативой:

...или делать вид осуждения своим молчанием, как виновного в нарушении верности и серьёзном неповиновении своему законному монарху в гражданских делах епископа, который по существу ничего другого не делает, как ревностно исполняет свой духовный долг, или поссориться с могущественнейшим императором России. Епископ является высокопоставленным служителем Церкви, а не гражданским чиновником, который может быть уволен или понижен в своей должности по воле монарха. Епископ связан нерушимыми узами с епархией, порученной ему верховной духовной властью, и, против её воли, он может быть освобождён лишь по серьёзным причинам, определённым каноническим правом, и с некоторыми формальностями им же установленными¹.

В заключительной части ноты Святого Престола рассматривались постановления последнего времени, ухудшившие положение католической Церкви, а именно: о запрете латинскому духовенству исповедовать лиц, неизвестных ему; о закрытии почаевского монастыря, всех новициатов луцкой епископской кафедры; многих школ, поддерживаемых доминиканскими и базилианскими монахами до закрытия их монастырей; о создании двух греческих, не католических епископств в Варшаве и Полоцке, для чего у католиков были отобраны церкви Св. Креста в Варшаве и Св. Казимира в Вильно; о распространении на Польшу, несмотря на договоры между Россией и прежней Польской республикой, закона относительно смешанных браков. Ссылались также на факты, изложенные в ноте от 6 ноября 1832 г. Кроме этих императорских указов обращалось внимание «на многочисленные предписания низших властей, направленные на распространение любым способом греческой не униатской религии и подавление, угнетение католической религии. К несчастью, факты достаточно доказывают эту общую тенденцию гражданских властей. Недавнее отступничество греко-униатов, подготовленное окольными, но действительными средствами, является очевидным доказательством этого»², — говорилось в ноте.

Тем временем появился ещё один дополнительный момент, осложнивший отношения с Римом. Дело в том, что, как сообщал Потёмкину Паскевич 15 / 3 июня, после отъезда Гутковского капитул подлясской епархии в соответствии с каноническими законами составил доклад папе и переслал его в Комиссию по внутренним

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 3–8; Д. 468. Ч. II. Л. 332–336.

² Там же. Л. 9–11; Д. 468. Ч. II. Л. 336–338.

и духовным делам. В нём он объявил, что в связи с высылкой епископа в монастырь, находившийся вне границ Царства, он лишён возможности руководить епархией, вследствие чего капитул принял на себя такое руководство духовными и светскими делами, как если бы кафедра стала вакантной по причине смерти штатного епископа. В сложившейся ситуации он просил согласия папы приступить к избранию управляющего из среды своих членов или прямого назначения папского викария, который примет управление епархией.

Когда во время пребывания императора в Варшаве наместник сообщил ему о демарше капитула, он уполномочил его употребить все силы, чтобы Святой Престол согласился на назначение администратором подлясской епархии архидиакона графа В.И. Оссолинского, доктора теологии¹.

Доклад капитула был передан Ламбрускини вместе с нотой от 7 июня / 27 мая 1840 г. секретарём миссии Г.Г. Стакельбергом (по случаю отъезда посланника), исполнявшим должность поверенного в делах в мае — сентябре 1840 г.

Из ответной ноты Ламбрускини от 16 августа следовало, что папа узнал с сожалением и удивлением о невозможности для Гутковского сноситься со своей епархией и посылать письменные предписания своей пастве. Святой Престол не признавал изложенное в ноте миссии от 17 мая различие, установленное императорским правительством в отношении двойственного характера епископов, который их делает зависимыми от Святого Престола в церковных делах и от светского правительства в их политической позиции. Будучи не согласен с таким утверждением, он доказывал, что епископ вовсе не являлся государственным служащим, а сановником Церкви, связанным священными узами со своей епархией, и не мог быть, следовательно, из неё удалён по воле светской власти. Только церковная власть могла воспрепятствовать исполнению прелатом присущих его сану функций. По поручению папы и от его имени Ламбрускини выражал протест против вышеуказанных мер в отношении Гутковского, «как несправедливых, так и жестоких», и против серьёзного оскорбления, нанесённого правам Церкви, Святому Престолу, епископскому корпусу. А пока Святой Отец «в обманчивой надежде», что император покончит с фактом, против которого «протестует всякая подлинная справедливость», извещал капитул о своём намерении установить временный режим в этой епархии².

Далеко не сразу российской стороне удалось выяснить решение папы на этот счёт. Как сообщал Стакельберг в донесении от 20 / 8 августа, когда Ламбрускини передал ему письмо с ответом папы капитулу, оно оказалось запечатанным, вопреки существовавшим правилам о предварительном ознакомлении с ним миссии. На заявление дипломата, что он не мог переслать такое письмо, последовало замечание, что папа привык таким способом отправлять свои ответы. А на вопрос, был ли назначен викарием старший из членов капитула, последовал ответ, что

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 440. Л. 258.

² Там же. Д. 563. Л. 18–19.

назначен тот, кого указал епископ, т. е. Гутковский. После этого Ламбускини перешёл к излюбленной теме римского Двора, заявив: «мы знаем... много указов, направленных против католиков, вы жестоки, слишком жестоки, император является владыкой, но пусть он побоится Бога». После этой «странной выходки», видя его в состоянии сильного раздражения, Стакельберг решил удалиться, ничего не сказав в ответ¹.

Прояснить ситуацию в этом вопросе дипломату (донесение от 13 / 1 сентября) удалось у вернувшегося в Рим Капаччини, которому он поведал о своей беседе с государственным секретарём. Он опроверг слова последнего о назначении викарием предложенного Гутковским лица и разъяснил мотивы, побудившие римский Двор отказаться от двух предложенных императорским правительством способов: уполномочить капитул назначить администратора либо предоставить архидiakону Оссолинскому исполнение функций администратора или капитулярного викария. Явно испытывая большие колебания, Капаччини сказал, что раздражение против императорского правительства было ещё очень велико, что, впрочем, он не мог ничего сделать в этом деле, решённом кардиналом в его отсутствие. А поскольку назначенный папой администратор уже помогал епископу в его управлении, это даёт Святому Престолу больше гарантий в отношении интересов католической Церкви, чем кандидат, предложенный российской стороной. По поводу посылки письма запечатанным он сообщил, что это было сделано по желанию Ламбускини и было невозможно возвращаться к этому вопросу. Но, вопреки запрету кардинала передавать копию, он выразил готовность ознакомить с письмом. После этого он быстро зачитал его латинский текст, из которого Стакельберг понял, что временным администратором был назначен каноник Б. Рудзишевский. Стакельберг спрашивал Нессельроде, как следовало поступить с письмом².

В С.-Петербурге (судя по хранящемуся в материалах миссии документу, к сожалению, без указания даты, автора или адресата) особо обратили внимание на тональность ноты от 16 августа, составленной в выражениях, уступавших редакции, обычно употребляемой государственным секретарём в переписке с дипломатическим корпусом. Это было отнесено за счёт отсутствия Капаччини. Полагали, что его «просвещённый ум и примирительный настрой и чувство приличия, конечно, помешали бы необдуманному словам, употреблённым кардиналом» в ответе поверенному в делах, тем более что позиция папского правительства в этом последнем случае была далеко не безупречной «в отношении как формы, так и существа вопроса». Вызывало сомнение её одобрение даже общественным мнением, к которому, казалось бы, римский Двор хотел бы апеллировать, если «революционный и фанатический дух, случайно, не овладели им, чтобы из него сделать оружие

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 469. Д. 156. Л. 192.

² Там же. Л. 210–211.

против императорского правительства, и только в этом отношении манифестации Святого Престола могли иметь значение».

Что касалось поставленных в ноте вопросов, они интерпретировались следующим образом. Во-первых, римский Двор не признавал установленное императорским правительством различие относительно двойственного характера положения епископов: оно их делало зависимыми от Святого Престола в церковных делах и от светского правительства в их политическом образе действия. Он исходил из того, что епископ вовсе не был чиновником, а сановником Церкви, соединённым священными узами со своей епархией и, следовательно, не мог быть из неё удалён волей светской власти.

Во-вторых, от имени папы кардинал протестовал против препятствий, чинимых правительством свободным сношениям Гутковского из места ссылки с его духовенством и паствой по религиозным делам и против серьёзного оскорбления, нанесённого Церкви, Святому Престолу и епископату.

В-третьих, он ставил вопрос о передаче письма папы капитулу в Янове по поводу временного управления епархией.

Наконец, в-четвёртых, выражалась угроза принять против императорского правительства вменяемые Святому Отцу его долгом меры в случае, если его требования в пользу Гутковского остались бы безрезультатными, а его распоряжения относительно управления подлясской епархией не будут исполнены.

Требование освободить католическое духовенство от всякой зависимости от светской власти римский Двор поднимал постоянно, чтобы создать, так сказать, фундаментальную основу дискуссий с правительством. Они следовали одно за другим со времён Григория VII. Упорство, с которым он это делал в течение стольких веков, несмотря на многочисленные провалы, указывало на важность, придаваемую этому. Результатом этой настойчивости стало то, что не только римский Двор, но и все усердные католики восприняли неприкосновенность римского духовенства, в качестве составной части веры и догмы. Было очевидно, что по этому вопросу он никогда не пойдёт на уступки по доброй воле, а убедившись, что не может его одолеть, воспользовавшись обстоятельствами или уловкой, он его оставит, чтобы вновь поднять в более подходящий момент. Именно таким в Риме явно считали данное время. Ибо

...религиозная реакция, имевшая место в Европе после июльской революции, и речи аббата Ламенне¹ и его школы, заставили римский Двор поверить, что момент восстановить часть его силы наступил, и революционеры всех стран пришли, чтобы это ему подтвердить и его упрекать за его апатию и снисходительность в отношении светской власти. Малодушие в характере папы, фанатизм и спесь в характере кардинала Ламбускини и убожество взглядов обоих объясняют это стремление папского кабинета, в котором лишь монсеньор Капаччини оценивает

¹ Ламенне Фелисите Робер — лидер французской демократической партии.

в подлинном свете реальное положение римского Двора. Но, поскольку его мнение не является преобладающим в советах Его Святейшеству, он лишь отчасти может помешать злу.

России на переговорах с римским Двором следовало стойко отстаивать установленное отличие между различными обязанностями епископов и, вообще, римского духовенства в их духовных и политических отношениях и перевести дискуссию на почву, которая является самой слабой для папского правительства.

Так как, даже допуская, что епископ был связан неразрывными узами со своей епархией, это возможно лишь в религиозном отношении и не может, никоим образом, парализовать действия правительства против лица, виновного в государственной измене, таким образом, различие, которое римский Двор не хочет допустить в отношениях епископа, как церковнослужителя и как подданного, обнаруживается, тем не менее, ежеминутно.

Затем в депеше пояснялось, что, удаляя Гутковского из его епархии, вовсе не хотели ущемить его епископское достоинство и при таких непростых обстоятельствах проявили уважение, должное Святому Престолу и епископату, доказательством чего служило то, как епископ содержался в озеранском монастыре. В то же самое время не могли не бороться против него, как лица, присутствие которого серьёзно подрывало спокойствие в стране.

Причины, побудившие удалить епископа, не носили религиозного характера. Он вступил в прямое противостояние правительству, публично не повиновался его указаниям по вопросам, не относившимся к религии. Своим примером и своими речами он побуждал к сопротивлению правительству население, выходившее из революционного кризиса, публично выражал презрение и ненависть к его актам, был связан с польскими эмигрантами и повстанцами. С жалобами по этому поводу правительство обращалось в течение семи лет к римскому Двору, добиваясь его сотрудничества, чтобы «вернуть строптивого епископа на путь выполнения его обязанностей». Но его усилия оказались тщетными. На применение крайней меры оно пошло лишь в ответ на новые вызовы со стороны епископа и исчерпав все средства примирения. Посему вся ответственность за это полностью падала на Гутковского, забывшего о своих обязанностях подданного, и на римский Двор, не захотевший оказать правительству действительную помощь своей властью, чтобы разрешить трудности, становившиеся тем больше, что длились они так долго. Предположение, что епископ подвергался преследованиям, потому что из всего польского духовенства был единственным, кто проявлял усердие и преданность религии, считалось даже не заслуживающим серьёзного опровержения.

Причиной запрета на сношения епископа с духовенством и паствой бывшей его епархии служило то, что он был удалён по политическим мотивам, и такой запрет был необходим, чтобы ему помешать возбуждать умы, представляя себя в качестве

мученика религии. Не имея возможности позволить политическому заключённому иметь сношение с местностью, из которой был удалён, и, с другой стороны, не желая мешать ходу церковных дел в епархии, правительство приняло меры, которые были в его компетенции, обязав капитул избрать администратора. Павший на дуайена капитула Оссолинского выбор был одобрен правительством. Сообщая папе об этом выборе, его просили предоставить ему необходимые полномочия для исполнения новых духовных обязанностей.

Полагали, что в таком образе действия правительства было невозможно усмотреть «ни малейшего следа преследования католической Церкви, ни желания в чём-нибудь оскорбить Святой Престол и епископат», а строгие меры ему пришлось принять лишь «против воли и под влиянием суровой необходимости».

Если все эти действия правительства носили «печать долготерпения и почтительности» к Святому Отцу, то, считали в С.-Петербурге, образ действия Святого Престола в отношении него не демонстрировал такую «степень откровенности и доброжелательности», на которые оно считало возможным рассчитывать. Не желая заниматься упрёками, оставляли римскому Двору поведать о причинах изменения в его отношениях к императорскому правительству. Со своей стороны, не считали возможным обойти молчанием «способ не только не обычный, но даже оскорбительный», применённый папским правительством при передаче письма папы капитулу в Янове. Возмущение вызвал тот факт, что оно не только отказалось дать знать императорской миссии, получил ли выбор капитула санкцию Святого Престола, но, согласно информации, полученной окольным путём, стало известно, что Святой Отец назначил администратором лицо, рекомендованное ему епископом Гутковским, и сделал это, не выяснив, согласно ли на такое назначение правительство. Ведь римский Двор мог бы, по крайней мере, предположить его неприемлемость для светской власти даже из опасения возобновления с представителем Гутковского тех же самых ссор и неприятностей, которые имели место с самим епископом. Он же не подумал над тем, мог ли такой образ действия благоприятно отразиться на интересах католической Церкви в России и Польше. Он посоветовался лишь «с ложным самолюбием» и не только утвердил представление епископа Гутковского, а не капитула, являвшееся представлением и правительства, но он старался навязать свой выбор правительству под угрозой распространить такой образ действия и на другие меры, если не поспешат привести в исполнение указания Святого Престола.

Оставляя в стороне неуместность таких речей и неприемлемость подобных претензий, правительство считало себя обязанным заявить, что

...никогда не потерпит, чтобы какая-либо власть действовала, при его неведении или против воли, в странах, находящихся под его властью. И что оно никогда не примет лиц, облечённых какими-то ни было полномочиями, без того, чтобы они получили бы предварительно его согласие. Но в то же самое время оно выражает

надежду, что папский кабинет, вернувшись к более приемлемой оценке отношений, которые должны существовать между Святым Престолом и императорским правительством, не откажется приступить к урегулированию в случае возникших затруднений, а императорское правительство, со своей стороны, всегда пойдёт на встречу комбинации, могущей быть взаимно приемлемой¹.

Поскольку состояние отношений с Римом очень серьёзно беспокоило С.-Петербург, было решено направить в Рим в качестве специального посланника государственного советника Фурмана, в июне 1840 г. ставшего старшим советником министерства иностранных дел. В своё время он работал в Риме². Его поездка была тщательно подготовлена. Кроме инструкции от 11 августа / 30 июля подробно цели, задачи и линия поведения его были развиты в двух пространных депешах от того же числа. Из них следовало, что ему предстояло решить два вопроса и отвести кабинетное письмо Николая I от 9 августа / 28 июля 1840 г. Но передать его он мог, лишь убедившись в благоприятном приёме просьб императора, содержавшихся в нём.

В случае явно непримиримых настроений в Риме ему предписывалось его покинуть. Посылка его миссии мотивировалась «желанием исправить положение дел, которое, продолжаясь, могло привести к самым тяжёлым осложнениям». Чтобы этого избежать, император посчитал, что прямое обращение к папе могло бы стать средством вернуть его, если возможно, к более беспристрастной оценке некоторых из мер, которые он нашёл необходимым принять в последнее время. Своим письмом (оригинал и копия его прилагались к депеше) он надеялся добиться, чтобы Григорий XVI обязал Гутковского окончательно сложить с себя епископские полномочия, а также канонического возведения Павловского в сан архиепископа и митрополита католической Церкви в России. До передачи письма следовало из объяснений с папским правительством выяснить, «до какой степени можно было рассчитывать на благоприятный приём просьб нашего монарха и каковы будут конечные результаты передачи или не передачи кабинетного письма».

Отдавая отчёт в трудности решения поставленной проблемы и не предрешая исход переговоров, Нессельроде ограничивался указанием пути, представлявшимся способным привести к желаемому результату. До того как проехать через Вену в Рим, он должен был заехать в Варшаву для беседы с наместником, чтобы пополнить информацию, необходимую для объяснений с папским кабинетом.

Для облегчения его контакта с Ламбускини Фурмана снабдили рекомендательным письмом к нему Нессельроде. Но до встречи с кардиналом ему предписывалось увидеться с Капаччини, помощником государственного секретаря и тем

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 563. Л. 20–26.

² В 1828 г. он был назначен первым секретарём миссии в Риме, за отсутствием посланника в июле — сентябре 1830 г., июне — сентябре 1833 г. исправлял должность поверенного в делах. В декабре 1834 г. был назначен советником миссии в Константинополе.

из советников папы, кто «неизменно давал нам свидетельства самого примирительного настроения».

В конфиденциальных беседах с этим прелатом, «осведомлённость и умеренность которого были справедливо оценены» императором, следовало дать такие объяснения. Поскольку, «именно по его совету, император решился обратиться прямо к папе, Его Величество имел основание надеяться, что он употребит всё своё влияние на Святого Отца и государственного секретаря, чтобы достичь цели, отвечавшей, разумеется, интересам католической Церкви, как и интересам императорского правительства». Кроме того, нужно было заметить, что, как всегда, следуя его внушениям, в кабинетном письме «тщательно избегали всего, что имело бы вид теологического спора», в который не намерены были вступать. Демарш же императора должен был восприниматься «как обращение монарха к монарху, исполненное искренности и лояльности обращение к благоразумию и умеренности Святейшего Отца с чисто политической целью, основанной на намерениях и соображениях, которые в своей заботе о благе католического духовенства папа не мог бы не оценить, как они того заслуживают». Затем он должен был дать прочитать Капаччини копию кабинетного письма, но не позволять сделать с него копию, и выяснить средства, которые он посчитает наиболее подходящими, чтобы расположить Ламбрускини и «победить, в случае надобности, его несправедливое предубеждение, которым, кажется, он одушевлён сегодня в нашем отношении».

После такой предварительной подготовки можно было передать рекомендательное письмо государственному секретарю и изложить суть вопросов, пояснив причины, поставившие императора перед необходимостью строго наказать подьяцкого епископа, а также настаивать на срочности решения вопроса о возведении в сан монсеньора Павловского.

В объяснениях с ним следовало избегать всего, что могло задеть «его самолюбие, столь ранимое и столь легко пробуждаемое», ограничившись лишь прямым и ясным изложением предмета и цели миссии, а затем ознакомить его с содержанием письма императора и с условием, выдвинутым для его передачи. Кардинала нужно было попросить прозондировать отношение папы к требованиям императора. Зная о медлительности Ватикана, следовало разъяснить, что его пребывание в Риме не могло бы быть продолжительным и что он хотел, как можно скорее, выяснить намерения папы. После того как это произойдёт и результат окажется отвечающим желаемому императором, нужно было любезно попросить Ламбрускини «изложить письменно (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) (например, в форме письма, адресованного Вам и, так сказать, под Вашу личную ответственность) предварительное согласие Его Святейшества» на предложение императора. Когда эта формальность будет выполнена, он должен был сделать запрос об аудиенции у папы для передачи письма.

Во время аудиенции он был уполномочен выразить Григорию XVI от имени Николая I «глубокое удовлетворение», которое он испытывает, узнав, что папа пошёл

навстречу его прямо выраженным пожеланиям. Затем он поставит папу в известность, что будет ждать его ответное письмо императору, по получении которого должен будет вернуться в С.-Петербург.

Такой линии поведения он следовал бы, если беседы с Капаччини и Ламбрускини дали основание рассчитывать на благоприятный исход доверенных ему переговоров. Если же, против ожиданий, он не встретит у римского Двора примирительных настроений, ему не останется ничего другого, как покинуть папскую столицу. Но перед этим он сделает Ламбрускини «трудное, но искреннее признание, что отныне мы не видим никакого средства договариваться с римским Двором относительно самых насущных интересов католической Церкви в России и Польше»¹.

Полагая, что успех переговоров будет зависеть, отчасти, от разъяснений, которые Фурман сможет предоставить папскому правительству по поводу изложенных в ноте Ламбрускини жалоб, в специальной депеше излагались ответы, которые он был уполномочен дать по поводу каждой из них. Весь приведённый в этой депеше материал почти дословно с небольшими дополнениями войдёт в вербальную ноту, которую Фурман передаст государственному секретарю².

По поводу утверждения правительства, что оно «располагает материальными доказательствами» о пособничестве Гутковского проискам польской эмиграции, и заявления кардинала, что это до сих пор не было подкреплено «никаким позитивным фактом», Фурман должен был постараться «собрать какие-то положительные данные», что позволит настаивать на смещении Гутковского «за политический проступок», а не «за религиозное поведение».

В случае повторения кардиналом жалобы на запрет латинскому духовенству исповедовать и причащать неизвестных ему лиц, он был уполномочен заявить, что эта мера является чисто временной и вскоре будет отменена.

На ссылки кардинала на указы от 24 июня 1833 г. и 22 апреля 1834 г., предписывавшие учреждение православных епископств в Варшаве и Полодке, что, по его утверждению, лишало католиков церкви Св. Креста в Варшаве и храма Св. Казимира в Вильно³, следовало уточнить, что была создана лишь одна епархия в Варшаве. А по поводу её заметить:

Впрочем, абсурдно было бы претендовать, чтобы в большой столице, как Варшава, насчитывающей среди своих жителей значительное число греко-русских, и в стране, монарх которой исповедует эту же самую религию, не могло бы быть

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 16–22; Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 469. Д. 153. Л. 32–35; Ф. Отчёты МИД. 1840. Оп. 475. Л. 147.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 28–30.

³ В ноте будет замечено: «Храм же Св. Казимира в Вильно — это старинная церковь иезуитов, закрытие которой относится ко времени их изгнания из России, то есть произошло около четверти века тому назад и нынешнее правительство к этому не имело никакого отношения» (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 29).

епархиальной церкви Её веры, в то время как в столице Её Империи все христианские конфессии пользуются полной свободой исповедания их культов.

Сведения же, что церковь Св. Креста была отобрана у католиков, совершенно ошибочны. Эта одна из самых красивых церквей Польши продолжает им принадлежать.

Утверждения кардинала, что в школах, прежде зависевших от католических монастырей, религиозное преподавание доверено православным священникам, а приём новициев в католические семинарии стал невозможен вследствие установленных ограничительных условий, полностью лишены основания. Изменения же, внесённые в приём новициев, приняты в интересах самой Церкви, чтобы помешать приёму в монастыри лентяев и авантюристов, которые, не имея никакого действительного призвания к монашеской жизни, вступают в орден, чтобы жить в праздности, и становятся главной причиной, к сожалению, отмечающегося среди монашеского духовенства ослабления дисциплины.

Нельзя было исключить традиционную во все времена ссылку римского Двора на испытываемые им трудности в получении прямых и достоверных сведений о состоянии церквей и положении духовенства в России и Польше, которая последует от Ламбрускини и Капаччини. В ответ надо было заверить этих прелатов и самого папу, что во всех случаях, когда Святой Престол пожелает получить по этому поводу какую-либо информацию, императорское правительство её ему предоставит. Причём эта информация, исходящая из официального источника, должна иметь «большую ценность в его глазах, чем неполные и ошибочные сообщения, которые он черпает из тайных и почти всегда недоброжелательных источников».

Наконец, если бы папа поинтересовался ответом на адресованное им несколько месяцев тому назад бреве митрополиту Павловскому, нужно было дать ему знать, что письмо не было передано по назначению. И особо отметить, что Павловский действовал в соответствии с принятой практикой, освящённой временем и договорами, на авторитетность которых римский Двор ссылается сегодня в некотором роде и сам. Так, «кардинал в ноте от 1 июня называет указ от 23 ноября 1832 г. по поводу смешанных браков нарушающим прежние договора между Россией и Польской республикой. Итак, очевидно, что, ссылаясь на эти соглашения, которые разрешают смешанные браки (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), римский Двор признаёт скрыто принципы, им закреплённые»¹.

В дополнение к изложению содержания этой депеши в своей ноте Фурман решил привести некоторые цифры, по его мнению «убедительно отвечающие на недоброжелательные утверждения хулителей императорского правительства».

Я ограничусь, — пишет он, — приведением сумм расходов, произведённых со времени восстановления порядка в Польше на возведение и починку католических

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 31—34.

церквей в Царстве. Эти суммы достигают 1 632 462 флоринов. С другой стороны, число приходов в Царстве, составлявшее в 1829 г. 1673, поднялось в 1839 г. до 2280 и 150 округов декана. Конечно, не так действовало бы правительство, желавшее притеснять католическое духовенство¹.

Свое решение направить письмо Григорию XVI (оно датировалось 9 августа / 28 июля) Николай I объяснил серьёзными трудностями, возникшими на переговорах в Риме его представителя с папским правительством, полагая, что прямой демарш с его стороны, возможно, является самым верным средством их преодолеть. «Я обращаюсь, таким образом, к Вам с полным доверием, чтобы просить положить конец ситуации, которая, в случае её продолжения, кончит тем, что самым неблагоприятным образом воздействует на покой римской Церкви в моих государствах и на моё отношение к ней», — писал он. Он уверял папу, что очень дорого стоило ему принятие в отношении епископа Гутковского меры, о которой Святой Престол был информирован, и терпение, проявленное им в течение нескольких лет в отношении непокорного поведения этого прелата, служило лучшим тому доказательством. Не перечисляя многочисленных проступков, в коих он повинен, император ссылался на то, что,

...даже оправдывая некоторые из его действий по существу, правительство Вашего Святейшества вовсе не отказывается признать, что они вовсе не были безупречными по форме. Ведь Ваше Святейшество обладает слишком просвещённым умом, чтобы понимать, что в некоторых случаях это последнее соображение является часто самым важным; что, оставаясь неукоснительно в строгих рамках законности, ничего нет более лёгкого, как найти слова, которыми порождается в народе настроение нелюбви, и что от нелюбви один шаг к неповиновению.

Главным образом, именно по этой причине, чтобы среди его паствы больше не сеялось презрительного отношения к власти, чтобы опровергалась невоздержанностью его манеры говорить связь и единомыслие с врагами внутреннего спокойствия в Польше, император оказался вынужден, вопреки своей воле, строго наказать епископа Гутковского.

Итак, — заключал он, — речь здесь вовсе не идёт о религии, а просто о политике. Речь вовсе не идёт о конфликте между двумя различными исповеданиями, но об установлении дружеского согласия между двумя монархами, из которых один призывает другого оказать ему помощь в средствах, которые он должен был употребить для сохранения спокойствия в своих государствах. Именно во имя этого спокойствия, именно в интересах самой религии, вставшей так неосмотрительно в Польше на службу революционным страстям, я настоятельно прошу Ваше

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 30; Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 469. Д. 155. Л. 14–15.

Святейшество соблаговолить употребить указания своей отеческой власти, чтобы обязать епископа Гутковского сложить с себя полномочия.

Со своей стороны, император обещал обеспечить ему средства к существованию в соответствии с саном и рангом, занимаемым им в церковной иерархии.

Затем он призвал папу ускорить каноническое утверждение митрополита Павловского¹.

Сам Николай I по поводу этого письма 11 июля / 29 июня писал Паскевичу: «Жду от тебя ответ на записку по устройству католической Церкви в Польше; она тем нужнее мне, что я пишу Папе весьма сильно и решительно, чтобы вразумить всю опасность для его власти принятой им системы; пора этому положить конец»².

Фурман прибыл в Рим 14 / 2 сентября. В соответствии с полученными указаниями он имел встречи с Капаччини и Ламбускини. Оба они были ознакомлены с копией письма императора и условиями его передачи. Однако, как следует из частного и конфиденциального письма Фурману Капаччини, в беседе с государственным секретарём он обнаружил серьёзное расхождение с ним в понимании сказанного Фурманом «о невручении кабинетного письма до тех пор, пока не был бы каким-то образом заверен, что были готовы сделать то, о чём просили». Капаччини счёл нужным пояснить кардиналу, что, «как ему казалось, без этого заверения ход письму дан не будет». Ламбускини нашёл это «вещью весьма неуместной и, скажу, даже оскорбительной» и, полагал Капаччини, «она создаст неодолимое затруднение». В заключение он писал: «Я, который всегда стремится действовать лояльно, я посчитал, что поступил правильно, проверив мысль, которая была понята кардиналом не так, как мной, и, желая оправдать проявленное Вами доверие, я решил не скрывать от Вас произведённого эффекта»³.

28 / 16 сентября Фурман был принят Григорием XVI. Аудиенция длилась более часа. Папа уже был ознакомлен Ламбускини с содержанием кабинетного письма. Фурман дал ему прочитать его копию, после того как папа сказал, что не усваивает некоторые вещи, когда читают другие. Беседа носила «открытый и непринуждённый характер», из чего посланник заключил, «что папа действительно желал сблизиться с Россией и осознавал цену дружбы императора».

Закончив чтение, папа, в частности, сказал:

Послушайте... позвольте мне открыть Вам моё сердце; то, что я Вам скажу, не адресуется служащему правительства, уполномоченному вести со мной официальные переговоры; я буду говорить с Вами, как с братом, другом (это собственные выражения папы), я испытываю потребность излить душу, не для того, чтобы

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 23–25.

² Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 500.

³ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 37.

отвечать обвинениями на обвинения, потому что обвинения не ведут ни к чему хорошему, но, чтобы нам договориться, нужно, прежде всего, объясниться.

Он призвал судить о затруднительной ситуации с посылкой корреспонденции исключительно через посредничество посланника, поскольку письма, посылаемые таким способом, не всегда доходят по назначению. Жаловался на унижительность его положения. Спокойно, но с чувством глубокой боли он, в частности, сказал:

В течение десяти лет, что я нахожусь на троне, я не просил, я умолял, я заклинал императора позволить, чтобы избранный мной представитель, даже неофициальный, мог бы приехать в качестве простого путешественника, чтобы удостовериться в подлинном положении дел, которое мне представляют в тревожных тонах; и чтобы мне убедиться, что имеется много преувеличений в этих докладах. Так вот, никогда Ваше правительство не хотело уступить моим настояниям. Всё, что мне отвечают — это, что в этих донесениях и газетах факты либо искажённые, либо ложные. Что касается консервативных принципов, я не должен, мне кажется, внушать подозрения правительству. Я — враг революций, насколько им может быть монарх.

Он вновь сослался на отказ в поддержке обращавшимся к нему во время восстания полякам.

Говоря о деятельности российских посланников, папа обращал внимание на то, что они просят о брачных диспенсиях, буллах о назначении епископов, но никогда не поднимают серьёзные вопросы о вероучении, совести и церковной дисциплине.

Что касалось обещанной императором защите католиков, он находил, что это плохо согласуется с фактами, и сослался на наличие у него двух томов указов и постановлений, направленных против католического исповедания. А в качестве примера он назвал обращение греко-униатов — «событие беспримерное в анналах Церкви». В ответ на замечание Фурмана, что он не намерен обсуждать то, что принадлежало уже исключительно истории и к чему было бесполезно возвращаться, папа заметил, что говорил «академически». Когда же посланник сказал, что правительство в этом вопросе сохраняло нейтралитет, а возвращение греко-униатов было с их стороны делом спонтанным, понтифик живо отреагировал. «Я Вам предлагаю, сказал папа, с выражающей сомнение улыбкой, заменить одну букву на другую в выражении, которое Вы только что употребили, вместо *spontaneo* скажите *spintaneo* (очень плохая игра слов, потому что говорят *spinto* и *non spintaneo*, чтобы сказать вынужденный или подталкиваемый), тогда мы будем согласны». Фурман ответил в таком же шутовском тоне, что был очень рад видеть Его Святейшество в хорошем расположении духа, но что всё обстояло так, как он изложил.

В начале беседы папа сообщил, что уже обещал исполнить пожелания императора, а сказанным им затем о деле Гутковского и Павловского по существу ничего не добавил.

В завершение беседы он подвёл итог:

Император обратился ко мне с двумя просьбами, очень деликатного свойства, но что могу я надеяться получить в обмен? Во всех переговорах требуется некоторая взаимность. Уступки только с одной стороны, никакой выгоды для другой — это несправедливо. У меня тоже есть несколько вещей, о которых я должен просить императора.

Фурман заявил, что правительство предвидело это и намерено удовлетворить несколько претензий, изложенных в ноте Ламбускини от 1 июня. После этого он представил отрывок из депеши Нессельроде от 11 августа / 30 июля. Дочитав до параграфа о запрете католическому духовенству исповедовать и причащать неизвестных лиц, Фурман пояснил, что эта, чисто временная, мера будет отменена. Но это не всё, заметил папа. И заговорил о тех из греко-униатов, которые не пожелали оставить католическое исповедание и были принуждаемы исповедаться у православных священников, чтобы они перешли в господствующую религию, а они были готовы к суровым мерам любого рода, чтобы остаться в вере, в которой родились и были воспитаны.

Вернувшись к вопросу о подляском епископе, папа сказал, что знает средство решить этот вопрос, и отослал к Ламбускини, заметив, что он «пользуется всем моим доверием. Это старик немного резкий, но — светлая голова»¹.

Подводя итог своей миссии Фурман в донесении от 8 ноября / 27 октября 1840 г. особо отметил, что ни у кого из своих собеседников — папы, Ламбускини и Капаччини — «не встретил раздражения против России». Особенно расположен был Капаччини.

Папа был «настроен простираť свою благосклонность к пожеланиям императора до последней границы своего апостольского долга, которую ему не позволено переходить», и поэтому он был готов благоприятно отнестись к просьбам по поводу Павловского и Гутковского.

Что касалось первого, папа соглашался больше не откладывать его каноническое назначение, но, чтобы сделать это, соблюдая благопристойность, он нуждался в благовидном предлоге, чтобы вернуться к предшествующим решениям и оправдать в глазах Священной коллегии отмену приостановки канонической инвеституры (т. е. введения в должность) Павловского. Самым простым средством устранить это затруднение было бы его письмо, адресованное папе. В нём, не упоминая о прошлом, ни о причинах, обосновывавших задержку его конфирмации, Павловский ограничился бы лишь выражением благодарности за свой скорый перевод в архиепархию, добавив в общих словах заверения в чистоте своей доктрины и в своём послушании главе католической Церкви. Посредством такой демонстрации папа смог бы скрасить отмену

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 469. Д. 153. Л. 17–23.

своего постановления о приостановке и выдать буллы о каноническом назначении, особенно если бы демарш митрополита был бы сделан одновременно с письмом императора.

Относительно подляского епископа, папа, по правде говоря, не мог бы его отрешить от должности канонически, не возбудив против него дело в надлежащей форме, и для него было невозможно осудить его религиозное поведение. Но, с другой стороны, он отдавал себе отчёт в трудностях, которые встречал бы этот прелат при исполнении епископских функций, после того как был удалён от своей кафедры и подвергся немилости своего монарха. Поэтому, чтобы угодить императору, папа готов был посоветовать епископу добровольно подать в отставку. В качестве компенсации он полагался на обещание императора выплачивать Гутковскому средства к существованию, в соответствии с его рангом в церковной иерархии.

Выражалась надежда, что после смещения его будет сделан тщательный отбор замещающего лица, отмеченного наравне с чувством повиновения и верности монарху, ещё и качествами доброго католика и чистотой религиозной доктрины.

Всё это было изложено в ноте Ламбрускини от 2 октября/20 сентября.

В ней, сославшись на претензии, изложенные в нотах от 6 сентября 1832 г. и 1 июня 1840 г., не перечисляя их, Ламбрускини выделял лишь одну — о той части греко-униатов, которые захотели настойчиво придерживаться своей прежней веры и испытывали притеснения. В ноте выражалась надежда, что император не откажет им в поддержке¹.

Находя «недостаточно ясными» принимаемые этой нотой обязательства, Фурман счёл невозможной передачу письма. Согласно инструкции, он должен был сделать это, если итог переговоров ему покажется убедительным и он получит письменное обещание о предварительном согласии папы на просьбы императора. «Строго говоря, — писал Фурман из Вены в депеше от 8 ноября / 27 октября, — нота кардинала мне предоставила гарантии осуществления обещаний, данных в ней». Но, так как она даже не была подписана и к тому же папские уступки были связаны с условиями, которые он не был уполномочен подписывать, он счёл долгом передать решение этого вопроса на усмотрение императора. Римскому же правительству он разъяснил мотивы своего поведения, которые, по его мнению, были поняты и оценены. Если император сочтёт возможной передачу кабинетного письма, а Павловскому позволит написать папе письмо в указанном смысле, каноническая конфирмация митрополита не будет больше встречать затруднений. В то же самое время папа направит Гутковскому настоятельный совет, чтобы его обязать неожиданно подать в отставку. Что же касается прежних жалоб и изложенных в ноте Ламбрускини от 1 июня, эти вопросы могут стать предметом ноты нашего посланника в Риме².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 469. Д. 153. Л. 7–10; 13–14.

² Там же. Л. 10–11.

Депешей от 22 / 10 декабря из С.-Петербурга Фурман был информирован об одобрении императором того, как он выполнил свою миссию, о решении адресовать понтифику кабинетное письмо императора и о согласии, чтобы митрополит Павловский направил ему своё письмо. Передать все эти документы поручалось ему¹.

В письме Николая I папе от 15 / 3 декабря 1840 г. выражалось удовлетворение по поводу обещаний папы, о которых сообщил Фурман: дать каноническое назначение кандидату императора Павловскому на замещение могилёвской кафедры архиепископа-митрополита и призвать епископа Гутковского подать в отставку. Заканчивалось оно выражением искренней заинтересованности в сохранении спокойствия в управляемых им государствах и напоминанием об активном участии в восстановлении светской власти Святого Престола его брата, Александра I, трон которого он наследовал и миролюбивые и консервативные принципы которого разделял².

В своём письме Павловский просто сообщал папе о том, что, поскольку могилёвская архиепископская кафедра, которая одновременно является кафедрой митрополита всех католических церквей Российской империи, была вакантной со времени смерти митрополита, император в его постоянной заботе о духовных интересах своих подданных-католиков решил её заполнить. Выбор пал на него, и он просил о каноническом возведении в сан, необходимом для выполнения высоких церковных функций³.

По приезде в Рим Фурман должен был вручить Ламбускини рекомендательное письмо, испросить аудиенцию у папы, чтобы передать кабинетное письмо и выразить надежду императора, что папа выполнит данные им обещания. Фурман должен был следовать ранее данным ему инструкциям. Дополнительно ему было сделано следующее предупреждение:

Мы достаточно знакомы с политикой римского кабинета, чтобы знать, что он редко упускает случай защищать дело своего духовенства, которое он считает притеснённым и угрожаемым во всех странах, где латинская вера не является господствующей религией, и увязывает, таким образом, общие вопросы с переговорами по специальному предмету (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Итак, возможно, что в данных обстоятельствах папа или его министр вновь поставят на рассмотрение вопросы, чуждые специальной цели Вашей миссии. Но, предвидя такую возможность, я вовсе не в состоянии снабдить Вас инструкциями относительно случайностей, которые не в нашей власти заранее точно указать.

Единственное правило поведения, которое я мог бы Вам наметить в этом отношении, — это проявить так же, как Вы это сделали во время Вашей первой миссии,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 44.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1840. Оп. 469. Д. 155. Л. 23–24.

³ Там же. Л. 26–27; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 49.

самую большую осторожность, чтобы не вступать на путь уступок, на которые император не смог бы согласиться. И не нужно, чтобы желание, несомненно, похвальное, добиться успеха на доверенных Вам переговорах увлекло Вас за границы, которые Вам были намечены в Ваших инструкциях. Наш Августейший монарх будет Вам признателен за приложенные усилия, не делая Вас ответственным за успех, который не от Вас зависит¹.

Фурман должен был ответить на ноты Ламбрускини от 1 июня 1840 г. и от 6 сентября 1832 г. Другие, могущие последовать запросы, а именно о греко-униатах, посылке агента в Россию, следовало вежливо, но положительно отклонить².

Любопытно, что, в то время как Фурман заканчивал первый этап своей миссии, Потёмкин 19 / 7 декабря 1840 г. писал о состоявшемся у него накануне праздновании именин императора, на котором присутствовали высшие папские должностные лица, высшая знать, местная и иностранная, члены дипломатического корпуса. Капаччини сообщил ему, что, когда он утром сказал папе о полученном приглашении, он обязал его непременно пойти на это празднование. Потёмкин признавался, что собрание было «таким многочисленным и оказалось таким блестящим, так как это было первое состоявшееся с зимы по причине царившей в Риме бедственной эпидемии»³.

Из-за плохого состояния дорог в Германии и Италии Фурман прибыл в Рим лишь 31 / 19 января 1841 г. Со стороны Ламбрускини и Капаччини он встретил самый предупредительный приём.

Он успел выполнить основные предписания полученной инструкции, но 15 / 3 февраля неожиданно скончался от апоплексического удара. Об итогах своей миссии он оставил лишь черновой набросок. Из него следует, что 9 февраля / 28 января он вручил папе кабинетное письмо императора и письмо Павловского. Рад был сообщить в С.-Петербург, что папа уже дал необходимые указания в отношении Павловского и, как заверил Капаччини, его назначение состоится на ближайшей консистории в конце февраля или в начале марта. Действительно, 13 / 1 марта Потёмкин сообщит о решении о переводе Павловского в могилёвское архиепископство, о том, что у него находится для него паллиум и документ о 23 полномочиях, данных Святым Престолом его предшественнику⁴.

12 февраля / 31 января 1841 г. Фурман передал Ламбрускини ноту, служившую ответом на претензии Ватикана, изложенные в нотах от 6 сентября 1832 г. и 1 июня 1840 г.

Ответы на первую ноту сводились к следующему. Относительно имевшихся у папы сведений, что имущество закрытых монастырей Царства Польского,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 442. Л. 44–46

² Там же. Л. 46–47.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1841. Оп. 469. Д. 167. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 165. Л. 2; Д. 167. Л. 42, 68.

доходы с которых на основании буллы Пия VII были предназначены на помощь кафедральным церквям и семинариям, было отдано в казну, в ноте Фурмана говорилось: «это имущество вовсе не было отдано в казну Царства».

На утверждение, что в Царстве потребовали от каждой епископальной церкви Царства уступить одну католическую церковь, указанную самим правительством, для православной службы, того, на что епископам не позволили дать согласие принципы католической религии, последовал отрицательный ответ. «Это утверждение ошибочно. Правительство никогда не делало этого».

По поводу тысяч детей-католиков, вывезенных вглубь Империи, где существует угроза того, что они покинут религию своих отцов, были даны такие разъяснения. После взятия штурмом Варшавы значительная часть детей стали сиротами из-за гибели отцов, сражавшихся в рядах повстанцев. Сами матери просили взять детей под защиту, что и было сделано. По указанию императора их накормили, одели, позднее они были направлены в различные военные школы Империи. Поскольку эти школы находятся в городах или вблизи их, дети посещают священников их исповедания.

Имевшиеся в Риме сведения о том, что пенсии епископам были уменьшены вдвое, были опровергнуты такими данными. В 1830 г. ассигнование на каждого епархиального епископа составляло 50 тысяч флоринов. В 1831 г. они отказались в пользу повстанческого правительства от трети их жалованья, чтобы служить делу революции. После восстановления порядка правительство не только не уменьшило установленный уровень, а, напротив, увеличило сумму до 40 тысяч флоринов, которую ныне получает каждый епископ.

По конкретным вопросам, поднятым в ноте от 1 июня 1840 г., последовали следующие ответы.

На жалобу о распространении указа от 23 ноября 1833 г. относительно смешанных браков на Польшу, вопреки прежним договорам между Россией и Польской республикой, было разъяснено, что те договоры были заключены с теперь уже не существующим государством, а посему они не могли иметь силу. К тому же напоминалось, что по прежним договорам дети от смешанных браков должны были воспитываться: мальчики — в религии отцов, девочки — матерей. А Святой Престол настаивал на воспитании детей обоих полов в католическом исповедании.

Указ 1833 г., восстанавливавший действие указа Екатерины II, чтобы 400 жителей-католиков имели церковь и священника, истолковывается в ноте как имеющий целью «уничтожить многие приходы, что действительно и произошло». В своём ответе Фурман даёт справку, что господствующая религия довольно часто имеет церковь и священника на 1000 жителей, а, значит, католики находятся в более благоприятных условиях в России, чем православные.

На жалобы в связи с появлением указов от 24 июня 1833 г. и 22 апреля 1834 г., предписывавших создание двух православных епархий: одной — в Варшаве, другой — в Полоцке, вследствие чего у католиков отобрали церковь Св. Креста

в Варшаве и храм Св. Казимира в Вильно, было сказано, что создание епархии в Варшаве было продиктовано наличием большого числа проживавших там православных. Лишение католиков церкви Св. Креста было признано ошибочным, и она продолжает им принадлежать. Отобранная церковь в Вильно принадлежала иезуитам и была закрыта 25 лет тому назад после их изгнания.

Наконец, полностью отрицалось, как лишённое основания, утверждение, что религиозное образование католического юношества было доверено православным священникам в школах, где прежде преподавателями были доминиканцы, базилиане¹.

Миссия Фурмана, несомненно, означала определённый успех российской дипломатии. Она позволила надеяться на удовлетворительное решение долгое время отравлявших отношения со Святым Престолом трудных и щекотливых вопросов, теперь обсуждавшихся с папским правительством.

На кабинетное письмо Николая I Григорий XVI ответил письмом от 7 апреля 1841 г., копия которого не была передана российскому посланнику, как это было принято обычно. Спрошенный о причинах случившегося, Капаччини пояснил, что папа «категорически этому воспротивился, желая придать своей переписке совершенно частный и конфиденциальный характер, и что именно по этой причине Святой Отец, ни за что, не хотел говорить об этом государственному секретарю, который остался совершенно непричастен к принятому Его Святейшеством решению». Тем не менее Капаччини брал на себя ответственность за ознакомление Потёмкина с содержанием писем папы к императору и Павловскому и ручался за точность этого варианта. После этого он изложил их содержание, отказавшись их продиктовать.

Заканчивая беседу, Капаччини поведал, что на известие о передаче писем Ламбрускини не скрыл своей глубокой досады. Он посоветовал Потёмкину пощадить задетое самолюбие кардинала и нанести ему визит с тем, чтобы информировать о получении писем и спросить, не считает ли он уместным дать какие-то разъяснения по этому поводу.

Когда затем Потёмкин оповестил Ламбрускини о получении писем и спросил, не передаст ли он по обычаю копию письма императору, Ламбрускини сказал, что был в курсе передачи письма, но был непричастен к решению папы, не посчитавшего нужным с ним проконсультироваться. А значит, не был знаком с содержанием письма, и, как должно быть очевидно для Потёмкина, деликатность не позволяла ему «стремиться добиваться доверия, которого Его Святейшество не счёл нужным ему оказать в этом случае. Как у частного лица, у него есть основание предполагать, что содержание этого письма могло быть лишь удовлетворительного характера, но, что в своём качестве государственного секретаря, он вовсе не считал себя обязанным сказать об этом ничего больше». Со своей стороны, посланник

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1841. Оп. 469. Д. 167. Л. 90–95.

посчитал за лучшее покинуть кардинала, полагая, что достигнутый удовлетворительный результат явно следовало отнести за счёт помощи Капаччини¹.

Потёмкин высоко оценил усердие, с которым он ему помогал. Он не сомневался, что, если бы «вместо того, чтобы довериться исключительно неусыпной заботе достойного прелата, он следовал по официальным путям, более чем вероятно, удовлетворительному результату воспрепятствовали бы закоренелые предубеждения против России главы папского кабинета». Посланник считал, что счастливое обстоятельство его недомогания с начала переговоров, поставившее монсеньора Капаччини в каждодневные отношения с Его Святейшеством, должно было сильно содействовать тому, чтобы ему облегчить средства действительного влияния на убеждения Святого Отца.

Собственный взгляд и оценку его участия в успешном завершении решения таких трудных вопросов Капаччини изложил сам, когда Потёмкин пришёл его поблагодарить за оказанную помощь и поздравить с достигнутым результатом. Он признался, что «ему самому нужно было первым себя с этим поздравить». И далее объяснил это тем, что предубеждения, без конца порождаемые недоброжелателями в отношении постановлений императорского правительства относительно римских католиков, «его заставляли каждую минуту опасаться увидеть, как проваливаются его усилия привести его Двор к более примирительным настроениям и, таким образом, ускорить завершение дела, в успехе которого он был лично заинтересован». Ведь именно он сам указал императорскому кабинету пути, которые считал самыми способными привести это дело к удовлетворительному результату².

Высокая оценка С.-Петербургом вклада Капаччини в урегулирование многих трудных вопросов отношений его с Римом была дана в депеше барону Ф.П. Мальтицу в Нидерланды³.

Дело в том, что назначенный интернунцием и чрезвычайным и полномочным посланником на переговорах по урегулированию отношений между нидерландским и римским Дворами Капаччини рассчитывал на поддержку его российским представителем в Гааге. В ответ на запрос Мальтица по этому поводу ему и была направлена эта депеша.

Во все времена монсеньор Капаччини, — говорилось в ней, — заслуживал своими глубокими познаниями, так же как лояльностью его характера, уважение нашего Августейшего Монарха. Неоднократно, когда дела, которые мы должны были обсуждать с римским Двором, представляли трудноразрешимые вопросы, императорская миссия в таком случае прибегала к советам этого прелата, либо настойчиво просила его добрых услуг. И всегда с тем здравомыслием, которое его отличает, и с его

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1841. Оп. 469. Д. 167. Л. 83.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 31—33.

³ К сожалению, на её экземпляре, хранящемся в документах миссии в Риме, не указана дата.

примирительным настроем, он умел устранить препятствия и найти средство, чтобы привести к согласию права и интересы, вначале казавшиеся непримиримыми¹.

Объяснение только этими качествами, характеризовавшими Капаччини, его умение разрешить самые трудные вопросы в отношениях Святого Престола с Россией представляется не очень убедительным. Ведь государственный секретарь и его помощник, каковым он был, должны были следовать указаниям и намеченной папой линии. Поэтому, не исключая полностью влияния его настроения, невольно возникает мысль о том, не использовал ли сам понтифик эти его качества в случаях, когда ситуация заходила в тупик и настоятельно требовалось найти выход. Не создавалась ли, таким образом, возможность, испробовав одну, более жёсткую линию, переключиться на другую, более умеренную.

Своим письмом Григорий XVI сообщал императору, что выполнил оба пожелания, выраженные в его письме от 3 декабря 1840 г.: назначение Павловского состоялось, Гутковскому он только что направил письмо, обязывавшее его подать в отставку. В обмен он призывал императора обеспечить своё покровительство католической Церкви в его Империи, защитить католиков и греко-униатов от всякого рода придираков, исходящих от низших властей².

Полученным письмом Николай I остался доволен. 18 / 6 мая 1841 г. он писал Паскевичу:

Жду, что мне напишешь про епископов; мы с Папой в больших ладах, и вчера Он написал мне премилое письмо. Я надеюсь, что и впредь дело пойдёт ладно; то, что Он написал Гутковскому, очень хорошо; посмотрим — послушается ли? Отказ венчать браки ничего другого не произведёт, как то, что брак, совершённый нашими священниками, должен быть почитаем законным и достаточным в судах³.

Беспокойство о том, «послушается ли», сохранялось ещё долго, как это следует из записки от 28 / 16 июля 1842 г. Потёмкина Ламбускини. Он писал, что письмо папы Гутковскому ещё не было вручено адресату. Правительство искало для этого удобный момент, учитывая прошлый опыт, когда епископ «не принял с должной почтительностью увещевания Святого Отца, и, объясняя их себе на свой манер, не раз желал видеть в духовных предупреждениях Его Святейшества скорее похвалу, чем осуждение его поведения». Учитывая, что такими были его настроения, когда он покидал свою кафедру, представлялось «неосторожным сразу воспользоваться этим последним средством полюбовного улаживания, на которое согласился Святой Отец в своей высокой мудрости и снисходительности, чтобы вовсе не подвергать его напрасно опасности перед лицом иллюзий, которыми монсеньор Гутковский

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 466. Л. 550.

² Там же. Д. 582. Л. 35–36; Ф. Канцелярия. 1841. Оп. 469. Д. 166. Л. 1–2.

³ Николай I. Муж. Отец. Император. С. 501.

непрерывно хотел себя убаюкать». Таким образом, епископу предоставляли время для точной оценки его подлинного положения.

Тем временем Ламбускини информировали о желании епископа жить в Лемберге, по поводу чего был сделан запрос австрийскому правительству, а также о намерении императорского правительства увеличить с 2 до 3 тысяч флоринов выплату ему в год¹. Правда, в сведения об увеличении выплаты вкралась ошибка. Позднее было уточнено, что предполагалось выплачивать в год 2 тысячи флоринов. А 3 тысячи флоринов составляла единовременная выплата на дорогу и обустройство на новом месте², вместо предполагаемой ранее выплаты 2000 флоринов на эти цели³.

¹ АВПРИ Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 154–157.

² Там же. Л. 300.

³ Там же. Л. 384. К вопросу о выплатах Гутковскому вернутся ещё и в сентябре 1848 г. в связи с просьбой возместить ему жалованье, которое не выплачивалось с того времени, когда он вступил в открытую оппозицию правительству. В своём акте об отставке он сформулировал это притязание как простое пожелание. Поскольку он был его лишён «за достойное осуждения поведение», в такой выплате ему было отказано. А в ответ на ноту по этому поводу государственного секретаря разъяснялось, что никогда не существовало никакого обещания о подобной выплате (Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 107–108).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Аллокуция Григория XVI о положении католической Церкви в России и Польше. Трудности с возведением в сан новых епископов. Начало переговоров по епископскому вопросу

В отчёте министерства за 1840 г. была отмечена тенденция к улучшению отношений со Святым Престолом. В следующем году по существу оценка их состояния не изменилась. В отчёте за 1841 г. констатировалось, что после переговоров, проведённых Фурманом, никаких новых дискуссий с римским Двором не возникало и, «если характер дел, обсуждаемых нами с ним, не допускает отношений безграничного доверия, позволительно сказать, по крайней мере, что наши отношения со Святым Престолом значительно улучшились»¹.

Утверждая это, министр упустил из вида реакцию Рима на только что принятые меры в отношении католической Церкви в России, которая неизбежно должна была последовать, и, как подсказывал опыт, на её положительный характер не приходилось строить никаких иллюзий. Такое упущение представляется тем более странным, что, как правило, отчёт составлялся в начале следующего года, чаще всего весной, а указ был издан 6 января 1842 г./25 декабря 1841 г.

В нём речь шла о секуляризации в Западных областях Империи и передаче под управление только что созданного министерства государственных имуществ недвижимого имущества населённого крестьянами, принадлежавшего духовенству иностранных исповеданий, за исключением лишь собственности белого духовенства викариев приходов, которые не входят ни в высшую иерархию Церкви, ни капитулов, ни других установлений подобного рода. Этим же указом предусматривалось составление для епархиальной администрации капитулов и монастырей смет для ассигнований, соответствовавших потребностям различных установлений и лиц в соответствии с саном и положением каждого из них. Эти сметы должны были представляться на утверждение императора.

При этом, понимая, что доходы от секуляризации имущества будут недостаточны для удовлетворения этих нужд, было решено использовать на эти ассигнования также доходы от имущества, конфискованного в Западных областях у участников

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1841. Оп. 475. Л. 131–132.

Польского восстания, за вычетом сумм, необходимых для уплаты долгов и других обязательств и расходов, которыми обременено это имущество¹.

Посылая Потёмкину текст этого указа, Нессельроде в депеше от 23 / 11 февраля 1842 г. и в приложенной к ней памятной записке дал следующие разъяснения, с которыми следовало ознакомить папское правительство.

Принятая теперь в Западных областях России мера в отношении имущества духовенства уже давно, ещё при Екатерине II, была осуществлена во всей остальной Империи, то есть в ней не было ничего нового. К тому же она касалась собственности, принадлежавшей не только духовенству иностранных исповеданий этих областей, но и православной Церкви, чему был посвящён отдельный указ от того же числа. Следовало обратить особое внимание Святого Престола на это обстоятельство и на следующий факт. В отличие от Австрии и Пруссии, где передача церковного имущества сопровождалась отменой названий монашеских орденов и передачей большей части доходов от этого имущества в казну, в Западных областях России при проведении в жизнь этой меры были сохранены все существовавшие ордена, не претерпел никаких изменений и состав капитулов. Правительство не только было не намерено забирать в казну какую бы то ни было часть доходов от церковного имущества, но выделяло на содержание духовенства до того поступившие в казну доходы от имущества, конфискованного у духовенства по причине его участия в Польском восстании. Специально подчёркивалось, что ассигнования, назначенные латинскому духовенству, превосходили их сумму для православного духовенства в тех же Западных областях. Согласно приведённым в депеше данным, ассигнования на управление шестью католическими епископствами и на содержание имевшихся там монастырей превосходили приблизительно на 65 тысяч рублей серебром сумму, ассигнованную на ту же цель в семи епископствах православного исповедания. Сумма, предоставленная на пожизненные пенсии латинскому духовенству, была впятеро больше суммы на пенсии православному духовенству. Наконец, резервный капитал, ассигнованный католической Церкви, был втрое больше такового православной Церкви в Западных областях².

В том же 1842 г. в отношении монастырей было принято положение об отмене должности провинциала, представлявшего в монастыре генерала ордена. Вместо него в помощь епископу для надзора за монастырями назначались визитаторы из белого духовенства. Тогда же состоялось разделение монастырей на штатные и заштатные. При этом было положено иметь 50 штатных монастырей, из них — 28 мужских и 24 женских³.

Принятые правительством меры вызвали резкую реакцию в Риме.

22 июля 1842 г. Григорий XVI произнёс allocution о положении католической Церкви в России и Польше. Он напомнил, что с начала своего понтификата

¹ ПСЗ. Собрание второе. Т. XVI. СПб., 1842. № 15153. С. 139–140

² АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 598. Л. 4–8, 10–11.

³ Там же. Д. 1338. Л. 31–32.

приложил много усилий для его улучшения, но они оказались безуспешными. Теперь, чтобы опровергнуть тяжкие обвинения в его кажущейся бездеятельности, папа приступает к обнародованию документов, доказывавших его непрекращавшиеся усилия в этом направлении¹.

Николай I нашёл эту речь папы «исполненной лжи и несправедливости» и не намерен был, как писал Паскевичу 6 сентября / 25 августа, на неё отвечать, ибо не хотел «начинать с ним явной ссоры; но велел сказать, что подобное действие не только не облегчает успех дела, но ставит меня в невозможность следовать влечению моему ко благу католической Церкви... Влияния на католиков речь не могла не произвести: но всё это рушится о твёрдость наших правил и мер, которых, верно, я не изменю»².

В отчёте дипломатического ведомства за 1842 г. об аллокуции говорилось как об инциденте, «беспримерном в анналах истории» отношений с римским Двором. Причины резкой перемены на протяжении уже нескольких лет в отношениях, «некогда столь удовлетворительных», усматривались в принятии в России мер в отношении латинского исповедания, в некоторых из которых римский Двор видел посягательство на принципы, на коих основывалось его верховенство, на независимость его юрисдикции и на правила церковной юрисдикции³. Правда, казалось, что заверения и объяснения, данные через Фурмана, успокоили в некоторой степени его враждебность, он даже отступил от точного соблюдения своих принципов, удовлетворив требования, составлявшие специальный предмет его миссии. Появилось основание думать, «что благотворное воздействие времени, сглаживающее

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 173.

² Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. V. Приложение. СПб., 1896. С. 498; Русский архив. Кн. II. М., 1910. С. 490.

³ В свете этого несколько упрощённой представляется интерпретация Поповым позиции папского правительства как в делах Павловского и Гутковского, так и причин появления папской речи. Он писал:

Как к вопросу об утверждении Павловского могилёвским архиепископом римский Двор придирался только для того, чтобы возбудить общий вопрос о смешанных браках, так и по вопросу о епископе Гутковском ему хотелось на самом деле завоевать себе право непосредственного сношения с латинским духовенством в Империи и Царстве. Но, не видя успехов своих домогательств, ультрамонтанская партия, в лице Ламбрускини управлявшая политикою римского Двора, решила обнародовать аллокуцию 1842 г. против России. Эта аллокуция была составлена тайком и обнародована во время отсутствия нашего посланника (*Попов А.Н.* Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год. СПб., 1871. С. 229).

Последний аргумент звучит более чем странно. Аллокуция практически всегда готовилась «тайком», а возможности добиться, чтобы она не публиковалась, у посланника были очень ограниченными.

тягостные впечатления прошлого, устранил следы разногласий и подготовит путь к восстановлению более близких отношений между двумя правительствами».

Появление аллокуции именно в это время относилось на счёт «напыщенных речей периодической печати, анонимных писем, доносов, клеветы, распространяемых польской эмиграцией». В них папу открыто упрекали в бездействии и безразличии к «страданиям» католической Церкви в России и Польше.

Уступая требованиям епископата, протестам экзальтированной партии и побуждениям своей боязливой совести, папа счёл долгом предпринять публичную защиту прав Церкви и оправдаться в то же самое время в глазах всего католичества от упреков в том, что не заботился о духовных интересах католиков России и Царства Польского. Он протестовал, но нужно признать в словах, в которых горечь его сетований была внешне прикрыта некоторым приличием, и умеренностью, — особо отмечалось в отчёте министерства. — Поразительный контраст, который аллокуция от 22 / 10 июля представляет в этом отношении с резкостью обвинительных актов, предпринятых некогда Ватиканом против Австрии и Голландии и совсем ещё недавно против Пруссии и Испании, кажется, указывает также, что в нынешних обстоятельствах потребность в собственном оправдании была главной идеей Святого Отца. Что касалось изложения фактов и документов, предназначенных подкрепить папскую аллокуцию, это было делом экзальтированной партии, находящейся сегодня во главе дел.

Признавалось, что римская министерская канцелярия обнаружила много ловкости в своей аргументации, но «её язык, слащавый и осмотрительный, позволил проявиться более чем в одном месте чувству надменного недоброжелательства, которое всей приниженностью выражений не удавалось скрыть». Преувеличения и тенденциозность этого текста были осуждены даже в Риме здравомыслящими лицами.

Формальный запрет папским правительством публикации в римских газетах этого документа и текста аллокуции, столь противоречивший установившемуся обычаю, на Неве восприняли как знак уважения, которое римский Двор счёл долгом соблюдать в отношении России. В сложившейся ситуации там исходили из желания избежать открытого разрыва со Святым Престолом и из снисходительной оценки трудного положения папы, вовлечённого, в некотором роде, против его воли в публичную демонстрацию, и решили проявить долготерпение в отношении папского правительства¹.

В депеше Кривцову (Потёмкин был в отпуске) от 13 / 1 сентября особо обращалось внимание на то, что государственный секретарь воспроизвёл массу обвинений, несостоятельность которых уже была доказана, а также на лёгкость, с которой Святой Престол доверял распространяемой прессой клевете и анонимным доносам, отклоняя в то же самое время уточнения, вносимые миссией. В настойчивости,

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1842. Оп. 475. Л. 92—96.

проявляемой римским Двором, чтобы не отказываться от однажды выдвинутых обвинений вопреки опровержениям правительства, усматривалось указание на принятое решение не придавать никакого значения объяснениям, поступающим из официального источника. При таком положении дел представлялось невозможным обсуждать отдельно каждый параграф опубликованного в Риме обвинительного акта, тем более что в отношении большей части утверждений, содержащихся в нём, можно было лишь повторить содержание заявлений, уже сделанных через миссию. Не могло быть речи и об обсуждении принципов, наименьшим нежелательным последствием чего было бы отсутствие какого-либо результата.

Решено было ограничиться тем, чтобы предложить папскому правительству рассмотреть некоторые общие моменты. Ведь наряду с делами, хотя и упомянутыми в записке, но уже давно считавшимися оконченными, имелись те, что составляли предмет переговоров, продолжавшихся между двумя Дворами. Не видя ничего, что могло бы оправдать их огласку папой, в С.-Петербурге сожалели об этом его демарше. Тем более что опыт должен был доказать папскому Двору, что демонстрации такого рода, как только что произошедшая, не являлись средством, облегчавшим решение вопросов, стоявших между ним и иностранным правительством, и что, далёкая от того, чтобы служить подлинным интересам Церкви, она их только ещё больше подвергает опасности, говорилось в депеше¹.

Совершенно неожиданным этот шаг Святого Престола стал для Потёмкина, за месяц до появления аллокуции накануне отбытия в отпуск имевшего беседы с Ламбускини и Григорием XVI. По возвращении 15 сентября в Рим при встрече с государственным секретарём (2 октября) он «воспользовался случаем, чтобы засвидетельствовать истинное оскорбление, которое он должен был испытать, узнав о демарше, совершённом Святым Престолом против России, без того, чтобы, по крайней мере, меня предупредить в момент моего отъезда». Припомнил он и о том, что и приём, оказанный ему папой на аудиенции по случаю отпуска, «совсем не был такого рода, чтобы мне дать понять о подобном решении».

Кардинал утверждал, что в то время ещё ничего не было решено в этом отношении. Что, «скрепя сердце, побуждаемый требованиями всего католического епископата, Святой Отец вынужден был подчиниться голосу совести и своего долга, приняв решение, которое шло вразрез с личным чувством уважения и почтения» к личности императора, и сделал он это лишь после решения конгрегации кардиналов, собранной по этому поводу. Со своей стороны, продолжал кардинал, он тщательно позаботился о том, чтобы при изложении претензий соблюсти надлежащую внимательность и никогда не смешивать дело религии с интересами политических смутьянов Польши, которых Святой Престол без колебаний подверг серьёзному порицанию. За осуждение, коему он подверг Польское восстание, он навлек на себя горькие упреки со стороны польских эмигрантов. Для большей

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 397–400.

убедительности кардинал сообщил, что, лишь оказавшись в крайне трудном положении и после того, как исчерпал все средства, чтобы предупредить опасный взрыв, папа, наконец, решился произнести аллокуцию. По секрету он также поведал, что он пошёл на этот шаг после того, как не возымела никакого действия депеша, направленная папскому нунцию в Вене для передачи императору. Этим шагом надеялись заставить его оценить глубокую озабоченность папы, подвергавшегося упрекам верующих за так называемое безразличие к страданиям католиков России и Польши, и побудить императорское правительство ослабить его суровость в отношении католиков.

В ответ Потёмкин ограничился тем, что зачитал министерскую депешу от 13 / 1 сентября. Внимание кардинала особо привлекло заключительное заявление, что правительство будет всегда расположено договориться со Святым Престолом относительно интересов католической Церкви в России и Польше. Он заверил в готовности пойти навстречу такому желанию, как только будет проявлено немного доброй воли и обнаружено искреннее стремление к примирению. Он попросил оставить ему копию депеши, чтобы показать её папе, и назначил день, когда он мог прийти за ответом¹.

Как отмечал Ламбрускини, беседа с Потёмкиным была «довольно спокойной, даже тёплой, дружеской», посланник «дал примечательные доказательства умеренности и даже лояльности». С содержанием беседы Ламбрускини депешей от 20 октября осведомил нунция в Вене. Он его поставил также в известность, что после того, как папа узнал о переданной Потёмкиным депеше, он собрал у себя кардиналов Пакка и Паоло Полидори вместе с Ламбрускини для составления ответа на сообщение императорского правительства. Единодушное мнение свелось к тому, что государственный секретарь даст ответ посланнику и поставит перед ним пять вопросов².

Вручая Потёмкину этот документ — памятную записку от 16 октября, — Ламбрускини сказал, что папа, будучи информирован о примирительной позиции императорского правительства, охотно пошёл бы ему навстречу, но долг и совесть предписывают ему настаивать на следующих прелиминарных условиях возможного примирения. Прекращение системы притеснения католиков, особенно отмены суровых мер против греко-униатов, оставшихся верными старой вере; отмена решений правительства относительно секуляризации имущества католической Церкви в Западных областях Империи, наконец, принятие дипломатического агента Святого Престола при императорском Дворе на основе взаимности, в силу присутствия российской миссии в Риме.

Видя в этом заявлении кардинала обычное стремление римского Двора никогда не отказываться от своих притязаний и пользоваться каждым случаем, найденным

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 267–270.

² ASV. Fondo. Russia e Polonia. Anno. 1836–1843. Posizione 141. Fascicolo 43.

им благоприятным, для достижения цели, Потёмкин посчитал бесполезным вступить в дискуссию.

Он решил передать кардиналу свою памятную записку. Читая её, последний сказал, что папа этим утром просил упомянуть ещё о двух указах, более всего задевавших догматы католической Церкви и на отмене которых он особо настаивал. Речь шла об указах от августа 1839 г. Первый запрещал католическим священникам крестить детей от смешанных браков и исповедовать кого-либо, кто хотя бы однажды исповедовался у православного священника. Второй запрещал католическим священникам допускать к исповеди верующих другого прихода. При этом кардинал сослался на обещание Фурмана об их отмене.

На приведённые посланником аргументы о невозможности принять папского агента кардинал заметил, что их уже излагал Кривцов, но тем не менее папа продолжал на этом настаивать.

При следующей встрече Ламбрускини передал записку, написанную собственной рукой, и просил рассматривать её как совершенно частное сообщение, предназначенное помочь посланнику дать точный отчёт его Двору о переговорах. Он выслушал объяснения Потёмкина о неприемлемости просьбы об отмене мер по секуляризации имущества католической Церкви в России, потому что они распространялись также на национальную Церковь, сказав, что не оспаривал справедливости государственных соображений, которые могли продиктовать такую меру. Он же обращал внимание лишь на то, что она касалась интересов католической Церкви. Поэтому папа «имел основание ожидать, что предварительно, до приведения её в исполнение», правительство договорится с ним о наиболее подходящем способе реализации его видов и, таким образом, позволит ему осуществлять «свое законное покровительство надо всем, что имеет отношение к католическому духовенству».

В целом у Потёмкина сложилось впечатление, что папа, понимая пагубные последствия, проистекавшие для католицизма от открытого разрыва с императорским Двором, стремился засвидетельствовать, со своей стороны, желание восстановить полное согласие с ним. При этом он хотел достичь этой цели с честью, не рана свою совесть, не подрывая достоинство Святого Престола, добываясь уступок, которые он считал необходимыми для процветания религии, верховным главой которой он являлся¹.

Просьбы папы в конце концов в этой записке были сведены Ламбрускини к пяти пунктам:

- 1) немедленное прекращение всех притеснений, которым подвергаются по религиозным мотивам греко-униаты, оставшиеся верными их вере, освобождение тех из них, которые были депортированы в Сибирь, заключены либо на рудниках, либо в российских монастырях;

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 270–278, 342–343.

- 2) прекращение невзгод, которые грозят латинскому духовенству, предоставление полной свободы сообщения со Святым Престолом по духовным вопросам;
- 3) отмена перечисленных в приложении к аллокуции указов, которые препятствуют духовной юрисдикции, нанося вред прерогативам Святого Отца, и указов относительно отправления таинств эпитимии (в переводе с греческого — наказания), крещения и смешанных браков;
- 4) возвращение имущества, отобранного у католических церквей и религиозных корпораций и включённого в имущество государства;
- 5) предоставление возможности Святому Отцу по своему желанию направить представителя в Россию на основе взаимности, по аналогии с императорским посланником в Риме¹.

Потёмкин высказал по содержащимся в этих пунктах просьбам несколько замечаний. В отношении первых трёх пунктов он заявил, что императорский Двор уже дал знать предыдущими сообщениями, что так называемые притеснения, изложенные в газетах или анонимных записках, в действительности не существуют, что он испытывает сожаления, видя, что верят такой лжи и отвергают объяснения, представленные миссией. По четвёртому пункту он сослался на то, что другим сообщением уже дал знать, что меры по компенсации церковного недвижимого имущества были внушены чувством благожелательности к духовенству, которому, как казалось, было неуместно управлять земельной собственностью, населённой крепостными крестьянами. К тому же, с другой стороны, эта же самая система оказывалась строго соблюдаемой в католических монархиях, а именно в Австрии. Наконец, по пятому пункту он заметил, что папское представительство в России с его правом духовной юрисдикции очень отличается от простого представительства без юрисдикции императорского посланника в Риме.

В качестве общего соображения посланник добавил, что повторение Святым Престолом его прежних претензий ему не казалось средством, способным облегчить сближение, напротив, оно оставляло открытыми расхождения, которыми злоупотребляла революционная партия с целью нарушить спокойствие².

Депешей от 24 / 12 декабря 1842 г. Потёмкина информировали, что все замечания, высказанные им по поводу пяти пунктов, заявленных Святым Престолом в качестве способных привести к доброму согласию между двумя Дворами, «были не только одобрены», но правительство считает, что они должны служить «его собственными ответами на просьбы Святого Престола», о чём предписывалось поставить его в известность³.

Одновременно с известием об одобрении его ответов Ламбрускини посланнику сообщили, что в С.-Петербурге, вернувшись к постановлениям, принятым им

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 279; 1843. Д. 146. Л. 59–60.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1843. Оп. 469. Д. 146. Л. 59–62.

³ Там же. Л. 53, 62–63.

в отношении латинского исповедания, обратили внимание, на то, что Святой Престол особенно настойчиво протестовал против запрета католическому духовенству исповедовать лиц, лично не известных, и допускать их к причастию. Припомнили к тому же, что ещё Фурман во время его миссии в Рим был уполномочен представить этот запрет в качестве переходной меры, необходимой из-за особых обстоятельств того времени и в более или менее близком будущем подлежащей отмене. Однако изучение вопроса показало, что эта рекомендация вовсе не противоречила предписаниям канонов. Оказалось, что такой запрет был повсеместно принят и подтверждён постановлениями многих конклавов. Поэтому ещё одной депешей, от 24 / 12 декабря 1842 г., Потёмкина просили проконсультироваться, конфиденциально и совершенно секретно, по этому поводу у самых признанных каноников в Риме и сообщить исчерпывающие сведения по этому вопросу, чтобы можно было о нём судить с полным знанием дела¹.

Воспроизведённые Потёмкиным в донесении от 15 / 3 февраля 1843 г. ответы Ламбрускини по этому поводу, данные от имени папы, звучали так. Протесты Святого Престола в отношении преследований греко-униатских и латинских католиков основывались на документах и достоверных фактах, их доказывавших. Папа был очень хорошо информирован о ссылке в Сибирь большого числа греко-униатов, не захотевших отречься от их исповедания, о содержании многих других священников в схизматических монастырях. Он осведомлён обо всех предпринимаемых демаршах, чтобы их вынудить оставить свою веру. Святой Престол никогда не позволит ввести себя в заблуждение газетам, но он располагает свидетельскими показаниями честных людей, не подверженных никакому влиянию и не способных вводить в заблуждение. Кардинал сказал, что достаточно прочесть правительственные и официальные акты, приведённые в публикации от 22 июля прошлого года, чтобы стало очевидным, основывались ли эти претензии на клеветнических слухах или нет. Он подчеркнул, что права собственности нельзя создавать себе без такой явной несправедливости, как та, которая нарушает право собственности, гарантированное законами и государственными договорами. В этой связи он заметил, что во все времена положение крепостных крестьян было лучше у церковных собственников, чем у светских. Просьбу о приёме папского представителя в России, пояснил он, не следует смешивать с просьбой об осуществлении духовной юрисдикции, которую он может получить, а может и не получить. С другой стороны, не было никакой причины опасаться, что этот представитель захочет злоупотребить полномочиями, которые ему будут даны, да и в этом случае достанет средств, чтобы ему в этом помешать. Святой Престол показал перед лицом всего мира, насколько он всегда был готов гарантировать Кесарю то, что надлежит Кесарю, и осудил революционные козни. Их не пощадили также в последней публикации, в которой были воспроизведены папские письма, написанные во время последней польской

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 429–430.

революции. Но когда речь идёт о «Богу Богово», т. е. о католической религии и её правах, Святой Престол «не молчит и не может молчать»¹. В сущности, переговоры приняли характер лёгкой перебранки, что поняли в С.-Петербурге.

Депешей от 15 / 3 марта 1843 г. Потёмкина призвали приложить все усилия, чтобы по возможности прекратить достойную сожаления дискуссию, поднятую Ламбрускини.

Дайте ему хорошо понять, насколько требования Святого Престола необоснованны и особенно неприемлемы по существу; постарайтесь незаметно убедить его, что дальнейшая настойчивость в этом отношении будет беспредметной и далёкой от того, чтобы служить подлинным интересам латинской Церкви, она может лишь необратимо подорвать уже столь непрочные отношения между двумя кабинетами².

Следует признать, что к весне 1843 г., несмотря на осложнение отношений из-за появления аллокуции, удалось успешно решить ряд текущих дел.

Наконец, епископ Гутковский подчинился желанию папы и подал в отставку. Разрешился и вопрос о его месте жительства, занимавший императора и Паскевича, как видно из письма наместнику Николаю I от 7 июня / 26 мая 1842 г. «Разделяю мнение твоё, что Гутковскому можно позволить жить в Лемберге (во Львове. — О.С.), лучше, чем в Риме, где он интриговать может, однако и в Лемберге не полагаю, чтоб он остался спокоен и не искал бы влияния на старую свою епархию; надзор всё нужен», — писал император. Запрошенное российским посланником в Вене П.И. Медемом австрийское правительство дало согласие на проживание Гутковского в Лемберге³.

Николай I не ошибся в своём ожидании интриг со стороны Гутковского. Поселившись во Львове, он жил в роскоши на средства, получаемые от российского правительства. А через «нунция в Вене и не без поддержки Меттерниха» он информировал Курию о событиях, касавшихся католической Церкви в России. В Риме его не считали эмигрантом, поскольку он продолжал жить среди поляков, и Пий IX спокойно укажет российскому дипломату на целую пачку донесений, утверждая, что они написаны не эмигрантами⁴.

Отставкой Гутковского устранялось препятствие для назначения подлясского епископа. Для Левинского, подлясского суффрагана, были получены полномочия рукополагать священников. Несмотря на то что это деликатное дело вызвало в Риме раздражение и затруднения, духовные полномочия, которыми этот

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1843. Оп. 469. Д. 146. Л. 53–54, 62–65.

² Там же. Л. 319–320.

³ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1842. Оп. 475. Л. 111–112; Русский архив. Кн. II. С. 488; Щербатов А.П. Указ. соч. С. 496; Николай I. Муж. Отец. Император. С. 503–504.

⁴ Винтер Э. Папство и царизм. С. 270, 274; Попов А.Н. Сношения России с Римом. СПб., 1870. С. 237–238.

прелат, попользовавшийся доверием правительства, в конце концов был наделён, свидетельствовали, что управление подлясской епархией переходило к нему, а не к кандидату, предложенному Гутковским и ранее конфирмованному в этом звании папой.

Римский Двор согласился на каноническое назначение епископа-суффрагана холмской греко-униатской епархии, по поводу которого ожидалось формальные затруднения¹.

Важной уступкой стало заключение соглашения относительно фиксации неизменной таксы за аннаты, выплачиваемые при назначении епархиальных епископов Царства Польского. В 1818 г. договорились, что епископ должен был платить 800 римских эю, архиепископ — 1000 эю. Сначала такая такса была установлена на 5 лет, а последующими соглашениями сохранялась. В конце 1841 г. датерия, отдел римской Курии, ведавший назначением и раздачей бенефиций, проявила намерение поднять таксу и запросила за буллу для сандомирского епископа 1000 эю. На тот раз удалось сохранить прежнюю таксу. Последующее обсуждение вопроса вызвало крайнее раздражение папского правительства. Было решено согласиться на запрошенное Святым Престолом увеличение таксы, но при условии, что она станет неизменной. 31 / 19 августа 1842 г. Кривцов информировал об окончательном урегулировании этого вопроса. Аннаты составляли для архиепископов 1200, а для епископов 1000 эю, включая все расходы. Он подчёркивал, что подобная уступка была сделана только для Франции в Конкордате. Установление неизменной таксы было встречено в С.-Петербурге с удовлетворением².

Свой вклад в прояснение готовности сторон к взаимному сближению внесли не только дипломаты. Воспользовавшись неожиданно представившимся случаем, проявил в этом инициативу и папа, решив обратиться прямо к императору с личным письмом. Дело в том, что в октябре 1842 г. на несколько месяцев в Италию приехал герцог Максимилиан Лихтенбергский с супругой великой княгиней Марией Николаевной и дочерьми. По дороге, в Вене, он обратился с просьбой об аудиенции у папы через нунция, мотивируя её желанием получить прощение за свой брак, заключённый, без соблюдения законов Церкви, и за скандал, вызванный его обязанностью воспитывать детей в православной вере.

Во время беседы с Альтьери (о ней он писал Ламбускини 7 октября 1842 г.), в которой были затронуты разногласия между Святым Престолом и российским Двором, герцог постарался оправдать Николая I, утверждая, что он был плохо информирован о страданиях его подданных-католиков, поскольку правду от него скрывают, иначе он навёл бы порядок. Со слов герцога, когда ему предоставлялся случай раскрыть какую-нибудь несправедливость, допущенную в отношении католиков, император принимал это близко к сердцу и старался её исправить. Так,

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1842. Оп. 475. Л. 105.

² Там же. Л. 106—109; Ф. Канцелярия. 1842. Оп. 469. Д. 169. Л. 134, 443.

узнав от герцога, что у католиков не было в С.-Петербурге отдельного кладбища, он был удивлён и сразу дал согласие на желаемое разрешение.

Герцог заверил нунция, что не имел миссии указывать пути установления добрых отношений между Россией и Святым Престолом. Тем не менее он несколько раз повторил, что «гораздо лучше бы было императору устранить лиц, которые только отравляли его отношения со Святым Отцом, и прямо, без посредников, договориться с ним; таким образом, легко разрешался бы любой спорный вопрос»¹.

Герцог и великая княгиня были приняты папой 23 декабря 1842 г., а 23 марта 1843 г. им была дана аудиенция по случаю отъезда.

Из сказанного герцогом во время беседы с Альтьери Григорий XVI решил воспользоваться идеей прямой переписки, непосредственного диалога с Николаем I, да и возможностью переслать своё письмо с герцогом.

Итак, не откладывая до получения из С.-Петербурга послания с выражением благодарности за оказанный членам императорской семьи приём, как было положено по этикету и в силу простой признательности, папа 16 марта собственной рукой написал письмо императору. Он признавался, что делал это не только чтобы доказать своё глубокое уважение, но также из желания раскрыть свою душу, беседуя с ним, так сказать, «наедине». Он напоминал о неоднократном обращении к нему по поводу трудностей, встречаемых католиками обоих обрядов в отправлении их культа в Империи и Царстве, что в последний раз он сделал это письмом, переданным через его сына. Содержавшиеся в ответном письме императора обещания были «благоприятными и утешительными». К тому же они были не только повторены, но с ещё большей полнотой торжественно подтверждены во время двух миссий в Рим Фурмана. И в них было найдено достаточное основание, «чтобы довести до крайнего предела нашу уступчивость, удовлетворив просьбы, обращённые к нам тогда от имени Вашего императорского и королевского величества». Но итог оказался неудовлетворительным и вызвал глубокое разочарование. Этим он так объяснил последующие шаги.

Безмерно удручённые тем, что чувствовали себя постоянно разочарованными в зародившихся надеждах или скорее в имевшихся заверениях, и осведомлённые, благодаря массе бесспорных и общеизвестных фактов в каждодневном ухудшении католических дел в обширных владениях Вашего Величества, мы были обязаны, в силу самого прямого долга совести, оправдаться перед миром, который, не зная о непрерывных хлопотах, возлагал на Нас вину, как если бы мы забыли и нисколько не заботились о великом доверенном нам Богом деле.

Поскольку императорское правительство было не в состоянии опровергнуть ни один из приведённых Святым Престолом фактов, которые составляли предмет его жалоб, императору были направлены некоторые просьбы. Однако до сих пор

¹ Boudou A. Op. cit. T. I. P. 341.

они не дали никакого результата. Папа полагал, что это не могло входить в намерения императора, либо, «по крайней мере, отсутствие, с его стороны, благоприятного приёма должно проистекать от того, что Наши просьбы были представлены в смысле противном тому, что они действительно заключают».

Заканчивал своё письмо папа напоминанием о том, что, предоставляя свою защиту последователям самых разных исповеданий в своих государствах, император не мог не проявить великодушие в отношении католиков, которым столько раз давал своё августейшее обещание. Признавая законным желание императора, чтобы католики были ему послушны, покорны, верны, папа не видел необходимости заявлять о неизменной решимости со своей стороны, сотрудничать в исполнении его воли во всём, что касается гражданского порядка, доказательства чего уже были им даны¹.

8 апреля, выполняя свой «приятный долг», тот, что был положен по этикету, Николай I благодарил папу за приём, оказанный его дочери во время её пребывания в Риме. Он выразил ещё раз свою признательность за подобный же приём, в своё время, его сына².

Ожидать же ответа императора на его письмо папе пришлось довольно долго. Только 13 / 1 июля герцог Лихтенбергский написал, что передал письмо папы императору и теперь, выполняя его поручение, пересылал его письмо, также минуя дипломатический канал, просто приложив к своему письму. Письмо Николая I датировалось 11 июля / 29 июня 1843 г.

Увидев в полученном от папы письме «доказательство его желания придать личным отношениям между ними характер самых близких, как и самых искренних», император признавался, что ему не оставалось ничего другого, как на это ответить «с такой же искренностью и откровенностью, как бы ни был деликатен, впрочем, предмет, который мы обсуждаем». Поблагодарив за это свидетельство доверия, он, чтобы доказать, насколько умел его ценить, обещал не скрывать правду, тем более что никто больше него не

...сознаёт обязанности, которые лежат на государе этой огромной Империи, где свобода совести является самым драгоценным даром, который предоставлен всем подданным.

Но, Святейший Отец, — поднимает он важные для оценки его действий вопросы, — значит ли посягать на свободу совести, на свободное отправление культов, если пресекать злоупотребление ею? А терпеть злоупотребление, не значило ли бы подвергать опасности как раз то, что надлежит защищать? Вы говорите, что никто не может быть добрым римским католиком, если он не является добрым и верным подданным своего светского государя. Увы! Наименованием католичество

¹ La correspondance des papes et des empereurs de Russie (1814–1878). Rome, 1970. P. 249–251.

² Ibid. P. 252; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1843. Д. 145. Л. 2.

пользовались, в конце концов, лишь, чтобы придать мерам политическим против восстания видимость религиозного преследования. Вам известно, Святейший Отец, что на протяжении веков Польша была театром интриг и политических беспорядков, которые привели эту страну в упадок и к исчезновению из числа независимых государств. Духовенство не только приняло в этом активное участие, но сумело довести лицемерие до того, чтобы прикрыть маской религиозного фанатизма фанатизм революционный.

От этих общих соображений император переходит к недавним событиям 1830 г., которые показали повторение приблизительно такого же самого положения. Одни монастыри послужили убежищем, где замышлялись заговоры, а другие давали свои богатства на поддержание революции. Позволить им дальше существовать было невозможно по причине того, что многие из них не имели числа монашествующих, предписанного уставами, а другие отличались ослаблением дисциплины, которое нельзя было терпеть. К тому же духовенство в этих областях пользовалось благами, столь неравно распределёнными, что, в то время как некоторые монастыри или некоторые кюре жили в роскоши и богатстве, не соответствовавших их положению, другим не хватало необходимого. Таким образом, потребовалось принять меры как для того, чтобы не допустить неправильного употребления кюре и монастырями их богатств, так и предоставить всем не только средства для надлежащего существования, но даже некоторый достаток, соответствующий их достоинству.

Воспитание духовенства оставляли без внимания всё время; так это обстоит и теперь. Самой большой заботой, таким образом, было поставить семинарии на хорошее основание. Находившаяся в Вильно Духовная академия, подвергавшаяся «опасностям политической заразы», была переведена в С.-Петербург, где она находится под его непосредственным попечением.

Распределение священников не отвечало потребностям населения. В одних местностях было слишком мало церквей для большого числа римских католиков, а в других, где они составляли меньшую часть по сравнению с русским населением, имелось много римских церквей и ни одной церкви господствующего исповедания.

Именно по этой причине император настойчиво просил бы у Святого Престола более справедливого разделения епархий. Эти настояния были тщетными до сих пор, тем не менее мера являлась срочной. Большие трудности возникали при заполнении вакантных кафедр. Поскольку посредственность лиц, которые посвящают себя культу Церкви, была такова, что с очень большим трудом делался выбор на вакантные епархии, то

...отказ подтвердить кандидатов, которых я Вам предлагаю, несмотря на все усилия, приложенные, прежде чем найти среди них достойных, меня лишает возможности заполнить вакантные кафедры. Слишком распущенные нравы духовенства действуют самым плачевным образом на население, уже очень безразличное к своей вере.

Из этого проистекает то, что в Царстве Польском протестантизм сделал прогресс, без того, чтобы ему можно было помешать, пока длится положение, о котором я только что сообщил, —

писал он.

В заключение император жаловался на то, что не получал от папы никакой поддержки для обеспечения самых срочных потребностей римского культа.

Все объяснения, которые я Вам даю, извращаются в Риме. Все меры, которые я считаю долгом предложить, разумеется, в интересах Церкви, там истолкованы, в качестве сделанных с тайной целью нанести вред римскому вероисповеданию, и меня уверяют, что там были лучше информированы, чем я сам, Государь страны, и относительно предлагаемых мной лиц, и относительно действительных потребностей, о которых я сообщаю?

Но, какими способами может Святой Престол получить наилучшие сведения?

Если эти сведения исходили из моих государств, они могли быть лишь тайными, и, в этом случае, Святейший Отец, могу я признавать эти сведения, задевающие мои суверенные права? — или же они доставлены этим польским сбродом, который скитается по Европе без родины и изыскивает все средства навредить России своими бессильными интригами?

Но, в таком случае, не должен ли я быть глубоко задет, видя, что Ваше Святейшество черпаете свои сведения из такого источника, чтобы их противопоставить формальным предложениям и торжественным заверениям Государя, который слишком уважает самого себя и слишком уважает свои обязанности, чтобы пойти на сделку со своей совестью.

Император предлагал папе самому решить, отвечал ли он «с доверием и искренностью» на его призыв. Ему же смысл этой эпистолярной беседы представлялся так:

Мы вдвоём говорим перед Богом, перед которым мы предстанем однажды, чтобы дать отчёт о наших действиях. Вы правильно судите о моей речи. Я — Государь, и как таковой, Ваш наместник (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) по делам римского исповедания в государствах, доверенных мне Богом. Таким образом, будьте добры, Святейший Отец, дать мне средства выполнять мой долг.

Иными словами, искренность их беседы, поскольку она ведётся перед Богом, не может подлежать сомнению, а поскольку они призваны были решать общую задачу, в чём папа отдавал себе отчёт, он его просил помочь её выполнить.

Конкретные просьбы императора к папе сводились к следующему. Чтобы он пересмотрел свои отказы и утвердил предложенных епископов, согласился на запрошенное разграничение епархий и удовлетворил обращённую к нему императором просьбу, соблагволив «согласиться на благословение Академии, созданной мною здесь, и для которой я просил бы Ваш портрет, как знак особого расположения

с Вашей стороны, и явного свидетельства Вашего доброжелательного интереса». В случае удовлетворения всех этих просьб император брал на себя смелость

...поручиться, что через немного лет римское исповедание станет таким, каким оно должно быть, — окружённым уважением тех, кто его исповедует, и поддержанным в его правах Государем страны, который сможет в них найти верных подданных, потому что они будут добрыми католиками. Пусть Ваше сердце сможет меня услышать, и Ваше благословение пребывает над делом, которое я желаю исполнить!

В заключение письма Николай I признавался, что «во всяком случае, Святейший Отец, я осознаю, что открыл Вам мою душу»¹.

Пользуясь всё тем же каналом — посредничеством герцога Лихтенбергского, — Григорий XVI направил своё ответное письмо Николаю I от 18 августа 1843 г.

Возвращаясь к деликатной теме своего предыдущего письма и возобновляя свои протесты, папа делал оговорку, что вовсе не хотел задеть при этом «намерения Вашей императорской души», а, «напротив, в великодушии самих Ваших замыслов» находил повод, чтобы направлять свои жалобы. Папа рассчитывал на признание императором за ним того, что, с одной стороны, он «во всеуслышание порицает всякого, кто старался бы замаскировать свой мятеж против собственного Государя таким предлогом, как защита католической веры». Так же как, с другой стороны, он с нетерпением стремился устранить «всегда, когда предоставлялось бы возможным это сделать, любое злоупотребление, которое случайно было бы введено в дела, касающиеся самой религии». «Однако случаи, — пояснил папа, — на которые, в основном, ссылалась каждая наша жалоба, уже не те, которые решались бы простым пресечением злоупотреблений (несмотря на то, что таковое, поскольку касается религиозных дел, принадлежит по праву духовной власти)». Но конечно же папа сожалел о тех мерах, которые представлялись императору «в качестве полезных для католических дел, но служили в дальнейшем на деле только усилению зла или разрушению добра». А ещё больше он сожалел о событиях, «приведших к захвату гражданской собственности католической Церкви, ухудшению её дисциплины, стеснению её свободы в преподавании, религиозном воспитании и в самом управлении таинствами; к насилию, в конце концов, над совестью католиков и очень значительному нарушению тех прав, которые им гарантированы самыми торжественными заверениями».

Папа поделился и своим отношением к лицам, принявшим участие в вышеуказанных событиях. Он «с глубочайшей скорбью» вспоминал о тех униатских священниках, которые «вопреки повторным клятвам», связывавшим их с католической верой и с властью Святого Престола, не только сами отреклись от католической Церкви,

¹ La correspondance des papes et des empereurs de Russie (1814–1878). P. 255–258.

но постарались «увлечь за собой рутенскую паству соответствующих областей, а также часть латинской».

Отсюда следовало заключение папы о том, что после событий такого рода и серьёзных неприятностей, которых доставало даже со стороны одного священника латинского исповедания, он чувствовал себя обязанным больше чем когда-либо проявить «всё возможное попечение о достоинствах лиц, подлежащих продвижению по службе в вакантные церкви».

А пока папа заявлял:

...так как во всём, что относится к гражданскому порядку, мы не берём на себя, и не будем брать на себя никогда иной заботы, кроме как напоминать католикам, Вашим подданным, об обязанности отдавать Кесарю Кесарево; таким образом, в том, что надлежит нашей Святой вере, Мы в лице Апостола Св. Петра получили от Иисуса Христа полноту духовной власти, а с ней долг заботиться о высшем управлении католической Церкви.

Ему он должен будет дать строгий отчёт о том, как использовал свои духовные права и выполнял обязанности, и не могло быть никакого прощения ему на Божественном суде, если бы он осмелился пожелать предоставить права назначения на должности монарху-некатолику. Даже католические государи не имеют власти вмешиваться в церковное управление. И хотя Святой Престол мог бы позволить некоторым из них назначение их подданных епископами, однако всегда за римским папой останется окончательное суждение относительно достоинств назначаемых и право исключить тех, кого он не считает достойными этого поста. Что касалось императора, папа уверял, что всегда старался пойти на уступки, когда было возможно, и если был вынужден в некоторых случаях исключить кого-то из рекомендованных им лиц, делал это лишь после тщательного расследования информации, поступившей на их счёт из источников, не вызывавших сомнения.

Если же «такое расследование в некоторых случаях происходит трудно и долго, то, конечно, случается это не по нашей вине; потому что всё делалось бы в самое короткое время, если бы справедливые требования, Нами повторно поданные Вашему императорскому и королевскому правительству, встретили бы у него такой же самый приём».

Заявив, что не желает быть слишком надоедливым и воздержится от других частных вопросов, папа остановился только на вопросе о новом разграничении епархий в Империи.

Он пояснил, что на то, как он ставился в памятных записках императорского правительства, поступивших до 1838 г., Святой Престол не мог дать согласия, потому что речь шла об уничтожении без компенсации могилёвской епархии с тремя суффраганатствами, что нанесло бы вред латинским католикам этой обширной области. Но в 1838 г. посланник ему представил конфиденциальную записку, согласно которой предполагалось создать в Могилёве другую епархию. Исходя

из предположения, что три суффраганства были бы или сохранены, или переведены в другие более подходящие места и сохранялись бы также благотворительные учреждения, были готовы продолжить переговоры и особо изучить вопрос в каноническом отношении. В этом смысле была составлена по указанию папы ответная памятная записка, вручённая посланнику 21 января, но папа не припоминал о получении другого запроса по этому вопросу¹.

Эта переписка папы с императором протекала на фоне продолжения в начале 1843 г. С.-Петербургом начатых ещё осенью 1842 г. попыток выяснить, расположен ли Святой Престол к взаимному сближению.

Отдавая отчёт в серьёзности складывавшейся ситуации и явно не без того, что были недовольны Потёмкиным, в С.-Петербурге весной 1843 г. решили назначить нового представителя. Им стал до того бывший посланником в Константинополе Бутенев, дипломат высокого ранга. В конце мая он получил сообщение о назначении его чрезвычайным посланником и полномочным министром при Святом Престоле. При этом ему было предписано отправиться из Константинополя прямо в Рим, не заезжая в С.-Петербург и не слишком откладывая вступление в новую должность². В своей книге, посвящённой впечатлениям от путешествия на Восток, французский писатель А. Ламартин так отзывался об этом российском дипломате: он «отличался безукоризненной честностью, бескорыстием и скромностью»; «человек очаровательный и нравственный, философ и государственный деятель»³.

В ожидании приезда Бутенева Кривцов 29/17 мая был временно аккредитован поверенным в делах. Закончивший свою карьеру Потёмкин поселился в Риме⁴.

Одним из первых вопросов, поставленных перед Кривцовым (депеша от 13 / 1 мая 1843 г.), стало заполнение подлясской кафедры. Напоминалось, что для урегулирования отставки Гутковского было сочтено необходимым предложить капитулу этой епархии избрать администратора, который запросил бы духовных полномочий у папы и передал бы римскому Двору акт о сложении своих полномочий Гутковским. Такой шаг был одобрен самыми осведомлёнными в каноническом праве лицами. Однако капитул заявил, что представленная светской властью отставка епископа была недействительна. Опираясь на бреве, предоставлявшее епископу-суффрагану Левинскому полномочия рукополагать в сан священника

¹ La correspondance des papes et des empereurs de Russie (1814–1878). P. 259–262.

² АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 598. Л. 80.

³ Русский биографический словарь. М., 1908. С. 518.

⁴ Он повёл себя крайне недостойно в отношении своего преемника. Сетуя по поводу поведения «несчастливого старца, управляемого глупой и злой женой», Нессельроде призывал Бутенева относиться с презрением к его нелепым поступкам (АВПРИ. Ф. Коллекция документальных материалов чиновников МИД. Личный архив К.В. Нессельроде. Оп. 905. Д. 17. Л. 2).

до последующего распоряжения папы, капитул отказался избрать администратора и направил римскому Двору доклад, к которому приложил перевод акта о сложении с себя сана Гутковским. Столь неподобающий из-за своей редакции и из-за выраженного сомнения относительно действительности этого отречения, этот доклад капитула сочли невозможным сообщить Святому Престолу. Выход был найден в назначении штатного епископа. Решили, что прелатом, достойным этого поста своим характером, поведением и принципами, был аббат Антон Котовский, тот самый, который в прошлом году был назначен в качестве суффрагана в Лович после отказа Рима в назначении его суффраганом варшавского архиепископства. Он мотивировался тем, что та кафедра была доверена при отсутствии архиепископа простому администратору, епископу *in partibus*, а последний не мог иметь суффрагана. Поскольку предлог выглядел более или менее правдоподобным, тогда сочли возможным согласиться с тем решением, новое же назначение аббата исключало полностью это затруднение. Однако чтобы больше не осложнять подляские дела, в течение нескольких лет составлявшие предмет так надоевших дискуссий, император, прежде чем назначить нового епископа, решил предварительно удостовериться, что ему не будет отказано в каноническом назначении. Предполагалось, что сведения, содержащиеся в нескрываемой депеше, дадут Кривцову возможность успешно отклонить ложные утверждения польских эмигрантов на его счёт в Риме. Так как, прежде всего, речь шла о том, чтобы урегулировать вопрос об отставке аббата Гутковского, первая задача Кривцова состояла в том, чтобы убедить Святой Престол принять акт о его отказе от своего сана, подписанный им по указанию самого папы. Когда отставка будет принята и подляска кафедра объявлена вакантной, он должен будет конфиденциально сообщить о желании императора доверить её аббату Котовскому, удостоверившись прежде в принятии этого выбора папой. Правительство придавало тем большее значение успеху этих демаршей, что у него не было в виду другого прелата, которому оно решилось бы доверить эту кафедру¹.

Со своей стороны, запиской от 8 августа / 27 июля Ламбускини информировал Кривцова о получении папой от Гутковского направленного из Леополя акта о формальном отречении. Хотя он отвечал предписанным правилам, папа затруднялся принять его, поскольку издание постановления о принятии отставки повлекло бы за собой изменение управления самой епархией, которое должно длиться недолго. Поэтому он хотел бы пойти на это после того, как определился бы с выбором священника на этот пост. Тогда после объявления о вакантности кафедры сразу последовало бы назначение нового епископа². Это значило, что следовало представить кандидатуру Котовского.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1843. Оп. 469. Д. 146. Л. 329–333.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 468. Ч. II. Л. 468.

10 августа / 29 июля 1843 г. Кривцов писал, что рад был сообщить об исполнении указаний депеши от 13 / 1 мая постараться добиться формального признания сложения Гутковским с себя сана и официального принятия папой его отставки. Заметив значительное изменение в настрое Ламбрускини в отношении России, Кривцов решил поднять вопрос об акте сложения епископом с себя сана, который им был получен, и спросить его совета, какой образ действия был лучше всего способен привести к окончанию этого дела. Кардинал поинтересовался, было ли получено одновременно с актом письмо для папы. На отрицательный ответ он заговорил о непристойном поведении бывшего подлясского епископа и об отсутствии уважения к папе. Он пояснил, что акт о сложении сана должен быть лишь следствием принятия его отставки Святым Отцом. Папа ему направил бреше, «он должен ему ответить и передать в его руки власть, полученную от него. И только когда его отставка была бы принята, он мог заявить о своём сложении сана капитулу, находившемуся под его началом; но действовать, как делал это он, значит идти против всех правил иерархии и логики», — разъяснил Ламбрускини.

Не защищая Гутковского, Кривцов выразил надежду, что Святой Отец простит несоблюдение формы, поскольку существовало согласие по существу вопроса. В конце беседы кардинал попросил прислать акт, который он представит папе. Со своей стороны, он обещал свою помощь.

Через несколько дней кардинал сообщил о принятии папой отставки Гутковского. Когда Кривцов пришёл его поблагодарить за это сообщение, завершавшее длившиеся более десяти лет переговоры, он сказал,

...что отныне оно окончено, и не нужно к нему больше возвращаться. Я Вам дам официальный ответ, и дипломатически этот вопрос полностью закрыт — теперь нужно только приступить к новому назначению, и, как только договорятся относительно лица, которое Ваш Двор предложит, Вы можете рассчитывать, что Его Святейшество приложит все возможные усилия к тому, чтобы кафедра была вновь занята.

Судя по повороту, принимаемому отношениями со Святым Престолом, Кривцов рассчитывал, что вопрос будет решён положительно¹. Разумеется, он имел в виду назначение на эту кафедру уже намеченного, как он знал, аббата Котовского. Но он ошибся.

В это время, как писал Кривцов 10 августа / 29 июля 1843 г., совершенно неожиданно с трудностями столкнулось назначение минским епископом аббата Павла Рава. Оказалось, что папа, получивший тревожную информацию и решивший отложить рассмотрение его кандидатуры до прояснения правдивости обвинений в его адрес, приказал консисторской конгрегации написать прямо Рава, открыто сообщив ему сведения, полученные на его счёт. Если ему удастся доказать свою

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1843. Оп. 469. Д. 146. Л. 240–241.

невиновность в выдвинутых обвинениях, он будет провозглашён достойным сана епископа на первой же консистории, которая последует за получением его ответа, заверил Кривцова Ламбускини и через некоторое время направил через миссию записку и запечатанное письмо аббату.

Из собранных Кривцовым сведений выяснялось, что Рава был обвинён в том, что «содействовал или благоприятствовал объединению греко-униатов с православной Церковью». Дипломат не сомневался, что это-то обвинение и было адресовано папе, но не знал, «опиралось ли оно на факты». К тому же наряду с этой причиной он видел иную, в значительной степени повлиявшую на решение Святого Престола. Для него было очевидно, что

...после публикации аллокуции прошлого года римский Двор опасался вновь обвинения в том, что он слишком легко уступил просьбам императорского правительства. Эта мысль его не оставляла постоянно и влияла на его позицию в ходе переговоров. Поскольку его власть чисто моральная, то он опасается проиграть во мнении его ярых приверженцев. И именно поэтому он стремится окружить себя всеми воображаемыми гарантиями, чтобы иметь возможность ответить обществу за действия своего кабинета и доказать, что, если он уступил просьбе императорского правительства, то, разумеется, в интересах римской Церкви, а не для того, чтобы попустительствовать светской власти, которая слывёт раз и навсегда враждебной католической Церкви.

Что касалось Ламбускини, по мнению Кривцова, «это опасение начинает у него ослабевать», так что он был глубоко убеждён, «что, если бы из пяти пунктов, переданных раньше, правительство согласилось допустить папского агента в С.-Петербург и изменило меры в отношении исповеди, римский Двор пренебрёг бы другими жалобами». Он напомнил, что в прошлом году уже высказал соображения в пользу допуска папского агента к императорскому Двору, теперь их развивал. Он полагал, что его присутствие могло бы необычайно полезным образом повлиять на отношения со Святым Престолом, учитывая, что его донесения пресекали бы все тайные доносы, которыми теперь наводнён римский Двор и которым ему трудно не придавать веры. Кроме того, он убедился бы, что российское правительство вовсе не враждебно римской Церкви, и доверие Святого Престола в отношении России могло бы возродиться. Миссия, даже временная, произвела бы здесь прекрасное действие и очень содействовала бы урегулированию разногласий с римским Двором.

Что до изменения меры, принятой относительно исповеди, он представлял свою небольшую работу об аналогичных мерах, применяемых во Франции и даже в Риме, и считал, что имеется возможность разрешить это затруднение к удовлетворению обоих правительств¹.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 358–362.

Кривцова очень беспокоило намерение Святого Престола (сведения о нём он получил из разных источников, достойных доверия) не вступать с миссией в соглашение по отдельным вопросам, по которым велись переговоры, а включить их в общие переговоры, где все вопросы обсуждались бы сразу. Он полагал, что такой способ мог крайне осложнить дело и сделать решение этих вопросов почти совершенно невозможным. Поэтому он постарался склонить папское министерство отказаться от этого способа, а сам начал обсуждать с Ламбускини одно дело Рава, отложив дела Котовского, Иосифа Голдмана и Константина Иосифа Любинского, в каноническом назначении которых также было отказано. К обсуждению последних он решился приступить лишь после того, как в ответ на его опасения, что папское правительство действует в этом вопросе под влиянием заранее принятого решения, Ламбускини заверил, что это было вовсе не так, потому что Святой Престол заинтересован в урегулировании возникших трудностей. Что же касалось его лично, Кривцов «найдёт у него всегда полную готовность к улаживанию нерешённых вопросов». Отказ же папы согласиться на каноническое назначение предложенных правительством епископов объяснялся им лишь угрызениями совести, запрещавшими ему урегулировать это дело в соответствии с пожеланиями императорского Двора до того, как он точно установит, что лица, для которых запросили его согласие, были действительно достойны высоких функций епископата. При таком положении дел Кривцов счёл необходимым официально доказать, что эти кандидаты были оклеветаны. Для этого он воспользовался депешей Нессельроде от 13 / 1 мая 1843 г., сделав из неё выписку. В неё он включил лишь то, что имело прямое отношение к оправданию Голдмана, Любинского и Котовского и могло повлиять на согласие римского Двора. Одновременно, зная о формальном отрицании кардиналом того, что получает сведения у польских эмигрантов, он умолчал о сказанном по этому поводу в депеше, так же как относительно других источников, к которым прибегает папское правительство, чтобы избежать возражений, что погрешности были бы сокращены агентом, аккредитованным при императорском правительстве¹.

В представленной им выписке, прежде всего, отмечалась непоследовательность Святого Престола. Среди упреков, адресованных императорскому правительству, он всегда ставил на первое место продолжавшуюся вакансию нескольких епархиальных кафедр в России и Польше. Теперь, когда оно позаботилось об их заполнении, он без обсуждения отказал в буллах о назначении прелатам, намеченным правительством.

Не касаясь несправедливости подобного поступка, ни того, что было оскорбительным в самом отказе, едва мотивированном, ни обвинений, сделанных кое-как²,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 371–373.

² В феврале 1843 г. миссия запросила папское правительство, не получило ли оно ожидаемые сведения относительно намеченного в сандомирскую епархию монсеньора Голдмана

Кривцову поручалось сообщить Святому Престолу официальные данные, способные исправить его мнение и засвидетельствовать недобрую волю донесений, поступивших к нему по поводу указанных прелатов.

Собранные правительством сведения о поведении прелата Котовского позволили утверждать, что он заслужил рекомендацию своей нравственностью, милосердием и своими познаниями. Он пользовался в стране уважением за свою благотворительную деятельность; как проповедник обладал замечательным талантом. Он навлек на себя ненависть революционеров и врагов законного правительства при обстоятельстве, явно неизвестном в Риме. Дело в том, что во время церемонии открытия в Варшаве памятника павшим в день восстания польским генералам, жертвам их преданности трону, он произнес яркую речь, отвечавшую торжественности случая. Именно это польская пропаганда не может ему простить.

Столь же неточными были сведения Святого Престола относительно аббата графа Любинского. Его, очевидно, спутали с его братьями, один из которых прежде был председателем императорского банка, а второй — главой коммерческого дома в Данциге. Не оспаривался лишь тот факт, что он не находится постоянно в Кракове, хотя часто там бывает, чтобы присутствовать на заседаниях капитула, но, поскольку он приходский священник в Царстве, именно в своём приходе его долг обязывает пребывать постоянно.

Епископ Голдман не только принадлежал к тому, очень небольшому, числу священнослужителей, которые, верные долгу своего святого призвания, не приняли никакого участия в восстании, но, благодаря своему влиянию, ему удалось даже сохранить спокойствие среди крестьян и немецких колонистов, что и порождает неприязнь к нему польских эмигрантов. Это человек строгой, безупречной нравственности. По поводу обвинений его римским Двором в том, что он разрешил несколько смешанных браков, разъяснялось, что, поступая так, он действовал в силу прежней буллы, данной папой специально Царству Польскому. Находя неуместным отклоняться от темы на трудный вопрос о смешанных браках, всегда бывший источником серьёзных споров римского Двора в разные времена с иностранными правительствами, признавались в желании увидеть его окончательно устранившимся

и аббатов Любинского и Котовского, намеченных суффраганами соответственно в Калиш и Лович. В ответ миссии была передана записка, в которой сообщалось следующее. «Что касается Котовского, о нём имеются очень неблагоприятные сведения». «Не лучше информация, имевшаяся о Любинском, о котором, кстати, известно, что он никогда не живёт в Кракове, где является каноником, и занимается торговлей, банком, но не церковными делами». «Наконец, что касается Голдмана, среди прочей неблагоприятной информации сообщалось, что он легко благословил несколько смешанных браков без условий, требуемых католической Церковью». Эти сведения именно в таком виде и были доведены до императорского правительства. На них-то и давался ответ в сообщаемой Ламбускини депеше, объяснил Кривцов в записке, сопровождавшей эту депешу (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 396).

раз и навсегда. А именно, чтобы Святой Отец, по примеру его предшественников, согласился ограничиться устной рекомендацией, чтобы дети от этих союзов были воспитаны в католической вере. Римскому Двору следовало считаться с тем, что духовенство не могло нарушать законы страны, к которой принадлежало, а правительство не могло договариваться по этому вопросу в ущерб прав господствующего исповедания, которое не может примириться с требованиями Святого Престола. Препирательства по этому поводу были бы бесполезными и не привели бы ни к какому практическому результату.

Кривцов должен был призвать папское правительство серьёзно поразмыслить над изложенными в депеше соображениями и трезво взвесить все последствия его окончательного решения относительно канонического назначения указанных преатов. Возражения против этого

...являются, мы не поколеблемся это сказать, столь же несправедливыми, сколь необдуманными. Разве не очевидно, что император, по крайней мере, также прямо заинтересован, как и римский Двор, в том, чтобы главные должности церковной иерархии были заполнены в России и Польше людьми честными, безупречной нравственности и глубоко набожными? Местное правительство, не обладает ли оно бесконечно большими средствами, чтобы собрать в этом отношении сведения достоверные и точные, чего не может иметь римский Двор на расстоянии, на котором он находится? Он настойчиво требует, чтобы епархии Царства были бы доверены штатным епископам; но действовать так, как он только что поступил, не означает ли идти прямо против цели, которую он имеет в виду?

Объяснение безосновательно создаваемых им затруднений каждому епископскому назначению видели в том, что он поддался влиянию подстрекательств партии, «торжественно обещавшей России непримиримую ненависть», и ложных доносов. А посему считали,

...что он должен будет отнести только на свой собственный счёт вакансии епархиальных кафедр, падение церковной дисциплины и другие неприятности, из этого вытекающие. Что касается императорского правительства, осознавая, что оно сделало всё, от него зависящее, для исправления такого положения дел, ему не остаётся больше ничего, как, сожалея об этом, уступить необходимости смириться с последствиями этого. С него ответственность снимается, она полностью падает на римский Двор¹.

Заслушав чтение этой депеши, кардинал заметил относительно пассажа о смешанных браках, что действительно это был очень деликатный вопрос, что Пий VIII пошёл в улаживании этого вопроса так далеко, как это было возможно римскому папе. На то, что делалось сверх того в различных странах, папское правительство

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 391–395.

закрывало глаза, пока не было прямо запрошено. А в таком случае оно не могло отказаться от своих принципов.

Возражая, Кривцов напомнил, что положение, одобренное Пием VIII, оставалось действующим, а гражданский закон лишь подтверждает религиозный. И так же как римская, православная Церковь не могла договариваться по этому вопросу ввиду того, что два принципа имели одинаковый источник — религиозную веру — и не было возможности установить незыблемое правило в ущерб одного из двух вероисповеданий. Отсюда единственный выход — договориться относительно практического средства, которое позволило бы двум Церквам жить в мире одной рядом с другой.

По поводу имевшихся в распоряжении Святого Престола сведений кардинал заметил, что они не всегда были безупречны, но он относился к ним с крайней осторожностью. И этого неудобства можно было избежать, если бы императорский Двор согласился принять папского агента.

Кривцов уклонился от обсуждения этого вопроса, сославшись на то, что это уведёт слишком далеко от главного вопроса на данный момент — доказательства невиновности назначаемых епископов. Тогда кардинал признался, что находит данные ему объяснения «очень хорошими» и сообщит о них папе. Он попросил направить выписку из зачитанной депеши, но не официально, а лишь конфиденциально, приложив к записке от себя. В ответ на просьбу употребить его влияние для окончательного урегулирования этого вопроса кардинал сказал, что Кривцов мог на него рассчитывать, но что для папы это вопрос совести, а в таком случае он полагается только на самого себя. На следующий день Кривцов передал ему выписку и своё письмо.

Через некоторое время он узнал, что папа, ознакомившись с его сообщением, дал указание немедленно написать его корреспондентам, прося сообщить более пространную информацию о епископах, о которых шла речь. А через несколько дней он их поторопил, направив новые письма с просьбой ускорить, насколько возможно, присылку запрошенных сведений¹.

3 октября Ламбускини передал записку с извещением о том, что вопрос о назначении Любинского и Голдмана претерпел «благоприятное изменение». Этого не произошло с кандидатурой Котовского, о причинах чего были даны подробные объяснения. При этом полностью исключалось влияние факта преждевременной публикации императорского указа о его назначении в официальных изданиях, хотя на этот счёт имелась жалоба в записке, приложенной к аллокуции от 22 июля 1842 г. Упреждая такое предположение, в записке ссылались на то, что в указе упоминались также Голдман и Любинский. Признавалось, что не смогло повлиять и наличие у аббата двух бреве в 1838 г., данных папой в признание его способностей и за долгую службу в церковной иерархии: они предоставили

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 374–376.

ему полномочия на удержание его бенефиция, а также степень доктора теологии и канонического права. Было сообщено только, что те же лица, которые прислали благоприятные отзывы на двух других кандидатов, на его счёт заметили только, «что не могут признать в монсеньоре Котовском ничего другого, кроме красноречия»¹.

7 октября / 25 сентября 1843 г. Кривцов сообщал в министерство о согласии папы на преконизацию Голдмана и Любинского и о его отказе возвести в епископы Котовского, по причине получения последней информации о нём.

В беседе с Ламбускини он привёл, а затем и передал ему все документы в пользу Котовского. Твёрдо настроенный не признавать его достойным сана епископа, папа, тем не менее, взял себе все бумаги по этому делу, чтобы глубже в него вникнуть. И, когда Ламбускини несколько дней спустя поднял этот вопрос, он передал ему записку, почти целиком написанную собственной рукой папы, с указанием сообщить её Кривцову. В ответ на просьбу дипломата представить ему несколько фактов, полученных папой против аббата Котовского, чтобы он мог сообщить своему Двору, Ламбускини сказал, что «бывают вещи, которые папа не может сказать, кому бы то ни было». И пояснил, что на все его представления по этому делу Святой Отец «всегда отвечал, что это было для него дело совести, до такой степени серьёзное, что Он не сможет с ней пойти на сделку».

Кривцов полагал, что в данное время было бесполезно возвращаться к этому вопросу и даже вредно для отношений со Святым Престолом, после того как его личные отношения с кардиналом приняли столь благоприятный поворот. Дипломат с удовлетворением отмечал:

Нет больше внезапного и безапелляционного отказа, существовавшая раздражительность смягчилась и уступила место желанию договориться, проект вести переговоры по вопросам скопом был оставлен; первые шаги к сближению были сделаны римским Двором, начиная с отставки епископа Гутковского и соглашаясь на каноническое назначение епископов Голдмана и Любинского без того, чтобы, со своей стороны, мы сделали какие-нибудь обещания, отступления или какую-либо уступку.

Из достойного доверия источника Кривцову стало известно, что одной из причин, мешавших папе согласиться с каноническим назначением Котовского, были сведения о слабости его характера, что могло его побудить исполнять слепо указания, которые, возможно, окажутся в прямом и явном противоречии с предписаниями католической Церкви и фундаментальными законами. Под влиянием этой мысли Святой Отец боялся доверить широкие полномочия лицу, признанному способным, но в котором он не был уверен и которое могло создать римскому Двору

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 436–437, 444–445.

реальные затруднения или же спровоцировать какой-нибудь скандал. Кривцову эти сведения показались довольно обоснованными, частично объяснявшими нежелание папы дать инвеституру Котовскому, так же как невозможность для него сознаться в причине его отказа¹.

Между тем в конце года прибыл на свой новый пост Бутенев. 7 декабря / 25 ноября он писал в С.-Петербург, что после двухнедельного пребывания во Флоренции вместе с Кривцовым посетил государственного секретаря. 2 декабря имел аудиенцию у папы. В обоих случаях всё ограничилось обменом любезностями². При следующей встрече с Ламбрускини он ознакомил его в общих чертах с содержанием полученных от министра инструкций, «стремясь, главным образом, установить с первых шагов некоторую степень доверия и взаимного доброжелательства в наших отношениях». Договорились, что через несколько дней он посетит его вновь, чтобы ознакомить с депешами министерства, о которых Ламбрускини обещал немедленно дать отчёт папе³.

Тем временем депешей от 20 / 8 ноября Бутенева просили ещё раз ходатайствовать о возведении в сан епископа Рава и давались следующие разъяснения по поводу сложившейся с ним ситуации. По причине неблагоприятных сведений на его счёт папа поручил конгрегации выяснить прямо у него, насколько им следует доверять, и попросить представить опровержение выдвинутых против него обвинений. С полученным через миссию посланием⁴ тайно ознакомились и сочли неудобным передавать его по назначению. Теперь, с одной стороны, было очевидно, что папа, прежде чем вернуться к кандидатуре Рава, захочет дожидаться его

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1843. Оп. 469. Д. 146. Л. 268–272.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 582. Л. 473.

³ Там же. Л. 475.

⁴ В нём Рава сообщалось, что после смерти минского епископа Матвея Липского в декабре 1839 г. российская миссия в феврале 1841 г. сообщила о желании поставить его на это место. Папа, поскольку заслуживающие доверия лица всегда о нём отзывались благоприятно, приказал изготовить канонический процесс и уведомить об этом миссию. Но затем были получены сведения, чрезвычайно огорчившие папу.

«Между прочим, донесено было, что местный схизматический лжеепископ был принят тобою в кафедральной церкви с теми же по каноническому обряду почестями, которые в подобных обстоятельствах обыкновенно должны быть отдаваемы епископам католическим. Не могу тебе изъяснить достаточно словом, сколь важно другое известие, дошедшее до нас и подтверждаемое многими свидетельствами, об ужасной ныне сделке, заключённой между тобою и означенным предстоятелем схизматиков, по силе которой дети, внуки и правнуки бывших униатов, перешедшие с 1798 года к католической Церкви, должны остаться последователями православной или греко-схизматической Церкви. Посему неудивительно, что по получении о таковой сделке сведений, верные католики были сильно поражены и справедливо возымели опасение, что управление минскою епархию будет вверено тебе».

ответа на это послание; с другой — невозможно было посвятить его в мотивы, помешавшие дать ему ход. Бутенева просили

...найти средство, способное разрешить эту дилемму, не подвергая опасности результат, который нам важно достигнуть. Поскольку в конце этого послания имеется пассаж, которым секретарь конгрегации даёт почувствовать своё личное расположение поддержать епископа Рава, мы подумали, что возможно с этой стороны оказать влияние, которое устранил все затруднения. Если употребление какого-то денежного вознаграждения, предоставленного какому-нибудь должностному лицу, могло бы облегчить путь для ускорения возведения в сан епископа Рава, Вы были бы полностью уполномочены употребить это средство, господин, с тем, чтобы обеспечить успех наших демаршей¹.

Всё это было изложено в частном письме министра. Одновременно за то же число Бутеневу была направлена депеша, предназначавшаяся для представления папскому правительству. В ней развивались общие соображения по поводу такого рода дел, не затрагивая инцидента с Рава².

Свои размышления по этому вопросу Бутенев так изложил в донесении от 17 / 5 января 1844 г. Обоснованные или нет обвинения, выдвинутые против монсеньора Рава, должны носить в глазах папы столь серьёзный характер, что его совесть ему не позволяла доверить ему епископский сан, пока ему не удастся оправдаться. Из поручения консисторской конгрегации видно, что он был заподозрен в том, что своим попустительством способствовал отступничеству греко-униатов, что, с точки зрения римского Двора, представляло огромное предательство в отношении католической Церкви. А поскольку Святой Престол, между прочим, не знал, что этот документ не был передан Рава, он имел все основания рассматривать молчание прелата в качестве признания им своей вины. Не подлежало сомнению, что до получения удовлетворительного ответа Святой Отец считал невозможным дать ход процедуре его возведения в сан епископа. Если же российская сторона не считает для себя возможным ни передать по назначению консисторское поручение, ни поставить в известность о причинах, не позволявших дать ему ход, положение, по мнению посланника, становилось, к сожалению, совершенно безвыходным. При таком положении дел сообщение Святому Престолу официальной депешей министерства «неизбежно приведёт к демаршу, по крайней мере, стерильному. Святой Престол, даже признавая ценность высказанных бы общих соображений, нам возразил бы, что она вовсе не предлагает решения для специального случая, о котором идёт речь; что это решение зависит сегодня единственно от характера объяснений, которые монсеньор Рава

Папа просит дать ответ против этих обвинений, который он сначала представит на рассмотрение конгрегации по консисториальным делам (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1843. Оп. 469. Д. 146. Л. 394–395).

¹ Там же. Л. 391–393.

² Там же. Л. 378.

сможет доставить по поводу обвинений, возникших в отношении него». На замечание депеши, что поступившие Святому Престолу «разоблачения носили секретный характер (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) и суть их была нам неизвестна, что нас ставит перед невозможностью отклонить обвинение», у папского правительства очень простой ответ. Оно мотивировало бы сдержанность, которую сочло долгом вменить себе, соображениями деликатности и осторожности, своим желанием не поднимать вновь столь трудный вопрос об отделении греко-униатов. Понуждаемое уточнить свои обвинения, оно не поколеблется больше и прервёт своё молчание. Это повлечёт острые дебаты, а по конкретному вопросу прежнее требование снять адресованные Рава обвинения. Таким образом, правительство оказалось бы перед альтернативой: либо бросить это дело, либо предложить Рава ответить на запрос консисторской конгрегации.

Бутенев рассмотрел и возможность объяснить то, что послание не было передано адресату, нарушением правила о предварительном ознакомлении с его содержанием правительства. Было очевидно, что при такой гипотезе, сославшись в качестве извинения на своё желание пощадить чувствительность российской стороны, последует предложение открыть письмо, чтобы с ним ознакомиться и передать его по назначению. В затруднительность нынешней позиции по существу это не внесло бы никакого изменения.

Заключительный вывод Бутенева сводился к тому, чтобы передать послание Рава, тем более что единственное средство, на которое, согласно депеше, возлагались надежды на успех и которым ему предписывалось при случае воспользоваться, оказалось невозможно применить. Он находил, что интерпретация последнего пассажа консисторского письма была ошибочной. Дело в том, что автором его был монсеньор Лоренцо Симонетти, решительный противник России, что он ясно показал при решении вопроса об аннатах. Усиленно демонстрируя преувеличенное усердие в защите интересов Церкви, он не преминул тогда вызвать острую полемику вокруг простого вопроса о таксе, который ему доверил Ламбускини. В силу убеждения или расчёта стать кардиналом он открыто исповедует самые ультрамонтанские доктрины и придерживается суровых принципов, которые не могут смягчить соображения ни справедливости, ни уместности. Предложение о денежном вознаграждении за содействие в назначении минского епископа мало бы значило для него по сравнению с выгодами раскрыть секрет такого предложения своим начальникам и потребовать компенсации за его неподкупность. Учитывая невозможность воспользоваться и этим средством, Бутенев решил воздержаться от всякого сообщения Святому Престолу по делу Рава. Всё, что можно было сделать, считал он, это передать письмо адресату. При этом не следовало опасаться предания его гласности, поскольку речь шла всего лишь о конфиденциальном запросе, обращённом к лицу, лично заинтересованному не разглашать тайну. Он высказал также предположение, что Департамент иностранных исповеданий мог бы не только предупредить, чтобы аббат

хранил глубокое молчание по поводу этого инцидента, но сообщить ему проект надлежащего ответа, который ему оставалось бы лишь переписать и подписать. Так выглядел итог «серьёзных и зрелых размышлений» Бутенева, к которым был «привлечён опыт и знания» Кривцова¹.

1 января 1844 г. / 21 декабря 1843 г. Бутеневу сообщались новые сведения в пользу Котовского, которые, «возможно, смогут устранить папские угрызения совести». Сводились они к следующему:

Правда, что он разделял ошибки восстания 1830 г. Говорят даже, что своими речами он поддержал его принципы. Мы не скрыли этого от Рима, но в то время, к несчастью, было очень немного священников, имевших мужество воспротивиться общему увлечению, зато теперь он имел подлинное мужество открыто порвать с революционерами. Он произнёс хорошую речь при открытии монумента в память о польских офицерах, погибших, защищая трон².

Между тем, в ожидании новых указаний из С.-Петербурга по делу Рава, Бутенев, как следовало из его донесения от 17 / 5 января 1844 г., начал настаивать на возведении в сан епископа Котовского, воспользовавшись опытом Кривцова. Опираясь на этот опыт и на примеры из прошлого, он решил воздерживаться от официальных и подписанных сообщений государственному секретарю до того, как удостоверится в приёме, который они могут встретить. В ходе устных бесед он ознакомил его с инструкциями, содержащимися в депеше от 20 / 8 ноября, постаравшись выделить два существенных соображения, способных повлиять благотворно. Во-первых, он напомнил, что решение императора наметить кандидатов на возведение в епископский сан являлось свидетельством его почтительного отношения к пожеланиям, неоднократно выраженным папским правительством о заполнении вакантных кафедр в Царстве Польском и в Империи. Поэтому было бы явной непоследовательностью со стороны Святого Престола теперь мешать своими действиями реализации его собственных пожеланий. Во-вторых, он дал понять, что, если повторная просьба относительно аббата Котовского встретит благоприятный приём, император, движимый благожелательным настроением, будет готов назначить в интересах католической Церкви несколько священнослужителей на ещё вакантные кафедры.

Явно испытывая мало надежд на успех этого дела, Ламбускини, тем не менее, обещал дать папе точный отчёт обо всех конфиденциальных сообщениях, которые будут сделаны. Бутенев передал ему выписку из депеши от 20 / 8 ноября, содержащую общие соображения и сведения, касавшиеся аббата Котовского. Ответ папы был дан в виде составленного «в выражениях полного уважения и почтительности» документа в конверте, безо всякой сопроводительной записки.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 1–7.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1843. Оп. 469. Д. 146. Л. 412.

Он содержал «формальный и бесповоротный» отказ доверить епископский сан аббату Котовскому, но он не был мотивированным и опиравшимся на доказательства, как его о том просили. Напротив, он сопровождался недвусмысленным заявлением, что в силу неотъемлемых прав его духовной власти в качестве главы католической Церкви Его Святейшество не мог бы пойти на то, чтобы сослаться в вопросе такого рода на иные причины, чем предписания его совести. Другим, не менее примечательным положением этого документа, особенно после объяснений и дополнительных инсинуаций, предпринятых им перед Ламбускини, Бутенев находил ту часть, где папа, казалось, был готов даже скорее смириться с бесконечным продолжением вакансий епископских кафедр в государствах императора, чем согласиться на возведение в сан епископа аббата Котовского. Ведь он рисковал при этом показаться столь непоследовательным и вступить в противоречие с определённо выраженными пожеланиями Святого Престола, и закрепить своим собственным поступком неполное и временное управление католическими епархиями.

Получив ответ от самого папы, Бутенев не видел возможности тем более вступать в обсуждение этого вопроса с кардиналом, что с самого начала тот заявил, что не может это делать, не нарушая волю Святого Отца. Поэтому он ограничился тем, что откровенно выразил кардиналу удивление и глубокое сожаление, испытанное им в связи с повторным отказом папы, и даже замешательство. Бутенев не решился, однако, заметить, что подобные отказы ставили правительство перед невозможностью думать о заполнении других вакантных кафедр и перед досадной необходимостью оставить управление католическими епархиями подвергнутому самым серьёзным неудобствам в религиозном отношении из-за действия главы католицизма. Так как этот аргумент показался Бутеневу рискованным, он предложил его только вниманию министерства.

Кардинал не казался задетым этими представлениями и жалобами Бутенева. Он повторил несколько раз, что сам был огорчён необходимостью сообщить ответ, не отвечавший ожиданию дипломата, и поведал по секрету, что просил папу изменить его первое решение относительно Котовского и удовлетворить новую просьбу, но папа категорически отверг его настояния. Он призвал Бутенева, насколько он сочтёт это возможным, в своих донесениях Двору смягчить впечатление, которое может произвести отрицательный ответ Святого Престола. В конце беседы кардинал сказал, что недавно, как, впрочем, это случалось не раз, папа также отклонил назначение епископов, несмотря на просьбы монархов-католиков. Исходя из этого, он спросил, не могло ли бы императорское правительство, принимая во внимание просьбу папы не настаивать на даровании епископского сана аббату Котовскому, сделать какой-то другой выбор, который не вызвал бы таких трудностей. На это Бутенев предложил ему самому судить о том, может ли правительство после того, что произошло, и отказа, о котором он даёт ему отчёт, быть

расположено предложить новый выбор, чтобы подвергнуться новым отказам. После этого кардинал тотчас оставил эту тему¹.

Опираясь на опыт, извлечённый из дела Котовского, Бутенев понял, какие затруднения другого рода, но не менее щекотливые, породила бы одновременная и решительная настойчивость в тот момент относительно возведения в сан епископа Рава. В сложившейся конъюнктуре он посчитал необходимым и полезным отложить на некоторое время демарши по этому делу, не выполняя, таким образом, инструкцию от 20 / 8 ноября².

Если донесения Бутенева информировали С.-Петербург о ходе решения конкретных вопросов, то в датируемой декабрём 1843 г. пространной записке (на 90 листах) о положении в Италии, а точнее на Апеннинском полуострове, значительное место было отведено оценке характера отношений России со Святым Престолом. Она была составлена Д.И. Долгоруким, тогда поверенным в делах в Неаполитанском королевстве, вероятно, перед тем, как он отправился советником на новое место своего назначения — в Тегеран.

При этом, как пояснил сам автор, ракурс, в котором он рассматривал этот вопрос (добавим, конечно, и особый интерес его к нему), определялся тем, что своей прежней службой он «был поставлен перед необходимостью досконально ознакомиться с общим положением Царства Польского, занимаясь очень важной частью его управления», к сожалению, не уточнив какой конкретно. Понятно, что пребывание в соседней с папскими государствами стране позволяло ему быть хорошо осведомлённым о происходивших в них событиях.

По поводу двойного характера отношений Святого Престола с Россией — одновременно религиозного и политического — он замечал, что в плане религиозном речь шла о разногласиях

...фактически между двумя Церквами, произошедшими от одного и того же начала, и каждая из которых прикрывается ссылкой на неодолимый рубеж, хотя и разный. Из этого следует, что их столкновения происходят по большей части в силу самого положения вещей, и что именно потому, что эти два положения идентичны, они сталкиваются друг с другом; но если нет возможности постоянно избегать этих трений, то, по крайней мере, нельзя терять из вида, что общий враг — дух неверия и безразличия, который грозит обеим Церквам одновременно, — рукоплещет всякому, кто может питать эти расхождения, и укрепляется нашей взаимной враждой, —

предупреждал дипломат. Отсюда его призыв воспользоваться уроком, преподанным протестантизмом. Ссылаясь на пример Германии, он писал:

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 8–11, 26–27.

² Там же. Л. 25.

Нужно совершенно не ведать о состоянии философских и религиозных доктрин в протестантских государствах Германии, чтобы не сокрушаться, видя, что они отданы на съедение консервативных догм христианства и иерархических идей, которые почти при единственном различии составляют основу одной и другой Церкви, — писал он. — Губительные доктрины современных германских теологов находят свою самую мощную опору во вражде Восточной и Западной Церквей и в экстравагантностях ультрамонтанизма, который господствует на юге Германии, гораздо больше, чем в Италии, где установленный канонический порядок имеет силу закона. Не колеблясь, следует признать, что в общих интересах двух Церквей покончить с таким положением вещей, которым могут воспользоваться только их враги, но которое удручает всякого искреннего и благоразумного христианина, как одной, так и другой Церкви.

Он не сомневался, что, если бы это убеждение было глубже прочувствовано, оно способствовало бы смягчению враждебного настроения и расстроило бы планы врагов. Всякий раз, когда он делился этим «простым и положительным» наблюдением, оно производило впечатление на самых высокопоставленных лиц римской Церкви, которые понимали «опасность такой ситуации и коварное мастерство, с которым её обратили против двух Церквей».

Эти соображения обретали, по мнению автора записки, ещё большую ясность при рассмотрении этих отношений с политической точки зрения, тем более что следовало признаться, что вопрос являлся гораздо больше политическим, чем религиозным, и затрагивал крайне серьёзные интересы.

В отношениях Империи с Царством Польским, отношениях, сложившихся в силу положения вещей и трёх столетий борьбы, но отношениях, изобиловавших трудностями — главная среди них заключается, бесспорно, в настрое и стремлениях католического духовенства, — писал он. — После урегулирования нескольких насущных вопросов и установления некоторого внешнего спокойствия в Царстве, должно признать, что революционный дух теряет надежду привести в движение массы и нападать на нас на законодательной или административной почве, но что он концентрирует все свои усилия на религиозной почве. Именно убеждением он поддерживает возбуждение умов, а для того, чтобы добиться одобрения своих преступных происков, заимствует имя и авторитет главы римской Церкви. Такое положение вещей не только прекрасно известно пропаганде, находящейся в Париже и Лондоне, но положительно оценено ещё и правительствами. Они знают, насколько она позволяет это утверждать, чего желает в настоящую минуту.

Если бы эта цель была достигнута, сорвали бы наверняка большую часть интриг внешней политики, и умиротворение Польши продвинулось бы, осмеливаясь думать, возможно, на полвека. Неприязненное отношение европейского общественного мнения к России в настоящее время столь резко выражено, что, когда речь идёт о плане, ей приписанном, коалиция появляется немедленно, и призыв переходит из кабинетов в газеты и в брошюры. В некотором отношении положение

римского Двора иное, он остерегается Австрии, Англии и Франции, влияние которых на итальянские дела огромно. Если кардинал Ламбускини настойчиво придерживается образа действия, который он предложил Святому Престолу, надежда найти в определённом случае поддержку далёкую, но решающую в непредвзятости и справедливости императора Николая, обнаруживается неизбежно в видах премьер-министра. Что касается теологической стороны вопроса, Рим гораздо более сдержан и менее восторжен, чем Германия. Ультрамонтанские мечтания ему не нравятся вообще. Святой Престол, вооружённый надёжным умением вести полемику, подкреплял свои права постановлениями Соборов и каноническим законом; всё, что вовне имеет мало ценности в его глазах.

Вообще, считал Долгорукий, Италия не разделяла внушаемого Германией отвращения в отношении русских: они здесь приняты благосклонно и «не одно тайное пожелание здесь призывает к более активному влиянию правительства С.-Петербурга».

Что касалось положения в римских государствах, он отмечал, что среди лиц серьёзных, очень осведомлённых, но противоположных взглядов существовало мнение, что огонь не будет никогда полностью потушен в легатствах, твёрдо решивших освободиться от ига Рима, даже перейдя под иго Вены. Факты показывали, что болонская неудача ничего не изменила в настрое умов; партии присутствуют, и мятеж не отступил ни на шаг.

Но самый главный, сложный, жизненный вопрос для Италии, который обсуждается в Риме, это сохранение светской власти папы наряду с его духовной властью. Любому беспристрастному человеку очевидно, что духовная власть папы не только не уменьшилась, но значительно увеличилась. Светская же власть, совершившая не один непродуманный поступок, «может сойти с этого пути лишь постепенно и только ввиду некоторого преимущества, которым она могла бы пользоваться в отношении других правительств».

Долгорукий полагал, что Бутенев был призван вывести отношения с Римом на новый путь, что можно ожидать благоприятных результатов от его умеренности и осторожности, но для этого необходимо, по его мнению, чтобы направленные ему из С.-Петербурга инструкции «придали его действиям новый характер». Нужно было бы также, чтобы при обсуждении текущих дел со Святым Престолом тщательно считались с прошлым и с каноническими правилами, не запрашивая у него того, «на что он не в состоянии согласиться». Канонические нарушения, сколь бы искусными ни были, «не могут иметь успеха в стране, где знание канонического закона и постоянное изучение традиций и прошлого возведено на совершенный и действенный уровень, чего было бы невозможно требовать от нашей администрации, как гражданской, так и религиозной». Не следовало давать повод к нападкам со стороны Святого Престола и рассчитывать в ходе полемики его разбить на его собственной почве. Отсюда призыв автора записки:

Избегать борьбы, насколько обстоятельства это позволяют, вступать в неё лишь на твёрдой и гарантированной основе — было бы правилом первой необходимости. Проявлять в отношении Рима высокомерие или занимать агрессивную позицию, значит, выполнить пожелание врагов наших интересов и доставить Святому Престолу немедленную поддержку европейской политики и общественного мнения.

Он считал нужным

отвлекать его постепенно от этой коалиции, абсурдность и опасность которой он начинает чувствовать сам; согласиться на несколько разумных уступок, которые не противоречили бы нашим принципам; установить на основании постоянного соглашения прочные отношения ввиду его интересов, а также ввиду нашей политики.

При этом он был убеждён, что намеченная цель «может и должна быть достигнута».

В ходе бесед с ним Ламбрускини предлагал разделить на три категории вопросы, подлежащие разрешению между двумя сторонами. Первая из них включала бы легко разрешимые дела. Вторая — дела, по которым нужно договариваться, обсуждать, а некоторые из которых надлежащим образом разрешатся, лишь если стороны пойдут навстречу друг другу. Третья категория — это неразрешимые дела, требования, которые «прямо посягают больше даже не на власть, а на существование Святого Престола и которые папа не может принять, боясь утратить свой характер главы Церкви».

Долгорукий предлагал отложить обсуждение вопросов третьей категории, заняться сначала вопросами второй категории и, возможно, со временем, его ограничить первой.

Ему представлялась следующая линия поведения в отношении Святого Престола, если исходить из предположения, что главные реформы правительства в отношении католического духовенства были ныне завершены. Если, не одобряя их, Святой Престол обходит их молчанием, если он принимает совершившиеся факты, если, отстаивая принципы, он оставляет последствия, если ему в самом деле приходится в голову рассуждать, со своей стороны, о нравственности духовенства Царства Польского и отделённых провинций — все острые вопросы были бы закрыты разом. В такой ситуации при решении остающихся вопросов — то есть при выборе епископов, запросе о буллах, административных делах римского духовенства в России и в Польше — нужно было бы

...действовать осторожно и даже снисходительно; не обрушиваться на Святой Престол, если он отклоняет то или другое лицо; не удивляться, если предубеждение, насаждавшееся в течение десяти лет в представлениях римского Двора, его делает чрезмерно педантичным. Если отказы в отношении инвеституры епископов более редки в отношении других государств, чем в отношении нас, причину этого надо искать как в нынешнем положении дел, так в осмотрительности, с которой

другие правительства представляют намеченных лиц лишь после того, как предварительно вступили в отношении их в конфиденциальные сношения со Святым Престолом. Эта простая мера предосторожности могла бы быть применена также в наших отношениях с ним. Таким образом, избежали бы досадной гласности, с одной и другой стороны, дискуссия была бы более свободной и менее острой.

Что касалось влияния, которое оказали бы на умиротворение Польши хорошие отношения России со Святым Престолом, он отмечал, что мощная армия, огромные средства подавления, изменение прежних установлений, законодательный и юридический порядок, приспособленные в основе к управлению, обучение молодёжи, уравненное с народным просвещением Империи, представляли, несомненно, гарантию сохранения порядка в Царстве. Общее настроение умов, особенно среди учащейся молодёжи, явно улучшилось. По всем этим вопросам пропаганда

...будет остерегаться на нас нападать, убеждённая, что она может вызвать не более чем проходящее и напускное возбуждение у некоторых отдельных лиц; она сохраняет все свои силы для сферы религиозных взглядов. Именно в непроницаемом приюте совести она пробуждает тревогу и угрызения. Такой человек, преданный и послушный правительству, внутренне отдаляется от него, когда римский Двор будет против нас, умиротворение духовное и моральное, полное умиротворение Польши не закончится окончательно.

Именно поэтому

...тайные общества и макиавеллизм европейской политики одинаково заинтересованы поддерживать наши разногласия с Римом. Когда Рим вступит в открытую войну с российским правительством — Рим, нужно сказать, будет поддержан. 1. Всеми правительствами Европы; 2. Ультрамонтанской сектой, сила которой значительна; и, наконец, революционным настроением, представленным польскими беженцами и либералами Европы, в интригах и происках все они сходятся в этом вопросе. Когда Рим обнаруживает склонность сблизиться с нами и сделать пусть и робкий шаг, Рим всегда на стороне законных правительств. Любая попытка мятежа его пугает как в политике, так и в религии; он вполне доволен тем, чтобы подержать существующую власть всей силой его духовного влияния.

Когда же казалось, что в отношениях с Россией иногда он уклонялся от своих правил, это следовало приписать советам правительств, которые представлялись бы «самыми близкими нашим интересам», подпольной деятельности революционеров и, особенно, польской эмиграции и, наконец, «тому неприятию, нужно это признать, почти всеобщему, которое обнаруживается в отношении нас в Европе».

Учитывая настроения в Риме, Долгорукий находил момент благоприятным для сближения Святого Престола с Россией, а последние события ему придавали новую силу, «заинтересованность обеих сторон одинаково серьёзна, успешный результат, может быть, более полезен, к тому же, нашему правительству, чем

Святому Престолу». Он просил привлечь внимание императора к этим соображениям, о ценности которых он вынесет своё суждение.

Во время беседы с Меттернихом (в присутствии Медема) он уловил его тайное желание стать посредником между Святым Престолом и императорским правительством, которое находил излишним. Судя по настрою Ламбрускини, было очевидно, что переговоры должны вестись непосредственно между двумя кабинетами и, насколько это возможно, не придавая их огласке. Вмешательство какого-нибудь правительства могло бы только уменьшить шансы на их успех или даже полностью их отменить.

Общий вывод Долгорукого свёлся к двум заключениям:

1. Италия таит в себе огромную массу горючего материала, который ожидает лишь подходящего момента, чтобы вспыхнуть. Она находится накануне великих событий, среди которых «болонские восстания — петарда, к которой слишком рано поднесли огонь, — были лишь случайным симптомом, а греческое вооружённое восстание — эпизодом». Первопричиной событий, которые положение Италии делает почти неизбежными, служит «не только революционный настрой, который беспрестанно овладевает умами, но также неспособность итальянских правительств». Одни из них, как правительства Неаполя, Тосканы, Лукки, Модены, — «полностью лишены политических целей и осторожности». Другие, как австрийская власть в Ломбардии и папская власть в Риме — в силу их исключительного положения, — обе лишены «возможности принять на себя инициативу, несмотря на большую материальную силу одной и крайнюю слабость другой». Ибо, чтобы положить конец беспорядкам в легатствах, австрийское правительство должно было бы «их захватить, но оно не может это сделать, не ранив в сердце папское правительство, единственную консервативную силу, противодействующую революционным элементам, и которую в общих интересах правительств нужно стараться лишь укрепить». Если готовящиеся в Италии события не застанут европейскую политику врасплох, более чем вероятно, полагал Долгорукий, что «в ней обнаружатся расхождения, когда они разразятся; последние потрясения в Афинах могут служить указателем и программой потрясений, которые имели бы место в Италии, и характера, который не преминули бы им придать».

2. «Такое состояние умов в Италии, столь угрожающее спокойствию Европы, и, особенно, центральной Европы, тем не менее, очень благоприятно урегулированию трудностей, которые возникли между Святым Престолом и императорским правительством. Если воспользоваться нынешними обстоятельствами и придать нашим отношениям новый характер, успех будет почти верным. В Риме начинают понимать нелепость позволить поймать себя в западни, беспрестанно расставляемые действиям Святого Престола недобросовестностью правительств и коварными кознями революционной пропаганды, побуждая его объявлять себя враждебным единственной державе, одновременно имеющей перевес и бескорыстной, которая, в случае необходимости, могла бы успешно вмешаться в пользу независимости

и неприкосновенности папского правительства. Это новое направление, усердно и разумно используемое, приведёт к положению вещей, главная выгода которого будет в пользу морального спокойствия Польши, и нам даст возможность приложить к этой застарелой и всегда кровоточащей ране повязку, без которой ей не удастся никогда полностью зарубцеваться»¹.

Эта записка, безусловно, очень трезво воссоздавала довольно полную картину обстановки, в которой предстояло вести переговоры, а главное — убедительно доказывала их необходимость.

В начале 1844 г. в С.-Петербурге, оценивая в целом состояние отношений с римским Двором после аллокуции, должны были признать, что оно оставалось без перемен и, хотя не было никакого улучшения, радовало, что, «по крайней мере, их больше не осложнял никакой новый инцидент». Более того просматривались даже симптомы, позволявшие видеть желание к сближению и возможное «приближение времени обмена мнениями с практической пользой в интересах взаимного согласия». К благоприятным признакам относили провозглашение достойными сана епископов Голдмана и Любинского и их назначения: первого — в сандомирское епископство, второго — в суффраганий в Калише².

В такой ситуации, хотя непосредственно после появления аллокуции сочли за лучшее положиться на благотворное действие времени и опыта, отложив до более благоприятного момента всякие дискуссии, стало очевидным, что реализовать на практике такое намерение оказалось невозможно. Жизнь требовала решения насущных проблем. Посему уже весной 1844 г. пришлось взять на себя инициативу возобновления диалога, стараясь не затрагивать вопросов догматического характера, которые не допускали уступок ни с одной, ни с другой стороны, и, как показал опыт, их обсуждение было чревато пререканиями по поводу принципов и способно было завести в тупик любые переговоры.

О том, из чего исходили, определяя свою позицию в отношении Святого Престола, позволяет судить доклад от 23 / 11 марта 1844 г., представленный Николаю I. В нём говорилось, что в латинской Церкви, как и в греческой, епископат ведёт своё прямое священное происхождение от Иисуса Христа, переданное непосредственно апостолами и затем передаваемое лишь их законными преемниками. Священное происхождение может непрерывно продолжаться только через посредство высшей церковной власти, которую в русской Церкви представляет Святейший Синод, а в латинской — папа. В порядке вещей, что вмешательство в выборы епископов светской власти ограничивается делаемыми ею предложениями, а епископское звание, как бы то ни было, вступает в силу только со дня канонического назначения, то есть с того дня, когда происхождение от Христа будет распространено на назначенного епископа. Изменить что-либо в таком положении вещей

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 623. Л 17–62.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1843. Оп. 475. Л. 64–65.

светская власть бессильна. И ей ничего не остаётся, как признать этот незыблемый во всех основных Церквах принцип. Отказ от следования ему способен породить лишь смущение в сознании людей, смуту и раскол — в Церкви. Только посвящённому епископу принадлежат такие права, как конфирмация, рукоположение священников, посвящение в сан другого епископа, по получении на то полномочий от папы, благословение аббатов и аббатис (настоятелей соответственно мужских и женских монастырей), изготовление святого ея, освящение церквей, кладбищ, святых чаш и др.

В доказательство невозможности разорвать не соответствующим правилам образом связи, соединяющие Церковь с общим центром, ссылались на то, что произошло в Греции. Там афинский Синод тщетно попытался отделиться от константинопольского патриарха. Но, поскольку он не был признан патриархом, ему недостаёт происхождения от Христа, и до сих пор не мог быть посвящён никакой новый епископ.

Отсюда следовал вывод, что российские руководители, если хотят оставаться искренними и последовательными перед самими собой, должны признать этот принцип в своих отношениях с латинской Церковью, а значит, тот факт,

...что епископу для исполнения епископских прерогатив недостаточно назначения светским монархом. Ему необходима конфирмация папы, каноническое назначение. Учитывая, к тому же, что в данное время император был намерен поддержать католическую Церковь в Империи и даже возвысить её, достижение чего невозможно в условиях, когда она лишена епископов, особенно важным представлялось договориться с римским Двором по вопросу об их назначении, пойдя, со своей стороны, на некоторые уступки. А именно вернуться, в частности, к образу действия, осуществлявшемуся до 1836 г., который является единственно возможным и практическим, единственным, принятым также всеми католическими правительствами (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

С помощью такого шага удалось бы не только урегулировать этот вопрос к взаимному удовлетворению, но и лишить почвы утверждения врагов России, приписывающих её монарху желание разрушить католическую Церковь. В то время как существующая неопределённость в вопросе о епископах (почти все епископские кафедры в Империи были вакантны) придаёт видимость правдоподобия подобным утверждениям¹.

О том, с какой тщательностью в С.-Петербурге готовились к переговорам, свидетельствуют указания, данные Бутеневу в обширнейшей корреспонденции за 21 / 9 марта 1844 г.

Частным письмом от 21 / 9 марта ему предписывалось попытаться убедить Ламбускини, что в С.-Петербурге вовсе не добивались от Святого Престола

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 51. Л. 13–15; 1846. Д. 161. Л. 148–150.

отказа от его принципов, понимая, что при всём желании он не смог бы пойти на столь самоубийственный шаг, да и сами не желали отступать от своих принципов. Кардиналу, а через него и папе, следовало разъяснить сложность положения императора при каноническом утверждении епископов: выдвигаемые им кандидатуры он считает самыми достойными, и как он может рекомендовать других, в глубине души вовсе их не признавая столь же достойными, как первые? В этой связи в С.-Петербурге хотели бы получить информацию о мотивах отклонения предложенных кандидатов, чтобы их рассмотреть, проверить и признать очевидные факты, ибо в противном случае императора вынуждают действовать против его совести.

Этот вопрос должен быть чётко поставлен и глубоко обсуждён с римским Двором, так как очень часто возникал. Кардиналу следовало разъяснить, «что у папы просят вовсе не отчёта совести и ещё меньше хотят проявлять в отношении её принуждение, — но, чтобы договориться, нужно объясниться — иначе каждый останется при своём мнении»¹.

Этой проблеме на Неве придавали тем больше значения, что свою задачу видели в том, чтобы изыскать практические способы достичь добрых отношений с римским Двором. При этом было ясно, что компромисс был возможен лишь на политической почве, а чтобы перевести дискуссию в такую практическую плоскость, важно было, прежде всего, из неё устранить неразрешимые вопросы. С этой целью сочли необходимым в последний раз объяснить по поводу предъявленных Святым Престолом претензий и тем самым рассеять существовавшее между двумя кабинетами недоверие.

Уполномоченному решать эту задачу Бутеневу инструкцией от 21 / 9 марта предписывалось тщательно избегать упреков и жалоб по поводу прошлого и, таким образом, облегчить достижение согласия относительно настоящего и будущего. Составленные в духе примирения инструкции призваны были засвидетельствовать перед папским правительством стремление российской стороны урегулировать отношения с ним на взаимоприемлемой основе, для чего наладить доброжелательное обсуждение, могущее вывести отношения двух Дворов из того порочного круга, в коем они уже так давно находились. Чтобы исключить пререкания по догматическим вопросам, Бутенев должен был утверждению о незыблемости принципов католической религии противопоставить положение о столь же исключительных принципах православной Церкви. Расчёт строился на том, что такой способ обсуждения вполне соответствовал методу Святого Престола, а значит, будет им понят и окажется вполне успешным. Не желая возобновлять полемику о прошлом, тем не менее, в С.-Петербурге сочли необходимым начать переговоры с рассмотрения претензий, изложенных в пяти пунктах памятной записки Ламбрускини².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 186. Л. 362–364.

² Там же. Д. 51. Л. 136–137; Д. 186. Л. 302–303.

В ответ на просьбу, чтобы все греко-униаты, оставшиеся верными их вере и пострадавшие по этой причине, были выпущены на свободу, следовало дать папскому правительству положительные заверения, что в России никогда не преследовали никого по религиозным мотивам и не намерены этого делать впредь, а посему это обвинение отпадает само по себе. Появление же его проистекало из ошибочных сведений, которым Святой Престол позволил себя увлечь.

По поводу пожелания о предоставлении лицам латинского исповедания полной свободы общения по духовным вопросам со Святым Престолом сообщалось, что им в этом никогда не чинили препятствий, они всегда могли это делать через епархиальные власти. Правительство лишь регулировало способ сообщения путём учреждения постоянной миссии в Риме, единственная цель создания которой состояла именно в этом. Но оно не может отказаться от права знакомиться с дисциплинарными и административными делами Церкви, так как для него важно удостовериться (ради того, чтобы упредить возникновение досадных коллизий), что постановления Святого Престола не противоречат законам страны.

Относительно требования отменить наносившие ущерб прерогативам Святого Отца указы, препятствовавшие церковной юрисдикции, об осуществлении таинства епитимии (раскаянья), крещения и смешанных браков до сведения Курии надлежало довести следующее. С одной стороны, о решении окончательно отменить некоторые ограничения в исполнении таинства исповеди и епитимии, изначально рассматривавшиеся в качестве временных, предписывавших причащать лишь лиц, лично известных духовенству, с другой — о том, что законодательство о крещении и смешанных браках не изменилось. Дети, рождённые в смешанных браках, если один из супругов исповедовал православие, должны быть воспитаны в этой религии, как это предписано законом Церкви и подтверждено законом государства¹.

На ещё один аспект проблемы смешанных браков — благословение их католическими священниками — специально обращали внимание Бутенева, посвятив ему отдельную депешу от того же числа, что инструкция. Не имея намерения поднимать этот вопрос, в С.-Петербурге понимали, что рано или поздно это сделает папское правительство. Дело в том, что в России существовал обычай, что католические священники дают брачное благословение супругам смешанных браков, не требуя, чтобы дети, рождённые от этого брака, воспитывались в католической религии. Этот обычай существовал всегда, и было желательно, чтобы он мог продолжаться соблюдаться, так как в вопросе воспитания детей, если один из супругов исповедует православную религию, императорское правительство никогда не пойдёт на уступки. Такому обычаю не следуют священники в Польше, где они в соответствии с предписаниями латинской Церкви отказываются от безоговорочного благословения смешанных браков. Чтобы устранить это препятствие, можно было

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 186. Л. 304–307.

бы ввести пассивное содействие священника. Полагая, что римский Двор был не далёк от того, чтобы пойти на уступку, в С.-Петербурге готовы были её принять. Тем не менее в таком случае Бутеневу рекомендовалось ограничиться принятием подобного предложения *ad referendum*, т. е. к докладу. Если бы Святой Престол удовольствовался бы согласием на пассивное содействие, посредством которого католический священник способствует освящению смешанных браков, как это принято в Пруссии, Баварии и, наконец, в Венгрии, вопрос мог бы быть улажен к взаимному удовлетворению и с общего согласия¹.

Что касалось самой инструкции, в ней Бутеневу давались ещё два указания.

Первое — по поводу просьбы римского Двора о возвращении имущества, отобранного у католических церквей и религиозных общин и включённого в государственное имущество. Ему предписывалось ознакомить Ламбрускини, а через него и папу, с передачей его под более упорядоченное управление в соответствии с указом от 6 января 1842 г. / 25 декабря 1841 г.

Материал об этом содержался в депеше от 23 / 11 февраля 1842 г. Потёмкину, который был уполномочен осведомить об этом Святой Престол, но смог лишь частично выполнить свою миссию.

Теперь Бутенев должен был ознакомить Ламбрускини с упомянутым в депеше указом, а также с объяснительной запиской к той же депеше². Надеялись, что внимательное прочтение этих документов не оставит у руководителей Ватикана никакого сомнения относительно духа доброжелательности, справедливости, присущего самой концепции этой меры и способу её проведения в жизнь; они убедятся, что права католической Церкви не были отобраны, а лишь преобразованы, ибо в плане денежного вознаграждения она скорее выиграла, чем проиграла.

Наше правительство, — разъяснялось в депеше, — не только не намерено оставлять в государственной казне ни малейшей части дохода от церковного имущества. Но, заботясь о благосостоянии духовенства и процветании благотворительных учреждений, император пожелал ещё предоставить, кроме того, на их содержание доходы от конфискованного (по причине участия духовенства в последнем восстании) имущества, доходы, которые до этого вносились в государственную казну³.

На запрос Святого Престола о праве папы на основании взаимности направить своего представителя в Россию Бутенев должен был напомнить, что императорская миссия в своё время была учреждена с единственной целью — создания легального и официального пути для сообщения со Святым Престолом, а потому не могло быть и речи о взаимности. Оставляя в стороне совершенно

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 186. Л. 346—347.

² См. с. 303—304.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 186. Л. 307—309.

иной характер такого представительства папы, поскольку об этом уже были даны исчерпывающие объяснения, если на время даже допустить присутствие папского представителя в С.-Петербурге, естественно, напрашивался бы вопрос: чьи интересы он будет там представлять? Ответ мог быть только один: интересы подданных императора, которые он сам призван обеспечивать и защищать. Это означало бы аномалию, появление государства в государстве, что вело к созданию почвы для новых препирательств. Следовало сохранить прежнее положение, когда посылка представителя была возможна лишь по особому поводу, какового на тот момент не было¹.

Кроме уже перечисленных задач перед Бутеневым была поставлена ещё одна. Напомнив о переводе в С.-Петербург Духовной академии из Вильно, что её оградило от проникновения революционных принципов, которому она подвергалась из-за близости к областям, где со всей силой разразилось Польское восстание, в специальной депеше за 21 / 9 марта отмечалось, что Академия продолжала пользоваться особым покровительством императора. В своё время (8 февраля / 27 января 1843 г.) предшественник Бутенева был уполномочен обратиться к папе от имени Николая I с просьбой подарить Академии свой портрет. Поскольку в С.-Петербурге не было ничего известно о том, было ли это сделано и какова была реакция на эту просьбу, по указанию императора Нессельроде вновь возвращался к этому вопросу и просил сообщить папе об этом пожелании. При этом разъяснялось, что император рассматривал такой дар как знак особого, явного расположения Святого Отца к учреждению, для которого не переставали добиваться его апостольского благословения².

Во втором частном письме от 21/9 марта Нессельроде отмечал, что подготовленная для Бутенева корреспонденция была столь исчерпывающей, что к ней нечего было добавить. Тем не менее он дополнял её весьма ценным признанием в желании «иметь бы возможность сообщить больше о том, что касается уступок или, лучше сказать, сговорчивости, так как я, — писал он, — не считаю то, на что мы соглашаемся сегодня, является уступками». И пояснил, что в исполнении этого желания ему мешают «наши, так называемые, правоверные ревнители»³.

Наконец, 21 / 9 марта Бутеневу с грифом «секретно» была направлена депеша, с которой он должен был ознакомить государственного секретаря. В ней речь шла об искреннем желании императора достичь примирения с римским Двором, для чего он предоставил Бутеневу «средства, которые не замедлят принести плоды в интересах двух властей — духовной и светской».

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 186. Л. 310–311.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 598. Л. 17.

³ Там же. Ф. Коллекция документальных материалов чиновников МИД. Личный архив К.В. Нессельроде. Оп. 905. Д. 17. Л. 1.

Пояснялось, что в ответе на основные претензии Святого Престола постарались избежать всего «похожего на препирательство», а посему сочли неуместным возвращаться к утверждениям, содержавшимся в папской аллокуции. При этом надеялись, что папа оценит одушевлявший С.-Петербург христианский настрой.

Среди выдвинутых Курией претензий выделили три категории: одни не допускали никакого обсуждения, ибо по их поводу каждая из сторон останется при своём мнении; другие — основывались на ошибочных данных, их постарались прояснить и изменить мнение по их поводу Святого Престола. Наконец, имелись вопросы, по которым существовала возможность договориться. К ним принадлежали вопросы об исповеди и покаянии, в отношении которых были отменены введённые временно ограничения; о выборе епископов, в котором, не отступая от принципов, оказалось возможным внести изменения, чтобы сделать приятное лично папе¹.

Получив всю корреспонденцию 8 апреля / 24 марта, Бутенев зачитал последнюю депешу Ламбускини 16 апреля. О реакции на неё папы и его правительства в С.-Петербурге смогли судить по корреспонденции от 30 / 18 апреля, полученной из Рима. Хотя она отражала лишь первое впечатление, которое сообщения от 21 / 9 марта произвели на них, «мы имели основание убедиться, что папское правительство, кажется, всё более и более проникается необходимостью отказаться от слишком упорного противодействия нашим законным требованиям и нам оказать помощь, чтобы достичь примирения», — говорилось в депеше от 23 / 11 мая. В такой ситуации не исключалась возможность начать переговоры, но с условием предварительно устранить из обсуждения вопросы, затрагивающие доктрины греко-православной и римско-католической Церквей, по которым ни одна из них не может уступить. Депешей от 23 / 11 мая Бутеневу предписывалось выяснить, согласно ли папское правительство пойти на это, от чего будет зависеть направление будущих переговоров².

В донесении от 30 апреля Бутенев смог сообщить о выполнении предписания, содержавшегося в одной из депеш за 21 / 9 марта, вернуться к поручению, данному в начале 1843 г. его предшественнику, чтобы добиться посылки портрета папы для его помещения в Духовной академии, переведённой в С.-Петербург.

Прежде чем приступить к выполнению этого указания, Бутенев по документам миссии попытался прояснить, на какой стадии находилось это дело. Из обнаруженного им в архиве проекта донесения Потёмкина, написанного его собственной рукой и датированного мартом 1843 г., следовало, что с депешей от 8 февраля / 27 января, которой его информировали, что по случаю перевода Духовной академии из Вильно в С.-Петербург император очень хотел получить портрет папы, он ознакомил государственного секретаря. Последний попросил дать её ему для прочтения папой и не скрыл своих опасений, как бы папа не заподозрил какую-

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 598. Л. 168–169.

² Там же. Л. 180–181.

нибудь подоплёку в этом демарше — стремления вызвать с его стороны публичную демонстрацию, могущую дать основание «для неприятных заключений».

Вскоре Ламбрускини вернул депешу и передал глубокое сожаление папы по поводу невозможности прислать портрет по причине его предназначения, которое неизбежно включает в себе открытое одобрение, данное Его Святейшеством этому духовному установлению. Было очевидно, что оно противоречило бы жалобам Святого Престола, изложенным в заявлении папы, опубликованном в связи с аллокуцией от 22 июля 1842 г.

Кардинал добавил, что, сколь бы папа ни был убеждён в чистоте намерений императора, щепетильность не позволяла ему исполнить его просьбу. Он просил императора понять серьёзные причины, запрещавшие главе католической Церкви всякую видимость одобрения института духовного воспитания до получения уверенности, что его организация и духовное образование, получаемое в нём учениками, во всём соответствуют католическим доктринам, хранителем коих должен быть папа¹.

Ознакомившись с этим донесением, Бутенев счёл более уместным не спешить поднимать вновь вопрос, который уже прежде обсуждался и по которому был дан мотивированный ответ в результате объяснений с Ламбрускини. Однако, казалось, судя по имевшейся на этом документе пометке, проектируемое донесение не было послано, во всяком случае не удалось обнаружить никаких следов этого в архиве миссии.

Поэтому, не ставя прямо этот вопрос, Бутенев в ходе встреч с Ламбрускини постарался прозондировать почву. Сказанное ему полностью подтвердило точность сведений донесения Потёмкина. После этого он посчитал более осмотрительным и полезным, по крайней мере на данный момент, не осложнять ход важных объяснений, только что начатых с папским кабинетом, возвращаясь и настаивая на вопросе, совершенно второстепенном, который, учитывая прошлое, имел мало шансов на успех. Излагая всё это в своём донесении, Бутенев надеялся на одобрение министром мотивов, которыми он руководствовался².

О состоянии переговоров, по истечении двух месяцев после получения им инструкций от 21 / 9 марта, Бутенев направил пространное донесение от 15 / 3 июля 1844 г. С первых бесед с Ламбрускини он заметил, что, с вежливым и благожелательным вниманием выслушивая его сообщения, кардинал стремился избежать обсуждения их по существу. При этом он повторял, что папа «всегда оставлял за собой немедленное рассмотрение вопросов такого рода, что должен был обсуждать» Бутенев, и имел привычку читать дипломатические сообщения, будь они даже на французском языке, и часто готовил свои ответы и решения в своём кабинете. А посему кардинал предпочитал письменный способ объяснений устному, чтобы

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 631. Л. 22–23.

² Там же. Л. 30–31.

лучше сообщать потом их содержание папе и чтобы все сообщения, в соответствии с инструкцией переданные ему посланником, находились у папы.

В этом Бутенев смог убедиться во время аудиенции, на которой должен был представить обычное уведомительное письмо о браке великого князя Александра и Елизаветы. После нескольких любезных слов относительно предмета аудиенции папа, до того в подобных случаях воздерживавшийся от малейшего намёка на дела между двумя правительствами, неожиданно принял на себя инициативу, чтобы заговорить о сообщениях, сделанных Бутеневым Ламбускини, которые он извлёк из письменного стола. Он сказал, что ответы императорского правительства на пять просьб Святого Престола, изложенных в октябре 1842 г. его предшественнику, не оправдали его ожиданий. Затем в очень пространной и живой речи он изложил свои суждения по поводу положения католической Церкви в России и Польше, посягательств на её интересы и права, претерпеваемых этой Церковью, духовенством и католиками вследствие мер, одной за другой принимаемых правительством.

Святой Отец выражался сначала легко и многословно и с очень проникновенной интонацией. Его возбуждение возрастало более и более, и голосом, почти прерываемым слезами, он закончил свою длинную речь, говоря, что он не перестал питать искренние чувства уважения и почтения к личности Его Императорского Величества. Но что ему, глубоко удручённому бедами католической Церкви, главой которой он является, было непозволительно отказываться от обязанностей и прав Святого Престола, что такой слабый и немощный старик, как он, не мог претендовать на то, чтобы сравнивать свою власть с властью столь Августейшего монарха. И что у него не было другого средства, посреди беспокойства и страданий, которые его заставляют испытывать печальное положение Церкви, духовенства и католиков в российской Империи, как только суждения и жалобы на нововведения и меры, под которыми он не может ни подписаться, ни обойти молчанием в своём качестве верховного прелата католицизма. Именно это послужило импульсом, увлёкшим его излиться передо мной, чтобы мне дать возможность оценить самые глубокие чувства, не пожелав, тем самым, у меня спросить ответы на различные пункты его речи, —

так посланник живо представил первую реакцию папы на начало переговоров.

Его реакция на излияния папы была следующей. Как он признался, даже при отсутствии намёка папы на желание получить ответ на поднятые им вопросы:

...я не отважился бы тотчас же и с глазу на глаз ответить на столь же настойчивую, как неожиданную краткую речь, тем более что я не совсем понимаю и совсем не говорю на итальянском языке, единственном, которым пользуется папа, хотя он понимает достаточно французский язык, но также не говорит на нём сам.

Бутенев был вынужден, таким образом, «ограничиться несколькими общими заверениями, соответствующими случаю». К ним он только добавил, что рассматривал это прямое излияние Его Святейшества, главным образом, как первый

признак того возвращения доверия, которому ему предписывалось посвятить все его усилия, и как первый шаг к установлению между двумя правительствами отношений, отмеченных лояльностью и примирением. В конце аудиенции посланник просил папу уполномочить государственного секретаря вступить в переговоры с ним¹.

Через несколько дней после этой аудиенции кардинал сказал, что представит вскоре в качестве конфиденциального сообщения резюме речи папы. Со своей стороны, он вновь заверил в личном расположении и предупредительности, с которой готов был принимать объяснения посланника и отвечать на них в соответствии с указаниями папы. Верный своему принципу, он настоял на продолжении письменного способа, уверяя, что прибегал к нему уже неоднократно и что такой обмен письменными сообщениями, особо конфиденциальными, должен был рассматриваться с обеих сторон лишь как составная часть объяснений, никоим образом не официальных, а чисто устных и доверительных. Именно на таком основании он передаст и резюме речи папы по его получении и, в свою очередь, доставит ответные замечания и объяснения посланника.

Вынужденный согласиться на предложенный Ламбрускини путь письменных объяснений, Бутенев, находя его несколько стеснительным, видел в нём и определённое преимущество. По крайней мере, он предоставлял ему возможность доводить прямо до сведения папы свои сообщения и снимал, в некоторой степени, встречаемые им затруднения, как из-за ещё неполного владения предметом, так и недостаточного знания итальянского языка, чтобы надлежащим образом поддерживать деловые беседы непосредственно с папой, как это неоднократно советовал кардинал.

Переданное папой резюме его речи превосходило «горячностью и горечью во многих высказываниях его устную речь». Бутенев не скрыл от кардинала такое впечатление. Он пояснил, что считал для себя невозможным обсуждать, а ещё меньше пересылать своему Двору подобный документ, являвшийся ответом на сделанное им столь благожелательное сообщение. Сделать это он мог, лишь если исходить из того, что Святой Престол хотел с заранее обдуманном намерением отклонить примирительные предложения правительства и не признавать подлинные намерения, их продиктовавшие.

В ответ он услышал, что дело обстояло совсем не так, что его сообщение имело целью предложить резюме речи, адресованной посланнику папой, и он волен поступать с ней, как сочтёт нужным. Тогда Бутенев согласился сохранить её для личного сведения.

При таком положении дел Бутеневу приходилось делать выбор из различных представлявшихся решений. Можно было ограничиться тем, что взять акт этого содержащего возражения ответа, столь неудовлетворительного по форме и по существу, чтобы передать его на суд правительства, либо вступить в бесплодную

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 61, 86–90.

полемику, чтобы опровергнуть ещё раз содержащиеся в нём утверждения. Наконец, не исключалась им и возможность рассматривать эту спонтанную демонстрацию папы, главным образом, с точки зрения предоставляемого ею случая, чтобы безоговорочно и с полной искренностью объяснить относительно общей системы отношений России с Ватиканом. А это означало попытаться носившим отпечаток доверия и лояльности изложением своих убеждений побороться с укоренившимся недоверием Святого Престола, служившим постоянным источником разногласий и язвительности в этих отношениях, а также главным препятствием столь желанному с одной и другой стороны сближению.

По зрелом размышлении, он остановился на последнем решении, которое ему казалось, впрочем, наиболее соответствовавшим намерениям правительства. На основе материала, содержавшегося в корреспонденции от 21 / 9 марта, он составил записку, долженствовавшую служить комментарием и разъяснением по различным пунктам речи папы. Сделав замечания и возражения по каждому из них, он затем приступил к рассмотрению в принципе самых острых вопросов отношений со Святым Престолом, используя почти дословно содержание официальных документов и даже самые конфиденциальные указания своей инструкции, насколько было возможно это сделать, не подвергая опасности никакое существенное соображение. В конце мая эту памятную записку он передал Ламбускини, который обещал её тщательно изучить и довести до сведения папы. Изучение её папой длилось уже более месяца, когда Бутенев (донесение от 15 / 3 июля 1844 г.) писал об этом¹.

Пока посланник пребывал в ожидании результата обдумывания папой переданных ему материалов, неожиданно для него Ламбускини сообщил о согласии папы утвердить аббата Иосифа Летовского епископом-суффраганом в краковской епархии. Бутенев увидел в этом добрый знак².

Летовский был назначен указом императора от 22 / 10 марта 1842 г. на это место, ставшее вакантным после смерти занимавшего его аббата. Дело в том, что епархиальный епископ Скорковский был удалён из епархии по политическим причинам, но в глазах папы оставался номинальным епископом и по правилам латинской Церкви лишь ему принадлежало право представления кандидата на пост суффрагана. Понимая, с какими трудностями в такой ситуации должно было встретиться возведение в сан Летовского в Риме, было решено привлечь к решению вопроса папского нунция в Вене Альтьери. Он согласился стать посредником перед папой. Через довольно большой промежуток времени Бутеневу было поручено выяснить ситуацию вокруг этого вопроса у Ламбускини. Занятый в это время обсуждением общих и более деликатных вопросов, посланник не стал делать его предметом формальной настоятельной просьбы, ограничившись тем, что привлёк внимание

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 91–97.

² Там же. Л. 96.

кардинала к задержке с этим назначением. Поэтому успешное разрешение этого вопроса и стало для него полной неожиданностью¹.

Наконец, кардинал вручил ему составленную под диктовку папы памятную записку, содержащую его соображения по всем без исключения вопросам, поставленным в записке Бутенева. При знакомстве с ней он легко заметил контраст с предыдущим сообщением «тоном полным уважения, почтения и осторожности», отпечаток которых несёт этот документ. Посланник считал, что этот ответ следовало рассматривать «как первый удовлетворительный признак некоторого возвращения доверия со стороны Святого Престола и как довольно искреннюю демонстрацию его расположения к сближению с нами и его желания улучшить наши взаимные отношения, насколько сделать это возможно, в нынешней конъюнктуре». Такое настроение, считал Бутенев, довольно явно вытекало из неоднократного заверения папы, что он всегда был и будет готов принимать во внимание положение императора перед господствующей Церковью, как и перед иностранными культурами, исповедуемыми в Империи. Но он твёрдо надеялся, что и он будет тоже принимать в расчёт трудности и долг, который налагает на Его Святейшество его положение главы католической Церкви. В этой ситуации Бутенев полагал возможным, чтобы принципиальные вопросы и часть претензий могли быть отныне если не преданы забвению или полному молчанию, то, по крайней мере, не возникали при каждом случае, чтобы препятствовать ходу и решению дел менее острых, практического и обязательного характера. В числе таких вопросов на первом месте стояло утверждение Святым Престолом епископов, намеченных императором. В этом отношении папа настаивал на сохранении своего права отвергать предложенный выбор, не предоставляя ясных причин, ссылаясь на то, что поступает так и в отношении католических монархов, формально пользующихся правом назначения на вакантные кафедры. Возможность более удовлетворительного решения этого вопроса посланник связывал с успешным улучшением отношений с Ватиканом. Он пришёл к убеждению, что уступкой, которой Святой Престол особенно дорожит, несомненно, было бы согласие принять его представителя, хотя бы временного, при императорском Дворе. Не берясь предугадывать окончательные намерения на этот счёт правительства, он отмечал благоприятное влияние, которое оказало бы на последующие отношения удовлетворение этого желания. Особенно если бы выбор пал на такое достойное лицо, как, например, монсеньор Капаччини, о котором, как правило, говорят как о человеке «очень способном и преисполненном духа примирения»².

Конкретно такое пожелание, изложенное в донесении от 15 / 3 июля 1844 г., даже при самых благоприятных условиях не смогло бы осуществиться, ибо позднее,

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1844. Оп. 475. Л. 83–86.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 98–100.

в депеше от 24 / 12 апреля 1845 г., порадовавшись возведению Капаччини в кардинальский сан, Бутенев 26 / 14 июня сообщит о его смерти 15 июня¹.

В начале августа в С.-Петербург поступила корреспонденция Бутенева о проведённых переговорах. Николай I остался доволен их ходом, о чём Бутеневу сообщил замещавший Нессельроде (он был в отпуске) И.И. Воронцов-Дашков, предупредив, что к предмету его донесений смогут вернуться лишь по возвращении министра². Как покажет будущее, не только по этой причине было решено не форсировать переговоры.

Из четырёх депеш от 9 ноября / 28 октября следовало, что, объяснившись через Бутенева со Святым Престолом по щекотливым, считавшимся неразрешимыми вопросам, в С.-Петербурге льстили себя надеждой, что они окажутся, в значительной степени, устранены из обсуждения. А далее здесь предпочитали придерживаться выжидательной позиции, лишь по возможности заниматься решением практических проблем. Отдавая себе отчёт в необходимости соблюдения при этом крайней осторожности и осмотрительности, Бутеневу предписывалось ограничиться обсуждением лишь вопроса о возведении в епископский сан. Мотивировалось это тем, что он был жизненно важен для католического духовенства России и Польши, к тому же чрезвычайно часто возникал и в установлении постоянного и стабильного способа решения его были заинтересованы оба Двора. При этом приходилось считаться и с хорошо известным фактом, что всякий раз, когда римский Двор хотел выдвинуть упреки в адрес иностранного государства, он начинал борьбу именно с отказа в канонических назначениях. Россия не составляла исключения. Правда, в прошлом никогда (за исключением единственного случая, имевшего место в 1817 г., однако не повлёкшего за собой отмены прерогативы светской власти назначать кандидатов на вакантные епископские кафедры) римский Двор не оспаривал сделанные российскими монархами назначения. По существу, лишь со времени появления алокуции от 22 июля 1842 г. папа начал ставить препятствия обычному, традиционному ходу дел. Императорское правительство, с одной стороны, в Риме упрекали в сохранявшихся вакансиях католических кафедр, с другой — либо с большим опозданием осуществляли назначение епископов, либо вообще отвергали предложенные кандидатуры. Тогда российская сторона изложила принципы, которыми руководствовался император при выборе кандидатов: им выдвигались лишь лица, по его глубокому убеждению самые достойные и одновременно способные. Отклоняя их, Святой Престол тем самым ставил императора перед тягостной альтернативой: или оставить церкви без пасторов, или идти против своих убеждений, назначая лиц, на его взгляд менее достойных этого высокого отличия. Поэтому Бутенев должен был оповестить Святой Престол, что в случае отклонения предложенных кандидатов императору будет трудно

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 278, 296.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 119. Л. 51.

представить к назначению новых лиц, разве что папа примет на себя обязательство во втором случае посвятить всех кандидатов.

В ответ последовало заявление о невозможности предоставления подобной прерогативы монарху, исповедующему иную религию, в то время как правом назначения в таком объёме не пользовался никогда даже ни один католический монарх.

Напоминалось, что Бутенев должен был ясно изложить папскому правительству принципы, которыми руководствовался император в выборе кандидатов на епископское звание. Ламбускини им была передана направленная ему в ноябре 1843 г. по этому поводу депеша, обращавшая внимание Святого Престола на опасность создать для католической Церкви нехватку священников.

В С.-Петербурге были немало удивлены ответом кардинала Ламбускини от 5 января 1844 г.

В нём утверждалось, «что длительная вакансия Церкви вовсе не является мотивом, который позволил бы Его Святейшеству их наделить лицами, которых Он не считает достойными», и что он считал себя исполнившим его долг, «если, после того, как сделал всё возможное для нужд доверенных ему Богом Церквей, обстоятельства ему помешали сделать больше».

В такой ситуации император решил прекратить предписанные миссии демарши в пользу двух кандидатов на епископское звание (прелатов Иоанна Гинтилло и Рава — соответственно в суффраганства в Самогитие и в минской епархии), выдвинутых им и отвергнутых папой.

В С.-Петербурге надеялись,

...что столь очевидная уступка обяжет, наконец, римский Двор принять без возражений новый выбор императора. Но, вместо такого рода заверений, Ватикан ограничился тем, что неоднократно отстаивал исключительную компетенцию выносить решение о признании, не указывая ни на малейшую возможность, малейшую гарантию, могущую позволить императорскому правительству рассчитывать на прямое одобрение, со стороны Святого Престола, выбора будущих кандидатов, для которых мы запросили бы канонического утверждения.

Очевидно, полагал министр, что император не смог бы подвергать себя новым отказам. Поэтому следовало просить папу указать средство, к которому следует прибегнуть. Ибо полагали, что епископский вопрос можно было бы разрешить, если бы удалось его поставить на почву, где канонические требования не наталкивались бы на прерогативы светской власти. Выражая эту идею, намекали на соглашения, заключённые с другими государствами, управляемыми не католическими монархами и которые, будучи приведены в соответствие с особыми потребностями России, возможно, представили бы удовлетворительный выход. Но, опасаясь с самого начала переговоров по этому вопросу натолкнуться на недоверие, было важно его устранить. А для этого следовало выяснить у папского правительства предварительно, какого рода помощь «оно нам окажет, приняв на себя инициативу

предложений, которые могло бы нам сделать, чтобы защитить епископский вопрос от превратностей в будущем», — говорилось в главной депеше от 9 ноября / 28 октября. Бутеневу надлежало выяснить отношение Святого Престола в целом к этому предложению¹.

Следует отметить, что на начальном этапе переговоров определённый вклад в их ход был внесён добровольно, а возможно, в качестве неофициальной миссии, частным лицом. Им был немецкий барон Август фон Гагстаузен, известный экономист и социолог. В период с апреля по октябрь 1843 г. он провёл в России аграрное обследование, изучал соответственно положение собственников и крепостных по получению полномочий от Николая I и П.Д. Киселёва, тогда министра государственных имуществ, в связи с подготовкой проекта об отмене крепостного права.

В С.-Петербурге он встречался с императором и влиятельными при Дворе лицами. Происходя из старинной вестфальской семьи, тесно связанной с римско-католической Церковью, в беседах с ними он интересовался вопросом о положении католической Церкви в России и смог составить своё представление о подлинном настрое императора в отношении неё и относительно способа удовлетворить справедливые жалобы папы.

Вернувшись в Германию, он решил всем этим поделиться с нунцием в Вене Альтьери. Уклонившись от признания того, что был уполномочен на встречу с ним, однако он ясно дал понять, что всё сказанное им было ему внушено в С.-Петербурге, чтобы убедить Рим, при посредничестве Альтьери, что самодержец был бы очень расположен в пользу католиков, если бы удовлетворили его просьбы. Барон поведал о двух партиях, дающих советы императору. Крайняя партия считает, что нужно путём полной ассимиляции уничтожить польский национализм в областях, присоединённых во времена Екатерины II. Этому имеются два препятствия: знать и католицизм. Пока сохранялась бы эта двойная поддержка, политическая и религиозная, никогда не покончили бы с полонизмом. Другая партия, более умеренная,

...была в нерешительности перед этим огромным разрушительным предприятием, которое ей казалось по существу химерическим, особенно что касалось религии. Даже если удастся ослабить духовенство и уменьшить его число и влияние, католицизм не станет менее укоренённым в народе... Лучше, следовательно, идти по пути милосердия, отказаться на будущее от всякого преследования знати, проявлять знаки глубокого уважения и возрождать, по мере возможности, католическую религию, которая повсюду в Европе служит заслоном против революции.

Такие, менее радикальные, взгляды преобладали в данное время в С.-Петербурге, по крайней мере среди большинства членов Совета министров. Сторонником

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 186. Л. 429–431, 425–426; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 598. Л. 185–189; Д. 630. Л. 216–219; Ф. Отчёты МИД. 1844. Оп. 475. Л. 139.

более умеренных мер был наместник в Царстве Польском, выступавший даже за мирное урегулирование церковных дел. Император, до этого следовавший внушениям партии борьбы не на жизнь, а на смерть, после поездки в Рим тогда министра народного просвещения С.С. Уварова, казалось, проникся идеями мира и примирения. Он хочет урегулировать дела католической Церкви согласно требованиям канонического права, а значит, заключить соглашение с папой, который дал бы все возможные гарантии, что в будущем польское духовенство было бы лояльно объединено вокруг династии Романовых. Император, со своей стороны, покровительствовал бы Церкви, он бы её вновь одарил согласно её нуждам, он уважал бы связи, соединявшие её со Святым Престолом, и даже старался бы их укрепить и упрочить. Таковы были главные принципы желаемого соглашения. Но было ещё условие *sine qua non*, т. е. без которого нечего ожидать: нужно, чтобы Рим предварительно отказался от требования возвращения униатов, перешедших в православие. Закончил Гагстхаузен словами: «Если не захотят в некоторой степени абстрагироваться от греко-униатов, бесполезно ожидать, что император согласится улучшить судьбу латинян».

Альтъери встретил холодно сообщение барона. Из услышанного он сделал вывод, что для Николая I вопрос об униатах ещё не был решён и был причиной крайнего беспокойства¹.

Изложенное Альтъери барон повторил и Меттерниху, которому также не пояснил, выполнял ли он поручение, но дал ясно понять, что хотел бы, чтобы была угадана тайная причина его приезда в Вену.

Пока Альтъери ещё только писал донесение об этой беседе, Гагстхаузен направил записку в Рим «О положении католической Церкви в бывшей Польше». В ней, отмечал видевший её Буду, судя по донесению Альтъери, он обобщал сказанное в Вене². Не имея возможности ознакомиться ни с донесением Альтъери, ни с запиской Гагстхаузена, трудно оценить, насколько верными были выводы, сделанные бароном из его бесед в С.-Петербурге, но, несомненно, полученная от него информация была полезна для определения папской стороной позиции на переговорах, начавшихся в Риме тем временем.

Как 26 / 14 января 1845 г. писал Бутенев, по получении корреспонденции от 9 ноября / 28 октября он поспешил исполнить содержащиеся в ней указания. Он зачитал Ламбрускини главную депешу, слегка изменив в ней некоторые

¹ Судя по содержанию донесения Альтъери в изложении Буду, весьма произвольным выглядит заключение немецких историков о том, что барон во время этой поездки выработал свой взгляд на возможность объединения Церквей. Для этого папа должен был отказаться от прежней униатской Церкви в обмен на улучшение положения латинской Церкви в России и усиление её зависимости от Святого Престола, а это создало бы условия для объединения двух Церквей (цит. по: Винтер Э. Указ. соч. С. 277).

² Boudou A. Op. cit. T. I. P. 390–394.

показавшиеся ему обидными выражения, чтобы не возбуждать словесной дискуссии и необоснованного недоверия. Кардинал слушал «с глубоким вниманием, выказывая время от времени одобрение и явное удовлетворение». По окончании чтения он попросил его копию или выдержку для папы. Не предвосхищая суждения папы, в ответ на просьбу посланника высказать своё личное мнение он поделился такими соображениями:

Важный епископский вопрос мог бы быть избавлен от большей части трудностей, его сопровождающих, по принятии способа, который он мне уже указывал при наших прежних встречах, в качестве практикуемого католическими монархами в подобных случаях. А именно: предварительно и конфиденциально договориться со Святым Престолом относительно выбора кандидатов в епископат, прежде чем производить обнародование их окончательного назначения. Этот способ был принят даже державами, облечёнными Святым Престолом правом назначения епископов, чтобы избежать неудобства отказа канонического возведения в сан, который имел место в отношении кого-нибудь из их выбора.

Затем, улыбаясь, он добавил, что Святой Престол никогда не признавал это самое право назначения за монархами России, но только терпел его осуществление не больше, чем в отношении других не католических монархов, назвав поимённо Пруссию.

Бутнев не счёл ни уместным, ни достаточно обоснованным с его стороны оспаривать ограничение, в принципе выдвинутое кардиналом относительно права назначения императорским правительством, которым он просто констатировал традиционный обычай. Впрочем, он припоминал, что видел (просматривая бегло корреспонденцию Италинского за 1817 и 1818 гг.), что в то время, несмотря на очень близкие и удовлетворительные отношения между двумя правительствами, вопрос о праве назначения рассматривался кардиналом Консальви приблизительно с той же точки зрения, что Ламбрускини. И тогда Александр I благоразумно решил не настаивать на определённо выраженном признании этого права в принципе, а вновь поставить на обсуждение применение его на деле. Но, выражая благодарность кардиналу за эти конфиденциальные разъяснения о способе решения проблемы, Бутнев заметил, что указанное средство не помогло бы полностью устранить продолжительную вакансию, так как исключение кандидата, конфиденциальное или подлинное, но без ссылки на причины, лишь затягивало бы промедление и колебания, о сокращении которых шла речь. Кардинал согласился, что отсрочка продолжала бы, тем не менее, существовать, но с точки зрения морального воздействия имелась значительная разница между отказом, формально произнесённым Святым Престолом, и исключением, высказанным в условиях близких отношений предварительного и секретного согласия двух кабинетов. Он также обратил внимание на ту выгоду предложенного им средства, что оно позволяло избежать огласки, а тем самым не дать повода для недоброжелательных

интерпретаций, направленных на обострение дел, даже самых ясных по их характеру. Что касалось необходимости изложения причин исключения, он утверждал, что никогда Святой Отец не соглашался их сообщить католическим монархам из-за того, что их источником были его совесть и его обязанности в качестве главы Церкви. По поводу упомянутого им примера Пруссии кардинал дал такие разъяснения. Выбор кандидатов в епископы в полном соответствии с каноническими положениями осуществлялся там капитулами, по молчаливому согласию, насколько возможно, применявшимися к замыслам короля, который затем выбирал из списка, состоявшего из двух или трёх кандидатур, предложенных капитулом. После того как выборы прошли таким способом, Святой Престол не имел больше затруднений их санкционировать в обычной форме.

После ещё нескольких бесед, позволивших углубить понимание вопроса, Бутенев конфиденциально, по желанию кардинала, передал выдержку, почти текстуальную, из депеши от 9 ноября / 28 октября¹.

Письменный ответ на неё был продиктован лично Григорием XVI и был вручён 18 / 6 января 1845 г. в форме конфиденциальной памятной записки без даты и подписи. В ней отмечалось, что конфиденциальное сообщение Бутенева в виде депеши Нессельроде от 9 ноября / 25 октября 1844 г. вызвало удовлетворение Святого Престола, «поскольку показывает, что императорское правительство признаёт лояльность и дух примирения, с которыми Святой Отец действует в российских делах».

Опровергалось утверждение, что после аллокуции 22 июля 1842 г. Святой Престол якобы относился к рекомендованным императором кандидатам иначе, чем в предшествовавшее время, а это не оставляло императору никакой гарантии, что, предлагая новых лиц, он не подвергнет своё достоинство новым отказам. Пояснялось, что при самом внимательном отношении к желаниям императора Святой Престол не мог признать за ним право назначения, в собственном смысле этого слова, потому что никогда его не уступал никому, кроме католических монархов. Ещё больше, чем уступить подлинное право назначения, значило бы подтвердить назначение без рассмотрения какого-либо кандидата, предложенного светской властью. На такую уступку Святой Престол никогда не мог пойти даже монархам, имевшим право назначения, ведь судить о том, кто был бы достоин апостольского поручения, было святым долгом верховного главы Церкви. Затем в записке приводились примеры, в том числе и недавние, об отказе папы в утверждении назначений католических монархов. Наконец, утверждалось, что подобных примеров в отношении России было достаточно во времена, предшествовавшие аллокуции 1842 г. Имели они место и после её появления, но, как только папа мог «некоторым образом гарантировать свою совесть, он с большим удовольствием спешил поддерживать решение императорского кабинета». В качестве примера приводился случай

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 201–204.

с отказом, хотя и не по личным причинам, в 1818 г. в возведении в сан митрополита монсеньора Булгака, которому было предоставлено исполнение полномочий митрополита лишь до нового предписания. До аллокуции в 1842 г. был устранён Гинтилло из самогитской епархии. После 1842 г. были предложены пять кандидатов — Любинский, Голдман, Котовский, Рава и Летовский (он должен был стать простым администратором российской части краковской епархии с титулом епископа *in partibus*). Трое из них получили одобрение, одному было отказано, а от Рава ожидали ответ на посланное ему письмо.

В записке выражался призыв пользоваться способом католических монархов, предусматривавшим предварительное, до предания гласности, согласование кандидатур со Святым Престолом. Затем следовало замечание, что трудность найти достойных для назначения в епископат лиц проистекала из-за законов, в том числе и недавно принятых, о консисториях, приходских церквях, семинариях и по другим церковным вопросам, из-за которых лучшие представители духовенства чуждаются обязанностями, которые слишком бы тревожили их совесть. А что касалось поведения папы, оно зависит не от его воли, желания, а от совести и неизменных правил Церкви¹.

Из полученных от Святого Престола в последнее время эта записка представлялась Бутеневу во многих отношениях «одной из самых примечательных и даже самых благоприятных». Примечательной, пояснил он, «особенно, почтительным и любезным тоном и осмотрительностью, полной предосторожностей, но не лишённой значительных намёков, которые её характеризуют». Что касалось епископского вопроса, посланник отмечал, что папское сообщение лишь воспроизводило и подкрепляло от имени папы слова и аргументы Ламбрускини, приведённые во время предварительных и конфиденциальных бесед, развивая их и пытаясь отклонить ссылками на факты и даты некоторые из утверждений депеши от 9 ноября / 28 октября. Особо он остановился на способе решения этого вопроса путём достижения предварительного и конфиденциального согласия относительно выбора кандидатов, указанном римским Двором. Он обратил внимание на то, что он предлагал, таким образом, «вступить не только на тот самый путь, который, по его утверждению, оказался уже принят католическими державами, но, можно сказать, что Святой Престол призывал вернуться именно на путь, которого полностью придерживался императорский Двор». О нём было ясно заявлено в депеше министерства от 8 июня / 27 мая 1837 г., переданной Кривцовым Ламбрускини для ознакомления с ней папы. Ведь ему предписывалось

...конфиденциально довести до сведения папского правительства выбор епископов, намеченных тогда в полном соответствии пути, которому следовали в подобных случаях. Согласно форме, закреплённой прецедентами (говорится в той

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 213–215.

же самой депеше) Святой Престол всегда был конфиденциально извещён заранее о подобном выборе до обнародования указа о назначении, и император желает, чтобы следовали бы по такому же самому пути в отношении римского Двора, чтобы дать новое доказательство уважения, которое имеет удовольствие ему продемонстрировать.

Отсутствие в ответе папского правительства ссылки на эти прецеденты, имевшие место сравнительно недавно, Бутенев относил за счёт предосторожности и крайней осмотрительности, отпечаток коих носило это сообщение. Он отметил также, что не упомянул о них и Ламбускини, когда посланник благодарил за то, что он предупредительно передал ответ до отбытия курьера¹.

Предложенным Святым Престолом способом действовать при назначении епископов так, как поступают католические державы (до предания гласности официального назначения предварительно и конфиденциально договориться со Святым Престолом относительно выбора кандидатов, намеченных на получение епископского сана), в С.-Петербурге были довольны. Это подтвердило, в частности, то, как отреагировали на замечание Бутенева, когда Ламбускини сообщил ему об этом способе. Тогда дипломат не преминул заметить, что он далеко не полностью отвечал поставленной цели — оградить епископский вопрос от всяких случайностей на будущее ввиду того, что отклонение кандидатур, будет ли оно конфиденциальным или публичным, могло оставить церкви без пасторов.

Признавая справедливость этого замечания, в российском дипломатическом ведомстве посчитали, что нельзя было, тем не менее, не признать, что, с точки зрения моральных последствий отказ, сделанный в официальной форме, и предложение, отклонённое при предварительном и тайном обсуждении, представляют значительную разницу, устраняя такое серьёзное неудобство, как общеизвестность, открывавшее поле для недоброжелательных интерпретаций².

Что касалось оценки письменного ответа на начинание Бутенева, на Неве считали, что папское правительство осталось верным вековой тактике настаивать на однажды выдвинутых претензиях, к чему, впрочем, были готовы, понимая, что оно не могло отказаться от своих слов, не скомпрометировав себя. Было очевидно, что памятная записка Святого Престола по существу не отличалась от его предшествующих заявлений, но резко контрастировала с ними своей уважительной и сдержанной тональностью, служившей первым указанием на возвращение некоторого доверия. Симптомы расположения к сближению увидели, в частности, в заверениях от имени папы, что он всегда был и будет готов принимать во внимание долг императора перед господствующей Церковью и иностранными культурами, исповедуемыми в России и Польше, полагая, что он, в свою очередь, будет считаться

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 205–206.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1844. Оп. 475. Л. 78–80.

с долгом, вменяемым папе его апостольским служением. Главная цель, как её воспринимали в С.-Петербурге, оказалась достигнута:

...объяснились откровенно и без оговорок с одной и другой стороны; позиция оказалась ясно обозначена и нам позволила надеяться, — говорилось в отчёте министерства иностранных дел за 1844 г., — что значительная часть претензий, выдвинутых нам Святым Престолом, если не предана забвению или полному умолчанию, по крайней мере, она больше не будет подниматься при всяком случае, чтобы помешать ходу и решению текущих дел¹.

В конце 1844 г. завершились переговоры с Курией и по вопросу об аннатах. Их первым этапом было решение этого вопроса применительно к архиепископам и епископам в 1842 г. Теперь речь шла о размере таксы за буллу о возведении в сан епископов-суффраганов и епископов *in partibus*. В ходе переговоров российская сторона согласилась на увеличение таксы в размере, предложенном папской датерией. Увеличенная на 100 экю, она составляла 190 экю для двух этих категорий епископата в России и Царстве Польском. Даже после увеличения она оставалась меньше, чем в других при этом католических странах. Так, например, во Франции она составляла 300 экю. Новое соглашение, дополнившее положения об аннатах, достигнутые в 1842 г., было теперь оформлено обменом официальных нот. При этом если соглашение 1842 г. было заключено лишь применительно к Царству Польскому, то в окончательном виде оно распространялось и на Империю².

В конце 1844 г. Святой Престол поднял вновь вопрос об армянских католиках.

Дело в том, что весной 1839 г. правительством было принято предложение министерства внутренних дел о восстановлении армяно-католического епархиального управления в России и о назначении способных его осуществлять сановников. Конкретно предлагалось поручить заведование армяно-католической Церковью в Подольской губернии, в качестве епископа, канонику Николаю Мошоро, а находившегося в Тифлисе архимандрита этого обряда Павла Шагулова назначить его суффраганом с правом преемства. Об этом говорилось в письме от 12 / 6 мая 1839 г. Николая I Павловскому и выражалась просьба связаться по поводу посвящения их с львовским армяно-католическим архиепископом, как это делалось и прежде³.

19 / 7 сентября 1839 г. управляющим министерством внутренних дел А.Г. Строгановым была направлена Нессельроде записка по поводу состояния управления на тот момент и обоснования принятого решения. Из него следовало, что 19 / 7 ноября 1810 г. указом императора, по представлению Сестренцевича, который

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 51. Л. 140–141; Отчёты МИД. 1844. Оп. 475. Л. 74–75.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1844. Оп. 475. Л. 83–86.

³ Там же. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 550. Л. 10.

считал, что в силу различия обрядов богослужения, языка и невозможности рукоположения армяно-католических священников латинским епископом была создана особая епархия для всех проживавших в России армян римско-католического исповедания. Для управления ею был назначен епископ Иосиф Криштофович, возведенный в этот сан указом императора на имя Сестренцевича, и посвящён он был львовским армяно-католическим архиепископом. Его кафедра должна была находиться в Могилёве, а при ней — консистория и шесть каноников. Такое управление сохранялось до 1822 г., до смерти её администратора Вартерисовича. И он и Криштофович управляли лишь семью церквями в Подольской, Таврической и Астраханской губерниях, потому что в Новороссийской губернии и в Кавказской области уже имелись католические священники, а церкви Закавказья были в ведении римско-католической Коллегии, которая сама ходатайствовала о восстановлении епархиального управления этого обряда с кафедрой епископа в Тифлисе. Большая часть армяно-католических приходов находилась в Грузии, Кавказской и Закавказской областях. Ими заведовали миссионеры Пропанды веры. После присоединения к России Ахалцихской области, где армяно-католическими церквями управляли тоже миссионеры, и переселения лиц этого исповедания из Арзерума число их увеличилось. Находя такое положение «неподчиняющимся общему порядку управления, совершенно несовместимым и противным государственному благоустройству», местное начальство сочло необходимым заменить их духовными лицами, бывшими российскими подданными. Поэтому в римско-католической Духовной академии в Вильно было открыто специальное отделение для подготовки детей армян-католиков, посвятивших себя духовному званию. Подготовка же их священниками из миссионеров сопряжена была с большими трудностями: сначала они должны были отправиться в Тифлис к префекту миссионеров для испытания, а затем ехать для посвящения в Персию, в Салмас, или в Турцию, в Мердин и Константинополь, где были армяно-католические епископы.

Кроме различия между армяно-католическим и римско-католическим исповеданиями, на которое указывало римско-католическое начальство, в записке говорилось о том, «что в IV столетии армяно-католикам дан от армянского патриарха Св. Григория» устав, в котором определены часы для молитвы, литургия, облачения и другие обряды, а готовившимся принять духовный сан до получения звания и в звании иподиакона разрешалось вступать в брак.

Во времена турецкого владычества ахалцихская епархия подчинялась константинопольскому армяно-католическому примасу, духовное влияние которого после Адрианопольского мира сохранилось лишь на оставшуюся в Турции часть епархии. Но поскольку по армяно-католическому обряду право освящения Св. Елея (миро)¹ принадлежало одному епископу, то константинопольский

¹ Миро — ароматный состав на основе елея (растительного масла, чаще — оливкового), используемый в некоторых христианских обрядах.

епископ посылал ежегодно св. миро для Закавказского края в Тифлис префекту миссионеров, а потому простирали свою власть на ахалцихскую епархию и переселенцев из Арзрума.

По этим причинам министерство внутренних дел предлагало восстановить предложенное указом 7 ноября 1810 г. армяно-католическое управление, доверив его назначенному и посвящённому епископу, кафедра которого будет находиться в Тифлисе, с намеченным числом кафедральных членов. При ней учредить семинарию. Оно должно было заниматься всеми духовными делами, церквями и духовенством армяно-католического обряда в России и занимать равное положение с латинскими епархиальными управлениями в римско-католической Духовной коллегии и митрополии этого исповедания в России. На армяно-католиков распространялся порядок сношения римских католиков с главой их Церкви.

Наиболее подходящей кандидатурой на пост армяно-католического епископа главное управление Закавказским краем считало архимандрита Шагулова, родом из Ахалциха. Но опасались, что удаление миссионеров Пропананды из Закавказья, в случае их неподчинения устанавливаемому армяно-католическому управлению, предложение кандидатуры из местных армяно-католических духовных лиц могло бы создать трудности получению папской буллы на его посвящение в сан епископа. Поэтому министерство внутренних дел предлагало возвести в сан епископа с 1822 г. управлявшего армяно-католическими церквями в Подольской губернии каноника Мошоро, так как до отъезда в Грузию он мог быть посвящён в епископы львовским армяно-католическим архиепископом, без сношения с римским Двором, как это было с Криштофовичем. К тому же он имел опыт управления церквями. А Шагулова назначить суффраганом с правом преемства. По поводу этих назначений Павловскому предлагалось снестись с львовским армяно-католическим архиепископом. Если же он затруднится сделать это от себя, ходатайствовать об этих буллах у римского Двора. На содержание Мошоро определялось в год 3 тысячи рублей серебром, на суффрагана — 1 тысяча, на семинарию — 3 тысячи.

Эти меры предполагалось приводить в исполнение постепенно, а чтобы преждевременно в Закавказье не стало известно об этих назначениях, это было сделано указом императора от 18 / 6 мая на имя Павловского. Запрошенный им об этом львовский армяно-католический архиепископ сообщил, что не мог рукополагать Мошоро без предварительного разрешения папы, а по его получении готов был совершить этот обряд. Что касалось Шагулова, он считал, что после его посвящения Мошоро сам сможет посвятить его.

В такой ситуации Строганов просил Нессельроде поручить миссии в Риме ходатайствовать о посвящении Мошоро¹.

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 550. Л. 4–9.

Это указание было исполнено передачей Ламбускини памятной записки от 5 января 1842 г. /24 декабря 1841 г., фактически повторявшей записку Строганова. Она заканчивалась просьбой о назначении Мошоро и Шагулова¹. Павловский обратился к папе письмом от 22 / 10 июля 1841 г. и о них, в числе ряда посвящений².

Поскольку из С.-Петербурга торопили с ответом, Кривцов (донесение от 3 мая / 21 апреля 1842 г.) в очередной раз поднял этот вопрос перед Ламбускини. Кардинал объяснил, что задержка с ответом связана с тем, что Святой Престол не мог действовать «необдуманно в таком важном деле», что оно рассматривается Пропагандой веры, а затем по нему будет принято решение папой³.

Ответ Святого Престола был изложен в памятной записке Ламбускини от 28 / 16 июля 1842 г.

В ней подробно излагалась предыстория вопроса. До разделов Польши европейские армяне находились под духовным управлением леопольского армянского епископа, бывшего одновременно епархиальным епископом армян Подолии и апостольским делегатом армян России. В начале XIX в. леопольский архиепископ Симонович объяснил Святому Престолу, что политические изменения, произошедшие в этих областях, сделали невозможным продолжение там его юрисдикции и что не мог её там осуществлять и моголиевский митрополит Сестренцевич, потому что при создании митрополии её юрисдикция ограничивалась одними католиками латинского исповедания. Он просил поэтому дать армянам отдельного пастора. Святой Престол на это согласился бы, если бы управление армянами оставалось совершенно обособленным по причине отличия их обряда от латинского. Но Сестренцевич претендовал на зависимости от латинской митрополии армянского епископа, который был бы назначен в Подолию, так как вместо звания латинского митрополита, данного ему Святым Престолом по просьбе Екатерины II, он присвоил себе незаконно звание католического митрополита.

Поэтому, чтобы избежать этих притязаний и позаботиться о продолжении законной юрисдикции в отношении армян, прибегли к изданию буллы от 22 марта 1809 г. о назначении апостольским викарием всех армян России, в прошлом находившихся в зависимости от леопольского архиепископа, Криштофовича в звании армянского епископа *д'Арко in partibus in fidelium*.

Только в период его управления (1809–1816 гг.) армяне европейской части России с тех пор, как были отделены от юрисдикции леопольского архиепископа, имели духовное управление, осуществляемое законно. Никто из его преемников такого права от Святого Престола не получал.

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 550. Л. 19–24.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 31–33.

Напротив, среди армян Грузии законное управление никогда прервано не было благодаря их зависимости не от константинопольского армянского примаса (до 1830 г. его не существовало), а от конгрегации Пропagationды веры. Было неизвестно даже, существовал ли когда-нибудь католический епископ в Ахалцихе, что, как казалось, предполагала памятная записка российской миссии. Но Святой Престол прямо управлял этой Церковью посредством своих делегатов, которые спокойно там пребывали под различными светскими названиями, следуя один за другим. Таким образом, отсюда не могла проистекать опасность того, чтобы верующие армянского исповедания были лишены священнослужителей собственного исповедания. На деле могло оказаться, что там имелось несколько латинских священников для обслуживания латинских верующих среди грузин, тем не менее известно, что в 1839 г. в различных миссиях в Грузии насчитывалось 39 армянских и только 6 латинских священников. Следовательно, формирование нескольких сект, подобных той, о которой говорилось в памятной записке миссии, конечно, было не следствием отсутствия духовной власти, высшей и законной. Потому что единственная реальная опасность, которую необходимо было бы устранить в этой провинции, — это трудность назначать новых пасторов по причине отсутствия священнослужителя, облечённого епископским саном. И она будет сохраняться, пока обучение молодых священников будет происходить не на месте, а в Вильно. Это неудобство ещё усиливается в связи с тем, что сам епископ, пребывая в Тифлисе, должен управлять церквями Подолии, как и Церковью Грузии. Покончить с таким положением позволило бы учреждение двух папских викариев, облечённых епископским саном: одного — в Подолии в соответствии с буллой 1809 г., другого — в Тифлисе вместо делегатов Святого Престола, которые не имели епископского сана.

Предпочтение, отдаваемое папским викариям перед епархиальными епископами, объяснялось постоянно соблюдаемым правилом: прежде чем учредить епархию и назначить в неё штатного епископа, нужно, чтобы составлявшее её население прочно обосновалось. Это было трудно сказать об армянах Грузии, которые недавно стали там образовывать новые поселения, эмигрируя из родных областей, принадлежащих Турции, и оставалось неясно, как они затем разместятся по обширной стране и где окажется их больше всего.

Кроме того, при первых шагах недавно ставшего христианским народа очень часто возникает необходимость отступать от обычных правил епархиального управления. Святой Престол не мог передать полностью власть в руки епископа, поскольку святые каноны требуют, чтобы такая власть была бы сохранена непосредственно за папой. Поэтому для такого рождающегося христианского народа лучше подходит учреждение управления папского викария, которому можно предоставить более широкие полномочия по причине того, что он управляет от имени и вместо самого Святого Престола.

По этим причинам Святой Отец считал, что лучшим средством обеспечить благополучие армян и покончить с существующими неудобствами, не создавая

новых, более серьёзных, было учреждение двух викариев. Что касалось выбора лиц, предназначенных выполнять эти функции, папа не преминет принять во внимание пожелания императора всякий раз, когда это будет отвечать долгу его совести. По поводу двух лиц, названных в памятной записке императорской миссии, будет начат сбор сведений, поскольку пока о них ничего не известно¹. Эти предложения папской стороны тогда остались без результата.

11 декабря 1844 г. Ламбрускини вручил Бутеневу ноту, содержащую решительный протест Святого Престола против некоторых постановлений правительства в отношении латинских и армянских католиков Грузии. Из неё следовало, что несколько месяцев тому назад депешей министерства внутренних дел отцу Дамьяно, префекту старейшей миссии в Грузии, было предписано покинуть территорию Империи, поскольку миссионеры «неоднократно не сдерживали некоторые обещания, которые от них требовались». Они же не могли пойти на это, «не нарушая долга, связанного с их положением, поэтому, если бы настаивали на этом предписании, эта миссия очень быстро прекратила бы своё существование». Папа надеялся, что император прикажет, чтобы этих духовных лиц оставили в прежнем положении и не принуждали давать обещания, несовместимые с их долгом.

Никаких сведений об этих «обещаниях» в ноте не содержалось.

Вторым предметом глубокого огорчения папы послужило известие о запрете тем же предписанием миссионерам вмешиваться в дела армянских католиков, а также о передаче священнику Шагулову (в ноте он неверно назван Шагульанти или Шагулави) духовного управления всем католическим духовенством Закавказья. По этому поводу было замечено, что именно этим миссионерам и особенно их префекту принадлежит духовная забота не только о католиках латинских, но также и армянских, проявляемая, однако, таким образом, чтобы не мешать оказанию им помощи священниками их исповедания, как это было до этого времени. В подтверждение этого ссылались на указание «барона-начальника» от 18 марта этого года, направленное в ахалцихское управление из Тифлиса. В нём прямо признавалось, что армяне Грузии столетия находились под духовным управлением начальника этих миссионеров и от него же зависели также армяне Ахалциха и после присоединения его к Империи. Более того, в этом указании особо отмечалось явное и упорное неповиновение Шагулова высшей духовной власти.

В этой связи высказывалось предположение, что правительственный указ вышел до получения постановления, принятого в Тифлисе. Надеялись, что не будет допущена несправедливость. В то время как начальнику миссионеров было запрещено исполнять канонически доверенные ему полномочия, Шагулову было позволено руководить духовной жизнью армян не только Ахалциха (где он имеет

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 232–238; Там же. Д. 550. Л. 39–45.

полномочия, отменяемые его начальником по своему усмотрению), но также армян Грузии, относительно которых он никогда не имел никаких полномочий.

Папа меньше всего мог предвидеть подобные постановления, поскольку этому вопросу была посвящена записка, переданная Кривцову 28 / 16 июля 1842 г., и оставались незаконченными переговоры по нему с императорским правительством. В записке было изложено предложение о назначении постоянного викария армянского исповедания с местом пребывания в Тифлисе, который принял бы под своё духовное попечение всех армян-католиков русских областей Азии, и о восстановлении другого папского викариата, учреждённого ещё в 1809 г. для армян-католиков европейских областей России. После исполнения такого проекта армяне больше не зависели бы от латинской миссии, а имели бы церковного начальника собственного исповедания. Теперь прежнее предложение официально возобновлялось Ламбрускини¹.

В устных объяснениях кардинал сказал Бутеневу (донесение от 26 / 14 января 1845 г.), что внимание папы к этому вопросу привлёк доклад конгрегации Пропagationды веры, поддерживавшей переписку с миссионерами всех стран. Понтифик настойчиво просил кардинала добиться восстановления в Грузии и Закавказье прежнего порядка вещей как в отношении миссионеров, так и юрисдикции и духовного управления армян-католиков.

В ответ посланник, сославшись на то, что ничего не знал об изложенных в ноте фактах и не имел возможности оспорить степень их достоверности и точности, заявил, что может принять эту официальную ноту лишь *ad referendum*, чтобы передать правительству и затем сообщить его решения папскому кабинету².

Пересылая в С.-Петербург эту ноту по поводу конкретного дела, он обратил внимание министра на возвращение в ней к важному общему вопросу о создании в Грузии армянской католической епархии. После обсуждения его в 1842—1843 гг. между миссией в Риме и Святым Престолом, спровоцированного предложениями соглашения с российской стороны, последовали контрпредложения с папской стороны, остававшиеся с того времени без какого-либо результата и ответа. Эти контрпредложения были изложены в памятной записке Ламбрускини от 28 / 16 июля 1842 г., переданной Департаменту внутренних дел министерства иностранных дел вместе с донесением Кривцова, «очень хорошо составленным и мотивированным». Она была посвящена замене проектируемого учреждения епархиального епископа католического армянского исповедания для Грузии учреждением двух папских викариев того же исповедания. Один из них пребывал бы в Тифлисе, другой — в европейских областях, где находилось бы самое большое количество населения этого исповедания. Пребывая в полнейшей неопределённости относительно того, как в своё время отнеслись к этим предложениям, вновь воспроизведённым в ноте

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 224—227.

² Там же. Л. 222.

Ламбрускини, и предполагая, что они могли быть полностью потеряны из вида при скоплении других дел подобного рода, Бутенев прилагал перевод памятной записки, приложенной к донесению Кривцова¹.

Пока Бутенев ожидал инструкций в связи с корреспонденцией, отправленной в январе, Ламбрускини передал ему ещё одну ноту от 2 апреля 1845 г. по тому же поводу состоявшейся высылки миссионеров из Грузии. Её появление мотивировалось тем, что на папу произвело тяжёлое впечатление, что это происходило тогда, когда он ожидал положительного результата от его ходатайства в их пользу.

В ноте от 11 декабря 1844 г. выражалась уверенность папы, что, проникнувшись соображениями, в ней изложенными, император прикажет отменить указ, направленный против миссионеров Грузии. Ко времени же составления новой ноты эти надежды уже иссякли после получения известия о приведении указа в исполнение, когда в праздничные дни начала года миссионеры были силой выдворены из храма, в котором искали убежище. Сожалея, что нота от 11 декабря не пришла к императору вовремя, чтобы он мог помешать этому, теперь папа рассчитывал, что император прикажет восстановить прежнее положение, по крайней мере до завершения переговоров по этому вопросу Святого Престола с императорским правительством².

Как отмечал Бутенев в донесении от 24 / 12 апреля 1845 г., эта нота «носила отпечаток осторожности, любезности и соблюдения приличия в выражениях, а также уважения и высокого почтения к императору, стремления старательно избежать всего того, что могло бы подвергнуть опасности улучшение существующих отношений».

В беседе с Ламбрускини посланник вынужден был ограничиться общими заверениями, сообразными конъюнктуре, затем передал ему ноту, о которой он просил, чтобы успокоить папу. Бутенев торопил С.-Петербург ускорить присылку указаний, соответствующих намерениям и решениям правительства по этому поводу, ибо отсутствие ответа неизбежно повлечёт новые запросы. Пока он счёл полезным воспользоваться одной из бесед, чтобы ознакомить кардинала «в порядке личного» доверия с конфиденциальным письмом генерал-губернатора Бессарабской области М.С. Воронцова, написанном, когда он собирался покинуть Одессу, отправляясь исполнять новые функции наместника на Кавказе с неограниченными полномочиями. Перед этим он провёл часть последней зимы в Риме. Он

...был принят с явным отличием, как самим папой, так и кардиналом и главными лицами страны, оставил воспоминания слишком достойные уважения и недавние, чтобы его назначение в Грузию не произвело бы здесь некоторую сенсацию, особенно в то время, когда положение духовенства и католических миссионеров в этих отдалённых краях привлекло внимание Святого Престола.

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 222—223.

² Там же. Л. 273—275.

В своём письме Воронцов поделился с Бутеневым настроением в отношении религиозных дел. Он, в частности, писал:

Вы можете быть совершенно уверены, что самая скрупулёзно соблюдаемая терпимость, защита и уважение ко всем различным религиям края, управление которым мне было только что доверено, будут не только неизменными принципами в моих глазах. Но что их проведение в жизнь будет исполнением лишь высоких желаний, о которых император в ясных выражениях изволил мне дать знать при моём отъезде. С этого времени я не пренебрегу ничем, чтобы священнослужители и христиане всех исповеданий и, особенно, католической Церкви не должны были бы жаловаться на мою администрацию. Имеется, я Вас уверяю, лишь одно затруднение, которое я боюсь там встретить, с этой стороны, — это дух прозелитизма, которым часто проникнуты священники и, вообще, католические духовные лица. Что касается этого духа и этих попыток прозелитизма, я решил, в силу долга, вменяемого моим положением, так же как моих принципов, этому противиться и их подавлять всеми моими средствами, не только если этот прозелитизм латинского духовенства имеет склонность осуществляться в ущерб нашей национальной Церкви, но даже в отношении христиан других исповеданий или других российских подданных этих краёв. Духовенство и христиане римской Церкви в Грузии и на Кавказе будут всегда ощущать, с моей стороны, большую поддержку, заботу и уважение, которые соответствуют обязанностям моей должности, так же как высоким целям и точным указаниям моего монарха, чтобы предохранить их, как и всех других жителей и подданных его обширной Империи.

Посланник дал Ламбускини прочесть этот пассаж. Последний, казалось, был «явно поражён таким изложением убеждений, столь разумных и твёрдых, сколь благородных и доброжелательных». Он не казался задетым содержащимся в нём упреком римской Церкви в прозелитизме, но вежливо постарался дать своего рода оправдание, говоря, «что нужно различать в случае обращения побуждение ложного рвения, любые искусственные средства и моральное принуждение, которое он первый в высшей степени осуждает, от обращений, вызванных свободным и спонтанным призванием». Выразив похвалы и своё удовлетворение по поводу настроений, выраженных в этой части письма, он попросил о возможности иметь его текст, чтобы конфиденциально представить его папе. Бутенев не увидел неудобства исполнить это пожелание¹.

Ответ на запросы Святого Престола по поводу высылки католических миссионеров, т. е. ответ на ноты от 11 декабря 1844 г. и 2 апреля 1845 г. и на несколько заявлений Ламбускини в беседах с Бутеневым (корреспонденция от 24 / 12 апреля), был дан депешей от 17 / 5 июля.

Суть проблемы излагалась следующим образом. Императорское правительство во все времена допускало отправление культа иностранными духовными

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 265—268.

лицами лишь в исключительных случаях, например когда идёт речь о помощи иностранцам, не находящим среди местного духовенства священника, владеющего их языком. Тем более никогда в Империи не предоставлялось право юрисдикции и церковного управления иностранному духовенству. Католические миссионеры проникли в Грузию и на Кавказ гораздо раньше их перехода под эгиду России. Их пребыванию там не препятствовали, пока они не нарушали фундаментальные законы государства явными актами прозелитизма, подрывавшими авторитет других конфессий, и различными злоупотреблениями, вызвавшими такое недовольство армян-католиков, что они потребовали вмешательства правительства, чтобы положить конец опасному влиянию миссионеров и возложить на местное духовенство управление их Церковью. Пытаясь найти пути примирения, правительство предложило миссионерам пользоваться всеми преимуществами местного католического духовенства при условии принятия ими подданства и обязательства «подчиниться общим положениям, существующим на всём протяжении Империи в отношении католического духовенства». Они отказались дать такое обещание и представили его в Риме противоречащим их совести и долгу.

Принимая своё решение, в С.-Петербурге исходили из того, что любой человек, проживающий в иностранном государстве, непременно обязывается подчиняться действующим законам, и никто не будет терпеть там заявившего, что эти законы противоречат его совести, недвусмысленно обнаруживая тем самым решение пренебрегать ими. Тем более когда таких принципов придерживаются лица, осуществляющие апостольскую миссию, да к тому же в стране ещё столь отсталой в области цивилизации, населённой беспокойными народами разных рас и вероисповеданий, нравы и обычаи которых с трудом поддаются понятиям о порядке и законности. В такой ситуации пример открытого неповиновения законам, возбуждения ненависти и презрения к правительству духовными лицами с высокой кафедры был чреват самыми пагубными последствиями. Своим формальным отказом уважать существующие законы миссионеры не оставили правительству иной альтернативы, как удалить их во второй половине 1844 г. из страны, где их присутствие угрожало сохранению общественного спокойствия¹.

В депеше сообщалось также, что в С.-Петербурге определились и с решением по вопросу об учреждении армяно-католической епархии в Грузии, о чём переговоры велись ещё предшественником Бутенева. Тогда был получен отказ Святого Престола, сопровождавшийся, правда, встречным предложением, чтобы с такой просьбой обратилась делегация апостольских викариев. Но, в свою очередь, С.-Петербург не мог согласиться на подобную комбинацию, «совершенно несовместимую с системой, определявшей в России отношения Церкви с общественным строем», иными словами — с государством. Папское правительство не оставило, таким образом, никакой надежды на удовлетворительное решение, особенно

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 478–482.

в момент, когда римский Двор проявил столько недоверия к императорскому правительству, предав огласке папской аллокуцией свои обвинения в его адрес, создав серьёзные трудности отказом в каноническом назначении лиц, намеченных императором на вакантные епископские кафедры. Было решено отказаться от продолжения переговоров по вопросу об армянах католического исповедания, который сам по себе имел второстепенное значение, учитывая столь незначительное число лиц этой конфессии. Бутеневу предписывалось воздержаться от возобновления этих переговоров¹.

В соответствии с полученными указаниями Бутенев (донесение от 30 / 18 августа 1845 г.) ознакомил Ламбрускини с депешей от 17 / 5 августа о высылке миссионеров с кавказских территорий. Он выслушал чтение её «с глубоким вниманием, с видом человека скорее уязвлённого, чем удивлённого или раздражённого». По окончании чтения кардинал ограничился несколькими общими замечаниями по поводу прозелитизма и относительно слишком суровой, по его мнению, формы, присущей исполнению мер в отношении миссионеров. Не оспаривая это утверждение, посланник возразил только, что оно, несомненно, основывается на поступившей в Рим той пристрастной и ошибочной информации, которую он был призван опровергнуть, восстановив точные факты.

Не углубляясь в эту дискуссию, кардинал предложил придать официальный характер только что сделанному устному сообщению, чтобы оно послужило ответом на официальные ноты Ватикана. Затем он напомнил, что в его нотах кроме вопроса о миссионерах речь шла также о ранее начатых переговорах между императорским Двором и Святым Престолом об учреждении армяно-католической епархии. Поскольку из прослушанной депеши он убедился в намерении С.-Петербурга не возобновлять этих переговоров, он предлагал предать забвению этот вопрос и не упоминать в официальном ответе. Бутенев согласился с этим и в ноте о миссионерах полностью опустил вопрос об армяно-католическом епископстве².

Как о том и просил Ламбрускини, ответом на его ноты от 11 декабря 1844 г. и от 2 апреля 1845 г. стала нота Бутенева от 15 / 3 августа. В ней была изложена суть депеши министра от 17 / 5 июля³.

Ко времени завершения этих переговоров Бутенев получил давно ожидавшийся им материал для продолжения обсуждения с Ламбрускини епископского вопроса.

Получив от Бутенева материал о ходе переговоров (экспедиция от 26 / 14 января 1845 г., содержащая и ноту Ватикана от 18 / 6 января), Нессельроде ответил ему с большим опозданием, лишь 17 / 5 июля. Такую задержку с ответом он объяснил необходимостью собрать точную информацию в Департаменте иностранных

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 485–487.

² Там же. Л. 250–252.

³ Там же. Л. 253–258.

исповеданий и отнести самым тщательным образом к заявлениям Святого Престола, как и к объяснениям, которые ему следовало дать¹.

В записке Николаю I от 7 июля / 26 июня, запрашивая его указаний относительно ответа папскому правительству по епископскому вопросу, министр так излагал свои соображения на этот счёт. Он исходил из того, что, признавая существование канонического закона, следует согласиться, что теоретически назначение епископа должно происходить при участии двух властей — светской и духовной. Первая судит о светских качествах кандидата, вторая — о его духовных данных и о его соответствии сану епископа, согласно канонам Церкви.

Отдавая справедливость характеризовавшему в то время римский Двор духу примирения, министр с удовлетворением констатировал и компромиссный выход, указанный им для решения проблемы и предотвращения нового отказа с его стороны, не прибегая к обсуждению принципов. Этот выход состоял в предложении следовать образу действия католических держав, которые, как говорилось в ноте Ватикана, «обычно стремятся избегать того, чтобы их назначения оказались не утверждены Святым Престолом, договариваясь с ним конфиденциально до того, как предать гласности свои намерения». Пойти на это, полагал Нессельроде, было тем проще, что по существу именно такой процедуры придерживалась российская сторона вплоть до 1836 г. и заверяла римский Двор тогда в намерении продолжать следовать по этому пути. Однако, вопреки таким заверениям, в последнее время отошли от такого обычая, и публикация указов о назначении епископов стала происходить без предварительной договорённости со Святым Престолом. И хотя он официально не высказывался по этому поводу, Нессельроде считал, что, главным образом, именно этому обстоятельству следовало приписать встречаемые с тех пор трудности с посвящением епископов. Между тем этот вопрос обретал всё большую остроту, поскольку в силу естественной убыли число вакантных епископских кафедр постоянно увеличивалось как в России, так и в Царстве Польском, и это диктовало необходимость отнести со всей серьёзностью к предложению Святого Престола. Тем более что,

...с одной стороны, папское правительство признаёт за Россией в том, что касается назначения епископов, те же самые права и возможности, которыми пользуются католические державы, но заявляет, что не может согласиться на большее; с другой стороны, компромиссный выход, указанный Святым Престолом, соответствует нашему собственному прошлому и нашим давним традициям².

Хотя предложенная процедура представлялась вполне приемлемой, было, однако, очевидно, что она могла устранить далеко не все помехи, возникающие перед императорским правительством при назначении новых епископов. Поэтому,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 490.

² Там же. Д. 46. Л. 40–44.

желая достичь окончательного соглашения по такому серьёзному вопросу со Святым Престолом, в С.-Петербурге сочли необходимым, прежде чем дать своё формальное согласие на предложение папского правительства, чтобы Бутенев ещё раз объяснился совершенно откровенно относительно затруднений, часто встречаемых при назначении епископов.

Исходя из понимания Святым Престолом того факта, что положение России далеко не идентично положению других государств со смешанным населением, принадлежащим к различным христианским исповеданиям, следовало подчеркнуть следующее. В С.-Петербурге не могут рассматривать этот вопрос исключительно с религиозной точки зрения. Он осложняется политическими соображениями, особенно порождёнными последним Польским восстанием. Посему недостаточно, чтобы духовное лицо было хорошим католиком, нужно также, чтобы оно было искренне предано императорскому правительству и не привержено революционным принципам, тем тенденциям к восстановлению прежней польской национальности, которые привели к столь пагубным потрясениям в Империи и Царстве Польском. Ибо в руках подобных лиц, если они будут возведены в епископский сан, духовная власть неизбежно станет инструментом агитации и беспорядков, вместо того чтобы служить элементом мира и согласия. Сейчас всякий раз, когда кандидат в глазах российской стороны отвечает таким условиям (быть хорошим католиком и в то же самое время быть преданным правительству), польская эмиграция и недоброжелатели используют все возможные средства для неблагоприятных инсинуаций на счёт этих лиц в Риме, чтобы зародить сомнения у папы. Именно в этом, говорилось в одной из направленных Бутеневу 17 / 5 июля 1845 г. депеш¹, заключается подлинная трудность решения этого вопроса².

Практика выбора и посвящения новых епископов, которая устроила бы С.-Петербург, была такова. Император делал бы свой выбор, как это происходило прежде, и не возражал против того, чтобы держать свой выбор «про себя», иначе говоря, не предавать его огласке до того, как папа его одобрит, будучи конфиденциально информирован о нём императорской миссией. Оставалось, однако, неясно, поверят ли в Риме оправдывавшей этот выбор мотивировке, предоставленной ему, будут ли полагаться на полученные сведения о политическом прошлом кандидата и о его моральных качествах доброго католика? Разве опыт прошлого не должен был внушить опасений, что римский Двор, относясь с недоверием к намерениям С.-Петербурга, вновь обратится к побочным и тайным источникам, чтобы проверить полученную информацию? И каковы окажутся эти источники, ведь при нынешнем положении вещей ими не может послужить никто из верхов католического духовенства, не нарушая долга и обязательств, которые

¹ В этот день ему была направлена инструкция в форме четырёх депеш и частного письма.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 491—493.

должны соблюдаться обеими сторонами? Как бы мог Святой Престол, выясняя сам и через свои органы поведение предложенных кандидатов, отделить моменты политические от религиозных? Не должно ли внушать священникам отвращение осуществление в России и Польше функций своего рода внутренней полиции, в чём, конечно, довольно высокопоставленные лица, способные вынести верное и беспристрастное суждение, никогда не захотят участвовать? Поставленный таким образом и доведённый до его логического конца вопрос представлялся в С.-Петербурге неразрешимым, в чём Святой Престол, возможно, не отдавал себе достаточно отчёта¹.

Напомним ещё раз о существенном отличии положения России от положения других стран, Нессельроде пояснил суть этого:

Мы едва выходим из революционной бури и больше, чем в какую-либо другую эпоху должны стремиться закрыть дверь разрушительным принципам. Охватившее Германию религиозное движение, о котором император сожалеет и которое порицает, является одним из симптомов, также обязывающих нас удвоить бдительность. Всё, что может у нас служить предлогом и прикрытием для интриг такого рода, должно быть сурово отвергнуто².

Министр не мог понять, как Святому Престолу удастся самому не представить подобный предлог тогда, когда, действуя окольными путями и полагаясь на низших агентов, он будет внимательно выслушивать неточную информацию, продиктованную партийным духом? В С.-Петербурге были уверены в сохранении в строжайшей тайне имён намеченных императором кандидатов на епископский сан до тех пор, пока папа не сообщит своё мнение в отношении них. Но здесь испытывали сомнение, что папскому правительству удалось бы хранить такое же молчание после того, как оно захочет осведомиться о кандидатах по слухам или другим путём подобного рода. Ибо с того времени Святой Престол поневоле сообщит имена тех, о ком хотел навести справки, а польская эмиграция, объединившись с другими недовольными, быстро завладела бы этой нитью для подготовки своих махинаций и создания помех. Не оспаривая пользы достижения предварительной договорённости со Святым Престолом, прежде чем дать своё согласие на это, в С.-Петербурге хотели быть осведомлены об имевшихся средствах по устранению указанных помех. А также о гарантиях, которые «Святой Отец в своей мудрости сможет нам дать, чтобы нас заверить, что в будущем наш выбор не встретит больше никаких возражений, после того как канонический процесс удостоверил в пользу намеченного кандидата качества, предъявляемые к возводимым в столь высокое духовное звание»³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 493–494.

² Там же. Л. 495.

³ Там же. Л. 495–497.

Бутенев был уполномочен ознакомить с этой депешей Ламбрускини, что он и делает, передав ему в слегка изменённой редакции её копию. Вероятно, именно по этой причине Нессельроде не дал в депеше своего видения способа устранения препятствий к достижению соглашения, так сказать, не обозначил конечную цель переговоров. Он это сделал в частном письме посланнику от того же 17 / 5 июля.

Римский Двор должен «отказаться без колебаний от тайных расследований» и начать действовать открыто, считал министр. В этом случае процесс посвящения в епископский сан имел бы две фазы. В ходе первой император назначает кандидатов, через миссию конфиденциально информирует о его выборе папское правительство. Оно, согласно церковному канону, по указанию папы, проводит сначала так называемую информативную процедуру, собирая сведения о кандидате там, где он находится. Признавалась возможность отклонения некоторых кандидатур по каноническим причинам, но выражалась надежда, что подобные случаи будут редки. Представлялось, что информативный процесс, доверенный епископам страны, даст папе все необходимые гарантии, чтобы успокоить его совесть относительно квалификации кандидата как доброго католика, и у него не будет потребности искать сведения ещё где-то, получив их от иерархов Церкви.

Вторая фаза этой процедуры протекает в Риме. Это окончательный процесс, в который тоже не следовало посвящать недоброжелателей. Его последним актом является посвящение в сан и каноническое назначение. На протяжении всего этого процесса

...действия двух властей, духовной и светской, — полагал министр, — могут быть прекрасно скоординированы и согласованы, не предоставляя ни той, ни другой стороне преимуществ и прерогатив, которых каждая из них добивается в свою пользу. Для нас важно, чтобы римский Двор объяснился относительно гарантий (подчёркнуто в тексте. — О.С.), испрашиваемых нами, чтобы нас пощадить от повторения немотивированных отказов и, таким образом, защитить наш выбор от бесконечных отводов. Какой бы она ни была, настойчивость Святого Престола должна непременно иметь свои границы¹.

В С.-Петербурге предвидели со стороны Ламбрускини, после ознакомления с депешей по епископскому вопросу, вполне логичное замечание, что, если бы в С.-Петербурге находился папский агент, большая часть трудностей, о которых говорилось, немедленно исчезла бы. Ведь с его помощью Святой Престол собирал бы необходимую ему информацию, прежде чем приступить к посвящению в епископы. Для доказательства несостоятельности подобного утверждения Бутеневу предлагалось прибегнуть к следующим аргументам. У такого агента были бы лишь две возможности получить испрашиваемые у него сведения в отношении предложенных кандидатов: обратиться к правительству или частным лицам. Первое не могло

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 521–523.

предоставить ему иных данных, чем те, что уже были сообщены в Рим. Испросить сведений у вторых — значит возвращаться в порочном круге, чего в С.-Петербурге считали своим долгом избежать. Беспокойная и недовольная часть католического общества толпилась бы вокруг него, прилагала бы старания, чтобы очернить действия и намерения правительства. Папский агент, сам того не желая, становился бы центром внимания всех недоброжелателей, средоточием, их интриг, и зло, которое хотели устранить, от этого только бы увеличилось. Более того, в прошлом Святой Престол был информирован о готовности принять у себя папского агента лишь в исключительных случаях и только с чрезвычайной миссией, потому что никогда, как было известно Бутеневу, не могло быть речи о согласии на создание постоянного посольства в России. Однако рассмотрение условий, на которых папа был бы готов согласиться на каноническое назначение, не может стать предметом мимолётной миссии. Вопрос о посвящении в сан епископов возникает постоянно и входит, следовательно, в категорию текущих дел, подлежащих обсуждению только в Риме. В быстром и окончательном решении епископского вопроса заинтересован Святой Престол, а если бы у Ламбрускини оставались хотя бы малейшие сомнения на этот счёт, считали достаточным поставить его в известность о том, что в прошедшем году пять тысяч католиков перешли в другие исповедания. Изучение мотивов этого показало, что обращение в другую веру следовало приписать, главным образом, отсутствию епископов, оказывающих влияние на их паству. Сообщение Святому Престолу этого факта должно было послужить доказательством искреннего желания С.-Петербурга предупредить от повторения подобных случаев¹.

Упомянем в депеше по епископскому вопросу (напомним, что её копию Бутенев должен был передать Ламбрускини), что император порицает охватившее Германию религиозное движение, сообщённая Ватикану информация по этому поводу не ограничилась. Специальной депешей за то же число посланник был поставлен в известность о предупреждении императором (во время последнего пребывания в Варшаве) собравшихся у него католических епископов, что, если подобное произойдёт в Польше или польских областях Империи, правительство это пресечёт и строго накажет тех, кто осмелится возмутить спокойствие в лоне римской Церкви. Император дал самые суровые указания в этой связи и надеялся, что Святой Престол увидит в этом новое доказательство заботы о духовных интересах его католических подданных. Уведомляя об этом папское правительство, Бутенев должен был подчеркнуть, что, действуя в интересах сохранения порядка, российский монарх не потерпит проникновения из-за границы вредных религиозных принципов и заставит неизменно уважать авторитет и права местного католического духовенства².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 508—511.

² Там же. Л. 516—517.

На полученные инструкции Бутенев ответил четырьмя донесениями и частным письмом министру, датированными 20 / 18 августа 1845 г.

Как и следовало ожидать, объяснения с Ламбрускини по епископскому вопросу, самому важному на тот момент, были не очень результативными.

В соответствии с инструкцией Бутенев сделал кардиналу сообщение по предназначенной для этого депеше Нессельроде от 17 / 5 июля. Выслушав очень внимательно и с явным интересом, он не поделился своим мнением, которое имело вес в глазах Бутенева, а ограничился обычным заявлением, что ему не надлежит предварять решение папы, и попросил дать ему копию сообщения, чтобы передать ему и получить его указания¹.

Тем не менее в ходе двух-трёх бесед выяснилось, что высказанные соображения и просьбы не казались Ламбрускини достаточно практичными и соответствовавшими правилам и порядку, установленному римским Двором, чтобы устранить чрезвычайные трудности, присущие епископскому вопросу, и легко достигнуть согласия относительно какой-то комбинации, способной примирить эти просьбы с долгом совести папы. Ведь в качестве арбитра независимого, но ответственного в католической Церкви по вопросу конфирмации епископов папа не сможет ни отказываться, ни давать отчёт как о мотивах, так о способах действия при исполнении его высших и прямых обязанностей. Он повторил, что католические державы, договариваясь предварительно и конфиденциально со Святым Престолом о кандидатах на епископские кафедры, больше не были осведомлены о мотивах и средствах информации, послуживших основанием решений Святого Отца. Что касалось характера этих средств информации, он заверил, что «она черпалась из источников компетентных и достойных внимания в глазах Святого Престола и никогда не исходила из неизвестных и двусмысленных каналов или соображений, продиктованных личной недоброжелательностью и политической враждебностью». Поясняя свою мысль, кардинал призвал Бутенева поверить, что польская эмиграция и её приверженцы в Италии или в других краях Европы не влияли и не будут никогда влиять на взгляды и действия Святого Престола, который никогда не колебался оценивать их дело, как оно заслуживало, т. е. как дело восстания. В доказательство этого он неоднократно заявлял, что «единственно интересы католической Церкви он имел в виду, и что, конечно, папское правительство, духовное или светское, должно быть последним, кого можно серьёзно подозревать в малейшем естественном стремлении быть благосклонным или снисходительным к революционному духу». Наконец, что никоим образом не преднамеренное недоверие Святого Престола к императорскому Двору заставляло его создавать трудности одобрению предложенного выбора, а только вменяемый Его Святейшеству долг заботиться о сохранении догм и интересах католической религии.

¹ Такая копия этого сообщения, почти текстуально с ним совпадавшая, была ему передана Бутеневым.

Хотя эта тирада была произнесена с некоторой выпренности и жаром, кардинал, отмечал Бутенев, не переставал выражать свои мысли доверительным и примирительным тоном, почти не допуская неблагоприятных толкований. Поэтому и посланник, чтобы дать почувствовать отсутствие желания обращаться к обвинениям относительно прошлого, воспользовался его последними словами об интересах католической религии, чтобы подчеркнуть благожелательные намерения императора в отношении Святого Престола и его отеческую заботу о своих католических подданных, доказательством чего даёт содержание сообщения императорского правительства, составлявшего предмет происходивших объяснений. Ибо с целью поддержания подлинных интересов римской Церкви и было проявлено желание ускорить решение епископского вопроса, исключительная важность которого для Святого Престола и католических подданных не может подлежать сомнению.

То, как кардинал воспринял сообщение и настойчивые призывы с его стороны, дали основания Бутеневу полагать, что они доставят материал для глубоких размышлений папы и его министра и не останутся безрезультатными¹.

Дав отчёт о начале переговоров, Бутенев в частном письме министру внёс в него некоторые уточнения и поделился соображениями конфиденциального характера.

Из первых демаршей и объяснений он не мог сделать вывод о благоприятных предзнаменованиях, но не видел оснований предвидеть и совершенно негативный результат.

Конфиденциальное заявление кардинала и промедление с ознакомлением с мнением папы, после изложения его собственных идей, позволяло предполагать, что они размышляют здраво один и другой о решении, которое следует принять. В вопросах, столь трудных и деликатных, и на почве, столь несходной с другими, промедление мне кажется скорее выгодным, если оно только не слишком затягивается. Как бы то ни было даже и при благоприятных для нас шансах, я уже предвижу, что, если Святой Престол решится договариваться о той или другой комбинации, чтобы разделить наши взгляды, он уведомит о каком-то другом средстве, чем то, что они намечают, —

писал он. Он признавался, что ему самому, «несмотря на свой небольшой опыт, очень неполное знание предмета и практического хода дел здесь», сразу показалось неприемлемым содержавшееся в депеше следующее предложение. Согласно ему, по получении предварительного и конфиденциального согласия в отношении кандидатов в епископат папа приказывал провести на месте канонический процесс, и немедленно после поступления его результата в Рим следует конфирмация. На деле, только дав согласие на выбор предложенного епископа, папа поручает составить канонический процесс относительно него. Чтобы удостовериться в своей

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 309—312.

правоте, посланник конфиденциально прозондировал почву у Ламбрускини. Полученные объяснения не оставили никакого сомнения, что таково было установившееся правило в отношении как католических, так и всех других держав. Попутно ему удалось выяснить, что неверно было называть процесс информативным или окончательным, что имеется лишь один процесс, обычно называемый каноническим вне Италии и коротко именуемый просто процесс в Риме, куда он для проформы представляется и проверяется конгрегацией. Кардинал несколько раз подчеркнул, что этот процесс и эта процедура были лишь чистой формальностью, которая проводится лишь вследствие предварительного согласия папы на предложенный выбор и на основании его поручения.

«Самая большая трудность, которую предстояло преодолеть, — полагал Бутенев, — будет, вероятно, состоять в том, чтобы добиться у римского Двора испрашиваемой гарантии от возобновления немотивированных отказов в отношении нашего выбора епископов»¹.

Бутеневу не представился случай отклонить любую попытку Святого Престола поднять постоянные поползновения иметь агента в С.-Петербурге. Но он использовал содержащиеся в той же депеше аргументы и факты в пользу особой важности епископского вопроса для духовных интересов Святого Престола. Он констатировал, что вследствие чинимых им препятствий конфирмации нескольких предложенных кандидатов в данное время в польских областях Империи имеется лишь два католических епископа и суффраганы во главе многочисленной паствы, не считая 50 000 обращённых в католицизм в России. Хотя кардинал никак не откликнулся на сказанное, Бутенев, однако, рассчитывал, что оно произведёт благоприятное впечатление и воздействует на настрой кардинала и папы, которому тот, вероятно, даст о них знать².

Будучи удивлён во время чтения главной депешы от 17 / 5 июля отсутствием у кардинала реакции по поводу отношения императора к наблюдавшемуся в Германии церковному расколу, позднее посланник воспользовался представившимся случаем, чтобы дать ему зачитать специально посвящённую этому вопросу депешу. На сей раз кардинал не скрыл своего удовлетворения. Он даже признался, что сведения об этом дошли до Святого Престола ещё раньше через нунциев в Баварии и Австрии и «послужили смягчению печали и глубокой тревоги, которые заставили испытать Святого Отца нерешительные и неблагоприятные настроения некоторых главных правительств Германии». Он особо отнёс к этой категории берлинский Двор и «говорил с горечью и довольно заметным раздражением о терпимости, если даже не о поощрении, явном и достойном сожаления, в их действиях, которые встретили в Пруссии происки зачинщиков этого нового рода раскола»³.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 318—320.

² Там же. Л. 328—330.

³ Там же. Л. 331—332.

В свете всего изложенного невозможно согласиться с заключением Попова, что после аллокуции 1842 г. «наши отношения с римским Двором, хотя и не были явно прерваны, однако же, находились в положении близком к разрыву. Конечно, римский Двор желал возобновить их снова и только искал благовидного случая, ибо Россия ничего не теряла от этого разрыва, и все его невыгоды исключительно доставались на долю Рима»¹. Представляется, что обе стороны не воспринимали состояние их отношений близким к разрыву, и не шло речи об их возобновлении. А тот факт, что любой разрыв отношений, несомненно, был чреват большими трудностями для обеих сторон, признавали их руководители. Совершенно очевидно, что обе стороны проявляли желание урегулировать важнейшие проблемы, и в первую очередь трудный и так часто возникавший вопрос о назначении епископов, а значит, обеспечении нормального функционирования католической Церкви в Империи и Царстве Польском.

¹ Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России. 1845—1878 гг. С. 18.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ БРАК РОССИЙСКОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ С АВСТРИЙСКИМ ЭРЦГЕРЦОГОМ. РОЛЬ ВАТИКАНА. ПОДГОТОВКА ВСТРЕЧИ ДВУХ МОНАРХОВ И ГЛАВ ДВУХ ЦЕРКВЕЙ

Между тем для российской стороны к реализации естественного стремления к урегулированию отношений со Святым Престолом появилось дополнительное обстоятельство весьма деликатного свойства.

Ещё в начале 40-х гг. XIX века в отношениях С.-Петербурга с Веной и Римом возник, казалось бы, частный вопрос, несомненно, однако, весьма серьёзно на них отразившийся. Речь идёт о попытке российской стороны выяснить возможность брака великой княжны Ольги, последней оставшейся с родителями дочери Николая I, с австрийским эрцгерцогом Стефаном, сыном палатина (наместника) Венгрии Иосифа Антона, дяди австрийского императора. Стефан был его сыном от второго брака, а первой, рано умершей женой его была великая княжна Александра Павловна, сестра Николая I, в своё время в 1799 г. вступившая в брак с условием сохранения своей религии.

Идея этого брака зародилась у брата Ольги, наследника престола, когда в 1839 г. во время своего заграничного путешествия он близко познакомился с эрцгерцогом в Вене и написал родителям, «что Стефан достойнее меня, чем великолепный Макс (кронпринц Баварский, никому в нашей семье не понравившийся)», — напишет княжна в своих воспоминаниях. Стефан был приглашён на свадьбу её старшей сестры Марии, которая была назначена на лето того же года, и это приглашение Веной было принято. «Я же считала себя уже невестой, — как признавалась великая княжна. — Слово, данное мною в глубине сердца совершенно неведомому мне Стефану, уберегло меня от всевозможных неожиданных чувств».

Однако на свадьбу он не приехал. А позднее стало известно, что поездке воспрепятствовала его мачеха, урождённая принцесса вюртембергская, как полагала Ольга, «из ревности к своей предшественнице (сестре Папа)» не желавшая иметь княжну своей невесткой.

Между тем сама княжна слышала всё новые прекрасные отзывы о Стефане от близко знавших его лиц, и это укрепляло её убеждение в правильности выбора. А в 1840 г. у своего кузена Карла Александра (наследного принца Саксен-Веймар-Эйзенахского) она впервые увидела портрет эрцгерцога, по поводу чего

писала: «Его лицо показалось мне притягательным, если не сказать значительным. Мы думали тогда, что он приедет в Эмс, чтобы сделать нам визит. Я ожидала его в нерушимой уверенности, что он назначен мне судьбою», а по другому поводу она замечала: «Жить в его тени, под сенью моей любви — такой я представляла себе жизнь подле Стефана».

Всякий раз, когда, казалось бы, появлялась возможность наконец познакомиться с эрцгерцогом, этого не происходило. Так было и в 1841 г., когда он не приехал, будучи приглашён, на свадьбу наследника престола. Зато прибывший на торжества её дядя Вильгельм (будущий прусский король Вильгельм I) поделился с ней своими впечатлениями об эрцгерцоге, которого видел на манёврах в Богемии.

Он обрисовал его как человека умного со здоровыми политическими взглядами, прекрасными манерами в обществе, словом дающего повод к самым прекрасным надеждам. Не нужно говорить о том, какое всё это произвело на меня впечатление, и ещё больше укрепило моё внутреннее чувство, хотя, казалось бы, я должна была себе сказать, что Вена ещё не высказалась по поводу брака Стефана со мной, —

поведала княжна в воспоминаниях.

В том же году от Е.Ф. Тизенгаузен (внучки М.И. Кутузова), навестившей в Вене свою сестру Д.Ф. Фикельмон, жену австрийского дипломата, она узнала, что при частых встречах с ней «он всякий раз спрашивал про нас и выразил желание с нами (т. е. членами императорской семьи. — О.С.) познакомиться».

Именно тогда, в 1841 г., по желанию великой княжны и наследника престола только что назначенному в Вену посланником (формально до 1848 г. он был чиновником «с особым поручением») Меду было доверено прозондировать почву относительно возможности её брака со Стефаном. Случилось так, что в это же самое время (в 1840—1841 гг.) её руки просил другой австрийский эрцгерцог Альбрехт и ему был послан отказ. Причём если этому союзу австрийская императорская семья, как казалось, не желала чинить никаких препятствий, то совсем иначе отнеслись к браку великой княжны с эрцгерцогом Стефаном.

Ответ из Вены пришлось ждать три месяца, когда пришло пространное, написанное от руки письмо австрийского канцлера Меттерниха.

Обрамлённое всевозможными любезностями, оно заключало в себе примерно следующее: браки между партнёрами разных религий представляют для Австрии серьёзное затруднение. Легковоспламеняющиеся славянские народности в Венгрии и других провинциях государства невольно наводят на мысль, что эрцгерцогиня русского происхождения и православного вероисповедания может быть опасной государству и вызвать брожения и т. д. и т. д., —

изложила содержание полученного ответа великая княжна в своих воспоминаниях.

Сам же Стефан объяснил Меду то факт, что избегал встречи с ней в Германии, тем, что знал чувства эрцгерцога Альбрехта к ней, а теперь ко всему прибавились и политические причины, мешающие ему действовать. Вскоре затем умерла его сестра-близнец, и он совершенно замкнулся. «Мои надежды, — писала Ольга Николаевна, — были разбиты, и, казалось бы, я должна была сказать себе, что всё кончено. Однако чем сложнее были препятствия, тем больше я цеплялась за свою мечту»¹.

После первого известия о желании Николая I этого брака внезапно наступило длительное молчание (оно объяснялось переживаемой императорской семьёй смертью гессенской принцессы: дочь Николая I великая княгиня Александра и её только что родившийся сын скончались в августе 1844 г.). У Меттерниха же сложилось впечатление, что неудача первых настойчивых демаршей, предпринятых перед ним, вынудила императора отказаться от этой идеи. Однако он убедился, что это было не так, когда граф А.Ф. Орлов², пользовавшийся полным доверием императора, обратился к одному из своих друзей с просьбой передать канцлеру, что в С.-Петербурге были удивлены его глубоким молчанием.

Меттерних просил известить Орлова, что рассчитывал на истолкование «молчания, на которое он жаловался, самой простой причиной, а именно тем, что мне нечего сказать!»³. За этим косвенным намёком из С.-Петербурга последовал прямой шаг. По указанию Нессельроде Меду ознакомил Меттерниха с депешей, в которой шла речь о неприятном впечатлении, произведённом хранимым Веной упорным молчанием по особенно интересующему императора и его семью вопросу. Причём для большей убедительности проводилась по этому случаю параллель, с одной стороны, между серьёзными политическими последствиями, связанными со столь достойным сожаления положением дел, а с другой — с выгодами, совершенно естественно проистекавшими, для урегулирования религиозных вопросов в случае осуществления желания Николая I.

Заслушав, а затем и прочитав депешу, Меттерних продиктовал Меду свой ответ: «От меня желают получить объяснения моего молчания. Там, где позиция уже чётко определилась и где эта позиция не претерпела никакого изменения, ничего нового сказать нельзя. Именно таково положение, в котором я оказался в отношении этого вопроса в данный момент». Затем он изложил своё видение сути вопроса:

¹ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825—1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 284.

² В 1844 г. стал шефом жандармов и главным начальником Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1856 г. был назначен представителем России на Парижском конгрессе.

³ ASV. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8; ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 238.

Брак российской великой княжны с австрийским эрцгерцогом является вопросом, который — как любой другой — следует рассматривать не с одной точки зрения. Сторона строго политическая — вся в его пользу. Вопрос о личном соответствии — открыт, так как они не знакомы (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.). В чём состоит, таким образом, трудность? В разнице вероисповедания? Если это обстоятельство и представляет действительную трудность, последняя, однако, не достигает размера неодолимого препятствия, иначе говоря, эта трудность из числа тех, что при определённых условиях может быть преодолена путём реальных уступок. В чём же заключается действительно неодолимая трудность? Она заключается в абсолютной уверенности, что император Фердинанд откажет в согласии на брак, компрометирующий его, как в отношении Церкви, исконным и самым могущественным покровителем которой он себя считает, так и в отношении своих католических подданных. Причину такого положения дел не следует искать ни в Вене, ни в Риме; она целиком кроется в позиции, занимаемой российским императором в отношении католической Церкви. Я счёл долгом это сказать императору Николаю с первого дня, когда Его Императорское Величество меня поставило в известность о своём желании. Я повторяю теперь то, что сказал тогда. Моё мнение несколько не изменилось ни в чём; я ни с кем не консультировался, определяясь с позицией, очерченной в моих чистосердечных объяснениях перед российским императором. Император Фердинанд на данное время не в курсе того, о чём идёт речь; желает ли император Николай, чтобы я его об этом информировал? Я это сделаю, но результатом станет отказ, которого, как мне кажется, разумнее вовсе не провоцировать.

Причину же своего нежелания попытаться призвать на помощь римский Двор Меттерних, якобы исходивший из того, что это не отвечало интересам ни Австрии, ни России, объяснил тем, что заранее знал ответ папы: он отошлёт австрийского императора к его собственной совести. Возможность преодолеть препятствие зависит не от австрийского императора, а от Церкви, пояснил Меттерних, и выразил недоумение, «почему тот, кто хочет этого брака, находит удовольствие в создании одновременно неодолимых препятствий, мешающих исполнению его желания?».

На возражение Медема: «Но Вы получили заверения, что брак будет самым действенным изо всех средств, чтобы повлечь наиболее благотворную перемену в позиции российского императора в отношении католических дел», канцлер ответил: «Я знаю, что таково мнение тех, кому его внушил их Господин, так же как я не сомневаюсь в том, что их собственное мнение не таково». Затем ещё пояснил, что неодолимое препятствие в религиозном вопросе, на которое натолкнулось желание Николая I, явилось единственно следствием серьёзных ошибок, моральных и политических, допущенных российским правительством, ошибок, о которых он его непрестанно предупреждал. И наконец, он выразил готовность посвятить в этот вопрос императора Фердинанда, если ему об этом скажут.

Медем, со своей стороны, обещал поставить в известность Николая I обо всём услышанном¹.

Отдавая отчёт в сложности ситуации, Медем видел целый комплекс серьёзных причин, делавших невозможным брак великой княжны. А.О. Смирновой-Россет, бывшей фрейлине императрицы, жене церемониймейстера, передавшей ему просьбу императрицы устроить эту свадьбу, он назвал среди них не только вопрос о вероисповедании. Он упомянул также фанатизм эрцгерцогини, мачехи Стефана, не любовь её к российскому императору, тот факт, что Стефан «был самым даровитым из всех её сыновей», и «энтузиазм славян в отношении союза с Россией»².

Между тем для осуществления мечты своей дочери Николай I решил действовать не только в Вене, но и в Риме. Туда осенью 1844 г. со специальной миссией для выяснения у самого папы отношения к этому браку прибыл государственный советник Г.Г. Струве³. Как объяснил Бутенев Ламбрускини, он приехал, чтобы навестить тещу, лечившуюся в Болонье. В сопровождавшей его депеше, поскольку Бутенев был с ним лично знаком, его особо не представляли. Но Нессельроде подчёркивал, что «достойный уважения жизненный опыт» Струве, «большое усердие, которое он умел всегда привносить в исполнение своего долга, и отличающие его таланты снискали ему моё доверие и моё глубокое уважение. У меня, стало быть, нет сомнения в предупредительном приёме, ожидающем его у Вас в Риме».

Против этих слов Николай I сделал помету *nota bene*. Своим «заметь хорошо» он явно хотел привлечь тем более внимание Бутенева к значимости исполняемой Струве миссии, что говорилось об этом в депеше весьма туманно. Сообщалось только, что последнее время он знакомился с перепиской по поводу подлежащих обсуждению со Святым Престолом вопросов, а по документам архива министерства добросовестно изучал

...такие щекотливые дела, которые осложняют, к сожалению, наши отношения с римским Двором. Он сможет, следовательно, непосредственно доставить Вам в этом отношении сведения, могущие Вас интересовать, и, среди прочего, сообщить подробности о беседах, которые я имел с г-ном министром внутренних дел по поводу различных административных мер, послуживших причиной претензий и жалоб Святого Престола.

¹ ASV. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8; ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 238–240.

² Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 337.

³ В послужном деле его поездки обозначена так: «В 1844 г. отправлен был курьером из С.-Петербурга и обратно». Из него также следует, что в 1838–1842 гг. он был советником посольства в Вене и неоднократно управлял делами посольства по случаю отсутствия посла. Накануне поездки в Рим в августе 1844 г. он был пожалован в надворные советники и стал старшим советником МИД (АВПРИ. Ф. Формулярные списки чиновников МИД России. Оп. 464. Д. 3159. Л. 1–3).

А затем выражалась надежда, что Бутенев своей осведомлённостью поможет Струве в изучении им римской почвы, «чему он предполагает посвятить своё пребывание, и что ему будет так полезно для его трудов по возвращении»¹.

Задача миссии, как она формулировалась в депеше, представлялась не столь значимой, чтобы ради неё отправлять в Рим специального человека, тем более чиновника такого ранга, как Струве. Но Бутеневу, возможно, был понятен намёк на «щекотливые дела», осложнявшие отношения с римским Двором.

Что касалось самого Струве, то он действительно готовился тщательно к исполнению возложенной на него миссии, подтверждением чего служит его переписка с Орловым летом 1844 г. Ознакомившись с поступившей от Бутенева в августе корреспонденцией, он поделился с ним своими соображениями по поводу предполагаемого ответа на заявления папского правительства.

Орлов, по указанию Нессельроде также читавший депеши Бутенева, в письме Струве от 5 августа так изложил своё видение последующих шагов:

Вы правы, что весь вопрос в требованиях Святого Престола, ответ до такой степени труден, что нужно выждать, как можно дольше, так как этот ответ не окончательный для будущего соглашения двух государств. Короче говоря, моё мнение, не вдаваясь в детали обсуждения, — подождать графа Нессельроде, который может устно сказать то, что часто невозможно написать. Вот, мой дорогой Струве, совет, который я могу дать, я не сомневаюсь в Вашем таланте, но, чтобы его применить, Вам нужно знать среду, в которой Вы должны действовать. Сейчас знание этой среды можно обрести лишь в ходе устного обсуждения с императором. Итак, подождите вице-канцлера, пошлите депеши графу для развлечения после морских купаний, он над ними серьёзно поразмышляет, а размышление — это мать дипломатических успехов².

Пересылая Нессельроде письмо Орлова, но не решившись последовать его совету относительно корреспонденции Бутенева, находя слишком объёмистой, чтобы её копировать, Струве в письме министру от 28 / 16 августа разделял предложенную Орловым тактику. «Взвесив всё, — писал он, — ответы Святого Престола равноценны новым жалобам, но в них я усматриваю, между тем, элементы сближения, если нам удастся договориться с министерством иностранных исповеданий. На деле, то, что лучше всего сделать в данное время, это выждать»³.

Иными словами, рассматривая состояние отношений со Святым Престолом применительно к стоявшей перед ним конкретной задаче, Струве был вполне оптимистически настроен. Он явно рассчитывал на столь необходимое для её решения сближение с Курией в надежде на определённые уступки со стороны ведомства иностранных исповеданий.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1844. Оп. 469. Д. 186. Л. 411–412.

² Там же. Д. 119. Л. 53.

³ Там же. Л. 51.

То, как осуществлялась миссия Струве, засвидетельствовал Ламбрускини в письме от 4 февраля 1845 г. нунцию в Вене Микеле Виале-Прела, архиепископу Картаджини. Из него следует, что первоначально посланец С.-Петербурга попытался обойти прямой канал для получения аудиенции у папы, т. е. обратиться с такой просьбой письменно. Более того, его доверенное лицо, барон Гакстгаузен, конфиденциально информировал папского нунция в Мюнхене, что целью пребывания Струве в Риме был сбор сведений о состоянии католических дел, чтобы подготовить примирение между императором России и Святым Престолом и чтобы было улучшено положение католиков в Польше. Барон также подчеркнул деликатность положения Струве в отношении Бутенева и именно нежеланием возбуждать ревность российской миссии объяснил тот факт, что он не вступал в отношения с Ламбрускини. Он просил бы последнего направить своё доверенное лицо для тайных встреч, которое дало бы ему знать окончательные требования Святого Престола по поводу дел католической Церкви в России и Польше. Нунций предупредил, что Струве был очень влиятельным чиновником министерства иностранных дел, «правой рукой» Нессельроде.

Получив такие сведения из Мюнхена, Ламбрускини решил не участвовать в этой интриге.

Между тем, видя, что никто не ищет с ним встречи, Струве просил профессора Халерса, хирурга папы, поговорить с ним о возможности получения частной аудиенции. После отказа папы Струве обратился за помощью к Бутеневу. Посланник сообщил Ламбрускини, что Струве прибыл в Рим с секретнейшим поручением императора, но не мог просить письменно аудиенцию у папы, чтобы сохранить тайну. Государственный секретарь сказал, что аудиенция не будет предоставлена, пока, по крайней мере, Бутенев, представляющий в Риме императора, в обычной форме не исходатайствует её¹.

Когда это было сделано, аудиенция была назначена на 1 февраля 1845 г. О том, как она проходила, Ламбрускини сообщил нунцию в Вене упомянутым письмом от 4 февраля, пообещав в ближайшее время переслать и отчёт о ней, составленный самим папой. Выполняя своё обещание, 8 февраля он просил нунция не передавать отчёт в архив нунциатуры, а вместе с депешей от 4 февраля и новым посланием от 8 февраля держать при себе и вернуть кардиналу по возвращении в Рим².

Из этих документов складывается следующая картина беседы Григория XVI со Струве. Присутствовавший на ней Бутенев никак в ней не участвовал. Он лишь изредка переводил на французский язык сказанное папой по-итальянски, когда было видно, что оно не очень хорошо понято.

Струве поставил папу в известность, что, прибыв в Италию в отпуск по своим личным делам, он имел поручение от Нессельроде и Орлова испросить у него

¹ ASV. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8.

² Ibidem.

частную аудиенцию, чтобы ему конфиденциально изложить чрезвычайно деликатное дело. В его решении был заинтересован император, и его «счастливый исход мог бы пойти также на пользу католической религии в его владениях».

На это папа отвечал, что Святой Престол никогда не ведёт тайных переговоров по религиозным делам, что органом сообщения между императорским правительством и Святым Престолом служит российский посланник в Риме, что в религиозных делах не бывает секретных статей, но всё должно обсуждаться честно, посредством обычных каналов, принятым способом и письменно.

Тогда Струве уточнил, что данное ему частное поручение вовсе не состояло в обсуждении отношений между российским правительством и Святым Престолом, а ограничивалось вопросом о браке великой княжны Ольги с эрцгерцогом Стефаном.

На последовавший ответ, что брак касается непосредственно двух семей, Святой Престол же не вмешивается в их светские и политические отношения, Струве разъяснил, что «политические отношения его требуют», а две императрицы испытывают затруднение согласиться на него, не располагая благословением папы, и именно о такой милости ему поручил ходатайствовать его монарх. Он сообщил также, что император гарантировал точное выполнение обычных условий воспитания детей в католической религии, что сама княжна будет присутствовать на богослужениях католической Церкви, удовольствовавшись для себя лично частной православной часовней.

Затем, явно стремясь добиться от папы диспенсации¹, Струве возобновил заверения, «что, со стороны императора, будут устранены традиционные затруднения и что такая уступчивость склонила бы монарха в пользу его католических подданных».

Правильно понявший его Григорий XVI пояснил, что просьба о диспенсии может исходить только от католической стороны и рассматриваться в соответствии с неизменными правилами Святого Престола. Иными словами, папа полностью устранился от участия в этом деле. Когда же Струве спросил, может ли он передать от его имени, что австрийский император может просить диспенсию, Святой Отец ответил отрицательно, уточнив, что не говорил, чтобы у него просили диспенсию, а только объяснил, что, когда о ней последует запрос, вопрос будет рассмотрен и будет иметь исход, соответствующий правилам Церкви².

В секретном и конфиденциальном донесении от 21 февраля 1845 г. Виале-Прела признавался Ламбрускини, что «не меньшее удивление, чем то, что справедливо почувствовали» папа и кардинал, испытал и он по получении секретных

¹ То есть, чтобы он воспользовался правом пап отменять церковные запрещения и выдать диспенсию — разрешение на заключение брака в известных степенях родства и свойства.

² ASV. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8.

депеш от 4 и 8 февраля. Причём «особенно от интереснейшего сообщения», со- державшегося в них

...о хитрых манёврах, которые тайно продолжали предпринимать, дабы добиться успеха, когда имелось полное основание признать, что больше не следовало думать о злополучном брачном плане, составлявшем главный предмет забот самодержца. Обстоятельства всей мошеннической миссии, доверенной господину Струве, обнаруживают крайнюю степень (подчёркнуто в тексте. — О.С.) ухищрения того, кто его послал.

К тому же это происходит, утверждал он, в то время, как газеты, оплаченные русскими деньгами, давали понять, что великая княжна собиралась вот-вот уединиться в монастырь. Теперь же, когда полагают, что ход удался, в этих же самых газетах объявят о предстоящем заключении брака. Он признавал, что для выполнения этой миссии Струве был очень пригоден, чтобы действовать так, как ему было предписано в С.-Петербурге, потому что, «пребывая здесь (в Вене. — О.С.) в качестве первого советника российской миссии, он имел случай удостовериться в своих способностях к тайным проискам».

Не допуская мысли о том, чтобы о сделанных папе Струве предложениях могло быть известно кому-либо здесь, нунций решил в качестве исключения, из соблюдаемого им строжайшего секрета в столь деликатном деле, информировать о нём императрицу. Последняя была ему за это очень признательна, найдя это очень полезным, чтобы быть лучше готовыми в случае обращения с просьбой о диспенсии. Наконец, нунций гарантировал сохранность депеш и их передачу в руки кардинала по возвращении в Рим¹.

По указанию папы Ламбрускини ознакомил с ходом этой встречи австрийского посла Лютцова².

Информированный Лютцовым о демарше Струве Меттерних изложил свои соображения по этому поводу в ответной депеше от 14 февраля, с которой посол должен был ознакомить Ламбрускини. Из неё видно, что этот шаг российской стороны произвёл на него сильное впечатление. Он считал «невозможным определить его иначе, как необычный». «Я его считал бы даже невероятным, если бы я не знал о лёгкости, с коей русский ум всегда готов одолеть трудности, которые простые соображения приличия заставляли бы рассматривать как неодолимые где-либо в другом месте!» — писал канцлер.

Посетовав, что до того, как кардинал Ламбрускини посвятил в это Лютцова, ему ничего не было известно о миссии Струве, а иначе он непременно поделился бы своими соображениями по поводу предмета этой миссии с государственным секретарём, он это делал теперь.

¹ ASV. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8.

² Ibidem.

Зная о постоянстве замысла Николая I относительно брака его дочери с эрцгерцогом Стефаном и памятуя о настойчивости, проявляемой им в отношении однажды выраженного желания, канцлер допускал вероятность того, что этот вопрос не совсем чужд миссии Струве. Однако он никак не мог предположить конкретный вариант, оказавшийся реализованным, а именно — прямой демарш со стороны российского императора перед папой. Занятую понтификом позицию он нашёл «единственно достойной его и его высокого положения». Одновременно он выразил сомнение, что случившееся послужит уроком Николаю I. А посему, хотя и с опозданием, Меттерних, стремясь ознакомить папу и его министра с позицией австрийского Двора, подробно изложил в своей депеше то, о чём Лютцов уже знал, так и произошедшее в самое последнее время между российским императором, его доверенными лицами и им самим.

Прежде всего, канцлер констатировал факт неизменности своей позиции в этом вопросе с того момента, как он возник (это могли подтвердить его депеши послу от 9 марта и 11 апреля 1844 г.), а затем подробно остановился на ходе его обсуждения российской стороной с ним¹.

Близкое по времени исполнение поручений Струве и Медемом, по мнению Меттерниха, свидетельствовало о понимании Николаем I того, что, во-первых, пришло время вернуться к этому вопросу и, во-вторых, сделать это следует одновременно в Вене и Риме, не ставя в известность об этом факте оба эти Двора. В итоге он смог убедиться в совпадении позиций в двух столицах. Канцлер не верил, однако, что это могло остановить императора, ибо он был «не тем человеком, который легко расстается с занимающей его идеей; трудности предприятия служат лишь стимулом, воодушевляющим Его продвигать это дело». Посему, чтобы лучше ориентироваться, Меттерних испытывал потребность в получении полной ясности относительно позиции Рима. Одновременно, чтобы дать чёткие ориентиры Риму, он сформулировал позицию Вены, в отличие от своей беседы с Медемом не скрывая, что это была позиция австрийского императора и его семьи.

Итак, как всякий подобного рода брак, тот о котором шла речь, затрагивал вопросы политические и религиозные, заключил Меттерних. И разъяснил, что с политической точки зрения в зависимости от обстоятельств того времени, когда такой вопрос возникает, он воспринимается либо как событие полезное и желательное, либо как создающее затруднения, которых необходимо и разумно избежать.

С религиозной точки зрения любой подобный союз несёт в себе порицание, что и определяет отношение Церкви к смешанным бракам. В этом отношении, не делая «никакого различия между совестью сына Церкви и сознанием государственного деятеля», иными словами, и как верующий и как политик, он «считал политической ошибкой вступление не католической принцессы в австрийскую императорскую

¹ ASV. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8; ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 237–238.

семью». Поскольку это мнение разделялось этой семьёй, протестантская принцесса никогда больше не будет допущена в её ряды, если отречение от прежнего вероисповедания не будет предшествовать браку. Полностью же исключить браки членов императорской семьи с принцессами протестантских домов было практически невозможно, учитывая малое число ещё существующих католических монархических Домов. К тому же имевшиеся августейшие примеры в императорской семье свидетельствовали об искреннем обращении женщин, когда они вступали в чисто католическую семью, в подтверждение чего достаточно сослаться на пример императрицы Элеоноры.

На сей раз, однако, речь шла о браке не с протестантской принцессой. Кроме того, случай с великой княжной Ольгой осложнялся не только тем обстоятельством, что она была православной, но и существованием между двумя императорскими Дворами достойного сожаления дипломатического акта от 1799 г., устанавливавшего взаимность браков между ними, но с непременным условием свободы вероисповедания женщин, входящих в тот или другой Дом. Поэтому, подчёркивал Меттерних, «оговорка, которая, в случае необходимости, могла быть приложена к браку с принцессой, урождённой протестанткой, таким образом, была вовсе не применима к бракам между эрцгерцогами и российскими великими княжнами».

Раскрыв истинные мотивы занятой им с полного одобрения императора и его семьи позиции, Меттерних должен был признать, что она оказалась чрезвычайно щекотливой.

И наше положение, — писал он — в этом деле тем более трудно, что, под влиянием всех имеющихся на данное время обстоятельств, строго соблюдаемый политический здравый смысл (подчёркнуто в тексте. — О.С.) высказывается, очевидно, скорее всего, в пользу близкого союза императорских Домов ради политики, основывающейся на консервативных началах, чем в пользу отказа с вереницей его возможных последствий!

Тот факт, что не посчитались с таким соображением, канцлер истолковал в качестве доказательства силы религиозного чувства в императорском Доме, добросовестным выразителем которого, в полном согласии со своими убеждениями, он был.

Подытоживая пройденный путь, Меттерних отмечал, что в этом вопросе с самого начала исходили из симулируемого неведения австрийского императора в отношении даже факта демаршей, предпринятых перед канцлером в пользу этого брака. Причина же, на которую он сослался, объясняя своё молчание по этому вопросу — причина подлинная, не заключающая в себе никакой игры, — это уверенность в отказе Фердинанда I согласиться на брак, желаемый Николаем I. Мотив такого отказа не имел ничего общего, в сущности говоря, с политикой, он основывался на нежелании императора совершить ошибку, показаться оставившим на произвол судьбы дело католицизма из почтительности к монарху, действия пра-

вительства которого были равнозначны систематическому преследованию религии, естественным покровителем которой является австрийский монарх.

Теперь Меттерниха беспокоила возможность того, как бы занятая позиция — «твёрдая и чётко обозначенная» — не была опрокинута решимостью, на которую способен человек, оказавшийся в положении российского императора. Конкретно речь шла о случае, если, вместо того чтобы ставить вопрос о браке в качестве предварительного условия судьбы католической Церкви в России, император заявит, что возможное согласие австрийского императора на брак послужит для него мотивом, чтобы ещё до заключения брака пойти на установление согласия с римским Двором. Ведь в такой ситуации нельзя будет обойтись двусмысленным ответом, и австрийскому монарху придётся ответить либо согласием, либо отказом.

Отказ порождал у канцлера опасения, как бы те, кто толкал к религиозному преследованию, не использовали его для оправдания суровой системы в отношении того, что «они квалифицируют фанатической ненавистью католиков (подчёркнуто в тексте. — О.С.) к светскому монарху, главе, так называемой, православной Церкви». Иными словами, как бы это не ухудшило положение католической Церкви.

Понимая, что его предположение могло показаться фантастическим, канцлер призывал посла не строить иллюзий относительно времени, в которое они жили. «Вымараем в нём фантастические домыслы, пустые выдумки, действия, лишённые здравого смысла, моральные и физические самоубийства, до чего будет сведена история?» — спрашивал он. И хотя не давал ответа на поставленный вопрос, но его пессимистический вывод был очевиден.

В заключение он просил посла выяснить мнение римского Двора относительно случая, если Николай I согласится, чтобы улучшение положения католической Церкви предшествовало заключению брака¹.

В соответствии с полученным указанием текст этой депеши был передан Лютцовым Ламбрускини, высоко оценившим «в высшей степени корректную и полную достоинства» позицию Меттерниха. Григорий XVI, выслушав с живым интересом доклад кардинала, захотел ознакомиться с самой депешей, которую, как поведал затем в личной беседе Лютцову 27 февраля, перечитал три раза².

О реакции по существу поставленных в депеше вопросов можно судить как по этой беседе, так и по документу, к сожалению, без указания даты и автора, каковым, судя по его содержанию, был, скорее всего, Ламбрускини, хотя нельзя полностью исключить авторство и самого папы.

В этой записке «предполагаемые и предвидимые» Меттернихом случаи относят «не только к возможным, но и довольно вероятным». Центральное же место отводится рассмотрению варианта, когда российский монарх окажется способен,

¹ ASV. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8; ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 237–243.

² ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 5–7.

ради достижения своей цели, пойти на обещания, о которых уже в общей форме объявил: «...что от такого рода брака последовали бы выгоды для католиков Его Империи». Было сочтено, в случае «если бы было можно гарантировать, что так, действительно, и произойдёт, это стало бы каноническим обоснованием, чтобы уступить в этом». Но возникал вопрос «как обеспечить себе такие гарантии?». Поскольку Николай I выступает сам в роли судьбы по поводу того, что полезно католической религии в его государствах, и делает это не в соответствии с законами Церкви, а согласно им самим изданным законам, противоречащим этим последним, представлялось невозможным полагаться «лишь на неясные и неопределённые обещания». Были необходимы положительные факты, «которые доказывали бы твёрдое и полное решимость его намерение осуществить их способами и средствами, соответствующими правилам католической религии и законам Церкви». Приходилось также опасаться, как бы император не настоял на том, чтобы брак предшествовал исполнению обещаний, ибо в таком случае «он сделался бы арбитром и судьёй относительно границ, существа и способа их осуществления в соответствии с его раскольническими принципами». Тревожил и ещё один возможный вариант развития событий, когда, получив согласие императора Фердинанда на этот брак, Николай I решит предварить его заключением Конкордата со Святым Престолом, что поставило бы в трудное положение как австрийский Двор, так и Святой Престол. Во-первых, потому что оставалось неясным, каким мог быть Конкордат и о чём в нём могла идти речь. Ведь заключать его приходилось бы в условиях, когда всему миру были известны жалобы Святого Престола по поводу актов и фактов преследований в отношении католицизма в Российской империи, причём обе стороны не намерены были отступить от своих принципов.

Во-вторых, поскольку весь мир ожидает результатов этой явной религиозной борьбы, то приходилось считаться с тем, какое впечатление на католиков, рассеянных по всему миру, произвели бы секретные переговоры о Конкордате. Судить об этом можно было по реакции католиков в Англии и Ирландии на необоснованные слухи о заключении Конкордата между Святым Престолом и английским правительством.

Наконец, в-третьих, кроме того, что никогда Святым Престолом не заключался формальный Конкордат с некатолической державой, если бы начатые переговоры не привели к заключению его, это могло оказаться чревато серьёзными трудностями как для австрийского Двора, так и для Святого Престола. Для первого, потому что, поставив осуществление брака в зависимость от заключения Конкордата со Святым Престолом, если оно не состоится, он должен будет отозвать своё согласие. Для второго, поскольку Николай I ожесточится против него, видя в нём причину такого поворота событий.

Единственное средство, следовательно, таково, — заключал автор записки, — чтобы император Николай, в конце концов, действительно прекратил преследования,

отменил главные свои указы, подавляющие и разрушающие католическую религию, был бы верен давним торжественным соглашениям и повторяемым, но никогда не сдерживаемым обещаниям сохранить её в целостности. В случае если от него будут проистекать такие выгоды, брак можно будет рассматривать полезным для религии¹.

Изложенные в записке положения легли в основу разъяснений Вене позиции Святого Престола по поднятым Меттернихом в депеше Лютцову от 14 февраля вопросам. Причём ознакомившийся с этой депешей папа предпочёл дать их послу лично в ходе беседы 27 февраля.

Особый интерес понтифик, естественно, проявил к последнему из затронутых Меттернихом вопросов — урегулированию отношений России с Ватиканом до заключения брака. Такое урегулирование, акты и гарантии, данные российским императором, полагал он, однозначно доказывали бы всему католическому миру, что «для католических подданных России началась новая эра», а это в свою очередь могло бы стать веским основанием для согласия императора Фердинанда.

Затем Григорий XVI пояснил: «Император Николай знает, чего я хочу и чего я должен хотеть. Я это озвучил в моей аллокуции (имелась в виду его публичная речь от 22 июня 1842 г. — О.С.), и это я говорил и повторял до сих пор всем его дипломатическим агентам и его посланцам», т. е. о прекращении преследования католиков в Польше и России.

Говоря о возможном соглашении между российским и римским Дворами, папа отказывался заранее от заключения Конкордата. При этом он заметил, что это, впрочем, нисколько не ускорило бы решение вопроса о браке, но дало бы повод бурным протестам католического населения, встревоженного (как в своё время в Ирландии) известием о согласии понтифика доверить их судьбу и духовное благополучие доброй воле не католического правительства.

Вернувшись к вопросу об ожидаемых от императора актах и гарантиях, папа вновь протестовал против смехотворных доказательств, которыми все указы, законодательные и административные предписания, наносящие вред католической Церкви, представляются российскими властями, наоборот, как благоприятные ей и её духовенству. Он особо отметил при этом указ о передаче имущества католической Церкви в казну.

В заключение беседы папа так изложил свои просьбы к российскому императору, «в которых он никогда не должен ему отказать и может согласиться без ущерба для своего достоинства, без урона для своих прав монарха и своих народов».

Пусть император, — сказал он, — заявит о намерении положить конец ничем неоправданной системе преследования католической религии, ...отменит пагубные указы, ставшие следствием этой системы гонителей, которые заставили закрыть и разрушить католические церкви, монастыри и лишили прямого предназначения

¹ ASV. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8.

их фонды, основанные на средства прошлых поколений (в упокой их душ), которые они завещали своему отечеству и освятили в память их единоверцев. Пусть император в Своей справедливости возобновит действие обязательств и договоров, заключённых его славными предками. Мир возродится, и тысячи верующих, его подданных, будут благословлять Монарха, вернувшего им самый драгоценный из всех даров¹.

Всё сказанное Григорием XVI (о чём Лютцов сообщил Меттерниху 2 марта) свидетельствовало о его вполне позитивной реакции на тот вариант урегулирования отношений России со Святым Престолом до заключения брака, который явно не устраивал и серьёзно беспокоил Меттерниха.

Предпринятый в Риме демарш послужил поводом для составления в Вене датированной 15 марта 1845 г. пространной записки, озаглавленной «Россия, рассмотренная в религиозном отношении». Её автором мог быть практически только Виале-Прела в силу его осведомлённости, избранного им аспекта проблемы и пребывания в Вене.

Он видел в демарше российского императора доказательство настойчивости, которую он проявлял в отношении своего проекта брака великой княжны Ольги с эрцгерцогом. К такой настойчивости, считал он, его побуждал его собственный характер, его сын великий князь — наследник, который первым подал эту идею, после своего пребывания в Вене. Свою роль в этом сыграла императрица,

...которая была первой и, возможно, единственной причиной отказа, данного её дочерью эрцгерцогу Альберту, поскольку, таким образом, она подвергла опасности её будущее, тем более горячо она поддерживала этот проект единственной партии, которая, кажется, осталась ей сегодня. В России общественное мнение, недовольное двумя браками великих княжон — Марии и Александры — вынуждает, так сказать, императора искать для третьей дочери устройство, которое было бы более достойно его Дома и его Империи. Нужна была совокупность этих моментов, чтобы понять, почему предпринятый в Риме демарш мог оказаться возможным, —

считал автор записки.

Одна причина, по которой австрийский Дом не желал этого брака, полагал он, относилась к внутренней политике Австрийской империи и к личному положению, которое однажды может занять эрцгерцог Стефан. Другая причина проистекала из того, что это был религиозный вопрос. Каноны Церкви не противодействуют смешанным бракам, когда все дети от него воспитываются в католической Церкви, но религиозные вопросы «не должны решать одни каноны». Особенно это касалось такого Дома, как австрийский, поставленного во главе католицизма, которому его положение вменяет долг защиты католических интересов. Брак в императорской

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 5—8.

семье становится всегда религиозным вопросом, который, чтобы подчеркнуть его характер, следовало называть политико-религиозным вопросом.

А это диктовало необходимость рассмотрения позиции российского императора в отношении католической Церкви с точки зрения того, может ли этот брак быть выгодным для католической Церкви или же принести ей пользу?

Такую выгоду, по его мнению, представляла бы возможность заставить императора следовать линии поведения более благоприятной католической Церкви в его Империи, «иначе говоря, чтобы он прекратил покушаться на её права и независимость». Напротив, досадно было бы видеть, как австрийский Дом заключает союз с семьёй, которая продолжала бы быть враждебной католической Церкви, что могло бы быть интерпретировано лишь как религиозный индифферентизм или политическая слабость.

Признавая невозможность оспорить, со строго политической точки зрения, многочисленные выгоды союза между двумя императорскими Домами, автор записки находил, что для принесения их в жертву религиозно-политическому положению необходимо было, чтобы оно обрело бы исключительную важность.

Оценка религиозно-политического положения им предваряется ответом ещё на два вопроса: является ли образ действия в отношении католической Церкви в России личным делом императора Николая или же естественным результатом исконной политики русского правительства?

В первом случае австрийский Дом мог бы надеяться воздействовать, в пользу католической Церкви, на характер императора.

Во втором — в этом брачном вопросе речь шла бы не о двух императорских семьях, а о политике двух Империй. Поставленный на такую более широкую почву, этот вопрос станет более ясным, а влияние личностей устранялось бы.

Заметив, что «столь серьёзное дело давно не выносилось на обсуждение», автор записки подчёркивал, что «оно сопровождается очевидными помехами, которые его делают более трудным и ещё более деликатным». В подтверждение он ссылается на следующие факты.

В 1840—1841 г. эрцгерцог Альберт добивался руки великой княжны Ольги, тогда русский дом отклонил этот союз, которому австрийский Дом, казалось, не хотел чинить никакого препятствия. В 1843—1844 гг. именно русский Двор начал настойчиво желать выдать великую княжну за эрцгерцога Стефана, а венский Двор посчитал долгом отклонить этот союз или хотел бы, по крайней мере, связать с этим условия, которые относятся к области переговоров между правительствами. Следовательно, становилось неизбежным рассмотрение вопроса с дипломатической точки зрения.

Исходя из того, что религиозные вопросы не рождаются, как политические, из изолированных, случайных и непредвиденных обстоятельств, что они постоянны и связаны с принципами, которые переживают века, а объяснение им можно найти лишь в истории, автор записки дал пространный экскурс в неё. И если его

познания о далёком прошлом были почерпнуты из книг, то суждения о событиях последних лет, безусловно, отражали восприятие их папскими иерархами, к каковым он принадлежал. Но несомненный интерес представляют обе части его записки.

Он отмечал, что Россия всегда была в религиозном отношении больше отделена от Европы, чем в политическом. Будучи обращена в христианство византийской Церковью, она сохранила её догмы и литургию, никогда от них не отходя; только с того времени, как она владеет Польшей, она поневоле вступила в прямой контакт с римским Двором. Законодательство и её политика по религиозным вопросам, таким образом, являются следствием изолированного положения, которое ей создали обстоятельства. Правление Ивана III являлось временем, которое дало греческой Церкви в России независимое положение и придало ей характер, который она сохраняет с тех пор. Два важных события, которые следовали на небольшом расстоянии, содействовали этому. Это Флорентийский Собор, который вынес решение о примирении и объединении двух Церквей, и падение Восточной империи. Завоевание Константинополя и пребывание султанов в столице Империи, где находился патриарх, создали неодолимое препятствие объединению путём переговоров, которые Святой Престол никогда не оставлял.

Не воспроизводя интерпретацию им событий, связанных с Флорентийским Собором, упомянем его общие заключения: «таким образом, результатом Флорентийского Собора для России была независимость её Церкви и создание греко-униатской Церкви».

Из обстоятельств того времени, которые определили одновременно характер русской Церкви и позицию, занятую в отношении неё монархом, автор приводит следующие.

Он разделял тезис о том, что Иван III искренно склонялся во время Флорентийского Собора к объединению с латинской Церковью. К этому его побуждало стремление избавиться от мысли о политическом превосходстве, на которое, казалось, имели право императоры Восточной империи вследствие главенства константинопольского патриарха над русской Церковью, а законная зависимость, в которой находилась греческая Церковь перед императорской властью, должна была поставить и Церковь России в такое же положение. Эта зависимость, таким образом, перешла бы с Церкви на русского князя. Главенство папы не могло иметь такого же последствия. Поскольку, впрочем, он не имел поддержки светской силы, каковой была сила восточных императоров, князь в этом видел также большие шансы для свободы его Церкви. История всего его царствования доказывала, что он руководствовался политическим расчётом скорее, чем религиозным чувством. Так, когда падение Восточной империи его освободило от беспокойства по поводу зависимости, которое ему внушал характер его религиозных отношений с этой Империей, он не находил больше такой же заинтересованности объединиться с Римом. Брак с принцессой императорского Дома, который только что потерял трон, побуждал князя сделаться его наследником. Он ловко использовал то обстоятельство,

что Восточная Церковь только что была низведена в рабское положение, чтобы осуществлять над русской Церковью положение суверенной власти, которую императоры во все времена осуществляли над Восточной Церковью. Так, по их примеру император созывал Соборы и лично председательствовал или поручал руководить ими делегируемым им лицам. С этого времени больше не было никакой заинтересованности сближаться с Римом и давать папе власть, которую он только что присвоил себе. С этого времени он сделался самым несомненным противником греко-униатской Церкви, которой благоприятствовал или, по крайней мере, облегчал становление своей терпимостью.

Автор записки находил ошибочным мнение российских историков-льстецов Дому Романовых и Европы, покорённой блестящей деятельностью Петра Великого, которые в большинстве считали, что новая Российская империя датируется лишь с его правления и была его творением. Подлинным создателем России, — считал он, — был Иван III. Пётр Великий скорее расшатал основы, на которых он её создал. Он их не укрепил, а изменил и уготовил России потрясения, форму, которую они примут, «так же трудно предвидеть, как последствия, которые они будут иметь».

В обоснование своей точки зрения он писал:

Важнейшее определяющее начало Российской империи — это принцип единства, который ей был дарован Иваном III. Он создал единство власти, сконцентрировав все верховные права в своём лице, политическое единство, разрушив всю политическую жизнь, различные формы которой придавали больше или меньше независимость, религиозное единство, подчинив Церковь своей власти. Этот принцип единства является уже почти четыре века источником всех идей, как и всех мер российского правительства¹.

Что касалось недавних событий в Царстве Польском: восстания и последующих мер правительства, обращает на себя внимание довольно трезвая оценка их автором записки. Так, он отмечал, что император Николай отменил конституцию, которую «восстание само уничтожило». Царству было дано новое политическое устройство, которое его «привязало, правда, к России более сильными и более непосредственными узами, но которые позволяли ещё существовать управлению, согласно условию Венского договора». Некоторые ведомства этого управления приняли такие же формы, как в России, но они существовали отдельно и сносились с императором через органы, которые занимались исключительно делами Царства. Польская армия

...больше не существует и, конечно, она не заслуживала того, чтобы ещё существовать, император получил право её упразднить; никакая статья этих договоров не вменяла России обязанность создавать для Царства польскую армию. Император

¹ ASV. Fondo Russia-Polonia. 1845. Posizione 184–190. Fascicolo 51. Fogli 2–7.

Николай, таким образом, был волен расставлять, как он это сделал, солдат, которых ему предоставляло Царство... До настоящего времени Россия не нарушила букву договоров и оставалась в пределах её прав, и никакая держава не сочла возможным оспорить то, как она их применила.

Восстание 1830 г., полагал автор записки, послужило для императора неожиданным предостережением об опасности, которую представляло для России оставить Польшу устроенной и покровительствуемой, как прежде. Акт о лишении прав, направленный против него лично и его Дома, стал личным мотивом, который ещё больше повлиял на него. Этот акт, который мог бы быть лишь результатом полной победы, был «безрассудством в начале борьбы, а осторожность повелевает разоружить безрассудных».

Польша в этих обстоятельствах вернулась к своей прежней истории: «чувство, которое оказалось самым активным и самым сильным в душах масс, было религиозное чувство; оно было единственным остатком, ещё сохранившимся от прежней польской нации, ему удалось вовлечь в один и тот же враждебный настрой духовенство, знать и крестьянство». С этого времени император «решил лишить католическое начало силы воздействия, которая ему ещё оставалась. Нужно было начать лишением его значительной части греко-униатов: продолжили, таким образом, дело, предпринятое в правление Екатерины II, но так, чтобы его закончить одним махом». Заметим, что последнее утверждение верно, с уточнением, что этому «одному маху» предшествовала напряжённая подготовительная работа.

Первое средство, употреблённое для этой цели, продолжал он, состояло в том, чтобы

...дать всем прежним литовским провинциям официальное наименование Западных провинций, вошедших в состав Империи (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Не считались больше ни с каким из событий, которые привели и санкционировали их долгое отделение. Четыре века одним росчерком пера были вычеркнуты из истории, и император Николай стал прямым восприемником Ивана III. Возвращение греко-униатов в лоно православной Церкви было, таким образом, отпраздновано, как семейный праздник.

Естественно, что в такой ситуации литовский кодекс, отменённый в правление императрицы Екатерины и восстановленный императором Павлом, был вновь отменён и заменён российским. Эта замена русскими законами литовских законов каждодневно разрушает всё больше существование католической религии. Литовский кодекс, как все законы Польской республики, был составлен в духе защиты и покровительства католической Церкви, а русские законы — в диаметрально противоположном духе. В опубликованном при Николае I уголовном кодексе назывались такие преступления против религии, как богохульство, вероотступничество и смена веры, наказания за лжеучения, ложные чудеса, беспорядки в церкви,

святотатство. А статья 178 сурово запрещает обращать кого-либо, но также противодействовать прозелитизму истинной веры.

Эти последние законы от 1794 до 1830 г. имели в виду присоединение униатов, что и было достигнуто посредством насилия против низших классов и посредством оболыщения и подкупа в отношении духовенства; но «эти законы будут продолжать оказывать их влияние своим естественным воздействием более или менее медленным, но всегда возрастающим, на католическую Церковь, лишённую возможности распространяться, но подвергающуюся опасности ежедневных потерь».

Для увеличения этих потерь было использовано и другое средство. Если прежние законы о смешанных браках между Россией и Польшей, по крайней мере, поддерживали равновесие между католической религией и диссидентскими исповеданиями, то российский кодекс, сменивший литовский, включал старый закон, применявшийся во всей Империи, по которому дети, рождённые от такого брака, должны принадлежать русской Церкви.

Затем следуют сетования автора по поводу материальных потерь, связанных с распространением на греко-униатскую Церковь со времени её присоединения и частично на католическую Церковь закона, запрещающего русской Церкви обладать собственностью. Духовенство этих двух Церквей должно получать жалованье, как духовенство русской Церкви, а средства на духовные дела и содержание церквей назначаются в соответствии с необходимостью.

Позиция правительства получила одобрение греческого духовенства, которое без зависти не могло видеть, как латинское духовенство пользовалось лучшими условиями, чем оно, а также всех протестантских раскольников и национальной автократии, которая не могла спокойно переносить идею Церкви, зависимой от иностранной власти и управляемой ей. Эти три влияния сильны в С.-Петербурге, в то время как католическая Церковь в этом не рассчитывает на защитника, который был бы в состоянии высказаться в её пользу.

Было очевидным, что все упреки римского Двора против такого «ограбления» Церкви будут всегда тщетными. Но «если это дело насилия и несправедливости обеднило Церковь, оно, однако, не разрушило католицизм», подлинную угрозу её истребления в России автор видел в законах о прозелитизме и о смешанных браках.

В поисках выхода он задавался вопросом, может ли австрийский Двор помочь в устранении столь серьёзного зла? И видел его в праве Австрии дипломатически вступить за католиков в силу принятого участвовавшими в разделе Польши тремя державами взаимного обязательства сохранять *status quo* различных исповеданий. Речь шла о свободном осуществлении их культа и дисциплины, сохранении всех тех церквей и церковного имущества, которым они обладали на момент их перехода под новое господство, и было обещано, что никакая из этих держав никогда не воспользуется правами монарха в ущерб *status quo*.

Австрия эти обязательства выполнила в отношении греков-неуниатов в Галиции, а Пруссия — католиков областей, находившихся в её владении. Почему Россия освободила себя от этого обязательства?

Объяснение этому автор записки видел не в восстаниях: потому что «если католики восстают против их монарха, то делают это не как католики, но как бунтовщики, которые должны быть преданы суду; тем более не католическую религию нужно преследовать в отношении её организации и дисциплины её Церкви».

Он находил, что договоры, которые предшествовали, сопровождали и последовали за первым разделом Польши, были, казалось бы, такого рода, что могли служить основой объяснений с Россией. Если же российское правительство считало их аннулированными с исчезновением Польши, а себя свободным от всех принятых обязательств, то вопрос принимал бы иной характер. А именно, может ли австрийский Двор, без опасности для себя, заключать политический союз с российским Двором,

...если русское законодательство должно оставаться столь враждебно, как сегодня, религиозной вере, которую исповедует австрийский Дом и которая является самой сильной связью, объединяющей между собой различные части его Империи? Может ли он заключать столь тесный союз, какого требуют различные обстоятельства, в которые поставлена Европа, когда существует столь основательное расхождение? Россия, таким образом, не должна ли избежать всякого риска? Считает ли она себя защищённой от потрясений, которые уже казались бы неизбежными? И может ли она найти в Европе другого союзника, чем Австрия?

Исходя из того, что обе державы были взаимно заинтересованы в этом союзе, он полагал, что, если «мы потребуем условие, которое является неукоснительно *sine qua non* ('без чего нет'. — О.С.), Россия не может противиться его обсуждению».

Наконец, автор записки останавливается на претензиях к России по двум моментам международных отношений. На издавна предписанной государствам Центральной Европы осторожности в отношении несогласных групп населения, которые входят в них. В случае российского императора речь шла об имевшемся после разделов Польши среди его подданных значительном числе католического населения. Это вменялось ему в обязанность, как внутренней, так и внешней политикой государств.

Не имея права просить отчёт императора по поводу первой, считали себя вправе ему «объяснить, что религия не имеет естественных границ, что религиозные дела должны, таким образом, всегда обсуждаться между двумя великими державами, желающими оставаться союзниками».

Будучи также не вправе просить Россию, чтобы «она перестала давать своей Церкви исключительное название православной», находили необходимым ей пояснить, что,

...если русское правительство сделается православным его законодательством, оно кончит тем, что неизбежно себя поставит вне политических отношений Европы или тем, чтобы находиться постоянно в войне с ней. Общественное мнение, которое становится каждый день более враждебным России и которое делает союз с ней уже очень трудным, не является ли верным доказательством этой истины? Связанные с этим вопросом интересы слишком серьёзны, чтобы быть преданы молчанию. Российский император должен знать, какого характера соображения противостоят принятию спонтанному и безусловному союзу, которого он добивается.

Император узнал бы тогда одновременно, насколько искренними являются сожаления, испытываемые императорской семьёй, что так обстояло дело; они предстали бы перед ним одновременно, как личные и политические: личные, так как самая тесная привязанность соединяла ещё недавно две августейшие императорские семьи; политические, поскольку издавна самый тесный союз соединяет две Империи¹.

Итак, вопрос о браке вызвал широкое обсуждение заинтересованными сторонами. К тому же, пока он пребывал в таком состоянии, возникло новое, непредвиденное прежде обстоятельство, которое логично было связывать с ним.

Появились первые предположения о возможном посещении Рима Николаем I. Это случилось после ставшего известным намерения российской императрицы провести зимние месяцы в мягком климате на Юге. Из рассматриваемых вариантов Крым отвергли из-за бушевавшей там малярии, юг Франции — из-за короля Луи Филиппа, Неаполь — по причине пребывания там Двора, что налагало обязанности по отношению к нему и потому было весьма утомительным. Выбор пал на Палермо, и было решено, что императрицу туда будет сопровождать император².

Правда, начальный этап пути они проделали отдельно. Александра Фёдоровна под именем графини Знаменской ехала через Щецин, Берлин, Инсбрук. Маршрут Николая I, путешествовавшего как генерал Романов, пролегал через Краков, Прагу, Берлин, Инсбрук. Встретившись на озере Комо, вблизи Милана, они отправились в Геную, где уже с сентября находились военные корабли «Камчатка» и «Бессарабия». 23 октября на этих кораблях они прибыли в Палермо, а с ними — великая княжна Ольга, прусский принц Альберт, брат императрицы, Нессельроде и многочисленная свита.

Предположение о посещении Николаем I папской столицы, возникшее при первом известии ещё только о возможной поездке императорской семьи в Италию, теперь представлялось вполне реальным. По этому поводу появилось немало слухов.

¹ ASV. Fondo. Russia-Polonia. 1845. Posizione 184–190. Fascicolo 51. Fogli 18–26.

² Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 308–309.

Активно к его приезду готовилась польская эмиграция, для которой как нельзя кстати оказалось незадолго до этого преданное гласности так называемое дело монахинь-базилианок. Публикуемая в Париже польская газета «Le trois mai» распространила рассказ об их преследовании литовским архиепископом Семашко за отказ принять православие. По словам газеты, 47 монахинь были ночью захвачены казаками, препровождены пешком из Ковно в Витебск, принуждены служить монахиням православного монастыря, назначавшим им по пятницам по 15 ударов палками, затем по указанию Семашко их заковали в кандалы, приговорили к тяжёлым работам в шахтах и на строительстве епископского дворца. 30 монахинь погибли.

Статьи по этому поводу появились также в «L'Univers», а затем в других французских и немецких газетах. Французская газета «Debats» в номере за 27 сентября перепечатала эту статью. Затем 30 сентября она была повторена в «Gazette allemand d'Ausbourg» и в очень распространённой в Италии «Gazette de Lucques». Авторы статей ссылались на показания настоятельницы Макрины Мичеславской, якобы спасшейся, добравшейся до Парижа и в сопровождении священника Александра Еловинского (одного из инициаторов восстания 1830 г. в Польше) прибывшей в Рим в момент, когда там ожидали приезда Николая I. Вскоре приписываемые папскому правительству протоколы её допроса были опубликованы, как бы по недосмотру, во французских газетах и сопровождалась резкими комментариями в адрес российского правительства¹.

Это событие не оставило безучастным российского монарха. В письме из Палермо от 7 ноября / 25 октября 1845 г. Паскевичу, говоря «о новой канальской выдумке поляков о монахинях», произведшей «в Риме желаемое действие», Николай I делал для себя неутешительный вывод: «Мы никогда не спасёмся от подобных выходов, ибо ныне иначе не воюют, как ложью» (подчёркнуто в тексте. — О.С.)².

Большую активность в обсуждении вопроса о возможности посещения Рима Николаем I проявил Меттерних. Как писал Виале-Прела 15 октября 1845 г. Ламбрускини, случилось так, что он находился у канцлера, когда к нему прибыл Нессельроде. Он был ему представлен и от него узнал, что он спешил на Комо и надеялся, что на этот раз ему удастся увидеть Рим. Поговорив с нунцием несколько минут, он сказал, что уезжал из Вены на следующий день, 15 октября, и должен был догнать императора на Комо 18 октября. После того как Нессельроде отбыл,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 159. Л. 66–67, 105–106; Ф. Отчёты МИД. 1845. Оп. 475. Л. 54–56; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 357.

² Щербатов А.П. Указ соч. Т. V. Приложение. С. 541–542; Русский архив. Т. II. М., 1910. С. 504; Николай I. Муж. Отец. Император. С. 513.

посетив супругу канцлера, Меттерних поделился с нунцием своими соображениями по поводу только что состоявшейся беседы.

Предварительно он его оповестил, что Нессельроде — протестант и честный человек и что он открыто порицал политику, проводимую его монархом против католической Церкви. Рассчитывавший, очевидно, узнать от него что-нибудь по интересовавшему его вопросу о браке княжны, Меттерних спросил, не имел ли он какого-нибудь поручения от Николая I. В ответ министр сказал, что прибыл в Вену, только чтобы передать извинения императора по поводу того, что он не заехал в австрийскую столицу. Тогда Меттерних по собственной инициативе уведомил его о состоянии вопроса о браке и о том, что император должен решить, хочет ли он его или нет. В первом случае он нуждается в средствах для достижения этого, но они не находятся в руках ни австрийского императора, ни папы, а исключительно в его собственных. Речь идёт о том, последовало разъяснение, что он должен полностью изменить систему отношения к католической Церкви, во втором случае всё было бы кончено¹.

«Сакраментальные слова», по его собственному определению, сказанные им тогда Нессельроде, Меттерних так воспроизвёл в депеше от 2 ноября к Лютцову:

Мы не любим демаршей бесполезных, легко оборачивающихся тем, что компрометируют как говорящего, так и слушающего. Когда о видах императора на устройство своей дочери в Австрии стало более или менее общеизвестно, мы сочли необходимым предписать нашему представителю при Святом Престоле предупредить этот последний, что согласие Нашего Августейшего Монарха на этот союз не может иметь место при нынешнем положении религиозных дел в российской Империи; что мы просили бы Святого Отца с этого времени вовсе не заниматься этим вопросом.

Затем Меттерних ещё добавил:

Вы понимаете после этого, насколько секретное поручение, доверенное господину Струве, должно было удивить Рим и насколько оно должно было восприниматься нами и Святым Престолом, как ложный шаг. Не заблуждайтесь, брак, которого желает император Николай, является или невозможным, или просто делом, выпадающим из общего правила разрешения на брак, учитывая разницу вероисповеданий (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.). На каком основании могли бы мы обратиться к римскому Двору, когда цель демарша представляется недостижимой для истца?²

Как засвидетельствовал Меттерних нунцию, Нессельроде оказался полностью согласен с позицией австрийского кабинета. На вопрос Меттерниха, поедет ли Николай I, сопровождая императрицу в Палермо, через Рим, министр ответил, что

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–3.

² Там же. Д. 98. Л. 161–162.

не знает, поскольку император склонен хранить тайны, но полагает, что да. На этот случай Меттерних посоветовал императору сказать папе: «Обычно считают, что мы находимся в состоянии своего рода войны, если имеются трудности, мешающие согласно, вот я, я готов, насколько могу, служить укреплению мира». Заверив, что Святой Престол не может уступать в отношении принципов, в остальном же можно всегда рассчитывать на его благорасположение, Меттерних дал ещё один совет. Он рекомендовал в беседах с папой совсем не касаться вопроса о браке из чувства простого приличия, ибо он оказался бы движим слишком обывательским чувством, поставив в качестве основы дела чрезвычайной важности семейный вопрос. К тому же по этому поводу нельзя было ожидать иного ответа, чем уже данный Святым Престолом Струве. Императору следует привести в порядок религиозные дела к полному удовольствию папы, а тогда для брака не будет больше никаких затруднений. По утверждению Меттерниха, министр со всем этим согласился и даже записал суть сказанного, чтобы воспользоваться в случае необходимости в беседе с императором.

Меттерних признался нунцию в глубокой убеждённости, что российский монарх поедет в Рим и что именно это было главной целью его путешествия в Италию¹.

К такому же мнению пришёл Карл Буоль-Шауенштейн, австрийский посланник в Генуе, во время пребывания в этом городе Николая I на основании полученных «из верного источника сведений, точность которых гарантировал». Ему, в частности, стали известны такие рассуждения императора по поводу расхождений со Святым Престолом: «Я глубоко убеждён, — сказал он, — что римский Двор плохо информирован о положении дел, что он верит самым абсурдным небылицам; ещё хуже он судит о моих намерениях, и речь идёт, главным образом, о том, чтобы пролить свет на серьёзные недоразумения».

На реплику, что ему придётся иметь дело с сильным противником, встретиться как с предубеждениями, так и убеждениями, которые трудно оспаривать, с религиозным рвением, граничащим с фанатизмом, Николай I отреагировал следующим образом: «Но это как раз те, с кем я хочу встретиться; именно с самыми ревностными, я считаю важным дискутировать. Я им докажу заблуждения их Церкви; я им покажу, насколько некоторые из их требований являются безрассудными, насколько, наконец, они неверно судят обо мне».

На данный тем же собеседником совет ради восстановления доверия принять какого-нибудь посланца папы, пусть даже не нунция или прелата, а просто светского человека, который смог бы информировать о его стремлении улучшить отношения, Николай I заявил, что никогда на это не согласится, не желая допустить чьё-либо вмешательство в свои дела. Он хотел, чтобы ему доверяли и не предполагали у него

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 95. Л. 4.

таких абсурдных намерений, как, например, желание заставить изменить религию восьми миллионов его подданных¹.

Буоль, со своей стороны, пришёл к следующим заключениям: Николай I рассчитывал очень на своё личное влияние, надеялся «взять дело штурмом». Пользовавшиеся же его доверием лица из его окружения скорее полагались на то обстоятельство, что он окажется в Риме в безопасности от фанатиков, осаждающих его дома и иногда вынуждающих пойти на меры, которые самому монарху внушают отвращение. Успех переговоров они гораздо меньше связывали с уступчивостью Святого Престола, чем с великодушным порывом и одним из тех неожиданных решений императора, которое сможет изменить, наконец, положение дел и обозначить, вероятно, важную веху в истории его царствования.

Собранные сведения убедили Буоля: во-первых, царь имеет серьёзное намерение урегулировать разногласия со Святым Отцом и даже определённую уверенность, что это ему удастся; во-вторых, глубоко уязвлённый тем, что оказался втянут на путь, удалявший его всё более от его цели, нисколько не заблуждаясь относительно непопулярности, создаваемой нынешним положением дел его правлению, он горячо желает соглашения; наконец, им движет будущее его дочери².

С тех пор как стало известно о путешествии Николая I в Италию и Вену, Рим чрезвычайно интересовала его позиция в вопросе о браке и, в свою очередь, там очень хотели поставить его в известность о своей позиции. Но это оказалось неразрешимой задачей.

Депешами Меттерниха от 3 и 11 октября сопровождавший российский императорский Двор до Праги Карл Фикельмон, австрийский государственный министр, дипломат (посланник Австрии в России в течение десяти лет с 1829 г.) был уполномочен сообщить императору о прекращении преследования католической Церкви в качестве предварительного условия заключения брака. Но в беседе с ним Николай I говорил о политике в целом, в частности заметив, что верными Священному союзу остались лишь две державы (Россия и Австрия), «а если и вы измените, я останусь и буду действовать совсем один!». Поскольку император не затронул вопрос о браке, у министра не было возможности поставить его в известность о мнении австрийской стороны.

Сообщавший об этом Ламбрускини 24 октября нунций Виале-Прела полагал, что Николай I узнал об этом мнении от Нессельроде после его беседы с Меттернихом. Правда, российский министр принял сказанное ему к сведению, дав понять, что «он скажет об этом императору только в том случае, когда царь ему предоставит случай, заговорив об этом деле» (подчёркнуто в тексте. — О.С.).

«Позиция царя в этой последней фазе дела тонко продумана, — заключил нунций. — Он не говорил теперь ни с кем об этом деле и заставил полагать, что

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 160.

² Там же. Л. 159.

никого не уполномочивал о нём говорить; он делает вид, что больше не думает об этом и, таким образом, изображает, что не знает о мнении этого (австрийско-го. — О.С.) Двора и о выдвинутом условии». Образ действий Николая I занимал нунция в связи с возможностью того, что он отправится в Рим и, вопреки данному ему Меттернихом совету, заговорит об этом деле, вероятно делая вид, что не знает об условии, выдвинутом австрийским Двором. При этом он будет добиваться согласия от Святого Отца, пусть даже самого неопределённого, чтобы затем им воспользоваться перед австрийским правительством.

По мнению нунция, если император, говоря с папой, умолчит об условии австрийской стороны, Святой Престол окажется в том же положении, что перед Струве; «если же будет упомянуто условие, следует дать ответ, которого требует важность дела и благополучие Церкви»¹.

После приезда императора в Италию и его пребывания всего в двух днях езды от Рима возможность посещения им и его семьёй папской столицы выглядела вполне реальной. Такая перспектива, как писал 31 октября Лютцов в Вену, «взволновала престарелого понтифика и его министра, физическое (а иногда и моральное) здоровье которых несёт отпечаток этой канцелярской жизни, утрат, тревог, дразг и интриг, следующих непрерывно друг за другом». В подтверждение этого посол сообщал, что папа ему

...сказал как-то на днях. «Я ожидаю визита Ибрагима-паши, я с ним охотно встречу; так же как с Мохаммедом Али, если он должен будет когда-нибудь прибыть в Рим, и точно так же с великим визирем, потому что они вовсе не причиняют зла католикам и принимают во внимание все мои просьбы и замечания. Но Николай!» — делая очень многозначительный жест.

Лютцов писал, что здесь не сомневались, что император непременно захочет убедить католиков Польши и всего Востока, что ему и его семье был оказан сердечный приём главой католической Церкви. Папа не исключал такого замысла и не желал смириться с подобным триумфом. «Чего он здесь хочет? Мне говорил папа, как я сообщал в моём донесении. — Хочет оскорбить меня или хочет обмануть католиков Востока, сердцам которых я близок!» В этом-то состоят опасения, которые питает папа по поводу приезда императора, пояснил посол².

Судя по тому, что в другом донесении от 31 октября Лютцов приводит ещё одно высказывание папы по поводу возможного посещения Рима Николаем I, эта тема полностью поглотила в это время всё его внимание. На сей раз, правда, понтифик был менее эмоционален и изложил по существу свою программу действий. Он заявил о готовности принять императора «со всеми отвечающими его положению почестями»; в случае пожелания обсудить разногласия, существующие между

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 176–178.

² Там же. Л. 17–18.

ним и католической Церковью, сказать всё, что об этом знает и думает. Затем он обратился, пожалуй, к самой злободневной теме:

Будет ли император говорить о браке? Но не стороне не католической, а стороне католической следует просить у меня надлежащее разрешение на брак. Моё согласие не может быть получено этим последним, — пояснил он, — до прекращения преследования католиков в Российской империи, я на него соглашусь, когда Церковь сможет пребывать и функционировать в мире и безопасности рядом с русской Церковью; наконец, когда факты нам докажут, что император расположен выслушать мои справедливые претензии и пойдёт на соглашение, которое составляет предмет нашей заботы и которое не может противоречить, а должно служить подлинным интересам российской монархии¹.

С этим заявлением папы Нессельроде ознакомился по получении выписки из депеши Лютцова от Медема, приложенной к письму от 8 ноября / 27 октября. Тот, в свою очередь, очевидно, был ознакомлен Меттернихом, позволившим снять с неё копию. Одним словом, Меттерних использовал все возможные пути, чтобы воздействовать на российскую сторону.

15 ноября, отвечая на депешу Лютцова, Меттерних признавался, что она послужила для него «подлинным утешением». И объяснил почему:

Чем больше я осознаю мой долг и мужество, необходимое для удовлетворения его (папы. — О.С.) требований, тем больше то, что может меня утвердить в моём убеждении, что линия, которой я следую, является не только верной, но одновременно и самой полезной, должно облегчить для меня бремя ответственности.

Никогда никакое дело не бывает изолированным, рассматривать его лишь с одной-единственной точки зрения — значит рисковать трактовать его несовершенноспособным способом; рассматривать же его в различных направлениях — нелегко, и это может привести к порочащим Вас ошибкам. Чтобы удовлетворять подлинные потребности, существует только одно средство — хорошо определить пункт, являющийся главным в этом деле и с того времени долженствовавший также стать конечной целью.

Это правило Меттерних применил, чтобы прояснить самые разные аспекты занимавшего его дела. Результатом стал вывод о том, что в нём

...главным пунктом является не вопрос о браке одной великой княжны с одним эрцгерцогом, а вопрос о выборе между системой ошибочного управления, которой следует российский император в отношении своих католических подданных, и хорошей правительственной системой; это очевидная невозможность для прирождённого Покровителя католической Церкви заключить договор о семейном союзе с сознательным Преследователем этой самой Церкви до тех пор, пока не будет оставлена система преследования. Брак — это вопрос уместности, он не является

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 598. Л. 245—246.

и не может стать ничем другим. Эта уместность, там, где она существует, нисколько не снижает важность соображений, могущих противодействовать достижению цели, самой по себе желательной. Таков вышеупомянутый случай по состоянию на данный момент. Я первый признаю выгодные стороны семейной связи между двумя Империями не только с точки зрения реальной пользы этой связи, но, — пояснил канцлер, — также с точки зрения опасности, могущей проистекать из-за досады, вызываемой любим не сбывшимся ожиданием; но дело, подлинное дело, заключается в этом? Конечно, нет, оно заключается в препятствии, противодействующем осуществлению желания российского монарха...

К такому выводу, заключал Меттерних, пришли в Вене и Риме, и это совпадение суждений служило доказательством, что они были близки к истине. Он затруднялся однако, предсказать, придёт ли к такому же выводу российский монарх. Тем более что собранные им в последнее время данные не оставляли никакого сомнения, что если в России существует заблуждение в отношении истинного положения дела, то «оно коренится в одном императоре, а причина его кроется в глубоком невежестве императора Николая в вопросах религии» (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.)¹.

Всё более утверждаясь в том, что Николай I поедет в Рим, Меттерних 2 ноября направил для информации Лютцова и Ламбрускини дополнительные сведения, касавшиеся этой поездки. В основном они были почерпнуты либо навеяны его беседой с великой княгиней Еленой Павловной, женой великого князя Михаила Павловича, происходившей из вюртембергского королевского Дома. Она пользовалась репутацией человека умного, прямого. Канцлер был наслышан о ней, но не знаком. Прибыв в Вену на обратном пути в Россию после встречи с императором и императрицей на озере Комо, она попросила о встрече.

Наиболее примечательным в этой беседе для Меттерниха стал тот факт, что с большой проницательностью она уловила суть позиции двух сторон. К тому же, хорошо зная своего шурина, она с полным основанием судила о его достоинствах и недостатках.

Убеждая Меттерниха направить к Николаю I какого-нибудь высокопоставленного деятеля, который объяснил бы ему путь, по которому он должен следовать, великая княгиня заметила, что император был

...совсем не осведомлён в области католицизма, а всё его окружение страдает либо от ослепления, либо от незнания. Единственный, понимающий ясно опасность, хотя он не разбирается в сущности католицизма, — это граф Нессельроде, но это не тот человек, который может открыть глаза императору. Только Вы могли бы это сделать, потому что компетентны в этом вопросе, знаете, как он стоит и каково его решение.

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 163–164.

Увидев в её словах заблуждение, Меттерних поспешил его развеять.

Очень разные по своей природе вещи могут, тем не менее, объединяться так, что кажутся составляющими единое целое: в глазах просвещённого человека части этого целого остаются, тем не менее, независимыми друг от друга. Таков и тот случай, о котором мы говорим: следует различать религиозное основание и правительственный вопрос. Кем являются император и папа? Верховной властью в двух конфессиях. Какова проблема, подлежащая решению? Следует его искать на теологической или правительственной почве? Если бы речь шла об обращении императора в католицизм или о том, чтобы заставить папу перейти в Восточную Церковь, тогда бы задача была теологической. Но речь идёт не об этом, а о позиции, которую должно занять российское правительство в отношении 12 миллионов католических подданных, стало быть, эта задача, — объяснил канцлер, — может разрешиться лишь на правительственной почве. Сохрани Боже, чтобы император и папа вступали в теологические дискуссии: дело, которое должно занимать глав двух конфессий, — это прийти по нему к соглашению. Чтобы его достичь, орудием могут служить протестанты, так же как католики: протестантство, следовательно, не мешает быть полезным графу Нессельроде. В самых простых словах дело представляется следующим образом. Если император хочет жить в мире и согласии с 12 миллионами католических подданных, нужно, чтобы он воспользовался единственным средством — договорился с духовным главой этого населения.

Меттерних отклонил идею послать кого-либо в Рим, «поскольку неясно было, в каком качестве такое лицо могло бы выступить: отстаивать идеи императора (но они оставались неизвестными) или поддержать соображения папы? В обоих случаях это было бы вмешательством, что представляло ошибочную позицию. Одна судьба могла бы нам сказать, придут ли две власти к согласию; эта книга закрыта для смертных», — философски заключил Меттерних¹.

Подытоживая состояние дел на тот момент, канцлер подчёркивал важность того, чтобы в Риме понимали, как это делают в Вене, сложность положения вокруг вопросов о проводимой правительством императора конфессиональной политике и вопросом о браке его дочери с эрцгерцогом. И пояснил: «...чем больше два вопроса увязываются между собой, тем меньше мы хотим их смешивать; иначе обстоит дело для императора Николая — и это очевидный факт». Но с такой уверенностью Меттерних не мог дать ответа на ряд возникавших в этой связи вопросов: Действительно ли Николай I так глубоко заблуждался, что вовсе не понимал того, что позиция Вены определялась соображениями самого общего и такого высокого порядка, которые превосходят её возможности? Существует ли план, по которому он считает возможным с помощью самого брака дочери достичь приведения в порядок конфессиональных дел в своей Империи? В связи с первым предположением речь могла идти о незнании, вполне допускаемом близко его знающими лицами,

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 157–158.

во втором — либо об ощущении опасностей, накапливающихся в Империи, либо о его твёрдом желании пристроить свою дочь. Третий возможный случай, по мнению Меттерниха, — это тот, когда оба эти чувства, вместе взятые, вынуждают императора искать путь, чтобы достичь и брака, и умиротворения между конфессиями; и, наконец, четвёртый чрезвычайно важный фактор, упомянутый им, это задетое и даже оскорблённое самолюбие — столь человеческий элемент, который было бы ошибочно исключить полностью. Чем бы ни диктовалась истинная позиция Николая I, она не поколеблет, отмечал Меттерних, позицию австрийского императора и его семьи. При этом Вена постарается непременно разъединить два вопроса, различая главный и второстепенный, из чего она исходила с самого начала и что полностью разделял римский Двор.

Стало быть, именно в границах этой позиции должен держаться Святой Отец, если — в чём больше нет возможности сомневаться — в планы императора Николая входит вступить с Его Святейшеством в личные отношения. Формула, резюмирующая логичную и полезную позицию, очень проста. То, что касается отношений между императором и Святым Престолом — это правительственный вопрос, брак является вопросом политической уместности. При такой постановке вопроса становится ясным, что позиционное преимущество не на стороне императора.

Наконец, Меттерних ещё раз сформулировал своим адресатам то, что они должны были прочесть уже в записи его беседы с великой княгиней Еленой: «Реальный предмет встречи между российским монархом и римским папой не может носить характер теологического поиска, а поиска способа существования католической и раскольнической конфессий под скипетром российского монарха!»¹ (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

31 октября состоялась беседа Елены Павловны с Виале-Прела. О ходе её он писал в двух донесениях от 31 октября и 9 ноября 1845 г.

Первое, что он уловил, это то, что для неё брак является «чем-то неважным, почти эпизодом из романа». Серьёзно же то,

...что система, которой придерживается император, может бросить Россию и самого императора в пропасть. Следовательно, это угрожает самому существованию российского императора, и средства, использованные царём, чтобы укрепить свою самодержавную власть, служат, в конечном счёте, лишь подрыву его собственного существования. Это, — заключил нунций, — нечто очень важное для Святого Престола.

По поводу замечания княгини об уместности посредничества Австрии, чтобы уладить дела между Россией и Святым Престолом, нунций не думал, чтобы она «затронула этот вопрос без договорённости с царём; более того, я придерживаюсь

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 154–156.

мнения, — писал он, — что она это сделала в соответствии с полученными от императора инструкциями». Что касалось поездки императора в Рим, хотя она «сказала, что в такой поездке не следовало усматривать ничего другого, кроме приведения в порядок религиозных дел, в то же время она заметила, что от образа действия императора будет зависеть счастье императорской семьи и Империи».

Она также заметила, что император является главой своей Церкви и нуждается в гарантиях, что господствующая религия не будет страдать от соседства католической Церкви.

В ответ нунций пояснил, что Россия является не единственной страной, где католическое население находится в зависимости от монарха, исповедующего другую религию. Эти монархи вовсе не подрывают существование католической Церкви; почему бы не быть тому же самому для католиков под русским господством? Святой Престол живёт в добром согласии со всеми монархами Европы, с теми, которые не являются католиками, как и с теми, которые ими являются. Правительства этих стран подтвердят, что удовлетворены отношениями со Святым Престолом. Следовательно, если это не так обстоит в отношении России, вина за это лежит не на нём.

Его собеседница признала справедливость этого и принялась говорить о политическом элементе, который давал себя чувствовать в Польше.

На это нунций сказал, что, «если император имеет действительное желание парализовать политический элемент в Польше, пусть он сделает так, чтобы Польша стала подлинно католической, пусть он позволит Церкви осуществлять своё благотворное влияние на католиков; чем больше они будут верными их религии, тем больше они будут преданными подданными». Он напомнил о заявлениях Святого Престола по поводу польских дел, о должном подчинении монархам и противопоставил им образ действия российского правительства, своими собственными руками старающегося ослабить монархический принцип.

В заключение беседы княгиня завершила, что у императора не было плохих намерений, но он не имел никакого представления о влиянии, которым пользуется католическая Церковь. Он должен провести в Риме всего 4–5 дней, и у него не будет времени основательно заниматься этим вопросом. Таким образом, нужно, чтобы всё было подготовлено до его прибытия и ему не осталось ничего другого, как «санкционировать соглашение поцелуем примирения». Перед такими практическими заключениями нунций проявил сдержанность, сославшись на неосведомлённость в намерениях монарха¹.

Последняя беседа Елены Павловны с Меттернихом перед отъездом из Вены состоялась 3 ноября. Судя по тому, как её содержание излагал со слов Меттерниха Виале-Прела в донесении от 4 ноября, она протекала следующим образом.

¹ ASV. Fondo. Carte di Russia e Polonia. Vol. 8. Parte 1. Anno 1845. Fogli 22–25.

Княгиня выразила беспокойство по поводу хода событий в Риме и того демарша, который предполагал там сделать император. Она не скрывала опасений, что Рим не отдавал отчёта в точном положении дел в России.

Меттерних её заверил, что папа был хорошо информирован по этому поводу, поскольку получал сведения из Польши. Правда, они могли страдать преувеличением, о чём его следовало предупредить.

Канцлеру ход беседы императора и папы представлялся следующим образом: «когда один, торжественно заявляющий о своих добрых намерениях, второй, вызывающий к актам, один, возобновляющий обвинения 1842 г., второй их отклоняющий, как абсолютно противные истине. В таком случае, — заключил он, — между тем, который утверждает, и вторым, который отрицает, согласие невозможно». Такое предположение не было химерическим, и княгиня это знала. Со своей стороны, она полагала, что папе следовало ограничиться приведением 3—4 фактов, способных произвести впечатление на императора. В этом, заверила она, было единственное средство вырвать у него обязательство устранить зло, о котором доводили до его сведения этими 3 или 4 пунктами.

Меттерних заметил, что преследование не ограничивается несколькими фактами, всё враждебное законодательство, которое его внушает, нужно реформировать. Проблема сводится, таким образом, к тому, намерен или нет император отменить законы, направленные против Церкви?¹

Не зная, пожелает ли Николай I прибегнуть к помощи Лютцова, но отдавая отчёт, что посол был достаточно информирован, чтобы знать, как себя вести в таком случае по существу обсуждаемых вопросов, Меттерних ограничился советом быть с ним искренним и открытым. Но при этом заметил, что «император вовсе не является человеком, способным к тонкостям; он прямой по натуре; если ошибается, то ошибается искренне». Он призывал посла считаться с тем обстоятельством, что Николай I был не в курсе всего того, что касалось объяснений между Веной и Римом о браке².

Ознакомившись с депешей Меттерниха от 2 ноября, Григорий XVI и Ламбрускини обещали следовать советам канцлера и «воспользоваться в высшей степени полезными сведениями, на которые опирались эти советы»³.

Новый повод для внимания к вопросу о посещении Николаем I папской столицы дал вызов Бутенева в Палермо, вскоре после прибытия туда императора. Получив такое указание, перед отъездом посланник отправился к Ламбрускини, чтобы выяснить, не пожелает ли папа дать ему какое-то поручение к Николаю I или передать что-то на словах. Как признавался кардинал нунцию Виале-Прела в депеше от 1 ноября, он усмотрел в этом желание добиться от папы или от него

¹ ASV. Fondo. Carte di Russia e Polonia. Vol. 8. Parte 1. Anno 1845. Fogli 30—31.

² ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Д. 98. Л. 161.

³ Там же. Л. 25.

самого каких-то слов, которые можно было бы истолковать в качестве приглашения императору посетить Рим. Чтобы избавить папу от затруднительного положения и «ясно читать в душе посланника», кардинал уклонился от прямого ответа и предложил Бутеневу просить о личной аудиенции у папы. На это последний пояснил, что у него не было указания обращаться с подобной просьбой, он просто рассчитывал, что кардинал его сориентирует относительно возможности поручения от папы.

В ответ кардинал сказал, что не видел вероятности какого-либо сообщения, поблагодарил за сделанное извещение о поездке и предоставил необходимые для неё документы¹.

Как показалось Ламбрускини, сложившаяся ситуация немало смутила дипломата, но он явно не хотел отказаться от достижения цели, заметив, что приезд Николая I в Италию, возможно, был предначертан Провидением, чтобы улучшить положение с католическими делами в Империи. На это кардинал заметил, что единственное средство для достижения этой цели находится в руках императора, добавив, что как только действительно прекратятся преследования, установится мир. А затем привёл факты преследования, в том числе и касавшиеся монахини-базилианки из Минска.

Выразив сомнения в правдивости сообщений прессы по этому поводу, Бутенев заявил, что в любом случае никогда нельзя такие акции приписывать монарху, а их следует относить единственно на счёт подчинённых, осуществляющих преследования по собственному внутреннему побуждению. Затем посланник согласился с последующим замечанием кардинала по поводу необходимости наказания таких подчинённых.

Будучи спрошен о том, как в Риме отнеслись бы к возможному приезду императора в Рим, Ламбрускини ответил, что он был бы принят со всеми почестями, должными его высокому положению. В конце беседы, когда она приняла более учтивый и подобающий характер, Бутенев неожиданно заметил кардиналу, что находил его очень немногословным, но внешне очень учтивым. Первое замечание кардинал отнёс за счёт того, что дипломату не удалось добиться от него ни единого слова приглашения для императора.

Подробно о ходе этой беседы Ламбрускини сам информировал Лютцова, а нунция просил ознакомить с направляемой ему депешей Меттерниха².

Канцлер гораздо более трезво оценил линию поведения Бутенева в момент отъезда в Палермо. Она не вызвала у него никакого удивления, а объяснение её он усмотрел в сложившемся положении дел и в личной позиции дипломата.

Господин Бутенев, — писал он Лютцову 15 ноября, — одарён очень большим умом, и он сожалеет, следовательно, о пугающе множащихся в России ошибках

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Д. 95. Л. 9–10.

² Там же. Л. 11–13; ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8.

в отношении интересов трона и Империи. Он хочет — в этом непозволительно сомневаться — устранения затруднений; он — российский посланник в Риме и, как таковой, желает сгладить путь для достижения согласия. Одушевлённый этими чувствами, он желал бы стать предьявителем благожелательных слов Его Святейшества, адресованных императору. Мудрый глава ватиканского кабинета не поощрил этого желания и имел полное основание действовать так, как он это сделал¹.

Об отношении в Риме к явно предстоявшему приезду Николая I баварский посланник Иоганн Баптист Шпаур сообщал королю в Мюнхен 7 ноября следующее:

Святой Отец не предпринял никакого ни прямого, ни косвенного демарша, чтобы убедить императора проехать через его столицу. Он хранил самое глубокое молчание.

Постоянное преследование католиков российским правительством и, наконец, прибытие в Рим несчастной настоятельницы базилианского монастыря в Польше, страдания которой уже получили отклик во всех газетах, без того чтобы быть опровергнуты, могли лишь ухудшить отношения между российским правительством и Святым Престолом. В коллегии кардиналов большое число лиц желает, чтобы отсоветовали императору приезжать в Рим.

Конечно, господин Бутенев до своего отъезда не говорил государственному секретарю о проекте своего господина посетить Рим. Здесь опасаются, как бы не использовали визит императора к Святому Отцу, чтобы заставить поверить католиков в России в добрые отношения между двумя Дворами: между тем как, бояться, с другой стороны, что католики в других странах будут задеты демонстрациями самой простой вежливости в отношении российского монарха, показавшего себя постоянным преследователем нашей религии².

Действительно, первоначально воспринятые с некоторым замешательством слухи о предстоящем прибытии российского императора в Рим чрезвычайно занимали общество и римские салоны. Симптоматичный отъезд Бутенева позволил говорить об этом с уверенностью.

2 ноября, на следующий день после его беседы с Ламбускини, Лютцов писал по этому поводу Меттерниху:

Ваша Светлость сказали, что император совершит ошибку, поехав в Рим, и Вы совершенно правы, и Его Величество совершил бы не менее крупную и мало благородную ошибку, засвидетельствовав досаду по поводу того, что здесь не идут навстречу его желаний; многие представители светского общества в Риме и священнослужители высокого ранга склонны порицать папу и его министра за то, что их ответы российскому посланнику вовсе не были достаточно категоричными, ясными, чтобы устранить всякий проект поездки Его Величества в Рим³.

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 165.

² Там же. Д. 97. Л. 5.

³ Там же. Д. 98. Л. 24.

Успевший переговорить с Ламбускини после его встречи с Бутеневым, Лютцов фактически отражал восприятие этой беседы государственным секретарём.

Более полную картину настроений в обществе в связи с приездом императора представил замещавший Бутенева М.А. Устинов, секретарь миссии. В донесении от 14 / 2 ноября он писал, что в руководящих кругах Ватикана наметились серьёзные разногласия по этому поводу. Примирительно настроенная часть их во главе с Григорием XVI желала этого визита и его рассматривала как средство достичь если не непреложного, то вполне возможного согласия. Событием несвоевременным и досадным считала его противоположная партия, ревностным поборником которой был проавстрийски настроенный кардинал Ламбускини, якобы даже предписавший личными инструкциями нунцию в Неаполитанском королевстве Сантуччи, который служил только эхом Ламбускини, предупредить в Палермо, что время визита выбрано неудачно. Официально же он должен был приветствовать там императора. Такая позиция Ламбускини совпадала с оценкой Лютцова, очень громко заявившего, «что российский император не сможет приехать в Рим в нынешних условиях, не причинив вреда своим интересам и не нарушая приличий, при настоящем положении дел, в отношении Святого Престола»¹.

¹ Можно сказать, что отрицательное отношение австрийского правительства к путешествиям к папе российских монархов вошло в традицию. В этой связи представляют большой интерес сведения, содержащиеся в донесении, а скорее в частном письме, судя по некоторым упоминаемым в нём обстоятельствам (таким, в частности, как долгое пребывание в Риме) написанном Италинским. К сожалению, оно имеется в материалах миссии за 1828 г. в черновом варианте, к тому же без указания даты и автора. В нём речь шла о возможной поездке Александра I в Рим. Его автор писал:

С некоторых пор австрийскому послу угодно было говорить с определённым удовлетворением, что наш Августейший Монарх вовсе не приедет в Рим, и он ссылался среди прочего на письмо Людвиг Лебцельтерна (министра иностранных дел. — О.С.), утвердившего его в этом мнении. Какими бы ни неприятными не должны были бы мне казаться эти слухи и тот торжествующий вид, с которым они передавались, я испытывал отвращение к тому, чтобы уделять им большое внимание, когда, совершенно конфиденциально, Консальви дал понять важность, которую они могли приобрести.

Он сказал, что, «со своей стороны, никогда не сомневался, что Австрия больше всего желала бы отговорить императора от проектируемого путешествия и не пренебрегла бы никаким средством, чтобы достичь своих целей». Кардинал показал дипломату письмо, полученное из Вены от достойного доверия лица, которое, «как я знаю, могло быть хорошо информированным». В нём говорилось, что австрийское правительство надеялось, что ему удастся помешать императору исполнить план посетить Юг Италии, при этом рассчитывали «сослаться на опасения, как бы смутьяны из итальянцев не подвергли опасности жизнь нашего Августейшего Монарха». Консальви долго говорил относительно ложности этих утверждений, об огорчении Святого Отца по поводу этого известия и просил посланника довести до сведения императора чувства, выраженные папой. В завершение беседы кардинал дал понять, насколько было необходимо, чтобы сделанное им сообщение осталось между

Сообщая эти, как сам он находил, «не лишённые интереса подробности», Устинов должен был, в конечном счёте, признать, что личное расположение папы и обнаруживаемая антиавстрийской партией активность являются очень заметными симптомами даже для человека, столь мало искушённого в римских делах, каким был он, совсем недавно приехавший в Рим. Впрочем, заключил он, принадлежащие к той или другой из двух указанных групп лица явно все свыклись с идеей прибытия российского монарха¹.

Обобщённую картину настроений в Риме смог представить вернувшийся из Палермо после почти двухнедельного отсутствия Бутенев. Различные распространявшиеся и ставшие общеизвестными за это время слухи позволили ему судить о степени чрезвычайной сенсации, произведённой в столице перспективой прибытия российского монарха в её стены. Совпадение этого визита с публикуемыми иностранными газетами измышлениями по поводу польских монахинь, жадно воспринятые фанатиками и неблагонамеренными лицами, могли в определённой мере объяснить, считал дипломат, озабоченность, обеспокоенность и тревожное

ними из-за владевшего им опасения иметь неприятности с Австрией. Италинский увидел в этом новое подтверждение убедительным доказательствам, о которых он уже неоднократно сообщал, что кардинал был искренен в этих опасениях в отношении Австрии, и что они «мешают ему придать доверию, которое он время от времени допускает, характер полной непринуждённости». Так, в данном случае «он, казалось, раскаивался в том, что мне сообщил о своей секретной венской корреспонденции, когда я ему сказал, что рассчитываю ею воспользоваться». Понимая, сколь было бы вредно для занимаемого им положения в Риме и его будущих отношений с кардиналом, если бы эта услуга могла навлечь на него малейшую неприятность, Италинский обязался «использовать это сообщение лишь с самой большой осторожностью».

С тем, чтобы его образ действия не был истолкован как свидетельство «преобладания духа противодействия Австрии», Италинский счёл долгом дать объяснение представлений и принципов, лежавших в основе его образа действия. «Австрия, направляемая недоверием и встречаемая ненавистью, вступила в Италию на путь, который не сможет никогда привести полуостров к тому спокойствию, к тому благополучию, которым наш Августейший Монарх хотел бы дать пользоваться всем народам». Он не сможет увидеть осуществившимися свои желания, пока влияние Австрии в Италии не будет иметь какого-то противовеса.

«Я признаю необходимость её оккупационной армии, но это средство не может быть вечным, оно лишь подавляет, вместо того, чтобы освобождать. Высокое и мощное вмешательство императора одно может развить начало положения вещей, которое успокоило бы страсти, дискредитировало бы недоброжелателей и привело бы к благополучию. Именно мощное вмешательство нашего Августейшего Монарха я хотел бы активизировать, именно Его слава является моим неизменным и единственным желанием» (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 365. Л. 66–68).

Скорее всего, этот документ относится к 1822 г., когда будто бы планировалось нанесение визита Александром I папе (*Винтер Э.* Папство и царизм. С. 252).

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 320–321.

состояние папы и его главных советников. К этому настроению добавились пустые, праздные предположения одной части и недоброжелательные инсинуации — другой в римском и зарубежном высшем обществе, так же как явное любопытство и радостное ожидание среди римских жителей. Бутенев писал:

Собранные вместе эти импульсы должны были, естественно, найти неистощимую пищу в приближении такого события, как путешествие императора, события самого по себе небывалого в летописи самого древнего и прославленного города мира, которому дополнительные обстоятельства настоящего времени придают политическую важность и интерес, можно утверждать без преувеличения, разделяемый всей Европой¹.

12 ноября / 31 октября он сообщил в Палермо о событиях вокруг допроса настоятельницы Мичеславской, который был доверен кардиналу Медзофанти и отцу Максимилиану Рилло, литовскому иезуиту. Последний и два польских священника, поклявшиеся не общаться между собой, составляли устное судебное дело. Папа относил жестокость в отношении монахини за счёт подчинённых и хотел увидеть императора, чтобы ему об этом сказать².

14 / 2 ноября, вернувшись к этому же вопросу, он внёс существенные дополнения. Отец Рилло был вызван к папе, чтобы лично дать отчёт о ходе допроса. Выяснилось, что монахиня включила в свой рассказ «сверхъестественные вещи, чтобы придать себе характер жертвы и облечь свой побег печатью чуда и самой несомненной Божественной защиты». Эта тенденция, отмеченная Рилло с первых бесед с настоятельницей, «пробудила справедливые подозрения Его Святейшества и поколебала доверие, которое постарались Ему внушить к искренности рассказа этой женщины». Даже утверждали, что тогда папа рекомендовал удвоить осторожность в этом судебном деле и сохранять самую полную секретность, чтобы избежать малейшей огласки о чудесных откровениях, которыми она окутывает свои показания. Слишком явное намерение монахини возбудить интерес к её личности вызывает опасения, писал посланник, не пришлось бы в ней признать «очень вероятного слепого агента польской пропаганды». До Бутенева дошли сведения о том, что папа оспорил мнение Ламбускини относительно прибытия императора в Рим. Он даже сказал, что не разделял никоим образом его точку зрения и оставляет за собой возможность прибегнуть, когда сочтёт необходимым, к мерам и линии поведения, диаметрально противоположным тем, которым кардинал стремился его заставить следовать³.

Поэтому посланника не слишком занимали неблагоприятные слухи и дерзкие выпады. Он предпочёл ограничиться их сбором, избегая высказываться в том или

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 323–324.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 360.

³ Там же. Л. 362–363.

другом смысле по их поводу до того, как общение с высшим руководством страны поможет полнее понять ситуацию. Это и случилось при первой же по возвращении в Рим его беседе с Ламбускини 16 / 4 ноября. В ходе неё он смог с удовлетворением убедиться, что не только большая часть отмеченных им слухов была либо преувеличенной, либо полностью вымышленной, но что произошло даже весьма заметное улучшение, пусть и не искреннее, в настроении папского премьера. Обычную, несколько церемонную вежливость его приёма на этот раз дополнила необычная степень предупредительности и приветливости в его манере держать себя и в его речи¹.

Именно в ходе этой встречи, наконец, кардинал был официально оповещён о намерении Николая I. В соответствии с полученными от императора указаниями, Бутенев его информировал, что подобно тому, как это сделал папа, когда он отправлялся в Палермо, Николай I также не дал ему никакого особого поручения к Его Святейшеству. Хотя он постарался не придавать оттенка упрёка своим словам, они явно привели в замешательство его собеседника, который попытался с довольно смущённым видом дать некоторые разъяснения, оправдываясь поспешностью отъезда Бутенева и трудностью получить указания папы в короткое время. Затем посланник объявил, что, проезжая через Италию при возвращении в свои государства, император предполагает по своему обыкновению навещать монархов по проезде через их государства, в том числе он намеревается посетить Святого Отца и задержаться на несколько дней в Риме для осмотра его достопримечательностей.

В ответ на заверения о готовности Святого Отца оказать императору полный должного уважения и почтения приём и просьбу дать совет о принятии по этому случаю необходимых мер, Бутенев, в соответствии с указанием Николая I, отклонил с подобающими благодарностями все любезные предложения, сделанные кардиналом от имени папы. Он сообщил, что, путешествуя инкогнито, император повсюду устранил церемониал и почести этикета в отношении него.

Тогда кардинал поднял вопрос о переводчике при встрече Николая I с Григорием XVI. Поскольку первый не говорил по-итальянски, а второй — по-французски, папа хотел воспользоваться помощью переводчика в лице кардинала Медзофанти, который имел то преимущество, что бегло говорил по-русски и владел большинством древних и современных языков.

Желая понять подоплёку такой услужливости кардинала назначить заранее переводчика, а не взять на себя эти функции, Бутенев, улыбаясь, возразил, что, столь свободно владея французским, сам Ламбускини ему представлялся наиболее естественным переводчиком между двумя августейшими собеседниками. Бутенев убедился, что угадал верно, так как кардинал сослался на своё официальное положение, на принятый при римском Дворе обычай, да и собственную деликатность, которые ему вменяли в обязанность отказаться от подобной чести в подобных

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 324—325.

обстоятельствах. Он умолял бы папу и императора освободить его от этого в надежде, что император его за это не лишит чести быть принятым в каком-нибудь другом случае.

Бутенев не придавал значения этому случайному вопросу, тем более что он нашёл вполне правдоподобным утверждение кардинала. К тому же он счёл даже за лучшее такое решение проблемы, ибо польза от присутствия кардинала в таком случае была бы, возможно, уравновешена принуждением, что сам его вид и несколько чопорная и натянутая манера держать себя могли бы отрицательно отразиться на образе действия, более примирительном и более экспрессивном, самого папы.

Затем кардинал высказал несколько общих соображений, сопроводив их пожеланием, чтобы это путешествие благотворно сказалось на отношениях между двумя правительствами. Речь шла о жалобах Святого Престола по поводу преследований католиков в России, «жалобах, выдвигая которые он вовсе не ставил под вопрос великодушные намерения императора и не обосновывал частными фактами, всегда подверженными преувеличению и неточности, могущими объясняться излишком усердия, неверно понятого, или личными пристрастиями исполнителей указаний высших властей». Жалобы Святого Престола касались общей системы мер, принятых в отношении Церкви, духовенства и католического богослужения в России и Польше, мер, частично закреплённых фундаментальными законами Империи. При таком положении вещей глава католицизма не мог ни оставаться безучастным, ни молчать, ни отказаться приложить все возможные усилия для улучшения условий существования римской Церкви в России. А российский император не мог не признать законность заботы папы о его духовной пастве и не мог интерпретировать выражение этой озабоченности как следствие недоверия или неприязненного отношения к императорскому правительству. Точно так же, утверждал Ламбрускини, не следовало усматривать недоверия в отказе папы посвятить в епископский сан некоторых из предложенных кандидатов. Насколько Святой Отец убеждён, что император является единственным и самым лучшим судьёй относительно политических и даже моральных качеств кандидатов, удостоенных его одобрения, настолько он льстит себя надеждой, что император не откажется, в свою очередь, рассматривать папу компетентным и верховным судьёй относительно канонических и духовных способностей этих кандидатов.

Не желая предвосхищать предстоявшие объяснения на этот счёт самого императора, Бутенев предпочёл роль внимательного слушателя. Но тем не менее он счёл долгом подробно изложить эту речь кардинала, показавшуюся ему примечательной из-за сравнительно умеренного тона и характеризовавших её соображений высокого порядка, за которыми явно скрывалось желание смягчить впечатление от ранее заявленных решительных и неумеренных протестов.

Такая примирительная тенденция и вообще подчёркнутое расположение папы и его правительства проявить себя «в отношении нас со стороны более благоприятной

и удовлетворительной, накануне приезда Его Величества в Рим, мне были раскрыты несколькими другими свидетельствами второстепенными, но довольно показательными в ходе дел в этой стране». Упомянув только некоторые из них, Бутенев сообщал, что папа приказал представить и немедленно направить, прежде всего, церковные помилования и диспенсии, запрошенные российской миссией, которые скопились в довольно большом числе, отложив дела такого же рода, присланные посольствами и миссиями католических держав. Среди таких просьб с российской стороны было одно довольно щекотливое по своей природе — запрошенное администратором варшавской архиепархии разрешение некоторой свободы в благословении смешанных браков. Посланная более полгода тому назад, эта просьба откладывалась под различными предлогами и неожиданно была разрешена в благоприятном смысле одновременно с другими по указанию папы, в чём уверили Бутенева. Он также узнал об указании папы, по случаю приезда императора, подготовить иллюминацию купола церкви Св. Петра и фейерверк в крепости Св. Ангела, что обычно делается только во время праздника Светлого Воскресения. Смотрителям музеев и древностей по этому же случаю было предписано привести всё в порядок.

Последующие беседы с австрийским послом, поддерживавшим близкие личные контакты с государственным секретарём, подтвердили замеченный российским дипломатом факт улучшения в настроении Святого Престола в отношении России. При этом Лютцов дал понять, что был причастен к тому, чтобы успокоить и прояснить как папу, так и его советников относительно полезных результатов от присутствия императора и его хорошо известных лояльных намерениях. И движим он был при этом не только личными побуждениями, но исходил и из настроений своего правительства, придававшего большое значение поездке императора в Рим, и, конечно, Меттерниха, видевшего в этом благоприятные предзнаменования. Он также информировал Бутенева, что выбор кардинала Медзофанти в качестве переводчика между двумя монархами не был окончательным — папа мог предпочесть ему кардинала Бернетти, лично уже известного императору во время чрезвычайной миссии последнего в Россию. Наконец, Лютцов сам заговорил о деле польских монахинь, прибывших из Парижа в Рим, жертвы, понесённые которыми в России, стали здесь предметом следствия, ведшегося тайно, т. е. о деле, которое Ламбрускини обошёл полным молчанием во время последней встречи. По словам Лютцова, это следствие хотя ещё не было окончено, тем не менее привело к значительному уменьшению первого произведённого здесь впечатления и увеличило сомнения относительно подлинности. А «способности этих монахинь к прорицанию и подозрительное обстоятельство, что они были сопровождаемы двумя польскими священниками из Парижа, возбудило здесь большую неуверенность и сомнения относительно происхождения и цели всей этой гнусной проделки»¹. На этой депеше от 22 / 10 ноября Николая I начертал: «Наконец-то! но не жаль ли обсуждать,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 325—340.

таким образом, важные дела с людьми, способными поддаваться влиянию подобных интриганов!»¹ Он имел, конечно, в виду дело монахинь.

По этому поводу 24 / 12 ноября в секретном донесении в Палермо Бутенев сообщал, что первые впечатления правительства и общества относительно претендующей на роль жертвы польской монахини настолько улеглись, что Ламбускини счёл долгом обойти их молчанием, тогда как до его отъезда в Палермо говорил об этом с язвительностью и раздражением. Произошедшее изменение он относил за счёт результата дознания, который обернулся в противном его ожиданиям смысле².

В письме Паскевичу 5 декабря / 23 ноября Николай I так прокомментировал такой поворот в этом деле: «Кажется, они сами устыдились тому, что по следствию монахини открылось, и очень не доверяют каналье Яловицкому (имеется в виду Еловинский. — О.С.), который её вёз и везде показывал как мученицу. Что за канальи!»³

Почти одновременно с Римом о предстоявшей поездке Николая I была официально оповещена Вена, когда Медем передал Меттерниху письмо Нессельроде от 6 ноября / 25 октября. В нём, в частности, говорилось:

Теперь мы заняты пребыванием в Риме, где Он (император. — О.С.) рассчитывает остановиться на обратном пути в Россию, для этого мы заставили сюда прибыть Бутенева. Он разделяет мнение князя Меттерниха, что чистосердечное объяснение между императором и Святым Отцом может принести только пользу. Его желают все разумные и здравомыслящие лица в высшем духовенстве Рима; единственно чего следует опасаться — это, чтобы фанатики и поляки не застопорили результат. Что бы ни было, император решил попытать счастья. Он предполагает уехать из Палермо 28 / 16 ноября. Он остановится на два дня в Неаполе, на пять дней в Риме, на два дня во Флоренции и оттуда прямо прибудет в Вену. Он ещё не знает, будет ли у него время посетить Венецию⁴.

Хотя это была по существу короткая и, казалось бы, малопримечательная записка, однако канцлер поспешил переслать её Ламбускини с корреспонденцией, направленной Лютцову, сопроводив пространным изложением весьма любопытных причин, по которым он придавал ей особую важность. По его мнению, она позволяла судить о настроении Николая I после того, как Нессельроде его ознакомил (это канцлеру было очевидно из её содержания) с полученной им лично от Меттерниха при проезде через Вену краткой запиской с изложением его оценки позиции российского правительства по отношению к римскому Двору.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 323.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 630. Л. 375.

³ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. V. Приложение. С. 544; Русский архив. Кн. II. М., 1910. С. 505.

⁴ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 174.

По правде говоря, — признавался он, — картина вовсе не приятная для императора. Она относит вопрос о браке к разряду, который ему принадлежит, иными словами, за ним не признаётся значение дела, а с тех пор ещё гораздо меньше значение актуальной задачи (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), в каковую имеет право быть возведено лишь религиозное преследование.

Меттерних припомнил, что Нессельроде в своё время, прося его изложить кратко соображения по этому вопросу, поведал, что собирался использовать эту записку следующим образом.

Я не буду говорить с императором по вопросу о браке, я подожду, чтобы он взял на себя инициативу. Если он это сделает, — сказал Нессельроде, — я его спрошу, желает ли он узнать резко выраженную правду; если он ответит да (подчёркнуто в тексте. — О.С.), я ему передам Ваше сообщение и скажу, что не могу к этому прибавить ни комментария, ни подтверждения. Первое мне кажется излишним. Между тем как, поскольку моё мнение полностью совпадает с Вашим (канцлера. — О.С.), я не нахожу ничего, чтобы привести в качестве возражения¹.

Для Меттерниха было очевидно, что знание правды не отвратило Николая I от проекта заехать в Рим для объяснения с понтификом. И он терялся в догадках относительно того, на чём основывалась уверенность императора в результативности его объяснений с папой: проистекала ли она из ощущения ясности своей позиции или из веры в силу его аргументации, достаточной, чтобы заставить главу Церкви отказаться от обязанности защищать католиков Российской империи? Оба предположения представлялись неприемлемыми.

Объяснение такой уверенности, душевного спокойствия императора канцлер видел, с одной стороны, в его желании положить конец трудностям, несомненно причиняемым ему конфессиональными делами в стране, с другой — в легкомыслии, проистекающем из невежества. Под таковым он понимал веру императора в то, что за одну или самое большее за две встречи с папой «ему удастся уладить разногласия, существующие между Россией и Церковью. Иначе говоря, между Империей, над которой он признаёт за собой права неограниченного властелина, и Церковью, позицию главы которой он уподобляет своей собственной позиции».

Меттерних полагал, что в беседах с папой Николай I, вероятно, не затронет вопрос о браке, а если это и случится, то лишь вследствие присущей ему импульсивности, которой, по словам Нессельроде, он легко поддаётся. Стремясь доставить в Рим все имевшиеся у него данные, касающиеся императора, он просил посла предупредить Святого Отца об обстоятельстве, могущем вызвать у него удивление. Речь шла о том, что при встрече Николай I мог поцеловать руку Его Святейшеству. Таков, объяснил канцлер, в России обычай: когда император входит

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 172.

в церковь, он целует руку архимандрита, который ему отвечает на приветствие поцелуем примирения.

Император Николай, так же как покойный император Александр, старались при любом представившемся случае давать доказательства своего уважения к католическому культу и его высоким должностным лицам. Я видел, — писал Меттерних, — как два монарха присутствовали во многих случаях на божественных католических службах с выражением глубокого благоговения. Я касаюсь этого вопроса с тем, чтобы Его Святейшество несколько не было удивлено жестом императора и не приписало ему значения, которого он в действительности не имеет¹.

Частное письмо, направленное Лютцову в тот же день, 18 ноября, серьёзно дополняло то, что должен был прочитать Ламбускини, и свидетельствовало об отсутствии той уверенности, с которой Меттерних в нём высказывался о ходе готовящегося события. Письмо Нессельроде Медему служило для него доказательством, что Николай I намерен был воспользоваться личным контактом с Григорием XVI, чтобы урегулировать дела Церкви.

Это легко сказать, — писал он, — а удастся или нет достичь, зависит от настроения императора и случая. Папа сможет понравиться этому монарху и внушить ему подлинное доверие. Случай и чувствительность могут оказать большое влияние на человека, в высшей степени «впечатлительного» и являющегося неограниченным властелином. При образе правления, носящем такое название, крайности сходятся с большей лёгкостью, чем при всех других, и Россия даёт этому каждодневные примеры. Две силы воздействуют сегодня на императора, одна — это трудности, открыто проявляющиеся и имеющие своим источником действия его правительства в отношении миллионов католических и протестантских подданных; другая — это, несомненно, его желание устроить свою дочь в Австрии. Какая же из этих сил является доминирующей? По правде говоря, я не знаю, и даже не ломаю себе голову, чтобы узнать, так как ключ к поведению императора может находиться как в одном, так и другом замысле, а итог будет тот же самый. Наша позиция занята, и моя совесть спокойна; что касается Святого Престола, его позиция проявилась, а посему не подлежит сомнению. Мне также кажется, что абсолютная правильность основы, на которую мы опираемся, должна служить не только интересам религии, но в то же время облегчить положение папы в отношении императора.

Напомнив затем, что французская пресса ухватилась за вопрос о браке и её манера воспользоваться им отвечает партийной приверженности², канцлер приходил к такому заключению: «Чем больше беспорядок во мнениях, тем должно быть

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 172–173, 175.

² Так, «Quotidienne» хотела бы завоевать Ольгу для Генриха V (король Англии 1413–1422 гг.). «Siècle» упрекает Наполеона за то, что он не женился на великой княжне. Все газеты уверяют, что великая княжна вступит в лоно католической Церкви ещё до брака.

важнее здоровым умам помешать, чтобы он не проник в то, о чём идёт речь, и образ действия является очень важной вещью!»¹ (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

В это же самое время неустанно следивший за развитием событий Меттерних не остался в стороне от решения вопроса о переводчике. Он известил Медема о высказанном Лютцовым в частном письме мнении, что папа не воспользуется кардиналом Ламбрускини в качестве переводчика, считая, что в С.-Петербурге против него были предубеждены. Со своей стороны, он, как сообщил Медем в частном письме Нессельроде от 8 ноября / 27 октября, «напротив, его (государственного секретаря. — О.С.) рекомендует, как человека умного, благонамеренного и вовсе не крайних взглядов. Он мне поручает Вас в этом заверить».

Напомнив, что к тому же кардинал Медзофанти был не в курсе дел, касавшихся России, Медем, в свою очередь, призывал убедить папу в отсутствии неприязни к кардиналу Ламбрускини.

Так как, если речь идёт об обсуждении важных и серьёзных вопросов, нельзя не отдать предпочтение человеку умному и опытному перед лицом, не имеющим таких преимуществ. Это соображение, — писал он, — мне кажется, особенно, применимо к настоящему случаю, когда ясно, что государственный секретарь непременно должен быть осведомлён обо всём том, что будет сказано и станет предметом обсуждения².

Бутеневу было переслано извлечение из этого письма Медема. По поводу мотивировки решения папы не использовать Ламбрускини в качестве переводчика при его встрече с Николаем I тем, чтобы дать возможность императору избежать всякого контакта с человеком, к которому он не был расположен, в депеше Нессельроде Бутеневу 26 / 14 ноября говорилось:

Если дело действительно обстоит так, Вы постараетесь исправить такое мнение. Ваше Сиятельство знает из всего, сказанного Вам императором, что Он не испытывает никакого отвращения вступить в контакт с кардиналом Ламбрускини, что император даже желает, чтобы он присутствовал при Его встрече с папой, сколь бы ни был недоброжелателен приписываемый ему в отношении России настрой. Сильный безупречностью своих намерений, Он не видит никакой причины избегать контакта даже с теми из членов Священной коллегии, которые слынут испытывающими к нему самые несправедливые чувства. Напротив, Он готов выслушать все пожелания и льстит себя надеждой доказать, насколько не обоснованы предубеждения, приведшие в последнее время к столь прискорбным осложнениям в наших отношениях с римским Двором.

Одновременно Бутеневу предписывалось в ответ на предположение папы (его он высказал Лютцову, а Нессельроде известил о нём Медем), что император

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 170—171.

² АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 598. Л. 244.

заговорит с ним о предстоящем браке великой княжны Ольги, устранить это заблуждение, разъяснив, что император никогда не мешает интересы своей семьи и Империи, никогда не пожертвует долгом монарха привязанностям отца.

Если бы Бутеневу пришлось высказываться в беседах с пользующимися полным доверием папы лицами по этим двум пунктам, он должен был исходить из следующих данных. Не противиться тому, чтобы кардинал Ламбрускини выполнял функции переводчика во время встречи с папой, если только Его Святейшество сам не имеет каких-либо причин предпочесть кардинала Медзофанти. Твёрдо решено, никоим образом не затрагивать вопрос о браке во время этой встречи¹.

По счастливому совпадению, уже на следующий день после получения инструкции от 26 / 14 ноября кардинал Ламбрускини пригласил к себе Бутенева, и он смог выполнить полученные указания. Правда, сначала ему пришлось выслушать обращённую к нему просьбу кардинала успокоить папу относительно распространившихся в городе слухов о приписываемом императору намерении по случаю проезда через Рим сделать дорогие подарки папе, кардиналам и главным прелатам Двора. Придерживаясь правила, продиктованного как его принципами, так и вменяемого ему долгом, связанным с его положением, никогда не принимать никаких ценных подарков и не допускать этого со стороны главных сановников Святого Престола, папа желал предупредить досадную необходимость отклонить дары и уполномочил кардинала объяснить об этом с Бутеневым.

Не сделав никакого замечания по поводу довольно странной и неожиданной инсинуации, Бутенев счёл за лучшее в конкретной ситуации на тот момент не придавать ей значения. Он просто сказал, что не располагал сведениями о намерениях, приписываемых императору пустыми городскими слухами, и обещал информировать Нессельроде о сказанном кардиналом.

Затем он объяснился с Ламбрускини с полной откровенностью по поводу упоминавшихся в только что полученной им депеше двух пунктов и дал ему её прочитать в качестве совершенно конфиденциального сообщения. На кардинала она явно произвела благоприятное впечатление. Он поблагодарил за это проявление доверия и воздал должное лояльному и благожелательному характеру открытого изъяснения чувств императора относительно того, что касалось его самого, в частности, также как относительно брака великой княжны Ольги. Затем он заверил Бутенева, что до того времени не знал о доверительных излияниях по этому поводу папы графу Лютцову, поскольку ни тот, ни другой об этом не упоминали, очевидно, из-за соображений деликатности.

Что касалось выбора переводчика для встречи папы с императором, кардинал повторил то, что прежде уже говорил. А именно, что он сам с самого начала просил понтифика избавить от этой роли, затруднительной во всех отношениях при его общественном положении, для того, чтобы избежать всего, придававшего видимость

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 363–364.

политического и торжественного совещания, непосредственной беседе и откровенному объяснению между двумя монархами. Он также пояснил, что точно по таким же соображениям пришлось отказаться от кандидатуры кардинала Бернетти, бывшего государственным секретарём Святого Престола в довольно деликатный период в отношениях с императорским Двором. Отпала также и кандидатура кардинала Медзофанти, учёного-полиглота, явно не имевшего призвания к государственным делам. Выбор остановился на кардинале Карло Актоне, сыне бывшего премьер-министра в Неаполитанском королевстве, человеке умном, способном, но не связанном с политическими кругами и пользовавшемся доверием папы и общим уважением из-за его доброжелательности и мягкого характера.

Соглашаясь с такой характеристикой, Бутенев от себя замечал, что кардинал Актон действительно пользовался репутацией человека набожного, известного в Риме своей благотворительностью; его отличала некоторая застенчивость, но тон и манеры были на высоте его социального положения, к тому же он вовсе не был фанатиком.

Поняв из столь подробных объяснений, что выбор переводчика сделан окончательно, Бутенев счёл бесполезным и даже непристойным далее настаивать на этом пункте. Он ограничился напоминанием кардиналу, что, как он ему уже дал понять по возвращении из Палермо, император предпочёл бы, чтобы эти функции выполнял именно он, а не кто-либо другой¹.

Суть инструкций, содержащихся в депеше от 26 / 14 ноября, Бутенев счёл долгом изложить также австрийскому послу, поскольку они были продиктованы, главным образом, сообщениями его Двора. Конфиденциальная беседа с ним по этому случаю «не оставляла желать лучшего» и послужила для Бутенева «залогом примирительных и лояльных намерений, направлявших его как в переписке с правительством, так и в ходе переговоров с папским правительством относительно путешествия императора в Рим»².

Давать такие разъяснения российской стороне было тем проще, что вопрос о браке Ольги Николаевны с эрцгерцогом к этому времени фактически действительно отпал. Об этом свидетельствует направленное в тот же день, что депеша Бутеневу, 26 / 14 ноября, в Штутгарт письмо Нессельроде российскому посланнику при вюртембергском Дворе Горчакову. В нём упоминалось о двух письмах от 8 ноября / 27 октября, полученных от Горчакова и немедленно переданных Николаю I³. В письмах речь шла о предложениях, «ставших приятнейшим сюрпризом

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 408–409.

² Там же. Л. 411–412.

³ Как видно из письма от того же числа (8 ноября / 27 октября) Горчакова к Бутеневу, речь шла о корреспонденции, отправленной в Рим через доверенное лицо вюртембергского короля, последующую пересылку которой Нессельроде в Палермо он просил осуществить без малейшей задержки, ибо «её содержание такого характера, что не допускает никакого

для императорской четы», которая просила от её лица благодарить короля Вильгельма I за любезные и лестные отзывы в адрес великой княжны Ольги.

Император уполномочивал Горчакова изложить королю его мнение, «придав этому объяснению откровенный и искренний характер, присущий всем его действиям».

Правило, которое Их Императорские Величества неизменно себе вменяли во всём, что касалось устройства Их детей, это, никоим образом, не влиять на их склонности и их чувства и, главным образом, полагаться на их личные вкусы. Любый союз, который не основывался бы на взаимной привязанности, не смог бы на Их взгляд дать гарантии прочного счастья, ни, следовательно, достичь цели Их отеческой заботы. Эту единственную оговорку, единственное безоговорочное условие император считает долгом оставлять за собой, так как во всех других отношениях союз, идею которого первым изложил король, отвечал бы пожеланиям, кои Он мог бы составить относительно будущего своей дочери. Он был бы безупречен, если бы мадам великая княжна Ольга не была на шесть месяцев старше монсеньора наследного принца. Но это обстоятельство, хотя и достойное сожаления, вовсе не станет препятствием. До настоящего времени император не принял на себя никакого обязательства, и совершенно свободно располагает рукой своей дочери, —

говорилось в этом письме.

Затем выражалось согласие с предложением короля на приезд наследного принца Карла Фридриха Александра в Палермо. Этому не видели никаких препятствий. Хотя здоровье императрицы требовало самых больших предосторожностей и рекомендовалось особенно избегать всяких эмоций, наследного принца заверяли, «что он встретит у нее радушный приём как столь близкий родственник¹, к которому она испытывает живейший интерес»².

В письме сообщался маршрут поездки Николая I после того, как он покинет Палермо 4 декабря / 22 ноября, и содержалось предложение встретиться с наследным принцем, если король этого пожелает, в Венеции, где он предполагал быть 25 / 13 декабря.

Горчакова просили хранить полнейшее молчание о предмете этого письма, предназначенного исключительно королю³.

промедления». Пояснив, что воздерживался от посылки этого пакета с одним из своих служащих лишь из нежелания привлечь внимание местных властей, Горчаков просил также принять меры, чтобы как прибытие этого доверенного лица, так и последующая отправка корреспонденции не пробудили общественного любопытства. Ответ из Палермо следовало отправить немедленно по получении с тем же лицом, имевшим приказ ожидать его в Риме (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 660. Л. 7—8).

¹ Ведь Мария Федоровна, мать Николая I и бабушка Ольги, была сестрой его дедушки Фридриха I, первого вюртембергского короля.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 147. Л. 174—175.

³ Там же. Л. 175.

Согласно письму, инициатива этого брака исходила от Вильгельма I. И это выглядело тем более логично, что королевская семья серьёзно занималась поиском невесты для наследника престола, за ходом которого, впрочем, российские дипломаты следили с немалым интересом, как об этом свидетельствуют донесения Горчакова и Медема.

20 / 8 февраля 1845 г. Горчаков писал Нессельроде о том, что «после Пасхи наследный принц возобновит своё путешествие в Вену, прерванное в предыдущем году из-за недомогания, поразившего его в Неаполе. Он ещё не решил, поедет ли в Берлин, но, во всяком случае, король наметил его возвращение к 1 июля». Горчаков не ограничился сведениями о предстоявшем путешествии, но поделился своим мнением о принце.

К сожалению, я должен сказать, что благоприятное впечатление, которое наследный принц вообще произвёл после его возвращения, не сохранилось. Он не умеет окружать себя хорошим обществом, — писал он. — Впрочем, его молодость не позволяет ещё предрешать будущее, и мне представляется справедливым, прежде чем выносить окончательное суждение, подождать, чтобы нарушенное внезапным переходом от сурового режима к абсолютной свободе равновесие восстановилось благодаря размышлениям и опыту¹.

22 / 10 апреля Горчаков сообщал по поводу посещения принцем ряда столиц:

Король, кажется, очень чувствителен к свидетельствам интереса, проявленного в Вене к наследному принцу. Его Королевское Высочество не замедлит покинуть эту столицу, чтобы продолжить свой путь в Дрезден и Берлин, где он приблизится к цели своего путешествия. Королевская семья горячо желает устройства его личной жизни. Виды Его Величества пали на младшую дочь прусского принца Карла. Всё будет зависеть от взаимного влечения после встречи, поскольку король решил не стеснять нисколько склонности своего сына. Последний, впрочем, почти не обнаруживал до сего времени расположения выйти из состояния, свободой которого он, кажется, наслаждается. Одна из дочерей герцога Сакс Альтенбурга также упоминалась в числе принцесс, из которых он мог сделать свой выбор².

Медем 5 / 17 мая сообщал из Вены: «После четырёхнедельного пребывания, во время которого он был предметом самого предупредительного внимания со стороны всех членов императорской семьи и здешнего высшего общества, вюртембергский наследный принц вчера отправился в путь, направляясь в Прагу и Берлин»³.

Любопытно замечание Горчакова по поводу заключительной части путешествия принца. В его депеше от 13 / 1 июня говорилось: «Пришедшие из Берлина известия не дают основания полагать, что цель путешествия монсеньора наследного принца

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 147. Л. 25.

² Там же. Л. 70—71.

³ Там же. Д. 159. Л. 216.

на этот раз будет достигнута. Он, кажется, упорствует в намерении вовсе не менять своего положения ещё два года, и он избежал всего того, что могло бы подтвердить распространённые газетные слухи. В Альтенбурге его пребывание продлится всего несколько часов»¹.

Пройдёт всего несколько месяцев, и в Палермо от короля поступит упоминавшаяся уже просьба. Из письма вюртембергского министра иностранных дел посланнику в С.-Петербурге принцу Гогенлоэ-Рихбергу от 3 февраля 1846 г. следует, что решение искать руки российской великой княжны принц принял сам.

Король был очень обрадован, когда в начале минувшего ноября кронпринц объявил ему, что всё, что слышал о более чем прекрасных и редких качествах великой княжны Ольги, породило в нём решимость просить руки этой достойной принцессы, что он твёрдо убеждён, что созданный им себе образ соответствует действительности, и если он получит её руку, то будет счастливейшим из смертных. Если во всём этом и есть нечто романтическое, то до сих пор всё подтверждалось. Король просил Горчакова прозондировать находящегося тогда в Палермо императора относительно просьбы принца², —

писал министр.

Упоминание о том, что принц в своём решении исходил из того, что слышал о княжне, позволяет с полным основанием предположить, что наиболее убедительным источником таких сведений должна была стать его двоюродная сестра, великая княгиня Елена Павловна, жена великого князя Михаила Павловича, пользовавшаяся к тому же дружеским расположением Николая I. Не лишён интереса в этой связи и тот факт, что, когда принц принимал это решение, она долгое время находилась на лечении в Австрии, на водах в Ишле. Затем перед возвращением в Россию, в августе, приехала в Геную, где встречала Александру Фёдоровну и вместе с ней отправилась на озеро Комо, куда прибыл и Николай I. Причём в этой поездке княгиню сопровождал её брат, возвращавшийся затем в Штутгарт. Можно предположить, что именно Елена Павловна играла роль confidentки для обеих сторон³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 147. Л. 82

² ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 100. Л. 49.

³ АВПРИ Ф. Канцелярия 1845. Оп. 469. Д. 159. Л. 380, 445; Д. 59. Л. 72. Определённым подтверждением этого может служить любопытный факт, что в июне 1907 г. к Шиллингу, бывшему тогда секретарём миссии при Святом Престоле, обратилась С.Н. Нарышкина с просьбой собрать в архивах Вены и Святого Престола документы по поводу ряда вопросов относительно брака Ольги Николаевны, и в том числе о роли в нём Елены Павловны (ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 100. Л. 43). Дипломат получил разрешение собрать материал в архиве Ватикана, но поиск и отбор документов должен был делать сотрудник архива. Чтобы облегчить ему задачу, Шиллинг представил список материалов, уже собранных им в государственном архиве Вены (Там же. Д. 212. Л. 2, 4). Вероятно,

Определённое участие в этом деле принимал Горчаков, «дружескому и умному поведению» которого в упоминавшемся письме отдавал должное вюртембергский министр иностранных дел¹.

11 ноября 1845 г., как следует из воспоминаний великой княжны Ольги, Николай I дал ей несколько депеш, доставленных из Рима, сказав: «...прочти и не торопись с ответом; ты совершенно вольна в своём выборе; помолись сначала!»

В депеше из Штутгарта содержался запрос вюртембергского короля о том, может ли его сын представиться княжне в С.-Петербурге, Вене или Палермо, потому что он очень хотел бы с ней познакомиться.

Во второй депеше от Меттерниха речь шла о том, «что императорский Двор снова заинтересован в сближении, если австро-русская женитьба сможет облегчить положение римской Церкви в русских землях, и если император, как представитель православной Церкви согласен примириться с папой римским». Как засвидетельствовала княжна, Николай I «протестовал против разговора о примирении, так как для него не существовало ни спора, ни конфликта между обеими Церквями. Ввиду возможности австро-русского брака, он говорил только о желаемых дружественных отношениях между двумя Церквями».

Сама же княжна, сочтя, что событие, о котором она мечтала в течение семи лет, казалось осуществимым, неожиданно впервые испытала сомнение в связи с тем, что могла оказаться супругой человека, «который, не имея прочного положения, целиком зависит от всеильного Меттерниха», и выразила своё удивление: «Как странно, что я никогда не думала об этом прежде».

Запрос же из Штутгарта оказался для неё неожиданным и поверг в недоумение. Недолго поколебавшись, она «предоставила всё решить за меня Господу». Николаю I она предложила назначить визит вюртембергского кронпринца на январь, поскольку к тому времени завершатся переговоры в Риме и он сам сможет решить, кто из претендентов более приемлем для неё, а также и для него².

Между тем в Палермо готовились к предстоявшей встрече императора с Григорием XVI. Считая её «событием огромной важности», «плодотворным как для

просьба исходила от жены К.М. Нарышкина, бывшего министром-резидентом при папе в 1904–1906 гг., а затем назначенного чрезвычайным посланником и полномочным министром при вюртембергском короле (АВПРИ. Ф. Формулярные списки чиновников МИД России. Оп. 749/1. Д. 185. Л. 46–49).

¹ Позднее, как известно, Горчаков по просьбе великой княжны, захотевшей, став невестой, ознакомиться с историей и бытом своего нового отечества, собрал для неё необходимые книги, а когда она переехала в Штутгарт, между ними установились дружеские отношения. В свете этого, вероятно, вовсе не случайным было такое совпадение, что 1 июля, в день свадьбы великой княжны, он был пожалован в тайные советники, а в августе за усердную службу был награждён орденом вюртембергской короны Большого креста.

² Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 313.

внешней политики, так и для отношений внутри Империи», во внешнеполитическом ведомстве России, тем не менее, весьма трезво оценивали её возможные результаты, а посему связывали с ней надежды на достижение скромной цели — установление «на более удовлетворительной основе» отношений со Святым Престолом. Об этом свидетельствует памятная записка от 10 ноября / 29 октября, подготовленная Нессельроде и переданная Николаю I в Палермо. «Чтобы лучше определить характер этой встречи и изыскать средства, способные привести к этой цели, нужно, прежде всего, отдавать себе отчёт в нашей позиции в отношении Рима и в трудностях, с которыми нам там придётся встретиться. Эти трудности зависят частично от людей, частично от положения дел», — говорилось в ней.

Что касалось людей, речь, естественно, шла о папе и государственном секретаре. За папой признавались примирительные настроения, личное расположение к императору, отличавшая его простосердечность, соединённая с прямолинейностью мышления. Не подлежало сомнению, что само присутствие Николая I и его заявления, полные искренней заботы о католической Церкви, прозвучат для него убедительно. Не приходилось, однако, рассчитывать на подобную реакцию на такие заверения со стороны представлявшего доминировавшую в Священной коллегии партию кардинала Ламбускини, поскольку слишком укоренившееся в нём недоверие к стремлениям российского правительства невозможно рассеять быстро. А инкриминировалось кардиналу многое: утверждения его и его партии об осуществлении от имени императора систематического преследования католиков в России и Польше, нашедшие в аллокуции 1842 г. своё отражение. Позднее они неоднократно были повторены и продолжали повторяться прессой, являясь в сущности лишь отголоском обвинений, выдвигаемых против российского правительства католиками всей Европы с давних пор.

Между тем, как подчёркивалось в записке, подобным предубеждениям император может противопоставить лишь данные папе заверения, что, будучи далёк от желания помешать функционированию католической Церкви и вынудить столько миллионов своих подданных-католиков изменить религию, он хочет договориться со Святым Престолом, чтобы поднять достоинство духовенства и восстановить иерархию в католической Церкви. Тем самым он засвидетельствует свои великодушные намерения успокоить собственную совесть, какой бы приём ни встретили такие заверения, хотя и выраженные в самой общей форме, но, безусловно, положительные и к тому же служившие опровержением направленной против императора лжи. Ограничиться в тот момент самыми общими рассуждениями побуждало дополнительное обстоятельство — отсутствие ясности относительно новых претензий, которые, как стало известно, намерено было предъявить папское правительство. При этом предполагалось, что в случае, если в устной или письменной форме папа сам предъявит их императору, последний, уклонившись от их обсуждения, попросит передать документ Нессельроде, со стороны которого последует обещание его тщательно изучить и сообщить результаты римскому Двору. Если же

после встречи с Николаем I Григорий XVI уполномочит Ламбускини предложить Нессельроде начать переговоры о соглашении между двумя правительствами, то за их отправную точку должны быть приняты следующие положения. С молчаливого согласия стороны отказываются ото всех взаимных претензий, выдвинутых со времени Польского восстания, и передают их полному забвению; они признают в качестве совершившегося факта и более не возвращаются к вопросу о вхождении греко-униатов в православную Церковь и о переходе недвижимости католической Церкви в собственность государства; наконец, чётко обозначив, таким образом, черту между прошлым и будущим, принимают обязательство, что католическая Церковь будет управляться согласно присущим ей установлениям и правилам, какковые российская сторона за ней всегда признавала.

Ведение переговоров на таких основаниях, по мнению Нессельроде, представляло двойную выгоду. Оно позволяло избежать обсуждения неоднократно повторяемой Святым Престолом просьбы о предоставлении ему свободы сообщения с католическим духовенством в России и восстановить прежний порядок назначения епископов, делавший решение этого рода дел столь же лёгким, как оно стало трудным с некоторых пор¹.

Заканчивая свою записку, министр объяснил, почему счёл необходимым приложить к ней специальную записку по епископскому вопросу. Он хотел тем самым зафиксировать точку зрения своего ведомства, не совпадавшую с таковой Департамента иностранных исповеданий министерства внутренних дел по этому вопросу. Там, утверждал он, исходили из того, что для российского правительства было безразлично, управляется ли католическая Церковь в России епископами или кафедры остаются вакантными, а также считали возможным достичь соглашения с Ватиканом и урегулировать католические дела Империи, следуя лишь российским обычаям.

Придерживаться подобных принципов и работать над соглашением со Святым Престолом — это значит желать двух несовместимых вещей, преследовать две противоположные цели. Однако мой долг и моя совесть вынуждают меня сказать об этом Вашему Величеству, пришло время выйти из ложного положения, в которое нас ставят перед католической Европой наши разногласия с Римом. Изо дня в день общественное мнение ожесточается против нас; и нам не позволительно оставаться безразличными, когда этим затронуты общая система нашей политики, наше влияние в Европе и другие отношения, касающиеся особенно близко сердца Вашего Величества², —

заклучал министр.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 136—140.

² Там же. Л. 140—141.

Нессельроде затрагивал, таким образом, давние расхождения между двумя министерствами, вопрос о которых действительно поднимали неоднократно дипломаты. Ведь они оказывались перед необходимостью удовлетворять пожелания ведомства, которое не всегда учитывало ситуацию на местной почве, т. е. в Риме.

Для аргументации позиции министерства иностранных дел к записке был приложен доклад «Епископский вопрос» от 23 / 11 марта 1844 г., подготовленный для императора¹.

Ход предстоявших в Риме переговоров вызывал огромный интерес Меттерниха, впрочем вполне естественный по причине его чрезвычайно активного участия в их подготовке.

Когда нынешний курьер прибудет к Вам, — писал он 29 ноября Лютцову, — Рим окажется в большом волнении. Здесь будет находиться император Николай, и Европа, со своей стороны, устремит взоры на сцену, где разыгрывается один из самых любопытных из когда-либо задуманных спектаклей! Если, чтобы это доказывать, необходимо было прибегнуть к особым умственным усилиям, то показ встретится с огромным нагромождением нелепостей, которые пресса постоянно выливает на посетителей салонов и кафе. Необходимо, чтобы событие носило бы не поддающийся расшифровке характер, чтобы оно могло бы вызвать обсуждение, быть умело использованным, изумляющим, как это происходит с фактом появления императора в столице католицизма. То, что имеет место, не нуждается в наглядных объяснениях; достаточно, всего-навсего, начать, и мы станем свидетелями того, что Эдипы принялись за дело, чтобы разгадать загадку. Что бы там ни было, у меня ощущение, что истощилась между Римом и Веной обсуждаемая тема. Мне нечего об этом больше сообщить из того, что я знаю. Просить у меня большего, значило бы ни о чём меня не просить, так как всё (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) исключает ещё. То, в чём я уверен — это, что ватиканский кабинет убедится, что сложившееся у нас мнение относительно ситуации основывается на достоверных данных и, следовательно, на подлинном знании людей и дел².

По мере приближения даты встречи нетерпение Меттерниха в отношении этого «самого важного события дня», каковым оно «не могло стать без вмешательства Провидения», возрастало. Один из главных участников этого события, он писал 9 декабря Лютцову:

Если я не ошибаюсь, самая значительная в нынешнюю эпоху пьеса была хорошо поставлена. Начало имело место в Палермо; первый акт разыгрывается в Риме, второй — произойдёт в Вене, развязка наступит в С.-Петербурге. Ясно, что в отношении этой великой драмы правила Аристотеля пришлось оставить в стороне; что наше время не принадлежит классике; оно отдано романтизму и по существу индифферентно, лишь бы Небо ему обеспечило счастливый конец... Принятая

¹ См. с. 340–341.

² ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 35.

на себя императором Николаем роль, если бы речь шла не о Нём, могла бы восприниматься, как трудная, если не как невозможная для выполнения, то, по крайней мере, как наталкивающаяся на очень серьёзные препятствия. В положении и во всём существовании российского самодержца имеются исключительные условия жизни и успеха; император имеет право приказывать, а народ привык слепо повиноваться; если приказание хорошо дано, оно будет пунктуально исполняться. В нынешних условиях, чтобы оказаться действенным, приказание должно касаться источника зла, я хочу сказать законодательства, которое в иные царствования, чем царствование нынешнего императора, то вступало в силу, то не применялось, и которое Николай I вернул к жизни с двойной целью русифицировать вновь обретенные области и истребить польскую национальность. То, что император ввёл, он может отменить, и близкое будущее нам покажет, чего он хочет!¹ (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

Касаясь предположения Лютцова, что «личность Святого Отца понравится императору», Меттерних, в свою очередь,

...нисколько не сомневался, что особа императора понравится Его Святейшеству. Император Николай, — писал он, — в хорошем настроении очень ласков, а его обращение очень предупредительно, его манеры — легки и несут на себе отпечаток его характера. Вопрос, весь вопрос состоит в том, чего сегодня хочет Его Величество; чтобы решение было хорошим, нужно, чтобы Он сегодня хотел противоположного тому, что, вследствие очень досадной ошибки, Он хотел вчера. Если действительно в нём произошло изменение в этом отношении, каким разумным причинам его приписать? Я их касался в предыдущей депеше, и я не вижу других².

Меттерних подозревал, что Николай I тешил себя иллюзией,

...что сможет обеспечить религиозный мир в ходе одной или двух бесед с понтификом.

Считая это ошибкой, он так представил своё видение итога встреч:

Любое дело имеет начало, середину и конец; именно «начало конца» может последовать из встреч и это событие принадлежало бы ему одному и расценивалось бы при самых скромных его размерах в качестве самого выдающегося в нашу эпоху, столь богатую событиями³.

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 188.

² Там же. Л. 188—189.

³ Почти в таких же выражениях он высказался в беседе с Виале-Прела (об этом последний сообщал Ламбрускини в депеше от 8 декабря 1845 г.).

Обсуждаемый в Риме вопрос, — утверждал канцлер, — один из наиболее важных вопросов нашего времени, поскольку он имеет значение в одно и то же время для религии и разумной политики, для человечества и цивилизации.

Он пояснил, что «под возможным событием и, конечно, под самым желанным из событий» (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) он понимал обмен уверениями,

...что две высшие власти обе хотят жить в мире, и что для достижения этой цели предстоит очистить почву, покрытую сорняками, заглушающими на ней доброе семя. Речь идёт (и здесь я пользуюсь, — писал Меттерних, — собственными словами Нессельроде, обращёнными к Бутеневу) о душевном умиротворении, предоставленном императором его католическим подданным!¹

Ожидая результатов, Меттерних не забыл ознакомить со своим вкладом в это мероприятие и российскую сторону через Медема. Он дал ему прочитать корреспонденцию Лютцова от 30 / 18 ноября 1845 г. В ней говорилось о его желании облегчить сближение российского правительства с Ватиканом в соответствии с полученными инструкциями. А ими рекомендовалось дать понять папе и его главным советникам, как важно оценить примирительные настроения, доказательства которых российский монарх даёт уже самим фактом своего визита в столицу католицизма. Лютцов,

...кажется, не сомневается, что эти замечания произвели наилучшее впечатление, хотя противоположные влияния (партии переходящей границы из-за религиозного убеждения или из-за политических взглядов) развернули крайнюю активность, чтобы распространять недоверие, самое не законное, против личного характера императора и общих тенденций его правления. В качестве самых активных наших противников, господин Лютцов отмечает польскую клику и французских ультрамонтанов, главным органом которых является «l'Univers». Превеличения, на которые они пошли в их напыщенных речах против нас, много содействовали тому, чтобы наглядно показать самым пронизательным, как мало доверия имеют право оказывать подобным памфлетам, порождениям резкой и слепой ненависти. Эти впечатления, — писал Медем, — дополненные демаршами венского кабинета и предварительными объяснениями, которые наш представитель дал с его обычным тактом, кажется, просветили папу и ближайшее окружение о подлинном положении вещей, как и о лояльных настроениях нашего Августейшего Монарха².

А затем добавил, что знакомство с донесениями Лютцова и с письмом Нессельроде породило у него большую надежду на то, что дело будет иметь благополучный исход. Хотя дело такого рода не может быть доведено до конца в ходе одной или двух бесед Святого Отца с императором, как в этом, по его словам, был убеждён царь, но всё-таки пребывание императора в Риме может стать, по крайней мере, «началом конца» (подчёркнуто в тексте. — О.С.) (Там же. Д. 95. Л. 39–40).

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 181.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 160. Л. 250–251.

Итак, представляется очевидным, что поездка Николая I в Рим вовсе не была импровизацией в ходе посещения им своей супруги по причине «продолжительной разлуки». И уж конечно, не в Палермо возникла мысль о посещении папы у монарха, который, предпринимая путешествие с «исключительно семейной целью», совершал его, почему-то имея при себе министра иностранных дел. Такие утверждения Попова¹, как нам представляется, свидетельствовали о несколько несерьёзном отношении С.-Петербурга к такому для него действительно очень важному и значимому шагу, как встреча императора с папой, с которым связывали возможность решения чрезвычайно важных и злободневных вопросов.

¹ Попов А.Н. Сношения России с Римом с 1845 по 1850 г. СПб., 1871. С. 1.

ПОЕЗДКА НИКОЛАЯ I В РИМ

В субботу, 13 / 1 декабря 1845 г., в пять часов утра Николай I прибыл в Рим. Он остановился в палаццо Джустианини, резиденции российского представителя, и сразу написал кардиналу Ламбрускини о желании увидеться с Григорием XVI в любое удобное для него время. Папа тотчас же его известил, что примет в тот же день в одиннадцать тридцать.

Императора сопровождала большая свита. Григорий XVI вышел ему навстречу, окружённый всем своим Двором, церковным и светским, в парадных одеждах. Николай I приближался к нему с глубоким почтением и поцеловал ему руку, затем оба поцеловали друг друга в щёки и удалились в кабинет папы в сопровождении кардинала Актона и Бутенева. Переводчик, выбор которого оказался столь непрост, почти не потребовался. По словам Бутенева, лишь два-три раза сказанное папой по-итальянски Николай I просил Актона повторить ему по-французски. Папа тоже понимал почти всё сказанное императором, не прибегая к помощи Бутенева¹.

После обмена любезностями Николай I поблагодарил папу за приём, оказанный его сыну, наследнику престола. Григорий XVI очень сердечно отозвался о нём, сообщив, что великий князь его навестил пять раз и завоевал любовь всего населения города. Затем, сославшись на то, что знал, как высоко ценил император, чтобы говорили с ним честно и искренне, папа просил его говорить открыто и искренне. «Именно этого я и хочу», — услышал он в ответ.

Продолжая, папа сказал, что усматривал участие Божественного Провидения в ставшем возможным личном прибытии императора в Рим, что в это время взоры всей Европы обращены к встречающимся здесь и она ожидает от них снятия тревог, испытываемых Святым Отцом за католиков Российской империи. Он отметил, что из его писем императору было известно, сколь велика была его вера в его справедливость и беспристрастность. При этом он не забыл напомнить, что из бреве к польским епископам император мог понять, насколько понтифика заботило, чтобы все его подданные подчинялись гражданскому порядку, чтобы они, как и католики всего мира, не забывали, что следовало отдать Кесарю кесарево.

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 96. Л. 18—19.

В ответ Николай I заметил, что хорошо знал также, насколько близка сердцу Святого Отца как эта, так и вторая часть заповеди — отдать Богу богово, и заверил, что был исполнителем законов Святого Отца и требовал ото всех своих подданных-католиков уважения его власти.

На последовавшее затем утверждение папы о существовании в России антиканонических законов, затрудняющих католикам отправление их культа, Николай I просил их указать. Тогда Григорий XVI передал ему несколько заранее подготовленных листов, прося с ними ознакомиться.

В ответ он услышал заверения, что, если найдутся законы, переходящие границы простого покровительства, они будут изменены. Затем последовало обещание сделать всё возможное, но с оговоркой в отношении двух родов законов: «необходимо иметь в виду, что у нас имеются некоторые законы, настолько связанные с нашими установлениями, что я, — сказал Николай I, — не имею возможности их изменять; и есть другие, существенно связанные с религией, доминирующей среди русских, в отношении которых совесть императора не позволяет ему вести себя иным образом».

На это папа возразил, что тот, кто утверждает законы, может их отменить, и именно так он может поступить. Иначе, — пояснил он, — обстоит дело в Церкви: «здесь некоторые законы держатся по существу на божественном установлении Церкви, и их нельзя трогать. Другие предписаны Соборами и внушены Святыми Отцами, и за них ответственен Святой Отец».

Почтительно выслушав эти слова, Николай I заявил, что папа его опередил, перейдя так быстро к делам. Он же, по правде говоря, намерен был о них поговорить во время второй аудиенции и, хотя не был готов обсуждать их, всё-таки с позволения папы хотел бы сказать кое-что о состоянии католической религии в Империи. И после того как папа кивнул головой в знак согласия, он заговорил о пороках духовенства, заключающихся в недисциплинированности, праздности, чревоугодии, о том, что оно, в большинстве своём, состоит из лиц, принимающих священство за ремесло, а не призвание. Он сказал, что следует различать три категории католиков в Империи: католики самой России, католики Литвы и других, давно отвоёванных областей России и, наконец, католики Польши. Первые не вызывали нареканий, у них издавна существовала прекрасная организация, упорядоченная Святым Престолом, предоставившим моголёвскому митрополиту особые привилегии. Хуже обстояли дела в Литве, где население смешанное: местное и поляки. И уж совсем плохо — в Польше, где религия служит личиной для прикрытия мятежа.

Затем император выразил сожаление по поводу допущенной его братом, Александром I, большой ошибки, поскольку он не воспользовался полученной от Святого Престола милостью, состоявшей в возведении Моголёва в митрополию всех российских областей, настоящих и будущих. Он же, напротив, окружив себя поляками, которые его предали и затем воздвигли стену вокруг своей нации, позволил отделиться русским католикам от литовских.

А на замечание папы, что такие обязательства, касающиеся Могилёва, выполнены не были, Николай I объяснил причину этого тем, что Александр I не настоял на реализации этих уступок, способных бы и сегодня содействовать делу религии, сосредоточив управление духовными делами в руках могилёвского митрополита. Теперь же решение вопроса о такой уступке, полагал император, принадлежало папе.

Недисциплинированность духовенства, по убеждению Григория XVI, проистекала из неподчинения белого и чёрного духовенства соответствующим законным властям. В подтверждение своего тезиса он привёл несколько примеров в других странах, где он своей властью мог устранить беспорядки, способные проникнуть в епископства.

На это император возразил, что епископы обладали властью, чтобы заставить духовенство выполнять его долг и все предписания. Затем он посетовал на то, какого труда стоило ему найти кандидатов в епископат, поскольку он не испытывал уверенности в отношении нравственного поведения одних и политических взглядов других священнослужителей. Он выразил сожаление по поводу предложения им двух кандидатов, отклонённых папой, объяснив это спешкой, продиктованной желанием заполнить вакантные кафедры.

Папа на это заметил, что принадлежащее ему окончательное решение о пригодности кандидатов в епископат налагало на него огромную ответственность перед Церковью и Богом, что и со стороны католических монархов имели место случаи предложения лиц, отвергаемых Святым Престолом, что же касается России, ему недостаёт средств для получения информации. Противореча ранее сказанному, Николай I в ответ заверил, что папа мог полагаться на прилагаемую им предосторожность, чтобы не предложить недостойных лиц.

От вопроса о семинариях, неблагоприятие с которыми было признано обоими собеседниками, император перевёл разговор на Духовную академию в С.-Петербурге, куда она была переведена из Вильно¹. Он напомнил, что всё ещё не получил

¹ Что касалось Академии, её основание относилось к 1571 г., когда в Вильно епархиальным епископом из ордена Иисуса был основан колледж, который по его просьбе в октябре 1579 г. от папы Григория XIV получил статус университета и право присваивать академические степени по теологии, философии и изящным искусствам. Имея собственный устав, университет стал называться Академией и в течение двухсот лет находился в зависимости от отцов-иезуитов. Александр I дал Академии название университета с пятью факультетами (по теологии, философии, юриспруденции и морали, физико-математический и медицинский). Николай I закрыл все факультеты и оставил только теологию и медицину. В 1833 г. он был вновь реорганизован и стал предназначаться для просвещения духовенства и называться римско-католическая Духовная академия. Она оставалась в Вильно до перевода её в С.-Петербург и помещена в построенном специально для неё здании (ASV. Fondo. Affari ecclesiastici straordinari. Sessioni. Sessione 489. Vol. XXXIII. Fasciolo 3. Anno 1880).

ответа на обращённую к Святому Отцу просьбу дать благословение и направить свой портрет этому установлению.

И на сей раз, уклонившись от прямого ответа, Григорий XVI поведал о возникших у него после знакомства с её уставом возражениях по поводу вмешательства светских лиц в вопросы дисциплины, управления и экзаменов.

Папа нашёл убедительными все приведённые императором аргументы. На похвалы в адрес её ректора, каноника, пользующегося доверием епископов, и сообщение, что она находится под присмотром могилёвского митрополита, он заметил, что последний не мог иметь свою резиденцию в С.-Петербурге без ущерба для его кафедры. На ссылку о простом перемещении Академии с одного места в другое последовало разъяснение, что для канонического основания такого перемещения требовалась папская булла. На пожелание Николая I получить таковую Григорий XVI сказал, что нужно прежде хорошо ознакомиться с её уставом и преподаванием. На прямо поставленный вопрос, предоставит ли папа эту буллу после этого, император услышал из уст понтифика лишь: «Там будет видно»¹.

Как бы подводя итог встречи, автор отчёта особо отметил, что в ходе неё император несколько раз повторил, что рассматривал себя в качестве исполнителя законов папы в своих государствах. Он неоднократно делал намёк на то, что могилёвская кафедра должна занять прежнее положение верховенства над всеми областями Империи, старыми и новыми. Много раз он жаловался на трудность, с которой сталкивался в поиске кандидатов в епископат, в силу чего оставались вакантными многие кафедры, включая могилёвскую. Неоднократно он высказывался против поляков, говоря, что центр их революционной деятельности находится в Париже. Он назвал князя Владислава Чарторыйского одним из сектантских глав, повторил, что зло идёт не из Рима, но иногда туда заходит, возможно намекая на поляков. Именно так поняв это, папа рассказал случившееся с польскими революционными депутатами, прибывшими с просьбой о помощи, которые должны были отбыть, не получив её. Император сказал, что был об этом информирован и был за это признателен. Он также поделился тем, что нуждался в 10–15 годах, чтобы привести

¹ Вопрос решится после смерти Григория XVI. Поскольку тогда о получении его портрета для Духовной академии уже не могло быть и речи, Николай I подарит ей бюст папы. На прикреплённой к его пьедесталу доске имелась надпись: «В присутствии Его Императорского Величества в Риме в 1845 году папа Григорий XVI обещал прислать портрет свой для Санкт-Петербургской Духовной академии в воспоминание открытия сего учебного заведения во время первосвященства Его в римской Церкви. Но, как за смертью Его Святейшества это обещание не было исполнено, то Государь император изволил пожаловать Академии сей бюст». Кроме того, в январе 1854 г. он пожаловал ей двенадцать картин работы Ванло, изображающих чудеса папы Григория Святого. Он неоднократно посещал Академию: был в ней 28 февраля, 19 декабря 1844 г., 22 марта 1846 г. (РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 125. Д. 383. Л. 171–172).

в порядок дела в Империи. На замечание папы о трудности сношений с верующими в России последовал ответ об имеющемся центре сношений, т. е. миссии.

В заключение продолжавшейся более часа беседы Николай I сказал, что нанесёт ещё один визит, и просил папу представить ему лиц его свиты, что и было сделано. Григорий XVI проводил императора, который на прощание вновь поцеловал его руку¹.

«Эта памятная встреча, единственная в своем роде в анналах Ватикана, — как писал Бутенев, — произвела глубокое впечатление на присутствующих и вызвала большую сенсацию во всём городе»². Это подтверждает запись от 13 декабря в дневнике князя Д. Агостино Киджи. Он отмечал:

Крайняя серьёзность разногласий, ныне существующих между двумя сторонами относительно религиозных дел в Польше, пробуждает огромное любопытство к содержанию этой беседы, которую из-за продолжительности нельзя считать ограничившейся лишь любезностями и важность которой, кажется, обеими сторонами осознавалась заранее. Физиономисты претендуют на то, что заметили у участников признаки почти удовлетворения. Дай Бог, чтобы главные действующие лица не обманывались!³

Григорий XVI, несмотря на соблюдаемое Николаем I инкогнито, по установившемуся при римском Дворе обычаю, имел намерение немедленно отдать визит и воздержался от этого лишь по решительно и категорически высказанной императором просьбе, продиктованной предосторожностью из-за преклонного возраста и немощи восьмидесятилетнего понтифика⁴.

Переданная Николаю I памятная записка, так называемые «Листки», включала 22 пункта. Она начиналась с заявления папы о том, что он верил в справедливость императора и надеялся на проявление им таковой в отношении жалоб католической Церкви в Польше и России; что он желал не менее горячо, чем любой другой монарх, общественного спокойствия во всех государствах и никогда не упускал случая напомнить католикам во всём мире о вменяемом им католической религией святом долге оставаться верными их государям и подчиняться гражданским законам государства. В качестве подтверждения последнего положения давалась ссылка на бреве, адресованное епископам Польши, письма папы императору, энциклику от 15 августа 1832 г., а также на инцидент, связанный с прибытием в Рим одного из депутатов польского повстанческого правительства с просьбой о поддержке его Святым Престолом. Он закончился открытым порицанием такой

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Anno 1845–1846. Posizione 193. Fascicolo 53. Fogli 56–67.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 419–420.

³ Memorabilia privata e pubblica 1801–1855. Vol. XVII. Diario del Principe D. Agostino Chigi // ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 100. Л. 10–11.

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 134. Л. 420.

дерзости, а самого посланца выпроводили из Рима. Предписывая католикам божественный завет отдавать Кесарю кесарево, Святой Престол считал одновременно своим долгом добиваться от Кесаря предоставления им свободы отдавать Богу богово. Подтверждением выполнения папой первой из этих обязанностей служили вышеупомянутые бреве и энциклика, а второй — неоднократно возобновляемые им в течение нескольких лет упрёки и просьбы к самому императору.

Однако, напоминаясь в записке, как светской власти надлежит определять политические и гражданские интересы государств, так всё, что касается религии и католического исповедания, принадлежит, по божественному установлению, церковной власти, т. е. Церкви. Поэтому все претензии папы к императору касаются, с одной стороны, различных законов, губительных для свободы католической религии и ниспровергающих католические нравственные правила, законы Церкви и тем самым её божественное основание. А с другой — неопровержимых фактов, к которым приводит исполнение этих законов. Воздержаться от этих претензий значило бы для папы серьёзно нарушить главнейшую обязанность его апостольской миссии: откликаться всеми имеющимися в его распоряжении средствами на обращения к нему просьбы католиков всех наций о помощи, поддержке и защите их религии. Ведь на всех католиков, где бы они ни жили, распространяется по причине божественного главенства папы его духовная власть, все они подчинены законам Церкви. К тому же управление Церковью не проходит тех стадий, что политическое управление, ибо основы её организации были заложены божественным Создателем. Поэтому если светские монархи могут менять или видоизменять их законы, то Святой Престол не волен изменить ни основные положения, правила католической религии, ни дисциплинарные законы Церкви.

Поскольку Святой Престол, главным образом, выражал и продолжает выражать протесты против императорских законов и указов, которые или были недавно приняты, или их только недавно начали строго соблюдать, то их легко было отменить и не исполнять, не ставя под угрозу интересы и достоинство государства. Напротив, законы католической Церкви восходят ко времени её основания, к отцам Церкви, к Соборам, посему невозможно молчать, когда их нарушают, не вызвав полного разрушения духовного порядка в самой Церкви. Сохранение же законов лежит на совести папы перед Богом, Церковью, всем католическим миром.

Распоряжения и законы, вызывавшие протест Святого Престола, были разбиты на четыре группы. В первую вошёл новый устав консисторий от 23 декабря 1842 г. По нему епископы подчиняются судебным решениям и власти соответствующих консисторий в такой степени, как, «консистория пишет, епископ с этим соглашается». А также указ о семинариях от 30 ноября 1843 г. Им они фактически освобождались от юрисдикции епископов и подчинялись правительственным распоряжениям. Они квалифицировались как «законы, разрушительные для духовной власти, иерархии католической Церкви, одним словом, всей её организации».

Ко второй группе были отнесены все законы, запрещавшие поступление папских булл и всякого рода сообщения, в том числе и по вопросам совести, между католиками и Святым Престолом без предварительного согласования и получения одобрения от ординатора и от правительства, что свидетельствовало о стремлении отделить католиков от Святого Престола.

В качестве антикатолического назывался также закон, под угрозой смещения запрещавший католическим священникам крестить рождённых в смешанных браках детей и исповедовать того, кто однажды причащался в греческом исповедании. Оскорбительный для католической религии, он был найден явно направленным на то, чтобы отделить от неё католиков даже посредством причастия.

Наконец, говорилось о присваивавших власть Святого Престола законах о религиозных орденах. Они рассматривались как нацеленные на дезорганизацию, ведущую к полной ликвидации католической религиозной общины, ибо монахи были освобождены от подчинения настоятелям, монастыри — классифицированы и упразднены, собственность отошла в государственную казну, монахи — разогнаны и т. д.

Переходя к фактам (оставив в стороне те, что касались средств, использованных, чтобы добиться отступничества греков-униатов), сочтено было достаточным привлечь внимание к недавно произошедшему изгнанию папских миссионеров, свободно осуществлявших в течение 180 лет свою юрисдикцию над армянами-католиками Грузии. Теперь же они обвинялись в прозелитизме. 2 июня 1844 г. наместник края передал им указание воздержаться от всякой деятельности. Затем, в качестве условия продолжения их пребывания в стране, им было предложено перейти под юрисдикцию могилёвской консистории и не вести больше непосредственных сношений со Святым Престолом. Поскольку совесть им не позволила согласиться на это, их изгнали.

В записке специально оговаривалось нежелание смешивать законы или указы с тем, как они исполняются, ибо законы издаёт монарх, а их исполнение — дело подчинённых, и нельзя исключить, что они были исполнены не так, как хотел монарх, что был допущен произвол. Посему выражалось пожелание, чтобы решительно устранялись такие злоупотребления.

Признавая возможность некоторых неточностей или преувеличений в изложении фактов, в оправдание этого ссылались на сложность происшествий, отдалённость стран, затруднительность сообщения между ними, на существование противоположных мнений.

По поводу утверждений о плохой информированности папы, о том, что его вводят в заблуждение, напоминалось, что, не имея своего представителя на месте, он лишён возможности удостовериться в ошибочности имеющихся у него сведений. К тому же пояснялось, что протесты Святого Престола основываются не столько на фактах, сколько на законах и указах, поставивших католическую Церковь в рабское положение, противное постановлениям этой Церкви, и которые стремятся

отторгнуть католиков от средоточия католического единства. Существование же этих законов не может быть поставлено под вопрос, поскольку они государственные, и папа пользуется счастливым случаем прибытия императора в Рим для возобновления своих протестов и горячих настояний на их отмене и неисполнении.

Особо папа останавливался на болезненном для него вопросе о продолжавшихся вакансиях в слишком большом количестве кафедр. Он огорчается всякий раз, когда его совесть не позволяет ему пойти навстречу пожеланиям императора в выборе кандидатов, по его мнению не обладавших канонически необходимыми для этого качествами. Выносить суждение по этому поводу — это не только право папы, но и его важная обязанность. Все каноны и Тридентский Собор накладывают на него обязанность не посвящать в епископский сан тех, кого он не сочтёт достойными. Впрочем, ему нередко приходится отказываться утвердить назначения и католических монархов, выдвигавших затем новые кандидатуры¹.

В тот же день, 13 декабря, в 7 часов вечера в палатце Джустианини состоялась беседа Николая I с кардиналом Ламбускини, продолжавшаяся полтора часа. Она началась с выражения императором удовлетворения по поводу возможности познакомиться с взглядами столь выдающейся личности, тем более что ему было известно о предубеждении в отношении него кардинала, считавшего его врагом католиков. Кардинал заверил, что был далек от подобной мысли, но полагал, что система российских законов была враждебна католицизму.

Прежде чем перейти к обсуждению конкретных проблем, Николай I поинтересовался, располагал ли кардинал сведениями о его утренней беседе с папой. В ответ услышал, что он его ещё не видел, но увидит завтра.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 38–49. Явным преувеличением страдает интерпретация российским исследователем содержания документа, переданного папой императору. Так, по поводу вмешательства правительства в сношения папы с духовенством и папство он замечал:

Требуя таких правил, каких не предоставляют римскому Двору даже латинские по исповеданию государства, папа, очевидно, стремился к тому, чтобы совершенно устранить русское правительство от всяких отношений к латинской Церкви в Империи и Царстве Польском. Отношение её членов к верховной власти, как подданных, заменить исключительным подчинением власти римского первосвященника, предоставить ей полную свободу действия, как в своей среде, так и в отношении к другим исповеданиям, не только терпимым в государстве, но даже и к господствующему.

В другом случае он дальше развивает эту же мысль. «Таким образом, — пишет он, — папа желает освободить латинскую Церковь в пределах русского владычества от всяких отношений к нашему правительству, подчинить её исключительно римскому Престолу: и чтобы достигнуть этой цели, с одной стороны, он желает заключить договор с императором. А с другой — иметь постоянного нунция, который служил бы живою связью между Церковью и папой, как её главою» (Попов А.Н. Указ. соч. С. 21, 23).

Отдавая себе отчёт, что перед ним был автор переданных ему папой «Листов», император поделился своим мнением после их прочтения: по многим пунктам он признавал правоту Святого Отца, но находил, что по другим он ошибался. Именно этим последним и оказалась посвящена беседа.

Повторив об уже выраженной им и папе готовности отменить законы, действительно противоречившие католицизму, император сказал, что в то же самое время не мог изменить то, что глубоко связано со всей системой управления в России. Затем он коснулся вопроса о журналистах, распространяющих несуществующие факты, и привёл в качестве примера только что прочитанное во французской газете сообщение, будто императорским законом предписывалось в каждой католической церкви установить алтарь для господствующей религии. «Таким образом, полагают, что я сумасшедший? Никогда не думал ни о чём подобном!» — заявил возмущённый монарх.

Кардинал ответил, что Святой Престол не пользуется информацией из газет, понимая, сколь она ненадёжна.

Поляки, продолжил император, под предлогом религии всегда занимаются интригами и вредят репутации российского правительства ради своих революционных планов. И после этого он перешёл к делу аббата Еловинского и аббатисы из Минска.

Обнаружив полную неосведомлённость по поводу того, имела ли место интрига и в чём состояла, Ламбускини заверил, что в ней, конечно, никоим образом не участвовал, в отношении же аббатисы было проявлено лишь христианское человеколюбие. По поводу сведений, коими располагал Николай I, что было произведено дознание и собраны её свидетельские показания, кардинал задал вопрос: по указанию какой власти это было сделано? На него последовал лаконичный ответ: «Я это знаю». Тогда Ламбускини ничего не осталось, как поспешить заверить, что «с его ведома на это не давалось никакой инструкции, никакого указания»¹.

На сетования Николая I по поводу встречаемых при выборе кандидатов в епископы трудностей и сложности найти лучших в условиях нехватки священников в случае их отклонения Святым Престолом кардинал заметил, что «хорошие

¹ Вероятно, для сведения папы в отчёте о беседе к этому своему утверждению Ламбускини сделал следующее примечательное замечание, что действительно Рилло, Еловинский и ещё один поляк записали показания настоятельницы, но сделали это без ведома папы и кардинала. Более того, папа был очень обеспокоен, когда Рилло ему сказал о приказе, полученном сверху, т. е. от государственного секретаря. А поскольку Рилло прибыл вместе с другими польскими священниками, чтобы представить отчёт о таких свидетельских показаниях папе, он принял только его одного, сделал ему выговор за опрометчивость и не захотел взять записку. Тогда Рилло попробовал вручить её Ламбускини, сославшись на то, что папа счёл благоразумным не брать её в то время, когда император прибывал в Рим. В ответ он услышал, что позиция папы служила неперменной нормой и его поведения.

семинарии готовят хороших священников, а последние становятся хорошими епископами».

Сославшись на вину епископов, если они не выполняют своих обязанностей в отношении семинарий, император перешёл к вопросу о Духовной академии, созданной в С.-Петербурге для оказания помощи в воспитании священников, и пожаловался, что папа отказал ему в просьбе дать для неё свой портрет.

Кардинал поспешил разъяснить позицию Григория XVI: Академия была создана папской властью в Вильно, а её перевод в С.-Петербург, будучи осуществлён правительством, не был, следовательно, канонически законным, и понтифик не мог пойти на такую демонстративную акцию, могущую быть истолкованной как одобрение этого её перемещения. Признав допущенную ошибку, Николай I подчеркнул, что она была невольной, поскольку не были предупреждены о таком затруднении. Затем он поинтересовался, не могло бы её исправить благословение Святого Отца, и официально просил Ламбрускини помочь получить таковое. Последний ему в этом отказал, сославшись на ту же причину, что и папа, а именно — на несведомлённость в том, имелись ли в этом учреждении все условия, необходимые для блага религии.

Тогда император обратился к вопросу об испорченности духовенства и указал на отмену безбрачия как на единственное средство покончить с ней. Доказывая невозможность этого, кардинал сослался на то, что в основе закона о безбрачии лежали советы Иисуса Христа, опыт апостолов после получения ими божественной миссии, пример других отцов Церкви, предписания Соборов и прежних пап. На последовавший вопрос, могли ли бы отменить этот закон папа или Собор, последовал отрицательный ответ.

Император больше не настаивал, а перешёл к уже обсуждавшейся им с папой ошибке, допущенной Александром I, не воспользовавшимся уступкой Святого Престола о подчинении моголёвской митрополии всех католических церквей, не только на тот момент включённых во владения России, но и тех, что со временем присоединятся к ней.

Кардинал сказал, что ничего не знал о подобной привилегии, а, судя по практике, её предоставление ему представлялось невозможным¹.

¹ По этому поводу кардинал сделал следующее замечание в отчёте:

...эти факты следует проверить по данной монсеньору Сестренцевичу булле. Несомненно, что юрисдикция Моголёва распространялась всегда только на латинские (подчёркнуто в тексте. — О.С.) церкви. Не подлежит сомнению, что, если бы она охватывала церкви всех российских владений, настоящих и будущих, об этом не забыли бы на Венском конгрессе, когда запрашивали права для моголёвской архиепархии. На деле, эти слова императора лишний раз доказывают его план подчинить церкви Царства Польского санкт-петербургской Духовной коллегии, что является частью общего плана включить Царство в Империю.

Император продолжал упорствовать, призывая обратиться к документам архива Святого Престола, и доказывал уместность исполнить эту уступку ради установления в церквях его владений более полного единства и укрепления дисциплины.

Отдавая себе отчёт, что беседа принимала опасное направление, кардинал перевёл её на вопрос о свободе сообщения со Святым Престолом в качестве главного средства для укрепления дисциплины и услышал традиционный ответ, что препятствий переписке не чинилось, но она должна происходить через миссию в Риме.

В конце беседы Николай I вновь вернулся к вопросу о назначении епископов. Допуская упомянутые кардиналом случаи неутверждения назначений и католических монархов, он жаловался на проявляемое к нему особое недоверие. Ламбрускини ответил, что дело было не в таком недоверии, а в трудности получения Святым Престолом необходимой информации о рекомендованных императором в епископы лицах. Он согласился с замечанием императора, что её могли предоставить епископы, но считал, что лучше было бы иметь в С.-Петербурге представителя Курии.

Сославшись на несовместимость этого с российской системой и невозможность для него самого пойти на это, Николай I оказался непреклонен и тогда, когда кардинал выдвинул в качестве аргумента взаимность.

На этом беседа закончилась¹.

Через два дня, 16 декабря, также в 7 часов вечера состоялась беседа Николая I с кардиналом Актоном, которую он испросил по указанию папы через Бутенева. По прибытии в палатцу Джустианини кардиналу пришлось ждать несколько минут, пока император заканчивал свою беседу с Медзофанти².

Так же как в беседе с Ламбрускини, Николай I во время встречи с Актоном затронул все уже обсуждавшиеся им с папой вопросы. Как бы подытоживая свою беседу с понтификом, император выразил надежду, что она раскрыла ему его намерения и упредила усердно поставляемую неверную информацию о совершаемом им. Затем он подчеркнул, что не считал нужным оправдываться, но хотел, чтобы верно судили о его намерениях; посетовал, что за рубежом, как и в Риме, многое не понимают, не знают ни фактов, ни обычаев далёких стран. Наконец, поведал, что был рад познакомиться с понтификом, желал бы иметь с ним частную переписку, и спросил, не мог ли бы кардинал осведомиться у папы, предоставит ли он ему такую милость.

Стремясь избежать дискуссии, в ходе которой можно было сказать «слишком много, и больше, чем следовало», Актон просто обещал дать знать об этом папе. А в отчёте о беседе напомнил, что император во время аудиенции у папы уже получил ответ по этому поводу.

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Anno 1845–1846. Posizione 193. Fascicolo 53. Fogli 79–89.

² К сожалению, его отчётом о беседе мы не располагаем.

Поскольку беседы со всеми кардиналами протекали по единому сценарию, Николай I и в этом случае поднял вопрос о падении морали и дисциплины среди духовенства. Выдвинутый Актоном тезис, что это происходит там, где к власти папы не относились с должным почтением, чинили ей препятствия, позволил императору высказать свою точку зрения относительно событий в Германии. «Видите, что происходит в Германии! Подобного я никогда не допущу в моих государствах», — заявил он. И выслушав разъяснения Актона, что беспорядки там стали последствием вот уже столетия чинимых по всей Германии препятствий свободному осуществлению верховной власти главы Церкви, монарх заметил: «Совершенно верно, Рим не должен полагаться на католических монархов. Не должен полагаться на Вену и Мюнхен (подчёркнуто в тексте. — О.С.), — и продолжал: В Германии имеется, с одной стороны, антирелигиозная партия, стремящаяся к атеизму, с другой — фанатичная партия, причиняющая больше зла, чем добра».

Приведённые Актоном примеры стран (США, Англия, Шотландия, Ирландия), где папа имеет возможность совершенно свободно осуществлять свою власть и дисциплина находится на высоком уровне, император, казалось, нашёл убедительными, но заметил, что видел главную причину беспорядка в латинской Церкви в безбрачии. Не берясь судить, нужен ли для этого Собор, он полагал, что, учитывая взгляд в данное время на людские слабости, такое положение должно быть изменено. Сославшись на полученные от Ламбускини разъяснения, что безбрачие было апостольским установлением, и услышав их подтверждение от Актона, император напомнил, что в послании Св. Павла говорилось, что епископ должен быть мужем одной женщины. Актон пояснил, что в то время иначе быть не могло, так как он распространял Евангелие среди язычников: священниками и епископами должны были становиться взрослые люди, ибо нельзя было ожидать выхода из семинарий молодых людей. Императора это не переубедило, и он продолжал настаивать, что папа должен что-то сделать. Актон же заявил, что этого никогда не произойдёт.

Объяснение Актоном позиции папы в отношении Духовной академии слухами, что в ней работает лютеранин, вызвало негодование Николая I тем, что доверяли слухам, а не сведениям, исходящим из официальных каналов. Он не исключил преподавания в ней языка или какого-то небогословского предмета профессором-лютеранином и спросил, разве запрещено изучать язык у лютеранина. Актон признал, что это не запрещено, а беспокойство вызывала возможность инсинуаций протестанта среди молодых людей, обучающихся в семинарии.

Обсуждение других вопросов ничего не добавило к тому, что Николай I уже услышал¹.

Следует заметить, что применённая императором во время встреч с кардиналами тактика поднимать одни и те же вопросы оказалась весьма плодотворной.

¹ ASV. Fondo Russia e Polonia. Anno 1845—1846. Posizione 193. Fascicolo 53. Fogli 107—119.

Она позволила получить немало уточнений и разъяснений по поводу позиции папы по ним.

Поскольку император предупредил о своём желании вновь навестить Григория XVI до своего отъезда, были даны указания, чтобы приём его прошёл с тем же церемониалом, что и в предыдущий раз.

Когда 17 декабря в 11 часов утра он прибыл в Ватикан, папа вновь встретил его у входа и провёл в кабинет. Встреча началась со взаимного обмена любезностями: император благодарил за оказанный приём, а папа выразил сожаление, что не смог сделать более значительных демонстраций в отношении него. Император хвалил увиденное в Риме и выказал себя довольным и удовлетворённым тем, что занимало его внимание в предыдущие дни. Папа восхищался энергией императора, тем, что он смог в короткое время увидеть столько всего; что при такой большой усталости он мог отдыхать так мало и среди стольких развлечений смог найти время, чтобы заниматься серьёзными и важными делами. Николай I отвечал на это, что, когда у человека имеются обязательства, он должен их выполнять, что, впрочем, папа отдыхает меньше его: то, что физическое напряжение утомляет, было верно до некоторой степени, но умственный труд был гораздо тяжелее. Затем каждый из них высказал убеждённость в большом труде, выпавшем на их долю по управлению: одного — Империей, занимающей четверть полушария, а другого — выступая в роли не только светского монарха своих государств, но и осуществляя духовное управление всемирной Церковью. Император признался, что ему помогала справиться со своими обязанностями глубокая вера в Бога. Поблагодарив понтифика за его отеческое благоволение, он сказал, что ознакомился с переданной папой запиской, и признался, что не был ещё в состоянии дать ответ. Пообещав сделать это по приезде в С.-Петербург, он передал папе записку с изложением первых, самых общих соображений и высказал пожелание получить более подробное перечисление законов, против которых папа протестовал, находя их противоречащими каноническим законам. Папа откликнулся с готовностью сделать это, а император, в свою очередь, заверил, что «сделает всё возможное, чтобы удовлетворить Святого Отца», и повторил почти в точности выражение, употреблённое во время первой аудиенции.

На сей раз папа не только выразил удовлетворение «данными императором заверениями сделать то, что возможно», но ещё и пояснил, «что понимал эти слова в их подлинном значении, а не с ограничениями, указанными им во время предыдущей аудиенции». Иными словами, как обещание императора «сделать всё то, что он действительно мог сделать *coram Deo* (с Божьей помощью. — О.С.), ибо изменение и отмена законов входит в компетенцию той власти, что их приняла» (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

Высоко оценив возможность увидеться с папой, поговорить и доказать искренность своих намерений, император обратился затем с просьбой разрешить ему частную переписку по некоторым вопросам.

Папа, уже знавший, что услышит такую просьбу, и «очень хорошо понимавший всю её опасность в случаях, когда императору могло бы оказаться полезным сообщить о своих предложениях и не раскрывать ответы», не дал согласия. Он сослался на свою ответственность в делах религии перед всем миром, на то, что не мог ничего предпринимать в такого рода вопросах без предварительного рассмотрения их его советниками и ознакомления их со всеми своими действиями, а посему находил очевидной невозможность приватной переписки.

Всё, в чём папа оказался готов пойти навстречу такому желанию императора, свелось к согласию на предварительные устные сообщения российского посланника, с тем, однако, чтобы затем этот же вопрос обсуждался обычным путём. Причём папа дважды подчеркнул, что речь могла идти лишь о предварительных устных сообщениях, ибо он не делает ничего, что не объявлялось бы всем.

Николай I тогда пояснил, что хотел бы иметь возможность приватно делиться с папой соображениями лишь по делам, касающимся епископов и предлагаемых на возведение в этот сан кандидатов.

Папа ответил согласием на делаемые посланником сообщения по этому поводу от имени императора.

Удалось Николаю I урегулировать вопрос о пребывании в С.-Петербурге епископов свыше трёх месяцев, в течение которых им разрешалось отсутствовать в их епархиях каноническими правилами. Воспользовавшись уточнением Григория XVI, что в исключительных случаях это возможно до шести месяцев, император попросил разрешения в случае необходимости задерживать их именно на такой срок. Немного подумав, папа дал такое разрешение и обещал уведомить об этом епископов.

Затем вернулись к некоторым уже поднимавшимся вопросам.

Николай I, как и при первой встрече, заговорил о разнице между католиками Литвы, других ранее завоёванных областей и Польши. Первыми он был доволен, чего не мог сказать о Польше, ибо там религия часто служит прикрытием политики.

В ответ папа напомнил о сделанных им внушениях католикам Польши об их долге подчиняться и повиноваться правящей власти и повторил то, как отправил обратно депутата поляков, прибывшего просить поддержки их восстания. Он с пониманием откликнулся на последующее замечание императора, что и сама власть Святого Престола не всегда почитается в Польше, как того заслуживает, о чём свидетельствуют злоупотребления в вопросе о разводах. Григорий XVI в этой связи выразил готовность сделать им внушение по этому поводу, как в своё время это делал Бенедикт XIV. Одновременно он воспользовался этой проблемой, чтобы поднять вопрос о необходимости присутствия папского представителя в С.-Петербурге, что позволило бы получать информацию о положении дел. Сославшись на конкретные примеры, он провёл сопоставление России с другими некатолическими странами, где свобода общения католиков с Римом существует. Там он имеет возможность полностью осуществлять свою власть, епископы прислушиваются

к его голосу, католики отличаются точным соблюдением их религии и в то же самое время не уступают другим в их подчинении гражданским законам. Все его доводы успеха не имели.

В конце аудиенции вновь состоялся обмен любезностями. Император благодарил папу за приём, оказанный наследнику престола, а папа его хвалил. Затем Николай I, открыв дверь в прихожую, попросил разрешения войти сопровождавшим его членам своего Двора, чтобы попрощаться с папой, что и было сделано. После этого папа проводил императора до второй двери прихожей. Там Николай I вновь почтительно поцеловал руку папы, «в особенно добросердечном порыве удостоившего его объятья Мира», которое должно было тронуть сердце монарха и расположить к тому, чтобы удовлетворить пожелания самого Святого Отца в отношении блага католической религии в его обширных владениях¹.

Таким образом, новый визит был столь же продолжительным, что и первый, прошёл с тем же церемониалом и с теми же свидетельствами учтивости и взаимной доброжелательности. Как писал на следующий день, 18 декабря, в Мюнхен Шпаур, «в кабинете папа и император сидели на стульях одинаковой высоты. Прощаясь, Николай I поцеловал руку папе, они обнялись внешне удовлетворённые»². В одном из писем жены генерала Киреева А.В. Киреевой, у которой Николай I был после посещения папы, приводились слова, сказанные, конечно, в шутку тогда императором: «Мы так расцеловались с папой, что стены Ватикана затряслись»³.

В записке, вручённой Григорию XVI, подчёркивалось, что в ходе «столь полной откровенности и взаимной непринуждённости» встречи с ним и конфиденциальной беседы с Ламбрускини император постарался дать разъяснения по проблемам, ожидавшим решения, и по отдельным вопросам. Так, что касалось уставов и указов, которые Святой Престол считал противоречившими, в той или иной степени, законам римской Церкви, Николай I обещал серьёзно изучить этот вопрос и отыскать средства примирить, насколько возможно, желания папского Двора с долгом монарха, как покровителя господствующей в России Церкви, и с общим сводом законов Империи.

Положительно откликаясь на пожелания Святого Престола, чтобы решительно пресекались злоупотребления при исполнении распоряжений правительства, император торжественно заявлял, что «любое злоупотребление преследуется, и будет сурово преследоваться в его государствах».

Среди итогов встречи с папой особо выделялось «столь счастливо установившееся согласие» относительно способа назначения епископов, долженствовавшее

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Anno 1845–1846. Posizione 193. Fascicolo 53. Fogli 121–132; Fondo. Archivio particolare di Pio IX. Oggetti vari. Busta 69.

² ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 97. Л. 53.

³ Там же. Д. 100. Л. 35.

отныне устранить встречаемые прежде императорским правительством трудности и позволить, наконец, заполнить вакантные епископские кафедры.

В заключение записки следовали заверения в осознании российским монархом его долга поддерживать римскую Церковь в России и Польше «в положении одновременно достойном и заслуживающем уважения». И наконец, в ней подчёркивалось:

Всё, что может быть сделано для осуществления пожеланий Святого Отца, не нарушая в то же время органические законы Империи или не затрагивая права и каноны господствующей Церкви, будет сделано. Слово императора это гарантирует Его Святейшеству. Но... существуют интересы и естественные потребности, уклониться от которых не в воле императора. Они принадлежат к сфере, которую нельзя преступить, чтобы понять их подлинное значение, требуются объяснения относительно цели (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), определявшей ту или иную меру, и относительно обстоятельств, её предписывавших. Вся информация, которую сможет пожелать папа, будет ему немедленно предоставлена¹.

После второй встречи с папой в тот же день в половине первого ночи, 18 декабря, Николай I через Сиену отправился во Флоренцию, а затем через Болонью в Венецию. Далее его путь в Россию пролегал через Вену.

Во Флоренции Николай I дал последнюю инструкцию Бутеневу, который находился в его свите, поскольку по совместительству представлял Россию в Тосканском герцогстве. Он его уполномочил испросить у Григория XVI аудиенцию для передачи его устного послания. Посланнику предписывалось поблагодарить папу ещё раз за оказанный приём, подтвердить заверения в дружеском расположении в отношении самого папы, Церкви и католической религии в его государствах, а в заключение подчеркнуть, что император, в свою очередь, рассчитывал на ответственность расположения и заверений, услышанных им из уст Его Святейшества².

Частная аудиенция была предоставлена Бутеневу папой 27 декабря в полдень, несмотря на торжества по случаю праздника Рождества Христова.

Он нашёл Григория XVI ещё более экспансивным, чем обычно. Он поспешил выразить огромное удовлетворение визитом императора, поинтересовался, что он успел посмотреть в Риме, затем заговорил об ответной памятной записке, переданной ему Николаем I во время своего прощального визита, сказав, что прочёл её с большим интересом и рекомендовал Ламбрускини иметь её в виду при объяснениях с Нессельроде, оставшимся в Риме.

Воспользовавшись столь благоприятным моментом, Бутенев заметил, что, поскольку папа отдаёт должное благожелательным настроениям императора, представлялось очевидным, что Святой Престол заинтересован оказать содействие

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 26–30.

² Там же. Д. 159. Л. 3.

и извлечь пользу из этих настроений, способствуя, со своей стороны, всеми средствами искреннему и прочному сближению между двумя правительствами. А для этого важно избегать всего, могущего тормозить или охладить влияние этого столь счастливого расположения созданием препятствий или проявлением нерешительности по подлежащим урегулированию вопросам.

В ответ папа признал справедливость сказанного и выразил готовность действовать, используя все находящиеся в его духовной власти средства, чтобы на деле доказать в ходе будущих отношений с Россией искренность стремления к желанному сближению, а также веру в намерения российского монарха¹.

Благоприятное впечатление папы от встречи с Николаем I подтверждает его беседа 10 января с Шпауром. Когда речь зашла о пребывании императора, последний заявил, что весь мир восхищается образом действий Его Святейшества по этому случаю. В ответ он услышал: «Мой образ действия был прост, я следовал закону Евангелия». Затем он очень хвалил императора и сказал: «...он мне выказал чрезвычайно большую почтительность, он мне позволил сказать всё, не прерывая меня, и я всё сказал». На замечание, что все католики молились за него в это время, папа заметил: «...их молитвы исполнились. Это событие, которое войдёт в историю», и посетовал:

...газеты хотели бы знать дословно нашу беседу и мне приписывают то, о чём я не думал. Они истолковывают мои действия и утверждают, что я не велел иллюминировать купол, чтобы продемонстрировать императору моё недовольство. Всё это неправда. Говорят, что я передал императору судебное дело польской настоятельницы. Я его не читал и тем более не говорил об этом с императором. Император, который не пьёт вина, во время завтрака, предложенного ему на куполе, выпил за моё здоровье.

Император тогда сказал: «За здоровье папы, и пусть исполнятся все его желания», — добавил от себя посланник. Он поведал также Григорию XVI о надписи, со слов Нессельроде (специально для её прочтения он поднялся на купол церкви Св. Петра) оставленной Николаем I в маленьком куполе под крестом на русском языке: «Император Николай молился здесь (дата) за Россию»², папа улыбнулся и сказал: «и правильно сделал»³.

Официально своё удовлетворение встречей понтифик засвидетельствовал в полных благожелательности словах, выступая в секретной консистории 19 / 7 января.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 159. Л. 7—8.

² Согласно письму Н.В. Гоголя В.А. Жуковскому от 6 февраля 1846 г., написано было: «Здесь был император Николай и молился о благоденствии Матушки России» (*Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений* Т. XIII. М., 1952. С. 236). Разночтение, вероятно, объясняется не только тем, что Нессельроде очень плохо знал русский язык, но и тем, что речь шла о переводе того, что написал император.

³ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 97. Л. 75—78.

В этом в С.-Петербурге увидели «испытываемую папой потребность отдать дань уважения истине и разрушить любое ложное утверждение, которое могло бы распространиться в этом отношении». Николай I воспринял это как желание Григория XVI «ничем не пренебрегать, чтобы устранить всё то, что могло помешать согласию», и высоко оценил «мудрые и примирительные намерения», продемонстрированные им в этом случае. Бутнев был уполномочен, от имени императора, искренне поблагодарить папу за это, а кардиналу Ламбускини выразить признательность за проявленную им предупредительность, информируя Бутнева о произнесенной речи, и поставить его в известность о том большом интересе, с которым было встречено его сообщение¹.

Таков был ход и итог посещения Рима Николаем I. О его, так сказать, культурной программе можно судить по некоторым свидетельствам.

Подробную хронику того, как провёл император свой досуг в Риме, запечатлел на страницах упоминавшегося дневника князь Киджи. На следующий день после визита к папе он посетил храм Св. Петра и поднялся на его купол.

Здесь ему был предложен завтрак, от которого он, однако, отведал очень мало или почти ничего, но выпил стакан вина за здоровье Святого Отца. В последующие дни он вновь вернулся в Ватикан, посетил церкви Св. Паоло, Св. Джованни, Санта Мария Маджоре, осмотрел античные памятники, музеи, другие достопримечательности Вечного города, специально для него устроенную выставку работ художников на пьядца дель Пополо, а также мастерские художников и скульпторов. Каждое утро он в коляске совершал прогулку по Монте Пинчо².

Здесь его видел не только Киджи, но и Гоголь, проживавший в то время в Риме. Своими впечатлениями от пребывания императора он делился с такими своими адресатами, как мать, вице-президент Академии художеств А.П. Толстой, поэты Н.М. Языков, В.А. Жуковский, жена церемониймейстера Н.М. Смирнова.

2 января 1846 г. он писал Толстому:

О государе Вам мало скажу. Я его видел раза два-три мельком. Его наружность была прекрасна, и ею он произвёл впечатление большое в римлянах. Его повсюду в народе называли просто *Imperatore* (подчёркнуто в тексте. — О.С.), без прибавления: *de Russia*, так что иностранец мог подумать, что это был законный государь здешней земли. О чём был разговор с папой, это, разумеется, неизвестно, хотя впрочем, следствия, вероятно, будут те, какие и ждали, то есть умягчение мер относительно к католикам. Донесения гонимой униатки оказались ложью, и она созналась, что была уже подучена потом вне России польскою партией. К художникам и к искусствам государь был благосклонен. Показал вкус в выборах и в заказах и даже в том, что заказал немного. Помощь, оказанная бедным, тоже сделана с рассмотрением. Бог,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 18–19.

² *Memorabilia privata e pubblica 1801–1855. Vol. XVII. Diario del Principe D'Agostino Chigi* // ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 100. Д. 11–12.

да спасёт его, и да внушит ему всё, что ему нужно, что нужно истинно для доставления счастья его подданных! Если он молится и если молится так сильно и искренно, как он действительно молится, то, верно, Бог внушит ему весь ход и надлежащий закон действий. «Сердце царя в руке божией», — говорит нам божий же глас¹.

В письме Языкову, писавшемся спустя всего нескольких дней, 8 января 1846 г., Гоголь был краток: «О римских новостях не знаю, что тебе написать; меня, по крайней мере, они не интересуют. Самое важное из происшествий был приезд нашего царя. Я полюбовался им только издали, и молился в душе за него. Да поможет ему Бог устроить всё к лучшему на Руси нашей!»²

Зато в письме Жуковскому 6 февраля 1846 г. он был очень пространен:

О государе могу вам сказать немного. Он пробыл в Риме мало, всего четыре дни. Был несколько недоволен тёмною и мрачною своею квартирой, которую ему припас Бутенев в своём дворце Юстианини, довольно грязном и почти худшем из всех, какие есть в Риме, и вследствие этого, может быть, поспешил скорее выехать. О переговорах его с папой, разумеется, ничего неизвестно. В четыре дни он, разумеется, объездил всё и побывал везде. Был очень ласков с художниками. Весьма похвалил Иванова, которого картина ему очень понравилась. Велел художникам сопровождать себя: скульпторам и живописцам по галереям Ватикана, архитекторам по развалинам и древностям. Заказал сделать слепки с тех антиков, которых недостаёт в Академии. Заказал несколько копий, картин...³ Я государя видел только на Monte Pincio, куда он ездил прогуливаться в коляске, и любовался его прекрасной наружностью. Она была величественно-благодарна и не могла не поразить всех как римлян, так и иностранцев. В лице я нашёл более душевного выражения, чем когда-либо прежде⁴.

Вероятно, отвечая на вопрос матери, не виделся ли он с Николаем I, Гоголь в письме от 8 декабря 1845 г. пояснил: «Государя я так же, как и все, видел мельком, но раза три. Он пробыл в Риме только четыре дни. Ему дел и занятий было здесь куча и вовсе не до того, чтобы принимать всякую мелюзгу подобно мне. Я был рад душевно, что он здоров и весел, и молился за него искренно». К этой же теме он возвращается и в письме к Смирновой 27 января 1846 г.:

Вы пишете известить о пребывании царя в Риме. Он пробыл четыре дни. Я его видел и любовался им издали, когда он прогуливался по Monte Pincio. Лицо его

¹ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. XIII. С. 24.

² Там же. С. 30.

³ Добавим к этому, что Николай I заинтересовался некоторыми фрагментами скульптур и частью колонны, найденных в термах Каракаллы, и уполномочил монсеньора Висконти передать эти древности в С.-Петербург, что и было сделано по его возвращении в Россию (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 86).

⁴ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. XIII. С. 235–236.

было прекрасно. Исполненная благоволения наружность его, несмотря на некрасивое и к нему вовсе не идущее наше штатское платье, не могла не поразить всех. Я не представлялся к нему потому, что стало стыдно и совестно, не сделавши почти ничего ещё доброго и достойного благоволения, напоминать о своём существовании. К тому ж в четыре дни столько нужно было ему видеть вещей замечательных, что это было бы с моей стороны одним пустым притязанием. Государь должен увидеть меня тогда, когда я на своём скромном поприще сослужу ему такую службу, какую совершают другие на государственных поприщах. Впрочем, он был особенно благосклонен к художникам, приказал им быть во время своей прогулки по Ватикану, а архитекторам — во время осмотра древностей и римских памятников. Иванова очень похвалил за его картину¹.

А вот как сам Иванов описал С.П. Шевырёву, профессору Московского университета, литературному критику, 16 / 4 декабря 1845 г. свой «сегодняшний праздник». «Мы были в горестном положении: накануне архитекторы представили свои работы в кабинет Государя, ожидая милостивого одобрения, но Государь заболел. Их (взяло) уныние!» Тогда Иванов поведал о сложной ситуации министру императорского Двора П.М. Волконскому, и тот откликнулся.

Добрейший и благороднейший вельможа русский внял моей просьбе, и ещё обещал мне привести Государя в мою студию. Враги было хотели отвести от меня посещение Государя, — продолжал Иванов. — Караулил я у своего переулка, и вот стройный ряд карет пронёсся на публичную выставку иностранцев, на *Rizza porolo*. Это дало мне знать, что царь и выздоровел, и прекрасно приготовился увидеть произведения русских, посмотрев сначала на ничтожность всех иностранцев. Усердный слуга царский, князь Волконский, прискакал во весь опор к моей студии, с известием, что сейчас будет ко мне Государь. Эта минута моя была самая высокая в моей земной жизни, я внутренно укрепился молитвой, и вот — Царь. Он раскрыл во мне чувство, которое до его приезда я совсем не знал — чувство моей собственной значимости, которое так сильно меня занимает. Не считайте это за гордость и тщеславие, я в этом только вам одним и признаюсь, и то в этот сегодняшний день².

В память о пребывании Николая I в Риме, в соответствии с существовавшей традицией устанавливать во дворцах, где останавливались монархи или знаменитые иностранные путешественники, какие-нибудь памятные знаки, в одной из ниш главного входа дворца Джустианини, занимаемого российской миссией, в котором проживал император, была сделана надпись по поводу этого факта. Маркиз Джустианини (владелец дворца) не только поспешил дать на это своё согласие, но посчитал себя польщённым видеть отмеченным, таким образом, во дворце его предков знаменательное событие проживания в нём российского монарха. Исполнение

¹ Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. XII. М., 1952. С. 547; Т. XIII. С. 33–34.

² Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. СПб., 1880. С. 200–201.

этой идеи было Бутеневым доверено маркизу Висконти, который составил и латинскую надпись, выгравированную золотыми буквами на доске из белого мрамора. Вторая мраморная доска овальной формы содержала ту же самую надпись в переводе на русский язык: «Здесь Николай Первый Император Всероссийский посещая Рим и Папу Григория XVI-го имел пребывание с 1-го / 13 до 5-го / 17 декабря 1845-го года»¹.

Не располагая точными данными о том, как и когда конкретно было принято решение императором посетить Рим, представляется, тем не менее, очевидным, что поездка вовсе не была простой импровизацией, характер каковой ей постарались придать. Можно предположить, что не в последнюю очередь на этом решении отразился тот факт, что, будучи глубоко верующим человеком, Николай I придавал отношениям с Ватиканом действительно большое значение; что свою роль сыграл свойственный монарху прямой и решительный характер, желание самому на месте разобраться в происходящем.

Встреча Николая I с Григорием XVI, носившая, судя по её описанию, весьма откровенный и непринуждённый характер, несомненно, оказала позитивное влияние на развитие отношений России со Святым Престолом, способствовала их более справедливому и примирительному настрою друг к другу. Она по существу подвела черту под накопившимися после событий в Царстве Польском в 1830 г. взаимными обвинениями, для обеих сторон она послужила доказательством плодотворности контактов на высшем уровне для преодоления трудностей во взаимоотношениях двух Дворов. Непосредственным итогом её стало быстрое утверждение Ватиканом всех предложенных кандидатов на вакантные епископские кафедры и начало переговоров, которые завершатся подписанием соглашения.

Изменив общий климат во взаимоотношениях Рима и С.-Петербурга, эта встреча, безусловно, повлияет и на проявленное российским правительством участие в судьбе папы и готовность способствовать возвращению ему всей полноты власти после событий 1848 г. в папских государствах.

Путешествуя инкогнито, император отказался принять дипломатов в Риме, как, впрочем, и в других государствах Апеннинского полуострова.

Волновавший римский Двор накануне его приезда вопрос о ценных подарках не возник. Всё ограничилось украшенными бриллиантами табакерками, с портретом императора или без него, прелатам, двумя тысячами скудо для папского Двора, четырьмя с половиной тысячами скудо для бедных. Две тысячи скудо были переданы настоятелю церкви Св. Станислава в Риме на её нужды для духовных и светских лиц, привлечённых к службе или присмотру за храмом, находившимся под покровительством императора, как принадлежавшего Царству Польскому².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 101. Л. 206–207, 209.

² ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 100. Л. 1, 4.

После эпохи возбуждения в Риме, как писал Лютцов Меттерниху 27 декабря 1845 г., наступили спокойные дни, когда вспоминают и обмениваются взаимно впечатлениями от высочайшего визита, который «с полным основанием будет считаться среди памятных событий нашего времени»¹.

В тот же день, 27 / 15 декабря, Медем сообщал в С.-Петербург о реакции в Вене на визит Николая I.

Благомыслящая часть общества ожидает от него самых благотворных результатов, в то время как наши политические противники не могут скрыть своего разочарования от перспективы утратить, благодаря сближению между нашим и римским Дворами, религиозную почву. Они её использовали в последнее время с возрастающей активностью и не без успеха, распространяя в обществе самые преувеличенные предубеждения в отношении настроений, которыми одушевлено наше правительство против иностранных исповеданий, а именно против католической Церкви. Они боятся, как бы самое мощное оружие, чтобы мешать нам в глазах порядочных людей и создавать этим нам трудности более или менее серьёзные, не было бы отобрано, так как все средства создавать нам препятствия им кажутся позволительными. По-видимому, было лишь нужно, чтобы наш Августейший Монарх появился, чтобы он объяснился с благородной, достойной и редкой твёрдостью относительно лояльности своих намерений, чтобы произвести на папу и его окружение то впечатление, которое были вправе от него ожидать. Это то, что вытекает из всех сведений, которые приходят к нам из Рима одновременно с данными о разочаровании, испытываемом лицами, нам враждебными².

Судя по записи в хранящемся в секретном ватиканском архиве дневнике неизвестного лица, пребывание императора в Риме прошло, как он того и хотел, не привлекая особого внимания. В ней отмечалось, что никто из кардиналов не нанёс визита Николаю I, к нему не направились дворяне, чтобы его приветствовать, папа ему не сделал никакого подарка, не было устроено никакого публичного празднества. Были лишь направлены гвардейцы к главному входу миссии. Папа ему не нанёс ответного визита.

Отсюда следовало заключение: «Вообще, проявили величайшую сдержанность, чтобы он не мог воспользоваться римской снисходительностью и ожесточиться против католиков. Местные газеты сообщили лишь о прибытии и отъезде»³. Действительно, внешне всё выглядело так, но лишь по причине того, что этого хотел император.

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 68.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1845. Оп. 469. Д. 160. Л. 280–281.

³ E. Schmourlo la visita dello zar Nicolo I al papa Gregorio XVI (1845). Miscellanea di storia e cultura ecclesiastica. Anno V. Roma. 1906–1907. P. 18 // ASV. Fondo. Archivio dei ceremonieri pontifici. Vol. 677. Repertorio di notizie per gli anni 1845–1846. Tomo I. P. 200–202.

О вполне закономерной реакции в Польше на происходившее в Риме свидетельствовало написанное в январе и пересланное 7 февраля 1846 г. папе аббатом Еловинским письмо одного священника, имя которого он готов был сообщить, если понтифик это ему прикажет. В нём, в частности, говорилось:

Вообще дружеский и милостивый приём императора в Риме преисполнил болью и огорчил слабых людей, он также усилил недоброжелательность недоброжелателей, горестно воскресил в памяти письмо Святого Престола к польским епископам, адресованное в 1832 г., и даже в Риме более явно высказывается мнение, что это самое торжественное чествование. Имеются и такие, которые... отстаивают и желают распространять то достойное сожаления мнение, что католицизм бросил Польшу, что Польша всегда была форпостом Рима, от которого она всегда получала только бесполезные комплименты, и даже сегодня она не может услышать слова сострадания, сочувствия и молитв. Я об этом пишу, так как полагаю, что нужно, чтобы там знали, каково здесь впечатление от происходящего в Святом городе, к которому одни с любовью и надеждой, другие поневоле и все с тревогой обращают свои взоры, особенно, в нынешних обстоятельствах. Вот почему ничто из этого, даже малейшая деталь, не безразлично. Верующие и те, кто таковыми не являются, улавливают всё, чтобы сообразовать со своими соответствующими чувствами¹.

По пути в Вену Николай I заехал в Венецию, где, как и было договорено, ему представился вюртембергский принц. Своё впечатление о нем Николай I так изложил в письме дочери в Палермо: «Благородство его выдержки и манер мне нравится. Когда я ему сказал, что решение зависит не от меня, а от тебя одной, по его лицу пробежала радостная надежда»².

Тем временем самая подробная информация о ходе визита Николая I была предоставлена Ватиканом Меттерниху, поскольку он был ознакомлен со следующими документами: с записью беседы Григория XVI с императором, сделанной кардиналом Актоном, а затем просмотренной самим Святым Отцом, с ответом императора на документ, переданный папой при первой встрече, с ответом, вручённым папе в ходе прощального визита, а также с составленным кардиналом Ламбускини резюме о его аудиенции у Николая I³.

Таким образом, Меттерних оказался прекрасно подготовлен к приезду Николая I в Вену, который состоялся вечером 30 декабря. Он остановился у российского посланника, отклонив предложение расположиться в апартаментах императорского дворца. На следующий день он отправился сначала во дворец, а затем на военный парад, позднее навестил супругу Меттерниха Мелани. Именно благодаря этому визиту можно судить о впечатлениях самого Николая I от его переговоров в Риме.

¹ ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Archivio riservato. Busta 8.

² Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 314.

³ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 40, 44.

Дело в том, что их беседа показалась интересной канцлеру, и он попросил жену записать её содержание.

Я нашёл папу таким, как он должен быть — почтенным и достойным уважения, но совершенно несведущим в наших религиозных вопросах. Впрочем, это не он, это те, что его окружают, желают неясности и отсутствия согласия между нами. Комедия с этой, так называемой монахиней, Вы ей поверили? Тот, кто её сопровождает, выгнанный офицер, затем ставший священником. Сегодня им стыдно за это дознание, потому что комедия была слишком недостойной. Я высокого мнения о кардинале Актоне. Я разговаривал с Ламбускини, потому что хотел поговорить с католиком большим, чем папа. Именно те, кто хочет быть больше католиком, чем папа, сегодня создают затруднения, и у вас здесь это же происходит, —

сказал Николай I.

В ответ на реплику своей собеседницы (она умоляла не оставлять этот важный вопрос до его полного разрешения — достижения мира с католической Церковью и предоставления его католическим подданным в России возможности пользоваться правами свободы совести) император заметил: «Вы говорите то, что мне говорил папа. Он мне сказал: “Отдайте Кесарю кесарево, а Богу богово”. Я ответил папе: “я иду дальше; я говорю: “отдайте сначала Богу то, что принадлежит Богу, папе то, что принадлежит папе, и только затем отдайте Кесарю то, что принадлежит Кесарю!”».

Последовавшее затем напоминание Мелани о том, что «католик без папы не католик, а значит, необходимо признание в России главенства католического папы и предоставления ему возможности защищать свою паству, без чего нет католической Церкви», вызвало взрыв негодования Николая I. «Но Вы верите, Вы (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) тоже, что я хочу лишить папу его прав? — эмоционально воскликнул император. — Я этим огорчён, может быть, Вы верите, что я хотел бы завести второго папу?»

Мелани ответила, что не верила подобному абсурду, и «просила дать честное слово, что католический вопрос будет полностью разрешён».

Прощаясь, Николай I сказал: «Мои намерения состоят в том, чтобы успешно завершить всё это дело, лишь бы меня поддержали»¹. Вопрос о том, о чьей поддержке он говорил, остался открытым.

Слова Николая I по поводу передачи «Кесарю кесарева» прозвучали убедительно для Меттерниха. Он их так прокомментировал в депеше Лютцову:

Я допускаю, что император Николай хотел бы того, о чём говорит; я даже верю, что он этого хочет в российских владениях; я, зато, считаю, что он ошибается в отношении одной из тех формальностей, которые являются существенными. Он хочет, чтобы папская охранительная власть распространилась также на его владения;

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 210–211.

чего он не хочет, так это того, чтобы отправление её обязанностей было бы явным (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Как мне кажется, дело более чем в одном руководстве, а то, что ошибочно в этом взгляде на вещи, ведёт свое начало от авторитарных идей и от глубокой неосведомлённости монарха, из чего очень плохие советники стараются извлечь как можно больше возможных выгод в их собственных интересах¹.

Вечером того же дня, 31 декабря, когда состоялась её беседа с Николаем I, Мелани в беседе с Орловым подняла вопрос о браке. Он пояснил, что император полностью оставил это дело, потому что он был сочтён Австрией невозможным. В ответ она заметила, «что, утверждая это, он, конечно, говорил противное тому, что думал, добавив, что дело никогда не рассматривалось, как абсолютно невозможное, а речь шла только об относительной невозможности, то есть из-за положения католической Церкви в российских владениях». Видя, что не смогла переубедить Орлова, неизменно повторявшего своё прежнее утверждение, Мелани привлекла своего супруга, находившегося в той же комнате, чтобы он исправил неверные представления графа. Меттерних, сказав, что любил позицию ясную и точную, спросил, читал ли Орлов листки, переданные им Нессельроде, и знаком ли он с тем, что он писал Меду по поводу брака, что дело не встретило бы больше затруднений, как только были бы урегулированы религиозные дела со Святым Престолом. Получив утвердительный ответ, Меттерних заявил, что в такой ситуации, если император отказался от брака, ему ничего не оставалось, как сказать, что больше не считает нужным об этом говорить².

На следующий день, 1 января 1846 г., состоялась трёхчасовая беседа Николая I с Меттернихом. О её содержании можно судить по письму канцлера Лютцову и по сведениям, полученным, конечно, от канцлера же папским нунцием. При первом намёке на вопрос о браке, продолжавший занимать канцлера, император его перебил: «Не будем об этом говорить... вопрос об этом больше не подлежит обсуждению». Сославшись на то, что такое замечание побуждает его восстановить факты во всей их полноте, Меттерних поинтересовался, известно ли ему о письме, направленном им Меду. Последовал утвердительный ответ и твёрдое заявление об отказе от этого. Канцлер пояснил, что уже слышал об этом накануне от Орлова, и именно это поставило его перед необходимостью вновь заговорить об этом деле, чтобы внести уточнения. «Именно Ваше Величество хотело брака. Вы от него отказываетесь теперь, австрийская императорская семья готова была согласиться на столь желанный с обеих сторон союз с необходимыми оговорками в отношении его осуществления; таково подлинное положение дел, и мне нечего к этому добавить». По версии нунция, в ответ император уточнил, что «никогда не делал формального предложения о браке, что он только выражал пожелание,

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 215.

² ASV. Fondo. Carte di Russia e Polonia. Vol. 8. Parte 1. Anno 1845. Fogli 49–50.

чтобы эрцгерцог и великая княжна познакомились, дабы судить о взаимном соответствии; что даже на это не согласились, и что теперь он принял решение больше об этом не думать». Это, продолжил он, несколько не изменит политические отношения, только им будет недоставать уз семейной привязанности.

По поводу поднятого Меттернихом вопроса о несоответствии российского законодательства канонам католической Церкви Николай I сказал, что уже высказал свои соображения на этот счёт, и заметил, что не имеет привычки обещать того, что не намерен выполнять. В ответ на сообщение Меттерниха о подготовленной им записке с изложением своих соображений, император просил передать её ему через Нессельроде¹, что и будет сделано 1 февраля 1846 г.

Если в целом беседа с Николаем I оставила много открытых вопросов и породила немало догадок у Меттерниха, то более всего его озадачило замечание относительно вопроса о браке. Явно рассчитывая получить какие-то уточнения по этому вопросу, он дал знать императрице-матери об уместности её беседы с Николаем I на эту тему. Она после семейного обеда под предлогом показать капеллу, построенную в её апартаментах в память об умершем императоре, увела его к себе и там в ходе беседы подняла этот вопрос. Первая реакция императора, что не следовало больше об этом говорить, не изменилась и после того, как императрица по существу повторила всё уже сказанное ему Меттернихом. Он ограничился тем, что поблагодарил за выраженные чувства в адрес его семьи, добавив, что решительно отказывается от идеи о подобном браке². И эта беседа не дала ничего нового. Вопрос же о браке продолжал занимать канцлера.

Показательно то, что он писал уже после отъезда Николая I в депеше Лютцову от 3 января 1846 г., предназначавшейся для ознакомления с ней и Ламбрускини. Даже факт возвращения Николая I в Россию через Вену он объяснил его опасениями, как бы австрийская императорская семья не подумала, что препятствия союзу его дочери с эрцгерцогом были им устранены в ходе бесед с папой и в результате данных им обещаний Его Святейшеству. Обманувшись в своих ожиданиях, полагал канцлер, он со свойственной его характеру импульсивностью заявил, что оставил проект брака. Австрийская же императорская семья отнеслась к этому спокойно.

¹ ASV. Fondo. Carte di Russia e Polonia. Vol. 8. Parte 1. Anno 1845. Foglio 51; ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 202–203. Кстати, в своё время деясь с Виале-Прела (депеша нунция в Рим от 19 декабря 1845 г.) намерением вручить эту записку Николаю I, Меттерних говорил, что даст ему при этом понять, что «её следует рассматривать или как совет, который он позволяет себе ему дать, или как выражение его чувств, или, наконец, как нечто вроде завещания» (ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 96. Л. 9–10). В основу записки лёг материал о действовавших в России законах, враждебных католической Церкви, который был подготовлен австрийским посланником в России Фикельмоном (Там же. Д. 96. Л. 4).

² ASV. Fondo. Carte di Russia e Polonia. Vol. 8. Parte 1. Anno 1845. Foglio 54.

Однозначно ответить на вопрос, действительно ли Николай I отказался от своего давно вынашиваемого проекта, Меттерних не брался, поскольку видел столько же оснований как для положительного, так и для отрицательного ответа, а посему полагал, что только будущее даст его. Если эта идея действительно оставлена императором, то, считал он, последствия такого решения отразятся на делах религии: понтифик утратит одно из средств для достижения своей цели, уменьшится его моральное влияние на российского монарха. С исчезновением вопроса о браке дискуссии с российской стороной придётся вести на чисто религиозной и политической почве; и хотя все составные части обсуждаемых проблем связаны, «религиозная сторона в особенности находится в ведении римского Двора», Вена же «не отступит на политической почве», т. е. всё вернётся на круги своя.

Ему представлялся хорошим настроённым Николая I в политической области, но он предупреждал о необходимости делать различие между сферой деятельности собственно политической и сферой административной и правительственной политики. Если император полностью информирован по вопросам первой, этого нельзя сказать о второй, «В области дипломатии этот монарх прекрасно осведомлён, — писал он, — что же касается внутреннего управления его обширными государствами, ему часто случается быть ослеплённым либо в силу его автократического положения, либо из-за незнания самих принципов благоразумного правительственного руководства»¹.

В депеше, подлежавшей передаче Ламбрускини, Меттерних весьма сдержанно высказался по вопросу о браке, ограничившись в основном его фактической стороной. Зато ещё одну депешу и частное письмо Лютцову, от 4 января, но направленные в Рим с той же экспедицией, он целиком посвятил подробному изложению всего комплекса своих соображений на этот счёт. Заявив, что хорошо знал Николая I, он признавался, что не мог сделать вывод,

...действительно ли он оставил идею брака или только скрывает свое желание. Подобная маска служит прикрытием досады, а такое чувство у человека преходящее по своей природе. Что бы это ни могло означать — прямо ли отказался император от устройства своей дочери (а она старится), хочет ли он возобновление дела обставить какими-то условиями, — конечно, его образ действий воспринимается здесь как ошибочный.

Настроение, особенно являющееся следствием обманутых надежд, очень плохой советник! А ведь император может допускать ошибки в образе действия, и эти ошибки, в зависимости от важности предмета, коего касаются, часто проливают на суть его намерений свет, не соответствующий действительности².

Итак, вопрос о браке занимал канцлера не только сам по себе, но, прежде всего, из-за неясности относительно последующей реакции.

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 205—206.

² Там же. Л. 214.

Позицию австрийского Двора Меттерних находил полностью соответствовавшей общему направлению его политики. Но его немало занимало её восприятие со стороны, и, разумеется, прежде всего, в Риме, поскольку, по его мнению, гораздо легче складывается ложное представление именно о такой политике, чем о политике менее чреватой последствиями. Причина этого для него очевидна: наблюдатели более решительны на заключения относительно того, что следует ожидать от сдержанной и строгой власти, чем от иначе настроенной. К тому же они не отличаются объективностью.

В Риме, — писал он в этой связи, — найдутся люди и даже среди высокопоставленных лиц, рассчитывающие не менее чем на разрыв (подчёркнуто в тексте. — О.С.), который они одобряют. К ним не принадлежат ни Святой Отец, ни его премьер-министр. Их восприятие будет сходно с моим. Если Его Святейшество и кардинал статс-секретарь не признают за позицией императорской семьи и правительства иной заслуги кроме подлинной преданности долгу, и если, вместе с тем, они не откажутся понять, что святое дело религии вовсе не окажется укреплено этим событием, там найдутся, с другой стороны, лица, которые выразят чувство удовлетворения тем, что дела обстоят так, как есть, и которые даже не рассчитывали на то, чтобы они так были у нас поставлены. Наша искренняя поддержка будет предоставляться римскому Двору; наши средства оказались ослаблены в одном направлении; свобода наших действий остаётся прежней. Таково, по моему мнению, истинное положение дел¹.

Исчерпав в корреспонденции за 4 января изложение своих впечатлений и расчётов, уверяя, что ему ничего не оставалось, как положиться на будущее, призванное многое прояснить, Меттерних, вопреки этим уверениям, в частном письме Лютцову за то же число вновь обратился к явно смущавшим и немало занимавшим его настроениям в Риме.

Я Вам скажу, что я допускаю, что в Риме, и даже среди высокопоставленных лиц в Вечном городе, могут (и даже скажу) должны найтись люди одновременно достаточно легкомысленные и подверженные сильным увлечениям, чтобы почувствовать себя словно освободившимися от лишнего груза, сочтя для себя возможным признать, что император Николай оставил идею брака. Я, который должен был бы первый чувствовать себя утешенным этим фактом, я Вас уверяю, — писал канцлер, — я утешен лишь наполовину. Я не из тех, кто верит в триумф принципов, когда уничтожаются колонии. Ход моей мысли не имеет ничего общего с таковым покойного аббата Григория², прискорбной памяти, я считаю, что принципы и колонии могут существовать одновременно, не сталкиваясь, не лишаясь источников существования. Из них, колонии никогда не найдут предпочтительно моей поддержки, но между предпочтением (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) и холодной

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 215.

² Папа Григорий XVI скончался 1 июня 1846 г.

рассудительностью имеется огромная дистанция, нуждающаяся в том, чтобы быть заполненной удачными и неудачными делами!¹

Основанием для беспокойства по поводу таких настроений в Ватикане послужили не только логические умозаключения канцлера, прекрасно осведомлённого о расстановке сил, но и конкретный случай. Во время пребывания Николая I в Вене от членов его свиты он получил доказательства проступка, допущенного нунцием. «Полный недоверия» к действиям австрийского правительства, он конфиденциально поделился с ними тем, «что должно было бы оказаться сконцентрированным в наших очень надёжных руках». Действуя так, «он выдал врагу то, чего, прежде всего, тот не должен был бы знать, и из чего ловкий противник сумеет извлечь пагубное решение». В числе их «худшие состоят в искажении истины, в полной ненависти интерпретации того, что не должно этому давать повод, в использовании, наконец, ложных и надуманных последствий из того, что не должно даже доставлять предлога для пререканий. Монсеньор Альтьери, умный человек, одушевлённый самыми корректными чувствами, имеет недостаток — он нисколько не умеет быть доверчивым!»² — сетовал канцлер.

Попытка Меттерниха воспользоваться проездом через Вену Нессельроде, чтобы получить уточнения по поводу вопроса о браке, окончилась полным провалом, министр заверил его, что только теперь, 7 февраля 1846 г., от своего собеседника он якобы узнал об отказе Николая I устроить свою дочь в Австрии. Настроения же императора, когда он покидал Рим, вовсе не давали министру основания предполагать подобное изменение в его замыслах: «это изменение, таким образом, могло произойти лишь по дороге, и назвать причину нам ещё не представляется возможным. Этот вопрос не стал предметом обсуждения»³. Лукавил ли Нессельроде или действительно ещё об этом не знал, трудно сказать с точностью, но, скорее всего, лукавил.

Тем временем Николай I ожидал решения его дочери. После посещения Вены 7 января 1846 г. / 26 декабря 1845 г. он ей писал:

Теперь ты отгадаешь, что меня более всего занимает? ...Как ты по Божию наитию, решишь свою участь? С полной свободой, со спокойным испытанием твоего сердца, без предупреждений и без наущений, сама одна ты. Твоё сердце, твой здравый ум мне поручают, что то, что ты одна решишь, будет к лучшему, будет изречением Божией воли, ибо одному Богу предаёшься; поэтому я спокоен, и оттого жду, чему быть. Никто не может тебе советовать: ты одна можешь и должна судить о твоём деле; мы же можем и должны судить de la position sociale (о положении общественном. — О.С.), как я уже тебе писал в пользу предлагаемого

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 212.

² Там же. Л. 213.

³ Там же. Л. 231.

тебе. Если бы прежде (брак с эрцгерцогом Стефаном. — О.С.) и могло быть, то сравнения нет между двух предложений, в отношении условий твоего положения. Видев же ныне вблизи, в какую семью ты могла бы попасть, и до какой степени, с одной стороны, беспорядок, а с другой, фанатизм у них сильны, я почти рад, что дело не состоялось.

И хотя в начале письма он говорил, что она одна «с полной свободой» должна принимать своё решения и «никто не может» ей советовать, в конце письма он фактически советует ей принять это предложение. «Теперь выбирай между предложенного или всегдашнего пребывания дома в девицах: ибо нет, вероятно, какого-либо иного предложения, достойного тебя, как нет на то лица». Он полагается на волю Божию: «Повторяю, что ты решишь, то и будет, по моей вере к лучшему: ибо по моему чувству к тебе я той веры, что в тебе будет в минуты глас Божий изрекаться. Аминь»¹.

Тогда же княжна получила из Вены от сопровождавшего императора министра Двора В.Ф. Адлерберга короткое известие: «Всё кончено» — и прореагировала на него ощущением «точно погасили семь лет моей жизни». За последовавшим затем знакомством с письмом Николая I с подробным описанием его визита в Вену, по признанию княжны, в глубине её «души шевельнулось что-то похожее на благодарность». Она увидела за внешне торжественным приёмом «не что иное, как отказ и боязливое ожидание грядущих мрачных событий», т. е. событий 1848—1849 гг. Если о них она судит, конечно, с позиций того времени, когда пишет воспоминания, то из сказанного Николаю I императрицей-матерью она вполне могла сделать свои заключения уже тогда. Говоря о гонениях на римско-католическую Церковь в России, императрица не смогла дать ни доказательств этих гонений, ни назвать существующих в России законов, направленных против католичества, о чём её просил рассерженный император. Даже не упомянув о великой княжне, она поинтересовалась, должна ли эрцгерцогиня, выходя за великого князя, переменить свою веру? На что Николай I ответил: «Конечно, нет»².

Поведение её, впрочем, понятно, если учесть занятую императорской семьёй позицию неосведомлённости относительно желания Николая I брака его дочери с эрцгерцогом Стефаном. И тем более понятна реакция такого прямого человека, как российский император, на столь очевидную игру.

Явно без энтузиазма относилась к браку с австрийским эрцгерцогом Александра Фёдоровна по той же причине атмосферы в семье, в которую должна была вступить её дочь. Отправлявшейся в Вену бывшей фрейлине, жене церемониймейстера Смирновой-Россет, она сказала: «Просите Медема, чтобы он постарался устроить эту свадьбу. Это единственный понравившийся ей принц. Что касается

¹ Николай I. Муж. Отец. Император. С. 331; *Тальберг Н.* Император Николай I в свете исторической правды (1845—1846). N. Y., 1962. С. 8.

² Николай I. Муж. Отец. Император. С. 314—315.

меня, я всякий раз вспоминаю об этом несчастном браке великой княгини Александры, об этом её печальном пребывании в Венгрии»¹.

Между тем после встречи в Венеции с Николаем I наследный принц отправился в Палермо. 18 января 1846 г. он впервые увиделся с великой княжной, и всё решилось в тот же день. Как писал 19 / 7 января находившийся в свите императрицы П.К. Мейендорф Орлову, бывшему в свите императора, беседа

...длилась полчаса... этим всё сказано, и, по признанию Её Императорского Величества, принц сегодня просит её руки у императора. В своём письме он имел деликатность не говорить об этом разрешении, он пишет только о таковом императрицы. Это черта, за которую ему нужно быть признательным, особенно учитывая взволнованное состояние, в коем он находится. У него голова кружится от радости, так что мы не связаны обещанием для проформы (всё подчеркнуто в тексте. — О.С.), но морально да. Великая княжна сделала выбор в соответствии с тем, что император ей посоветовал в своём письме. Она правильно поступила. Я даже думаю, что она имела сверх того, что первоначально хотела, когда увидела этого молодого человека, такого застенчивого и одновременно такого естественного. После этого не может больше быть вопроса о другом выборе и встречи с каким-нибудь другим претендентом. Это могло бы всё подвергнуть опасности... Императрица пребывает в невыразимой радости, которая светится в её глазах, мадам великая княжна мне кажется более чем когда-либо трогательной красавицей. Видно, что она сознательно приняла своё решение, и что она уже им довольна... Мы условились сохранять секрет, но легко предвидеть, что об этом заговорят во всей Европе. Наш курьер, отбывающий в понедельник вместо четверга без очевидной причины — это уже показатель.

Говоря далее об обеспокоенности по поводу состояния здоровья часто болевшего короля, Мейендорф признавал, что утрата стала бы большим несчастьем для страны, всей Германии и наследного принца, нуждавшегося ещё в нескольких годах, чтобы подготовиться к трудной задаче, которая ему предстоит, и тут же замечал:

Это также повод нас поздравить с нынешним заключением союза. Однажды став королём, молодой принц сначала оказался бы завален столькими заботами и делами, и было бы, вероятно, столько интриг, чтобы расторгнуть проект брака, что всё могло бы быть поставлено под вопрос. Отныне, напротив, он формально связан обещанием — император решит. Я уверен, что вся Россия обрадуется, узнав об этой блестящей партии... Если решение императора подтвердится и порадует нас, какая хорошая вещь это палермское путешествие, ...без которого императрица не обрела бы здоровья, ни великая княжна короны².

¹ Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 337.

² ГАРФ. Ф. 672. Николай I. Д. 498. Л. 1.

Королевская семья с радостью встретила известие от сына из Палермо. Король хотел сразу написать Николаю I, но «решил пожертвовать своим нетерпением желанию несколько не привлекать внимание посылкой курьера. Последний отбудет тотчас же по возвращении принца», — сообщал Горчаков. Вильгельм I полностью одобрил письмо принца императору и с беспокойством ожидал его решения. Он рассчитывал увидеться с Александрой Фёдоровной на обратном пути её в Россию¹.

Хотя вопрос о браке дочери Николая I не обсуждался в ходе его визитов ни в Риме, ни в Вене, он продолжал живо занимать дипломатические круги и после отъезда императора. Виале-Прела (донесение от 19 декабря 1845 г.) полагал, что стремление Николая I устроить брак своей дочери с австрийским эрцгерцогом было продиктовано не только отцовскими чувствами, но и политическими причинами. А именно — «максимальной заинтересованностью России укрепить, таким образом, политический союз между двумя Империями в момент, когда Россия не могла рассчитывать на какой-либо другой союз»².

Позднее, в донесении от 4 января 1846 г., обобщая соображения, которыми с ним поделился Меттерних, он так суммировал свою оценку сложившейся ситуации в связи с этим. По поводу того, «серьёзно ли император оставил проект брака или нет», он замечал:

Святой Престол должен рассматривать такой проект в качестве отложенного. В связи с этим позиция Святого Престола стала гораздо менее выгодной, потому что утрачивается элемент, оказывавший огромное влияние на императора. Однако Святой Престол сохраняет свою прежнюю религиозную позицию, а я, говорил князь (Меттерних. — О.С.), буду придерживаться прежней политической позиции, и из самих российских законов извлеку аргументы, чтобы доказать, что российское законодательство несовместимо с существованием других религий в российской Империи, кроме схизматической³.

В своих донесениях в Мюнхен баварский посланник Шпаур в январе трижды (в донесениях за 12, 24, 31-е число) возвращался к этой теме. Он писал: «Больше не говорят о браке эрцгерцога Стефана с великой княжной Ольгой», затем сообщил о замечании кардинала Ламбускини, что «поездка вюртембергского наследного принца в Палермо заставляет его думать о браке с этой стороны», а позднее приходил к заключению: «Вюртембергский принц, проведший 14 дней в Палермо, возвращается на Родину. Союз этого принца с великой княжной обретает правдоподобие»⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1846. Оп. 469. Д. 182. Л. 31–32.

² ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

³ ASV. Fondo. Carte di Russia e Polonia. Vol. 8. Parte 1. Anno 1845. Foglio 66.

⁴ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 83–84, 88–90.

Делился своими соображениями на этот счёт и Лютцов. Со времени, когда Бутенев по возвращении из Палермо оповестил Святой Престол об отсутствии у императора намерения обсуждать вопрос о браке, посол не сомневался в серьёзном изменении его идей в этом отношении. В депеше Меттерниху от 24 января он признавался, что в Риме «всегда придерживались убеждения, что император гораздо больше дорожит проведением в жизнь своих политико-религиозных принципов и осуществлением административных планов, оцениваемых им, как наиболее подходящие для его обширной Империи, чем устройством дочери». Это устройство, полагал он, было «обеспечено сообразно намерениям любящего и нежного отца, если претендентом на руку прекрасной великой княжны должен стать принц с юга Германии, которого мы видели проезжавшим через Рим, отправляясь в Неаполь и Палермо»¹.

В депеше от 7 февраля Лютцов предполагал, что, будучи в принципе против смешанных браков, в то же самое время Ламбрускини, а ещё более папа были способны примириться с этой идеей и считали союз эрцгерцога с великой княжной Ольгой благоприятным для католической религии и приемлемым. Но при условии, если бы Николай I «отнёсся немного более благосклонно и внимательно к претензиям, выдвинутым папой от имени Церкви в пользу католических подданных императора, неистово преследуемых за принадлежность к конфессии, рассматриваемой Его Величеством, как конфессия революционеров, конфессия его врагов»².

Брак же с вюртембергским принцем в Риме одобрялся очень мало, и не только потому, что молодой принц не снискал здесь себе большого уважения. Папу и его министра, главным образом, беспокоило то, что могли увеличиться политические и религиозные трудности. Ведь король Вюртембергского королевства «из принципа или, если позволительно так выразиться, из-за отсутствия принципа, по сути дела, является противником католической религии, и позволит себе новые несправедливые акты и преследования против тех, кто её исповедует, когда будет чувствовать поддержку и помощь монарха, давшего доказательство ненависти, на которую он обрёл истинную религию»³.

Даже получив от Меттерниха предписание больше не заниматься этим браком, Лютцов, тем не менее, 21 февраля счёл необходимым вернуться к нему, чтобы сообщить полученные им сведения о месте и времени изменения намерения Николая I об устройстве своей дочери в Австрии. Во время дружеской и конфиденциальной беседы Бутенев ему сообщил, что, когда император ещё находился в Палермо, король запросил руки его дочери для своего сына. Император дал согласие. Бутенев, правда, не уточнил, этот ли ответ послужил поводом для путешествия принца

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 87–88.

² Там же. Л. 106–107.

³ Там же. Л. 107.

в Венецию и на Сицилию, но поведал, что курьер с согласием императора на этот брак уже вернулся в Палермо¹.

Перипетии вокруг брака (точнее, даже двух браков) детей монархических домов позволяют ближе познакомиться не только с образом жизни, с мышлением, с взаимоотношениями в этих семьях, понять, в частности, причины заключения браков членами российской императорской семьи лишь с представителями некаатолических Дворов. Но и дополнительно прояснить некоторые аспекты позиции сторон по принципиально важным, хотя прямо, казалось бы, не связанным с этим вопросом проблемам. Рассмотренному случаю особый интерес, несомненно, придаёт вовлечённость в него Святого Престола, и обращают на себя внимание дипломатические приёмы, к коим прибегали вовлечённые в обсуждение этого вопроса лица. Показателен и тот факт, что, если верить искренности того, что скажет австрийская императрица при встрече на обратном пути Александры Фёдоровны с дочерью в Россию, в своё время при знакомстве с княжной в 1835 г. она ей очень понравилась. А Меттерних о знакомстве с ней тогда же в письме жене (перед ней-то у него не было необходимости лицемерить) 27 / 15 сентября писал:

Мне кажется, что я готов влюбиться, дорогая моя. Предмет моей страсти — великая княжна Ольга. Это — прелестное маленькое существо. Ей тринадцать лет... Она походит на отца, как прекрасная миниатюра прекрасного предмета. Она — император Николай, рассматриваемый в противоположный конец зрительной трубы. Те же черты, только более нежные. Она, сверх того, превосходно воспитана, проста, естественна и вежлива. Всякий отец был бы счастлив иметь дочь, подобную ей...²

После окончания визита императора внимание дипломатов немало занимал ещё один вопрос весьма деликатного свойства — дело о монахинях-базилианках. Как писал Бутенев 11 февраля / 30 января 1846 г., польская пропаганда и некоторые газеты в Париже после провала надежд воздействовать этим делом на наиболее влиятельных лиц в Риме во время визита и создать помехи сближению между Святым Престолом и Россией, столь противному видам и расчётам фанатической партии, как и революционной. Разочарованные в их ожиданиях глубоким и очевидным благоприятным впечатлением, произведённым в Риме присутствием императора, они с новым упорством прилагали все усилия, чтобы пробудить вредные страсти и ввести в заблуждение легковёрное европейское общественное мнение серией отвратительных статей, помещённых сначала в «L'Univers». Затем они были перепечатаны в нескольких французских и немецких газетах, «проникнутых тем же злобным настроением в отношении нас». Чтобы придать большую правдоподобность и вес своим лживым инсинуациям, сочинители этих статей придали им вид

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 123–124.

² Сон юности // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 325–326; Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторический очерк. СПб., 1889. С. 84.

происходящих из Рима, сопровождая их официальными документами, такими как допросы и протоколы, которые были формально составлены по указанию папы и принятые им относительно этого же самого дела базилианских монахинь. Эти публикации, одобренные комментариями более дерзкими и недоброжелательными одних других, смогли встретить очень слабый отклик у некоторой части общественного мнения в Риме и вообще возбудили лишь чувство неодобрения, порицания и презрения хорошо информированной и благонамеренной части высокопоставленных лиц столицы. Бутеневу было почти невозможно допустить реальность документов, так сказать исходивших от Святого Престола и излагаемых «с такой дерзостью и уверенностью» газетами. На деле он знал, что если, с одной стороны, в ходе бесед с Николаем I папа постарался тщательно обойти молчанием вопрос об этом деле, то, с другой стороны, Ламбрускини во время конфиденциальной аудиенции, которой его удостоил император, дал ясные объяснения и уверения. Затем он их неоднократно повторил как Нессельроде, так и Бутеневу. Тогда посланник запросил разъяснений у Ламбрускини.

В «самых твёрдых и убедительных выражениях» он его заверил в глубоком отвращении и «в чувстве горечи и беспокойства», которые эти публикации заставили испытать его и папу. В таком смысле папа высказался перед ним и другими своими советниками, а также перед Лютцовым¹.

На просьбу Бутенева опровергнуть публикации газет кардинал заявил, что не поколебался бы поместить официальное опровержение в «Gazette de Rome», но считал его недостаточным, поскольку речь шла о газете, мало распространённой вне папских государств и едва ли известной в Европе. К тому же, признался он, папское правительство находило ниже собственного достоинства опровергать газетные статьи, вступать в полемику с периодической печатью, как это практикуется в некоторых странах, считая такую полемику скорее вредной, чем полезной.

Эти соображения кардинала, звучавшие так убедительно, что не могли быть приняты за уклончивые отговорки, не показались Бутеневу достаточно убедительными, а посему он продолжил свои настояния. Он подчёркивал уместность и важность ясной и достоверной манифестации Святого Престола, соответствовавшей нынешнему положению, полагаясь, однако, в выборе способа, который следовало предпочесть, на мудрость папы и его правительства.

Через два дня он был информирован кардиналом о решении папы не помещать опровержение на страницах «Gazette de Rome», а направить нунциям в Париже,

¹ В ходе беседы с ним дипломат выяснил, что понтифик полностью разделял его мнение, что бестактные публикации французских газет отражали «дело партии, которая пользовалась покровом религии для реализации своих реформаторских и революционных планов; которая гораздо больше заинтересована продолжать глубокие политические разногласия, чем положить конец преследованиям и страданиям католического населения России» (ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 109).

Вене, Мюнхене специальную инструкцию-циркуляр, с текстом которой Бутенев был ознакомлен и имел возможность сделать из неё выписку¹.

В этом документе, датированном 7 февраля 1846 г., выражалось глубокое недовольство публикацией во французских газетах статей, утверждавших, будто бы по указанию Святого Престола были составлены протоколы допроса монахини-базилианки из Минска, проживавшей в настоящее время в Риме. В качестве опровержения сообщалось, что папа не только не давал указания произвести допрос монахини, но что это было сделано полностью без его ведома, без какого-либо согласия Святого Престола, и что папа, поскольку никогда не видел приведённого в статьях документа, не мог судить о его значении и важности. Нунциям предписывалось проверять всеми средствами упомянутые публикации².

После появления этого документа Бутеневу пришлось ещё раз привлечь внимание Ламбрускини к этому вопросу. В конце февраля 1846 г. он передал кардиналу справку, содержащую материал проверки, произведённой российскими властями по делу о монахинях-базилианках.

В ней приводились следующие сведения. Никогда, ни в Ковно (кстати, он находился не в 20 милях, а в 300 верстах от Витебска), ни во всей области не существовало базилианского монастыря. Никакие верующие базилианки не были перемещены в православный монастырь, все они продолжают оставаться в своих монастырях, за исключением пожелавших жить со своими родственниками римско-католического исповедания. Средства к существованию монахинь-базилианок не уменьшились, а возросли. Литовский архиепископ Иосиф (Семашко) никогда не был духовником никакого женского монастыря базилианок, не имел никакой власти над монастырями Витебска и Полоцка, находившимися в других епархиях, не строил дворца. Он большую часть времени жил в С.-Петербурге, не имел никакого дома, а архиепископский дворец в Вильно, предназначенный для его проживания, был куплен в 1843 г. казной. Ни один священник в России не имеет в своём распоряжении казаков. В России никогда не использовался женский труд на шахтах. К тому же монахини не могли работать на шахтах, поскольку их нет в Западных областях России, а в Сибирь они не были депортированы. Перед 1839 г. в России было 9 монастырей, в которых проживало не 240, а только 55 монахинь-базилианок. Наконец, в России никогда не было монахини по фамилии Мичеславская, как и с фамилиями трёх её компаньенок. Установить, кто такая Мичеславская, следует властям страны, где она находится³. Справка была принята Ламбрускини к сведению.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 159. Л. 69–71.

² Там же. Л. 75–76.

³ Там же. Л. 106–108. В конце 1846 г. к Медему с запросом о монахинях-базилианках обратился Меттерних в связи с утверждением Мичеславской, что она происходила из рода Эстергази (Там же. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 202. Л. 304).

Со своей стороны Бутенев информировал российского посла во Франции Н.Д. Киселёва о негодовании папского правительства в связи с противозаконным приобщением его имени к так называемым протоколам допроса Мичеславской и об указании, данном Святым Престолом нунциям в Париже, Вене и Мюнхене опровергнуть его причастность к публикациям подобного рода. Позднее он ещё раз написал ему по этому поводу, приложив полученную из С.-Петербурга справку.

3 марта / 19 февраля Киселёв сообщил, как он воспользовался этой информацией. По получении первого письма он не преминул её довести до сведения министра иностранных дел Франсуа Гизо, так же как основных коллег дипломатического корпуса. Он с удовлетворением убедился в том, что она должна будет оказать «хорошее действие». А посему рассчитывал, что она положит конец обнаруженной здесь склонности верить «рассказам смешным из-за их абсурдности и преувеличений. Но их без конца повторяли в разных формах, не получая ни малейшего опровержения с нашей стороны в течение более четырёх месяцев, когда обычные органы измышлений и недоброжелательства распространяли их против нас повсюду и на всех языках».

Одновременно он добавлял, что результат мог бы быть гораздо более быстрым, более повсеместным и более действенным, если бы нунций Раффаэле Форнари проявил бы больше усердия и более чётко исполнил бы указания, полученные в данных обстоятельствах. Послу стало известно, сколь неубедительными показались его ответы для тех, кто спрашивал о предписании, адресованном его правительством. И уж совсем не устраивали посла средства, которые он употребил, чтобы предать гласности заявление Святого Престола. Ибо он ограничился письмом из Рима, помещённым в «L'ami de la Religion», которое не носило никакого официального характера и ещё больше ослабляло некоторыми соображениями опровержения папского кабинета, которые оно упоминало. Письмо по этому же самому поводу, помещённое в «Gazette universelle d'Ausbourg», заставляло Киселёва предположить, что нунций в Мюнхене проявил больше точности и доброй воли при исполнении указания своего Двора. Он считал небесполезным обратить внимание Бутенева на это. В то же время он признавал, что, несмотря на двусмысленную редакцию французской газеты, одного факта опровержения было, однако, достаточно, чтобы заставить публику освободиться от её пристрастности в пользу так называемой польской жертвы.

Второе письмо Бутенева оказалось тем более кстати, что знакомство с содержанием первого уже произвело здесь впечатление и ударило по недоброжелательным и ложным вымыслам. Полученная справка предоставила возможность формально опровергнуть рассказы этой авантюристки. Посол поставил в известность Гизо и коллег по дипломатическому корпусу о получении документа, полностью опровергающего всю циркулировавшую с некоторых пор клевету. Он оставил копию полученной справки Гизо, который, внимательно прочтя её, нашёл очень убедительной и заинтересовался, поместит ли Киселёв этот документ в газетах. На это он ответил

министру, что никогда не имел никаких отношений с ежедневной прессой. И тем более не хотел бы их устанавливать при данных обстоятельствах, что считал их всегда компрометирующими, но увидел бы с удовольствием, чтобы документ получил как можно больше огласки. Он рассчитывал, что теперь он немедленно появится в некоторых газетах, а все остальные не преминут его перепечатать¹.

Посылка кардиналом циркуляра папским нунциям была встречена в С.-Петербурге с удовлетворением. Николай I увидел в таком образе действия «одновременно проявление духа справедливости, одушевлявшего римский Двор, и личных чувств, внушённых» им Святому Отцу.

Считая для себя важным доказать Святому Престолу, до какой степени «презренные клеветники» злоупотребляли его снисходительностью и легковёрностью добрых католиков, а также разоблачить весь масштаб интриги, основанной исключительно на лжи и обмане, императорское правительство собрало новую, самую точную информацию по указанию императора после его посещения Рима².

Приложенная к депеше Нессельроде Бутеневу от 8 марта / 24 февраля справка с дополнительными к сообщённому Святому Престолу сведениями по существу содержала лишь некоторые уточнения уже известных фактов. В частности, после того, как стало известно, что базилианского монастыря в Ковно никогда не существовало, Мичеславская взяла себе имя аббатисы минского монастыря, которого не существовало уже с 1834 г., когда он был превращён в богадельню, а монахини переведены в монастырь кармелиток в той же губернии. Минский гражданский губернатор Н.В. Сушков (он неверно назван в опубликованном протоколе допроса Исаковым), упоминавшийся в качестве соучастника в насильственных мерах, которым были подвергнуты базилианские монахини, заявил, что до него никогда не доходило сведений ни о каких инцидентах такого рода, чтобы он мог объяснить источник нелепых рассказов Мичеславской. Никогда ни одна жалоба базилианских монахинь не была ему направлена. Стоит упомянуть также опровержение слов Мичеславской о «главной матушке» базилианского ордена, княгине Ефросиньи Гедимин из рода великих князей литовских. Будучи к моменту преследований восьмидесятилетней, она, по словам Мичеславской, поддерживала своих сестёр своим примером и умерла по дороге в ссылку в Сибирь. В справке сообщалось, что у базилианок никогда не было «главной матушки» их ордена в России, а княгиня с таким именем умерла 12 ноября 1239 г., т. е. 600 лет назад³.

По этому поводу Бутенев составил пространную конфиденциальную вербальную ноту, датированную 31 / 19 марта, и 1 апреля вручил её Ламбускини. В ней говорилось, что из донесений своего представителя в Риме император узнал о дезавуировании Святым Престолом публикации в «l'Univers», перепечатанной затем

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 720. Л. 7–10.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 32–33.

³ Там же. Л. 37–38. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 720. Л. 20–22.

в других газетах, так называемого протокола допроса аббатисы Мичеславской, произведённого по указанию папы, а также о циркуляре с таким опровержением, адресованном папским нунциям в Париже, Мюнхене и Вене. В таком образе действия император увидел одновременно «доказательство духа справедливости», одушевлявшего римский Двор, и личных чувств, испытываемых Святым Отцом к нему. Считали, что при таких обстоятельствах как святое призвание папы, так и интересы Святого Престола требовали от папы поднять голос, подвергнуть порицанию и наказать клеветников, осмелившихся злоупотребить его именем. Что же касалось императорского правительства,

...оно сочло бы слишком унижительным для своего достоинства снисходить до борьбы с таким противником. Но для него важно не хранить молчания в отношении римского Двора, стремясь, напротив, доказать Святому Престолу, до какой степени клеветники осмелились злоупотребить его снисходительностью и доверчивостью добрых католиков, и разоблачить в их глазах весь размах порочной интриги, имевшей основой лишь ложь и обман, а целью — исполнение замыслов польской революционной пропаганды.

Признавалось, что Святой Престол сам решит вопрос о наказании авторов публикации. Со своей стороны, считали необходимым поставить вопрос о возбуждении судебного дела против аббата Еловинского, называвшего себя ректором церкви Св. Клода в Риме, но известного в качестве офицера польской армии, горячего зачинщика революции в Варшаве в 1830 г., а с тех пор ставшего одним из самых активных агентов польской эмиграции. Напоминалось о его роли в деле Мичеславской: он сопровождал её в поездке через всю Францию, выступая с церковных кафедр, чтобы поведать историю так называемых преследований её и её подруг. По прибытии же с ней в Рим он стал виновен в производстве поддельного устного судебного процесса, дерзко приписанного Святому Престолу. Два преступления должны быть инкриминированы ему. Ведь опубликованный им устный судебный процесс Святой Престол уже формально изобличил как подложный, а результаты расследования императорского правительства показали, что он был если не автором, то, по крайней мере, самым активным зачинщиком этой клеветы. Отсюда следовало заключение, что подобные преступления, независимо от любых политических соображений, повсюду влекут за собой законное наказание, и оно становится гораздо более суровым, когда виновный облечён саном священника. К тому же в данном случае, кроме этих, вытекающих из общего права, имелись и политические соображения исключительной важности. Ибо теперь не подлежала сомнению прямая связь между участием польского духовенства в беспорядках, имевших место в Кракове, Галиции, Познани, и клеветой, распространённой Еловинским и ему подобными лицами относительно преследования и страданий базилианских монахинь в России. Повторенная в газетах, эта клевета стала в некотором роде манифестом польской эмиграции, а за этим манифестом, призывом к восстанию

под предлогом религии во имя воображаемых жертв и последовали вскоре потрясения, к счастью подавленные почти во всех частях прежней Польши. Одним словом, в лице Еловинского речь шла о политическом эмигранте, злоупотребившем гостеприимством Святого Престола, допустившем из своего прибежища клеветнические и публичные выпады против России, которая вправе потребовать от него удовлетворения. В качестве отягчающего обстоятельства указывалась публикация устного судебного процесса, «во-первых, ложного, что касалось формы, потому что папское правительство признало его подложным, и, во-вторых, оскорбительного, что касалось существа (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), для монарха, дословно цитируя, так называемый указ Его Величества императора гнусный, так же как абсурдный. Этот прямой выпад против личности великого монарха, друга Его Святейшества, заслуживает того, — говорилось в ноте, — чтобы быть надлежащим образом пресечённым, и не может быть достаточным дезавуирования Святого Престола, выраженного в циркуляре папским нунциям, дезавуирования, касавшегося только формы и, впрочем, не получившего никакой огласки, в то время как оскорбление было столь публичным, насколько возможно». Столь же очевидным было найдено злоупотребление Еловинским именем Святого Отца и занимаемым им в Риме положением под протекцией Святого Престола, чтобы безнаказанно направлять такие выпады и придать больше веса своей клевете.

Затем следовал призыв к Святому Престолу «отречься от таких, так называемых, ревнителей его власти и его законного влияния». Конкретно просьба императора сводилась к тому, чтобы установить личность так называемой Мичеславской, но, особенно, строго наказать аббата Еловинского¹. Это, как полагали, «послужит серьёзным и благотворным уроком для польских революционеров, которые пользуются и злоупотребляют религией в самых преступных целях»².

После того как ознакомил папу с содержанием ноты и учтя к тому же сказанное по этому поводу Нессельроде, Ламбрускини дал ответ Бутеневу (донесение от 9 апреля / 28 марта 1846 г.). Он сообщил, что за этим священником уже было установлено строгое тайное наблюдение и, как все лица, подписавшие протокол, он получил в своё время строгий выговор. Но он не видел, каким образом Святой Престол мог бы публично строго наказать духовное лицо, действительно пребывавшее в Риме, но находившееся из-за его национальности и должности под защитой иностранной державы (Франции), не создав серьёзных трудностей в отношениях с этой последней. Тот факт, что это создавало большое затруднение, признавалось и самим папой³.

Позднее (донесение Бутенев 18 / 6 апреля) Ламбрускини сказал, что в ответ на протест российской стороны мог заставить Еловинского поскорее удалиться

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 720. Л. 34—47.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 36.

³ Там же. Д. 159. Л. 203—204.

из Рима и изыскать наилучшие средства, чтобы ускорить его высылку из папских государств¹. При последующих попытках вернуться к этому вопросу Бутеневу не удалось добиться другого ответа.

Сожалая (депеша от 16 / 4 мая 1846 г.), что папское правительство отступило перед покровительством, оказываемым Еловинскому Францией в его качестве ректора церкви Св. Клода в Риме, принадлежавшей Франции, тем не менее в С.-Петербурге положительно отнеслись к данным Бутеневу Ламбрускини заявлениям².

В тот же день вернулись к Мичеславской. Публикация дополнительной справки, посланной Бутеневу по поводу монахинь, вызвала в иностранной прессе различные споры, на которые было решено больше не откликаться. Однако посланнику 16 / 4 мая 1846 г. была переслана памятная записка³, разоблачавшая ложность новых утверждений. Ею он должен был воспользоваться, чтобы «конфиденциально доказать Святому Престолу, с одной стороны, насколько эта клевета абсурдна и лишена основания, а с другой — насколько для С.-Петербурга было важно разрушить даже видимость вины, которую могли возлагать» на него⁴.

Одним словом, эта записка с новым уточнением некоторых сведений создавала ему повод вернуться к этому вопросу в беседах с Ламбрускини.

В конце мая (донесение от 30 / 18 мая 1846 г.), когда Бутенев вернулся в Рим из Флоренции, куда ездил, чтобы проводить императрицу, он узнал, что Еловинский был уже выслан из Рима и находился во Франции. Посланник нашёл, что Святой Престол посчитался с его жалобами по этому поводу, но Ламбрускини не торопился сообщить ему эту новость⁵.

Проявленная российской стороной настойчивость в требовании наказания Еловинского не в последнюю очередь была продиктована особым звучанием такого примера конкретно в то время. Ведь оно оказалось бы вдвойне благотворным в момент, когда католическое духовенство в Познани, Галиции и Западной Пруссии не только способствовало, но и стояло во главе вооружённого восстания, о последствиях которого в С.-Петербурге сожалели⁶.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 234.

² Там же. Л. 107.

³ В ней говорилось, что в Ковно никогда не было базилианского монастыря. В Минске же не было не только настоятельницы, но даже монахини с такой фамилией. В 1834 г. здание монастыря было передано больнице, а монахиням передали пустовавшее здание кармелитского монастыря в той же губернии в местечке Мядзиола. В России не было ни одной базилианки по фамилии Гедимин и не существовало самой должности генеральной визитаторши базилианских монастырей. Они находились под управлением епархиальных начальников (Там же. Л. 114, 121).

⁴ Там же. Л. 113.

⁵ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 683. Л. 104—105.

⁶ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1845. Оп. 475. Л. 58, 152.

В этой связи ставились и вполне практические вопросы. Опасаясь последствий событий на своей границе, Бутеневу депешей от 6 марта / 22 февраля было предписано напомнить Ламбрускини о его беседе с Нессельроде относительно трудности заставить польское духовенство соблюдать обязанности, не вмешиваться в политические дела и предаться строгому исполнению своего духовного долга. Если даже такому католическому правительству, как австрийское, религиозным убеждениям которого, конечно, доверяют, не удалось обуздать своё духовенство, приходится ли удивляться тому, что в областях Империи с польским населением и в Царстве Польском императорское правительство встретит если не более сильное, то, по крайней мере, равное по силе сопротивление с его стороны.

В такой ситуации в С.-Петербурге рассчитывали, что Ламбрускини согласится, «что подобные слои общества требуют активного и постоянного наблюдения, и что нам не может быть сделан никакой упрёк, если репрессивная сила, противопоставленная нами этим беспокойным слоям общества, распространится также на польское духовенство, настроение которого не перестаёт быть для нас очевидным»¹.

Как следовало из депеши от 3 апреля / 22 марта, здесь искренне приветствовали энциклику, адресованную папой высшему католическому духовенству в Галиции, но, со своей стороны, не могли удержаться от тягостных размышлений над только что пройденным испытанием, поскольку оно ясно раскрыло настрой, преобладающий среди большей части духовенства польского происхождения. Удовлетворённые тем, что оказались счастливее своих соседей, что ни один священник ни в Царстве Польском, ни в польских областях Империи не был скомпрометирован участием в последних событиях, тем не менее там были далеки от иллюзий на этот счёт. Ибо понимали, что католическое духовенство здесь было так же мало защищено от революционного духа, как духовенство пограничных стран. С другой стороны, полагали, что Святой Престол не мог не согласиться, что сохранение порядка и спокойствия в Польше, когда рядом разразилось восстание, говорило в пользу российской администрации. Рассчитывали, что

...это тот результат, который римский Двор сам оценит надлежащим образом, так как он нас избавляет как у него, так и у себя дома от затруднений, которыми Наш Августейший Монарх был бы вдвойне глубоко огорчён в момент, когда отношения со Святым Престолом продолжают принимать всё более и более удовлетворительный характер. Мы даже хотим надеяться, что такой результат увеличит доверие Святого Отца к мудрости Его Величества. Таким образом, из прошлого будет извлечён урок на будущее.

Это убеждение..., которым мы не сумели бы достаточно проникнуться, заключается в том, что никогда союз между светским началом и началом духовным не был более необходим, чем в то время, когда живём мы; потому что участники волнений никогда не действовали с большим усердием и вероломством, не использовали

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 24–25.

любое обстоятельство, могущее привести к разрыву между этими двумя началами. Постараемся, стало быть, без колебаний изъять из их рук этот обоюдоострый меч и продемонстрируем им солидарность, которая позволит главе католической Церкви проникнуться консервативными интересами, которые государство призвано защищать. Такова цель, которой император не перестает посвящать свои усилия и которая будет достигнута в тот день, когда полное согласие с папой заставит исчезнуть всякий след разногласий или недоверия¹.

Посланнику было предписано дать прочесть эту депешу Ламбрускини.

Таким образом, события последнего времени должны были оправдать действия российского правительства в прошлом, послужить уроком на будущее и одновременно содействовать достижению согласия между двумя Дворами в настоящем.

Вопрос о том, как отразятся эти события на отношениях России со Святым Престолом, занимал серьезно Вену. Как писал 20 марта 1846 г. Лютцов из Вены Ламбрускини, для него не подлежало сомнению, что они ухудшат положение католической Церкви в России. Хорошо понимавший это Меттерних заверил Лютцова, что постарается, насколько это ещё возможно, дать понять российскому императору, что нужно было бы, чтобы «Церкви был бы дарован мир» и чтобы епархии были снабжены хорошими епископами, способными сформировать подлинно католическое духовенство. Лютцов признавался, что не знал, чего ожидать от императора, и полагал, что этого не знал никто. Но для него не подлежало сомнению, что польская эмиграция была против того, чтобы император даровал Церкви мир и искренне помирился бы со Святым Престолом, потому что она осознавала очевидность утраты в таком случае всякого влияния в Польше, которым хотела бы воспользоваться в своих национальных и революционных целях².

После отъезда Николая I переговоры в Риме продолжил Нессельроде. Прежде всего, он должен был получить дополнительную информацию к той, что была изложена в записке, переданной императору папой. Дело в том, что содержавшееся в ней утверждение о противоречии некоторых указов, изданных после Польского восстания, как духу, так и букве законов и канонов католической Церкви, представлялось слишком неопределённо выраженным. Оно не могло послужить основой проведения обещанного Николаем I, по возвращении в Россию, исследования различных мер и постановлений, относительно которых Святой Отец добивался если не полной отмены, то, по крайней мере, приведения в соответствие с законодательством католической Церкви. Возникла поэтому необходимость уточнить, прежде всего, суть разногласия, отмеченного Ватиканом, и назвать конкретно пункты, по которым последние опубликованные в Империи законы противоречат канонам католической Церкви.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 74–77.

² ASV. Fondo. Russia e Polonia. Anno 1845–1846. Posizione 193. Fascicolo 53. Foglio 36.

Нессельроде постарался опровергнуть преобладавшее в Риме ошибочное мнение о намерениях императора в отношении католической Церкви в его государствах. Он изложил Ламбрускини причины, вынудившие после Польского восстания принять против мятежного духовенства меры, воспринимавшиеся Святым Престолом как вообще враждебные католической религии, а также продолжать осуществлять самый суровый надзор за происками этого духовенства.

Не будем сравнивать, — призвал он кардинала, — положение российского императора с положением других монархов не католиков, у которых одна часть подданных исповедует эту религию. Прежде всего, мы выходим из революции, в которой духовенство принимало активное участие, между тем, подлежащая выполнению императором задача гораздо более трудная и деликатная, чем, например, задача протестантского монарха. Обеспечить сосуществование в одной Империи двух Церквей со сходными принципами и равным образом несовместимыми канонами без того, чтобы при применении этих одинаковых законов иногда не возникало серьёзных трений — это трудно решаемая проблема. Не во власти императора изменить законы господствующей Церкви. Вы не можете изменить Ваши законы: как в такой ситуации достичь согласия между нами по вопросам, столь неразрешимым по самой своей природе? Практический выход представляется невозможным, и мне, поэтому, остаётся только сожалеть, видя эти вопросы воспроизведёнными в Ваших последних сообщениях¹.

Говоря так, Нессельроде рассчитывал заранее установить разграничительную линию между неизменными в обеих Церквях догматическими принципами и вопросами, относившимися к светскому и дисциплинарному законодательству, единственными вопросами, предоставлявшими, с одной и с другой стороны, возможность согласия и практического решения².

Эти соображения министра непосредственно касались, главным образом, российских законов об обращении в другую веру, смешанных браках и крещении детей, появившихся от подобных союзов.

Кардинал не отрицал справедливости замечания министра; признавал трудности, возникавшие из-за соответствующих позиций по этим вопросам двух Церквей. Он ограничился пожеланием, чтобы император, применяя наказание в случае нарушения законов страны, был снисходителен, и сослался на то, что при подобных обстоятельствах католическая Церковь налагает чисто духовные и менее суровые, чем в России, наказания.

Из перечисленных Нессельроде вопросов особую дискуссию вызвал вопрос о смешанных браках. В ходе неё было заявлено, что римский Двор не откажется пойти на такие условия в этом вопросе, как недавно пошёл в отношении Австрии. Экземпляр этого соглашения был передан министру, и Ламбрускини предложил

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 71–74.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1846. Оп. 475. Л. 55–56.

обсудить этот вопрос на переговорах, предстоявших после объяснений папы с императором¹.

После нескольких встреч с Нессельроде Ламбускини вручил ему памятную записку, подробно излагавшую расхождения некоторых законов и постановлений, изданных в России, с католическим каноническим правом и, особенно, с постановлениями Тридентского Собора. Эти законы подразделялись на три категории. К тем, что подрывали каноническое управление Церкви, были отнесены законы, которые препятствовали свободному сообщению верующих с главой Церкви, свободному исполнению епископских полномочий, устанавливали незаконную власть над религиозными орденами. К категории законов, мешавших свободному отправлению католической религии, были причислены следующие. Те, что запрещали исповедание католической религии лицам, принадлежащим или считающим себя принадлежащими к господствующей религии; что касались смешанных браков; что противостояли свободному исполнению культа; что препятствовали деятельности евангелических советов. Наконец, говорилось о законах, лишивших Церковь её законной собственности и независимого существования².

Чтобы лучше разобраться в том, что могло показаться неясным в письменных сообщениях Святого Престола, Ламбускини предоставил в распоряжение Нессельроде и Бутенева монсеньора Джованни Корболи-Бусси, давшего им дополнительные справки, сначала устные, а затем и письменные.

Знакомство с памятной запиской показало, что часть содержащихся в ней пунктов касалась догмата и принципов, в равной степени исключительных, как в греческой, так и католической Церкви, в силу чего представлялось крайне трудным по ним не только договориться, но даже начать обсуждение с перспективой достичь какого-то практического результата. По другим пунктам, касавшимся юридических вопросов, иерархии и церковного управления, казалось, возможным, прояснив их и проявив взаимно добрую волю, найти средства для сближения точек зрения и достижения соглашений, приемлемых для обеих сторон.

К первой категории, прежде всего, были отнесены статьи относительно юрисдикции разводов. Отмечалось, что законы православной Церкви соблюдались гораздо более строго, чем римско-католической, судя по чрезмерной лёгкости разводов в Польше, которую императорское правительство тщетно пыталось устранить, но достичь этого без помощи Святого Престола не смогло.

Так же обстояло дело со статьями относительно католиков, принявших причастие по греческому обряду, ибо было очевидно, что в аналогичном случае в Риме поступили бы так же в отношении греков, хотя бы один раз причастившихся согласно латинскому обряду.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 75.

² Там же. Л. 151–157.

Это же относилось и к статьям о смешанных браках и крещении детей, родившихся от такого союза. Законодательство относительно смешанных браков одинаково у обеих Церквей, кроме условия воспитывать детей в религии каждой из них соответственно. Разница состоит в том, что греческая Церковь не запрещает брак в принципе, разрешает без труда, но не поощряет, в то время как католическая религия в принципе их запрещает и допускает лишь в качестве произвольного исключения. Было найдено, что существующий в двух Церквях обычай свидетельствовал о бесспорной толерантности в этом отношении.

Равным образом из общего обеим Церквям принципа исходили уголовные законы в России против обращения в другую веру и прозелитизма. Такая же строгость характеризовала законы римской Церкви в подобных случаях.

Поскольку такого рода трудности были неодолимы по своей природе, было сочтено необходимым «с молчаливого согласия отказаться делать из них предмет безосновательной полемики».

Другие пункты памятной записки дали основание для замечаний, подчёркивавших их подлинную важность.

По поводу статьи о запрете свободного сообщения духовенства и католических подданных России со Святым Престолом, уточнялось, что он датировался не 1812 г., как сказано в записке, а водворением католической Церкви в России при Екатерине II. По существу же вопроса было замечено, что такой запрет обобщаться иным путём, кроме предписанного или дозволенного правительством, фактически существует в некоторых католических странах, например во Франции, в силу Конкордата. Если Святой Престол санкционировал такой порядок вещей для Франции, «было бы непоследовательно утверждать, что то же самое применительно к России будет противоречить каноническим законам римской Церкви».

Статьи, касавшиеся епископской власти, не могли быть подвергнуты пересмотру до возвращения императора в С.-Петербург, когда, в соответствии с данными папе заверениями, будет выяснена возможность изменения в смысле пожеланий Святого Престола положений об организации консисторий и католических семинарий в России. Пока же специально подчёркивалось, что законное и общепризнанное существование консисторий, так же как Духовной коллегии, в качестве высшей инстанции относится к эпохе Екатерины II и именно католический архиепископ Империи всегда был её президентом. А поскольку Святой Престол в своё время освятил учреждение архиепископа и последовательно подтверждал обладателей этого сана, представлялось, что он «дал молчаливую санкцию установлению, существующему более полувека». Было обещано послать из С.-Петербурга устав Духовной академии, чтобы в Риме его могли подвергнуть более глубокому анализу.

Меры, направленные на то, чтобы поставить религиозные ордена под непосредственную власть епископа, вовсе не считались новшеством, так как существовали при Александре I. К тому же такое правило существует в некоторых католических странах, а потому не может квалифицироваться антиканоническим.

Не представлялось возможным рассмотреть до того, как правительство соберёт все необходимые данные, касавшиеся греко-униатов, вопросы о строительстве новых церквей и часовен, о недостаточности учебных заведений для духовенства¹.

Справедливость общего заключения российской стороны подтвердили беседы с Корболи. Ибо в ходе них не удалось достигнуть никаких положительных результатов при рассмотрении наиболее трудных вопросов, таких, например, как статьи о разводах, смешанных браках, крещении детей, рождённых в таких семьях, о таинствах причастия лиц другого исповедания, о взысканиях, налагаемых за обращение из одной веры в другую, и т. д.

Так, отмечая неправомjernую лёгкость разводов среди католиков Польши и России, относимую им за счёт местных нравов, а иногда преступного потворства духовенства, Корболи сослался на несколько булл (среди них на буллу Бенедикта XIV), направленных на устранение этого злоупотребления. Позднее повторенные эти буллы остались безрезультатными, но могли вновь быть введены в действие.

О смешанных браках он заметил, что католическая Церковь их запрещает в принципе в странах с чисто католическим населением и стала их допускать в качестве исключения лишь в странах, населённых христианами различных исповеданий. Более того, в отношении самих союзов такого рода она возражает гораздо меньше против церемонии в двух церквях, как это делается в России, чем против признания недействительным союза в случае несоблюдения этой формальности и заключения его лишь согласно католическому обряду. В то время как римская Церковь признаёт действительным смешанный брак, заключённый только согласно православному обряду, возлагая духовное наказание лишь на супруга-католика.

О таинстве исповеди Корболи сказал, что исповедание православным священником находившегося при смерти католика не отвергается римской Церковью, как могущее послужить отпущением грехов умирающему, но признался, что в аналогичном случае католический священник откажет в исповеди находившемуся в агонии лицу другого исповедания, если только оно не примет предварительно католицизм.

Относительно карательных мер против обращения в другую веру Корболи постарался, как говорилось в резюме беседы с ним, составленном, очевидно, Бутеневым, «аргументами, скорее надуманными, чем убедительными», обосновать утверждение, что римская Церковь допускает лишь духовное наказание и даже прежняя инквизиция должна быть отнесена к этой категории. Но что, при нынешнем положении вещей, обращение католика в другое христианское исповедание влечёт за собой лишь духовное наказание, не задевая ни его гражданских прав, ни его должности, ни его собственности, в то время как уголовные законы России, в аналогичном случае, предусматривают уголовное наказание.

Он даже попытался, вообще, объяснить абсолютную нетерпимость римской Церкви в этом отношении и оправдать в некотором роде её дух прозелитизма,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 250–252.

возведённого в доктрину, ссылаясь на то, что, не допуская возможности душевного здоровья вне её лона, она должна позаботиться привлечь к себе всех христиан других исповеданий убеждением или проповедями. Он прямо признал, что то же самое должно быть и у православной Церкви, с точки зрения догмы, и только протестантизм разработал в принципе систему явной терпимости в отношении других вероисповеданий¹.

По пунктам памятной записки, решение которых казалось более лёгким, Корболи дал такие разъяснения. Относительно свободы сообщения духовенства и католиков всех стран со Святым Престолом он признал, что оно подлежало ограничительным законам более или менее суровым в большинстве католических стран — во Франции, в итальянских государствах, ещё больше в Австрии и более чем где-либо в последнее время в Испании. Между тем такое сообщение было почти полностью свободно от всяких помех в таких протестантских странах, как Англия, Голландия, так же как Пруссия со времени нынешнего царствования. Одновременно он заверил, что на деле не только епископы и духовенство во Франции и всюду могли поддерживать прямое сообщение со Святым Престолом, молчаливо сносимое правительствами, но даже при действии самых ограничительных законов свободное сообщение верующих по делам совести всегда сохранялось и допускалось без затруднений. Ограничительные законы вообще касались скорее публикации бреве, булл или других решений Святого Престола, приведение в исполнение которых нуждалось в согласии или в участии светской власти, чем решений духовного и дисциплинарного порядка в отношении католического духовенства и по личным прошениям. Последние случаи были даже прямо исключены специальным законом со времени заключения Конкордата Наполеона с папой Пием VII. В заключение Корболи заметил, что защита свободы прямого сообщения католиков России и Польши со Святым Престолом распространяется на все случаи без какого-либо исключения.

Объяснениями, внешне «наиболее удовлетворительными или менее бесплодными», данными Корболи, были сочтены те, что касались пунктов относительно границ епископской власти, состава и полномочий католических консисторий в Пруссии и Польше и Духовной коллегии С.-Петербурга, организации семинарий и Духовной академии по действующему законодательству Империи. Особо признавалась проявленная им в этих разъяснениях большая эрудиция в области канона и глубокое знание вопроса².

В дополнение к полученным от Ламбускини документам по просьбе Нессельроде по отдельным статьям, указанным им, Корболи 10 января были даны письменные разъяснения.

Относительно статьи о консисториях отмечалось, что консистории существовали издавна, не вызывая возражений Святого Престола, и что новые положения

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 182—186.

² Там же. Л. 186—188.

изменили лишь их форму, не создав новых установлений. Признавая тот факт, что в некоторых епархиях существует совет, уполномоченный решать церковные дела, под названием консистории в Германии и Польше, церковного суда во Франции и т. д., Корболи подчёркивал, что всегда этот совет назначался епископом и получал от него свои полномочия решать дела служителей культа, вынося приговор от лица епископа. Такая форма епископского управления отвечает каноническому праву: согласно ему епископ назначаемому по его выбору главному викарию делегирует юрисдикцию спорных вопросов и, по своему усмотрению, некоторые административные функции.

При всех формах епископского суда, выносит ли епископ решение сам или делает это через своих представителей, он сохраняет свою власть. Когда же в епархии имеется судебная или административная власть, наряду с властью епископа, он перестаёт быть единственным духовным судьёй в первой инстанции этих епархий. А это важно с точки зрения дисциплины, ибо из этого проистекают два последствия. Первое — никогда не может возникнуть спора между епископом и его викариями и нельзя вызвать епископа в его суд, ни наоборот, но, если стороны недовольны епископским приговором, они должны подать апелляцию архиепископу или Святому Престолу. Второе следствие заключается в том, что полученные от епископа судом полномочия кончаются с окончанием власти самого епископа. Каноном предусмотрено, что, когда епископская кафедра оказывается вакантной, юрисдикция переходит к капитулу, осуществляющему её согласно общим законам Церкви и Тридентского Собора через избранного пожизненно капитулярного викария в первые восемь дней вакансии.

Для рассмотрения дел во второй инстанции архиепископ не имеет особого суда, отличного от суда, уполномоченного решать дела в первой инстанции. Как сам архиепископ является епископом на архиепископской кафедре и одновременно архиепископом всей церковной области, так же нет двух судов с разной компетенцией. И когда освобождается архиепископская кафедра, капитул должен избрать одного и того же капитулярного викария, как для епархиальной, так и областной юрисдикции. Таков порядок юрисдикции в католической Церкви. И как в юридических вопросах действительность актов и законность нерасторжимы, так и в духовной юрисдикции незаконность, естественно, влечёт недействительность актов.

Обращаясь после этих предварительных разъяснений к постановлениям, касающимся консисторий, Корболи подчёркивал, что теперь консистория является судом, в который наряду с епископом входят её члены, назначенные уже не епископом, а потому могущие с ним не соглашаться. Консистория больше не является представительницей епископа, а, скорее, она контролирует его власть. Спорные вопросы следует направлять в императорское министерство и в Духовную коллегию в С.-Петербурге, которая не является судом архиепископа. Ведь она по месту пребывания и составу своих членов не имеет ничего общего с могилёвским епископским судом, а могилёвский архиепископ является лишь её членом или председателем.

Таким образом, Коллегия вовсе не такова, как суд архиепископа по канону. Изменения, внесённые в форму духовного суда принятыми в России постановлениями, заключил папский прелат, искажают основу и саму сущность духовной юрисдикции. Для большей убедительности он подчеркнул, что суть епископской власти зависит от догмата католической Церкви, а посему неизменна до такой степени, что сам папа при всей полноте его духовной власти не может упразднить епископскую власть, «разделив целостность епархии между епископом и чем-то, что не было бы епископом»¹.

Переходя к вопросу о семинариях, Корболи напоминал, что, согласно предписанию Тридентского собора, все проблемы, связанные с обучением молодых священников, правомочен решать епископ совместно с советом из двух каноников по его выбору. А экономические вопросы входят в исключительную компетенцию епископа и совета из двух каноников (один назначается епископом, а другой — капитулом) и ещё двух членов епархиального духовенства (один избирается епископом, второй — самим духовенством).

Постановление, по которому члены совета не избираются епископом и к тому же имеют не совещательный, а решающий голос, нарушало существовавший порядок², считал Корболи.

Обращаясь к вопросу о получении церковных приходов, он ссылаясь на общее положение, установленное Тридентским Собором, — прохождение для этого конкурса, проводившегося по специально оговоренным правилам. Если это не имело места в польских церквях, то потому что собственники земель получили от Церкви в канонической форме *le jus patronat* над приходскими церквями в порядке учреждения, основанного на чьи-либо средства или на дар. Но осуществление этого права было запрещено сначала в отношении греко-униатских церквей указом от 21 апреля 1833 г., а затем латинских церквей указом от 11 июня 1843 г.³ С этого времени, поскольку патроны не были допущены предлагать бенефиций, церковные

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 78—81.

² Там же. Л. 81.

³ В первом говорилось о введении в греко-униатской Церкви прежде не существовавшего права ктитинства, по которому замещение приходов священниками зависит от представления ктиторов (церковных старост). Находя это нововведение несвойственным духу Восточной Церкви и «несогласным ни с истинным назначением духовных пастырей, ни с пользами прихожан, особливо, когда сим правом пользуются люди, не принадлежащие к тому обряду», император повелел, чтобы назначение духовенства в греко-униатские приходы зависело только от духовного начальства, «по сношению с местными генерал-губернаторами, так как о сём постановлено в отношении приходов, состоящих в казённых имениях».

Во втором уничтожение этого права мотивировалось тем, что ктитория римско-католических церквей «избирают иногда в настоятели оных священников, не имеющих для сего достоинств и даже бывших под судом» (ПСЗ. Собрание второе. Т. VIII. СПб., 1834. № 6126. С. 222; Т. XVIII. СПб., 1844. № 16939. С. 384).

приходы стали принадлежать епископу и подлежать общему закону, т. е. конкурсу. Впрочем, этот закон больше не может действовать, поскольку имеются привилегированные кандидаты, которым нужно отдать предпочтение без экзамена. Таким образом, привилегия, предоставленная императорским законом ученикам Академии в Вильно, переведённой в С.-Петербург, ограничивает свободу епископов следовать законам Церкви в их праве раздавать бенефиции церковным приходам¹, отмечал Корболи.

Перед отъездом из Рима 14 / 2 января Нессельроде был принят Григорием XVI. Аудиенция не принесла ничего нового, но показала, что папа был полон доверия к словам, услышанным из уст Николая I. Поэтому министр повторил уже неоднократно сказанное им Ламбрускини. Он просил папу при вынесении суждения об актах российского правительства никогда не терять из виду два уже приводившихся соображения. А именно: трудности, порождаемые несовместимостью принципов и канонов двух Церквей, и необходимости посему Святому Престолу для взаимной пользы избегать требований, которые затрагивали бы их, и условия, в которые Польское восстание поставило императора в отношении католического духовенства в его государствах, предписав держать его под строгим контролем и наблюдением.

Папа признал справедливость этих соображений. Не пытаясь их оспаривать, он возобновил свои уверения в уповании на благорасположение и мудрость императора. «Император мне обещал сделать всё, что может, и этого достаточно, чтобы меня ободрить», — сказал он. Упреждая Святого Отца от чрезмерных надежд, присутствовавший на аудиенции Бутенев внёс уточнение, что император не может всё, ибо он не является, как папа, главой Церкви, а только её главным покровителем².

Закончив переговоры, 17 / 5 января 1846 г. Нессельроде покинул Рим и через Флоренцию отправился в Вену, где беседовал с Меттернихом. Делясь своими впечатлениями, он сказал, что пребывание в папской столице не оставляло желать большего. С глубоким почтением он отзывался о Григории XVI, о Ламбрускини сказал, что не заметил у него никаких признаков крайних настроений и считал его даже вполне умеренным, посетовал по поводу сложившегося неверного мнения о польском духовенстве в Риме, где о нём думают гораздо лучше, чем следовало, учитывая его безнравственность.

Меттерних призвал «урегулировать религиозные дела и пресечь зло в корне» (его он усматривал в российском законодательстве), исходя из соображений политического порядка и здравого смысла. Моральное состояние польского духовенства он сам оценивал как плачевное, но видел в этом лишь доказательство необходимости поставить во главе него хороших епископов. Затем он ознакомил своего собеседника со своим докладом о встрече с Николаем I, добавив, что был им уполномочен обсудить с Нессельроде, в частности, вопрос о российском законодательстве,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 81–82.

² Там же. Л. 76–77; Д. 159. Л. 18–20.

по которому он подготовил специальную работу и хотел бы услышать, какую форму ей следовало придать — конфиденциального письма, подписанной или нет памятной записки? Просил прочесть работу и высказать своё мнение, сообщить замечания, чтобы иметь возможность внести изменения. Меттерних ознакомил его после этого с ещё одной своей памятной запиской, на сей раз о природе власти Церкви и государства, обосновав выбор темы тем, что «обычно недоразумения происходят из-за отсутствия верных представлений именно по этому вопросу».

При обсуждении текста записки по её прочтении министром Меттерних, убедившись в его глубоко ошибочных понятиях в этом отношении, решил развить некоторые положения первоначального варианта и передал позднее свою записку для последующего ознакомления с ней Николая I.

О ходе своих переговоров с Нессельроде Меттерних поведал нунцию Виале-Прела, о чём последний сообщил в Рим в донесении от 6 февраля¹. Одновременно Меттерних направил подробную информацию Лютцову для ознакомления с ней Ламбрускини.

В Ватикане, где с нетерпением ожидали его сообщений, были ими удовлетворены. Ламбрускини прямо заявил Лютцову, «что, если папа с полным основанием может придерживаться убеждения, что нисколько не уступил в борьбе, которую должен был выдержать, и изложил досконально религиозную точку зрения», то канцлер, в свою очередь, может быть «уверенным в том, что добросовестно сражался и отстоял воздвигнутую им линию обороны». Ибо политическая и социальная стороны серьёзного и важного вопроса, по мнению римского Двора, были защищены им доводами, «способными разоружить противников всемирной Церкви и лишить их возможности выдвинуть обоснованные возражения»².

В дальнейшем папское правительство намерено было опираться на данные Меттернихом советы, отстаивая занятую позицию. Любопытно, что определённый оптимизм в отношении будущего папе и государственному секретарю внушало их знакомство с Нессельроде, который вполне оправдал характеристику, данную ему Меттернихом, и произвёл благоприятное впечатление. Ватиканские руководители полагали, «что дело католической Церкви в России окажется на наилучшем пути — даже спасено — когда мнение этого министра сможет отразиться на его советах его монарху и господину»³.

Очевидным итогом произошедших в Риме объяснений стало заметное улучшение взаимоотношений двух правительств, демонстрация их обоюдного желания прийти к согласию. Оказалась, таким образом, подготовлена почва для будущих переговоров. Однако оставался открытым вопрос о способах практического решения стоявших проблем. Ведь ни одна из сторон ещё ясно не высказалась о том, заключения

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шилинг М.Ф. Оп. 1. Д. 95. Л. 81–88.

² Там же. Д. 98. Л. 119–120.

³ Там же. Л. 120–121.

какого договора хотела достичь с общего согласия, да и не отдавала явно отчёта в том, что она должна рассматривать в качестве своих ультимативных требований, т. е. тех, от которых она не отступится. Так, римский Двор повторил всю серию своих прежних претензий. В ответ он услышал от Николая I общие заверения в благожелательных намерениях в отношении католической Церкви в его государствах. В ответ на пожелания папы он обещал сделать всё возможное, не нарушая, однако, своего долга покровителя православной Церкви и общего законодательства Империи.

Сохраняемая обеими сторонами свобода толкования означала, что взаимные заверения обретут лишь то значение, которое им в будущем сочтут должным придать, а на тот момент они не выражали ничего позитивного. Было очевидно, что римский Двор мог преувеличить их значение и питать надежды, каковые император вовсе не был намерен удовлетворить. Следовало трезво взглянуть на вещи, выйти из состояния неопределённости, а для этого ясно отдавать себе отчёт в том, чего может желать добиться Ватикан в конечном счёте и на какие уступки он смог бы согласиться. Поиску ответа на эти два вопроса была посвящена специальная записка Нессельроде от 20 / 8 февраля.

Дискуссия с римским Двором, как уже неоднократно отмечалось, охватывала две разные категории вопросов. Первая (об обращении в другую веру, о смешанных браках, о крещении детей, родившихся от таких союзов) была чревата возникновением столкновений, вытекавших из исключительных принципов и канонов католической и православной Церквей, и не могла благоприятствовать достижению какого-либо соглашения. Отсюда следовало заключение: «Эти вопросы, таким образом, неразрешимы по своей природе и, более того, могут предоставить повод для бесплодных препирательств».

Предполагалось, что невозможность для российского монарха пожертвовать интересами и правами православной Церкви ради таковых католической должна быть столь же очевидной и для Рима. Если же он будет упорно настаивать на этой категории вопросов, то сделает это лишь с намерением полностью сохранить все свои однажды выдвинутые претензии по существу в тактических целях, чтобы не утратить своё право на протест. Поскольку «признания кардинала Ламбрускини, впрочем, определённо указывают, что уступки, которых папский престол надеется добиться в этом отношении, сводятся, в сущности, к смягчению (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) наказания в случае нарушения существующих по этому поводу в России законов», Нессельроде считал возможным пойти на это. Он исходил из того, что такой шаг не ущемил бы ни в чём права православной Церкви, в то время как даже самые незначительные послабления удовлетворили бы Святой Престол, тем более что в глазах католиков это будет выглядеть его заслугой¹.

Претензии Ватикана, касающиеся дисциплинарного режима Церкви и духовенства, недостаточности монастырей, церквей, образовательных учреждений,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 83—87.

свободного общения католиков с их духовным главой и т. д., составляли вторую категорию вопросов, ожидавших своего решения между двумя Дворами. По существу они вовсе не представляли непреодолимых трудностей, и по ним считалось возможным достичь соглашения, а посему именно они могли стать предметом практических переговоров.

Положение договаривавшихся сторон воспринималось в С.-Петербурге следующим образом. В претензиях к нему главный аргумент Рима сводился к утверждению, что обнародованные при нынешнем царствовании постановления противоречили канонам и, следовательно, были пагубны для католической Церкви. А между тем, оставаясь на чисто религиозной почве, папа неодолим, ведь де-юре, в отсутствие Соборов, только он обладал правом интерпретации догматических и религиозных вопросов.

С другой стороны, Николай I заявил «о намерении сделать всё возможное, чтобы согласовать пожелания Святого Престола с общим законодательством Империи». Могущие в этом случае возникнуть трудности касались бы «исключительно политической и правительственной сферы, так как права и интересы православной Церкви не были, никоим образом, вовлечены в эти чисто католические вопросы». Делая своё заявление, император остался «единственным судьёй границ этой возможности». Таким образом, он сохранил за собой «свободу интерпретации гражданских и правительственных вопросов столь же широкою», какой являлась таковая папы в вопросах догматических и религиозных.

Стороны оказывались, таким образом, как бы на двух параллельных линиях, и, «если захотят неукоснительно сохранять такое положение, очевидно, что всякое сближение окажется в принципе невозможно». Но на практике его можно достичь посредством некоторых компромиссов. Ведь

...в то время как власть императора предоставляет ему возможность производить изменения, сочтённые допустимыми, так же факультативные возможности толкования (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), принадлежащие Святому Отцу, гораздо больше, чем Святой Престол об этом заявляет, ему позволят удовлетвориться некоторыми изменениями в вызывающих его протест указах и постановлениях. Ему, в конечном счёте, достаточно объявить эти изменения удовлетворительными, чтобы они и стали бы таковыми в глазах католиков.

Именно в этом, по мнению Нессельроде, заключалось единственное средство достичь цели, и только на таком пути можно искать решение проблемы. Чтобы её достичь, нужно попытаться понять: какого результата хочет добиться римский Двор, потому что, в самом деле, то, на что он ссылался до сих пор, не было и не могло бы быть его последним словом¹.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 88–91; Ф. Отчёты МИД. 1846. Оп. 475. Л. 59–60.

Ведь, здраво оценивая ситуацию, он не мог рассчитывать на то, что в России пойдут на разрушение всей системы католической Церкви, существующей полтора столетия. Для понимания этого требовалось прояснить сложившееся положение и бросить ретроспективный взгляд на приведшие к нему особые обстоятельства, полагал министр.

Делая это, он сразу оговаривался, что влияние Польского восстания на образ действия российского правительства в отношении восставшего и неблагонадёжного духовенства уже было давно выяснено между двумя сторонами и не следовало вновь обращаться к этой теме, хотя именно позицию Святого Престола было особенно важно верно оценить. Как представлялось Нессельроде, религиозная терпимость, характеризовавшая императорское правительство со времён Петра Великого, внушила Святому Престолу полную уверенность в судьбе католической Церкви в России, что, естественно, вытекало из доверия, существовавшего между двумя Дворами. Ватикан встарь проявлял себя столь же уживчивым и сговорчивым, как он стал неприветливым и раздражительным с тех пор, как его доверие было поколеблено. Хотя административные меры, не соответствовавшие каноническим предписаниям, не санкционировались формально, он был готов закрывать глаза на это. Так, например, тогда как сегодня он официально протестует против организации Духовной коллегии в России, он не менее молчаливо терпел этот институт в течение полувека.

Событием, решительно покончившим с расположением Святого Престола в отношении нас, пробудившим так сильно самые серьёзные опасения, встревожившим совесть Святого Отца и наполнившим горечью его уязвлённую душу, — считал министр, — было отступничество греко-униатов, которое он имел несчастье видеть совершившимся на глазах всего мира в пору его понтификата... Даже абстрагируясь ото всей религиозной щепетильности, отступничество греко-униатов должно быть бесконечно горестно для папы с чисто мирской точки зрения. Это было действительно для главы всемирной Церкви тем же, чем для любого другого монарха была бы потеря обширной и прекрасной провинции, бывшей на протяжении веков составной частью его государства... Для своего оправдания, как человека и папы, Григорий XVI счёл долгом засвидетельствовать в глазах вселенной, что он ничем не пренебрёг из того, что было в его власти, для защиты Церкви. Он счёл соответственно долгом энергично протестовать и заставить услышать его протесты, обратиться своего рода призыв к общественному мнению христианства: таков был подлинный мотив, побудивший его произнести аллокуцию 1842 года. Постоянно неотступно преследуемый своими опасениями, папа смотрел с тревогой на светскую власть России, приписывая ей намерение систематически действовать в направлении искоренения католицизма¹.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 92–95.

В этой ситуации было очевидно, что, если замкнувшийся в ригоризме канонических догм папа всё-таки пойдёт на заключение соглашения, он будет добиваться максимума уступок и постарается придать исключительную важность самому незначительному вопросу, по которому он сам согласится уступить. Римский Двор всегда обнаруживал себя искусным в том, чтобы извлечь пользу из достаточной свободы действия, предоставляемой толкованием духа канонов, чтобы найти средства, полезные для обеспечения его особых интересов. Об этом свидетельствовало согласие папского Престола, ради распространения своего главенства над греками и армянами, сохранить их особый обряд и вменить им в обязанность лишь особенные дисциплинарные правила. Этот факт, как и другие, считал министр, доказывал, что апостольский Престол имеет в вопросах согласия гораздо больше свободы действия, чем утверждается в делаемых им российской стороне сообщениях¹.

Обрисовав, таким образом, позицию сторон, Нессельроде попытался понять, чего по существу Ватикан хочет добиться от российского правительства. Ему представлялось невозможным для римского Двора, соблюдая последовательность, претендовать на упразднение Духовной коллегии после того, как он терпел, не протестуя, этот институт в течение полувека, как дал ему духовными полномочиями, дарованными митрополитам, президентам этой Коллегии, в некотором роде не явную санкцию, а значит, не мог утверждать, что она является антиканонической. Так же обстояло дело ещё с двумя вопросами.

Поскольку однажды заключённым с Францией Конкордатом, среди прочего, он согласился признать контроль светской власти над сношениями духовенства с Римом, он больше не мог утверждать, что подобный порядок вещей противоречил бы предписаниям Церкви при его применении в России. Наконец, секуляризация церковного имущества имела место в некоторых католических странах и была там санкционирована папским правительством, после чего оно не может больше утверждать, что эта мера противоречит каноническим основам.

Действуя методом исключения, Нессельроде пришёл к выводу, что причина постоянных происков Святого Престола заключалась в желании добиться незыблемого права выражать своё мнение по догматическим и дисциплинарным поводам, вмешиваться во все вопросы этого рода, заставить светскую власть формально признать необходимость получать поддержку папой всех постановлений относительно Церкви и католического духовенства. Отсюда логично допустить, что изменение считавшихся антиканоническими постановлений удовлетворит пожелания Святого Престола, лишь бы оно было результатом его предварительного согласия, переговоров, которые удостоверили бы факт прямого и непосредственного участия духовной власти в принятых мерах.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 96–97.

Итак, римскому Двору нужны любой ценой переговоры или, по крайней мере, видимость переговоров (подчёркнуто в тексте. — О.С.); именно в этом подлинная цель, преследуемая им. Легко предвидеть, что за эту цену, после того как будет защищать свою почву пядь за пядью и беспощадно, в соответствии с вековой тактикой, он кончит тем, что санкционирует с некоторыми изменениями порядок вещей, против которого с такой горячностью протестует сегодня¹, —

заклучал Нессельроде.

Затем он изложил те просьбы папы, на которые император, как он полагал, посчитает возможным откликнуться, и указал уступки, посредством которых, не нарушая установившегося в стране политического порядка, правительству легко удастся достичь согласия со Святым Престолом.

Николай I откликнулся репликами на каждый пункт записки министра.

Вот как выглядел этот по существу диалог. По поводу предложения согласиться на некоторое расширение власти епископов монарх заявил, что не знал, в чём может состоять такое расширение. Он не видел необходимости как в создании новых церковных образовательных учреждений, так в постройке новых католических церквей до того, как будет признана потребность в этом, а также в увеличении суммы на расходы по содержанию католической Церкви.

Только по двум пунктам из шести реакция Николая I была не столь однозначной. Речь шла об открытии одного или двух из упразднённых в последние годы католических монастырей, если бы оказалось верным утверждение, что многие монахини не могли найти себе место в сохранившихся монастырях и влекут жалкое существование. Наконец, о смягчении наказания, выносимого согласно существующим законам в тех случаях, когда дело касалось преступлений из духовной области и проистекало из искренних религиозных убеждений. По первому поводу Николай I заметил, что сомневается в справедливости такого утверждения, но полагал необходимым отнестись к этой проблеме внимательно, а по второму — находил необходимыми уточнения².

С докладом Нессельроде о его переговорах с Ламбрускини и со списком правительственных постановлений, которые римский Двор находил новыми и стеснительными для латинской Церкви, был ознакомлен министр внутренних дел Л.А. Перовский. Свои соображения в отношении них он представил в двух докладах императору от 1 апреля / 19 марта и 3 апреля / 21 марта 1846 г., а по поводу списка правительственных распоряжений последних лет министр привёл свои соображения и разъяснения по каждому пункту в отдельном документе.

В отношении запрета латинскому духовенству и пастве непосредственно сношаться с римским Двором он заметил, что он существует почти во всех государствах и, «не препятствуя последователям латинской Церкви сношаться с Римом

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 97–100.

² Там же. Л. 100–102.

путём законным, ограждает правительство от вредных последствий от безотчётных сношений подданных с иностранной державой».

Опровергалась интерпретация распоряжения 1842 г. о консисториях, на основании которого они якобы теперь представляли учреждения, отдельные от епископской власти, секретарями их являлись светские лица, получившие большое влияние, а в случае смерти епископа якобы было не позволено исполнять свои функции по управлению епархией генеральным викариям.

Напоминалось, что епархиальные консистории существуют с 1774 г., распоряжение же 1842 г. служило лишь инструкцией для канцелярского делопроизводства. В ней был просто систематически изложен существующий порядок. Никаких новых прав не получили секретари, они не могли участвовать в обсуждении вопросов, рассматриваемых духовными лицами, которые, как и прежде, избираются епископами, а министром утверждаются только в должности. Одновременно министр признавал, что действовавшие до 1842 г. независимо от епископов консистории «ныне подчинены им и не приводят определений своих в исполнение без утверждения епископа, которому предоставлено не только отменять постановления консистории, но даже излагать собственные резолюции, которые и исполняются». Такое нововведение, полагал министр, укрепляло власть епископа в епархии и совпадало с желанием римского Двора, а посему должно было заслуживать не порицания, а одобрения.

Что касалось указа о запрете римско-католическим духовным начальникам принимать просьбы о разводе смешанных браков, то он был призван предупредить принятие противоречащих друг другу решений двух Церквей по поводу одного и того же брака, а посему необходим был один суд и справедлива была его принадлежность господствующей Церкви.

При составлении устава семинарий в его основу был положен устав Духовной академии, который оправдал своё назначение многолетним опытом и против которого Рим не возражал в течение 13 лет, но сделал это после перевода Академии из Вильно в С.-Петербург. Министр видел за этим происки польской партии, так как, если он «был хорош для Академии в Вильне, почему же он стал дурён в С.-Петербурге». В подтверждение этого он ссылается также на упрёки в адрес российского правительства, что в этих учебных заведениях русский язык и российскую историю (предметы, которые латинское духовенство знать не хотело) преподают светские лица. Но и в Вильне, напоминал он, всегда в Академии и семинарии были некоторые преподаватели светские, «и никто этого не порицал, потому что там они часто были поляки или иностранцы, а здесь русские». По поводу утверждения, что отечественная история и отечественный язык являлись предметами, связанными с религией, он замечал, «не очевидно ли, что тут разумели историю и язык польский, а не русский, как теперь у нас преподают». При назначении же духовных преподавателей всегда учитывается мнение духовного начальства. «Что нынешняя система образования духовного юношества неприятна заграничным полякам, в том

нет никакого сомнения, потому что она должна со временем лишить их возможности обращать духовенство в орудия их замыслов», — заключал министр.

Распоряжение о назначении в приходы первого и второго класса священников, окончивших Академию, не могло считаться стеснительным для епископов, так как в Академию поступают только лучшие воспитанники семинарий, назначаемые самими епископами. К тому же это распоряжение было не новым, оно содержало лишь подробное изложение преимуществ, коими всегда пользовались воспитанники Академии в Вильно и в бывшей там главной семинарии, переименованной лишь в 1833 г. в Академию.

Распоряжение 1842 г. о подчинении монахов епископам, об учреждении визитаторов для наблюдения за ними и уничтожение института провинциалов служило лишь подтверждением ранее принятых законов (1782, 1795 и 1798 гг.).

Указ об установлении опеки над именными лиц, вышедших из православия, и о помещении их в монастыри не касается ни духовенства, ни латинской паствы, а только православных.

Закон об отстранении от должностей латинских духовных лиц за соращение православных являлся необходимым следствием коренных государственных законов, воспрепятствующих соращению и карающих совратителей.

Признание министерством внутренних дел в 1840 г. отсутствия разницы между униатами и православными — логичный результат воссоединения униатов в 1839 г.

Запрет латинскому духовенству совершать духовные требы лицам, причащавшимся, т. е. причащавшимся, в православных церквах, был продиктован тем, что участие в этом важном таинстве могло служить достаточным доказательством в присоединении их к латинской Церкви.

Распоряжение латинским священникам при составлении списков прихожан православного и латинского исповедания исключать из них лиц, не подлежавших включению в них, последовало, чтобы избежать вмешательства полиции и гражданского начальства в составление таких списков, и было основано на соглашении латинского митрополита Сестренцевича и греко-униатского Лисовского в 1806 г.

Повеление о совершении смешанных браков в православных церквах входило в число государственных коренных законов, но им не запрещалось повторить брак в иноверческих церквах.

Запрет крестить в римской вере детей от смешанных браков являлся законом.

Запрет латинским священникам препятствовать совершению смешанных браков проистекал из закона, разрешавшего смешанные браки.

Указание устраивать церкви только для 100 дворов прихожан представляло собой общий закон для церквей всех исповеданий, даже православного.

Требование указа 1817 г. о принятии в монашество только с позволения правительства и не моложе 24 лет следовало воспринимать с учётом того, что при

объявлении его в 1817 г. для Царства Польского Рим не протестовал. К тому же государственный закон для поступления в православное монашество ещё строже: для мужчин — 30 лет, а для женщин — 40 лет, хотя православная Церковь, как и римская, не запрещает ещё и в юности посвящать себя иноческой жизни.

Запрет монастырям иметь учебные заведения, закрытие монастырских студий и затруднение их воспитанникам поступать в семинарии произошли по следующим причинам. В отношении учебных заведений это было связано с их враждебным в отношении России настроением. Закрытие студий было продиктовано поступившими от монахов жалобами на привлечение их наставниками к произнесению иноческих обетов в несовершеннолетнем возрасте и без внутреннего призвания. Стало также известно о принятии в них всякого рода лиц без надлежащего разрешения и без ведома правительства. К тому же сами учебные заведения не служили источником просвещения: пробыв до 35 лет в студиях, некоторые воспитанники едва умели читать. В отношении нравственности они часто были уличаемы в буйстве, пьянстве, воровстве и всякого рода разврате. При этом поскольку монахи всегда участвовали в преступных политических замыслах Западной России, то и своим воспитанникам внушали чувства ненависти ко всему русскому, а польская партия была снисходительна к такому положению дел и не доводила о нём до сведения Рима.

Указом о передаче министерству населённых крестьянами имений высшего духовенства и монастырей содержание латинского духовенства полностью уравнивалось с содержанием духовенства господствующей Церкви в Западном крае.

По поводу утверждения, что такой же указ в отношении приходского духовенства (с разделением на классы всех приходов, которые министерство внутренних дел может переводить из одного класса в другой) ставит его в зависимость от правительства и нередко лишает его пропитания из-за действий чиновников, пояснялось следующее. Он был направлен на уравнивание содержания духовенства православного и латинского исповедания. Перевод же приходов из одного класса в другой будет происходить не по распоряжению министерства, а с его утверждением, чтобы он мог ассигновать им соответствующее содержание. Признавалось, что при уравнительном распределении доходов духовенства некоторые лица из высшей иерархии и некоторые монастыри потеряли часть огромных доходов, но зато значительно выиграло и осталось вполне довольно всё низшее приходское духовенство.

Что касалось замечания, что это распоряжение ставило духовенство в зависимость от правительства, подчёркивалось, что именно «в этом состояла вся цель означенной государственной меры». Задержка же жалованья происходит лишь из-за несвоевременного представления духовным начальством его требования.

Причиной закрытия бывших у духовенства типографий стала невозможность терпеть издание ими неуместных публикаций и молитв о сохранении польской короны, Польской республики и проч.

В последнем, 21-м пункте этого списка речь шла об указах о разделении монастырей на штатные и заштатные, о назначении 50 штатных монастырей, о назначении

монахам заштатных монастырей пожизненного содержания, об уничтожении богоугодных заведений, о запрете сёстрам милосердия помогать страждущим и о запрете принимать в орден миссионеров новых братьев. По ним были даны следующие разъяснения.

Штатных монастырей было назначено столько же, как в том крае было назначено монастырей для православных, хотя последних там было втрое больше, чем последователей латинского исповедания, и в их число вошли монастыри всех орденов. Монашествующим заштатных монастырей было назначено пожизненное содержание, чего не было в отношении православных монастырей. Богоугодные заведения вовсе не упразднены, а преобразованы и их положение улучшено. Сёстрам милосердия не запрещено в них служить, согласно их обетам, за что они получают готовое помещение и приличное содержание от правительства. Что касалось латинских миссионеров, их деятельность запрещена в России с 1769 г., как неуместная в государстве, где господствующее исповедание православное, новым же указом запрещено только принимать новых братьев в ордена¹.

В заключение доклада от 3 апреля / 21 марта (к нему прилагались приведённые объяснения по вопросам, поднятым в списке) Перовский подчёркивал, что большая часть правительственных распоряжений, которые римский Двор называл новыми и стеснительными, лишь подтверждала издавна обнародованные узаконения. Римский же Двор под видом отмены новых постановлений добивался уничтожения даже законов, принятых полвека назад и в течение четырёх царствований оставшихся неприкосновенными.

Хотя до настоящего времени здешнее латинское духовенство, смотря по обстоятельствам и соображаясь с большею или меньшею энергией правительства, и не переставало тайно уклоняться от точного соблюдения сих постановлений, следовательно, — полагал он, — папа жалуется не на новые постановления в России, а только на лучшее соблюдение давно существующих законов. Сверх того, тут есть и такие постановления, которые ограждают права Церкви православной, или, не касаясь ни догматов, ни таинств римской Церкви, вошли в состав государственных постановлений относительно Церквей и духовенства всех исповеданий, не исключая и православного.

Император на этом докладе наложил резолюцию: «сообщить Нессельроде»².

В докладе от 1 апреля / 19 марта Перовский особо обращал внимание на то, «что указания римского Двора сделаны в таком духе, как будто бы у нас, — писал он, — латинская Церковь господствующая и постановления государственные

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 577–588; РГИА. Ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 52–61.

² РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 50–51.

должны быть стеснены каноническим латинским правом». Он также подчёркивал отсутствие жалоб латинского духовенства и его паствы в Империи на существующий порядок, а посему не видел необходимости в их изменении. Более того, всякое в этом отношении «послабление», по его мнению, могло бы послужить поводом к необоснованным надеждам со стороны духовенства и «нарушить водворяющийся среди него порядок». В подтверждение существования такого Перовский ссылался на то, что «доселе не было ни одного мятежного замысла поляков, в котором бы наше латинское духовенство не участвовало, тогда как теперь, невзирая на события в Галиции, ещё до сведения моего не доходило, чтобы латинское духовенство в России принимало в них какое-либо участие». Он относил это за счёт его зависимости от правительства в административном отношении¹.

Упомянутые министром события в Галиции начались в феврале 1846 г. в Кракове. Эта часть прежней Польши по венским трактатам 1815 г. получила статус Краковской республики. В 1835 г. в Теплице во время свидания трёх императоров — австрийского, прусского и российского — вернулись к этому вопросу. Поводом для встречи послужила закладка 29 / 17 сентября в годовщину битвы при Кульме памятника. Он воздвигался на поле сражения австрийским императором в честь российской гвардии, одержавшей тогда победу, которая серьёзно повлияла на исход кампании 1813 г. Памятники над могилами австрийских и прусских солдат были уже давно воздвигнуты. Итогом встречи стало подписание 14 / 2 октября в Берлине протокола, один из пунктов которого был посвящён судьбе вольного города Кракова. Поскольку после подавления восстания 1830 г. он стал прибежищем для многих его участников и мог служить очагом для новых беспорядков, три державы решили положить конец его независимости и присоединить к владениям Австрии. Согласно протоколу была достигнута договорённость об изыскании средств для проведения этой меры в жизнь таким способом, чтобы не возникло политических осложнений и противодействия со стороны других держав, подписавших акт Венского конгресса.

Новым поводом вернуться к вопросу о его статусе послужили волнения, вспыхнувшие в Галиции в начале 1846 г. и вскоре перекинувшиеся на прусскую Познань. Тайный комитет, руководивший восстанием, находился в Кракове. В принадлежавшей России части Польши волнений не было. Следует отметить, что к этому времени Пруссия взяла назад своё согласие на присоединение Кракова к Австрии. Однако в сложившейся ситуации три державы договорились, что Краков будет занят австрийскими и российскими войсками и в нём будет введено военное управление от имени трёх Дворов. Австрийский Двор обнаружил колебание. Тем не менее 15 / 3 апреля 1846 г. в Берлине уполномоченными России, Австрии и Пруссии

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 62–63.

был подписан акт, согласно которому прекращалось независимое существование Кракова и он присоединялся к Австрии.

Когда Австрия продолжила свои колебания, Николай I объявил своим союзникам о готовности присоединить Краков к своей Империи, хотя это и не отвечало его намерениям.

В Берлине сочли, что таким заявлением Николай I рассчитывал воздействовать на него по просьбе австрийского Двора. Но, замечал российский историк, поскольку в Пруссии опасались гораздо больше расширения пределов России, чем Австрии, скрепя сердце там пошли на передачу Кракова Австрии¹.

На переговорах о будущем Кракова Россия настаивала на его присоединении к Галиции, при условии предоставления Австрией ей и Пруссии некоторых территориальных компенсаций. Вена была согласна. Берлин возражал. В конечном итоге осенью 1846 г. Краков был присоединён к Австрии².

О подлинной мотивации позиции российского императора по этому вопросу можно судить по его переписке с Паскевичем.

Когда австрийским войскам не удалось овладеть Краковым, туда двинули свои войска Пруссия и Россия. Российские войска раньше австрийских заняли Краков. Выражая по этому поводу свою радость, по свежим следам событий Николай I в письме Паскевичу от 8 марта / 24 февраля делился соображениями по поводу судьбы Кракова.

Сегодня я писал к ним (соседям, т. е. в Вену и Берлин. — О.С.), что требую уничтожения Кракова, не хотят взять его австрийцы, как условлено в Теплице, возьму я, ибо мы вошли; но не желаю того. Французы и Англия, может быть, протестуют по Венскому конгрессу, но, так как Бельгию по революции они же отняли у Голландии, то имеем и мы право по революции же уничтожить это вредное гнездо, и уничтожим³, —

писал он. Однако такой решительный настрой императора вскоре несколько убавился. В другом письме тому же адресату 26 / 14 марта он писал: «По краковскому делу я с тобой не согласен. Брать себе ничего не хочу. Дело решено ещё в Теплице. Краков должен быть австрийским, а не прусским, так тому и быть. Но ежели хотят австрийцы поменяться и отдать мне Галицию, взамен всей Польши по Бзуру и Вислу, отдам и возьму Галицию сейчас, ибо наш старый край»⁴.

Сказанное императором в письмах Паскевичу не только перекликается с его проектом (о нём уже говорилось), изложенным в собственноручной записке,

¹ *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные Дворы. Исторический очерк. СПб., 1889. С. 93.

² *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. 1814–1878. С. 390.

³ Николай I. Муж. Отец. Император. С. 514.

⁴ Там же. С. 515.

составленной, вероятно, в 1831 г.¹, который не был реализован, оно свидетельствовало о сохранении того прежнего настроения.

В связи с тем, что Краков входил в Австрию, возник вопрос о разделении краковской епархии на две части. Депешей от 28 / 16 апреля 1846 г. Нессельроде сообщил Медуе о необходимости провести в жизнь четвёртый параграф протокола заседаний в Теплице относительно краковской епархии. Поскольку духовная юрисдикция этой епархии распространялась на Царство Польское, а венский дополнительный договор признавал за российским императором право назначить епископа, два Двора в Теплице обязались договориться, в случае необходимости, относительно демаршей, которые следовало предпринять перед Святым Престолом, чтобы достичь окончательного разграничения частей этой епархии, расположенных на разных территориях.

В ответ 12 мая / 30 апреля 1846 г. Медуе сообщил о данном ему Меттернихом обещании урегулировать этот вопрос со Святым Престолом².

Но и через год, как следует из депеши Нессельроде Медуе от 9 апреля / 28 марта 1847 г., «ничто нам не указало, чтобы демарши, о которых шла речь, были бы предприняты». Более того, было известно, что Лютцов не получил ещё от своего Двора никакого указания, которое его уполномочило бы вступить в переговоры по этому поводу с папским правительством. Медуе призывали объяснить относительно этого вопроса с Меттернихом, поскольку инициатива этого принадлежала австрийскому правительству, и были бы ему очень обязаны, если бы он больше не откладывал начало переговоров со Святым Престолом. Посла информировали, что отныне отошедшая к российской стороне часть епископства носила бы название келецкого, изменения, которые организация этого епископства в новых границах могла бы потребовать, российское правительство намерено было урегулировать позднее непосредственно со Святым Престолом. Сделать же это оно могло лишь после решения вопроса о разделении краковского епископства. Медуе предписывалось о принятых Веней решениях информировать Паскевича и Бутенева³.

Последнему посланной в тот же день, 9 апреля / 28 марта 1847 г., депешей предлагалось заняться вопросом о разделе келецко-краковской епархии. Ему послалась и копия письма к Медуе по этому поводу.

В дополнение к тому, что говорилось в депеше Медуе, Бутеневу сообщалось, что в С.-Петербурге не рассчитывали на скорое решение вопроса, а потому считали нужным избежать обсуждения частных вопросов относительно этого вопроса, ограничившись лишь заявлением о нём в принципе. Предполагалось, что наместник укажет, как следовало действовать, чтобы урегулировать этот вопрос в соответствии с интересами Царства Польского. Что касалось названия в будущем части епархии,

¹ См. с. 146–148.

² АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 468.

³ Там же. Л. 468–469.

расположенной в Царстве, после замены названия Краковская губерния в 1841 г. на Келецкая губерния, император предлагал называть её совершенно кратко — келецкая епархия¹.

После отъезда императора со свитой, отбытия Нессельроде, в то время как в С.-Петербурге подвели итоги их пребывания в Риме, папа принял великого князя Константина Николаевича, совершавшего с российской эскадрой поездку по Средиземному морю. Во время беседы 28 / 16 февраля понтифик предался воспоминаниям о пребывании в Риме Николая I и наследника престола. А когда великий князь сказал, что наследник до сих пор хранит наилучшие воспоминания о поездке в Рим и о приёме, оказанном ему папой, последний просил передать самые сердечные пожелания наследнику, бюст которого постоянно стоит в его внутренних апартаментах. Позднее князь нанёс прощальный визит папе².

Вскоре после этого в Риме были начаты приготовления к предполагаемому приезду императрицы на Пасху. Папа распорядился сделать всё, чтобы она могла присутствовать на религиозных и народных торжествах по случаю праздника «без малейшего неудобства». Он обнаружил даже намерение по этому случаю сам отслужить воскресную пасхальную службу в храме Св. Петра, что было утомительно и от чего старый понтифик уклонялся с некоторых пор по причине своего преклонного возраста. Бутенев, поставленный в известность, что императрица на Пасху не придет, обратился к Ламбрускини с просьбой приостановить приготовления к её приёму³.

Тем временем весной 1846 г. в Палермо в связи с возвращением российской императрицы встал вопрос, следовало ли ей проезжать через столицу папских государств. При этом о сколько-нибудь продолжительном пребывании там речи явно вообще не шло, как это видно из письма от 13 / 1 апреля 1846 г. гофмаршала императорского Двора А.П. Шувалова Бутеневу. Он его просил, опираясь на знание местной ситуации, высказать мнение относительно вероятной реакции в Риме на одну из двух возможных альтернатив. Если императрица решится либо по причине состояния своего здоровья, либо из-за кори в городе (её императрица опасалась из-за дочери, не болевшей этой болезнью) отказаться совсем проезжать через столицу или же ограничится проездом и остановится лишь для смены лошадей и посещения церкви Св. Петра⁴.

Ответ Бутенева от 15 / 3 апреля звучал так.

Если реализация первой из этих альтернатив, несомненно, вызовет самые глубокие и самые единодушные сожаления, начиная с верхов до низших классов римского общества, безо всякой примеси какого-либо дополнительного впечатления,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 583–584.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 683. Л. 49–50.

³ Там же. Л. 79.

⁴ Там же. Д. 688. Л. 1.

то реализация второй гипотезы, очевидно, присовокупила бы к этому сожалению чувство тяжёлого оскорбления для папского правительства, как и, вообще, общества.

Он пояснил, что приезда императрицы здесь давно ожидали с чувством нетерпения, радости и симпатии, проявлявшимся при каждом случае самым непосредственным образом без того, чтобы к этому примешивались расчёт или политические соображения или внушения партийного духа, или усердность, как во время путешествия императора. Вот уже несколько месяцев, как здоровье императрицы служит предметом общих разговоров. Бутенев был уверен, что в случае прибытия в Рим Александра Фёдоровна была бы принята с почтением и знаками уважения не только со стороны папы, его кардиналов и министров, но и населения города, судя по тому, как высказывался сам папа, его советники и доверенные лица. Он был также убеждён, что, если в интересах императрицы, её душевного спокойствия будет сочтено необходимым отказаться от проезда через Рим, всеобщим стало бы неизбежно «впечатление обманутой надежды», но оно не было бы совершенно неожиданным, так как молва об этом уже ходила после напрасных приготовлений к её приезду на Пасху. Если в этой ситуации императрица появится в Риме всего на несколько часов, то, хотя никто и не предполагал, что её пребывание может длиться более нескольких дней, это, вероятно, превзойдёт все возможные прогнозы. Бутеневу было известно, что папа надеялся иметь честь принять императрицу, великую княжну Ольгу и мажордома. Он уже беседовал с ним по поводу способа сделать этот визит как можно менее утомительным, более удобным по времени, месту и т. д. Было очевидно, что такой визит стал бы невозможным, если бы императрица появилась в Риме всего на несколько часов. Глубоко огорчён был бы и старый понтифик, будучи вынужден отказаться от чести, на которую император, прощаясь, дал ему некоторую надежду. Нельзя было исключить и появления слуха, что именно ради того, чтобы избежать этого визита, императрица лишь проехала через Рим¹.

Когда было решено, что императрица не будет заезжать в Рим, Бутенев был уполномочен оповестить об этом и Ламбускини, и папу, что он и сделал 18 / 6 апреля. Последний был тронут письмом Шувалова по этому поводу и подтвердил взаимность сожаления, а также поделился испытанной им досадой, когда узнал об отказе императрицы от проекта посетить Рим. Он просил посланника передать ей пожелания здоровья².

Причины же этого отказа императрицы очень занимали Лютцова. Подлинный мотив он усматривал в недовольстве С.-Петербурга решением Святого Престола

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 683. Д. 688. Л. 2–6.

² Там же. Л. 84.

вопроса о Еловинском, а не в ссылках на опасение посетить этот город из-за кори, уже более месяца как распространившейся в нём.

Как он пришёл к этому заключению, он объяснил в письме Меттерниху от 18 апреля таким образом. Бутенев, запросив паспорт у Ламбрускини, чтобы отправиться на встречу с императрицей в Ливорно и Флоренцию, заговорил с ним о высылке Еловинского из Рима в качестве удовлетворения, должного императору за оскорбление, нанесённое тем, что ему был приписан указ, не только никогда не получавший его санкцию, но и вообще никогда не существовавший¹.

Лютцов сообщал также, что поездка по Средиземному морю великого князя Константина и его визиты в Тулон и Брест рассматривались здесь как начало сближения с Францией со стороны императора Николая, которого всё ещё считали сердившимся на австрийский Двор по причине его неприязненного отношения к союзу эрцгерцога с его дочерью².

На обратном пути Александры Фёдоровны этот Двор приложил немало усилий — явно, чтобы сгладить неприятный осадок. Начиная с Венеции, по всем австрийским землям её сопровождали члены императорской семьи. В Линце специально для встречи с ней прибыла сама австрийская королева Мария Анна. Она, как вспоминала великая княжна, с жаром заверила, что лично она была бы счастлива иметь её своей родственницей, тем более что полюбила с первой встречи в своё время в Теплице. Александра Фёдоровна на это заметила, что не стоило теперь говорить о прошлом.

В Праге произошло первое знакомство великой княжны, теперь уже невесты вюртембергского наследного принца, с эрцгерцогом Стефаном. 3 июня / 22 мая Николай I письмом из Варшавы поблагодарил его «за сообщение о прибытии путешественниц в Богемию и за оказанный им приём».

С семьёй своего будущего супруга княжна познакомилась ещё раньше в Зальцбурге, где её ожидал король с королевой и дочерью³.

Судя по письму от 17 / 5 июня 1846 г. Александры Фёдоровны, во время встречи в Линце австрийская императрица подняла тот же вопрос о католических делах в России, что во время беседы в Вене с Николаем I. Поблагодарив её от себя за ту встречу и сообщив об искренней преданности ей императора, встретившего её в Варшаве, в своём письме она её известила, что, выслушав

...рассказ о нашем разговоре, он Вас просит быть спокойной, что касается католиков его государств.

Но не скрою от Вас, что Ваши сомнения в этом отношении его удивили, а ходатайство такого рода может Ему казаться только излишним в виду того, что ника-

¹ ГАРФ. Ф. 813. Шиллинг М.Ф. Оп. 1. Д. 98. Л. 139–140.

² Там же. Л. 140.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 227. Л. 298, 307, 332, 359; Д. 8. Л. 3; 1845. Д. 87. Л. 14; Сон юности // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 325–326.

кая правдоподобная причина не может послужить поводом к подобным сомнениям, которые оставались бы загадкой навсегда для Него, если бы он не был научен опытом.

Со своей же стороны, она напоминала, что совсем недавно она её уверяла, что нужно искать источник в «революционной гидре, ставшей орудием против императора и против всякого, кто является безупречно честным человеком». В заключение письма следовала просьба не упрекать её за откровенность, благодарность её дочери и сообщение о том, что пребывание в Праге прошло очень хорошо, и эрцгерцог их «очень тронул своим усердием, чтобы сделать его приятным»¹.

О содержании беседы двух императриц в отношении положения католических дел в России узнал не только российский император. О нём был оповещён, скорее всего австрийской императрицей, нунций в Вене, сообщивший об этом в свою очередь Ламбрускини.

Затем нунций вновь вернулся к этому вопросу — на этот раз в письме Корболи от 27 июня 1846 г., — утверждая, что хлопоты австрийской императрицы были небезуспешными. В этом его убедило письмо к ней российской императрицы, написанное в Варшаве, копией которого он располагал и прилагал к своему письму в качестве «документа, в общем и целом, секретного характера».

Заключение нунция относительно существа поставленного в письме вопроса было довольно взвешенным.

Из письма российской императрицы вы увидите, — писал он, — что не желают признать существование религиозного преследования в России, уверяя, что оно само было порождено лишь «революционными происками» польской партии. Это очень понятно, и следует сказать, что политические стремления многих из поляков наносят ущерб религиозным делам; Святой Престол, однако, благоразумно умел чётко отличать одно от другого и, внушая населению «отдавать Кезарю то, что принадлежит Кезарю», требовал, чтобы было «отдано Богу то, что принадлежит Богу».

Утверждение же нунция о том, что австрийское правительство было в состоянии оказать большие услуги Церкви в этом деле, грешило явным преувеличением. На деле в отношениях двух правительств не было той «полной гармонии», на которую уповал он, а о возможностях «личного влияния, которое князь Меттерних и императрица в состоянии оказать один на автократа, другая — косвенно посредством российской императрицы»², свидетельствовали только что состоявшиеся их беседы с самим императором в Вене.

Подтверждение удовлетворения Николая I тем, как решилась судьба его дочери, содержится в письме к Паскевичу, переписка с которым отличалась откровенностью.

¹ ASV. Fondo. Segreteria di stato. Archivio riservato. Busta 7. Fascicolo 3.

² Ibidem.

19 / 7 февраля 1846 г. он ему писал: «Искренне благодарю тебя за поздравления с помолвкой нашей Оли, слава Богу, что она нашла тоже себе по сердцу, достойного себя, вовсе неожиданно нам было подобное, и мы в том видеть хотим Божие благословение. Будем надеяться на милость Его и впредь. Кажется, эта свадьба, как говорят, не нравится ни в Берлине, ни в Вене, но Бог с ними, не мешайся они только в наши дела»¹.

О торжественно отпразднованном в С.-Петербурге бракосочетании его дочери с наследником вюртембергского престола римский папа был оповещён Николаем I специальным письмом. Текст его был близок к тому, что был послан им тогда же другим монархам².

¹ Сон юности // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 513.

² АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 660. Л. 11.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГ ГОТОВИТСЯ К ПЕРЕГОВОРАМ СО СВЯТЫМ ПРЕСТОЛОМ: РАБОТА СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА. ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ ПИЯ ІХ

Для рассмотрения различных вопросов относительно положения католической Церкви в России и Царстве Польском, а также подготовки материала для переговоров с Ватиканом весной 1846 г. был назначен специальный Комитет по делам латинской Церкви. Он должен был изыскать средства совместить требования папы, проистекавшие из его духовной власти, принадлежавшей ему на законном основании в качестве главы католической Церкви, с долгом российского императора в отношении господствующей Церкви и с правами, предоставляемыми ему светской властью над всеми конфессиями, терпимыми в Российской империи¹.

Его возглавлял Нессельроде, а в его состав входили: Орлов, шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения, П.Д. Киселёв, министр государственных имуществ, Уваров, министр народного просвещения, Блудов, председатель законодательной секции Государственного совета, Перовский, И.Л. Туркул, статс-секретарь Царства Польского. Его заседания состоялись 8 апреля / 27 марта, 22 / 10—25 / 13 апреля и 10 мая / 28 апреля.

Определяя свою повестку, Комитет исходил из отсутствия у императора намерения отказывать папе в законной доле его влияния на духовные интересы католической Церкви в России и Польше, а следовательно, речь могла идти лишь о новом пересмотре некоторых из законодательных и административных постановлений правительства, по утверждению папы противоречивших канонам его Церкви. Для упрощения своей задачи Комитет ограничил её сначала рассмотрением вопросов, касавшихся исключительно католической Церкви вне всякой связи с принципами доминирующей Церкви.

При этом претензии римского Двора воспринимались в качестве предоставивших, «во-первых, повод для уточнения, разъясняя цель, которую император имел в виду различными мерами, а во-вторых, предлог для переговоров (всё подчеркнуто в тексте. — О.С.) после предварительного определения изменений,

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1846. Оп. 475. Л. 62—63; Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 89.

которые могли бы быть допущены». Конкретно речь шла, прежде всего, о том, чтобы установить, не отклонилось ли в сторону от первоначальной цели её основания нынешнее устройство католической Духовной коллегии, и удостовериться, нет ли возможности внести в её организацию такие изменения, чтобы папа её признал формально? Но особенно важным было определить, согласно канонам католической Церкви, компетенцию епископской власти с вытекающими из этого последствиями. В связи с этим Комитет должен был высказать своё мнение по следующим конкретным вопросам: об уставе консисторий, уставе семинарий и Духовной академии; об ограничениях, действующих при назначении приходских священников. Ему предстояло также заняться вопросами, касавшимися религиозных орденов и, в частности, упразднения института провинциалов, т. е. духовных лиц, возглавлявших монастыри различных орденов. Особое внимание следовало уделить распоряжениям относительно постройки новых церквей и католических часовен, а также рассмотреть вопрос о том, насколько одинаковым было материальное обеспечение католического священника по сравнению с православным.

Первым на заседаниях обсуждался вопрос относительно консисторий. Было признано, что для удовлетворения предписаний канонического закона духовная власть епископа могла бы быть значительно расширена без ущерба для прав и нужд светской власти. Министр внутренних дел по этому поводу представил предложения по упорядочению хода дел в консисториях, которые стали бы предметом указа и инструкции, но их окончательная редакция могла бы быть принята лишь вследствие проектируемых переговоров с римским Двором.

Речь шла о закреплении ими следующих основных положений. Судебные функции консисторий предполагалось ещё уточнить, но исключительно за епископами сохранится решение дел, относимых к разряду административных, в кои входят дела совести и все вопросы совести, наподобие того, как это было сделано в уставе консисторий православной Церкви. По ним епископы могли, если сочтут необходимым, проконсультироваться в консисториях. Что касалось судебных дел, они будут решаться епархиальными епископами или генеральными vikариями, после предварительного их решения в консисториях, впрочем носящего, как и прежде, чисто консультативный характер. Епископы не должны будут мотивировать свои решения даже по делам, мнение о которых консисторий им известно.

Члены каждой консистории, т. е. официалы (духовные судьи), вице-официалы (председатели) и заседатели будут продолжать назначаться епархиальным епископом и утверждаться министром внутренних дел. Сложившийся в канцеляриях порядок в отношении исполнения дел будет сохранён. Назначение секретарей консисторий принадлежит, таким образом, министру, обязанному, по возможности, принимать во внимание их исповедание, отдавая предпочтение при прочих равных условиях католикам. Епископ (как это практиковалось и прежде) будет сам выбирать своего личного секретаря. Чтобы избежать ошибок и предупредить возникновение коллизий с законодательством Империи, при каждой консистории будет назначен

прокурор. Его функции ограничатся тем, что он будет предупреждать консисторию, когда её решения вступят в противоречие с законом государства, одновременно докладывая об этом министру. Его деятельность, таким образом, даст правительству гарантии постоянного надзора за консисториями¹.

Комитет считал необходимым сделать участие епископа в вопросах преподавания и дисциплины в семинариях более непосредственным, а его влияние более явным. Поэтому ни ректор, ни инспектор, ни профессор не должны назначаться без предварительного согласования с епископом. Ему же принадлежит представление программы занятий на утверждение правительства, ибо, согласно каноническому закону, от него должно зависеть религиозное обучение. Все эти положения распространялись и на Санкт-Петербургскую Духовную академию.

После разъяснения Перовского по поводу указа от 1 января 1845 г. / 20 декабря 1844 г., предписывавшего сохранять места священников первого и второго класса исключительно за учениками Академии, было сочтено, что он может быть изменён таким образом, чтобы в нём выражалось лишь предпочтение, отдаваемое ученикам Академии. Причём это изменение казалось тем более полезным, что небольшого числа учеников, выпускаемых ежегодно Академией, оказывалось достаточным для заполнения лишь мест, ставших вакантными, так что многие приходы могли оказаться долгое время без священников, если их доверять только ученикам Академии.

По поводу приостановки назначения провинциалов, продиктованной тем, что их власть, распространяясь одновременно на все епархии, чрезмерно ограничивала власть епископов над монастырскими орденами, Комитет высказался за то, чтобы отныне каждый орден в каждой епархии имел право избрать провинциала. К этому Николай I добавил, что он должен был подчиняться епархиальному епископу, а его выбор предварительно им же одобрен.

Относительно строительства новых церквей, исходя из принципа, что таковое допустимо для населения от 100 до 150 прихожан, Комитет признал целесообразным увеличить их число в местах, где слишком большие пространства и расстояния, разделяющие приходы, делают это необходимым.

Наконец, считая достаточной оплату высшего духовенства, он нашёл, что содержание монастырей и жалование низшего духовенства нуждается в некотором увеличении².

Нессельроде, будучи доволен достигнутым к этому времени результатом, в частном письме Бутеневу 16 / 4 мая признавался:

Гора только что родила, и, благодаря Богу, это не мышь. В воскресенье Комитет провёл своё последнее заседание, и во вторник император одобрил наш журнал,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 29. Л. 8–9, 1–3.

² Там же. Л. 4–7.

имеющий в его глазах то достоинство, что не содержит никакого расхождения мнений. Я Вас уверяю, что этот результат превзошёл мои ожидания. Я им обязан, главным образом, открытому и лояльному сотрудничеству со стороны членов Комитета, которые, почти все воодушевлённые подлинно христианским чувством, признали необходимость внести изменения в существующие постановления, чтобы привести их в соответствие с каноническими законами¹.

Подтверждением справедливости оценки министром настроений членов Комитета может служить тональность датированной 19 / 7 мая памятной записки Уварова. Представленная уже по завершении работы Комитета, по замыслу автора, она должна была подробнее аргументировать принятые им решения для участников предстоявших переговоров: те из изложенных им соображений, которыми сочтут необходимым воспользоваться перед римским Двором, полагал он, позволят «предотвратить многие обвинения в не доброй воле и, возможно, даже в недобросовестности».

Своё внимание он сосредоточил на двух подлежащих обсуждению вопросах, неоднократно поднимавшихся Святым Престолом.

Он опровергал утверждение, что принятые правительством в последние 14 лет меры были продиктованы его неизменным стремлением упразднить римскую Церковь или, по крайней мере, ограничить её деятельность из неприязни к её установлениям. Заметив, что некоторые меры, на которые жалуется Святой Престол, были подвергнуты серьёзному изменению, само их принятие Уваров объяснял недоверием к польскому католическому духовенству, реальное состояние которого было недостаточно оценено римским Двором, судившим лишь по недостоверным сведениям о составе этого духовенства, о его настрое, о преследуемых им целях. На деле ни один политический кризис, ни одна революция не прошли без его участия. Его нынешнее положение он находил действительно критическим. Ни один епископ не пользуется уважением общества за его моральный облик или таланты. Низшее духовенство не проявляет к своим начальникам ни уважения, ни повиновения. Оно инстинктивно радикально, и в нём всегда видят лёгкое орудие революционной пропаганды, его невежество достойно сожаления, современные вредные сочинения его сбили с толку, ему столь же недостаёт просвещения, как и знания первых элементов апостольского долга. Сотни неопровержимых доказательств такого состояния духовенства только что были даны событиями в Кракове и Галиции. Не только Россия, но и вся Европа заинтересована, утверждал Уваров, чтобы римский Двор не заблуждался относительно такого положения дел, которое угрожает его собственной власти, и не позволял увлечь себя инсинуациям рассматривать нынешнее польское духовенство в качестве инструмента, способного установить мир и согласие между двумя Церквями и двумя правительствами. При этом он полагал, что если рассматривать вопрос с такой точки зрения, то система ограничительных

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 99.

мер, последовательно принятых императорским правительством, если и не вызывает одобрения, то, по крайней мере, становится понятной¹.

В пожеланиях Святого Престола о смягчении уголовного законодательства, направленного против лиц, принадлежавших к римско-католической Церкви, Уваров выделял законы двух категорий (о покровительстве и защите господствующей Церкви и о распространении и обращении в другую веру), принятие которых в значительной степени вызвано особыми обстоятельствами, а утверждение произошло на особых условиях.

Обратившись к закону, наносившему удар по гражданским правам лица, переходившего от господствующей Церкви к какому-либо иному исповеданию, он считал бесполезным и недостаточным ограничиться ссылками на суровость, проявленную в подобном случае Святым Престолом, как и на далеко не точное воспроизведение его папскими представителями. Для понимания его сути он предлагал разъяснить глубокий смысл существующих в России установлений, где религиозная община одновременно образует гражданскую общину. А посему выход из неё чреват серьёзными политическими последствиями: такое положение относится к куда более далёким временам, чем дата зафиксировавшего его закона, логически вытекающего из существующего порядка вещей. Если господствующую Церковь покидает русский человек из высшего класса, он обычно переходит в римско-католическую Церковь, а если из низших сословий общества, то он примыкает к сектам, от неё отделившимся. Однако поскольку высший класс обладает правом собственности во всём его объёме, т. е. правом владеть землёй с обрабатывающими её крестьянами, то оно налагает на него обязанность заботиться о поддержании национальной Церкви и её представлять. В случае, когда такой собственник гласно выходит из Церкви, олицетворяющей религиозную общину, его отречение от неё влечёт за собой отречение и от политической общины, и он перестаёт тем самым принадлежать к стране. Закон, лишаящий его политических и гражданских прав, является естественным следствием такого положения вещей; он предписывает монашескую ограду, но её легко избегают. К тому же во всех известных случаях допускали переход права собственности по договорённости в другие руки. Поскольку не подлежало сомнению, что и в дальнейшем правительство будет действовать также, Уваров считал неразумным требовать малейшего отступления от принципа, который не может быть нарушен без серьёзных последствий.

Что же касалось карательных мер в отношении перешедших в секты, то они ничем не затрагивают интересы римского Двора, да к тому же в подобном вопросе он придерживается ещё более твёрдой позиции.

Уваров специально остановился на применении этого закона к греко-униатам, крещённым в господствующей Церкви и пожелавшим бы войти в римскую Церковь, или тем из них, что не последовали примеру их родителей, когда последние

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 56–59.

присоединились к Восточной Церкви. Он утверждал, что в этом вопросе правительство всегда было в состоянии изменить суровость закона, учитывая смягчающие обстоятельства, могущие возникнуть в каждом из таких случаев. При обсуждении этого вопроса, замечал он, не следовало затрагивать самого совершившегося факта, по поводу которого в Европе существует предубеждение, а ограничиться указанием на ошибочность точки зрения, с которой принято рассматривать переход греко-униатов в лоно Восточной Церкви. Знакомство же с их происхождением, историей, особым положением покажет, что «они составляют не общество чистых католиков, которое удалось отделить от римской Церкви, а очень нерешительную массу, колеблющуюся между двумя Церквями, массу, созданную с чисто политическими целями, далёкую от того, чтобы полностью подчиниться дисциплине католического мира».

Уваров надеялся, что если этот вопрос будет представлен в указанном им смысле, то римский Двор, с обычной его пронизательностью, убедится, что он не из числа подлежащих открытому обсуждению. Ибо, в конечном счёте, римский Двор оказался в нём заинтересован случайно и в особых обстоятельствах, которые возникают довольно редко и изменяются сами собой. Главный результат, которого Уваров хотел бы достичь передачей его записки посланнику, сводился к следующему. Во-первых, чтобы в обмен на только что внесённые изменения по многим вопросам дисциплины, вызывавшим недовольство римского Двора, удалось бы убедиться в готовности последнего оказать помощь императорскому правительству в вопросе о польском духовенстве. И в то же время удостовериться в средствах, которыми римский Двор мог располагать, чтобы совместно достичь столь желанной и столь желаемой цели — реформы польского духовенства. Во-вторых, предоставить посланнику аргументы на случай дискуссии относительно характера наказания в Империи за отступничество от национальной Церкви и исключительные обстоятельства, в силу которых никакое изменение не могло бы быть допущено без того, чтобы не поколебать систему российских гражданских институтов¹.

Единодушные мнения, послужившее основанием удовлетворения Нессельорде достигнутым результатом в ходе работы Комитета, продлилось недолго, лишь до тех пор, пока на обсуждение Комитета не был вынесен вопрос о Духовной коллегии, обретший к этому времени особое значение. Дело в том, что ещё после событий в Польше правительство стало прорабатывать план объединения управления католической Церковью Империи и Царства Польского, что было важной составной частью общего плана по усилению интеграции последнего в Империю.

Своими соображениями на этот счёт Николай I делился с Паскевичем. Призывая поскорее кончить расследование раскрытого в 1844 г. заговора (в ходе него предполагался захват Александровской цитадели, нападение на замок, убийство Паскевича и уничтожение всех войск в Варшаве) и примерно наказать виновных,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 60—66.

он признавался, что никогда не заблуждался относительно настроений в Царстве, а потому не мог «признать себя обманутым». А в том, что происходило, он усматривал для себя «как новое не только право, но необходимость усугубить осторожность строгой справедливости и приискания всех возможных мер, чтобы отнять все способности нам вредить». Для себя он находил весьма важным воспользоваться распространением «более и более революционного духа фанатизма мнимо католического» в качестве повода для реализации своей идеи присоединения духовной дирекции по делам римско-католической Церкви Царства Польского к Санкт-Петербургской Духовной коллегии. «Я на это имею и власть, и силою заставляю себя слушать; в другой раз тебе это объясню подробно, покуда о сём никому ни слова» (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.)¹, — писал он Паскевичу 7 декабря / 25 ноября 1844 г.

В письме к нему же от 1 января 1845 г. / 20 декабря 1844 г., полностью разделяя мнение Паскевича относительно «неисправимого сумасбродства» поляков, иначе говоря, их безрассудства, Николай I повторил, что «при строжайшем правосудии надо непоколебимо идти вперёд к цели, истреблять все способности нам вредить». Он признался, что

...во главе всего враждебного нам ставлю духовенство и воспитание; первое должно сделаться послушным, вопреки препятствий, и я требую сего непременно и постоянно; второе начато, должно продолжать и всё более утверждать на избранной стезе, и время увенчает наши труды. Ни мнение, ни угрозы (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), ни ругательства иностранные не могут и не должны нас пугать, с нами Бог...

В этой связи император делился с Паскевичем впечатлениями от недавнего посещения Санкт-Петербургской Духовной академии. Ректор её говорил «с ужасом» про настрой духовенства в Царстве, о дурном влиянии, оказываемом приезжавшими оттуда епископами, и просил не присылать в Академию учеников из Царства, не ручаясь за последствия общения с ними его учеников, которыми пока он был доволен. Николай I призывал Паскевича подумать о том, как ему помочь, и вообще о будущем духовенстве Царства и о том, как «приготовить его таким, каким нам надо»².

Свой твёрдый настрой в отношении «мнимого католического усердия, служащего одной маской чисто революционных замыслов», Николай I ещё раз подтвердил в письме Паскевичу от 12 февраля / 30 января 1845 г. Идти католикам на уступки из опасения раздражать или пугать их значило для него служить им, «то есть революционному духу». «Настало время, повторяю, когда следует нам поступать решительно, довершая не довершённое и становясь твёрдой ногой там,

¹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. V. Приложение. С. 527–528; Русский архив. Кн. II. 1910. С. 500.

² Щербатов А.П. Указ. соч. Т. V. Приложение. С. 528–529; Русский архив. Кн. II. 1910. С. 501.

где мы покуда ещё живём пришельцами; вот будет предмет наших занятий», — писал он¹.

К лету 1845 г. этот план принял вполне конкретные формы. В июне Перовский в письме Паскевичу так излагал его. Находящееся в Варшаве отделение по делам римско-католического духовенства

...переименовать, по примеру Варшавских Департаментов Сената, во второй Департамент римско-католической Духовной коллегии для управления латинским духовенством в Царстве на тех же основаниях, на коих с давнего времени управляет санкт-петербургская римско-католическая Духовная коллегия всем подведомственным ей латинским духовенством в Империи, а для сего дать (вставлено Николаем I — «тогда». — О.С.) помянутому второму Департаменту тот же состав и штат, который имеет Коллегия в Империи, переименовав сию последнюю в первый Департамент. В отношении же правительства поставить второй Департамент в ту же зависимость от Вашей Светлости, в коей находится здешняя Коллегия от министра внутренних дел.

Министр обещал вместе с Туркулом составить подробную справку для сравнения порядка управления латинским духовенством в Империи и Царстве. И, таким образом, Паскевич смог бы по собственному усмотрению «изглаживать (могущую быть — зачёркнуто и надписано Николаем I: «можно будет существующую». — О.С.) в том разность, вводя постепенно в управление духовенством Царства порядок, существующий для управления тем же духовенством в Империи, дабы чрез единообразную администрацию утвердить в латинском духовенстве Царства Польского одинакия с духовенством Империи понятия об обязанностях оною в отношении правительства»².

В ответ на сказанное императором «о преобразовании управления в Царстве Польском» Паскевич в письме (оно не датировано, и трудно сказать, к какому времени относится) делится такими соображениями на этот счёт.

Он признавался, что «всегда был того мнения, что короче всего было бы присоединить Царство к Империи и устроить общее правление. К сожалению, сделать этого нельзя, ибо после мятежа дан был Царству Польскому статут», который «слишком ограничивал правительственную власть и затруднял ход управления». Не прошло и нескольких месяцев, «как непрерывные заговоры и попытки революционеров» потребовали срочных мер и более сильной власти, «чем та, которую правительство предоставило себе статутом». Поэтому, пояснил Паскевич, «само собой явилась необходимость власти исключительной (подчёркнуто в тексте. —

¹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. V. Приложение. С. 536–537; Русский архив. Кн. II. 1910. С. 502.

² РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 20. Л. 60–62.

О.С.), то есть изъятий из закона и отступлений от форм, законом установленных», и заключил: «Власть эта всегда будет необходима в Польше»¹.

Одним словом, ближайший советник императора, первым посвящённый в его идеи по этому поводу, оставался пессимистом в вопросе о возможности создания единого правления для Империи и Царства Польского. Его настроения не могли не влиять на Николая I, хотя не могли побудить его отказаться от этой идеи.

По мнению Перовского, учреждение в Варшаве второго Департамента Духовной коллегии помогло бы устранить такое затруднение, как обращение к папе епископов за разрешением заседать в Духовной коллегии, так как это было связано с их продолжительным отсутствием в епархии. Прецедент такого рода могло создать, в частности, пересланное ему Паскевичем письмо папе по этому поводу калишского епископа Томашевского. В июле 1845 г., докладывая императору об этом, министр замечал, что до этого все епископы участвовали в работе Коллегии исключительно по воле императора, не прося на это разрешения папы. Он опасался, как бы представление Томашевского не послужило римскому Двору поводом добиваться влияния на Коллегию, которого он никогда на неё не имел. А это было чревато серьёзными негативными последствиями, ибо, по его признанию, «совершенная лишь независимость Коллегии от Рима даёт правительству нашему возможность удерживать в течение 50 лет латинское духовенство в полной от себя зависимости и устранять от него непосредственное влияние иноземной духовной власти». Рассчитывать на согласие папы на это представительство не приходилось, напротив, с его стороны могли последовать «возражения против самой Коллегии и тем поколебать утвердившееся влияние её на всё латинское духовенство в Империи». Из этих соображений министр считал необходимым воздержаться от отправления письма Томашевского папе, тем более что после учреждения «в Варшаве второго Департамента Коллегии все помянутые неудобства сами собой устроятся»².

5 июля / 24 июня 1845 г. Николай I писал Паскевичу:

Томашевскому велено присутствовать в Коллегии; он приходит с покорностью, но говорит, что папа отрешит его от епископства; посмотрим. Покуда, всем и Перовскому предложат тебе переименовать коллегию Духовную в Варшаве во второй департамент римской Духовной коллегии, а здешний назвать первым департаментом, оставив, впрочем, весь нынешний порядок дел и подчинённость. Кажется мне, мысль хорошая и устранил все затруднения³.

Как уже отмечалось, предложенные Комитетом изменения были одобрены императором, но, прежде чем их санкционировать и придать силу закона, он решил

¹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. V. Приложение. С. 601.

² РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 20. Л. 72–73.

³ Там же. Ф. 1018. Николай I — Паскевичу. Оп. 5. Д. 270. Л. 1; Щербатов А.П. Указ. соч. Т. V. Приложение. С. 540; Русский архив. Кн. II. М., 1910. С. 504.

предварительно их сообщить римскому Двору, известив его прямо и без обиняков о соображениях, не позволивших удовлетворить все его претензии. Задача сделать это была доверена одному из высших государственных служащих страны графу Блудову. В прошлом он был управляющим Департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел, управляющим министерством юстиции, министром внутренних дел в то время, когда произошёл переход униатов в православие. А на момент назначения — главноуправляющим Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. На заре своей карьеры он был дипломатом в Голландии и Швеции. Племянник русского поэта Г.Р. Державина, он был одним из основателей известного общества «Арзамас», объединявшего интеллектуальную элиту С.-Петербурга. В него входили такие писатели и поэты, как Жуковский, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский. Блудов поддерживал близкие отношения с Н.М. Карамзиным. После декабрьских событий 1825 г. он был назначен Николаем I секретарём Следственной комиссии, которая рассматривала дела декабристов и судила их.

На его назначение быстро отреагировала католическая пресса, найдя неудачным. Вызывало недоумение, почему при благоприятных намерениях императора, как утверждали, он назначил столь скомпрометированное лицо. В свою очередь, в С.-Петербурге пошли на него вопреки существовавшему в Риме предубеждению против Блудова (об этом он знал сам и поставил в известность Николая I в качестве препятствия для такого назначения), будучи уверены, что первые же объяснения его с папским правительством его рассеют¹.

Прося в упоминавшемся письме от 16 / 4 мая Бутенева известить Святой Престол об этом решении, Нессельроде отмечал, что во главе тех из членов Комитета, которые ему

...помогали с самым большим знанием дела и доброй волей, я должен поставить по совести графа Блудова. Именно это меня побудило его предложить императору для почётной и важной миссии, которую он должен будет выполнить при римском Дворе. Впрочем, никто не знает лучше его положение католической Церкви в России, больше никто не в состоянии объяснить Святому Престолу суть и цель некоторых мер, которые были приняты у нас и о которых он обладает лишь неполной информацией, их касающейся. Он сможет лучше определить то, что возможно и то, что таковым не является у нас. Я знаю о существующем в Риме предубеждении против графа Блудова; о нём знает он сам; он сам первый о нём сообщил императору в качестве препятствия для его назначения. Тем не менее, Его Величество настоял, потому что знает о чистоте принципов и благородстве чувств графа Блудова и что Он был уверен заранее, что после первых его объяснений с папским правительством эти предубеждения, которые, впрочем, являются полностью несправедливыми, рассеются. К тому же, нужно, в самом деле, чтобы в Риме убедились, что,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 90–92.

если мы хотим искренне и честно трудиться над восстановлением вероисповедания и католической Церкви в России, необходимо, с той и другой стороны, предать забвению прошлое, без чего мы заблудились бы в лабиринте препирательств, очень вредном для столь высокой цели, о достижении которой идёт речь.

Напомнив, что во время личной встречи с ним Ламбускини засвидетельствовал ему доверие, теперь министр просил кардинала дать новое доказательство такового, поверив на слово его заверениям, что он будет доволен духом примирения, который принесёт Блудов в доверенные ему переговоры. Столь же настойчивую просьбу Бутенев должен был обратить и к папе¹. Но выполнить эти указания посланнику не пришлось по причине сначала болезни, а затем последовавшей 1 июня кончины Григория XVI. Правда, вернуться к обсуждению этой проблемы он смог довольно скоро.

Как написал Бутенев 13 / 1 июня, судя по мнениям, выражаемым в то время, и по традиции прошлого, издавна смерть папы обычно встречалась в этой древней столице с более или менее заметным безразличием. Она не вызывала столько сожаления и похвал его личному характеру, как смерть папы Григория XVI, более чем пятнадцатилетний понтификат которого, среди трудных и бурных времён, должен будет занять, несомненно, почётное место в истории Святого Престола. Она была неожиданной. Несмотря на свои восемьдесят лет, он казался очень крепким. Поэтому не воспринималась преувеличенной общая надежда, да и его собственная, что его дни продлятся до эпохи всеобщего юбилея, празднуемого в Риме через каждые 25 лет, на котором в 1850 г. он рассчитывал председательствовать. К сожалениям и справедливости, отданной памяти покойного понтифика (по крайней мере, в Риме, ибо в провинции расположение умов далеко от такого), добавились слухи сначала по поводу секрета от общества и даже от высокопоставленных лиц, сделанного из болезни папы, а затем по поводу невежества врачей и плохом уходе за больным. Согласно оставленному папой завещанию, его скромное движимое имущество он разделил между общественными установлениями и племянниками, носящими его фамилию, при условии, чтобы они не проживали в Риме. Он оставил несколько мудрых советов, адресованных кардиналам, чтобы их обязать не устраивать ему пышных и роскошных похорон, а их призвал открыто объединиться, чтобы сократить, насколько возможно, вакансию Святого Престола в эти трудные времена. Особо обращали внимание на то, что душеприказчиком был назначен кардинал Марио Маттеи, коллега и противник Ламбускини. К тому же Ламбускини не имел доли в довольно многочисленном завещанном в знак признательности имуществе, предназначенном различным лицам папского Двора².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 162. Л. 99–100.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 684. Л. 93–95.

Накануне предстоявшего такого важного события, как конклав, Бутенев ознакомился с корреспонденцией по этому поводу своих предшественников — Итальянского и Гагарина. Он не воспроизводил высказываемые предположения о том, кто станет новым папой, памятуя слова Гагарина в донесении от 16 / 4 февраля 1829 г.: «...исторически доказано, что никогда папа не был угадан, и что народный голос никогда не послужил руководством для кардиналов». Он предпочёл ограничиться сообщением о двух известиях, которые, как ему казалось, были повсеместно распространены в обществе и среди его коллег-дипломатов в отношении будущего конклава. Во-первых, по общему мнению общества, разделяемому Священной коллегией, продолжительность этого конклава будет сколь возможно краткой. Во-вторых, утверждали, что известно о двух главных партиях, на которые делится Священная коллегия: тех, кто желает, чтобы выбор папы пал на прелата, уроженца папских государств, и тех, кто предпочитает кардинала родом из других итальянских областей, особенно из Генуи. Первой дали название местной, а второй — иностранной партии. Утверждали, что первую возглавляет Бернетти, а вторую — Ламбускини¹.

Через неделю Бутенев писал о появлении третьей партии — партии высшей римской аристократии, которая, как утверждали, была образована и возглавлена кардиналом Альтьери при тайной поддержке партии внешней, но сильной ордена иезуитов. Довольно показательным было то, что ни одному из этих трёх глав не приписывалось личных амбиций стремиться в папы, а только обеспечить себе пост государственного секретаря. В такой ситуации каждая партия имела своих кандидатов в папы. Кардиналы Джованни Солья, Макки, Остини, Паскуале Джицци, Кастракане и ещё один или два других, менее известные, но все преклонного возраста, были кандидатами кардинала Бернетти. В то время как кардиналы Меллини Фальконьери, Филиппо Де Анжелис, Джованни Мария Мастаи-Ферретти и другие, более молодые и из известных семей, были кандидатами кардинала Альтьери. Наконец, партия Ламбускини, самая малочисленная, имела кандидатами кардинала Джакомо Францони, семидесятилетнего генуэзца, лично очень уважаемого, но не имевшего никаких данных для занятия делами, и кардинала Лодовико Микара. Последнего его монашеская твёрдость и примерная порядочность поставили высоко в общественном мнении, но «его характер, слишком прямой и высокомерный, заставлял слишком его опасаться его коллег, чтобы ему обеспечить шансы на успех». Кроме того, называли не принадлежавшего ни к какой партии, но пользовавшегося европейской известностью как учёный, но не занимавшего никогда государственных должностей кардинала Анджело Май, библиотекаря Ватикана, посвятившего себя кабинетным занятиям.

В заключение Бутенев упоминал о приёме, конечно не очень достойном, но, как уверяли, довольно часто практиковавшемся на предыдущих конклавах, к которому

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 683. Л. 145–147.

могли прибегнуть и теперь. А именно, вследствие долгой и бесплодной борьбы между соперничавшими партиями идут на выбор по мирному соглашению таким образом, чтобы он пал на довольно старого и дряхлого кандидата, не имевшего шансов на долгую жизнь, чтобы получить передышку, необходимую для лучшего обеспечения их средствами для успеха на следующих выборах. Если таким окажется нынешний конклав, правдоподобно, по мнению посланника, что предпочтение будет отдано кардиналу Карло Оппиццини, болонскому архиепископу, почти восьмидесятилетнему и очень популярному в провинции, или кардиналу Макки, почти такого же возраста. И тот и другой пользовались уважением, но никогда не имели репутации людей «знающих или способных»¹.

Как уже отмечалось, с самого начала вакансии Святого Престола все слои римского общества, духовные и светские, высказывали пожелание в пользу столь быстрого, как это было возможно, завершения работы будущего конклава. Однако то, что произошло, превзошло все ожидания. Избрание нового папы последовало необычайно быстро. 16 июня, через 15 дней после смерти Григория XVI, всего через два дня, а точнее даже 36 часов, работы конклава епископ Имоля кардинал Мастаи-Ферретти вступил на папский престол под именем Пия IX. Он родился 13 мая 1792 г., и ему было всего 54 года.

При всей той чрезвычайной быстроте, которой сопровождалось это избрание, в ходе него обнаружилась внушительная конкуренция. К всеобщему удивлению, кардинал Ламбрускини, до этого не фигурировавший среди кандидатов в папы, смог собрать при первом голосовании наибольшее число голосов в свою пользу. Кардинал Мастаи-Ферретти был вторым. При следующих голосованиях число голосов в его пользу увеличивалось, а у его соперника уменьшалось. При последнем голосовании он получил на два голоса больше канонически необходимых тридцати четырёх, т. е. две трети от числа присутствовавших на конклаве, в то время как за Ламбрускини было подано 8 голосов.

Выбор встретил одобрение в обществе. В новом понтифике видели человека чуждого всякого партийного духа, а также всякого иностранного влияния. Вступление на престол Пия IX, как казалось Бутеневу, давало памятный пример переменчивости человеческих судеб. Происходивший из знатной семигальской семьи, граф Мастаи-Ферретти, проведя в свете первую молодость, отправился в Рим в последние годы понтификата Пия VII с намерением служить в дворянской гвардии Его Святейшества, состоявшей из молодых людей первых семей страны, которой обычно командовал римский князь. Это была чисто почётная служба. Но едва он облачился в военную форму, как ему пришлось отказаться от этой карьеры, по причине внезапно развившегося хронического заболевания, рода эпилепсии. Тогда в возрасте 25–26 лет он решил выбрать духовную карьеру. Он посвятил ей себя с таким жаром, что его успехи в занятиях обратили внимание Пия VII,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 683. Л. 151–153.

от которого молодой неофит получил доброжелательное поощрение, что окончательно определило его решение стать монахом и получить духовный сан. Некоторое время спустя, в том числе и для полного восстановления здоровья, он стал искать возможность совершить заморское путешествие, как советовали врачи. Протежировавший ему папа удовлетворил его пожелание, направив его в качестве аудитора в миссию нунция, отправлявшегося в Чили в 1820 г. или в 1821 г. Вернувшись из Чили полностью поправившимся и обнаружившим свои выдающиеся способности, он был поставлен во главе больницы для хронических больных Св. Микеле, которой руководил до вступления на престол Льва XII, который его назначил в архиепископство в Сполетто, безвестную кафедру, но рядом с Римом. Он там пробыл до 1831 г., когда началось восстание в легатствах. Из Болоньи и Анконы оно быстро приближалось к столице и достигло Сполетто. Архиепископ проявил энергию и умение, чтобы остановить продвижение восставших до того, как известие о вступлении австрийских войск в папское государство стало сигналом к их отступлению и рассеянию. Оценив столь важную услугу, папа Григорий XVI перевёл его из Сполетто на гораздо более важную и выгодную кафедру в Имоле, которую до его избрания папой занимал Пий VII. Через несколько лет, в 1840 г., епископ Имолы был облачён в кардинальские одежды под именем кардинала Мастаи-Ферретти. Он пробыл по этому случаю недолго в Риме и вернулся в свою епархию, поскольку лично был известен мало в столице, в то время как пользовался большим уважением в своей обширной епархии и вообще в провинции. На собравшийся конклав он приехал в Рим за два дня до начала его работы, в пятницу, 12 июня. А во вторник, 16 июня, он стал новым папой. Он избрал имя Пия, как утверждали, главным образом в знак всегда испытываемой им признательности Пию VII за благожелательную протекцию, оказанную ему в начале его карьеры¹. Показательно послание, адресованное в день его избрания своим братьям в Сенегалию. В нём он писал, что по Божьей воле он возведён в самый высокий сан на этой земле, что осознавал огромную тяжесть подобных обязанностей, так же как «бедность, если не сказать ничтожность моего ума». Он просил молиться за него. Если коммуна захочет пойти на какие-то расходы, чтобы выразить радость, он желал бы, чтобы деньги были бы потрачены на вещи, действительно необходимые для города².

Если его предшественники, Италинский и Гагарин, оставили подробные сведения о ходе конклавов, происходивших во время их пребывания в Риме, то, кроме подобных сведений, Бутенев подробно описал саму церемонию коронации Пия IX.

В воскресенье, 21 июня, около 8 часов утра Его Святейшество отправился из Квиринала в Ватикан. В экипаже с ним были кардиналы Джакомо Монико,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 683. Л. 172–174.

² Там же. Д. 684. Л. 115.

венецианский кардинал-патриарх, и Доменико Пиньятелли, палермский архиепископ. По прибытии в гардеробную папа был встречен всеми кардиналами в облачении, т. е. в мантиях длинных и со шлейфом, после чего два первых кардинала из ордена диаконов его облачили в папские одеяния. Сразу после этого процессия направилась по королевской лестнице, называемой лестницей Константина, к ватиканской базилике. Во главе процессии были носильщики портшеза (связанный с обслуживанием дворца род секретарей при высокопоставленном лице, встречающих и вводящих посетителей), коллегия прокуроров, духовник папской прислуги, папский отец-проповедник, отцы — генеральные прокуроры различных религиозных орденов, консисторские адвокаты, камергеры, тайные и почётные, многочисленное прелатство в облачении, включая распорядителя святых дворцов и хозяина святого приюта. Затем следовал папский крест, несомый монсеньором Антинори, аудитором Роты (высшего церковного суда католической Церкви) с семью церковными служками, набранными среди референдариев или волонтеров совета верховного суда. Непосредственно затем шли аббаты, пожалованные митрой, епископы, архиепископы и патриархи, кардиналы в красных мантиях, хранители и настоятели римского народа, монсеньор Пьетро Марини, римский губернатор, и начальник полиции князь Орсини и, наконец, два кардинала, которые в этот день исполняли функции дьяконов. Таков был кортеж, сопровождавший понтифика, сидящего в портшезе и окруженного дворянской гвардией, светскими тайными камергерами и швейцарской гвардией. Под портиком базилики напротив Святой двери был воздвигнут трон для папы и напротив поставлены стулья для Священной коллегии. Там, сойдя с портшеза, Святой Отец поднялся на трон. Тогда кардинал Марио Маттеи, архипресвитер базилики, приблизился, справа, к трону и обратился, стоя и с непокрытой головой, к папе с изысканной речью на латыни. Затем он поцеловал ногу и руку Святого Отца и, прежде чем вернуться на своё место, просил Святого Отца допустить к целованию ноги весь капитул, духовенство и певчих базилики, на что папа любезно согласился. После того как закончилось целование ноги, руководители церемонии направили процессию к входу базилики и певчие запели: «Ты есть Пётр и на этом камне воздвигни мою Церковь, и врата ада вовсе не одержат верх над ней». Достигнув капеллы причастия, папа сошёл с портшеза, снял с себя митру и провёл некоторое время на коленях. Затем он снова взошёл на портшез и был перенесён в капеллу Св. Григория, где после того, как прочитал короткую молитву, пошёл и сел на трон, который там был приготовлен, и допустил к целованию руки высокопреосвященнейших кардиналов, затем к целованию ноги патриархов, архиепископов и епископов. После окончания этой церемонии его Святтейшество дал папское благословение, затем снова сел на трон. Кардиналы, патриархи, архиепископы и епископы, аудиторы Роты и все те, кто составлял кортеж, снова одели тогда церемониальные одеяния, и папа, стоя, запел часть канонической службы, называемой *Tierce*, которая была продолжена папскими

певчими. В течение этого времени папа читал наизусть псалмы тихим голосом и делал приготовления к мессе. По окончании этой службы папа был одет кардиналом, исполнявшим функции дьякона-помощника, в церковные облачения, употребляемые понтификом во время мессы, которые сюда были принесены и представлены прелатами-референдариями из Совета верховного папского суда. Папское кольцо ему было надето на палец кардиналом Ламбускини, в этот день ассистировавшим понтифику в совершении торжественной мессы.

Затем папа сел в портшез, а кардинал Томмазо Риарио, старший из ордена дьяконов, получив от своего пажа, несущего шлейф, род указующего жезла, называемого *ферула*, пошёл, чтобы встать, в качестве главы процессии, у выхода из капеллы. Вслед за этим кардинал Лодовико Гаццоли, исполнявший функции первого дьякона, произнёс слова: «последуем с миром». По этому сигналу процессия двинулась и направилась к так называемому алтарю исповеди. На протяжении этого шествия три раза и в трёх разных местах один из распорядителей церемонии сжигал на коленях перед папой немного пакли, несомой им наверху серебряной палки, и пел громким голосом такие слова: «Святой Отец, так, например, проходит слава этого мира». После этого папа сошёл с портшеза и начал мессу у подножия папского алтаря. Справа у него тогда находился кардинал Ламбускини в качестве ассистирующего кардинала-епископа, а слева — кардинал с функциями диакона. После её окончания папа вновь сел в портшез и принял митру из рук этого последнего. Тогда три кардинала ордена коллегии епископов произнесли один за другим перед папой молитвы, призывая Божью милость к новому главе Церкви. Вновь сойдя с портшеза, папа, стоя на нижних ступеньках алтаря, снял митру, и иподиакон (дьячок) передал паллиум (омофор) первому кардиналу ордена дьяконов, который, после того как дал его поцеловать папе, его ему передал и возложил на плечи, произнося молитвы, употребляемые в таком случае. Папа поднялся в алтарь, и, после того как его поцеловал и покадил, он отправился на трон, расположенный в верхней части клироса. Там возобновилось повиновение кардиналов, которые по очереди и согласно рангу подходили целовать сначала на коленях ногу, затем, после того как вставали, руку папы. Патриархи, архиепископы и епископы целовали ногу и колено, аббаты, митрами пожалованные, так же как исповедники Св. Петра, ему целовали только ногу. По окончании этой церемонии папа служил мессу. После того как он прочёл молитву «Отче наш», присутствующий первый кардинал ордена дьяконов взял свою ферулу или указующий жезл и, сопровождаемый четырьмя казначеями, а также аудиторами Рота и консисторскими адвокатами, спустился вниз исповедальни, где покоятся святые апостолы Пётр и Павел. Там с теми, кто входил в его кортеж, он произнёс несколько молитв, чтобы Бог оказал помощь новому папе.

Когда этот кардинал вернулся со своим кортежем на клирос, латинский иподиакон произнёс нараспев Апостольское послание на латинском языке и греческий иподиакон — на греческом языке. Вскоре после этого в соответствии с установленными правилами богослужения было пропето Евангелие сначала на латыни

кардиналом, исполнявшим функции дьякона, затем — на греческом языке греческим дьяконом. А папа продолжал святую мессу и кончил тем, что дал апостольское благословение народу. После окончания мессы папа на портшезе и под балдахин был перенесён на большой балкон, находящийся над главным входом в базилику. Именно здесь происходит, собственно говоря, церемония коронации, простая сама по себе, а потому великолепная. Она протекает в присутствии многочисленной толпы, заполняющей обширную площадь перед ватиканской базиликой. С утра на этой площади располагаются гражданская гвардия, папские карабинеры и линейное войско. Прибыв на большой балкон и сойдя с портшеза, Святой Отец садится на стул, поставленный перед народом, и после того, как соответствующие молитвы произносятся кардиналом-деканом или в его отсутствие кардиналом-заместителем декана, первый кардинал-дьякон коронует Святого Отца, возложив на его голову тиару со словами, предписанными ритуалом. Прочитав несколько молитв, папа встаёт на стул и даёт торжественное благословение. Прибыв в апартаменты гардеробной, после того как снимет священные облачения, папа принимает от кардинала-декана, а в случае его отсутствия его заместителя, поздравления Священной коллегии с коронацией. На коронации присутствовало около 48 кардиналов¹.

Процесс формирования правительства папой протекал очень медленно. Хорошо информированные лица относили это, главным образом, за счёт осмотрительности, присущей характеру нового понтифика, одновременно сговорчивого, спокойного и вдумчивого, а также новизны для него сферы высших правительственных дел. Ведь он «сразу оказался призван вести переговоры, не имея времени оценить значение ни этих дел, ни людей, которые могли бы лучше понять и разделить его намерения и его цели и прояснить его путь». В этом отношении

...краткость конклава, — писал Бутенев, — возможно, имела то неудобство, что лишила кардинала Мастаи, перенесённого сразу с его епископства в провинции на кафедру Св. Петра, возможности обрести некоторый опыт в отношении людей и дел в этой новой сфере, ни, особенно, наблюдать и изучать характер, принципы и повадки его собратьев, среди которых он неизбежно окажется призван выбирать своих главных сотрудников для такой сложной задачи, как та, что возлагалась на верховного главу католицизма.

В такой ситуации у папы не было иной альтернативы, как вернуть министров своего предшественника. Правда, самый выдающийся и умелый из них кардинал Ламбрускини, кроме того, что только что был его бесспорным конкурентом на выборах, вызвал немалую неприязнь во время своего правления и казался малоквалифицированным, чтобы завоевать новому правительству одобрение страны. Второе лицо по званию, кардинал Маттеи, воспринимался лишь как фаворит покойного

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 685. Л. 37—41.

папы. Вторая альтернатива состояла в том, чтобы выбрать, почти как придётся, совершенных новичков в делах, которые новому папе должны стать советниками. Папа предложил его прежний портфель Ламбрускини. Кардинал его отклонил. Затем это предложение ему было дважды повторено, и он казался менее склонным отказываться от поста государственного секретаря, но чтобы он был ему доверен целиком, а не разделённым на две секции папой Григорием XVI, одну по внешним делам и вторую — по внутренним. Папа ему в этом отказал, явно не желая начинать с изменения организации, установленной его предшественником, а отчасти желая проверить на собственном опыте, полезно ли её сохранить или вернуться к прежней практике. Подтверждение всех этих сведений, полученных из достойного доверия источника, Бутенев получил из бесед с Ламбрускини. После того как отпала его кандидатура на пост государственного секретаря, называлось несколько кандидатур, но чаще других — кардинала Джицци.

Из новых сведений в отношении конклава посланник в донесении от 17 / 5 июля отмечал тот факт, что члены конклава были единодушны в одном-единственном пункте — избавить выборы от всякого влияния извне и, особенно, держав, пользовавшихся прерогативой исключения, поспешив действовать с достаточным усердием, чтобы не дать им время воспользоваться их прерогативой. Бутеневу казалось в такой же степени доказанным, что послы Франции и Австрии, единственные имевшие эту привилегию, не получили от их Дворов в этом отношении инструкций устранить ту или другую кандидатуру. Это посланник понял из доверительных бесед со своим французским и австрийским коллегами. Он также уловил оттенок в их отношении к кандидатуре Ламбрускини. Второй отнёсся бы к его избранию благосклонно, первый — не будучи к нему расположен, не сделал бы ничего, чтобы провалить его кандидатуру¹.

Бутенев был принят новым папой 27 / 15 июня. Он был чрезвычайно любезен. Справился о состоянии здоровья императора и императрицы, которая, как он знал, прибыла в Варшаву, возвращаясь в Россию. Он говорил о поездке императора в Рим, о глубокой памяти, которую оставило здесь его пребывание и благожелательное расположение к покойному папе. Одним словом, заключил дипломат, приём и речь папы, хотя она носила общий характер, смогла полностью подтвердить благоприятные предзнаменования, которые посланник вынес из состоявшейся ранее беседы с Корболи.

Во время этой аудиенции Бутенев и смог выполнить поручение Нессельроде, содержащееся в письме от 16 / 4 мая, о скором прибытии Блудова с официальной миссией для ведения переговоров².

Позднее (донесение от 24 / 12 января 1847 г.), вернувшись к событиям этого времени, Бутенев обратил внимание на то, что прошло несколько недель, прежде

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 683. Л. 192–197.

² Там же. Л. 177.

чем папе, обеспокоенному особенно проектами реформ и улучшений в светской администрации, удалось окончательно сформировать свой кабинет. Однако, не дожидаясь этого, то непосредственно, то через временных управляющих государственным секретариатом он спешил засвидетельствовать Бутеневу глубокое удовлетворение известием о скором прибытии в Рим для ведения переговоров лица, облечённого доверием императора, и готовность усердно трудиться над завершением полезного начинания своего предшественника.

Эти личные демонстрации нового папы в глазах дипломата обрели, кроме того, вес благодаря мнению, которое он сумел внушить с самого начала относительно «его характера одновременно благородного и лояльного, так же как сдержанного и осторожного, его познаний и ума, отвечающих его высокому положению и его эпохе». А также из-за «не вызывающего сомнения его намерения удерживать в своих руках бразды правления»¹.

Об этом стремлении папы держать бразды правления в своих руках посланник подробно писал в донесении от 5 августа / 24 июля:

Становится всё более и более очевидным, что папа Пий IX проявляет намерение и талант править самому вместо того, чтобы слепо полагаться на представителей его власти, которых он стремится контролировать и направлять в соответствии со своими взглядами. Политические отношения Святого Престола, несомненно, также будут иметь право на его внимание и участие. Поскольку папа Пий IX, кажется, хочет быть доступным всему миру, дипломатический корпус, в свою очередь, сможет этим воспользоваться с выгодой для блага дел, тем более что Его Святейшество довольно хорошо объясняется по-французски.

Это, естественно, меняло положение государственного секретаря, влияние которого не могло быть таким же, как при Григории XVI. Судя по предшествующей деятельности и репутации назначенного на этот пост в августе кардинала Джицци, Бутенев полагал, что в отношениях с дипломатическим корпусом он будет движим духом примирения и умеренности, к тому же, будучи хорошо осведомлённым о положении дел, он постарается наладить наилучшим образом отношения Святого Престола с главными иностранными державами. Что касалось собственно церковных дел, как он сам заверил Бутенева, вероятно, он привнесёт в это желание договориться, тем не менее, некоторую осмотрительность, учитывая малую практику в делах такого рода, поскольку он, в частности, не занимался вопросами догмата и канонов Церкви. Как полагал Бутенев, в этом отношении он, вероятно, будет прибегать к помощи известных знатоков канона, таких как монсеньор Джованни Брунелли, секретарь конгрегации Пропаганды веры, и монсеньор Корболи, «молодой прелат, призванный играть роль при нынешнем папе, который ему

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 6–7.

засвидетельствовал особое доверие с первого времени своего прихода». Особо дипломат отмечал прекрасное знание кардиналом Джицци французского языка, на котором он «изъясняется с такой же лёгкостью, как и с изяществом»¹.

Предположения российского дипломата полностью оправдались. По поводу предстоявших переговоров кардинал обнаружил полное единодушие с речами и заверениями Святого Отца. Более того, во время одной из первых бесед с ним он даже добавил, что чрезвычайно высоко оценивал важность этих переговоров, чтобы «не поздравить себя, в некотором роде, с новой эрой в отношениях между двумя правительствами». По его мнению, ничто не сможет лучше обеспечить успех обоюдных видов, «чем заниматься меньше прошлым, а трудиться, главным образом, ради будущего»².

Тем временем, Нессельроде был занят составлением инструкции Блудову и 24 / 12 июня обратился к императору с просьбой о его указаниях по различным вопросам, требующим решения. Напомнив о согласовании им самим с Григорием XVI способа назначения епископов на вакантные кафедры в Империи и Царстве, министр пояснил, что теперь речь шла о продолжении достигнутого соглашения и осуществлении выбора собственных кандидатов в епископства. Ибо император предоставил бы в руки Блудова действенное средство на переговорах, если уполномочил бы его конфиденциально дать знать Святому Престолу имена предлагаемых к утверждению кандидатов, в том числе на кафедру архиепископа-митрополита.

Вторым вопросом, нуждавшимся в обсуждении и урегулировании, министр назвал вопрос о новом разграничении епископств, неоднократно обсуждавшийся с римским Двором, но без положительного результата. Теперь, когда интересы католической Церкви составляли предмет глубокого изучения, чтобы отдать себе отчёт в действительных потребностях Империи в отношении этого нового разграничения и постараться прийти со Святым Престолом к окончательному решению этих двух вопросов, министр просил согласия императора передать их на рассмотрение Комитета, учреждённого для католических дел. В этом случае своё мнение относительно изменений, которые следует внести в организацию римско-католической Духовной коллегии, чтобы «её узаконить, с канонической точки зрения, и приспособить к нынешним обстоятельствам», сообщил бы Комитету и министр внутренних дел, в своё время, как помнит император, попросивший времени для размышлений³.

Итог размышлений Перовского был изложен в датированной 24 / 12 июня 1846 г. записке «О римско-католическом духовенстве», имевшей форму доклада

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 160. Л. 124–126.

² Там же. Д. 103. Л. 6–7.

³ Там же. Д. 161. Л. 125–127.

императору. В нём он перечислил меры в отношении латинского духовенства, принятые во время его управления министерством. Передача в казённое управление населённых крестьянами имений латинского духовенства; сосредоточение и новое распределение духовных капиталов, назначение духовенству штатного содержания, равного с окладами православного духовенства, подчинение консисторий и провинциалов епархиальному начальству, издание устава семинарий, согласованного с уставом Духовной академии, и пр. При этом министр подчёркивал, что все они давно были «приведены в исполнение с желаемым успехом, и, не стеснив ни духовенства, ни паствы сего исповедания в свободе их верования, не возбудив даже ропота или жалоб, на деле оказывают лишь чрезвычайную пользу свою». Доказательство необоснованности нареканий на существующее управление латинским духовенством, даже самую покорность которого правительству «хотят приписать мнимому преследованию», он видел в совершенном отсутствии жалоб со стороны самого духовенства на такие преследования. Одновременно он был решительным противником восстановления прежнего управления, «с коим неразлучны прежнее своеволие и значение латинского духовенства, что неминуемо возвратило бы ему и прежнее его влияние», и опять поставило бы в Западном крае иноверческую Церковь выше господствующей Церкви. Это, по его утверждению, покончило бы с последствиями успешно проводимых в последние годы государством мер, опять пробудило бы непокорность латинского духовенства, привело бы к состязанию его с православным духовенством, нарушило бы недавно водворившееся спокойствие среди бывших униатов.

Он ставил императора в известность, что после рассмотрения в Комитете представленных им сведений о порядке управления латинской Церковью в России Комитет счёл нужным только допустить, для закрепления доброго согласия с Римом, «некоторые незначительные изменения, не столько в существе, сколько в самом изложении постановлений, на коих основан существовавший порядок». Но если бы встал вопрос о каких-либо существенных уступках, особенно касавшихся основных постановлений, как, например, «Положение для духовного и церковного правительства римско-католического исповедания» от 13 ноября 1801 г., то они «не могли бы совершиться без вредных последствий». Он пояснил, что опыт «доказывает, что масса латинского духовенства удерживается у нас, в пределах безвредных для правительства, единственно тою системою управления, кою в Империи следовали доселе». В противном же случае, предупреждал он, «духовенство это неминуемо отклонится опять от того направления, которое соответствует истинному его назначению, и время снова изобличит его во вредном и враждебном влиянии на дух народа в Западном крае»¹. Доклад, таким образом, засвидетельствовал полное нежелание Перовским каких-либо перемен.

¹ ЦГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 64–68.

По указанию императора Перовским был предоставлен список латинских духовных лиц, достойных епископского сана. На нём имелось указание императора от 25 / 13 июня сообщить его в своё время Нессельроде.

Перовский в сопроводительной записке выражал надежду, что каждый из предложенных кандидатов будет верным слугой императора и точным исполнителем его воли, «потому что они постоянно отличались как верноподданнической преданностью, так безупречным поведением и все мне, более или менее, лично известны». Список включал 6 кандидатов. Данные им характеристики позволяют увидеть, какие их качества особенно ценились министром.

Прелат (Венцеслав) Жилинский: «Умён, отменно опытен в делах церковного управления, добродушен, без слабостей, чужд всякого фанатизма, неограниченно предан правительству и с давнего времени присутствует в Коллегии».

Прелат Ласский: «Отменно распорядителен и с кончины митрополита, с полным успехом, управляет могилёвской епархией, строг к подчинённым без жестокости, чужд фанатизма и откровенно предан правительству».

Прелат Октавиан Горский: «Опытен в делах управления, умён, довольно скрытен, но покорен».

Каноник Игнатий Головинский: «Замечательно умён и образован, имеет глубокие познания в духовных науках и каноническом праве, верный католик и верный подданный, не фанатик, неограниченно предан правительству и лично известен государю императору».

Каноник (Гаспар) Боровский: «Характера кроткого, ума правильного, не фанатик, предан правительству и имеет большие богословские познания».

Каноник Адам Войткевич: «Умён, хладнокровен, характера твёрдого, не фанатик, правительству весьма предан и весьма искусно умеет насмехаться над всякими враждебными замыслами, как фанатической, так и польской партии»¹.

Свой список Перовский сообщил в июле Нессельроде с оговоркой, «чтобы имена вышеозначенных лиц хранились в величайшей тайне и чтобы римскому Двору они объявляемы были тогда лишь, когда получится некоторая уверенность, что они могут быть утверждены». На то, чтобы сделать эту оговорку, он испросил согласия императора, каковое им было получено².

Новые заседания Комитета состоялись 25 / 13 июля и 12 августа / 31 июля. На втором присутствовал Николай I.

Представление о ходе обсуждения позволяют составить приложенные к протоколу памятные записки: одна за подписью Перовского, вторая без подписи, но по содержанию совпадающая со сказанным Нессельроде, т. е. подготовленная в министерстве

¹ ЦГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 84.

² Там же. Л. 86.

иностранных дел. Наконец, третья, содержание которой свидетельствовало о прекрасном знакомстве с предметом, была составлена, несомненно, Блудовым.

Во второй записке стоявшую перед Комитетом задачу усматривали в том, чтобы установить, «не отклонилась ли нынешняя организация римско-католической Духовной коллегии от первоначальной цели её учреждения, и выяснить, нет ли возможности внести в её организацию такие изменения, которые позволили бы папе её признать формально?». Напоминалось, что правительство уже отступило от ряда статей из восьми, входивших в подписанный 25 / 13 ноября 1801 г. Александром I «Регламент» о Коллегии. А именно: от статьи 5 относительно управления монастырями и о провинциалах, от статьи 6 о назначении приходских священников и *jus patronat* и от статьи 7 об имуществе Коллегии. Отсюда составители записки заключили, что «Регламент» уже действовал не в полной мере. К тому же было ясно, что после принятия канонических принципов, долженствовавших служить основой епископской власти и формирования консисторий, было бы трудно придерживаться различных застарелых привычек, когда речь шла о решении вопроса об уместности внесения изменений в этот Регламент, чтобы адаптировать его положения к нынешним условиям. Тщательное же изучение статей, определявших полномочия Коллегии, показало, что в ней были совмещены две разные функции: верховного апелляционного суда для духовной власти, принимавшего решения в последней инстанции, и в то же самое время административного органа, заботившегося о доходах духовенства и о соблюдении порядка богослужения. Однако первая из этих функций могла принадлежать лишь папе или быть следствием специальной передачи её им, исполнение же этой функции, будучи предоставлено минуя папу и в противоречии с канонами римской Церкви, является очевидной причиной, мешающей Святому Престолу признать Коллегию. Ведь, согласно неизменным основам католической Церкви, единственным судьёй в его епархии является епископ. Он судит лично или с помощью викария, назначенного и заменяемого им. В спорах или судебных делах он апеллирует к архиепископу, который судит таким же образом. После архиепископа апеллируют к Святому Престолу.

Что касалось административной функции Коллегии, которая является лишь чисто светской и правительственной, папа, естественно, не мог против неё возражать.

В поисках выхода предлагалось обратиться, в частности, к опыту Пруссии, где брачные дела и вопросы дисциплины решались в третьей инстанции просинодальным судом, члены которого назначались епископом, но утверждались папой и действовали в силу полученных от него полномочий. Им помогал светский судья, исполнявший обязанности, близкие к обязанностям российского прокурора. Чтобы достичь аналогичного результата, следовало бы разделить функции Коллегии между двумя самостоятельными отделами. Просинодальный отдел, который рассматривал бы в последней инстанции бракоразводные и дисциплинарные дела, а его состав после согласования между правительством и епископами утверждался бы

папой. Второй отдел формировался бы как прежде и продолжал бы быть нагружен всей административной частью дел римско-католического духовенства в России. Вместе эти два отдела покрывали бы функции, исполнявшиеся Коллегией, название которой, возможно, придётся изменить. Конфликт вокруг вопроса о полномочиях, таким образом, в глазах римского Двора, был бы прекращён, и ничто более не давало бы повода для возражений с его стороны¹. На заседании 25 / 13 июля эти идеи изложил Нессельроде.

Иной точки зрения придерживался Перовский, как это следует из его записки от 25 / 13 июля. Он находил существовавший по части управления католическим духовенством порядок «вполне соответствующим, как пользе внутреннего государственного благоустройства, так и действительной духовной потребности латинского духовенства и паствы его в России». Поскольку, однако, «высшие соображения внешней политики, может быть, требуют теперь некоторых изменений в существующем у нас порядке управления латинским духовенством», то министр, со своей стороны, был готов содействовать осуществлению безвредных для внутреннего управления предложений Комитета и представил на его рассмотрение проект исполнения предполагаемых перемен.

Но он решительно возражал против предложения канцлера внести некоторые изменения в положение о Духовной коллегии, которое было утверждено 13 ноября 1801 г. и подтверждено 28 июня 1816 г.

И «ныне после полувекового существования Коллегии опыт ещё более доказал, сколь удобно настоящее учреждение оной, как для управления латинским духовенством в России, так и для ограждения его от излишней зависимости от иноземной власти». Он утверждал, что освящённые давностью права Коллегии обрели законную силу в глазах латинского духовенства и многочисленной его паствы. Считая её как бы местным соборным правительством, оно «не только не возражает против всех правительственных распоряжений, объявленных ему чрез Коллегию, но даже не оказывает сомнения и в правильности её постановлений».

Исходя из этих соображений, Перовский находил желательным сохранить прежнее положение Коллегии, тем более что учреждение предлагаемого Духовного суда, члены которого утверждались папою, «дало бы ему такое право, которого он в России никогда не имел и доселе не домогался». Это было бы, «кажется, несовместимо и с достоинством самодержавного правительства», потому что означало бы, что оно признавало «недостаточность суда, произносимого доселе духовными лицами, назначаемыми без участия папы». Что же касалось Коллегии, это лишило бы доверия римских католиков к законности её постановлений, коим она пользуется, а потому «с учреждением духовного судилища, на помянутом основании, правительство поставило бы себя в совершенную невозможность в каком-либо случае

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 37–40.

вновь предоставить Коллегии разрешать те дела, которые она беспрепятственно и окончательно всегда разрешала».

Наконец, Перовский предупреждал, что такое решение было чревато серьёзными последствиями в случае отказа папы утвердить предполагаемых духовных судей. А именно — внезапной остановкой рассмотрения духовно-судебных дел латинского исповедания по всей России, что, создав затруднения для значительного числа русских подданных римского исповедания, «возбудит сильный и справедливый их ропот, тем более что они сего нововведения не просят». Правительство же оказалось бы поставленным «в тяжкую необходимость» в каждом подобном случае ходатайствовать перед папой об утверждении этих духовных судей, которых «само учредило». Таким образом, правительство попадало бы в стеснительную для него зависимость от папы, который получал бы предлог вмешиваться во внутренний порядок латинской Церкви в России, зависимость, прежде ограничивавшуюся лишь утверждением епископов в духовном отношении и разрешением некоторых чисто духовных вопросов¹.

Копию этой записки 26 / 14 июля Перовский представил императору. К ней он добавил, что устно заявил в Комитете, что, «по мнению моему, можно будет приступить к рассмотрению вопроса о некоторых изменениях во внутреннем устройстве Коллегии в таком лишь случае, если Рим изъявит согласие на соединение под властью её управления латинскую Церковь в Империи и Царстве Польском». Николай I был с ним согласен. «Совершенно справедливо», — заметил он².

К этой записке Перовским был приложен документ, вероятно долженствовавший послужить примером для Николая I, о чём свидетельствует препроводительная к нему записка. В ней говорилось: «При просмотре старых дел о сношениях с Римом оказалось, что ещё в 1797 г. были подобные нынешним домогательства папы, но тогда же состоялись собственноручные резолюции... вашего Родителя, а в 1799 г. была вручена папскому послу записка министерства иностранных дел по сему предмету»³.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 42–46; ЦГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 70–74.

² ЦГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 69.

³ Речь шла о собственноручных резолюциях Павла I на подобные запросы Рима в 1799 г. во вручённой папскому послу записке министерства иностранных дел. Вот несколько ответов Павла I на просьбы папы: «О сохранении всех дарованных прав и порядка, установленного относительно католического исповедания» — «Как получил, так и сохраняю»; «О признании католиками верховной власти папы» — «Что было и есть, то и останется»; «О возвращении имений и церквей на прежнее положение» — «Останется без ответа»; «О сохранении иерархии, таким образом, чтобы ни один епископ не исполнял своей власти без получения булл и установления канонического от Св. Престола» — «В сем случае

Члены Комитета не разделяли точку зрения министра внутренних дел и поддержали предложенный проект.

В ходе обсуждения серьёзные аргументы в его пользу привёл Блудов. Обратившись к истории Коллегии (он зачитал свою памятную записку о ней, начиная с момента её учреждения), он констатировал её отклонение от первоначальной цели: само правительство поглотило большую часть её административных функций путём создания Департамента иностранных исповеданий. Причём в то же самое время Коллегия могла осуществлять права духовной юрисдикции лишь вопреки канонам латинской Церкви, что могло бы повлечь протесты и с минуты на минуту вызвать конфликт, которого следовало избежать. Поэтому, с одной стороны, важно было лучше определить функции Коллегии, а с другой — не менее важно было выйти из ложного положения, согласившись на создание Просинодальной секции.

Блудов привлёк внимание собравшихся к ещё одному аспекту обсуждавшегося вопроса — к пользе большего единства администрации латинской Церкви в Империи и Царстве Польском для подготовки их последующего объединения. Для достижения, насколько возможно, сходства их функций достаточно было лишить Коллегию права судебного решения брачных и дисциплинарных дел и передать их Просинодальному суду, под названием Главный духовный суд католического исповедания. Последний стал бы теперь (до этого такой институт существовал для Царства) общим для Империи и Царства с местом пребывания в С.-Петербурге и сделался бы первой ступенькой для объединения их духовной администрации. Таким образом, появился бы Главный духовный суд, который составил бы первую секцию Коллегии. Вторая секция включала бы чисто административные дела латинской Церкви в России, третья — в Царстве Польском, а их организация была бы идентичной.

По зрелом размышлении, высоко оценив выгоды такого плана с политической точки зрения, члены Комитета высказались в его поддержку. Перовский тоже присоединился к этому мнению, но при условии, что римская Коллегия сохранит своё название и что никакие изменения не будут внесены в существующую организацию до получения согласия Святого Престола на создание Просинодального Двора, долженствовавшего привести к объединению католических Церквей Империи и Царства Польского¹.

Государь то прикажет сделать, что ему покажется полезнейшим»; «О поправлении состояния монашествующих» — «Не его дело — оставить без ответа».

В приведённой выписке из вручённой в 1799 г. папскому послу записки говорилось: «1. Что всё, что касается светской власти римско-католической Церкви в России, она будет подчинена без ограничений гражданской юрисдикции. 2. Верховная власть римского понтифика должна ограничиться единственно духовной властью, т. е. поддержанием строгого следования обряду и догмам Его Церкви, от чего зависит полное единство между главой и членами» (ЦГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 75–77).

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 29. Л. 12–18.

Существенным дополнением к высказанным Блудовым на заседании суждениям по вопросу о функциях Коллегии служат соображения на этот счёт, изложенные им в приложенной к протоколу июльского заседания Комитета записке «О римско-католической Духовной коллегии». Этот очень пространный документ отличал аналитический характер. В нём отмечалось, что Комитетом отчасти уже рассматривался вопрос о том, до какой степени существование подобного Коллегии учреждения согласуется с правилами канонических законов. Он нашёл, что «высшая судебная власть, разумеется, в делах, касающихся церковных таинств... на основании правил римско-католической Церкви, может быть вверена только суду Просинодальному, то есть заменяющему Провинциальный Синод¹ духовенства». Право же собирать этот последний, согласно булле от 7 августа / 27 июля 1798 г., принадлежало митрополиту римско-католической Церкви в России². Иными словами, признавалось, что в качестве учреждения, решающего окончательно дела, относящиеся к церковным таинствам, как то: бракоразводные, сепарационные, Коллегия не соответствовала каноническим правилам.

Весьма неутешительно звучит ответ и на вопрос, до какой степени она, кроме ведения судебных дел, может в существующем виде быть признана учреждением полезным и нужным.

Было сочтено очевидным, что «она не имеет почти никакого круга действий». С переходом к министерству внутренних дел общих административных дел духовенства Коллегия «сделалась лишь местом передаточным и только в некоторых случаях может входить с представлениями от себя и предлагать свои мнения». Главное право Коллегии теперь заключалось в представлении кандидатов на некоторые места, но «сию власть, по замещению епископов, удобнее и приличнее поручить самим епископам. Кажется, что такой порядок не может быть противен

¹ Согласно предписанию, данному всему духовенству в 1596 г., Провинциальные Синоды были призваны решать вопрос об учреждении семинарий; о необходимости посещения митрополитом епархий, возглавляемых епископом-суффраганом; рассматривать дела о незначительных проступках епископов или поручать сделать это своим уполномоченным; устанавливать и передавать на утверждение папы правила для экзаменов на степень епископа или кардинала; изменять или дополнять общие правила экзамена для приходских священников; определять местные правила для отправления богослужебных обрядов; рассматривать предложения о нововведениях относительно почитания икон и мощей святых угодников; избирать для каждой епархии по несколько способных судей, которым легаты, нунции или папа могли бы в случае необходимости поручать рассмотрение особых дел (*causae in partibus*). Такой же властью был облечён епархиальный синод и даже епископ в своей епархии, если назначенные судьи или один из них умрут до открытия нового Провинциального Синода. Принятые синодом постановления до обнародования предварительно представлялись на утверждение папы (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 670–673).

² Там же. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 226–227; Ф. Российское посольство в Риме. 525. Д. 992. Л. 635–636.

видам правительства, и он, без сомнения, ближе к правилам Церкви». По таким же соображениям епископам следовало передать право представлять к наградам, давать отпуска, утверждать степени докторов, магистров и т. п. Точно так же рассмотрение дел духовных лиц между собой или со светскими лицами может быть отдано епископам, которые, минуя Коллегию, входили бы с представлениями прямо в министерство. Сами епископы могли туда обращаться с прошениями о постройке церквей, с рапортами о состоянии епархиального духовенства. Ибо «в сих случаях посредничество Коллегии совершенно было лишнее», а предоставление ей права «излагать мнение о лицах нехристианской веры, желающих перейти в веру римско-католическую, даже и странно», — говорилось в записке. Единственным положительным правом, остававшимся у Коллегии, признавалось право рассматривать жалобы на медлительность и притеснения со стороны консисторий, но оно оценивалось далеко не позитивно, поскольку «вводит в управление Церкви римско-католиков такое учреждение, коего власть, как не основанная на правилах сей Церкви, будет всегда оспариваема».

Столь же неутешительно звучит заключение по поводу содействия Коллегии исполнению объявляемых ею постановлений правительства. Было сочтено, что оно «едва ли приносит пользу», ибо было «совершенно ничтожно», так же как и контроль по делам духовного ведомства.

Сила постановлений правительства зависит не от посредничества Коллегии, через которую сии постановления объявляются, но от неоспоримого державного права и соединённых с ним прав надзора и покровительства (*jus patronatus, jus advocatiae*). Относительно контроля действий духовенства римско-католического Коллегия не представляет даже и достаточного ручательства; и правительство основывается не на рапортах её, а на донесениях местных начальств, обязанных наблюдать за сохранением общественного порядка.

Общий итог размышлений автора записки звучал так:

По мнению моему, можно из неё (Коллегии. — *О.С.*) сделать учреждение полезное и для правительства и для Церкви. Главным побуждением к её образованию было желание дать духовенству некоторое участие в управлении делами Церкви. Сначала сие участие было даже слишком обширно. Впоследствии времени (так в тексте. — *О.С.*) заметно, что нужно поставить теснейшие оному пределы; но сие ограничение сделано таким образом, что вследствие оного Коллегия потеряла всё своё значение¹.

Основательное решение вопроса о будущем устройстве Коллегии представлялось возможным лишь в общем контексте отношений между правительством

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 228–234; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 636–641.

и пользовавшейся его покровительством католической Церкви. А для этого следовало исходить из того, что правительству принадлежали следующие права по охранению и надзору (*jura advocatiae et inspectionis*):

- 1) так называемое *jus placeti*, т. е. право позволить или запретить публикацию постановлений римского Двора;
- 2) право издавать положения, определяющие политические и гражданские права духовенства и исповедующих терпимую веру лиц, как в том, что касается их взаимоотношений между собой, так отношений с лицами, исповедующими господствующую веру и другие терпимые в государстве вероисповедания;
- 3) право издавать полицейско-духовные положения, коими определяются внешние отношения между терпимой и господствующей верой и другими терпимыми вероисповеданиями;
- 4) право отстранять от духовных мест лиц, не заслуживающих доверия правительства (*personae minus gratae*);
- 5) право следить, чтобы духовенство не предпринимало ничего противного общественному порядку;
- 6) право требовать от духовенства исполнения его обязанностей;
- 7) право следить за правильным употреблением фундушей, порученных управлению духовенства или предназначенных на общепользные нужды;
- 8) право предавать суду и наказывать духовных лиц, при исполнении своих обязанностей совершивших преступление или проступок, не квалифицируемый как простое дисциплинарное упущение, наказуемое самим их начальством.

Вывод напрашивался сам собой: «Сии права столь важны, что правительство не может уступать кому-либо другому, и тем менее власти духовной, ибо можно опасаться, что она будет действовать не в видах правительства, а согласно со своим собственным интересом»¹.

Из этого-то, считал Блудов, и проистекали трудности с определением круга обязанностей Коллегии. Ибо было невозможно передать ей права, с одной стороны, которые должны принадлежать лишь правительству, с другой — и те, которые относятся исключительно к компетенции епископов на основании постановлений Церкви. Поэтому представлялось целесообразным разделить её в существующем или близком к нему составе на два отделения. Одно — для судебных дел под названием Главного духовного или Просинодального суда римско-католического исповедания, с высшей властью в этом отношении над консисториями Империи и Царства Польского. Второе — лишь для совещаний и представления мнения министерству, т. е. стать при нём советом по духовным делам, которое при издании правительством полицейско-духовных положений

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 235—236; Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 641—642.

выражало бы по ним своё мнение. Благодаря этому «она получит существенное значение и сделается учреждением действительно полезным». А поскольку Коллегия будет состоять из высших духовных сановников, то при несогласии её мнения с точкой зрения министерства оно должно быть представлено на высшее усмотрение вместе с проектом министерства.

Кроме того, по мнению Блудова, Коллегии можно было бы предоставить право входить в министерство с представлениями к императору о нуждах духовенства и давать заключения по представлениям, которые поступят в министерство каким-либо иным порядком. Эти два права — «предлагать мнения и делать представления будет главным для Коллегии, то есть для второго её отделения». А с ним мог бы быть соединён до некоторой степени и непрерывный и постоянный надзор (кроме высшего политического, принадлежащего министерству) за римско-католическим духовенством в тех самых пределах, в коих он ныне принадлежит Коллегии. Для осуществления такого контроля следовало бы епархиальным властям поручить подавать ей срочные рапорты, а министерству сообщать Коллегии все касающиеся духовенства постановления. Жалобы на духовных лиц, в случае их неудовлетворения епархиальным начальством, должны были поступать в министерство, которое передавало бы их либо на разрешение в судебное отделение, либо во второе административное отделение Коллегии. За ней же следовало сохранить общее управление вспомогательным капиталом, но о всяком употреблении его и доходов с него она должна была делать представления министерству.

Блудов предлагал такой состав Коллегии: председателем её должен быть постоянно архиепископ-митрополит, а членами — поочерёдно епархиальные епископы (на небольшой срок, например на шесть месяцев, чтобы надолго не отлучаться из своих епархий) и избираемые капитулами прелаты и каноники тоже на определённое время¹.

По второму вопросу повестки дня члены Комитета отклонили предложение Перовского об уменьшении с шести до четырёх числа епархий ввиду очевидной невозможности добиться согласия на это римского Двора. Было решено предложить императору сохранить все шесть епархий с суффраганиями, но с согласия Святого Престола. Блудову надлежало добиться их лучшего разграничения. Сочли также полезным учредить новую епархию, чтобы удовлетворить духовные потребности немецкой колонии и избавить её от влияния польского духовенства. Предполагалось, что новое епископство должно включать Астраханскую, Таврическую, Екатеринославскую, Херсонскую и Саратовскую губернии, а также Бессарабию и Кавказ. Резиденция епископа могла бы находиться в одном из городов — Одессе, Екатеринославле или Херсоне².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 237–241; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 992. Л. 642–646.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 29. Л. 18–20.

Дополнительным аргументом в пользу такого решения служило то, что им достигалось единообразие в организации управления латинской Церковью в Империи и Царстве Польском, а это создавало перспективу объединения их духовной администрации.

Принятые Николаем I после знакомства с протоколом заседания Комитета 25 / 13 июля и с мнением его членов во время личного участия в заседании 12 августа / 31 июля решения свелись к следующему.

Следовало сохранить шесть епархий, существовавших в России в соответствии с буллой Пия VI от 15 ноября 1798 г., но получить согласие Рима на их лучшее разграничение; сохранить и суффрагии, учреждённые той же буллой. Добиться создания новой епархии с суффрагией для удовлетворения духовных потребностей католического населения немецкой колонии в новой России под названием Новороссийской, с кафедрой епископа в Херсоне, а суффрагана — в Саратове. Оба они должны быть избраны из священнослужителей немецкого происхождения. Епископу предполагалось предоставить фонды для создания семинарий для обучения священников специально для службы в немецких колониях. В ходе нового разграничения митрополит сохранит титул моголиёвского архиепископа, С.-Петербург будет включён в его епархию, и он будет продолжать иметь место жительства в столице.

Предметом переговоров с Римом станет вопрос о создании Просинодального Двора, общего для Империи и Царства Польского, который решал бы на основании полномочий папы в последней инстанции брачные дела, а с согласия Святого Престола и вопрос недействительности обета, также в последней инстанции. После исключения этой функции Духовная коллегия будет сохранена в её нынешнем виде под прежним названием.

Поскольку *jus patronatus* лишила землевладельцев права назначать священников, отныне епископам будет принадлежать право предлагать и окончательно назначать их по получении на то согласия правительства¹.

В связи с переменой правления Святого Престола переговоры были начаты только осенью. В октябре прибыл в Рим первый уполномоченный российской стороны Блудов. Вторым был назначен Бутенев.

Следует отметить, что к переговорам Блудов готовился весьма основательно. Об этом свидетельствует список из 21 пункта, сведения по которым он запросил 29 / 17 мая 1846 г. в министерстве внутренних дел. В частности, его интересовали следующие данные: количество в Империи римско-католических епархий, суффрагий, коллегий и капитулов, границы каждой епархии, предполагаемые их изменения; число прелатов, каноников, викариев в каждом капитуле, состояние капитулов, число и порядок назначения каноников; число деканатов (административных единиц Церкви, включавших около десяти приходов) и приходов в каждой епархии; число католиков в каждом приходе; оклады епископов, прелатов, каноников,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 29. Л. 36—38.

членов консисторий и их канцелярий, порядок их назначения; количество монастырей, какого ордена, где находятся, их содержание; число семинарий, на какое число воспитанников, число учащихся в семинариях и в Духовной академии, на какие суммы содержатся семинарии, порядок принятия в них; места призрения престарелых духовных лиц; имеется ли место для содержания духовных лиц, присуждённых к исправительным наказаниям; размеры вспомогательного капитала, кто им управляет, куда употребляются доходы с него; число армяно-католиков в Империи, устройство их духовного управления; булла, изданная кардиналом Литта о римско-католических епархиях. После получения сведений по этим вопросам Блудов просил ещё уточнений¹.

В данной Блудову (она же предназначалась и для Бутенева) пространной инструкции от 27 / 15 августа 1846 г., прежде всего, подчёркивалась преемственность проводимой Николаем I линии в отношении Курии с линией, намеченной в своё время его предшественником. Как отдавали себе отчёт в С.-Петербурге, цель переговоров оставалась той же, которой 30 лет назад не удалось достичь Александру I, когда в 1817 г. он отправил Италинского к римскому Двору. Тогда в данной посланнику инструкции она определялась так: «...поставить на незыблемую основу управление, касающееся римской Церкви, покровительствуемой в России и преобладающей в Царстве Польском». Николай I, не колеблясь, принимал и подтверждал и принципы, признанные тогда в качестве базы любых переговоров со Святым Престолом. Они формулировались следующим образом:

1) Сохранить главенству Святого Отца над католической Церковью в России и Царстве Польском всю его духовную чистоту. Следовательно, навсегда его обезопасить от всякого прямого или косвенного участия, которое в нём могла бы принять светская политика или интересы какого-либо иного рода.

2) Придать осуществлению этого главенства позитивные формы, под защитой коих ему можно было бы обеспечить духовное управление Церковью без того, чтобы это управление, ни средства его осуществления не могли бы, ни в коем случае, осложняться силой закона и властью светского правительства, под покровительством которого римское исповедание существует в России.

Затем в инструкции подробно излагался ход событий, подготовивших предстоявшие переговоры: поездка Николая I в Рим, итог пребывания там Нессельроде, решения Комитета.

Напоминалось, что Комитет убедился,

...что жалобы римского Двора, прежде всего, давали бы повод для уточнения. Потому что имеются существенные факты, которые были полностью искажены в глазах Святого Престола и которые, следовательно, важно будет восстановить

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 138. Д. 1. Л. 86–87.

в их истинном свете, чтобы заставить их оценить по достоинству папским правительством. Так как объяснения, которые надлежало дать, принадлежат преимущественно к области законодательства, никто лучше Вас, г-н граф, не сумел бы исправить эти ошибочные утверждения и просветить сознание Святого Престола относительно замысла, постоянно направлявшего императора в принятии мер, которые Он считал полезными и соответствующими интересам Его католических подданных.

Во-вторых, Комитет признал «наличие предмета для переговоров (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) и определил границы изменений, которые могли бы быть внесены в нынешнее положение дел, не нарушая права светской власти».

Единодушно выраженное мнение Комитета по этому поводу свелось к следующему:

1. Обеспечить духовной власти римско-католических епископов размер, равный тому, которым пользуются православные епископы, поскольку фундаментальные принципы являются в этом отношении одинаковыми у двух Церквей, и изменить, следовательно, устройство консисторий.

2. Сделать более непосредственным воздействие епископов на духовное обучение и дисциплину в семинариях, а их влияние — более явным. И, на основании этого же самого принципа, поставить Духовную академию в С.-Петербурге под непосредственное руководство архиепископа-митрополита после его назначения.

3. Изменить ограничения, поставленные в конце концов назначению приходских священников. Более того, позднейшим решением император приказал, поскольку отмена *jus patronatus* лишила назначения священников владельцев земель, отныне епископам будет принадлежать их выбор, их предложение и их назначение, после получения согласия Департамента иностранных исповеданий.

4. Не отказывать монашеским орденам в праве назначать себе провинциалов, но заставить избирать для каждой епархии специального провинциала, подчинённого власти епархиального епископа.

5. Предоставлять некоторые облегчения строительству новых церквей латинского исповедания в местностях, где слишком большой размер и расстояния, отделяющие прихожан, делают это необходимым; придерживаясь принципа, что здание церкви допускается лишь для населения от 100 до 150 дворов.

6. Увеличить, если возможно, содержание монастырей и, особенно, низшего духовенства и предоставить право министру внутренних дел предназначить на эту цель свободные фонды, которые остались бы после обеспечения ассигнований, назначенных государствами.

Предполагалось, что эти шесть пунктов, способные удовлетворить Святой Престол, были ясно объяснены и развиты в Журнале Комитета и Блудов мог из него почерпнуть руководства, необходимые для урегулирования этих вопросов, и определить вообще манеру говорить, которой следует держаться в своих беседах с римским Двором.

Со своей стороны, Нессельроде конкретно привлёк его внимание лишь к трём вопросам.

Первый касался решения предложить римскому Двору, учитывая увеличение католического населения в новой России и, особенно, рост немецкой колонии, которую важно избавить от польского влияния через духовенство, создать новую епархию с суффраганией под названием новороссийская епархия. Кафедра епархиального епископа находилась бы в Херсоне, а кафедра суффрагана — в Саратове. И тот и другой были бы избраны из священнослужителей немецкого происхождения. Границы епархии были бы определены, как обычно, с общего согласия, епископу были бы предоставлены средства для создания семинарии, где готовились бы священники специально для немецких колоний.

Блудову надлежало заставить римский Двор оценить столь благожелательный настрой к римско-католической Церкви в России и убедить, «насколько ложны, на самом деле, все обвинения, выдвинутые против нас, когда они нам приписывали религиозные преследования, которые далеки от нашего замысла», а также просить папу о поддержке в столь полезном для католической Церкви деле.

Надеялись, что Святой Престол отдаст справедливость этому предложению в том, что оно будет способствовать возникновению доверия с его стороны и, в свою очередь, поможет удовлетворительному разрешению других вопросов. Поэтому предполагалось, что лучше всего было начать переговоры именно с заявления о намерении создать эту седьмую епархию.

Проблеме нового разграничения шести прежних епархий придавалось совершенно особое значение, так как их территориальное положение больше не отвечало нынешним требованиям устранить польское влияние. Напоминалось, что этот вопрос уже неоднократно (в последний раз в 1837 г.) ставился, но безрезультатно.

Затем министр остановился на обсуждавшемся последним в Комитете и удостоенном принятия по нему императором окончательного решения вопросе о создании Просинодального Двора для Империи и Царства Польского, «посредством чего достигалась бы двойная выгода — упорядочивалось бы существование римской Духовной коллегии и подготавливалось бы слияние католических Церквей Империи и Царства». Отдавая отчёт в могущих возникнуть при рассмотрении этого вопроса трудностях, в С.-Петербурге, тем не менее, не считали их непреодолимыми. Не исключалось, однако, что папское правительство вместо единого Двора предложит создать Просинодальный Двор отдельно для России, в то время как в интересах российской стороны было связать духовные юрисдикции римско-католической Церкви Империи и Царства. При этом не исключалось, что Святой Престол мог усмотреть пользу от такого объединения в том, что учреждение единого Просинодального Двора в С.-Петербурге, выносившего приговор по брачным делам в качестве последней инстанции, повлекло бы уменьшение числа разводов в Царстве Польском даже по причине расстояния, которое служило бы этому препятствием.

Важность позитивного решения этого вопроса для С.-Петербурга формулировалась следующим образом. «Главная цель, которую мы не должны упускать из виду, состоит в достижении косвенным путём канонической легализации существования римско-католической Духовной коллегии, сохранение каковой под прежним названием сочтено необходимым в интересах внутреннего управления», — подчёркивалось в инструкции. Усматривая главное препятствие признанию Святым Престолом Коллегии именно в осуществлении ею судебной власти, предполагалось достаточно лишить её таковой, доверив санкционированному папой Просинодальному Двору, чтобы устранить этот камень преткновения. Поэтому полагали, что, даже не упоминая о Коллегии перед папским правительством и не прося формально о её признании, удастся достичь такого результата в качестве естественного следствия учреждения Просинодального Двора. Однажды утверждённый Святым Отцом, этот Двор стал бы первой секцией Коллегии, а её административные и светские прерогативы не могли вызвать серьёзных возражений Рима.

Наиболее соответствующей обстоятельствам формой проектируемого соглашения с римским Двором на Неве находили Конкордат, подобный заключённому в 1801 г. с французским правительством. Предложение об этом предписывалось сделать в Риме¹.

Очень кратко и чётко задачи, стоявшие перед российскими уполномоченными, формулировались в двух записках. В первой они сводились к трём положениям.

1. Создание Просинодального Двора (Главного духовного суда католического исповедания), общего для Империи и Царства Польского, который в силу полномочий Святого Отца имел бы единственную компетенцию рассматривать брачные дела в последней инстанции. Сохранение римско-католической Духовной коллегии, оставляя за ней её название и полномочия, которые ныне ей принадлежат.

Особо было замечено, что Просинодальный Двор уже существовал при Екатерине II (согласно бреве от 3 февраля 1784 г., привезённого нунцием Аркетти). Поскольку это установление представляет самого папу, оно полезно и необходимо во всех странах, где нет нунция, чтобы избежать обращений к Святому Престолу. На этом основании Просинодальный Двор действует в Царстве Польском.

2. Что касалось разграничения, речь шла о сохранении существующих шести епархий и числа суффраганств, установленных буллой, доставленной нунцием Литта. Одновременно следовало предложить римскому Двору создание новой епархии на юге России под названием новороссийской. Оговаривалось, что место епископской кафедры ещё предстоит определить, но сверху карандашом написано: кафедра — в Екатеринославле, суффраганство —

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 158. Л. 6—28.

в Саратове. Митрополит сохранит титул могилёвского архиепископа, в его епархию будет включён С.-Петербург, где он и будет пребывать.

3. Относительно назначения священников пояснялось: поскольку отмена *jus patronatus* лишила такого назначения владельцев земли, отныне именно епископ будет их выбирать, предлагать и окончательно назначать после получения согласия Департамента иностранных исповеданий¹.

Вторая записка под названием «Сведения Комитета по католическим делам» содержала уточнения. Предполагалось, что претензии римского Двора по поводу предписания для консисторий, вступившего в силу в 1842 г., проистекали от неточного знакомства с его содержанием. По этому поводу давались следующие разъяснения:

Мы изначально обращали внимание на то, что далёкие от того, чтобы ослабить епископскую власть, положения нового предписания, напротив, имели целью придать ей целостный характер, который с 1774 до 1842 гг. за ней не сохранялся в равной степени. Впрочем, будет легко устранить даже видимость расхождения с каноническими правилами, уточняя их и лучше разъясняя различные пункты, которые могли дать повод к сомнениям со стороны Святого Престола.

Важно не терять из виду, что предписания 1842 г. должны быть лишь простой инструкцией (подчёркнуто в тексте. — О.С.) для исполнения дел, не предвосхищающими ни в чём принципы единства, на которых покоится епископская власть. Римский Двор рассматривает консистории в качестве исключительного представительства этой власти, и мы готовы принять такое определение с его последствиями, поскольку особое положение России не кажется вносящим в это какие-то изменения. Ибо мы не могли бы упускать из виду, что в России консисториями рассматриваются дела, которые в других странах передаются в гражданские суды, и именно это обстоятельство расширило компетенции наших консисторий настолько, чтобы им придать иногда двусмысленный характер. Тем не менее, мы несколько не имели в виду признать недействительным принцип единства епископской власти, и добросовестное рассмотрение предписания это докажет².

Был подготовлен и проект указа о следующих изменениях в именном указе от 16 декабря 1842 г. римско-католической Духовной коллегии. Он включал такие положения:

1. Судебная и правительственная части, прежде объединённые в консисториях, будут отделены одна от другой. Решение по судебным делам принимает епархиальный епископ или генеральный викарий после предварительного рассмотрения их консисториями, члены которых имеют лишь совещательный голос. Правительственные же дела решает только епископ, который может совещаться по ним с консисториями.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 191–192.

² Там же. Л. 254–255.

2. Епископы не обязаны представлять обоснования их решений даже по делам, мнение по которым консистории ими получено.

3. Такие члены консистории, как официалы, вице-официалы и заседатели, будут назначаться епархиальным епископом; но будет зависеть от министра внутренних дел назначение секретаря (он исполнял также и обязанности прокурора), а также чиновников канцелярии, за исключением епископского письмоводителя, которого он выбирает сам.

4. Правила, изложенные в инструкции для делопроизводства в римско-католических Духовных консисториях от 16 декабря 1842 г. и в именном указе, объявленном Коллегии 17 июля 1842 г., не согласные «с настоящим указом, не будут уже иметь никакой силы и действия»¹.

Перед отъездом в Рим Блудову была вручена верительная грамота от 2 августа / 21 июля, уполномочивавшая его на чрезвычайную миссию при Святом Отце с предоставлением ему и Бутеневу полномочий на подписание соглашения, долженствовавшего окончательно урегулировать отношения двух Дворов. В ней содержалось обещание Николая I «за благо принять и утвердить всё то, что ими (уполномоченными. — О.С.) в силу сего Полномочия постановлено, заключено и подписано будет, и дать на то Императорскую Нашу ратификацию»².

Император свои надежды на достижение соглашения связывал с настроениями нового папы. 19 / 7 августа он замечал в письме Паскевичу: «...кажется, папа либеральничает (подчёркнуто в тексте. — О.С.); ежели так, то, может быть, Блудову будет успех. Посмотрим»³.

Свою лепту в то, чтобы расположить Рим к Блудову накануне его приезда, внесла великая княгиня Елена Павловна. Как писал нунций в Вене Виале-Прела Джизци 17 октября 1846 г., она дала ему знать, что, если идеи Перовского и его партии не одержали верх в католическом Комитете, этим были обязаны канцлеру и доброй воле Блудова⁴.

Трудно сказать, имело ли место простое совпадение или эта акция была специально приурочена к началу переговоров, но в октябре (донесение от 31 / 19 октября) Бутеневым была получена великолепная дароносица, которую Николай I подарил церкви Св. Петра ин Винколо в память о посещении этого храма и в благодарность за картину Гверчино, подаренную ему капитулом этой церкви. Когда Бутенев известил государственного секретаря о прибытии подарка, последний предложил помедлить с передачей его по назначению, прежде чем он информирует об этом папу. Согласившись с этим, посланник передал кардиналу копию сопровождавшей подарок депеши.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 161. Л. 271—272.

² Там же. Д. 158. Л. 46—47.

³ РГИА. Ф. 1018. Николай I — Паскевичу. Оп. 5. Д. 294. Л. 1.

⁴ Boudou A. Op. cit. Vol. I. P. 510.

Через некоторое время аббату Валле, главе капитула этой церкви, как писал Бутенев Нессельроде 24 / 12 ноября, он передал дароносицу и личное письмо Николая I¹.

С Блудовым было передано Пию IX кабинетное письмо Николая I от 2 августа / 21 июля 1846 г.

В нём император напоминал о принятом на себя во время встречи с папой Григорием XVI обязательстве. «Всё, что может быть сделано в пользу римско-католической Церкви в России и Царстве Польском, не задевая законы моей Империи и каноны доминирующей Церкви, так же как права других конфессий, будет сделано», — повторил он (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.). Теперь он заявлял о его исполнении. По возвращении из Рима он подверг добросовестному анализу подлежавшие урегулированию вопросы и поручил Блудову ознакомить с его результатами Святой Престол. Он должен был объяснить, с одной стороны, мотивы, позволившие ему изменить некоторые из законодательных положений, найденных покойным папой не полностью соответствовавшими канонам римско-католической Церкви, а с другой — принципы, определившие принятие различных мер, отступление от которых было невозможно. Одновременно в письме содержался призыв отнестись с полным доверием к предложениям, адресованным Блудовым папе и правительству, и выражала надежда на достижение соглашения, которое удовлетворило бы обе стороны².

Прибыв в Рим 24 октября, Блудов 28 октября встретился с кардиналом Джицци, до того отсутствовавшим в городе. Он поставил его в известность о поручении ему и Бутеневу вести переговоры и передал ему копию кабинетного письма Николая I папе.

3 ноября он получил аудиенцию у папы. Своими впечатлениями от этой встречи Блудов поделился с Николаем I в донесении от 7 ноября / 26 октября, написанном, кстати, по-русски³.

Папа принял его «запросто, но весьма ласково, в маленьком, как я слышал, в любимом его кабинете». У Блудова сложилось впечатление, что незадолго перед тем папа прочёл или перечитал вновь бумаги, вручённые Николаю I его предшественником и кардиналом Ламбрускини, поскольку в разговоре он коснулся, хотя и слегка, почти всех вопросов, упоминавшихся в тех бумагах. Со своей стороны, на рассуждения Святого Отца он отвечал почти теми же словами, что были упо-

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 160. Л. 64, 307.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 157. Л. 5—6.

³ Посылая Нессельроде точную копию этого донесения в приложении к частному письму, естественно написанному по-французски, Блудов пояснил, что сделал это, во-первых, потому что так писал императору всегда, во-вторых, потому что когда-то у Нессельроде была идея использовать его для создания русского дипломатического языка. Вот он и предпринял эту попытку, которая, по всей вероятности, будет первой и последней (Там же. Д. 160. Л. 313).

треблены в письме императора. Он повторил, что всё возможное, не противное государственному закону и потребностям общественного порядка, уже сделано или будет сделано, что, впрочем, многое, как, например, в отношении власти епископов, устройства консисторий и семинарий, возможно, было не вполне и не совсем правильно понимаемо. При этом он старался не выходить за пределы общего разговора и не упреждать официальных объяснений в ходе последующих переговоров. Лишь по поводу разграничения епархий, в исполнение данных ему лично Николаем I указаний, повторенных затем в инструкции, и в надежде содействовать успеху вверенного ему дела, он объявил папе о предположении учредить новую, так сказать, немецкую епархию на юге Империи. Необходимость этой новой кафедры, а особенно семинарии для подготовки знающих немецкий язык священников, он ещё подробнее разъяснил Джицци, навестив его после этой аудиенции.

На замечание Пия IX по поводу большого числа разводов среди католических подданных императора, названного им «великим злом», Блулов поспешил сообщить, что обычай разводов, характерный для всех областей, составляющих прежнюю Польшу, огорчает императора так же, как и папу. И прибавил, что изысканием средств против этого занималось как российское правительство, так и римские первосвященники.

После этого папа спросил, нельзя ли, по крайней мере, уменьшить зло, затруднив разводы, и заметил, что в православной Церкви они допускаются не иначе как с разрешения императора. Блулов опроверг это утверждение, сказав, что император не занимается делами такого рода, что разводы в России редки и разрешаются только Святейшим Синодом. Следовательно, заключил Пий IX, лишь высшею духовною властью. И спросил, почему бы не установить и по делам брачным католиков апелляцию к римскому Престолу? Блулов сослался на отсутствие инструкций по этому поводу, а сам поспешил воспользоваться неожиданно представившимся случаем, чтобы сделать первый, хотя и незначительный, шаг на пути реализации идеи учредить Главный духовный или Просинодальный суд для Империи и Царства Польского. А посему он добавил, что, «впрочем, апелляция в Рим была бы иногда уже слишком затруднительна для людей небогатых, ибо расстояния весьма велики, а есть обстоятельства, в коих уничтожение брачного союза бывает, в самом деле, необходимо. Не лучше ли её заменить особенною делегациею?»

Папа согласился с этим замечанием и поручил испросить указаний императора по этому поводу. Своё решение не продолжать разговор на эту тему Блулов объяснил Николаю I тем, что полученными им инструкциями предписывалось подобное предложение «лишь иметь в виду и сообщить папскому министерству не иначе, как с крайнею осторожностью и при достаточной надежде на успех».

Прощаясь с Блуловым «также ласково», папа объявил ему, что для официальных переговоров он кроме статс-секретаря полагал назначить кардинала Ламбускини, который «имел счастье по многим предметам лично объясняться с императором».

Николай I был удовлетворён ходом беседы своего посланца с папой и одобрил проявленную им сдержанность. «Хорошее начало, и вполне согласен на предлагаемую меру», — написал он на письме¹.

В частном письме Нессельроде, добавляя несколько мелких деталей, до некоторой степени сугубо личных, Блудов писал:

Я не могу достаточно нарадоваться приёму, оказанному мне Святым Отцом. Он был не только доброжелателен, но, осмеливаюсь сказать, чрезвычайно любезен. Его манеры, не переставая быть достойными, были просты, как если бы он обращался к старому знакомому. Всё, что Он говорил, даже относительно вопросов, которые могли стать предметом обсуждения, было исполнено мягкости и любезности, и Он встретил, стало быть, с моей стороны, откровенность и непринуждённость, которые требуют подобного проявления, с моей стороны. Всё это делало иногда довольно трудной задачу, которую я себе вменил в обязанность, вовсе не предвосхищать того, что должно быть оставлено для официальных объяснений в ходе переговоров.

Блудов позволил себе отступить от этого правила лишь в одном случае: это создание новой римско-католической епархии на юге Империи. Мотивы этого он объяснил в донесении императору и надеялся, что он его одобрит, так же как и Нессельроде. Он рассчитывал и на одобрение министром ответа, данного им на замечание папой по поводу частых разводов в Польше. Возможно, полагал он, было бы неплохо, чтобы папа принял на себя своего рода инициативу по делу, которое «нас так сильно озабочивало за несколько дней перед моим отъездом. Это, как говорит Бутенев, гвоздь, вбитый в стену, в ожидании, чтобы мы могли бы на него повесить что-нибудь»².

Проинформировав императора о сделанном папой в конце беседы сообщении о намерении поручить ведение переговоров кардиналу Ламбускини, по многим вопросам лично объяснявшемуся с Николаем I и с Нессельроде, в письме Нессельроде Блудов признавался, что это известие его немало встревожило. Но он надеялся на достаточное владение собой, чтобы не дать этого заметить. Идея такого выбора, полагал он, без сомнения и очень естественно, могла быть внушена названной папой причиной, хотя он не исключал, что его назначение является следствием и своего рода отмщением за назначение самого Блудова, в отношении которого Святому Престолу стараются внушить недоверие, что подтверждала, в частности, статья в газете «L'Univers». Он понимал, что подобные статьи не должны влиять на деловых людей, но «могут возбудить некоторое недоверие, и Вы помните, граф, что я это предвидел и предсказывал. Но интрига этим не ограничится»³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1846. Оп. 469. Д. 160. Л. 314–320.

² Там же. Л. 313.

³ Там же.

Через некоторое время Джицци официально сообщил Бутеневу о назначении Ламбрускини и Корболи уполномоченными на ведение переговоров. После назначения Джицци государственным секретарём Корболи был назначен секретарём-референдарием созданной новым папой конгрегации Чрезвычайных духовных дел. На сей раз размышления и Бутенева и Блудова по поводу назначения папских уполномоченных запечатлело их совместное донесение от 24 / 12 января 1847 г., раскрывающее к тому же их оценку тех, с кем они уже начали переговоры.

Для них было очевидно, что, с одной стороны, выбор Ламбрускини в качестве главного уполномоченного мог показаться более неожиданным. Ведь речь шла о бывшем министре, отстранённом от дел с самого начала нового правления и воспринимаемом даже в качестве тайной движущей силы глухой оппозиции, не замедлившей сформироваться в Священной коллегии против реформаторских идей и более мягкого и примирительного режима Пия IX. Но, с другой стороны, этот выбор выглядел, тем не менее, вполне естественным, учитывая, что за долгие годы управления государственными делами кардинал оказался лучше кого-либо осведомлён в ожидающих решения с Россией вопросах. К тому же он вёл прямые переговоры в Риме с Николаем I и Нессельроде. Нельзя было исключить, что, наряду с этими вполне правдоподобными мотивами, папа был движим ещё и желанием дать свидетельство уважения и беспристрастности в отношении старейшего и самого влиятельного министра своего предшественника и в то же самое время доказательство заботы о духовных интересах Святого Престола и католицизма. Ведь он доверил решение столь важной задачи «одному из князей Церкви, сльвиущему самым ревностным и упорным защитником её прерогатив и правил», а ему в помощь придал прелата, его бывшего ученика, который, будучи ещё молод, считался одним из наиболее крупных римских специалистов канонического права и пользовался личным доверием нового папы.

Рассматривая вариант предоставления таких полномочий Джицци, российские уполномоченные считали, что в этом случае переговоры могли бы стать более открытыми и широкими по причине его более сговорчивого характера, менее ультрамонтанских принципов, непринуждённых манер и его большого опыта дипломатических переговоров. Вместе с тем они предполагали, что, будучи малосведущ в чисто религиозных вопросах и в каноническом праве, проработав в основном в нунциатурах и на административных должностях, кардинал Джицци, возможно, сам уклонился от подобной ответственной задачи. К тому же, как премьер-министр, он был целиком поглощён заботами о внутренних делах страны, работая с монархом-реформатором, главным и едва ли не единственным искренним соратником которого он был. Кроме того, нельзя было сбрасывать со счетов проблемы со здоровьем (он страдал от приступов подагры), как это можно было заключить из его бесед с Бутеневым.

Поставив посланника в известность о состоявшемся назначении, Джицци добавил, что папа в некотором роде сохранил за собой высшее руководство переговорами, поручив давать ему регулярно отчёты о прошедших заседаниях Корболи,

в его двойном качестве участника переговоров и помощника государственного секретаря. В то же самое время он заверил, что, если российские уполномоченные пожелают к нему обратиться для прояснения каких-то вопросов или разрешения некоторых особых и непредвиденных затруднений, он, со своей стороны, будет готов предложить им своё сотрудничество и посредничество перед папой.

Блудов и Бутенев считали для себя возможным воспользоваться этим предложением кардинала лишь в случае крайней необходимости, чтобы не задевать участников переговоров¹.

Не оставлен без внимания российскими участниками переговоров был и папа. Бутенев в донесении за то же число (24 / 12 января 1847 г.) писал, что необыкновенная популярность, окружившая его со времени вступления на престол, продолжала укрепляться в Риме, как и в провинциях. И только что это проявилось с новым блеском по случаю спонтанного акта папы, давшего доказательство его «набожной простоты и апостольского усердия», того, что он принимал близко к сердцу осуществление своих функций главы католической Церкви. Этот акт был встречен с тем большим энтузиазмом, что был совершенно неожиданным и что в истории прошлых веков едва ли найдётся пример, подобный этому. 13 / 1 января в час, в который обычно он совершал прогулку или инспекционные визиты в церкви или монастыри, он отправился в одну из главных приходских церквей города (Св. Андрея делла Велле), в которую репутация самого известного римского проповедника, отца Вентура, постоянно привлекала большой наплыв слушателей. Когда папа вошёл в неё, она была заполнена наполовину, но новость быстро распространилась и сбежалась толпа, полагавшая, что папа пришёл послушать проповедника. Каким же было их удивление, когда вместо Вентура папа поднялся на кафедру и произнёс речь, короткую и красноречивую, столь наполненную мягкостью и отеческими и патетическими призывами. После проповеди, длившейся четверть часа, папа произнёс принятую обычно молитву, раздал папское благословение слушателям. О замысле папы не знал никто, даже сопровождавшие его лица. Поиски в анналах папства примеров и сопоставления их с нынешним фактом показали, что, по крайней мере, прошло 150 лет с тех пор, как ни один папа не поднимался на кафедру. К тому же всегда прежние понтифики произносили проповеди на латыни, в капеллах их дворца или в одной из базилик, имея в качестве аудитории лишь прелатов их Двора, или монахов, или духовных лиц. Нынешний папа, таким образом, первый решился проповедовать на итальянском языке, в простой приходской церкви и ничего не сделал, чтобы заранее предупредить для придания большей действенности своих слов и лучше довести пасторское поучение до слушателей всех классов².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 7–10.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 723. Л. 3–4.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕРЕГОВОРЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1847 г.

Начавшиеся 19 ноября 1846 г. переговоры протекали довольно медленно и с самого начала натолкнулись на серьёзные трудности. Российским уполномоченным долгое время не удавалось реализовать их стремление рассмотреть в первую очередь вопрос о новом разграничении шести и создании седьмой епархии. Добиваясь этого, наряду с предписанием инструкции они были движимы убеждением, что это новое доказательство заботы об интересах и духовных нуждах католиков послужит наилучшим средством покончить с недоверием к императорскому правительству, внушённое Святому Престолу недоброжелателями, стремившимися ему приписать постоянное намерение упразднить католицизм в России. Наконец, они связывали с этим надежду, что позитивный и практичный характер этой части переговоров окажется способен помочь избежать (что особенно важно в самом начале переговоров) неизбежной и набившей оскомину полемики, которую повлекло бы рассмотрение вопросов догматических или духовной иерархии, управления и церковной дисциплины.

Со своей стороны, папские представители хотели сначала обсудить массу жалоб, содержащихся в переданных в прошлом году Святым Престолом в сообщениях и памятных записках. Дискуссия, не перестававшая, правда, оставаться весьма учливой, но не плодотворной, была перенесена именно на вопросы иерархии, управления, церковной дисциплины и даже догмата.

В частности, был рассмотрен вопрос о епископской власти. Изложенное российской стороной положение, что епископ один управляет своей епархией и является начальником консистории, повлекло уточнения папских уполномоченных. Они пояснили, что степень власти консистории зависит исключительно от епископа, что она обладает лишь совещательным голосом, а решающий принадлежит епископу, который к тому же не должен давать ей объяснений по поводу причин принятия того или иного решения. Епископу принадлежит право назначать и увольнять членов консистории и её секретаря. По возникшему в этой связи вопросу об отношении светской власти к консистории и о назначении правительством секретарей и прокурора в конечном итоге папские уполномоченные согласились с предложением Блудова, что епископ сам избирает членов консистории, но с согласия правительства. В случае решения епископа уволить какого-то члена консистории он

должен был немедленно назначить нового члена, также с согласия правительства. Полномочия, предоставленные консистории епископом, прекращаются со смертью епископа и увольнения его или администратора вакантной епархии. Во время вакансии епископской кафедры администрация или новый епископ назначают консисторию по тем же правилам.

Относительно секретарей из светских лиц в духовных консисториях в Империи, назначаемых правительством и облечённых до некоторой степени и правами прокурорского надзора, было выработано предварительное правило, что они назначаются епископами с согласия правительства, но непременно из светских лиц. Обсуждение этого вопроса и о прокурорах было отложено на будущее.

Не отказываясь их обсуждать, российские участники переговоров прилагали все усилия вернуться к предложенному ими вопросу.

Их настояния увенчались успехом. После шести или семи заседаний, посвящённых рассмотрению и урегулированию, более или менее полному и окончательному, второстепенных вопросов, предусмотренных и не предусмотренных инструкцией от 15 августа, на двух или трёх заседаниях рассматривался вопрос о новых границах епархий Империи и об учреждении седьмой епархии для новой России и Кавказа. Он был разрешён в принципе на десятом заседании, состоявшемся 7 января 1847 г. / 26 декабря 1846 г. Правда, удовлетворительный результат был достигнут в ходе весьма неожиданной и острой полемики. Кардинал Ламбускини напомнил, с одной стороны, о прежних оставшихся бесплодными объяснениях между двумя правительствами относительно духовной юрисдикции армяно-католиков в Империи. С другой стороны, он сослался на долг и угрызения совести папы в отношении отдельных лиц греко-униатского исповедания, которые, как предполагалось, могли сохранить привязанность к их вере после возвращения в массе их духовенства и единоверцев в лоно православной Церкви. А затем он предложил по случаю нового разграничения епископств подумать о некоторых положениях, которые обеспечивали бы и тем, и другим средства, отвечавшие их духовным потребностям. Предложение, касавшееся армяно-католиков, как уже прежде обсуждавшееся по дипломатическим каналам, российским уполномоченным удалось убедить сделать в будущем предметом договорённости и отдельного соглашения. Но они решительно отклонили второе предложение. Блудов назвал его притязанием «странным, неожиданным и неприемлемым», учитывая, что оно относится к факту, законно разрешившемуся само по себе и получившему санкцию императора. Затем он так разъяснил позицию российских уполномоченных, если папские уполномоченные намерены были увязать судьбу вопроса о новом разграничении епископств с принятием подобных притязаний: хотя и с большим сожалением, они скорее откажутся от решения всего этого вопроса, чем подпишутся под условиями такого рода, представленными *sine qua non*¹.

¹ Без чего нет (лат.).

Столь твёрдое и чёткое заявление возымело своё действие: тон речей изменился, последовали заверения в отсутствии намерения доводить дело до крайности, а после довольно длительного обсуждения и следующее предложение. Чтобы избежать всякой специальной статьи договора на переговорах, императорская миссия была бы уполномочена направить папскому правительству ноту или дипломатическое сообщение такого содержания. Если бы в России оказались лица греко-униатского исповедания, сохранившие к нему привязанность, Святой Престол был бы призван снабдить католических священников Империи инструкциями и необходимыми полномочиями принять их под свою духовную юрисдикцию. При этом они могли либо их соборовать, причащать и исповедовать, либо предоставить свободный и полный переход в латинское исповедание без разрешения Святого Престола, запрещённого каноническим законом.

Российские представители согласились принять *ad referendum* предложения о ноте или дипломатическом сообщении, внося следующие коррективы. Возможное предписание Святого Престола должно было бы касаться не лиц греко-униатского исповедания, предположительно остававшихся в Империи, а униатов, проживавших в Царстве Польском, или иностранцев, приехавших после 1839 г. в Россию. Только в случае необходимости это самое предписание могло быть распространено на небольшое число греко-униатов в России, если оно существует, что, по крайней мере, проблематично. Но в любом подобном случае епископы обязаны узнавать, не переходили ли эти лица в господствующую Церковь или не принадлежали ли к ней постоянно.

В своей позиции по этому вопросу они исходили из того, что, возможно, было бы даже выгодно, по крайней мере, что касалось епископства Подолии (где с 1795 г. нет греко-униатов) и епископств Херсона и Кавказа (где их никогда не было), принять предложенную представителями папы меру. Ибо при применении на практике, под постоянным наблюдением правительства она не могла представлять никаких неудобств или серьёзных затруднений, ни породить никакой коллизии с православным духовенством или даже вызвать обоснованные опасения с его стороны¹.

Однако это согласие не положило конец дискуссии. Папские представители попытались ещё раз вернуться к этому трудному вопросу на следующем заседании «посредством одного из тех обходных манёвров и с помощью одного из тех духовных орудий, обширный запас чего римский Двор всегда имеет в резерве». Они извлекли на свет, в частности, положение Латеранского Собора, принятое во времена одного из крестовых походов и воспроизведённое в булле папы Бенедикта XIV, которое, уверил Ламбускини, будучи применено к юрисдикции армян-католиков, подданных Империи, поможет упростить решение вопроса о разграничении.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 12–19.

Это постановление церковного Собора разрешало латинским епархиальным епископам распространить их духовную юрисдикцию на христиан любых исповеданий, зависевших от римской Церкви, путём передачи необходимых полномочий священникам, викариям или деканам соответствующих исповеданий. Исходя из этого, заметил кардинал, будущий латинский епископ Херсона, например, сможет, согласно каноническим законам, осуществлять свою духовную юрисдикцию над армяно-католиками до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о создании епархии армяно-католиков, о чём некогда стоял вопрос; что такие же полномочия могли быть переданы латинскому епископу в Каменецке, в епархии которого находятся армяне-католики, что, наконец, это же самое положение может применяться к христианам армяно-униатского исповедания или любого другого, зависящего от Рима, если они имеются не только в двух упомянутых, но и в других католических епархиях Империи.

Признавая, что новое предложение могло представлять некоторую выгоду в том, что касалось армяно-католиков, российские представители понимали, что им преследовалась определённая, хотя внешне второстепенная, цель — включить в него греко-униатов. Они уклонились от его формального обсуждения, сославшись на необходимость в его углублённом изучении¹. Между тем сами они ясно видели причины попыток представителей папы вернуться к вопросу об униатах.

Посылая Нессельроде отчёты (их составлял Бутенев) о ходе переговоров, Блудов (письмо от 24 / 12 января 1847 г.) выражал надежду, что из них министр представит сражения, которые они должны были давать, трудности, которые имели и ещё должны были преодолеть. Он также надеялся, что он поймёт, что они вовсе не упустили из виду возложенную на них задачу «исправлять ошибочные мнения, которым, возможно, удалось возобладать здесь, особенно, относительно тайных намерений, задних мыслей, которые они нам приписывают. Мы не оставили без внимания ни одного случая, чтобы действовать в этом направлении, разумеется, сообразно достоинству нашего правительства», — заметил Блудов. Со своей стороны, он находил эту часть переговоров, «конечно, не менее важной, не менее полезной».

В этой связи Блудов напомнил министру о мнении, которого он придерживался относительно цели переговоров с момента, когда встал вопрос о его участии в переговорах, и которое, как ему казалось, заслужило одобрение императора. Оно состояло в том, что самая существенная цель переговоров, «ради которой, возможно, нужно пожертвовать некоторыми мелкими, второстепенными соображениями, должна заключаться не в том, чтобы урегулировать тот или другой вопрос наших споров со Святым Престолом или урегулировать все их, чего невозможно было бы ни требовать, ни надеяться». Эта цель сводилась к тому,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 19–22.

чтобы «восстановить и довести до сведения всей наблюдающей за нами Европы об отношениях доброжелательности и взаимного доверия между двумя кабинетами, насколько, по крайней мере, это возможно при нынешних обстоятельствах и учитывая сам характер такого рода отношений». И, хотя не приходилось говорить о полном достижении этой цели, Блудов полагал, что определённый прогресс на этом трудном пути имел место, прогресс,

...который Бутенев считал должным отнести за счёт влияния и личного вмешательства папы, а это, — полагал Блудов, — было бы двойной причиной нас с этим поздравить. Как бы то ни было, как я сказал, мы стараемся воспользоваться и даже ищем случаи, чтобы разбить предубеждения и опасения римского Двора, предубеждения и опасения, которые они стремятся, с другой стороны, питать средствами всякого рода.

Знаете ли Вы, сказал я однажды, полусмеясь, полусерьёзно папским представителям, почему император вовсе не думает присоединить своих римско-католических подданных к русской Церкви? Это не только потому, что он велик, великодушен, терпим, и что терпимость является фундаментальным принципом нашего законодательства, но ещё и потому, что это невозможно (подчёркнуто в тексте . — О.С.). Я увидел, что эта, так называемая, шутка попала в цель, и взрыв смеха, которым мне ответили, был взрывом радости, подлинного удовлетворения. Действительно, кардинал Ламбрускини и монсеньор Корболи являются довольно государственными деятелями, чтобы быть убеждёнными, что мудрое и искусное правительство — а они оказывают честь нас считать очень искусными — вовсе не стремится достичь результата, которого невозможно добиться, потому что это значило бы дойти до абсурда. Следовательно, массовое возвращение греко-униатов Империи в православную Церковь не может, ни в коей мере, послужить основанием для опасений, собственно говоря, за римских католиков. Однако не подлежит сомнению, что обращение греко-униатов в православие ещё болезненно давит на их сердца, особенно, кардинала Ламбрускини, потому что при его правительстве это произошло.

Об этом Нессельроде мог судить по представленному ими донесению и резюме девятого заседания.

Небольшие уступки, впрочем, лишь кажущиеся, на которые мы сочли нужным им сохранить надежду, не смогли бы, я полагаю, — писал Блудов, — дать повод ни к какому нежелательному последствию, ни к какому серьёзному затруднению, ни помешать каким-нибудь административным или правительственным мерам, которые впоследствии были бы признаны необходимыми. Папские уполномоченные это понимают сами и если с некоторой настойчивостью возвращаются к нему, то единственно, чтобы успокоить свою совесть священников — совесть самого папы, о которой они говорят — с тем, чтобы иметь право сказать: мы сделали всё, что было возможно сделать. Именно потому-то, что эти угрызения священнической совести постоянно вмешиваются и, так сказать, обостряются из-за различных

вопросов, поставленных на рассмотрение и на обсуждение на наших заседаниях, мы встречаем столько трудностей, иногда совершенно неожиданных¹.

По завершении первого этапа переговоров возникла необходимость определиться с формой их итогового документа. Со своей стороны, Блудов предложил вопросы, оставшиеся нерешёнными на последнем заседании и, возможно, некоторые другие, не включать в него. Нужно было бы, по мнению его и Бутенева, сделать их предметом либо дипломатических нот, подлежащих обмену с министерством папы, либо протоколов, облечённых подписью соответствующих уполномоченных, ибо вовсе не размеры и не число статей будущего Конкордата или конвенции должны составлять его заслугу.

Вопрос существенный, важный, — это иметь возможность без нежелательных последствий его представить не только нашим католическим подданным, но также нашему православному духовенству, нашим ревнителям православия и различной публике, которая за нами наблюдает, как я сказал выше. Достаточно того, чтобы доказать миру, что мы достигли соглашения, что больше не существует туч или, по крайней мере, грозowych туч между нами и римским Двором. И, таким образом, вырвать из рук недоброжелателей одно из орудий, используемых ими против нас, одно из самых опасных орудий, потому что оно представляется священным², —

писал Блудов Нессельроде в упоминавшемся частном письме.

По поводу названия итогового документа Блудов и Бутенев письмом от 1 марта / 17 февраля 1847 г. дали следующую справку: термин «Конкордат», обычно используемый, когда говорят о соглашении со Святым Престолом, не является, однако, официальным названием, употреблённым в самих актах, таких как соглашение с Баварией, Нидерландами, и даже знаменитый французский Конкордат Наполеона I имеет простой заголовок конвенции. В соответствии с этим они называют будущий документ конвенцией³.

О мнении императора на этот счёт можно судить по тому, что писал Нессельроде в отчёте о работе министерства иностранных дел за 1846 г.: «...наконец, я имел случай получить приказания Вашего Величества относительно формы, в которой должно быть изложено проектируемое соглашение с римским Двором. Вам казалось, Сир, что Конкордат, наподобие Конкордата, который был заключён в 1801 г. между французским правительством и Святым Престолом, был бы формой, наиболее соответствующей обстоятельствам»⁴.

Очевидно, позднее император пересмотрел свою точку зрения по этому поводу, возможно, потому что не придавал большого значения форме соглашения.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 126–128.

² Там же. Л. 128–130.

³ Там же. Д. 102. Л. 198.

⁴ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1846. Оп. 475. Л. 67–68.

Во всяком случае, в частном письме Блудову от 9 апреля / 28 марта Нессельроде сообщал, что в С.-Петербурге заранее подписывались подо всем, что будет им и Бутеневым решено в отношении как формы итогового акта, так и его названия¹.

Первые десять заседаний позволили говорить и о существенном изменении в сложившейся на переговорах атмосфере. В частном письме Нессельроде от 24 / 12 января Бутенев с удовлетворением отмечал, «что предубеждение и недоверие, объектом которых здесь был граф Блудов, вначале, казалось, явно были налицо у обоих папских участников переговоров. Но они рассеивались с каждым днём всё больше по мере того, как могли оценить лояльность его характера, изысканную учтивость его поведения и превосходство его талантов». Это, наряду с личным влиянием папы, содействовало тому, чтобы «сделать кардинала Ламбускини и его молодого и хитрого коллегу более примирительно настроенными, чем они были во время первых заседаний. Так что Ваши здравые предвидения в этом отношении оправдались на деле». Порадовали Бутенева и полученные им сведения о личном настрое Пия IX, обнаруженном им в вопросе урегулирования религиозных дел с Испанией, свидетельствовавшем о его стоворчивости. Он сказал будущему нунцию в Мадриде монсеньору Брунелли, что для урегулирования стоящих проблем следовало запастись терпением и решать их постепенно, а пока решить вопрос о назначении епископов, чтобы «не оставить паству без пастыря». Явно именно поэтому он согласился на назначение коадьютера к престарелому мальтийскому католическому епископу, чего тщетно добивались годами у покойного папы и кардинала Ламбускини². Всё это создавало надежду на успешное разрешение и стоявшего на повестке дня вопроса о назначении епископов для Империи и Царства Польского.

В ходе последующих заседаний оказались исчерпаны все подлежавшие обсуждению вопросы, и на некоторое время они были приостановлены до получения решения императора по различным принятым *ad referendum* (к докладу) пунктам, по которым российские уполномоченные не считали для себя возможным высказаться. Среди уже обсуждённых вопросов был один, вокруг которого сложилась непростая ситуация, и, добиваясь его решения, российские уполномоченные потратили немало усилий. Это был вопрос о создании Просинодального Двора, приступить к которому инструкцией предписывалось, лишь убедившись в наличии шансов на успех. Вначале события развивались обнадеживающе. Инициативу взял на себя кардинал Ламбускини. Исходя явно из пожелания на этот счёт папы (напомним, что о нём тот заявил Блудову при первой встрече), кардинал предложил заняться обсуждением вопроса о суде для брачных дел. Легко пришли к согласию относительно принципов рассмотрения брачных дел в судах первой и второй инстанции: первая принадлежала епархиальному епископу, вторая — столичному

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 565–566.

² Там же. Д. 101. Л. 104.

архиепископу. Затем Корболи было сформулировано положение о третьей инстанции, которая, согласно пожеланию Николая I, должна была принять название Просинодального Двора.

Что касается третьей инстанции, уполномоченные Его Императорского Величества предлагают учредить верховный духовный суд (или Просинодальный Двор), как для Империи, так и Царства Польского, находящийся в С.-Петербурге, — говорилось в этом документе. — Он состоял бы из некоторого числа епископов из одной и другой частей государств Его Императорского Величества, избранных или утверждённых Святым Престолом, передавая им необходимые полномочия; к ним могли бы быть добавлены несколько каноников; или же полномочие Святого Престола было бы дано довольно большому числу епископов, чтобы они могли бы поочерёдно замещать друг друга в их функции членов верховного суда с тем, чтобы не отсутствовать в их епископствах свыше того, что позволял канон. Могилёвский и варшавский архиепископы присутствовали бы в названном верховном суде или были бы представлены одним из епископов, входящих в его состав, таким образом, чтобы один из этих архиепископов или его представитель председательствовал в суде, когда будут решать дела, касающиеся другого архиепископства. Полномочия для этого суда предоставлялись бы на ограниченный срок, не превышающий 5 лет. Тем не менее, хотя судебное постановление должно быть объявлено от имени и в силу полномочий Святого Престола (и, следовательно, должно бы, до некоторой степени, быть рассматриваемо, как постановление последней инстанции), участники, как и адвокаты брака, сохранили бы ещё право апелляции, в случае наличия оснований для применения одиннадцатого параграфа буллы *Dei Miseratione* Бенедикта XIV.

Кроме того, договорились, что к компетенции этого верховного суда будет отнесено и решение о недействительности монашеских обетов и что по этому поводу будут руководствоваться положениями буллы *Si datem* Бенедикта XIV.

Естественно, что достигнутый результат не мог не вызвать чувства удовлетворения у Блудова и Бутенева. Как засвидетельствовало резюме 15-го заседания, состоявшегося 1 февраля / 20 января, объяснения, которыми обменялись стороны на нём, как и на предыдущих заседаниях, были преисполнены взаимно примирительным настроением. Это предвещало благоприятное разрешение вопроса. Казалось, что такое же удовлетворение испытывали и уполномоченные папы. Ведь Ламбускини воспользовался этим случаем, чтобы выразить признательность за намерения и благожелательное расположение, продемонстрированное императором в отношении Святого Престола фактом нынешних переговоров, добавив, «что такое расположение не могло быть лучше олицетворено, чем выбором Его чрезвычайного ведущего переговоры»¹. Надо признать, что в более изысканной форме было трудно сделать комплимент Блудову.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 374–380.

Выходя с этого заседания, российские уполномоченные поздравляли себя с тем, что достигли в столь полной мере цели своих усилий, выдвинув принцип Просинодального Двора, единого для Империи и Царства. Однако эта надежда должна была оказаться быстро утраченной.

На следующем заседании, собравшемся всего через три дня, 4 февраля, папские уполномоченные изменили свою позицию. Они заявили, что предложение российской стороны о создании единого Просинодального Двора, предварительно ими одобренное, было антиканоническим. Они стали настаивать на создании двух таких Дворов отдельно для Империи и Царства Польского, ссылаясь на трудность подчинить в некотором роде одно архиепископство другому. И в то же время они намекали на то, что недостойно было ранить «то, что они называли самолюбием» духовенства Царства.

Блудов и Бутенев не скрывали своего удивления. При последующем обсуждении предложений, последовавших с обеих сторон, согласия достичь не удалось. Тогда Блудов заявил, что считал продолжение дискуссии излишним.

Огорчённые этой историей, российские уполномоченные видели положительный результат этой дискуссии в том, что она прояснила положение Духовной коллегии в С.-Петербурге. Дело в том, что уполномоченные папы настойчиво просили не отклонять их встречные предложения, не рассмотрев ещё раз. Они утверждали, намекая, по их собственному признанию, на Духовную коллегию, что их изучение докажет, «что они ничем не изменят вот уже 45 лет существующее в России положение вещей», а реализация этих предложений привела бы лишь к следующему результату. Были бы

...урегулированы и канонически легализованы не только в глазах духовенства и католического населения Империи и Царства Польского, но также в глазах всего католичества положение и организация до сих пор, канонически говоря (всё подчеркнуто в тексте. — О.С.), некоторых иррегулярных установлений, основанных в Империи, чтобы руководить делами римско-католической Церкви.

Блудов и Бутенев считали, что, таким образом, взаимные объяснения не были полностью бесполезными, а к вопросу о Просинодальном суде можно будет вернуться при более благоприятных обстоятельствах. Они не исключали при этом того, что римский Двор сам сделает первый шаг¹.

В С.-Петербурге, однако, не отказались от ещё одной попытки. В депеше от 24 / 12 апреля были приведены аргументы, способные разбить возражения, выдвинутые папскими представителями, когда они вносили изменения в их собственную редакцию документа о создании единого церковного суда для Империи и Царства Польского. Вопрос о невозможности подчинения одного архиепископа другому легко было снять, вообще отказавшись от личного участия варшавского

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 380–384.

архиепископа в работе Просинодального Двора, тем более что, упростившись тем самым, управление и продвижение дел только бы выиграло.

Чтобы прояснить свою идею, в депеше напоминалось нынешнее положение дел в Империи и Царстве. В Империи в качестве третьей инстанции брачные дела рассматривает, хотя и без канонического разрешения, Духовная коллегия. В Царстве суд третьей инстанции формирует Комиссия по делам римско-католического духовенства, которая с того времени, как остаётся вакантной архиепископская кафедра в Варшаве, не обновлялась папой, а, значит, в Польше в данное время не было никакого церковного суда, решающего брачные дела в третьей инстанции.

Мы думаем... что в этих двух обстоятельствах заключаются элементы, необходимые, чтобы устранить возражения Святого Престола, достигая цели, столь близкой сердцу нашего Августейшего Монарха.

С одной стороны, речь шла бы о том, чтобы совершенно просто принять формирование Просинодального Двора в С.-Петербурге; с другой — побудить папское правительство предписать польским епископам, чтобы они рассматривали этот апелляционный Двор в качестве третьей инстанции, узаконенной Святым Престолом также для дел Царства. Из этого следовала бы простая посылка в находящийся в С.-Петербурге Просинодальный Двор брачных дел Царства, нуждающихся в рассмотрении в третьей и последней инстанции.

Блудову и Бутеневу предписывалось сделать это предложение в подходящих выражениях, а если оно не будет принято, следовало исключить из переговоров этот важный вопрос. Российское же правительство сохранит судебные прерогативы за Духовной коллегией в их нынешнем объёме, не принимая во внимание претензии Святого Престола. В случае попытки папских представителей возобновить обсуждение после заявления российских представителей, они должны были им сообщить, что до новых указаний они «уполномочены лишь выслушивать, но ничего не обсуждать (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Мы хотим надеяться, — говорилось в заключение депеши, — что Святой Престол не захочет довести дело до такой крайности, не рискнёт порвать столь продвинутые переговоры»¹.

На атмосфере переговоров отрицательно сказались осложнения в отношениях между двумя правительствами в связи с неоднократно возникавшими инцидентами. Так, в частности, 5 января 1847 г. / 25 декабря 1846 г. Бутенев сообщал Нессельроде о полученных им от Джицци объяснениях по поводу публикаций в «L'Univers» сведений о якобы данной папой аудиенции Мичеславской. Государственный секретарь сообщил, что на деле она вместе с другими монахинями ожидала выхода из капеллы папы, который ограничился тем, что благословил всех и, не останавливаясь, проследовал во внутренние апартаменты².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 597–601.

² Там же. Д. 101. Л. 28–29.

13 марта Джицци вручил Бутеневу ноту по поводу сообщений французских газет о якобы состоявшейся в России публикации новых законов. Согласно этим сообщениям, они делали более суровым наказание за обращение православных в католическую религию, предписывали католическим священникам давать новую присягу, такую, как государственные служащие, и изменяли существующее законодательство о смешанных браках. В ноте говорилось и о якобы состоявшейся в Бессарабии, в Акермане, по приказу из С.-Петербурга казни священника или польского католического миссионера Селестина Вильяма¹.

На эту ноту Бутенев ответил Джицци письмом от 19 / 7 марта. Он не скрывал своего «трудно передаваемого удивления» по её поводу. Он недоумевал, как можно было допустить, что император, начав переговоры с римским Двором, избрал бы именно этот момент для публикации новых уголовных положений против его подданных, исповедующих католическую религию.

Новых законов такого рода в России не публиковалось, а все утверждения на этот счёт недоброжелателей и части газет не могли заслуживать никакого доверия, писал он. Что же касалось требуемой от католических священников присяги, разъяснялось, что это общая формула верности императору, которую дают не только государственные служащие, но все подданные Империи, светские и духовные лица, независимо от их религиозной принадлежности. Она существует более века и почти не претерпела изменений. В ней «обещают перед Богом повиноваться во всём своему монарху, потому что невозможно предположить, чтобы он приказал что-нибудь противное бы Божественному закону и морали; в случае необходимости отдать жизнь и пролить кровь ради выполнения своего долга (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), наконец, его предупреждать об опасностях, могущих грозить Ему лично и благу государства», что вовсе не означает заниматься доносительством.

Об истории с Селестином Вильямом Бутенев обещал сообщить правительству, чтобы оно могло выяснить обстоятельства, послужившие основанием подобных слухов. Со своей стороны, он не сомневался, что они были направлены на то, чтобы помешать происходившим переговорам, так же как тщетно недоброжелатели своими махинациями подобного рода пытались нарушить отношения между двумя правительствами во время поездки Николая I в Рим. Он обращал внимание на то, что эмиссары польской эмиграции были очень многочисленны в Риме этой зимой².

Не получив ответа на своё письмо, Бутенев не счёл нужным идти на новые объяснения, тем более что в беседах с ним и Блудовым Джицци и Ламбускини нельзя было заметить ни малейшего намёка на этот инцидент. А папа во время аудиенции по случаю Пасхи спрашивал об императоре, его семье, но совсем не говорил

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 101. Л. 106; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 295—298.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 101. Л. 120—129.

о делах. Из этого он заключил, что «папский кабинет не захочет заходить дальше в полемику, вызванной, так некстати, с его стороны»¹.

В это же время и российское правительство предъявило претензии Риму. Они были изложены в депеше Бутеневу от 9 апреля / 28 марта, с которой он должен был ознакомить папское правительство, передав копию. Речь шла о формировании тесного союза (об этом самому Бутеневу было известно во время пребывания в Константинополе до назначения в Рим) между монахами-ладзаристами в Турции и польской пропагандой, эмиссары которой занимались прозелитизмом в её христианских провинциях и одновременно подстрекали против России горцев Кавказа. Напоминалось, что с результатами польской пропаганды подобного рода Европа была хорошо знакома по событиям в Галиции.

Ссылались на полученные из Черкесии подробные и исчерпывающие сведения о тайной деятельности там ладзаристов, почерпнутые из корреспонденции константинопольских ладзаристов. Они разоблачали масштаб их активного сотрудничества с польской эмиграцией, тем более опасного, что религиозное братство доставляет революционному делу не только духовную поддержку, но и очень значительные денежные средства.

Ветви широкого заговора проникают далеко, до Грузии. Никакие денежные жертвы, никакие уловки, никакие средства совращения не останавливают ладзаристов в преследовании их целей, — говорилось в депеше. — Во всех пунктах побережья Чёрного моря у них есть активные агенты, находящиеся в сговоре с оттоманскими служащими, с сотрудниками различных европейских консульств. Миссионер, с крестом в руке отправившийся нести далеко слова Евангеля, авантюрист, на корабле пересекающий море, чтобы проникнуть в Черкесию, являются настолько эмиссарами, насколько религиозное братство его использует для службы сообщения и тайных сношений, поддерживаемых им во враждебных России целях.

Бутенев был уполномочен обратить на эти скандальные происки самое серьёзное внимание папского правительства. Рассчитывали, что оно поможет «обуздать отвратительные козни, столь противные достоинству и долгу духовенства». При этом папа,

... в своей пасторской заботе, не замедлит направить суровые увещевания константинопольским ладзаристам, предавшим забвению их святое призвание до того, что обратили монастыри в очаги интриг подстрекателей, которые, вдохновляясь страстями революционной эмиграции, стремятся прикрыть свою полную ненависти политику священным покрывалом религии.

Если же увещевания папы не заставят ладзаристов «вернуться в сферу выпавшей на их долю деятельности», императорское правительство будет вынуждено

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 101. Л. 160—162.

использовать всё своё влияние на Порту, чтобы побудить её принять суровые и действенные меры подавления против братства, вынашивавшего замыслы против «спокойствия и безопасности дружественной и союзной» ей державы¹.

Совершенно секретной депешей за то же число Бутенева информировали на случай, если Джицци сочтёт эти обвинения слишком расплывчатыми и попросит доказательств их обоснованности, что ему посылались несколько выписок из книги корреспонденции константинопольских ладзаристов за 1846 г. Достоверность их гарантировалась. Бутенев мог в случае необходимости показать Джицци посылаемую ему выписку, но по секрету (не давая в руки), так чтобы никто кроме государственного секретаря в Риме не знал бы об этом. Рассчитывали также на воздействие того, что сам Бутенев сможет сказать, как свидетель деятельности и поступков конгрегации².

В полном соответствии с полученными указаниями Бутенев (донесение от 18 / 6 июня) после того, как дал Джицци зачитать конфиденциальную и секретную депешу министра от 9 апреля / 28 марта, передал ему её копию. Он смог, очень кстати, воспользоваться своими объяснениями с ним по этому поводу, чтобы высказать претензии, которые он был призван выдвинуть, к поведению ладзаристских монахов на Востоке, в качестве ещё одного серьёзного политического мотива в пользу содержавшего возражения ответа своего правительства на пожелание уполномоченных папы о восстановлении католического епископа-суффрагана в Тифлисе.

Кардинал выслушал посланника, обещал доложить папе, повторил по этому случаю осуждение, которое Святой Престол выражает всякому участию духовенства или католических монахов в тайных политических интригах, столь противных их призванию, тем более когда они связаны с отношениями, с происками столь же опасными, сколь предосудительными.

Когда Бутенев обратился к кардиналу за ответом, тот от имени папы повторил осуждение происков, задуманных ладзаристами. Но сквозь них прорывались некоторые сомнения в точности этих обвинений против монахов, которые, как правило, пользовались хорошей репутацией среди миссионеров и которые, впрочем, оказываются по национальности французами, непосредственно поставленными под влияние их ордена, центральная кафедра и руководители которого находятся в Париже. Заметив эти сомнения и нерешительность кардинала, что предвидели в С.-Петербурге, посланник не поколебался одержать над ними верх. Под большим секретом он дал ему прочитать документ, приложенный к совершенно секретной депеше от 9 апреля / 28 марта (но не позволил ему взять его в руки), чтобы доставить ему доказательства в поддержку выраженных жалоб и требований. Знакомство с этим документом произвело большое впечатление на папского

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104-а. Л. 16—20.

² Там же. Л. 27—28.

министра. Он благодарил за оказанное ему доверие, обещал не только дать об этом отчёт папе, но и объяснить по этому поводу с префектом Пропagанды веры, которой подчиняются все ордена миссионеров. Он обещал также запросить по этому поводу главного начальника ордена отца Этьенна, прибытие которого в Рим ожидалось с минуты на минуту, и с ним согласовать наиболее действенные увещевания, которые следует направить константинопольским ладзаристам. Данные Джицци обещания и заверения, писал Бутенев, «мне показались бы довольно искренними, чтобы им поверить, лишь бы они неожиданно не были поколеблены и изменены щекотливыми обстоятельствами, в которые оказались поставлены наши нынешние переговоры с римским Двором». В любом случае посланник намерен был возобновить свои демарши и удвоить настойчивость¹.

Тем временем в С.-Петербурге получили письмо Бутенева от 19 / 7 марта и ноту Джицци. Содержавшееся в них сообщение вызвало глубокое негодование у Николая I. Нессельроде в письме Бутеневу выражал недоумение по поводу того, как могли поверить нескольким газетным статьям, как папа мог допустить демарш почти враждебного характера, когда присутствие в Риме специального представителя, облечённого всем доверием императора, служило наилучшей гарантией доброжелательных намерений в отношении римско-католической Церкви. Он не мог понять, в чём состояла подлинная цель подобной демонстрации в тот самый момент, когда переговоры почти подошли к концу и уже достигнута договорённость по большинству обсуждавшихся вопросов. Император не намерен был следовать за папским правительством на этом пути. Он надеялся, что папа, к которому он непосредственно обращал свой призыв, сделает всё, чтобы устранить и смягчить инцидент, так некстати вмешавшийся в переговоры. В противном случае, и об этом Бутенев должен был поставить в известность государственного секретаря, российская сторона готова была пойти на разрыв переговоров, вина за который полностью ляжет на папское правительство, а император останется при своём убеждении, что со своей стороны сделал всё, чтобы его избежать.

Правда, одновременно в С.-Петербурге надеялись, что за прошедшее с вручения ноты Джицци время инцидент уже был исчерпан, тем более что убедительный и подробный ответ на неё Бутенева, к тому же полностью одобренный Николаем I, мог этому способствовать. Сожалели, что папское правительство вместо того, чтобы поверить газетным статьям, не обратилось к самим текстам уголовного кодекса и за разъяснениями к Блудову, самому правомочному в Империи лицу в этом отношении. Учитывая к тому же, что в кабинетном письме Николая I к Пию IX прямо говорилось о данном ему поручении ответить на все запросы Святого Отца, особенно по законодательным делам. Сделать это папское правительство приглашали и теперь.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 723. Л. 100–101.

В этом же письме сообщались сведения об отце Вильяме. Он действительно был арестован при пересечении границы у Измаила в марте 1846 г., во время волнений в Галиции, когда большое число польских эмиссаров назначили встречу в Болгарии. Суд над этим священником продолжался, и он решил его дальнейшую судьбу. Это обстоятельство доказывало, насколько необоснованными были сведения папского правительства о расстреле¹.

Эта история имела продолжение 18 апреля, когда Бутенев и Блудов меньше всего этого ожидали, хранивший месяц молчание Джицци направил свои возражения на данный Бутеневым ответ на его предыдущее письмо от 13 марта, представлявшее собой «столь досадный и непредвиденный эпизод» переговоров со Святым Престолом.

Слегка коснувшись некоторых проблем, уже служивших предметом сетований и запросов предыдущего письма, в частности дела миссионера Вильяма², кардинал более подробно остановился на двух вопросах: о даваемой духовенством России и Польши клятве и о статьях уголовного кодекса против обращения и прозелитизма.

Первый он считал возможным сделать предметом обсуждения между уполномоченными папы и императора, чтобы найти формулировку, которая удовлетворила бы императора и была бы приемлемой для Церкви. Пока он считал долгом заявить протест, по крайней мере в конфиденциальной форме, против существующей формулировки, в которой не оговорено специально повинение божественным законам католической Церкви. Обойти же молчанием этот вопрос было тем более невозможно, что именно отказ дать клятву стал причиной высылки священников ордена капуцинов из Грузии.

По второму вопросу, опровергая утверждения, содержащиеся в ответном письме Бутенева о серьёзном смягчении карательных мер за переход или обращение в католическую веру и о неисполнении на практике законов об этом, Джицци, после знакомства с кодексом, опубликованным в 1845 г. и только что ставшим известным Святому Престолу, сделал два замечания. Он считал, что намерению не использовать прежние законы слишком явно противоречит факт их воспроизведения в новом кодексе и что обращённых не только лишают управления их имениями, но и возможности воспитывать детей в их собственной вере.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104-а. Л. 50—55.

² Ясность в этот вопрос будет внесена позднее. Как писал Бутенев Нессельроде 18 / 6 июня, когда он привёл доказательства того, что римский Двор стал жертвой мистификации, кардинал Джицци выслушал его информацию «не без явного замешательства и смущения». Больше он к этому инциденту не возвращался (Там же. Д. 101. Л. 325—326). Виновник же его позднее, по указанию Николая I, был освобождён с тем, чтобы он мог отправиться в Рим и засвидетельствовать всю ложность поднятого вокруг него шума (Там же. Ф. Отчёты МИД. 1847. Оп. 475. Л. 58).

Затем он конкретно остановился на статьях (195, 197, 199, 200, 204). В них речь шла о наказании лиц, принимавших участие в обращении других, о лицах, разубедивших от перехода в господствующую религию, о наказании священников за причастие православных, за обращение в христианство лиц, не принадлежавших ни к одной христианской вере, за приём в католическую Церковь лиц, принадлежавших к христианской конфессии, но не к православию. Наконец, он обратил внимание на то, что в кодексе ничего не говорится о наказании для тех, кто заставил католиков изменить их религии путём ли насилия или обольщения¹.

Анализируя это новое послание Джицци в письме Нессельроде от 30 / 18 апреля, Бутенев отвергал содержащиеся в нём способы договориться по затронутым в нём вопросам, «как плохо мотивированные, так и не приемлемые». Он находил, однако, что новый документ не служил явно предупреждением, как предыдущий, о возможности того, что судьба переговоров будет зависеть от результата этой случайной и столь неожиданной полемики, но столь же недвусмысленно свидетельствовал о том, что не отказывались от такой серьёзной инсинуации. Вызывало недоумение, почему, ссылаясь на некоторые устные объяснения, имевшие место с российским представителем в Риме в 1842 г., в этом документе полностью обошли молчанием более поздние и куда более важные объяснения во время приезда Николая I в папскую столицу. Возобновление полемики после данного немедленно в самом её начале одновременно категорического и примирительного ответа воспринималось тем более удручающим Бутеневым и Блудовым, что в их глазах оно означало провал всех их усилий положить ей конец. К тому же проявленная настойчивость вызывала у них особое удивление после их встреч в прошедшее после ответа на письмо от 13 марта время с кардиналами Ламбускини и Джицци и аудиенции у самого папы, в ходе которых они не заметили никакого указания, либо намёка, связанного с этим странным инцидентом. Несмотря на неэффективность предыдущего ответа, данного Бутеневым Джицци, но в то же время, исходя из обнаруженной последним доброй воли, со своей стороны, в отношении него, Блудов и Бутенев решили, что посланник должен был последовать по такому же пути, пойдя на устное объяснение по поводу нового письма от 18 апреля. В ходе нанесённого им большому кардиналу визита выяснилось, что всё его участие в появлении нового документа сводилось к подписанию представленного ему Корболи готового текста, уже одобренного папой. После такого признания, которое он нашёл искренним, но, естественно, унижительным для премьер-министра, Бутенев из деликатности воздержался от дальнейшего выражения возмущения фактом появления письма. Он принялся энергично выявлять и опровергать содержащиеся в нём ложные утверждения и необоснованные жалобы. Внимательно и без малейшего возражения выслушав аргументы Бутенева, Джицци ограничился тем, что разделил мнение посланника, что в таком деле предпочтение следовало отдать,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 371–372.

насколько возможно, устным и конфиденциальным объяснениям, вместо того чтобы прибегать к неприятной полемике, чаще всего не дающей ясного и практического результата. Он поведал при этом, что именно такого принципа сам придерживался в своей дипломатической практике. Когда же Бутенев попытался выяснить, готов ли сам кардинал принять его с Блудовым для таких устных разъяснений либо считает более целесообразным для них поговорить с этой целью с Ламбрускини и Корболи, Джицци отступил от своего принципа, сделав весьма примечательное заявление. Он находил письменный ответ более отвечающим нынешней конъюнктуре, по причине того, «что Святой Отец сможет лучше сам судить об информации и разъяснениях, которые мы должны бы заставить оценить относительно вопросов, которыми он продолжает быть сильно озабочен в данное время». В этом заявлении Блудов и Бутенев увидели намёк на то, что сам кардинал сомневался в надёжности посреднических путей, через которые должны происходить устные объяснения, чтобы дойти до папы. Они пришли к заключению о необходимости письменного ответа на полученное от кардинала письмо, с приложением к нему нескольких справок и цитат из российских законов¹.

Тем временем прибывший из С.-Петербурга курьер с экспедицией от 9 апреля / 28 марта привёз запрошенные дополнительные инструкции, предписывавшие возобновить отложенные до их получения переговоры. И хотя Блудов и Бутенев решили не слишком спешить в сложившейся ситуации с заявлением к участникам переговоров о возобновлении заседаний, дабы не получить какой-нибудь двусмысленный ответ, тем не менее они по очереди отправились к Ламбрускини, но не были приняты кардиналом, сославшись на недомогание. Тогда, 24 / 12 апреля, они отправили кардиналу Джицци совместно ими подготовленный ответ, а на следующий день известили Ламбрускини запиской о получении инструкций и о готовности возобновить заседания с ним и его коллегой, как только позволит его здоровье. В тот же день вечером кардинал сообщил, что должен отправиться в свою епархию 28 / 16 апреля, и предложил либо дождаться его возвращения, либо начать обсуждение с Корболи. Бутенев был убеждён, что эта поездка не служила ни предлогом, ни средством затянуть переговоры, поскольку он знал, что он действительно дважды в году, весной и осенью, даже будучи министром при прежнем папе, совершал такие поездки в свою епархию. Правда, в конкретной ситуации того времени она представлялась ему «если не неприятным симптомом, то, по крайней мере, ещё одной досадной помехой». Было решено вести переговоры с Корболи, который предварил своё согласие получением указаний папы по этому поводу, поскольку был лишь вторым уполномоченным на переговорах. Через короткое время такое согласие последовало. Первое заседание было намечено им на 3 мая / 21 апреля².

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 361–364.

² Там же. Л. 364–368.

Ответное письмо Бутенева Джицци от 24 / 12 апреля начиналось с повторения уже сказанного в письме от 19 марта о том, что представленная в качестве вменяемой в обязанность лишь католическому духовенству России и Польши клятва даётся вовсе не только священниками. Это общая клятва всех подданных Империи их монарху без различия их религии, их классовой принадлежности, а посему её формулировка, существующая вот уже сто лет безо всяких изменений, не может включать никаких оговорок, указанных в письме кардинала. К тому же оговорка о том, чтобы правительство не требовало от своих подданных подчиняться приказам, противоречащим моральному и религиозному закону, была бы оскорбительной для дающих присягу подданных и принимающего её правительства. Это же относится и к специальному указу такого же рода. Если же такой оговоркой или указом имелось в виду ограничить действие общих законов против прозелитизма в Империи, где наряду с господствующей Церковью терпимы столько других конфессий, то такое ограничение никогда не могло быть допущено. Что касалось тайны исповеди, которая, как полагали, могла быть подвергнута опасности и отменена словами клятвы на верность, Бутенев сослался на уже данные прежде объяснения, а здесь привёл содержание клятв, даваемых епископами католических держав, заключивших Конкордаты со Святым Престолом. Все они (он прилагал французский, австрийский и баварский тексты) содержали обязательство не действовать противным общественному спокойствию замыслам и разоблачать перед правительством всё замышляемое в ущерб государству. В условиях существования в России одной клятвы для всех подданных обсуждение, как предлагалось в письме Джицци, уполномоченными двух правительств на ближайшем заседании вопроса о формулировке текста клятвы для католических епископов и священников было бы беспредметным.

Бутенев отмечал, что вместе с клятвой подданных католические епископы Империи и Царства Польского дают клятву повиноваться папе в качестве верховного главы католической Церкви. Одновременность этих двух клятв служит, несомненно, наилучшим доказательством невозможности их противоречия между собой. Поскольку иностранные газеты, нападавшие на формулировку клятвы епископов, пользовались её неверным текстом, он прилагал её точный текст. Он также подчеркнул, что он применялся с водворения католической Церкви в России всеми епископами этого исповедания, начиная с тех, кто был посвящён при императрице Екатерине II папским нунцием Аркетти, затем при Павле I нунцием Литта и до настоящего времени.

Что касалось отцов капуцинов, их удаление из Грузии стало следствием отказа принять российское подданство, без чего существующие законы не позволяют осуществлять священническую службу духовным лицам, являющимся иностранными подданными, а вовсе не из-за протеста против формулировки клятвы.

В отношении уголовных законов относительно перехода из господствующей в России религии в другие христианские конфессии Бутенев ещё раз повторил,

что они относились не только к католической Церкви, а ко всем исповеданиям, терпимым в стране, и направлены особенно против сект и новых лжеучений в том или ином вероисповедании. Затем он остановился на содержащемся в письме от 18 апреля утверждении, что «намерение вывести из употребления прежние законы о данном вопросе находится в явном противоречии с фактом воспроизведения этих законов в новом уголовном кодексе». Посланник отметил, что законы об обращении в другую религию не просто воспроизведены в новом кодексе. Они были значительно смягчены по сравнению с прежними законами, которыми предусматривалась смертная казнь. Более того, ослабляя наказание, правительство не имело, да и не могло иметь, намерения позволить им выйти из употребления, а посему нельзя говорить ни о каком противоречии между его намерениями и этими актами. Утверждая уголовные положения, оно, пояснил он, им отводит роль предохранительного или устрашающего средства, единственного, которым оно располагает, чтобы остановить злоупотребления и конфликты между различными христианскими исповеданиями, предохранить господствующую религию от любого посягательства и опасности. Одним словом, сохранить мир у различных Церквей и помешать, чтобы заблуждение и злоупотребление опрометчивым рвением не внесли смуту в семьи подданных Империи, какой ни была бы исповедуемая ими религия. Не довольствуясь ослаблением наказания, правительство пожелало проявить снисходительность в его применении на практике, так что не известно ни одного случая наказания за прозелитизм какого-нибудь католического священника. Нет никакого юридического наказания и для лиц, перешедших в другую религию. Так как нельзя таковыми назвать, полагал Бутенев, ни духовные увещевания, ни попечительство в отношении недвижимого имущества, населённого крепостными православного исповедания, как нельзя не признать и право национальной Церкви принять необходимые меры, чтобы сохранить в её лоне детей, рождённых и крещённых в православии, хотя их родители покинули веру своих предков.

По поводу конкретно указанных Джицци статей сообщалось следующее. Статья 195 кодекса была интерпретирована неверно, когда полагали, что в ней речь шла о наказании тех, кто употребил иные пути, чем совращение или насилие, чтобы привести к изменению религии. Эти два способа являются единственными, которые предвидят правительство и Церковь, не допуская, что простого убеждения достаточно, чтобы заставить человека отречься от догмата православной веры.

Статьи 199 и 200 включают, правда, различные меры наказания, одни из самых суровых против тех, кто препятствует свободному обращению в господствующую религию лиц, от них зависящих; другие — более мелкие — против нерадения родителей в отношении детей, принадлежащих по рождению к господствующей религии. Они более лёгкие, так как сводятся к содержанию под стражей часто в течение всего нескольких дней, причём эти случаи до сих пор почти не имели места. Статья 197 переведена неверно в письме Джицци, а статья 204 воспроизведена неполно, в силу чего оказался утрачен её подлинный смысл.

В заключение письма подчёркивалось,

...что касается комплекса законов против прозелитизма, они не могут быть ни изменены, ни отвергнуты в праве, так как они не неотъемлемы не только от принципов, но и фундаментальных основ государства. Они являются, одним словом, необходимым последствием сосуществования в нашей обширной Империи рядом с господствующей религией стольких других различных конфессий, на которые сильное и отеческое правительство должно распространить действие своей защиты и общей заботы¹.

Запрошенные Бутеневым и Блудовым инструкции были направлены с экспедицией от 9 апреля / 28 марта.

В них, прежде всего, засвидетельствовали удовлетворение достигнутыми результатами, поскольку вопросы, которым придавалось большое значение, получили предварительное решение, устроившее С.-Петербург. Особенно порадовало то, как Святой Престол высказался по поводу Санкт-Петербургской Духовной академии, каноническое узаконение которой не встретило никаких серьёзных затруднений. Часть внесённых папскими уполномоченными изменений в её устав были сразу приняты российскими представителями, а остальные переданы на рассмотрение министерства внутренних дел².

Одобрительно было встречено и решение вопроса о разграничении и создании новой епархии с епископской кафедрой в Херсоне и суффраганством в Саратове, но вызвало возражения, по крайней мере на данный момент, предложение Святого Престола учредить второе суффраганство в Тифлисе. Мотивировалось это незначительным числом католиков в Грузии, на Кавказе и в соседних областях. Оно не превышало двух с половиной тысяч человек, а там имелось шесть церквей, обслуживаемых семью священниками. Серьёзно повлияли на такую позицию по поводу этого установления и сведения о происках ладзаристов на Востоке. «Суффраганство в Тифлисе стало бы лишь аванпостом, служащим мишенью воинственной Церкви папы... На Востоке, более чем в любом другом месте, нам важно устранить всякий предлог для будущих трений» — таковы были соображения, с которыми следовало считаться.

Вопрос об армянах-католиках³, для которых папское правительство добивалось лишь временного суффрагана до того, как они подпадут под юрисдикцию епископа их исповедания, представлялся полностью решённым с объявлением Святым Престолом о намерении применять воспроизведённые в булле Бенедикта XIV постановления Латеранского Собора (1215 г., параграф 9). Выражалась готовность принять и предложения Святого Престола в отношении Каменецка, где также

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 392–399.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 374, 569–570.

³ Их насчитывалось 8731 человек, имелось 29 церквей с 25 священнослужителями.

имелись армяне-католики, но с оговоркой, что они будут подчиняться соответствующим епископам латинских епархий, в которых они проживали¹.

С двумя претензиями по поводу организации консисторий (что епископ в принципе волен отстранять членов консисторий по своему усмотрению, не прибегая к одобрению правительства, что исполнение функций членов консисторий прекращается со смертью или отставкой епископа) российское правительство готово было согласиться. Оно предложило следующую редакцию этих положений:

Назначение и отставка консисторий зависит от епископа. Назначение осуществляется с одобрения правительства. В случае если епископ, по собственному усмотрению, сочтёт необходимым отстранить одного из членов консистории, он должен сразу назначить преемника также с одобрения правительства.

В случае смерти епископа или отставки именно его преемник, то ли коадьютер *cum futura successione* (подчёркнуто в тексте. — О.С.) его замещает, то ли капитул приступает к выборам капитулярного викария, заново составляет консисторию, всегда, как говорилось выше, с одобрения правительства².

Что касалось назначения секретаря консистории, императорское правительство не разделяло точку зрения Святого Престола. Оно было не согласно ни в коем случае уступить его епископу, поскольку, по его мнению, секретарь должен выполнять функции посредника между епископской властью и светским правительством и следить, чтобы решения епископа и консистории не противоречили законам Империи. А такого рода контроль мог принадлежать лишь представителю светской власти, которая его и назначает.

Российским представителям предлагалось внести на рассмотрение папских уполномоченных две альтернативы:

Или правительство признаёт зависимость назначения секретаря консистории от предварительного согласия епископа, но сохраняет за собой в этом случае назначение прокурора при консистории. Или (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) правительство производит назначение секретаря, не считаясь с мнением епископа, но отказывается от назначения прокурора, функции которого будут объединены с функциями секретаря консистории. В том и другом случае секретарём будет светское лицо, но предпочтительно римско-католического исповедания.

Лично Николай I склонялся ко второму варианту, как более простому и практичному, но ни в коем случае он не намерен был отказываться от основного положения: лишь правительству принадлежит право назначать либо секретаря консистории, либо прокурора.

В случае если папские представители будут настаивать на том, что секретарём непременно должно быть духовное лицо, следовало привести такие доводы против

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 520—523.

² Там же. Л. 524—525.

этого. Само определение функций секретаря этому противоречит. К тому же прошлый опыт доказал, что в епархиях, в которых, в порядке исключения, священники были допущены исполнять должность секретарей, незнание ими законов и местных административных обычаев привело лишь к большой путанице и нанесло ущерб Церкви и интересам общества.

Готовность согласиться на то, чтобы секретари всегда были римскими католиками, наталкивалась на трудность постоянно находить достаточное число поданных, способных ими быть, а также на необходимость отстранять от этой должности лиц, знавших населённые пункты и служба которых заслужила одобрение правительства. Поэтому было решено не связывать себе руки в этом отношении, заверив пока Святой Престол, что во всех новых выборах на должность секретаря предпочтение будет отдано римским католикам.

В обмен на согласие по этому пункту императорское правительство готово было пойти на уступки по ряду вопросов, ещё только подлежавших рассмотрению. Так, например, чтобы расширить деятельность епископов в отношении семинарий и им помочь сохранять доктрины их Церкви во всей их чистоте, готовы были согласиться в принципе, что в соответствии с каноническим законом составление программы занятий принадлежит епископам и ими же претворяется в жизнь, но после её одобрения правительством.

Расположены были также уступить в положении, согласно которому в случае временного прекращения одного или нескольких курсов занятий епископы были обязаны немедленно информировать об этом правительство, согласившись предоставить им свободу действий — в случае временной или кратковременной приостановки, епископы не должны были бы немедленно и по поводу каждого случая делать это¹.

Чтобы закончить дискуссию о *jus patronatus* и о назначении приходских священников епископами, следовало дать такие разъяснения. Во-первых, что отмена *jus patronatus* была мерой предосторожности, настоятельно требуемой обстоятельствами, но её готовы были рассматривать в качестве временной в случае реального улучшения состояния умов в стране. Во-вторых, что, уступая назначению с согласия правительства приходских священников епископам, вовсе не намеревались нанести ущерб установленному Тридентским Собором принципу конкурсного испытания. Поскольку, с одной стороны, это положение представлялось ограничивавшим привилегию предпочтения, объектом которого должны быть ученики Санкт-Петербургской Духовной академии, с другой — тем самым это положение к тому же обеспечивает преимущество тем, кто на экзамене, называемом конкурсом, больше отличился. А значит, это преимущество останется на деле за теми же самыми учениками Академии, как более образованными и воспитанными².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 525–530, 545–547.

² Там же. Л. 530–531.

Позитивно встреченное российскими уполномоченными предложение Святого Престола, в силу которого для каждого римско-католического монашеского ордена в России будет один провинциал, было сочтено в С.-Петербурге не устранявшим неудобств прежнего положения вещей, когда один и тот же провинциал был связан с несколькими епископами. Поэтому предлагалось вернуться к первоначальному предложению российской стороны о том, что каждый орден в каждой епархии будет иметь право избрать специального провинциала, который будет подчиняться епархиальному епископу, а его выбор будет им предварительно одобрен. В случае неприемлемости такого предложения для Святого Престола предпочтение отдавалось тому, чтобы оставить вопрос нерешённым, сохранив за собой право впоследствии к нему вернуться. Пока же следовало заявить Святому Престолу,

...что мы, никоим образом, не имеем намерения отказывать монашеским орденам в осуществлении права назначать провинциалов, но взамен мы считаем себя вправе требовать устранения всего, могущего привести к конфликту, рискуя даже, по-видимому, отклониться от канонического закона. Мы, впрочем, знаем, — подчёркивалось в депеше Блудову и Бутеневу от 9 апреля / 28 марта, — о чрезвычайной его гибкости, когда речь идёт о спасении принципа, и надеемся, что Святому Престолу, возможно, удастся нам указать, в своё время, на другое соглашение такого рода, чтобы оно могло быть принято с нашей стороны¹.

Инструкции от 9 апреля / 28 марта не содержали ответа на поднятый на переговорах вопрос об обеспечении духовных нужд отдельных лиц, не связавших себя окончательно с господствующей религией вследствие вхождения греко-униатов в лоно православной Церкви и считавшихся зависимыми от Святого Престола. В частном письме Блудову от того же числа Нессельроде признавался, что этот деликатный и щекотливый вопрос был предметом нескольких обсуждений с Перовским и Н.А. Протасовым, обер-прокурором Синода, но достичь согласия не удалось. Было решено навести по нему справки, а пока отложить, тем более что он не нуждается в немедленном решении. Суть расхождений сводилась к следующему. Перовский склонялся к тому, чтобы правительство просило папу уполномочить латинских епископов России управлять католиками других исповеданий, обосновавшимися в Империи либо прибывшими из пограничных государств, включая Польшу, где имеются греко-униаты. Протасов же напоминал, что в соответствии со сделанным, а затем неоднократно повторенным Святым Престолом запретом католическое духовенство не должно управлять лицами, принадлежавшими к другим вероисповеданиям римско-католической Церкви. На это Нессельроде заметил, что этот запрет никогда не соблюдался латинским духовенством, как он не соблюдается и в настоящее время, а посему он полагал за лучшее сохранить

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 575—578.

существующее положение вещей, вместо того чтобы предоставлять епископам формально выраженную свободу действий.

Итак, — заключал министр, — мы должны ограничиться тем, чтобы урегулировать положение армян-католиков перед Святым Престолом, согласившись их временно подчинить латинским епископам. Во всём остальном, думаю я, будет достаточно устно заявить папским представителям, что мы принимаем во внимание их пожелания, сохраняя за собой право сделать их предметом последующего соглашения¹.

Чтобы убедить Святой Престол в заинтересованности с его стороны поторопиться с заключением соглашения, к инструкции была приложена справка министерства внутренних дел о переходе в православие и протестантизм католиков в России за период 1840—1846 гг.

За семь лет католическая Церковь потеряла 44 817 человек — результат, который следует приписать особенно отсутствию хороших епископов. Изучая эти цифры, папское правительство, — говорилось в ней, — должно убедиться, что оно само имеет большой интерес ускорить момент заключения с нами окончательного соглашения, могущего укрепить положение римской Церкви в России, и должно понять, что промедление оборачивается ему во вред без того, чтобы мы были в состоянии его устранить².

Не лишним было сочтено представить Святому Престолу и сравнительную таблицу жалованья, получаемого католическим духовенством в России и Франции. Это сравнение, оказавшееся в пользу духовенства России, Нессельроде посчитал возможным предать гласности в газетах³.

В условиях, когда положение на переговорах становилось всё более трудным, Бутенев и Блудов, естественно, пытались понять причины этого. Вероятно, именно в связи с этим в донесении от 30 / 18 апреля 1847 г. Бутенев вынес своё суждение о вовлечённых в переговоры лицах, которое было явно не в пользу их.

Кардинал Ламбускини в начале нового царствования открыто был признан главой недовольных кардиналов и прелатов; но, мало-помалу, он приблизился к власти и в течение нескольких месяцев восстановил заметное влияние, по крайней мере, на духовные дела. Какой бы ни была прежде его непопулярность в обществе, сегодня, после опыта 10—11 месяцев, почти повсеместно соглашаются признать кардинала Ламбускини в качестве единственного государственного деятеля Священной коллегии и единственного министра, который смог действительно помочь папе, явно разделив Его взгляды и оказав Ему содействие своим опытом и своей твёрдостью. Но его прежняя деятельность, так же как отсутствие гибкости в его характере,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 563—565.

² Из справки следовало, что эти потери распределились следующим образом: в православие перешло 43 747 человек, в протестантизм — 1070 человек.

³ Там же. Л. 589—591.

соединённые с большим честолюбием, почти не позволяют поверить, что он хотел бы искренно приспособляться к роли, столь отличной от той, что он играл прежде.

В подтверждение своего заключения Бутенев сослался на вывод, сделанный «одним лицом», из разговора, который тот имел недавно с Ламбрускини. Он был следующим: «...этот кардинал далёк от того, чтобы одобрять нынешний ход дел; высказываясь с похвалой лично на счёт папы, он ни во что не ставил его советников, добавляя, “я им оставил прекрасное положение, но они не сумели им воспользоваться”».

Что касалось Джицци, дипломат так воспроизводил сложившееся мнение на его счёт:

Отдавая справедливость его характеру, достойному уважения и доброжелательному, его просвещённости и его принципам и даже его усердию в работе, несмотря на его расшатанное здоровье, считают, тем не менее, что в отношении опыта в делах, решительности и энергии (как раз главных качеств, которыми должен обладать главный сотрудник Пия IX), он был не на высоте его поста и нынешнего критического положения. Впрочем, состояние его здоровья действительно является решающей причиной недостатка в премьер-министре, который остаётся целыми неделями заточённым подагрой в кровати, вынужденный заниматься, тем не менее, без конца текущими делами всякого рода, которыми он перегружен. Кроме того, он должен направлять и просматривать памятные записки, касающиеся реформ, предложенных во всех ветвях управления. Правда, у него есть помощник, полный способностей и активности, монсеньор Корболи, который, учитывая частые недуги Джицци, его замещает даже очень часто в его непосредственной работе со Святым Отцом.

Но, по мнению Бутенева, «этот молодой прелат, кроме того, что сделал лишь первые шаги в административных делах, прежде посвятив себя изучению канонического права под покровительством его патрона кардинала Ламбрускини, преданным сторонником которого он остался, казалось, не сумел снискать в такой же степени доверие кардинала Джицци». К тому же, с тех пор как оказался на виду, он не приобрёл себе «повсеместно установившуюся известность, как в отношении его принципов и его характера, так и в отношении его талантов»¹.

Тем временем Блудова прямо занимал вопрос: «Отчего так случилось, что наши переговоры, уже значительно продвинувшись вперёд, вдруг оказались в положении гораздо более трудном, чем оно было вначале?»

Свои соображения по этому поводу он формулировал так:

Причин много, и, вероятно, мы никогда не сможем знать все. Но главная причина заключается, конечно, в многочисленных или, лучше сказать, в бесчислен-

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 723. Л. 42—43.

ных интригах, в условиях которых мы действуем, направленных против нас самих из Парижа и Лондона без конца, без передышки. Авторы их не пренебрегают никаким средством, чтобы направить некоторые из них против нас. Как Вы можете это видеть, господин граф, они уже оказали, возможно, неприятное и досадное влияние: разъяснения, на которые мы были вынуждены, то кислые, то кисло-сладкие, а иногда носящие даже, так сказать, угрожающий характер, являются последствием и доказательством этого: удалось встревожить совесть папы, воскресить недоверие Святого Престола против нас; итак, как договариваться с людьми, подозреваемыми Вас? —

писал Блудов в частном письме Нессельроде без даты, но, судя по упоминаемым им донесениям Бутенева от 19 / 7 марта и 30 / 18 апреля, скорее всего именно 30 апреля, когда готовилась отправка корреспонденции в С.-Петербург.

Блудов не надеялся, что во время новых заседаний с папскими представителями удастся встретиться на нейтральной почве (ибо она всё больше сокращается) и прийти к соглашению, «хотя и не полному, но приемлемому и внушающему обоюдно доверие». Вместе с тем он не исключал в принципе возможности соглашения, «отвечающего интересам католической Церкви, а также долгу и достоинству обоих правительств». Он рассчитывал в этом на помощь времени и появление благоприятных обстоятельств, воспользовавшись которыми удастся разрешить остающиеся спорные вопросы. Свою лепту в это внесут, полагал он, ведущиеся в Риме горячие дискуссии, способствующие прояснению сути дела.

Видя, что переговоры затягиваются, и не будучи уверен в достижении даже не очень удовлетворительного результата, Блудов отдавал себе отчёт, что его присутствие в Риме станет в случае затянувшихся переговоров не только бесполезным, но и щекотливым. Поэтому он просил Нессельроде найти достаточное основание или, по крайней мере, благовидный предлог отозвать его, не прерывая и открыто не приостанавливая переговоры. А их продолжение доверить полностью Бутеневу, который сможет воспользоваться каждым благоприятным случаем, чтобы продвигаться вперёд и подготовить, таким образом, медленно, но верно окончательный результат, возможно совершенно удовлетворительный.

Для себя Блудов считал подобный ход дел невозможным, и речь шла не о его самолюбии, а о достоинстве одного из посланцев императора.

Главная цель моей миссии состояла, я полагаю, в том, чтобы произвести некоторое моральное воздействие, как на правительство папы, так и, вообще, на католиков, врагов и друзей. Если эта цель была достигнута лишь частично, — писал он в том же письме министру, — нужно это приписать стечению обстоятельств, ещё более экстраординарных, чем моя миссия. А именно: изменение правления, тенденции этого нового правления и новые осложнения, подвергшие опасности политическое положение в Европе и, особенно, в Италии, и, наконец, усиление активности тех, кто нас преследует своими происками и кто эти осложнения вызывает и, всё

более и более, поощряет. Эта недоброжелательная и злоецающая активность, возможно, утихнет после того, как добьётся видимости успеха, и в этом отношении, как и во многих других, мой отъезд из Рима может стать бесполезным. Особенно, если императорское министерство сочтёт, между прочим, необходимым перед отъездом меня уполномочить на объяснение с самим папой, разумеется, очень осмотрительное и почтительное, но, насколько возможно, откровенное и полное. У меня нет необходимости говорить, что состояние моего здоровья, конечно, является второстепенным мотивом, но, конечно, оно приходит в расстройство, что оно более и более приходит в упадок; сирокко, напряжённость, которой постоянно наполнена атмосфера, и другие причины (подчёркнуто в тексте. — О.С.) так расстроили мои нервы и мою печень, что, возможно, скоро я буду больше не способен ни на какую работу. Это было бы грустно для меня и немного для дел¹.

Обоснованность пессимизма Блудова подтверждают многочисленные препятствия, неизменно и неожиданно возникавшие на пути попыток российских представителей во время затянувшегося надолго перерыва в переговорах сделать то, что представлялось ещё возможным. Отъезд кардинала Ламбрускини для поездки по его епархии не позволил им поставить его в известность о дополнительной инструкции от 9 апреля / 28 марта, а Корболи заявил, что был некомпетентен обсуждать вопросы в отсутствие первого уполномоченного. Он взял копию депеши с инструкцией лишь для того, чтобы ознакомить с ней папу и Ламбрускини. Ещё труднее обстояло дело с инструкцией от 23 / 11 апреля. Ей не удалось дать никакого хода, поскольку Джицци в ответ на сообщение о ней сослался на то, что он непосредственно не участвовал в переговорах, а посему предложил подождать возвращения Ламбрускини. От обращения к Корболи остановило, кроме его признания в некомпетентности вести переговоры, и понимание невозможности рассчитывать на его личное расположение, даже чтобы начать конфиденциально некоторые подготовительные объяснения.

По возвращении в Рим Ламбрускини возобновить переговоры сразу не удалось. Надо было подождать, согласно разъяснениям Джицци, пока последний получит инструкции папы, временно отсутствовавшего в столице, а сам понтифик, в соответствии с существующим обычаем, проконсультируется с конгрегацией. Такое положение действительно существовало, но касалось лишь случаев, когда переговоры были в принципе закончены и речь шла об их формальном завершении².

В период постоянно возникавших под более или менее благовидным предлогом отсрочек переговоров всё-таки удалось ознакомить кардинала Джицци с письмом Нессельроде от 23 / 11 апреля, содержащим выражение удивления и негодования по поводу сообщения папского правительства от 13 марта. Оно явно произвело сильное впечатление на кардинала, несмотря «на обычно характеризовавшую его

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 420–421.

² Там же. Л. 454–456.

уравновешенность и бесстрастную манеру держать себя». Получив отказ на просьбу разрешить сделать копию письма или выписку, он просил разрешения его прочитать, чтобы подробнее изложить папе. Бутенев передал ему извлечение из трёх документов относительно Вильяма, арестованного в Бессарабии и переданного суду в качестве обвиняемого в соучастии с польскими революционерами в беспорядках в Галиции.

Кардинал выразил сожаление по поводу интерпретации таким неблагоприятным образом его демарша, имевшего целью лишь добиться ясности в отношении слухов, смущавших папу. Несколько дней спустя он повторил такие же заверения от лица папы.

Бутенев полагал, что и кардинал, и папа нашли в полученном ими ответе непроверяемое доказательство обвинений, которые, как утверждают, несправедливо возводятся на монаха. А одновременно они увидели и доказательство мистификации, жертвой которой стал римский Двор, протестуя против незаконной казни этого миссионера в Бессарабии, в то время как он находится перед уголовным судом, решавшим его дело. Оставалось, полагал дипломат, надеяться, что этот факт просветит папское правительство относительно точности источников информации такого рода, слишком легко принимаемых с его стороны. «Так, далёкий от того, чтобы не уступать несомненности доказательств... папский министр старательно избегал вернуться, по отношению ко мне, — писал Бутенев, — к вымышленному происшествию, так как он должен, конечно, укорять себя за то, что вздумал его представить в официальном сообщении»¹.

Наконец, Блудов решил, что пришло время приступить к рассмотрению независимого от общих переговоров важного вопроса о выборе епископов. Конфиденциальные предложения были приняты Джицци «не только без того, чтобы создавать трудности или какие-либо возражения, но даже с явным удовлетворением, как давно ожидаемое свидетельство императорской заботы о нуждах и интересах католической Церкви в России». После предварительных объяснений об уже оговоренном способе действий между двумя правительствами Джицци был вручен приложенный к полученной в С.-Петербурге инструкции список кандидатов, удостоенных одобрения императором, с указанием кафедр, на которые они назначались. В частности, монсеньор Казимир Дмоховский был предложен на возведение в сан могилёвского архиепископа-митрополита, имея коадьютером аббата Головинского. Через несколько дней после этой беседы Джицци сообщил, что папа дал указание немедленно собрать сведения в папском бюро об этих кандидатах, чтобы ускорить ответ на эти предложения. А во время одной из последующих встреч он сказал, что легче всего получить сведения на Дмоховского и ещё двух-трёх кандидатов, чем на всех сразу. Блудов был согласен с этим предложением, с тем, однако, чтобы

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 457–459; Д. 101. Л. 325–326.

постепенно действовать и в отношении других. Папа согласился в свою очередь с его предложением¹.

Пока же общие переговоры были приостановлены в ожидании результата решений начавшей свои заседания в присутствии папы 3 июня 1847 г. 263-й сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел, которая должна была подвести итоги пути, пройденного на переговорах, и определиться с тем, как быть дальше. В отчёте о ходе переговоров признавалось, что из письма императора папе и первых бесед с Блудовым стало очевидным, что не приходилось рассчитывать на их успех. Ибо в письме императора содержалось обещание внести лишь изменения, не противоречившие фундаментальным законам Империи, а Блудов сказал, что целью его миссии было дать надлежащие объяснения по пунктам, по которым имелись жалобы Святого Престола. Тем не менее 19 ноября 1846 г. переговоры были начаты. Вначале их участниками рассматривались пункты, включённые в листки, переданные Ламбускини Нессельроде. Но российские уполномоченные «с большим искусством в них включили два других вопроса, которые, совершенно очевидно, были главным предметом миссии Блудова». Это вопрос о разграничении епархий с добавлением новых, создаваемых в южных районах на Чёрном море и на Кавказе, и об учреждении в С.-Петербурге суда в качестве третьей инстанции по брачным делам, как в России, так и в Царстве Польском.

Воспроизводилась реакция российских уполномоченных, выразивших удивление, когда их собеседники заговорили о греко-униатах, «которых в Империи больше не существовало». На замечание Ламбускини, что «это невероятно, потому что был бы совершенно новый факт в истории, когда два миллиона человек внезапно все сменили бы религию», последовало разъяснение, что их переход в православие был делом не одного дня, а многих лет, начиная с времён Екатерины II, что немногие перешли в латинскую веру, осталось человек 40–50, разбросанных там и сям, а для такого малого числа людей невозможно создать отдельные приходы.

Тогда Ламбускини отметил, что переход в латинскую веру был совершён, чтобы избежать насилия или незаконно, без разрешения Святого Престола, а потому нужно было дать им возможность, если они хотели, вернуться к прежнему исповеданию, в случае же отсутствия такого желания предоставить епископам полномочия узаконить их переход в латинское исповедание. Он сослался на указ от 6 февраля 1840 г., отменивший само название «греко-униаты», и указ от 6 июня 1842 г., обязавший вступить в господствующую Церковь тех латинян, которые однажды были греками, и потребовал их отмены. Наконец, он заметил, что греко-униаты могли бы прибыть в Империю из Польши и должны иметь возможность свободно осуществлять своё исповедание. По поводу греко-униатов, взяв слово на этой сессии, папа сделал весьма практичное предложение. Он заявил о необходимости воспитать в Риме какое-то число рутенских духовных лиц, чтобы в своё время

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 459–460.

направить в среду населения этой национальности для сохранения и распространения там католической веры.

Отвечая Ламбрускини, Блудов заверил, что указ 1842 г. больше не исполняется, а об указе 1840 г. он ничего не знал. Он добавил, что император никогда не позволил бы греко-униатам создавать новые приходы.

Затем после того, как были воспроизведены расхождения в ходе последующего обмена нотами и письмами, в докладе ставился вопрос, продолжить или прервать переговоры. При этом было сообщено о получении известия о том, что отец Вильям был жив и находился под судом, а главное — о поступлении списка кандидатов на возведение в епископский сан, рекомендованных императором, и двое из них представлялись приемлемыми, а об остальных пока было известно мало¹.

Именно этот последний момент, как отмечалось в докладе 267-й сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел, стал важным в принятии решения о продлении переговоров, ибо опасались, что в случае их разрыва в России будут вакантными почти все епископские кафедры. Джицци должен был направить ноту, извещавшую, что папа принимал предложенные кандидатуры на посвящение в епископы. В ней же следовало указать, что поступившие из С.-Петербурга ответы не могли считаться удовлетворительными, и следовало бы, среди прочего, сделать какое-то заявление или оговорку в формулировке присяги, которая даётся духовенством правительству. Текст этой ноты предварительно предполагалось представить на рассмотрение сессии 7 июня. На её заседании в текст ноты были внесены незначительные изменения. Поскольку российские уполномоченные, казалось, были оскорблены этой нотой, особенно пунктом о формулировке присяги, по указанию папы специально для обсуждения этого вопроса 18 июня собрались пять членов конгрегации. Они должны были, среди прочего, решить, «что, если, как утверждалось, почти 80 лет эта формулировка имела какое-то значение, имелось ли основание из этого заключить, что она была там воспринята всеми, как совместимая с обязанностями в отношении католической религии». Удовлетвориться этим теперь не представлялось возможным из-за протестов, направленных Бутеневу, и из-за данного им ответа, который, «поскольку придавал формулировке недопустимый смысл, нас обязал принять или добиться какого-то другого акта, опровергавшего эти его объяснения». Это считалось особенно важным на случай возникновения необходимости публикации этой конфиденциальной корреспонденции.

В конечном счёте, вопрос разрешился во время беседы с российскими уполномоченными, поскольку они согласились на письменное заявление о том, что в намерения их правительства, конечно, не входило и не могло быть вменено в обязанность

¹ ASV. Fondo. Affari ecclesiastici straordinari. Rapporti delle sessioni. Sessione 263. Anno 1847.

подданным Империи, католикам или кому-либо другому, никакого долга, противного морали или их религии¹.

После заседания 7 июня Джицци 10 июня сообщил Бутеневу и Блудову о скором возобновлении переговоров, а также резюме не только по вопросам, которые уже рассматривались, но упомянул и те, что были отклонены российскими представителями на предыдущих заседаниях. Кроме того, были добавлены пункты, бывшие предметом конфиденциальной полемики с Джицци вне рамок переговоров, такие как принятие присяги на верность и закон против прозелитизма. Поднимались, как не решённые вопросы, и некоторые пункты, уже принятые *ad referendum*.

Наконец долгий перерыв кончился. 15 июня состоялось заседание, ставшее, возможно, самым бурным со времени начала переговоров. Папские уполномоченные проявили твёрдость и упорство. Особенно отличился Корболи. Он настаивал на рассмотрении некоторых из пунктов (среди прочих, об учреждении суффраганства в Тифлисе, о присяге на верность и о законе против прозелитизма), не входивших в число обсуждавшихся на переговорах, что вызвало энергичные возражения российских уполномоченных. По первому вопросу Блудов, сославшись на открывшуюся тайную деятельность ладзаристов, решительно заявил, что в данное время это невозможно, а в дальнейшем будет видно.

Затем он поставил участников заседания перед альтернативой между немедленным заключением соглашения по той части пунктов, по которым достигли согласия с тем, чтобы отложить на будущее соглашение по другим, и отсрочкой на неопределённое время всех переговоров, исход дела, вызывавший глубокое сожаление в глазах российских представителей. Он пояснил, что ответственность за это, конечно, не легла бы на императорский Двор. После этого категорического заявления папским уполномоченным был вручён список и резюме различных обсуждённых вопросов, классифицированных по разным категориям — полностью принятые с общего согласия, те, что с тех пор получили одобрение в С.-Петербурге, и, наконец, те, что были разрешены не окончательно.

Все эти перипетии последнего времени, изложенные в донесении Блудова и Бутенева от 18 / 6 июня, явно переполнили чашу терпения Николая I, о чём свидетельствует его заключение по её прочтении: «Я желал бы ещё более твёрдого заявления со стороны наших уполномоченных, потому что они опять фиксируют, тогда, как я этого не хочу. Поскольку уже столько сказано, и поскольку я ожидаю от римского Двора только да или нет» (подчёркнуто в тексте. — О.С.)².

Между тем после заседания 15 июня Блудов ощущал себя полностью исполнившим свой долг. 17 / 5 июня в частном письме Нессельроде он писал:

¹ ASV. Fondo. Affari ecclesiastici straordinari. Rapporti delle sessioni. Sessione 267. Anno 1847.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 454, 461–464.

Я осмеливаюсь думать, что, как бы то ни было, в ходе переговоров я выполнил все мои обязанности, если не с мастерством и талантом, то, по крайней мере, с усердием и пунктуальностью. Я буду постоянно исполнять мои обязанности, имея, так сказать, перед глазами Ваши советы. Провидение сделает остальное. С полным доверием передаю ему заботу о моей судьбе и о делах, вверенных моему попечению¹.

Подробно реакцию в С.-Петербурге на сложившуюся на переговорах ситуацию изложил Нессельроде в частном письме Блудову:

Вы легко можете себе представить, мой дорогой граф, впечатление, произведённое на нас Вашей экспедицией от 19 / 7 июня. Чувства, испытанные Вами самими, когда Вы её писали, Вам скажут о мере наших чувств. Император, — писал министр, — был возмущён этим возвратом оскорбительного недоверия со стороны римского Двора; этой лёгкости позволить на себя влиять мятежной группировке, враждебной всем тронам и, я бы сказал, даже всем религиям. Первая мысль была прервать переговоры и немедленно Вас отозвать из Рима. Из моей депеши Вы увидите, насколько она была изменена. Его Величество Вам оставляет ещё шанс их довести до конца. Но для этого надо будет придерживаться суровой манеры говорить с папским кабинетом, его поставить в некотором роде перед выбором — записать с этой целью в одном акте все статьи, по которым Вы пришли к согласию, просить папских уполномоченных подписать этот акт; принять ad referendum (подчёркнуто в тексте. — О.С.) и отложить для последующего обсуждения между Бутеневым и кардиналом Джизци те из пунктов, в отношении коих Ваши инструкции не уполномочивают Вас немедленно договариваться; насколько возможно настоять на назначении епископов, намеченных императором; наконец, прервать переговоры, если упорно отвергнут предложения, на которые римский Двор должен согласиться с готовностью, если он действительно принимает близко к сердцу духовные интересы наших католических подданных. Отвергнуть наши предложения значит явно играть на руку нашим противникам. Желая слишком много, Святой Престол рискует совсем ничего не добиться. Конечно, последствия будут пагубными для нас, но Вы, мой дорогой граф, знаете, что по вопросам такого рода гораздо легче определённо высказываются у нас, чем это делают в Риме. Впрочем, оставшиеся не решёнными вопросы, по которым нет возможности строго придерживаться буквы канонического закона, по большей части касаются административных частных второстепенной важности, которые нет необходимости представлять в конвенции. Святой Престол закрывает глаза на эти вопросы, так же как он это делает в отношении многих отклонений, внесённых временем и духом века со времён Тридентского Собора не в одной из самых католических стран. Итак, мой граф, напрягите все силы для Ваших переговоров. Не бойтесь спровоцировать кризис. Он мне кажется предпочтительнее продолжающейся неопределённости, оборачивающейся к выгоде наших врагов, доставляя им шанс вызвать беспорядки и вновь вставить палки нам в колёса. То, в чём особенно я прошу у Вас пощады — это более

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104. Л. 154.

не обращаться сюда за новыми инструкциями. У нас тоже раздражаются. Противники всякого соглашения с Римом этим пользуются, и моя задача становится с каждым днём всё более трудной и тяжёлой. Постарайтесь, мой дорогой граф, чтобы папа не сделал её невыполнимой. В случае необходимости, я думаю, Вы поступите правильно, обратившись непосредственно к Нему¹.

Тем временем в Риме в результате последующих заседаний, отмеченных духом взаимного примирения, переговоры оказались довольно продвинуты, так что Блудов и Бутенев полагали, что намеченное на 5 июля заседание могло стать почти последним. Но этого не случилось. Неожиданно накануне этого заседания Ламбрускини поставил их в известность, что не сможет на него прибыть в силу некоторого препятствия, которое позднее он мотивировал лёгким недомоганием. А ещё раньше он мимоходом упоминал о предстоявшей временной поездке в новое епископство в Чивита-Веккья, и 9 июня они узнали, что он действительно туда отправился, а дата его возвращения была неизвестна. С другой стороны, последние 8—10 дней становилась всё более очевидной озабоченность правительства по поводу возбуждения умов в столице и угрозы сохранения порядка и общественного спокойствия в стране. Поступила информация о готовившемся изменении в правительстве путём отставки кардинала Джицци².

В высшей степени внимательно относившийся к извещавшей об этом корреспонденции (полученной к этому времени вплоть до 10 июля / 28 июня), Николай I не изменил своего решительного настроения, как о том свидетельствует письмо Нессельроде Блудову и Бутеневу от 31 / 19 июля.

С одной стороны, уловки Святого Престола до некоторой степени поколебали имевшуюся веру в конечный успех, а с другой, тем не менее, очевидно из Вашего последнего донесения, что папские уполномоченные вернулись к более примирительным настроениям. К сожалению, административные трудности, с которыми сталкивается папа Пий IX и которые, возможно, напрасно, по крайней мере, частично навлёк сам, способны оказать влияние на доверенную Вашим Сиятельствам задачу и осложнить её выполнение. Мы не строим никаких иллюзий по этому поводу и готовы ко всему, — писал министр. — Тем временем, взаимные обсуждения достаточно прояснили вопросы, чтобы обоюдно их разрешить. С нашей стороны, кажется, всё было сказано, по нашему мнению, вопрос исчерпан, и нам нечего добавить к нашим заявлениям. Что касается Святого Престола, ему остаётся лишь нам дать знать о принятии или отклонении наших предложений. Переговоры, таким образом, оказываются упрощёнными донельзя: речь идёт лишь о да или нет³ (подчёркнуто в тексте. — О.С.).

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 181—182.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 484.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 493—494.

Так Нессельроде довёл до сведения российских уполномоченных чётко до того сформулированную на их донесении точку зрения Николая I. Но получить эту депешу адресаты смогли только тогда, когда переговоры были уже закончены.

Со времени последнего, состоявшегося 1 июля / 19 июня, заседания соглашения оказалось фактически готово. Отсрочка его заключения более чем на месяц простила, как сообщали Блудов и Бутенев 12 августа / 31 июля, гораздо меньше от изменения министерства из-за отставки Джицци, замещённого на посту государственного секретаря кардиналом Габриэле Ферретти, чем из-за отстранения от переговоров главного папского уполномоченного Ламбрускини. Рассматриваемый в качестве тайного противника принятой новым папой системы правления, он, чтобы избежать обвинений прогрессистской партии, а возможно, даже угрозы его личной безопасности, укрылся в своей новой епархии в Чивита-Веккья. Но и там он продолжал подвергаться нападкам недоброжелателей и враждебным демонстрациям населения. Корболи, кроме того что оказался некомпетентен действовать сам и должен был обращаться по каждому вопросу в Чивита-Веккья или к самому папе, в свою очередь, с приходом кардинала Ферретти вынужден был покинуть свой высокий пост в министерстве иностранных дел, к глубокому сожалению Святого Отца, расставшегося с ним, чтобы обезопасить его от тех же самых обвинений и той же самой личной опасности, которым подвергался Ламбрускини. Дело дошло до того, что Блудов и Бутенев не могли исключить перспективы того, что окажется невозможным ничего заключить, но не, как прежде, из-за недоверия или недоброй воли со стороны Святого Престола, а по причине внезапного и насильственного их устранения с политической сцены. К счастью для переговоров, уже в принципе законченных, Корболи, потеряв свою высокую должность, сохранил полномочия помощника главного уполномоченного и личное доверие папы, что «нам позволило даже договариваться с ним во время нескольких последующих встреч относительно окончательного выполнения нашей общей задачи».

Подводя итог пройденному пути, Блудов и Бутенев в том же донесении подчёркивали:

Итак, через везение и различные перипетии, мы смогли достичь исхода дела почти такого, с которым, по всей видимости, мы, возможно, должны были бы смириться даже в обычной обстановке, учитывая свойственные нашим отношениям со Святым Престолом трудности, так же как его прежнее предубеждение и недоверие в отношении нас, усердно используемые, даже с усилением и заметным упорством, происками как польской эмиграции, так революционной пропаганды, а, возможно, также и политической завистью¹.

Этим исходом дела, результатом длившихся более 8 месяцев и потребовавших проведения 25 заседаний переговоров стал документ, известный как «Статьи,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104. Л. 24–26.

подписанные уполномоченными императора и папы», датированный 3 августа / 22 июля 1847 г. Его часто называли Конкордатом, хотя на деле это был Протокол. Он был скреплён подписями Блудова, Бутенева и Ламбрускини. Подпись последнего была тем более знаменательна, что именно он был инициатором аллокуции 1842 г.

Этот документ включал 31 статью. Первые десять статей касались разграничения прежних епархий и создания новой. Число епархий в Империи устанавливалось в количестве 7: архиепископство и 6 епископств, а именно: моголиевское архиепископство, виленская, тельшевская или самогитская, минская, лужская и житомирская, каменецкая и херсонская епархии. Пространства и границы епархий подлежали определению буллой; её исполнительные декреты должны были перечислить и обозначить приходы каждой епархии и представить для получения санкции Святого Престола. Сохранялось число суффраганий в шести епископствах, установленных буллой Пия VI в 1798 г. Суффрагания новой херсонской епархии будет находиться в Саратове. Жалованье херсонского епископа составит 4480, а суффрагана — 2000 рублей серебром в год. Херсонский кафедральный капитул составят 9 членов: 2 прелата, 4 каноника, 3 мансионария или бенефициария. При нём будет епархиальная семинария. 15—25 учеников её и из других семинарий будут содержать за счёт правительства, в качестве стипендиатов.

До назначения католического епископа армянского обряда было обещано позаботиться о духовных нуждах армян-католиков (они проживали в основном в херсонской и каменецкой епархиях), применяя к ним положения Латеранского Собора 1215 г. Каменецкий и херсонский епископы должны определить число обучающихся в их семинариях армян-католиков на средства правительства. В каждой из этих семинарий будет священник — армянин-католик, чтобы обучать учеников этого исповедания их обряду. При необходимости обеспечить духовные нужды пребывающих в херсонской епархии лиц римско-католического и армяно-католического исповедания епископ может направлять в срочные служебные поездки священников. На эти цели, кроме средств, используемых до сих пор, правительство предоставит нужные суммы на выплату дорожных расходов и содержания.

Что касалось Царства Польского, в нём число епархий оставалось тем же, что было установлено буллой папы Пия VII от 30 июня 1818 г.; не менялось и число, и наименование существующих в них суффраганий.

Оговаривалось, что назначение епархиальных епископов и суффраганов в Империи и Царстве Польском будет совершаться по предварительной договорённости императора со Святым Престолом. Каноническое же их утверждение будет осуществляться в обычной форме, что епископ является единственным судьёй и управляющим духовными делами в его епархии, кроме его канонической зависимости от Святого Престола.

Среди дел, подлежащих предварительно представлению на рассмотрение епархиальной консистории, выделялись четыре категории. К первой относились дела,

касающиеся священнослужителей епархии. В отношении дисциплинарных дел делалась оговорка, что менее важные из них (те, что влекли незначительные наказания, а не увольнение или более или менее продолжительное тюремное заключение) решаются епископом без предварительного уведомления консистории, если только он сам не сочтёт уместным проконсультироваться у неё. Затем следовали спорные дела между духовными лицами, касающиеся движимой и недвижимой собственности церквей; жалобы и претензии к представителям духовенства со стороны как духовных, так и светских лиц по поводу ущерба или невыполненных обязательств, не оспоренных по закону и фактически, когда истец предпочитает именно этот путь для получения удовлетворения. Наконец, дела об аннулировании монашеских обетов, которые должны рассматриваться и решаться в соответствии с правилами, установленными буллой папы Бенедикта XIV, начинающейся словами «*Si datem*».

Дела, касающиеся светских лиц: дела брачные, удостоверения о законности брака, свидетельства о рождении, крещении, смерти и т. д.

Смешанные дела: случаи, когда необходимо наложить епитимию (каноническое покаяние) за преступление, нарушение или какие-нибудь проступки, приговор по которым вынесен светским судом.

Дела по экономическим вопросам: составление предварительной росписи сумм, предназначенных на содержание духовенства, контроль над расходами, отчёты за эти суммы, дела, касающиеся починки или строительства новых церквей, часовен, и т. д.

Кроме того, консистория уполномочена составлять списки духовных лиц и приходских священников епископства, рассылку циркуляров и других публикаций, которые не затрагивают административных дел епископства.

Все перечисленные дела решаются епископом после их рассмотрения консисторией, голос которой, тем не менее, остаётся чисто консультативным. Епископ же не обязан мотивировать своё решение даже в случае, когда его мнение будет отличаться от мнения консистории.

Все остальные дела епархии, определяемые как административные, в которые входят дела верования, совести и дела дисциплинарные, влекущие за собой лишь лёгкие наказания или пасторские увещевания, относятся непосредственно к ведению власти и исключительному решению епископа.

По поводу консистории специально оговаривалось, что все её члены являются духовными лицами, назначение и отставка которых зависит от епископа. Причём назначение осуществляется с одобрения правительства. В случае удаления епископом одного из её членов немедленно происходит назначение его преемника, также с одобрения правительства. Личный состав канцелярии консистории утверждается епископом по представлению секретаря консистории. Секретарь епископа, уполномоченный вести его официальную и личную переписку, назначается епископом, который по своему усмотрению может избрать духовное лицо.

Функции членов консистории прекращаются со смертью или с отставкой епископа, а также по истечении срока управления вакантной кафедрой. Преемник епископа или лицо, его временно замещающее, немедленно назначает членов консистории, как всегда по согласованию с правительством.

Епископ, в соответствии с правилами, установленными Тридентским Собором, осуществляет верховное руководство преподаванием, курсом занятий и внутренней дисциплиной во всех семинариях его епархии. Выбор ректоров, инспекторов, профессоров или преподавателей для епархиальных семинарий сохраняется за епископом, правда, перед их назначением он должен удостовериться в отсутствии возражений относительно их гражданского поведения со стороны правительства. В случае если епископ сочтёт необходимым уволить кого-либо из них, он должен немедленно и таким же образом назначить ему преемника. Он волен приостановить временно один или несколько курсов занятий в семинарии. Если он решит сделать это в отношении всех курсов одновременно и отправить учеников к родителям, он обязан немедленно информировать об этом правительство.

Архиепископ моголёвского архиепископства пользуется такой же точно властью над санкт-петербургской Духовной академией, как каждый епископ над своей епархиальной семинарией. Он является её единственным главой и верховным руководителем; совет или руководство Академии имеют лишь чисто консультативный характер. Выбор ректора, инспекторов и профессоров Академии осуществляется архиепископом по представлению академического совета на основании тех же пожеланий, что применяются при выборе епископами для семинарий.

Профессора и помощники по богословским наукам всегда избираются из духовных лиц. Прочие же преподаватели могут избираться из светских лиц, исповедующих римско-католическую веру, и предпочтительно из окончивших курс занятий в одном из высших образовательных заведений Империи и удостоившихся академических степеней.

Духовники учащихся семинарий и Академии не принимают никакого участия в наблюдении за сохранением в них внутреннего благочиния. Они избираются и назначаются епископами или архиепископом.

После нового разграничения епископств архиепископ по согласованию с епископами установит раз и навсегда число учеников, которое должно направляться в Академию от каждой епархии.

Программа занятий для семинарий будет составляться епископами, а для Академии — архиепископом после совещания с членами совета Академии.

После изменений, внесённых в регламент санкт-петербургской Духовной академии в соответствии с принципами, изложенными в предыдущих статьях, моголёвский архиепископ направит доклад Святому Престолу по поводу произошедшей реорганизации Академии.

Всюду, где право ктиторства (*jus patronatus*) не существует вовсе или временно приостановлено, приходские священники назначаются епископом с одобрения

правительства после предварительного экзамена и конкурса между кандидатами согласно правилам, предписанным Тридентским Собором.

Ремонт церквей производится за счёт общины либо частных лиц, пожелавших его взять на себя. А в случае недостатка средств они могут обратиться за помощью к правительству. Меры по строительству новых церквей и увеличению числа приходов будут приниматься, когда этого потребует либо рост населения, либо чрезмерная обширность и отдалённость существующих приходов и трудность сообщения¹.

К этому документу имелись два приложения в форме Протоколов.

В первом на вопрос российских уполномоченных, необходимо ли, чтобы епархиальное духовенство объединялось в ассамблею или Синод для назначения депутатов, которые помогали бы епископу в управлении семинариями в соответствии с 18-й статьёй решений Тридентского Собора, кардинал заявил, что, поскольку созыв Синодов стал редким в практике, в этом нет необходимости.

По поводу редакции параграфа статьи Протокола относительно назначения ректора, инспектора, профессоров и преподавателей для семинарий и Академии, российские уполномоченные, пойдя на его формулировку с общего согласия, заявляли, что, придерживаясь буквы их инструкций, они принимают *ad referendum*, т. е. к докладу, окончательное утверждение этого параграфа. Они объяснили это тем, что в предложенной ими редакции прямо говорилось, что это назначение будет происходить с одобрения императорского правительства².

Второе приложение состояло из 12 статей по оставшимся окончательно неурегулированным вопросам. К ним российские уполномоченные обязались привлечь внимание своего правительства. Эти статьи, таким образом, фиксировали состояние, до которого на переговорах было доведено обсуждение этих вопросов, что должно было облегчить обеим сторонам возможность лучше подготовиться к последующему их обсуждению и достижению согласия.

I. Уполномоченный папы настаивал на необходимости предоставить католическим подданным императора подлинную свободу сообщения со Святым Престолом по делам совести и другим духовным делам. Российские уполномоченные сослались на то, что существующего способа такого сообщения — через посредство правительства и миссии в Риме — придерживались издавна. Они также заявили, что нынешнее положение не позволяет правительству отказаться от этих мер предосторожности в интересах самих католических подданных до тех пор, пока возбуждение и вредные страсти, порождённые Польским восстанием 1830 г. и более недавними революционными попытками, не успокоятся настолько, чтобы можно было пойти на какие-то уступки в этом отношении.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 691. Л. 607–614.

² Там же. Л. 638, 642.

II. В ответ на протест папского уполномоченного по поводу присутствия в консисториях назначаемого правительством светского секретаря, облечённого временно полномочиями прокурора, российские участники переговоров предложили альтернативу: правительство согласится поставить назначение секретаря консистории в зависимость от предварительного согласия епископа, сохраняя за собой в этом случае право учредить должность прокурора при консистории; либо оно сохранит за собой право назначения секретаря без участия епископа и откажется от института специального прокурора. Папские представители заявили о неприемлемости обоих способов для Святого Престола.

III. На утверждение уполномоченных папы о невозможности для католиков признать юрисдикцию судов господствующей Церкви, а посему о необходимости предоставить им свободу обращаться в католический суд с делами, касающимися их браков с лицами, принадлежащими к господствующей Церкви, было заявлено о готовности рассмотреть предложения Святого Престола относительно такого рода случаев, на практике очень редких. Было обещано подумать также, со своей стороны, о какой-то комбинации, совместимой с установившимися в Империи формами юрисдикции.

IV. Чтобы избавить католическое духовенство от последствий противоречия между законами Церкви и Империи относительно смешанных браков, папские уполномоченные предложили применить в Империи уже принятое в Венгрии и других странах положение, обеспечивающее законность этих браков, при сохранении неизменными принципов Церкви. Это предложение было принято *ad referendum* российскими уполномоченными.

V. Так же *ad referendum* они приняли протест против закона 1832 г., признававшего законным смешанный брак лишь после благословения священника господствующей Церкви.

VI. Чтобы упорядочить юрисдикцию в делах брачных и церковных, уполномоченные императора заявили: что после организации двух первых инстанций согласно булле Бенедикта XIV «*Dei miseratione*» императорское правительство было бы готово договориться со Святым Престолом об учреждении Просинодального Двора в С.-Петербурге в качестве суда третьей инстанции для разрешения брачных дел Империи, но признав за ним право решать также дела Царства Польского, которые могли бы быть решены лишь во второй инстанции временной апостольской Комиссией, учреждённой в Варшаве декретом папы Григория XVI в 1838 г.

Со своей стороны, уполномоченные папы выступили со следующим планом: 1. Две первые инстанции юрисдикции были бы восстановлены согласно булле Бенедикта XIV «*Dei miseratione*». 2. Для рассмотрения во второй инстанции дел, подлежащих решению в первой инстанции архиепископом, давалось бы папское поручение какому-нибудь из судей *in partibus*. 3. Чтобы эти же самые судьи, осуществляющие юрисдикцию во второй инстанции по делам архиепископства, делали бы то же в качестве третьей инстанции для дел викарных епархий,

рассматриваемых во второй инстанции архиепископом. 4. Чтобы два архиепископа — могилёвский и варшавский — могли бы подобно баварским архиепископам давать поручение кому-нибудь, чтобы взаимно решать в третьей инстанции дела их епархий таким образом, чтобы дела, рассматриваемые одним в первой инстанции, рассматривались другим в третьей. 5. После третьей инстанции всегда обращаются в Рим. 6. Основное законоположение «*Dei miseratione*» полностью соблюдалось бы во всём, что касается процедуры в отношении брачных дел, присутствия и права защитника брака.

Уполномоченные императора приняли все предложения *ad referendum*.

VII. Папские уполномоченные возражали против законов, которые определяли возрастную ценз для занятия церковных должностей, отменяли учебные занятия в монастырях, разделили монастыри на укомплектованные и лишние, упразднили должность провинциалов (духовных лиц, возглавлявших монастыри определённого ордена в округе).

В ответ им было заявлено, что российское правительство не намерено закрывать даже лишние монастыри, а если такая необходимость (из-за малого числа монахов или по какой-либо иной канонической причине) возникнет, оно предвзительно достигнет договорённости со Святым Престолом. Было выражено согласие с тем, чтобы булла о новом разграничении епископств точно перечисляла все существующие монастыри.

Что касалось провинциалов, уполномоченные императора ссылались на возможность конфликта между ними и епископами. А папский уполномоченный предложил, чтобы этому воспрепятствовать, предоставить папским поручением епископам широкие полномочия относительно внешней дисциплины монахов, сохраняя за провинциалами внутреннюю дисциплину; предоставить епископам председательство в капитулах во время избрания провинциалов; провинциалы должны переписываться с генералом монашеского ордена, пребывающим в Риме, таким же образом, как епископы сообщаются с папой.

Поскольку в С.-Петербурге не согласились на предложенные комбинации, российские уполномоченные заявили, что они могут стать предметом последующей договорённости.

VIII. На просьбу папской стороны о назначении суффрагана в Тифлисе при новом херсонском епископе, кроме такового в Саратове, уполномоченные императора информировали, что не были уполномочены принять это предложение.

IX. На настойчивые требования уполномоченного папы о возвращении духовенству его имущества последовали ссылки на отсутствие инструкций. А одновременно было дано пояснение, что в казну отошло лишь то имущество, где находились крепостные крестьяне, и что это была общая мера, применённая ко всему духовенству, включая духовенство господствующей Церкви, что доходы от этого имущества использовались на содержание католического духовенства, а ввиду их недостаточности правительство выделяло дотацию.

Х. Для обеспечения греко-униатам, имевшимся в Империи, свободного отправления их религии папский уполномоченный предложил, чтобы до тех пор, пока они не будут иметь епископа их исповедания, латинские епископы могли ими руководить, как это допускается в отношении армян. Он настаивал также на необходимости предоставить свободу вновь стать греко-униатами тем, кто в последние годы несвободно присоединился либо к латинству, либо к господствующей религии.

Уполномоченные императора в ответ лишь повторили уже неоднократно делаемые заявления, что во время присоединения греко-униатов к православной Церкви, как в 1839 г., так и ранее, в 1794—1796 гг., никто не был принуждаем. Поскольку же это население принадлежало к Восточной Церкви в конце XVI в. и частично даже до XVIII в., этого обстоятельства достаточно, чтобы логически объяснить его возвращение в массе к вере предков. Они также добавили, что в Царстве Польском имеется греко-униатское епископство в Холме с викарием, а если впоследствии выяснится, что в Империи возникнет необходимость принять меры для поддержания духовных нужд греко-униатов, вопрос будет решаться совместно со Святым Престолом.

XI. Уполномоченный папы протестовал против включения вновь в кодекс 1845 г. законов о прозелитизме. Из данного ему ответа следовало, что они не могли быть отменены, не ущемляя права господствующей Церкви, но в новом кодексе они были смягчены и к тому же император, используя своё право монарха, проявляет при их применении предельно возможную снисходительность.

XII. Утверждение уполномоченного папы, что присяга на верность императору оскорбляет совесть католиков, опровергалось такими доводами: такая присяга давалась в России лицами всех исповеданий, не возбуждая возражений, в намерения правительства не входило и не могло входить вменить подданным Империи — католикам или каким-либо иным — какой-либо долг, противный морали или их религии¹.

В упоминавшемся донесении от 12 августа / 31 июля, давая отчёт об окончании долгих и трудных переговоров и подписании актов, подводивших их итог, Блудов и Бутенев признавали, что их результаты «не были столь полными и окончательными», чтобы всецело достичь поставленной императором цели, но тем не менее к ней приближаются. Правда, с оговоркой: насколько это могла допустить, с одной стороны, досадная одновременность неожиданно возникших трудностей с осложнившимися ещё их трудностями, присущими самому характеру вопросов, подлежащих обсуждению; с другой стороны, серьёзные и чрезвычайные стечения обстоятельств, внезапно наступившие в политическом и внутреннем положении папского правительства. В любом случае, эти результаты им представлялись соответствовавшими, «насколько возможно, духу и даже букве» последних инструкций от 23 / 11 апреля. А ими, напомним, предписывалось: довести переговоры до включения в один акт

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104. Л. 34—41.

всех статей, по которым достигли согласия; принять *ad referendum* и оставить для последующего соглашения вопросы, по которым не удалось договориться; настаивать на утверждении епископов, назначенных императором.

Что касалось характера и значения представленных актов, они подводили итог обсуждения этого вопроса с Ламбрускини и Корболи. Он сводился к следующему. Поскольку главный Протокол включал лишь пункты, окончательно согласованные, российские уполномоченные считали, что, если этот акт получит санкцию двух правительств, он может в отношении этих пунктов рассматриваться в качестве конвенции, надлежащим образом заключённой. Следовательно, он подлежал исполнению сразу после получения такой санкции.

В ответ папские уполномоченные обещали запросить указания папы, предположив, что он захочет проконсультироваться с конгрегацией Чрезвычайных духовных дел. На повторный запрос по этому поводу Корболи направил им два конфиденциальных письма. Из них следовало, что папа «присоединился к заключению соглашения и подписанию актов, представленных на его одобрение». Но решить вопрос о немедленном исполнении Протокола он сможет лишь после выяснения мнения его Совета относительно всех результатов переговоров.

Устно Корболи дал понять, что папа одобрял статьи Протокола, но не считал для себя возможным это решить, не выяснив мнения компетентной конгрегации. К тому же «озабоченность, порождаемая политическим и внутренним положением в стране, не давала ему возможности предаться, на свежую голову, более углублённому рассмотрению этого дела совместно с конгрегацией».

В заключение донесения его авторы сочли долгом отдать справедливость более доверительному и примирительному, чем прежде, настрою в отношении них в последнее время со стороны Ламбрускини и Корболи. Они были довольны отношениями с Джицци, так же как доверительным и сердечным характером, который своим отношениям с ними постарался придать его преемник Ферретти.

Подводя итог переговорам, они считали, «что главная цель послышки в Рим чрезвычайного уполномоченного императора, а именно, оказать благоприятное влияние на папское правительство и такое же благоприятное моральное воздействие на нашу политику в отношении римских католиков, вообще, была достигнута, несомненно, не полностью, а до некоторой степени». Но что им

...удалось рассеять или, по крайней мере, уменьшить опасения и предубеждения, внушённые самому папе и его правительству¹; что к нам начали проявлять больше

¹ В свете такой трезвой оценки участниками переговоров их итогов явным преувеличением грешат заключения по этому поводу Попова. Обращает на себя внимание его суждение о восприятии результатов переговоров Святым Престолом, когда он писал:

В Риме оставались недовольны тем, что в ходе переговоров императорское правительство категорически отказалось от обсуждения таких важнейших вопросов, как дипломатическая взаимность, предоставление католическому духовенству прав

доверия, наконец, что в данное время наблюдается заметное улучшение в наших отношениях со Святым Престолом.

на непосредственные сношения с Римом, на церковный иммунитет и было решительно против возвращения конфискованного церковного имущества. Все достижения Святого Престола по существу ограничились тем, что в соглашении фиксировался юридический статус католиков России, но при этом речь шла лишь о минимуме юридических гарантий (Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России 1845—1847 гг. СПб., 1868. С. 26—29).

Попов считал важными сделанные римскому Двору уступки, а ещё важнее ему представлялся путь, на который ими были поставлены отношения России с Римом. Ведь «первые уступки дали ему повод требовать ещё больших уступок, как необходимых последствий тех, которые уже были сделаны». А российское правительство они поставили «в невозможность не только удовлетворить новые требования Рима, но даже до конца исполнить сделанные уже уступки, без нарушения коренных законов Империи и сохраняя независимость своей государственной власти» (Там же. С. 39).

Попов утверждал, что с самого начала появления Конкордата папа не смотрел на него как на окончательные условия, установившие отношения между двумя сторонами, «но только как на начало и первый шаг к вынуждению дальнейших уступок с нашей стороны». Российское же правительство придерживалось противоположного взгляда. Оно полагало, что Конкордат «даст возможность окончательно устроить отношения к Риму и — если бы последовали дальнейшие переговоры — то в духе мира и согласия, по вопросам несущественным. Действительно, сделав все возможные уступки духовным требованиям главы латинской Церкви, оно, конечно, не могло придавать особенного значения его политическим притязаниям и полагать, что римский Двор будет настаивать в этом случае ещё с большею силою» (Там же. С. 42). Не приведя никаких доказательств, автор не посчитался и с тем фактом, что именно российская сторона в своё время предложила отложить и внести в Протокол представлявшиеся неразрешимыми вопросы, о которых в С.-Петербурге не забывали, а из Рима ему напоминали.

Пессимистически звучит общая оценка договора Поповым. «Таким образом, договор, заключённый между двумя сторонами, не удовлетворил ни ту, ни другую: Риму внушил ложные и неосуществимые надежды, России — опасения в возможности его исполнить, не пожертвовав народным достоянием и значением православной Церкви». По его мнению, «одно важное значение» Конкордата состояло в том, что при его заключении

...ясно обнаружались окончательные виды папского престола. Под видом свободы латинской Церкви, он желал достигнуть полной независимости её духовенства и паствы от русского правительства, и в то же время подчинить их полной зависимости от Рима, исторгнуть из рук России миллионы её подданных и сделать их подданными папы, создать в недрах русского государства другое государство, от него независимое и враждебное. Политические цели Рима неразрывно соединены с религиозными, и религия служит могучим для них орудием. Независимость латинской Церкви означает её господство над всеми другими. Принадлежащих к другим исповеданиям Рим считает или отступниками, как бывших униатов, или еретиками, и тех и других стремится обратить в лоно латинской Церкви (Там же. С. 48, 54).

Во всяком случае, радует, что, несмотря на инциденты и осложнения... нам удалось избежать формального разрыва переговоров, разрыва, огласка и последствия которого, более или менее незамедлительные, были бы самого неприятного характера, несомненно, однако, как для римского Двора, так и для нас¹.

Оценку результатов переговоров Блудов расширил и углубил в частном письме Нессельроде от 12 августа / 31 июля. Он признавал, от себя и Бутенева, что они закончились «кое-как», «с грехом пополам». И тем не менее они считали позволительным думать, что «развязка нашей пьесы, имевшей пять актов, скорее хороша, чем плоха, что, может быть, даже она была лучшей возможной в данных условиях и обстоятельствах».

Из письма видно, что и после подписания акта 3 августа Блудов продолжал размышлять над одной из трудностей, по существу оставшейся не преодоленной. Ему представлялось странным, что папские уполномоченные или «точнее сказать, сам папа, — так как именно о нём говорил монсеньор Корболи в своих письмах, когда писал: Он — так упорствовал в нежелании придать этому акту от 3 августа какую-нибудь форму или, по крайней мере, силу или значение договора, подлежащего исполнению со дня, когда он был бы окончательно одобрен двумя Дворами».

Я сам, — признавался Блудов, — не раз себя спрашивал и стремился угадать причину такого упорства. Действительно ли, как это утверждают, и что правдоподобно, потому что считают необходимым, согласно обычаям, которым неизменно традиционно следуют в Риме, прежде ещё раз проконсультироваться с конгрегацией Чрезвычайных духовных дел, которую было бы трудно, если не невозможно, собрать в настоящее время и которая, впрочем, затянула бы дело, без всякого сомнения, на недели или месяца? Потому ли, что боятся Journal господина Монтамбера и других Journal, так называемых, католическо-фанатических, а по существу польско-революционных, или же, потому что хотят оставить за собой возможность

Такая оценка этого документа, вероятно, была продиктована общим избобительным пафосом работы Попова, которая стала откликом на происходившую между Римом и С.-Петербургом перебранку в форме публикации ими подборок дипломатических документов. В Риме — «Esposizione documentata sulle costante cure di somma pontefice Pio IX a riparo di male che soffre la chiesa cattolica nei domini di Russia e Polonia» (Roma, 1866), а в С.-Петербурге — ставшей ответом на неё исторической справки Горчакова, ставившей целью восстановить истину: «Resumé historique des actes de la Cour de Rome qui ont amené la rupture des rapports entre le Saint-Siège et le Cabinet Imperial et l'abrogation du Concordat de 1847», которая была приложена к циркуляру от 20 / 7 января 1867 г., разосланному российским дипломатическим представителям.

Исследователь, как бы подключившийся к этой полемике, явно оставлял в стороне то, что от заключения Конкордата появление этих публикаций отделяло почти два десятилетия, во время которых отношения между двумя сторонами прошли через серьёзные испытания и пребывали на стадии разрыва.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104. Л. 22–23, 28–31.

для переговоров на будущее по вопросам, по которым ещё не договорились и не достигли согласия, хотя я им говорил и повторял, что это очень плохой способ, и что чем больше Святой Отец проявил бы доверия к императору, тем больше его правительство смогло бы надеяться встретить, с нашей стороны, сговорчивость, возможно, даже неожиданную, в отношении договорённостей, которые могут иметь место впоследствии? Одним словом, не заключается ли, наконец, причина этого упорства, главным образом, и, естественно, в малом опыте, в полном отсутствии практического чувства меры в делах, как у папы, так и у его советников? Если дело обстоит именно так, тогда то, что здесь в шутку называют бегством кардинала Ламбускини (всё подчеркнуто в тексте. — О.С.), могло внести свой вклад в принятие решения, о котором монсеньор Корболи нам сообщил в одном из своих писем к г-ну Бутеневу. Как бы то ни было, господин граф, мы сочли долгом пройти через это: всякий раз спрашивая категорически у монсеньора Корболи, должны ли статьи, включённые в акт, который мы собираемся подписать... быть рассматриваемы, не только как окончательно решённые между нами, но также как одобренные Святым Отцом? Он нам говорил: «да, несомненно, а что касается самого исполнения Он (папа. — О.С.), безусловно, не отказывается, но не может в настоящее время взять на себя обязательство в этом». Очень хорошо, — я ему отвечал, — с нашей стороны, если император удостоит одобрения статьи Протокола от 3 августа, мы начнём их исполнять, когда его начнут исполнять со стороны Святого Престола.

Из обмена этими заявлениями, по мнению Блудова и Бутенева, следовало, что подписанное только что соглашение,

...хотя и не полное, как может показаться на первый взгляд, тем не менее не лишено важности и пользы.

Это первый пример письменного и формального соглашения между нашим Двором и Святым Престолом: оно последовало почти непосредственно после размовки, получившей отклик во всей Европе, и урегулировало удовлетворительным образом для двух правительств много вопросов, к которым они не должны будут больше возвращаться. Во всяком случае, господин граф, этот результат, каким бы он ни был, мы его считали и продолжаем считать — лучше, во сто крат лучше, чем простой разрыв переговоров. Известие о нём заставило бы почувствовать вне себя от радости всех наших врагов, явных и тайных, и, вероятно, спровоцировало бы новую аллокуцию в духе аллокуции 1842 г. или, по меньшей мере, резкие объяснения и столкновения без числа и конца. Итак, у нас имелся бы выбор лишь такой альтернативы, могли бы мы, должны ли бы мы были колебаться?

Блудов надеялся также, что моральный эффект, который «мы должны были стремиться произвести, как в Риме, так и повсюду был или должен быть, по крайней мере, до некоторой степени, следствием акта, который мы только что подписали». При этом он находил, что главная цель его миссии была «достигнута частично», потому что они с Бутеневым неоднократно имели случай исправить представление о российской политике, заявить и констатировать «чистоту, лояльность

намерений императора, так же как Его рыцарскую искренность». В заключение Блудов вернулся к уже упоминавшемуся результату переговоров. Благодаря им

...опасения и предубеждения, которые удалось внушить самому папе и, вообще, римскому обществу, мало-помалу, рассеялись, и что доверие, на которое мы имели право, начало возрождаться, даже проявляться. В этом, — заметил он, — дошли, говорят, до того, что полюбили меня немного после того, как меня боялись и ненавидели в начале. Это последнее обстоятельство, мимоходом упоминаемое мной, конечно, не имеет никакого значения, особенно, в данное время, потому что я уезжаю¹.

11 августа Блудов был принят папой по случаю отъезда. Свой отчёт об этой аудиенции, на которой присутствовал также Бутенев, он по-русски написал Николаю I на следующий день².

В ходе её папа просил Блудова привлечь внимание императора к трём оставшимся не разрешёнными вопросам, которые, как он сам заявил, «принимал близко к сердцу». Речь шла: о положении и духовных нуждах тех греко-униатов в Империи, возможно, хотя и в небольшом количестве, оставшихся привязанными к своим обрядам и вере; о лучшем обеспечении свободы переписки римско-католических подданных императора со Святым Престолом; наконец, об имениях католического духовенства, взятых в казну. В отношении последнего пункта папа сам заметил, что, конечно, было бы несправедливо проживающих в этих имениях крестьян лишить тех преимуществ, коими они, вероятно, пользуются в казённом управлении. По его мнению, это была важная причина. Относительно греко-униатов Блудов смог только повторить неоднократно уже сказанное папским уполномоченным и кардиналу Джицци, что «никто из них не был никогда приневоливаем к возвращению в Православие». А в доказательство он сослался на двести или двести тридцать тысяч униатов в губерниях Царства Польского, имевших не только свои церкви и своих священников, но епархиального епископа с суффраганом. По поводу порядка переписки с римским Престолом, напомнив папе, что он существует издавна, Блудов счёл нужным добавить, что всякая в том перемена была бы неудобна, особенно в настоящее время, когда умы в Западных областях Империи ещё не совсем успокоились после волнений.

И Блудов, и Бутенев заметили, что о вопросах, вызывавших такие жаркие прения между ними и уполномоченными папы, он сам говорил «без малейшей горечи», «не показал ни словами, ни выражением лица ничего похожего на досаду или упорную настоятельность». Вообще, они вынесли впечатление, что он был

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104. Л. 155—156.

² Датированная тем же числом копия этого донесения во французском переводе была направлена Нессельроде (Там же. Л. 86—87).

удовлетворён результатами переговоров, правда, проявил это чувство в самых общих словах¹.

В ходе аудиенции Пий IX передал Блудову письмо для Николая I от 10 августа, служившее ответом на привезённое в своё время в Рим им письмо императора. В нём выражалась надежда, что российский монарх пожелает полностью устранить все трудности на пути поддержания и сохранения прав католической Церкви в его государствах. Папа искренне благодарил за присылку столь достойного представителя, как Блудов².

Известие о завершении переговоров и подписании заключительных актов вызвало в С.-Петербурге глубокое удовлетворение. Не испытывая, в отличие от Святого Престола, никаких возражений против окончательного одобрения подписанных документов, здесь, однако, сочли уместным подождать прибытия Блудова, чтобы получить от него дополнительные разъяснения. К тому же представлялось благоразумным узнать сначала оценку конгрегацией, с канонической точки зрения, этих протоколов, прежде чем их санкционировать.

Сообщая об этом Бутеневу депешей от 11 сентября / 30 августа 1847 г., его одновременно ставили в известность о намерении следовать такому принципу, выполняя достигнутое соглашение. Поскольку не удалось договориться о комплексе предложенных мер, в существующее положение дел будут вноситься лишь те из изменений, относительно которых пришли к согласию с римским Двором, по всем другим вопросам всё останется по-прежнему до последующей договорённости со Святым Престолом.

Среди итогов переговоров особенно высоко оценивались решения признававшихся «главными и исключительно важными» вопросов: о согласии Святого Отца на выбор епископов, предложенных императором, о новом разграничении шести прежних епископств и о создании седьмого. Бутенева просили постараться поставить об этом в известность папское правительство³.

Вскоре, депешей от 27 / 15 сентября, его оповестили об удовлетворении, с которым было встречено императором только что полученное известие не только о ратификации папой подписанных соглашений, но также о намерении его приступить к их немедленному выполнению после ратификации их императором. Николай I после этого ожидал лишь прибытия Блудова для ратификации, что и сделал немедленно после встречи с ним.

Подписав Протокол, он, однако, рекомендовал сделать следующее замечание государственному секретарю, касавшееся, правда, второстепенного пункта, но буквальное и строгое исполнение которого могло породить определённые трудности. Речь шла о статье XXV, признававшей законным допущение светских лиц

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 102. Л. 3–5.

² Там же. Д. 105. Л. 8–9.

³ Там же. Д. 104-а. Л. 94–97.

в преподавательский корпус Духовной академии светских лиц, но исключительно католического исповедания. По этому поводу Бутеневу предписывалось сослаться на обоснованные замечания, делавшиеся в ходе переговоров относительно трудности, даже невозможности, могущей иногда возникать при выборе профессоров лишь из католиков, если среди них не окажется достаточно пригодных и сведущих для преподавания в той или иной области. Особенно очевидной эта трудность представлялась для кафедры русского языка: рассматривать религиозную принадлежность в качестве абсолютной причины исключения значило лишать учеников Академии занятий с самыми сведущими в русском языке профессорами. Одновременно признавалась законной заинтересованность римского Двора в том, чтобы теологические, философские, моральные, догматические науки, история Церкви преподавались духовными лицами католического исповедания.

По словам Блудова, уполномоченные папы признавали в некоторой степени ценность этих соображений, но не сочли возможным формально признать допуск не католиков в профессорскую среду, чтобы не нарушать принцип, которого придерживался Святой Престол. Тем не менее они дали понять, что, отступая от принципа, Святой Престол соглашался проявить терпимость, что касалось его проведения в жизнь.

Не желая сохранения никаких спорных моментов по этому поводу, Бутенева просили объяснить с полной откровенностью с папским правительством. Он должен был дать знать государственному секретарю, что «мы признаём принцип, сформулированный в статье XXV; что мы будем стремиться, насколько это будет возможно сделать, сообразовываться с ним, и что лишь в случае действительной и признанной невозможности мы, возможно, могли бы от него временно отступить».

Бутенев должен был информировать римский Двор, что подписанное императором соглашение стало немедленно выполняться, а также заверить папу, что в С.-Петербурге воспользуются возвращением Блудова для последующего серьёзного изучения обсуждавшихся в Риме и оставшихся не урегулированными пунктов.

Одновременно Бутеневу предписывалось просить ускорить присылку булл относительно нового разграничения прежних епархий и создания новой херсонской, а также канонических решений для четырёх епископов, кандидатуры которых были приняты папой. Последний вопрос вызывал особое беспокойство из-за желания поскорее заполнить вакантные кафедры¹.

Сам Николай I удовлетворение достигнутым результатом выразил в кабинетном письме от 27 / 15 ноября, ставшем ответом на письмо Пия IX от 10 августа, переданное с Блудовым. Оповещая папу, что, узнав от Блудова о ратификации им подписанного документа, он, со своей стороны, поспешил сделать то же самое, император подчёркивал: «Уготовано было в Ваш понтификат, Святейший Отец,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104-а. Л. 120–126.

увидеть совершившимся акт высокой важности, предназначенный оказать самое благотворное влияние на отношения наших Дворов, и к заключению которого я, со своей стороны, не переставал призывать ото всей души». Он заверял, что принимал близко к сердцу интересы своих католических подданных, и обещал полное благополучие их в России¹.

Ещё одним поводом выразить высокую оценку итогов переговоров стало награждение Бутенева орденом Св. Александра Невского, а Блудова — орденом Св. Андрея. Направленный ему рескрипт императора был опубликован. Предполагалось, что это позволило публично засвидетельствовать значение, придаваемое им достигнутым результатам, и особенно доверительным отношениям, столь счастливо установившимся между двумя Дворами, а также изложить свои мысли о будущем католической Церкви в России «манерой слишком явной, чтобы не быть оценённой Его Святейшеством папой Пием IX. И мы хотим думать, — говорилось в письме Нессельроде Бутеневу от 22 / 10 декабря, — что папа отдаст справедливость этой первой публичной демонстрации Его Императорского Величества относительно нашего соглашения со Святым Престолом»². Как выяснится позднее, его реакция окажется далёкой от той, что ожидалась.

Сам по себе факт переговоров и их завершения, конечно, не мог не вызвать определённого удовлетворения обеих сторон, но оно оказалось далеко не полным. Учитывая состояние отношений накануне переговоров, следует, однако, признать, что итог не мог быть иным.

Между тем в целом достижение соглашения благотворно сказалось на отношениях двух сторон, что проявилось, в частности, во время совершенно неожиданно возникшего нового инцидента в отношениях с Римом. Дешешей от 31 / 19 июля сообщалось, что епископ Дмоховский в ответ на своё письмо, направленное папе через миссию, получил ответ папы через австрийское посольство в С.-Петербурге. В таком образе действия просматривались два варианта: или такое нарушение обычного официального пути для пересылки корреспонденции было результатом ошибки, или Святой Престол действовал так преднамеренно. В первом случае он мог легко исправить допущенную ошибку. Для этого Бутеневу пересылалось послание папы, содержание которого, кстати, не вызывало ни малейшего возражения, а протест был связан лишь со способом его передачи. Считалось достаточным, чтобы он констатировал факт несоблюдения формы, после чего должен был возвратить письмо в С.-Петербург для передачи адресату. Если же оказалось бы, что Святой Престол действовал умышленно, следовало привлечь его внимание к серьёзным и нежелательным последствиям, которым он подвергался бы, если хотел поднять принципиальный вопрос, который в общих интересах было бы, конечно, предпочтительно положить под сукно. Бутенев был поставлен в известность

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 105. Л. 14—15.

² Там же. Д. 104-а. Л. 140.

о предупреждении, сделанном австрийскому послу о том, что никогда не будет допущено вмешательство иностранного посла в сообщение Святого Престола с римско-католическим духовенством в России и Польше. В свою очередь, посланник был уполномочен заявить Ферретти, что С.-Петербург намерен сохранить прежнюю практику, установившуюся издавна в России и соответствовавшую практике, закрепившейся в других странах, и потребовать от него объяснений по поводу случившегося¹.

В ходе объяснений Святой Престол признал этот инцидент простой ошибкой. Учитывая деликатный характер дела и более удовлетворительное состояние отношений со Святым Престолом после окончания переговоров, Бутенев (донесение от 21 / 9 августа 1847 г.) счёл уместным обсудить этот вопрос конфиденциально и устно, не делая его предметом письменного сообщения. Без промедления он отправился к Ферретти и изложил суть дела в соответствии с полученной депешей. Кардинал выслушал его доброжелательно, но, сославшись на то, что был не в курсе дела, поскольку это произошло за два или три месяца до того, как он сменил Джицци, просил пару дней, чтобы прояснить ситуацию. При этом он повторял, что, по его мнению, это был результат какой-то непреднамеренной ошибки. Вскоре от лица папы он дал следующие объяснения. Папа помнил о просьбе Дмоховского о каких-то духовных полномочиях и сразу ответил. Случилось так, что к нему в это время пришёл секретарь конгрегации, занимавшейся делами этой категории, с докладом по другим просьбам такого же рода, которые предполагалось передать нунцию в Вене. Папа передал ему и письмо Дмоховскому, движимый намерением ускорить посылку и даже не вспомнив о пути, которым к нему пришло письмо епископа. Воспользовавшись, таким образом, каналом нунция в Вене, папа не имел мысли, что сановник мог подумать прибегнуть в свою очередь к посредничеству австрийского посольства в С.-Петербурге для последующей передачи письма по назначению. Такой путь не только не был указан нунцию, но Святой Отец сожалел, что он им воспользовался, ибо это никак не входило в его намерения. Посланник нашёл эти объяснения убедительными².

По получении известия об этом Бутеневу было предписано засвидетельствовать глубокое удовлетворение полученными объяснениями³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104-а. Л. 72–75.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 723. Л. 199–201.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104-а. Л. 114.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГГ. В ПАПСКИХ ГОСУДАРСТВАХ. ПРОГРЕСС В НАЗНАЧЕНИИ ЕПИСКОПОВ

Ведя переговоры, естественно поглощавшие почти всё его внимание, Бутенев пристально следил за событиями внутренней жизни в папских государствах со времени вступления на престол Пия IX, и особенно с момента, когда начали проявляться результаты его реформ и его новой политической системы. Пространное донесение от 21 / 9 августа 1847 г. он целиком посвятил этому вопросу. Насколько его средства информации позволяли, он и прежде сообщал в своих донесениях «о фактах, из ряда вон выходящих, целях и направленности главных актов правительства, а также о нараставшем волнении умов, которое в значительной степени уже изменило и всё время продолжало менять, всё более и более, положение дел в римских государствах». Для него не подлежало сомнению, что спонтанное изменение образа действия и настроения папского правительства действовало как электрошок на большую часть полуострова. За исключением Неаполитанского королевства, остальная Италия в большей или в меньшей степени находилась в состоянии чрезвычайного брожения. Дипломат признавал явное сходство сложившейся ситуации с той, что была в Италии в 1821 или 1831 г., но считал её более серьёзной. А существенное отличие видел в том, что в обе предшествовавшие эпохи вспышка беспорядков и эфемерные успехи заговорщиков были обязаны их возникновением, главным образом, вооружённым восстаниям и коварным проискам движения карбонариев и других тайных и революционных обществ. Теперь же, напротив, волнения и народное движение проистекали явно из национального сознания, глубоко укоренившегося во всех слоях населения. И толчком к этим движениям больше не являлись тайные происки или заговоры, направленные против верховной власти. Им послужила сама эта власть, не просчитавшая хорошо последствия. Бутенев полагал, что Пий IX взял на себя большую ответственность, чем предполагал, принимаясь за поставленную им из благих намерений задачу, которую воспринял как призвание свыше. Но она превзошла как его возможности действовать, так и его ожидания, недостаточно опиравшиеся на опыт всех времён и на полезные советы. Было очевидно, что ближайшей целью папы было искоренить несправедливость и внутренние злоупотребления, успокоить и умиротворить умы, возвратить народное доверие и привязанность, утраченные предшествующим папским

правительством, проповедовать с высокой кафедры Св. Петра мир и союз, а если того пожелают, показать себя также, насколько будет возможно, другом законного и постепенного прогресса в отправлении правосудия, в содействии народному просвещению, промышленности, торговли и т. д. Но, разумеется, он не стремился встать во главе демократического и радикального движения, играть роль, которую ему хотели уготовить, но которая не подходила ни его характеру, ни его достоинству главы католической Церкви.

Бутенев сожалел, что именно такую роль ему постепенно уготовили его тайные и явные противники и что до определённой степени он дал им повод для этого тем способом, которым провозгласил и начал свои реформаторские проекты. Самым же логичным было бы связать с самого начала эти административные реформы с теми, что, с общего согласия между Австрией и великими державами, были рекомендованы его предшественнику вследствие событий 1831 г., но которые сразу после восстановления силой иностранного оружия власти Григорием XVI были сведены на нет. Тот план действия был самым лучшим и должен был обещать верный успех как вовне, так и внутри страны. Население папского государства, едва избавившееся от сурового, долго просуществовавшего притеснительного режима, приветствовало бы такое начинание. При этом даже если бы партия экзальтированных новаторов или тайные приверженцы революционной пропаганды испытывали бы противоположные чувства, их происки остались бы бессильными и бесплодными под влиянием папы, опиравшегося на одобрение и моральную помощь великих держав. Наконец, сторонники прежнего положения дел вынуждены были бы, со своей стороны, сдерживать своё разочарование и свою тайную недоброжелательность, видя, что Пий IX стремится на деле реализовать обязательства, торжественно принятые перед лицом Европы его предшественником. Эта первая и досадная ошибка папского правительства повлекла или, скорее, спровоцировала одновременно другую ошибку, проистекавшую из того же источника.

С самого начала своего правления новый папа, очевидно поражённый различными причинами непопулярности правительства своего предшественника, решил придать своему правлению в политическом отношении явно независимый характер перед иностранными державами вообще, но особенно перед Австрией, что неизбежно привело к его изоляции. Пий IX, не говоря о тайных происках противников его системы, оказался один перед лицом борьбы партий внутри страны и стал мишенью для выражения недовольства и опасений даже некоторых других правительств Италии и по более серьёзной причине Австрии, до того пользовавшейся преобладающим, если не исключительным влиянием в этой стране.

Обращаясь к внутривосточной деятельности папы, Бутенев (не утруждая внимание своего адресата сведениями о реформах) выделяет в качестве его наиболее знаменательного акта после вступления на престол проведение через месяц амнистии, которая стала знаковой и послужила преамбулой всех последующих актов.

Эти различные акты, во всеуслышание объявленные или обещанные, но слишком долгое время откладываемые, должны были неизбежно возбудить преждевременное настроение преувеличенной и безграничной надежды в отношении размера проектируемых реформ.

Эти надежды, осуществление которых всегда отсрочивалось, подпитывались чувствами доверия, преданности и признательности, внушаемыми личным характером и первыми шагами нового папы. Позднее они были использованы благонамеренным большинством его сторонников или же с задними мыслями и злонамеренными расчётами фанатичной партией. С другой стороны, они придали смелость глухой оппозиции и тайным помехам партии немногочисленной, но сильной её положением приверженцев прежнего правительства, так как «щепетильностью или осмотрительностью, сдержанностью или снисходительностью правящий папа всех их оставил в обладании самыми высокими должностями и властью государства».

Один кардинал Ламбускини уступил место кардиналу Джицци, отказавшись, несмотря на полученное запоздалое предложение вновь занять положение, «отныне ненадёжное и непрочное при новом монархе, ещё довольно молодым и уже заявляющем о настрое, отличном от таковых старого папы, могущественным министром которого кардинал был долгое время».

Его управление внутренними делами страны было «подозрительным и слишком часто строгим и гнетущим». В отношении принципов и политических взглядов он считался приверженным системе укрепления влияния и обеспечения Святому Престолу поддержки Австрии, «чтобы ею пользоваться в любом случае, либо против новых революционных попыток, либо против недовольства и брожения умов, вообще, либо, наконец, чтобы обеспечить под эгидой такого протектората сохранение режима и существующих злоупотреблений».

Посланник признавал, что именно влияние Австрии и разрушительное воздействие, справедливо или нет ей приписываемое, составляли издавна одну из главных причин глухого недовольства, растущего брожения и проявленного населением римского государства нерасположения к его правительству. К тому же именно это «недоверие и это отвращение» к Австрии были более или менее распространены во всех других государствах Италии и, что казалось странным, особенно в Тоскане, управляемой австрийским герцогом. В римском государстве это чувство достигло более высокой степени, чем где-либо из-за недавних воспоминаний о долгой военной оккупации и из-за близости огромных вооружённых сил Австрии, сосредоточенных на границе. К этому глубоко укоренившемуся в отношении этой державы чувству присоединилось другое (столь же явное в Италии), национальное чувство противления всякому иностранному влиянию и желание от него освободиться любой ценой, стремясь достичь относительной независимости. Таковую представляла бы федерация итальянских государств, более тесно между собой связанных и сохраняющих отношения доброго согласия с другими европейскими государствами,

устраняя, однако, непосредственное вмешательство попеременно господствующих в Италии Австрии и Франции.

Такие настроения существовали задолго до избрания Пия IX и хранились в тайне до тех пор, когда его приход и первые акты не сделали их вдруг явными. Сама амнистия и начавшиеся вслед за тем улучшения внутри страны, возможно, сделали не больше для исключительной популярности папы в своих государствах, а также и в других частях Италии, чем его более сдержанная позиция в отношении Австрии, так же как его стремление доказать политическую независимость и обходиться без советов из-за границы. Тем самым он, вероятно, откликнулся, в силу личного побуждения скорее, чем расчёта, на чувство отвращения к Австрии и на независимость Италии в её внутренних делах, так же как на обновление и улучшение её административных институтов.

Перемещение и демонстрации австрийских войск в Ферраре и усиление мер, «возможно, законных и обоснованных с точки зрения права, но, по крайней мере, политически недальновидных и несвоевременных, принятых по приказу маршала Иосифа Радецкого, лишь увеличили раздражение и взаимные разногласия».

Трудно было предположить, что папское правительство не окажется вынуждено обратиться за военной помощью, особенно когда приступит к работе чрезвычайное собрание после прибытия депутатов из провинции, которые будут оказывать большое влияние на народ. Нельзя было предвидеть, к каким последствиям может привести подобное положение дел и какими средствами можно будет его исправить. Но позволительно было думать, считал посланник, что папа не прибегнет (по примеру своего предшественника) к иностранной помощи, и особенно Австрии. Ведь натянутые отношения римского Двора с австрийским Двором с самого восшествия на престол Пия IX теперь ещё более осложнились из-за народных волнений и неуместных или враждебных действий австрийских войск в Ферраре. Впрочем, считал Бутенев, вооружённое вмешательство Австрии, если бы папа о нём просил (что более чем сомнительно), едва ли было бы возможно в данное время и вряд ли венский кабинет на него решился бы при настроении против Австрии, как в римской области, так и по всей Италии, и особенно в Тоскане.

Обнаружившие себя признаки сближения с Францией, которые могли послужить этапом к более полному согласию и нанести урон политическим интересам Австрии, как полагал дипломат, были безразличны другим великим консервативным державам. Поэтому им надлежало решить, не уместно ли было бы в общих интересах, конечно, не как в 1831 г., создать центр общих и бесплодных совещаний в Риме, а договориться об ограничении вмешательства Франции, если в ходе нынешних осложнений в Италии, и особенно в Риме, оно произойдёт.

Государственный секретарь в связи с событиями в Ферраре выражал Бутеневу и его прусскому коллеге надежду на возможность рассчитывать на благожелательное расположение со стороны этих двух правительств. По поводу этого Бутенев

замечал: «Конечно, я не ухватился за эти неопределённые намёки и отвечал лишь общими учтивыми фразами»¹.

Ознакомившись с этим донесением Бутенева, Николай I чётко определил свою позицию по этому поводу: «Положительно, я не хочу вмешиваться ни во что»².

Однако обстоятельства не позволили ему остаться в стороне, поскольку папское правительство вскоре сделало свою ссору с Австрией предметом циркулярного сообщения к великим державам, запросив тем самым мнение императорского правительства. Суть его была изложена в депеше Бутеневу от 18 / 6 сентября 1847 г.

Итак, в С.-Петербурге сожалели об охлаждении отношений Рима с Веной. Напоминали, что не раз в опасности, грозившей папскому трону, Австрия оказывала ему важные услуги, а в условиях всеобщего возбуждения, охватившего в данное время Италию, нельзя было исключить возникновения вновь потребности в них. Находили несправедливым считать Австрию в принципе противницей оздоровительных реформ, проводимых папой, ибо она первая их советовала римскому Двору после событий 1831 г., и если бы прежний папа их провёл тогда, это намного облегчило бы задачу его преемника. Ведь и сам папа не мог не согласиться, что направленные единственно на постепенное улучшение административного управления в его государствах его цели были преувеличены, искажены недоброжелателями. Проинтерпретированные революционно настроенными лицами в диаметрально противоположном его отеческим намерениям смысле, они породили амбициозные надежды, пробуждённые итальянскими национальными мечтами. В случае их реализации они приведут к разрушению до основания различных монархий, из которых состоит Италия, так же как к нарушению положения территориальных владений, увековеченного договорами. Посему, естественно, что перед лицом таких тенденций Австрия стремится в своих итальянских провинциях, по крайней мере, заранее предохранить себя от возможной опасности. Согласно полученным от неё заверениям, в качестве превентивной меры, она не намерена пойти на вооружённое вмешательство, её интервенция может стать только репрессивной мерой, а до того Австрия ограничится лишь мерами предосторожности, каковыми и были недавно принятые в Ферраре (напомним, что её постоянная оккупация Австрией происходила на основании статей Венского договора).

Считали необходимым предупредить Святого Отца, что в сложившейся ситуации недоверие или сдержанность в отношении Австрии в условиях возможной утраты его правительством популярности из-за ошибочных мечтаний либеральной партии были чреваты опасной изоляцией. Тогда ему придётся искать поддержку других держав. Хотя их благожелательное расположение не ставилось под сомне-

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 102. Л. 19–33; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 723. Л. 210–223.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 102. Л. 19.

ние, но отмечалось, что, будучи менее независимыми, чем Австрия, в силу формы их внутреннего управления, увлекаемые часто, вопреки самим себе, общественным мнением или национальным самолюбием, они попытаются склонить папское правительство на путь либерализма, возможно слишком продвинутого, чтобы примириться с двойным принципом власти папства. Иными словами, Рим упреждали от сближения с Францией.

Чтобы в Риме не составили себе ложного представления о мотивах столь откровенных высказываний, подчёркивалось, что изо всех держав, взоры коих в тот момент были прикованы к Италии, Россия была самой незаинтересованной из-за своего положения.

Столь отдалённые, каковыми являемся мы, от государств полуострова, не нас могли бы подозревать в стремлении увеличить своё влияние, поскольку речь могла идти лишь о политическом влиянии, которого вовсе не выпало на нашу долю. Мы заинтересованы в итальянских делах, — говорилось в депеше, — лишь постольку, поскольку они связаны с общим равновесием в Европе и с сохранением принципа порядка, который мы защищаем повсюду.

Будучи издавна солидарны с Австрией в этом общем деле, полагали, что знали о её политических видах и могли судить о чистоте её намерений в отношении не только Святого Престола, но и других итальянских монархов. Удостоверить в этом римский Двор могло то, что, «когда серьёзные осложнения угрожали спокойствию на полуострове, Австрия обращалась к российскому императору с просьбой о моральной поддержке». Именно это позволяло судить о мотивах её поведения и делало российскую сторону «ответственной за него в глазах европейского мира; а в интересах того равновесия политических сил, частью которых является Италия, император сам слишком привержен полной независимости её принцев, чтобы присоединиться к мерам, которые этому противостояли бы даже косвенно. Итак, эта гарантия прошлого распространяется на будущее».

Эти соображения Бутеневу предписывалось конфиденциально сообщить государственному секретарю¹.

Тем временем в С.-Петербурге серьёзное недовольство вызвало заявление папы по поводу переговоров с Россией на заседании секретной консистории, как обычно в конце года собравшейся для посвящения в епископский сан лиц, конфирмованных папой. Ещё до его публикации кардинал Ферретти любезно предупредил Бутенева (донесение от 17 / 5 декабря), что папа скажет приблизительно следующее:

Переговоры, ведшиеся в течение некоторого времени между Святым Престолом и одной великой державой, в государствах которой интересы католической Церкви нуждались в поддержке и упорядочении, ещё продолжаются по некоторым вопросам

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104-а. Л. 105—111.

(подчёркнуто в тексте. — О.С.) в данное время и, таким образом, вовсе не были окончательно завершены, как об этом неверно утверждалось слухами и некоторыми иностранными газетами¹.

Информированные об этом (донесение Бутенева от 17 / 5 декабря), в С.-Петербурге, по правде говоря, предпочли бы, чтобы папское правительство не высказывалось по поводу переговоров преждевременно, а подождало получения известия о ратификации соглашения императором, посылка которого задержалась из-за совершенно непредвиденного обстоятельства. Но всерьёз там не возражали против заявления в тех выражениях, как сообщил Ферретти. Воздержались также ставить ему на вид всё, что могла повлечь такая «туманная манера выражаться», и не настаивали на нежелательных последствиях выражения сомнения относительно предварительного и удовлетворительного результата первого соглашения России со Святым Престолом.

Однако такая позиция резко изменилась после того, как ознакомились с самим текстом речи, содержавшей пассаж, в котором, говоря об интересах католической религии в России, их представляли «в качестве подверженных постоянным и очень серьёзным бедствиям» (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Поскольку эти слова глубоко задела императора, Бутенев был уполномочен поставить римский Двор в известность об испытанном им чувстве «удивления и огорчения». К тому же оставалось неясным многое: «...мотивы, которыми мог руководствоваться папа в этом случае, чем объяснялось это возвращение к недоверию, не хотел ли папа ответить на бестактность некоторых газетных писак, падких до новостей и изыскивающих любой повод, чтобы извратить факты и извлечь из них пользу для себя?» Правда, хотели думать, что папа слишком уважает себя, чтобы принять вызов, вступить в бой с журналистами и поддаться влиянию их мнения.

Как бы то ни было, решено было не оставаться безразличными в отношении этой демонстрации. Бутеневу предписывалось объяснить по этому поводу со Святым Престолом. «Император считает себя вправе потребовать, — говорилось в депеше в Рим от 15 / 3 января 1848 г., — чтобы истине была отдана справедливость и чтобы в ближайшее время либо посредством аллокуции, либо посредством какой-либо иной официальной публикации достойное сожаления впечатление, которое слова Святого Отца должны неизбежно произвести в Европе, было бы опровергнуто». Со своей стороны, в С.-Петербурге решили ограничиться публикацией нескольких строк в «Journal de St. Peterbourg», «оставляя Святому Отцу полную свободу дать объяснения, подсказанные его мудростью»².

По совпадению, в тот же день, 15 / 3 января, Бутенев сообщал Нессельроде о «неприятном впечатлении и замешательстве», испытанном папским правительством

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 102. Л. 36.

² Там же. Д. 148. Л. 111–115.

и самим папой в связи с публикацией в берлинских и французских газетах перевода императорского рескрипта, адресованного графу Блудову. Он был сделан необычайно быстро и стал известен в Риме за пять или шесть дней до прибытия подлинного текста из С.-Петербурга. Такая реакция в Риме, по мнению дипломата, была понятна, если учесть, что «эта публикация последовала довольно скоро за публикацией папской аллокуции, была сделана с погрешностями по незнанию или преднамеренно и в ней положительно говорилось о заключении именно Конкордата».

Бутенев постарался убедить Ферретти и папу в её ложности и неточности, прибегнув к такому простому аргументу, что ни в каком акте императорского Двора не могло быть речи о так называемом Конкордате, так как его не существовало в действительности. К этим и другим подобным замечаниям он не удержался добавить, когда Ферретти подчеркнул несвоевременное совпадение этих двух отличающихся публикаций в газетах, что это совпадение, конечно, достойно сожаления, но проистекает, главным образом, из преждевременного намёка, содержавшегося в папской аллокуции относительно переговоров с Россией. Эти предварительные объяснения произвели впечатление на кардинала, как показалось Бутеневу. И он был рад, что депеша из С.-Петербурга с официальным текстом рескрипта их подтвердила¹.

13 / 1 января Бутенев направил Ферретти конфиденциальное письмо, в котором сообщил содержание депеши Нессельроде и официальный перевод рескрипта, упоминавший о соглашении, а вовсе не о Конкордате. Из ответа кардинала посланник узнал: папа разделял беспокойство в связи с неадекватными выражениями, употреблёнными иностранными газетами по поводу переговоров, и это послужило основанием для подобной публикации в разделе известий, а не в официальной части «Diario di Roma»². Днём позже на страницах той же газеты появилась новая статья.

В ней говорилось о появившемся на страницах газеты «Notizie del giorno» за 13 января известии о награждении императором Блудова по случаю окончания переговоров со Святым Престолом.

Не ограничившись выражением своего собственного удивления, ссылались на большинство французских и итальянских газет, не только не поверивших этому известию, но посчитавших даже подложным документом рескрипт, упоминавшийся некоторыми газетами в подтверждение этой новости. И наконец, приводили следующий аргумент: как могут объяснить себе упоминавшиеся газеты, что 17 декабря император издал рескрипт о награждении своего полномочного министра за окончание переговоров, когда в тот же день Святой Отец заявил в аллокуции, что ничего заключено не было³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 145. Л. 70–72.

² Там же. Л. 129–130; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 634. Л. 145.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 145. Л. 106.

Бутенев нашёл эту статью слишком двусмысленной и носившей отпечаток недоброжелательных внушений этих самых газет, чтобы позволить обойти её молчанием. Едва он о ней заговорил при встрече, Ферретти его прервал, выразив всё недовольство и сожаление, которое его, как и папу, заставила испытать публикация этой статьи, произошедшая из-за оплошности цензуры. Он сообщил, что уже дал указание о публикации в ближайшем номере официальной газеты уточнения, соответствующего фактам и способного полностью опровергнуть ложные утверждения прессы.

Действительно, на следующий день после этой беседы в новой газете (она заменила прежнюю «*Diario di Roma*») под названием «*Gazzetta di Roma*» была помещена в официальной части статья, дух и выражения которой показались Бутеневу, «бесспорно, способными засвидетельствовать ложность и злобность утверждений, распространённых иностранными газетами, и, возможно, даже истощить источник на будущее»¹.

Известие о награждении российских участников переговоров вызвало неожиданную реакцию в Риме. Как сообщал Бутенев Нессельроде 17 / 5 февраля, Винченцо Сантуччи сделал ему намёк, исходивший, как полагал посланник, от самого папы, по поводу предполагаемого намерения императора наградить папских уполномоченных. Такой жест с российской стороны, лестный и естественный в другое время, в тот момент представлялся Его Святейшеству стеснительным и неуместным, учитывая характер объяснений, которыми стороны обменялись в последнее время. Интерпретация его недоброжелателями, так же как они пытались это сделать в отношении рескрипта и аллокуции, несомненно, только отравила бы атмосферу. Именно для того, чтобы упредить все неприятности и безосновательные трудности в нынешних отношениях, Сантуччи просил изложить Нессельроде эти соображения².

В С.-Петербурге смотрели на проблему шире. Учитывая трудные времена, переживаемые папскими государствами, депешей от 9 марта / 26 февраля сочли необходимым снабдить Бутенева некоторыми специальными указаниями, которыми он мог бы руководствоваться при выполнении трудной задачи, которую обстоятельства поставили перед ним. Отмечалось, что отношения с римским Двором носили двойной характер. Прежде всего, они чисто духовные и сводятся к законной деятельности, которую папа в качестве главы римско-католической Церкви призван осуществлять над подданными императора, принадлежавшими к этой конфессии. Но эти отношения являются также политическими, и посему на них распространяются правила, которые касаются сохранения в силе существующих договоров. При согласии по одному из этих начал возможны существенные расхождения по другому.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 145. Л. 81–82.

² Там же. Д. 146. Л. 83.

Что касалось отношений по церковным вопросам, посланник должен был, насколько это будет от него зависеть, позаботиться поставить их так, чтобы они не зависели от случайностей и осложнений нынешнего положения дел в Италии. Представлялось желательным в условиях постоянной смены правительств в Риме, чтобы Бутенев постарался так часто, как этому не противятся высшие соображения, видеться с папой и обсуждать религиозные вопросы России, давая ему «свидетельства чувства уважения и доверия».

Гораздо труднее было наметить линию поведения относительно колеблющейся почвы политических событий. Полагались на такт и прозорливость посланника, на то, что они вместе с самыми большими предосторожностями ему помогут заставить папу оценить истинное положение. Поскольку об этом говорилось ещё в инструкции от 18 / 6 сентября прошлого года, теперь на неё только сослались. В ситуации, когда события развивались в Италии «с такой зловещей быстротой, что не поддавались прогнозированию», более чем когда-либо свой долг в С.-Петербурге видели в том, чтобы помогать Австрии, насколько географическое положение России это позволит. Бутенев должен был поддерживать действия Лютцова всегда, когда речь будет идти о том, чтобы показать папскому правительству общность точек зрения и принципов двух держав¹.

Тем временем положение внутри папских государств осложнилось. На нём отразился пример представительных конституций, которые неожиданно и постепенно вынуждены были принять в Неаполе, Турине и Флоренции. Это побудило папу, «хотя, несомненно, против его воли и его собственных планов реформ», обещать подумать о новом порядке управления, более или менее аналогичном конституционному режиму, установленному в других государствах Италии. Чрезвычайной комиссии, сформированной с этой целью, предстояло решить прежде считавшуюся неразрешимой проблему — примирить духовную и неограниченную светскую власть папы с конституционными формами и разделением суверенных прав, которое было последствием этого. Общество с нетерпением ожидало публикации, хотя бы программы нового порядка вещей, намеченного папой.

Бутенев писал 4 марта / 21 февраля, что старался, насколько мог, собрать информацию, чтобы прояснить вопрос столь необычный и трудный, как вопрос трансформации священнического правительства главы католицизма в конституционное государство, согласно умеренным идеям².

События в Париже оказали влияние на настроения в Риме. Возбуждение возросло, в адрес папы последовали требования поспешить обнародовать будущую конституцию и создать правительство, состоявшее полностью из светских лиц³.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 35–37.

² Там же. Д. 744. Л. 176–177.

³ Там же. Л. 183.

Папа учёл эти требования. Новое правительство состояло из шести светских и трёх духовных лиц. Кардинал Бофонди, занимавший пост государственного секретаря всего три месяца (он сменил Ферретти, ушедшего в отставку в январе по состоянию здоровья), просил об отставке. Пост государственного секретаря и премьер-министра занял кардинал Джакомо Антонелли. Вскоре была опубликована конституция под названием «Основной статут». Общие её положения были довольно сходными с конституциями, принятыми в Неаполе, Пьемонте и Тоскане. Но кроме двух палат, оставалась Коллегия кардиналов в прежней форме в качестве избирательного корпуса папы и в качестве Верховного Сената, неотделимого от его особы. Высшая палата, члены которой пожизненно назначались папой, называлась Высший Совет депутатов. Почти месяц ожидавшаяся публикация конституции, писал Бутенев 15 / 3 марта, «стала большой сенсацией» в Риме, но, по крайней мере, общественный порядок в столице сохранялся¹.

Всего нескольких дней спустя (донесение от 18 / 6 марта) Бутенев, проанализировав ситуацию, пришёл к заключению, что новый конституционный режим был принят здесь со всеобщим удовлетворением, порядок и спокойствие продолжали сохраняться. Он отмечал только наблюдавшееся ожесточение против иезуитов, которое особенно возросло после насильственного изгнания этой корпорации из Неаполя, Генуи и Турина. Приободрённые обращёнными к народу увещеваниями папы в их пользу, они отказались или отложили свою подготовку к отъезду. Но в состоянии нынешнего возбуждения приходилось опасаться, как бы они не стали всё более и более подвергаться народной ненависти, если только они с согласия их духовных властей осторожно осуществят свой проект покинуть страну лишь временно².

Назначение Антонелли вызвало благоприятный отклик у Бутенева. Во время нанесённого ему визита вежливости он встретил любезный и предупредительный приём, полностью соответствовавший отношениям, установившимся между ними на протяжении нескольких лет. Кардинал не скрывал серьёзных трудностей общего положения данного момента и личную ответственность, выпавшую ему в качестве председателя совета. Он казался убеждённым, что конституционный режим, введённый папой, стал неизбежным следствием аналогичных решений, принятых в Неаполе, Пьемонте и Тоскане. Ещё большее основание он обретал после событий в Париже и может ещё предотвратить для римского государства опасность, которая угрожает всем государствам из-за триумфа политической и социальной революции, разразившейся во Франции.

После беседы об общем положении дел совершенно неожиданно для посланника со стороны кардинала последовали заверения во внимании, которое он уделяет тому, чтобы ещё больше укрепить нынешние добрые отношения и способствовать всеми средствами ходу и успеху дел, существующих между двумя странами.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 744. Л. 206—207.

² Там же. Л. 212.

Антонелли просил засвидетельствовать его глубокое уважение императору, с которым имел счастье познакомиться во время его приезда в Рим, а Нессельроде передать, что хранил приятные воспоминания о нём¹.

Тем временем ситуация на Апеннинском полуострове стала явно меняться под влиянием событий в Европе. Посвятив этому донесение от 2 апреля / 21 марта, Бутенев отмечал, что если последствия революции в Париже ещё не дали себя почувствовать в Италии, как там должны были ожидать, то они отразились сначала самым угрожающим образом на положении Германии. Но полное ниспровержение прежней политической системы Австрии и внезапное введение конституционного режима в этой шатающейся монархии возбудили умы в Италии.

Посланник так характеризовал эволюцию настроения того времени на полуострове. В прошлом году об освобождении от всякого иностранного влияния и федерации нескольких государств полуострова думали как о конечной цели их самых отдалённых надежд. Теперь ситуация изменилась. Они «оказались, с помощью внешних обстоятельств, действительно, не предвиденных тогда, но которыми были ускорены ход и сила местных побуждений, если уже не установленными и признанными по праву, то, по крайней мере, существующими на деле»².

За сведения о потрясениях, переживаемых Италией и другими странами, посланника благодарили и особо обращали внимание на то, что император не преминул оценить позицию, которую Святой Престол, «кажется, намерен занять в отношении польской эмиграции». Находили, что, отклонив её услуги, «папа дал доказательства твёрдости, и мы ему за это признательны», как, впрочем, и за его ответ поэту Мицкевичу, когда он просил благословить знамя «Молодой Польши». «Заявление папы, что он готов всегда включать поляков в свои молитвы, а не благословлять сегодня несбыточное дело, делает честь одновременно его такту и его уму. Подобное заявление могло произвести на императора лишь самое благоприятное впечатление и способствовать сохранению наших добрых отношений с римским Двором», — говорилось в депеше от 19 / 7 апреля 1848 г.³

В складывающейся ситуации Бутенев ожидал указаний из С.-Петербурга. Однако в той же депеше министр признался в невозможности дать какие-то новые указания в «критических обстоятельствах момента», чем адресованные ему 9 марта / 26 февраля. Он отметил, что за прошедшее время «образ действия Австрии претерпел прискорбное изменение», тем не менее старались её поддерживать, насколько возможно, в соответствии с условиями прежнего союза и оказывать главе венского кабинета моральную поддержку, о которой он просил. В качестве примера ссылались на реакцию в ответ на вторжение в Ломбардию войск сардинского короля Карла-Альберта: российский посланник при сардинском короле

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 744. Л. 237–238.

² Там же. Л. 268.

³ Там же. Д. 721. Л. 69.

был отозван в С.-Петербург, император приказал вернуть паспорт сардинскому поверенному в делах. С этой точки зрения одобрялся образ действия Бутенева, когда толпа в Риме попыталось проникнуть в жилище австрийского посла и сорвать знамя, увенчанное орлом. Этому же от него ожидали во всех аналогичных случаях, понимая, насколько такая задача может стать трудной. В заключение министр сообщил об удовлетворении, с которым император узнал о назначении премьер-министром и государственным секретарём кардинала Антонелли, о котором «сохранил самые благоприятные впечатления» после того, как познакомился в Риме¹.

После заключения соглашения со Святым Престолом более других российское правительство продолжал занимать вопрос об утверждении кандидатур, предложенных на епископские кафедры в Империи и Царстве Польском. По этому поводу Бутеневу были направлены две инструкции от 19 / 7 февраля и 9 марта / 26 февраля. Выполнить быстро полученные указания он не мог по причине того, что серьёзные внутривнутриполитические и внешнеполитические проблемы не переставали поглощать всё внимание папы и его министров. К тому же только что занявший свой пост Антонелли был слишком занят решением самых срочных проблем.

Только 3 апреля / 22 марта наконец Бутенев смог его информировать о предложении кандидатуры священника Войткевича на епископскую кафедру в Минске, а ректора тельшевской семинарии Матвея Волончевского — в Самогитие, преподобного отца Фердинанда Кана, из ордена доминиканцев, — на новую кафедру в Херсоне. Он передал также просьбу о присвоении ректору Духовной академии Головинскому звания коадьютера будущего могилёвского архиепископа *cum futura successione* (с последующим наследованием его должности) и о возможности признания общей программы для духовных учебных учреждений. Наконец, он передал кардиналу предварительный список кандидатов, предложенных на различные вакантные кафедры в Царстве Польском, подобный переданному в своё время Блудовым Джицци в отношении кандидатов на епископские звания для Империи.

Несколько дней спустя Антонелли поставил посланника в известность, что, ознакомившись с этим сообщением, папа дал указание ускорить рассмотрение предложенных кандидатов и их обычную проверку².

Вскоре переданные через Антонелли эти благоприятные заверения подтвердил сам папа в ходе беседы с Бутеневым 24 / 12 апреля. Он также высоко оценил тот факт, что «среди прискорбных внутренних потрясений, от которых теперь страдают почти все государства Европы, самое полное спокойствие царит в обширной Российской империи», и сообщил, что с большим интересом ознакомился

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 67–68.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 146. Л. 52–53, 121–124.

с императорским манифестом от 14 марта и с касающейся его статьёй в «Journal de St. Petersburg».

Воспользовавшись таким приёмом Святого Отца, Бутенев на следующий день обратился к Антонелли с просьбой ускорить решение и ответ на сделанное им сообщение. Кардинал это обещал, объяснив задержку переживаемыми трудностями, поглощавшими всё время и внимание папы и его министров. Бутенев нашёл такой ответ обоснованным. Он понимал, что изо всех тревог, в условиях подъёма выступлений итальянских государств против Австрии и растущего возбуждения умов, царящего на полуострове, наиболее серьёзной и нуждавшейся в срочном решении в глазах папского правительства должна быть сложная дилемма, перед которой оказался папа. Его положение главы католической Церкви и его личные чувства в равной мере его побуждали воздержаться от объявления войны какой-либо державе, а тем более католической. В то же время, с другой стороны, позиция других монархов Италии, уже формально находившихся в состоянии войны с Австрией, так же как воинственный порыв населения всей Италии, неодолимо влёт его, как светского монарха, на этот путь. На тот момент это трудное положение особенно осложнилось из-за того, что в нарушение указаний папы папские войска и ополчение по приказанию генералов Джованни Дурандо и Андреа Феррари только что перешли границу и переправились через реку По, чтобы прийти на помощь Фриули, захваченному австрийскими войсками. Вынашиваемое папой намерение, как уверяли, обнародовать какой-то акт с изложением его взглядов в попытке примирить долг, вменяемый ему двойной сущностью его власти, духовной и светской, не представлялось Бутеневу удачным выходом из этой ситуации. Для него было очевидно, что такой акт не сможет ни удовлетворить, ни успокоить различные влиятельные группы, особенно партию войны против Австрии, и следовало серьёзно опасаться новых крупных волнений против правительства, в последнее время до некоторой степени сдерживаемых лишь личным авторитетом папы¹.

Между тем свою позицию по поводу сложившейся ситуации папа засвидетельствовал на чрезвычайной консистории, состоявшейся 29 апреля. На ней он выразил твёрдое намерение воздержаться, несмотря на пример большинства монархов Италии, от объявления войны Австрии и от любого агрессивного акта против неё. Он также осудил командующих папскими войсками, которые перешли По в нарушение повторно отданных им приказов ограничиться лишь защитой границ римских государств.

Иностранцы были информированы о позиции папы специальной нотой, общественность узнала об этом вечером того же дня, когда состоялось заседание консистории, т. е. 29 апреля.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 146. Л. 238—239.

Трудно согласиться с суждением итальянского историка по поводу заявления Пия IX, что, будучи главой католической Церкви и светского государства, он не мог объявить войну государству, подданные которого были его детьми во Христе:

...то был не просто политический жест, обусловленный военной необходимостью, а акт, исполненный глубокого религиозного смысла. Провозглашение того, что, «будучи верными нашему высшему апостольскому служению, мы объедем все народы и все нации единым чувством отцовской любви», было не просто риторической фразой, но утверждением подлинного отцовства. Смысл этого отцовства — в экуменизме, в том, что оно распространяется на всё человечество — как на тех, кто принадлежит к католической Церкви, так и на тех, кто находится вне её.

Пребывавшее в глубоком кризисе папство продолжало стараться удержать светскую власть. Но на деле 29 апреля оно сделало свой выбор в пользу возвращения к своей собственной исторической и духовной миссии и обратило внимание на «остальной клерикальный мир и на тех, кто пребывает вне общения со Святым Престолом, на тех, кого следует вернуть и привлечь к себе». Этот акт, таким образом, клал конец существованию папского светского государства, хотя иерархи и сами папы долго ещё будут возвращаться к своим светским воззрениям, считал историк. Последнее замечание, на наш взгляд, служит как раз доказательством именно риторического характера заявления папы, а об экуменизме папство по существу не забывало никогда.

Анджело Тамборра высказал в этой связи также предположение, что если «содержавшиеся в этом акте сигналы о переключении внимания папы на решение экуменической проблемы было вполне уловлено в С.-Петербурге, то в нём следовало видеть дополнительный фактор, определявший политическую линию императорского правительства»¹.

Истолкование этого акта Бутеневым показывает, что такое предположение историка было лишено всякого основания.

В донесении от 6 мая / 24 апреля по поводу обращения папы 2 мая к своим подданным с бреве или *motu proprio*² он так интерпретировал сказанное понтификом. В заключение отеческих увещаний в самой патетической форме, чтобы их призвать к миру, согласию и повиновению закону, и после повторения решения об отказе от объявления войны папа дал понять недоброжелателям о намерении в качестве главы католицизма использовать духовное оружие против тех, кто привлечёт на себя церковную кару.

¹ Тамборра А. Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога. М., 2006. С. 98.

² По собственному почину, с собственного соизволения (*лат.*) без согласования с кардиналами.

Отказываясь от объявления войны Австрии, несмотря на манифестации, протесты прессы и настояния даже части его министров, папа в то же самое время счёл необходимым в некоторой степени принять во внимание общее желание и своё положение в отношении других государств Италии. Именно по этим причинам, считал Бутенев, папа решился освободиться от министерства, возглавляемого «деятелем столь мудрым и просвещённым», как кардинал Антонелли, чтобы заменить его новым кабинетом, состоявшим из известных сторонников итальянской независимости. Формирование этого кабинета было доверено 4 мая графу Теренцио Мамиани, поэту, публицисту, известному своими либеральными взглядами, аналогичными взглядам аббата Винченцо Джоберти, товарищем которого по изгнанию он был после событий 1831 г. и лишь недавно вернулся в Рим.

Всё правительство состояло из светских лиц, за исключением его председателя кардинала Луиджи Чацки. Поскольку в него входил светский министр по светским иностранным делам, Бутенев полагал, что государственный секретарь отныне будет исполнять лишь церковные дела в отношениях с представителями держав¹.

В такой ситуации, писал Бутенев в донесении от 31 / 19 мая 1848 г., «благотворное влияние на возбуждение умов в Риме и на происки смутьянов» оказал приезд в столицу аббата Джоберти, произведения и политические взгляды которого «заставляют повсеместно видеть в нём оракула итальянского возрождения». До приезда сюда он, как сторонник реформ и конституционной монархии, одержал победу в Турине и Милане над Джузеппе Мадзини, «настойчивым защитником демократического строя и объединения всех частей полуострова в военную республику». Поэтому его прибытие было воспринято как событие с большим проявлением энтузиазма и поддержки не только самой экзальтированной партией, но также благонамеренными лицами партии порядка и умеренности. Он был принят папой в качестве председателя палаты депутатов в Пьемонте.

Дипломат отмечал, что на такой приём папы и общества это влиятельное лицо отвечало «поведением и речью, столь же умеренной, как достойной похвалы». Проникнувшись серьёзностью ситуации, он не переставал проповедовать согласие, умеренность, подчинение законам и уважение власти монарха, как единственного средства обеспечить успех дела независимости и внутреннего благополучия Италии. Именно в таком смысле он высказывался во всех случаях, стараясь особенно открыто признавать своё преклонение и почитание Пия IX, называя его подлинным восстановителем и благодетелем Италии, все действия которого должны ему обеспечить признательность, полное доверие и безграничную преданность его подданных и всех добрых итальянцев.

Бутенев полагал, что в сложившейся ситуации такие демонстрации со стороны такого человека, как Джоберти, «не могли не оказать полезного и благоприятного воздействия на сохранение спокойствия, ободряя сторонников порядка и законной

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 146. Л. 246–250.

власти и несколько сдерживая смутьянов и недоброжелателей, стремящихся подорвать к ней доверие в своих разрушительных целях»¹.

Тем временем, как свидетельствует депеша Бутеневу от 19 / 7 апреля, российская сторона стремилась ускорить достижение окончательной договорённости как в отношении уже достигнутых соглашений, так и вопросов, по поводу коих во время переговоров в Риме уполномоченным не удалось прийти к согласию. Рассматривая одним из самых важных из нерешённых вопросов пункт о юрисдикции по брачным делам (статья VI второго протокола, подписанного 3 августа 1847 г. в Риме), правительство предлагало решить его прежде любого другого. Оно заявляло, что, поскольку в том, что касалось организации суда первой и второй инстанции, не было выдвинуто никаких возражений, оно было готово принять формулировку², получившую согласие обеих сторон, оставалось договориться относительно третьей инстанции. Самое простое и практичное решение видели в отказе со стороны С.-Петербурга от учреждения третьей инстанции в России и допуске прямой апелляции к Святому Престолу по всем рассматриваемым во второй инстанции делам, которые передавались бы обычным путём через миссию в Риме.

Поскольку после третьей инстанции, согласно каноническому закону, всегда апеллировали к Риму, имелось в виду, что эта апелляция применялась бы уже во второй инстанции. Правда, этим создавалась ещё одна трудность для подававшей апелляцию стороны, но это соображение тем меньше могло остановить правительство, что оно полностью разделяло намерения и цели папы мешать, а не облегчать скандальные процессы по расторжению браков. В этом отношении, полагали на Неве, одобрение папы было, таким образом, обеспечено заранее. Бутенев был уполномочен сделать это предложение папскому правительству. Тем самым С.-Петербург устранял трудности, возникшие в связи с предложением об учреждении Просинодального Двора, общего для Империи и Царства.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 685. Л. 471–473.

² А именно: «Первая инстанция является инстанцией епархиального епископа. Вторая — инстанцией митрополита-архиепископа, если подлежащее пересмотру дело происходит из другой епархии. Если же дело принадлежит архиепископству, тогда рассмотрение во второй инстанции, канонически возложенное в этом случае на Святой Престол, в силу уступки, с его стороны, и учитывая расстояния, будет поручаться самому близкому (ко второй инстанции) епископу на ограниченное время, которое не может превышать пяти лет, допуская, тем не менее, и для него две инстанции, помощь и вмешательство защитников брака в процесс и судебное решение с правом апелляции против этого последнего, когда оно принято в пользу недействительности связи на основании буллы Бенедикта XIV “*Dei miseratione*”. Это положение, кроме суда по брачным делам, распространяется на все другие дела, рассматриваемые в первой инстанции архиепископским судом и для которых существует право апелляции».

Ещё один пункт, по которому, по зрелом размышлении, император счёл возможным дать согласие, это вопрос о втором суффрагане в херсонской епархии, что означало выполнение статьи восьмой второго протокола. При этом, однако, выдвигалась оговорка: постоянная резиденция его не будет находиться в Тифлисе. Епархиальный епископ Новороссии будет волен использовать этого епископа по своему усмотрению. Впрочем, поскольку сообщение по морю между Херсоном, побережьем Кавказа и Тифлисом столь легко, то он сможет ежегодно предпринимать инспекционные поездки, необременительные для него, и окажется тем самым вдвойне полезен для католических жителей этих областей. Более того, в случае, если епархиальный епископ сам временно отлучится из Херсона, присутствие на месте суффрагана может стать ему необходимым.

Ограничиваясь на данный момент лишь этими двумя предложениями, рассчитывали, что папа увидит в них свидетельства благорасположения и духа примирения. «Когда же епископские кафедры будут заняты, надо будет, в частности, самим епископам проявить инициативу в отношении большинства оставшихся нерешённых вопросов, которых, — говорилось в депеше, — мы не хотели бы касаться без их помощи»¹.

Эти предложения стали итогом обсуждения Нессельроде, Перовского и Блудова. С ними (как признавался Нессельроде в частном письме Бутеневу за то же 19 / 7 апреля) на деле связывались надежды положить конец утомительным спорам, которые в своё время породила идея создания Просинодального Двора, и достичь «прямого или косвенного признания римско-католической Духовной коллегии, устранив её духовную и каноническую компетенцию, единственную, вызывавшую возражения. Отныне действительно Коллегия будет лишь административным советом, против которого не может возникнуть никакого возражения».

Что касалось второго вопроса, посланнику следовало заставить оценить эту уступку и

...в то же самое время привлечь внимание Святого Престола к необходимости тесно объединиться с нами, чтобы бороться на Востоке с проникновением французских идей, проводником которых стали ладзаристы. Так как, насколько мы готовы поддержать религиозное влияние папы на его духовенство, настолько мы должны быть против любой тенденции политического вторжения, осуществляемого под маской протектората².

Эта депеша Нессельроде была сообщена Бутеневым новому премьер-министру кардиналу Соля. В ответ 2 июля ему была вручена нота, в которой говорилось об одобрении папой обоих предложений. По поводу вопроса о втором суффрагане

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 147. Л. 14–17; Д. 148. Л. 170–175; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 61–63.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 64–65.

папа приказал особо упомянуть в готовившейся булле относительно нового разграничения епархий в Империи и создания херсонской епархии и об этом втором суффраганстве¹.

3 июля 1848 г. консистория утвердила назначение четырёх епископов из списка кандидатов, который был представлен Блудовым Джицци на заключительном этапе переговоров в Риме. Ими стали: Дмоховский, Боровский, Жилинский и Головинский. Судя по появлению не упоминавшегося в прежнем списке Дмоховского, в него были внесены с римской стороны некоторые изменения.

Сообщая о состоявшемся назначении в С.-Петербург, Бутенев особо отмечал тот факт, что Дмоховский возглавил общий список всех прелатов из Италии и Испании, получивших каноническое назначение в этом случае. К тому же, в соответствии с пожеланием императора и в качестве исключения, почти беспрецедентного до сих пор в обычаях римского Двора, епископ-суффраган Головинский был одновременно облечён званием коадьютера могилёвского митрополита и званием коадьютера *cum futura successione*, т. е. с последующим наследованием².

На этой консистории папа произнёс речь относительно переговоров прошедшего года и о последних соглашениях между российским и римским Дворами. Хотя её текст ещё не был опубликован, из достоверного источника Бутеневу стало известно, что она была задумана так, чтобы выразить признательность примирительным и лояльным настроениям, одушевлявшим императорский Двор в его соглашении со Святым Престолом³.

Текст этой аллокуции был передан Бутеневу сразу после публикации, но до того как был представлен публике и сообщён другим членам дипломатического корпуса. Заблаговременно он смог узнать лишь о духе и примирительной тенденции, но ни о выражениях, ни о размере. Ознакомившись с его содержанием, он пришёл к выводу, что эта тенденция имеет гораздо большее значение, чем он имел основания предполагать, и не преминет произвести заметную сенсацию в Европе⁴. 8 июля на страницах «*Giornale Romano*» была опубликована и аллокуция, и текст соглашения с Россией⁵.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 147. Л. 38, 40; Д. 56. Л. 252–253.

² Ранее (донесение от 28 / 16 января) Бутенев договорился с Ферретти, что Головинский будет назначен епископом-суффраганом в Могилёв и облечён полномочиями коадьютера будущего архиепископа этой епархии по причине возраста Дмоховского. Но в документе о преконизации ошибочно не было указано о назначении его коадьютером, и после вмешательства Бутенева (донесение от 5 февраля / 24 января 1848 г.) ошибка была исправлена. (Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 744. Л. 61, 75).

³ Там же. Д. 745. Л. 27; Д. 744. Л. 61, 75.

⁴ Там же. Д. 745. Л. 37–38.

⁵ Там же. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 147. Л. 6.

В аллокуции Пий IX называл это соглашение Конкордатом. Он не излагал его содержание по причине предстоящей публикации, но подробно остановился на вопросах, которые нуждались в решении. В качестве таковых были перечислены такие вопросы: о свободе верующих сноситься со Святым Престолом, возвращении духовенству имущества, о необходимости отстранения назначенных правительством присутствовать на консисториях светских лиц, чтобы епископы на их заседаниях могли бы пользоваться полной свободой; о законе, объявлявшем недействительными смешанные браки, не освящённые православным священником, о представлении дел о смешанных браках на рассмотрение и решение католического церковного суда; о некоторых законах, устанавливавших возраст для принятия монашеского обета и полностью запрещавших школы религиозных общин, уничтожавших власть провинциалов, препятствовавших и запрещавших переход в католическую религию. Дважды в ходе своего выступления папа обращался к проблеме русинов, которые из-за отступничества некоторых епископов оказались в бедственном положении, поскольку были лишены католических епископов.

В заключение папа извещал об уступках, сделанных в последнее время с российской стороны: о согласии на назначение ещё одного суффрагана при херсонском епископе и на направление брачных дел из Империи и Царства на рассмотрение Святого Престола в качестве третьей, последней инстанции Святого Престола¹.

Три экземпляра специально отпечатанной речи папы были вручены государственным секретарём Бутеневу. Один из них предназначался Блудову, а два других с собственноручной надписью Пия IX — императору и наследнику престола.

Бутенев был убеждён (донесение от 14 / 2 июля), что речь от 3 июля была продиктована желанием папы не только сгладить в глазах императора неприятное впечатление от достойной сожаления речи, произнесённой в декабре 1847 г., но и восстановить точность фактов в отношении переговоров прошлого года. Ею он хотел явно отдать должное великодушному и лояльному настроению императора и во всеуслышание объявить об упрочении искреннего согласия между Святым Престолом и Россией, так же как об очевидном доверии римского папы к покровительственным намерениям императора в пользу католической Церкви в России. Этот акт, на котором в силу январской инструкции Бутенев не переставал настаивать неоднократно, долго откладывался из-за политических осложнений и частых министерских изменений, происходивших в Риме. Лишь с приходом кардинала Антонелли он получил положительные заверения, что папа ожидал лишь ближайшей консистории, чтобы исправить недоразумение, произошедшее из-за поспешности и вызывавшее у папы глубокое сожаление. Однако на консистории 29 апреля он не смог этого сделать, поскольку она была посвящена вопросам общей политики.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 147. Л. 28–32.

Следующая же консистория 3 июля предоставила ему случай выполнить данное обещание, ведь она была посвящена исключительно отношениям Святого Престола с Россией.

Аллокуция произвела большое впечатление на Бутенева. Он был почти готов утверждать, что это был «переход из одной крайности в другую». Он находил, что, действуя широко, чтобы загладить недомолвки и замалчивания, папа придал аллокуции от 3 июля характер и форму почти Конкордата, после того как некстати возражали против употребления в императорском рескрипте Блудову этого же самого термина, которого там никоим образом не было.

Вот почему, — признавался посланник, — не без удивления, я ознакомился с этой аллокуцией, с её содержанием столь обширным, как и непредвиденным, о котором кардинал Антонелли несколькими днями ранее мне говорил лишь в общих выражениях, объясняя мне мотивы, дух и направленность, которые я должен был только приветствовать, но без того, чтобы меня предупредить в отношении ни выражений, ни дополнительных и излишних отступлений.

Дословное воспроизведение в аллокуции подписанного 3 августа Протокола (в оригинале и в латинском переводе), что придало этому документу ещё более видимость подлинного Конкордата, показалось Бутеневу в таком акте «скорее излишним», «чреватым нежелательными последствиями». Иной была его реакция на перечисление вопросов, ещё не решённых между двумя правительствами и которые не могли быть преданы гласности, не вызвав с российской стороны упреков в бестактности и несвоевременности. Хотя ничего уже нельзя было исправить, Бутенев счёл долгом сообщить свои замечания по этому поводу доверительно обоим кардиналам, но особенно Антонелли, могущему, как он полагал, «лучше оценить их важность». Он дал ему почувствовать, что содержание этого параграфа аллокуции может, с одной стороны, не без основания вызвать раздражение императорского Двора именно в момент его спонтанного благосклонного акта в отношении двух вопросов из категории, остававшихся в резерве. А с другой стороны, создать без основания трудности и помехи урегулированию других остававшихся нерешёнными пунктов. Он также заметил, что упоминание в этом публичном и торжественном акте происшедшего во время конфиденциальной встречи папы с Блудовым перед его отъездом представлялось также необычным и неуместным, тем более что, присутствуя сам на этой встрече, Бутенев находил недостаточно точным воспроизведение её содержания в аллокуции.

Объяснения Антонелли в таком же доверительном тоне посланник считал «довольно удовлетворительными и правдоподобными, если не для того, чтобы опровергнуть его замечания и аргументы, то, по крайней мере, чтобы оправдаться». Он признавал их важность в тот момент ещё и потому, что они послужили для кардинала новым поводом заверить в горячем желании укрепить отношения между двумя правительствами.

Вопрос о том, следовало ли ограничиться только этим объяснением, должно было, считал Бутенев, решить правительство¹.

Для него самого (ещё одно донесение от 14 / 2 июля 1848 г.) появление аллокуции, наряду с получением ноты кардинала Солья о назначении четырёх епископов в Империи, позволило с удовлетворением сообщить в С.-Петербург о реализации, наконец, указаний инструкций от января, февраля и апреля месяца. Ведь ими ему предписывалось ускорить окончательное решение по некоторым в принципе уже решённым вопросам и укрепить отношения со Святым Престолом в духе примирения и взаимного доверия.

А согласие на назначение Головинского коадьютером к будущему архиепископу Дмоховскому (с правом последующего наследования его сана) для Бутенева стало неожиданным и воспринималось как тем более важное что такой результат полностью отвечал видам императора. Он полагал, что папа «на него согласился, в конце концов, в качестве почти беспримерного в традициях и обычаях Святого Престола исключения лишь вследствие особо почтительного отношения к повторно выраженному императором пожеланию». Но, как покажет будущее, Бутенев глубоко ошибался в отношении мотивации этого решения папы².

Впрочем, как и в отношении задержки решения по поводу ряда предложенных кандидатур на епископский сан, которую он объяснил необходимостью проверить о них сведения, а это, в связи с приостановкой деятельности нунциатуры в Вене, обычно уполномочиваемой доставлять информацию такого рода, встретилось с дополнительной сложностью. Но он очень рассчитывал, что ему удастся ускорить их утверждение, как и решение многих других вопросов, благодаря его добрым отношениям с кардиналом Антонелли. Бутенев писал:

Вынужденный с ним советоваться в его качестве временного референдаря по духовным делам в отсутствие монсеньора Корболи (находившегося в бессрочном отпуске. — О.С.), я не могу достаточно нарадоваться действенной кооперации, ощущаемой мной во всех случаях в ходе моих демаршей в течение последних

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 147. Л. 18–24; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 745. Л. 57–58.

² По этому поводу Попов очень справедливо замечал:

«В это время, когда Головинский действительно ещё пользовался полным доверием русского правительства, Рим, вследствие тайных его сношений, уже очень хорошо понимал его значение и желал сосредоточить именно в его руках главное управление латинской Церковью в Империи, утверждая его коадьютером престарелого архиепископа. Рим собственно и желал утвердить его одного, но, чтобы прикрыть своё желание, утвердил вместе с тем Дмоховского в сане архиепископа и двух других лиц в сане епископов и старался даже уверить наше правительство, что сделал это, как исключение из принятого им порядка, единственно в угоду императору» (Попов А.Н. Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год. СПб., 1871. С. 252).

месяцев. Если эти демарши имели какой-то успех во времена столь грозные и критические для папского правительства, именно этой искренней и лояльной кооперации кардинала Антонелли, глубокому доверию, которым он пользуется у папы, и его личному примирительному и исключительно благоприятному расположению в отношении нас, я обязан, по большей части, приписать заслугу этого. К тому же, он стал теперь главным из подлинных и близких советников папы и, возможно, единственным кардиналом, сохранившим некоторую популярность, охотно заняв, после того, как покинул правительство, главой которого он был, второе место при номинальном премьер-министре кардинале Солья.

Подводя итог всему достигнутому в отношениях между Римом и С.-Петербургом, на первое место, полагал он, следовало поставить аллокуцию на последней консистории по таким соображениям:

Этим актом, значение и масштаб которого выходит за принятые пределы и, возможно, даже покушается на обычные правила осторожности и осмотрительности, папа, тем не менее, засвидетельствовал и открыто объявил перед всем миром об установившемся согласии и чувстве взаимного уважения и доверия, которые присущи теперь отношениям Святого Престола с императорским Двором.

Он не сомневался, что это заявление послужит решительным опровержением ложных интерпретаций и абсурдных, недоброжелательных комментариев противников России, и мог констатировать, что оно произвело в обществе большое впечатление и стало событием дня, «несмотря на собственные тревоги нынешнего трудного времени»¹.

Свои замечания в связи с аллокуцией, сделанные Солья и Антонелли, Бутенев смог вскоре высказать папе во время аудиенции 15 июля. Проявив соответствовавшие такой встрече обходительность и осторожность, он отметил, в частности, некоторые параграфы, могущие иметь некоторые неприятные последствия и вызывать возражения со стороны С.-Петербурга из-за несвоевременности. Папа легко уловил намёк и дал пространственный ответ. Суть его, воспроизведённая со всей возможной точностью (донесение от 21 / 9 июля), сводилась к следующему. В своей речи он

...стремился не только членов Священной коллегии, но также, некоторым образом, всех католиков ознакомить с предметом недавних переговоров и с нынешним состоянием отношений Святого Престола с российским Двором. Следовательно, он не мог обойти молчанием никакой из вопросов, поставленных той или другой стороной, были ли они уже разрешены или ещё подлежали разрешению. В своём качестве верховного главы католической Церкви он обязан воздать должное своей всеобъемлющей заботе обо всём, что касается интересов Его Церкви и здоровья его паствы.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 146. Л. 468—472.

Именно эта причина предписала слова и разъяснения, о которых шла речь и которые, «впрочем, были изложены в общих выражениях, полных умеренности и почтительности», чтобы примирить исполнение долга, присущего достоинству папы, с уважением и надлежащим доверием, должными расположению, проявленному императором в отношении Святого Престола. Перечисление, таким образом, нашло, естественно, своё место в аллокуции, тем более что, благодаря спонтанному благоприятному решению императором двух вопросов этой категории, папа оказался в состоянии объявить о «новом свидетельстве взаимного согласия в заключении аллокуции и из этого вывести счастливое предзнаменование для исхода дела по части вопросов, подлежащих разрешению». При этом сам он признаёт,

...что в их числе имеются вопросы очень трудные и щекотливые, но есть, возможно, некоторые, более лёгкие, чтобы привести к взаимоприемлемому решению, стремясь сближаться (подчёркнуто в тексте. — О.С.) на основе практического примирения. Его Святейшество будет всегда готов содействовать достижению этой цели, насколько это будет совместимо с его долгом и обязанностями главы католической Церкви.

Такое заявление показалось Бутеневу достойным серьёзного внимания. Он полагал, что «свою лепту в это доверительное излияние чувств и в это благорасположение папы в отношении нас» внесли нынешнее политическое положение и тайная надежда рано или поздно найти в позиции императора «единственный гарантированный залог наилучшего будущего для Италии, как и для всех государств Европы, потрясённых революцией». Но в то же время он мог «определённо удостоверить, что эти настроения совпадают с таковыми его советников, сегодня самых близких к его особе, так как точно в смысле этой самой речи высказывался передо мной кардинал Антонелли во время многих наших конфиденциальных бесед»¹.

Летом 1848 г. в С.-Петербурге решили вернуться к демаршам в отношении Австрии и папского правительства, чтобы добиться раздела краковско-келецкой епархии на две части. Несмотря то что вопрос осложнился в это время из-за отставки администратора епископа-суффрагана Летовского, надеялись, что он разрешится скоро, когда восстановятся дипломатические отношения между папой и австрийским правительством.

Поэтому во время встречи с папой Бутенев воспользовался удобным случаем, чтобы поднять вопрос и о разделе краковско-келецкой епархии, и об отставке Летовского. Затем он направил Солья письменное сообщение, основанное на посвящённой этому вопросу депеше от 22 / 10 июня². К нему он приложил извлечение

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 147. Л. 111–115.

² В ней признавалось, что, «канонически говоря», папа, бесспорно, имел все основания протестовать против пути, по которому императорское правительство намеревалось

из этой депеши, чтобы лучше просветить папское правительство о степени живого интереса и важности причин, которые побуждали императорское правительство договориться об удовлетворительном разрешении этого вопроса.

Сам раздел в соответствии с границами владения этой территорией между Россией и Австрией в принципе не встретил ни малейшего возражения со стороны папского правительства. Но оно признавало, что определённую задержку решения вопроса могла породить приостановка отношений между Римом и Веной.

Иначе обстояло дело с вопросом об отставке Летовского с поста администратора, которую папа считал возможным окончательно принять лишь после достижения между Святым Престолом, С.-Петербургом и Веной соглашения о разделе епархии. Все представления Бутенева, основанные на соображениях депеши от 22 / 10 июня, не привели к изменению этого решения. Он был также удивлён, получив ноту от 1 сентября / 20 августа¹, которой Солья ответил на его сообщение.

следовать вследствие отставки Летовского, который, уходя с доверенного ему поста, до принятия его отставки Святым Престолом передал свои полномочия аббату Маттиа Маршаку в нарушение церковного закона и дисциплины. Полагали, однако, что из уважения к пожеланию императора и по причинам, изложенным в депеше, папа вполне мог бы, не задевая духовные права Святого Престола, санкционировать этот путь, так как «обстоятельства дела, о котором идёт речь такого рода, что позволяют допустить или санкционировать отклонение от канонических правил». Об этом отклонении тем более надлежало бы подумать папе и его министрам, что церковная дисциплина и правила были нарушены поведением Летовского. Императорское же правительство стремится лишь договориться с римским Двором, чтобы упредить затруднения и вред, который мог бы быть причинён жителям келецко-краковской епархии временным управлением. С другой стороны, папа, продолжая противиться представленной Летовским отставке, казалось бы, желал явно санкционировать неподобающий поступок этого прелата. В ответе на депешу от 22 / 10 июня, основываясь на неуместности назначения нового администратора и викария, когда стоит вопрос о назначении не администратора келецко-краковской епархии, а епархиального епископа, он «молчаливо соглашается до окончательного решения дела о разграничении двух епархий на духовную юрисдикцию аббата Маршака» (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 745. Л. 221–222).

¹ В ноте, в частности, отмечалось, что Святой Престол «не может встретить в этом никакого затруднения, так как всегда бывает весьма кстати увеличение центров церковного управления». Но поскольку краковская епархия располагается на территории нескольких стран, необходимо, следовательно, действовать с осторожностью до того, как прийти к окончательному решению. Достижение же предварительной договорённости с Австрией неизбежно должно было повлечь задержку из-за приостановки отношений между двумя правительствами. Однако Святой Престол постарается сократить её, направив своему агенту в Вене инструкции по этому поводу. Связанное с задержкой время могло быть использовано «для сбора сведений, в которых нуждается Святой Престол для учреждения новой епархии, то есть всех тех, что касаются ассигнования и епископской резиденции, кафедрального храма, так же как капитула и семинарии». Иначе обстояло дело с немедленным принятием Святым Престолом отставки Летовского с должности администратора краковской епархии.

Найдя её составленной в выражениях, не соответствовавших нынешним удовлетворительным отношениям, он не поколебался пойти на устное объяснение по поводу манеры выражаться. Он конфиденциально просил забрать этот документ и заменить его текстом, больше отвечающим предмету и тону сообщения, сделанного им. Эти замечания были «очень сердечно» встречены Солья (он, полагал дипломат, вероятно, подписал текст, подготовленный референдарием, т. е. Корболи), и они были даже доведены до сведения папы, что возымело желаемое действие.

Прежняя нота была изъята и заменена новой. Она мало отличалась от неё по существу, но была составлена в выражениях, полных уважения и приличия, так что папа, казалось, в ней «скорее полагался на доброжелательное решение императора, вместо того чтобы произнести формальный отказ или окончательное решение по поводу немедленной отставки Летовского». Бутенев решил воздержаться с ответом на ноту до получения указаний. Он привлек внимание к запросу информации относительно ассигнования и храма для будущей келецкой епархии. Вопрос же о временном управлении епархией аббатом Маршаком в ноте Солья был полностью обойдён молчанием. Бутенев не исключал, что Святой Престол не возражал против его временного управления от имени Летовского, на что он его уполномочил, а до окончания дела утвердило императорское правительство¹.

Заполнение четырёх вакантных кафедр в Империи не сняло в целом этот трудный вопрос. Бутенев помнил (донесение от 17 / 5 сентября) о постоянных жалобах Григория XVI по поводу, так сказать, преднамеренного сохранения вакансии епископских кафедр в Империи и Царстве Польском с целью «постепенной их декатолизации», по выражению ревностных поборников римского Двора. Он не забыл и об удовлетворении, с которым Пий IX встретил неожиданно переданный ему Блудовым список кандидатов, намеченных императором на различные кафедры, когда большая часть их уже была канонически назначена. В свете этого у него вызывало удивление отсутствие в данное время интереса к вопросу о назначении кандидатов после принятия лишь четырёх из девяти предложенных кандидатур, включая двух из предыдущего списка. Причины этого посланник видел гораздо меньше в угрызениях совести папы или в недостаточности собранной информации о канонических и духовных достоинствах кандидатов — двух мотивах, прямо выдвигаемых сегодня, — чем «во влияниях и подначальной зависти» в окружении папы. Эти влияния стали заметно проявляться с возвращением к делам Корболи и удалением Антонелли, которому временно в течение нескольких месяцев была поручена эта часть дел. Настрой кардинала, полный лояльности и примирения, полагал посланник, существенно способствовал успеху последних переговоров

Папа был согласен окончательно её принять только после урегулирования между Святым Престолом и двумя императорскими Дворами соглашений по разделу этой епархии на две части (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 745. Л. 222–224).

¹ Там же. Л. 208–209, 213–217.

и публикации аллокуции от 3 июля. Не так настроен был Корболи. Бутенев не знал, проистекало ли это из-за личной зависти к Антонелли в связи с его близкими отношениями с папой или «из-за коварной жёсткости его ультрамонтанских принципов и некоторого самодовольства своими способностями и образованием, впрочем, реальными». Однако этот молодой прелат с самого начала объяснений, которые должен был дать Бутеневу в качестве референдаря по духовным делам и особенно видя слабость Солья по этой части дел, обнаружил «столько сдержанности и так мало доброй воли», сколько посланник нашёл «сердечности и взаимной предупредительности» в отношениях с Антонелли.

В ответ на проявленную им настойчивость, чтобы ускорить решение относительно выбора среди намеченных епископов, Корболи сообщил Бутеневу о согласии папы на назначение слишком малого числа предложенных кандидатов. К тому же откладывалось до бесконечности решение в отношении других, и среди них Томашевского, в варшавскую архиепархию и было дано понять об отказе в отношении кандидатуры Бонавентура Буткевича. Бутенев выразил своё удивление и сожаление по поводу решений, столь мало соответствовавших уважению и доверию, которые папа недавно засвидетельствовал императору. Он привёл и другие аргументы. Все его усилия разбились о настойчивость Корболи. Он дошёл даже до того, что намекнул, что папа, желая избежать необходимости высказываться в данное время относительно Томашевского, по поводу которого существовало некоторое предубеждение, пока ещё недостаточно прояснённое, считал бы более уместным оставить этого прелата в Калише, назначив в варшавскую архиепархию Антония Фиалковского, бывшего в ней администратором. Посланник решительно отклонил подобную инсинуацию. Он заявил сначала Корболи, а затем и Солья, что, если такая претензия, посягающая на право императора быть инициатором в выборе епископов и в распределении кафедр, противоречившая букве и духу заключённых соглашений, будет содержаться в ноте папского правительства, он откажется принять такое сообщение и передать своему Двору. Это заявление возымело своё действие — от столь необычного притязания отказались. Но большего добиться не удалось.

В переданной ему несколько дней спустя ноте речь шла лишь о четырёх названных ему Корболи кандидатах, а это значило, что не удалась его попытка добиться принятия ещё нескольких кандидатур.

В это время стоял вопрос о следующих кандидатах в епископы. В Царстве Польском: в варшавское архиепископство — Томашевский, в Люблин и Августов — Викентий Пенковский и Буткевич. В Империи: в Минск — Войткевич, в Подолию — Горский, которого уже предлагали в прошлом году¹.

При таком положении дел Бутенев попросил аудиенцию у папы. Она состоялась 11 сентября / 30 августа. Папа оказал ему более доброжелательный приём,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 745. Л. 204–208, 212.

чем когда-либо, его речь была преисполнена «доверительности и даже сердечности». Посланник, ободрённый таким приёмом, не колеблясь, прямо воспроизвёл представления, прежде сделанные министрам папы. После того как он исчерпал все свои соображения по вопросам о выборе епископов и о Летовском, он понял, что его искренняя и горячая речь не только не смутила папу, но произвела благоприятное впечатление. Папа выразил признательность за соображения, изложенные по этим вопросам его министрам, которые он охотно частично удовлетворит, и сожаление, что не может в данное время одобрить все епископские кандидатуры на вакантные кафедры Империи и Царства Польского. Ибо долг его совести ему вменял в обязанность быть очень тщательным в признании лиц, канонически пригодных к епископскому сану, и делать это только после того, как собраны все сведения по их поводу. Он постарается ускорить принятие решения, чему мешают внутренние и политические проблемы последних месяцев, о чём Бутенев знал сам.

В заключение папа просил посланника передать императору его чувства глубокого уважения и доверия, обретшие новую силу неоднократно повторенными свидетельствами его благорасположения к Святому Престолу и его большой заботе о благополучии его католических подданных и вообще об интересах католической Церкви в его обширной Империи. Он же, папа, в аллокуции от 3 июля засвидетельствовал взаимность этих чувств и был рад повторить выражение этих чувств в булле о новом разграничении епархий Империи. Услышав из уст папы такую доброжелательную речь и столь удовлетворительные заверения, посланник, выразив признательность за приём, добавил, что у него осталось одно пожелание, чтобы министры Его Святейшества всегда состязались в усердии и активности, чтобы оказать содействие намерениям и чувствам, о которых он дал знать. Папа не казался задетым или оскорблённым этими словами. Он их принял любезно и даже с лёгкой улыбкой, как бы показывая, что понимал их подлинное значение¹.

Позднее Бутенев со стороны узнал, что Корболи получил своего рода выговор от Святого Отца, рекомендовавшего обратить совершенно особое внимание на дела его ведомства, т. е. на отношения с Россией. Посланник был склонен верить в точность этой информации, судя по присланному им вежливому посланию относительно буллы о разграничении² и сообщению, что он нанесёт вскоре визит. Бутенев, будучи расположен поддерживать с Корболи добрые отношения,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 745. Л. 209–211.

² Заметим кстати, что по получении с экспедицией от 17 / 5 сентября этой буллы император, действуя, впрочем, в соответствии с установившимся обычаем, просил Бутенева (депеша от 22 / 10 ноября) передать от его лица государственному секретарю и его главному сотруднику в этом деле украшенные бриллиантами табакерку с портретом и табакерку с вензелем. Для раздачи служащим папской канцелярии направлялось 14 тысяч франков (Там же. Д. 721. Л. 115).

признавался, что не сможет больше доверять искренней поддержке этого прелата, если придётся обсуждать с ним важные дела¹.

Что касается вопроса о назначении епископов, по существу занявшего центральное место в переговорах со Святым Престолом ещё с 1844—1845 гг., существенную помощь в его решении Римом оказала информация, поступившая из неофициального источника в России ещё в 1844 г.

Из него следовало, что в С.-Петербурге существовал список из 7—8 кандидатов, «тщательно отобранных, обманутых, обработанных давно и на любой случай». Двое из них были рекомендованы Перовскому в 1845 г. архиепископом Семашко. Несколькими годами ранее он же, тогда ещё униатский прелат, до того как посвятить своих сообщников — Лужицкого, Зубко, Жарского — «гарантировал царское правительство от всякого разочарования, потребовав от них, как положено, письменное и подписанное заверение, что они перейдут в православие, как только их к этому призвуют».

Теперь этот рецепт был испробован на латинских кандидатах. От них добились, как говорилось в этом документе, письменного обещания подчиняться во всём правительству и «ещё более серьёзного обещания на будущее, если они станут епископами, посвящать тех, кого правительство назначит на вакантные епископские кафедры, не дожидаясь утверждения такого выбора Святым Престолом. Таким условием правительство рассчитывало достичь своей цели — скрытого разрыва отношений Церкви со Святым Престолом». Представление кандидатов, делаемое в Риме, «ему нужно лишь, чтобы обеспечить себе свободу назначать епископов и их заставлять посвящать по его воле». Правительство сделает, таким образом, всё, что сможет, оно не пожалеет ни обещаний, ни денег, чтобы добиться конфирмации своих кандидатов».

В упомянутый список входили: виленский прелат Пётр Жилинский, могилёвский Лаский, удостоенный митры аббат Рупейка из Самогития, Домбровский из Олика, Остапович из Каменеца и Рава из Минска. Не исключалась возможность замены одного или другого кандидата, потому что отправлявшийся в Берлин В.В. Скрипицын² был уполномочен по дороге удостовериться, пребывали ли эти

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 745. Л. 211—212.

² Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий в министерстве внутренних дел, как писал Д.Н. Толстой, Скрипицын был «слишком известен, как по своему глубокому уму... и всестороннему знанию дела, так и по непоколебимой приверженности к Престолу и Отечеству. То, что сделано им в кругу его служебной деятельности, не могло пройти бесследно, и должно было породить, с одной стороны, приверженцев, с другой — ярых врагов». Введение русского языка в делопроизводство римско-католических консисторий и в сношения латинского духовенства между собой, секуляризация церковных имуществ, участие его в деле унии 1839 г. и в присоединении к православию латышей и эстов в 1845 г. и тому подобные «действия, клонившиеся к объединению наших окраин с коренной Россией — всё это не могло не раздражать иноверцев и тех из иноплеменных русских

лица в том же настрое, и найти других в случае, если он изменился. Во всяком случае, в список включают кандидатуры священнослужителей, в отношении которых чувствовали себя уверенными¹.

Это сообщение было сделано 9 января 1844 г. Коллоредо, австрийскому послу, Головинским, ректором Духовной академии. Он был известным польским писателем, происходил из старинного дворянского рода, но был сыном бедных родителей. Образование получил в виленской Духовной академии. Когда в 1842 г. её перевели в С.-Петербург, он прибыл туда, чтобы занять пост её ректора, который не покидал до смерти. И произошло это, поскольку ему покровительствовал киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков.

В бытность его ещё только священником на него обратил внимание Скрипицын, заключивший в связи с изданным им путешествием в Иерусалим, что ксёндз, предпочитавший поклонение Св. Гробу в Иерусалиме, поклонению Св. Петру в Риме, «не может быть фанатиком». Именно он вызвал его в С.-Петербург, содействовал назначению профессором, а затем и ректором Духовной академии и, наконец, коадьютером митрополита².

Сумел Головинский ввести в заблуждение и явно расположить к себе и императора. Именно о нём Николай I высоко отозвался после посещения Духовной академии в письме Паскевичу 1 января 1845 г. / 20 декабря 1844 г.:

Ректор очень хорош, и говорил мне с ужасом про дух духовенства в Царстве, про дурное влияние, которое старались здесь приобрести приезжавшие епископы, и просил меня настоятельно не присылать в Академию учеников из Царства, не ручаясь за последствия, ежели придут в сообщение с его учениками, которыми покуда

подданных, которые руководились иными тенденциями и стремились к другим целям». Толстой считал, что вражда и даже ненависть к Скрипицыну смогли распространяться широко из-за клеветнических статей в заграничных изданиях, обретавших силу «бесспорного авторитета» по причине безгласности тогдашней российской печати. Автор этой характеристики мог судить о деятельности Скрипицына со знанием дела, ибо в 1831 г. был главой канцелярии по временному управлению Царством Польским. А с конца 1845 г. в должности чиновника особых поручений при министре внутренних дел он заведовал в Риге секретной канцелярией генерал-губернатора и занимался, главным образом, переходом латышей в православие, в конце 1848 г. был назначен управляющим остзейским комитетом в С.-Петербурге (Толстой Д.Н. Памяти В.В. Скрипицына // Русский архив. СПб., 1876. Кн. I. С. 385, 391). Скрипицын был вынужден уйти в отставку с приходом в 1855 г. в министерство внутренних дел С.С. Ланского. Главным мотивом увольнения послужило неисполнение Конкордата с Римом. С этого времени он постоянно жил за границей и умер в 1874 г. в Париже.

¹ *Voindou A.* Op. cit. Т. I. P. 381–382.

² Толстой Д.Н. Памяти В.В. Скрипицына // Русский архив. СПб., 1876. Кн. I. С. 387; Воспоминания А.О. Пржедавского. Митрополит Головинский // Русская старина. Т. 66. 1890. С. 381.

доволен. Однако надо будет подумать, как ему помочь, ибо пора подумать о будущем духовенстве Царства и приготовить его таким, каким нам надо¹.

Напомним, что, включая Головинского в список достойных духовных лиц, составляемый им по указанию императора от 25 / 13 июня 1846 г., Перовский так его характеризовал: «Замечательно умён и образован, имеет глубокие познания в духовных науках и каноническом праве, верный католик и верный подданный, не фанатик, неограниченно предан правительству и лично известен Государю императору»².

Как писал знавший Головинского и довольно часто видевшийся с ним Толстой, он

... всё то время показывал полную преданность Скрипицыну: разделял его воззрения, путешествовал, по мысли его, по внутренним губерниям, посещал православные монастыри, знакомился с нашими архиереями, выказывая им знаки глубокого уважения и совершенной христианской терпимости. Наружное согласие его со взглядами Скрипицына простиралось до того, что, по случаю встреченных в то время затруднений со стороны римской Курии при назначении к нам епископов, он подал особую записку, в которой доказывал, что по силе церковных канонов латинская Церковь в России может законно посвятить для себя епископов без согласия папы — нечто вроде янсенизма!

Ссылаясь на приведённые в работе Попова сведения о секретных доносах Головинского в Рим, в которых он обвинял Скрипицына в ненависти и в преследовании католической Церкви, Толстой писал:

Ругая его перед папой, он в то же время ползал перед Скрипицыным дотол, пока не уселся на архиепископское кресло. Быть может, что такое поведение, с точки зрения о.о. иезуитов, заслуживает полного уважения; но нам, не посвящённым в спасительное их учение, оно представляется, по меньшей мере, недобросовестным.

По существу же обвинения Скрипицына в ненависти к латинской Церкви Толстой считал несправедливыми.

Если в нём проявлялось сколько-нибудь враждебное, по-видимому, направление, то оно было вызываемо не учением латинской Церкви, а её конфессионалом, — замечал он, — из которого постоянно истекали революционные начала против России; точно так же, как он не сочувствовал прибалтийским

¹ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. V. Приложение. СПб., 1896. С. 529.

² РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 21. Л. 84.

пасторам не как духовенству, а как гонителям православия и всего русского в своём крае¹.

Как пояснил Буду, поскольку Головинский пользовался доверием правительства, его часто приглашали в Комитет по духовным делам, когда нуждались в справках по вопросам теологии и католического права. У него консультировались по поводу того, что могло быть сделано и относительно необходимых форм. Бюрократия не имела от него секретов. Он понял план правительства, принятые важные решения; у него были перед глазами письменные свидетельства полного подчинения кандидатов, которые должны быть в ближайшее время предложены. Он решил предупредить Рим. Под глубоким секретом он раскрыл это австрийскому послу Коллоредо и просил сообщить Святому Престолу. Осталось неизвестным, кто стал посредником для посла, но им не была нунциатура в Вене, утверждал Буду, полагая, что, возможно, он обратился к Ламбускини, «а вероятнее, к самому папе».

По мнению Коллоредо, большая опасность, с которой сопряжены секретные сообщения Головинского, «гарантирует чистоту его намерений». Он подвергался таким опасностям не только если бы его имя стало известно, но даже если бы малейший признак выдал бы российскому правительству, что его проекты были разглашены. Из католиков только он — оно в этом было убеждено — знал то, что замышляют; у него не было бы, таким образом, ни минуты сомнения относительно того, что он дал об этом знать. Немедленно последовало бы не только его наказание, но, несомненно, ссылка в отдалённый греческий монастырь, из которого он больше не выйдет, и пострадало бы дело, потому что удвоилась бы суровость в отношении католических священников и слезка, чтобы порвать всякие связи с внешним миром.

Головинский просил посла обещать, что доставленные им сведения будут использованы «с самой большой осторожностью».

В приложенной к письму посла записке эти сведения излагались так. Головинский считал, что это была самая опасная атака, которую должна снести Церковь, а возможности помешать ей очень затруднительны. Если Святой Престол подтверждает кандидатов правительства, катастрофа будет неизбежной. Если откажется, то легко предвидеть акты насилия. Предложений больше не сделают. Последовали бы утверждения, что не император, а один Рим, из-за своего упорства, несёт ответственность за состояние, в котором оказалась бы Церковь. Ситуация уже была плачевной. В 1844 г. в Империи было всего 4 епископа. Пивницкий был единственным епархиальным епископом (и он должен был через несколько месяцев умереть). Трое остальных были епископами-суффраганами и, по существу,

¹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. V. Приложение. С. 237; Русский архив. Кн. II. СПб., 1910. С. 501; Воспоминания А.О. Пржедлавского. Митрополит Головинский // Русская старина. Т. 66. 1890. С. 381; Толстой Д.Н. Памяти В.В. Скрипицына // Русский архив. СПб., 1876. Кн. I. С. 387.

не имели никакой власти, так как правительство, по своей воле и без шума, могло их лишить епархиального управления, которое они осуществляли в качестве капитулярных викариев. К тому же все они были людьми старыми.

Предложенный в записке выход состоял в том, чтобы сначала выиграть время. Нужно было запастись терпением и особенно ни за что не подгонять ход событий решительным отказом. Передышку же следовало употребить на то, чтобы обнаружить среди кандидатов одного или двух священников, которые могли бы опомниться и решились бы точно выполнять свой долг и сопротивляться любому требованию, противному законам Церкви. Прежде всего, это был Головинский. Он был намеченным правительством кандидатом.

Коллоредо писал, что со слов Головинского он заключил, что «он тоже дал обещания и гарантии повиновения, что он боится, что был слишком связан обещанием, но что его совесть его обязывает, чтобы зло не было допущено».

Комментарий дипломата по этому поводу сводился к следующему:

Такое предположение, которое только самая беспристрастная щепетильность обязывает принять к сведению, было представлено в слишком мрачном свете. Может быть, молодой ректор слишком легко согласился на некоторые предложения, поскольку его могла очень прельщать перспектива блестящей карьеры. Но как думать, с его стороны, об обязательствах, о которых никогда никто, ни на протяжении его жизни, ни позднее, никогда не обмолвился ни словом, тогда как, став могилёвским архиепископом, он не переставал ни на минуту давать самый редкий пример неутомимого мужества, чтобы защитить свою паству и законы Церкви? Если он нарушил свой долг, чтобы стать епископом, Перовские, Скрипицыны или подобные им это бросили бы ему в лицо, чтобы его обесчестить.

Он торжественно заявляет, — продолжал Коллоредо, — что, если Святой Престол ему поверит и утвердит назначение, он сумеет выполнить свой долг епископа и твёрдо сопротивляться. Он полагает, что Жилинский, может быть, связанный обещанием, решится вести себя так же, но ни кто-нибудь другой. Таким образом, если он и Жилинский были бы подтверждены, были бы удовлетворены самые неотложные нынешние потребности и другие конфирмации могли бы быть отложены.

Головинскому представлялся таким «счастливым» результатом, которого достигли бы два новых епископа, если бы они проявили смелость относительно решений светской власти».

То, что придаёт ей силу, укрепляет в её планах — это покладистость, встречаемая ею при их осуществлении, имеющийся у неё опыт, что всё кончается смирением перед ней, по крайней мере, в границах Империи. Сопротивление спокойное, твёрдое, которое распространялось бы на то, что касается догмы, и не препятствовало бы по любому другому вопросу повиновению правоверного лица, преданного слуги остановило бы правительство, просветило бы совесть императора.

До того же времени, действительно, чтобы добиться его согласия на притеснительные меры в отношении католиков, их ему представляли в качестве необходимых, чтобы обуздать оппозицию верующих и особенно духовенства, оппозицию, которую обвиняли в том, что она добивается, прежде всего, политических целей.

Правительство, — говорилось далее в записке Головинского, — будет продолжать идти к своей цели, насколько сможет, постепенно, без шума и огласки. Несгибаемое сопротивление, которое оно могло бы сокрушить лишь мерами очевидного насилия, и которые вызвали бы большой отголосок вовне, его остановят, его заставят колебаться. Бой должен быть дан здесь; таким образом, Церкви нужны, прежде всего, пасторы, расположенные его завязать и обладающие поручением и авторитетом, чтобы его дать...

По поводу этой программы, изложенной в нескольких строках, Буду замечал, что её автор не потерял её из виду «с наступлением дня, когда ему было дано трудиться над её осуществлением. Он принялся за неё так горячо, что, к сожалению, очень скоро умер!».

Чтобы ещё больше засвидетельствовать подлинность этого рассказа, Буду общал, что Головинский 24 / 12 апреля 1852 г. в письме Пию IX напоминал о демарше, некогда предпринятом им перед его предшественником, причём он уточнил его предмет и назвал посредника — Коллоредо.

Свою оценку этого письма Буду формулировал так:

Информация каноника Головинского стимулировала бдительность Святого Престола. Благодаря ей он стал более решительно стоять на своём, как относительно принципов, так относительно их проведения в жизнь. Ни Нессельроде, ни Бутенев, ни император, мы это видели, не смогли ничего добиться. Они капитулировали в отношении Козловского (Симеон. — О.С.), Гинтилло и Павла Рава. Они подверглись ещё худшему провалу в отношении группы нежелательных лиц, которых Перовский и Скрипицын хотели ввести в епископат. Выиграли время, и намерения изменились. Царь приехал в Рим, и были начаты переговоры, принесшие свои плоды. Но избежали большого риска¹.

Возвращаясь к событиям осени 1848 г., следует отметить, что в трудные времена, переживаемые тогда страной, папа и его министры проявляли большой интерес к оценке в С.-Петербурге положения дел в Риме и во всей Италии.

По получении сведений по этому поводу Бутенев (донесение от 4 октября / 22 сентября) известил Солья о мнении императорского Двора. Речь шла о признании «реальных преимуществ, которые успехи и победоносные действия австрийцев в Ломбардии могут обеспечить правительствам Италии, если они сумеют

¹ Boudou A. Op. cit. T. I. P. 382–388.

этим воспользоваться в интересах порядка и спокойствия внутри их государств». Солья признал «справедливость этих спасительных и всеобъемлющих соображений», а Бутенев видел основание полагать, что и сам папа также оценил их¹.

Тем временем видимость спокойствия и порядка, сохранявшаяся до этого в Риме, неожиданно сменилась катастрофической ситуацией, столь зловещей, что её последствия были неисчислимы. Первым сигналом явно начинавшейся революции стало убийство графа Пелегрино Росси, возглавлявшего консервативное правительство после ухода 21 июля в отставку правительства Мамиани. Как писал о нём Жомини в своём эссе «1848 год и европейские державы», итальянский юрист и дипломат, он находился на французской службе и в 1845 г. был назначен послом Франции при Святом Престоле. Он активно содействовал избранию Пия IX. Когда он сложил с себя полномочия посла и остался жить в Риме, папа призвал его на службу. Способный политик, опиравшийся на знания и опыт своей долгой административной карьеры во Франции, он был противником войны с Австрией. Внутри страны он смог улучшить её финансовое положение, реорганизовать правительство и армию, дал почувствовать твёрдую руку мятежным группировкам. Вовне — он считал неосуществимым итальянское единство в силу разногласий между правительствами и партиями. Поэтому, с одной стороны, он стремился разрешить с помощью европейской дипломатии опасную ситуацию на полуострове, с другой — своими переговорами он закладывал основы конфедерации, могущей объединить итальянские государства, определяя их отношения во время мира и в случае войны².

Он беспощадно преследовал демократическое движение и вызвал недовольство как левых, так и правых. Его убийство произошло на лестнице палатцо, где заседала палата депутатов, когда он туда направлялся из кабинета папы. При этом гражданские гвардейцы, находившиеся в большом количестве у входа и в вестибюле, ничего не сделали, чтобы помешать убийству и даже преследовать убийц, писал Бутенев (донесение от 17 / 5 ноября). Фактически он стал непосредственным свидетелем этих событий, ибо находился в палатцо на трибуне для дипломатов, когда начали циркулировать слухи о случившемся. Тем не менее председатель объявил о начале заседания, даже не упомянув об убийстве. Видя столь неслыханное поведение палаты, Бутенев вместе с коллегами покинул зал заседания, и по дороге они видели труп убитого.

Далее события развивались стремительно. Бутенев, как и большая часть дипломатического корпуса, был у папы, когда к нему стали прибывать делегации повстанцев. Среди их требований были: созыв Учредительного собрания, объявление войны Австрии. Когда последовали угрозы взорвать дворец, пожертвовав защи-

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 745. Л. 271.

² Там же. Ф. Коллекция документальных материалов чиновников МИД. Личный архив А.Г. Жомини. Оп. 802-а. Д. 30. Л. 63.

щавшими его швейцарцами, так же как кардиналами, прелатами, папа объявил последней депутации, что они должны создать такое правительство или такое правление, которое захотят, и что он их оставляет хозяевами, протестуя против насилия, из ряда вон выходящего в отношении него. Затем папа повторил дипломатам своё заявление, сделанное депутации повстанцев, и представил список правительства, составленный вождями партий. В возглавлявшийся Мамиани кабинет вошли вожди демократических партий.

Тем временем депутация зачитала перед собравшейся толпой список нового правительства. Она вскоре разошлась, дворец оказался свободен, и дипломаты смогли отправиться домой. Наутро папа пригласил весь дипломатический корпус (некоторые его члены до этого отсутствовали), чтобы повторить сказанное ранее. Он сообщил, что утром его швейцарская гвардия была разоружена гражданской гвардией, которая заняла все караульные помещения дворца. Таким образом, папу можно было считать пленником в руках повстанцев.

Ситуация явно становилась тревожной. Вдова России с двумя сыновьями укрылась во французском посольстве в ожидании возможности покинуть страну. Уверяли, что несколько кардиналов уже покинули столицу, а один или два попросили убежища во французском посольстве¹.

Оказавшись в такой «угрожающей и опасной» ситуации, Бутенев 18 / 6 ноября запросил инструкций на случай, если папа покинет Рим. Со своей стороны, он полагал, что должен будет оставить свой пост. Если же папа, лишённый светской власти, останется в столице «при воцарившемся здесь временном правлении республиканском или какого-либо другого рода, в таком случае присутствие моё в Риме, — писал он, — если оно может быть совместимо с достоинством и безопасностью моего звания, может дать мне возможность дожидаться предписаний».

Ознакомившись с этим донесением, Николай I предписал: «Ежели папа оставит Рим или будет лишён свободы, то посольству и всем русским не медля выехать»².

Ответ на его просьбу Бутеневу был дан в депеше от 9 декабря / 27 ноября 1848 г. Император приветствовал поведение дипломатического корпуса и, особенно, сказанное Бутеневым папе. Признавалось, что его место было при папе, когда его дворец был захвачен силами разъярённой черни, прибывшей, чтобы его вынудить к уступкам, несовместимым с сохранением какого-либо управления. Ему предписывалось, по указанию императора, информировать папу о принятии к сведению его протестов против требований революционной партии.

Поскольку было бы трудно дать особые инструкции в тот момент, предлагалось воспользоваться теми, что он был снабжён в начале года, указывавшими линию его

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 745. Л. 343–347.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 147. Л. 482–483.

поведения в условиях угрозы полного ниспровержения папских государств. В случае отъезда папы из Рима он должен был последовать за ним¹.

В положении бессилия, если не сказать пленника, в которое папа был низведён в результате успеха революционного движения, с государственным секретарём, спрятавшимся или сбежавшим, как и большинство членов Священной коллегии, Бутенев (донесение от 23 / 11 ноября) уже не надеялся получить какое-нибудь официальное сообщение. Поэтому для него стало полнейшей неожиданностью, когда от Корболи к нему поступила нота с запечатанным письмом, адресованным папой Томашевскому, имевшая целью урегулировать затруднения и задержку, с которыми встретилось продвижение этого прелата на варшавскую кафедру².

Тем временем, действительно, в сложившейся ситуации Пий IX решил бежать из Рима. О том, как это было осуществлено, Бутенев так писал 11 декабря / 29 ноября. В организации этого предприятия приняли участие баварский посланник Шпаур и французский посол Бернар д'Аркур. Первый ожидал в своём экипаже у выхода из Квиринала папу, переодетого в одежду простого священника, чтобы отвезти его в Неаполитанское королевство. Для большей конспирации с посланником ехали жена и сын.

Французский посол в момент бегства папы прибыл в квиринальский дворец под предлогом, что ему была назначена папой аудиенция. По обычаю его проводили в апартаменты папы, где он провёл пару часов, чтобы дать беглецам возможность преодолеть ворота и окрестности города. Затем он вышел, сказав охране и дежурным должностным лицам папского Двора в прихожей, что папа пошёл в свою комнату, чтобы отдохнуть. После этого посол отправился в Чивита-Веккья, где сел на французский военный корабль. Именно поэтому появилась версия, что папа отбыл с ним во Францию. На деле он отправился в Гаету, вблизи Неаполя. Туда 25 ноября прибыл папа с баварским посланником, на следующий день — французский посол, а следом за ним, также на корабле, — испанский³.

Утром 25 ноября повсеместно в Риме распространились слухи, вскоре подтвердившиеся, что папа покинул столицу. В течение пяти дней было неизвестно, куда он направился, так же как послы Франции и Испании. Узнав 30 ноября, что папа находился в Гаете, Бутенев решил немедленно отправиться туда вместе со всеми служащими миссии. Не успел он отбыть, как 2 декабря пришло приглашение папы сделать это всем иностранным представителям. Утром 3 декабря с семьёй и служащими миссии⁴ он отправился в Неаполь.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 121—122.

² Там же. Д. 745. Л. 388.

³ Там же. Л. 404—407.

⁴ В Риме он оставил только атташе миссии князя Григория Волконского. В начале февраля Бутенев предписал ему снять герб с фасада дворца миссии, сделав это ночью с необходимыми предосторожностями. Герб на церкви и набожном учреждении, зависевшем

5 декабря при встрече в Гаете, излагая ему свою позицию в связи с происходившими событиями, папа заявил, что надеялся найти поддержку в решении дела Святого Престола не у итальянских правительств, даже таких ещё прочно державшихся, как Неаполитанского и Сардинского королевства, ни даже единственно католических держав. Он рассчитывал его «торжественно передать в руки всех держав Европы, как вопрос, представляющий общий интерес для сохранения социального и религиозного порядка и всеобщего равновесия, одним словом, как европейский вопрос, особенно религиозный и социальный, а не как политический итальянский вопрос». Свои надежды в этом отношении он «с полным доверием возлагает на постоянные и хорошо известные принципы российского императора, на его великодушие, силу его характера и на влияние его обширной и могущественной Империи». Вскоре он передал Бутеневу письмо к Николаю I, датированное 4 декабря¹.

По существу это письмо ничего не добавляло к уже сказанному папой посланнику. «Мы нисколько не сомневаемся, что Ваше Величество примет искреннее участие в нашем положении в эти прискорбные времена вследствие величия Вашей души, Вашей справедливости и Вашего желания, столь всем известного, сохранить (подчёркнуто, вероятно, Николаем I. — О.С.) и поддержать порядок в общественных делах»², — говорилось, в частности, в нём.

О причине выделения императором подчёркнутых слов и его реакции на них можно легко догадаться.

Бутеневу было дано указание поддержать понтифика в принятом им решении поставить свою судьбу под защиту всех великих держав Европы, в качестве вопроса о сохранении социального и религиозного мира, в котором заинтересованы все, а не исключительно итальянского вопроса³.

от миссии, сохранялся до поступления нового указания. Волконский должен был следить за заказанными и находящимися в процессе окончания произведениями искусства; быть посредником между русскими подданными, ещё находившимися в Риме, и сначала с нидерландским посланником, а затем вюртембергским поверенным в делах присматривать за отправкой и передачей в папскую канцелярию текущих церковных дел, представляемых обычно на русском языке в корреспонденции, их касающейся, поступающей из С.-Петербурга, так же как за их регистрацией, специально доверенной российскому духовному агенту Луиджи Весковали и служащим канцелярии Жерому и Григорию Сальвиати. Через Волконского Бутенев получал ежедневно сведения о событиях в Риме, о чём сообщал в С.-Петербург. Через него он передал полученное из министерства предписание императора российским подданным покинуть Рим. Предполагая продолжить пребывание Волконского в Риме, Бутенев отмечал, что против ожидания безопасность иностранцев в столице до этого времени не подвергалась опасности (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 777. Л. 30, 33–34).

¹ Там же. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 148. Л. 28, 33–34, 36, 47–48.

² Там же. Д. 149. Л. 6–8.

³ Там же. Д. 56. Л. 294–295.

Тем временем после провала попыток побудить папу вернуться в Рим там с 11 декабря в ожидании созыва итальянского национального собрания в качестве временного правительства правил триумвират, предоставивший населению папского государства всеобщее избирательное право. Избранное 5 февраля Учредительное собрание 9 февраля провозгласило республику.

Со своей стороны, в С.-Петербурге публично засвидетельствовали свои добрые отношения со Святым Престолом. В конце декабря 1848 г. для газеты «Journal de St. Petersbourg» министерством иностранных дел была подготовлена статья. В ней доверительные отношения, установившиеся между Россией и Святым Престолом со времени заключения соглашения, подписанного 3 августа 1847 г., не поколебались поставить в первый ряд фактов, вызывающих чувство удовлетворения среди политических и социальных потрясений, переживаемых Европой. В числе последствий этого соглашения было названо создание новой херсонской епархии на юге России, а также назначение епископов на вакантные епископские кафедры: возведение епископа Дмоховского в сан моголиевского архиепископа; назначение каноника Головинского, ректора римско-католической Духовной академии в С.-Петербурге, коадьютером *cum futura successione* (с последующим преемством) моголиевского архиепископа; назначение прелата Жилинского епископом в Вильно, а Боровского, профессора канонического права в Академии, епископом Луцка и Житомира.

Далее подробно сообщалось о процедуре посвящения в их высокий сан упомянутых епископов, провозглашение которых достойными этого сана состоялось на секретной консистории в Риме 3 июля. Эта процедура происходила в С.-Петербурге в церкви Св. Екатерины, была совершена двумя епископами Царства Польского, уполномоченными на это Пием IX, в присутствии нескольких высокопоставленных государственных служащих Империи, приглашённых принять в ней участие в качестве свидетелей¹.

Упомянутое в этой статье достижение предварительного согласия между двумя Дворами относительно других кандидатур, как следовало из отчёта министерства иностранных дел за 1848 г., свелось к назначению на кафедры в новой епархии Херсона и Самогитие соответственно отца Кана и Волончевского. Предложения императора об их назначении были уже приняты папой².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 56. Л. 145–147.

² Назначение Кана столкнулось с серьёзным затруднением, которое папа успешно решил. Дело в том, что в документах прелата, подготовленных для канонического процесса, отсутствовала выписка о крещении. Вместо неё было представлено сделанное под присягой и подписанное им самим заявление Кана, в котором он ссылаясь на заверения родителей, что был крещён, но выписка была утеряна. Итак, речь шла об отсутствии документа такого важного для каждого христианина, но по ещё большей причине для священника и вдвойне — для епископа, призванного управлять или даже подтверждать одно из таинств, которого сам был лишён, и передавать полномочия или даже осуществлять рукоположения, которые в глазах

Основания для удовлетворения по этому поводу действительно имелись, ибо шесть кандидатов из восьми, представленных Святому Престолу, таким образом, получили одобрение понтифика. К тому же рассчитывали на утверждение и оставшихся двух кандидатов: прелата Горского на епископство в Подолии и каноника Войткевича на кафедру в Минске. В отношении последнего, правда, существовала определённая трудность, связанная с повышением прелатов Рава и Гинтилло без согласия Святого Отца, который через Блудова передал императору пожелание урегулировать это дело. Блудов дал согласие рассматривать эти два назначения в качестве не имевших места. После этого Волончевский был предложен в епископство в Самогитие, управлявшееся Гинтилло в качестве викария, а каноник Войткевич в Минск вместо Рава.

Имелись все признаки положительного решения вопроса о переводе епископа Томашевского из Калиша на архиепископскую кафедру в Варшаве. И уже было получено согласие на его замену в качестве епархиального епископа Калиша Блоцким, администратором епископства в Августове, и о передаче кафедры в Подлакии нынешнему администратору варшавского архиепископства епископу *in partibus* Антонию Фиалковскому. Неизвестным оставалось мнение Святого Престола о назначении прелата С.С. Джунковского на епископство в Кублин.

Иначе обстояло дело с предложением назначить ректора римско-католической Духовной академии в Варшаве Буткевича на кафедру в Августове, несмотря на то что в С.-Петербурге не скрывали, что придавали этому большое значение, но против него папу явно настроили.

Рассматривая эти результаты в целом, говорилось в отчёте министерства за 1848 г., имелись все основания быть довольными, так как нельзя было забывать, что встречаемые возражения, которые предстояло оспаривать, «неотъемлемы от характера папского правительства, которое, дорожа своей духовной властью, считает, что следует уступать постепенно»¹.

католиков становились бы изначально незаконными. Казалось, что у папы это могло вызвать лишь беспокойство и сожаление, лишая его возможности приступить, как он предполагал, к провозглашению достойным епископского сана отца Кана. Тогда к решению проблемы были привлечены специалисты канонического права. Они пришли к заключению, что каноны Церкви не предусмотрели и не предлагали никакого средства для разрешения такого случая. Ничего не дали попытки найти прецеденты или примеры случаев, подобных этому. В заключение пришли к выводу, что только духовное право верховного решения папы в вопросах догмы и дисциплины католической Церкви было способно разрешить эту трудность, позволив Кану частным порядком пройти таинство крещения у другого епископа по его выбору, чтобы запросить, таким образом, необходимый документ. Папа одобрил и согласился с такими заключениями. От его имени высшее должностное лицо, занимавшееся делами церковного суда, направило секретное письмо Кану. Оно было передано запечатанным Кану через Бутенева (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 776. Л. 459–460).

¹ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1848. Оп. 475. Л. 246–249.

Своё отношение к происходящим в папских государствах событиям Николай I изложил в ответном письме папе от 9 января 1849 г. / 28 декабря 1848 г.

Он писал, что ещё до получения письма был осведомлён о его официальных протестах, заявленных дипломатическому корпусу перед отъездом из Рима и последовавших уже из Гаеты. Со своей стороны, он принял их к сведению. Вместе с тем он был готов, как всегда, насколько отдалённость России могла ему это позволить, ответить на призыв, основанный на памятных соглашениях, которым Святой Престол обязан быстрым восстановлением своего положения, а Италия долгими годами процветания и мира, конечно имея в виду территориально-политическое устройство Италии, разработанное на Венском конгрессе. «Именно эти гарантии порядка, — утверждал он, — были недооценены, и Ваше Святейшество убедитесь сами, что вне договоров всякое воздействие с целью сохранения порядка неожиданно прекращается, предоставляя свободную арену для самых разрушительных потрясений». Император полностью разделял мнение папы, что в конкретной ситуации речь шла о вопросе не только религиозном, но гораздо больше о политическом и социальном. Одновременно он выразил готовность способствовать возвращению папе всей полноты его прав¹.

Это письмо было приложено к направленной Бутеневу 15 / 3 января 1849 г. обширной корреспонденции, состоявшей из трёх депеш и частного письма министра. Вот как разъяснялось в ней содержание письма Николая I Пию IX:

Ответ Его Величества непременно должен был заключаться в заверениях более или менее общих и нести на себе отпечаток нашего географического положения, почти не позволявшего в данный момент идти на большее. Пока Святой Отец может рассчитывать на нашу моральную поддержку, так же как на наше твёрдое желание вовсе не признавать порядок вещей, которым римские революционеры попытаются заменить его светскую власть, и мы заранее протестуем против любого нового ниспровержения подобного рода.

Конкретно выражалась готовность договориться с теми из союзников, которые более близко расположены к папским государствам, чтобы оказать папе материальную и действенную помощь, относительно мер, которые следует принять для восстановления всей полноты прав папы. В этом отношении надежды российской стороны начали уже осуществляться. Особое удовлетворение вызывал приём, встреченный демаршем папы у австрийского Двора, так же как предложение, сделанное им французскому правительству о введении его войск для восстановления папского правительства в обладании его государствами. Что касалось Франции, в С.-Петербурге признание им нового французского правительства ставили в зависимость, главным образом, от позиции, которую оно займёт по отношению

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 155. Л. 4–5; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 154–155.

к Италии, и от гарантий сохранения добрых отношений с Австрией. В связи с восстановлением с ней дипломатических отношений Святого Престола Бутеневу рекомендовалось оказать самую активную помощь новому австрийскому представителю. Одновременно посланника информировали о полученных из Вены сведениях: в ответ на просьбу папы о помощи Австрия сконцентрирует у реки По значительные силы, которые в случае нападения повстанцев перейдут реку, а далее будут действовать по обстоятельствам. Если Франция окажется готова присоединиться к её действиям, Австрия на это согласится, при условии что целью совместных действий будет лишь восстановление власти папы в Римских государствах.

В отношении конкретных вопросов, поставленных Бутеневым, ему предписывалось продолжать находиться при папе, пока он пребывает в Неаполитанском королевстве. В случае же его перемещения во Францию или в какую-либо другую страну вне Италии посланник не должен был за ним следовать, а ожидать новых указаний. Что касалось возвращения папы в Рим, как полагал император, ему было бы трудно отказаться туда его сопровождать. Особое значение придавали тому, чтобы «помешать папе броситься в объятия Франции и переместиться на территорию республики». Подобное решение имело бы самые серьёзные последствия, и в С.-Петербурге первыми сожалели бы о нём. Надеялись, однако, что осторожность побудит Пия IX не менять убежище без крайней необходимости, каковую было трудно предвидеть, пока неаполитанский король оставался хозяином у себя дома¹.

По поводу поднятого Бутеневым вопроса о присылке парохода Нессельроде, ссылаясь на императора, отклонял такую возможность, по крайней мере на тот момент, поскольку сезон для этого был неблагоприятным, к тому же этот шаг имел бы и ещё другие нежелательные последствия².

Поблагодарив посланника за предпринятые им усилия, чтобы добиться конфирмации епископов, всё ещё не осуществлённой Святым Отцом, в частном письме Нессельроде сообщал, что, со своей стороны, в С.-Петербурге «не упускали случая, чтобы отличить епископат в России». В качестве доказательства он сослался на статью в «Journal de St. Petersbourg», а также на блестящий обед на сорок человек, данный архиепископом Дмоховским, на котором присутствовали, кроме высшего католического духовенства, Блудов, Протасов, Перовский, Туркул и Нессельроде. В ответ последовало приглашение от министра внутренних дел «на целиком католический обед». В обоих случаях тост за здоровье папы следовал сразу вслед за тостом о здоровье императора, и, как полагал Нессельроде, имея, конечно, в виду священнослужителей, «Церковь была полностью удовлетворена». Сообщаемое по этому поводу, надеялся министр, «послужит полезным завершением политических сообщений, направляемых сегодня и долженствовавших

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 420–425, 440–441.

² Там же. Л. 444.

всё более и более убеждать папу и его правительство в искренности наших намерений. Мы желаем скорого возвращения Его Святейшества в Его государство. В случае необходимости император не поколеблется помочь Австрии»¹.

К свидетельствам благорасположения к Святому Престолу Нессельроде мог бы присовокупить и удовлетворение императора тем, как папа распорядился двумя украшенными бриллиантами табакерками, переданными через Бутенева, по случаю завершения переговоров о новом разграничении католических епископств в Империи. Одну из них с портретом императора он передал Антонелли, другую с вензелем — Корболи².

В соответствии с договорённостью с Антонелли и Корболи Бутеневым (донесение от 31 / 19 декабря 1848 г.) были переданы деньги (в размере 15 000 франков золотом), предназначенные папской канцелярии в качестве принятого обычно подарка со стороны императорского Двора по случаю того же соглашения о разграничении католических епархий³.

Сообщив в С.-Петербург в декабре 1848 г. об исполнении этих приятных поручений, Бутенев в начале января 1849 г. переслал письмо Корболи и ноту Антонелли с выражением благодарности за эти щедрые дары, «столь ценные во всех отношениях», так же как за денежное вознаграждение служащим папского секретариата⁴.

Святой Престол не остался в долгу. Нотой от 29 декабря 1848 г. Антонелли известил Бутенева о решении папы по случаю успешного завершения переговоров относительно различных дел католической Церкви в России и, в частности, о новом разграничении епископств наградить орденом Пия первой степени Нессельроде, Блудова и Бутенева. А Устинова, первого секретаря миссии, этим же орденом, но второй степени. Что касалось этого ордена, Бутенев сообщал, что он был учреждён трёх классов, орденой ленты не имел. До этого времени им никогда не награждались лица, не исповедующие католическую религию, а среди иностранцев им были награждены послы Французской республики (д'Аркур), Испании (Франсиско Мартинес де ла Роса) и баварский посланник (Шпаур).

Пересылая этот орден и папские бреве, переданные ему 18 февраля, Бутенев, предполагая, что император захочет наградить папских представителей на переговорах кардиналов Ламбускини и Антонелли, утверждал, что подобный акт будет с удовлетворением встречен папой и кардиналами. Он считал, что при этом оба

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 443–444.

² Там же. Л. 438; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 164; ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Corrispondenza di Gaeta e Portici. Anno 1848–1850. Rubrica 268. Fogli 19–20.

³ ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Corrispondenza di Gaeta e Portici. Anno 1848–1850. Rubrica 268. Foglio 16.

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 154. Л. 3–7; ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Corrispondenza di Gaeta e Portici. Anno 1848–1850. Rubrica 268. Fogli 5, 18.

они должны будут получить награды одного достоинства, учитывая, что если Ламбрускини раньше стал кардиналом, то Антонелли своей нынешней должностью, своей очевидной преданностью папе и расположением в отношении России имеет не меньше права на расположение императора.

Николай I это подтвердил, начертав на этом донесении: «Александра — обоим». 4 апреля / 23 марта Нессельроде сообщил о награждении их орденом Св. Александра Невского. 21 / 9 апреля Нессельроде направил в Рим письмо Антонелли с выражением благодарности за полученную им награду¹.

В С.-Петербурге решили воспользоваться выраженным в ноте Антонелли от 23 декабря 1848 г. по поводу успешного завершения переговоров о новом разграничении епископств горячим желанием папы «такого же успеха для других подлежащих разрешению вопросов».

15 / 3 февраля 1849 г. Нессельроде сообщал Бутеневу о готовности ответить на засвидетельствованное Святым Престолом пожелание и вступить с ним в обсуждение ещё не урегулированных вопросов, находя «нынешний момент весьма благоприятным» для этого. И так пояснил свою мысль:

Государственный секретарь с широкими и великодушными взглядами находится во главе дел. Он нам уже доказал, что далёкий от того, чтобы позволить мешать второстепенным обстоятельствам, он умеет охватить в целом религиозные затруднения и политические потребности эпохи. Папа имеет в нём просвещённого помощника и надёжного исполнителя его подлинных намерений.

Бутенева просили ознакомить Антонелли с таким мнением в ответ на его ноту и принять предложения, если таковые последуют со стороны Святого Отца.

Министр привлёк также внимание Бутенева к вопросу об организации суда первой и второй инстанции для брачных и других дел. Хотя она была представлена в принципе нотой кардинала Солья от 2 июля 1848 г., в С.-Петербурге ещё ожидали дополнительных соглашений, которые необходимо заключить для окончательного устройства этих судов. Бутеневу предписывалось побудить кардинала Антонелли получить указания папы по такому важному вопросу².

Что же касалось жизненно важного для папы вопроса о возвращении на трон, в С.-Петербурге (депеша от 15/3 февраля) по-прежнему выражали готовность оказать моральную поддержку любой направленной на это комбинации, предпочитая, однако, ту, которую поддержит Австрия, а ещё лучше примет на себя инициативу. И поясняли:

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 153. Л. 2–3; Д. 154. Л. 186–187, 192; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 182–183; ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Corrispondenza di Gaeta e Portici. Anno 1848–1850. Rubrica 268. Foglio 27.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 154. Л. 54; Д. 152. Л. 449–450.

Но в данное время мы не могли бы пойти на большее: географическое положение нам это не позволило бы. И если бы когда-нибудь мы призваны были бы положить на чашу весов самый решающий довод, крайнее средство было бы употреблено лишь после того, как оказались бы исчерпаны все способы для достижения умиротворения¹.

19 / 7 февраля 1849 г. Антонелли передал Бутеневу, как и всем иностранным представителям, находившимся в Гаете, ноту, извещавшую о просьбе папы о вооружённом вмешательстве правительств Австрии, Франции, Испании и Неаполитанского королевства для восстановления его власти в его государствах, повторив призыв о моральной помощи, прежде обращённый папой ко всем другим державам².

В ходе личной беседы с Бутеневым в связи с этой нотой Пий IX, говоря о придаваемой им важности моральной и охранительной поддержке императора, несколько раз повторил пожелание видеть, в качестве явного символа этой могущественной помощи, в порту Гаеты флаг России на одном из российских военных кораблей или пароходов. Посланник пообещал довести его до сведения императора. Саму же настойчивость по такому второстепенному вопросу он истолковал как «ещё одно доказательство большого значения, придаваемого папой и его правительством тому, чтобы заручиться продолжением благожелательной поддержки императора». Он увидел в ней также свидетельство того, что «они правильно судят о выгодах позиции, которую заверения в этой поддержке и в доброй воле им уже доставили перед лицом как друзей, так и врагов их дела, так же как в глазах всех держав, да и самой Австрии».

Что же касалось ответа на ноту Антонелли, в нём Бутенев воздержался от упоминания испанского предложения о созыве католического конгресса для решения вопроса о мерах для обеспечения папе светской и духовной власти, к которому вернулся ряд дипломатов. От интересовавшихся его мнением коллег на этот счёт, посланник не скрывал, что такая инсинуация представлялась ему неуместной. Он ссылаясь при этом и на то, что идею конгресса или какой-нибудь европейской конференции в Гаете или Неаполе отклонило само папское правительство, считая несвоевременной и преждевременной, если не сказать вредной, в момент, когда оно связывало свои надежды на спасение с немедленным и материальным действием³.

Тем временем в ответ на обращённый к ним призыв в конце апреля 1849 г. на папскую территорию вступили австрийские войска. Они дошли до Анконы, а с юга действовали испанский и неаполитанский корпус. 25 апреля в Чивита-Веккья высадился французский корпус. В мае он получил приказ вступить в Рим. 1 июня началась осада города. 2 июля правительство сложило свои полномочия. Гарибальди с несколькими тысячами солдат покинул город. На следующий день он

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 446–447, 456.

² Там же. Д. 154. Л. 96.

³ Там же. Л. 105–107.

был взят, а вскоре было восстановлено папское правление. Но папа не спешил вернуться домой. Это было продиктовано его стремлением восстановить и сохранить в его государствах абсолютистский режим, чему препятствовала позиция Франции. Папа заявил, что не вернётся в Рим, пока не получит гарантии, что французы откажутся от их реформаторских замыслов и их войска обеспечат защиту светской власти папы. Поэтому вместо того, чтобы отправиться в Рим, папа 4 сентября 1849 г. из Гаеты переехал в другой дворец неаполитанского короля Фердинанда II в Портичи, более отдалённом от Рима месте, чем Гаета¹. Возвращение в Рим Пия IX произойдёт только в апреле 1850 г.

Из предписаний Бутеневу, содержащихся в обширной корреспонденции за 15 / 3 января 1849 г., раньше других и совершенно для него неожиданно ему удалось разрешить вопрос о временном, до достижения окончательного раздела краковско-келецкой епархии, управлении её частью, находящейся в границах Царства Польского, аббатом Маршаком. Он ознакомил Антонелли с депешей по этому поводу и передал составленную на её основе ноту от 14 февраля. 23 февраля он получил ответную ноту Антонелли. Папа был согласен на такое временное назначение аббата и хотел, чтобы в сложившейся ситуации воспользовались способом исключительным и одновременно самым быстрым, чтобы передать аббату соответствующие полномочия через нунция в Вене, прося его доставить их ему в сохранности. Чтобы придать ещё большую деликатность этому способу, Антонелли вручил Бутеневу пакет, содержащий указания папы Виале-Прела. Посланник отправил его в С.-Петербург, где должны были решить вопрос о способе передачи этого пакета по назначению в обстоятельствах того времени².

Позднее Бутеневу (донесение от 3 мая / 21 апреля) удалось окончательно урегулировать вопрос об организации духовного суда по делам брачным и другим, успешно разрешив возникшие было затруднения. Он напомнил, что в своей депеше от 15/3 февраля 1849 г. Нессельроде ссылался на ноту Соля от 2 июля 1848 г., которой санкционировалась основа организации суда на связях между первой и второй инстанциями и обращении с апелляцией в качестве третьей инстанции к Святому Престолу. Затем в ноте, правда, очень осторожно ставился вопрос о трудности для Святого Престола явно согласиться на посредничество императорской миссии в Риме в качестве правомочного пути для передачи апелляций такого рода, не предвосхищая тем самым решение вопроса о свободном сообщении между Святым Престолом и католическими подданными Империи и Царства. Об этом же говорилось и в депеше Нессельроде от 19 / 7 апреля 1848 г.

¹ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный союз от Венского до Берлинского конгресса. Т. II. Ростов-на-Дону, 1995. С. 38–39; Канделоро Дж. История современной Италии. Т. 4. С. 31–36.

² АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 776. Л. 75–76.

По мнению Антонелли, в специальное соглашение о юрисдикции по брачным делам было неуместно включать такую статью, чтобы избежать преждевременного и необоснованного возвращения к деликатному вопросу, который следовало оставить для будущего соглашения по всем вопросам, включённым во второй Протокол. Он предложил поэтому сформулировать ноты, обмен которыми должен был состояться таким образом, чтобы обойти молчанием упомянутую статью. Одновременно он заверил, что Святой Престол молча признает передачу апелляций посредством императорской миссии, ожидая будущего рассмотрения ещё не решённых вопросов. Но и тогда римский Двор, вероятно, будет обосновывать свои настояния по поводу бóльшей свободы сообщения с католическим духовенством и верующими, гораздо меньше на том, что касается церковной юрисдикции вообще, чем на отдельных случаях и обязанностях апостольского сана духовника.

После таких объяснений были составлены ноты и произошёл обмен ими¹.

В ноте от 10 апреля / 29 марта в связи с достижением удовлетворившего обе стороны соглашения Бутенев просил Антонелли получить указания папы относительно передачи и посылки надлежащих полномочий для решения во второй инстанции дел брачных и духовных, рассмотренных в первой инстанции судами соответствующих архиепископов.

В ответной ноте Антонелли был рад передать идентичные акты о запрошенных полномочиях для могилёвского и варшавского архиепископов. Однако, поскольку ему не доставало топографических сведений о епископствах Империи и Царства Польского, о чём он уже устно информировал Бутенева, он оставлял за собой право сделать это тотчас, как сможет располагать такими сведениями².

В С.-Петербурге были довольны этим соглашением. Император одобрил содержание нот. Он особо приветствовал осторожность, позволившую избежать того, чтобы преждевременно высказаться относительно пути, который следует принять для передачи в Рим апелляций в третьей инстанции, поскольку, с одной стороны, он вовсе не хотел без основания возбуждать спор о принципах, а с другой — его вполне устроили данные Антонелли объяснения.

Теперь ожидали присылки необходимых полномочий для епископов, чтобы решать во второй инстанции, в силу папского поручения, дела о браках и другие, которые в первой инстанции были рассмотрены архиепископами Могилёва и Варшавы. Рассчитывали также, что это соглашение найдёт место в булле или бреве, которое не преминули бы предать гласности³.

Не располагая в Гаете всем необходимым для издания булл и бреве, папа решил заменить их рескриптами, направленными от его имени одному из епархиальных

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 154. Л. 276–277.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 776. Л. 158–159.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 461–464.

епископов Империи и одному из епископов Царства. Этими рескриптами им предоставлялись полномочия рассматривать соответственно во второй инстанции брачные и другие духовные дела, рассматриваемые в первой инстанции одним из архиепископов, моголи́вским или варшавским.

Передавая Бутеневу ноту от 15 июня, Антонелли одновременно вручил два рескрипта с упомянутыми полномочиями на имя епископа Луцка и Житомира для Империи и епископа Плоцка для Царства Польского, а не Сандомира, который был предпочтителен, как сообщали Бутеневу из С.-Петербурга. Будучи ознакомлен с упоминавшей об этом депешей, кардинал заверил, что не было никакого особого и личного мотива для наделения такими полномочиями именно епископа Плоцка. Поэтому не составит труда, когда обстоятельства позволят, папскими бреве в обычной форме предоставить полномочия, дарованные теперь рескриптом, и заменить в них, если императорский Двор желает, его имя именем епархиального епископа Сандомира, столь же близко расположенного к кафедре варшавского архиепископства, как епископ Плоцка¹.

Со своей стороны, российское правительство на будущее пошло на упорядочение в Империи формы обнародования папских постановлений и положений, принятых с общего согласия. В основу были положены предложения, изложенные Блудовым в докладе по этому поводу. Святой Престол их поддержал. Вследствие этого в России предполагалось опубликовать сборник религиозных постановлений в виде специального кодекса, а новые предписания постепенно к нему добавлять и сообщать как компетентным властям в Империи, так и католическим епископам, которые должны будут их обнародовать в своих епархиях².

Что касалось позиции России в отношении событий в Италии и в Риме, в частности, непосредственно участвовавший в её формировании Жомини в упоминавшемся эссе «1848 год и европейские державы» так подвёл её итог. В Риме,

...где политический вопрос осложнялся духовным верховенством папы, наша деятельность могла быть также только моральной. Она проявилась особенно, когда папа, выбитый из колен революцией, напуганный её последствиями, отказался от своих прежних склонностей и приложил все усилия, чтобы противостоять вмешательству власти толпы. Наше одобрение его постоянно сопровождало и поддерживало в его усилиях; оно, главным образом, имело предметом устранение элементов разногласий, которые вкрадывались в его отношения с Австрией, и в сближение с этой державой, в качестве его естественной опоры к общему благу, —

писал он. В более широком плане позиция императорского правительства во время пребывания папы в Гаете, пояснил он, сводилась к следующему:

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 94–96.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1849. Оп. 475. Л. 116.

Оно не пренебрегало ничем, чтобы его утвердить в решимости не ставить своё дело, в отношении своих восставших подданных, в зависимость от недостаточной помощи итальянских правительств, ни даже от намерений одних католических государств, а поставить его под эгиду всех великих держав, как вопрос Европейский, а не исключительно Итальянский. Наша самая активная поддержка была ему обеспечена у правительств более близких, чем мы, чтобы материально помочь вернуть полноту его прав¹.

Иной была позиция российского правительства в отношении привлечения его к решению внутренних проблем в папских государствах.

Осенью 1849 г., предвидя возникновение вопроса о реформах в них, в С.-Петербурге предупредили Бутенева об отказе участвовать в любого рода международных совещаниях по этому поводу. На такое предложение ему предписывалось ответить, что его правительство, после участия его войск в подавлении восстания в Венгрии, вновь вернулось на своих границах к нейтральной и чисто оборонительной позиции, провозглашённой в прежних заявлениях.

Их суть сводилась к следующему: за другими странами сохранялась полная свобода вносить в форму их правления и во внутреннее устройство любые изменения, которые они захотят, лишь бы революции в соседних странах рикошетом не создали угрозу безопасности России или не изменили во вред её интересам установленные договорами территориальные границы. Такой случай, в отношении которого сохранялась полная свобода действий, явно не мог возникнуть из-за осложнений, источником коих стала бы Италия, учитывая географическое положение. Поэтому, не противореча собственным заявлениям, представлялось невозможным принять какое-то непосредственное участие во внутренних делах полуострова².

Переживаемые папством трудности и вопрос о его будущем живо занимали российское общество. Среди написанного по этому поводу особый интерес, несомненно, представляет опубликованная в 1850 г. в «*Revue des deux Mondes*» политическая статья Ф.И. Тютчева «Папство и римский вопрос»³.

Её автор воспринимает «римский вопрос» не как вопрос дня, а как вопрос века, вобравший в себя «все аномалии, все противоречия, все непреодолимые затруднения, с которыми бьётся Западная Европа». Понять его глубину, по его мнению, мешало мнимое сходство только что происходившего в Риме с имевшими место

¹ АВПРИ. Ф. Коллекция документальных материалов чиновников МИД. Личный фонд барона А.Г. Жомини. Оп. 802-а. Д. 30. Л. 74–75.

² Там же. Отчёты МИД. 1849. Оп. 475. Л. 475–476.

³ Тогда он был больше известен не как поэт, а как дипломат, долгие годы проживший на Западе и хорошо знавший его проблемы. При этом три года он провёл в Сардинском королевстве. В 1837–1839 гг. он был старшим секретарём российской миссии в Турине, а в отсутствие посланника с июля 1838 г. по июль 1839 г. исполнял обязанности поверенного в делах.

прежде в его истории революционными событиями и действительная связь с общим движением европейской революции. На деле же эта глубина определяется тем, что папство является тем столпом, «который ещё кое-как поддерживает на Западе весь тот край христианского здания, которое уцелело после великого погрома XVI века и последовательных обвалов, совершившихся с той поры». Ибо из того, что было связано родством с римским католицизмом и осталось на Западе — это протестантство, которое «умирает от истощения во всех странах, где оно до сих пор господствовало, за исключением одной разве Англии», а возникающие религиозные доктрины, «очевидно, не более как личные мнения».

Тютчев признаёт, что требуемые от папы преобразования и уступки совершенно законны, справедливы, что их следует удовлетворить не откладывая. Для него было ясно, что серьёзные реформы существующего образа управления, о которых теперь шла речь, приведут к утрате папой светской власти, что поднимало вопрос о том, к кому перейдёт светская власть в папских государствах, под опекой которой папству придётся жить. При этом удовлетворение этих по существу местных и сравнительно незначительных интересов чревато воздействием на вопрос «исполнительской важности», ибо всякая реформа неизбежно ведёт к секуляризации (утра- те учреждением церковного и обретению чисто светского характера), а это «при нынешних обстоятельствах не что более, как сложение оружия перед неприятелем, капитуляция».

Причину, почему Рим оказался в таком положении, автор видит в том, что, порвав с православными поучениями вселенской Церкви и отделившись почти восемь веков назад, он счёл себя вправе, исходя из собственного интереса, который отождествил с интересом самого христианства, устроить царство Христово как царство мира сего, вопреки тому, что Спаситель говорил: «Царство Моё не от мира сего». В силу навязанного Римом христианскому началу устройства с течением веков Западная Церковь «почти совершенно утратила облик, указанный её исходным началом. Она перестала быть среди великого человеческого общества обществом верующих, свободно соединённых в духе и истине под Христовым законом: она сделалась политическим учреждением, политической силою, государством в государстве». Такое устройство, привязав Церковь к земным интересам, создало ей, «так сказать, смертную судьбу». Из него вытекала для римской Церкви необходимость войны, причём войны вещественной. Она вылилась в борьбу притязаний и соперничества интересов, породивших борьбу между папой и империей в средние века. Отсюда постоянные усилия Рима закрепить вещественную власть, что ему представлялось невозможным без сохранения единства Церкви. Но именно эта власть разбила тогда это «воображаемое единство», ибо движение за реформы в XVI веке имело в своём основании реакцию христианского чувства против власти Церкви. Оно же допустило ошибку, апеллируя не к суду высшей и законной власти, а к суду личной совести, а посему оно сбилось с истинного пути и пришло к отрицанию авторитета Церкви. Таким образом, протестантство пробило брешь,

через которую противохристианское начало проникло в западное общество. В последующие три столетия оно под видом права человеческой личности постоянно боролось со всеми христианскими элементами этого общества. Заключительным аккордом этого стало отношение к христианству, открыто сформулированное Великой французской революцией: «Государство как таковое не имеет религии». Но на деле оно лишь потому изгоняет государственную религию, что у него есть своя. И этой религией является революция. В свете этого

...легко понять, — писал Тютчев, — невозможность того положения, в которое хотят поставить папство, заставив его принять для своей светской власти условия нынешнего государства. Природа начала, лежащего в основании этого последнего, хорошо известна папству: оно инстинктивно чувствует её, и в случае нужды христианская совесть священника предостережёт папу. Между папством и этим началом невозможно соглашение; ибо здесь соглашение было бы не простою уступкою власти, а отступничеством.

Поэтому предстаёт лишённым всякого здравого смысла предложение принадлежащих к умеренному направлению лиц принять эти учреждения без их основного начала, так как невозможно их отделить от него.

Если бы папа был только епископом, то есть если бы папство осталось верным своему происхождению, то у революции не было бы оружия для нападения на него; ибо гонение не есть такое оружие. Но то чуждое начало, которое папство отождествило с собою, начало смертное и преходящее, — оно-то и делает его теперь доступным для ударов революции.

Проявлением же властной логики действия Промысла стало то, что эти удары изо всех учреждений, порождённых папством со времени отделения его от православия, более всего направлены на светскую власть, которая глубже других обозначила это отделение, его усилила и утвердила, и «именно на этом-то учреждении теперь и спотыкается папство!».

Папа не мог не видеть расчёта и задней мысли в идее, овладевшей в предшествовавшее революции время партиями и массами, поставить его во главе борьбы за национальную независимость, в его популярности. Ведь было очевидно, что впервые захотели «воздать поклонение папе, отделяя его от папства», что он потому и стал предметом поклонения, что надеялись, замечал Тютчев, в нём «найти сообщника против учреждения, словом, хотели задать праздник папе, сжигая папство в потешном огне».

Два наиболее живые и сильные чувства современной Италии: «отвращение от светской власти духовенства и завещанная преданием ненависть к иноземцу, к “варвару”, к немцу, — оба эти чувства требовали содействия папы их делу». Однако когда папство не смогло больше продолжать свой уклончивый образ действия и обнаружило намерение вернуть себе своё право, революция показала

свою подлинную цель, учредив республику, а совершившая это партия не скрывала, что считает папство своим врагом. Папе удалось победить благодаря вмешательству Франции. Что касалось положения папы по отношению его подданных, то оно характеризовалось возвратом к порядку вещей, предшествовавшему его восшествию на престол, на котором отразилось к тому же всё случившееся с того времени и принесло в нравственной области разочарование и предательство, а в материальной — ряд крушений. Заключительным аккордом такого положения неизбежно должна стать секуляризация. Папа не может на неё согласиться даже в обыкновенное время, так как светская власть — это не его личное достояние, а римской Церкви. Ещё менее он готов на неё пойти теперь, после того как убедился, что она, даже будучи дарована ради удовлетворения действительных потребностей, принесёт выгоду врагам его и его Церкви. Среди подданных папы ненависть к господству духовенства не только не ослабла, но ещё усилилась после неудачных преобразований. Находя, что сложившееся положение «поистине страшное», «такое ужасное, такое противоестественное» не может продлиться, Тютчев полагал, что Господь откроет папству путь, укажет выход, «чаемый уже многие века», когда будет покончено с целыми веками «суетных притязаний и противохристианской вражды». Нельзя было исключить, что папство и католическую Церковь на этом пути ожидает ещё много превратностей и несчастий.

Между тем православная Церковь с надеждой и уверенностью ждала этого исцеления, того, что «едино по существу, что едино в вечности» восторжествует «над разъединением во времени». Она признавала, что «христианское начало никогда не исчезало в римской церкви, что оно было в ней сильнее, чем заблуждение и человеческая страсть», и что «оно окажется сильнее всех своих врагов». Она знает, что как на протяжении веков, так и теперь — «судьбы христианства на Западе всё ещё находятся в руках римской Церкви; и оно твёрдо надеется, что в день великого воссоединения эта Церковь возвратит ей неповреждённым этот священный залог»¹. Одним словом, Тютчев первый шаг в воссоединении Церквей ждал от Рима.

¹ Тютчев Ф.И. Сочинения. СПб., 1912. С. 307–323.

ЧТО СТОЯЛО ЗА «УГРЫЗЕНИЯМИ СОВЕСТИ» ПИЯ IX В ДЕЛЕ АББАТА БУТКЕВИЧА?

Как отмечалось, летом 1847 г. Курии был передан список кандидатов на возведение в епископский сан, удостоенных одобрения императора. Спустя несколько дней после его вручения стало известно об указании папы немедленно собрать необходимые сведения об этих лицах¹.

В июле 1848 г. шесть из восьми предложенных кандидатур получили одобрение папы. К концу года в отношении двух оставшихся вопрос представлялся также почти урегулированным. Поэтому полной неожиданностью стало возникновение серьёзных трудностей с назначением ректора римско-католической Духовной академии в Варшаве аббата Буткевича на кафедру в Августове, несмотря на то что в С.-Петербурге не скрывали придаваемого большого значения этому назначению. Бутеневу было дано указание «не пренебрегать никакими усилиями, чтобы добиться утверждения этого кандидата»².

В справке, приложенной к депеше Бутеневу от 19 / 7 февраля 1848 г., о нём сообщалось следующее. Ему 53 года, он принадлежит к одной из знатных семей. Окончил сейенский лицей, теологию изучал в Варшавском университете, где получил степень магистра теологии. В 1822 г. был назначен каноником августовского капитула; в 1826 г. стал прелатом августовской епархии. В 1827 г. выполнял обязанности главного официала в соответствии с распоряжением епархиального епископа. В 1830–1831 гг. управлял епархией в отсутствие епископа, уехавшего за границу на лечение. После смерти епископа некоторое время по состоянию здоровья оставался без занятия, но после того, как поправился, вновь исполнял функции главного официала августовской епархии. С 1842 г. является ректором римско-католической Духовной академии в Варшаве. В 1844 г. он получил от папы Григория XVI диплом доктора теологии³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 103. Л. 459–460; Ф. Отчёты МИД. 1847. Оп. 475. Л. 66.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1848. Оп. 469. Д. 56. Л. 246–249.

³ Там же. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 24.

В частном письме Нессельроде из Рима от 28 / 16 февраля 1847 г. Блудов поднял вопрос о необходимости составления списка кандидатов в епископы для Царства Польского. Со своей стороны, исходя из собранных им сведений, он считал долгом особенно ходатайствовать о возведении в епископский сан двух прелатов: Томашевского и Буткевича. По поводу последнего он писал: «Буткевич — человек вполне достойный, образованный, благородного и твёрдого характера, преданный правительству именно потому, что он благоразумен и желает порядка своему отечеству»¹.

С письмом к Бутеневу 20 / 8 января 1849 г. обратился и наместник Царства Польского, подчеркнувший, что назначение Буткевича было важно не только потому, что речь шла о священнике, бывшем всегда преданным правительству и пользовавшемся его доверием, но и в качестве назидания другим священнослужителям. «Нужно, — писал он, — чтобы польское духовенство знало, что постоянная верность монарху и добросовестное исполнение своего долга подданного и для папы является свидетельством, дающим право для достижения самого высокого духовного звания»².

Более широко и в несколько ином ракурсе, но, по существу, с той же аргументацией, важность для С.-Петербурга положительного решения этого вопроса обосновывалась в депеше от 12 июня / 31 мая 1849 г., направленной Бутеневу из Варшавы Нессельроде. Она должна была послужить ему основой для опровержения выдвинутых против Буткевича обвинений. Посланник не только изложил содержание её кардиналу Антонелли, а позднее в июле зачитал Пию IX, но и передал извлечение из неё, в котором наряду с незначительными стилистическими изменениями в нескольких случаях смягчил некоторые выражения.

Обращая самое серьёзное внимание посланника на нежелательные для российской стороны последствия отклонения Святым Престолом кандидатуры Буткевича, министр напоминал, что корректное поведение этого прелата, умевшего всегда совместить долг своего священнического призвания с обязанностью верности и повиновения монарху, обеспечило ему с полным основанием уважение и доверие правительства.

В этом-то, несомненно, непростительная вина его в глазах врагов нашего правительства, — говорилось в депеше, — а именно польской эмиграции, которая, будучи причастна ко всем мятежам, всем восстаниям, в какой бы стране они ни начинались, с неизменной активностью трудится повсюду над ниспровержением социального порядка и законной власти. В своей ненависти к Буткевичу революционная партия стремилась своими происками при Святом Престоле оклеветать этого прелата в глазах папы с канонической точки зрения.

¹ Цит. по: *Попов А.Н.* Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год. СПб., 1871. С. 248.

² АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 780. Л. 253.

Особую значимость этому последнему факту в глазах С.-Петербурга придавало то, что духовенство Царства Польского по большей части разделяет в глубине души политические страсти эмиграции и старается внушить общественному мнению, что единственной причиной отстранения кандидатуры аббата Святым Отцом послужила общеизвестная преданность его правительству.

В условиях такой двойной игры, оказывавшей самое пагубное влияние на моральный дух польского духовенства, «наибольшее число священников, верных своему долгу в отношении правительства, старается, — отмечалось в депеше, — скрывать их чувства, чтобы не подвергаться преследованиям революционной партии, стремящейся очернить перед Святым Престолом всякого прелата, не действующего заодно с врагами правительства».

В заключение следовала ссылка на то, что во время своего недавнего пребывания в Варшаве, лично убедившись «в достойном сожаления духе противостояния и враждебности, царящем среди католического духовенства Царства Польского», император «ещё более почувствовал... необходимость введения в состав епископата лиц, политические принципы коих были бы способны внушить полное доверие правительству». Исходя из этих соображений, Бутенев был уполномочен ходатайствовать самым настоятельным образом перед Святым Отцом на конфирмации аббата Буткевича, «ставшей, так сказать, необходимой для опровержения лживых утверждений, приданию правдоподобного характера которым чрезвычайно способствовало отклонение кандидатуры этого прелата». Конкретно посланник должен был просить Антонелли со своей стороны побудить Пия IX оценить изложенные в депеше серьёзные соображения, заставляющие императора горячо желать возведения Буткевича в епископский сан¹.

К депеше была приложена записка Буткевича с объяснениями по поводу обвинений, которые, насколько ему стало известно, частным образом, были возведены на него перед папой.

На обвинение, что устав Духовной академии был им составлен без участия епископов и был противен духу католицизма, разъяснялось, что он был составлен в 1836 г. особым назначенным для этого комитетом из духовных лиц под председательством бывшего тогда администратора варшавского архиепископства, впоследствии августовского епископа Страшинского. До утверждения его императором он был сообщён всем епархиальным епископам и администраторам епархий. Ксёндз Буткевич в это время жил в Варшаве, будучи официалом августовской епархии, и только шестью годами позже был назначен ректором Академии, а посему не имел никакого отношения ни к уставу, ни к положению о внутреннем устройстве Академии, составленному тем же комитетом. При нём было составлено

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Д. 152. Л. 466—469; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 200—201, 221; ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Corrispondenza di Gaeta e Portici. Anno 1848—1850. Rubrica 268. Fascicolo 466—468.

только постановление о признании Академией учёных степеней, утверждённое после принятия его епископами.

Чтобы убедиться в том, что Академия ни в каком отношении не может считаться школою антикатолическою, он призывал ознакомиться с её уставом, положением о её внутреннем устройстве и о порядке признания учёных степеней. Тогда станет очевидно, что преподавание ведётся по трудам тех же учёных, что и на католических факультетах в Европе, и по программе, утверждаемой ежегодно высшим начальством. Требования гораздо более высокие, чем обычно к монашескому сословию, предъявляются к дисциплине, духовным упражнениям и нравственности учащихся. За сохранением чистоты учения, духовной дисциплины и заведённого порядка наблюдает начальство Академии, состоящее из членов митрополичьего капитула и нескольких лиц из высшего духовного сословия под руководством архиепископа. Самым верным знаком, что Академия является католической, служит подтверждение этого Пием VIII и Григорием XVI.

Затем Буткевич заявлял, что такого учебного заведения, как Академия, в Польше не существовало никогда прежде, когда всё образование белого духовенства ограничивалось двухлетним богословским курсом. Для получения высшего образования приходилось ехать за границу или в Варшаву и Краков, что было недоступно лицам с низким достатком. В Академии обучается 40 молодых людей, издержки на содержание учащихся (по 600 рублей серебром ежегодно на каждого) покрываются правительством без требования какого-либо возврата. За 12 лет её существования из Академии вышло около 100 учеников, окончивших полный курс и удостоенных степени кандидатов.

На утверждение, что он ездил в С.-Петербург для получения указаний относительно преобразования в Царстве Польском семинарий сообразно с порядком, принятым в Империи, Буткевич давал такую справку. В 1846 г. он посетил С.-Петербург, чтобы ознакомиться с заведённым в тамошней Академии порядком по части наук и нравственности. Он пришёл к выводу, что кроме улучшения в помещении и во внутреннем хозяйстве и некоторого улучшения в преподавании живых языков варшавская Академия не требовала никаких улучшений. Однако он заметил, что воспитанники санкт-петербургской Академии были гораздо лучше подготовлены к изучению высших наук. Он убедился, что это происходило от единообразного устройства епархиальных семинарий в Империи, и предложил сделать таким же единообразным устройство семинарий Царства. Поэтому он счёл долгом напомнить местному управлению об этом своём предложении. Им предусматривалось составление общего регламента для введения единообразного метода преподавания наук в семинариях, образа жизни, дисциплины и духовных упражнений; объединение всех определённых на содержание семинарий фондов и в соответствии с действительной необходимостью каждой епархии назначать суммы на постоянное содержание духовных училищ, с обязательным предоставлением ежегодного отчёта о расходах. Эти деньги пошли бы

на содержание семинаристов и на жалование наставникам, избираемым из священников, имеющих учёные степени.

Поводом для утверждения, что он жестоко обращается с учениками Академии и отдаёт их в военную службу, как было очевидно Буткевичу, послужило случившееся в 1846 г. Тогда трое учеников проявили неповиновение начальству. Как ректор, он сообщил об этом Комиссии внутренних дел и просил одного из них, подстрекавшего других, лишиться духовного звания, а двух других, искренне раскаявшихся, после наказания оставить в Академии. Однако в условиях происходивших в это время в стране беспорядков, когда любое неповиновение подлежало рассмотрению военной власти, они, по решению главного в крае начальства, должны были подвергнуться суровому наказанию. Намеревавшегося ходатайствовать о смягчении наказания после извещения о таковом Буткевича опередил епископ, управлявший варшавской архиепархией, который, несмотря на сделанное ему об этом предупреждение, потребовал отправки их на военную службу. Буткевич попытался убедить калишского епископа и других лиц ходатайствовать за осуждённых, но безуспешно. Только через год двух учеников удалось вернуть домой, за третьего он не ходатайствовал.

На то, что своими поступками в отношении к правительству заслужил невыгодное мнение у духовенства и оттого не избран августовским капитулом в администраторы, Буткевич ответил кратко: его «поступки в отношении правительства такие, какие должны быть непременно со стороны священника, знающего твёрдо обязанности свои к Богу, государю и своему призванию»¹.

Получив эту инструкцию в Риме, Буткевич уже по прибытии в Гаету во время аудиенции (донесение от 24 / 12 июля) полностью её зачитал папе, который выслушал его «очень внимательно, не перебивая и не обнаруживая ни смущения, ни недовольства». Заверив затем в чувствах личного доверия и восхищения в отношении императора, «самого главного и могущественного защитника социального порядка в Европе», и в своём желании при случае доказать свои чувства, папа выразил сожаление по поводу отклонения кандидатуры аббата Буткевича. Он ссылался при этом на давно поступившую в Рим неблагоприятную информацию, породившую сомнения относительно этого кандидата, но оставшуюся в архиве Святого Престола, от которого он был далеко и не мог освежить в памяти эту информацию, однако обещал заняться этим вопросом.

Посланник заговорил о ложности и недоброжелательном пристрастии источников информации Святого Престола вообще и что конкретно в отношении Буткевича она исходила от его личных врагов, бывших и врагами правительства, т. е. от польской эмиграции и её приверженцев, которые имеются, к несчастью, среди духовенства Царства. Он напомнил о трудности для императора (об этом он говорил сам Григорию XVI) найти достойных лиц для посвящения. В подтверждение

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 203–217.

ложности и вероломства такого рода информации он сослался на случай с аббатисой Мичеславской, монахом Вильямом. Таким образом, он оценил в их подлинном свете достойный сожаления характер и более чем сомнительный источник информации, косвенно собранной Святым Престолом, которая казалась столь мало пригодной, чтобы служить основой для предубеждений и угрызений совести понтифика. В то же время он решил воздержаться от сомнений в отношении степени беспристрастности и знания вопроса посредниками, призванными составлять доклады Его Святейшеству по делам такого рода. Но он позволил себе точно выразить в этом отношении некоторые довольно ясные намёки на обычно занимавшегося такого рода делами референдария Корболи, намёк, который он уже прямо прежде делал папе по случаю дела монаха Вильяма. Он посчитал тем более уместным его повторить в данном случае, что незадолго до этого имел несколько оживлённых дискуссий с этим прелатом, и среди прочих — по поводу аббата Буткевича. Папа прекрасно уловил эти намёки и, далёкий от того, чтобы показаться этим недовольным или смущённым, перебил собеседника, улыбаясь, чтобы сказать, что помнит очень хорошо о его представлениях и конфиденциальных объяснениях в отношении этого прелата.

В ответ на приведённые Бутеневым конкретные случаи поступавших в Рим ложных сведений понтифик выразил сожаление по поводу состава польского духовенства, как его обрисовал посланник, и заговорил о необходимости пребывания его представителя в России, который стал бы авторитетным источником достоверной информации.

В заключение длившейся час беседы папа обещал изучить всю имеющуюся в Гае документацию по делу Буткевича и дать ответ¹.

15 июля он пригласил Бутенева на новую аудиенцию и сообщил, что вся информация, собранная в папском архиве с 1842 по 1848 г. по этому делу, была неблагоприятной «особенно в отношении его чувств и католических правил, так же как в отношении его поведения и личного характера». Конкретно он назвал следующие обвинения.

Несколько лет назад на похоронах прелата Котовского в Варшаве он произнёс речь или надгробное слово, содержавшее горькие слова порицания в адрес епископа и епархиального капитула и, несмотря на призывы других прелатов, затем осуществил публикацию и распространение этой оскорбительной речи.

Во втором обвинении речь шла о том, что в ответ на возражения некоторых из его собратьев против его избрания капитулярным викарием Буткевич, будучи ректором Академии, воспользовался своим положением и связями, чтобы дискредитировать и преследовать своих противников всеми средствами вплоть до увольнения нескольких каноников из Академии.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 75–85.

Неудовлетворительной была и информация относительно его поведения и личного характера, но, учитывая благоприятные свидетельства по этому поводу российского правительства, Его Святейшество, в силу доверия к императору, предпочёл принять именно их.

Папа помнил, что российское правительство неизменно говорило о враждебном характере и преднамеренной пристрастности всегда, в большей или в меньшей степени, отражавшейся на чисто польских источниках информации о предложенных кандидатах. Поэтому на этот раз Пий IX заявил, что «взял за правило, занимаясь новым рассмотрением дела Буткевича, отбросить и считать не имевшими места все польские источники информации, исходящие от священников или светских лиц (подчёркнуто в тексте. — О.С.), существующие на его счёт в папских архивах». Он также заверил, что высказываемое им теперь мнение основывалось лишь на сведениях, полученных по другим каналам, достойным доверия.

Понимая важность такого заявления, Бутенев смог утвердиться в точности передачи слов папы на следующий день во время беседы с кардиналом Антонелли, подтвердившим ему полностью сказанное понтификом.

Анализ беседы с папой привёл Бутенева, неудовлетворённого его ответом, к заключению, что понтифик не выразил формального и окончательного отказа, неоднократно уверял в своём почтении к императору и во взаимном доверии, которое, как он надеялся, воспреобладает во взаимных отношениях. Потому, решил он, слова папы следовало интерпретировать как не слишком неблагоприятные и особенно не рассматривать их как последнее слово по этому делу. Со своей стороны, он запросил из С.-Петербурга разъяснений, и прежде всего копию речи Буткевича, выдвинутой в качестве главного обвинения¹.

Уверениям Пия IX, что, вынося своё суждение по делу Буткевича, он не пользовался польскими источниками, в С.-Петербурге не поверили. Там продолжали видеть в отсутствии согласия на его назначение результат интриг польской эмиграции из-за уважения и доверия, которыми аббат пользовался у российского правительства. Доводы же, приведённые Пием IX и Антонелли в беседах с Бутеневым после долгое время даваемых ими очень неопределённых и уклончивых ответов, не представлялись сколько-нибудь убедительными: ни речь его на похоронах аббата Котовского, ни увольнение нескольких профессоров варшавской Духовной академии, на которые ссылались в качестве препятствия к его назначению.

К направленной Бутеневу депеше от 10 сентября / 29 августа 1849 г. был приложен точный текст его надгробного слова, содержавший лишь похвалу христианским добродетелям и милосердию прелата, а посему его находили «полностью соответствующим случаю от начала до конца».

По поводу смещения некоторых профессоров со времени вступления Буткевича 15 октября 1842 г. на должность ректора Академии приводились следующие

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 85–91.

объяснения: вице-ректор сам покинул Академию, чтобы стать регентом семинарии Св. Иоанна в Варшаве, двое преподавателей ушли в отставку по возрасту и из-за плохого состояния здоровья, ещё один подал в отставку сам и сохранил с Буткевичем наилучшие отношения.

Бутенева просили довести эти сведения до римского Двора и продолжать настаивать на его возведении в сан епископа¹.

По получении этих инструкций Бутенев изложил их суть Антонелли и ознакомил с приложенными документами, с которых кардинал попросил копии, чтобы показать их папе. Он также признался, что, возможно, потребуется привлечь ещё документы из архива, а это повлечёт некоторую задержку, поскольку в октябре архив, как и все церковные ведомства, будет закрыт по причине вакансий. При следующей встрече кардинал информировал посланника, что, ознакомившись с этими документами, папа решил продолжить поиск материала в архиве, чтобы окончательно высказаться по этому делу².

Со своей стороны, в С.-Петербурге были убеждены, что приведённые папским правительством доводы и в его собственных глазах служили лишь более или менее благовидным предлогом. Подтверждение справедливости этого Бутенев смог получить лишь в декабре во время аудиенции у папы, который дал ясный и окончательный ответ после поступления на сей раз из римского архива дополнительных материалов по делу Буткевича.

В ожидании этой беседы посланник не терял времени. Он его использовал, чтобы удвоить свои усилия и увещевания в ходе частых бесед с Антонелли, подчёркивая серьёзные причины настойчивого повторения своих ходатайств. Кардинал, «которого познания и характер ставят выше всякого ультрамонтанского фанатизма, прекрасно оценил важность и политическую сторону вопроса», — писал Бутенев в донесении от 12 декабря / 30 ноября 1849 г., — и усердно старался помочь. Причём делал это «несмотря на свою обычную и очень обоснованную осторожность в чисто духовных вопросах, таких, каким является среди прочих утверждение выбора епископов», потому что не слыл ни за искусного каноника, ни за ревностного поборника. Тем не менее на этот раз он принялся воздействовать на настроения папы всеми своими средствами. Он просил Бутенева повременить с аудиенцией у папы и, лишь убедившись в бесполезности своих усилий, сам предложил посланнику и устроил его частную аудиенцию у папы.

Она продолжалась почти час. Приём, оказанный папой, был «более приветливым и любезным чем когда-либо». После короткого общего разговора он принял на себя инициативу обсуждения дела аббата Буткевича. Он сказал, что внимательно и с интересом прочёл последние сообщения посланника по этому вопросу, ознакомился с переданными им кардиналу Антонелли сведениями относительно

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 470, 475.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 776. Л. 431—432.

разъяснений и документов, представленных императорским министерством, что, наконец, помнит объяснения и соображения, изложенные Бутеневым в ходе двух аудиенций. После этого он вновь подтвердил невозможность исполнить, как того ему хотелось бы, неоднократно повторенную просьбу императора.

Мотивируя свое решение, Пий IX отметил, что два упомянутых им нарекания (по поводу произнесённой Буткевичем речи на похоронах и увольнения нескольких профессоров Академии) можно было считать устранёнными после получения из С.-Петербурга разъяснений и документов. Впрочем, как выяснилось затем, и по поводу упоминания в неблагоприятном свете морального и личного поведения аббата, изменений и нововведений, предложенных им среди прочего в формулировке присяги профессоров-священников варшавской Академии.

Перелистав лежавшие на его столе бумаги, папа быстро пробежал глазами все эти обвинения, найденные слишком расплывчатыми и недостаточно обоснованными, чтобы быть принятыми к рассмотрению, и в заключение остановился на документе, в котором явно заключалось основание для его самых глубоких угрызений совести.

Взяв этот документ в руки, он просмотрел его «с видом грустным и озабоченным». Затем сказал, «что был вынужден воздержаться от указания источника и подписавшегося под разоблачением, сделанном, в некотором роде, на исповеди, потому что оно было адресовано католиком высшему главе его Церкви». Но он готов был дать торжественное заверение, что оно «не исходило, никоим образом, от польского эмигранта, а от человека, во всех отношениях достойного уважения и доверия за его характер и его позицию». Затем папа зачитал несколько отрывков этого документа на итальянском языке. В них речь шла главным образом

...о чувствах и принципах прелата Буткевича относительно догм римской Церкви, которые, как говорилось, были вялыми и мало каноническими, что он не делал даже большой тайны из своих реформаторских взглядов относительно некоторых пунктов доктрины. Одним словом, его репутация была такой двусмысленной в этом отношении среди единоверцев, приверженных их вере. И те, кто его знали гораздо ближе, полагали, что, если бы когда-нибудь аббат Буткевич получил епископский сан, то возникло бы основание опасаться, как бы он не захотел подвергнуть католическую Церковь тем же самым бедствиям, о которых она так сожалела несколько лет назад, виновником и проводником которых был епископ Семашко.

Заканчивался этот документ несколькими строками, написанными на латыни. Бутенев, считая несовершенным своё знание этого языка, полагал, что, тем не менее, общий смысл уловил. Итак, суть их сводилась к следующему:

Опасность для католической Церкви от возведения аббата Буткевича в епископский сан ещё возросла бы, если бы ему удалось достичь постоянной цели его честолюбия, быть назначенным на варшавскую архиепископскую кафедру. А он

не остановился бы в выборе средств, чтобы достичь этой цели, *per fas et nefas*¹ (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.).

Окончив чтение документа, папа минуту собирался с мыслями. Затем заметил, что прекрасно понимает, что его собеседник рассматривает только что ему сообщённые конфиденциальные разоблачения с противоположной, чем его, точки зрения. Он пояснил, что хотел Бутеневу дать этот важный знак доверия не ради того, чтобы вернуться к прошлому, а единственно чтобы убедить, «насколько его совесть должна быть глубоко обеспокоена подобными подозрениями относительно чувств и взглядов кандидата, предложенного в епископат, и насколько понятны были его неодолимые угрызения совести против санкционирования подобного выбора».

Он просил Бутенева представить все эти соображения в их подлинном свете императору, который справедливо их оценит, а затем продолжил так:

Действительно, если когда-либо было время, когда моё положение и положение Святого Престола, с одной стороны, влияние и положение, занимаемое императором Николаем — с другой, должны были в моих светских интересах заставить меня перешагнуть через любые соображения, чтобы пойти с предупредительностью и искренним удовлетворением навстречу пожеланиям монарха, который один показал себя постоянным и подлинным защитником социального порядка в Европе и самой верной опорой законной власти и религии, повсюду приведённых в расстройство бичом революции, это, конечно, в настоящее время, когда надежда на восстановление и сохранение законного порядка вещей в папских государствах, как, впрочем, повсюду, связывается, главным образом, с действенным и благотворным влиянием императора, подтверждённым на деле такими неопровержимыми доказательствами. Стало быть, потребовались настоятельные обязанности совести, превосходящие все светские соображения, чтобы вынудить меня пойти на мучительную крайность — подвергнуть себя недовольству Его Императорского Величества ради того, чтобы не преступить долг такого рода, вдвойне повелительный для меня, в отношении Бога из-за духовного сана, коим я облечён.

Комментируя эту продолжительную беседу, Бутенев приходил к заключению, что главный мотив ответа, неоднократно содержавшего возражения на просьбу о конфирмации аббата Буткевича, как он сформулирован был в тот день, был подлинным и такого рода, что не позволял ему вступить по его поводу в обращённую к прошлому полемику непосредственно с папой. Тем более что последний проявил сам исключительно много деликатности и осторожности, чтобы устранить всякую мысль о пререканиях по главному вопросу, отныне отнесённому к совершившимся фактам. У Бутенева не вызывала сомнения искренность и доверительный характер слов, сказанных папой в адрес Николая I. Из своего знания светских правил

¹ Всеми правдами и неправдами (*лат.*).

и неизменных правил поведения римского Двора посланник пришёл к такому заключению: «Никогда это доверие в отношениях папы с державой даже католической не достигало его крайнего предела, как тот, что папа Пий IX только что засвидетельствовал в нашем отношении, спонтанно раскрыв содержание секретной информации этого рода, тщательно сохраняемой Святым Престолом в непроницаемой и традиционной тайне».

Он особо отметил тот факт, что ни папа, ни кардинал Антонелли (с ним он обсудил итоги беседы по выходе от папы) не сделали ни малейшего намёка на возможную пользу присутствия нунция в России, как это было в предыдущем случае.

Хотя в целом не удалось достичь положительного решения стоявшего на повестке вопроса, тем не менее Бутенев полагал, что переговоры не оказались безрезультатными и их можно рассматривать в качестве доказательства существенного улучшения отношений со Святым Престолом.

В тот же день он получил составленную по поручению папы конфиденциальную записку Антонелли. Она не добавляла ничего нового к тому, что он услышал от понтифика.

Ознакомившийся с депешей Бутенева Николай I оставил естественно обращённую к Нессельроде помету: «мы об этом поговорим»¹.

О реакции на Неве на поступившие от Бутенева сведения позволяет судить отчёт министерства за 1849 г. и доклад Нессельроде императору от 19 / 7 февраля 1850 г.

В первом признавалось невозможным требовать от папы, чтобы, «из светских или политических соображений, он преодолел свои угрызения совести и нисколько не считался с ответственностью, навлекаемой на себя перед Богом в качестве главы католической Церкви», если он возведёт в сан епископа человека, которого в глубине души находит неспособным выполнять его обязанности. А свои надежды на положительное решение вопроса связывали лишь с «благоприятным изменением в настрое Его Святейшества» в отношении аббата².

В докладе императору министр признавал бесполезность дальнейшего обсуждения этого вопроса. Свои доводы в пользу такого заключения он сформулировал следующим образом:

В настоящее время, когда, несправедливо или обоснованно, папа предполагает у аббата Буткевича принципы слабые и недостаточно канонические, воззрения преобразовательные и считает его выдвижение в епископат, могущим оказаться наносящим вред интересам католической Церкви, последующая дискуссия не позволяет рассчитывать ни на какой практический результат.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1849. Оп. 469. Д. 152. Л. 321–332, 334–335.

² Там же. Отчёты МИД. 1849. Оп. 475. Л. 120–122.

Отсюда следовало конкретное предложение: пусть Буткевич сам отправится в Рим, чтобы убедить папу изменить мнение о нём. Николай I дал своё согласие¹.

Депешей от 25 / 13 февраля 1850 г. Бутенев был оповещён об этом решении. Оно мотивировалось сделанным из его корреспонденции выводом о бесперспективности дальнейших попыток обсуждения дело Буткевича.

В самом деле, — говорилось в депеше, — ошибочные утверждения относительно реальных фактов могут быть опровергнуты доказательством противного; но что сделают наши рассуждения и утверждения против предубеждений, глубоко укоренившихся в сознании папы; против подозрений, которые удалось ему внушить в отношении чувств и религиозных принципов одного священника? Когда папа нам заявляет, что Его совесть, Его ответственность не позволяют ему подтвердить в епископский сан аббата Буткевича, дальнейшая настойчивость, с нашей стороны, не могла бы быть совместима ни с тактичностью, ни с надлежащими знаками уважения, которые император считает необходимыми сделать присущими в его отношениях с папой.

Понимая полную бесплодность дальнейших усилий, посланнику предписывалось более не предпринимать никаких демаршей по этому поводу и одновременно его информировали, что в Варшаве Буткевичу будут выданы средства для поездки в Рим, поскольку полагали, что его личная беседа с папой могла изменить положение².

Тем временем ещё неосведомлённый об этом решении Бутенев (донесение от 24 / 12 февраля 1850 г.) предпринял новые усилия по этому поводу перед Антонелли. Он привёл самые главные соображения, связанные со значением этого вопроса и серьёзными осложнениями, которыми он мог быть чреват для отношений России с римским Двором, что не могло вызвать сомнения у его собеседника. Кардинал ограничился заявлением, что немало сожалел, со своей стороны, об упорных отказах относительно аббата Буткевича и тщетно пытался их преодолеть. Затем он признался, что, обдумав все способы достижения возможного компромисса, не нашёл средства, применимого к данному случаю. Он только поделился соображением, что трудности подобного рода относительно предложенных кандидатов возникали бы гораздо реже, если бы императорское правительство подобно некоторым католическим Дворам пожелало заранее передать римскому Двору достаточно многочисленный список возможных кандидатов на епископский сан, чтобы быстрее договариваться постепенно о выборе на вакантные кафедры.

Российскую сторону, как разъяснил Бутенев, такой способ не мог устроить по причине трудности и теперь найти в Империи и Царстве Польском небольшое число католических священников, могущих быть удостоенными чести выбора императора. К тому же об этой трудности уже неоднократно сообщалось

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1850. Оп. 469. Д. 38. Л. 3—4.

² Там же. Д. 112. Л. 420—422.

папскому правительству, а Николай I это подтвердил лично во время пребывания в Риме.

После того как кардинал с пониманием отнёсся к этому замечанию, разговор вернулся к главной теме, поднятой Бутеневым. Полная доверия и искренности речь кардинала оставила у посланника впечатление, что, если даже его настойчивые увещевания ещё не обеспечили желаемого результата, они, по крайней мере, достигнут по их прямому назначению, что в данном случае представлялось чрезвычайно важным.

В этом он удостоверился всего несколько дней спустя, когда кардинал без обиняков признался, что ему не следовало поднимать этот вопрос, впечатления от которого были ещё слишком свежи; что благотворное действие времени или, очень возможно, более зрелые размышления или непредвиденные внушения могли единственно произвести какое-то изменение в настроении Его Святейшества. На более настойчивые инсинуации со стороны Бутенева кардинал обещал предпринять ещё какую-нибудь попытку и заверил, что сделает её с искренним желанием, но со слабой надеждой на успех, по крайней мере на данный момент¹.

Вскоре, однако, хотя и косвенно, Бутенев затронул этот вопрос в беседе с Антонелли. Кардинал поинтересовался о возможной реакции в С.-Петербурге на желание папы направить туда со специальной миссией какого-нибудь видного деятеля для выражения его признательности императору за благожелательность и сочувствие его делу во время переживаемых им превратностей судьбы, когда он вынужден был покинуть Рим и пребывал в изгнании.

Что касалось собственного мнения, Бутенев не колеблясь заявил, что не поддержал бы подобную идею «по хорошо известным папскому правительству причинам», но, конечно, не мог отклонить её по собственной инициативе. Посему обещал известить о ней Нессельроде и просить инструкций на этот счёт, что и сделал депешей от 14 / 2 марта.

Из объяснений кардинала Бутенев понял, что с этой миссией, кроме решения её главной задачи, он связывал некоторые шансы на успех в решении дела Буткевича². Это свидетельствовало, считал посланник, что министр «упорствует в этом желании и вовсе не теряет надежды уладить дело». «Более того, отчасти именно это желание, кажется, внушило идею проектируемой миссии», — писал он в С.-Петербург 25 / 13 марта. Поскольку приготовления к неизбежному отъезду папы в Рим и одновременно занятость его в связи с Пасхой в любом случае обязывали Бутенева отложить на две-три недели всякие деловые встречи, он полагал, что отсрочка, даже ещё более длительная, была бы весьма кстати.

Относительно разминувшегося с его предыдущими депешами известия о предстоящей поездке в Рим аббата Буткевича, Бутенев видел в ней полезное средство,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1850. Оп. 469. Д. 112. Л. 115–117.

² Там же. Л. 139–140.

которым следовало воспользоваться, хотя оно и представлялось ему чреватým нежелательными последствиями из-за создаваемого прецедента на будущее. Поскольку в сложившейся после конфиденциальных заявлений Антонелли ситуации эта поездка становилась менее срочной и своевременной, он находил преждевременными всякие намёки по этому поводу. Да и вообще, он посчитал за лучшее до получения инструкций в связи с проектом Святого Престола о посылке миссии в С.-Петербург, запрошенных им в депеше от 14 / 2 марта, воздержаться от всяких новых инсинуаций в этом отношении перед папским правительством¹.

Как и предполагал Бутенев, инструкцией от 12 апреля / 31 марта ему предписывалось отклонить присылку миссии, мотивируя это следующими соображениями. По причине переживаемых Ватиканом финансовых трудностей в С.-Петербурге считали неуместным идти на большие затраты ради простого изъявления учтивости. К тому же с мая месяца император уезжал из столицы в инспекционную поездку войск на западной границе Империи и не мог бы назначить точное время приёма посланца папы².

Эти предложения вежливо отклонить проект аудиенции у Николая I папского представителя, полученные в начале мая в Неаполе, Бутенев, по причине своей болезни и не считая возможным письменно оповестить папский кабинет об этом, смог реализовать лишь по прибытии в Рим, куда папа вернулся в апреле. Как следует из донесения от 14 / 2 июня, излагая Антонелли содержание инструкции, он тщательно использовал «выражения полные благожелательности и предосторожности», сформулированные в ней, чтобы подчеркнуть значение, придаваемое императором дружескому расположению, внушившему папе эту идею. Выслушав объяснения Бутенева, кардинал не скрыл своего огорчения и заметил, что надеялся облегчить таким способом более глубокое взаимопонимание между двумя правительствами «по некоторым щекотливым вопросам», и обещал немедленно поставить папу в известность о полученном сообщении³.

Папа не отказался в принципе от реализации этой идеи. Об этом Бутенев узнал во время аудиенции по случаю передачи письма Николая I от 10 мая / 28 апреля с выражением поздравления с возвращением в Рим⁴. В ходе неё папа справился о здоровье императора и о его инспекционной поездке. А затем его известил, что, поскольку газеты и даже донесения нунция в Вене предупреждали о возможности появления в этой столице императора для нанесения визита Францу Иосифу, он предписал нунцию постараться воспользоваться первым благоприятным случаем, чтобы в Вене или каком-нибудь пункте на австрийской границе, или в Варшаве выразить императору его чувства.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1850. Оп. 469. Д. 112. Л. 144—147.

² Там же. Л. 437.

³ Там же. Л. 236—237.

⁴ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 290

Бутенев ответил, что ничего не знал о предполагаемом визите в Вену, а в целом полагал, что в условиях краткого пребывания в Варшаве и поездки с инспекцией различных армейских корпусов не создавалось, по его мнению, возможности для приёма иностранных представителей.

От Антонелли, от которого после беседы с папой он не скрыл своего удивления, он услышал, что эта идея исходила непосредственно от папы, но, поскольку указания были посланы нунцию совсем недавно, он их мог получить только тогда, когда будет поздно их исполнять¹.

Основанием для такого утверждения кардинала мог послужить не только недостаток времени, но и его знание того, в каком состоянии была подготовка к этому предприятию.

Действительно, в донесении от 8 мая 1850 г., на которое ссылался папа, Виале-Прела сообщал о предполагаемом приезде Николая I в Варшаву 18 или 20 июля на 2—3 месяца и о возможном посещении им Вены, чтобы отдать визит молодому императору за его визит в Варшаву в прошлом году. Нунций призывал воспользоваться моментом для исполнения инструкций, данных ранее канонику Валенциани². Последнему совместно с Виале-Прела и интернунцием в Мюнхене Карло Саккони было предписано подыскать кого-нибудь для секретной поездки в Польшу, дабы там найти какое-то доверенное лицо для сбора сведений о кандидатах в епископы. Он должен был также выяснить, готов ли был Виале-Прела отправиться к императору с чрезвычайной миссией и не имел ли он в виду какое-нибудь немецкое духовное лицо, чтобы доверить ему такое поручение. Тогда, как следовало из подробного доклада от 22 мая, подготовленного Антонелли для папы, Виале-Прела и Саккони сочли очень трудным исполнение такого проекта по причине строгости российских законов, грозивших ссылкой в Сибирь такому лицу. Впрочем, Виале-Прела нашёл такого человека. Он обещал собрать сведения в Польше о положении церковных дел, но составить отчёт только по возвращении, не решаясь что-то писать и везти уже написанное. По второму вопросу Виале-Прела считал неуместным посылать в Россию немецкого священника, поскольку, будучи епископом, он не мог надолго оставить свою кафедру. К тому же он не пользовался бы доверием Николая I из-за ревности, существующей между двумя нациями. Что касалось его самого, он готов был подчиниться приказанию папы, но хотел прежде приехать в Рим, чтобы получить инструкции и благословение Святого Отца, и просил направить с ним компаньона, чтобы он мог ему помогать, а в случае, если он будет нездоров, заменить его³.

В сложившейся ситуации Антонелли нужно было решить, посылать ли чрезвычайного посланца в Варшаву, если да, то кому доверить такую миссию и какие

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1850. Оп. 469. Д. 112. Л. 237—239; Д. 113. Л. 12.

² ASV. Fondo. Russia e Polonia. Posizione 227. Fascicolo 74. Foglio 6.

³ Ibidem.

инструкции дать. Не подлежало сомнению, что с политической точки зрения следовало направить миссию, чтобы поблагодарить императора за участие, принятое им в делах папы. Рассматривая вопрос с религиозной стороны, наталкивались на серьёзную трудность. Ведь во время долгих заседаний в 1847 г. папские уполномоченные в ответ на свои настояния о принятии представителя папы в С.-Петербурге на основании взаимности всегда получали от Блудова и Бутенева отрицательный ответ, но одновременно и предложение временно направить чрезвычайного посланника. Такая позиция вызывала серьёзные подозрения, что готовность принять его диктовалась стремлением заставить католиков поверить в добрые отношения императора со Святым Престолом, иными словами, в ней видели хитрость правительства, чтобы ввести в заблуждение бедных католиков. Предполагалось, что, сколь бы проникательным ни был посланник, он не мог ничего узнать о подлинном положении религиозных дел, потому что он был бы окружён лишь лицами, верными правительству, а, учитывая бдительность полиции, никто из честных людей не рискнул бы его информировать о существующих беспорядках, чтобы не быть отправленным в Сибирь. На католиков же произвела бы удручающее впечатление демонстрация особой дружбы Святого Престола с московским царём, считающимся во всём мире их преследователем, тем более что, вероятно, посланнику не удалось бы добиться ничего в пользу свободы Церкви и верующих. Если такие предположения тогда считались справедливыми или, по крайней мере, довольно правдоподобными, неизвестно, было ли бы основание думать теперь иначе. Его Антонелли не видел. Потому что по прошествии двух лет после публикации в Риме Протокола обусловленных статей из недавних сведений не без удивления узнали, что в России ничего не было опубликовано, за исключением буллы о разграничении епархий, а епископам не осталось никакой роли в управлении их Церкви, потому что после создания консистории она поставила управление делами под преобладающее влияние светского секретаря правительства — императорского прокурора.

Было очевидно, что размышлениям того времени следовало бы противопоставить различие обстоятельств, разницу между посылкой чрезвычайного посланника в С.-Петербург и посылкой в Варшаву к императору лица от Святого Престола. Отрицать её было невозможно, но, если взглянуть на суть и существо миссии, трудности, возможно, или останутся или возрастут.

Действительно, «последствия воздействия впечатления, которые последовали бы от этой демонстрации гармонии между Святым Престолом и императором, будут почти теми же самыми». К ним, однако, добавится то, что сведения, которые было труднее всего получить и которые были особенно необходимы, касались российских областей. Поскольку пребывание Николая I в Варшаве было ограничено 2 или 3 месяцами и он уже там находился, папскому посланнику было недостаточно времени, не только для сбора нужных сведений о лицах и положении на местах. А главное, конечно, чтобы поднять серьёзный вопрос о статьях, по которым не было достигнуто согласие, особенно касавшихся свободы сообщения верующих

со Святым Престолом, брачных дел, смешанных браков, а также о монашеской дисциплине, о духовной жизни греко-униатов, об отмене законов, запрещавших обращение в католичество, и других вопросов. Обсудить их в короткое время было невозможно.

Антонелли рассматривал и вариант исключительно политической миссии, когда представитель папы отправился бы в Варшаву с единственной целью приветствовать императора, поблагодарить его от имени папы за заботу, проявленную в отношении его августейшей персоны, горячо прося о продолжении и завершении переговоров по статьям, оставшимся нерешёнными, и затем немедленно уехать. Такой вариант был бы особенно приемлем, если предположить, что император из Варшавы отправится в Вену, где эту миссию мог выполнить Виале-Прела. Он же, считал кардинал, должен был исполнить и религиозную миссию¹.

Инструкция для Виале-Прела от 6 июня включала три пункта. Собрать сведения о положении религиозных дел не только в Польше, но и в России; выяснить, действительно ли статьи заключённого Протокола ещё не были опубликованы и не исполнялись; поставить вопрос о продолжении переговоров по несогласованным статьям и об уже обращённой к императору просьбе о прибытии постоянного нунция в С.-Петербург².

Нунцию поручалось передать императору датированное 3 июня кабинетное письмо папы, в котором он благодарил за его письмо по случаю возвращения папы в Рим и оповещал об указании нунцию в Вене нанести ему визит в Варшаву³.

Однако предсказание Антонелли, что Виале-Прела не успеет посетить императора в Варшаве, полностью оправдалось: нунций получил указания понтифика несколько дней спустя после отъезда Николая I из Варшавы, что сделало невозможным исполнение им порученной миссии. Выход был найден. Узнав о том, что Нессельроде находился в Германии, папа дал указание Виале-Прела отправиться к нему, чтобы передать письмо императору.

Как писал нунций в донесении от 3 сентября 1850 г., он встретился с ним в Линце, куда министр приехал вечером 31 августа, на следующий день по его приезде. Нессельроде был «очень любезен и вёл себя как старый знакомый»⁴. Кроме письма для Николая I Виале-Прела вручил ему пояснительную записку Антонелли. В ней подчёркивалось, что цель миссии, доверенной нунцию, ясно выражалась в письме папы. Она была двоякой. Во-первых, поблагодарить императора за доброжелательность, засвидетельствованную им в прискорбных и катастрофических обстоятельствах, в которых он оказался. Во-вторых, выполняя свой апостольский долг и долг совести, поручить от своего имени императору интересы католической

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Posizione 227. Fascicolo 74. Fogli 16–20.

² Ibid. Fogli 20, 25.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1850. Оп. 469. Д. 113. Л. 7–8.

⁴ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Posizione 227. Fascicolo 74. Foglio 34.

Церкви в Российской империи и просить о продолжении переговоров, начатых в 1847 г. и завершившихся заключением соглашения.

В отношении уже подписанных статей папа привлек внимание императора к 25-й статье о духовном образовании, согласно которой оно должно быть доверено профессорам-католикам. Между тем в ноте от 21 декабря 1847 г., переданной Бутеневым, говорилось, что «император соглашался с этим принципом и выражал намерение ему следовать во всех случаях, разве что действительная и признанная невозможность сможет вынудить к их частичному и временному нарушению» (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Такого рода ограничение указанной статьи вызывало обеспокоенность папы.

Нотой Ламбускини от 24 января 1848 г. Святой Престол заявил, что католическая Церковь никогда не сможет согласиться, чтобы духовное образование было доверено лицам иного вероисповедания, что даже при преподавании языков всегда можно найти средство нанести вред религиозным принципам учеников. Поэтому, в случае невозможности, лучше вообще приостановить преподавание того или другого предмета. Папа был озабочен и другими пунктами, ещё более важными, о которых уже высказался в аллокуции от 3 июля 1848 г. Он просил начать переговоры, чтобы решить остававшиеся ещё неурегулированными вопросы, и вновь поднял вопрос о необходимости аккредитовать нунция при императоре в С.-Петербурге, следуя принципу взаимности¹.

По первому пункту, содержащемуся в данной Виале-Прела инструкции, Нессельроде сообщил, что статьи, о которых шла речь, уже были приведены в исполнение, поскольку включены в приложение к кодексу законов и были опубликованы.

Когда Виале-Прела, говоря об оговорке, сделанной Бутеневым в отношении статей, устанавливавших, что преподавание духовных предметов должно быть доверено исключительно профессорам-католикам, заявил о невозможности никоим образом её принять, министр повторил уже сказанное Бутеневым, что император полностью принимал принцип, а исключение касалось лишь случаев крайней необходимости. Виале-Прела в ответ заметил, что лучше было не преподавать один из второстепенных разделов, чем подвергать какой-либо опасности веру молодёжи. Нессельроде обещал информировать императора о такой озабоченности и заняться вторым пунктом. По поводу вопроса о принятии нунция в С.-Петербурге он сказал, что мог его принять лишь *ad referendum*, ибо большее от него не зависело. При этом он признал, что присутствие нунция было бы, несомненно, полезным для правительства, так же как оно извлекло пользу от заключённых со Святым Престолом статей. Но подчеркнул, что возможность благотворного влияния нунция зависела бы от качеств назначенного лица, и, явно, чтобы сделать комплимент Виале-Прела, сказал, что не думал, что его примирительный настрой был свойственен всем. В ответ на повторные настояния на этом пункте Нессельроде, почти перебивая нунция,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1850. Оп. 469. Д. 113. Л. 13–18.

сказал, что имеется вопрос, ставший причиной недовольства императора, — это отказ папы удовлетворить назначение в августовское епископство ректора Духовной академии. При этом он заверил, что император не имел в виду ничего другого, как выбрать лиц, бывших подлинными католиками и в то же самое время верными подданными, доказательство чего император дал выдвижением кандидатуры Головинского. А о заботе императора о воспитании в подлинных принципах католической Церкви молодого духовенства можно было заключить из стремления содействовать процветанию Санкт-Петербургской Духовной академии, могущей служить примером для других учреждений такого рода.

Виале-Прела заверил в таком же страстном желании папы назначения в епископы лиц, бывших верными подданными и заслуживавших полного доверия Святого Престола. Затем последовало его утверждение, что именно это доказывало необходимость присутствия представителя Святого Престола в С.-Петербурге, который мог бы собирать информацию о назначаемых или выдвинутых на епископские кафедры лицах, что успокоило бы совесть папы.

По поводу общего впечатления от этой беседы нунций писал: «Я понял, что граф Нессельроде не хотел принимать на себя никакой ответственности, поэтому принял всё *ad referendum*. Полагаю, что он приложит усилия перед императором, чтобы придать важность до некоторой степени просьбам Святого Отца, переданным через меня, но я знаю, что в делах такого рода его влияние менее значительно, чем представляется»¹.

С мнением нунция вполне можно согласиться. Ведь, действительно, решение такого рода вопросов далеко не в последнюю очередь зависело от него.

Всего через несколько дней после беседы с министром те же вопросы Виале-Прела получил возможность обсудить по пути из С.-Петербурга с захватившим в Вену Бутеневым, с которым нунций до этого не был знаком. В донесении от 5 сентября он отмечал, что последний обнаружил себя полным доброй воли, чтобы взаимодействовать в достижении благоприятного исхода дел, и выразил надежду на скорое возобновление переговоров, дабы «завершить решение важнейших дел, касающихся свободы Церкви в государствах Его Величества». По вопросу о посылке папского представителя Бутенев сказал, что дело встречает много трудностей по причине того, что бывают случаи, когда дипломатический корпус в С.-Петербурге должен присутствовать на религиозных церемониях в православных церквях. Отсутствие на них нунция, находившегося во главе дипломатического корпуса, ставило бы его в довольно сложное положение и вызывало бы недовольство императора.

Виале-Прела ответил, что, если не было другого затруднения, он не считал такой момент серьёзным, потому что нунций был бы внимателен, «как говорится, приближался к императору, где только мог бы, и воздерживался бы от этого

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Posizione 227. Fascicolo 74. Fogli 34–36.

в случаях, когда его положение не позволяло ему это делать (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Так, нунций не появлялся бы на религиозных актах некатолического исповедания». Нунций пояснил, что в Париже, Мюнхене и при других Дворах нунций всегда находится во главе дипломатического корпуса, за исключением некоторых случаев, когда его достоинство ему этого не позволяло. В Париже нунций не посещал театр при Дворе, хотя дипломатический корпус там присутствовал. В Мюнхене он не присутствовал на так называемых костюмированных балах.

Как показалось Виале-Прела, это соображение прозвучало убедительно для Бутенева, и, более того, он разделял сделанное нунцием замечание, что, в конце концов, дело может быть более выгодным для Санкт-Петербургского Двора, чем для Святого Престола, учитывая, что присутствие папского представителя способствовало бы успокоению католических подданных императора. На обратном пути в С.-Петербург Бутенев обещал дать знать о результатах своих усилий¹.

Подтверждение дружескому расположению, о котором свидетельствовал план папы, в С.-Петербурге увидели в утверждении секретной консисторией 30 / 18 мая 1850 г. епископом Херсона отца Кана. По независящим от Рима причинам не удалось решить вопрос о перемещении калишского епископа Томашевского в варшавское архиепископство, а прелата Блока, администратора августовского епископства, в калишское епископство из-за смерти Томашевского, хотя папа уже дал своё согласие на эти перемещения.

По поводу долгое время откладывавшегося назначения аббата Войткевича в минскую епархию, а священника Горского — в подольское епископство Антонелли неоднократно в беседах с Бутеневым ссылался на отсутствие материалов архива, находившихся в руках повстанцев. По возвращении же в Рим он просил принять во внимание огромные трудности, перед которыми оказалось правительство².

Поскольку многие епископские кафедры продолжали оставаться вакантными, российская сторона, озабоченная получением окончательного ответа на сделанные предложения, была рада, что в следующем году были приняты три из пяти её кандидатур — Блок, Войткевич и Пенковский. Первый — в Калиш, но, к несчастью, умер, когда готовилась его булла о назначении. Войткевич — в Минск — его назначение должно было состояться на ближайшей консистории. Назначение Пенковского в Люблин должно было последовать после посылки в Рим его документов. Такого результата не удалось добиться в 1851 г. в отношении Горского и Буткевича.

В такой ситуации в С.-Петербурге были весьма обеспокоены позицией, которую мог занять Святой Престол в случае с Головинским. Дело в том, что после смерти архиепископа Дмоховского, в качестве его коадьютера, он должен был занять его пост, но мог это сделать, согласно правилам латинской Церкви, лишь

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Posizione 227. Fascicolo 74. Fogli 48–49.

² АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1850. Оп. 475. Л. 78–81.

после получения паллиума (омофора). Головинский же пошёл на это, не дожидаясь его получения. Видя в этом серьёзный проступок, в С.-Петербурге решили, уполномочив его взять в свои руки управление делами могилёвского архиепископства, временно отложить его назначение и формальное выдвижение его кандидатуры. Нессельроде предписал А.Я. Скарятину¹ 25 / 13 марта 1851 г. не торопиться с запросом по поводу присылки паллиума, отложив это, по крайней мере, до возвращения в Рим посланника, долженствовавшего разъяснить причины, делавшие необходимой такую отсрочку. Правда, Скарятину разрешалось в крайнем случае поделиться с Антонелли полученными сведениями².

Из Рима, однако, последовала информация о намерении направить паллиум, не дожидаясь требуемого запроса из С.-Петербурга на такой знак отличия. При таком положении вещей, писал Нессельроде в докладе императору от 2 августа / 21 июля, его беспокоило, как бы не осложнились вновь «наши отношения со Святым Престолом, принявшие удовлетворительный оборот» в результате переговоров, порученных Блудову. Тем более что появилось ещё одно дополнительное обстоятельство, грозившее, по его мнению, пагубно отразиться на настроении папы. Речь шла об указании Николая I начать переговоры со Святым Престолом о перенесении кафедры нового епископства из Херсона в Ставрополь. В своё время в 1846 г. его создание мотивировалось необходимостью удовлетворить духовные потребности католического населения немецкой колонии в Новороссии, а выбор места пребывания епископа определялся его близостью к колонии и был сделан самим императором. Перемещение же его резиденции на 700—800 вёрст от колонии сделало бы иллюзорным исполнение епископом его обязанностей и, разумеется, не могло бы ускользнуть от внимания Курии, которая не преминула бы приписать это «предложение замыслам, враждебным интересам католической Церкви». Полагая, что на переговорах не удалось бы добиться согласия папского Двора, а они послужили бы лишь предлогом для серии новых, лишённых основания обвинений, Нессельроде предложил отказаться от всякого демарша в данный момент. А сам вопрос подвергнуть глубокому изучению лицами, участвовавшими в работе Комитета. Как следует из приложенной к докладу краткой записи: «Вместо Ставрополя император предлагает Тирасполь», со своей стороны, Николай I изменил прежнее предложение. В соответствии с этим новое епископство было решено назвать епископством Новороссии и Кавказа с центром в Тирасполе³.

¹ Он замечал находившегося в отпуске Бутенева в течение 15 месяцев, как писал Бутенев 28 / 16 октября 1851 г., прося оценить его «усердие и талант» (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 808. Л. 655).

² Там же. Ф. Канцелярия. 1851. Оп. 469. Д. 114. Л. 200—201.

³ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1851. Оп. 475. Л. 91—97; Ф. Канцелярия. 1851. Оп. 469. Д. 39. Л. 61, 114—117, 126; Д. 114. Л. 244—245.

Вопрос о паллиуме разрешился следующим образом. 8 августа / 27 июля Скарятину было предписано приступить к шагам, необходимым для получения паллиума для Головинского, испросив такие же полномочия, что были даны его предшественнику, чтобы он мог бы полностью исполнять обязанности своей должности. Ещё явно до исполнения этого предписания 2 ноября / 21 октября Бутеневу было сообщено: «Вы, несомненно, узнаете с удовольствием... что дело паллиума, предоставленного Головинскому, уладилось. Вам не нужно обсуждать этот вопрос с Антонелли». А днём ранее его информировали, что «паллиум был передан Головинскому самим императором»¹.

Определённый сдвиг наметился и в решении вопроса о разделе келецко-краковской епархии после перехода к Австрии Кракова: одна её часть становилась австрийской епархией, вторая — епархией Царства Польского, под названием келецкой. Как уже говорилось, вопрос об этом был поднят в 1846 г., но остался нерешённым по причине политических событий последних лет. С появлением дополнительного обстоятельства — после смерти в прошлом году епископа кафедра стала вакантной — было решено вернуться к этому вопросу и просить венский Двор, как более заинтересованный, взять на себя инициативу переговоров об этом в Риме. Вена приняла с готовностью это предложение, и в С.-Петербурге ожидали результата её демарша².

В силу сложившихся обстоятельств надолго затянулся обмен письмами папы с императором. С написанным в июне и переданным в августе 1850 г. через Нессельроде письмом Пия IX Николай I смог ознакомиться в конце года по возвращении в С.-Петербург, а его ответ от 6 мая / 24 апреля 1851 г. был вручён Бутеневым папе 19 / 7 октября.

Заверив в положительном отношении к предложению папы продолжить переговоры по остававшимся нерешённым вопросам, император напоминал, что во время пребывания в Гаете Бутеневу было предписано принять на себя инициативу в этом. Но важные причины и требовавшие неотложного решения осложнения заставили отложить их возобновление на некоторое время. По мнению императора, это время ещё не наступило. Следовало подождать, «чтобы общее положение в Европе, хотя и заметно улучшившееся с тех пор, наконец, достаточно надёжно укрепились в своей основе до такой степени, чтобы покончить с продолжающейся серьёзной озабоченностью, которая поглощает с полным основанием внимание правительств, защищающих дело мира и социального порядка»³.

Тем временем, готовясь к таким переговорам, Антонелли воспользовался присутствием Бутенева в С.-Петербурге и направил ему конфиденциальное, частное письмо от 2 февраля 1851 г. с просьбой прояснить следующие вопросы: о свободном

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1851. Оп. 469. Д. 114. Л. 202, 214, 249.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1851. Оп. 475. Л. 96–97.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 748. Л. 301–302.

сообщении между католиками Империи и Святым Престолом; о трудностях, встречаемых ими при пересылке просьб о полномочиях или диспенсиях, писем по вопросам совести, когда они либо не доходят по назначению, либо доходят с большим опозданием, без объяснения причин; о данном духовным властям предписании об исполнении заупокойной мессы и поминании усопших членов императорской семьи, что ставило священников в трудное положение перед законами Церкви; о предписании священникам объявлять с их кафедр в течение трёх воскресений подряд некоторые статьи закона Империи, запрещающего под угрозой самого тяжёлого наказания обращение в католическую веру. Речь шла также о жалобах по поводу закрытия приходских и монастырских церквей в епархиях виленской, подольской и на Волыни и значительного числа монастырей в моголиевском архиепископстве¹.

Задержку с ответом (он был дан 18 / 6 марта) Бутенев объяснил желанием собрать как можно более точные данные из достоверных источников. По главному вопросу, касавшемуся препятствий на пути свободного сообщения католических подданных и духовенства Империи со Святым Престолом, в письме разъяснялось, что такая свобода была им постоянно обеспечена при условии, что они сообразовывались с изначально установленным способом сообщения, т. е. через императорское правительство и его миссию в Риме. Основные причины и необходимость сохранения такого способа были представлены на рассмотрение папского правительства. Этот вопрос ставился в ходе переговоров 1846—1847 гг. и был включён в список окончательно не решённых. Причины и соображения, изложенные тогда, продолжают существовать и не позволяют ничего изменить в способе сообщения.

Иначе обстояло дело с длительными задержками и серьёзными помехами при передаче просьб о диспенсиях и других духовных милостях, просьб о духовных полномочиях для священников, личных прошений по вопросам совести и т. д. Поскольку они происходили из-за ряда формальностей и больших расстояний между различными частями Империи, правительство готово было сократить эти задержки и укорить ход сообщений.

Остальные вопросы, поставленные в письме, представлялись Бутеневу основывавшимися на ошибочной или лишённой всякого основания информации. Проведённое расследование показало, что предписаний от правительства или властей, подобных тем, что указывал Антонелли, никогда не поступало и не было закрыто никакой католической церкви ни в упомянутых епархиях, ни где-либо ещё. Было закрыто некоторое число монастырей в епархиях Империи. Но это были сверхштатные монастыри, ставшие почти необитаемыми и пришедшие в упадок по причине слишком малого числа монахов, которые были переведены в другие монастыри их ордена.

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Posizione 227. Fascicolo 74. Foglio 95; АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 310—311; Ф. Канцелярия. 1851. Оп. 469. Д. 116. Л. 3—4.

Бутенев напомнил, что этот вопрос был предметом объяснений между уполномоченными во время переговоров в Риме и был включён в число отложенных для будущего соглашения. Политические события 1848 г. помешали урегулированию вопросов этой категории. Императорское же правительство оказалось перед необходимостью принять срочные меры¹, исполнение которых не допускало промедления².

Несмотря на полученные от посланника разъяснения, в данной Виале-Прела инструкции от 7 мая 1851 г. на случай приезда Николая I в Вену предписывалось применительно к обстоятельствам обсудить вопросы, о которых говорилось в прежней инструкции от 6 июня 1850 г.

При этом уточнялось, что из полученных в последнее время сведений следовало, что высшее духовенство Польши было оповещено об уже согласованных статьях протокола 1847 г., но они не были опубликованы. Затем перечислялись вопросы, уже известные по письму Антонелли к Бутеневу от 2 февраля³.

Летом 1851 г., к общему удовлетворению, удалось разрешить частный вопрос, возникший ещё в 1847 г. Тогда у императора появилось намерение решить судьбу принадлежавшей ему земли (она была им куплена) на Палатинском холме в Риме после окончания там не принёсших тех результатов, на которые рассчитывали, раскопок, продав её. Было очевидно, что продажа могла дать немного. Бутенев высказал идею предложить папскому правительству обмен этой земли на предметы искусства. Нессельроде считал, что, чтобы император её поддержал, в обмен должно быть предложено что-то значительное. Поэтому в частном письме от 3 декабря / 21 ноября 1847 г. министр просил посланника осторожно выяснить, какие предметы искусства или раритеты могли быть предложены.

В крайнем случае, — писал он, — нам нужны предметы римского или греческого происхождения, так как, если нам дадут, например, этрусские вазы, это по существу станет лишь простой реституцией. Вам будет легко это доказать Вашим римским археологам, так как очевидно (так же как наши славянские учёные этимологи это оставили вне сомнения), что слово этрусский происходит от: Это русские (подчёркнуто в тексте и написано по-русски во французском тексте письма. — О.С.), что достаточно указывает, что эти предметы являются русскими и, следовательно, нам принадлежат де-юре.

¹ Действительно, по указанию императора в 1851 г. римско-католической Духовной коллегии было предложено вакансии в штатных монастырях пополнять монахами тех заштатных обителей, в которых осталось наименьшее число монашествующих. А затем заштатные монастыри, в которых будет менее 8 монахов, упразднять, а монашествующих переводить в штатные обители с сохранением жалованья по 40 рублей в год. При этом число штатных монастырей, установленное в 1842 г., не уменьшалось, так что в 1863 г. их будет 50 при 10 заштатных монастырях (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1338. Л. 32–33).

² Там же. Ф. Канцелярия. 1851. Оп. 469. Д. 115. Л. 11–17; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 312–315.

³ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Posizione 227. Fascicolo 74. Fogli 54–55.

Обсуждая эту идею, Бутенев должен был преподнести её в качестве его собственной, которую намерен высказать императору, если предложенные предметы ему покажутся заслуживавшими его внимания. Результаты переговоров министр просил изложить в частном письме, с которым он ознакомит императора. Он полагал, что полученные сведения могли бы побудить императора отказаться от имевшейся у него идеи продать эту землю и купить вместо неё другой участок, чтобы там произвести раскопки¹.

Бутенев конфиденциально прозондировал почву относительно такого обмена у Антонелли, который отнёсся к нему положительно. Однако последующие события в стране и многочисленные дела после возвращения Двора в Рим не позволили ему заняться отбором предметов для обмена, посетив хранилища Ватикана. Он смог это сделать только в декабре 1850 г. Их посещение не дало положительного результата. Но через несколько дней кардинал сообщил, что в запаснике Латеранского дворца имелись три статуи, из которых одна может стать предметом обмена. Речь шла о произведениях знаменитого Праксителя: Фавн, танцующая сирена и статуя задрапированной женщины. По мнению знатоков, две первые из этих статуй отличались замечательной красотой и каждая из них по ценности более или менее соответствовала сумме в 3000 экю, заплаченной за купленную для раскопок землю на Палатинском холме. Сообщая об этом 14/2 февраля 1851 г., Скарятин писал, что ему, однако, хотелось бы, чтобы Антонелли рассматривал предложенную сделку с иной точки зрения, чем простой обмен, основанный на примерно рассчитанной цене подлежащих обмену предметов. Тем, что этот проект ему удалось довольно успешно реализовать, он был обязан учёному-археологу Висконти, с которым он поделился своим намерением и который оказал ему помощь, «с тем большим рвением и усердием, что был глубоко признателен за проявленную к нему» императором доброту во время пребывания в Риме. Во время аудиенции у папы этот учёный высказал идею не рассматривать намеченный обмен как простую сделку, а воспользоваться этим обстоятельством, чтобы показать, насколько он стремился сделать приятное императору, предложив ему гораздо более ценные предметы искусства, чем стоимость получаемой в обмен земли. После беседы с Висконти папа дал соответствующие указания Антонелли. Последний сообщил Скарятину, что кроме Фавна Праксителя папа велел предложить в качестве парного предмета одну из двух статуй Купидона, тоже Праксителя, находившуюся в музеях Ватикана, присовокупив к ним совсем недавно найденный барельеф, представляющий двух танцующих фавнов, а кроме того, 5 или 6 древних бюстов, выбор которых он позаботится сделать².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1847. Оп. 469. Д. 104-а. Л. 137–138.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 808. Л. 388–390.

Предложенным обменом земли на статуи император остался доволен. 18 / 6 февраля 1851 г. Скарятину просили благодарить папу и оформить сделку в соответствии с законом¹.

В донесении от 12 июня / 31 мая Скарятин писал, что поблагодарил Антонелли от имени императора за его участие в этом деле. А через некоторое время имел возможность лично выразить папе, насколько император был тронут его поступками в этом деле. Папа просил поверить, что всегда был счастлив сделать, насколько это было в его возможности, всё то, что могло доставить удовольствие императору.

Небольшая реставрация, в которой нуждались статуи и 6 бюстов, была доверена скульптору Пиструччи, одному из мастеров, обслуживавших музей Ватикана. Он должен был также сделать подставки, отсутствовавшие у некоторых бюстов. Барельеф подлежал декорированию восточным алебастром. Для статуй Фавна и Купидона будет сделан пьедестал из глазкового мрамора. Поскольку не могли найти двух кусков этого мрамора, довольно ценного, добыча которого теперь не велась, неожиданно Антонелли предложил два блока этого старого мрамора. Прежде он намерен был их использовать для украшения церкви, патроном которой был.

Кардинал предложил отложить до окончания работ по реставрации заключение окончательного акта об обмене, который мог состояться только в конце июня.

Число предложенных к обмену бюстов было папой удвоено. Теперь речь шла о следующих двенадцати бюстах: Юпитер, Венера, Меркурий, Диана, Аретузе, Вакханка, Александр Великий, Сципион, Август, Марк Аврелий, Сабина, жена императора Адриана².

Получив сообщение о решении папы удвоить число античных статуй, предназначенных в обмен на землю, 4 июля / 22 июня 1851 г. император просил передать благодарность папе за это, а также за его дар двух блоков глазкового мрамора для пьедесталов этих статуй. Особая благодарность выражалась Антонелли за его помощь в этом деле³.

После окончания реставрации была достигнута договорённость об оформлении сделки простым обменом нот. Пересылка статуй происходила через Ливорно, куда они были доставлены в 15 ящиках.

В ходе решения вопросов об этом обмене Скарятину был сделан намёк на пожелание папы и Антонелли получить некоторое количество малахита и лазурита для окончания работ, начатых малахитом, присланным Григорию XVI в 1842 г., который был уже полностью использован, и если бы император сделал папе такой подарок, то доставил бы ему удовольствие.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 304–305.

² Там же. Л. 470–472.

³ Там же. Л. 331.

Сообщая об этом, 21 / 9 сентября Скарятин просил также отблагодарить трёх человек, способствовавших успеху сделки. Это были: Висконти, директор римских музеев, Фабрис и Пиструччи. Первому он предлагал подарить золотую табакерку стоимостью от 1500 до 2000 рублей серебром, учитывая, что он получил орден Св. Станислава 2-го класса во время пребывания императора в Риме. Второму — орден Св. Станислава 3-го класса. А скульптору — подарок стоимостью от 300 до 400 рублей серебром¹.

Забегая вперёд, заметим, кстати, что такой же жест доброй воли папа сделает в феврале 1861 г. при подписании контракта с Антонелли российской стороной на покупку за счёт императорского правительства для пополнения коллекции Эрмитажа части известного музея Кампана, отличавшегося как количеством, так и разнообразием редких предметов. С.А. Геденов, заведующий археологической комиссией в Риме для приискания древностей, сообщил министру императорского Двора и уделов Адлербергу 18 / 6 февраля 1861 г.: «...наш выбор содержит ценные предметы и представляет великолепный ансамбль, включающий весь музей Кампана. Это уникальный и чрезвычайно выгодный случай, который было бы досадно упустить»².

Папа и государственный секретарь в ходе переговоров с дирекцией ломбарда — хранителя и собственника этой древнейшей коллекции — помогли устранить трудности как в отношении формы покупки, так и отбора экспонатов. По завершении переговоров папа сделал ещё один красивый жест. Он приказал разрешить свободный вывоз этих ценных антикварных предметов и освободил тем самым от необходимости уплаты в соответствии с существующим законом налога в размере 20 % стоимости старинных предметов при их вывозе из страны, которая составляла около 20 тысяч римских лир, или около 130 тысяч франков³.

На фоне отношений, складывавшихся весьма удовлетворительно, и, в частности, достижений в заполнении вакантных епископских кафедр нерешённость вопроса о Буткевиче выглядела особенно удручающе. По получении инструкций, содержащихся в депеше от 25 / 13 февраля 1851 г., прекратив обсуждение вопроса о нём, в памятной записке Бутенев так подытожил своё видение возможности решения этой проблемы. Колебания папы дать согласие на его назначение не означают формального отказа. С российской стороны приостановка демаршей не является окончательным отступлением перед угрызениями совести папы. Ведь на неё пошли лишь из-за трудного положения, в котором оказался папа со времени его пребывания в изгнании, и чтобы не казалось, будто желали этим воспользоваться и, так сказать, вырвать согласие, встречавшее ещё некоторые трудности, чтобы дать его по доброй воле.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 808. Л. 594–596.

² Там же. Д. 891. Л. 144.

³ Там же. Д. 965. Л. 19–20.

Для достижения желанной цели следовало срочно направить из С.-Петербурга в миссию в Рим пригодную для ознакомления папы депешу, «составленную в выражениях строгих и даже немного суровых, чтобы, таким образом, воздействовать с большей силой на впечатлительность и переменчивость Пия IX». При этом особо надлежало отметить «очевидное противоречие, существующее между протестами перед императором, и фактами, которые далеки от того, чтобы подтверждать слова папы». Посланник утверждал, что «именно этот аргумент уже серьезно повлиял на настроение папы и побудил раскрыть некоторые из главных мотивов его шепетильности». И тем самым «отступить от старого, являвшегося одной из главных опор моральной силы папы принципа не давать никому отчёт о мотивах отказов по религиозным делам и, особенно, когда речь идёт о делах, лежащих на обязанности Церкви»¹.

В сентябре 1850 г. Буткевич прибыл в Рим. 17 сентября он увиделся с государственным секретарём. 6 октября был принят папой. Свой приезд в Рим он объяснял ему тем, что, отправившись на воды за границу для поправления здоровья, он также с разрешения императора поехал в Рим, чтобы получить благословение папы и его милосердное прощение, если Его Святейшество находит его в чём-то виноватым. Аудиенция продолжалась почти час, с 11:35 до 12:30. Так писал сам Буткевич. А из донесений миссии в С.-Петербурге стало известно, что папа принял его доброжелательно, запросил материал его дела, внимательно просмотрел и уполномочил своё доверенное лицо, члена конгрегации Чрезвычайных духовных дел монсеньора Феррари, получить у аббата некоторые уточнения по неясным пунктам. Эти ответы были найдены удовлетворительными. Казалось, что папа был расположен покончить со своим предубеждением и дело должно вступить в новую фазу, позволявшую предвидеть его благоприятное разрешение. Такой оптимистический вывод был зафиксирован в отчёте министерства иностранных дел за 1850 г.² Но ему не суждено было сбыться, что станет совершенно очевидно осенью 1851 г.

Итог беседы Скарятина с папой, судя по его депеше от 21 / 9 сентября 1851 г., особенно после встреч аббата Буткевича с Феррари, позволивших, казалось бы, Святому Престолу самому судить о нравственности и принципах аббата, не оставляла надежды на удовлетворительный результат нового, обещанного папой расследования³.

Это подтвердила и беседа 13 октября самого аббата с папой, когда Пий IX прямо заявил, что не может возвести его в епископский сан. Тогда Буткевич, сославшись на то, что прибыл в Рим не для того, чтобы домогаться этой милости, а лишь

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 780. Л. 305–306.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1850. Оп. 475. Л. 82–83; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 780. Л. 6–7.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1851. Д. 114. Л. 221.

оправдаться от возведённой на него клеветы, и поскольку папа убеждён в его невиновности, просил Его Святейшество засвидетельствовать это письменно.

В ответ папа высказал предположение, что Буткевич действовал в соответствии с намерениями правительства, прося документ, в силу которого оно могло впоследствии настаивать на его выдвижении в епископат. Со стороны его собеседника последовали заверения, что, как католический священник и простой человек, он не мог хранить задних мыслей в своих демаршах перед Его Святейшеством, а стремился лишь успокоить свою совесть. И наконец, он сказал, что для него невозможно будет вернуться в Польшу без документа, могущего оправдать его поездку в Рим. На всё услышанное папа отреагировал с живостью:

Я ничего не имею против Вас, как священника и католика, но не говорите мне о Вашей простоте, Вы не так просты, как хотите меня заставить поверить. Я очень хорошо осведомлён на Ваш счёт — Вы обладаете большими достоинствами и способностями, чем обычный священник. Вы умеете жить в светском обществе, и именно это возбуждает серьёзные опасения.

Не дав ответить, папа продолжил. Он сослался на то, что не впервые отказывает в повышении, случилось ему это делать даже после составления канонического протокола, если консистория доказывала, что кандидат нажил себе много врагов и недовольных там, где собирался получить епископство. Но из этого, заверил папа, вовсе не следует, что такой священник должен рассматриваться недостойным и осуждённым. Затем он припомнил, что получил от Бутенева копию текста надгробной речи Буткевича, и заметил, что иногда в аудитории произносят не тот текст, что написан, и к тому же у него имеется сообщение о наличии у аббата большого числа врагов.

Воспользовавшись передышкой, Буткевич сказал, что речь не идёт о епископстве, к чему он никогда не стремился, а лишь о доказательстве его оправдания в глазах папы, что обвинения в его адрес имели целью помешать намерениям правительства, удостоившего его своей поддержки, а посему это скорее вопрос политики, чем религии. Что касалось надгробного слова, оно было произнесено точно по тексту, а не понравилось трём священникам, оклеветавшим его из чувства зависти лично к нему и мести правительству. Из них один умер давно, другой отправился на тот свет после того, как помирился с ним, а третий перед его отъездом в Рим просил и получил прощение. О других врагах в стране он не знал. Что же касалось недовольных поляков за рубежом, это не должно удивлять папу.

Глубоко вздохнув, папа продолжил с отеческой приветливостью:

Я понимаю неудобство Вашего положения; действительно очень трудно примирить чувства и обязанности столь противоположные; особенно трудно не переставать быть поляком и добрым католическим священником, оставаясь верным и послушным правительству. Ваши несчастья и Ваши страдания вызвали всеобщую

симпатию, которая, однако, вместо того, чтобы увеличиваться, оказалась значительно ослаблена со времени последних волнений в Европе, которым поляки весьма способствовали! Однако, несмотря на эти отступления, я прощаю и испытываю сострадание к Вашей нации и к Вам в частности.

Новое подтверждение просьбы дать ему свидетельства его невинности, повторенное Буткевичем в конце беседы и сопровождаемое заявлением оставаться в Риме, пока его не получит, не переубедили папу. Он сказал, что было бы против правил и существующего обычая давать документ о невинности, в то время как он не был публично обвинён, ни официально вызван для объяснений, когда он не был ни предан суду, ни осуждён. «Я не стремлюсь узнать, по указанию ли сверху или по Вашей собственной воле Вы приехали в Рим, чтобы, как Вы говорите, облегчить страдания Вашей совести», — заверил его папа и, напомнив, что аббат может оставаться ректором Академии, пользоваться всеми почестями и преимуществами, поинтересовался, чего он ещё хочет от него.

Буткевич продолжал настаивать на том, что не мог вернуться домой с пустыми руками¹. Это подробное описание хода его беседы с папой было письменно изложено Буткевичем Бутеневу.

Во время пребывания в Риме Буткевичем были представлены Ватикану два доклада. По поводу первого, вероятно, Феррари, бывший куратором аббата, заметил, что он обещал написать для папы подробный доклад о нынешнем положении католической Церкви в Польше, а вместо этого передал лишь записку со своими оправданиями, которую мог бы направить и по официальному пути. Продолжая настаивать на получении обещанного доклада, основной недостаток представленного документа он видел в том, что Буткевич был голословен, не приводил ни одного доказательства, ни документа. Тем более что ещё три года назад «мы предупредили одного из его друзей, прибывших в Рим, что аббат должен был представить доказательства, чтобы оправдаться в отношении фактов, приведённых против него. Если он не приводит ничего в своё оправдание, значит, вероятно, ему нечего привести».

Замечания их автор излагал в том же порядке, как перечислил аббат главные обвинения в свой адрес.

По поводу того, что в своём качестве ректора Духовной академии он действовал в ущерб католической вере, следовало замечание: почему, по крайней мере, не назвать виновных, которых внимательно слушают в Академии. Он же перекладывает ответственность с себя на академический совет, и он

...нам жалуется на то, что совет ни во что не вмешивается и что он должен делать всё! Желая доказать добротность дерева по его плодам, он уверенно называет сто воспитанников, уже выпущенных из Академии; и, говоря нам о сандомирском

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 780. Л. 24—27.

епископе монсеньоре Голдмане, который открыто раздаёт бенефиции и разводы, он добавляет: «мои воспитанники трудятся теперь в консисториях и берут взятки, как прежние; когда я их упрекаю, они отвечают: “Как поступить, раз дают”». Впрочем, если епископы ему направляют, как он жалуется, самых плохих учеников, невозможно, чтобы из них он сделал образцовых священников.

В отношении того, что он «предписал своим воспитанникам особую формулировку клятвы», замечание было очень чётким: «если факт точен, сказать нечего».

Третий пункт, что он дурно обращался и отдал в руки светских лиц учеников Академии, уточнялся:

...его обвиняют в том, что он выдал правительству и привёл к помещению в полк трёх семинаристов, потому что они жаловались на то, что он растрчивал доход учреждения и заставлял голодать воспитанников. В своём ответе аббат утверждал, что они были виноваты в отношении власти, должностного лица. Но какой была эта власть? Была ли это власть правительства? Или подлежит обсуждению власть обвинённого епископа? В России всякая жалоба низшего лица на высшее лицо признаётся мятежной. Буткевич не доказывает, что был беспристрастен в этом вопросе, что он ничего не сделал, чтобы их передать правительству, что он всё сделал, чтобы их спасти.

Это, считал автор записки, можно было с полным основанием сказать и в отношении профессоров Академии в ответ на утверждение (четвёртый пункт), что он уволил хороших и нанял плохих профессоров. Так, аббат Крупинский был уволен только потому, что его имя упоминалось в письмах графини Ледоховской.

Почему монсеньор Ректор, так хорошо устроившийся при правительстве, не смог спасти своего подчинённого и его называет виновным в политическом преступлении? Уже два года заключён в крепости один из его профессоров монсеньор аббат Казимир Вноровский, человек мягкий, набожный, прилежный, согласно свидетельству самого монсеньора Буткевича. Как он не мог узнать, почему его держат в тайном месте? Ой, какое удобное выражение — речь или политическое подозрение (подчёркнуто в тексте. — О.С.) — с его помощью объясняют всё, как болезни — нервами.

В связи с новым протестом аббата (пункт пятый) против обвинений в том, что давал правительству советы, вредные для религии, он утверждал, что ничего не сделал или советовал правительству, его оппонент писал,

...но разве он ничего не сделал или советовал против церковной дисциплины? Именно её не католические правительства, прежде всего, стараются разрушить. Так, он признаёт себя автором проекта, по которому епископы разделяют с правительственными служащими инспекцию и управление имуществом семинарий; разве он не знает, что, если уступят правительству пядь земли, оно займёт

затем десять? Разве он не знает, что у нас гражданские власти не делают власть с Церковью, но ею управляют? Это, чтобы помешать казнокрадству? Но, Боже мой! Аббату Буткевичу известно, что не существует средства против воровства в России, поскольку всё общество к нему причастно. Добавив контролёров, совершенно разорят семинарии, потому что нужно будет оплатить ещё контролёров-приспешников.

Аббат Буткевич взывает к свидетельствам духовенства в свою пользу. Увы, кафедра его епархии в Августове не хотела его в администраторы. Он претендует на то, что те, которые его обвиняют, боятся экзаменов для получения теологических степеней, предпочитая ленивое невежество и повышение с помощью денег и пресмыкательства! Это, к сожалению, возможно верно в отношении многих польских священников, но не всех и, особенно, лучших среди них. А ведь среди противников господина Буткевича есть много священников мирских и монашеских или слишком пожилых, или слишком высокопоставленных, или слишком знающих и слишком равнодушных, чтобы бояться этих экзаменов. Он утверждает, что его обвиняют, главным образом, экзальтированные патриоты. Верно, что у нас имеются чересчур недоверчивые и не допускающие иных мнений, и которые слишком легко осуждают мнение тех, кто из-за тяжёлых обязанностей своего положения и с добрыми намерениями посещает членов правительства; но также нужно признать, кому как не ему быть подозрительным. У нас всем известно, что российское правительство знает свой свет, что оно ошибается и позволяет себя обмануть редко. Что оно оплачивает лишь оказанные или ожидаемые услуги. Вот почему пугаются, когда видят грудь господина Буткевича, простого священника, украшенную орденом и орденой лентой через плечо. Конечно, не епископы просили их для него. Хотя он утверждает, что им обязан всем, что он имеет, и тем, что он есть. Это верно, потому что он всегда отвлекал от дела. Но он не домогался того, чтобы одновременно получать преимущества, чтобы занимать несовместимые должности, которые он не может выполнять одновременно, а именно: ректора в Варшаве, каноника в Августове и кюре во Владиславле в 100 лье (1 лье равен 4 километрам) от Варшавы и в 30 от главного города его епархии.

Что касалось последнего, шестого, пункта: проявил невнимательность к церковному положению, высказывая похвалы аббату Котовскому, в своём надгробном слове, высказывались такие соображения.

Известно в Риме, как и в Варшаве, что покойный аббат хотел ввести в литургию польский язык; монсеньор Буткевич сам обвинил перед нами его в том, что он стал неожиданно человеком, беззаветно преданным правительству, экзальтированным патриотом, каковым был до 1831 г. Следовательно, почему он его хвалил? О мёртвых говорят или хорошо или ничего! Увы! Нужно выбирать ничего (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.), потому что нечего похвалить в усопшем.

В конце своей записки Буткевич представил положение католической религии в Польше как процветающее. Он утверждал, что число духовенства утроилось.

По сведениям, почерпнутым из календарей церковной службы польских епархий и из статистики, число священников, мирских и монашеских, не достигает трёх тысяч. Учитывая, что в Польше четыре миллиона католиков, очевидно, что нет излишества, что касается числа священников. И как могло быть иначе, если число семинарий ограничивается правительством числом необходимых священников и многие способные молодые люди могут поступить в семинарии лишь при появлении свободного места.

Говоря о преследовании католической Церкви, автор записки подчёркивал, что речь не идёт «о кровавом преследовании». «В течение нескольких лет либо возраст, либо, конечно, последние события посоветовали императору, чтобы правительство действовало в отношении католической Церкви с меньшей ненавистью и насилием, но всегда незаконно. Занятие, кажется, явно отложено до более благоприятных времён, но вовсе не оставлено».

По поводу неоднократно повторенных Буткевичем заявлений, что его здоровье ослабело (чего не видно), что он устал, что не хочет епископства, а, напротив, думает удалиться в монастырь до конца своих дней, Феррари замечал: «Дай Бог, чтобы это было правдой: Это было бы наилучшим его доказательством его невиновности, и он освободил бы этим Святой Престол от большого затруднения»¹.

Замечания Феррари по поводу ещё одной памятной записки, представленной позднее Буткевичем, ничем по существу не отличались от тех, что он сделал в отношении первой.

Основной порок этой записки он видел в том, что она «содержит лишь простые и безосновательные утверждения автора». При этом он

...не делает секрета из того, что приехал в Рим, чтобы оправдаться перед Святым Престолом. После того, как он дал слово, как сам этим хвастался, князю Паскевичу не навредить своему правительству в Риме, он делает всё с ведома российского посла, который, несомненно, дал ему широкие полномочия писать так, чтобы понравилось Святому Престолу и выиграть дело. Однако он нас заверил, что показывал свой труд послу не в представленном, а в очень изменённом виде. Таким образом, всё его поведение в Варшаве, как и в Риме, является постоянно двойственным. Итак, как может Святой Престол полагаться на такого человека и на его утверждения?

Феррари обвинял Буткевича в том, что, «несмотря на его искренние протесты, он был постоянно пристрастным, неточным и увлекшимся, как в своих обвинениях, так и в своей защите. Его труд теряет, таким образом, всю его пользу для Святого Престола, за исключением, может быть, статистической части, которой мы в конце займёмся, чтобы дать более точную и официальную», — заключил Феррари².

¹ ASV. Fondo. Archivio particolare di Pio IX. Oggetti vari. Busta 562 B.

² Ibid. Busta 668.

В тот же день, 13 октября, когда состоялась его беседа с папой, Буткевич направил Пию IX письмо. Напомнив, что, пробыв в Риме более года, он устно и письменно изложил свои принципы и просил папу ясно объяснить, в чём его вина. Заверив, что не стремился к почестям, никогда не имел никакой второй цели, а прибыл единственно, чтобы оправдаться от возведённой на него клеветы, он настаивал на предоставлении в любой форме свидетельства, что папа находил правильными его принципы, без чего он не мог вернуться на Родину. В заключение он выражал готовность, если необходимо, ожидать всю жизнь в Риме этот акт милосердия и справедливости¹.

В создавшейся ситуации Бутенев чувствовал себя в большом затруднении, полагая невозможным настаивать на предоставлении аббату епископского звания, не вызвав подозрений относительно подлинной причины его поездки в Рим. Он намерен был, насколько обстоятельства и щекотливый характер самого дела ему это позволят, поддержать обращённую к папе просьбу Буткевича, а одновременно просил 28 / 16 октября 1851 г. инструкций по поводу последующих демаршей², так же как это сделал ещё в сентябре Скарятин.

Ответ на эти просьбы С.-Петербурга был дан в депеше от 8 ноября / 27 октября 1851 г., посланной Скарятину. Она засвидетельствовала, что вопрос о назначении Буткевича, важный сам по себе, рассматривался в то же самое время в качестве прецедента, долженствовавшего доказать несправедливость не только этого, но и стольких других отклонений предложенных им кандидатур. Папское правительство надо было призвать задуматься серьёзно над достойными сожаления заключениями, к которым должно неизбежно привести недоверие, с коим оно относится к выбору, предложенному российским правительством. Конкретно этим прецедентом следовало воспользоваться, отвечая на изложенные в ноте Антонелли 20 августа сетования папы по поводу вакансий во многих епископствах и суффраганствах в России и Царстве Польском и ссылки при этом на духовные интересы католиков. Предписывалось постараться убедить Святой Престол с полной серьёзностью отнестись к соображениям, из которых вынужден исходить С.-Петербург, памятуя, в частности, о случае с аббатом Буткевичем, а также и Горским, кандидатура которого недавно была отклонена.

В самом деле, если наш выбор всегда должен быть встречен с таким же недоверием, если Святой Престол продолжает гораздо больше ценить отзывы из сомнительных источников, чем рекомендации императора, Его Величеству не остаётся больше ничего, как воздержаться ото всяких последующих предложений по назначению на епископские кафедры, пока римский Двор будет оставаться на достойном сожаления пути, по которому он следует сегодня в отношении нас. Следовательно, вовсе не на императора, а именно на Святой Престол пала бы ответственность

¹ ASV. Fondo. Archivio particolare di Pio IX. Oggetti vari. Busta 828.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1851. Оп. 469. Д. 114. Л. 148—149, 221.

за ущерб, который проистекал бы из этого для духовных интересов католического населения в России и Польше¹, —

говорилось в депеше.

Вернувшись в Рим, Бутенев немедленно приступил к исполнению указаний. Он имел оживлённую и продолжительную беседу по поводу дела Буткевича с Антонелли. Как следует из донесения от 8 декабря / 19 ноября, посланник постарался заставить оценить справедливость недовольства императора позицией папы в этом вопросе, охарактеризовав её как результат «коварных происков существующей в Риме польской революционной партии, очаг которой находится в монастыре Св. Клода, наполненном польскими повстанцами», заметив, что «эти верующие, набираемые в Париже, поддерживаются придворной кликой, в то время как они стараются настраивать Святой Престол против России».

Кардинал не пытался вступить за агентов польской революционной партии, как духовных лиц, так и всех остальных, а заверил, что они не имеют никакого доступа к папе. Он выразил найденные Бутеневым вполне искренними протесты относительно важности, придаваемой Святым Престолом сохранению добрых отношений с Россией, и утверждал, что, насколько ему было известно, лишь мотивы совести мешали папе согласиться на возведение Буткевича в епископский сан.

Не скрыв, что воспринимал это утверждение скорее кажущимся правдоподобным, чем соответствующим истине, Бутенев дал кардиналу прочитать депешу Нессельроде от 8 ноября / 27 октября о Буткевиче. Знакомство с нею, особенно с заключительной частью о серьёзных последствиях для Святого Престола продолжения следования его системе недоверия и отказа в отношении предлагаемых кандидатов на епископские кафедры, явно произвело сильное впечатление на Антонелли, и он обещал обратить на это серьёзное внимание папы. Бутенев добавил в заключение беседы, что это устное сообщение с его стороны было только предварительным предупреждением и что он ожидает инструкций, формальных и категорических².

Внимательно следя за развитием событий в Риме, тем временем в С.-Петербурге серьёзно занимались этим вопросом.

Как засвидетельствовали конфиденциальная памятная записка, подготовленная в октябре, и доклад Николаю I Нессельроде, составленный в декабре, там отдавали ясно отчёт, что дело Буткевича следовало рассматривать «если не как полностью проигранное, то, по крайней мере, как вопрос, благоприятное решение коего должно быть отложено на неопределённое время». Иначе папа, упорствуя в своём отказе, не только сошлётся на принципы, согласно которым лишь он решает этот вопрос, но ещё может сказать, что встретался с Буткевичем, его экзаменовал

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1851. Оп. 469. Д. 114. Л. 221—224.

² Там же. Л. 178—182.

и, считая хорошим священником и добрым католиком, не нашёл у него качеств, необходимых для епископа.

С другой стороны, отъезд аббата из Рима без какого-либо доказательства его оправдания или явного свидетельства личного благорасположения папы означал бы неудачу, которая вызвала бы резонанс в Польше и поощрила бы интриги революционных партий, действовавших через сообщников в Риме. Вызывало обеспокоенность и достойное сожаления воздействие подобного результата на настроения польского духовенства. Исходя из этих соображений, в С.-Петербурге придавали большое значение тому, чтобы папа пожаловал Буткевичу по крайней мере почётное звание, назначив его тайным камерьером, домашним прелатом, прелатом папского Двора или апостольским протонотарием, т. е. на один из постов римского Двора, предоставляемых священникам любой национальности.

Такой результат должен был помочь скрыть неудачу поездки Буткевича в Рим и одновременно, до некоторой степени, парализовать возможность пагубного влияния отказа на продвижение его в епископский сан. В С.-Петербурге не теряли из виду, что его поездка являлась частной, а посему решено было действовать следующим образом. Комиссия по духовным делам в Варшаве обратится к Буткевичу с напоминанием о необходимости его присутствия на посту или ректора Духовной академии, или капитулярного викария, на который он был избран в его отсутствие в августовском капитуле. Его также запросят о времени, которое может ему ещё потребоваться для решения дел в Риме.

В ответе Комиссии аббат сможет обрисовать состояние дела, вызвавшего его поездку, и показать, сколь трудным и оскорбительным окажется его положение, если ему придётся вернуться на Родину виновным человеком, который после тщетной попытки оправдаться остался подвергнутым суровому порицанию папы. Предполагалось, что Буткевич сможет довести этот ответ до сведения папы.

В свою очередь Бутенев, чтобы ему помочь, даст понять Святому Престолу об особой заинтересованности императора в предоставлении папой прелату какого-то свидетельства своего благорасположения. При этом в С.-Петербурге больше не настаивали на назначении его епископом, поскольку вопрос об этом носил духовный характер. Теперь, когда речь шла лишь о чисто почётном знаке отличия, вопрос переходил из религиозной сферы в политическую область. Напоминали об оказанной Россией папскому Двору «моральной поддержке, чтобы защитить его дело и его права во время всех беспорядков, в последние годы потрясавших Италию». Теперь в обмен на неё просили, чтобы он «нам также предоставил свою помощь в усилиях, которые мы должны противопоставить враждебным склонностям духовенства, ставившего своё духовное влияние на население на службу разрушительных планов и страстей революционной пропаганды».

Разве не очевидно, — говорилось в депеше Бутеневу от 21/9 декабря 1851 г., — что, отказав в доказательствах расположения аббату Буткевичу, Святой Престол

даёт оружие нашим врагам? Они не замедлят представить этого прелата в качестве человека, не получившего одобрения Святого Престола из-за его принадлежности к преданной императорскому правительству партии. Воспользуются его примером, чтобы воздействовать на эту и без того столь немногочисленную партию, чтобы ещё находящихся в её рядах священников убедить перейти в партии революционной группы заговорщиков, заставляя их рассматривать своё отступничество в качестве единственного средства снискать хорошее отношение римского Двора.

Бутеневу предписывалось «прямо и твёрдо» объясниться, от имени императора ходатайствуя о почётном знаке отличия для аббата Буткевича, отказать в коем папа не мог, не вступив в явное противоречие с заявлениями относительно него¹.

Ознакомленный Нессельроде с этой инструкцией наместник направил Бутеневу 13 / 1 января 1852 г. письмо из Варшавы.

Разделяя намеченные в депеше шаги и приведённую аргументацию, он дополнил её своими соображениями. По существу, он призывал раскрыть папе глаза на ту партию в Польше, которая пользуется его доверием и о которой он явно составил себе ложное представление.

Многолюдная партия, неудовольствие которой, говорят, он боится вызвать в Польше, согласившись на повышение аббата Буткевича, вовсе не является католической партией, как его уверили, но скорее партией революции, той самой, солдаты которой, перекрестившись, шли на Рим в 1848 г., чтобы изгнать папу во имя итальянского единства. Здесь восстановление прежней Польши служит движущей силой происков этой партии. Её агенты также прикрываются религией, и, злоупотребляя, таким образом, доверием папы, они его держат на предосудительном пути так же в деле общего порядка, как и в отношении реальных интересов его Церкви в Польше, в частности.

Аббат Буткевич в круге своих духовных полномочий оказал лояльную помощь нашим усилиям, чтобы разбить революционное влияние. Он заслужил своими политическими принципами доверие правительства, без того чтобы его религиозные взгляды его заставили бы утратить право на таковое духовной власти, в ведении которой он состоит. В Риме ему должна быть также отдана справедливость. Настаивая на его повышении, мы поддерживаем, таким образом, принцип, в торжестве которого в отношении всех других монархических правительств папа заинтересован. Парализовать наши средства действия, значит разделять мнение, к сожалению, уже слишком распространившееся в Польше, а именно, что достаточно обнаружить враждебные императорскому правительству склонности, чтобы снискать симпатии и поддержку римского Двора. Святой Отец должен признать справедливость этих соображений. Если, однако, он к ним останется глух, тогда, несомненно, назначение аббата Буткевича на почётную должность папского Двора

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1851. Оп. 469. Д. 114. Л. 229–234; Д. 39. Л. 130–131, 137–139.

стало бы худым концом, которым нам следует удовольствоваться. Но он, не скроем этого, немного ослабит плохой эффект поражения, которое, в данном случае, императорское правительство потерпит в лице его кандидата¹.

Ещё до получения инструкций от 21 / 9 декабря 1851 г., как видно из донесения Бутенева от 2 марта / 19 февраля 1852 г., в беседе с ним Антонелли сообщил о полном провале всех его усилий преодолеть сопротивление папы в вопросе о назначении Буткевича. Не смогла папу поколебать даже перспектива (её нарисовал кардиналу Бутенев в соответствии с инструкцией от 8 ноября / 27 октября 1851 г.) отсрочки до бесконечности любого последующего предложения кандидатур с российской стороны. Правда, казалось, что папу глубоко впечатлила возможность столь неприятного последствия для интересов католической Церкви в России и Польше, однако он заметил, что даже это соображение не представлялось ему достаточным, чтобы его избавить от его долга совести и высшей ответственности в вопросе выбора епископов.

Посланник понимал неуместность в тот момент настаивать дальше. И желая сохранить за собой возможность время от времени возвращаться к этому вопросу, по мере получения последующих указаний, он ограничился тем, что поблагодарил кардинала и выразил надежду на его поддержку в будущем в поисках решения дела, рассматриваемого в С.-Петербурге «в качестве исключительно важного для дальнейших отношений между двумя правительствами»².

По получении в середине января депеши от 21 / 9 декабря, а позднее и запроса Буткевичу от Комиссии по делам культов в Варшаве, Бутенев счёл полезным предварительно обсудить вопрос с Антонелли, чтобы облегчить аббату возможность изложить свою позицию непосредственно папе. Он ознакомил его с сутью инструкции относительно справедливости того, чтобы папа, признавший аббата Буткевича хорошим священником и добрым католиком, это засвидетельствовал каким-то явным и почётным знаком и чтобы после всего, что произошло, сделано это было бы непосредственно самим папой.

Такое предложение, переносящее вопрос на политическую почву, было оценено кардиналом. Он сам в этом признался и обещал постараться убедить папу положительно отнестись к этой идее, но просил для этого времени и предложил до того отложить просьбу об аудиенции у папы для Буткевича, с чем Бутенев был полностью согласен³.

Когда же в конце марта кардиналу всё ещё не удалось продвинуть дело вперёд, чем он был сам «явно обескуражен и уязвлён», Бутенев решил предпринять последнюю попытку, не идя больше на отсрочки. Он подготовил и передал через Антонелли папе памятную записку, составленную в выражениях «чётких

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 345–347.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1852. Оп. 469. Д. 122. Л. 25–26.

³ Там же. Л. 26–28.

и решительных». Поскольку папа, находя Буткевича «добрым католиком и хорошим священником», заявлял, что «угрызения совести и Его высокая ответственность главы Церкви не позволяют облечь его епископским званием, как не обладающего требуемыми качествами, Его Императорское Величество, руководствуясь чувством уважения и почтения к Святому Отцу, воздерживается от всяких последующих настояний по этому поводу».

Затем признавалось, что аббату Буткевичу ничего не оставалось, как вернуться в Польшу. Но прежде, чем он сделает это, папу просили дать явные свидетельства его личного расположения к аббату. Ибо «неудача, которую потерпела в прошлом его кандидатура, имела бы гораздо больший резонанс после всего, что произошло в течение трёх лет, и послужила бы опасным подстрекательством для его врагов или скорее революционной партии в Польше и её агентов, пребывающих в Риме, как, впрочем, повсюду». Чтобы, по крайней мере, смягчить этот досадный результат, императорский Двор придавал большое значение тому, чтобы папа удостоил Буткевича какого-нибудь почётного звания, как камерьер, домашний прелат или камерный священнослужитель.

После этого следовало решительное заявление. В его основу было положено содержание депеши от 21 / 9 декабря, но некоторые акценты были усилены, да и говорилось в нём от имени императора. Дело аббата Буткевича утратило религиозный характер. Оно стало чисто политическим. В изменившейся ситуации «в обмен не только на моральную поддержку, но также на услуги, без колебаний, честно оказанные папе Его Императорским Величеством, чтобы поддержать его дело и его права во время прискорбных волнений в Италии, император считает для себя возможным просить, чтобы папа также согласился на моральную поддержку императорскому Двору». Речь шла о поддержке его усилий,

...которые он должен противопоставить враждебным стремлениям революционной партии в Польше, которая, к сожалению, применяет своё влияние через посредство духовенства, чтобы заставить религиозные вопросы служить страстям и ниспровергающим планам революционной пропаганды. Очевидно, что, отказывая сегодня в почётном и видном свидетельстве аббату Буткевичу, папа доставит повод для триумфа врагам императорского правительства и врагам социального порядка¹.

Через короткое время кардинал его уведомил о пожалованном папой аббату Буткевичу звании почётного апостольского протонотария. Речь шла об ином звании, чем говорилось в депеше от 21 / 9 декабря, но, несмотря на сделанные Бутеневым и поддержанные Антонелли представления, изменить принятое папой решение не удалось. Звание апостольского протонотария в иерархии званий было выше, чем домашний прелат (*prelato domestico*), камерьер (*cameriere segreto*) и камерный

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1560. Л. 45—47.

священнослужитель (*chierico di camera*), и давалось даже епископам и архиепископам. Но оно казалось отличием чисто духовным, в то время как другие представляли собой также звание придворное и свидетельство благорасположения, а тем самым больше бы отвечали поставленной цели, полагал дипломат. В целом же это решение, в депеше от 16 / 4 мая 1852 г., Бутенев находил «весьма соответствовавшим в принципе духу последних инструкций» от 21 / 9 декабря, находя одновременно, «что оно могло бы быть, несомненно, лучше, если бы было спонтанным и, особенно, менее запоздалым».

После сообщения нотой от 22 апреля об этом решении Антонелли известил посланника, что папа охотно согласился принять аббата Буткевича, чтобы до его отъезда дать ему знак ещё большего расположения. Бутенев так подвёл итог приложенным усилиям и проявленной настойчивости вместе с Антонелли по этому делу. Он считал, что они «ничем не пренебрегли, чтобы преодолеть необоснованные, внушённые папе предубеждения и показать ему, что было совершенно справедливо и даже вменялось долгом, вследствие взаимности... открыто реабилитировать этого прелата, из ненависти оклеветанного революционной партией». А с другой стороны, постараться смягчить, по крайней мере в глазах императорского Двора и общества, неприятные последствия отклонения его кандидатуры на епископский сан, тем более что вопрос перестал быть религиозным, а стал политическим. «Тем не менее, эти демарши и эти упреки, с моей стороны, преданно поддержанные кардиналом Антонелли, всегда терпели неудачу перед косностью и личной неприязнью Святого Отца», — с горечью должен был признать дипломат¹.

3 августа 1852 г. состоялась новая, четвёртая, беседа Буткевича с Пиём IX. Поблагодарив за звание протонотария, аббат вновь заверил папу, что прибыл в Рим, чтобы оправдаться.

На этот раз папа так изложил своё мнение по этому поводу:

Мне, напротив, кажется, что Вы прибыли и остаётесь в Риме с единственной целью выполнить волю вашего правительства, стремящегося непременно сделать Вас епископом. Теперь я вовсе не удивляюсь тому, что Вы пользуетесь такими знаками уважения и доверия у вашего правительства, когда даже в Риме, где это никоим образом не должно практиковаться, Вы публично специально молились об императорской семье. Никакой из кандидатов, впрочем, не был столь горячо поддержан, как Вы, что не может не возбудить справедливого подозрения в отношении священника, сумевшего до такой степени снискать внимание и поддержку верховной власти. Рекомендую Вас в епархию, посланник Бутенев очень настаивал на том, чтобы я согласился на Ваше выдвижение, ввиду того, что в этом очень заинтересован император, и что варшавский наместник от этого ожидает большую пользу для своего наместничества. Все эти обстоятельства, соединённые с донесениями,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1852. Оп. 469. Д. 122. Л. 93–95.

полученными мною на Ваш счёт¹, меня утвердили в убеждении, что вовсе не ради блага нашей Церкви, которой ваше правительство всегда враждебно, настойчиво ходатайствуют о Вашем возведении в епископский сан.

В ответ на эти столь откровенные разъяснения Буткевич заявил:

Мне не следует углубляться в намерения правительства в отношении меня. Но, что касается меня, я не просил и не прошу никакой другой милости, как позволить мне оправдаться, если меня считают виноватым; у меня нет иной цели, как заслужить доверие Вашего Святейшества, без чего я не могу ни возратить утраченное мной душевное спокойствие, ни быть полезным моей стране.

На это Пий IX парировал: «Доверие вернётся со временем, но нужно, чтобы Вы постарались меня убедить, что Вы этого заслуживаете... нужно, чтобы Вы мне внушили это доверие».

На объяснение Буткевича, что у себя дома он всегда молится об императоре и его семье и не отступил от этого обычая, чем и вызвал скандал в Риме, папа поучительно заметил, что в мире много обычаев, но нужно избегать те, что католическая Церковь не одобряет. И особенно в Риме, где находится престол главы всего христианства.

В покровительстве со стороны наместника Царства Польского, продолжал Буткевич, не было ничего необычного, по его мнению, поскольку в нём отражался лишь итог его долгого пребывания на посту священника, с которым наместник был

¹ Среди этих донесений было, вероятно, и письмо папе Головинского от 24 / 12 апреля 1852 г. В нём моголиевский архиепископ писал: «Я хорошо знал этого священника: несмотря на лицемерие, маску которого он надевает на себя, возможно, чтобы попасть в епископат, его легко распознать». Если ему верить в этом, заключал Буду, это был человек, готовый пожертвовать всем ради светских выгод, в нём вера была мертва, и он не обещал ничего хорошего. В доказательство этого в письме сообщалось, что «в 1846 г. он ездил в С.-Петербург, чтобы ознакомиться с тем, как функционирует там римско-католическая Духовная академия. Он даже получил аудиенцию у Николая I, и император оценил размер его низкопоклонства. Тогда Буткевич имел случай изложить письменно свои мысли относительно способа управления католической Церковью в Польше. Его записка начиналась с такой прекрасной фразы: “Сегодня в мире нет никакой страны, сколь бы малой она ни была, где соблюдают каноническое право, следовательно, не принимая во внимание обстоятельства, можно осуществлять управление Церковью руками не только светских лиц, но даже лиц другой религии”. Чего ещё было нужно Николаю I и Паскевичу? Буткевич прекрасно сотрудничал бы в дорогом для императора проекте “объединения католической Церкви Империи и Польши”. В 1848 г. его предложили епископом в сейенскую епархию, но, как только он вошёл бы в иерархию, его предложили бы в Варшаву. Папа не смог бы отказать от своего мнения, “отказывая в архиепископстве тому, кто был уже признан достойным епархии”» (*Boudou A. Op. cit. T. II. P. 1925. P. 5–6*).

лично знаком, и факт почти полного отсутствия епископов в Царстве, диктующий его заинтересованность в заполнении вакансий.

Не отрицая, что, возможно, это было именно так, папа сказал, что все согласно утверждают, что Буткевич был щедро осыпан его милостями. И добавил: «...я слышал столько вещей по поводу вашего князя, что я, действительно, не знаю, как мне поступить».

В заключение беседы Пий IX ещё раз подтвердил, что ничего не имел ни против Буткевича, ни против администрации епископства, капитул кафедрального собора которого избрал его капитулярным викарием. Казалось даже, что он был доволен тем, что ради управления епископством Буткевич оставляет Духовную академию, в отношении которой он не переставал придерживаться совершенно неблагоприятного мнения¹.

После этой встречи Буткевич уехал в Неаполь, и папа обещал ему перед отъездом ещё одну аудиенцию.

Как и в предыдущем случае, устная беседа с папой была подкреплена направленным ему Буткевичем письмом, к сожалению, без указания даты. Вслед за благодарностью за звание папского протонотария аббат делился своими размышлениями о своей деятельности священника и должностного лица, взглянув на это в новом ракурсе. Он пояснил всю сложность положения такого лица в конкретных условиях Польши.

Подданные правительства, не обнаруживающего никакого милосердия к нашей нации и деликатной сдержанности в отношении католической религии, единственному наследию наших далёких предков, все без исключения оказались поставлены перед такой печальной необходимостью. Либо скрывать свои подлинные чувства, основывающиеся на надежде на лучшие времена, либо открыто выступить против огромной силы, что могло лишь ускорить наш полный крах, —

писал он. Поэтому для польских священников и должностных лиц, от которых власти требуют безграничной преданности, остаётся лишь одно средство, а именно «удвоить скрытность вплоть до появления видимости искренней привязанности». На этот путь он и вступил. Его характер человека покорного и терпеливого снискал ему благоволение правительства, «которое, — писал он, — повергая мою душу в море горечи, с одной стороны, с другой — меня вытолкнуло между рифами зависти, которая жалит ядовитыми зубами мою репутацию и честь». Пока он оставался чисто духовным лицом, всё обстояло хорошо, но после избрания ректором Духовной академии ситуация изменилась.

С одной стороны — любезное обхождение со мной власти, что всегда способно скомпрометировать любого человека, участвующего в осуществлении власти. С другой стороны, зависть и ненависть соперников, легковерие невежд и, особенно,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 780. Л. 67—69.

лицемерие и недобросовестность тех, кто имеет странную претензию слыть за наилучших патриотов или ревностных католиков — вот жребий, уготованный мне в период жизни, когда самая дорогая награда за мой труд и потраченные силы заключается в почёте и общественном уважении¹.

Между тем Бутенев не склонен был отказываться от продолжения обсуждения этого вопроса с папой. Он к нему вернулся во время аудиенции 5 октября / 23 сентября. На ней был подведён итог решения вопроса о переносе из Херсона в Тирасполь центра созданного в 1847 г. в России нового епископства. Оно потребовало немало усилий. Дело в том, что за время обсуждения этого вопроса российская сторона внесла некоторые существенные изменения в своё первоначальное предложение.

Депешей от 7 февраля / 26 января 1852 г. Бутенева информировали об отказе от прежнего выбора Херсона в качестве резиденции епископа, поскольку убедились, что он имеет некоторые неудобства. Для лучшего достижения своей цели, которую изначально имели в виду, а именно — обеспечить духовные потребности католических колоний юга Империи, было бы желательно, чтобы резиденция находилась в центре колоний Новороссии и Бессарабии. Выбор и пал на Тирасполь².

Сначала, как сообщал Бутенев 20 / 8 июля, такое пожелание не встретило положительного отклика. Ссылались на то, что поскольку в консисториальной аллокации и в соответствующей булле, сообщающей о создании херсонской епископской кафедры, высоко оценивали её преимущества, то отступление было предосудительно для авторитета папы. Отмечалось, что Тирасполь хотя действительно находился в центре Новороссии, но более, чем Херсон, был отдалён от Кавказа, а посему считали необходимым, чтобы одно из суффраганств находилось в Тифлисе; что сан епископа Новороссии и Кавказа не соответствует каноническим законам, требующим, чтобы епископство носило название места его пребывания³.

Отчасти именно этот последний факт навёл Бутенева на размышления по поводу позиции папы и его государственного секретаря в отношении России, как он признавался в отправленном в тот же день, 20 / 8 июля, частном конфиденциальном письме Нессельроде. Независимо от трудностей, более или менее правдоподобных, на которые натолкнулось решение вопроса о Херсоне, он вновь увидел в нём, как и в других, новое воздействие и последствие причин, скрытых и собственных той ситуации, всегда деликатной и щекотливой, но ставшей таковой ещё больше с некоторого времени.

Всякий раз, как я имел честь приближаться к папе, я мог заметить, что монарх и пontiфик (подчёркнуто в тексте. — О.С.), несмотря на объединение этих двух

¹ ASV. Fondo. Archivio particolare Pio IX. Oggetti vari. Busta 944.

² АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 350—352.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1852. Оп. 469. Д. 122. Л. 147.

званий в одном и том же лице, в действительности, составляют двух человек очень разных, что касалось характера наших взаимоотношений. Монарх всякий раз рассыпается в уверениях в почтении, восхищении и признательности императору, главной опоре тронов и социального порядка, могущественному и великодушному защитнику дела монархов, договоров и законных прав каждого. Можно даже поверить, что эти уверения не лишены искренности, так как мы неоднократно получали этому очевидные доказательства, и, в последний раз, в изысканном и предупредительном приёме, оказанном в Риме нашим молодым великим князьям¹ и бывшим таким, что почти не припоминается ничего подобного по отношению коронованных особ.

Но лишь только речь заходит о делах римско-католической Церкви в России и Польше, понтифик, — писал Бутенев, — меняет выражение лица и роль. И он обнаруживает видимое неудовольствие, однако сдержанное, и если не явные жалобы, то, по крайней мере, намёки, лёгкие, но многозначительные, по поводу претензий, которые он имеет к нам из-за мнимого жалкого положения духовенства и католических подданных в Империи, претензий, внушённых и растравляемых недоброжелательностью и вероломством наших религиозных и политических врагов. Я здесь не упомянул направленные против нас атаки французской прессы, ни коварные интриги польских священников и верующих в Риме, подлинных подстрекателей, например, дела Буткевича, вводящих папу в заблуждение сетью клеветы и революционных ухищрений, о которых Буткевич, сам, только что нам доставил полезные и ценные познания.

Получая косвенную информацию, не только тайную, но часто ложную или искажённую через государственных агентов или своих эмиссаров вовне, в Риме, считал посланник, относились к ней слишком доверчиво. Именно из-за доверия таким каналам папа, например, внушил себе, что императорское правительство не приступило к исполнению ни одной из статей Конкордата 1847 г. и положение католической Церкви в России и Польше осталось тем же, что до его заключения.

С другой стороны, к влиянию этих тайных внушений следовало отнести, кроме скрытых претензий папы по поводу невыполнения уже заключённых статей, и его претензии по поводу бесконечной отсрочки продолжения переговоров для решения отложенных тогда пунктов.

Вот почему, — заключал дипломат, — во всех случаях, когда я делаю какое-то предложение или обращаюсь с какой-нибудь просьбой относительно наших текущих церковных дел, надоедливое воздействие этого скрытого неудовольствия отражается тотчас на настроении и расположении духа папы. И обнаруживается родом недоверия и отвращения, которые проявляются скорее в последствиях или, всего-навсего, в намёках, более или менее ясных, но никогда в словах или в определённо заявленных

¹ Николай Николаевич и Михаил Николаевич в начале мая посетили Рим и были приняты папой.

претензиях. Таким образом, поскольку папа не говорил мне прямо об основаниях для своих сетований или претензий, мне не представляется случая взять на себя инициативу объяснений, которые я мог бы, по крайней мере, иногда ему дать. Правда, впрочем, миссия почти не в курсе административных предписаний и постановлений, которые принимают у нас в отношении дел католиков в России и по поводу которых секретные агенты римского Двора его держат в курсе, вкривь и вкось, и, несомненно, во враждебном смысле, но очень последовательно и регулярно.

Обрисовав, таким образом, в общих чертах трудную, натянутую обстановку, Бутенев признаёт, что она могла бы быть ещё хуже, если бы не государственный секретарь, человек,

...столь просвещённый, столь сговорчивый и так желающий договориться с нами, одновременно одушевлённый личным чувством преданности императору, как кардинал Антонелли. Без его благотворного влияния, несомненно, наши отношения с римским Двором, вероятно, вновь приняли бы в данное время язвительный и открыто враждебный характер, проявивший себя знаменитой аллокуцией кардинала Ламбрускини 10 лет назад. Такой характер смягчился в последние месяцы царствования Григория XVI вследствие краткого, но памятного пребывания в Риме российского императора, обозначившего новую эру в отношениях между двумя правительствами.

Отдавая должное кардиналу, посланник указывает на глубинную причину сложившейся ситуации.

Эти отношения в политическом плане могут удерживаться в том же положении так долго, пока римский Двор сможет сознавать, насколько для него важно не отталкивать от себя мощную поддержку России, которая спасла от падения столько других государств, гораздо более значительных. Но, что касается наших церковных отношений с ним, — писал он, — всегда требуется много осторожности и спокойной твёрдости, чтобы ещё больше не осложнять их. И, именно, в этом плане нам важно использовать и подготавливать усердное и необходимое сотрудничество министра, столь способного и благонамеренного, как кардинал Антонелли, который в течение трёх лет не переставал проявлять как примирение, так доверие и добрую волю в отношении нас.

Кардинал неоднократно разъяснял Бутеневу причины недовольства и недоверия папы, и даже случалось, что их частично рассеивал или получал полномочия объясниться по ним открыто с посланником, чтобы в достойных доверия источниках проверить информацию и обвинения в адрес России¹.

Бутенев высоко ценил эту прямоту и доверие кардинала. Он надеялся, что такой образ действия будет найден министром также наиболее подходящим в отношении

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1852. Оп. 469. Д. 122. Л. 279—283.

римского Двора и наиболее отвечающим благородной верности характера императора. Он не ошибался. Николай I дал это одобрение, начертав на депеше: «...справедливо, так и делать»¹.

Что касалось навевших эти размышления переговоров о перемещении центра нового епископства из Херсона в Тирасполь, в ходе них выявилась трудность в связи с наименованием епархии. В С.-Петербурге (депеша от 21 / 9 августа 1852 г.) проявили готовность пойти на определённую уступку. Если по принятым правилам «название епархиальной кафедры должно было всегда соответствовать названию города, а не области», были согласны, чтобы епархия называлась тираспольской, по названию города, который станет резиденцией епископа. И это несмотря на то, что считали, что название «епархия Новороссии и Кавказа» вполне соответствует важности этой епархии и лучше оправдывает изменение названия «херсонская», которое она сначала получила. Пойти на эту уступку Бутеневу рекомендовалось, когда он это признает полезным для окончательного урегулирования этого дела. Не хотели только, чтобы новая епархия называлась херсонской и чтобы в этом городе была резиденция епископа. При этом ссылались на то, что речь шла об изменении лишь формы.

Антонелли заявил, что, если бы второй суффраган новой епархии постоянно пребывал в Тифлисе, папа, вероятно, согласился бы, чтобы резиденция епископа находилась в Тирасполе, а епархия носила название «епархия Новороссии и Кавказа».

Бутенев понимал, что император не мог принять это условие после того, как, давая согласие на второго суффрагана при херсонском епископе, предназначенного совершать пасторские поездки в Грузию, он заявил тогда о существовании серьёзных помех постоянному проживанию нового суффрагана в Тифлисе. Причины такого решения сохранялись и были Бутеневым сообщены папскому правительству. Папа их оценил и даже выразил глубокое удовлетворение мерой, предписанной императором.

Несмотря на возражения Святого Престола, императорское правительство теперь настаивало на перемещении кафедры в Тирасполь.

Бутенева информировали, что устройство епископа Кана в его епархии было невозможно до благоприятного решения римского Двора в отношении соглашения, а пока не могли даже временно позволить епископу отправиться в Новороссию.

Надеялись, что приведённые соображения убедят папу удовлетворительно решить вопрос. Если же все усилия дипломата окажутся безрезультатными, он должен был дать понять последствия, «которые, неизбежно, повлечёт недоверие, с которым предложения императора, вообще, принимаются папой». Напоминали, что об этих последствиях уже говорилось в депеше от 8 ноября / 27 октября 1851 г. Скарятину², бывшему тогда поверенным в делах миссии.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1852. Оп. 469. Д. 122. Л. 279.

² См. с. 683–684.

В конце депеши возвращались к вопросу о Буткевиче. От Бутенева не скрывали

...справедливого сожаления, которое заставила императора испытать нерешительность Святого Отца удовлетворить обращённую к Нему просьбу реабилитировать знаком Своего личного расположения (подчёркнуто в тексте. — О.С.) аббата Буткевича от сурового порицания, которому он, казалось, подвергнут в глазах католического духовенства. И это после того, как во время пребывания более 18 месяцев в Риме он установил чистоту его доктрины и его нравственности.

В этой ситуации император уполномочивал сообщить Бутеневу следующее. «Если любая просьба, с его стороны, неизменно должна вызывать утомительные дискуссии, а Вы знаете, насколько они противны его прямому характеру, Он считает себя вынужденным сам подумать о попечении о римско-католической Церкви в Его государствах». При этом он «заранее возлагает на Святой Престол ответственность за вред, который этим был бы нанесён населению этого исповедания в России и Польше»¹.

Случилось, однако, так, что завершение переговоров по вопросу о переносе центра епископства в Тирасполь неожиданно для С.-Петербурга произошло ещё до того, как Бутенев мог воспользоваться последними указаниями по этому делу. Поэтому депешей от 13 / 1 ноября Бутенев был уполномочен передать папе благодарность императора за решение вопроса, которому он придавал большое значение. Со своей стороны, он приказал ускорить строительство и обустройство епископской кафедры в Тирасполе, а пока помочь Кану временно устроиться там или поблизости. Поэтому его приезд в епархию зависел, таким образом, единственно от состояния его здоровья, времени и выбора места, где он мог бы устроиться до окончания строительства епископского дома.

Сообразуясь с пожеланиями папы, император уполномочил Кана весной направиться в Грузию одного из своих суффраганов, чтобы совершить объезд этой части его епархии. Он там остался бы в течение времени, необходимого для уточнения порученных ему вопросов, а вернувшись, дать отчёт о своей миссии. Бутенев должен был просить государственного секретаря сообщить папе об этих решениях императора².

Воспользовавшись аудиенцией у папы, испрошенной с целью поблагодарить за решение вопроса о переносе в Тирасполь епископской кафедры, Бутенев вернулся к делу Буткевича, хотя в принципе оно считалось уже решённым, а аббат, по состоянию здоровья долгое время откладывавший свой отъезд, собирался в ближайшее время вернуться в Варшаву.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 369, 372–377.

² Там же. Л. 388–389; Ф. Отчёты МИД, 1852. Оп. 475. Л. 107–111.

Едва заговорив, Бутенев (донесение от 16 / 4 октября) по лицу понтифика увидел, что ему это было неприятно, но это не остановило его намерение сделать заявления, которые он был призван адресовать папе ранее по этому поводу по указанию императора.

Воздержавшись от упрёков, теперь неуместных, я не поколебался, тем не менее, дать понять Его Святейшеству довольно тяжёлое впечатление, которое должны были произвести на нашего Августейшего Монарха, даже, в конце концов, долгие колебания, которые я должен был одолеть, чтобы добиться в пользу аббата Буткевича только простого почётного свидетельства папского благорасположения.

При этом он уточнил, что такое свидетельство, безусловно, со стороны Святого Престола надлежало императорскому Двору «как в качестве политической поддержки против преступных происков революционной партии, так в качестве вполне заслуженной личной реабилитации от невыносимых и безосновательных обвинений». Разумеется, в последнем случае имелся в виду Буткевич.

Затем он добавил,

...что даже ценность этого почётного отличия, с трудом полученного, а именно звание апостольского протонотария, не была достаточно высокой и явной, чтобы отвечать цели наших демаршей, так же как характеру этого дела, которое, никоим образом, не относилось к духовной компетенции, а к чисто политической (подчёркнуто в тексте. — О.С.). При этом, не обращаясь ни с какой новой просьбой, я ограничился тем, что представил комплекс этих соображений для размышлений Его Святейшества.

Папа, казалось, был поражён сделанными замечаниями и, «выслушав их внимательно, но с явно принуждённым видом», постарался расплывчатыми и общими заверениями снять с себя обвинение в проявлении всякой предумышленной недоброй воли по этому вопросу. А закончил он обещанием обдумать сказанное ему¹.

Через несколько дней Антонелли сообщил Бутеневу, что папа пожаловал Буткевичу исключительное право носить фиолетовый воротник, принадлежность одеяния римских прелатов, относившихся к разряду монсеньоров, и что указ об этом уже находится у него для передачи аббату.

Бутенев остался недоволен этим новым жестом папы, находя, что, проявив больше доброй воли, он мог бы дать Буткевичу какое-то более высокое звание папского Двора, предоставляемое иностранным прелатам. Но в конце концов дипломат всё-таки признал: «Как бы то ни было, это исключительное отличие, действительно, придаёт более явный эффект его званию апостольского протонотария»².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1852. Оп. 469. Д. 122. Л. 196–199.

² Там же. Л. 199.

Позднее, будучи в С.-Петербурге и готовя справку для своего преемника в Риме, Бутенев, размышляя над этим делом, взглянул на его неудачу в новом ракурсе.

Очевидно, что неблагоприятная и закоренелая пристрастность папы в отношении этого прелата, основывавшаяся, по-видимому, на секретной информации, шедшей извне и воспринимаемой более чем боязливым сознанием Пия IX, что касается духовной щепетильности, так укоренилась в его сознании, что противостояла неоднократным представлениям самого кардинала Антонелли¹, —

писал Бутенев.

Между тем в ноябре 1852 г., после получения письма от наместника из Варшавы (к нему был приложен акт августовского капитула об избрании Буткевича викарием) с просьбой выяснить, принял ли он эту должность, Скарятин, после отъезда в С.-Петербург Бутенева ставший поверенным в делах, чтобы дать ясный ответ, обратился к Феррари. При этом он заметил, что, главным образом, хотел выяснить, согласится ли Святой Престол предоставить Буткевичу чрезвычайные полномочия.

Свой ответ Феррари предварил пространными рассуждениями о важности пребывания в С.-Петербурге папского представителя, после чего сказал, что выборы капитула не нуждаются в одобрении Святого Престола, но что всё-таки, несмотря на полномочия, у Буткевича не было инструкций, коими допускалось их принятие. Что же касалось возведения его в епископский сан, он сообщил, что папа считал вопрос закрытым после слов аббата о том, что он не добивался никакого сана и страстно желал окончить свои дни в изгнании. На последовавшие новые настояния Скарятина Феррари прямо заявил о бесполезности возвращения к этому вопросу, поскольку было известно, что папа твёрдо решил отклонить кандидатуру Буткевича.

Осведомлённый об этой беседе папа сказал государственному секретарю, что не хотел предоставлять чрезвычайные права аббату, но оповестить его об этом следовало не от его имени. Эта миссия пала на Феррари. Сославшись на обсуждение им поставленного Скарятиным вопроса с государственным секретарём, он известил аббата, что они сочли за лучшее не обращаться с этим вопросом к папе. Затем пояснил, что касалось принятия должности капитулярного викария, было очевидно, что Святой Престол не желал в это вмешиваться, а в отношении уступки ему чрезвычайных прав выразил уверенность, что, будучи последователен, папа на это не согласится, и посоветовал аббату не провоцировать отрицательный ответ, который стал бы для него чрезвычайно прискорбным.

Наконец, Феррари сообщил, что после последней аудиенции папа считал окончательным своё решение по поводу возведения его в епископский сан и, как

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 169. Л. 221—222.

в беседе со Скарятиним, повторил, что подобные неприятные вопросы не возникали бы, если бы в С.-Петербурге имелся представитель папы. В ответ Буткевич пояснил, что не его вина, если российское правительство не принимает такого представителя. Он подтвердил, что не хотел никакого сана, а в Рим приехал, только чтобы оправдаться от выдвинутых против него обвинений, и настаивал на получении до отъезда документа, который доказывал бы его невиновность, без чего не мог вернуться ни в Академию, ни в приход, ни на Родину. Тогда Феррари ему предложил следующий проект, заверяя, что он был лично его и он не знал, был ли бы одобрен папой. Он его спросил, «мог ли бы он, ради соблюдения приличия, письменно заявить, что был расположен отказаться от всякого высокого звания, прося Святого Отца не продвигать его ни в какое епископство, в случае если будет рекомендован императором». Буткевич не дал положительного ответа, а заговорил о возможности получения новой аудиенции у папы. На что Феррари, уже зная о намерении Святого Отца сделать это, сказал, что, вероятно, по этому поводу не возникнет трудностей и что Антонелли уже сделал запрос. На вопрос аббата, мог ли он, будучи принят папой, начать обсуждение дела капитулярного викария, Феррари ответил, «что это зависит от его благоразумия»¹.

Со слов Феррари, Буткевич понял, что вовсе не должен был надеяться получить согласие Святого Престола управлять законным путём августовской епархией в качестве капитулярного викария после единогласного избрания на эту должность. Непосредственно после своего избрания, предвидя подобную возможность, он воздержался от её принятия. Теперь, чтобы не доводить дело до крайности, не компрометировать капитул, не раздражать правительство ещё больше и не подвергать себя бесчестью в случае отказа в согласии, которого императорская миссия может начать добиваться для него официальным путём, Буткевич просил Феррари конфиденциально выяснить, каким может быть решение папы.

Со своей стороны, будучи уверен, что не получит согласия, он выражал готовность отказаться официально от должности администратора. Но, лишившись, таким образом, возможности служить Церкви и народу в своей стране, он хотел бы остаться в Риме при церкви Св. Станислава и просил выяснить, одобрил ли бы папа его обоснование в Риме. Чтобы упредить интриги и препятствия, которые могли воздвигнуть его враги, он торжественно обещал и просил в этом заверить папу, что не будет вмешиваться ни в какие дела вплоть до тех, что прямо касаются его страны, если только папа сам не попросит у него в случае необходимости каких-либо справок².

Пребывая в такой критической ситуации, Буткевич в письме Бутеневу от 11 декабря / 29 ноября 1852 г. подробно и откровенно обрисовал её. Из того, что он сам слышал из уст папы и из сказанного им лицам, справлявшимся о нём, было

¹ ASV. Fondo. Archivio particolare Pio IX. Oggetti vari. Busta 849.

² Ibid. Busta 966.

очевидно, что лишь тайные жалобы и обвинения служили препятствием для обречения им доверия Святого Престола. При этом они носили политический характер, поскольку папа не упрекал его в отсутствии качеств, необходимых священнику для получения епископского сана, а жаловался только на то, что он разделял принципы правительства. Вследствие бесчестных козней его врагов, папа отказался выдать ему документ о его невиновности, мотивируя тем, что для этого

...он вынужден был бы предварительно дать указание о проведении расследования и вынести суждение, на что он не может и не должен согласиться. Поскольку расследование и официальная проверка моей виновности представляла бы уже акт, задевавший точку зрения нашего монарха, признавшего меня достойным епархии, между тем, как в случае, если я выиграю мой процесс законным порядком, Святой Отец, который мне отказывает в своём согласии в вышеупомянутой должности, оказался бы немного скомпрометированным.

Но это могло быть только предлогом. Подлинная же причина личного решения папы заключалась лишь «в недоверии и недоброй воле, которые издавна сохранялись в его сознании», а также в навязчивой идее папского Двора «водворить либо в С.-Петербурге, либо в Варшаве апостольского нунция».

Осознавая, что ему не следовало высказывать мнение по последнему пункту, он, однако, не мог в нынешних обстоятельствах умолчать о своём глубоком убеждении, что принятие представителя папы при императорском правительстве было бы, «особенно, в нынешнее время более вредным, чем полезным, для католической Церкви и духовенства, находившегося под властью России». Используемые римским Двором пути и средства для приведения в исполнение этого замысла, достаточно доказывали, считал аббат, что «речь вовсе не идёт об интересах веры, ни об улучшении положения Церкви и её пасторов. Но, по меньшей мере, об удовлетворении честолюбивых целей римского духовенства, жадного сегодня, более чем когда-либо, до материальных выгод и до политического престижа, с помощью непосредственного влияния на отношения и религиозные дела всех стран». Ради справедливости Буткевич признавал несомненную пользу от пребывания представителя Святого Престола, но только если бы он был полезным и серьёзным слугой интересов своей Церкви. Однако рассчитывать на появление такого, по его мнению, не приходилось, учитывая настрой окружавшего папу прелатства, «более склонного преумножать коллизии и трудности, чем улаживать дела, удовлетворять духовные нужды и поддерживать христианское согласие».

Наилучшее доказательство поведения, недостойного высокой евангельской миссии, предписанной верховной власти Церкви, он видел в том, что, желая как можно сильнее задеть его честь и даже само существование, при папском Дворе постарались скрыть тщательно подготовленный удар, чтобы навсегда лишить его возможности возведения в сан епископа. Именно поэтому ему дали звание папского протонотария с оговоркой не предоставлять прав и привилегий, обычно

полагающихся этому званию как в Риме, так и за рубежом, что ставило бы его в иерархическом положении на уровень епископа. Папа не даровал ему разрешения управлять августовской епархией, а до избрания на должность капитулярного викария не назначил его пастором этой епархии. Такое решение папы будет держаться в тайне, до тех пор, пока императорская миссия не предпримет официального демарша в этом отношении. Он предпочитал не доводить дело до такой крайности, оставив его лучше в нынешнем состоянии неопределённости, игнорируя его. Тем более что и папа перед некоторыми лицами и перед Буткевичем заявлял, что «лучше предоставить это дело действию времени и обстоятельств».

Размышляя над естественно вставшим перед ним вопросом, что делать в сложившейся ситуации, Буткевич отдавал отчёт, что по праву и в силу долга он должен был вернуться в страну, но с чем и для чего? Ведь без согласия Святого Престола он не сможет исполнять функции администратора епархии. Без возможности привести доказательства оправдания от выдвинутых против него обвинений — единственной цели его поездки — он окажется в затруднительном положении в глазах духовенства, и для него станет невозможным вновь занять пост ректора Духовной академии. Посему ему следовало занять скромный пост кюре, доступ к которому ему оставил свободным Святой Престол. Вернувшись в страну, полагал он, он станет невольной причиной новых затруднений для правительства, поскольку его присутствие в Царстве Польском

...станет для одних поводом для скандала, для других поощрительным мотивом для более дерзких предприятий против власти...лучшая же часть священнослужителей будет обескуражена и склонна сожалеть о своей непоколебимой преданности своему долгу, видя собственными глазами в моём лице плачевную жертву самых низких интриг и несправедливости, несмотря на мощную поддержку со стороны правительства.

Выход Буткевич видел в том, чтобы ему было разрешено продолжить своё пребывание в Риме в качестве священника церкви Св. Станислава, где он намерен был исполнять лишь свой духовный долг, ничего не меняя в существовавшем порядке и управлении этой церкви. В случае если правительство не согласится на это, он просил его назначить на какой-нибудь пост в Империи, а не принуждать возвращаться в Царство¹.

Просьбу остаться в Риме и служить в церкви Св. Станислава Буткевич подробно изложил в письме Нессельроде от 30 / 18 декабря 1852 г. Он напомнил министру, что, когда он был ему представлен в Каstellамаре (вблизи Неаполя, где министр отдыхал осенью 1852 г.), тот сам ответил на им же поставленный вопрос о мотивах, по которым папа столь решительно отказывался одобрить его возведение в епископский сан. Тогда он заметил, что папа, уступая требованиям партий,

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1560. Л. 8—11, 32—33.

враждебных правительству, в отношении которых он, кажется, принял обязательства, и руководствуясь лишь их советами, возложил всю вину на Буткевича.

Теперь аббат признавал, что именно из такого настроения совести папы проистекали все препятствия к исполнению акта самой простой справедливости.

Всегда недоверчивый, а сегодня более, чем когда-либо неблагоприятно настроенный против нашего правительства, римский Двор решил доказать польской нации своё недоверие и свою недобрую волю в отношении России очевидным отказом моего повышения. Согласно образу видения дел в Риме, там надеются такого рода репрессалиями вынудить нашего монарха принять нунция папы, в обмен на что, не только больше не откажут в моём повышении, но окажутся очень расположенными благоприятно удовлетворить все последующие просьбы. Желание видеть представителя папского Престола в С.-Петербурге или в Варшаве занимает папский Двор в гораздо большей степени, чем само существование католической Церкви под господством России, так же как её духовные потребности. Всюду, где я оказывался, начинали и заканчивали каждый разговор этим одним и единственным вопросом, не останавливаясь ничуть перед моим исключительным положением священника, не имеющим никакого отношения, ни влияния на дела высокой политики, —

писал Буткевич.

Он повторил затем, по существу, аргументацию, приведённую в письме Бутеневу в пользу того, чтобы он остался ректором церкви Св. Станислава в Риме: «...избежали бы всех последствий как неприятных для правительства, так и прискорбных для меня лично, и оставили бы на время и до первого благоприятного случая возобновление дела, чтобы довести его до успешного конца». Его больше устраивало положение ректора церкви, чем звание протонотария.

Наконец, он поделился соображениями, в силу которых рассчитывал на согласие Святого Престола на его назначение в церковь Св. Станислава.

Он полагал, что Бутенев и другие служащие не откажут ему в их официальном посредничестве, тем более что им было известно, что папа и духовенство плохо относились к тому, что храм оказался в руках светского лица.

К тому же, после того как он «успешно отклонил соблазн клятвопреступления и отступничества в лагерь противников правительства, немного научился понимать лукавый и глубоко коварный характер духовных лиц окружения», он находил, что предпочитают его всем другим польским священникам. Такую уверенность он пояснял тем, что «в нынешнее время, когда поиск способного подданного, честность которого могли бы гарантировать, встретился бы с неодолимыми трудностями». Он замечал также, что ему недостаточно было бы просто выполнять свой долг. Это лицо должно бы ощущать достаточно сил и мужества, чтобы «оказывать сопротивление, в случае необходимости, ожесточённым врагам нашего правительства, таким как священники-ресуррекционисты, вышедшие из лона эмиграции... которые

легко овладеют умом их соотечественников, прибывших в Рим либо из Империи, либо из Царства Польского».

Со своей стороны, Буткевич торжественно обещал в будущем, так же как теперь, подчиняться миссии, ни под каким предлогом не вмешиваться в управление собственностью церкви, ограничившись выполнением чисто духовных функций, и, наконец, удовольствоваться жалованьем, которое ему положит император, учитывая его возраст и подорванное здоровье¹.

Удивительный оптимизм по поводу дела аббата проявлял Бутенев. О своей надежде на положительный поворот в этом деле он так писал в частном и конфиденциальном письме от 8 марта / 24 февраля 1853 г. наместнику Царства Польского. Хотя все его усилия рассеять преувеличенные сомнения и предубеждения папы остались пока без успеха, тем не менее он ещё не рассматривал дело полностью проигранным. «Не без некоторого основания, полагаю, — пояснил он, — что возможность успеха откладывается и может, до некоторой степени, зависеть от образа действия и мер, принятых у нас после возвращения аббата Буткевича в Варшаву».

Глубоко обескураженный и задетый неудачей своего пребывания в Риме, Буткевич, по словам Бутенева, опасался, как бы эта неудача не создала ему, вследствие повторных интриг его врагов, трудности в осуществлении функций капитулярного викария. Посланник находил такие опасения преувеличенными. Тем не менее он считал желательным, чтобы на это не обращали никакого внимания и, таким образом, расстроили внушённую папе его врагами заднюю мысль, что Буткевич был избран на должность капитулярного викария под влиянием правительства, чтобы поддержать предпринятые в Риме демарши в пользу возведения его в епископское достоинство.

Из косвенного, но достойного доверия источника Бутеневу стало известно, что папа, отказав возвести Буткевича в епископский сан, намеревался внимательно следить за его поведением и поступками после его возвращения в Польшу, полагая, что правительство его сделает епископом де-факто, без облачения и митры, как это было в своё время с аббатом Котовским. Бутенев предупреждал, что, поскольку папа знал, что аббат займёт пост капитулярного викария, и не обнаружил никакого противодействия сделанному августовским капитулом выбору, назначение на всякую иную должность лишь усилит ещё больше недоверие папы в отношении России. Он призывал действовать в отношении Буткевича, как если бы он не ездил в Рим. Оставить это дело в покое и придерживаться некоторое время полного молчания, не только чтобы посмотреть, какой будет позиция и новые настроения папы, но, «особенно, чтобы выждать случая (который, конечно, не заставит себя ждать) для претензий, столь же справедливых, сколь и обоснованных, чтобы противопоставить их жалобам и протестам папы против нас». С другой стороны, было бы неудивительно, что такого рода позиция, по его мнению, в условиях более

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1560. Л. 26—29.

или менее сложных политических обстоятельств, не давала возможности, учитывая изменчивость настроений папы, надеяться на неожиданное согласие папы возвести Буткевича в епископский сан. Он ссылаясь на недавний аналогичный случай с Горским, когда согласие папы было получено после формального отказа.

В заключение Бутенев информировал, что, учитывая состояние здоровья аббата и трудность путешествия по суше в Италию в это время года, он разрешил ему отправиться на Родину по морю до Марселя, а оттуда через Париж и Германию¹.

Тем временем 28 / 16 февраля Нессельроде, ознакомившись с письмом Буткевича Бутеневу от 11 декабря / 29 ноября, запрашивал мнение посланника по поводу желаний аббата остаться в Риме и возглавить установление Св. Станислава. Поскольку после известия (депеша от 16 / 4 октября), что он «возвращается в Варшаву», он не имел сведений о нём, министр интересовался, не достаточно ли папа освободился от своего предубеждения, чтобы ему не отказать в духовных полномочиях, в которых он будет нуждаться для управления августовской епархией. Он просил прояснить эти вопросы и сообщить: в интересах добрых отношений с папским Двором было ли бы выгоднее оставить его в Риме или вернуть в Варшаву? Собственные размышления по этому поводу он изложил следующим образом.

До этого времени папа никогда не отказывался подтвердить канонически прошедшие выборы капитула, и несомненно, что такое новое доказательство недоверия в отношении Буткевича не испортит полностью его позицию в отношении польского духовенства, тем более что в качестве ректора Духовной академии он призван руководить учебными занятиями молодёжи, готовившейся вступить в его ряды².

Одним словом, министр явно не надеялся, что папа не предпримет больше ничего против Буткевича, и в этом он не ошибся.

В дальнейшем, летом 1854 г., папа решительно отклонил просьбу Буткевича о предоставлении ему юридических полномочий, необходимых для управления августовской епархией в качестве капитулярного викария. Этот отказ выглядел тем более странно, что папа неоднократно засвидетельствовал самому Буткевичу, а также Бутеневу и Скарятину, что не имел ничего против получения аббатом этой должности.

Когда по просьбе Скарятин Антонелли переговорил с папой по этому поводу, он припомнил, что действительно не обнаруживал несогласия с занятием Буткевичем этой должности. Но, поскольку всегда был против его возведения в епископский сан, теперь не смог бы, не вступая в противоречие с тем, чем мотивировал свой отказ прежде, позволить направить ему полномочия, которые за исключением некоторых, принадлежавших исключительно епископскому сану, были теми же самыми, что получают епископы для осуществления духовной юрисдикции.

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1560. Л. 4–5.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 721. Л. 394–395.

Давая эти объяснения, кардинал добавил, что папа просил дипломата довести их до сведения императора, а также обратиться к нему, как главе Церкви, настоятельную просьбу обязать Буткевича самого ходатайствовать об отставке с должности капитулярного викария.

На замечание Скарятина, что в этом шаге папы император усмотрит новое свидетельство влияния на него партии скрытых врагов России, Антонелли заявил, что находил предубеждение папы против Буткевича столь укоренившимся, что не видел больше возможности при всём желании изыскать какое-то средство его смягчить.

Резолюция Николая I по поводу депеши и частного письма Скарятин от 12 августа / 31 июля 1854 г. с изложением этого нового инцидента вокруг Буткевича гласила: «Пока это дело нужно отложить»¹. В соответствии с этой резолюцией Скарятину (депеша от 27 / 15 ноября) было предписано, чтобы отныне он воздержался от всякого нового демарша по поводу этого дела².

В дальнейшем этот случай неоднократно фигурировал в дипломатической переписке. На него, в частности, ссылались в инструкции от 1 декабря / 19 ноября 1855 г. новому посланнику при Святом Престоле Н.Д. Киселёву. В ней специально подчёркивалось, что в условиях в целом далеко не просто складывавшихся отношений особую сложность представляло назначение епископов. По поводу встречаемых при этом трудностей, обобщая прошлый опыт, давались следующие разъяснения:

Согласно тому, что было установлено Конкордатом, именно светской власти принадлежит представление кандидатов в епископат, за духовной властью сохранялось право их утверждать. Без взаимного согласия, следовательно, невозможно заполнить вакантную епископскую кафедру. По своей природе вопрос назначения епископов является, таким образом, одним из тех, что больше всего дают повод для интриг наших противников. Те из кандидатов, в назначении которых мы были особенно заинтересованы, становились именно по этой самой причине теми, против кого революционная партия наиболее активно строила козни. Они были оклеветаны в глазах Святого Престола; не забывали о том, чтобы исказить их характер и их принципы, их представляли в качестве избранного нами средства для выполнения враждебных намерений в отношении католической Церкви, приписываемых нам. Упорство, проявленное папой, отклоняя кандидатуру аббата Буткевича, даёт очень печальный пример влияния, оказываемого на Рим подобными интригами. Мы не могли бы вступить в полемику с прятавшимися в тени противниками. Провал наших демаршей не оставлял нам возможности принять иное решение, как воздержаться на некоторое время от любого нового представления кандидатов и подождать, когда размышления воздействуют на взгляды папского Двора и заставят его

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Оп. 469. Д. 130. Л. 69–72, 123, 153.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 46.

признать серьёзность последствий, вызванных системой противодействия, которой следовали в отношении нас¹.

Надо отметить, что это «некоторое время» оказалось довольно кратким. Согласно той же инструкции, в силу целого комплекса соображений, поверенный в делах в Риме был уполномочен и уже вёл переговоры по поводу пяти новых кандидатур на епископские кафедры в Царстве Польском².

Случившееся с аббатом Буткевичем не повлияло на отношение к нему российских властей. Об этом свидетельствует ходатайство наместника Царства Польского в 1869 г. о награждении его орденом Св. Анны первой степени по случаю пятидесятилетия его служения в звании священника. Докладывая об этом 2 декабря / 21 ноября Александру II, министр внутренних дел А.Е. Тимашев отмечал высокие посты, занимаемые им в духовной иерархии. С 1842 по 1850 г. он состоял ректором варшавской римско-католической Духовной академии, с 1853 по 1856 г. — управляя сейненской епархией в качестве администратора, затем по 1861 г. вновь исполнял должность ректора Духовной академии, а ко времени составления этого доклада был деканом сейненского кафедрального капитула.

Независимо от сего, — подчёркивал министр, — высшие власти в Царстве Польском возлагали на него неоднократно важные поручения по духовным делам римско-католического исповедания, причём он... постоянно обращал внимание безукоризненным поведением в политическом отношении и всегда отличался несомненною преданностью правительству.

Высочайшее соизволение императора последовало в день представления министром своего доклада, 2 декабря / 21 ноября 1869 г.³

Что касается дела аббата Буткевича, оно представляет редкий случай, когда, в желании выяснить причины отказа папы в посвящении в епископский сан предложенной им кандидатуры, С.-Петербург не ограничился обычным дипломатическим каналом, а пошёл на беспрецедентный шаг, разрешив Буткевичу самому непосредственно объяснить с папой по этому поводу. В ходе их бесед, подробно воспроизведённых аббатом, понтифик был гораздо более откровенен, чем при обсуждении этого вопроса с российским посланником, что позволяет лучше судить о подлинной мотивации его отрицательного решения по кандидатуре Буткевича, и, разумеется, не только по этой кандидатуре.

Представляется очевидным, что своё решение по делу Буткевича папа принимал далеко не только на основании того документа (вероятно, он был получен

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 119–120.

² Там же. Л. 120–121.

³ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 44. Л. 162.

в ходе информационного процесса), с содержанием которого доверительно ознакомил Бутенева.

Трудно также поверить, что папа смог выполнить своё обещание, данное 15 июля 1849 г. тому же дипломату, о намерении не пользоваться польским источником информации. Неслучайно он сопровождал его весьма примечательной оговоркой — «при новом рассмотрении» дела аббата Буткевича. Сама постановка вопроса представляется, по меньшей мере, странной — будто прежнее знакомство с ними никак уже не отразилось на его настрое к аббату. Показателен тот факт, что в личном фонде Пия IX уже после этого заявления оказались многочисленные послания, поступившие в Ватикан от польской эмиграции и от коллег Буткевича. И те и другие отличались большой оперативностью. Одно из них без даты и подписи имеет примечательный заголовок: «Пишут из Польши». Его автор спешил предупредить, что аббат Буткевич, представленный правительством в качестве кандидата на варшавское архиепископство, отправляется в Рим со значительной суммой денег, чтобы добиться архиепископства. «Говорят, что, кроме того, ему поручено разузнать в секретариате духовных дел и у глав религиозных орденов, каким путём к ним поступают сведения о религиозных делах в Польше», — продолжал автор. Затем напоминал, что именно Буткевич был автором действующего в Польше закона о смешанных браках, полностью противоречившего каноническому праву и папским постановлениям. И наконец, заключал: «Его склонность поддерживать замыслы правительства, враждебного католической вере, известна в Варшаве, его возведение в епископы было бы пагубно для католичества в Царстве и имело бы роковые последствия»¹.

Те же самые тезисы повторены в отрывках из трёх других писем, в июле отправленных из Кракова, Варшавы и Познани. Адресаты и в этом случае остаются неизвестными, но в двух случаях имеются некоторые указания на их авторов — монахи и «высокопоставленное лицо, очень хорошо осведомлённое о делах Церкви в Польше». Высокопоставленное лицо просило известить церковные власти в Риме о таком полученном им предупреждении. Аббат Буткевич, «агент русского правительства, очень плохо руководивший варшавской Духовной академией, под предлогом состояния здоровья отправляется в Рим»².

Не оставила без внимания прибывшего в сентябре в Рим Буткевича и польская эмиграция. Уже 8 октября 1850 г. она подробно изложила в записках из 10 пунктов итоги своих наблюдений за ним. Один экземпляр её находится в личном архиве фонда Пия IX, второй — был представлен в секретариат конгрегации Чрезвычайных духовных дел. По существу, это подробное изложение всего сказанного аббатом, но вырванное из контекста.

¹ ASV. Fondo. Archivio particolare Pio IX. Oggetti vari. Busta 562.

² Ibid. Busta 662.

Говоря, что Буткевич считал тремя главными грехами польского духовенства скупость, плотский грех, именуемый человеческой слабостью, и чревоугодие, авторы спешат перечислить его собственные прегрешения: постоянные жалобы на плохое мнение о нём в Риме, отсутствие мужества отказаться отобедать у Скарятина после своего обеда, странная манера понимать благочестие. Проявление последней они увидели в том, что, признав характеризовавшую одного священника неорганизованность, он заметил: «...однако, если бы Вы его видели в алтаре, с каким изобилием слёз он служил мессу, Вы согласились бы, что не часто увидите это в Риме». Его «добродушный вид и чистосердечные порывы внушали им недоверие после предупреждения остерегаться его, поступившего от священников из Варшавы». Большую хитрость усматривали не только в выражении его лица, но также «в самих его беседах, недомолвках, во вводящих в заблуждение вопросах, чтобы выяснить имена лиц, поддерживавших отношения с эмигрантами». Относясь с неодобрением к его назначению епископом, авторы записки считали необходимым снять его с поста ректора Духовной академии, ссылаясь при этом на сведения, полученные от одного варшавского священника о плохой подготовке её учеников.

В записке перечислялись также почерпнутые от Буткевича сведения. Узнав о составленном им докладе для правительства после изучения организации Духовной коллегии в С.-Петербурге, консистории и семинарии в могилёвской епархии, его собеседники якобы добились от него обещания ознакомить с ним папу, если ему будет приказано и он сможет рассчитывать на сохранение тайны. От него стало известно, что Конкордат не был опубликован в России, но сообщён епископам, что к Духовной коллегии применяется сказанное в Конкордате о епархиальных консисториях и она считается установленной канонически. По поводу молитв о почивших членах императорской семьи у авторов записки сложилось впечатление, что аббат хотел бы, чтобы Святой Престол изыскал способ для выражения сострадания или радости польским духовенством в связи с печальными или радостными событиями в императорской семье¹.

Наконец, в личных бумагах Пия IX хранится ещё один весьма примечательный документ, с которым в силу его некоторых особенностей папа никак не мог избежать необходимости ознакомиться и вряд ли сумел отвлечься, принимая своё решение по делу Буткевича. Речь идёт о пространным письме самого аббата от 14 сентября 1851 г., посланном им во Францию одному из двоюродных братьев. Согласно имеющейся на нём помете, оно было сообщено в Ватикан самим адресатом, но, к сожалению, безо всякого указания на такое важное обстоятельство, как сделал ли он это по собственному порыву или под каким-то давлением. Ведь невольно возникает вопрос, не стало ли это результатом тщательной слежки за аббатом, о которой он догадывался. Ответ на эти вопросы, несомненно, представлял бы определённый интерес. Над этим письмом после того, как оно попало в его

¹ ASV. Fondo. Archivio particolare Pio IX. Oggetti vari. Busta 562-B.

руки, немало потрудился Феррари. Он сократил его, дав в изложении некоторые его части, по его мнению не представлявшие интереса, а к отдельным высказанным в нём положениям привёл уточнения и написал комментарии и стал, таким образом, как бы одновременно оппонентом и соавтором аббата.

Последний факт Феррари не подкрепил своей подписью, но он очевиден, прежде всего, судя по содержанию комментариев, да и потому, что именно он был папой специально уполномочен заниматься этим делом и был в курсе всех его тонкостей.

Препарированное таким способом, это письмо позволяет ознакомиться не только с восприятием Буткевичем хода разбирательства по его делу, но и с настроением в отношении его одного из главных служащих конгрегации Чрезвычайных духовных дел, с мнением которого папа, безусловно, считался.

В значительной мере это письмо Буткевича посвящено его общению с Феррари, именуемым им инквизитором. С самого начала его удивило, что в ходе бесед, происходивших дважды в неделю, последний не обмолвился ни единым словом об обещанных папой инструкциях, ни о его решении по делу аббата и, особенно, что он ничего не говорил о выдвинутых против него обвинениях.

Такая манера действовать, — писал он, — раскрыла мне коварный замысел римского Двора любезностями побудить меня высказываться, чтобы выведать всё, что интересовало. А затем освободиться от меня, сколь возможно вежливо, ничего не сделав для меня, как будто для того, чтобы убедить меня, что действуют согласно моим пожеланиям, отказывая мне в епископском сане, запрошенном для меня правительством, но без меня.

Во время последующей встречи с папой аббат убедился, что он не читал переданной им Феррари записки о положении католической Церкви в Царстве Польском и явно «говорил в соответствии с данными ему инквизитором указаниями». Правда, на этот раз Пий IX выдвинул три обвинения, по поводу которых своими соображениями Буткевич поделился с кузеном. Отвергая одно из них — о его приверженности противным религии принципам правительства, — Буткевич заявлял, что за ним скрывалась клевета священников-эмигрантов, а в качестве доказательства доверия польских епископов ссылался на назначение его ректором Академии.

Последовавший комментарий Феррари был краток: «Всё это не так или не доказывает ничего».

Относительно его покровительства аббату Людиге Буткевич доказывал, что, напротив, последний был его самым большим врагом, поддерживавшим отношения с его врагами — эмигрантами, подтверждением чего стали самые лестные свидетельства, полученные им благодаря защите своих друзей-эмигрантов, когда был принуждён правительством оправдываться в Риме.

Реакция Феррари отразилась в замечании: «Это уже слишком, и Святой Отец знает об этом кое-что. Аббат Буткевич является врагом Людиге с тех пор, как этот

последний утратил благосклонность князя Паскевича, каковую аббат Буткевич унаследовал, и всё ещё опасается, как бы тот, как более ловкий, опять не оттеснил его».

Только последнее высказывание Буткевича не вызвало отклика Феррари, вероятно, потому что само по себе было весьма красноречивым.

Буткевич считал, что противодействие со стороны правительства, о котором говорил папа, не такого свойства, чтобы полностью не допускать всякой полезной для Церкви деятельности: он ответил Святому Отцу, что подлинный спор не знает препятствий. Не скрывая противодействия, оказываемого правительством, он постарался доказать, что по большей части ему можно противостоять и помешать тем пагубным последствиям для веры, которые будут иметь место, если, как в прошлом, оставаться безразличными и пассивными.

Об общем настрое аббата свидетельствует его признание в конце послания своему дорогому Станиславу: «Нужно чудо, чтобы разрешить моё дело»¹. Но чуда, как известно, не случилось.

Представляется очевидным, что истинной причиной этого послужили слишком хорошие отношения аббата с правительством. Далеко неслучайно значительная часть обвинений, выдвинутых папой, касалась конкретных случаев, но это всегда высказывалось в общей форме и постоянно повторялось, именно этим обвинением было всё сказано в записке Головинского, пользовавшегося, несомненно, особым доверием папы.

Безусловно, в основе случая с Буткевичем и других подобных дел лежало стремление каждой из сторон видеть на таком высоком посту, как епископский, устраивавшее её лицо: для Святого Престола это был тот, кто резко отрицательно относился к любым шагам правительства, а для последнего — тот, кто был ему предан. При этом забывали о сложном положении находившегося на этом посту лица: оно должно было служить Церкви, но не в папских государствах или католической стране, а в конкретных условиях страны, насильственно поставленной под управление правительства другого государства, к тому же с господствующей в нём иной религией. Сама ситуация ставила такое лицо перед необходимостью идти на определённые компромиссы. Этого же она, безусловно, требовала и от тех, кто решал судьбу претендентов на высокие посты, и прежде всего от Святого Престола, в те времена обладавшего не только духовной, но и светской властью. Такую попытку в этом направлении, как кажется, предпринял кардинал Антонелли, пытаясь убедить папу пересмотреть своё решение, но она оказалась в значительной степени безуспешной.

Вместе с тем, нельзя не признать трудного положения Святого Престола в подобных случаях из-за отсутствия возможности получать сколько-нибудь достоверную информацию, не имея своего представителя в России.

¹ ASV. Fondo. Archivio particolare Pio IX. Oggetti vari. Busta 828.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КРЫМСКАЯ ВОЙНА. ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ АЛЕКСАНДРА II. РАБОТА КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ. ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ И С.-ПЕТЕРБУРГЕ ПОСОЛЬСТВА ФЛАВИО КИДЖИ

Весной — летом 1852 г. в отношениях двух стран последовал ряд акций, свидетельствовавших об определённом сдвиге к их улучшению.

29 мая 1852 г. Антонелли официально уведомил Бутенева, что папе удалось победить свои «угрызения совести» и он не возражает против возведения в сан епископа аббата Горского, хотя год назад именно по этой причине он не согласился с предложением о его назначении в Каменец-Подольский¹.

Успешно протекали и завершились начатые весной переговоры о заключении соглашения о торговле и мореплавании. За основу было взято такое же соглашение 1847 г. с Тосканским герцогством сроком на 8 лет. После подписания этого соглашения 6 июля / 24 июня 1852 г. стороны обменялись идентичными заявлениями. Тосканский текст был повторен за исключением двух или трёх незначительных изменений, предложенных папским правительством, которые Бутенев счёл возможным принять, не нарушая этим фундаментального принципа полной взаимности двух сторон. Так, в статье 5 в заявлении о праве каботажного, соответственно сохраняемом обеими сторонами за их национальными кораблями, была включена такая же оговорка о праве рыбной ловли у побережья, потому что папское правительство всегда включало это право в торговые соглашения с иностранными державами. В статье 7 о возвращении потерпевших крушение кораблей и грузов собственникам или доверенным лицам срок ходатайства был ограничен 18 месяцами, а прежде он был неограничен. Наконец, содержащаяся в соглашении с Тосканой статья о премиях и других льготах такого рода, взаимно предоставляемых соответствующим кораблям, как для экспорта, так и импорта, была опущена. На это российская сторона пошла в ответ на пожелание папского правительства, ссылавшегося на то, что в торговых конвенциях с иностранными державами оно приняло за правило сохранять

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1852. Оп. 469. Д. 122. Л. 129; Отчёты МИД. 1852. Оп. 475. Л. 113.

эти премии исключительно за своими национальными кораблями и не могло сделать исключения для России. Тем не менее Антонелли заверил, что, если торговый флот какой-либо иностранной державы добьётся того, чтобы быть приравненным в папских государствах с национальными кораблями в отношении премии, реституции или других каких-либо преимуществ, все они будут тотчас же распространены на российские корабли¹.

К осени 1852 г., как уже упоминалось, разрешился вопрос о переносе из Херсона в Тирасполь центра созданного в 1847 г. нового католического епископства и о замене его названия на епископство Новороссии и Кавказа.

Показатель определённого благополучия в отношениях со Святым Престолом в 1852 г. в С.-Петербурге увидели и в отеческом приёме, оказанном папой сыновьям императора, великим князьям Николаю и Михаилу. Его проявлением стало, в его глазах, и выяснение мнения Николая I по волновавшему папу вопросу о том, какой ответ следовало бы дать французскому правительству в случае приглашения в Париж короновать нового императора.

Полагая, что такая демонстрация унизила бы достоинство Святого Престола, учитывая, что Луи Наполеон претендовал на то, что был продолжателем, а не создателем новой династии, он посчитал, что не было достаточного основания ехать папе его короновать, как он не короновал в их столицах других католических монархов.

Известие об отрицательном ответе российского императора было встречено с удовлетворением Антонелли, тем более что его советы придавали ещё больший вес уже ранее направленным папе в таком же смысле советам венского Двора. Кардинал признался, что, по правде говоря, до сих пор Луи Наполеон не обращался ни с какой просьбой, не делал намёков относительно пожелания о прибытии папы его короновать. Опасаться же приходилось того, как бы позднее на этом не стало настаивать французское высшее духовенство, показавшее себя одушевлённым с избытком неожиданным усердием, чтобы поддержать всем своим влиянием дело Луи Наполеона и его восшествие на императорский трон. Поэтому было полезно всеми средствами подтвердить решение, эвентуально принятое папой и совпадавшее с мнением его главных кардиналов, осторожно отклонить любое прямое или косвенное предложение прибыть в Париж, чтобы короновать нового монарха².

В С.-Петербурге высоко оценили занятую Курией позицию и чисто христианские чувства, которыми был движим понтифик в преддверии Крымской войны. В этой связи следует напомнить о том, что Святыя места, закреплённые за Францией договорами с Турцией, обслуживались католическими монахами. Россия же покровительствовала обосновавшимся в Палестине греческим монахам, которые

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1852. Оп. 469. Д. 122. Л. 141–142.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1852. Оп. 475. Л. 105–106; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 840. Л. 342–343.

нарушили их права, против чего и протестовало французское правительство. Причём Луи Наполеон, как замечал французский историк, был «не прочь продемонстрировать этим своё усердие в отношении так хорошо ему служившей римской Церкви»¹. В таких обстоятельствах позиция Курии, естественно, обретала большое значение. Но оно, конечно, возросло особенно, когда разногласия между Россией и Портой по вопросу о Святых местах в Палестине привели к столкновению России с великими державами, выступившими против предоставленных ей на Востоке прав договором с Турцией.

Папское правительство под влиянием министра просвещённого и сговорчивого, как кардинал Антонелли, сумело удержаться на позиции спокойной и осмотрительной перед лицом разногласий, столь неосторожно поднятых Францией в Константинополе, возбудив в некотором роде соперничество между римско-католической Церковью и восточным православием. Отставив в сторону традиционные претензии и ревность Святого Престола в отношении греко-русской Церкви, папа воздержался от того, чтобы ожесточить спор, бросив на чашу весов свой авторитет в качестве главы католицизма, —

говорилось в отчёте МИД за 1853 г.²

В условиях начавшейся Крымской войны в С.-Петербурге были заинтересованы в выяснении позиции Святого Престола и, по возможности, в привлечении его на свою сторону. Этой цели служило кабинетное письмо Николая I Пию IX от 24 / 12 января 1854 г. В качестве предлога для его написания воспользовались полными благорасположения словами в адрес Николая I, сказанными понтификом Скарятину (донесение от 27 / 15 декабря 1853 г.) во время аудиенции по случаю Нового года³.

В своём письме император благодарил папу за проявленные им возвышенные чувства в отношении него в беседе с дипломатом, в чём он увидел справедливую оценку того, что руководит им в деле, которое он призван защищать в данное время:

Ничто не могло бы, стало быть, мне доставить больше удовлетворения, чем видеть, что такое дело — столь чуждое всякой мысли о религиозном соперничестве, всякого личного суетного честолюбия, а посвящённое по существу обеспечению интересов христианства и человечества — было бы лучше оценено с его истинно христианской точки зрения римским папой — главой католичества, с которой не кажется, чтобы оно было бы оценено в других странах Европы⁴.

¹ Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814–1878. Т. II. Ростов-на-Дону, 1995. С. 73.

² АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1853. Л. 156–157.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 5.

Сказанное в письме, казалось бы, нисколько не выходило за рамки простой признательности. То же, чего конкретно хотели от папы в С.-Петербурге, видно из депеши Нессельроде Скарятину от 25 / 13 января 1854 г., к которой было приложено письмо Николая I. В ней, в частности, говорилось:

Император убеждён, что никто в данный момент не сможет оказать более благотворного влияния на католических монархов, лучше подсказать им их образ действия в нынешней распре, чем Святой Отец. Его отеческий голос будет иметь существенное значение в советах, и, несомненно, ему будет приятно иметь возможность думать, для очистки совести, что его молитвы были услышаны во всём христианском мире, и что пастырь Церкви полностью выполнил свой долг, проповедуя мир и согласие между христианскими монархами. Император хочет надеяться, что Святой Отец не откажет ему в запрашиваемой им поддержке, и заранее благодарит за любой демарш, который имел бы целью познакомить других монархов с точкой зрения столь христианской, столь возвышенной и столь благородной, с которой он рассматривает ныне обсуждающийся важный вопрос¹.

Получив такую инструкцию, Скарятин (донесение от 23 / 11 февраля) во время аудиенции у папы при передаче письма императора напомнил фразу, сказанную ему им ранее и упомянутую в письме: «...именно сегодня утром, 26 декабря, я, к тому же, молился за императора Николая, и я дал указания, чтобы произносили молитвы за Него». На это папа заметил: «Я это очень хорошо помню, так как я все дни молюсь за Вашего императора, но молитвы, которые я предписал, были молитвами о мире, и я Вас прошу об этом сказать».

Прочитав затем письмо, Пий IX сказал, что был чрезвычайно тронут признательностью, которую император ему засвидетельствовал за столь небольшое, что могло быть лишь совершенно естественным, что в его положении папа молится за императора.

Заметив, что папа не уловил подлинный смысл, в котором император рассматривал его благорасположение в тогдашней конъюнктуре, Скарятин счёл нужным дать уточнение. Он пояснил, что его слова произвели глубокое впечатление на императора потому, что он в них увидел, что Святой Отец понимал, что дело всей христианской Церкви подвергнется опасности, если Восточная Церковь должна быть оставленной на милость неверных. А также очевидность для него того, что, помимо интересов христианского мира, интересы общественного порядка и безопасности государств вообще подвергались опасности из-за непрерывных усилий многочисленных приверженцев власти толпы, которые, чтобы повсюду подорвать авторитет правительств, ничего не принимают так близко к сердцу, как низвержение прежде всего тронов. Отсюда убеждение императора, что в нынешней распре влияние Святого Отца могло бы стать очень благотворным, если он захочет его

¹ АВПРИ. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 3–4.

оказать на католических монархов, призывая их к миру и союзу между христианскими монархами. Поэтому император надеялся, что папа не откажется от демарша, который имел бы целью ознакомить других монархов с высшей степени христианской точкой зрения, с которой рассматривался этот важный вопрос.

Выслушав соображения, изложенные Скарятиним в соответствии с полученными инструкциями, папа, казалось, был очень смущён и после нескольких туманных высказываний закончил заявлением, что должен здраво всё обдумать прежде, чем решиться на какую-то меру и позднее ответить¹.

День спустя из беседы с Антонелли, ознакомленным папой с содержанием письма императора, Скарятин понял, что он был не в курсе того, как он разъяснил папе смысл, в коем императором были поняты доброжелательные слова папы. Чтобы внести ясность, он счёл долгом зачитать кардиналу депешу Нессельроде от 25 / 13 января. После этого со стороны кардинала последовали заверения в постоянном желании папы, чтобы было найдено мирное решение восточного вопроса. И именно в таком смысле высказывался он сам и предписывал это делать своим представителям за рубежом, тем более что очень хорошо понимал весь вред отсутствия согласия между великими державами, что могло привести к конфликту, предосудительному для христианской религии. Но в данное время папа не решил, какую форму придать своему демаршу перед католическими монархами, учитывая, что до сих пор они морально были расположены к миру, теперь же дела оказались очень продвинутыми вперёд, чтобы демарш папы мог бы иметь какой-нибудь шанс на успех.

В ответ дипломат заверил, что не был уполномочен просить о каком-нибудь демарше папы перед католическими монархами. Но считал возможным, со своей стороны, заметить, что император надеялся бы увидеть, что папа в качестве главы Церкви молится за мир и объединение христианских монархов, особенно по вопросу, по которому интересы всего христианства были недооценены и подвергаются опасности. И совершенно естественно, что император не мог ожидать того, что католические монархи могли бы не прислушаться к голосу их пастыря, не рискуя подвергнуться порицанию Церкви, к которой они принадлежат. Кардинал в данное время не мог ничего сказать о намерениях папы, «нынешнее положение которого было очень трудным», кроме того что, тем не менее, он предполагает написать императору письмо².

Передавая Скарятину (донесение от 24 / 12 марта) ответное письмо папы Николаю I и заверив, что не знаком с его содержанием, Антонелли признался, что, однако, был в курсе того, что Святой Отец не считал нужным в нём намекать на сделанные Скарятиним инсинуации. Затем заметил, что ему нечего было добавить к уже ранее сказанному о трудности для папы в данное время предпринять

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Оп. 469. Д. 130. Л. 22–24; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 868. Л. 36–37.

² Там же. Л. 37–38.

какой-то демарш перед католическими монархами, а папе представлялось несвоевременным в условиях нынешнего раздора обращаться к ним с проповедью о мире и союзе, поскольку это не может привести к удовлетворительному результату.

В ответ дипломат пояснил, что не был уполномочен обращаться к папе ни с какой просьбой. А просто поведал о чувствах императора в ответ на прекрасные слова понтифика в свой адрес. Он был бы признателен, если бы Святой Отец их подкрепил любым демаршем, который имел бы целью дать понять католическим монархам, насколько, уступив своим страстям, они отрекаются от точки зрения такой христианской, благородной и возвышенной, с которой император рассматривает ныне обсуждаемый серьёзный вопрос¹.

Из послания папы от 27 февраля следовало, что письмо императора засвидетельствовало значение, придаваемое молитвам о подлинном благополучии, и зародило в нём надежду, что такие молитвы, будучи постоянными, однажды исполнятся целиком и полностью, «тесно связав со мной Ваше Величество узами совершенного человеколюбия».

При столь благоприятных обстоятельствах папа не мог не поручить могущественной защите императора миллионы католиков, проживавших в его обширной Империи. Папа был убеждён, что за действенную защиту, обеспечивавшую свободное отправление их культа такому большому числу жителей, принадлежавших религии, главой которой он являлся на земле, на императора в изобилии последуют милости Господа. Папа пояснил, что обращённая к императору просьба проистекала из осознания

...моих священных обязанностей, которые мне внушает долг поддерживать и защищать исключительно католические принципы и доктрины всеми средствами, которые Бог соблаговолил передать в мои руки. И поскольку милость, которая испрашивается у Вашего Величества, основана на справедливости, я верю, что её получу, благодаря великодушию и благородству Вашего сердца. Вот почему, подтверждая заверения, данные Вашему поверенному в делах, продолжать молить и просить Господа, чтобы добиться благ мира, а для Вашего Величества милостей, которые могли бы Вам дать подлинное высшее счастье, я остаюсь в твёрдой надежде иметь возможность однажды поблагодарить Бога ещё более сердечно, восхищаясь последствиями Его милосердия².

Таким образом, раздумья папы после данных Скарятиним разъяснений по поводу смысла письма императора — призыва совместно гарантировать интересы христианства и человечества — привели к признанию своими священными обязанностями лишь защиту католицизма и к просьбе о свободе отправления этого культа подданными императора.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Оп. 469. Д. 130. Л. 29–30.

² Там же. Д. 129. Л. 6.

В конкретной ситуации того времени дипломат внимательно следил за всем, что было связано с войной. Естественно, пристальное внимание его (донесение за то же 24 / 12 марта) вызвала аудиенция у папы и государственного секретаря турецкого поверенного в делах в Брюсселе, на обратном пути из Константинополя захватившего в Рим. Эти встречи вызвали широкое обсуждение, утверждали даже, что турецкий дипломат выполнял конфиденциальную миссию султана перед папой. Антонелли, опрошенный Скарятиным по поводу такого рода предположений, заверил, что он не выполнял никакой миссии, просто привёз письмо Решид-паши и был уполномочен выразить уважение султана главе католической Церкви. К тому же и прибыл-то он в Рим скорее как путешественник и католик (он был уроженцем Бельгии), который испросил и получил аудиенцию папы.

Однако от обычно хорошо информированных лиц Скарятину стало известно, что кроме приведённых кардиналом выражений вежливости дипломат обрисовал папе положение католиков в Турции и дал туманно понять о готовности султана предоставить свободу вероисповеданий в его государствах, что произвело глубокое впечатление на папу и вызвало некоторое удовлетворение¹.

Позднее (донесение от 12 апреля / 31 марта) Скарятин узнал о секретном проекте возможного разграничения и реального устройства в Турции до этого времени существовавших фиктивно нескольких католических епископств, епископы которых были таковыми лишь номинально под названием *in partibus infidelium* (т. е. носили имя данной епархии, но не имели в ней власти)².

Это сообщение было найдено в С.-Петербурге (депеша от 1 июня / 19 мая 1854 г.) «заслуживающим особого внимания в настоящее время», а посему Скарятину предписывалось «бдительно следить за этим делом» и информировать подробно обо всех собранных по нему сведениях³.

По поводу появления в газетах пасторских посланий французских епископов, содержащих приказ в их епископствах молиться в связи с Восточной войной, Скарятин (донесение от 19 / 7 мая) обратился за разъяснениями к Антонелли. Он поинтересовался, как Святой Престол рассматривает не сами эти акты, а их содержание, столь мало соответствовавшее духу мира и человеколюбия, что составляет первый долг духовенства, о чём французские епископы, казалось, полностью забыли. Ведь они пошли не только на то, чтобы самым явным образом извратить характер борьбы, ведшейся между Россией и Турцией с её союзниками, но и проповедовать крестовый поход и подстрекать к войне с чувством непримиримой ненависти к христианскому монарху, который всегда был защитой и поддержкой социального порядка.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Оп. 469. Д. 130. Л. 32–33.

² Там же. Л. 40.

³ Там же. Л. 176.

Кардинал не скрыл, насколько сожалел, что высшее духовенство Франции вмешивалось столь неуместным образом в политический вопрос, однако, не одобряя дух подобных актов, Святой Престол не мог быть солидарным или ответственным за поведение некоторых членов высшего духовенства, подданных другой страны, за то, что имеет отношение к их политической деятельности. С другой стороны, пояснил он, поскольку, вероятно, под влиянием французского правительства некоторые епископы придали своим пастьрским посланиям тот вид, в котором они появились, Святой Престол оказался в очень щекотливом и трудном положении. Он не мог сделать внушения епископам, ни поставив их, в некотором роде, в оппозицию к правительству, которому, в качестве верноподданных, они должны полностью подчиняться.

На это излияние кардинала Скарятин заметил, что вовсе нисколько не стремился вникать в вопрос о приемлемости для Святого Престола терпеть или позволить столь экстравагантные действия со стороны высшего католического духовенства какой бы то ни было страны, но хотел просто знать мнение Святого Престола по поводу пастьрских посланий. Теперь же, когда кардинал сказал, что Святой Престол сожалел о духе, которым они были проникнуты, дипломат посчитал долгом ему заметить, что молчание, которое папа, кажется, хотел хранить в этом отношении, конечно, удастся интерпретировать и использовать в пользу войны в качестве молчаливого одобрения Святым Престолом.

Не пытаясь опровергнуть высказанные соображения, кардинал старался доказать, что папа не может быть ответственен за ошибочные идеи в отношении политики некоторых французских католических епископов.

Понимая, что все аргументы кардинала были продиктованы трудностью нынешнего положения папы в отношении Франции, Скарятин не счёл нужным продолжать дискуссию. Однако некоторое время спустя он узнал от самого Антонелли, что он предпринял конфиденциальный демарш перед французским послом, чтобы обязать французское правительство не привлекать епископов своей страны к выполнению роли, столь мало согласующейся с их саном. И ему казалось, что вследствие этих демаршей пастьрские послания, появившиеся позднее, были более умеренными и соответствовавшими их цели.

Что же касалось самой войны, кардинал, считал дипломат, внимательно следя за её ходом, продолжал тщательно придерживаться строгого морального нейтралитета, не имея мужества даже высказать какое-нибудь мнение из-за боязни затруднений, которые мог себе создать, учитывая многочисленные трудности его тогдашнего положения¹.

Справедливость его заключения подтвердил следующий шаг Святого Престола. 27 / 15 мая Скарятин сообщил о его отказе присоединиться к англо-французскому

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Оп. 469. Д. 130. Л. 51–53.

союзу и о заявлении, сделанном Антонелли, в котором он представил нейтралитет папы в качестве «обязанности исключительного положения Святого Престола»¹.

Собственные соображения по поводу позиции папы Скарятин подробно изложил в донесении от 12 августа / 31 июля 1854 г. Среди политических событий, происходивших в мире, считал он, его пассивная позиция выглядела очень странной, особенно в обстановке, когда христианская религия участвует в них, столь прямо и непосредственно. Он находил её диаметрально противоположной той, которой папы придерживались всегда, когда речь шла о защите христианства от мусульманской жестокости и ненависти. Он полагал, что это проистекало «из затруднительного положения, в котором находится папа в силу двойной власти, объединяемой им в своём лице, в качестве монарха и в качестве главы христианской Церкви, дух и главные тенденции которой характеризовались постоянными усилиями морального вторжения, чтобы посредством прозелитизма достичь общего господства над верованиями».

Затем он пояснил. С одной стороны, папа как светский монарх оказался сегодня в трудном положении по причине печальной необходимости прибегнуть к помощи иностранных войск для своей защиты от собственных подданных, а именно к помощи войск одной из воюющих держав. С другой стороны, он пребывал в не меньшем замешательстве, видя католического монарха — главу страны, носившей звание младшего сына Церкви, — сражающимся, чтобы поддержать существование государства, которое во все времена папы желали видеть уничтоженным и где христианская религия борется с преследованиями столь варварскими, сколь и жестокими.

Кроме того, папа понимал, что больше не пребывает в том веке, когда Святой Престол мог диктовать, так сказать, закон католическим монархам. Для него было очевидно, что теперь папы, как монархи, не обладают тем престижем, которым некогда пользовались, и доведены до необходимости изыскивать все средства, чтобы преумножить и предохранить от любого посягательства духовное влияние, которое, будучи значительно подорванным, однако, у них ещё осталось в качестве глав латинской Церкви. В значительной мере именно для того, чтобы не компрометировать это влияние в нынешнем серьёзном вопросе, Пий IX счёл более осторожным подождать более благоприятных обстоятельств, чтобы «высказаться в самый решающий момент, когда станет возможным увидеть, как Он встаёт на сторону победителей».

К такому заключению Скарятин пришёл в результате бесед с лицами, глубоко знавшими особую природу Святого Престола. К тому же при встречах с ним Антонелли всякий раз, когда речь заходила о переживаемом миром кризисе, неизменно отстаивал абсолютный нейтралитет как временную позицию и, особенно, как наиболее отвечающую двойственному характеру власти, коей облечён папа.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Оп. 469. Д. 130. Л. 55.

Что касалось духовных лиц в Риме, Скарятин полагал, что большая часть их симпатизировала Англии и Франции, а другая — желала победы России¹.

Сдержанная и нейтральная позиция Ватикана, отказ присоединиться к англо-французскому союзу вызвали удовлетворение в С.-Петербурге. Желая дать ему доказательства доброй воли и предупредительности, правительство быстро предоставило сведения и объяснения, касавшиеся интересов католической Церкви в России, о чём Антонелли просил в памятной записке от 2 сентября 1854 г.

В специальной записке, подготовленной министерством внутренних дел, и в инструкции от 27 / 15 ноября, с которыми Скарятин должен был ознакомить Антонелли, содержалась следующая информация. Все епископские кафедры Империи заполнены епископами, утверждёнными Святым Престолом, список же кандидатов на вакансии в суффраганствах, несмотря на трудности данного времени, готовится. Ожидалось и получение списка кандидатов в епископства и суффраганства Царства Польского от наместника Царства, отсутствовавшего в то время в Варшаве. Полностью опровергалось утверждение об инструкции министерства внутренних дел, якобы направленной в 1852 г. приору армянской Церкви в Империи, обратиться армян-католиков. При этом ссылались на действующие правила, не позволявшие никогда никого обращать ни из одной из терпимых в Империи религий в другую без свободной склонности и запроса самих этих лиц. Сообщалось, что, согласно законам Империи, все собственники имений, в которых находились православные приходские церкви, обязаны, к какому бы исповеданию ни принадлежали, помогать содержать церкви, посвящённые вере, исповедуемой населением, проживающим на землях этих собственников, а правительство должно следить за тем, чтобы эта обязанность исполнялась.

Утверждение о предписаниях, обязывавших католическое духовенство в России произносить проповеди и читать молитвы, форма и содержание которых противоречили правилам католической Церкви, тем более лишено основания, отмечалось в записке, что цензура проповедей и молитв была передана под контроль епархиальных епископов. Точно так же обстояло дело с утверждением, что жители Каменецка были вынуждены за отсутствием храма для их исповедания присутствовать на божественной службе под открытым небом, что, впрочем, противоречило бы действующему в Империи гражданскому кодексу. Напротив, на строительство там католической церкви уже было ассигновано из казны 17 000 серебряных рублей (68 000 франков), а также даны средства для арендной платы за временное помещение для проведения службы до завершения строительства.

В инструкции задержка с прибытием епископа Кана в Тирасполь объяснялась исключительно близостью этого города к театру военных действий.

Отказ в отношении аббата Буткевича после его избрания два или три года назад викарием самым законным образом, и против которого сам папа не возражал

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Оп. 469. Д. 130. Л. 61–62.

во время его пребывания в Риме, был слишком неожиданным, чтобы не заставить императора испытать законное чувство удивления и сожаления. По этому поводу было, однако, замечено, что следовало признать, по крайней мере, что, если последствия этого отказа породят затруднения для управления епархией или нанесут духовный ущерб католическому населению, там проживавшему, ответственность за это не падёт на императорское правительство¹.

В отсутствие Скарятина исполнение этих инструкций пало на долю замещавшего его Г.Н. Окунева, ещё в марте 1850 г. назначенного вторым секретарём миссии.

В донесении от 12 марта / 28 февраля он писал, что при первой же беседе с Антонелли он дал ему прочитывать нескрываемую депешу Нессельроде, воздержавшись вновь поднимать дискуссию по поводу Буткевича в соответствии с указанием Николая I, о котором говорилось в секретной депеше министра. Поэтому к сказанному в депеше он добавил, что новым доказательством духа примирения, которым всегда руководствовалось императорское правительство в отношениях с папским правительством, служил молчаливый отказ от новых настояний по поводу отправки запрошенных для Буткевича полномочий, заключавшийся, как ему казалось, в самой министерской депеше. Кроме того, он выразил надежду, что в обмен на столь благожелательное отношение, папа, «со своей стороны, соблаговолит судить справедливо о трудностях всякого рода, которые иногда возникают у нас при выполнении пожеланий папы, и о задержках, которые могли обусловить серьёзные стечения обстоятельств данного времени».

Кардинал с видимой признательностью встретил известие о повторном запросе, направленном наместнику Царства Польского, о присылке списка кандидатов на вакантные кафедры в Польше и оценил причины, не позволявшие епископу Кану окончательно обосноваться в Тирасполе².

Успокаивая Святой Престол, правительство, в свою очередь, испытывало большую обеспокоенность по поводу цели созданного в Риме в ноябре собрания католических епископов из всех стран. По утверждению Антонелли, его целью было введение в римской Церкви новой догматической истины о непорочном зачатии Девы Марии. В С.-Петербурге понимали, что этот догматический и религиозный вопрос касался только католицизма и не должен был его занимать. Но там опасались, как бы это необычное собрание французского, испанского, немецкого епископата и даже католического епископата Англии вместо решения чисто догматического вопроса не оказалось связано с какими-то новыми комбинациями, направленными против России европейским союзом, стремящимся в данное время повсюду ослабить её политическое и религиозное влияние. Не исключалось, что

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД, 1854. Оп. 475. Л. 109–110; Ф. Канцелярия. 1854. Оп. 469. Д. 130. Л. 163–166, 184–185.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 868. Л. 157–159.

это собрание, возможно, действительно было созвано папой в силу порыва чувства личной набожности. Но и в этом случае сохранялось беспокойство, не послужило бы оно предлогом и не предоставило бы благовидный случай врагам России заставить римский Двор «отказаться от той благоразумной и нейтральной позиции, которой глава католической Церкви сумел, с таким чувством собственного достоинства, как и приличия, придерживаться с начала нынешнего кризиса». Для проверки обоснованности догадки о предполагаемой цели созыва чрезвычайного собрания Скарятину предписывалось бдительно, но осторожно следить за его ходом, используя все доступные средства для сбора точных и достоверных данных, и немедленно известить о результатах расследования¹.

Собранная Окуневым информация (ещё одно донесение от 12 марта / 28 февраля 1855 г.) свидетельствовала, что речь шла о решении чисто религиозного вопроса. Папа лично захотел выяснить мнение епископата о форме и содержании предназначенной закрепить новый догмат веры буллы, проект которой уже был заранее выработан ведущими теологами папского Двора. В то же самое время папа рассчитывал поднять своё духовное главенство подобным собранием, которое кроме этого, не предполагало заниматься никаким другим вопросом, ни из политической, ни даже из религиозной области. К такому заключению Окунев пришёл, исходя из заявлений Антонелли ему и другим членам дипломатического корпуса, из информации из других достойных доверия источников и данных, почерпнутых им из бесед с самыми компетентными в этом вопросе лицами. Он не мог исключить, что кто-то из прибывших епископов в силу их предубеждения против России выскажет свои советы римскому Двору во время пребывания в Риме, но полагал, что не последует никакой враждебной России акции. Индивидуальные же попытки будут пресечены папой и его правительством, как противные принципам, которых здесь придерживались в данное время. Об этом можно было судить по сделанному ему по секрету Антонелли доверительному сообщению, что папа, скорее всего, воспользуется этим собранием епископата, чтобы призвать его проявлять осмотрительность и умеренность. Французским епископам он порекомендует держаться в стороне от политических вопросов настоящего времени, по крайней мере насколько их положение в отношении правительства это допускало. И, прежде всего, воздерживаться в их публичных заявлениях от того духа ненависти и отвратительной брани, столь мало соответствовавших их положению, возмутительный пример чего дало их пасторское послание, опубликованное в прошедшем году по случаю объявления Францией войны России. Заявление Антонелли, считал Окунев, полностью соответствовало нейтральной позиции, занятой Святым Престолом². Результатом этого собрания стала публикация буллы «*Ineffabili Deus*».

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 46–47.

² Там же. Д. 868. Л. 164–169.

Новый этап во внешней политике России и, естественно, в её отношениях со Святым Престолом обозначило вступление на престол в марте 1855 г. Александра II после неожиданной смерти Николая I. Правда, в обращённой к дипломатическому корпусу речи 7 марта / 23 февраля новый монарх торжественно заявил о твёрдом намерении следовать политическим принципам Священного союза, которых придерживались его дядя, Александр I, и его отец. Однако содержащаяся в ней оговорка: «но если этого союза больше не существует, это, конечно, не вина моего отца»¹, свидетельствовала о его неуверенности, сохранялся ли ещё этот союз, а значит, и его принципы. К тому же о своём намерении следовать политике своих августейших предшественников молодой монарх заявлял с очень важной оговоркой — «руководствуясь исключительно интересами России».

Подводя итог эпохи Николая I, нельзя не согласиться с дипломатом и историком Татищевым, который находил его политическую систему стройной и последовательной.

Право и справедливость, прямота и честность, великодушие и бескорыстие, таковы нравственные устои, на которых государь её построил. Догматами его царственного катехизиса были: сознание прав своих и строгое исполнение обязанностей. Глубоко убеждённый в божественном происхождении верховной своей власти, русский царь и в чужеземных монархах видел государей Божию милостью, тесно связанных с ним общностью их высокого служения и узами братского священного союза. Отсюда доверие к представителям древних династий и снисходительность к их политическим грехам, ответственность за которые падала в глазах его на министров. Отсюда отвращение к революции и её исчадиям: правительствам конституционным. Ограниченная монархия представлялась государю ересью, полною внутренней лжи и обмана. Он открыто предпочитал ей откровенно республиканский строй. Но каковы бы ни были его личные воззрения и чувства, император Николай в сношениях своих с иностранными государствами добросовестно исполнял относительно всех без исключения международные свои обязанности².

Отмечая, что эта система служила антиподом политики Екатерины II, Жюмини не удержался от печальных размышлений по этому поводу. Императрица, писал он, озабоченная единственно славой и интересами своей страны, понимая их в соответствии с представлениями своего времени и подчиняя им всё, даже клятву в верности и политическую честность, завершила дело, начатое её предшественниками, возвела Россию на высшую точку величия и заложила основания её мощи на Востоке и в Европе.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 57. Л. 59.

² Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая первого. СПб., 1887. С. 629.

Император Николай,

...непоколебимый в своей преданности соблюдению договоров и данному слову, озабоченный солидарностью, соединявшей Россию с консервативными монархиями Европы перед лицом революции, рискуя своей безопасностью ради поддержания этой солидарности и подчиняя ей в течение двадцати пяти лет с самой щепетильной честностью свои частные интересы, получил в вознаграждение неблагодарность своих союзников, клевету общественного мнения и, в конечном счёте, несправедливую коалицию и катастрофическую войну, которая ослабила мощь России, уменьшила её престиж, обременила долгами и печальные результаты которой укоротили жизнь этого августейшего монарха. Этот контраст заключает в себе для нас огромный урок¹, —

делал вывод дипломат.

Оглядываясь на путь, пройденный в годы правления Николая I в отношениях со Святым Престолом, следует признать серьёзное участие самого императора в формировании курса и влияние на реализацию этого курса его характера — человека твёрдого, энергичного, ясно мыслящего, заинтересованного в достижении поставленной цели. В свете этого нельзя не согласиться с оценкой, данной ему как дипломату французским историком, когда он писал: «Трудно было и провести этого человека. Он имел то большое преимущество перед профессиональными дипломатами, что он умел не хуже их, при надобности, скрывать свои намерения и что, раз приняв или объявив своё решение, он последовательно проводил таковое, несмотря на все их хитрости»². Впрочем, по поводу утверждения о невозможности его провести, обмануть император сам внёс существенное уточнение. «Меня всякий может обмануть раз, — писал он Паскевичу 15 / 3 июня 1854 г., — но зато после обмана я уже никогда не возвращаю утраченное доверие»³.

Необходимость заниматься проблемами, связанными с владением Польшей, судя по некоторым высказываниям самого Николая I, явно его тяготила. Сошлёмся на известный факт, что он долго, до 1829 г., оттягивал свою поездку в Варшаву, чтобы короноваться в соответствии с конституцией 1815 г., и только летом 1830 г. он приехал, чтобы созвать сейм, наконец, на составленный им в 1831 г. проект отдать Австрии и Пруссии часть отошедшей к России Польши. Но долг требовал заниматься этими проблемами, и он ими занимался. Впрочем, как и многим другим, если судить по свидетельству П. Д. Киселёва, когда император признался, «что если бы он мог выбирать, то не выбрал бы нынешнего своего положения.

¹ АВПРИ. Ф. Коллекция документальных материалов чиновников МИД. Личный архив барона Жомини А. Г. Оп. 802 а. Д. 13. Л. 1.

² Дебидур А. Политическая история Европы XIX в. История внешних сношений европейских держав с 1814 по 1878 г. Т. 3. СПб., 1903. С. 232.

³ Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторический очерк. СПб., 1889. С. XXV.

“Но я прежде всего христианин, — добавил он, — и подчиняюсь велениям Провидения; я часовой, получивший приказ, и стараюсь выполнить его как могу”». В этих к тому же довольно частых его высказываниях подобного рода Киселёв не видел «ни малейшего повода к слухам об отречении, возникавшим порой». Потому что «Николай Павлович был слишком верующим человеком, чтобы уклониться от исполнения долга, внушённого ему, как он сам сознавался, самим Господом», — заключил Киселёв¹.

Показательно в этом отношении и уже упоминавшееся письмо Николая I Паскевичу от 26 / 14 марта 1846 г., когда в связи с передачей Австрии, а не Пруссии Кракова он замечал: «По краковскому делу я с тобой не согласен. Брать себе ничего не хочу. Дело решено ещё в Теплице. Краков должен быть австрийским, а не прусским, так этому и быть. Но ежели хотят австрийцы поменяться и отдать мне Галицию, взамен всей Польши по Бзуру и Вислу, отдам и возьму Галицию сейчас, ибо наш старый край»².

Такие настроения, однако, вовсе не помешали тому, что со времени вступления на престол император строго соблюдал дарованную его братом Царству Польскому конституцию и постоянно занимался его проблемами.

Представляется справедливым заключение итальянского историка Тамборра по этому поводу. Николай I «признавал всю ценность христианства (в достаточно широком понимании) для сохранения нравственности, порядка и политической стабильности, как в России, так и на всём континенте: сильный религиозный дух, христианская этика, чувство долга перед Богом — вот три основания, на которых он воздвиг здание своей самодержавной власти»³.

В первое время после перемены на российском престоле настроения в Риме выявились в ходе бесед с Пием IX и Антонелли прибывшего со специальной миссией в связи с кончиной Николая I и восшествием на трон Александра II Б.С. Потоцкого, бывшего церемониймейстером императорского Двора. Центральное место занял вопрос о позиции Святого Престола в войне. Российский посланец уведомил, как высоко её ценили в С.-Петербурге.

Кардинал напомнил о решительном противодействии папы попыткам втянуть его во враждебный России союз. По его словам, дело дошло до того, что понтифик счёл долгом заявить, что, чем уступить предложениям, которые решил отклонить, он предпочёл бы покинуть Рим и отправится неизвестно куда.

А сказанное по этому поводу самим Пием IX Потоцкий воспроизводит так:

Подумайте, — мне сказал Его Святейшество, — папа, договаривающийся о союзе, в конечном счёте, с турками против христиан, хотя другого исповедания,

¹ Николай I. Муж. Отец. Император. С. 530.

² Там же. С. 515.

³ Тамборра А. Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога. М., 2006. С. 32.

никогда, никогда! Впрочем, известно ли Вам, — добавил Святейший Отец с добродушием, придающим Его речи особый шарм, — что во Франции меня очень упрекали за то, что я не присоединился безоговорочно к требованиям, выдвинутым из-за Святых Мест. Было нелегко больше сдерживать французское духовенство; каково одно пасторское послание парижского архиепископа накануне нынешней войны, но ничего подобного не повторилось, поскольку я принял в этом отношении решительные меры¹.

Проезжая через Рим в мае на обратном пути в С.-Петербург из Неаполя, где он был с такой же миссией, Потоцкий из беседы с Антонелли убедился, что приостановка переговоров о мире в Вене, если не станет разрывом, не внесла никаких изменений в сложившееся мнение Святого Отца. На его донесении от 26 / 14 мая по этому поводу имеется знак *nota bene* (заметь хорошо) императора².

Этот взятый на заметку факт подтвердился ещё раз, когда Антонелли и папа были ознакомлены с циркулярной депешей от 9 мая / 28 апреля, содержащей сведения о ходе переговоров в Вене, достигнутых результатах и обстоятельствах, повлекших их приостановку. Возвращая депешу, кардинал сообщил, что «папское правительство, отдавая полную справедливость усилиям императорского Двора для обеспечения всеобщего умиротворения, не могло не признать, что, если результат венской конференции не совсем отвечал этой цели, нельзя возложить ответственность за это на Россию»³.

Летом 1855 г. в С.-Петербурге определились с назначением нового чрезвычайного посланника и полномочного министра при римском и тосканском Дворах, пост которого оставался вакантным после отъезда из Рима в 1853 г. Бутенева. Согласно указу от 20 / 8 июня им стал Н.Д. Киселёв, до этого бывший поверенным в делах во Франции и покинувший свой пост в силу следующего обстоятельства. Накануне Крымской войны по просьбе С.-Петербурга он подготовил памятную записку, содержащую весьма нелицеприятные характеристики французского Двора и окружения Наполеона III. Каким-то образом она попала во французское посольство в С.-Петербурге, а затем была переслана в Париж. Естественно, что после этого её автору пришлось покинуть французскую столицу.

Будучи опытным дипломатом, Киселёв, тем не менее, должен был тщательно готовиться к деятельности на новом месте. Причины этого так разъяснялись в данной ему инструкции от 1 декабря / 19 ноября 1855 г.:

Среди дипломатических постов римский носит особый характер в силу природы вопросов, которые, главным образом, должны здесь обсуждать представители иностранных держав. Хотя в ходе Вашей карьеры Вы имели возможность обрести

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 170. Л. 9–12.

² Там же. Л. 23–24.

³ Там же. Д. 169. Л. 107–108.

глубокое знание принципов, лежащих в основе политики императорского кабинета относительно общего развития событий, оказывавших влияние на международные отношения европейских государств, новая сфера деятельности, в которую Вы вступаете, требует специальных знаний: Вы должны будете освоить категории своеобразных вопросов, особую точку зрения, под которой рассматриваются вопросы в столице католицизма¹.

Подготовка Киселёва не ограничилась лишь знакомством с перепиской министерства иностранных дел с миссией в Риме. Воспользовавшись присутствием в С.-Петербурге его предшественника, Нессельроде поручил Бутеневу составить памятную записку. Она датировалась 7 августа / 26 июля, носила название «Справка, чтобы служить канвой для инструкций по делам римской миссии» и содержала как исторический экскурс, так и обзор вопросов, ожидавших решения между двумя Дворами.

Её автор высоко оценил «сколь корректную, столь же и достойную похвалы» позицию папского правительства со времени начала войны.

До сих пор, — писал он, — папа сумел следовать по пути мудрого нейтралитета, несмотря на трудное положение по отношению к западным державам и наперекор их неоднократным попыткам вырвать у него какое-нибудь свидетельство его вступления в члены их союза против России и его духовной поддержки. Далёкий от желания присоединиться или одобрить их агрессию, римский Двор, напротив, дал понять, что почти не испытывал симпатий к странному крестовому походу держав, заключивших союз с Портой против России, заступающей за христианскую веру, притесняемую в Турции. В истории нашего времени не будет другого из наименее редких поступков, чем ссылка на главу католицизма, выражающего пожелания и произносящего молитвы за Его Величество императора Николая, в то время как католические монархи объединились в союз против этого монарха. Когда затем в Риме папой было созвано собрание епископов, чтобы высказаться по поводу религиозного вопроса о непорочном зачатии Богородицы, можно было предположить, что это собрание послужит предлогом для прикрытия какой-нибудь махинации, наносящей вред Восточной Церкви, из ненависти к России. Эти предположения оказались на деле полностью опровергнуты. Отметить эту осторожную и достойную похвалы линию поведения римского Двора следует потому, что он находится под непосредственным давлением нашего врага — Франции, которая оккупирует вооружёнными силами его столицу и стала, с переменной ролью, союзницей, если не фактической, то номинальной, Австрии, некогда её соперницы, имевшей перевес в Италии, тогда как нашей традиционной позицией на полуострове было поддерживать там влияния этой последней державы. Такое политическое положение и, в частности, наше положение в Риме оказались, таким образом, изменившимися

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 169. Л. 227.

при нынешнем стечении обстоятельств, и надлежит императорскому правительству определить изменения, которые они могли бы претерпеть¹.

Оценивая в целом отношения с Римом, Бутенев находил, что с точки зрения духовных дел их нынешнее состояние могло считаться более удовлетворительным, чем можно было бы этого ожидать в данных условиях, и желательно, чтобы такое положение сохранялось. С одной стороны, свои надежды на это он связывал с продолжением пребывания на его посту кардинала Антонелли. С другой — если императорское правительство обнаружит готовность принимать во внимание выдвигаемые римским Двором справедливые и обоснованные требования. Но при этом не менее твёрдо, хотя почтительно и учтиво, открыто отклонить необоснованные претензии и вмешательства и следить, чтобы их пресечь, за злоупотреблениями властей и за придирами низших агентов при исполнении предписаний правительства по католическим делам.

Что же касалось оценки с точки зрения политических дел, по мнению Бутенева, справедливость требовала признать, что его позиция до последнего времени, и особенно с началом войны, заслуживала того, чтобы, несомненно, быть оценённой и поощряемой. Делать это следовало в подлинных интересах Святого Престола, и из двоякой заинтересованности России из-за восьми или десяти миллионов её католических подданных, и из-за необходимости укреплять своё положение перед лицом ненависти и зависти её противников, ищущих любой предлог и использующих все политические или религиозные элементы, чтобы её очернить и оклеветать².

Анализируя состояние отношений с римским Двором к лету 1855 г., Бутенев особо подчёркивал тот факт, что обмен сообщениями с ним характеризовали «методы и стиль полные уважения вместо напряжённой сдержанности и обвинений, преобладавших в них очень часто прежде». Он находил естественным возникновение большого числа объяснений и жалоб за прошедшие 6—7 лет со времени заключения Конкордата. Их появление он связывал с рядом обстоятельств: либо с непредвиденными и изолированными случаями; либо с принятием императорским правительством отдельных мер в отношении духовенства и католической Церкви; либо с положениями самого Конкордата, большая часть которых ещё не могла быть приведена в исполнение до этого времени и в Империи, и в Царстве Польском. Но, подчёркивал Бутенев, всякий раз, когда они имели место, они излагались и обсуждались «в духе почтительности и взаимной доброй воли»³.

В инструкции Киселёву среди причин трудностей, которые приходится преодолевать в отношениях со Святым Престолом, особо отмечалось недоверие, возбуждаемое у него и питаемое интригами и ложью польской эмиграции и подстре-

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 169. Л. 222—223.

² Там же. Л. 225—226.

³ Там же. Л. 222.

кательством ультрамонтанской партии, как в Риме, так и в Париже. Напоминалось об острой тревоге Курии, вызванной массовым возвращением греко-униатов в Империю в лоно православной Церкви, что едва не привело к открытому разрыву. Хотя его избежали, но не удалось рассеять полностью опасения, порождённые им, поскольку с ним связывали реализацию правительством плана, направленного на постепенное уничтожение католической Церкви к выгоде господствующей. Эта идея укоренилась в Риме и «самым прискорбным образом» сказывалась на отношениях по религиозным вопросам, делая часто совершенно невозможным решение подлежащих обсуждению вопросов.

Из часто возникавших конкретных проблем с наибольшими трудностями встречалось назначение епископов. Поскольку, согласно Конкордату, светская власть предлагает кандидатуры, а духовная — их возводит в сан, то без общего согласия заполнить вакантные кафедры представлялось невозможным. Этот вопрос по своей природе принадлежит к тем, что более всего дают повод для интриг противников императорского правительства. Лица, в назначении коих оно было заинтересовано, оказываются оклеветанными в глазах Святого Престола, их представляют в качестве инструмента для выполнения С.-Петербургом приписываемых ему враждебных намерений в отношении католической Церкви. Из-за невозможности вести полемику с прячущимися в тени противниками провал демаршей с российской стороны не оставлял иной возможности, как на некоторое время воздержаться от новых представлений кандидатов и подождать осознания папским Двором серьёзности последствий, вызванных его системой оппозиции в отношении С.-Петербурга.

Особую обеспокоенность вызывало сложившееся ко времени вступления на трон нового императора положение в Польше, где почти все епископские кафедры оказались вакантными. И хотя считали, что ответственность должен нести Рим, поскольку без его помощи, в каковой он отказывал, исправить такое положение было невозможно, тем не менее оно послужило поводом для новых обвинений в адрес С.-Петербурга. Поэтому здесь были готовы к тому, что во время начинающихся переговоров для восстановления мира противники России постараются противопоставить её требованиям в пользу православных христиан Османской империи так называемые помехи, чинимые императорским правительством в своих государствах свободному отправлению католической религии. Важно было не оставлять подобное оружие в руках противников. Но независимо от такой причины, связанной с общей политикой, следовало считаться и с соображениями иного порядка, с тем, что духовные потребности католического населения требовали не откладывать больше демарш, долженствовавший исправить столь плачевное положение. Поэтому поверенный в делах уже начал переговоры по поводу пяти новых кандидатов на епископский пост.

Другие, остававшиеся нерешёнными вопросы в инструкции не затрагивались, поскольку были слишком заняты в это время проблемами, связанными с войной,

и к тому же зимой предполагалось подвергнуть их специальному изучению особым Комитетом.

Киселёву предписывалось «действовать так, чтобы заставить римский Двор отказаться от его несправедливых предубеждений». При этом признавалось, что, «к сожалению, они пустили слишком глубокие корни, чтобы быть легко искоренены», а посему выполнение стоявшей перед ним задачи потребует от него «такта, мастерства и, особенно, большого упорства». «Ваше усердие и здравый смысл Вам подскажут, что следует сделать для достижения цели, которую Вы должны иметь в виду: установить, насколько возможно, удовлетворительные отношения между двумя правительствами, на основе взаимного доверия, столь необходимого в интересах католической Церкви в России и в Польше», — говорилось в инструкции. При этом его призывали придавать исключительно конфиденциальный характер общению с папским правительством по вопросам внешней политики, учитывая, что занятая папой, как светским монархом, позиция нейтралитета требовала соблюдения предосторожности, тем более что само прибытие в Рим Киселёва вызовет подозрения в западных Дворах, его малейшие демарши привлекут пристальное внимание. А открыто проявленная дипломатическая активность российского представителя сможет создать большие трудности для папского правительства, привести к усилению давления со стороны противников России, особенно представителя Луи Наполеона, и в конечном счёте — «к выкручиванию рук правительству, столица которого оккупирована французским гарнизоном»¹.

Занятая папой во время войны позиция была высоко оценена в отчёте о работе министерства иностранных дел за 1855 г.:

Несмотря на усилия наших врагов вызвать правительство Ватикана на какую-нибудь демонстрацию в пользу их дела и несмотря на трудности его положения, проистекающие как из оккупации Рима французскими войсками, так и из общего состояния умов в самой стране, римский Двор сумел придерживаться в осложнениях настоящего времени корректной линии поведения. Однако ничто не было оставлено без внимания со стороны союзников, чтобы придать войне религиозное направление. С этой целью они стремились оживить прежнее соперничество двух Церквей и представить войну в качестве предпринятой для борьбы с католическим вероисповеданием на Востоке. Мудрая и умеренная политика Пия IX опрокинула все эти усилия.

Признавалось, что это обретало особое звучание, потому что если такой образ действия римского Двора не оставлял ничего желать в политическом плане, то отношения с ним по урегулированию церковных дел не носили столь же удовлетворительного характера. И настроения папы «продолжали нести на себе отпечаток

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 169. Л. 228—236.

некоторого предубеждения и некоторого недоверия» к императорскому правительству. Всё это вызывало беспокойство в свете конкретной ситуации, когда

...недоброжелательство наших врагов дошло до того, чтобы нам приписать абсурдную идею не назначать епископов на вакантные кафедры в Империи и Царстве Польском с целью полностью упразднить католицизм в России.

Подобный способ интерпретировать наши административные намерения мог иметь крайне неприятные последствия. До нас уже дошло, из секретных, но надёжных источников, что наши враги, со времени переговоров о мире, готовились противопоставить нашим требованиям в пользу христиан Востока препятствия, которые Россия чинит у себя свободному отправлению католической веры. Вопрос, поставленный столь вероломным образом, мог привести к серьёзным последствиям и вызвать в Европе, так же как в нашей собственной стране, чувства, которым было исключительно важно не позволять проявляться¹.

Со вступлением на трон Александра II папа возобновил настойчивые просьбы ускорить представление кандидатов на вакантные епископские кафедры в Царстве Польском. Запрошенный Нессельроде относительно того, «до какой степени эта довольно благовидная просьба могла быть принята без больших неудобств»², наместник признавал, что папа, вполне обосновано, придаёт большую важность заполнению кафедр. Он находил, что понтифик теперь не проявляет себя более справедливым, как он им не был в отношении Буткевича. Можно даже считать установленным, что он постарался бы принять предложенные ему кандидатуры, потому что исключение Буткевича «предоставляло бы ему возможность таким разительным примером констатировать блестящий успех проявленного им нам сопротивления». Не приходилось заблуждаться относительно «неприятного впечатления, которое подобный пример неминуемо произведёт в стране и на духовенство, слишком расположенное принять его за образец в своём поведении в отношении правительства». Было очевидно, что «провал демаршей в пользу Буткевича мог нас побудить отказаться от его кандидатуры, но, от неё отказываясь, мы должны бы на некоторое время, по крайней мере, воздержаться от всякого представления новых кандидатов, оставив незанятыми вакантные епископские кафедры». А это грозило «нас поставить в отношении римского Двора в зависимое положение, я скажу, почти униженное, даже видимости которого для нас важно избежать в нынешних обстоятельствах». Осознавая серьёзное неудобство, созданное случившимся с кандидатурой Буткевича, наместник должен был признать правоту папы в том, что в сложившейся ситуации было невозможно нормальное функционирование Церкви. Положение таково, должен он был констатировать, что не оставалось ничего другого, как откликнуться на просьбу папы и предложить

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1855. Оп. 475. Л. 163–167.

² Там же. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1503. Л. 105.

следующие кандидатуры: архиепископом Фиалковского (Варшава) и епископами: Нарушкевича (Подлаккия), отца Вениамина Шиманского (Сандомир), Михаила Маршевского (Куявие-Калиш), Фому Мыслинского (Плоцк)¹.

Торопил с решением этого вопроса и посол в Вене. Ознакомившись с приведёнными им соображениями, император признал исключительную важность в данной конъюнктуре для России не откладывать представление кандидатов на вакантные кафедры в Царстве, чтобы лишить, таким образом, противников России оружия, которое они рассчитывали использовать против неё во время мирных переговоров по вопросу об интересах христианских подданных Оттоманской империи. Информировав наместника об этом, Нессельроде одновременно сообщил, что император одобрил все предложенные им ранее кандидатуры².

22 / 10 августа этот список кандидатов был направлен миссии в Риме. Сложившаяся ситуация с назначением епископов объяснялась следующим образом.

Трудности, встреченные нами в Риме во время демаршей относительно назначения епископов; недоверие, с которым там были приняты предложенные императорским правительством кандидатуры; упорство, проявленное Святым Престолом, чтобы вовсе не уступить нашим настояниям в пользу аббата Буткевича, привели к вытекающим из этого печальным последствиям, о которых мы не преминули предупредить папский Двор. Почти все епископские кафедры в Царстве Польском оказались сегодня вакантными.

Рассчитывали, что в Риме, видя печальное положение, к которому привела система несогласия, «в отношении нас», признают, что без взаимной помощи духовной власти и власти светской совершенно невозможно достичь заполнения епископских кафедр в Царстве.

Всё, что может быть сделано с этой целью императорским правительством, ограничивается представлением списка кандидатов³.

3 октября / 21 сентября из Рима поступило известие о согласии папы по трём кандидатам: Фиалковском, Шиманском и Маршевском. О двух других, поскольку папа не располагал никакой информацией, предстоял сбор сведений⁴.

Налаживанию отношений со Святым Престолом должно было помочь и прояснение отношений с поляками, которое предпринял Александр II, в начале мая 1856 г. приехавший в Польшу. В речи во время приёма 23 / 11 мая дворянских предводителей, сенаторов и высшего духовенства он так представил взаимное положение. Со своей стороны, будучи «одушевлён наилучшими намерениями»,

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1503. Л. 107–108.

² Там же. Л. 92.

³ Там же. Оп. 576. Д. 1503. Л. 110; Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 169. Л. 213–214.

⁴ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 868. Л. 326–328.

забыв прошлое, он принимает так же близко к сердцу их проблемы, как и других своих подданных, но настаивает при этом на сохранении порядка, установленного его отцом. Это означало с их стороны отказ от чаяний о национальной независимости, что было сформулировано очень ясно: «Итак, господа, прежде всего, оставьте мечтания (“Point de rêveries!” — слова эти государь повторил дважды). Тех, кто захотел бы оставаться при них, я сумею сдержать, сумею воспрепятствовать их мечтам выйти из пределов воображения. Счастье Польши зависит от полного слияния с народами моей Империи. То, что Мой отец сделал, хорошо сделано, и я его поддерживаю». Напомнив, что во время Восточной войны поляки сражались наравне с другими, император заверял, что имел «относительно них самые лучшие намерения. Вам лишь остаётся помочь Мне в решении задачи, а потому повторяю ещё раз, оставьте всякие мечтания».

Затем он призвал сенаторов следовать указаниям наместника, а епископов не терять «никогда из виду, что основанием всякой доброй нравственности есть религия» и что на их обязанности лежит «внушать постоянно полякам, что счастье их зависит единственно от полного их слияния со святою Русью».

Выступая 27 / 15 мая перед занимавшимся устройством праздника комитетом, состоявшим из депутатов от дворянства, император выразил им удовлетворение и вновь повторил сказанное предводителям дворянства:

Моё убеждение говорит Мне, что счастье Польши и даже её спасение требуют, чтобы она постоянно состояла в неразрывной связи со славной династией Русских Императоров; чтобы она была не что иное, как неотъемлемая часть великой семьи Российской Империи. Оставляя Польше права и учреждения, дарованные Моим отцом, Я буду неуклонно заботиться об её благе и счастии. Я готов гарантировать всё, что Мой отец обещал ей даровать и действительно даровал. Я не изменю в этом отношении ничего.

Затем он объявил о только что дарованной польским эмигрантам амнистии. Она позволяла вернуться в Польшу всем желающим эмигрантам, которые освобождались от судебного преследования, и им возвращались гражданские права. При этом по истечении трёх лет раскаяния и безукоризненного поведения они могли вернуться на государственную службу. Но, прежде всего, призвал он собравшихся, «позаботьтесь, чтобы Я не счёл себя вынужденным обуздывать и наказывать; ибо, если бы это, к несчастью, оказалось необходимым, Я найду в Себе решимость и силу поступить таким образом». Император пояснил, что амнистия не распространялась только на «закоренелых в своей неискренности и тех, кто в самые последние годы не переставал составлять против нас заговоры и против нас сражаться»¹.

¹ Русский биографический словарь. Т. I. СПб., 1896. С. 487–488; *Татищев С.С.* Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903. С. 212–214; *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях. 1831–1862. М., 1873. С. 145–148.

Для придания своим доброжелательным намерениям ещё большей широты, было решено заняться статьями Конкордата, не полностью исполнявшимися, а также новыми представлениями римского Двора, надеясь после решения этих вопросов на значительное улучшение отношений с ним.

Для этого был высочайше учреждён Комитет по делам римско-католической Церкви под председательством Нессельроде. В его состав вошли: П.Д. Киселёв, тогда министр государственных имуществ; Блудов, главноуправляющий Вторым отделением; Ланской, министр внутренних дел; Туркул, министр статс-секретарь Царства Польского; и тайные советники: Бутенев, Р.М. Губе (юрисконсульт Второго отделения) и посланник при римском Дворе Н.Д. Киселёв.

Комитет должен был выяснить, какие из условий Конкордата ещё не приведены в исполнение, по каким причинам и каковы были способы удовлетворения требований в этом отношении римского Двора.

Для облегчения работы Комитета Нессельроде передал министерству внутренних дел составленную под его руководством записку с перечислением всех статей договора, по поводу исполнения которых римским Двором неоднократно делались представления, и предложил министру дать подробные объяснения по каждой из них. Затем они были переданы Блудову, как первому уполномоченному на переговорах 1847 г. Он представил дополнительные разъяснения.

Первое заседание Комитета состоялось 15 / 3 декабря 1855 г., а 15 / 3 марта 1856 г. подготовленные им решения в виде протоколов были представлены императору.

В первом речь шла о тираспольской епархии, куда должен был переехать на постоянное жительство её епископ и где надлежало построить кафедральную церковь, назначить членов консистории и капитула, создать семинарию. Сделать это из-за войны не удалось. Было решено, поскольку епископ ещё долго не сможет приехать в Тирасполь, избрать местом его жительства Саратов.

Второй протокол о разграничении и описании римско-католических епархий в Империи предписывал дать папе объяснения относительно закрытия монастырей по причине малого числа монашествующих и сообщить ему об учреждении уже после заключения Конкордата двух новых приходов. Его следовало также уведомить, что при закрытии монастырей монастырские церкви, при коих находились приходы, были оставлены приходскими и на будущее время. Им назначили соразмерное с другими приходами содержание и снабдили нужным числом священников. Одновременно были готовы оставить для католического богослужения некоторые не бывшие приходскими монастырские церкви, коль скоро возникнет на местах необходимость увеличить число существующих приходов¹.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855. Оп. 469. Д. 169. Л. 190–192; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 173–176.

По вопросу о суффраганствах отмечалось, что хотя, согласно Конкордату и соглашению 1848 г. в Империи должно быть 14 суффраганов, к концу 1855 г. не было ни одного, но были представлены кандидаты на пять вакансий, а затем намерены были приискать достойных кандидатов и войти с новыми представлениями.

Ланской признал, что не были исполнены 8—10-я статьи договора об армяно-римско-католическом исповедании. В соответствии с ними, каменецкий и херсонский епископы должны были определить число клириков, содержащихся в их семинариях на счёт государства; в каждой из них должен быть армяно-католический священник для обучения воспитанников церковным обрядам; тираспольский епископ будет поручать священникам по своему выбору объезды епархий за счёт правительства. Но министр обещал по получении представлений по этому предмету от епископов предоставить им возможность исполнять обязанности, возлагаемые на них этими статьями.

Комитет, со своей стороны, нашёл, что в каменецкую семинарию следовало бы принимать только клириков из армян этой епархии, а прибывающих из Закавказья помещать в создаваемую в Саратове семинарию, куда назначить и священника для обучения обрядам их исповедания.

По 14-й статье договора брачные дела решались в первой инстанции в местной консистории, а по соглашению от 29 ноября 1848 г. во второй инстанции — в архиепархиальной консистории. В случае решения дел в первой инстанции в этой последней консистории второй инстанцией служил епископ ближайшей епархии. По этому поводу 12 июля 1849 г. папа издал два бреве, коими на пять лет власть духовного суда второй инстанции была предоставлена житомирскому епископу по делам, решённым могилёвским митрополитом, а плоцкому епископу — по делам из варшавской архиепархиальной консистории. Но эти бреве не были переданы по назначению. Поскольку их срок уже истёк и к тому же плоцкий епископ скончался, Комитет предложил обратиться к римскому Двору с просьбой о предоставлении новых бреве и немедленно передать их по принадлежности.

По договору (статьи 22 и 25) выбор профессоров для семинарий предоставлялся епископам и мог быть сделан только среди католиков. А по постановлению 1851 г. преподавать русский язык и историю должны русские учителя. Комитет видел один способ устранить недовольство последним постановлением. Было предложено посланнику в Риме разъяснить его вынужденный характер, связанный с невозможностью найти среди лиц неправославного исповедания учителей, способных удовлетворительно преподавать эти два предмета, а также сообщить о намерении правительства принять меры для подготовки преподавателей из лиц римско-католического исповедания.

Поскольку статья 29 о приведении устава Духовной академии в соответствие с положениями договора об устройстве семинарий была не исполнена покойным митрополитом Головинским, теперь, после назначения нового могилёвского архиепископа, ему следовало вменить в обязанность сделать это.

Починка церквей (статья 31) должна производиться беспрепятственно. Между тем до 1852 г. она допускалась лишь с разрешения министерства внутренних дел. В 1852 г. по просьбе Головинского Николай I разрешил их починку, и с тех пор это делалось беспрепятственно. А поскольку это положение не было обнародовано и не вошло в свод законов, Комитет счёл необходимым внести это правило в свод законов, распространив его на починку церквей из-за несчастного случая, ветхости, а также так называемые филиальные церкви и каплицы, существующие с разрешения правительства¹.

На последующих трёх заседаниях (12 марта / 29 февраля, 28 / 8 и 26 / 14 марта 1856 г.) рассматривались вопросы, окончательно не решённые во время переговоров и включённые в особый Протокол, а также две ноты, поступившие от Антонелли.

Комитет нашёл возможным одни разрешить немедленно и более или менее в соответствии с пожеланиями Курии, другие — отложить до новых просьб со стороны Рима, наконец, часть, как и в 1847 г., оставить неразрешёнными, ибо обе стороны, очевидно, не пойдут по ним на уступки.

В ответ на ноту Антонелли о представлении кандидатов на вакантные епископства и суффрагании в Царстве Польском, где должен быть один архиепископ и семь епископов, а имелся пока лишь один епископ, было решено представить ещё две кандидатуры в дополнение к пяти кандидатам, уже предложенным в прошлом году. Поскольку не сомневались, что римский Двор не согласится утвердить в августовское епископство аббата Буткевича, наместнику Царства рекомендовалось представить кандидата на это епископство и на все вакантные суффрагании. Сделать это для краковской епархии представлялось невозможным до окончательного отделения в духовном отношении Краковской области, присоединённой к Австрии в 1846 г., от бывшей краковской епархии, находившейся в городе Кельцы, инициатива переговоров о чём должна принадлежать австрийскому правительству.

Сочли возможным исполнить просьбу, изложенную в ноте Антонелли, о предоставлении кандидата на холмскую кафедру греко-униатского епископа в Царстве Польском, управляемую после смерти епископа бывшим суффраганом.

Седьмой пункт Протокола о римско-католических монастырях в Империи касался закрытия немалого их числа, разделения на штатные и заштатные и содержал заявление об отсутствии у правительства намерения закрывать даже и заштатные. В случае же если оно вынуждено будет на это пойти из-за слишком малого числа монахов или по иной канонической причине, то предварительно согласовать это со Святым Престолом.

Признавалось, что этот пункт не был выполнен, поскольку после 1847 г. без сношения с римским Двором было закрыто 36 сверхштатных монастырей с числом

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 177—182.

монахов менее восьми человек. По этому поводу в ответ на ноту Антонелли были подготовлены следующие объяснения.

Разделение монастырей на штатные и сверхштатные, согласно положению от 17 декабря 1841 г., стало одним из последствий передачи в казну имений духовенства в Западных губерниях и распределения расходов в соответствии с доходами от них на содержание духовенства, причём оно распространялось на духовенство и прочих вероисповеданий этого края. В соответствии с количеством народонаселения число монастырей было определено в 50, для которых и было назначено постоянное штатное содержание. Остальные монастыри с небольшим числом монахов временно сохранялись, но подлежали постепенному упразднению по мере того, как число монахов в них становилось менее восьми — числа, требуемого каноническими правилами. В таком случае остающиеся монахи переводились в штатные монастыри, а костёлы упразднённых монастырей, имевшие приходы, обращались в приходские церкви с назначением содержания по штату.

Такое постепенное упразднение монастырей, оставленных временно (теперь их 21), «не должно иметь в глазах римского Двора характера ни политического, ни религиозного». Оно должно восприниматься им как «неизбежное последствие ограниченности поступивших в ведение казны доходов от имений духовенства, тем более что суммы, остающиеся от упразднённых монастырей, предназначаются на улучшение состояния прочих монастырей».

Римский Двор следовало заверить в сохранении 50 штатных монастырей, а поскольку один из них, пиарский, упразднён в 1854 г. «по особым соображениям», взамен его предлагалось перевести один из сверхштатных монастырей в штатные по указанию Духовной коллегии.

Во время переговоров о Конкордате был заявлен протест против ограничения канонических законов. Его усматривали в том, что по правилам Тридентского Собора новициат, т. е. испытание, через которое проходит желающий принять монашеский обет, продолжается не менее одного года, а обеты лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, считаются недействительными. Между тем, согласно указам 1798 и 1829 гг., обеты можно давать по достижении 22 лет, чему предшествуют три года испытаний или искуса, к тому же принятие в новициат допускается лишь с согласия министерства внутренних дел. Позднее поступили жалобы от кардинала Антонелли о том, что вследствие этих ограничений и будто бы редко даваемого разрешения на вступление в новициат монастыри, за недостатком монашествующих, должны подвергнуться постепенному упразднению.

Комитет решил оставить в силе положения законов Империи, как о возрасте для дачи обета, так в продолжительности новициата и о непринятии в новициат лиц, не достигших 19 лет. Мотивировалось это тем, что правила Тридентского Собора, позволяющие давать обет в 16 лет, когда человек ещё не отдаёт себе отчёта в важности принимаемых на всю жизнь обязанностей, «едва ли могут быть восстановлены» и нельзя не опасаться вредных от них последствий. К тому же почти

во всех государствах, где имеются римско-католические монастыри, канонические правила по этому поводу также подверглись значительным ограничениям.

Комитет не согласился удовлетворить высказанное в 1847 г., а затем повторенное требование о восстановлении монастырских студий (т. е. преподавания богословских наук лицам, состоящим в новициате), закрытых в 1844 г. из-за плохого обращения с воспитанниками и принятия в новициат слишком молодых людей. Однако Комитет предлагал известить Святой Престол о готовности правительства разрешить монастырям, имеющим на то средства, вести преподавание богословских наук для лиц, на законном основании принятых в новициат их ордена. Одновременно считалось возможным разрешить им, с согласия епископа, проходить курс наук в семинариях, по окончании которых они возвращались бы в монастыри для принятия обета, если пожелают. Их число следовало соотносить с числом монахов, положенным по штату для каждого монастыря.

Комитет отклонил просьбы папских уполномоченных и кардинала Антонелли о предоставлении католическому духовенству неограниченного права непосредственных сношений с Римом по делам совести и другим духовным делам. Конкретно речь шла об отпущении грехов в случаях, превышающих власть епископов и дарование епископам особых прав (*facultés*) отпускать грехи, разрешать вступление в брак в таких степенях родства или свойства, в коих это воспрещено каноническими законами. На этот счёт сохранялся существующий порядок¹.

Наконец, по трём вопросам — о секретарях консисторий, провинциалах орденов и об определении обязанностей католического духовенства при совершении смешанных браков — Комитет попытался найти средства для их решения, но затем посчитал за лучшее отложить их окончательное решение до поступления новых просьб со стороны папского правительства.

Он находил существующий способ надзора (подобный прусскому) более удобным, чем введение института особых прокуроров при консисториях. Последний потребовал бы новых значительных расходов и создал бы определённые неудобства, поскольку прокурор подчиняется министерству юстиции, а консистории подведомственны министерству внутренних дел. К тому же обязанности секретаря заключаются лишь в слежении за порядком в канцелярии, в подготовке дел к слушанию, а потому они несколько не ограничивали ни власть епископа, ни действия консистории.

По каноническим правилам начальники всех монастырей одного ордена в какой-либо провинции избирают высшего начальника или провинциала, который в делах, касающихся внутреннего порядка и дисциплины, подчиняется так называемому генералу ордена, обычно находящемуся в Риме. Выбор орденских провинциалов, замещённых в 1842 г. визитаторами или благочинными по одному на все монастыри, находящиеся в епархии без различия орденов, допускался

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 209—217.

указами 1798 и 1801 гг. лишь с условием их утверждения епископами или Духовной коллегией и полного им подчинения.

В связи с жалобами на уничтожение звания провинциала и на зависимость монастырей от епископов, Комитет признал невозможным восстановить провинциалов в прежнем значении и зависимость монастырей от орденских генералов, но допускал избрание провинциалов каждого ордена в епархии для наблюдения за внутренним порядком в монастырях при одном условии. Их избрание должно утверждаться, с ведома правительства, высшею духовною властью, находящейся в пределах Империи, например митрополитом католических церквей в России, а в своих действиях они должны подчиняться епископам и лишь через них получать в установленном порядке необходимые указы и разрешения от папской власти.

Для устранения расхождений между законами Империи и каноническим правом по совершению смешанных браков Комитет предлагал принять постановления, изданные Святым Престолом для других государств — Пруссии в 1830 г., Баварии в 1834 г., Венгрии в 1841 г.

В случае отказа католика, вступающего в брак с лицом другого исповедания, воспитывать своих детей в римско-католическом законе, настоятель церкви делает в обычной форме оглашение об этом браке. Затем, если после попытки отговорить его от этого брака последует новое заявление о намерении заключить оный, настоятель может пригласить второе лицо, вступающее в брак, и в присутствии двух свидетелей записать их в церковную книгу и объявить, что этот акт является заключением законного брака. Такое участие священника в совершении смешанного брака одним его присутствием называется «пассивное содействие» (*assistance passive*)¹.

Комитет решил дать согласие на это в случае нового о том запроса, но такового не последовало.

Все остальные вопросы, содержащиеся в Протоколе, Комитет счёл невозможным разрешить.

По поводу выраженной Комитетом готовности ускорить представление кандидатуры на холмскую епархию² наместник Царства Польского, имевший особое

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 219–225.

² О её заполнении в справке «Об избрании и назначении епархиальных епископов холмской епархии» приводились следующие сведения. После смерти епархиального епископа Важинского в 1804 г. кафедра оставалась вакантной до 1810 г., а её викарием был Назаревич, генеральный официал. Обращение белого духовенства с прошением к высшим властям о назначении его епархиальным епископом успеха не имело. Указом тогдашнего саксонского короля и герцога Варшавского Фридриха Августа от 18 июля 1810 г. по ходатайству помещиков им был назначен супериор василианского в Холме монастыря иеромонах Фердинанд Цехановский, которому он велел снестись через министра духовных дел с Римом для

мнение на этот счёт, 31 / 19 мая 1856 г. сообщил Киселёву, что, воспользовавшись пребыванием императора в Варшаве, он привлёк его внимание к нежелательным последствиям принятия в данное время на себя инициативы подобного предложения. Он пояснил, что после смерти епископа Шумборского с 1851 г. холмской епархией управлял викарий Иоанн Терашкевич, единогласно избранный холмским капитулом. Этот выбор не был представлен на одобрение римского Двора¹. Теперь

введения в должность епископа каноническим путём. По получении решения римского Двора во Львове 8 октября 1810 г. состоялось его посвящение в епископы.

После кончины Цехановского в 1828 г. указом императора от 10 декабря епархиальным епископом был назначен генеральный официал Шумборский (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 72. Л. 134–135).

¹ В справке «Об отношениях администратора холмской епархии Терашкевича к папе» (к сожалению, без указания даты и составителя) приводились следующие сведения по этому вопросу. Бывший холмский епископ Шумборский, по старости лет, посчитал необходимым иметь себе помощника при совершении епископских обрядов. Он обратился с этой просьбой в Комиссию внутренних дел и представил список кандидатов. 26 / 14 октября 1841 г. он был уведомлен Комиссией о назначении Терашкевича. Затем холмским епископом был представлен в Комиссию 15 марта / 21 февраля 1842 г. составленный в его присутствии приглашённым судьёй суффраганом люблинской епархии латинского обряда ксёндзом Липским канонический процесс об образе жизни и нравственном поведении Терашкевича, удостоившегося возведения в сан холмского епископа-суффрагана, прося о передаче его в Рим.

19 / 7 марта Комиссия представила этот процесс наместнику для получения дипломатическим путём утверждения папой.

14 / 2 октября 1842 г. наместник препроводил два бреве Григория XVI об утверждении Терашкевича суффраганом холмской греко-униатской епархии для совершения над ним обряда посвящения, добавив, что был согласен на его поездку в Лемберг, если бы было невозможно совершить этот обряд здесь.

Обряд был совершён 21 / 9 мая 1843 г. епископом Шумборским вместе с Томашевским (куявско-калишская епархия) и Страшинским (августовская епархия).

Что касалось избрания Терашкевича администратором после смерти Шумборского, то протокол холмского кафедрального капитула от 27 / 15 января 1851 г. был представлен Комиссии и Совет управления приказал допустить его к этой должности 4 февраля / 23 января 1851 г.

Поскольку в делах Комиссии не было никаких сведений, что об этом выборе извещали Рим, автор записки полагал, что, вероятно, не было надобности в этом. К тому же из дел Комиссии не было видно, чтобы это делалось и в предшествующих случаях.

На вопрос, имел ли он право рукополагать священников в епархии, в духовном отношении формально ему не вверенной, высказывалось предположение, что Терашкевич, вероятно, объяснил бы, что не из пренебрежения, а только из-за затруднительных обстоятельств не смог испросить разрешения папы. Но, надеясь быть утверждённым в должности епархиального епископа, он имел в виду тогда испросить у папы прощения за свой поступок, к которому принудили обстоятельства. Ведь половина или, по крайней мере, треть

же приходилось опасаться, что любой демарш по этому поводу провалится уже потому, что будет запоздалым, а назначение другого номинального епископа вызовет самые серьёзные затруднения. Император, оценив эти соображения, приказал отсрочить представление кандидата на холмскую епархиальную кафедру до нового запроса со стороны римского Двора. Когда же это случится, учитывая сложившуюся ситуацию, важно будет добиться от Святого Престола одобрения кандидатуры Терашкевича. Аргументом в пользу её могло послужить то, что, будучи избран единогласно холмским капитулом, он уже несколько лет управляет епархией, и если он до этого времени не доложил об этом римскому Двору, то лишь потому, что считал это излишним для викария, назначенного папой. После того как эти объяснения будут приняты, следовало представить его кандидатуру на холмскую кафедру¹.

В своём письме наместник далеко не полностью раскрывал серьёзность и значимость выбора этого кандидата. Он не напоминал о плане по переходу в православие униатов холмской епархии, составленном после такого же перехода литовских униатов в 1839 г.

Из секретной справки «Политические действия по делу униатов» (не датированной и без указания автора) следовало, что «объяснение о воссоединении с православием находящихся в Царстве Польском униатов» последовало в 1840 г. Поручено «это дело чрез бывшего обер-прокурора Протасова» было составителю этой справки, находившемуся тогда в С.-Петербурге. Им, несомненно, мог быть только Паскевич². Участниками этого объяснения стали: епархиальный епископ Шумборский, ректор семинарии Терашкевич и протоиерей Шиманский. Шумборский

...не отвергал пользы для епархии от воссоединения с православием, но, будучи связан родством и дружескими отношениями с поляками, при летах преклонных,

приходов епархии была вакантной. Их нужно было заместить. Между тем в ожидании ответа из Рима молодые люди, окончившие семинарию, могли забыть приобретённые познания, не говоря о неудобствах в нравственном отношении. Кроме того, Терашкевич рукополагал воспитанников семинарии только в случаях крайней необходимости замещения вакантных приходов (АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1503. Л. 52–55).

¹ Там же. Д. 37. Л. 60–61.

² В докладе императору от 22/10 мая 1856 г. на это указывал А.М. Дондуков-Корсаков, командированный в Варшаву для усиления состава дипломатической канцелярии наместника. По воссоединении в октябре 1839 г. греко-униатов с православною Церковью в Западных губерниях императору «благоугодно было, чтобы и греко-униаты, населяющие в Царстве Польском правый берег Вислы, были незаметным образом без всякого принуждения приготовлены к тому же. В деле этом, требовавшем строгой тайны, под непосредственным руководством Его Величества, действовали только покойный наместник и обер-прокурор Святейшего Синода» (Там же. Л. 48–49).

не решился принять на себя исполнение сего предприятия. Обещал, однако же, не мешать оному; сколько будет возможно, не компрометируя себя во мнении поляков и папы, способствовать и восстановлению восточных обрядов. И сдержал обещание.

В начале 1841 г. по возвращении из С.-Петербурга в своём обращении к епархиальному духовенству он описал благолепие православных храмов, указал на необходимость восстановления иконостасов и церковного пения. В своём соборе он установил иконостас, предписал их устанавливать в других церквях и принимать те, что устраивало правительство. При посещении других храмов привозил певчих, имевшихся при его соборе. Он попытался внести и в литургию изменения, приближавшие её к православной. Но, «встретив сопротивление в некоторой части духовенства, более же по подстрекательству поляков и латинских ксёндзов, может быть даже отчасти и по поводу опрометчивых действий с нашей стороны, отменил своё распоряжение в сём отношении, прекратил действия, сообразные с видами правительства, и под конец поставил себя в дурное мнение у фельдмаршала». Он умер в 1851 г. Викарием епархии был назначен Терашкевич, который в С.-Петербурге дал подписку содействовать воссоединению и своё обещание сдержал¹.

Между тем после смерти епископа Шумборского папский нунций в Вене сказал российскому посланнику при венском Дворе, что Рим охотно утвердил бы выбор правительства, если бы он пал на одного из двух членов капитула, Шиманского или Стефана Шокальского. Поскольку оба они были известны своим недоброжелательством к правительству, Паскевич в этом предложении усмотрел наличие постоянных тайных сношений Рима с подобными им лицами, его стремление получить ответ без официального сношения с миссией, а также свидетельство «дерзости, с какою, в противность порядку, папа сам указывает кандидатов». Сообщая императору об этих интригах Рима 7 сентября / 26 августа 1851 г., он спрашивал, не угодно ли ему будет, «чтобы дальнейшие по сему предмету объяснения с легатом в Вене были решительно отклонены», указав, что для официальных сношений с императорским правительством в Риме находится миссия. Паскевич понимал, что, не получив от Терашкевича донесения, подобного тому, какие обычно получает от вновь избранных администраторов епархий, Рим будет выяснять причины этого. Тогда, полагал он, «судя по обстоятельствам, можно будет решить: послать ли такое донесение, или, если Терашкевич успеет приготовить дело по обещанию, то приступить к окончанию оно, без дальнейших объяснений»², т. е. осуществить переход греко-униатов холмской епархии в православие.

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 37. Л. 33–34.

² Там же. Л. 62–64.

Подводя итог проделанному в этом отношении, 27 / 15 января 1853 г. Паскевич доносил императору следующее. Были учреждены приходские училища при 28 униатских церквях. Обучение ведут приходские священники и дьяки по церковным книгам, выписанным из Киева. Посещают их 559 детей. Для холмской семинарской библиотеки были куплены лучшие богословские православные сочинения, беседы русских проповедников. В этом году в московскую Духовную академию были отправлены два воспитанника семинарии, что будет делаться и впредь¹, чтобы подготовить учителей для семинарии в духе православия и вести в ней преподавание как в семинариях России. Кроме того, из направляемых в православные академии лиц будут избираться самые достойные на высшие должности в епархиях.

Наместник отмечал, что Терашкевич и ректор семинарии протоиерей Иоанн Поцей продолжали подготавливать духовенство к воссоединению с православием, что «униатские священники догадываются об этой цели и многие не видят в ней дурного». Успешному же ходу дела препятствуют родственные связи с поляками, их влияние и, конечно, тот факт, что священники почти все поляки².

В упоминавшемся докладе императору от 22 / 10 мая 1856 г. Дондуков-Корсаков сообщал о трудностях на пути достижения поставленной цели. Он невысоко оценил возможности в этом Терашкевича, Поцея и учителя холмской семинарии Иосифа Войцицкого, которые дали подписки в том, что обязуются тайно содействовать видам правительства. Он находил, что «только Поцей имеет качества, нужные для решительного в этом деле действия; Терашкевич же, по слабости характера, и Войцицкий, как не имеющий веса среди своих единоверцев, не способны осуществить мысль правительства». К тому же их подписки, которые его предместник хранил у себя, в оставшихся после него бумагах найдены не были. Решение не извещать Рим о вступлении в управление епархией Терашкевича он объяснил стремлением облегчить ему сбор подписей среди духовенства (о готовности воссоединиться с православием или только подчиниться тому, что предпримет епископ), с тем чтобы после того, как наберётся достаточно таких подписей, старшее духовенство подало об этом прошение.

Дондуков-Корсаков считал преждевременным сделанное Терашкевичу по его вступлении в управление епархией предложение под предлогом подготовки учителей для семинарий направлять ежегодно по два ученика из холмской семинарии в киевскую православную Духовную академию. Исполнение этой меры столкнулось с трудностями. В 1852 г. первых двух учеников удалось отправить в московскую академию, где начинался курс, после того, как Поцей согласился

¹ Николай I, явно довольный этим распоряжением, написал на этом донесении «нельзя ли увеличить число посылаемых в православные семинарии учеников вдвое» (АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 37. Л. 46).

² Там же. Л. 46–47.

послать своего сына. Делать это после удвоения, в соответствии с пожеланием Николая I, числа учеников и решения посылать по четыре ученика, один год в Москву, а другой — в Киев, стало практически невозможно. В 1853 г. столкнулись с ослушанием двух избранных кандидатов, на место которых с трудом нашли других. В 1854 г. из четырёх избранных ни один не согласился отправиться на учёбу. Было решено отправить их на военную службу, но все они успели бежать за границу и находились в Риме. В 1855 г. Терашкевич не решился наметать учеников для отправки на учёбу. Одновременно были приняты новые строгости, в частности отменено положение об освобождении от воинской повинности сыновей греко-униатского белого духовенства с тем, чтобы этим преимуществом пользовались только ученики семинарии, согласившиеся после приготовления для поступления в высшие духовные заведения в Империи отправиться туда добровольно. Таким образом, первоначальная идея императора о незаметном действии оказалась нарушена.

Было очевидно, что Рим был информирован об этих мерах, а поскольку они принимались с согласия Терашкевича, было трудно предположить, что он пойдёт на его утверждение епархиальным епископом; между тем как он с 1851 г. действовал именно как таковой, рукополагая епископов и делая другие свойственные этой власти распоряжения. А значит, в случае отказа Рима утвердить его, все его действия и распоряжения окажутся незаконными и подлежащими отмене. Чтобы успокоить умы, убедить общество в отсутствии намерения обращать униатов в православие и отвлечь внимание Рима, следовало бы под благовидным предлогом заявить, что шести учеников, уже обучающихся в Киеве и Москве, достаточно пока для заполнения мест учителей в холмской семинарии, и приостановить посылку учеников в православные академии. Вопрос о холмском епископе не поднимать, пока Рим сам не сделает этого, а тогда предложить Терашкевича. На докладе Дондукова-Корсакова от 22 / 10 мая 1856 г. имеется помета о его утверждении императором¹.

Данную Дондуковым-Корсаковым характеристику Терашкевичу подтверждает Батюшков П.Н., заведовавший делами по постройке православных церквей в Западном крае².

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 573. Д. 37. Л. 48–58.

² Он писал о нём, как о человеке «учёном, человеколюбивом и преданном своему обряду и народу», но одновременно отмечал, что он «обнаружил слабость и двойственность своего характера и вызвал недовольство» как у униатских священников, расположенных к православию, так и у польских католиков.

Сразу после вступления его в должность епископа подляские священники, преданные восточному обряду, «не ожидая ничего доброго» от нового епископа в деле очищения униатского обряда, обратились к преосвященному литовскому Иосифу (Семашко) с просьбой обрисовать императору плачевное положение униатов в Польше, чтобы он нашёл способ присоединить холмских униатов к православию.

В то время как Комитет вёл свою работу, Пий IX направил письмо от 18 января 1856 г. Александру II, чтобы представить различные вопросы, урегулирование которых он «принимал близко к сердцу».

Он выразил обеспокоенность по поводу возможности (из-за малочисленности и преклонного возраста обитателей монастыря ордена кармелитов) наступления момента, когда он прекратит своё существование и церковь перестанет принадлежать католическому культу, и просил устранить трудности открытию новициата ордена кармелитов, как и других орденов. Затем он призвал выполнять статьи соглашения 1847 г., сообщал о посылке актов о разграничении епархий, ходатайствовал о посылке в Рим представителя, уполномоченного договориться по оставшимся нерешёнными вопросам. Выражая удовлетворение по поводу заполнения многих вакантных кафедр, он напоминал, как много ещё остаётся таковых в Польше и России¹.

Отвечая на это письмо, император, несмотря на большую занятость в связи с войной, обещал решить вопрос с вакантными епископскими кафедрами и с готовностью откликнулся на пожелание папы направить два венца, подаренные им для украшения образа Богородицы и Иисуса-младенца, почитаемых в церкви святых отцов-кармелитов Бердичева.

По поводу просьбы устранить трудности на пути открытия новициата Александр II сообщил, что уже дал распоряжение властям не только сохранить нетронутой церковь кармелитов в Бердичеве, но и обеспечить продолжение существования этой набожной корпорации.

В том же письме император уведомлял папу, что предмет его демарша о посылке в Рим российского представителя уже был предвосхищён, и сообщил о предстоявшем прибытии в Рим нового посланника Киселёва, отъезд которого пришлось отложить из-за готовившихся для него инструкций по всем пунктам, указанным Святым Престолом².

Датированной 28 / 16 апреля инструкцией Киселёву предписывалось следовать решениям Комитета и поставить в известность папу и его министров, что

В то же самое время Терашкевич одобрил книгу Поцея «О древнем христианстве», изданную в Варшаве в 1852 г., в которой автор доказывал, что православная Церковь «заключает в себе всё, чем владела христианская Церковь при самом начале своего существования, и, следовательно, остаётся истинною Церковью». Стараниями польских католиков книга попала в список запрещённых римской конгрегацией. Терашкевич в пасторском послании признал свою вину, отрёкся от прежнего одобрения книги. После этого Рим не хотел утверждать его в звании холмского епископа.

В конце своего управления епархией Терашкевич встал на сторону латино-польской партии и «сделался в её руках слепым орудием по слиянию унии с латинством» (*Батюшков П.Н.* Холмская Русь. СПб., 1887. С. 170–171).

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия 1856. Оп. 469. Д. 191. Л. 3–4.

² Там же. Л. 8–9.

...пожелания Святого Престола были изучены самым тщательным образом, с искренним желанием пойти на сколь возможно широкие уступки¹.

Если же, тем не менее, некоторые пункты не смогли получить решения, отвечавшего желаниям папского Двора, это зависело... от особого характера, присущего этим деликатным и сложным вопросам. Следовало принимать во внимание их связь с существующим у нас положением вещей, действующим законодательством, административной системой, правами и правилами господствующей религии. Комитет не мог исходить исключительно из точки зрения римского Двора при рассмотрении этих вопросов: он должен был найти решения такого рода, чтобы не ставить под угрозу высочайшей важности интересы, охрана которых составляет долг императорского правительства².

Первые беседы с папой и кардиналом Антонелли показались Киселёву весьма обнадеживающими. От общения с кардиналом он был под большим впечатлением. Как о том свидетельствует его частное письмо от 12 июля / 30 июня 1856 г. только в апреле ставшему министром иностранных дел Горчакову, он находил его «проницательным и умным», «непринуждённым и сговорчивым, как в дискуссиях, так и в делах». И признавался, что уже установил с ним «наилучшие и самые приятные отношения», что «он ему бесконечно нравится» и с ним он «надеется жить в полном согласии». Сказав кардиналу, что сообщит немало радостных известий для Святого Престола, Киселёв его просил о помощи в вопросах щекотливых и сложных, которые станут предметом обсуждения и за которые они оба несут большую ответственность. Антонелли его заверил, что он может в любом случае рассчитывать на него и что он проявит всю возможную сговорчивость, чтобы договориться по всем вопросам.

Первое доказательство этого Киселёв уже получил. Он говорил кардиналу, как и самому папе, что свидетельства симпатии и покровительства польским беженцам, интригующим против России, естественно вынуждают последнюю умерить искреннее желание быть сколь возможно примирительной в вопросах, которые её занимают и в урегулировании которых она также заинтересована. От обоих своих собеседников он получил заверения в малой симпатии к полякам, а одновременно услышал о «их намерении проявить во всех наших делах как беспристрастие, так терпимость и стремление к примирению». Со своей стороны, Киселёв заверил

¹ Судить об этом Рим сможет и сам по первоисточнику. Дело в том, что в ответ на просьбу нунция в Мюнхене Антонио Де Лука, обращённую к его доверенному лицу в С.-Петербурге, доставить сведения о положении католиков, он был извещён 31 июля о посылке ценного документа. Им была копия доклада Комитета Александру II. Не решившись доверить пересылку её почте, он направил её в Рим с директором картинной галереи профессором Клеменсом фон Циммерманом. Письмом от 22 сентября кардинал благодарил нунция (*Boudou A. Op. cit. T. II. P. 55*).

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1856. Оп. 469. Д. 190. Л. 346.

Горчакова, что ничего не даст даром, а «поскольку они гораздо больше нуждаются в нас, чем мы в них, я буду выжидать и позволю им взять инициативу в постановке вопросов»¹, — писал он.

Тем временем в Риме шла подготовка специального посольства в Москву на торжества по случаю предстоявшей в августе коронации. Возглавлял его князь Флавио Киджи, принадлежавший к высшей римской аристократии. Делая свой выбор, в Риме, очевидно, учли его настроения, ибо, как сообщал Киселёв, «этот прелат отличается своими в высшей степени консервативными принципами и, как таковой, всегда проявлял явные симпатии к России»².

Он предполагал ехать в Москву через Вену, Штетин, С.-Петербург. Его свиту составляли следующие лица: Клеман Фарэ, аудитор папской нунциатуры в Париже, функции которого соответствовали должности секретаря посольства; по возвращении из Москвы он должен был отправиться в Турин, чтобы занять пост поверенного в делах папы; Филипп Веспассани, редактор конгрегации Пропаганды веры, где сосредотачивались дела религиозных миссий во всех частях света; Анджело Бьянки, редактор конгрегации Чрезвычайных духовных дел, ведомства, уполномоченного следить за религиозными вопросами, касающимися политической сферы Церкви; главным образом, оно вело переговоры с иностранными Дворами. Бьянки, в основном, до этого времени занимался делами России. Эти три прелата были причислены к миссии и имели все один и тот же ранг.

Кроме того, папа придал им в помощь: дона Джованни Киджи, брата посла, его племянника дона Марио и аббата Доменика Люччарди, секретаря Киджи, который затем должен был отправиться с ним в Мюнхен. И наконец, хранителя Ватиканской библиотеки господина Артибьяни, владевшего русским языком и прикомандированного к посольству в качестве переводчика, а также Владимира Павея, воспитанника Зинаиды Волконской, знавшего русский язык³.

При подготовке инструкции произошла некоторая накладка. Когда её проект был уже составлен, в Рим прибыл Киселёв. В беседах с государственным секретарём он не только засвидетельствовал добрые намерения императора в отношении католиков, но ясно обещал сначала устно, а затем письменно многое из того, о чём проектом инструкции Киджи предписывалось ходатайствовать перед императором. В такой ситуации пришлось составить новую инструкцию, датированную 14 августом 1856 г. И хотя теперь проект инструкции не мог быть применён во всех его частях, тем не менее папа решил вручить его Киджи для сведения. Получилось так, что данная ему инструкция служила как бы пояснением к проекту.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1856. Оп. 469. Д. 190. Л. 298—299.

² Там же. Л. 203—204.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 894. Л. 16—17; *Boudou A.* Op. cit. P. 57.

Проект содержал положения двух видов: касавшиеся дел, по которым следовало просить защиты у императора, и сведений, которые нужно было собрать. Первые включали: исполнение статей Протокола, по которым была достигнута договорённость ещё в 1847 г., продолжение переговоров по статьям, оставшимся тогда нерешёнными, допуск постоянного представителя Святого Престола в С.-Петербург. Правда, о включённых в Протокол статьях Киселёв устно заверил государственного секретаря, что император решительно хотел их исполнения, и передал Антонелли памятную записку, служившую ответом на вербальную ноту и памятную записку, вручённые 30 января Скарятину. В проекте инструкции признавалось, что полученный ответ в основном гарантировал то, что запрашивалось, но при этом отмечалось, что «некоторые предложения оставляют желать большего». Так, говоря о желании правительства соответствовать пожеланиям Святого Престола, делалась оговорка: «...насколько это ему позволяют фундаментальные законы Империи и существующие права господствующей религии». В принципе предполагалось, что преподаватели русского языка в семинариях должны быть католиками, но с оговоркой: «...насколько это позволяют исключительные обстоятельства» (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.). Обращалось внимание на то, что содержащееся в ответе положение о передаче сообщений епископов о ситуации в их епархиях лишь через министерство противоречило первой статье Протокола, оставшейся отложенной.

Эти замечания Киджи должен был употребить, когда сочтёт нужным. Специально отмечалось, что Киселёв заверил, что больше не будут говорить о Буткевиче, вместо которого будет предложена другая кандидатура, что, возможно, не возникнут трудности с посылкой саратовского суффрагана в Одессу. По вопросу о продолжении переговоров о статьях несогласованных посланник дал понять, что получил инструкции вести переговоры.

При таком положении вещей после поздравлений императора от имени папы Киджи должен был его поблагодарить за полученное от Киселёва известие о намерении следовать статьям Конкордата 1847 г. (не исполнявшимся, возможно, по вине какого-то министра) и продолжить переговоры о статьях, принятых Блудовым и Бутеневым *ad referendum*. Затем следовало заметить, что папа горячо желал не только сохранить, но и укрепить дружеские отношения с императорским правительством, а одним из наиболее отвечающих достижению этого средств, несомненно, стало бы постоянное пребывание при нём представителя папы. В случае уклончивого ответа надлежало испросить позволения поговорить об этом в другой раз до отъезда, постаравшись дать «понять, что Святой Отец ожидает утвердительный ответ, не ставя под сомнение принцип взаимности».

Киджи не следовало вступать в обсуждение с императором вопроса о характере папского представителя, будет ли это нунций, папский делегат или поверенный в делах, сославшись на рассмотрение его после решения в принципе вопроса о его принятии. Таковы были наиболее важные вопросы, подлежавшие обсуждению при

встрече с императором, другие не менее важные вопросы он мог оставить для другой аудиенции.

Список их был очень большой. О длительной вакансии единственной остававшейся в Империи холмской греко-униатской епархии. О назначении вместо умерших новых епископов, обладавших требуемыми каноном качествами, и с учётом возраста, который позволял бы переносить тяжесть епископства, учитывая огромные пространства епархий. О согласии папы, о коем было уже сообщено Киселёву, на перевод епископской кафедры из Тирасполя в Саратов, о его пожелании переместить суффраганий из Саратова в Одессу и создать новый суффраганий в Тифлисе. Последний вопрос не был разрешён в 1847 г., и нужно было убедить в необходимости его создания, сославшись на большое расстояние от Саратова. Наконец, необходимо было повторить ходатайство о резиденции епископа или игумена в Ахалцике для армян-католиков, о создании епархии в Сибири.

Обсуждённые с императором вопросы и те, что будет сочтено поставить перед ним неуместным, следовало обсудить с его премьер-министром.

В проекте инструкции было указано много вопросов, по которым было желательно собрать сведения, но, учитывая, что было неудобно и даже невозможно для посланника самому заняться их сбором, он мог частично поручить это членам миссии, которым это будет сделать легче, поскольку за ними будут меньше следить. Признавалась деликатность этого важного поручения, что касалось правительства, но гораздо больше тех лиц, с которыми считали нужным проконсультироваться. Поэтому необходимо было проявить умение, осторожность и осмотрительность при выборе самих лиц для консультаций, считаться с тем, что верующим законом запрещены всякие прямые сношения со Святым Престолом, и к тому же трудно было предположить, что они могли располагать точными сведениями как о делах, так и о людях.

Если нунцию или членам миссии авторитетными лицами будут сделаны предложения по важным вопросам, надо было разъяснить, что они прибыли не для ведения переговоров и могут их принять только *ad referendum*.

В случае невозможности убедить императора принять представителя папы или если начнутся проволочки, желательно было найти какое-то доверенное лицо, которое взяло бы на себя миссию тайно осведомлять Святой Престол о наиболее важных делах в отношении религии. Связь можно было бы поддерживать условленным способом через посредника, проживавшего в Вене, Мюнхене или другом месте.

Вопросы, по которым хотели получить информацию, были, по большей части, те же, что приведены в проекте инструкции и касались выполнения статей, по которым была уже достигнута договорённость, и тех, что упоминались в вербальной ноте, вручённой Скарятину 30 января.

Конкретными вопросами, сведения по которым вызывали особый интерес, были следующие: о холмской епархии греко-униатского исповедания, её капитулярном викарии Терашкевиче; о священнослужителях, которые могли быть

предложены в это епископство; о новой епархии в Саратове и сведения о епископе Кане и о причинах, по которым он никогда не ездил ни в какой пункт своей епархии, учитывая, что Киселёв заверил, что по указанию правительства он отправлялся в Саратов, где проживало около ста тысяч немцев-католиков; о доктринах, профессорах, дисциплине в Духовной академии в С.-Петербурге, о законах или положениях, касавшихся проповеди; об указе от 19 июня 1849 г. о второй инстанции по делам, рассмотренным в первой в двух митрополичьих епархиях, о законах о смешанных браках¹.

Специальной дополнительной инструкцией с Киджи передавались копии полученных от Рима полномочий епископами и орденами, акты о которых в своё время были пересланы через правительство, но могли быть им «искажены или сочтены не подлежащими передаче». В частности, следовало выяснить у луцкого и житомирского епископа Боровского, тайно обратившегося к папе, получил ли он данные ему декретом от 23 марта 1853 г. полномочия, счёл ли уместным сообщить другим епископам Могилёвской губернии, и кому именно, о таких же полномочиях за исключением права относительно индульгенции, данного ему одному. Спросить об этом его следовало тайно самому Киджи или через одного из сопровождавших его лиц. В зависимости от ответа следовало решить, как поступить дальше: если он их не получал, он мог их ему передать и уполномочить сделать это в отношении других, как об этом говорилось в декрете папы².

В порядке подготовки этой миссии, ещё в 1855 г., едва о ней встал вопрос, на сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел было специально отмечено, что посланец папы не должен был присутствовать на торжественном богослужении, а для этого прибыть на место только после того, как оно будет закончено. Российского посланника следовало специально уведомить, что папский представитель прибывает, только чтобы поздравить императора по случаю его коронации³.

Вопрос по этому поводу перед Антонелли Киселёв поднял сам. Как он писал Горчакову 27 / 15 августа 1856 г., он привлёк его внимание к газетным статьям, утверждавшим, что Киджи примет меры, чтобы прибыть в Москву после коронавания, дабы не присутствовать на религиозной церемонии, и ограничится передачей поздравлений папы, после того как церемония завершится. Не доверяя этим утверждениям газет, но чтобы упредить всякое недоразумение, Киселёв напомнил Антонелли, что, по его собственным словам, «Его Святейшество должен был сообразоваться с прецедентами, которым следовали в аналогичных случаях». Заявив, что не сомневался, что инструкциями Киджи не предписывалось бы

¹ ASV. Fondo. Carte Russia e Polonia. Anno 1856. Fascicolo 13; Fondo. Russia e Polonia. Anno 1856. Posizione 253. Fascicolo 80. Fogli 5—20.

² Ibid. Fondo. Carte Russia e Polonia. Anno 1856. Fascicolo 13.

³ Ibid. Fondo. Sacra Congregazione degli affari ecclesiastici straordinari. Rapporti delle sessioni. Anno 1855. Sessione 336. Fascicolo 9.

придерживаться такого пути, посланник предупредил, если дело обстоит иначе, чему он не мог бы поверить, Святой Престол не должен будет удивляться, если это создаст некоторые затруднения или вызовет некоторое неудовольствие его посла. Сам же этот акт учтивости лишь наполовину достигнет, таким образом, его цели, состоявшей, как ему было известно, в выражении глубокого чувства признательности Святого Отца императору.

Кардинал заверил, что, напротив, он рекомендовал Киджи постараться прибыть вовремя в Москву, и надеялся, что, несмотря на задержки, внесённые обстоятельствами как в его назначение, так и в его отъезд, он будет в состоянии выполнить его миссию, сообразуясь с прецедентами, которым следовали в подобных случаях¹.

Миссия Киджи продолжалась с 24 августа по 29 октября 1856 г.

Весьма красноречиво о том, как ощущал себя нунций во время пребывания в России, свидетельствовало его письмо Антонелли от 13 сентября, посланное не по почте, когда он «неизбежно должен был взвешивать замечания, которые, став известными, могли не понравиться», а отправленное с курьером австрийского правительства.

Оказанные ему в Варшаве по указанию императора почести, о которых он уже прежде писал, явно не без удовольствия, теперь он комментировал следующим образом: «Я желал бы, однако, чтобы меня пощадили от этих знаков внимания, которые меня лишали возможности видеть лиц, могущих меня интересовать или долженствовавших сделать мне сообщения». Правда, чтобы избежать всяких подозрений, ещё в Вене он решил проехать через Варшаву не останавливаясь, и, если изменил своё решение, проведя ночь и значительную часть дня, то пошёл на это «из желания доставить удовольствие уполномоченным императора». Тем не менее за завесой любезности и внимания он чувствовал недоверие к себе и членам его миссии.

В Москве положение было иным, «если только шпионы не скрываются в лицах, его посещающих», он мог, по крайней мере, пользоваться полной свободой дома и вне его, не забывая об осмотрительности и осторожности. Многие, притом и католики, очень respectable, имевшиеся даже при Дворе, утверждали,

...что намерения императора превосходны, что у него доброе сердце и что он одушевлён чувством справедливости и беспристрастия, но в то же самое время они сообщали, что у него скверное окружение и, конечно, враждебное католической Церкви. Дошли даже до утверждения, что князь Горчаков сказал, что не согласился бы ни на что из того, что мог бы просить уполномоченный папы. Именно поэтому, — признавался Киджи, — я стремлюсь с тем большим усердием поговорить непосредственно с императором о делах, так интересующих Святого Отца.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 894. Л. 20—21.

Дай Бог, чтобы с помощью интриг не удалось мне помешать получить частную аудиенцию у этого монарха.

О результатах сбора информации о пропавших в Империи католических священниках должны были подготовить доклад члены миссии. Киджи же сообщал сведения лишь о некоторых священнослужителях, особо интересовавших Антонелли. Аббат Кудэ, приходский священник французской церкви Св. Людовика в Москве, рекомендованный Антонелли князем А.А. Долгоруким, по мнению Киджи, не заслуживал знаков отличия, испрошенных для него князем у папы, поскольку мнение у католиков о нём не было хорошим из-за индифферентности к религиозным вопросам, обвинялся в благословении смешанных браков, не имея ни полномочий, ни данных католической Церковью гарантий.

О канонике Фиалковском, могилёвском капитулярном викарии и священнике — инфулате виленской кафедры, он сообщал, что он не пользовался хорошей репутацией и вообще считали, что было бы несчастьем, если бы он был назначен в каменецкое суффраганство или в другое место. Остальные подробности, уже собранные на его счёт, Киджи не сообщал и надеялся их ещё пополнить. Что касалось сказанного в инструкции о том, что он провёл канонический процесс в отношении монсеньора Жилинского, чтобы его провести в каменецкое суффраганство, сам Жилинский его заверил, что никогда не получал такого указания. Такое известие, по мнению Киджи, должно было послужить уроком кардиналу.

В отношении других священнослужителей — Мыслинского, Генриха Коссовского и Антона Гешковского, предложенных кандидатами на возведение в епископский сан, собранная информация была также неблагоприятной. О первом говорили, что он дал денег, чтобы стать епископом; о втором — что злоупотреблял вином и не пользовался доверием будущего архиепископа; о третьем, наконец, что он был почти немощен из-за преклонного возраста в 73 года.

В замечании П.Д. Киселёва, члена Комитета для рассмотрения нерешённых со Святым Престолом вопросов, что, согласно поверенному в делах в Риме, нерешёнными остались лишь три вопроса, среди которых он назвал закон о смешанных браках, Киджи уловил определённый намёк. А именно, поскольку переговоры по разрешению спорных вопросов ведутся в Риме, следовательно, он прибыл сюда не для переговоров, а чтобы от имени папы поздравить императора. Он знал, что в таком же смысле и Горчаков говорил с одним уважаемым католиком. «В конце концов, это верно, но господин Горчаков, кажется, делает из этого несправедливое заключение, что я должен бы воздержаться от того, чтобы говорить с императором или с его министром о наших делах»¹, — сетовал Киджи.

После общих приёмов всех дипломатов Киджи, как он писал Антонелли 20 сентября, решил, что император теперь не так занят, как в первую неделю после

¹ ASV. Fondo. Archivio della Nunziatura Apostolica in Monaco. Busta 111. Affari Russi.

коронации, а посему пришло время получить у него частную аудиенцию. Добиться её оказалось непросто. Горчаков, к которому он обратился, сослался на то, что такая аудиенция не была дана никому из дипломатов и было бесполезно говорить с императором о делах, потому что не здесь, а в Риме следовало решать вопросы, существующие между Святым Престолом и императорским правительством. Привлечь же внимание императора к какому-то вопросу он мог, передав ему ноту, а во время прощального визита сможет сказать то, что хотел во время частной аудиенции, наконец, что его просьба могла нанести вред его положению. В ответ Киджи «в самых деликатных выражениях, какие смог найти», высказался по поводу замечаний министра. Он объяснил, что пример других послов не применим к его просьбе, потому что монархи, которых они представляли, в отличие от Святого Престола, имеют обычные миссии. Затем он добавил, что хорошо понимал, что следовало искать в Риме урегулирования нерешённых вопросов, а здесь намерен был только уточнить некоторые пункты и изложить императору пожелания Святого Отца, делать же это во время прощальной аудиенции ему казалось неудобным. Горчаков обещал информировать императора о его желании и получить от него надлежащие указания. В надежде заручиться поддержкой министра, Киджи счёл нужным намекнуть на пункты, которых коснётся в беседе с императором. По вопросу о холмской епархии Горчаков оказался мало информированным; о смешанных браках и свободе сообщения он повторил уже тысячу раз сказанное, и только в одном, казалось Киджи, он расположен был признать справедливость жалоб — это желание Святого Престола иметь представителя при императорском Дворе, но только светского¹.

¹ Папский посланец в своём суждении о Горчакове был не прав, поскольку вовсе не понаслышке он был знаком с обсуждаемыми проблемами. Ведь на заре своей дипломатической карьеры в июле 1827 г. из Лондона (по причине ухудшения здоровья и неприязни посла) он был переведён первым секретарём миссии в Риме и уже тогда обнаружил свои способности и трудолюбие. За это его высоко ценил и прекрасно относился его непосредственный начальник — посланник Гагарин. Дать доказательства этого ему представился следующий случай.

Направляясь в Грецию из России, осенью 1827 г. в Анкону прибыл И.А. Каподистрия и, в ожидании возвращения с Мальты военного корабля, чтобы затем им воспользоваться, должен был там задержаться на 10–15 дней. Ему был оказан любезный приём папскими властями с момента приезда в папские государства. Видя в этом проявление личного расположения папы, он настойчиво просил Гагарина выразить признательность понтифику. Одновременно он передал с ним письмо для Горчакова, который счёл долгом ознакомиться с ним Гагарина. В нём за сдержанностью, вменяемой Каподистрия его положением, и за справедливыми соображениями осторожности, посланник увидел его желание «иметь при себе доверенное лицо, которое могло стать хранителем последних сообщений, которые он предполагал направить императорскому правительству, прежде чем отправиться к своему благородному и опасному месту назначения». Хотя при этом он воздержался от выражения своего желания в словах, которые могли бы каким-либо образом предрешишь собственные решения Гагарина, и предоставил ему самому принять его, посланник посчитал,

Через два дня на обеде при Дворе Киджи заговорил об аудиенции с императором, с которым, кстати, познакомился во время его пребывания в Риме в 1838 г. Сославшись на большую занятость на этой неделе, он предложил отложить встречу на следующую неделю¹.

К этому письму Киджи приложил записку о том, что Шарль Морни, французский посол, сообщил ему о полученных инструкциях поддержать его просьбы перед императорским правительством. Он считал, что было возможным добиться папского представительства в С.-Петербурге церковного характера, но не нунция. По другим вопросам у него не было точных идей².

что в качестве услуги императору следовало благоприятствовать его исполнению. К тому же необходимость урегулировать некоторые отдельные дела с консулом в Анконе давали достаточный предлог, чтобы в глазах дипломатического корпуса оправдать временное отсутствие служащего миссии и упредить недоброжелательные толки. «Впрочем, — писал Гагарин в донесении от 24 / 12 ноября, — знание об отношениях, существовавших между Каподистрия и Горчаковым, и о привязанности, которую этот служащий всегда питал к его личности, самым естественным образом объясняют, почему я предпочёл возложить на него это поручение, которое, наряду с выполнением служебного долга, предоставляло ему случай дать доказательства привязанности к своему прежнему начальнику». По этим соображениям он предписал Горчакову отправиться в Анкону, где он должен был пробыть несколько дней и по возвращении передать ему депеши Каподистрия, которые он перешлёт по назначению быстрым, безопасным, а, если нужно, то и чрезвычайным путём. Расходы по проезду туда и обратно Гагарин отнёс на счёт миссии (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1827. Оп. 468. Д. 10050. Т. 2. Л. 749—750). Впрочем, есть основание предположить, что к этим соображениям следовало добавить и собственное доброе отношение Гагарина к своему служащему. Весной 1828 г., узнав о его назначении советником миссии в Берлине, он, отнеся такое назначение за счёт его «действительных и отличительных заслуг», признался в частном письме Нессельроде от 21 / 9 мая, «что не мог не выразить, насколько мне было бы трудно расстаться с сотрудником таким толковым, таким талантливым и усердным». Свою просьбу продлить его пребывание в Италии он мотивировал не только этим, но и состоянием его здоровья, по поводу чего ссылался на мнение специалистов-медиков. Этим же мотивировал свою просьбу оставить его в Италии и сам Горчаков в письме Нессельроде. Пересылая его, Гагарин (донесение от 10 июня / 29 мая), прося министра представить эту просьбу на рассмотрение императора, заверял министра, что был бы ему лично обязан, «если бы Вы сооблаговолили обеспечить милостивый приём этого демарша и сохранили Горчакова в доверенной мне миссии» (Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 366. Л. 21; Д. 365. Л. 32). В миссии Горчакова не оставили, но в декабре он был назначен поверенным в делах России во Флоренции и Лукке, где пробыл до 1833 г. Оттуда он мог наблюдать за потрясениями, через которые прошла и папская власть в 1830 г.

¹ ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Busta separata 92. Missioni Straordinarie. Russia. Anno 1856.

² Ibidem.

После того как откладывалась дважды, встреча с императором состоялась 23 сентября. Его соображения по поводу вопроса о смешанных браках, сказанные «тоном одушевлённым, но сухим», Киджи воспроизвёл почти дословно.

Существует закон, — сказал он, — который я не изменю, то есть, что дети, рождённые от смешанного брака, должны быть воспитаны в православной религии. Я говорю о моих подданных. Для иностранцев положение иное. Если Его Святейшество имеет принципы, от которых не может отступать, я их также имею. Как монарх, я обязан защищать Религию. Монарх и Религия являются здесь двумя столь связанными вещами, что одна не может отделиться от другой, и это пример, которого не существует нигде больше. В этом вопросе я не могу сделать ничего.

Для Киджи «стало прискорбным сюрпризом услышать повторение того, на что Святой Престол дал много раз неотразимый ответ». Он повторил его, но без успеха.

По поводу взаимной выгоды от представительства Святого Престола Александр II, не меняя тона, заметил:

Я не нахожу его необходимым. Отношения между Святым Отцом и Мной достаточно хорошо поддерживаются моей миссией в Риме. Представитель здесь мог лишь нанести вред этому доброму согласию. Скажите Его Святейшеству, что, к сожалению, для меня невозможно пойти навстречу подобной просьбе. Я не буду чинить препятствий тому, чтобы чрезвычайный посланец приезжал время от времени, но пребывание постоянного посланника нахожу неприемлемым.

Попытки нунция изменить мнение императора на этот счёт оказались тщетными, а на его замечание о праве на взаимность Александр II предпочёл ответить глубоким молчанием.

Обескураженный сложившейся ситуацией, посланец папы сначала хотел умолчать о других вопросах, подождав другого момента, но, понимая трудность получить ещё одну аудиенцию, ввиду ожидаемого отъезда императора из Москвы, решил затронуть и другие вопросы. О долгой вакансии епархиальной кафедры в Кельцах император посоветовал переговорить с заместителем в Царстве Польском князем М.Д. Горчаковым. О необходимости создания суффраганства в херсонской епархии ответил, если таковое возможно, будет сделано. Из боязни стать назойливым, Киджи счёл за лучшее оставить другие, менее важные вопросы до беседы с Горчаковым.

К нему он пошёл прямо после встречи с императором, чтобы «поделиться огорчением», испытанным при виде того, как мало значения придавалось столь обоснованным замечаниям, изложенным им императору, и пожеланиям, столь законным и справедливым, выраженным им от имени Святого Отца.

На это он услышал от министра: «Что Вы хотите, чтобы я сделал: мои убеждения сходны с теми, что Вы слышали от императора». По поводу замечания

Горчакова, сделанного несколькими днями ранее, о допустимости просьбы о представительстве Святого Престола в России он ответил, что не знал, что император был по этому пункту менее расположен, чем он¹.

«Видя столь бросающееся в глаза изменение в настроении и речи императора», нунций заподозрил в этом дело рук враждебно настроенных к Святому Престолу лиц, повлиявших на него. Он утвердился в этой идее, слыша от разных лиц высокого ранга и среди них от великой княгини Елены любопытный совет. «Известно, — говорили мне, — что император Вас примет на этих днях на частной аудиенции: будьте осторожны, иначе испортите всё», — писал Киджи позднее в своём отчёте. Вопреки таким советам, он решил сказать обо всём, чего желал папа. Исходя из мнения хорошо информированного лица и собственного, он подозревал, что в интриге против него большое участие принимал митрополит Московский и всея Руси Филарет. Основанием для такого его заключения послужил тот факт, что за несколько дней до аудиенции Киджи у императора, он, не имевший обыкновения наносить визиты, отправился в министерство иностранных дел, где имел беседу с Горчаковым. После встречи с императором, желая, по крайней мере, удовлетворить желание папы в том, что касалось холмского и херсонского епископств, нунций отправился к наместнику Царства и к министру исповеданий. Первого он не застал, но предполагал вернуться к нему. Второй, показавшийся расположенным к католикам, после того как он подробно изложил суть дела, то, что услышал от императора, и постарался убедить в необходимости переноса суффраганства из Саратова и создания нового суффраганства в Тифлисе, обещал обдумать всё услышанное и дать ответ в С.-Петербурге.

Встречался Киджи и с митрополитом Филаретом. Сведения об этом, изложенные в письме Антонелли от 1 октября, были очень скудны. Известно только, что она длилась 20 минут и велась на латыни. О нанесённом ему на следующий день визите митрополита он сообщил тоже немного: Филарет говорил о своём желании, чтобы все верующие были связаны тесными узами и что он хотел бы иметь возможность отправиться в Рим, чтобы поклониться могилам святых апостолов, и сожалел, что возраст и его положение не могли ему это позволить².

В немногие оставшиеся дни до отъезда в столицу Киджи решил продолжать действовать перед Горчаковым и добиться, чтобы Морни поддержал его переговоры, хотя, по правде говоря, признавался он сам, рассчитывал очень мало на него, видя, что он не проявлял к нему даже почтения, должного, как послу папы. Узнав, что император не поедет в Киев и что намерен принять послов перед их отъездом, он обратился к Горчакову с просьбой о такой аудиенции.

¹ ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Busta separata 92. Missioni Straordinarie. Russia. Anno 1856; Fondo. Archivio della Nunziatura Apostolica in Monaca. Busta 111. Affari Russi.

² ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Busta separata 92. Missioni Straordinarie. Russia. Anno 1856.

Во время разговора с министром по этому поводу он решил уточнить, какое время имел в виду император, когда в ходе прошлой аудиенции сказал, что «был не против прибытия в Россию представителя Святого Престола время от времени». Горчаков сказал, что не знал, что это было сказано, а потому не мог удовлетворить его любопытство. И хотя Киджи постарался не показать, что придавал этому большое значение, Горчаков обещал поговорить об этом с императором и вернуться к этому вопросу. До того же он советовал не сообщать о сказанном императором Антонелли. Из того, как Горчаков говорил с ним об этом, и данного им совета, которому, как ему было очевидно, не последуют, Киджи понимал, что он постарается истолковать эти слова как ничего не значащие и что, по мнению министра, император пообещал слишком много. В этом смысле он проинтерпретировал среди прочего сказанное тогда Горчаковым: «Я не одобряю, когда заходят слишком далеко, и приходится отступать назад»¹.

Во время прощальной аудиенции (письмо Антонелли от 10 октября) император воздержался от всякого обсуждения дел, ограничившись вопросами, касавшимися лишь лично нунция. А на выраженное им сожаление, что вынужден сообщить папе о безрезультатности его протестов, Александр II сказал, что также сожалел, что не мог дать согласие на то, о чём его просили, потому что законы этому противятся. А затем заверил, что не забудет о горячих пожеланиях папы, переданных ему, что рано или поздно, по зрелом размышлении, кончит тем, что на них откликнется. Прощаясь, император просил: «Скажите Его Святейшеству, что одно из самых прекрасных воспоминаний моей жизни — это воспоминание о времени, проведённом в Риме»².

15 октября Киджи сообщил Антонелли о беседе с товарищем министра иностранных дел И.М. Толстым, от которого узнал о наличии у него расхождений с мнением Горчакова по поводу ответа, который следовало дать на просьбу Святого Престола о его представительстве в России. Нунций поспешил воспользоваться этим обстоятельством в надежде, что он повлияет на императора в признании справедливости этого требования. В ответ он услышал: «Нам нужно время, Вы забросили семя: оно принесёт свои плоды». Находя эти слова многозначительными, нунций надеялся, что они оправдаются с возможным уходом Горчакова из министерства, о чём ходили слухи, обоснованность которых он увидел в сказанном ему самим министром, что он устал, чтобы заниматься важными делами, и хотел бы отдохнуть в Риме. Со своей стороны, сказанное тогда Толстой повторил и при прощальном визите, нанесённом нунцием³.

¹ ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Busta separata 92. Missioni Straordinarie. Russia. Anno 1856.

² Ibidem.

³ Ibidem.

Прощальная аудиенция у Горчакова не принесла ничего нового, кроме похвал в адрес нунция по поводу того, как он осуществил свою миссию¹.

29 октября Киджи отбыл из России. С ним папе было отправлено датированное 16 / 4 сентября письмо императора, вручённое Горчаковым. Высоко оцененная выбор папой для чрезвычайного посольства «человека столь респектабельного из-за своих качеств и заслуг, в течение его пребывания при нашем Дворе полностью завоевавшего Наше уважение», в письме выражалась уверенность, что «он не преминет засвидетельствовать перед Вами... дружеское расположение, которое Мы Вам торжественно обещали, так же как Наше неизменное желание видеть непрерывное продолжение к нашему взаимному удовлетворению существующих между нами дружеских связей»².

В документах, так сказать, для внутреннего пользования в С.-Петербурге тоже находили, что, хотя и окружённая ограничительными условностями, соблюдаемыми представителями папы на религиозных церемониях других исповеданий, эта миссия носила характер «демонстрации полной учтивости и добрых пожеланий». Особо обращалось внимание на попытки Киджи, не ограничившись выражением императору от имени Святого Отца пожеланий самых горячих и сердечных, поднять ряд конкретных вопросов перед Александром II и Горчаковым. Среди них, как было очевидно, особая важность придавалась вопросу о постоянной миссии. Поскольку, отвергая такую возможность, император, однако, добавил, что, если совершенно особые вопросы породят у папы желание направить посланца в С.-Петербург, он не откажется иногда принимать временную миссию, Горчаков просил Н.Д. Киселёва позаботиться, как бы Киджи не придал этому обещанию расширительного толкования, выходящего за пределы мысли императора.

Министр его также информировал о неодобрении, со своей стороны, в принципе этой попытки Киджи, которому заметил, что данный момент, когда пошли на большие уступки римскому Двору, предъявить которые был уполномочен Киселёв, был выбран неудачно, чтобы излагать новые требования, что «для интересов Святого Престола было лучше удовлетвориться неопровержимыми доказательствами благожелательных намерений Его Величества в отношении его католических подданных, которые мы им доставили в Рим»³.

Утверждая это, министр, безусловно, имел в виду, в частности, тот факт, что осенью 1856 г. Рим получил чёткий ответ по поводу присутствия епископа в Саратове: оно должно быть временным, говорилось в телеграмме Киселёву 26 / 14 сентября. А телеграммой, посланной 28 / 16 сентября, ему предписывалось предупредить

¹ ASV. Fondo. Segreteria di Stato. Busta separata 92. Missioni Straordinarie. Russia. Anno 1856.

² Ibidem.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1856. Д. 190. Л. 361; Ф. Отчёты МИД. 1856. Оп. 475. Л. 159—160; Ф. Посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 263—264.

Антонелли, «что местные обстоятельства позволяют сегодня лишь временно устроить епископскую кафедру в Саратове, позднее император охотно примет во внимание пожелания папы»¹.

По завершении Киджи его миссии 19 / 7 октября Горчаков вручил ему ноту о награждении его российским орденом Белого орла, а членов его посольства орденом Св. Станислава второго и третьего класса. Ещё через несколько дней Киджи получил золотую, а члены его миссии — серебряные памятные медали, выпущенные по случаю коронации².

Как утверждал Антонелли в беседе с Киселёвым, Киджи остался чрезвычайно доволен приёмом в Москве и своими беседами с императором и Горчаковым. Со своей стороны, Антонелли выразил сожаление по поводу отсутствия положительного результата по двум главным вопросам, затронутым Киджи в этих беседах — о желании папы иметь своего представителя в С.-Петербурге и о религиозной принадлежности детей, рождённых в смешанных браках.

По первому Киселёв возразил, что император не отказывался принять посланца папы, который прибыл бы в С.-Петербург со специальной миссией, а в особо срочных случаях ситуацию для папы облегчало присутствие в Риме российской миссии, всегда готовой прояснить возникающие вопросы и связаться по ним с С.-Петербургом.

Что же касалось закона об обязательном воспитании рождённых от смешанных браков детей в господствующей в России религии, в этом, разъяснил он, С.-Петербург лишь следовал примеру Рима. Ведь он не только не допускал воспитания в иной религии детей, отец или мать которых были католиками, но даже не признавал законность брака, если он не заключался на таких условиях³.

Итог того, как была выполнена миссией, так сказать, не прямая её цель, а дополнительная, тайная, подвёл в своём докладе (от 1 марта 1858 г.) под названием «Положение схизматической Церкви и отношение к объединению» монсеньор Бьянки.

«Внешняя сторона службы в русской Церкви сама по себе является великолепной и внушительной, поскольку в ней почти полностью сохраняется таинственность и возвышенность греческой литургии» — так начинает он свой доклад. Он отмечал, что в Москве церкви были богаче, чем где-либо, несмотря на то, что число их доходило до 300. В С.-Петербурге, хотя там и были построены два великолепных храма — Исаакиевский собор и церковь Казанской Богоматери, — его жители не обнаруживали такой же набожности, как русские древней столицы и других городов Империи. Остальные города имеют вообще хорошо построенные церкви,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 891. Л. 14–17.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1856. Оп. 469. Д. 189. Л. 11, 15; ASV. Fondo. Archivio della Segreteria di Stato. Parte moderna. Buste separate. Rubrica 92. Missioni Straordinarie. Russia. Anno 1856.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1856. Оп. 469. Д. 190. Л. 257–258.

но не очень богатые, и они почти всегда закрыты, из чего следует, что население мало посещает их в обычные дни, а только в праздники, когда священник служит обедню. Что касается духовенства, оно довольно многочисленное, в каждом городе много священников и в каждой деревне или посёлке имеется два или три попа.

Что касалось склонности к объединению с католической Церковью, автору доклада таковая представлялась «скорее робким поползновением, чем имеющейся в наличии».

Многие предостерегают, что Рим стремится привести это в исполнение посредством Пропаганды... Некоторые говорят об объединении, но в выражениях неопределённых и ошибочных, и полагают, что оно могло бы осуществиться лишь на почве взаимных уступок, которые, впрочем, не называются. В то время как некоторые так рассуждают, другие, гораздо более влиятельные, изыскивают все пути для того, чтобы ещё больше укрепить схизму, —

писал Бьянки. К этим последним он относил московского митрополита и названного им «действительно фанатиком» М.Н. Муравьёва, который в 1857—1861 гг. был министром государственного имущества, а позднее, будучи генерал-губернатором Северозападного края, будет активно участвовать в подавлении Польского восстания.

Признавая, что вопрос об объединении «с истинным Центром» ещё не актуален, он замечал, что

...тем не менее довольно рассудительные и хорошо знающие страну лица считают, что можно бы предпринять попытки, чтобы подготовить почву. Они предлагают следующий план. Следует вступить со схизмой в спокойную и умеренную полемику, в ходе которой после того, как было бы показано сходство исповедуемых догм обеими Церквями, перешли бы к тому, чтобы указать и мягко опровергнуть непризнанные положения, опираясь исключительно на историю.

Затем наступление следовало бы вести с помощью газетных статей (их надо бы было объединить в своё время в одном томе), написанных доходчиво и ясно, чтобы они встретили бы понимание и расположение у среднего класса и знати, и особенно женщин.

Сделав первый шаг, следовало бы начать затрагивать чувствительность и желания Двора, своевременно показывая важность объединения и ореол славы, которым в глазах всего христианского мира был бы окружён тот российский император, который это понял бы. Воздействовав на настроение царя, должны были бы пустить в ход лёгкость осуществления объединения, возвеличивая могущество императора и показывая, что в России воля монарха является волей его народа.

Предусмотрел папский посланец и то, что, «складывая оружие», император мог бы опасаться какого-то политического беспорядка со стороны населения, возбуждённого фанатизмом духовенства. Однако, «рассчитывая на рабское положение самого народа и неограниченное доверие и уважение», которым у русских

пользуется царь, не следовало этого опасаться, ибо достаточно будет проявленной императором небольшой твёрдости, чтобы «дело было бы кончено». А потом, если бы события развивались так, некоторые полагали, что Святой Престол должен был бы, со своей стороны, что-то сделать и лучше доказывать, что он почитает и покровительствует греческому исповеданию.

Среди католиков России довольно высоко оценивался такой знак уважения, данный греческому духовенству папой, как возведение в кардиналы одного его епископа, хотя такое проявление внимания рассматривается как честь, оказанная духовенству, а не вероисповеданию.

Со своей стороны, Бьянки давал следующие рекомендации в этом отношении. Теперь, считал он, нужно было, чтобы имевшая жалкий вид существующая в Риме греческая церковь приукрасилась таким образом, «чтобы, глядя на неё, схизматики (которые почти все её посещают) могли бы убедиться, что Церковь греко-униатского обряда находится не на более низком уровне, чем Церковь латинского обряда».

Он находил желательным также, чтобы во время праздника там

...служилась бы месса к удовольствию тех, кто хотел бы её слушать. Надо, чтобы схизматики увидели, что употребляемый ими обряд мало отличался от католического и практикуемого в Риме, и отказались бы, во всяком случае, от предубеждений, которые любой ценой следовало бы устранить. Было бы желательно, чтобы сказанное относительно мессы сделать в отношении других богослужений и чтобы молодые греки, находящиеся в Риме, это же делали бы, как латиняне¹.

Между тем в С.-Петербурге после завершения работы Комитета и ознакомления с её результатами Святого Престола в целом в отношениях с ним обозначилась, по крайней мере, большая, чем прежде, определённая. Признаком улучшения отношений с ним Горчаков видел в мерах, осуществляемых для проведения в жизнь принятых ранее Россией обязательств, и в прояснении её позиции по оставшимся нерешёнными вопросам. Однако, признавался он, поскольку нельзя было исключить некоторых поползновений Святого Престола к демаршам, направленным на расширение его влияния и его духовной власти в Империи и Царстве Польском, правительство, со своей стороны, предусмотрительно укрепило свои позиции, значительно упростив положение. Это, пояснил он, состояло в следующем. «Часть уступок была сделана столь широкой, как это возможно, кроме того, — говорилось в Отчёте министерства, — мы знаем, что, в конечном счёте, мы могли бы их ещё предоставить Святому Престолу, если в них будет потребность; самое главное, мы знаем, каковы пределы, где всякая уступка или сделка должна бы прекратиться»².

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. Anno 1856. Posizione 258. Fascicolo 82.

² АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1856. Оп. 475. Л. 151, 158–159.

Какое-то время после 1856 г. в отношениях со Святым Престолом сохранялся определённый статус-кво, так что в отчёте за 1857 г. они были признаны удовлетворительными¹.

Многочисленные посещения Рима высокопоставленными путешественниками из России могли даже показаться свидетельством их определённой нормализации. Так, в апреле — мае 1857 г. по пути из Ниццы вдовствующая императрица Александра Фёдоровна почти на месяц заезжала в Рим, где папа и кардинал Антонелли сделали всё, чтобы её пребывание было приятным. По случаю же её дня рождения Пий IX подарил ей несколько художественных изделий из мрамора и мозаики. Александр II благодарил папу за оказанный его матери приём, а кардинал Антонелли был награждён орденом Св. Андрея².

В мае — июне больше месяца в Риме провела великая княгиня Ольга с супругом; в декабре сюда прибыла великая княгиня Елена, а вслед за ней великие князья Николай и Евгений. Все они были удостоены папой аудиенциями³.

Однако не наблюдалось успехов в решении важнейшего вопроса о заполнении вакантных кафедр. 4 декабря / 22 ноября 1856 г. Киселёв сообщил об отказе папы утвердить пятерых из одиннадцати предложенных кандидатов на имевшиеся вакансии. Антонелли обещал хранить в тайне имена отклонённых кандидатов. Он особо отметил, что папа неохотно согласился на назначение варшавским архиепископом Фиалковского и пошёл на это единственно из почтительности к правительству, потому что знал, что этот старый человек не мог активно исполнять свой долг. Для устранения этого неудобства кардинал находил лучшим средством назначить ему коадьютера⁴.

При этом папа отказался утвердить трёх из пятерых кандидатов, предложенных на вакантные места епископов-суффраганов, из которых троих для Империи. К тому же на одного из двух утверждённых было ещё только получено согласие и производился канонический процесс. Так что фактически произошло назначение всего одного суффрагана — Липского. Обратив особенно внимание императора на эти отказы папы, Ланской предложил внести изменения в существовавшую на этот счёт практику.

В начале 1857 г. император одобрил сделанное министром представление о пути, по которому в будущем следовало осуществлять назначение епархиальных епископов и епископов-суффраганов. В соответствии с договором 1847 г. он предлагал это делать по достижении предварительного согласия императора со Святым Престолом, а затем совершать их каноническое утверждение папой, ибо в случае отказа папы он будет касаться лиц, ещё не утверждённых императорским указом,

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1857. Оп. 475. Л. 126.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1857. Оп. 469. Д. 154. Л. 18, 30, 35.

³ Там же. Л. 33, 127; 1858. Д. 149. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1503. Л. 113—114.

а «посему не будет нарушаться сила высочайших повелений». Новшеством в существовавшей практике должно было стать и представление Святому Престолу списка кандидатов не от лица императора, а от министерства внутренних дел. Причём до получения заверений в согласии папы не только не издавался бы указ императора, но и имена предложенных кандидатов держались бы в глубоком секрете администрацией обеих сторон. Депешей от 11 февраля / 30 января 1857 г. Киселёву предписывалось настоять перед Антонелли, чтобы этот секрет строго соблюдался и в Риме, что, впрочем, как было известно, кардинал сам уже обещал¹.

По поводу первого новшества Горчаков замечал в письме наместнику 11 февраля / 30 января 1857 г., что, хотя направленный папе запрос о назначении предлагаемых кандидатов будет делаться не от имени императора, его предварительное согласие будет подразумеваться. Он считал, что намеченная практика облегчит отношения с римским Двором, ибо убеждённый в доброй воле российской стороны папа будет легче соглашаться санкционировать возведение намеченных кандидатов в епископский сан, и если трудности будут возникать, по крайней мере, их свидетелем больше не будет духовенство².

16 / 4 апреля 1857 г. Киселёв сообщил, что Антонелли выразил удовлетворение предложенным способом представления кандидатов на епископские кафедры и одобрил решение правительства. Со своей стороны, он обещал хранить строгий секрет о предложенных кандидатах, был доволен намерением правительства чётко следовать договорённости 1847 г.³

Тем временем, как следовало из поступившей из Рима корреспонденции от 18 / 6 июня 1857 г., были получены объяснения причин отказа папы утвердить на плоцкую кафедру кандидатуру Мыслинского. Антонелли сообщил, что это произошло из-за ставшего известным факта его связи с женщиной, от которой он имел детей, о чём должны были знать в Плоцке, полагал кардинал. В ответ ему было передано ходатайство капитула Плоцка с настойчивой просьбой, обращённой к папе, подтвердить прелата, несколько лет управлявшего епархией в качестве капитулярного викария. К нему была приложена справка министерства внутренних дел, восстанавливавшая подлинные факты и доказывавшая, что он был оклеветан. Несколько дней спустя Антонелли сообщил, что папа велел проверить факты. И хотя сведения о Мыслинском оказались не столь неблагоприятными, что касалось его нравственности, они представляли его неспособным выполнять функции своего сана. Из-за застарелой болезни, лишившей его всякой возможности двигаться, он не сможет совершать пастырские объезды и вообще активно

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 293–298; Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1503. Л. 68–69.

² Там же. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1503. Л. 60–61.

³ Там же. Л. 72.

заниматься делами епархии. Но, заверил Антонелли, пока от этой кандидатуры всё-таки не отказывались и предполагали её сделать предметом новой проверки¹.

Свою проверку провели и в Царстве Польском. 8 сентября / 27 августа 1857 г. П.А. Мухановым, директором Комиссии внутренних дел и исповеданий в Варшаве, была подготовлена докладная записка о Мыслинском. Её автор воспользовался всевозможными источниками, и все полученные им сведения «оказались в его пользу». Не ограничившись общими справками, он запросил мнение губернатора, которому, как проживавшему несколько лет в Плоцке, должен был ближе известен образ жизни прелата. Генерал-майор Альбертов сообщил, что Мыслинский

...принадлежит к небольшому числу лиц, кои стараются заслужить по званию своему общее уважение; что за всё время управления его епархией не было ни одного случая, который бы мог в чём-либо ослабить повсеместно укрепившееся хорошее о нём мнение; что он известен по честному характеру своему, нравственному поведению и усердию о благе и порядке в церковной иерархии.

Он пользовался уважением как у духовенства, так и у всех жителей этого исповедания. Но, признал губернатор, не мог избежать и врагов, которые, «завидуя его доброму имени и руководствуясь личными видами, могут стараться его очернить, как это имело место несколько лет тому назад, когда два лица из высшего даже духовенства обвинили его перед римским духовным начальством». Один из них умер, но перед смертью в этом признался и просил прощения. Считая возможным положиться на эти свидетельства очевидца действий прелата, Муханов, тем не менее, обратился затем к варшавскому ксендзу Фиалковскому. Он сказал, что знал Мыслинского 20 лет и даже жил с ним вместе несколько лет. При этом за всё это продолжительное время ни сам не заметил, ни слышал от кого-либо о таком обстоятельстве, которое «подтвердило бы поселённые в Риме подозрения на счёт его духовной нравственности», что покойный епископ плоцкой епархии отличал его своим доверием и личным вниманием.

Представляя подлинники этих двух свидетельств, Муханов считал, что, если после получения их и ходатайства плоцкого кафедрального капитула римское начальство не согласится утвердить его плоцким епископом, «в таком случае подобную уклончивость следовало бы приписать ничему иному, как только к какому-то нерасположению или же оппозиции нашему правительству»².

Поставленный в известность о собранных сведениях, Антонелли сказал Киселёву (донесение от 9 апреля / 28 марта 1858 г.), что Фиалковский мог не знать, почему папа отклонил кандидатуру Мыслинского, и сообщил послужившие основанием для такого решения понтифика данные о том, что женщина, с которой у него

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1503. Л. 118–122.

² Там же. Л. 127–130.

была связь, умерла, оставив двух детей. Девочка находится в Варшаве в пансионе, а мальчик живёт в деревне в купленном для него Мыслинским доме. Кардинал передал посланнику написанную собственной рукой записку об этом¹.

26 / 14 мая 1858 г. Муханов представил наместнику записку, в которой докладывал о результатах проведённого им расследования. Оно показало, что женщина, с которой якобы жил Мыслинский, умерла 9 лет назад. Она состояла в законном браке и имела несколько законных детей. Спустя два года после смерти её мужа Мыслинский принял бедную вдову к себе домохозяйкой и помогал в воспитании детей. Он никого из них не отдавал в пансион, не покупал имения. Но, имея поземельную собственность (в 27 верстах от Плоцка), приобретённую для себя в 1841 г., он сначала управлял ею сам, а в 1852 г. после избрания капитулом администратором сдал её в аренду сыну этой женщины, опытному хозяину².

В июле (донесение от 20 / 8 июля 1858 г.) после того, как Антонелли были представлены полученные из С.-Петербурга дополнительные материалы, кардинал с ними ознакомил папу. Тогда последний решил проверить всё ещё раз³.

Позднее, в связи с поступившим от Киселёва известием об окончательном отказе папы утвердить на кафедру в Плоцке Мыслинского, сославшись на то, что проведённые по его указанию изыскания подтвердили уже известные неудовлетворительные сведения о его моральном поведении, наместник сообщил своё видение решения проблемы. После смерти плоцкого епископа в 1852 г. капитул единогласно избрал администратором Мыслинского, и этот выбор был одобрен императорским правительством и Святым Престолом. Когда же позднее его кандидатура на епископскую кафедру была отклонена в Риме, капитул выразил пожелание, чтобы ходатайствовали перед Святым Престолом о назначении этого прелата, предпочтительно любому другому, на вакантную плоцкую кафедру. Эта просьба была передана папе. Затем в Рим было отправлено письмо варшавского архиепископа Фиалковского, запрошенного в качестве плоцкого экс-суффрагана и члена капитула этой епархии. Оно содержало положительную характеристику этого священника, которого он знал на протяжении 20 лет, а также разъяснения по поводу плохого мнения на его счёт, сложившегося в Ватикане. Архиепископ засвидетельствовал, что оно стало результатом лжи, а тот, кто её вознёс на него, неожиданно умер после короткой болезни. Но прежде он успел сознаться при свидетелях и в присутствии своей жертвы, что в отношении Мыслинского он был преступником и его злодеяние не может быть ему прощено. В заключение своего письма Фиалковский выражал глубокое убеждение в невиновности аббата и в его заслугах и считал долгом просить о поддержке императорского правительства.

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1506. Л. 140.

² Там же. Л. 153–156.

³ Там же. Л. 165.

Выход из сложившейся ситуации М.Д. Горчаков (депеша из Варшавы от 4 апреля / 23 марта 1859 г.) видел в следующем. Он напоминал, что Мыслинский уже семь лет управлял епархией и всё это время римский Двор даровал по его представлениям все права и милости, необходимые для исполнения его пасторских функций, все его поступки заслужили одобрение правительства и снискали расположение духовенства и населения. Он считал, что устранить теперь от управления епархией человека, к которому правительство проявило особое расположение, официально предложив на епископскую кафедру, означало бы дать выиграть дело клеветникам и, компрометируя своё достоинство, оттолкнуть от себя всё благомыслящее духовенство, что «имело бы серьёзные последствия для наших интересов».

Исходя из этих соображений, наместник предлагал больше не настаивать перед римским Двором на принятии этой кандидатуры, но одновременно не предлагать и других, и пусть он управляет епархией к общему удовлетворению правительства и доверенной ему паствы¹.

Поступили в соответствии с этим предложением. Киселёв (донесение от 31 / 19 мая 1859 г.) заявил Антонелли, что в случае и теперь несогласия назначить Мыслинского российская сторона откажется представлять другого кандидата. Поскольку к удовлетворению правительства и паствы, доверенной ему, он уже более семи лет управлял епархией, а посему сможет это делать и дальше без неудобств для обязанностей, исполняемых временно².

Вновь вернуться через год к одобренному императором в начале 1857 г. порядку назначения епископов и ещё больше утвердиться в правильности предложенного способа и необходимости напомнить папскому правительству твёрдо его придерживаться заставил странный инцидент (о нём Киселёв сообщал донесением от 9 апреля / 28 марта 1858 г.), задержавший провозглашение Фиалковского варшавским архиепископом. Дело в том, что митрополит Жилинский тайно направил в Рим информацию о нём, противоречившую той, что он же сообщил в официальном каноническом процессе. При этом он ссылаясь на то, что не мог упомянуть в каноническом процессе обвинений в адрес Фиалковского, «как долг его обязывал это сделать», из-за необходимости переслать этот документ через правительство. Призванный разъяснить своё поведение, Жилинский признался, что пойти по нелегальному пути его спровоцировало письмо папского нунция в Вене. Он же не мог не повиноваться указаниям, сделанным от имени Святого Отца, а основывался он лишь на пересудах относительно Фиалковского, но не получал предложения доставить сведения относительно сущности обвинений, выдвинутых против этого кандидата.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 450–451.

² Там же. Л. 149–150.

Раз уж митрополит сам признаёт, что неблагоприятная информация, которую он тайно направил о Фиалковском, основывалась лишь на простых толках; что он не привёл против него никакого факта, никакого доказательства, какую ценность, мы его спрашиваем, могут иметь подобные утверждения при наличии подлинного свидетельства официального документа, облечённого всеми законными формальностями, такими, как канонический процесс? —

говорилось в депеше Горчакова Киселёву от 8 мая / 26 апреля.

Хотя, в конечном счёте, этот инцидент закончился благополучно: Фиалковский был окончательно утверждён папой; Жилинский раскаялся в допущенной ошибке, но в связи с ним министр решил вновь привлечь внимание римского Двора к серьёзному вопросу о назначении епископов вообще. Он напоминал: поскольку их назначение по самой его природе требует взаимодействия светской и духовной власти, в их интересах предупредить трения, которые отклонение кандидатур, формально предложенных правительством, может вызвать в их взаимоотношениях из-за законной обидчивости. Ведь именно с этой целью было признано, что формальным предложениям кандидата будет предшествовать конфиденциальная договорённость и такой же характер будут носить переговоры по этому поводу. А такой способ действия предоставлял Святому Престолу полную свободу для сбора сведений, необходимых для принятия решения. Но после одобрения выбора, извещения российского правительства, что Святой Престол приступил к проведению канонического процесса и что этот акт ему был официально передан, ситуация менялась.

Мы, — писал министр, — не можем допустить, чтобы на этом втором этапе, когда вопрос переходит в стадию общеизвестного факта, можно было бы основывать свои решения на иных данных, чем те, что записаны в каноническом процессе и обрели надлежащую достоверность. Мы считаем тем более необходимым настаивать на этом, что было бы невозможно, уклоняясь от этого, вновь не наталкиваться на неприятности, именно такие, которых предварительная договорённость двух Дворов имела в виду избежать. Очевидно, что в противном случае такая конфиденциальная договорённость будет беспредметной и должна быть оставлена.

Горчаков рекомендовал посланнику при удобном случае привлечь внимание Антонелли к изложенным соображениям¹.

Как ни стремились в С.-Петербурге избежать нового обсуждения вопроса о холмской епархии, сделать этого не удалось. Он вновь был поднят Римом. 16 / 4 марта 1858 г. в ответ на донесение Киселёва от 19 / 7 января по поводу полученной им от Антонелли памятной записки относительно греко-униатов Горчаков делился с ним следующими соображениями. Прежде всего, он призывал посланника проникнуться осознанием необходимости сохранить за Терашкевичем

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 372—374.

управление холмской епархией до того, как будет полностью обеспечено действие нового устава семинарий, вызвавшего нареkania. Если бы упорное сопротивление и предубеждение Святого Престола не оставили бы совсем шанса на его конфирмацию, тогда не осталось бы ничего иного, как постараться выиграть время, чтобы этот вопрос продолжал быть не решённым, по крайней мере, до того времени, когда «мы могли бы решиться предложить новую кандидатуру». По этому поводу Киселёв на полях заметил: «Постараюсь отложить в долгий ящик».

Опираясь, в частности, на депешу, полученную от наместника Царства Польского, Горчаков сформулировал ряд аргументов, которыми Киселёв мог воспользоваться в беседе с кардиналом. Следовало подчеркнуть совершенно особое обстоятельство: Святой Престол даже не был знаком с окончательным проектом этого устава, одобренного наместником. Поскольку памятная записка представляла некоторые положения его противоречившими Конкордату 1847 г., наместник справедливо замечал, что вопрос о том, приложим ли он к греко-униатскому духовенству, очень спорный. Ведь в нём действительно нет никакого упоминания об этом духовенстве, и российская сторона могла, следовательно, высказываться отрицательно, пока с общего согласия между двумя Дворами не будет принято иное решение. Если же, тем не менее, по всем положениям устава сообразовывались с уставом римско-католической Духовной академии в Варшаве, то ни в коей мере не делали это вследствие формального обязательства, проистекавшего из Конкордата. При отсутствии всякого обязательства по этому поводу перед Святым Престолом располагали полной свободой действия для сохранения возможности самого широкого участия светской власти, но этим не воспользовались, а сочли нужным сообразоваться с уставом Духовной академии относительно направления деятельности, сохранявшемся за духовной властью в греко-униатской семинарии.

По поводу замечания наместника, что, возможно, лучше не поднимать вопрос о Конкордате в данное время, министр, со своей стороны, находя этот вопрос деликатным, предоставлял возможность Киселёву, исходя из здравого смысла и такта, самому судить об уместности его затронуть слегка в одной из его конфиденциальных бесед с Антонелли.

Преследуемая реорганизацией холмской семинарии цель, разъяснил Горчаков, сводилась к тому, чтобы заставить греко-униатское духовенство выйти из состояния деградации и невежества, в коем оно погрязло. Недоброжелательное же отношение к этому в Риме проистекало из его ясного понимания, что всё направленное на поднятие морального достоинства греко-униатского духовенства должно неизбежно, в качестве последствия, воспрепятствовать ультрамонтанскому прозелитизму. Такова, очевидно, действительная причина недовольства, вызванного в Риме уставом холмской семинарии, заключил министр.

По поводу последнего пункта памятной записки кардинала, касавшегося нескольких бывших членов греко-униатского духовенства Империи, оказавшихся

выдворенными на жительство в православные монастыри, министр внутренних дел пока ещё не располагал запрошенными сведениями, но по их получении обещал посланника информировать¹.

Из полученной депеши Киселёв (донесение от 19 / 7 июня 1858 г.), «проникнувшись нынешними целями и интересами» правительства, пришёл к следующему заключению. Этот вопрос нужно было оставить, насколько возможно долго, в неопределённом положении, в котором он находился, и выиграть время, избегая любого обсуждения по этому предмету. Это было необходимо «как чтобы сохранить, насколько возможно, управление холмской епархией в руках монсеньора Терашкевича, так и чтобы привести в исполнение новый устав греко-униатской семинарии, некоторые статьи которого дали повод замечаниям со стороны Святого Престола».

Поэтому он посчитал «полезным и уместным» до этого времени не делать никакого сообщения Антонелли и хранить при себе информацию и разъяснения, данные ему министром, пока он сам не вернётся к этому вопросу. До этого же времени в беседах с ним кардинал не затрагивал дела о греко-униатах и не спрашивал, получил ли он разъяснения относительно переданной ему памятной записки по поводу устава для холмской семинарии. Дипломат, со своей стороны, воздерживался, а предстоявший скорый его отъезд из Рима, естественно, считал он, оставит этот вопрос нерешённым и «позволит увидеть, как новый устав греко-униатской семинарии будет впервые применён»².

Между тем, не ограничившись памятными записками по отдельным вопросам, Пий IX в письме Александру II от 31 января 1859 г. обобщённо изложил весь комплекс претензий Ватикана. Сославшись на обещание императора, переданное Киселёвым летом 1856 г. по прибытии в Рим, выполнить в полной мере все заключённые его отцом соглашения, папа жаловался, что многие статьи Конкордата и булла о разграничении епископств в Империи не исполнялись. Он просил принять меры для обеспечения католикам обоих исповеданий равного с другими подданными обращения во всём, что касается исполнения их долга совести и религии. Он также привлёк внимание императора к вопросам, включённым в Протокол, но их не называл, сославшись на то, что, будучи указаны в аллокуции от 3 июля 1848 г., они хорошо были известны императору, как и всему миру. Наконец, понтифик благодарил за заполнение некоторых вакантных епископских кафедр и просил принять меры в отношении остававшихся ещё незаполненными, особенно холмской, т. е. для греко-униатов.

Причину отказа со своей стороны в некоторых случаях утвердить представленных императором кандидатов он объяснил вполне традиционно — ссылкой на голос совести, на отсутствие полной уверенности, что они являются действительно достойными

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 351–354.

² Там же. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 1503. Л. 58.

этого святого сана. Именно такая необходимость получения наиболее полной и достоверной информации в отношении представленных кандидатур, разъяснил папа, заставляла его возобновить, как это делалось неоднократно, настойчивую просьбу об учреждении папской миссии при императоре.

Последний отреагировал весьма решительно. «Я на это никогда не соглашусь»¹, — заметил он на этом письме.

Данный на это послание Пия IX Александром II 12 апреля / 31 марта ответ был весьма лаконичным. Он ограничился самыми общими фразами, сообщив, что изложенные в нём конкретные проблемы поручалось обсудить Киселёву с кардиналом Антонелли².

Этим самым, как разъяснил Горчаков в депеше Киселёву от 14 / 2 апреля, стремились «устранить всякое обсуждение такого рода вопросов из непосредственной переписки монарха монарху». А чтобы Киселёв мог располагать конкретными данными по затронутым папой вопросам, ему пересылались сведения, полученные от министра внутренних дел и наместника в Царстве Польском, ознакомленных с письмом Пия IX³.

Ланской изложил свои соображения по всем четырём пунктам письма папы. На его жалобы о неисполнении неназванных статей Конкордата он предлагал перечислить всё сделанное для их исполнения, что послужит бесспорным доказательством выполнения правительством принятых им обязательств.

По поводу разграничения епископств Империи надлежало напомнить, что оно было произведено в соответствии с Конкордатом и буллой «*Universalis Ecclesiae*», о чём декрет и доклад покойного архиепископа Головинского были переданы Святому Престолу Киселёвым, как следовало из его донесения от 21 / 9 августа.

Что касалось греко-униатского исповедания, следовало повторить, что оно больше не существует в Империи после возвращения исповедующих его к вере их предков. Это возвращение, как неоднократно было заявлено, является совершившимся фактом и желательно, чтобы папское правительство больше не возвращалось к этому вопросу. А любая попытка католического духовенства в России поколебать совесть паствы, вернувшейся в лоно Восточной Церкви, будет рассматриваться как прозелитизм и нарушение закона, не позволяющего отступничество от господствующей Церкви. Право же на любую пропаганду, на любой прозелитизм сохраняется лишь за этой последней, в качестве её исключительной привилегии.

Относительно не названных папой пунктов Протокола министр предлагал воспользоваться (оговорив это только случаем, когда папское правительство примет на себя инициативу их обсуждения) итогами работы Комитета в 1856 г., выделив

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1859. Оп. 469. Д. 154. Л. 3–4.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 439–440.

уступки, принятые им. Одновременно следовало указать требования, которые правительство не могло удовлетворить, не нарушив фундаментальные законы государства и привилегии господствующей Церкви¹.

Особо Ланской оговаривал, что, хотя Комитет в 1856 г. нашёл приемлемым, в случае нового запроса, ввести пассивную поддержку смешанных браков, было бы желательно (тем более что нового запроса не последовало) исключить этот вопрос, всячески избегая его возбуждения вновь.

Ибо порядок, которому следует большая часть нашего католического духовенства, давая благословение таким союзам, хотя не совсем соответствует каноническим правилам, однако предпочтительнее простой пассивной поддержки, которая не удовлетворила бы также религиозное чувство вступающих в подобный союз католиков и не содействовала бы смешанным бракам.

В вопросе о вакантных кафедрах, по мнению министра, нужно привлечь внимание Святого Престола к неоднократно обнаруженным им колебаниям при утверждении большого числа кандидатов, предложенных в последние два года. Это относилось за счёт инсинуаций, проистекавших из личной неприязни и интриг отдельных лиц, не останавливавшихся ни перед чем, преследуя свои собственные цели. На тот момент были заполнены все кафедры, кроме каменецкой, куда было предложено назначить избранного капитулом суффрагана. Из семи предложенных кандидатов в суффраганы трое не были приняты².

Наместник Царства Польского М.Д. Горчаков остановился на двух затронутых в письме папы проблемах. Вина за отсутствие епископа в холмской епархии, доказывал он, падала на папу. Ведь он отверг представленного епископа и викария холмской епархии с 1842 г. и её же администратора с 1851 г. под предлогом того, что он не доложил о своём избрании администратором. И сделал папа это вопреки сразу же данным объяснениям, что по какой-то причине прежний наместник Паскевич, через посредство которого Святому Престолу это должно

¹ В приложенной к его письму памятной записке эти требования перечислялись. Это были жалобы на подчинение православным судам дел католиков с православными; ходатайства об изменении постановления 1832 г., в силу коего браки католиков с православными признаются действительными только тогда, когда они венчаны православной Церковью. Затем следовали требования о подчинении в Империи греко-униатов, не присоединившихся к православной Церкви, римско-католическим епископам, как им подчинены армяно-католики, и о дозволении присоединившимся к православию возвращаться в унию; об отмене или изменении законов Империи о наказании за переход из православной веры в другую; об изменении формы присяги на верность под предлогом, что римско-католикам невозможно отказаться от завета Евангелия: идите, поучайте все языцы; о возвращении римско-католическому духовенству имений, взятых в казённое управление (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 466–467).

² Там же. Л. 453–456.

было быть сообщено, отложил исполнение этой формальности, а посему упрёк в её несоблюдении не может быть адресован Терашкевичу. Подчёркивалась также трудность, как с политической, так и административной точки зрения, лишить управления епархией епископа, пользовавшегося доверием в течение ряда лет. Напоминалось и о сложности, если не сказать невозможности, сделать другой выбор из-за недостатка достойных лиц среди греко-униатского духовенства, ибо часть его жената, другая — слишком стара или не имеет никакого высшего образования. В сложившейся ситуации наместник видел выход в том, чтобы оставить Терашкевича в качестве администратора.

Из 8 кафедр, сообщил он, 4 имеют епископов и суффраганов. На вакантные кафедры Плоцка, Сандомира и Августова кандидаты представлены около двух лет назад, а вопрос о краковско-келецкой епархии может быть решён лишь после решения вопроса о духовной юрисдикции района Кракова, в 1846 г. отошедшего к Австрии¹.

Изложив эти сведения, могущие послужить важным подспорьем для Киселёва в беседах с Антонелли, наместник в тот же день, 4 апреля / 23 марта, вопросу о Терашкевиче посвятил ещё одно, на этот раз совершенно секретное письмо. В нём он раскрывал своё видение подлинной причины позиции Святого Престола в отношении холмской кафедры. Поскольку ультрамонтанская партия стремилась добиться перехода греко-униатов Царства Польского в латинское исповедание, она хотела видеть во главе холмской епархии человека, который стал бы в её руках послушным орудием для достижения этой цели. Римский Двор рассчитывал, что после того, как он окончательно отклонит кандидатуру Терашкевича, единственным представителем греко-униатского духовенства, могущим по своему положению занять кафедру, станет отец Шокальский, горячий прозелит латинской Церкви, постоянно противодействовавший видам императорского правительства в отношении греко-униатов Царства, добиваясь их отречения от религии предков. Чтобы избежать неудобств оказаться перед такой альтернативой, наместник предлагал не отступать от предложенной кандидатуры, а если Святой Престол не уступит, как легко было предвидеть, оставить дело в его нынешнем положении. Учитывая, однако, преклонный возраст Терашкевича и желая застраховаться на случай его смерти, велись секретные переговоры о прибытии из Галиции двух священнослужителей греко-униатской епархии этого края. Они будут предложены на вакантное место ректора семинарии и официала консистории, а в случае необходимости станут кандидатами на епископство.

В заключение Горчаков призывал держать эти планы в глубоком секрете. В случае необходимости об этом сообщить посланнику в Риме, сделать это лишь «для личного пользования с неременной оговоркой абсолютной тайны, так как

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 446—448.

достаточно было бы самого лёгкого подозрения, со стороны римского Двора, чтобы сорвать комбинацию, которая одна может нам помочь расстроить его уловки»¹.

В те дни, когда происходил обмен посланиями между папой и императором, своё восприятие, объяснение и оценку состояния отношений с Римом на тот момент Горчаков изложил в отчёте о работе министерства за 1858 г., который заканчивал в апреле 1859 г.

Вероятно, ясность и глубина заключений министра вызвали помету («Читал с особым удовлетворением») Александра II по поводу этой части отчёта.

Хотя отношения императорской миссии с римским Двором носили вполне удовлетворительный характер, мы не можем составлять себе ложного представления относительно степени влияния, оказываемого на настроения Святейшего отца партии, во все времена считавшейся противной России. Эта партия или, скорее, эти партии, где выделяются ультрамонтаны, польские беженцы и революционеры, продолжали свою работу, и их усилиям удалось, не однажды, растрожить совесть главы римской Церкви. Эти тайные происки, нить которых укрывается от самого неусыпного надзора, сыграли большую роль в жалобах, изложенных папой представителю Вашего Величества. Нелепость или преувеличение данных, на которых основывается папский кабинет, доставили господину Киселёву средства разбить его аргументы. Сколь великодушными ни были бы намерения Вашего Величества в том, что касается латинской Церкви в Ваших государствах, — заключал Горчаков, — наши отношения с римским Двором будут всегда наталкиваться на твёрдое и незыблемое препятствие. Это препятствие — мы его находим в самой сущности римского папства — а именно в тенденции папства устанавливать католицизм, особенно, в странах, исповедующих иной обряд, в качестве государства в государстве².

Одно из проявлений этой тенденции видели в тайных сношениях Святого Престола с духовенством, с чем неизменно боролись. Так, 20 / 8 мая 1859 г. Горчаков информировал Киселёва о поступившем от митрополита Жилинского известии о получении им тайно от Антонелли послания с порицанием дисциплинарных мер, принятых им в соответствии с существовавшими в России положениями. Митрополит решил рассматривать это письмо в качестве не имевшего места и не отвечать на него. Чтобы его не скомпрометировать в Риме и не вызвать скандала, в С.-Петербурге было решено не давать хода этому инциденту. Киселёва извещали об этом лишь для личного сведения³.

Ровно через два месяца, 20 / 8 июля, Горчаков вернулся к этому вопросу, поскольку митрополит отказался от прежнего намерения и решил оправдаться перед Святым Престолом по поводу выдвинутых против него обвинений, направив своё

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 469–470.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1858. Оп. 475. Л. 111–112.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 477.

письмо по обычным каналам, через миссию в Риме. Посланника просили передать это письмо Антонелли и известить его «о тягостном впечатлении, произведённом этим инцидентом на правительство»¹.

Киселёв выполнил это указание, повторив незадолго до этого сделанные замечания по поводу пагубных последствий для дел и добрых отношений со Святым Престолом, которые могло иметь новое отклонение от правил, установленных для переписки папских властей с католическим духовенством.

Внимательно выслушав, кардинал заявил, что папское правительство никогда не признавало способ, которого придерживался С.-Петербург. Несмотря на это и единственно из уважения к пожеланиям императорского правительства, с которым оно стремится сохранять наилучшие и доверительные отношения, оно согласилось передавать свою корреспонденцию через миссию. Однако во многих случаях это посредничество не удовлетворяло ожиданий Святого Престола, часто не получавшего ответов на свои сообщения. Даже испытывая такие неудобства, из желания угодить императорскому правительству, его правительство старается как можно меньше уклоняться от способа переписки, защищаемого в С.-Петербурге в качестве установленного правила.

На это Киселёв возразил,

...что, хотя наш Конкордат не содержал статей по этому поводу, наши заявления по случаю его заключения были достаточно ясными и категоричными, чтобы чётко установить, что мы никогда не отступим от способа, которого мы придерживаемся для этой переписки. И, следовательно, римский Двор должен хорошо знать, как к этому отнестись, как ради подлинных интересов его единоверцев в России, так и для его добрых отношений с императорским Двором. Последний в свою очередь, как и Двор Ватикана, стремится в такой же степени в этом поддерживать с ним самые лояльные и примирительные отношения².

Не упуская возможности в каждом конкретном случае поставить на вид папскому правительству нарушения этого правила, в С.-Петербурге без необходимости вовсе не хотели затрагивать этот вопрос.

Это подтвердила его реакция в связи с неожиданным прибытием в Варшаву одного за другим генералов двух орденов. Дешешей Горчакова от 27 / 15 июля 1860 г. Окуневу, замещавшему Киселёва, предписывалось объясниться по этому поводу с Антонелли. Следовало напомнить об имевшем место недавно отказе генералу ордена доминиканцев совершить служебную поездку в Россию и Польшу. А главное, об остававшейся неизменной точке зрения на этот счёт. Отношения католических монастырей с генералами религиозных орденов полностью запрещены в России. В Царстве Польском они допускаются, но подчинены общему правилу,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 489.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1859. Оп. 469. Д. 153. Л. 210–211.

предписывавшему, что любые сообщения католического духовенства должны происходить при посредничестве императорского правительства и миссии в Риме.

Поскольку наш Конкордат с римским Двором не содержит никакой статьи о способе сообщения католических Церквей России и Польши с папским Престолом, существующее у нас правило остаётся в силе и продолжает, следовательно, оставаться обязательным для подданных Империи и Царства Польского. Имевшие место в ходе переговоров 1846—1847 гг. обсуждения, к сожалению, послужили лишь тому, чтобы констатировать невозможность договорённости со Святым Престолом в этом отношении, и вопрос должен был остаться в числе тех, что не могут быть урегулированы, — говорилось в депеше. — В наши намерения не входит поднимать его сегодня: на почве принципов дискуссия почти не допускает тех взаимных уступок, посредством которых с общего согласия приходят к компромиссным решениям.

Поэтому, не вступая в спор, не позволявший достичь никакого практического результата, Окунев должен был не подавать Антонелли жалобу по поводу произошедшего в Варшаве, а его об этом конфиденциально информировать. На усмотрение дипломата оставалось решение вопроса ознакомить кардинала с самой депешей или изложить её содержание.

Самому же ему Горчаков ещё одним письмом дал дополнительные разъяснения по поводу трудности его предстоявшей беседы. Поскольку подлежавший обсуждению вопрос о приезде генералов был связан с щекотливым вопросом о способе сообщения католического духовенства со Святым Престолом, следовало избежать этого подводного камня, не позволив кардиналу воспользоваться этим случаем, чтобы защитить дело полной свободы такого сообщения, неприемлемого для императорского правительства. Министр пояснил, почему сочли необходимым поставить кардинала в известность о случившемся. «Исходили из того, — писал он, — что любое нарушение существующих правил было связано с опасениями не только по конкретному случаю, но и с тем, как бы молчание, если оставить незамеченным подобный инцидент, не было истолковано в смысле молчаливого согласия с фактами, на которые позднее могли ссылаться как на прецедент»¹.

Таким образом, министр раскрыл тактический приём, к которому прибегали для решения важной стратегической задачи в отношениях со Святым Престолом.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 866. Л. 539, 541—543.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 60-Х ГГ. РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СВЯТЫМ ПРЕСТОЛОМ

Уже с конца 50-х гг. на отношениях России со Святым Престолом стали серьёзно сказываться события в Польше.

К этому времени, не вернув Польше конституцию и административную автономию, дарованные Александром I в 1815 г., а Николаем I отобранные вследствие восстания 1830 г., Александр II значительно ослабил применение действовавшего с 1832 г. Органического статута. Он дал амнистию участникам восстания и назначил, после смерти Паскевича (20 января 1856 г.), новым наместником М.Д. Горчакова. Под его управлением, как писал французский историк, «она перестала быть подавляемой, выслеживаемой, крепко связанной по рукам и ногам», но это ослабление строгостей, доведённое до терпимости и доброжелательности, не привлекло к России симпатии поляков. Огромное большинство знати, «сохранявшее сильное влияние на народные массы, оставалось непримиримым, продолжая не соглашаться на сделку с российскими завоевателями». «Далёкое от того, чтобы обезоружить его враждебность, — продолжал исследователь, — ослабление правительственной власти возродило его надежды и вновь открыло пути к его деятельности в пользу стремления, каковым не было завоевание ни личной свободы, ни административной автономии, но завоевание политической независимости». Созданное с разрешения властей Земледельческое общество (иногда его называли Агрономическим или Сельскохозяйственным обществом) стало очагом национальной пропаганды. Возглавлявший его анонимный руководящий комитет взял в свои руки организацию и руководство новым выступлением против российской власти. Одновременно с этим последовала кампания, ведшаяся во всех европейских столицах польскими эмигрантами, чтобы завоевать общественное мнение в пользу дела польской независимости. Особенно активной эта пропаганда была в Париже¹.

Представленное в общей форме историком развитие событий подтверждают и конкретизируют свидетели их в Варшаве в 1860—1861 гг. Н.В. Берг² и генерал

¹ Charles-Roux F. Alexandre II Gortchakoff et Napoleon III. P. 1913. P. 315—316.

² Русский писатель и путешественник, был корреспондентом «Санкт-петербургских ведомостей» в Польше в 1863—1864 гг. В 1864 г. получил приглашение тогдашнего наместника

П.П. Карцев. Последний отмечал, что они готовились постепенно. А причины их, по его мнению, не следовало искать в политическом положении в Европе, во влиянии на Польшу событий в Италии и Венгрии. И даже не в организованной польской эмиграции (в 1831 г. за границу вышла половина польской армии и выехала половина польских магнатов), которая имела силу и связи, ибо все её попытки к вмешательству быстро пресекались, а против её эмиссаров немедленно принимались меры. Карцев напоминал, что Польша никак не отреагировала на волнения в 1846 г. в Германии, когда в Галиции «всё было в огне и крови», в 1848 г. — на революционные события во Франции, Австрии, Пруссии, в 1849 г. — в Венгрии. Она была спокойна и в 1853—1854 гг., когда против России была почти вся Европа.

Достижение такого результата он связывал с принятием таких мер: «...постоянный надзор, ни малейшего послабления, предусмотрительность, предупредительные меры предосторожности, так что у имевших дурные умыслы отнималась всякая надежда на успех и всякая мысль о попытке к восстанию». В такой ситуации польские чиновники, получившие русские чины, помогали в управлении краем правительству. Оперу оно имело также в лице крестьянства — и казённого, и помещичьего.

Стремление к приобретению популярности в газетах и светском обществе «породило заискивание», а после смерти Паскевича «началось ухаживание за магнатами и любезничание со шляхтою. Но надобно вовсе не знать истории Польши, чтобы надеяться, чем бы то ни было, привязать к себе шляхту, не говоря уже найти в ней преданность. По самой натуре она враждебна нам. Ни один магнат не расстанется с надеждой на прежнюю возможность быть королём». Воспользовавшись проявленной правительством снисходительностью, они начали подготовку «на случай ожидаемых перемен, не прибегая покуда к крамоле и не рискуя ничем».

Аристократ граф Андрей Замоийский обратился к правительству с просьбой о создании Земледельческого общества. Оно было учреждено указом от 24 / 12 ноября 1857 г. П.Ф. Муханов (директор Комиссии внутренних дел с 1856 г.) был против его создания, но М.Д. Горчаков настоял на этом. Это общество вовсе не занималось сельским хозяйством, таковое было только предлогом. Уже в 1859 г. правительству стало ясно, что оно выходило за границы, начертанные его уставом. На деле это было политическое общество, на заседаниях которого редко говорили о земледелии, а больше о единстве, о проектах законов, о желаемых изменениях администрации. Число его членов быстро росло.

Карцев обвинял власть как в том, что она не напоминала, что в Царстве было российское правительство, одно «имевшее право управлять краем», так и в её неумении воспользоваться такой мерой, как освобождение помещичьих крестьян.

Ф.Ф. Берга собрать материал для истории последнего восстания. Его он почерпнул из архивных источников и из устных рассказов очевидцев. Его записки публиковались в журнале «Русский архив», а затем вышли отдельным изданием.

Вместо того чтобы самому реализовать этот проект, правительство отказалось от этого средства, позволявшего привязать к себе крестьян, и передало его в руки шляхты. Священникам было позволено объявить крестьянам с амвонов, что владельцы, заботясь о них, готовят проект об их освобождении, и к тому же многие помещики сообщили о желании предоставить крестьянам право выкупа. А это означало, что крестьяне узнали от своих священников, что своим благосостоянием они будут обязаны не императору, а панам. Кроме того, всё дело освобождения крестьян было передано на рассмотрение Сельскохозяйственного общества.

Карцев недоумевал, почему правительство, пользовавшееся расположением крестьян, не нарушенным и при беспорядках того времени, не взяло на себя обнародование освобождения крестьян. Ведь этим оно могло бы ещё больше привязать их к себе и, «опираясь на четырёхмиллионное население, обуздать бурливую шляхту».

Свою лепту в настрой крестьян в отношении власти могло внести духовенство, уверявшее их, что «русские хотят обратить их в православную веру».

Изменили своё отношение к власти и чиновники после отмены в Царстве всех чинов «под предлогом их неприменимости». Это сразу уронило в их глазах службу русскому правительству. К тому же вскоре последовал запрет русским начинать службу в Царстве. Они стали покидать край, а новые назначения по протекции вызвали недовольство среди как тех, кто остался на работе, так и вышедших в отставку. Многие из них подписали адрес императору, и почти все участвовали в демонстрации. «Так, — заключал Карцев, — был подготовлен материал для восстания».

Он обвинял управление и в отсутствии реакции на демонстрации осенью 1860 г. в годовщину восстания 1830 г., которые следовали одна за другой. Воспитанники разных школ вместе с толпой народа собрались у стен монастыря кармелитов и пели патриотические и революционные песни. А через несколько дней реальная гимназия в полном составе отправилась в костёл бернардинов, где была отслужена панихида по убитым в 1830 г.¹

С 3 февраля 1861 г. каждый день в Варшаве происходили манифестации: у статуи Богородицы и святых собиралось по несколько тысяч человек, которые вместе с молитвами пели революционные гимны.

25 / 13 февраля участники манифестации с молебном в память Гроховской битвы (1831 г.) между русской и революционной польской армиями были рассеяны казаками. Несколько человек было арестовано.

Всё это продолжалось до заседания Земледельческого общества 23 / 11 февраля 1861 г., когда оно взяло на себя функции Конституционного собрания и приняло резолюции. По поводу этих последних утвердивший их член заграничного революционного общества «Централизация» Людвиг Мирославский (в 1846 г. он был участником и организатором восстания в Кракове и Познани) восемь дней спустя

¹ Карцев П.П. Варшава в 1860 и 1861 гг. Воспоминания П.П. Карцева // Русская старина. СПб., 1882. № 12. С. 535–540.

из Парижа писал, что они «должны послужить отправной точкой национального восстания». Председатель общества Замойский принял роль диктатора¹.

Как телеграфировал 27 / 15 февраля наместник Александру II, при очередном «народном скопище» в солдат роты, наблюдавшей за ним, бросали камни. В ответ последовали выстрелы. Были убиты шесть человек. Их похороны превратились в манифестацию².

Таким образом, надежда императора, выраженная в письме командиру войсками и наместнику на Кавказе А.И. Бярятинскому от 20 / 8 февраля, что благодаря энергичным мерам удастся в зародыше подавить попытки восстания в Польше, не оправдалась³.

28 / 16 февраля М.Д. Горчаков писал императору, что Фиалковский представил на высочайшее имя прошение, причём архиепископ и почётные в крае лица — податели её (Замойский, граф Малаховский, банкир Леопольд Кронберг и купец Шлёнке) — заявили, что её представление императору «будет много способствовать к успокоению умов». «Она, — пояснил наместник, — заключается в общих выражениях, крайне либеральных, направленных к дарованию Царству различных прав».

Александр II 2 марта / 18 февраля предписал ему вернуть подателям прошение «за неприличием и неуместностью заключающихся в нём желаний». П.А. Валуев, министр внутренних дел в 1861—1868 гг., недоумевал, почему в С.-Петербурге наместника обвиняли в принятии этого адреса. Сам он замечал по поводу этого документа: в нём «не выражается никакого категорического желания или просьбы ни о статуте 1832 г., ни о конституции конгрессского царства, но только приносится Его Императорскому Величеству общая просьба обратить внимание на злополучное состояние Польши».

9 марта / 25 февраля император направил М.Д. Горчакову свой официальный рескрипт на поданное прошение. С ним были ознакомлены податели прошения, и он «был принят ими без всяких возражений»⁴.

Свою позицию по этому поводу Александр II так мотивировал в письме Бярятинскому от 19 / 7 марта 1861 г. Он признавался, что всё его время было занято делом освобождения крестьян и что «вопреки всем тревожным опасениям всё прошло спокойно и при самом полном порядке». Затем он называл другое дело, в высшей степени беспокоившее его, — беспорядки в Варшаве, которые предвидели в силу

¹ Карцев П.П. Варшава в 1860 и 1861 гг. Воспоминания П.П. Карцева // Русская старина. СПб., 1882. № 12. С. 541—546.

² Там же. С. 555.

³ ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. I. Д. 702. Л. 64—65.

⁴ Карцев П.П. Варшава в 1860 и 1861 гг. Воспоминания П.П. Карцева // Русская старина. СПб., 1882. № 12. С. 555—556; Последняя польская смута по переписке между Варшавой и Петербургом // Русская старина. Т. 36. СПб., 1882. С. 553—560; Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. I (1861—1864 гг.). Т. I. М., 1961. С. 74.

подстрекательства, шедшего из-за границы. Но, чего он не ожидал, так это беспечности и достойной сожаления слабости, доказательства которой в этих обстоятельствах дал М.Д. Горчаков.

После того, как он сам его предупредил, чтобы меры предосторожности были приняты, он не сумел предотвратить скопление на улицах безоружного народа. И единственный раз, когда войско вмешалось и должно было ответить несколькими выстрелами на брошенные в него камни, он осудил командовавшего им, заменил правительственную полицию своего рода буржуазной гвардией, руководимой делегацией города. Он позволил похоронить убитых, как героев и жертв польской нации. После 27 / 15 февраля на улицах больше не было беспорядков, возбуждение достигло высокой степени, благодаря петиции, которую он имел слабость не только принять из рук так называемой депутации представителей страны, но обещал её мне передать. Чтобы его не компрометировать, я должен был на неё ответить энергичным рескриптом; получив его, вместо того чтобы его объявить, кому по праву следовало в данное время, он намекнул, что правительство собирается заняться некоторыми реформами. И всё это под предлогом избежать нового конфликта на улицах! — в то время как он находился в совершенно ином положении, чем великий князь Константин в 1830 г., у которого было всего четыре батареи и три полка кавалерии против всей хорошо организованной армии. Признаюсь Вам, что это очень прискорбно, и Вы понимаете, в какое затруднительное положение это ставит меня, не зная буквально, кем его заменить¹.

19 марта 1861 г. по указанию императора был обнародован во всех газетах манифест о даровании различных льгот Царству Польскому. Согласно ему вместо бывшего Варшавского учебного округа и Духовного отдела при Комиссии внутренних дел учреждалась Комиссия вероисповеданий и народного просвещения, главным директором которой назначался граф Александр Велёпольский, маркиз Гонзага Мышковский.

Как следовало из протокола статс-секретариата по делам Царства Польского от 26 / 14 марта 1861 г., обещанные реформы сводились к следующему:

Независимое от центральных властей Империи управление края, под ближайшим ведением монарха; учреждение Государственного совета, как законодательного собрания из высших духовных и гражданских сановников, заседающих в нём по должности, и из членов по назначению государя императора; муниципальное управление Варшавы и важнейших городов Царства; губернские и уездные Советы из выборных членов, с председателем, назначаемым из среды их от правительства; преобразование школ высших и низших².

¹ The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.I. Variatinskii. 1857—1864. Paris, 1965. P. 144—145; ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. I. Д. 702. Л. 66—67.

² Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях. 1831—1862. М., 1873. С. 267, 269.

Сам император в письме Бярятинскому от 7 мая / 25 апреля 1861 г. считал, что польские события, как казалось ему, приняли лучший оборот, несмотря на всё то, что пишут иностранные газеты. «Власть там вновь взяла в свои руки бразды правления, кои она никогда не должна была бы выпускать, — полагал он, — остаётся привести в исполнение добросовестным образом реформы, на которые я согласился и сверх которых я не рассчитываю идти»¹.

Берг, по существу, связывал начало восстания в Польше с тем «необыкновенным временем», которое началось со вступлением на российский престол «великодушнейшего из государей», закончившего войну и начавшего громадные преобразования во всей Империи. Короче говоря, ситуация того времени в стране возродила надежду поляков вернуть свою независимость. Он писал:

Враг не дремал. ...Польская интрига принялась работать горячо и серьёзно. Салоны русских редакций незаметно наполнились поляками. ...Добрые Русские редакторы и, вообще, Русские люди очень сильно попались. Если б повторить то, что говорилось тогда нашими патриотами о поляках, что бы они теперь сказали! ...Ошибки, ротозейство, объятия и крики увеличивались ещё и оттого, что польское наше дело было для нас тогда очень плохо знакомо, было новостью, как бы только что родившеюся на свет².

6 апреля / 26 марта было обнародовано постановление о закрытии Земледельческого общества, насчитывавшего уже 5 тысяч членов. Это повлекло за собой новые демонстрации. После их усиления наместник письменно разрешил генералу С.А. Хрулёву применить оружие. Было сделано четыре залпа. Были раненные и убитые³.

30 / 18 мая скончался М.Д. Горчаков. Встал вопрос о назначении нового наместника.

17 / 5 июля 1861 г. в письме Бярятинскому император сожалел, что польские дела были ещё далеки от того, на что он имел право надеяться. Он полагал, что кончит тем, что направит в Польшу К.К. Ламберта (заметим, кстати, католика по вероисповеданию) в должности исполняющего обязанности наместника. Он сожалел, что не было прежних блестящих военных, чтобы совместить должности наместника и главнокомандующего, что создавало дополнительное затруднение для него, и не знал ещё, как устранить это препятствие, которое было «очень серьёзно, особенно в нынешних обстоятельствах». «Как вы видите, забот мне хватает, но я надеюсь, что Бог нас не оставит», — заканчивал он своё письмо⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. I. Д. 702. Л. 68; *The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.I. Variatinskii. 1857–1864.* P. 145.

² *Берг Н.В. Указ. соч. С. 133–134.*

³ *Карцев П.П. Указ. соч. С. 549.*

⁴ *The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.I. Variatinskii. 1857–1864.* P. 147.

Назначение Ламберта наместником состоялось. Он пробыл недолго на этом посту, но в то время, когда события в Польше развивались очень стремительно.

11 октября / 28 сентября император потребовал введения военного положения после окончания выборов в сейм. Наместник, до этого противившийся такой мере, исполнил его волю¹.

17 / 5 октября 1861 г. в Варшаве умер архиепископ Фиалковский. Его смерть дала повод для новой демонстрации. Как писал Ламберт Александру II 21 / 9 октября / 26 сентября 1861 г., перед похоронной процессией в числе национальных эмблем несли короны короля и королевы, старый герб Речи Посполитой: Белого орла с гербами Литвы и Белой Руси.

На 27 / 15 октября в память о Тадеуше Костюшко, национальном польском герое, вожде восстания 1794 г., который, будучи тяжело раненным, попал в русский плен и был освобождён Павлом I в декабре 1796 г., «центральный комитетом» были назначены панихиды во всех церквях Царства.

В ответ Ламберт издал прокламацию о строжайшем запрете такой манифестации и грозил арестами и судами в случае ослушания. Но 27 / 15 октября панихиды были отслужены и сопровождались, как обычно, пением революционных гимнов. В Варшаве изо всех костёлов народ успел уйти до прибытия войск, за исключением кафедрального собора, церквей бернардинской и Св. Креста. В них народ заперся. В ответ они были окружены войсками. Из церкви Св. Креста народ смог выйти по тайному выходу, в двух других церквях он оставался всю ночь.

На военном совете было решено утром женщинам дать покинуть церкви, мужчин арестовать (молодых сдать в солдаты, старых сослать на поселение). Но утром Ламберт велел освободить тех, кто, по мнению Л.Г. Левшина, варшавского обер-полицеймейстера, был невиновен.

Вошедшие в церкви утром солдаты арестовали 1600 человек. В ответ на это временно управлявший варшавской епархией после смерти архиепископа Фиалковского прелат Антоний Бялобржеский заявил протест против вторжения войск в храмы, объявил о закрытии всех костёлов Варшавы и о запрете священникам совершать в них службы². Он был арестован, посажен в цитадель. Суд приговорил его к лишению духовного звания, ордена Св. Анны и к расстрелу. Наместник смягчил приговор: его на год посадили в бобруйскую крепость, не лишая ни духовного звания, ни ордена.

Тогда капитул постановил: прервать всякие сношения с правительством, не принимать пакетов, приходящих из Комиссии вероисповеданий, и написать обо всём папе, прося добиться освобождения прелата или назначить ему викария.

¹ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. Кн. 3. СПб., 1911. С. 409–410.

² Во время помилования, по случаю годовщины восшествия на престол и дня рождения императора, он был среди прощённых ксендзов и вернулся в Варшаву (Там же. С. 413).

Папа направил успокоительное письмо и обещал всяческое заступничество варшавскому духовенству¹.

Одним из последствий сложившейся ситуации стало самоубийство варшавского военного генерал-губернатора А.Д. Гершенцвейга после «бурного объяснения» с Ламбертом². Последний, в «сильном душевном волнении» и к тому же будучи сам болен, 17 / 5 октября телеграфировал находившемуся в Ливадии Александру II: «Ради Бога пришлите кого-нибудь на наши места»³.

Император предложил место наместника и главнокомандующего первой армией А.Н. Лидерсу, который до этого был командующим южной и главнокомандующим крымской армией, но в 1856 г. по причине расстроенного здоровья подал в отставку и поселился в Одессе. А до прибытия его в Варшаву его должен был заместить бывший в Варшаве проездом из заграничной поездки военный министр Н.О. Сухожанет⁴. Прибывший в Варшаву Лидерс 28 октября вступил в свою должность. К этому времени внешнее спокойствие было восстановлено⁵. Ламберт уехал из Варшавы и всю оставшуюся жизнь прожил на острове Мадера, где скончался от чахотки.

После начала восстания императорское правительство обращалось к папе, как высшему авторитету, с призывом вмешаться, чтобы вернуть латинское духовенство к исполнению его прямой миссии.

В исторической справке министерства иностранных дел России о действиях Святого Престола, приведших к разрыву отношений, отмечалось, что в Риме были осведомлены, что с самого начала волнений в Польше значительная часть католического духовенства «содействовала тайными происками повстанческим приготовлениям». А подтверждалось это ссылками на то, что в 1858 г. 20 священников епархии в Полоцке были изобличены в том, что проповедовали неповиновение законным властям и спровоцировали возбуждение умов под предлогом организации обществ трезвости. Священники Витебской губернии в том же году были преданы суду за то, что вопреки органическим законам Империи причащали святым таинствам лиц православного исповедания⁶.

¹ Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях // Русский архив. СПб., 1873. Кн. II. С. 1227.

² По поводу произведения Ламберта из младших генерал-лейтенантов в полные генералы, назначения наместником и главнокомандующим в Царстве Польском Валуев замечал, что речь шла о человеке, «дотоле ничем не командовавшем, кроме лейб-гвардейского конного полка, и ничем не управлявшем, кроме южных военных поселений» (Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. I (1861—1864 гг.). С. 319).

³ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. Кн. 3. С. 410.

⁴ Он замещал наместника на этот раз с 11 по 27 октября, а до этого с 16 мая по 1 августа 1861 г.

⁵ Татищев С.С. Указ. соч. Т. I. Кн. 3. С. 410—411.

⁶ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 5.

Сведения об этом были известны Святому Престолу, что доказывала их публикация в 1867 г. в сборнике под названием «Документированное изложение постоянных хлопот, употреблённых папой Пием IX для устранения бед, от которых страдает католическая Церковь в России и Царстве Польском». Причём, подчёркивали составители справки, эти факты не только не осуждались, а, излагая их, государственный секретарь говорил о них с похвалой, обвинения же делались в адрес властей. Такая позиция и активное ободрение секретными путями не замедлили подтолкнуть большую часть латинского духовенства Польши, по мнению С.-Петербурга, к соучастию в волнениях в стране, воспользовавшись своим влиянием на низшие слои общества и особенно на женщин, используя мощное орудие исповедальни, священники пополняли и расширяли революционную организацию. «Религиозный фанатизм, привычки постоянно и без стеснения вмешиваться в светские дела, соединённые с ослаблением дисциплины чёрного и белого духовенства, цементировали этот святотатственный союз между Церковью и революцией», — говорилось в справке. Результатом этого стал тот факт, что более 500 священников были на законных основаниях уличены в прямом участии в Польском восстании¹.

11 мая / 29 апреля 1861 г. Киселёв известил Горчакова, что по просьбе кардинала оставил ему для ознакомления затрагивавшую этот вопрос депешу министра от 25 / 13 апреля и приложенную к ней копию письма наместника в Польше Ламберта по поводу поведения католических священников во время восстания в Варшаве. Кардинал обещал оповестить посланника об ответе папы на следующий день, но обещания не сдержал. Когда же через несколько дней Киселёв напомнил ему об этом обещании, он сказал, что папа ещё не был готов дать ответ из-за необходимости прежде посоветоваться с некоторыми лицами².

Две недели спустя ситуация не изменилась. 25 / 13 мая Киселёв писал, что, по полученным от Антонелли сведениям, папа всё ещё не принял решения. Правда, кардинал заверил, что, несмотря на существовавшие для папы серьёзные трудности, связанные с вмешательством в вопрос, в некоторой степени, политического характера, к тому же касавшийся духовенства, находящегося вне папского государства, Его Святейшество желал откликнуться на призыв российского императора. А для этого стремился вместе с кардиналом изыскать какое-нибудь средство, чтобы заставить услышать его голос в нынешних обстоятельствах и засвидетельствовать, таким образом, что принимает близко к сердцу желание сделать приятное императору. По словам кардинала, пребывая в таком расположении духа, папа думал о том, что, если императорское правительство предаст суду члена польского духовенства за какое-то политическое преступление и его вина была бы действительно доказана, это могло бы стать поводом для папы высказать своё порицание

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 6.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 133.

священнослужителю, наказанному судом страны. Но папе казалось как компрометирующим, так и опасным в его положении выдвинуть общее обвинение против всего духовенства. Тем более что подобный акт позволил бы другим правительствам обратиться с такой же просьбой, поскольку духовенство в Неаполитанском и Сардинском королевствах, Венгрии и других странах дало основание для претензий к нему своими демонстрациями и позицией, достойной порицания. Впрочем, добавил кардинал, если представится случай вновь изложить своё мнение и принципы, уже представленные в его аллокуциях и энцикликах последнего времени, папа был расположен воспользоваться этим и «намекнуть строптивому духовенству, что подвергнет его своему порицанию».

Поскольку кардинал хотя и заверил Киселёва в готовности папы принять его, но в то же время заявил, что он от него не услышит ничего нового, посланник решил отложить аудиенцию¹.

На этой депеше против слов о том, что папа был готов сделать, имелась помета Горчакова: «Я уже телеграфировал по приказанию императора Киселёву, что это предложение является насмешкой»².

В этой телеграмме Горчакова от 10 июня / 29 мая говорилось: «Римское предложение является смехотворным. Император Вам приказывает больше не настаивать»³.

Такая реакция на полученное сообщение тем более понятна, что, как следует из телеграммы Горчакова от 7 июня / 26 мая Киселёву, в С.-Петербурге ожидали ответа. Предварительный же ответ Рима находили «двусмысленным и неясным, не такого рода, чтобы нас удовлетворить. Мы хотим надеяться, что это не последнее слово. Телеграфируйте о решении, как только оно будет принято»⁴.

Горчаков хорошо отдавал себе отчёт в бесплодности попыток побудить Святой Престол высказать своё мнение по поводу происходивших событий. Когда епархиальный капитул Варшавы начал закрывать церкви, он писал Киселёву 21 / 9 октября 1861 г.:

Я Вам посылаю копию донесения графа Ламберта о последних событиях. Из него Вам будет ясна роль, которую играет католическое духовенство, роль, не изменившуюся с того момента, как начались беспорядки. Если оно заставило закрыть варшавские церкви, считая их осквернёнными, я нахожу, что поступило правильно. Осквернение датируется днём, когда человеческие страсти проникли за святую ограду и мятежные гимны заменили звучание христианских молитв. В этом смысле, действительно, произошло осквернение, и если, после того, как их очистят, духовенство вновь откроет церкви с тем, чтобы не терпеть в них ничего,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 152–153.

² Там же. Л. 153.

³ Там же Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 891. Л. 142.

⁴ Там же. Л. 141.

кроме того, что предписывает заповедь Господа, оно лишь выполнит свой долг. Тем не менее, я сомневаюсь, что оно намерено распространить мероприятие по закрытию церквей на всё Царство, подвергнуть, так сказать, страну церковному интердикту и лишить верующих милости Божьего слова, чтобы оказать услугу полным ненависти, совершенно светским страстям. Я хотел бы ещё сомневаться, что оно осмелится пойти на эту крайность. Если, несмотря на сделанные ему предупреждения с этой целью, оно ими пренебрежёт, я исполню свой долг, сообщив эти факты правосудию и Святейшему Отцу.

Горчаков не уполномочивал Киселёва на формальный демарш перед Курией, «не желая повторять призыв, который не был услышан», но предписывал ознакомиться Антонелли с этим письмом и с письмом Ламберта¹.

Тем временем, ещё до получения этого письма министра, Киселёв (донесение от 19 / 7 октября 1861 г.) в ответ на вопрос Антонелли, как обстоят дела в Польше, упрекал Святой Престол за его нежелание оказать помощь и поддержку императорскому правительству, доказав тем самым «бесплодность отношений с ним». В ходе беседы Киселёв, в частности, напомнил, что, сурово осудив в одном из своих последних пасторских посланий духовенство Неаполя и Милана, папа не сделал этого в отношении поведения польского духовенства. А затем он заявил, что такой образ действия не может оставаться незамеченным и что в Ватикане не должны будут удивляться изменению позиции С.-Петербурга в отношении него, «который хочет получить всё, никогда ничего не предоставляя взамен тем, кто с ним имеет дело»².

В ответ на эти упреки не последовало никаких оправданий. Антонелли предпочёл отмолчаться. Из этого Киселёв заключил, что был вправе продолжать и дальше высказываться таким же образом. Впрочем, он понимал, что такие истины были для кардинала не в новинку, потому что при первых объяснениях он их уже слышал от него. К тому же в таком же смысле посланник высказывался и перед лицами близкими правительству. Так, в частности, кардиналу Саккони он говорил о том, «насколько позиция Святого Престола в отношении нас была несправедливой, политически необоснованной и неумелой, так как в определённый момент голос и помощь России могли бы быть очень полезны и благотворны для римского Двора. Он же делает всё, чтобы лишить себя благорасположения императорского кабинета перед лицом возможных случаев, могущих возникнуть с минуты на минуту». Киселёв полагал, что ему удалось здесь обосновать, что в обмен на доказательства доброжелательности с российской стороны в отношении Святого Престола «даже в момент, когда его единоверцы ему столь открыто враждебны, он обнаружил так мало готовности прийти нам на помощь своим моральным авторитетом и лишний раз нам доказал, что мы не должны бы рассчитывать ни на какую взаимность чувств и услуг с его стороны». Киселёв считал, что исчерпал этот предмет, и ему

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 6–7.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 272–273.

оставалось только следить за ходом событий и приводить свой образ действия в соответствие с образом действия руководителей Святого Престола.

«Он правильно поступил» — такой пометой император засвидетельствовал своё одобрение такого решения посланника¹.

При следующей встрече, когда посланник, передавая Антонелли письмо Горчакова от 21 / 9 октября и донесение Ламберта для ознакомления с ними папы, поинтересовался отношением папы к событиям в Польше, кардинал заговорил о трудностях для понтифика предпринять какой-либо демарш в данных обстоятельствах. И «после долгих разглагольствований» заметил, что решительное вмешательство в этот вопрос папе было тем менее позволительно, что польское духовенство не прекращало жаловаться на чинимые ему помехи при исполнении религиозных обязанностей. А не имея свободных и прямых сношений с ним из-за отсутствия его представителя в России, Святой Престол был лишён воздействия на духовенство².

На следующий день после этой беседы кардинал сообщил, что папа уполномочил его конфиденциально известить Киселёва, что не одобрял решения польского духовенства по вопросу о закрытии церквей в Варшаве, как и на остальной территории Царства Польского; что если у него не было случая выразить это формально, то он об этом поставил в известность накануне лиц, прибывших специально, чтобы оправдать позицию духовенства во время последних событий в Варшаве.

К этому кардинал добавил, что со своей стороны в беседах с приверженцами дела Польши он сурово осудил участие польского духовенства в революционных действиях соотечественников, что не переставал им внушать, что, продолжая свои враждебные действия против российского правительства, Польша только проиграет. Три соседние великие державы, слишком заинтересованные в сохранении в ней спокойствия, договорятся и её разгромят. Ибо известно, что её подстрекают действовать другие; что эти беспорядки и восстания были согласованы с революционным сообществом, в которое входят Венгрия и Италия; но что, тем не менее, сила и створ трёх великих держав одержат верх, а Польша проиграет.

Наконец, Антонелли признал правомочность российского правительства арестовать священника одной из двух церквей Варшавы, где укрывались мятежники, к действиям которых они присоединились. Он находил также правомерным со стороны правительства, чтобы оно открыло те из церквей, которые не были осквернены пролитием крови, и предало суду духовных лиц, обвиняемых в правонарушениях, поскольку они не пользуются личным иммунитетом, подчиняются общему закону и подлежат наказанию обычного суда³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 273—274.

² Там же. Л. 282—283.

³ Там же. Л. 283—287.

Занятая Курией позиция не удовлетворила Александра II. На излагавшем всё это донесении Киселёва от 10 ноября / 29 октября 1861 г. он написал: «Конфиденциального (подчёркнуто Александром II. — О.С.) признания папы нам недостаточно, что касается наказания одного прелата в Польше, я не ожидаю от этого никакого результата и хотел бы его отклонить»¹.

7 декабря / 25 ноября Киселёв, по указанию Горчакова, ознакомил Антонелли с депешей министра от 14 / 2 ноября, содержащей сведения о различных нарушениях польским католическим духовенством существующих законов и постановлений, которые Киселёв определил «крестовым походом против законного порядка со стороны духовенства столь же революционного, сколь забывшего обо всех своих религиозных обязанностях». Кардинал счёл необходимым ознакомить с этой депешей папу. Через три дня, возвращая депешу, кардинал сказал, что папа был очень опечален содержащимися в ней подробностями. Сколь бы ни было ценно это чувство понтифика, заметил в ответ дипломат, оно служило лишь ещё одной бесплодной демонстрацией, которая ничего не исправляет и которая, впрочем, контрастирует с чувствами, выраженными в послании, согласно некоторым газетам направленном Святым Отцом варшавскому архиепископу Фиалковскому в июне месяце.

Не отрицая существования этого бреве (по поводу чего император на полях донесения заметил: «Было бы трудно отрицать также его публикацию в газетах!»), кардинал дал такие разъяснения Киселёву. Его содержание (оно, впрочем, советует спокойствие и умеренность польскому духовенству), сказал он, «было ещё одним доказательством, что Святой Престол так же пострадал со стороны религии, как императорское правительство — со стороны политики». А для сохранения своего морального авторитета он видел себя так же обязанным защищаться на этой деликатной почве, как на почве фактической власти, признавал он, было бы заинтересовано защищаться российское правительство.

Киселёв обратил внимание кардинала на нарушение Святым Престолом в данных обстоятельствах обычая, когда он передал это бреве, о существовании которого газеты узнали лишь в последние дни, через иные руки, чем его. Затем он не преминул подчеркнуть то, «что в нём было необычное в выражении чувств симпатии со стороны Святого Отца к жителям в момент, когда они восстали против законно установленного порядка». Эти замечания дипломата встретили одобрение императора. «Правильно сделал», — написал он на полях.

Чтобы избежать бесполезной дискуссии относительно передачи бреве, поскольку Святой Престол никогда не переставал протестовать против способа, вменяемого ему для сношений с католическим духовенством, дипломат счёл более полезным прояснить более важный вопрос, вернувшись к содержанию справок, которые он ему сообщил. Он спросил кардинала, мог ли он считать возможным

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 282.

не осудить священников, столь виновных, как упомянутые в справке, о которой шла речь, и не находить естественным, что правосудие их покарает со всей его суровостью. Кардинал не мог ему не дать утвердительный ответ, так как он знал, что с аналогичным вопросом по поводу католического духовенства познанского герцогства к нему уже обращался прусский коллега Киселёва. Кардинал действительно сказал Киселёву о сделанном им таком предупреждении. Если его правительство окажется вынуждено ввести в герцогстве осадное положение, а члены этого духовенства приняли бы участие в революционных движениях, оно решило относиться к ним, каким бы ни был их ранг, с такой же суровостью, как к другим жителям, которые провинились бы тем, что участвовали в восстании.

Ответ кардинала был таким: прусское правительство было бы вправе обращаться со священнослужителями, признанными виновными, так же, как с другими жителями. Он не мог ничего иного сказать и Киселёву.

Продолжая, Антонелли заметил, что наилучшим средством вернуть духовенство на верный путь было бы скорое назначение варшавского архиепископа, который дал бы одинаковые гарантии преданности как императорскому правительству, так и Святому Престолу и который занял бы свой пост с полномочиями, необходимыми, чтобы отстаивать свои убеждения.

Из этого Киселёв сделал вывод. Каким бы ни было пожелание кардинала и последствия, которые надлежало бы императорскому правительству ему придать, не нужно, полагал он, слишком сильно тревожиться по поводу жалоб и обвинений, которые в обычаях римского Двора, и «можно, как мне кажется, сохранять свою полную свободу действий в отношении духовенства, открыто враждебного и мятежного». Против подчёркнутых им же слов Александр II заметил: «Я на это очень надеюсь»¹.

Отдавая отчёт в серьёзности сложившейся ситуации, императорское правительство решило пойти на важную, с его точки зрения, уступку, согласившись на приезд в Россию римского прелата.

В депеше Киселёву от 9 декабря / 27 ноября Горчаков так мотивировал это решение. Оно было ответом на переданные ему Антонелли, со слов папы, жалобы польского духовенства на встречаемые им препятствия при исполнении своих обязанностей и, особенно, на отсутствие свободного и прямого сообщения между ним и Святым Престолом, что лишало римский Двор всякого источника информации и всякой возможности действовать. А также на выраженное через кардинала пожелание папы направить прелата в Варшаву для передачи рекомендаций и указаний римско-католическому духовенству.

Горчаков так напоминал о позиции С.-Петербурга относительно общения католического духовенства с Курией:

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 300–302.

Если в Российской империи, как и в большинстве других государств, даже исповедующих римско-католическую веру, отношения духовенства с находящейся вне государства властью должны быть упорядочены некоторыми формальностями, так это в силу политического принципа, вообще, принятого в Европе, и Конкордата, по своей воле заключённого Святым Престолом. Невозможно, следовательно, отступать от этого правила, которое нисколько не препятствует отношениям католического духовенства со Святым Престолом и ограничивается лишь установлением формы и процедуры. <...>

Наш Августейший Монарх считает своим святейшим долгом обеспечить всем своим подданным самую полную свободу совести, всем служителям духовных дел, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, самую широкую защиту в осуществлении их духовной миссии. Определяя в качестве границ этого предписываемые общими интересами Империи законы, Его Императорское Величество лишь сообразуется с существующей для монархов во всех странах необходимостью. Он не считает, что, требуя от служителей культа не учинять беспорядки, раскол или скандал, эти законы налагают на них обязанности, которые не могут согласовываться с их миссией мира и милосердия или которые не предоставляют им необходимую свободу действий для её выполнения. Кроме этих обязательных условий, со времени своего вступления на трон, император руководствовался принципами самой широкой терпимости¹.

Таким образом, в очередной раз сославшись на необходимость соблюдения «некоторых формальностей» в отношениях Курии с католическим духовенством России, что, как доказывалось, вполне соответствовало общепринятым нормам, Киселёв должен был заверить Святой Престол в проявляемой императором заботе о нуждах его католических подданных и готовности по этой причине пойти навстречу пожеланиям папы направить в Россию прелата, уполномоченного передать указания и пожелания римского первосвященника польскому духовенству. Это согласие императора должно было восприниматься как выражение глубокой почтительности к Его Святейшеству.

Император не скрывает никаких своих деяний; он отвергает только ложь, разрушающую доверие. Представитель папы сможет оценить собственными глазами и правдиво сообщить Его Святейшеству о подлинном положении дел. Он убедится, что в нынешних событиях в Царстве Польском, никоим образом, не затронуты интересы религии и что, напротив, недостойным надругательством её заставили вступить в бой страстей, —

так мотивировалось принятое императором решение².

Тогда же Киселёв был уполномочен дать понять кардиналу Антонелли, что императорское правительство было расположено согласиться даже не на временную,

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 7.

² Там же. Л. 7—8.

а постоянную миссию посылаемого папой прелата. Произойти это могло, если бы опыт показал, что постоянная миссия была бы полезна «для теснейшего сближения со Святым Престолом, разрешения затруднений и приведения католического духовенства Польши к чувствам и действиям, более соответствующим его долгу»¹.

Как писал Киселёв Горчакову 31 / 19 декабря 1861 г., ознакомившись с этой депешей Горчакова, Антонелли отнёсся «с интересом и удовлетворением» к содержавшемуся в ней известию. Депеша затем была передана кардиналу для ознакомления с ней папы. При этом дипломат сообщил, что российское правительство «не будет против, если эта временная миссия превратится в постоянную, т. е. в представительство папы в России».

Позднее из беседы с папой Киселёв вынес впечатление о его готовности пойти именно по такому пути: направить временную миссию с перспективой превращения её в дальнейшем в постоянное представительство².

Таким образом, правительство само подняло вопрос, прежде возбуждавшийся лишь Курией. И при этом речь шла об учреждении постоянного представительства папы в лице не посла, как это было до того времени, а нунция. Однако реализации этих благих намерений помешает ряд обстоятельств.

Между тем быстро, и как вначале казалось, к общему удовлетворению, удалось урегулировать обычно трудно разрешимый вопрос о замещении вакантной кафедры, тем более что речь шла о варшавской архиепархии, только что ставшей свободной после смерти архиепископа Фиалковского. Римский Двор торопил назначение С.-Петербургом его преемника. Предложенная кандидатура аббата Сигизмунда Феликса Фелинского, о чём Киселёву было сообщено ещё одной депешей от 9 декабря / 27 ноября, которая, так же как и другие, была зачитана Горчаковым императору³, была одобрена папой. Об этом он известил Киселёва во время аудиенции 27 / 15 декабря. Причём, чтобы ускорить канонический процесс, его было решено провести в Риме⁴.

А 31 / 19 декабря Киселёв телеграфировал, что папа «провозгласит Фелинского достойным сана епископа в ближайший понедельник на консистории ad hoc, не дожидаясь необходимых документов». Затем по этому поводу поступили ещё две телеграммы, от 6 января 1862 г. / 25 декабря 1861 г. и от 12 января 1862 г. / 31 декабря 1861 г. В первой сообщалось об утверждении варшавского архиепископа утром на консистории и об обещании в конце недели передать для него буллу

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 2206. Л. 31; Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 8.

² Там же. Л. 8; Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 327–328.

³ *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. I (1861–1864 гг.). С. 129.

⁴ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 8; Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 317, 320–321.

и полномочия. Вторая извещала уже о посылке паллиума и всех необходимых полномочий¹.

Донесение Киселёва от 31 / 19 декабря воспроизводит подробности утверждения кандидатуры Фелинского. При первой беседе с Антонелли, когда он настаивал на немедленном назначении его апостольским викарием и администратором варшавского архиепископства и представил справку о нём министерства внутренних дел, кардинал выразил удовлетворение желанием правительства заполнить вакансию, которое отвечало и желанию папского правительства. Он сразу сказал, что канонически только один капитул имел право выбрать капитулярного викария после смерти епархиального епископа или архиепископа и что, кроме случая добровольной отставки священнослужителя, избранного капитулом, Святой Престол не может ничего ему об этом сказать, так как капитул его заставляет принять его выбор, каким бы он ни был. А папа был обязан его принять и даже иногда терпеть, вопреки своей воле. Свой же ответ кардинал обещал дать после здравого рассмотрения вопроса.

Через два дня, выполняя обещание, он это сделал, сославшись на беседу с папой, который с удовлетворением узнал о решении правительства заполнить вакантную варшавскую кафедру, что касается избрания викария, оно по праву принадлежит капитулу, без того чтобы Святой Престол принимал его отмену иначе, чем вследствие добровольной отставки законно избранного викария. Относительно нежелания императорского правительства, чтобы прелат Бялобржевский оставался во главе варшавской епархии, было замечено следующее. Сколь серьёзными ни были бы основания для этого в его глазах, канонически они ни в чём не ставят под сомнение законность его назначения капитулом викарием, функции которого он уже исполнял в течение некоторого времени до неправильного решения закрыть церкви в Варшаве.

Саму кандидатуру Фелинского папа готов был принять и провозгласить достойным сана архиепископа. В идее назначения сначала апостольского викария или его посылки даже отсюда, придав временный характер, папа находил большие неудобства. Причиной служили опасения, как бы в условиях возбуждения умов и глубоких разногласий среди духовенства папские авторитет и достоинство не были бы лишь скомпрометированы в лице, которое им представлялось бы в качестве папского викария. Таким образом, вместо того, чтобы быть полезным, он «сделался бы лишь жертвой ситуации, в которой он был бы только обесславлен и напрасно принесён в жертву».

Эти соображения показались посланнику неосновательными и несерьёзными. В ответ он заявил, что императорское правительство было слишком сильным, чтобы лица, облечённые простой моральной властью, не могли бы рассчитывать на помощь, столь твёрдую, сколь действительную, с его стороны, а посему он не мог

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 891. Л. 151–152, 154.

принять опасения, которые не разделял и которые ему «кажутся вообразаемыми или, по меньшей мере, преувеличенными».

В заключение беседы Киселёв просил ускорить сбор сведений о кандидате, и на следующий день кардинал сообщил, что это удалось сделать и что сведения были положительными¹.

Фелинского о предстоявшем его назначении в декабре 1861 г. известил сам император, а спустя несколько дней после его назначения архиепископом он дал ему аудиенцию².

Само его посвящение в сан архиепископа, как следует из записи в дневнике Валуева от 26 / 14 января 1862 г., состоялось утром в мальтийской церкви. 27 / 15 января он присутствовал также на «обеде официальном с тостами у митрополита Жилинского в честь архиепископа Фелинского»; а 30 / 18 января он запишет: «Обедал у гр. Борха (Борх А.М. — директор императорских театров, член Совета министерства иностранных дел. — О.С.) с архиепископом Фелинским и прочими римскими католиками».

О первых шагах архиепископа министр сделал краткие, но весьма красноречивые записи от 14 / 2 февраля: было получено известие об открытии в Варшаве соборной и бернардинской церквей, а в этот день должно было последовать открытие и других³.

Удовлетворением развитием событий в Риме по поводу назначения Фелинского посланник поделился со своим братом П.Д. Киселёвым, тогда послом во Франции, сразу после аудиенции у папы, 31 / 19 декабря. Последний нашёл, что полученные из Рима известия сулили благоприятный поворот в попытках правительства «обуздать фанатические настроения» в Царстве Польском. Его немало порадовало и то, что успешное ведение переговоров в Риме по одному из щекотливых вопросов всецело принадлежало его брату.

Переговоры увенчались успехом, — записал он в своём дневнике, — Святой Отец согласился на предложенный нашим правительством выбор аббата Фелинского, который назначается архиепископом варшавским и будет посвящён, как только получат в Риме требующиеся бумаги. Папа пошлёт на время в Петербург духовного сановника, а затем имеется в виду назначить постоянного представителя папского престола. Посылаемому временно духовному лицу будет поручено преподавать польскому католическому духовенству от имени Святого Отца наставления и увещевания. Переговоры об этом, тем более, должны считаться удавшимися, что они окончены без шума и без всякого неудовольствия, как с той, так и с другой стороны⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 317–321.

² Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях // Русский архив. Кн. II. М., 1873. С. 1244–1245.

³ Валуев П.А. Указ. соч. Т. I. С. 140.

⁴ Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселёв и его время. Т. III. СПб., 1882. С. 274–275.

Через короткое время посланник возвращается к этому же вопросу в письме брату от 21 / 9 января 1862 г. Он с ним делится только что полученным по телеграфу известием о своём награждении орденом Белого орла за заслуги, оказанные им переговорам об этом деле. А затем продолжает:

Добрый папа, при одной мысли, что ему может быть удастся иметь своего нунция у нас, в совершенном восторге; он от этого как будто молодеет и не в силах скрыть свою радость. Если назначат постоянного представителя папского Престола, то не иначе как нунция, судя по высокому положению того духовного лица, которое временно посылается в Россию, так как, вероятно, это самое лицо будет утверждено в качестве постоянного представителя. Мне кажется, что, в сущности, принимая в соображение все усилия за и против, присутствие в С.-Петербурге представителя папы настолько облегчит и упростит наши отношения с римскою Кuriею, что выгоды от такого назначения превысят могущие встретиться неудобства. При том же теперь нам невозможно отступить от сего, мы слишком далеко зашли, изъявив согласие на присылку нунция. Мне остаётся теперь лишь одно — стараться, чтобы выбор пал на достойнейшего человека, а это не так легко, потому что здесь, как и везде, людей, выступающих из ряда обыкновенных, очень мало, — в чём вы легко могли убедиться сами, познакомившись с новым сотоварищем вашим Киджи¹, который, можно сказать, один из лучших и наиболее представительных людей римской Кuriи. Впрочем, нам не следует очень торопиться с этим, так как учреждение постоянной нунциатуры в С.-Петербурге интересует, гораздо более, папский Престол, чем нас, особенно после того, как нам удалось, с небывалою, при существующих здесь порядках, быстротою, добиться архиепископа в Варшаву. Выбор наш на эту кафедру был встречен с таким всеобщим одобрением (он принят благосклонно не только папским правительством, но даже самыми яростными поляками, не исключая княгини Одескальки)², что я начинаю сомневаться, не ошиблись ли мы в истинных чувствах кандидата нашего Фелинского³, и не изменит ли он

¹ Годом ранее, в феврале 1860 г., П.Д. Киселёв поделился с братом впечатлением, вынесенным о нём в ходе продолжительной беседы об итальянских делах. «Разговор и телодвижения нунция, — писал он тогда, — изобличают закоренелого Итальянца. Он огушитель и силится доказать, что очень сговорчив, но на самом деле он сговорчив, когда с ним соглашаются. Он требует для папских владений *statu quo*, а в остальном готов вступать в прения» (*Заболоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. Т. III. С. 164).

² Софья Одескалки, урождённая графиня Браницкая.

³ Он был сыном волынского помещика средней руки Герарда Фелинского, который в тридцатых годах был сослан в Сибирь по обвинению в революционной пропаганде, где и умер в 1838 г.

В связи с назначением Фелинского в 1862 г. в III Отделении по материалам дел, имевшихся в его архивах, было составлено специальное дело, озаглавленное «О назначенном в Варшаву епископе Фелинском, а также и о дворянке Еве Фелинской». Из этих материалов следует, что в 1839 г. при проведении следствия по делу об открытых в Западных губерниях тайных обществах было обнаружено, что его мать Ева Фелинская (урождённая Вендорф) «была знакома

нам, раз вступивши в эту должность, так же точно, как изменил нам архиепископ Головинский и другие, в искренности которых и преданности интересам России мы были так уверены. Желал бы очень, чтобы сомнения мои не оправдались и чтобы

с эмиссаром (Агрипином) Конарским, знала все его действия, передавала ему письма и деньги, знакомила его со многими, принимала его у себя дома, как эмигранта, подписывала циркуляры по тайному обществу союза польского народа, гмина Скала, содействовала укрывательству некоторых мятежников, основала в Кременце школы и составила устав женского общества, неоконченный проект которого найден был у неё в бумагах». За это она была сослана в Берёзов, уездный город Тобольской губернии, без лишения прав состояния. Имение её было обращено в казну, а на её содержание в Сибири было назначено по 500 рублей в год.

На первое обращение Фелинской к А.Х. Бенкендорфу в 1839 г., по прибытии на место ссылки, с просьбой, обращённой к императору, изменить место её ссылки из-за сурового климата никакой реакции не последовало. С письмом о такой же просьбе от 24 / 12 февраля 1841 г. обратилась к Бенкендорфу Полина, дочь Евы Фелинской, после получения отказа на обращение в комиссию прошений. Она ссылалась на то, что мать оставила шестерых, по большей части малолетних детей и старую больную мать, а здоровье её самой разрушает климат в Берёзове. Она молила императора облегчить судьбу матери и, если невозможно вернуть её им, сохранить её жизнь, изменив место ссылки. На письме имеется резолюция Бенкендорфа: «Невозможно. Подождать». Но 4 октября / 22 сентября 1841 г. Ева Фелинская обращалась к Бенкендорфу уже из Саратова с просьбой выплачивать ей здесь тоже содержание в размере 500 рублей в год, как в Берёзове. Просьба удовлетворена, но размер выплаты был уменьшен до 143 рублей в год. Отказ удовлетворить просьбу Полины Шемеш, урождённой Фелинской, «проживавшей ныне в Херсоне при муже своём Адаме Шемеше, присланном сюда под надзор полиции», с которой находилась несовершеннолетняя сестрёнка Софья, разрешить матери жить с ней мотивировался Бенкендорфом так: «Граница близко, нельзя».

После ссылки матери Феликс Фелинский, как следует из письма киевского военного губернатора Бибику Бенкендорфу от 28 / 16 сентября 1839 г., просил «об исходатайствовании ему разрешения на поступление в Учебные заведения корпуса Путей Сообщения, на казённое содержание». Представляя его просьбу на решение императора, Бенкендорф ознакомил его со своим мнением, которое так сформулировал в ответном письме Бибику от 21 / 9 октября. Он считал, что «из-за важности действий матери» её сын, которому шёл семнадцатый год,

...если и не разделяет образа её мыслей, но, скорбя о её несчастьи, может, по природной полякам пылкости, иметь вредное влияние на окружающих молодых людей, и потому считаю, с моей стороны, неудобным поместить его в какое-либо учебное заведение в С.-Петербурге; но дабы показать, что заслуженный матерью Фелинского гнев правительства не распространяется на него, то я полагаю бы выдать на окончательное воспитание его 1000 рублей, и впоследствии, в случае нужды, предоставить ему обращаться ко мне.

Николай I разделял мнение шефа жандармов. 24 / 12 декабря 1839 г. Бибиков известил Бенкендорфа, что, согласно с желанием дворянина Фелинского, он был «отправлен ныне» к С.Г. Строганову, попечителю Московского учебного округа и университета «для определения в Московский университет». Ему было выдано 300 рублей, а по поводу остальных

наш юный архиепископ (ему всего 39 лет) показал себя в Польше надёжной опорой нашего правительства, на что, по-видимому, так рассчитывают в Петербурге¹.

В ответ на эти размышления брата П.Д. Киселёв писал:

Я разделяю твои мнения о польском неопите, которого у нас так превозносят. Увидим, как он себя покажет. Конечно, ему придётся, при исполнении своей миссии, бороться со многими трудностями, а их не так легко преодолеть; если он покажет себя чересчур Русским, то утратит всякое влияние над Поляками; напротив, если он останется Поляком, то потеряет доверие Русских; и того и другого избежать будет трудно, — разве что ему удастся пересоздать своё духовенство, которое, в явное противоречие с учением Спасителя, полагает, что царство их от мира сего (подчёркнуто в тексте. — О.С.)².

Оптимистически в отношении возможностей архиепископа Фелинского был настроен кардинал Киджи. Как следовало из другого письма брату П.Д. Киселёва, кардинал надеялся, что архиепископ «успеет водворить порядок в своей епархии

700 рублей Фелинскому должны были сообщить, что если этих денег окажется недостаточно и «в оных он встретит нужду, то может тогда обратиться с просьбой о пособии» к Бенкендорфу. На письме Строганова от 1 февраля / 20 января 1842 г., в котором он писал, что «ныне студент Фелинский объявил мне, что он терпит крайнюю нужду и просит о пособии на своё содержание», Бенкендорф наложил резолюцию: «Ещё 1000, но с тем, чтобы деньги были у гр(афа) Строганова». В соответствии с этой резолюцией 10 февраля / 29 января 1842 г. Строганову министерством финансов было выслано 300 рублей серебром с просьбой выдавать эти деньги Фелинскому по мере надобности. Этими данными ограничиваются сведения III Отделения о Фелинском (ГАРФ. Ф. 109. Департамент полиции. Первая экспедиция. Оп. 11. 1836. Д. 76. Ч. 50. Л. 15–17, 19–20, 30–32; Оп. 14. 1839. Д. 272. Л. 1–3, 8–9, 11–12; Оп. 37. 1862. Д. 24. Л. 2–3).

Сведения о дальнейшей судьбе имеются в «Записке Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях». Из неё следует, что, когда дети остались беспризорными, Сигизмунда взял в свой дом помещик З.К. Бржозовский (его жена была графиней Замойской). По окончании Московского университета он в качестве воспитателя его детей уехал в Париж; по возвращении окончил житомирскую семинарию и через год на средства той же семьи уехал в С.-Петербург учиться в Духовной академии, где под руководством архиепископа Головинского стал сначала кооператором при костёле Св. Екатерины, а через четыре года профессором Академии и её духовным отцом (*Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях // Русский архив. М., 1873. Кн. II. С. 1231–1232*). Биография Фелинского и его семьи, таким образом, была хорошо известна, и в ней были факты, которые, казалось бы, не должны были располагать к его назначению архиепископом. Не имея документов о том, как принималось это решение, нельзя не предположить, что свою роль сыграли ограниченные возможности выбора всегда, а тем более в конкретной ситуации того времени.

¹ *Заблотский-Десятковский А.П.* Указ. соч. Т. III. С. 275–276.

² Там же. С. 276.

и поставит себя в хорошие отношения к русскому правительству». Он делился содержанием разговора и по другому поводу:

Мы с ним много говорили о неудобстве прозелитизма, которым заражено католическое духовенство и от которого оно не может воздержаться и в прочих христианских государствах. На эти мои слова, — писал он, — Киджи отвечал: «так как истина одна (la vérité n'étant qu'une) (подчёркнуто в тексте. — О.С.), то каждый служитель Господа Бога должен делать все усилия, чтобы она восторжествовала». Отвечать на это было не трудно, и я ответил, но не ручаюсь, что обратил на более здравый путь этого питомца Ватикана¹.

Решить вопрос о том, был ли удачен выбор кандидатуры на замещение варшавской кафедры, могло помочь лишь будущее, которое окажется очень близким. Но о подлинных настроениях, царивших в Ватикане, в С.-Петербурге уже смогли судить по недавним весьма красноречивым фактам. Дело в том, что в С.-Петербурге в декабре 1861 г. стало известно, что «в то время, как Святой Престол конфиденциально (подчёркнуто в тексте. — О.С.) не одобрял поведение польского духовенства и воспользовался ситуацией, чтобы запросить и добиться столь важных уступок», папа тайно направил варшавскому архиепископу Фиалковскому в связи с его юбилеем послание, в котором он поощрял духовенство и выражал свои симпатии к чаяниям польского народа, которые Святой Отец квалифицировал как «законные»².

Это произошло ещё в июне, но стало достоянием гласности лишь теперь из публикаций после смерти Фиалковского в двух «преданных» римскому Двору органах — «Le Monde» и «L'Union», сославшихся на издававшуюся в Познани газету «La Semaine Catholique».

Наше первое движение было посчитать его (это известие. — О.С.) недостоверным и измышленным единственно, чтобы служить делу революции в Польше, — делился Горчаков с Киселёвым (Н.Д. — О.С.) реакцией в С.-Петербурге на это известие. — Нам казалось невозможным предположить, что Святой Престол мог прибегнуть к такому образу действия, столь мало сообразующемуся с заверениями, которые он нам доставлял.

Не говоря уже о нарушении правил передачи бреве через императорское правительство и против установленных правил для официальных сношений Святого Престола с католическим духовенством в Царстве, министр привлекал внимание к дате этого документа — июню месяцу.

Тогда римский Двор был «вполне информирован о поведении духовенства». Он знал о его участии в уличных беспорядках, о его стремлении приукрасить религиозным предлогом анархические демонстрации, спровоцированные извне

¹ Заблотский-Десятковский А.П. Указ. соч. Т. III. С. 276—277.

² АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 8.

вожаками космополитической революции. Её «разрушительный характер был бы, вероятно, лучше оценён в Европе без маски, одобрение которой римско-католическим духовенством позволило демаггии прикрыться в глазах общественного мнения». Осведомив об этом Святой Престол, в С.-Петербурге, пояснил министр, на законном основании просили «о помощи, чтобы вернуть духовенство на позиции, соответствовавшие его прямым обязанностям».

Он признавал, что папское правительство, правда, избегало высказываться категорически, адресуя польскому духовенству внушения и формальные советы. Тем не менее Антонелли ссылался на принципы, которых придерживался римский Двор во все времена, принципы очень хорошо известные, по его мнению, чтобы нуждаться в новом подтверждении, и он не отказывался их напомнить при случае тем из членов духовенства, кто ему был бы указан как от них отклонившийся.

Хотя такой ответ не был тем, который мы могли бы ожидать от папского правительства, он был далёким от того, чтобы нас заставить предположить, что оно одобряло происки, о которых мы доводили до его сведения, и ещё гораздо меньше, что оно было расположено их поощрять, — продолжал Горчаков. — Однако именно это время было выбрано, чтобы доставить, без нашего ведома, варшавскому архиепископу бреше Святого Отца, которое сводится к обвинениям против императорского правительства. В нём не было произнесено ни слова порицания, не было сделано ни намёка на участие духовенства в уличных беспорядках, более того, пожелания римского Двора в нём были смешаны с теми, что польский народ недавно сформулировал, и эти пожелания, когда религия служит лишь предлогом разрушительным политическим тенденциям, были объявлены законными!

Император глубоко сожалел о поведении польского духовенства, на помощь которого он хотел положиться, чтобы «просветить души и успокоить страсти». Но он был бы в этом отношении меньше удивлён, если бы знал о тайном поощрении, которое Святой Престол вот уже пять месяцев как дал этому духовенству, настоятельно советуя ему выдвигать религиозные претензии, которыми прикрываются зачинщики беспорядка.

Этого обстоятельства, полагал министр, было совершенно достаточно для объяснения инертности благонамеренных членов римско-католического духовенства. Ведь они,

...признавая перед нашими властями опасность такого вмешательства религии в политические страсти, тем не менее, колебались до настоящего времени открыто продемонстрировать своё неодобрение из-за совестливости, которая могла быть приписана лишь распоряжениям, содержавшимся в папском бреве, если, я это повторяю, этот документ не был вымышленным.

Киселёву предписывалось в этом удостовериться. Если документ окажется недостоверным, предполагалось, что папское правительство «сочтёт достойным для

себя дать формальное опровержение». В случае его подлинности дипломат должен был не позволить игнорировать государственному секретарю «ни тягостное впечатление, которое он должен был произвести на умонастроение» императора, «ни суждение, которое Его Величество о нём вынесет, и Вы будете во всеуслышание протестовать от имени императорского правительства»¹.

Государственный секретарь, не отрицая существования этого послания, дал Киселёву (донесение от 31 / 19 декабря 1861 г.) следующие объяснения:

Святой Отец обязан защищаться от обвинений в недостаточном проявлении усердия в отношении интересов Церкви, что если он доставил этот документ архиепископу не через мои, а другие руки, то потому, что он всегда жаловался, что адресованные им нашим католическим епископам письма по поводу некоего юбилея им никогда не были доставлены; наконец, что это было не бреве, собственно говоря, но письмо папы, хотя и на латыни, как это принято обычно, но оно не было написано на пергаменте, не отвечало всем другим условиям бреве и исходило от секретариата латинских писем, а не от канцелярии папских посланий.

На донесении Александр II оставил помету: «Я отвечу, что касается писем в отношении некоего юбилея»². В ответ на сказанное Антонелли Киселёв сообщил о недовольстве российского правительства.

В глазах С.-Петербурга эти ухищрения, как будет подчёркнуто в циркуляре от 7 января 1867 г., нисколько не уменьшали значения акта, исходившего от самого римского папы и подлинность которого римский Двор признал³.

Тем временем в конце февраля поступили первые сведения о действиях Фелинского, вызвавшие обеспокоенность в С.-Петербурге. 28 / 16 февраля на совещании у императора обсуждалось полученное из Варшавы известие, что «архиепископ Фелинский готов удалиться в монастырь, если от него потребуют, чтобы он издал mandement (пасторское послание. — О.С.), который им здесь был составлен. Положение дела на месте побудило его к этой перемене».

Совещанием было решено оставить на его усмотрение издать или не издавать это послание, но было сказано, «что изменять текст, в случае издания, он не может»⁴. Об этом был информирован архиепископ.

3 июня / 22 мая Горчаков прислал Валуеву ответ Фелинского на его письмо по этому поводу. Не располагая этим обменом письмами министра с архиепископом, но предполагая, в чём состояла их суть, любопытно, как воспринял их Валуев. С замечанием Горчакова, что письмо Фелинского было написано ультрамонтаном, Валуев соглашался, что «это было в его ответе». Вместе с тем он признавал, что

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 415–422.

² Там же. Л. 332–333.

³ Там же. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 8.

⁴ Валуев П.А. Указ. соч. Т. I. С. 146.

оно написано «отлично, благородно, просто, рассудительно». Горчаков, полагал он, «конечно, не ожидал подобной “parade”¹, когда отправлял своё послание, так же превосходно написанное». Он пояснил затем, что дело было в том, что в положении Горчакова требовалось «быть искусным, чтобы быть правым», а в положении архиепископа было «достаточно обладать здравым смыслом и сердцем»². Иными словами, положение каждого определяло суть их писем.

Между тем события развивались своим чередом. Антонелли сообщил Киселёву (донесение от 11 марта / 27 февраля 1862 г.), что в С.-Петербург предполагалось направить монсеньора Джузеппе Берарди, бывшего в течение почти десяти лет помощником государственного секретаря, а по существу доверенным лицом кардинала Антонелли по политическим вопросам. Киселёв разделял похвалы кардинала в адрес избранника папы. В том числе его ясный ум, большой опыт, тот факт, что он исповедовал консервативные принципы, его умеренность и терпимость в религиозных вопросах. И такое его достоинство, как ненависть к революции, в силу чего он «всегда осуждал движения в Польше и никогда не был расположен к интригам поляков, как в Риме, так и в любом другом месте, и, таким образом, избегал всяких близких отношений с ними»³.

Посланник отдавал себе отчёт, что самим фактом принесения подобной жертвы Ватикан доказывал важность, которую он придавал своим отношениям с Россией, и надеялся на полное одобрение С.-Петербургом такого выбора⁴.

Со своей стороны, в ходе той же беседы с Антонелли Киселёв выразил уверенность в хорошем приёме посланца папы. В ответ кардинал поделился озабоченностью относительно того, не будут ли применяться к представителю Курии при

¹ Пышности, защиты (фр.).

² *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. I. С. 170–171.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 128. Л. 80–81. Спустя десять лет, 16 / 4 июня 1872 г., другой российский дипломат — Капнист — в связи с утверждениями в хорошо информированных кругах, что кардинал Берарди был бы одним из главных кандидатов от иезуитов на пост папы, так писал о нём Горчакову. Он является, со всех точек зрения, противоположностью кардиналу Антонио Панебьянко, его сопернику на этот пост. «Его главная забота обратилась бы к светской власти (на тот момент утраченной папами. — О.С.), но он был бы также способен полюбовно прийти к соглашению с Италией, если это входит в его расчёт. Величие Церкви было бы лишь незначительной заботой для этого кардинала. Берарди — это парвеню, который был голодным адвокатом около двадцати лет тому назад и который надел сутану из простого интереса и без малейшего призвания, сегодня — это один из самых богатых членов Священной коллегии. Он земляк и креатура кардинала Антонелли, заместителем которого он долго был». На этом письме император оставил помету: «Это крайне интересно» (Там же. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 110. Л. 24). Такое расхождение в оценке двух, надо признать, опытных дипломатов в какой-то мере можно объяснить как тем, что сама личность кардинала со временем раскрылась лучше, так и разницей ракурса их оценок.

⁴ Там же. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 128. Л. 81.

императорском Дворе законы, запрещавшие любые прямые сношения между Святым Престолом и католическим духовенством в Империи, ибо в таком случае миссия нунция стала бы бесцельной и бесполезной. Он просил осведомить его об этом. Киселёв, в свою очередь, просил кардинала изложить письменно интересовавший его вопрос, с тем чтобы он мог получить из С.-Петербурга точный ответ¹.

Таким ответом, по существу, стала депеша Горчакова от 8 апреля / 27 марта, в которой министр уполномочил Киселёва выразить Ватикану удовлетворение сделанным выбором. Он его информировал также, что правила действительно распространяли на нунциев принцип, требующий посредничества правительства для любых официальных сношений Святого Престола с духовенством в России и Царстве Польском. Из последующих разъяснений было очевидно, что это, продолжавшее сохраняться правило было продиктовано политическими соображениями высшего порядка, а отнюдь не чувством недоверия или недоброй волей. Ведь лишь монарх выносит суждение об общих интересах государства, в том числе и религии. Он один в состоянии оценить эти интересы в их совокупности и направить к конечной цели, вменяемой ему в обязанность, — а именно к благу страны. Если эти принципы применялись к официальным сообщениям, направляемым папским Двором, то с ещё большим основанием они должны применяться в отношении папского нунция, являвшегося лишь полномочным представителем Святого Престола. Затем следовала ссылка на то, что эти принципы, повсеместно принятые даже в странах, где католическая религия является господствующим исповеданием, «не оказались несовместимыми с присутствием постоянных нунциев». Отсюда следовал логический вывод о том, что римский Двор не имел оснований требовать от страны, где преобладало православие, предоставления нунцию более широких полномочий, чем те, которыми он пользуется, например, в католической Франции. Для полной убедительности в депеше воспроизводились статьи по этому поводу французских законов².

Позднее Горчаков ещё раз подтвердит телеграммой, что следовало отстаивать изложенные им в этой депеше принципы и «предоставить папе решить, надлежит ли ему или нет посылать Берарди»³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 128. Л. 81.

² Там же. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 9. Конкретно ссылались на следующие статьи. Статья 1. Органические постановления, служащие продолжением Конкордата 1801 г. и неукоснительно соблюдающиеся до настоящего времени, запрещают всякое сообщение римского Двора вне правительственного контроля. Статья 2. Никакое лицо, будь то нунций, легат, викарий или апостольский уполномоченный, не сможет без разрешения правительства осуществлять никакие функции относительно дел Церкви. Статьи 207 и 208 французского уголовного кодекса устанавливали суровые наказания (штраф в 500 франков, заключение от месяца до двух лет и ссылку) за любое нарушение этих законов (Там же).

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 891. Л. 174.

После того как Святой Престол был ознакомлен с этой депешей Горчакова, Антонелли в ноте от 2 мая изложил Киселёву пожелания по поводу отношений нунция во время его пребывания в России с верующими и духовенством. Он перечислил законы, запрещавшие прямые сношения католиков со Святым Престолом: указы Екатерины II 1782 г., подтверждённые в 1794, 1798 и 1803 гг. (письмо А.Р. Воронцова архиепископу Сестренцевичу от 13 декабря 1803 г.). Он настаивал на их полной отмене. При этом он дал понять Киселёву, что в противном случае папа будет вынужден отказаться от своего намерения послать в Россию своего представителя. Императорское правительство решительно отказалось от отмены этих законов¹.

Ожидая новых указаний в этой связи, Киселёв воспроизвёл в донесении от 6 мая / 24 апреля свой ответ кардиналу. Он свёлся к тому, что этот вопрос не мог быть разрешён, так сказать, между прочим, без того, чтобы стать предметом специальных переговоров, поскольку он затрагивал существующие в стране законы. Он высказал затем предположение, что Святой Престол мог бы уполномочить своего нового представителя поднять вопрос о сношениях с католиками России, а не подчинять ему учреждение нунциатуры в России, ставя его условием её создания и послышки первого постоянного представителя Святого Престола при российском Дворе².

Этот ответ не был одобрен ни Горчаковым, ни Александром II. Первый заметил по этому поводу: «По-моему, он совершенно неправ, побуждая к переговорам, когда речь идёт о сохранении фундаментальных основ наших отношений с римским Двором». Император выразил своё согласие с ним словами: «Я тоже нахожу, что он мог бы от этого воздержаться»³. Общее заключение по поводу поднятых в депеше вопросов Александр II сформулировал с полной определённости: «Мы должны сохранять основы наших отношений со Святым Престолом такими, как оговорено в нашем Конкордате. Вольно после этого папе отказываться от послышки нунция. Я легко утешусь»⁴, — написал он.

Российское правительство последовательно придерживалось своей позиции. Когда в мае Антонелли отклонил предложение Киселёва направить предварительно в С.-Петербург временную миссию, чтобы подготовить почву для приезда постоянного представителя, Александр II заметил о возможном результате от послышки такой миссии: «Это ничего не изменит в моих решениях»⁵. А Горчаков вновь подтвердил в ответ на телеграфное сообщение Киселёва об этой беседе с кардиналом: «Мы не будем препятствовать общению нунция с католиками, но не сможем

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 2206. Л. 39–40.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1862. Оп. 469. Д. 128. Л. 156.

³ Там же. Л. 157.

⁴ Там же. Л. 155.

⁵ Там же. Л. 190–191.

позволить ему никакой прямой официальной переписки со служителями католической Церкви»¹.

Поставленный Киселёвым в известность о такой позиции его правительства, Антонелли в конце мая продолжал добиваться разъяснений по этому поводу. Он хотел знать, что правительство понимает «под прямыми официальными сношениями с духовенством».

Идёт ли речь о политических делах или о мирских вопросах, Ваше правительство вполне вправе не допустить подобных сношений и, со своей стороны, нунций на это не имел бы тоже никакого притязания. Но для представителя Святого Престола речь идёт лишь о делах чисто духовных, и подобным сношениям не чинятся препятствия никаким правительством, и я думаю, что так же поступит Ваше правительство. Это единственное наше желание и наша единственная претензия, так же как всегда будет долгом нунция ни в чём не отклоняться от предписаний законов, существующих в стране его пребывания. Мы хотим только знать, будет ли позволительно у Вас нашему нунцию вести частную переписку прямо с католиками единственно по делам совести, дисциплинарным вопросам и религиозным темам без того, чтобы священнослужители, которые вступят в подобную переписку с папским представителем, не подверглись наказаниям, предусмотренным вашими законами. Это именно то, что Святой Отец стремится прояснить предварительно, до того как послать своего представителя в С.-Петербург².

Большой интерес к этому вопросу Пий IX проявил во время аудиенции 20 июня, данной Киселёву, как и другим аккредитованным при нём дипломатам, по случаю юбилея возведения его на папский престол (17 июня) и его коронации (21 июня).

Прежде всего, он спросил Киселёва, было ли обоснованным распространяемое газетами известие, что Россия казалась расположенной скоро признать Итальянское королевство. От себя он выразил надежду, «что это были просто газетные слухи, которые отражали лишь их собственное желание и которые стремятся приучить людей, таким образом, к этой идее».

Киселёв заверил, что ничего не знал, кроме того, что пишут газеты, и не имел никаких данных или указаний на изменение российской политики в отношении Пьемонта. «Я этого очень хочу, — продолжил папа, — потому что этим было бы добавлено новое поощрение революционерам, которые уже слишком навредили обществу, такому большому без этого».

Затем папа, затронув вопрос о нунциатуре, поинтересовался, не получил ли Киселёв в последнее время разъяснений из С.-Петербурга относительно сношений нунция с католиками. Дипломат сказал, что документы, уже сообщённые им Антонелли, содержали «заранее ответы», которые Святой Престол мог ожидать по этому вопросу, и он не рассчитывал получить другие.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1862. Оп. 469. Д. 112. Л. 65.

² Там же. Д. 128. Л. 211–212.

Тогда папа стал настаивать на необходимости уточнения смысла утверждения императорского правительства, «что оно не будет препятствовать сношениям папского представителя с его единоверцами, но не допустит для него никаких прямых официальных сношений с католическим духовенством». Как понял Киселёв, папа хотел знать, будет ли позволено нунцию вести частную переписку непосредственно с представителями духовенства по чисто духовным вопросам или для сбора конфиденциальных сведений о кандидатах, предложенных правительством для назначения на епископские кафедры.

В ответ он заявил папе, что был не в состоянии высказаться с полной определённой по этому поводу, но полагал, что российская сторона в отношении положения папского нунция не могла пойти на большее, чем державы, исповедующие католицизм. В частности, как Франция, которая, рассматривая его лишь как представителя светской власти папы, а не религиозной, позволяет ему вести переговоры лишь с министром иностранных дел, не допуская, чтобы он имел прямые деловые сношения ни с министром по духовным делам, ни с епископами страны.

Признавая, что в целом таким было положение его представителя во Франции, папа всё же утверждал, что его отношения с министром по духовным делам, как и с епископами, ни в чём не встречают препятствий. Затем он пояснил, что в Париже нунций свободно и непосредственно общался с католиками, как и с духовенством, во всём, что имело отношение к вопросам совести, церковной дисциплины и чисто религиозным делам. Пий IX хотел знать, получит ли нунций в России такие же преимущества, и хотел выяснить этот вопрос до отъезда монсеньора Берарди.

Пообещав сообщить в С.-Петербург всё сказанное папой, Киселёв заинтересовался, почему папа не предпочтёт вернуться к прежнему предложению российской стороны — первоначально направить временного своего представителя с тем, чтобы затем сделать, по возможности, его пребывание постоянным и, таким образом, облечь Берарди чрезвычайной миссией. Тогда он мог бы прояснить и подготовить сам, путём объяснений на месте, положение постоянного нунция при императорском Дворе. После минуты молчания папа сказал, что он об этом подумает¹.

Тем временем в Риме готовилась инструкция для Берарди. В ней признавалась трудность его положения «как самого по себе, так и из-за дел», доверенных его нунциатуре. Эти трудности проистекали из-за того, что нунций «окажется в столице, так сказать, Восточной схизмы», где питают «неприязнь к Риму, потому что страшатся его авторитета и влияния». Он должен будет вести дела с императором, который на деле является главой своей Церкви и правит по своему усмотрению, хотя он иногда утверждает, что руководствуется своими законами. Он окажется перед схизматическим духовенством, хорошо организованным и не невежественным, особенно в наиболее населённых центрах и в С.-Петербурге, которое следит за тем, чтобы не допустить ошибки, и готово прибегнуть к своей власти и влиянию

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1862. Оп. 469. Д. 128. Л. 270—274.

всякий раз, когда боится потерпеть поражение перед обществом, занятом интригой; перед бюрократией, «жадной и вездесущей»; народом «невежественным и готовым предаться фанатизму». Ему предстоит бороться против законов, продиктованных неприязнью к католицизму и Риму. Ему не приходится рассчитывать на помощь католического духовенства, «слабого и привыкшего повиноваться из страха». Положение его будет затруднено ещё и тем, что «он призван заботиться об интересах такого народа, как польский — католик по принципу и по политике. С сильным характером, но часто легкомысленный, крайне недоверчивый, он враждебно относится к тем, кого считает связанным с правительством, которое он искренне ненавидит и которое ему платит полнейшей неприязнью».

Что касается дел, положение нунция представлялось ещё более тяжёлым. Религиозный аппарат как в Империи, так и в Польше оказался полностью расстроен. Не помогли поддержать его заботы Святого Престола, не принесло улучшения положения католической Церкви и заключение Конкордата, как на то рассчитывали. Теперь капитулы не полные и плохо составлены, семинарии по большей части находятся в упадке, религиозные ордена частично упразднены или отступили от выполнения инструкций, консистории подчинены правительству, преподавание, среднее образование находится в руках правительства. Имущество Церкви секвестровано. Законы чрезвычайно суровы.

Несмотря на все эти трудности, издавна известные Святому Престолу, папа с удовлетворением принял поступивший от императорского правительства запрос прислать в С.-Петербург своего представителя в надежде, что его присутствие смогло бы облегчить страдания Церкви, помешать многим серьёзным затруднениям, укрепить дух католиков, —

так мотивировалось решение папы направить нунция в Россию.

Кроме этой общей инструкции предполагалось подготовить инструкции по трём главным вопросам: об исполнении Конкордата; о продолжении переговоров и об отмене враждебных Церкви законов; о различных вопросах, не охваченных предыдущими пунктами¹.

Готовясь к отправке своего представителя в Россию, Курия, прежде всего, предусмотрительно занялась точным определением линии поведения, коей должен будет следовать её посланец при контактах с Двором и «схизматическим духовенством», а также ответов, которые ему следует давать католикам, которые обратились бы к нему с такими же вопросами. Составить список вопросов, которые могли возникнуть в этой связи, было поручено иезуиту отцу Камилло Таркуини. Затем его предполагалось представить на рассмотрение конгрегации Чрезвычайных духовных дел.

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. 1861—1862. Posizione 274. Fascicolo 86.

Этот список оказался весьма обширным. Как вести себя нунцию в случае приглашения присутствовать на каком-либо богослужении в православной церкви в столице или придворной капелле, куда будет приглашён дипломатический корпус? Поскольку было очевидно, что он не должен присутствовать, возникал вопрос: будучи главой названного дипломатического корпуса, мог ли бы он передать такое приглашение кому-то из своих коллег?

Затем речь шла о приглашении присутствовать на бракосочетаниях членов императорской семьи, а возможно, и наследника престола, которому скоро исполнится 21 год, на крестинах, похоронах. Должен ли он был принимать такие приглашения и какую одежду надевать?

В конце всех месс или торжественных архиерейских служб произносятся молитвы за императора и его семью, с молитвой в конце за католических монархов. В день коронации исполняют *Te Deum* с обычными молитвами. Может нунций оказать помощь в этом? То, что сказано относительно нунция, могло ли быть ещё более оправдано в отношении лиц, принадлежащих к нунциатуре?

Если дозволяется нунцию и сотрудникам нунциатуры, разумеется частным порядком, заходить в схизматические церкви в ответ на приглашение, для осмотра, даже для ознакомления с богослужением, обрядами и церемониями, как должен будет держать себя нунций, оказавшись вместе со схизматическими епископами и в случае, если получит приглашение от них или священников?

Каковы должны быть отношения нунция с Коллегией, непризнанной Святым Престолом, может ли он ей отвечать, будучи спрошен о совете?

Может ли нунций употреблять в отношении схизматической Церкви название «православная»?

По указу Николая I дети, рождённые в смешанном браке, должны воспитываться в православной религии. В случае его неисполнения правительство вправе отобрать детей и заставить их воспитывать в православии, а мать сослать в монастырь. В большинстве случаев это дети от браков солдат и низших служащих с католичками. Священники, к которым обращаются эти женщины, не дают им отпущения грехов, пойти на воспитание детей в католической вере они отказываются из-за страха перед наказанием и переходят в схизму. Требуется точное указание, чтобы знать, как поступать в таких случаях?

В случае смерти монарха и членов императорской семьи правительство приказывает священникам звонить в колокола и совершать церемонию почтительного отношения с выставлением катафалка. Священники различных епархий ведут себя по-разному. В одних — служат панихиду, но лишь вообще по усопшим, и звонят в колокола. Однако невежественный народ полагает, что молятся за душу императора или за кого-то из членов императорской семьи и что, в конце концов, русские и католики нераздельны. В других — служат мессы в лиловых облачениях и не звонят в колокола. В этом случае правительство раздражается. Какого образа действия придерживаться?

Варшавские власти во время похорон наместника (так было в случае с Паскевичем) потребовали, чтобы белое и чёрное духовенство стояло перед своими церквями в то время, пока мимо проходил похоронный кортеж. Спрашивалось, что делать в таком случае, чтобы не нарушить законы Церкви и вместе с тем не задеть правительство?

Правительство приказывает высшим чиновникам присутствовать на торжественных религиозных церемониях, таких как Пасха, Рождество. Могут ли духовники позволить служащим такое присутствие, которое в случае запрета, конечно, повлекло бы утрату ими должности?

Имеются люди, тайно принявшие католичество, ибо открыто не могли сделать этого из-за угрозы быть сосланными в Сибирь. Чтобы скрыть свой переход, они иногда посещают православные церкви. Какой позиции должны придерживаться католические священники и что они должны им посоветовать?

Необходимо направить в польские церкви инструкции, определяющие то, что они могут сделать в случае смешанных браков католиков с протестантами.

В заключение отец Таркуини высказывал два соображения по поводу поставленных вопросов. Во-первых, в них речь идёт не о конкретных частных, а, скорее, об абстрактных случаях, как они обычно представляются. Но, когда они происходят на деле, они могут быть сопряжены с различными обстоятельствами, которые заставят отступить от рекомендаций. Во-вторых, хотя в них предусматриваются обычные случаи, тем не менее могут возникнуть другие, в них не вошедшие.

Исходя из этих соображений, он полагал, что в инструкции нунцию недостаточно ответить на вопросы. В ней нужно также изложить главные принципы, с помощью которых можно было бы принять необходимые меры в том или другом случае: т. е. когда событие откладывалось бы из-за обстоятельств, которые должны бы изменить решение, или когда оно не оказалось бы среди рассмотренных вопросов. Подготовленную работу он разделил на две части. Первая представляла общую инструкцию, а вторая ставила и решала предложенные вопросы¹.

Нунций должен был полностью воздержаться от присутствия на торжественных богослужениях при Дворе, по поводу чего императорское правительство должно быть поставлено в известность через его представителя, чтобы его отсутствие не было превратно интерпретировано. В отношении других богослужений ему следовало максимально возможно от них воздерживаться, а соглашаясь, оказывать поддержку простым присутствием и всегда в этом случае в светской гражданской одежде и только тогда, когда в силу серьёзных обстоятельств он видит угрозу благополучию Церкви. Чтобы устранить возникновение порицания его за это епископами, духовенством, нунций должен был им разъяснить, что пассивное присутствие, на которое он вынужден пойти, не выходит за границы вежливости.

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. 1861–1862. Posizione 274. Fascicolo 87.

Нунцию разрешалось передавать членам дипломатического корпуса приглашения правительства присутствовать на религиозных службах, о которых шла речь.

Выраженные по первому вопросу положения распространялись на приглашения присутствовать на свадьбах, крестинах, похоронах.

По поводу чтения в конце мессы и после торжественной архиерейской службы молитвы за императора и его семью было сочтено, что лучше было бы, чтобы нунций по возможности воздержался отправлять богослужение (разумеется, в католических церквях). В случае невозможности отказаться, можно проявить терпимость, но чтобы он читал обычные молитвы, формулировки которых Отцы внимательно проанализируют.

Нунцию дозволялось ответить согласием на приглашение посетить схизматические церкви из чистого любопытства, при условии, что там не присутствует народ, но даже из любопытства он не мог присутствовать ни на каких схизматических богослужениях.

Но, насколько возможно, он должен отклонять их приглашения, не сближаться с ними и не должен употреблять их звания, которые прямо выражали бы законность их службы. Впрочем, при стечении чрезвычайных обстоятельств ему следовало сообразовываться со всей осторожностью, не допуская ничего, что воспринималось бы как признание сана и должности, которые им соответствуют.

Нунций не мог находиться в сношениях с Духовной коллегией, а посему не должен был немедленно извещать могилёвского архиепископа о своём прибытии, указав ему причину этого.

Отрицательный ответ был дан по поводу возможности употреблять термин «православная Церковь», а не «схизматическая Церковь».

Матери детей от смешанного брака нужно было сказать, «что никогда не следовало даже ценой собственной жизни позволять их воспитывать в схизме, а сама женщина должна их воспитывать в католицизме».

По случаю смерти членов императорской семьи разрешался только колокольный звон, оба варианта мессы запрещались.

Разрешалось присутствовать на больших церковных праздниках, но не участвовать в совершении мессы, присутствовать пассивно.

Лицам, тайно принявшим католицизм, «не приличествовало» посещать православную церковь. Им разрешалось только некоторое время хранить тайну, воздерживаясь от посещения католической церкви и от других публичных актов, свидетельствовавших об их обращении¹.

Важным фактором, повлиявшим на ход переговоров по поводу нунциатуры, стало дальнейшее развитие событий в Польше — восстание, в котором участвовало духовенство, и вызывавшая недовольство С.-Петербургу позиция в отношении

¹ ASV. Fondo. Affari Ecclesiastici Straordinari. Sessioni. Sessione 369. Anno 1862. Vol. XXVI. Fascicolo 1.

этого Ватикана, к которым добавлялись всё новые инциденты. Одним из них стала посылка Пием IX «тайно и вопреки органическим законам Империи» письма Фелинскому, о чём 23 / 11 апреля 1862 г. Горчаков известил Киселёва. В нём папа дал новому варшавскому архиепископу указания относительно образа действий, в частности в отношении указа императора от 8 января 1862 г. / 27 декабря 1861 г. о создании в Польше Комиссии культов и просвещения. В материалах 372-й сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел от 28 декабря 1862 г. разъяснялось, что его появление побудило папу дать следующее предписание архиепископу. Он должен был «быть настороже и ничего не заключать с правительством в отношении указа, потому что он (папа. — О.С.) с полным основанием опасался, что правительство хотело бы уклониться от обращения к Святому Престолу и, напротив, улаживать дела с епископами, следуя в этом примеру протестантских правительств Германии». Одновременно, «ввиду срочности», папа поручил конгрегации рассмотреть этот указ, по поводу которого к её заседанию Таркуини был подготовлен доклад, раскрывавший «весь вред и опасность, угрозе которых подвергалась польская Церковь».

На обсуждение были вынесены такие вопросы: следует ли Святому Престолу добиваться его отмены, несмотря на то, что его действие приостановлено? какие инструкции нужно было бы дать варшавскому архиепископу и его суффраганам, включая холмского епископа греко-униатского исповедания, на случай приведения указа в действие в том виде, как он был опубликован, или с изменениями, мало менявшими его сущность?

Ответ на поставленные вопросы свёлся к следующему. Потребовать отзыва указа, ибо иначе Святой Престол оказался бы вынужден публично осудить этот акт. Варшавского архиепископа и суффраганов, а также холмского епископа уведомить об отзыве, о котором шла речь, и предписать, чтобы они не участвовали сами и препятствовали участию верующих в том, что устанавливалось указом. Святой Престол был бы удовлетворён любым проектом, направленным на улучшение управления имуществом духовенства, но, прежде чем признать его, считал бы необходимым достичь предварительно должных договорённостей с правительством¹.

Решительно отреагировали на Неве не только на само письмо, но и на тот факт, что папа в нём призвал Фелинского прибыть в Рим. И это, как считали там, «в момент, когда даже его (архиепископа. — О.С.) присутствия едва доставало, чтобы заставить духовенство Царства вернуться к исполнению своего долга, от чего оно с каждым днём всё более уклонялось». Видя в этом вмешательство папы во внутренние дела Империи, обратили в этой связи особое внимание на роль

¹ ASV. Fondo. Affari Ecclesiastici Straordinari. Sessioni. Sessione 372. Anno 1862. Vol. XXVI. Fascicolo 3.

нунция, приезд которого ожидался. Горчаков писал в упоминавшейся депеше от 23 / 11 апреля 1862 г. Киселёву:

Нунций имеет представительный характер наподобие других посланников, аккредитованных при императорском Дворе. Он доставляет Святому Отцу правду такой, как она ему покажется, и позволит ему судить о положении католической Церкви в Империи и Царстве; но мы не могли бы, никоим образом, позволить духовные руководства, которые, согласно письму папы, он будет передавать сановникам и служителям этой Церкви в России и Польше.

Что же касалось допущенного Ватиканом нового правонарушения, то оно дало повод для следующего замечания министра:

Мы искренне желаем наилучших отношений с папским правительством. Мы ему дали доказательства этого, тем не менее, я должен Вам признаться с глубоким огорчением, но с искренним убеждением, что путь, по которому это правительство, как кажется, желает пойти, не тот, который ведёт к согласию... Если римский Двор исходит из того, что уступка должна повлечь другие уступки до бесконечности, он предаётся иллюзии, которую, ввиду доброго согласия, которое мы желаем укрепить с ним, мой долг рассеять с самого начала¹.

Со своей стороны, Фелинский информировал папу письмом от 1 июля о нововведениях в Польше. О назначении наместником великого князя Константина Николаевича 8 июня / 27 мая 1862 г., а его помощником Велёпольского. Об утверждённой Александром II программе, которой подтверждался принцип автономии Польши. Он перечислил ряд важных заявлений, сделанных 30 июня на заседании Государственного совета. Переписка с Ватиканом ведётся не через С.-Петербург, а направляется наместником в миссию, и через неё же получается ответ. Отменялся запрет на епархиальные Синоды, провинциальные Соборы. В основу нового брачного законодательства будут положены инструкции, данные Святым Престолом Пруссии, Баварии и Венгрии. Обещан пересмотр и смягчение уголовного кодекса, именно за проступки, вменяемые в вину духовенству, особенно в случаях прозелитизма и обращения в католическую религию. Фелинский находил, что эти факты «на этот раз, кажется, были такого рода, что нам предвещают лучшее будущее»².

Между тем летом 1862 г. произошло событие, которое, как было очевидно, по мнению Киселёва, не могло не вызвать отрицательной реакции Святого Престола и отразиться на его отношениях с Россией: она признала Итальянское королевство. Циркулярная депеша Горчакова от 6 августа об этом была получена в Риме, когда Киселёв находился в отпуске. А поскольку, как писал дипломат 13 / 1 сентября,

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 10.

² Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 181.

за прошедшее с тех пор время вся европейская пресса уже перепечатала из «Journal de St. Petersbourg» текст циркуляра, он решил не делать из этого официального сообщения Антонелли, которое могло бы послужить лишь поводом для бесполезной дискуссии. Сам же циркуляр он решил использовать как руководство, в случае необходимости, для определения своей позиции и высказываний в отношении правительства и представителей итальянского короля¹.

Тем временем в Царстве секретный комитет вооружал убийц. 15 июня 1862 г. стреляли в бывшего наместника Лидерса, у которого была раздроблена челюсть. После этого он вынужден был оставаться не у дел. 21 июня при выходе его из театра стреляли из пистолета в упор в великого князя Константина. Пуля, пройдя через эполет, легко его ранила в плечо. По этому случаю Фелинским в варшавском соборе был отслужен молебен с проповедью на текст «Не убий».

Затем дважды (7 и 15 августа) покушались на жизнь маркиза Велёпольского, но оба раза неудачно, его пытались также отравить².

В складывавшейся ситуации в С.-Петербурге находили, что тайные сношения Святого Престола с Фелинским имели непосредственным результатом рост волнений и манифестаций польского духовенства. А сам архиепископ, едва получив папское послание, счёл своим долгом освободиться от всякого повиновения и даже от всякой осторожности в отношении властей Царства Польского.

Правительство, будучи информировано о том, что празднование дня Св. Марка обычно сопровождается беспорядками, просило его провести на сей раз (11, 12 и 13 мая 1863 г.) церемонию только в церкви, не вынося её на улицу. Он же предпочёл провести празднество с помпой. Произошли беспорядки, пролилась кровь на улицах Варшавы. Наместник потребовал от Фелинского объяснений. Он ответил, что «духовенство действовало по его указанию», а во время будущих процессий «он лично их возглавит, вопреки любому запрету» правительства, право которого запрещать свободное осуществление богослужения он решительно оспаривает. Он также заявил, что в случае необходимости «пойдёт даже на закрытие церквей и что, наконец, он предпочтёт увидеть 10 тысяч человек распростёртыми на земле (подчёркнуто в тексте. — О.С.), чем уступит частицу права, признаваемого каноническими законами».

Об этом заявлении Фелинского было сообщено в Рим, но в ответ не последовало никакого осуждения³.

Валуев так комментировал 7 мая / 25 апреля положение с управлением в Варшаве после обсуждения у императора занятой Фелинским позиции: «Велёпольский

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1862. Оп. 469. Д. 128. Л. 360.

² *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. Кн. III. С. 417–419.

³ Там же. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 10–11.

теряется или уже растерялся. Великий князь *bellow the mark*¹. Берг² ничем ещё не обнаружил пользы своего прибытия. Одним словом, плохо!»³

12 июня / 31 мая Валуев писал «о плохих вестях» из Варшавы, о повелении Александра II доставить в С.-Петербург Фелинского за обнаружение им своего письма к императору, в котором он излагал своё политическое кредо и призывал предоставить независимость Польше. «Надолго ли?» — ставил вопрос Валуев, а со своей стороны, не преминул сказать императору, что, «во всяком случае, нельзя оставлять его в С.-Петербурге»⁴.

Фелинский был удалён из Варшавы 14 июня 1863 г. Было решено оставить его на некоторое время в Гатчине, где он провёл три недели. Там его допрашивал министр статс-секретарь по делам Царства Польского В.П. Платонов, которого император просил сообщить о впечатлениях от бесед с ним. Из его отчёта от 24 / 12 июня следовало, что он нашёл Фелинского как обычно совершенно спокойным. Его поведение и речь оказались далеки от того, чтобы

...обнаружить в нём человека, желающего играть политическую роль, а, напротив, произвели на меня впечатление, как если бы он не мог освободиться от некоторого чувства блаженного состояния, после того как оказался в... тишине. Он сам мне выразил это чувство, говоря: «что в том, что касается его лично, он должен бы себя поздравить с тем, что был избавлен от каждодневных забот и тревог положения столь трудного, как то, которое создали ему события в стране, и что, следовательно, он наслаждается привлекательностью отставки, которую ему предписали...»

Говоря о состоянии и полном опасностей положении Церкви, он признавал, что оно было «действительно ужасным и могущим ещё ухудшиться в один прекрасный день». Духовенство, особенно в сельской местности, оказалось перед требованиями власти «тайной и морально безответственной, которая не отказывается ни от каких средств, чтобы заставить себе подчиняться» и против действий которой оно оказывается беззащитным. В качестве примера он привёл полученное всеми епископами предписание не приезжать в Варшаву на посвящение четырёх новых титульных епископов, возведённых в епископский сан. Положение духовенства может стать лишь ещё более подверженным идейному разброду из-за того, что «можно называть умеренной партией». Этот разброд стал особенно явным после

¹ Не на высоте (*англ.*).

² Ф.Ф. Берг, участвовавший в подавлении восстания 1831 г. (после этого вернулся к военной службе), был генерал-губернатором Финляндии, затем был переведён в Польшу помощником наместника в 1863 г., когда восстание охватило уже всю страну. 4 июля 1863 г. он сменил великого князя Константина Николаевича на посту наместника. Сам Берг пошёл на усиление репрессий после покушения на него 19 сентября 1863 г., когда в него стреляли из окон дворца графа Замојского. Он будет последним наместником.

³ Валуев П.А. Указ. соч. Т. I. С. 220—221.

⁴ Там же. С. 227.

неудавшейся попытки Ланжервье захватить руководство движением, установив свою диктатуру. Если верить немецким газетам по поводу этого предприятия, его подготовила умеренная партия эмиграции с намерением придать движению ход менее авантюрный и менее угрожающий основным общественным интересам страны. Поскольку это предприятие провалилось, вследствие военных действий и энергичной оппозиции партии действия, контрудар этого политического провала неизбежно должен был дать себя почувствовать в лоне умеренного настроения в стране, которое он парализовал. Теперь классы и лица, разделяющие такие настроения, казалось бы, стоят в стороне от всего, снося со смирением жертвы, которые им были предписаны держащей в руках тайную власть партией, от которой они не могут избавиться. Общее настроение умов проявляется в том, что оно всегда соответствует силе возбуждения патриотического чувства, сопровождаемого у массы людей смиренных и националистически настроенных своего рода пассивным фанатизмом, который, в конце концов, поддался бы неудержимой силе, а у молодой и активной части средних классов, фанатической лёгкостью стремиться навстречу почти верной смерти в банды, с лёгкостью заразной и перешедшей в нечто вроде навязчивой идеи.

Будучи спрошен Платоновым, не следовало ли, по его мнению, попробовать некоторые новые средства, чтобы исправить такое состояние умов, внушая в среде партии действия более здравые оценки ситуации, Фелинский ответил, что сегодня это ему кажется очень трудным, если не невозможным, особенно перед лицом силы, тайной, неуловимой и, так сказать, безликой.

Говоря о письме, написанном им для подачи императору, Фелинский заверил, что вынужден был показать его некоторым лицам, но опроверг абсурдную версию, что дал его в немецкую газету, и добавил, что публикация письма в газетах произошла вопреки ему.

В заключение беседы Платонов спросил Фелинского, не хотел ли бы он ему поручить передать что-нибудь императору от его имени. Услышанный ответ Платонов постарался воспроизвести в его же выражениях.

Я Вас прошу, и я Вам поручаю умолять, с моей стороны, Его Императорское Величество не применять позорную смертную казнь в отношении священнослужителей, которых правительство сочтёт необходимым наказать. Уголовный кодекс знает другие меры наказания, которые закон считает эквивалентными смертной казни; власть, таким образом, не рискует оказаться безоружной. Больше не как пастор, защищающий неприкосновенность Церкви, я адресую эту настоятельную просьбу моему государю; именно, как верноподданный, и в интересах самого правительства. Если не понимают очень впечатлительный характер нашего народа и его глубокое религиозное чувство, не могут никогда составить верное представление о впечатлении, с которым он встретит подобную экзекуцию¹.

¹ ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. 1. Д. 848. Л. 1—2.

В ходе бесед Платонов попросил архиепископа дать свои объяснения письменно. Он это сделал в форме письма Александру II от 29 / 17 июня 1863 г., в котором изложил свои взгляды.

Его он начинал так:

Призванный Вашим Величеством письменно изложить моё политическое кредо, которое, объясняя моё прошлое поведение, в то же самое время, содержало бы программу на будущее, я с признательностью пользуюсь этим разрешением меньше для оправдания себя, чем, чтобы представить... несколько общих соображений, которые, возможно, без этого не могли бы достичь подножия трона.

Свою первостепенную задачу он видел в том, чтобы разъяснить суть польского вопроса, в отношении которого император мало информирован по причине того, что «пристрастия его искажают и, обращая всегда против нас внешние стороны, оставляют суть вопроса в тени. Нас меньше обвиняют за то, что мы делаем, чем за то, какими мы являемся; хотели бы нас заставить отречься от нашего начала, наших вероисповеданий и наших традиций».

Этот вопрос, писал он, «является не чем иным, как постоянным посягательством, с одной стороны, на всё то, что эта нация имеет наиболее дорогого, предпринятым во имя интересов самого сильного (т. е. России. — О.С.); и обороной более отчаянной, чем преступной, — с другой, предпринятой во имя незыблемых прав вечной справедливости».

Себя он считал жертвой, вместе со многими другими, ещё меньше этого заслуживавшими, образа действия, бывшего «лишь очень простым последствием той порочной системы, которую правительство, казалось бы, уже осудило навсегда и которую оно вновь возродило, полагая, с добрыми намерениями, но к большому вреду поляков и, осмелюсь сказать, действительных интересов Вашего Величества». Для большей очевидности этого утверждения он излагал факты.

Что касалось выдвинутых против него обвинений, он считал, что они сводились к трём следующим: вместо того чтобы поддерживать правительство, он создавал затруднения; не оставался в чисто церковной сфере, а вмешивался в политику; написал и обнародовал своё письмо, адресованное императору. По поводу этих обвинений он дал такие объяснения.

В отношении первых двух упреков он, прежде всего, обращал внимание на их непоследовательность, потому что «как можно поддерживать правительство, не вмешиваясь в политику?».

Очевидно, что правительство хотело бы, чтобы я в неё вмешивался, но при условии, чтобы это было бы всегда в поддержку его замыслов. Однако такое обязательство поддерживать правительство, вопреки всему (подчёркнуто в тексте. — О.С.), если оно существует для меня, должно неизбежно соответствовать или моей должности, или моей личности. Было бы трудно доказать, что слепое подчинение светской власти входит в число важнейших обязанностей епископата, разве

что согласиться также, что все Святые пастыри, Мученики раннехристианской Церкви были справедливо осуждены за то, что нарушили установленные законы, которые расценивали в качестве высшего предательства поклонение, оказываемое Иисусу Христу. Да и в самих христианских обществах хватает примеров Святых епископов, преследуемых и часто осуждённых их собственными правительствами за сопротивление их требованиям, противным божественным законам, охрана которых была доверена Церкви. Если епископы, таким образом, не подчиняясь неверным в их пасторской миссии, часто должны даже сопротивляться требованиям светской власти, неизбежно, следует признать, что они не были обязаны их священным религиозным характером становиться раболепным инструментом в руках правительства.

Соображения по поводу того, что называют политическим отступничеством, Фелинский излагает с оговоркой, что делает это больше не как пастор, а как член Государственного совета или как простой гражданин. Он предваряет их рассмотрением гражданских обязанностей, а затем обязанностей политического должностного лица.

Главные обязанности гражданина — быть верным монарху и преданным стране, ему непозволительно ничего, что шло бы во вред тому или другому. Значит, ему непозволительно ниспровергать против воли своего монарха составленное им правительство; но если оно действует во вред страны, гражданин не только не обязан его поддерживать, но, напротив, обязан вдвойне предупредить монарха о злоупотреблениях в равной степени вредных как подлинным интересам страны, так и интересам монарха. Такая возможность предавать интересы и монарха, и нации, присущая самой природе каждого правительства, не даёт ему права идентифицировать себя ни с тем, ни с той.

Следовательно, поддерживать правительство — это не значит служить стране или своему монарху, это значит лишь согласиться с некоторым порядком вещей, который добрые граждане могут, а иногда даже должны осуждать. Так случается, что государственные деятели, очень приближённые к трону, которых невозможно бы даже заподозрить в государственной измене, не стесняются порицать управление государственными делами, без того чтобы их меньше уважали их монархи. Следует, таким образом, заключить, что даже как гражданин, я не был обязан считать себя привязанным к правительственной повозке, —

заклучал Фелинский.

Что касалось звания члена Государственного совета, он находил, что оно вменяло ему в обязанность лишь выражать своё обдуманное и добросовестное мнение по всем вопросам, которые правительство предложит на его рассмотрение. А потому нельзя было ему вменять в вину как преступление критику, которая составляет суть, так сказать, его функций и является единственной помощью, которую могли бы ожидать от него, чтобы предохранить правительство от ошибок.

«На этом основании я также свободен в моих взглядах по общественным делам, и у меня нет другого обязательства в отношении правительства, как обязательство не действовать совместно с его врагами по его низвержению, в чём моя совесть нисколько меня не укоряет», — писал он.

Затем он пояснил, что из той свободы, о которой он говорил, «однако не следует, что я хотел бы опровергнуть существование для меня всякого долга поддерживать систему, представленную в Варшаве монсеньорами великим князем и маркизом Велёпольским. Напротив, я уверяю, что, в некотором отношении, я её поддерживал, но лично и только условно».

Из последующих разъяснений следует, что он порицал систему прошлого правления. Ибо оно, «яростно нападая на нашу религию и нашу нацию, не только разрушило моральные основы польского общества, но, ожесточая всё более и более этот несчастный народ, его систематически толкало стать непримиримым врагом сначала управления, а затем династии, которая его установила». Но он увидел, что Александр II сам признал вред, нанесённый нации прошлым правлением, так же как трону, решил отказаться от той системы и вступить на путь национального и религиозного восстановления. Оно должно было привести к полной автономии Царства и, как надеялся Фелинский, распространиться на другие области, «где наша религия и наша национальность пострадали ещё больше, чем в Царстве». Поэтому, пояснил он, «я не колебался, чтобы присоединиться к этому восстановительному труду и, не лицемеря, без задней мысли, обещал мою помощь правительству». Но он никогда не обещал служить против своей нации и поддерживать правительство «на достойном сожаления пути кровавых репрессий, на который оно теперь вступило».

Что касалось программы, изложенной в его пасторском послании, он заявлял, что остался ей верным. И пояснил: «...так как, несмотря на все трудности, несмотря на страстные обвинения моих самых экзальтированных соотечественников, несмотря на довольно многочисленные и серьёзные ошибки правительства, я не переставал его поддерживать, пока имела тень надежды, что в Польше сможет осуществиться мирное внедрение учреждений». Он имел при этом в виду национальные учреждения, которые она имела отчасти и ожидала увеличения в будущем.

По мере развития восстания, чтобы дать понять своей пастве, что порывал со всякой солидарной ответственностью с репрессиями, которые более и более её ожесточали, он прибег к единственному имевшемуся у него средству и подал по примеру других коллег по Государственной думе в отставку. Но великий князь её не принял, и он согласился остаться, после того как выдвинул неперемное условие, что

...мне будет позволено выражать всегда открыто моё мнение о делах страны; условие, которое мне позволяло оказывать некоторое влияние на дела, или окончательно уйти в отставку, когда это стало бы невозможно. Таким образом, вовсе не я поставил себя на политическую почву, это сделало правительство, которое хотело скорее этого, чем видеть меня вернувшимся на чисто церковную почву.

Письмо, которое он направил императору, пояснил он, «было лишь естественным следствием моего нового положения; так как, будучи глубоко убеждённым, что, принимая во внимание положение страны и позицию заграницы, ничто не могло успокоить поляков и остановить пролитие крови, как правление совершенно независимое». А поскольку к тому же он обладал разрешением говорить, он счёл своим долгом дать этот совет императору, его «умоляя во имя человечности пощадить миллионы жертв, возможно, без какого-либо результата пожертвованные чести Государства».

Неудовольствие, вызванное письмом, было причиной, что он повторил свою просьбу об отставке, ему внушали в этом случае не публиковать это письмо, но он не припоминал, давал ли в этом отношении формальное обещание императору. Во всяком случае, в его намерения не входила публикация этого документа в газетах, и молчание, которое он хранил в течение более двух месяцев, лучше всего свидетельствовало в пользу того, что он говорил. Он не отрицал, что не делал секрета из содержания письма и, по причине ложных слухов, распространённых иностранными и русскими газетами, позволил себе сообщить некоторым лицам сам оригинал. Но это произошло после того, как газеты были очень озабочены этим инцидентом, «когда я имел основание думать, что не было никакой опасности новой публикации. Впрочем, если само письмо не вменяется мне в вину, почему его публикация была бы ею?».

Представив пространно «всю правду» относительно своего политического прошлого, Фелинский был гораздо более лаконичен, что касалось будущего.

Он писал:

На случай, если бы Вашему Величеству было бы угодно заставить меня вернуться в Варшаву, чтобы продолжить руководство духовными делами моей епархии, я заранее заявляю, что, никоим образом, не мог бы обязаться оказывать содействие правительству на пути репрессий, на который оно теперь вступило. Самое большее, что я могу обещать — это держаться, насколько возможно, в стороне, не вмешиваясь в политику. Но для этого нужно, чтобы правительство, со своей стороны, scrupulозно соблюдало права Церкви, чтобы не провоцировать столкновений на почве, как та, на которой это случилось недавно по причине запрета процессии и особенно расправы со священником.

Заканчивая, он передавал свою судьбу в руки императора¹.

Будучи ознакомлен с этим письмом императором, Валуев заметил в дневнике: «Любопытный документ, особливо при сравнении с проектом пастырского послания, составленным им до отъезда в Варшаву»².

¹ ГАРФ. Ф. 678. Александр II. Оп. 1. Д. 848. Л. 4–14.

² Валуев П.А. Указ. соч. Т. I. С. 231.

Затем последовала ссылка Фелинского в Ярославль. Ему было сохранено его жалование и управление его епархией, но общаться со своей консисторией он мог только через посредство министра-государственного секретаря по делам Польши. Когда, вопреки данному им формальному и письменному обещанию, Фелинский направил секретные указания своему викарию Павлу Ржевускому продолжать траур в церквах Царства, ему было запрещено управлять своей епархией¹.

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 13–14; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1338. Л. 3; *Boudou A.* Op. cit. Т. II. P. 203.

Всё время пребывания в ссылке в Ярославле Фелинский в отчётах полиции характеризовался как лицо, не замеченное ни в чём предосудительном. В подписанной губернатором ведомости за 1880 г. о лицах, состоявших под надзором полиции в Ярославской губернии, по бывшему польскому мятежу, каковым, оказалось, был один архиепископ, отмечалось, что он был выслан из Варшавы по высочайшему секретному повелению в 1863 г., без срока; получает от казны на содержание и наём квартиры по 4200 рублей в год, а в графе «аттестация» написано: «поведения хорошего» (ГАРФ. Ф. 109. Первая экспедиция. 1862. Оп. 37. Д. 24. Л. 306–307).

Правда, осенью 1879 г. было отмечено частое посещение им местного госпиталя, где он читал находившимся там низшим чинам католического исповедания священные книги. Это вызвало сомнение в законности таких действий у начальства госпиталя, так как исполнение религиозных треб ему было запрещено. Обратились в министерство внутренних дел за разъяснением, имел ли он право на такие посещения госпиталя. В ответ последовало предписание ярославскому губернатору их «устранить» (Там же. Л. 301–302).

Позднее, как следует из обращения губернатора в министерство внутренних дел от 16 / 4 июня 1882 г., возникла следующая коллизия вокруг переписки архиепископа. В соответствии с предписанием министра внутренних дел от 24 марта 1864 г. вся его переписка была «подчинена всем правилам, установленным в отношении лиц под надзором полиции». Необходимость её просмотра была подтверждена и Департаментом государственной полиции от 1 июня / 19 мая 1881 г.

В связи с утверждённым 24 / 12 марта 1882 г. положением о гласном полицейском надзоре губернатор 4 мая / 22 апреля распорядился, чтобы корреспонденция Фелинского вместо представления ему, как это было раньше, доставлялась на просмотр начальнику ярославского губернского жандармского управления. Последний сообщил, что вся получаемая архиепископом корреспонденция доставляется ему для просмотра, но «никогда ему не доставляли корреспонденции, отправляемой Фелинским». Фелинскому было предписано, чтобы он доставлял ему такую корреспонденцию (Там же. Л. 312–313).

Об отношении к полученному указанию Фелинского свидетельствует его письмо к губернатору от 1 июня / 20 мая. Он писал: «...предложение это я считаю унижительным для достоинства высшего церковного сановника, принесшего верноподданническую присягу своему монарху и убеждённого в глубине души своей, что не подал повода подозревать его в вероломстве. Чтобы доказать однако же и в данном случае уважение своё к распоряжениям правительства, я заявляю, что впредь до отмены настоящего распоряжения, я не стану затруднять моими письмами ни жандармского, ни почтового ведомства, прекращая совершенно мою переписку» (Там же. Л. 311).

Тем временем в С.-Петербурге не строили иллюзий в отношении намерений папы вернуть польское духовенство на путь истины. В беседе с Киселёвым Горчаков их характеризовал так: «Это лишь чистая вода». Справедливость этих слов министра Киселёву (письмо Горчакову от 24 / 12 февраля 1863 г.) подтвердил провал всех его усилий перед Антонелли побудить папу с этой целью к какому-нибудь демаршу. Несмотря на добрые слова, сказанные кардиналом по этому поводу во время последней беседы, он убедился, что «нам не следовало бы рассчитывать, со стороны Его Святейшества, ни на какое публичное проявление порицания в отношении столь вызывающе преступного поведения этого духовенства». Этот вывод полностью разделял император, заметивший против подчёркнутых им же слов: «Я в этом был уверен!»¹

В сложившейся ситуации секретной телеграммой от 10 марта / 26 февраля Киселёву предписывалось:

Воздержитесь от любого последующего шага в Риме. Стало бы свидетельством отсутствия достоинства упорствовать в бесплодной суете. Мы сигнализировали папе о преступлениях и злоупотреблениях низшего католического духовенства, столь противных как религии, так и человеческой природе. Отныне мы его оставим с тем, что ему подскажет его собственная совесть².

Об этом в С.-Петербурге узнали, когда 22 апреля 1863 г. Пий IX направил Александру II чрезвычайно пространное письмо. Его посылка мотивировалась не только проявлением горячего участия, которое принимают к будущему польской нации народы и правительства, но также стремлением изложить своё видение главных причин нынешних потрясений и самых действенных средств вернуть спокойствие. Что касалось причин, они по существу лежали в невыполнении обещаний, содержащихся в подписанных при разделе Польши его предшественниками конвенциях и договорах о том, что католики обоих исповеданий в присоединённых

Местные власти явно перестарались. В ответ на обращение губернатора из Департамента государственной полиции последовало следующее уведомление: «Так как учреждение гласного надзора полиции не влечёт за собой просмотра корреспонденции поднадзорных, как необходимого последствия, то посему, не имея данных отягчать положение архиепископа Фелинского принятием относительно его означенной меры, Департамент признаёт более справедливым не подвергать контролю его корреспонденцию, о чём и не изволите ли приказать объявить Фелинскому» (ГАРФ. Ф. 109. Первая экспедиция. 1862. Оп. 37. Д. 24. Л. 314).

Не остался в стороне и Департамент духовных дел иностранных исповеданий. 1 июля / 19 июня 1882 г. он уведомил Департамент государственной полиции, что с положением от 1 июня / 19 мая 1881 г. им «не было сообщено ярославскому губернатору о необходимости просмотра корреспонденции архиепископа Фелинского» (Там же. Л. 316).

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 66.

² Там же. Л. 387.

провинциях полностью сохраняют положение, в котором находились в момент перехода к России. Обещания эти были даны ими за себя и своих преемников. Если бы это условие соблюдалось, было бы устранено столько злоупотреблений, что католическая религия оказалась бы там теперь в условиях не хуже, чем в польских провинциях под другим господством. Нарушение этих договоров часто служило предметом жалоб и протестов предшественников папы, обращённых к европейским правителям. Известно, что Святой Престол старался оказать помощь Церкви, открыто осуждая акты насилия, употреблённые в ущерб ей, либо изобличая перед католическим миром стенания народа, принуждаемого оставить свою религию, либо публикуя документы, подтверждавшие справедливость жалоб и протестов Святого Престола. Не только этим способом он подавал голос в защиту угнетённой религии, но им предусматривались средства поставить преграду совершённым гражданской властью злоупотреблениям и их последствиям. Для этого ко Дворам монархов России со времени разделов направлялись легаты, а при вступлении на трон новых монархов — чрезвычайные посланники. Радость по поводу устранения всякого препятствия к посылке нунция к императорскому двору исчезла, как только стало известно, что сохранялись в силе все законы и постановления о запрете под угрозой сурового наказания сообщения епископов и верующих с представителями Святого Престола. Было решено отказаться от этого до получения заверений в свободном осуществлении папой его власти и обязанностей его представителем. Но пока смогли только увидеть, что все законы относительно сообщения верующих со Святым Престолом были вновь подтверждены и развиты в указе от 8 января 1862 г.

Затем папа напоминал о проявленной им заботе, чтобы были рассмотрены вопросы, оставшиеся нерешёнными во время переговоров о заключении Конкордата. Появившийся в газетах отчёт Комитета, созданного для изучения их, ему «показал, какими чувствами были одушевлены члены Комитета в отношении католической Церкви и какие надежды Нам было дано питать на результат наших просьб». Поскольку эти усилия папы, подобно таковым его предшественников, в большинстве своём потерпели неудачу, теперь приходилось только сожалеть о последствиях вреда, причинённого системой, столь пагубной и противной духу католической Церкви, церковной дисциплине части духовенства, светского и монашеского. Некоторая часть его уклонилась от своего долга и участвовала в политических потрясениях. Сожалея и осуждая этот факт, папа хотел прояснить императору источник и причину, которая привела к этим, достойным сожаления фактам.

Пусть наша апостольская власть возобновит благотворное влияние на ваших католических подданных, пусть епископы вернуться к свободному отправлению их власти согласно каноническим правилам, пусть духовенство восстановит влияние на обучение и духовное руководство народом, пусть монашеские ордена полностью зависят от своих высших руководителей, пусть верующие стали бы свободно

исповедовать католическую веру, и тогда Ваше Величество убедитесь, что главной причиной непрерывных политических волнений в Польше было религиозное притеснение, смущение совести, разложение духовенства, униженность священников и распространение принципов и доктрин, противных религии.

Папа признавался, что постарался внушить императору, «что всё, что он сделает и предпишет для спокойствия Церкви и для уважения католической веры, будет сделано ради и пойдёт на пользу Империи и что, оказывая открытое покровительство Церкви, он сможет рассчитывать на уважение и верность всей польской нации»¹.

В С.-Петербурге папское послание резюмировали так: в нём были перечислены препятствия, создаваемые отправлению латинского богослужения, а затем выдвинуты требования о предоставлении римскому духовенству прерогатив, которые сочли «несовместимыми с независимостью и безопасностью государства, так же как с отправлением власти монархом». И наконец, в нём настаивали на праве духовенства «руководить народом и влиять на народное просвещение»².

Письмо было получено в С.-Петербурге 11 мая / 29 апреля 1863 г. Датированный 23 / 11 мая ответ Александра II в тот же день со специальным курьером был направлен в Рим и вручён 1 июня / 20 мая Киселёвым в собственные руки государственного секретаря³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 142. Л. 18–25.

² Там же. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 11.

³ Тем более странным было найдено в С.-Петербурге утверждение Пия IX на секретной консистории в Риме 29 октября 1866 г.: «Ни наши протесты, заявленные российскому правительству нашим кардиналом государственным секретарём, ни письма, направленные нами императору, не имели никаких последствий. Наше письмо от 22 апреля 1863 г. осталось без ответа» (Там же. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 11).

Неубедителен комментарий произошедшего с письмом императора Буду. «Этот ответ не был опубликован и прошёл незамеченным до такой степени, что Ватикан даже потерял его след», — писал он (*Boudou A. Op. cit. T. II. P. 211*). По его логике, Курия ожидала ответ императора на письмо папы, но по его получении оно стало для неё простым, ничего не значившим клочком бумаги, не нуждавшимся даже в сохранении. Как следует из донесения Капниста от 2 февраля / 21 января 1867 г., в беседе с ним Антонелли сказал, «что остаётся фактом упоминание в памятной записке ответного письма императора, о существовании которого я не знаю. Факт, что письмо Святого Отца никогда не имело ответа, по крайней мере, он к нам никогда не доходил». Опровергая это утверждение, Капнист заявил, что это письмо должно находиться в архиве папы, и привёл такие пояснения в обоснование этого. Он был в Риме, «когда Киселёв его получил со специальным курьером», и «документы наших архивов не оставляют никакого сомнения, что оно было действительно прочитано Святым Отцом, так как он говорил по его поводу с Киселёвым во время аудиенции 18 июня 1863 г.».

К этому он добавил, «что документ такой важности, в котором стоял вопрос о посылке нунция, не мог быть забыт, хотя был опущен (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) в сборнике документов, опубликованном римским Двором». В ответ кардинал сказал: «Но я думаю,

В этом письме выразалось сожаление по поводу того, что в своём послании папа ведёт речь лишь о фактах из прошлого, видит в некоторых неудовлетворённых требованиях католической Церкви в Польше исключительную причину беспорядков.

Со своей стороны император делится наблюдениями, опровергавшими подобную логику.

Между тем в Европе найдётся немного государств, более жестоко пострадавших от атак революции, чем те, где римско-католическая Церковь пользуется неограниченной властью. Из этого следует заключить, что зло имеет другие причины, — писал он. — Я на них отчасти указывал Вашему Святейшеству, привлекая Ваше внимание к предосудительному поведению и даже к преступлениям большого числа римско-католического духовенства Царства Польского. Я это делал не для того, чтобы выразить неудовольствие. А в силу твёрдого убеждения, что достаточно было бы просветить Ваше Святейшество относительно столь достойных осуждения эксцессов, чтобы Вы обрели в своём сознании слова отвращения, а в своём духовном авторитете влияние, необходимое для возвращения к чувству долга представителей духовенства, столь серьёзно от него отклонившихся.

Этот союз пастырей Церкви с зачинщиками беспорядков, угрожающими обществу, является одним из самых возмутительных явлений нашего времени. Так же как я, Ваше Святейшество должны желать его прекращения.

Разъяснив, что именно с целью упредить столь печальную ситуацию, а также уступая неизменно выражавшемуся пожеланию Пия IX и его предшественников, он дал согласие на присылку в прошлом году в С.-Петербург папского нунция, он выразал сожаление по поводу независящих от него препятствий, которые отсрочили до настоящего времени осуществление этого проекта. Александр II подтверждал готовность принять посланца папы и оказать ему приём, «преисполненный сердечных чувств, которые я хочу видеть присущими нашим отношениям».

В заключение письма император выражал убеждение в пользе прямого соглашения его правительства с правительством папы на основе Конкордата,

...как для политического порядка, так и для религиозных интересов, неразделимых в такое время, когда тому и другим приходится защищаться от нападений революции. Все акты моего царствования и всё моё внимание к духовным нуждам моих подданных всех исповеданий служит свидетельством чувств, одушевляющих меня в этом отношении¹.

...что речь шла о другом письме» (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 139. Л. 63). Такое утверждение, вовсе не лишённое основания, никоим образом не могло быть отнесено к данному конкретному случаю, когда речь шла о решении такого важного, обсуждавшегося десятилетиями вопроса, как приём нунция в С.-Петербурге.

¹ Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 142. Л. 28—30; Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 11—12.

Одновременно с письмом императора Киселёву была направлена обстоятельная памятная записка, в которой претензиям, изложенным в письме папы, с помощью фактов и цифр была дана «верная» оценка¹, а также депеша от 23 / 11 мая, с которой он должен был ознакомить Антонелли. В ней готовность принять нунция истолковывалась как подтверждение стремления императора к примирению, достижению искреннего и лояльного согласия, как выражение его убеждения в том, что папа получит непосредственно информацию о положении католической Церкви в Царстве и о действиях императорского правительства. И тогда папа отдаст справедливость его намерениям, а искренние объяснения устранят недо-разумения.

Что касалось положения нунция при императорском Дворе, то напоминалось вновь, что Александр II был расположен использовать в качестве примера свод законов, действующий во Франции, где римско-католическая религия является господствующим исповеданием.

Заканчивалась депеша весьма примечательным замечанием: «Его Величество не считает возможным дать лучшее доказательство Своего желания примирения и согласия»².

В тогда же написанном письме, 23 / 11 мая, министр поделился с Киселёвым своими соображениями относительно вероятной реакции в Риме на готовность принять нунция:

Я склонен думать, что римский Двор имеет более широкие притязания, однако трудно допустить, чтобы он решился выразить подобное желание, так как это означало бы сбросить маску перед лицом Европы. Если папское правительство не удовлетворится обязательством, что его посланец будет принят на тех же условиях, что посланец, находящийся по существу в католической стране, ответственность за отказ не падёт на нас. И тогда Вы позаботитесь о том, чтобы не забыли о предложенных императорским кабинетом льготах³.

Чтобы Киселёв мог себя чувствовать во всеоружии, всего через два дня, 25 / 13 мая, ему было направлено письмо, в котором излагались личные чувства Александра II и его настроения в отношении римской Церкви.

Принцип свободы совести, — говорилось в нём, — глубоко запечатлён в убеждениях нашего Августейшего Монарха, однако, как принцип, понятый лишь в его чистом виде, а не в том смысле, который ему всегда придаёт римский Двор, требуя для католической веры свободы без границ в ущерб другим богослужениям. По своей сути православная Церковь не является ни воинственной, ни пропагандистской, но она имеет право не быть оставленной без защиты перед нашествием

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 12.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 401.

³ Там же. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 12.

Церкви, которая является и той и другой. Мы не стремимся, и мы не будем стремиться похищать её паству в другое стадо, но мы имеем право и обязаны позаботиться о том, чтобы наша паства не была обращена в их веру. Одним словом, наша Церковь не является притесняющей. Было бы странно претендовать, чтобы в стране, где огромное большинство жителей исповедует православную веру, национальная Церковь оказалась в приниженном положении¹.

В ходе обмена мнениями с Киселёвым относительно переписки папы с императором Антонелли поинтересовался, что подразумевалось под обеспечением нунцию такого же положения, как во Франции. Он также попытался установить различие между теорией французского законодательства и практикой, когда стеснительные статьи органических предписаний во Франции не применяются².

По этому поводу из С.-Петербурга 21 / 9 июня телеграфировали Киселёву:

Мы ожидаем Ваш отчёт об аудиенции у папы, чтобы ответить. Во всяком случае, мы будем придерживаться принципа предоставления нунцию положения, которое ему создано в Париже правом, а не терпимостью, с тем, чтобы согласиться позже, если мы будем удовлетворены, на более благоприятные личные условия. Присутствие нунция представляет для нас второстепенный интерес, в то время как его принятие чрезвычайно важно для Его Святейшества. Воздержитесь от всякой настойчивости, оставайтесь пассивны, и предоставьте Ватикан его собственным размышлениям³.

Утверждение о «второстепенном интересе» для России приёма нунция не соответствовало обстановке и обстоятельствам того времени, когда он был нужен как доказательство дружественных отношений со Святым Престолом и как средство воздействия на участвовавшее в восстании польское духовенство. Это утверждение, вероятно, должно было послужить мотивом для позиции Киселёва в условиях ожидавшегося решения папы.

О результатах размышлений в Ватикане стало ясно из беседы 18 / 6 июня Киселёва с Пиетом IX. Последний, казалось, был расположен согласиться, чтобы его представитель в С.-Петербурге занимал такое же положение, что его нунций в Париже. Но всегда чрезвычайно осторожный римский Двор хочет заранее уточнить всё то, что его касается, и его предусмотрительная осторожность всегда изобличала недоверие, полагал дипломат. Вместе с тем он находил, «что мы не многим рискуем, соглашаясь с просьбой римского Двора о положении его представителя при нашем Дворе, и что, если всё учесть, выигрыш от присутствия нунция в С.-Петербурге больше, чем проигрыш».

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 3–4.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 445.

Читавший его донесение Александр II был не согласен с таким заключением. «Я не придерживаюсь такого мнения», — заметил он на полях.

В подтверждение своей мысли Киселёв приводил ещё такие аргументы:

Кроме того, чтобы отразить правонарушения, которыми захотят соблазниться, наше законодательство будет всегда препятствием в том же качестве, что органические статьи во Франции... Впрочем, мне всегда казалось, что у нас несколько преувеличивают опасность иметь представителя папы, особенно, если этот представитель был более низкого ранга, чем нунций, но, как бы то ни было, у меня ещё сохраняется ощущение, что его присутствие принесёт больше добра, чем зла, нашему католическому духовенству, и что оно будет скорее уздой, чем возбуждающим средством для отношений последнего с правительством. Решения императора скоро определяют мои воззрения по этому поводу.

Из беседы было ясно, что по-прежнему монсеньор Берарди оставался первым кандидатом на нунциатуру в С.-Петербурге, но его здоровье так пошатнулось в последнее время, что не приходилось на него особенно рассчитывать. Однако в случае необходимости нового выбора Киселёв надеялся добиться, чтобы он пал на прелата мудрого, осторожного, а главное — придерживавшегося умеренных взглядов. В этом он очень рассчитывал на помощь кардинала Антонелли¹.

Выявившееся в ходе этой беседы согласие папы на такое же положение нунция в С.-Петербурге, каким оно является на самом деле в Париже, не вызвало положительной реакции Александра II. На оповещавшей об этом ещё до получения этого донесения телеграмме Киселёва от 12 июня / 31 мая он написал: «Это не то, что нам хотелось бы»².

В С.-Петербурге были готовы обеспечить нунцию положение, которое в Париже определялось законом, а не имевшей место практикой, которая не исключала отступления от закона. Выход из сложившейся для него неприятной ситуации помог найти сам папа.

18 / 6 июня 1863 г. по приглашению папы состоялась частная аудиенция с ним Киселёва. Во время неё Пий IX, после того как вновь долго говорил о письме Александра II (о том самом, существование которого позднее будет отрицаться Римом), заявил, что считал «момент слишком трудным, чтобы присутствие нунция в С.-Петербурге могло стать действительно полезным, и что при нынешних обстоятельствах его посылка была бы неуместной»³.

Телеграммой от 19 / 7 июня Киселёв сообщал: «...папа, которого я видел вчера, мне показался мало расположенным к посылке нунция в нынешних обстоятельствах». Сам посланник в ней так проинтерпретировал решение папы: «Боясь

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 334—335.

² Там же. Л. 361.

³ Там же. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 12.

слишком открыто высказаться против польских католиков и Франции, он старается обойти вопрос под предлогом необходимости предварительного заявления, что наши законы не будут применяться. Недобросовестность из-за страха или слабости».

Свое удовлетворение таким решением Пия IX Александр II выразил замечанием на извещавшей о нём телеграмме: «Тем лучше»¹.

Киселёв верно указал мотивы папского решения. По существу они были теми же самыми, по которым Россия давала своё согласие — опасение, что такое явное свидетельство дружеских отношений с Россией вызовет осуждение держав, сочувствовавших Польше, и, конечно, отрицательная реакция польского духовенства.

В ответ на это известие 1 июля / 22 июня Киселёву телеграммой было сообщено о том, что император настаивал на готовности принять нунция на тех же условиях, что он находится в Париже, на основании права.

На практикуемую во Франции терпимость смогут рассчитывать, лишь когда Святой Престол, — говорилось в телеграмме, — нам докажет, что он не подчиняет долг совести политическим соображениям; что он имеет мужество публично заклеймить преступления большого числа священников в Царстве и общее поведение духовенства, политически противоречащее всем принципам порядка, и что поведение его представителя будет чётко очерчено в таком же смысле.

Киселёву предписывалось ограничиться этим заявлением, больше не настаивать на немедленном назначении нунция и воспользоваться разрешённым ему императором отпуском².

Последнее предписание (ограничиться этим заявлением, не брать на себя инициативу, чтобы предложить вновь на рассмотрение вопрос о нунции и ещё меньше настаивать) было повторено телеграммой от 19 / 7 июля 1863 г. долженствовавшему временно исполнять обязанности посланника первому секретарю миссии барону Ф.К. Мейендорфу. «После того, как папа отклонил по причинам малодушия и чисто политическим соображениям его посылку на условиях, предложенных нами, — говорилось в ней, — мы будем считаться с нашими удобствами, когда Его Святейшество позднее повторит свою просьбу»³.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 362; Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 891. Л. 215. Такое видение Киселёвым причин позиции папы по этому вопросу доказывает, что утверждения по этому поводу Попова грешат чрезмерным преувеличением. Ведь он полагал, что папа, затягивая дело, рассчитывал не только на все большие уступки со стороны правительства, «но прямо на отторжение от России почти всех подданных латинского исповедания, на восстановление прежней Польши и на заступничество за поляков европейских государств. Русский Двор понимал положение дел, но не хотел сам прерывать сношения» (Попов А.Н. Указ. соч. С. 210).

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 448.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 891. Л. 198.

Этим самым С.-Петербург как бы признавал провал своих усилий добиться от папы слов осуждения действий духовенства в Польше. И делал это в условиях, когда Святой Престол ещё в апреле 1863 г. «открыто присоединился к организованной против России дипломатической коалиции»¹, включавшей Австрию, Францию, Англию и другие страны, направившие в С.-Петербург ноты в поддержку поляков в середине июня. Горчаков молча выслушал вручавших их ему дипломатов, ограничившись обещанием передать их императору и испросить его повеления. Во всех них содержалось предложение начать переговоры по польскому вопросу на следующих условиях: полная всеобщая амнистия; народное представительство с правами, подобными предоставленным хартией от 15 ноября 1815 г.; назначение поляков на общественные должности для создания национальной администрации, пользующейся доверием в стране; полная свобода совести, отмена стеснений в отношении католического исповедания; исключительное употребление польского языка в качестве официального в администрации, суде и народном образовании; установление законной системы рекрутского набора.

Позиция держав разнилась лишь в вопросе об участниках конференции. Англия и Франция были за то, чтобы ими стали 8 держав, участвовавших в работе Венского конгресса. Австрия заявляла, что была не против созыва конференции и выражала пожелание, чтобы было прекращено кровопролитие. Англия требовала примирения с повстанцами, Франция была за временное примирение, основанное на соблюдении военного статус-кво.

Ответные российские ноты, как и полученные, различались по размеру и содержанию, но общее заключение их было одинаковым: в них категорически отвергались притязания держав на посредничество между императорским правительством и мятежными поляками — подданными российского императора².

В секретной телеграмме Мейендорфа от 18 / 6 ноября 1863 г. говорилось: «Папа согласен на конгресс без условий, будучи убеждён, что Наполеон сможет воспользоваться лишь этим случаем, чтобы выполнить свои обязательства в отношении Святого Престола»³

Привлекая внимание как бы ко второй стороне польского вопроса в тот момент, а именно: «уступим ли мы или не уступим требованиям Европы?», Валуев признавал исключительную роль Горчакова в том, как был решён этот вопрос.

Если мы вышли из дела благополучно без уступок и без допущения чужестранного вмешательства, то обязаны этим преимущественно проницательности и хладнокровию кн(язя) Горчакова, умевшего выиграть время и заметившего, что за словами иностранных правительств ещё не было готовых действий, а в особенности,

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 11.

² *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. Кн. 3. С. 449–451.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 366.

твёрдости и решимости государя, который с жаром отвергал возможность уступок, и в заседании 28 марта назвал даже мир 1856 г. «une acte de pusillanimité»¹.

Он также отмечал, что наибольшую стойкость проявили министры, ведавшие «оборонительными силами государства»; некоторые из участников совещаний искали особого выхода из затруднительного положения, а прочие высказались просто в пользу выжидания событий².

Это примечание было сделано в 1868 г. к записи от 11 апреля / 30 марта 1863 г.: «Корф написал манифест. Я написал указ Сенату. Мы были у государя. Наши проекты одобрены. Мы вышли, как будто бы сделав дело. Сомневаюсь, чтобы оно на деле оказалось делом»³. Таким делом Валуев, пересматривая свои записи, признавал то, что смог сделать Горчаков.

Следует особо подчеркнуть, что польский кризис послужил серьёзным уроком, из которого Горчаков сделал ряд важных выводов. Прежде всего, в отношении перспектив сближения с Францией. Как он писал в докладе Александру II от 15 / 3 сентября 1865 г., стало ясно, что, «несмотря на возможность и выгоду соглашения между двумя странами, оно не имело достаточной цены в глазах императора Наполеона, чтобы пересилить его приверженность революционному “принципу народностей”». А поскольку своим поведением во время кризиса другие великие державы показали стремление разрушить внушавшее им подозрение сближение России с Францией, приходилось прийти к весьма неутешительному заключению, что, «таким образом, близость эта доставила бы нам противников, не принеся верных друзей». К тому же этот кризис создал новые трудности, требовавшие быстрого решения и большой работы в будущем.

Горчаков отдавал отчёт, что «эти соображения должны преобладать в нашей политике». Успешное же решение задачи в Польше требовало «стараться поддерживать всеобщий мир»⁴.

Итак, в 1863 г. закончились провалом переговоры о приезде нунция в Россию, который тогда был нужен императорскому правительству как свидетельство его дружеских отношений к Святому Престолу и как средство воздействия на польское духовенство, участвовавшее в восстании. Именно по этим причинам на него

¹ Акт малодушия (франц.).

² Валуев П.А. Указ. соч. Т. I. С. 348–349.

³ Там же. С. 215. Составивший манифест М.А. Корф был главнокомандующим II отделением секретной Его Императорского Величества канцелярии. Им объявлялось «полное и совершенное прощение тем из вовлечённых в мятеж в Царстве Польском, которые, не подлежа ответственности за иные уголовные или по службе в рядах войск преступления, сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения до 13 / 1 мая 1863 г.». В опубликованном в тот же день, что и манифест, 12 апреля / 31 марта, указе Сенату говорилось о распространении действия амнистии на весь Западный край (Там же. С. 400).

⁴ Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 312.

не пошли в Риме, считали в С.-Петербурге. Папа опасался, «как бы такой явный знак близости его отношений с Россией, как назначение нунция, не возбудил протеста других держав, сочувствовавших Польше (особенно Франции), и вместе с тем не повёл к ослаблению той нравственной связи польского духовенства с Римом, которою всегда дорожил глава католической Церкви». Таким образом, стороны поменялись ролями. Папа, всегда первым возбуждавший вопрос о посылке своего представителя к российскому Двору, теперь отклонил делаемое ему предложение Россией, всегда проявлявшей крайнюю осторожность в отношении такого рода домогательств Курии.

По поводу этой рассеявшейся мечты, осуществления которой так долго и справедливо желали в Риме, Буду, ссылаясь на документы ватиканского архива, особо привлекал внимание к настойчивым призывам Киселёва к занятию нунцием своего поста в С.-Петербурге. «Пусть он отправляется, пусть он отправляется, — повторял он, — там всё легко устроится; на месте трудности устранятся». Впрочем, то, что Киселёв был большим энтузиастом приезда нунция, явно засвидетельствовали и его депеши в С.-Петербург.

Собственная оценка Буду позиции участвующих сторон сводилась к следующему:

Папа не хотел ставить своего представителя в положение двусмысленное, ложное и недостойное. И он был прав. Но Киселёв, со своей точки зрения, не был неправ. Он знал, что в России существовала большая разница между написанным законом и практикой. Нунций — человек тактичный, опытный и любезный, идеалу которого, несомненно, отвечал Берарди, — был бы на своём месте в С.-Петербурге. Он там заставил бы себя оценить. Завёл бы свои знакомства: живая выдающаяся личность не является мумией, вставленной в рамку со стеклом. Естественные потребности жизни исправили бы бессмысленную суровость русского законодательства. Его начальнику не стоило ли пойти на некоторый риск и предпринять попытку? Не сделали ничего. Приходится сожалеть об этом; случай был хороший. Никогда, только лишь с трудом однажды при преемнике Пия IX, он не должен был представиться¹.

С начала волнений в Польше российская сторона, сообщая Курии сведения об образе действия римско-католического духовенства в ходе них, ставила её в известность, что ожидали слов осуждения, которые заставили бы духовенство вернуться к исполнению своих обязанностей. Но Пий IX не оправдал таких надежд. Он не только хранил молчание, но терпел публичные манифестации, воспринимавшиеся как поощрение, оказанное под покровом религии делу Польского восстания.

Новым свидетельством этого стало опубликованное 31 августа 1863 г. римским кардиналом-викарием послание. В нём он приглашал жителей столицы принять участие в процессии, предназначенной укротить Божий гнев, вызванный

¹ Boudou A. Op. cit. Т. II. P. 173—174.

ослаблением веры и проявившийся в падеже скота в папском государстве. А заканчивал он своё послание словами: «К тому же Святой Отец желает, чтобы особо помолились за несчастную Польшу, которая, как он это видит с болью, сделалась театром массового избиения и кровопролития»¹.

Вернувшийся из отпуска Киселёв 1 октября / 19 сентября 1863 г. телеграфировал Горчакову, что, предчувствуя, какими будут инструкции, «не говорил ни о Польше, ни о незначительных религиозных крестных ходах, намеренно раздутых газетами», и намерен был настойчиво придерживаться такого поведения².

Такая линия поведения была одобрена Горчаковым. Телеграммой от 11 октября / 29 сентября 1863 г. ему предписывалось не выражать никаких протестов, не провоцировать никаких объяснений по поводу процессий и публичных молитв за Польшу. Единственный ответ давался в «Journal de St. Petersburg». Дипломат же должен был хранить молчание, быть сдержанным, явно демонстрировать полное безразличие³.

Правда, в конце 1863 г., как говорилось в отчёте министерства иностранных дел, составившемся в начале 1864 г., «когда счастье изменило и когда ситуация на международной арене, как кажется, заставляет Святой Престол оценить пользу сближения с нами (Россией. — О.С.), он обнаруживает некоторое расположение к этому, но выдвигает ещё неприемлемые условия». В С.-Петербурге поэтому предоставили папу «внушениям его совести», ожидая, что его поступки прояснят характер отношений, которые окажется возможным поддерживать с папским правительством⁴. Иными словами, российская дипломатия на этой стадии развития отношений с римским Двором решила прибегнуть к тактике выжидания. При этом она не заблуждалась относительно перспектив.

Что касается римского Двора, не принимая во внимание недавние личные поступки папы, мы должны ожидать от него лишь непримиримую враждебность.

Императорское правительство не придерживается того мнения, что было бы полезно ожесточать в настоящее время репрессиями, которые осложнили бы религиозными началами политическую борьбу, уже столь трудную, которую мы продолжаем в Польше. Это вопрос оценки, которая сильно зависит от переходящих обстоятельств.

Более важная проблема — это проблема будущего, которое нам уготовляет судьба папства и возможное падение его светской власти. Вопрос в том, чтобы понять, будет ли это событие благоприятным или неблагоприятным спокойствию православной Церкви, выходит за рамки этого краткого изложения.

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Л. 1. Л. 12–13.

² Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 891. Л. 218.

³ Там же. Л. 200.

⁴ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1863. Оп. 475. Л. 107.

Политически мы воздержимся. Наши отношения со Святым Престолом останутся такими, как они были всегда — по существу враждебными в более или менее скрытых формах. Мы не отступим перед борьбой, но мы считаем неуместным её провоцировать¹, —

писал в 1864 г., заканчивая свой обзор, Жомини.

Выждать пришлось недолго. Папа, которого не удалось привлечь на свою сторону с тем, чтобы урезонить духовенство, принимавшее активное участие в восстании в Польше, после его подавления неоднократно устраивал манифестации в пользу этого духовенства. В этом отношении особенно примечательным стал инцидент с его краткой речью, произнесённой в апреле 1864 г. в конгрегации Пропаганда веры по случаю происходившей там канонизации. Намёк на Россию в ней был совершенно очевиден. Мейендорф сообщал, что приблизительно папа произнёс следующие слова:

Среди достойных сожаления неприятностей мы видим могущественного, не католического монарха, который, воспользовавшись безрассудным восстанием в одной из своих провинций, совершает насилие над Церковью, и не только препятствует прямым сношениям между нашими единоверцами и нами. Но он ещё арестовал и осудил на ссылку в северные районы страны мирян и священников, лишая, вопреки всякому праву, епископов юрисдикции над их епархиями.

Папа рекомендовал молитвы.

Дипломат считал, что выступление было спровоцировано сообщением прессы об устранении Фелинского от управления епархией².

На телеграмме об этом известии, содержащем личное обвинение императора в преследовании католической Церкви и в гонениях в отношении католиков, Александр II откликнулся пометой: «Это новая низость, которой нет названия!»³

25 апреля Валуев записал в дневнике: «Аллокуция папы возбуждает много толков. Вчера уже мне о ней говорил государь, неприятное и неблагоприятное столкновение. К сожалению, при всей несдержанности папской речи есть к ней некоторый повод. Меры строгие по высочайшему повелению всегда имеют характер произвола самого явного»⁴.

В связи с этой аллокуцией возникла довольно сложная коллизия. Дело в том, что речь папы носила спонтанный характер, её никто не стенографировал и точно воспроизвести никто не мог. Об этом сообщил Мейендорф в С.-Петербург в ответ на его желание иметь текст речи папы, который признавался бы Антонелли,

¹ Коллекция документальных материалов чиновников МИД. Личный архив А.Г. Жомини. Оп. 802-а. Д. 49. Л. 118.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1864. Оп. 469. Д. 126. Л. 68–69.

³ Там же. Л. 403.

⁴ Валуев П.А. Указ. соч. Т. I. С. 261.

а «не неясные фразы Вашей депеши. Этот вопрос в силу произведённого впечатления и возможных последствий слишком важен, чтобы к нему относиться легкомысленно»¹.

В ходе беседы в этой связи с Мейендорфом кардинал сделал всё, чтобы сгладить резкий тон речи папы. Он заверил, что последний оговорил своё высказывание словами: «Если то, что сообщают газеты, верно». Затем он призвал оценить скрытое порицание папой восстания в Польше и то, что, определяя его «как безрассудное и воспользовавшееся дурными советами», он прямо выступал против держав, которые его поощряли².

Усилия Антонелли нейтрализовать подлинное значение этой аллокуции были по достоинству оценены в С.-Петербурге³.

Но это мало меняло ситуацию, ибо со стороны папы такие демонстрации против российского правительства, которые не могли одобрить ни кардинал Антонелли, ни самые влиятельные члены Священной коллегии, неоднократно повторялись. Причём на Неве их относили за счёт непостоянства папы и увлечений, которым он не умел сопротивляться⁴.

Несколько месяцев спустя после аллокуции Пий IX, направляя письмо болонским епископам, воспользовался случаем для новых атак на российское правительство⁵.

Последнее поставило это на вид кардиналу Антонелли. А, со своей стороны, оно никак не отреагировало на памятную записку Курии относительно потребностей католической Церкви в Польше, так же как на пожелание римского Двора о возвращении Фелинского из ссылки⁶.

Однако оно решительно изменило свою позицию в отношении демаршей папы, когда содержащиеся в апрельской аллокуции обвинения в адрес правительства он повторил в июне. На сей раз он это сделал в энциклике, обращённой к польским епископам. Понтифик призывал их к стойкости и упорству⁷.

Как уже упоминалось, летом Киселёву было предписано отправиться в отпуск. А в мае 1864 г. через Мейендорфа Антонелли была передана отзывная грамота Киселёва. Управление делами было поручено Мейендорфу в качестве поверенного в делах. Ему предписывалось ограничиться лишь исполнением текущих дел и отклонять все политические встречи, а если с ним заговорят, только выслушать и доложить. Следовало избегать всяких обсуждений политических вопросов с государственным

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1864. Оп. 469. Д. 126. Л. 73–74.

² Там же. Л. 71.

³ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1864. Оп. 475. Л. 155.

⁴ Там же. Л. 154.

⁵ Там же. Л. 155.

⁶ Там же. Л. 155–156.

⁷ Там же.

секретарём, не создавать случаев, подобных встрече, которую он имел, пойдя на обычный дипломатический приём Антонелли без необходимости, обоснованной текущими делами, уклоняться от каких бы то ни было обсуждений вопросов, связанных с Польшей. Он не должен был появляться на аудиенциях у папы, за исключением случая приглашения на таковую лично им самим. Диктовалось это стремлением избежать оскорбительных ситуаций, недостатка в которых не было «из-за характера самого Пия IX и общего направления политики Курии»¹.

По существу это означало, что российская сторона прерывала политические отношения с римской Курией и пошла на снижение уровня дипломатического представительства, воспользовавшись таким дополнительным обстоятельством, как предстоявшая женитьба Киселёва на местной католичке Франческе Руспони. Известённый об этом Александр II, сочтя несовместимым такой брак с сохранением за ним поста в Риме, в октябре 1863 г. дал указание найти ему замену².

Предстоявшая женитьба посланника не составляла секрета и для Ватикана. Невеста обращалась к кардиналу-викарию с просьбой ходатайствовать о разрешении папы на её брак. Но это не принесло положительного результата: он не только отказался от вмешательства, но и дал понять, что папа не согласится на диспенсию. По совету высокопоставленного духовного лица она решила совершить свой католический брак вне папских государств с тем, чтобы затем добиться прощения Святого Отца за нарушения, которые не касались догмы или религии, а только простой церковной формальности, в отношении которой обычно при доброй воле папа проявляет снисходительность. Это она и сделала позднее, направив два письма папе, указав, как, где и кем была совершена католическая церемония, и сообщив копию свидетельства о браке и всё касающееся места жительства и религии будущих детей.

Киселёв перед отъездом в отпуск на четыре недели для церемонии бракосочетания советовался с Антонелли, не следовало ли ему испросить у Пия IX аудиенцию, чтобы поставить его об этом в известность. Кардинал отсоветовал делать это. Найдя его совет «разумным и практичным», Киселёв его просил довести до сведения папы причину предоставления ему императором отпуска. Что касалось предварительных диспенсий, кардинал ему ясно пояснил, что их никогда не дают итальянцам, и особенно римлянам. Он же дал понять, что иначе обстояло дело в отношении отпущения грехов, не будучи особенно внимательны в вопросе места совершения юридического акта и в вопросе религии детей, рождённых в таком браке³.

Пий IX отреагировал на известие о женитьбе посланника решением, что не позволит ему больше вернуться в его государства. По прошествии трёх недель, когда приближалось время возвращения Киселёва в Рим, кардинал, «видя, что

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1864. Оп. 475. Л. 151–152; Ф. Канцелярия. 1864. Оп. 469. Д. 126. Л. 378, 456.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 474.

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1031. Л. 36–37.

я туг на ухо, — писал Мейендорф в письме Киселёву от 24 / 12 февраля 1864 г., — кончил тем, что пошёл напролом». Мейендорфу пришлось трижды уклоняться от вручения ему ноты с просьбой об отзыве Киселёва, составить которую поручил Антонелли Пий IX¹. Сам папа «продолжал делать из Вашего возвращения в Рим вопрос разрыва отношений», — говорилось в том же письме Мейендорфа. Таким образом, он был готов пойти на такой безрассудный шаг, как сделать из простого смешанного брака повод для разрыва отношений с Россией. Не без труда Мейендорф добился согласия папы, данного с большой неохотой, на временное возвращение Киселёва в Рим за оставленным там имуществом. И хотя, писал Мейендорф, «что касается возможного возвращения госпожи Киселёвой, оно вне вопроса (всё подчеркнуто в тексте. — О.С.), если Вы не хотите подвергать её тому, что она не сможет высадиться на берег в Чивита², Вы поступите правильно, оставив её в Париже»³.

Несмотря на сдержанную позицию, занятую Мейендорфом в соответствии с полученными предписаниями, кардинал Антонелли предпринял несколько попыток для достижения сближения с императорским правительством с целью урегулировать некоторые нерешённые проблемы.

Все они были оставлены С.-Петербургом без последствий, а Мейендорф ограничился тем, что их выслушал, не давая никакого ответа⁴.

Своё «справедливое негодование» позицией Ватикана Александр II засвидетельствовал отказом от проектировавшегося зимой путешествия наследника престола в Рим. Летом в ответ на выраженное папой пожелание, чтобы великий князь в ходе поездки в Италию посетил Рим, император на телеграмме Мейендорфа по этому поводу написал: «Я это решу позднее». В декабре решение Александра II звучало так: его сын «это сделает, если это ему позволит здоровье и если для этого у него будет время»⁵.

На облечённый в такую дипломатическую форму отказ не повлияли переданные через Антонелли заверения папы, что при встрече с наследником он «тщательно избегал бы малейшего обращения к вопросам, имеющим отношение к делам»⁶.

¹ Киселёв был убеждён, что аргументация в таком документе не могла быть основана «ни на чём солидном, ни здравом», что «будет очень затруднительно это сформулировать ясно и исходить из чего-то иного, чем каприз и произвол», которые могли оценить только ханжи и лицемеры. В письме Мейендорфу от 12 марта / 29 февраля он выражал сожаление, что он не поймал кардинала на слове по поводу подобной угрозы и что он не направил ему свою ноту. «Мне было бы любопытно, на чём он основал бы свои аргументы и какие соображения выдвинул, чтобы наш кабинет мог принять их всерьёз», — писал Киселёв (АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1031. Л. 36).

² Чивита-Веккья — порт в папских государствах.

³ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1031. Л. 2—3.

⁴ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1864. Оп. 475. Л. 152—154.

⁵ Там же. Л. 105; Ф. Канцелярия. 1864. Оп. 469. Д. 126. Л. 421, 426.

⁶ Там же. Ф. Канцелярия. 1864. Оп. 469. Д. 126. Л. 333.

Следуя своей линии на политику воздержания и на позицию наблюдателя за развитием событий, императорское правительство ничем не обнаружило перед Римом своей реакции на такой чрезвычайно серьёзный для него акт, как конвенция от 15 сентября, заключённая между Францией и Италией. Она включала обязательства Италии не нападать на территории папского государства, не препятствовать организации папской армии при условии, что она не станет средством нападения на Италию, провести переговоры с папой о принятии на себя государственного долга. Франция обязывалась постепенно, по мере организации папской армии, но не позднее чем через два года, вывести её войска из папского государства. И наконец, в конвенции в качестве условия её вступления в силу предусматривалось перенесение столицы Италии из Турина в другой город, каковым стала Флоренция.

Эта конвенция не разрешила так называемый «римский вопрос», но она воспринималась в С.-Петербурге как документ «такого свойства, который со временем приведёт к окончательному решению итальянского вопроса и вопроса о светской власти пап». При этом там считали, что римский Двор это хорошо понял, но делал вид, что не был этим взволнован. После двух месяцев молчания папа на неё ответил энцикликой от 8 декабря. Несмотря на серьёзность этих двух событий, «наша миссия ограничилась тем, что внимательно следила за новым развитием, которое эти новые факты могли немедленно придать римскому вопросу, не вступая в сферу, которая не имела к нам отношения». Такая «роль воздержания и наблюдения» совершенно естественно вписывалась в рамки, которыми с некоторого времени была ограничена деятельность поверенного в делах.

Хорошо отдавая отчёт, что с помощью этой конвенции французский император дал доказательства неизменности политической ситуации в Европе, в С.-Петербурге в то же самое время понимали, что «это обоюдоострое оружие угрожало одновременно Риму и Венеции, папе и Австрии». В отчёте министерства за 1864 г. говорилось:

Поскольку конвенция от 15 сентября касалась лишь Рима, она не может нас затрагивать непосредственно. С самого начала мы увидели в ней искусное средство занять публику, выиграть время, воскресить в памяти общественного мнения великую тяжбу вокруг светской власти пап и сохранить за собой возможность высказаться в пользу той точки зрения, что возобладает в конечном счёте. Каков бы ни был исход, мы можем себя лишь поздравить, видя его отложенным.

Одновременно признавалось, что «конвенция имеет сторону, которая не может быть нам безразличной. Устранив вопрос о Риме, она может открыть, как путём войны, так и сделки, вопрос о Венеции». Первая из этих возможностей, т. е. о присоединении Венеции к Италии в результате войны, живо беспокоила Австрию, владевшую Венецией. Что касалось сделки путём компенсации, каковой стали бы объединённые княжества (Молдавия и Валахия), она представлялась сопряжённой с большими трудностями. И в С.-Петербурге пока не располагали никакими серьёзными указаниями, которые побуждали бы включить её в круг своих

предположений, но, если бы таковая стала реальностью, она, естественно, не могла бы оставить Россию равнодушной¹.

Оценивая свои отношения с римским Двором, в С.-Петербурге отмечали, что «не принимали никакого участия в трудностях, которые угрожают положению папы, как светскому монарху». Там не готовы были откликнуться даже на заметные симптомы улучшения в позиции папского правительства в отношении него, отмечая, что, «вменённые его собственной необходимостью, они не могут представлять для нас никакой практической ценности». А это значило, что «ни враждебность, ни добрая воля римского Двора отныне не смогут повлиять на решения, внушённые Вашему Величеству, — подчёркнувалось в отчёте МИД за 1865 г., — тем, что Вы считаете справедливым и продиктованным долгом в отношении своей страны»².

Между тем после подавления восстания в Польше 2 марта / 19 февраля 1864 г. последовали два закона. Первый наделял крестьян землёй. Согласно нему находившиеся в пользовании крестьян земли переходили в их полную собственность, но при условии их обязательного (в отличие от России) выкупа, при содействии правительства. При этом немедленно прекращались всякие непосредственные отношения крестьян с землевладельцами, которым из казны Царства выплачивалось вознаграждение.

Вторым указом предусматривалось введение самоуправления сельскими гминами (волостями). Наследственные войты (управляющие) помещиков заменялись избираемыми войтами. Как и все должностные лица сельского управления, они избирались теперь крестьянами из своей среды.

Эти законы были дополнены двумя указами: о ликвидационной комиссии, долженствовавшей осуществлять выкуп крестьянских земель и выдачу вознаграждения землевладельцам; и о порядке введения в действие новых постановлений о крестьянах³.

Реформы были подготовлены бывшим руководителем работ по подготовке реформы 1861 г. в России Н.А. Милютиным. Он привлёк к работе над ними своих бывших сотрудников по крестьянскому делу в России Ю.Ф. Самарина и В.А. Черкасского. Последний в 1866 г. был назначен членом Государственного совета и Главного комитета по устройству сельского состояния, а в апреле он сменил Платонова в должности министра статс-секретаря по делам Царства Польского, но ненадолго — в 1866 г. он оставил службу в Польше.

После подавления восстания правительством были проведены и преобразования, касавшиеся духовенства. В ходе них, в соответствии с указом от 8 ноября / 27 октября

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1864. Оп. 475. Л. 102–104, 158; Ф. Канцелярия. 1864. Оп. 469. Д. 44. Л. 69–70.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1864. Оп. 469. Д. 44. Л. 51–52.

³ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. Кн. 3. С. 467–468.

1864 г., было упразднено 75 монастырей. Якобы настолько было превышено их число, предусмотренное каноническими регламентами и буллой Бенедикта XIV от 2 мая 1744 г. На деле речь шла о монастырях, принимавших участие в мятежных действиях или оказавшихся «особенно вредными» в политическом отношении. При этом отступили и от установленной в 1842 г. нормы в 50 штатных монастырей.

Имущество упразднённых монастырей было секуляризовано, доходы пошли на поддержание оставшихся монастырей, благотворительные цели и народное просвещение. Были перераспределены доходы приходских священников, положен конец ситуации, «когда большинство священников жило в нищете, а высшее духовенство располагало значительными суммами».

Были смещены с епископских кафедр прелаты, замеченные в незаконных действиях и враждебном поведении. Как уже говорилось, Фелинский был отправлен в Ярославль, сохраняя при этом епископские права и жалованье. Но, поскольку вопреки обещанию направил тайно указания своему викарию Ржевускому продолжать траур в церквах Царства, ему было запрещено управлять своей епархией¹.

Считалось, что с ещё меньшей строгостью поступили с холмским епископом Иоанном Калинским. Несмотря на его активное участие в восстании, ограничались указанием властям Царства не соглашаться на посвящение его епископом². Как следовало из дневниковой записи Валуева от 12 июня 1863 г., из Вильно было «получено известие, что Муравьёв выслал в Вятку епископа Красинского»³.

Что касалось Западных губерний, то после восстания местные власти сочли необходимым пойти на крайние меры для усиления православия в ущерб латинства. Одной из них стало упразднение римско-католических церквей и приходов в качестве общей меры, чего прежде не предпринималось даже после восстания 1830 г.

В 1866 г. министру внутренних дел из сообщения Духовной коллегии стало известно о закрытии в одном Северо-Западном крае по распоряжению местных главных начальников в 1864–1865 гг. 29 приходских церквей, 8 филий и 25 каплиц, из которых 14 приходских церквей, 6 филий и 10 каплиц были переданы в православное ведомство. Узнав об этом, Валуев обратился в Комитет министров с представлением. Он объяснил, что в отношении упразднения церквей до этого времени не давалось разрешения, и просил Комитет испросить разрешение императора на предоставление местным главным начальникам Северо-Западного

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 13–14.

² Там же. Л. 14. Дело в том, что 16 марта 1863 г. папа, после года раздумий, назначил холмским епископом Терашкевича, а его коадьютером с последующим наследованием священника Калинского. Но ко времени этого назначения Терашкевич уже скончался (1 марта). Кoadьютер становился полноправным епископом, но ему предстояло ещё пройти через посвящение.

³ Валуев П.А. Указ. соч. Т. I. С. 228.

и Юго-Западного края краёв закрывать костёлы, филии и каплицы и передавать их в православное ведомство.

Это представление рассмотрело Особое совещание во главе с П.П. Гагариным, бывшим председателем Государственного совета и Комитета министров, а также ряда других комитетов, среди которых и Комитет по делам Царства Польского. Совещание решило «предоставить право генерал-губернаторам Юго-Западных и Северо-Западных губерний упразднить и закрывать те из существующих в сих губерниях римско-католических домашних престолов, каплиц и без приходных (филиальных) костёлов, которые устроены без законного на то разрешения. А также и те, существование коих оказывается особенно вредным, и закрытие коих будет признано генерал-губернаторами необходимым. Равным образом генерал-губернаторам предоставить право закрывать и приходские костёлы с упразднением самих приходов, вследствие обращения большинства жителей в православие и малочисленности прихожан-католиков или по другим особо важным причинам, но с тем, чтобы о каждом случае закрытия приходского костёла уведомлялся министр внутренних дел. При этом в случае обращения большинства прихожан в православие и малочисленности католиков, закрываемые костёлы, как приходские, так и филиальные, а равно и каплицы могут быть обращаемы в православные церкви». Вскоре последовало предписание о предварительном сношении с министерством внутренних дел по поводу закрытия не только приходских церквей, но и каплиц¹.

Радикальные меры правительства в отношении монастырей в первый момент не вызвали демонстраций со стороны папы. Он ограничился выражением Мейендорфу сожаления лишь по поводу их принятия без предварительной договорённости со Святым Престолом. Однако позднее через Антонелли был заявлен протест в памятной записке от 30 января 1865 г. и одновременно дано понять, что в случае, если он не будет удовлетворён, папа обратится по этому поводу к Европе. Начав с того, что папа ждал утешительного ответа императора на своё письмо от 22 апреля 1863 г.², кардинал заговорил о боли, которую указ от 8 ноября / 27 октября 1864 г. заставил испытать Его Святейшество.

В записке он особо выделил из указа три главных пункта (ликвидацию значительного числа монастырей в Царстве Польском, конфискацию их имущества, отданного государству, подчинение монахов обоих полов обычной юрисдикции епископов).

Этим мерам в записке противопоставлялись документы, подписанные или признанные императорским правительством, вразрез с которыми шли принятые решения. Таких документов было четыре группы:

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 71. Л. 61–64.

² О странной истории с этим письмом см. с. 821–822.

1. Варшавское и гродненское соглашения, которыми императорское правительство, получая области, уступленные Польшей, заявляло, что католики обоих обрядов останутся в положении, в котором находились в тот момент. Это значило при свободном отправлении их культа и пользовании церковным имуществом, которым обладали в момент перехода под власть России. Император обещал раз и навсегда, за себя и своих преемников, сохранить вечно католикам обоих исповеданий спокойное владение их привилегиями и собственностью Церкви, свободное отправление их культа, со всеми правами, которые с этим были связаны. Он также торжественно заявлял, что никогда Его Величество, ни его преемники не осуществляли бы их права верховной власти в ущерб католической религии обоих обрядов.

2. Протокол статей, не установленных взаимным соглашением, подписанный 3 августа 1847 г. российскими уполномоченными, который декларировал, что, если в силу слишком малого числа верующих или по какой-либо другой канонической причине придёт необходимость упразднения, она станет предметом соглашения со Святым Престолом.

3. Булла Пия IX «*Universalis Ecclesiae*» и обещание российского полномочного представителя в отношении неё о том, что «соглашались с тем, что булла о новом разграничении епархий содержит точное перечисление всех существующих монастырей».

4. Конституция 1815 г., Органический статут 1832 г. и обещания, содержащиеся в письме Николая I Григорию XVI от 25 февраля 1839 г.

После этого перечислялись все меры, принятые императорским правительством в ущерб католической Церкви, которые, привлекая внимание папы, в то же самое время вызвали у народов и правительств симпатии и горячий интерес к будущему польской нации.

Возвращаясь к вопросу о монастырях, кардинал напомнил, что все постановления, принятые со времён правления императрицы Екатерины, имели целью уничтожение монашеских орденов и что указ от 27 октября был лишь следствием этой же самой цели.

Затем записка переходит ко второму пункту указа — конфискации. Она отмечает положение, которым ассигнуется 40 рублей на содержание каждого монаха или монахини, остававшихся в польских монастырях.

Что касалось собственности католической Церкви в России, в записке напоминались вновь условия старых договоров 1772 г., уверения, данные Екатериной II и императором Павлом I, и другие, уже упомянутые акты, т. е. конституция 1815 г. и Органический статут 1832 г.

В отношении подчинения религиозных орденов епископской юрисдикции Антонелли напомнил о демаршах российского правительства, неоднократно повторенных, чтобы добиться этой меры, и о возражениях, которыми Святой Престол всегда мотивировал свой отказ.

В записке говорилось, что с изложением этих соображений задача Святого Престола была выполнена. Тем не менее государственный секретарь счёл долгом вернуться к обоснованиям указа, которые, по его мнению, могут быть резюмированы в двух пунктах: немногочисленность монашествующих и участие, принятое некоторыми из них в последнем восстании. На первую причину ссылались равным образом, как на меру закрытия, декретированную в 1832 г.

По этому поводу кардинал, напоминая канонические предписания Иннокентия X, касавшиеся закрытия, утверждал, что именно ограничительным мерам, предписанным императорским правительством, следовало приписать это значительное сокращение в личном составе монастырей и что их закрытие на этом основании зависит от Святого Престола.

Относительно участия в восстании монашествующих кардинал замечал, что проступок виновных не мог оправдать уничтожение монастырей; что Святой Престол постарался бы устранить беспорядки, будучи о них осведомлён императорским правительством; что правила Святого Престола относительно подчинения, должного властям, слишком хорошо известны, чтобы дать повод в этом усомниться; что введённые правительством новшества в образ жизни монашеских орденов являются первопричиной беспорядков и скандалов, виновниками которых стали монашествующие, порвав связи, соединявшие их со Святым Престолом, нарушая канонические правила, относящиеся к исповеданию веры и монашеских обетов, и, наконец, лишая церковное управление представителя Святого Престола в С.-Петербурге.

Закончил Антонелли тем, что папа не терял надежды, что, учтя его соображения, император внесёт поправки, к которым он взывает, и не захочет поставить папу перед неизбежной необходимостью оповестить весь мир о жалобах по поводу того, от чего страдает католическая вера в его Империи¹.

Передавая записку, как следовало из донесения Мейендорфа от 7 февраля / 26 января, Антонелли пояснил, что папа рассматривал этот демарш как настоятельно диктуемый долгом совести. Затем он повторил известные по прежним беседам соображения о том, что в отношении имевших место в Польше восстаний следовало делать различие между лицами, которые участвовали в беспорядках, и учреждениями, в которые эти лица входят. Дело в том, что, по его словам, папа находил справедливым, когда правительство сурово наказывало оказавшихся виновными представителей белого и чёрного духовенства, но он не мог так же относиться к полной ликвидации религиозных монашеских учреждений, даже если в них оказалось несколько недостойных членов.

В ответ Мейендорф предпочёл сослаться на то, что приведённые кардиналом соображения, которыми раскрывался смысл указа, заключали наилучший ответ, что он собирался дать, что, следовательно, в своём докладе он ограничится тем, что привлечёт к ним внимание, ничего не добавляя.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1865. Оп. 469. Д. 153. Л. 98–101.

Дело в том, что, по дошедшим до него сведениям, римский Двор не строил иллюзий относительно практического результата его демарша и полностью отдавал отчёт, что он приведёт только к увеличению «в наших архивах аналогичных документов, которые Святой Престол нам направлял столько раз безрезультатно». И оказался прав. Против последних слов о судьбе аналогичных документов император оставил помету на полях: «Вот почему я его не прочёл»¹.

В связи с этим замечанием императора было составлено резюме папской памятной записки. Прочтя её, Александр II на нём написал: «Мне кажется, это не стоит того, чтобы на него отвечать»². Оставленный без ответа протест был просто сдан в архив.

Что же касалось угрозы обратиться к Европе, то в С.-Петербурге надеялись, что зрелые размышления отвратят папу от такого враждебного акта, могущего лишь ещё больше ухудшить его отношения с Россией³.

Явно задетый такой позицией С.-Петербурга, папа в конце 1865 г. позволил себе довольно странную вещь. В канун Нового года он принял Мейендорфа. Беседа происходила без свидетелей. В ходе неё папа долго рассуждал об общем политическом положении в Европе, и о положении в Италии в частности, и дипломат уже подумал, что он не затронет особенно близко касавшиеся России вопросы, но Пий IX не оправдал его ожиданий. Он заговорил о последних акциях в отношении священнослужителей: ссылке Ржевуского, управлявшего варшавским епископством, об отказе от назначения на келецкую кафедру преконизованного папой епископа Калинского.

Мейендорф высказался в полном соответствии с полученными от Горчакова указаниями. Беседа приняла крайне резкие формы, превратившись в перепалку на чрезвычайно высоких тонах после того, как папа прибег к выражениям, которые, как признавался дипломат, для него было «совершенно невозможно принять, не протестуя».

Отдавая отчёт в серьёзности случившегося, в донесении от 27 / 15 декабря он постарался по возможности дословно воспроизвести диалог. «Папа: Ну что ж! мой дорогой Мейендорф, итак, император продолжает преследовать у Вас нашу бедную Церковь. Он только что ещё раз отправил в ссылку духовное лицо, управлявшее варшавским епископством, и это после того, как лишил церковной юрисдикции архиепископа этого епископства».

Мейендорф объяснил решение о высылке Ржевуского тем, что он нарушил закон. А, вопреки тому, что утверждал папа, российский император заботится о католической религии, так же как о многочисленных религиях, к которым принадлежали его подданные, но не мог сделать исключения для латинской Церкви,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1865. Оп. 469. Д. 153. Л. 22–23.

² Там же. Л. 98.

³ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1864. Оп. 475. Л. 157–158.

допуская со стороны её пасторов политические проступки, не имевшие ничего общего с верой.

В ответ папа заверил, что не ставил под сомнение благие намерения императора, но утверждал, что в России существовала влиятельная партия, толкавшая к разрушению католической Церкви.

В Варшаве, — сказал он, — у Вас есть человек, ужасный человек, который является нашим самым большим врагом и для которого все средства хороши, чтобы причинить нам зло. Я забыл его фамилию. Это польская фамилия, я полагаю. Впрочем, эта крайняя партия, о которой я Вам говорю, имеет приверженцев в самом дворце Вашего императора. Я знаю, что императрица слишком ортодоксальна.

По поводу последнего замечания папы Мейендорф отметил: «...это впервые папа употребил этот термин, говоря о религии Империи, которую он обычно квалифицировал как схизматическую».

Отвечая папе, он сказал, что никто не может никогда быть слишком религиозным. Что же касалось сказанного Святым Отцом относительно влиятельной партии, враждебной католичеству и оказывающей давление на решения императора, он брал на себя смелость опровергнуть подобный намёк, утверждая, что император консультируется лишь со своей совестью. Он слишком могущественен, чтобы подчинять свои взгляды, как и действия, тому, чтобы они стали приемлемыми для какой-либо партии.

Оспаривая это утверждение, папа сослался на случай с Калинским, кандидатура которого на келецкую епископскую кафедру была предложена императором. Он был посвящён в сан епископа, а теперь под предлогом, что он «привязан к своей религии и не хочет переходить в раскол, его преследуют».

Мейендорф объяснил позицию правительства вовсе не религиозными мотивами, а враждебным настроением Калинского, не оправдавшего его ожиданий, и считал естественным, как оно поступило в отношении него. Затем он заметил, что часто главы администрации, гражданской и церковной, бывают введены в заблуждение в оценке человека и сослался на яркий пример для папы аббата Пассалья.

Папа сказал, что это было не одно и то же, ибо он всегда знал о наличии у него этих недостатков, но надеялся его от них излечить. Он ещё долго развивал эту тему и дипломат подумал об окончании аудиенции, но папа вернулся к предшествующим упрекам. Он заявил: «Да, я Вам говорю: ваше правительство хочет разрушить католическую Церковь у Вас, Ваш император хочет ниспровергнуть все законы католической Церкви! Он хочет теперь назначать епископов».

После того как дипломат сказал, что никогда в намерения императора не входило назначение епископов и что, насколько ему известно, он этого никогда не делал, Пий IX, постепенно всё больше воодушевляясь, объяснил, что имел в виду назначение духовного лица на варшавскую кафедру, в то время как возглавлявший её архиепископ был жив.

Мейендорф высказал предположение о том, что это было ошибочное утверждение, вероятно опиравшееся на сведения из враждебных польских источников, поскольку это духовное лицо было избрано варшавским капитулом вместо Ржевуского. Затем капитул запросил у правительства его утверждения, и таковое получил.

Покраснев и всё более и более возбуждаясь, папа заявил: «Это неправда! Я знаю, что его назначило правительство, поскольку, пока жив глава епархии, капитул не имеет права никого избирать».

В ответ он услышал: «Я не знаю, действовал ли он согласно или нет правилам латинской Церкви, но я знаю, что факты таковы, как я имел честь Вам указать»¹.

Разъярённый понтифик воскликнул: «Это неправда!» Затем в ответ на слова дипломата: «Да, Святейший Отец, это правда», он повторил: «Это неправда. Это русская ложь». В ответ последовало: «Это не ложь». После такой перепалки папе, в сущности, ничего не оставалось, как сказать то, что услышал Мейендорф: «Вы забываетесь и проявляете ко мне неуважение».

Дипломат в свою очередь заявил: «Нет, Святейший Отец, я не забылся и помню прекрасно о моём долге, как в отношении Вас, так и самого себя».

Разгневанный папа не сдавался: «Но, да я Вам сказал, что Вы проявили ко мне неуважение, Вы хотели навести на меня страх, но я ничего не боюсь, за исключением Иисуса Христа (и тогда он указал на распятие). Я не хочу больше говорить с Вами. Убирайтесь»².

Прежде чем покинуть Ватикан после беседы с Пиетом IX, Мейендорф, по сложившейся традиции, посетил Антонелли и осведомил о ходе беседы. Кардинал был взволнован, просил не придавать слишком большого значения произошедшему и не давать хода делу, задержав временно, пока он сам не поговорит с папой, отправку донесения по этому поводу в С.-Петербург. Он назначил Мейендорфу встречу на следующий день³.

В ходе неё он сообщил, что видел папу утром, и должен был признаться, что нашёл его всё ещё очень настроенным против него. Затем кардинал продолжил:

«Он (папа. — О.С.) мне сказал, что никогда в его жизни не случилось, чтобы с ним разговаривали, как это сделали Вы. Ваш разговор произвёл на него такое глубокое впечатление, что он собственноручно записал основные пункты его, и я

¹ Как и следовало ожидать, такое событие повлекло немало интерпретаций. Из донесений прусского посланника Гарри фон Арнима следовало, что в ответ на упреки папы по поводу действий в отношении католической Церкви императорского правительства Мейендорф в оправдание необходимости принимаемых им мер сослался на то, что в Польском восстании одним из подстрекательских элементов было католическое духовенство. В ответ папа указал ему на дверь. Антонелли же постарался представить этот инцидент спровоцированным «не ловким молодым человеком», а оскорблённым — папу (*Винтер Э.* Указ. соч. С. 318–319).

² АВПРИ. Канцелярия. 1865. Оп. 469. Д. 153. Л. 404–408.

³ Там же. Л. 408–409.

Вам их покажу». Здесь кардинал дал мне любопытный автограф, о котором только что упомянул. Эта записка состояла из десятка строк, написанных крупным очень чётким почерком, хотя несколько дрожащим. Вот перевод почти дословный:

«Он говорил мне о благополучных случаях и Пассалья. А.
Назначение викария. Это правда. Этого не может быть. Б.
Революция и католицизм. С.

Покровительство, оказываемое другим вероисповеданиям, которое не могли оказывать католицизму. Д.»¹

Продолжая, кардинал заметил, что Мейендорф сказал папе вещи, глубоко раившие его.

Вы понимаете: он глава Церкви и нельзя ему говорить всё то, что сказали бы другому лицу. Впрочем, я не преминул ему представить, что Вы чувствовали себя задетым тем, что он воспользовался термином: русская ложь (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Папа меня заверил, что не помнил, что произносил эти слова. Он даже добавил, что был рассержен лишь лично на Вас, и даже категорически заявил, что глубоко уважал Нашего монарха, но что однако он не мог бы позволить его представителю говорить грубости в его собственном кабинете.

Мейендорф возразил кардиналу и пояснил, что сказанное им папе он «рассматривал лишь в качестве сущей правды и что, говоря ему её, я полагал, что исполнил мой долг, как в отношении моего собственного монарха, так в отношении себя». Затем он выразил сожаление, что, действуя так, создал у папы впечатление желания проявить к нему неуважение, так как не имел подобного намерения. Он кончил обещанием уведомить Горчакова обо всём, что только что объяснил, и «особенно оттенить в Ваших глазах, что неприятные вещи, которые Его Святейшество счёл долгом мне адресовать, носили исключительно личный характер, который было угодно Святому Отцу им присвоить».

Кардинал, со своей стороны, «умышленно продолжая беседу с предупредительностью и сердечностью, прилагал все усилия, чтобы ослабить и сгладить у меня плохое впечатление, которое, полагал он, ещё должно сохраняться у меня».

Более того, прежде чем распрощаться, он внезапно вновь заговорил о предложенной российской стороной кандидатуре на замещение епископской кафедры в Тирасполе. Он сослался на то, что утром, говоря с ним об этом, папа обнаружил готовность принять её и просил ещё только какое-то время, чтобы вопрос о ней разрешился окончательно².

¹ По поводу этой записки Мейендорф здесь в скобках пояснил: «Ваше Святельство найдёте отмеченными красными чернилами пассажи моего вчерашнего донесения, на которые намекал Святой Отец в своей короткой записке» (АВПРИ. Канцелярия. 1865. Оп. 469. Д. 153. Л. 413—414).

² Там же. Л. 413—415.

Этот демарш Святого Престола был воспринят Мейендорфом как весьма обнадеживающий акт.

2 января 1866 г. / 21 декабря 1865 г. он телеграфировал о том, что после имевших место пререканий, о подробностях которых говорилось в направленных с последним курьером донесениях, папа чувствует свою неправоту и момент представляется «благоприятным для переговоров, особенно если окажемся расположенными уступить в отношении Калинского»¹.

На этой телеграмме Александр II написал: «Подождем курьера»².

Его решительную реакцию на сведения, содержащиеся в привезённой курьером корреспонденции, зафиксировала его помета на донесении от 27 / 15 декабря. «После этой резкой, неописуемой (подчёркнуто в тексте. — О.С.) выходки прикажите Мейендорфу, — писал он Горчакову, — до нового указания прекратить всякие официальные отношения с папой»³.

В дополнение к официальному отчёту о беседе с папой Мейендорф направил Горчакову 29 / 17 декабря частное письмо, чтобы дать некоторые разъяснения. Он был убеждён, что резкая выходка папы не могла быть вызвана ни его манерой держать себя, ни его словами. Он приписывал её «заранее принятому решению». Правда, он считал маловероятным, чтобы папа с самого начала решился бы зайти так далеко в своих выражениях. Разгневанный возражениями, хотя и исполненными почтения, которые обязан был ему противопоставить Мейендорф, он, полагал дипломат, спонтанно поддался необдуманной запальчивости, что, впрочем, было вполне в его характере. Подтверждение своей гипотезы Мейендорф видел в том изумлении, в которое повергло Антонелли его сообщение, так же как в предпринятых им усилиях, чтобы устранить отрицательные последствия несдержанности, обнаруженной папой в его речах.

Дипломат полагал, что, когда уляжется эта вспышка, папа будет сожалеть о том, что произошло. Но в то же самое время он отдавал отчёт, что, поскольку папа «был мстителен, как все его соотечественники», он ему не простит того, что он «послужил, пусть и невольно, причиной» этого.

К тому, что он уже изложил в официальных донесениях, Мейендорф не мог ничего ни прибавить, ни убавить. «Они содержат, — писал он, — истинную правду, такую, как я должен был Вам дать знать, и если бы я испытывал малейшее угрызение совести, прошу Ваше Сиятельство, поверить, что я не поколебался бы ни минуты Вам в нём почтительно и честно признаться».

Вспышку Пия IX Мейендорф воспринимал как вполне логический заключительный аккорд. Ведь о таких его настроениях, как и о его несдержанности в речах, он уже сообщал министру в частном письме от 15 / 3 ноября. «Папа к настоящему

¹ АВПРИ. Канцелярия. 1865. Оп. 469. Д. 153. Л. 515.

² Там же.

³ Там же. Л. 404.

времени исчерпал все формы враждебных сетований против нашего правительства. Ему не оставалось больше ничего, как резко напасть на российского поверенного в делах. Теперь эта лакуна заполнена»¹, — считал дипломат.

В ответ на полученное известие о случившемся депешей от 7 января 1866 г. / 26 декабря 1865 г. Мейендорфу предписывалось до новых указаний воздержаться от всякого личного общения с папой, ограничившись лишь исполнением текущих дел, т. е. следовать уже ранее предначертанному правилу — «действовать, не говоря». Вслед за тем последовали уточнения.

Ваша политическая миссия, — говорилось в депеше от 28 / 16 января, — окончена. Вы об этом заявите кардиналу Антонелли, сказав ему, что вследствие приёма, оказанного Вам Его Святейшеством, император не может сохранить при Святом Престоле представителя интересов России, достоинство которого не может быть защищено от всякого посягательства. Вы останетесь в Риме до новых указаний лишь в качестве простого исполнителя текущих дел, нуждающихся в посреднике, чтобы не пострадать. Позаботьтесь не выходить за эти рамки.

Столь же решительно формулировались главные принципы, определявшие позицию России в отношении Ватикана после случившегося.

Религиозная терпимость вписана во все страницы российской истории. ...Нынешнее правление вдохновляется этой же традицией. Но наш Августейший Монарх не позволял и не позволит никогда, чтобы под прикрытием католической религии и предписаний, общих для всей христианской веры, Его подданные какого-либо исповедания позволяли себе проповедовать неповиновение и давать пример этого, — говорилось в депеше. — Пусть римский Двор не строит никаких иллюзий в этом отношении. Он не заставит нас отступить от этого принципа, каковы бы ни были средства, пущенные им в ход. Мы желаем добрых отношений со Святым Престолом. До сих пор мы признавали ценность духовных уз, связывавших католических подданных императора с папой. Мы не перестанем это признавать, пока папское правительство будет оставаться в разумных границах, и не будет поддерживать устремления, которые, к счастью, более не идут в ногу с нашим временем и которым наш Августейший Монарх решил поставить неодолимый барьер.

Если римский Двор будет упорно продвигаться по пути, по которому следовал последнее время, может наступить момент, когда эти связи будут сочтены у нас бесполезными или вредными. И тогда он должен был бы отнести лишь на свой счёт, если наш Августейший Монарх последует внушениям, которые ему были бы продиктованы лишь Его заботой о спокойствии и сохранении порядка в его государствах. Император не хочет, чтобы было нарушено спокойствие совести его подданных различных исповеданий, но он не потерпит, чтобы этим пользовались в интересах иностранных устремлений².

¹ АВПРИ. Канцелярия. 1865. Оп. 469. Д. 153. Л. 476–477.

² Там же. Канцелярия. 1866. Оп. 469. Д. 187. Т. 2. Л. 387–389.

Суть изложенного в депеше Мейендорф должен был донести до сведения кардинала Антонелли. Для самого же Горчакова она сводилась к твёрдому намерению императора «не позволять, чтобы религия служила прикрытием для политических интриг, противоречащих интересам Его Империи». И если до настоящего времени он «придавал значение сохранению связей его католических подданных с духовным отцом римской Церкви, то он мог в их собственных интересах встать на иную точку зрения»¹.

Пытаясь в целом осмыслить случившееся, Горчаков полагал, что папа был введён в заблуждение польской эмиграцией. Поэтому он увидел в принятых в Польше и на западных границах Империи мерах, касавшихся духовных интересов, систему преследования католической Церкви. При этом он не захотел понять, что религия может проиграть, спустившись на почву политики, так же как он не захотел поддержать усилия С.-Петербурга и разделить их. Испытанное Прием IX «раздражение, в конечном счёте, привело к неприличной выходке» в отношении российского дипломата, а «приданная этому прискорбному инциденту Его Святейшеством гласность ещё более его осложнила».

Не сочтя для себя возможным усомниться в достоверности изложения содержания беседы папы с Мейендорфом, в иностранном ведомстве ограничились доведением фактов до сведения посольств и миссий за рубежом, для восстановления истины².

То же самое и с такой же целью сделал Антонелли. 30 декабря он направил подробное изложение произошедшего нунцию в Вене. В другие нунциатуры оно будет направлено 17 февраля 1866 г.

В нём особо подчёркивалось, что аудиенция Мейендорфа у папы состоялась 27 декабря, когда он принимает дипломатов для поздравлений и при таких обстоятельствах каждый, «что вполне естественно, и как того требует приличие, воздержался бы говорить о делах, особенно если они касались неприятных вопросов». Несмотря на это, разговор зашёл о религиозных делах в России. Дошли до спорного вопроса о холмском епископе. Папа пожаловался, что не мог посвятить этого прелата из-за чинимых правительством препятствий, вопреки тому, что он им был предложен. Мейендорф пояснил, что после того, как оно сделало это предложение, правительство узнало, что он не обладал нужными качествами, что случается и с папским правительством, когда оно разуверяется в благоприятном мнении о лицах, которых считало безупречными, и «тут довольно неосторожно он назвал несколько имён». Затем к «столь оскорбительному ответу» он добавил упрёк в том, что «Святой Престол во время польского восстания не пожелал написать епископам в том смысле, как того желало российское правительство». На это папа ответил, что «не нашёл для этого оснований». Правомерность избрания варшавским

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1865. Оп. 475. Л. 113.

² Там же. Л. 112–113.

капитулом нового капитулярного викария под давлением правительства Мейендорф не поколебался оспорить. После нескольких неуместных в отношении Святого Отца намёков он позволил себе заявить, «что ничего из этого не произошло бы, если бы католики вели себя, как протестанты, ибо, приняв во время восстания сторону правительства, последние получили много льгот, в которых было отказано католикам, учитывая враждебность их поведения». И он довёл свою смелость до заключения, что не было ничего удивительного в таких действиях католиков, учитывая, что католицизм тождественен революции.

На эту реплику, выпроваживая его, папа ему ответил: «Я уважаю и высоко ценю Его Величество императора, но не могу этого сказать о его поверенном в делах, который, конечно, вопреки воле своего монарха, мне нанёс оскорбление в моём кабинете»¹.

Нунцию предписывалось сообщить об этом инциденте австрийскому министру иностранных дел и просить его информировать об этом австрийского посланника в С.-Петербурге, чтобы при обсуждении этого инцидента он мог опираться на верные факты².

Нунций немедленно выполнил полученные указания: навестил министра иностранных дел и попросил известить о случившемся посланника. Зная о существовании в высшем обществе Вены и в Империи русофильской партии, он посчитал «необходимым распространять правду об этом известии среди лиц, осторожных и сдержанных». «Впрочем, — писал он 12 апреля 1866 г., — как в министерстве, так среди лиц, узнавших об этом известии, достойный и величественный поступок Его Святейшества произвёл самое благоприятное впечатление, его искренне хвалят за него; поляки являются его энтузиастами». Что касалось прессы, почти во всех венских газетах появились сообщения об этом факте с несущественными расхождениями с изложением их в депеше. Причём немецкие газеты перепечатали статью из польской «Czas», издававшейся в Кракове. А она утверждала, что получила её из Рима. Газеты всех направлений приводили факты, не комментируя их.

В другом донесении за то же число нунций писал о шаге, предпринятом российским посланником в Вене. Он сообщил в министерство иностранных дел о полученной из С.-Петербурга депеше, в которой полностью отрицались оскорбления и бранные слова, по утверждению римского Двора, сказанные Мейендорфом папе. При этом особо опровергались слова, что «католицизм означает революцию». Нунций услышал это в министерстве, когда пришёл, чтобы известить о полученном

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 14–15; ASV. Fondo. Affari Ecclesiastici Straordinari. Carte di Russia e Polonia. Vol. XIX. Anno 1866.

² ASV. Fondo. Affari Ecclesiastici Straordinari. Carte di Russia e Polonia. Vol. XIX. Anno 1866.

из Рима сообщении о разрыве отношений России с Ватиканом. Он узнал, что российский коллега это сделал за несколько дней до его прихода¹.

11 апреля нунций в Мадриде писал Антонелли, что в беседе с ним российский посланник А.Н. Волконский утверждал, что Мейендорф не мог сказать, что католицизм то же, что революция, потому как такое суждение противно мнению императора².

Это утверждение будет специально опровергнуто в исторической справке, приложенной к циркуляру от 19 / 7 января 1867 г., разосланному в российские представительства, и затем опубликованной в С.-Петербурге. Отвергался сам факт, что российский поверенный в делах позволил себе сказать, что католицизм и революция составляют единое целое. На деле он говорил о том, что в Польше католицизм вступил в союз с революцией.

Этот факт, — следовал далее комментарий, — о котором следует глубоко сожалеть, усвоен историей, о нём неоднократно говорилось Святому Престолу и зависело только от него его упредить. После того как Святой Отец приписал императору намерения проводить религиозные преследования, поверенный в делах Его Величества не только мог, но и был обязан противопоставить этому, столь безосновательному утверждению истину, несомненно, прискорбную, но беспспорную³.

В связи с обсуждением этого инцидента в иностранной прессе для «Journal de St. Petersbourg» была подготовлена статья, с содержанием которой 1 февраля / 20 января 1866 г. Горчаков ознакомил Александра II. В ней отмечалось, что самые разные версии, появившиеся по поводу беседы, протекавшей без свидетелей, могли исходить лишь от репортёров и в С.-Петербурге не считали нужным их опровергать. Тем не менее там не могли обойти молчанием утверждение, будто бы французское и австрийское правительства поставили перед собой задачу сгладить впечатления, оставленные этим инцидентом в отношениях между римским Двором и императорским правительством, в то время как последний с той же самой целью о посредничестве просил берлинский кабинет. «Это утверждение, — говорилось в заключение статьи, — настолько вне обычаев и дипломатической практики, повсеместно принятой, что опровергается само собой. Очевидно, что в деле такого рода никакой кабинет не мог бы ни предложить, ни запросить добрых услуг, которые в подобном случае он сам никогда не смог бы ни принять, ни предложить»⁴.

¹ ASV. Fondo. Affari Ecclesiastici Straordinari. Carte di Russia e Polonia. Vol. XIX. Anno 1866.

² Ibidem.

³ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 15.

⁴ Там же. Ф. Канцелярия. 1866. Оп. 469. Д. 66. Л. 4–5.

30 января 1866 г. Антонелли направил российскому правительству официальную памятную записку. В ней, в частности, говорилось, «что Святейший Отец надеется, что император не поставит его перед необходимостью обнаружить перед целым светом сведения о гнёте, которому подвергается католическая Церковь в Российской империи и Царстве Польском»¹.

На эту угрозу из С.-Петербурга ему ответили следующим образом: «Наш Августейший Монарх не питает в душе ни малейшего желания притеснять католическую религию. Мы совершенно спокойно будем ожидать исполнения угрозы, высказанной в заявлениях кардинала Антонелли»².

В телеграмме Мейендорфу от 8 февраля / 27 января, призвав его точно следовать ясным и чётким инструкциям, Горчаков сформулировал занятую С.-Петербургом позицию: «Мы не разрываем с Папством, мы приостанавливаем наши политические отношения с Пием IX. Зависит по-прежнему от самого Папства восстановиться и продолжать отношения с нами на приемлемой основе»³.

Тем временем в соответствии с указаниями, содержащимися в депеше от 28 / 16 января 1866 г., Мейендорф известил Антонелли о прекращении его политической миссии. Выразив по этому поводу сожаление, кардинал спросил, должен ли он рассматривать его отставку как отзыв миссии. На это он ответил, что оставался в Риме до получения нового указания лишь в качестве простого экспедитора текущих дел, нуждавшихся в посреднике, но миссия продолжала действовать.

Для самого Мейендорфа было очевидно заключавшееся в его заявлении противоречие, прецедента которому папский Престол не мог найти в дипломатической истории. Как следует из его донесения и частного письма от 9 февраля / 28 января, он видел такое решение: немедленно его отозвать и назначить преемника или вместо миссии установить новый порядок вещей, сохранив её функции, лишь что касается церковных отношений и текущих дел⁴.

В ответ депешей от 3 марта / 19 февраля Горчаков ограничился разъяснением, что инструкции от 28 / 16 января заключали уведомление папе, а не разрыв отношений, что зависело от папы — порвать или нет отношения, российская сторона не провоцировала такой результат. Окончание миссии Мейендорфа означало, что он должен был избегать обсуждения любых политических вопросов, ограничившись пересылкой текущих дел. Если Антонелли будет поднимать такие вопросы, следовало их выслушивать и об этом уведомлять. В этой связи министр признавался в том, сколь серьёзные надежды на разрешение конфликта возлагались на кардинала.

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 15.

² Там же. Л. 15–16.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1866. Оп. 469. Д. 187. Т. 2. Л. 396.

⁴ Там же. Л. 313–314; Т. 1. 31.

Нам известно о примирительном настрое Его Светлости. Мы знаем, что его пронизательность уловила пропасть, к которой вспыльчивость может привести Папство, — писал Горчаков. — Мы не исключаем сдерживающего влияния, которое, благодаря этим качествам, он может оказать на нынешнюю напряжённость в наших отношениях: но мы хотим и должны воздержаться от всякого первого шага, в какой бы то ни было форме. Мы будем спокойно выжидать римский Двор, если он хочет, и мы будем действовать соответственно.

«Это означает, — пояснялось затем, — что миссия не отозвана, что российский герб может оставаться на фронтоне здания и что изменился не характер Вашей миссии, а её местное проявление», иными словами, что Мейендорфу было позволено выслушивать то, что было бы сказано в политическом отношении, но в ответ не высказывать личного мнения¹.

Ко времени написания этой депеши у Мейендорфа появился ещё один повод просить об отзыве. Дело в том, что некоторые газеты факт его пребывания в Риме в качестве официального агента в условиях приостановки политических отношений со Святым Престолом истолковали как свидетельство того, что, отказавшись его дезавуировать, российская сторона в личном конфликте своего представителя с папой обвинила Пия IX.

Его Святейшество, — писал Мейендорф 27 / 15 февраля 1866 г., — чрезвычайно разгневан такой интерпретацией, и его гнев, возрастая с каждым днём, целиком переносится на меня лично. Последствия этого становятся для меня очень чувствительными: так значительная часть римского общества прекратила со мной всякие отношения, очевидно, из-за указания, исходившего из Ватикана.

Мнение императора по поводу просьбы дипломата зафиксировала его помета: «Я не вижу помех вернуть его сюда»².

Ждать, когда Рим определится со своим решением в сложившейся ситуации, на Неве пришлось недолго. Депешей от 16 / 4 марта Мейендорф известил Горчакова, что, воспользовавшись его посещением 13 / 1 марта по конкретному делу, Антонелли сообщил, что после первого заявления Мейендорфа об окончании его миссии он считал российскую миссию прекратившей свою деятельность. Папа не вернул ему сразу паспорт только потому, что узнал о его отъезде через несколько недель, но он не пойдёт на аккредитацию его преемника и на восстановление российской миссии в Риме. Что касалось интересов российских подданных, предлагалось доверить их миссии какого-нибудь другого государства.

На Мейендорфа сильное впечатление произвело то, что это было сказано кардиналом «с очень явным оттенком раздражения и в прямом противоречии с поведением, соблюдаемым им в отношении меня ранее». «Причина его нынешних

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Оп. 469. Д. 187. Т. 2. Л. 399–400.

² Там же. Д. 187. Т. 1. Л. 39.

настроений, — признавался дипломат, — остаётся для меня тайной, и я не знаю, должен ли я искать корни в сильном раздражении, вызванном у папы статьями газет, или же они проистекают от коварных происков польской партии в Риме, поддерживаемой некоторыми влиятельными членами дипломатического корпуса. Это деликатный вопрос, который я постараюсь прояснить». Таким образом, подчеркнул он, за две недели настроения в Ватикане радикально изменились.

Он обратил внимание на то, что, наряду с таким категорическим заявлением Антонелли, он встречал со стороны многих высокопоставленных священнослужителей инсинуации по поводу необходимости ему помириться с папой, попросить у него прощения и решить вопрос мирным путём¹. Обо всём этом Мейендорф известил Горчакова депешей от 16 / 4 марта.

Поскольку телеграфом он не воспользовался, вероятно, по случайному совпадению телеграммой от 16 / 4 марта и частным письмом ему было предписано отбыть без промедления в отпуск, которого «требовали срочно его личные дела». Его предупредили, что исключалась его аудиенция у папы, на что имелись намёки, и что, вероятно, он больше в Рим не вернётся².

Исполнение текущих дел возлагалось на бывшего до этого первым секретарём миссии П.А. Капниста³, до новых указаний остававшегося в Риме в качестве частного лица и простого хранителя архива бывшей миссии. Ему рекомендовалось проявить «выдержанность и осмотрительность»⁴.

Официальное положение его определялось инструкциями правительства. Перед Святым Престолом они не давали ему никаких дипломатических полномочий. Он мог поддерживать чисто личные отношения с государственным секретарём, но воздерживаться просить аудиенцию у папы ни по случаю обычных приёмов дипломатического корпуса, ни при исключительных обстоятельствах, как, например, во время пребывания в Риме в 1869 г. великого князя Владимира⁵.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Оп. 469. Д. 187. Т. 1. Л. 49—51.

² Там же. Д. 187. Т. 2. Л. 403, 409.

³ 10 марта / 27 февраля 1864 г. Мейендорф обратился с просьбой к Киселёву, предполагавшему быть в С.-Петербурге, похлопотать о выплате какого-нибудь жалованья Капнисту, к тому времени уже почти четыре года работавшему без вознаграждения. Он его характеризовал человеком «усердным, серьёзно относящимся к работе, честолюбивым, одним словом, обладающим качествами, как правило, отсутствующими у земноводных, которыми в министерстве называют атташе» (Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1031. Л. 4). А К.А. Губастов напишет в своих мемуарах, говоря, конечно, уже не о начинающем дипломате, что «он был человек осторожный, обладал здравым смыслом и политическим чутьём. К сожалению, он был высокомерен, резок и необщителен со своими подчинёнными» (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Ф. 212. Губастов К.А. Мемуары (1879—1897). Архив издательства «Огни». Л. 131).

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Оп. 469. Д. 187. Т. 2. Л. 421.

⁵ Там же. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 24. Л. 354—355.

Предпринятый Антонелли шаг был вполне логичен, если учесть, что его заявление было равносильно объявлению полного разрыва отношений, инициативу чего папа уже принял на себя. Именно так он был воспринят Горчаковым. Мейендорфу по прибытии его в С.-Петербург 27 / 15 марта он сделал суровый выговор. Ведь из-за того, что он не сообщил о заявлении от 13 / 1 марта по телеграфу, министр узнал о нём с большим опозданием. Между тем, «поскольку разрыв с римским Двором не столь простая вещь, какой был бы разрыв с совершенно светской державой, должна быть обязательно согласована серия мер, чтобы регулировать, хотя бы лишь временно, религиозные интересы, общие и частные, связанные со Святым Престолом», — писал Горчаков Александру II в записке 28 / 16 марта. Он просил его и о том, чтобы вопрос о срочных мерах был специально рассмотрен компетентными властями. Александр II, как свидетельствует его помета, был согласен с необходимостью принятия временных мер и предлагал поручить «это тому же самому комитету под председательством П.П. Гагарина¹, который должен заниматься вопросом Конкордата»² (подчёркнуто в тексте. — О.С.).

29 / 17 марта телеграммой, специально направленной клером, поскольку император и министр не видели «никакого неудобства в том, чтобы посреднические станции телеграфа ознакомились с ней, так как здесь нам нечего скрывать», Капнисту было приказано удалить герб с фронтона здания миссии и сделать заявление государственному секретарю. В нём он объяснил, что, поскольку папа принял на себя инициативу разрыва отношений с Россией, император снимает с себя всю ответственность за последствия этого. Затем он сослался на заявление самого кардинала Мейендорфу 13 / 1 марта, о котором в С.-Петербурге текстуально узнали лишь по прибытии его в столицу, а именно, «что Святой Отец вовсе не намерен видеть в Риме восстановленной российской миссию». Теперь в соответствии с полученным указанием из С.-Петербурга пожелание Святого Престола выполнено, и герб со здания миссии снят. Затем Капнист сообщил кардиналу текст присланной Горчаковым телеграммы.

В ответ Антонелли заявил, что папское правительство, со своей стороны, отклоняет всякую инициативу и всякую ответственность за разрыв и, напротив, приписывает эту инициативу санкт-петербургскому кабинету³.

30 / 18 марта 1866 г. Горчаков разослал российским представителям циркуляр по поводу этого инцидента. В нём подчёркивалось, что, воздерживаясь от опровержения различных появившихся на страницах газет версий инцидента во время аудиенции, считали долгом отвергнуть одну, так как она представляет собой не только фактическую ошибку. Речь шла об утверждении, что российский поверенный в делах будто бы сказал папе: «католицизм — это революция». Разъяснялось,

¹ Председатель Комитета по делам Царства Польского.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Оп. 469. Д. 66. Л. 38.

³ Там же. Д. 187. Т. 1. Л. 80—81.

что никакой служащий императора не мог высказать мысль, столь категорически противоречащую принципам и убеждениям императора. Затем излагалось развитие событий после аудиенции: предписание Мейендорфу от 28 / 16 января 1866 г., заявление Антонелли от 13 / 1 марта и телеграмма с указанием Капнисту снять герб с фронтона миссии¹.

О настроениях Ватикана в отношении России можно судить по сведениям, собранным Капнистом в начале апреля. Они, по его мнению, указывали «скорее на опасения, чем на враждебность», а папа в разговоре с теми, с кем касался разрыва отношений, выражал своё сожаление по этому поводу².

По случаю покушения на жизнь российского императора 16 / 4 апреля папа намерен был, со слов заместителя государственного секретаря Берарди, сказанных Капнисту, направить Александру II послание, но, с одной стороны, пребывал в нерешительности, а с другой — надеялся, что прямой демарш мог благоприятно повлиять на состояние дел. В конце концов, папа ограничился выражением своих чувств через нунция в Париже³. Направленной Антонелли телеграммой от 27 / 15 апреля Горчаков от имени императора просил передать, насколько он был тронут этим проявлением внимания⁴.

Положительно был истолкован в С.-Петербурге тот факт, что, впервые после разрыва отношений с Россией выступая в консистории в июне 1866 г., папа не прервал молчания, хранимого по этому поводу, как, впрочем, и то, что он вообще воздержался от всяких политических манифестаций. На деле он имел намерение говорить об Италии и России в этой аллокуции, но отказался, сочтя момент неудобным для публичного заявления ни по какому из этих предметов. По мнению Капниста (частное письмо Горчакову от 25 / 13 июня 1866 г.), эту сдержанность, не соответствовавшую характеру папы, следовало отнести за счёт озабоченности Ватикана по поводу роли России в европейском конфликте и, в частности, слухов о договорённости между С.-Петербургом и Веней⁵. Дипломат, безусловно, имел в виду напряжённые австро-пруссские отношения.

Эта сдержанность продолжалась недолго. В речи, произнесённой при открытии заседания консистории 29 октября 1866 г., папа осудил политику императорского правительства в отношении католической Церкви в Польше, повторив длинный список претензий по этому поводу.

Не удовлетворившись этим, 15 ноября 1866 г. папское правительство опубликовало обширный сборник о гонениях на латинскую Церковь в России и Царстве

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1042. Л. 29—31.

² Там же Ф. Канцелярия. 1866. Оп. 469. Д. 187. Т. 1. Л. 94.

³ Там же. Л. 110.

⁴ Там же. Д. 229. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 187. Т. 2. Л. 333—334.

Польском¹. Этот сборник был явно предназначен для оправдания позиции Святого Престола.

Между тем в сложившейся после разрыва отношений ситуации в С.-Петербурге сочли необходимым пересмотреть в целом существовавшую систему отношений со Святым Престолом и начать с Конкордата. Как следует из письма от 27 / 15 апреля 1866 г. Горчакова Бергу, оба они придерживались мнения, что он не мог быть сохранён в прежнем виде. Вместе с тем министр отдавал отчёт в невозможности не иметь акта, который регулировал бы духовные отношения с римским Двором, что, «рано или поздно, нужно будет заниматься новым Конкордатом». Поэтому он просил Берга высказать свои соображения по двум вопросам: каковы, по его мнению, главные отрицательные стороны нынешнего Конкордата и каковы его пожелания относительно того, что, насколько возможно, должно быть включено в новый Конкордат?²

А 4 декабря / 22 ноября указом императора Правительствующему Сенату Конкордат был отменён. Мотивировалось это так:

Поскольку действиями римского Двора прерваны сношения оного с нашим правительством, и вследствие того заключённые с сим Двором 22 июля / 3 августа 1847 г. условия и состоявшиеся в дополнение оных особые соглашения относительно управления делами римского исповедания в пределах российской державы утратили всякую обязательную силу и не могут более служить руководством по управлению означенными делами; а потому дела сии должны впредь вестись установленными для того в государстве властями и управлениями, на основании коренных законов Империи и Царства Польского³.

Как сообщал 18 / 6 декабря Капнист, этот акт произвёл глубокое впечатление в Ватикане, несмотря на заботы другого порядка, занимавшие его. До этого указа взаимоотношения санкт-петербургского и римского кабинетов воспринимались здесь как преходящая дипломатическая ссора, которая не влекла за собой отмены Конкордата. С этой точки зрения римская Курия рассматривала указ как инициативу, проявленную правительством с целью порвать навсегда связи, соединяющие польское католическое духовенство со Святым Престолом. «Россия хочет совершить новый административный раскол в католичестве, создав в Польше национальную Церковь!» Таков вкратце вывод, который правительство Святого Престола делает из содержащихся в вышеупомянутом указе положений», — писал Капнист, ссылаясь на верные источники этих суждений, хотя лично воздерживался от всякого обсуждения этого

¹ Esposizione documentata sulla costante cure di somma pontefice Pio IX a riparo di male che soffre la chiesa cattolica nei domini di Russia e Polonia. Roma, 1866.

² АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. 1866. Оп. 573. Д. 2263. Л. 58.

³ ПСЗ. Собрание второе. Т. ХLI. СПб., 1868. № 43879. С. 265.

вопроса с представителями Курии, с которыми поддерживал некоторые отношения, поскольку подобная беседа могла принять неприятный поворот.

Интерпретацию указа Берарди и другими прелатами Капнист останавливал на полуслове, говоря: «...поскольку этот акт был выражением воли нашего Августейшего Монарха, я не должен, следовательно, ни судить о нём, ни его комментировать и ещё меньше защищать его перед кем бы то ни было». И добавлял, что, естественно, эта мера вытекает из обстоятельств и что папское правительство было об этом в своё время предупреждено, что касается серьёзных последствий, которые может иметь разрыв отношений с Россией, ответственность за который целиком падает на Святой Престол¹.

Среди прочего на появление папского сборника российское правительство ответило упоминавшимся циркуляром Горчакова российским представителям за границей от 19 / 7 января 1867 г., сопровождавшимся «Краткой исторической справкой об актах Святого Престола, которые привели к разрыву отношений между Святым Престолом и императорским правительством и отмене Конкордата 1847 г.».

Из неё следовало, что в С.-Петербурге считали, что, заключив Конкордат, сдержали данное императором Николаем I слово и пошли на все возможные уступки. Что же касалось продолжавшихся претензий, то они отражали обычное настойчивое желание Курии заставить перейти эти границы, проистекавшее из её верности принципу, о котором в июне 1804 г. государственный секретарь кардинал Консальви писал кардиналу Джованни Капрара по случаю коронации Наполеона I: «сущность католической религии — это быть нетерпимой». Причём особенно последовательно этого принципа придерживались в отношении Царства Польского и России. Российские же императоры в качестве хранителей законов Империи и защитников прав православной Церкви, естественно, не могли удовлетворить подобные требования. И именно в этом заключалась главная причина без конца возобновлявшихся разногласий между двумя Дворами, подчёркивалось в справке².

В письме Бергу от 19 / 7 января, пересылая этот циркуляр, последующая публикация которого предполагалась в «Journal de St. Petersburg», Горчаков объяснил: «...я посчитал, что нельзя оставлять без ответа сборник документов, который папское правительство опубликовало против нас. Он несёт отпечаток пристрастия и неточностей. Абсолютное молчание, с нашей стороны, мне показалось неуместным. Вам судить, нарушил ли я его с пользой для нашего дела»³.

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 138. Д. 23. Л. 75.

² АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 3. По поводу слов Консальви имеется ссылка: «Mémoire du cardinal Gonsalvi. Correspondance avec le cardinal Caprara à l'occasion du sacre de Napoleon I».

³ Там же. Ф. Наместник Царства Польского. 1866. Оп. 576. Д. 2264. Л. 87.

Об оценке этого акта лицом компетентным, каким, несомненно, был Тютчев, Горчаков был осведомлён его двумя письмами, к сожалению не датированными. Явно ознакомленный именно с этой справкой ещё до её публикации, Тютчев в тот же день писал о вынесенном им глубоком убеждении в пользе и важности обнародования этого документа «гораздо большего значения, нежели простой дипломатический акт», который «касается — и замечательным образом — самой сути нашего положения по отношению к Европе». Будучи опубликован, полагал Тютчев, «в одно и то же время, он доставил бы большое удовлетворение национальному чувству и не преминул бы сплотить вокруг нас всё, что есть наиболее просвещённого и наиболее разумно либерального в направлении умов за границей против нашего истинного личного врага, каким является римская Курия теперь, как и всегда».

Несколько дней спустя, когда публикация состоялась, Тютчев приветствовал её, будучи уверен, что «этот документ встретит громкий отклик в России» и что обнародованная переписка представляла собой «достойное завершение вашей славной кампании 1863 г.».

При чтении его передо мной как бы более ясно предстало всё значение Вашей действительной исторической миссии. Вы, очевидно, были призваны внести новое начало в дело мира, новую и весьма значительную силу, духовную силу России.

Вам будет принадлежать честь её образования и обращения в политическую силу, а это огромное событие.

Говоря исторически, Вы оправдали и реабилитировали этого русского бога в его минутной слабости... и благодаря этой новой силе, введённой Вами, польский вопрос вступил в свою окончательную фазу, в которую вступает и восточный вопрос...¹

В отчёте о деятельности своего министерства за 1866 г. Горчаков утверждал, что в С.-Петербурге не стремились к разрыву со Святым Престолом и были убеждены, что не они его спровоцировали. Вина же им возлагалась полностью на Святой Престол, не пожелавший следовать его призыву отделять религию от политики. Причину бесплодности своих усилий в этом объясняли следующим образом.

Поскольку римско-католическая религия в Польше была подчинена национальной идее, римский Двор понимал, что сможет укрепить там своё влияние, лишь согласившись на это кощунственное смешение. Политические потребности были сильнее угрызений совести, и Святой Престол, таким образом, пришёл к поддержке в Польше революционных доктрин, противником и жертвой которых он является в Италии, —

говорилось в отчёте.

¹ Литературное наследство. № 19—21. М., 1935. С. 231—232.

При этом предполагалось, что такое объяснение позиции Святого Престола должно было освободить императора от шепетильности в отношении духовной власти, призванной оказывать благотворное влияние на души. «С того времени, как эта власть манкировала свои обязанности, думая лишь о своих политических интересах, нам она дала право и вменила в обязанность защищать наши интересы», — заключал министр. Отсюда логично было решение «действовать в отношении римского Двора с непоколебимой твёрдостью, не останавливаясь перед ухищрениями, за которыми он укрывается» (подчёркнуто в тексте. — О.С.). Против подчёркнутых слов был поставлен Александром II знак «nota bene». Своим «заметь хорошо» он явно выражал своё согласие с оценкой министром характера действий Святого Престола. В С.-Петербурге пошли на разрыв отношений с Курией, ясно отдавая отчёт в том, что он был чреват особыми последствиями, ибо речь шла о правительстве, объединявшем со своей светской властью духовный авторитет, сферу которого было трудно определить и ограничить¹.

Именно поэтому одновременно с отменой Конкордата началось изучение вопроса о том, на какой основе должны быть установлены в Российской империи отношения римско-католической Церкви с её духовным главой. На тот же момент было сочтено, что фактический статус-кво может быть сохранён, а компетентным властям было поручено изучить положение папской дипломатической миссии как в странах, где римско-католическая религия является господствующим исповеданием, так и в тех, где она не была государственной религией. Делали это в надежде выявить средства, чтобы примирить духовные потребности католических подданных с политическими и национальными интересами России².

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД, 1866. Оп. 475. Л. 202—204.

² Там же. Л. 203—205.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РЕШЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО. НОВЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ С.-ПЕТЕРБУРГА С РИМОМ. НАЧАЛО НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

В сложившейся ситуации Комитету по делам Царства Польского Бергом было предложено соединить управление делами римско-католического исповедания в Царстве Польском и Империи и сосредоточить его в С.-Петербурге. Конкретно это предполагало распространение юрисдикции издавна существовавшей в Империи римско-католической Духовной коллегии на Царство и привлечение его духовенства к участию в работе и решениях Коллегии. Ставился вопрос и об упразднении варшавской митрополии.

Как писал 22 / 10 января 1867 г. Валуев председателю Комитета по делам Царства Польского Гагарину, эта мера соответствовала бы, как ему казалось, достижению цели объединения римско-католического духовенства Империи и Царства. Поскольку Духовная коллегия в Империи представляла «высшее духовное присутствие, которому подлежит рассмотрение и решение дел общих всем римско-католическим епархиям, а потому, с подчинением римско-католического духовенства в Царстве главному заведыванию министерства внутренних дел, следует предоставить Коллегии соответственное значение и относительно Царства Польского». Министр признавал, что в таком случае неизбежно пришлось бы упразднить варшавскую архиепархию и низвести её на положение простой епархии, как это было до 1817 г., когда она была учреждена буллой Пия VII. Причиной было то, что варшавского архиепископа, пользовавшегося правами митрополита над духовенством Царства, нельзя было подчинить власти Коллегии, председателем которой являлось равное ему лицо — моголёвский архиепископ.

На пути реализации этого предложения Валуев видел следующие затруднения. Прежде всего, это опасения (о них говорилось и в докладной записке главного директора департамента внутренних и духовных дел Э.К. Сиверса), что польское духовенство потребует утверждения папой его подчинения Коллегии. В этой связи он напоминал, что учреждение Коллегии произошло в начале столетия при благоприятных для правительства обстоятельствах. Власть её над духовенством в Империи, «так сказать, освящена давностью, от чего и нет примера сопротивления

какого-либо из епархиальных начальников распоряжениям оной, несмотря на то, что со стороны папского правительства, ещё до заключения договора 1847 г., было заявлено о незаконности в каноническом отношении существования Коллегии».

При таких обстоятельствах было неясно, какой будет реакция духовенства Царства: подчинятся ли епископы «беспрекословно такому центральному учреждению, существование которого не основано ни на каноническом праве, ни на утверждении главою римско-католической Церкви». Но, даже если бы удалось преодолеть это препятствие, сохранялось бы главное затруднение в исполнении этой меры, заключающееся «в невозможности допустить по Царству Польскому назначение на три года заседателей Коллегии по избранию капитулами». А это требовало бы отменить существующий порядок замещения должностей заседателей Коллегии и назначать их по выбору правительства и без указания срока.

Подобная мера, — считал Валуев, — необходимость которой относительно Империи не оправдывается никакими соображениями, совершенно изменит значение Коллегии, не говоря уже о том, что при таких условиях распоряжения Коллегии лишились бы, в глазах католиков, того характера церковного самоуправления и легальности, достижение которого составляет главное основание предполагаемого подчинения польского духовенства ведомству Коллегии.

К тому же любые преобразования в данное время в управлении делами римско-католического духовенства в Империи осложнили бы предполагаемое подчинение римско-католического духовенства в Польше общему с Империей порядку управления и затруднили бы ещё больше приведение этой меры в исполнение¹.

Одновременно с вопросом о Коллегии предполагалось рассмотрение Комитетом вопроса об объединении варшавской и Санкт-Петербургской Духовных академий. Согласно записке Сиверса, этим преследовалась цель дать воспитанию юношества в Царстве «иное высшее направление, более соответствующее и важному значению духовенства, и видам правительства, и значительно сократить нынешние расходы на Академию». К тому же Варшава благодаря этому лишилась бы части своего церковного значения, «что способствовало бы успокоению умов и приведению тамошнего общества в более нормальное положение».

Представлялись три возможных способа реализации этой меры. Первый — упразднить полностью варшавскую Академию; но не делать этого формально, а прекратить приём в неё клириков. Второй — предоставить епископам Царства право посылать воспитанников своих семинарий в Санкт-Петербургскую Академию для получения высшего образования, определив предварительно их число от каждой епархии от 2 до 3 человек, не делая при этом их посылку обязательной. Наконец, третий — перевести варшавскую Академию в полном составе воспитанников

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 125. Д. 383. Л. 177–178.

в Санкт-Петербургскую Академию и в будущем воспитанников семинарий Царства посылать в неё же и в том количестве, как было принято. Начальство и профессоров избирать из жителей Империи, как это делалось в это время.

Валуев находил неудобства у всех этих способов. Первый был чреват упреками в адрес правительства в преследовании Церкви в Царстве путём лишения её духовенства возможности получения высшего образования. Третий мог со временем неблагоприятно отразиться на духовенстве Империи, главным образом из-за распространения в Санкт-Петербургской Академии направления, осуществлявшегося в данное время в Варшавской Академии, в связи с наплывом молодых людей, не знающих русского языка, проникнутых духом ультрамонтанизма и привыкших к другому порядку управления духовенством. Он полагал, что «элемент польский и клерикальный может легко одолеть вводимый у нас элемент русский и правительственный». К тому же возникли бы и материальные препятствия, в первую очередь из-за необходимости увеличения здания Академии.

Более удобным Валуев считал второй способ, хотя заметил, что «и в этом случае здешняя Академия не была бы ограждена от влияния польского элемента, которому открывался бы постоянный в неё доступ»¹.

В своих суждениях по стоявшим конкретным вопросам Валуев явно исходил из своего взгляда в целом на проблему объединения управления Империи и Царства Польского, которое после двух восстаний официально начали именовать Привисленским краем.

Процесс ассимиляции² вообще процесс медленный. Выделение из массы польских мятежных элементов сначала одной части, затем — другой и потом ещё других может происходить только постепенно и тем безостановочнее, чем менее мы будем нарушать естественный ход этой постепенности нерассудительными порывами законодательного гнева и попытками насиловать то, что по существу

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 125. Д. 383. Л. 178–179.

² В ином ракурсе взглянул на этот процесс Горчаков, считавший, что Россия должна была смотреть на Польшу как «на свою неотъемлемую часть».

«Раз борьба покончена мечом, раз история решила эту борьбу в пользу России, — Польша не должна быть отделена от судеб России, каждое восстание должно быть немедленно подавляемо мечом. Но на России, на русском народе и его правительстве, лежит священная обязанность не вызывать этих восстаний, не давать повода к братоубийственной резне». А для этого «гуманность должна руководить нашими действиями. Отсутствие произвола, честное исполнение установленных законов, забота о развитии в крае просвещения, торговли и промышленности, вообще забота, как о нравственном, так и материальном благосостоянии народа в особенности, должны отличать действия русского правительства в пределах польского народа и тем заменить ему отсутствие политических прав» (Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. № 10. С. 163).

своему ускользает от насилия. Мы должны помнить, что, кроме естественных трудностей дела, мы встречаем в нём ещё добавочные, посторонние затруднения. Польша составляет пограничную область, смежную с другими частями прежней Польши, перешедшими под владычество других держав. Между всеми этими частями сохранились нравственные связи. Кроме того, иностранные государства находят выгоду в том, чтобы не дать умирать польскому вопросу. Поляки, естественно, могут надеяться, рано или поздно, на иноплеменную помощь. Наконец, они мало верят нашему умению и, зная наши слабые стороны, испытав столько раз наши ошибки, не только нас не любят, но мало уважают. Без надежды на Париж не было бы восстания 1863 г., без пренебрежения к петербургской правительственной сфере Велёпольский иначе приступил бы в 1862 г. к исполнению вверенных ему обязанностей.

Такое примечание в 1868 г. Валуев сделал к записи от 22 / 10 мая 1862 г. в дневнике, в которой речь шла об окончательном решении императора о назначении великого князя Константина Николаевича наместником в Царство Польское¹.

Решения Комитета по делам Царства Польского, принятые на заседаниях 22 / 10 апреля и 14 / 2 мая 1867 г., свелись к следующему.

Что касалось Духовной коллегии, Комитет исходил из того, что она являлась тем «учреждением, на которое преимущественно правительство может полагаться в верном и сообразном с пользами государства направлении духовных дел, относящихся до римско-католической Церкви». В установившемся с заключением Конкордата в 1847 г. порядке, когда большая часть духовных, административных и дисциплинарных дел решалась исключительно епископами, он видел «важные неудобства» по сравнению с порядком, существовавшим на основании Положения 1801 г.

Ведь тогда эти дела были сосредоточены в учреждении, обязанном своим происхождением правительству и действовавшем коллегиально при прокурорском надзоре. Конкордат же 1847 г. «предоставил существеннейшие из сих дел частью самим епископам, поставляя, таким образом, решение оных в зависимость от личных, религиозных или политических стремлений каждого из них, частью же обратил эти дела к окончательному разрешению вне пределов государства».

Отсюда следовал вывод о необходимости, воспользовавшись упразднением Конкордата, вернуться к порядку, установившемуся с 1801 г. Более того, было сочтено желательным, если возможно, даже ещё больше усилить значение коллегиального начала в управлении духовными делами римско-католической Церкви. Ибо это составляло единственное средство устранить влияние на эти дела фанатизма, «столь часто руководящего действиями латинских епископов, и, вообще, заменить личный произвол епархиальных начальников однообразным и законным направлением духовной администрации». Кроме того, благодаря восстановлению и усилению по возможности значения Духовной коллегии, «большая часть дел,

¹ Валуев П.А. Указ. соч. Т. I. С. 166–167, 341.

по которым ныне требуется сношение с Римом, находить будет окончательное решение в пределах государства». А по этой причине в значительной степени уменьшится и сам повод к сношениям русских подданных с папским престолом по духовным делам.

Учитывая общее направление мер, принимаемых относительно объединения Царства Польского с Империей, Комитет признавал необходимым распространение деятельности Санкт-Петербургской Коллегии и на церкви Царства. При этом отдавали отчёт, что столь важное изменение в организации духовного управления римско-католической Церковью в Царстве, ограничивавшее власть епископов, могло вызвать их сопротивление, а посему его осуществление требовало осмотрительности и подготовки.

Комитет также согласился с Валуевым с необходимостью восстановить существовавший до 1847 г. порядок решения бракоразводных дел.

В решении о порядке сношений с папским Престолом по духовным делам Комитет исходил из таких соображений. В силу начал веротерпимости не могло быть «и мысли о притеснении католиков в свободном по их совести веровании; всё, что относится до внутренней духовной области убеждений, остаётся неприкосновенным». Но что касалось области светской и гражданской, «правительство может и должно вступить вполне в свои права и исполнить лежащую на нём обязанность наблюдения и управления». В этой связи, определяя пределы власти собственно духовной и власти светской и гражданской по делам католиков, особо подчёркивалось, что папа является не только высшим духовным лицом римско-католической Церкви, но вместе с тем светским властителем, имеющим свои светские и политические интересы. Положение России в отношении этой Церкви отличается тем, что огромное большинство её подданных этого исповедания принадлежит к народности, враждебно к ней настроенной. По этой причине смешение религии с политическими целями в ней сильнее, чем где-либо, ибо «в наших пределах католическая религия почти отождествилась с польской национальностью и послужила живым возбудителем пагубных мечтаний о возобновлении древней Польши, а с нею унии». «Вследствие сего такая мера, которая допустила бы римских католиков — русских подданных или римско-католическое духовенство в прямую связь с римским Престолом, представляла бы для России больше опасности, нежели для всякого другого государства», — говорилось в решении Комитета.

Не подлежало сомнению, что при ограничении сношений со стороны правительства они производятся тайными путями и избежать этого невозможно. Но частная тайная переписка между тем или другим духовным лицом в России с римским Двором «имеет далеко не такое значение, как переписка, признанная законом и, так сказать, официальная», ибо указания и наставления, получаемые от Рима в первом случае, не имеют никакой обязательной силы. Признание же законности сношения духовенства с Римом позволило бы ему и перед правительством, и перед своей паствой в своих политических целях прикрываться приказами и наставлениями

папы, а тогда римско-католическая Церковь в России составила бы «государство в государстве».

Принимая своё решение, Комитет учитывал и то, что ввиду такого очевидного последствия даже те, кто в теории признавал допущение свободы сношений правильной и необходимой мерой, в практическом применении считали нужным ограничить её такими условиями, которые «в глазах римских католиков равносильны были бы её устранению на деле». Комитет нашёл, что не могло помочь решению вопроса и предоставление права сношений не всей пастве, а только епископам, и при этом сами сношения ограничить только тремя родами деятельности, а по другим делам оставить запрещёнными под страхом взыскания, кроме того, установить канцелярские формальности для сношений самих епископов с Римом.

Комитет решил, что эта мера представляет «по своим последствиям неудобства и опасность столь серьёзные, что не может быть допущена», а «определение в законе тех родов дел, по которым могут быть производимы сношения с Римом, нисколько не устраняет возможность для епископов воспользоваться этим правом для своих целей».

Предоставление епископам права непосредственных сношений с Римом к тому же явно противоречило бы цели правительства ограничить их власть и подняло бы выше, чем при действии Конкордата. Ведь тогда «каждый епископ сделался бы непосредственным представителем и органом верховного первосвященника Римского в пределах России», а подчинение епископов Духовной коллегии стало бы только номинальным.

Лучшим способом для сношений был найден предложенный в записке наместника. Согласно ему, всё делопроизводство по сношениям со Святым Престолом сосредотачивалось в Коллегии. Епархиальные начальники Империи и Царства делали представления в неё по вопросам, превышавшим их духовную власть. Она судила бы о том, может ли дело быть разрешено ею или требует сношения с Римом. В последнем случае председатель обращался в Курию, а по получении от неё решения, ещё до его исполнения, представлял его на усмотрение министра внутренних дел для дальнейших распоряжений. Тем же путём через Коллегию предполагалось запрашивать в Риме утверждение «канонической инвеституры и духовных властей» для вновь назначенных епископов.

Было сочтено, что путь через Духовную коллегию соединял «в себе все выгоды», ибо он открывал римским католикам, подданным России, необходимую для их духовных потребностей связь с главой их Церкви. Одновременно он полностью обеспечивал правительству «правильность сношений духовенства с Римом, потому что самая надобность в этом сношении и форма представления будет зависеть не от усмотрения одного епископа, но от совокупного обсуждения высшего сановника римской Церкви в Империи, епископов и прелатов, заседающих в Коллегии». Само же сношение с Римом, на основании постановления Коллегии, «пропущенного состоящим при ней прокурором, не может заключать в себе, при выборе в прокуроры надёжного лица,

ничего противного пользам государства». Такой порядок сношений не только освобождал светскую власть «от всякой ответственности и от необходимости хлопотать в Риме о разрешении дел, для неё посторонних», но имел и то важное преимущество, что заключал «в себе меру, предупреждающую неправильные сношения с Римом». Тогда как, не допуская сношений с Римом епископов, без всякого предварительного контроля, правительство «вынуждено прибегать исключительно лишь к мерам карательным, всегда сопряжённым с неудобствами». Наконец, в установлении сношений через Духовную коллегию видели вернейшее средство, способное поднять значение Коллегии и привести к фактическому её признанию со стороны Рима.

Что касалось применения этого же порядка к епархиям Царства Польского, предполагалось, что оно, скорее всего, упрочит подчинение тамошнего духовенства Коллегии и приучит тамошних епископов обращаться к ней по вопросам, превышающим их духовную власть.

При установлении сношений с папой лишь через Духовную коллегию отпадала необходимость определять законом духовные дела, по коим могли производиться сношения, ибо это будет решать сама Коллегия. Но считалось необходимым определить законом меру взыскания за сношения с Римом, минуя Коллегию.

Комитет поручил министру внутренних дел составить проекты двух законов.

Первый — о мерах по восстановлению и усилению значения петербургской римско-католической Духовной коллегии, как высшего духовно-судебного органа для подданных римско-католического исповедания, и о подчинении ей епархий Царства Польского на одинаковых основаниях с епархиями Империи и с упразднением при этом варшавской митрополии.

Второй — о восстановлении в отношении брачных дел римско-католического исповедания порядка, установленного в 1801 г., с распространением его и на брачные дела по Царству Польскому¹.

Рекомендации Комитета были исполнены быстро. Поскольку разрыв дипломатических отношений повлёк за собой приостановку сообщения духовенства со Святым Престолом, 22 / 10 мая 1867 г. указом императора было утверждено положение Комитета по делам Царства Польского о порядке сношений с римским папой по духовным делам римско-католического исповедания. Оно включало 6 статей.

Согласно ему, все дела лиц римско-католического исповедания, духовных и светских подданных российского государства, не исключая и Царства Польского, требовавшие сношения с папой, подлежали ведению Духовной коллегии в С.-Петербурге. Прошения по делам, касавшимся частных лиц, должны были представляться ими местному епархиальному начальнику, а если он не сможет разрешить их своей духовной властью, передаются в Духовную коллегию, как и дела,

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 125. Д. 383. Л. 181–185.

касавшиеся епархиальных начальников (не исключая могилёвского архиепископа), требующие разрешения папы.

Если Коллегия не сможет их разрешить сама, то её председатель входит с представлением к папе «путём посему удобнейшим».

Все полученные от папы буллы, послания, наставления и вообще акты и бумаги председатель Коллегии представляет «немедленно и предварительно всякого заявления или иного исполнительного по ним распоряжения, в подлиннике», министру внутренних дел. Последний, удостоверившись, что они «не заключают в себе ничего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной Самодержавной власти, даёт делу надлежащий исполнительный ход».

Такой же порядок уже соблюдался, когда архиепископ, митрополит и епархиальные епископы просили их канонического утверждения папой или прав на духовную власть по управлению епархией от Святого Престола и когда епархиальные начальники просили утверждения лиц, назначенных на должность епископов-суффраганов.

Полученные не этим, а иным путём или предварительно не представленные министру внутренних дел акты, буллы, послания, наставления и всякого рода постановления и распоряжения папы и его правительства не имели законной силы в Империи и Царстве Польском.

А лица, имевшие сношения с папой или его правительством, минуя установленный этими правилами путь, или незаконно получившие такого рода бумаги от папы, его правительства или от прибывавших за границу духовных лиц, должны были представить их немедленно и без разглашения или исполнения местному губернатору или министру внутренних дел. Иначе они подвергались «наказаниям и взысканиям по суду или административным порядком, на основании особого на то закона»¹.

Таким образом, представления католических епископов, как Империи, так и Царства Польского, снабжённые их печатью, отныне отправлялись в Рим через посредство прибывавшего в С.-Петербург могилёвского архиепископа, являвшегося одновременно председателем Духовной коллегии и получавшего по каноническим установлениям прерогативы митрополита католической Церкви в России. Прежде они это делали через министерства внутренних и иностранных дел.

По-прежнему сохранялся всегда соблюдаемый принцип — исходящие из Рима бреве публикуются в Империи лишь с согласия правительства, т. е. подтверждались предыдущие законодательные постановления, что касалось *placet regium*, т. е. прав проверки и утверждения, сохраняемых за правительством для всех актов Святого Престола до их проведения в жизнь в России.

¹ ПСЗ. Собрание второе. Т. XLII. Отделение первое. СПб., 1871. № 44547. С. 467–468.

Серьёзность последствий от произошедшего разрыва хорошо осознавали не только в С.-Петербурге. Это вскоре засвидетельствовал и Рим. Как писал 18 / 6 мая 1867 г. Капнист, со слов нескольких прелатов, ссылавшихся на появившееся в газетах известие о предполагаемом посещении Александром II Парижа, он понял, что в Риме рассчитывали воспользоваться этой поездкой в качестве повода для примирения с Россией. Подтверждение таких предположений он получил от помощника государственного секретаря Алессандро Франки, сообщившего, что Киджи воспользуется представившимся случаем, чтобы выразить почтение императору и положить начало движения к сближению. Утвердило его в этом предположении и то, что несколькими днями позднее французский посол неожиданно заговорил о разрыве отношений между Святым Престолом и Россией. После нескольких расплывчатых фраз он признался, что рассматривал этот разрыв «как мимолётную ссору и что, со своей стороны, он активно трудится над восстановлением регулярных отношений между Святым Престолом и российским правительством», восстановлением, которое, как он считает, в интересах всего мира. Барон де Сартиж также добавил, что в ходе бесед, которые он имел в Риме по этому поводу, выяснилось, что его собеседники были «очень» (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) расположены к примирению». А в заключение он заметил, что поездка императора в Париж была бы удобным случаем, чтобы объясниться и договориться¹.

Первоначально в Риме рассчитывали начать диалог с российским послом в Париже А.Ф. Будбергом. 9 мая 1867 г. Киджи была направлена депеша, в которой Антонелли обрисовал затруднения, связанные с делом каменецкой епархии. Оно заключалось в том, что после её уничтожения управление ею было передано луцкому епископу Боровскому, а он не мог его обеспечить без формальных указаний Святого Престола. Нунцию предписывалось в ходе конфиденциальной беседы с послом привлечь его внимание к серьёзным помехам, вызванным несговорчивостью России, и к необходимости положить им конец².

Затем решили воспользоваться благоприятным обстоятельством приезда Александра II в Париж по случаю Всемирной выставки 1867 г. К тому же произошедшее покушение поляка А.И. Березовского на императора создало дополнительный повод, присоединившись ко всему миру, выразить поздравления по случаю того, что он не стал жертвой этого покушения. Телеграммой из Рима Киджи было предписано сделать такие поздравления императору от имени Пия IX.

Нунций начал с Горчакова. Как следует из записки министра Александру II, 7 июня / 26 мая утром его навестил нунций Киджи и просил об аудиенции у императора для передачи послания Пия IX, содержавшего выражение глубокого сожаления по поводу разрыва отношений и искреннего желания их восстановить.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 470. Д. 139. Л. 198–199.

² *Boudou A.* Op. cit. Vol. II. P. 299–300.

Неудовлетворённый таким неконструктивным подходом к решению этого вопроса, Горчаков ему заявил, что не сомневался в наличии таких же чувств у императора, а затем спросил: «Но после обмена такими выражениями взаимной учтивости, вопрос, принимаемый Вами так близко к сердцу, сдвинется?» Нунций должен был согласиться, что этого не произойдёт.

Своё удовлетворение сказанным министром Александр II выразил пометой: «Я полностью одобряю Ваши слова»¹.

Подробно ход своих бесед с российскими руководителями Киджи изложил в донесении от 11 июня 1867 г.

Из него следует, что Горчаков на заверения нунция «в самом горячем желании Святого Отца увидеть улучшение судьбы католического населения России и Польши и устранение препятствий, которые давно мешают свободному исповеданию католической религии в этих обширных владениях», заверил в наличии такого же желания у императора. Он опроверг, назвав ложью, желание разрушить католическую религию и истребить её преследованием, что нунций услышит и от императора. «То, чего мы не хотим и что будем всегда преследовать, — это революция, и Вы не можете не признать, что, особенно, в эти последние времена католическая религия послужила поводом к восстанию». Нунций прервал его, говоря, «что лучше было не говорить о прошлом, а, напротив, обратиться к нынешней ситуации, чтобы постараться положить этому конец», что считал возможным, если бы император этого захотел. Он сослался на то, что не имел инструкций, чтобы обсуждать что-либо другое, и на недостаток времени для этого из-за краткого пребывания российского Двора в Париже. Он также заметил, что Церковь питает отвращение к революции и побуждает к повиновению государям и властям. В ответ он услышал:

Я знаю, что это правда... но Святой Отец осудил поздно, слишком поздно революцию в Польше. Император... желает свободного отправления любого исповедания в Его Империи и в Польше. И этого, несомненно, желает также для католиков, но каким образом этого достичь? Подскажите мне практическое средство в нынешних обстоятельствах, в то время, когда наши отношения прерваны, и мы его рассмотрим. Вы говорите, что Святой Отец сожалеет о нынешней ситуации, а я Вам отвечу, что Его Величество об этом сожалеет, как Его Святейшество, но, сказав это, мы ничего не добиваемся. Мы уедем, и положение останется тем же самым.

Нунций сказал, что после того, как император согласился на амнистию, достаточно было конвенции 1847 г. Горчаков не разделял его точку зрения. По его мнению, конвенция пришла в упадок, превратилась ни во что и, следовательно, утратило силу любое обязательство, принятое тогда императорским правительством в отношении Святого Престола, что из числа амнистированных были исключены как Фелинский, так и холмский епископ, потому что их возвращение стало

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 48. Л. 194.

невозможным из-за враждебной позиции в отношении правительства. Однако, поскольку католическая Церковь не могла существовать без свободного сообщения с папой, император принял решение о своего рода новой организации, предложенной ему не Горчаковым, а другими министрами. По уже подготовленному плану, который будет подписан императором по возвращении, так называемая консистория, существующая в С.-Петербурге, займётся отношениями со Святым Престолом и перепиской с епископами.

Известие, что консисторией была римско-католическая Духовная коллегия, стало для нунция неприятной неожиданностью. Поскольку министр догадался об этом, чтобы успокоить его, он сообщил, что президентом консистории будет, как всегда, могилёвский архиепископ и будет сообщаться со Святым Престолом и епископами с полной свободой.

Нунций признался, что не мог обсуждать такой план без подготовки. Если же было бы позволительно дать совет императору, то он сводился бы к тому, что до принятия решения следовало направить неофициальное доверенное лицо, и оно в беседах с государственным секретарём подготовило бы путь к восстановлению прерванных, к сожалению, теперь отношений. Горчаков считал, что, поскольку император уже принял своё решение и не расположен его менять, следовало посоветовать подождать Святому Престолу, пока он ознакомится сначала с содержанием этого указа, и только после этого решить, захочет ли он вести переговоры на этих основаниях. Нунций же, напротив, настаивал на необходимости сначала конфиденциально ознакомить Святой Престол с содержанием нового постановления, а затем постараться договориться, если возможно. В заключение беседы Горчаков его просил рекомендовать государственному секретарю Капниста, честность и умеренность которого он ему очень хвалил¹.

Император во время беседы с Киджи выразил признательность папе за сочувствие в связи с покушением 25 мая на его жизнь и просил передать ему искреннюю благодарность.

В остальном, отмечал нунций, он

...дал те же самые ответы, что князь Горчаков, особенно подчёркивая, что Он не хочет упразднить католичество в своих государствах, ни стать преследователем, и меня просит дать это знать от Его имени Святому Отцу. Он коснулся ещё способа организации католических епископов, о котором мне говорил министр, и сказал, что горячо желал, чтобы это Его постановление получило одобрение Святого Отца, потому что, таким образом, могли бы возобновиться прерванные отношения, как Он желал².

¹ ASV. Fondo. Affari Ecclesiastici Straordinari. Rapporti delle Sessioni. Anno 1867. Sessione 387. Vol. XXVII. Fascicolo 7.

² Ibidem.

Затем нунций имел продолжительную беседу с П.А. Шуваловым, шефом тайной полиции. Он нашёл его «достаточно разбирающимся в религиозных делах и весьма умеренным или справедливым в своих оценках». Он заверил, что не переставал повторять императору, что «спокойствие никогда не установится в Империи и Царстве Польском, если не перестанут противодействовать совести, чиня препятствия свободному исповеданию религии». Он надеялся, что теперь правительством «будут приниматься меры более широкие и не притеснительные, как в прошлом». В заключение беседы он спросил о возможности присылки Святым Престолом кого-то для неофициальных переговоров, считая это средство лучшим, чем предложение нунция направить кого-то из С.-Петербурга в Рим.

Из этих бесед нунций вынес впечатление, что

...идея слыть в газетах и в общественном мнении за преследователей религии не нравится императору и его правительству и, кроме того, кажется, теперь преваляют в России идеи терпимости и свободы из-за желанья сообразоваться с остальной Европой. Может, таким образом, случиться, что совершенно новый порядок вещей устанавливается в России и возможно, он будет более благоприятным католикам. Во всяком случае, по указанным причинам, кажется, не следует бояться новых преследований¹.

Итог миссии Киджи не просто разочаровал, но серьёзно обеспокоил Святой Престол, как это видно из признания Капнисту кардинала Антонелли.

Положение очень серьёзное. Я не хочу говорить о политике. Святой Престол рассматривает нынешнюю ситуацию в наших отношениях с Россией с точки зрения религии. Нунций нам написал, что император готовится создать совершенно новое положение вещей в управлении католической Церкви Империи и Царства; ему сообщили основы этого, но отклонили возможность всякой предварительной договорённости. Как раз в этом-то единственное средство достичь чего-то прочного, —

сказал кардинал.

Твёрдо придерживаясь своей позиции, Александр II по поводу заявления Антонелли заметил на депеше Капниста от 22 июля: «Это, однако, не заставит меня изменить принятого направления»².

22 / 10 июня указ был доведён до сведения всех епархиальных начальников в Империи и Царстве Польском министром внутренних дел.

Оповестить Пия IX об этом указе должен был могилёвский архиепископ. В отсутствие в это время такового после смерти 7 мая / 25 апреля 1863 г. Жилинского это выпало на долю Максимилиана Станевского, епископа Плате (in partibus). Он стал

¹ ASV. Fondo. Affari Ecclesiastici Straordinari. Rapporti delle Sessioni. Anno 1867. Sessione 387. Vol. XXVII. Fascicolo 7.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 139. Л. 280—281.

викарием могилёвской епархии, как положено, в результате выборов. Одобрение правительства последовало. Рим не нашёл повода возражать. В С.-Петербурге не спешили с переговорами о назначении нового архиепископа, в Риме терпеливо ждали. Там имели тогда иллюзию, как утверждал Буду, что Фелинский мог отказать от Варшавы и наследовать Жилинскому. Но почти не сомневались, что российское правительство исключит любого кандидата, кроме Станевского¹.

В письме папе Станевский разъяснил внесённое указом изменение в отношении передачи всех представлений по церковным делам, разрешение коих по каноническим правилам зависит от папы, и сообщил, что

...означенное Высочайшее повеление принято всеми епархиальными начальниками Империи и Царства с должным уважением и признательностью; это явствует из того, что тотчас после обнародования сего Высочайшего повеления доставленные были мне многие и почти ото всех епархиальных начальников представления к Апостольскому Престолу. Сим новым Высочайшим повелением католикам была не только предоставлена, но и утверждена за ними свобода сноситься в делах духовных с Апостольским Престолом, каковой все мы твёрдо признаём центром единения и главою католической Церкви.

В заключение Станевский сообщал, что все полученные им представления в ближайшее время будут доставлены в Рим². Эти представления содержали обращённые к папе просьбы. Их было 61. В основном они касались брачных дел, и к ним прилагались деньги для оплаты подлежащего сбора за услугу³.

Трудно представить на такое письмо иной реакции со стороны папы, чем та, что последовала. «К преследованию захотели добавить тяжкое оскорбление», — написал Пий IX на этом письме 14 августа⁴. Но этим его реакция не ограничилась.

Дело в том, что изданные в последнее время императором указы об учреждении Духовной коллегии, а также об уничтожении подлясской епархии путём присоединения к люблинской, последовавшего после подобного присоединения каменецкой епархии к луцкой и житомирской, серьёзно задели папу. Прежде чем что-либо предпринять, он решил вынести их рассмотрение на заседание сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел, присовокупив к ним донесения Киджи о беседах с Александром II и Горчаковым и письмо Станевского. А в порядке подготовки к ней он предписал советнику конгрегации Таркуини изучить эти вопросы и изложить своё мнение.

О первой реакции в Риме на указ Капнист (донесение от 14 / 2 августа) смог судить по своей беседе с Берарди, которому он перевёл указ. Он сформулировал

¹ Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 308.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 50—51.

³ Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 309—310.

⁴ Ibid. P. 310.

три главных возражения по поводу положения вещей, установление которого, по его мнению, было целью указа. 1. С точки зрения Святого Престола, само происхождение Духовной коллегии было незаконным. Имея характер духовной власти, она не могла получить свои права ни от какого светского правительства. Ни Святой Престол, ни епископат, ни российская католическая Коллегия не могли признать и не признали бы, считал Берарди, компетенцию санкт-петербургской Коллегии. 2. Что касалось Коллегии в качестве канала для сношений католиков со Святым Престолом, указанная в постановлении процедура по существу была противна католической религии, создавая препятствия всякого рода отношениям со Святым Престолом: «вопрос совести, по которому обращаются к папе, не мог быть представлен ни на какое рассмотрение, не извращая дух религии». 3. Из того, что все акты чисто духовной компетенции подлежат превентивному одобрению светской администрации, следует прямое вмешательство правительства в духовный вопрос, чего Святой Престол не мог бы допустить.

Когда Капнист передал Антонелли текст указа после его публикации в «Санкт-петербургских ведомостях», он ему повторил сказанное его заместителем, особенно подчёркивая невозможность принять процедуры для прошений к Святому Престолу по вопросам совести. В общем, он сказал, что, поскольку указ по существу противен духу католической Церкви, Святой Престол не смог бы его принять никоим образом. И что он об этом сожалел тем больше, что мог разрешить все эти трудности. «Но только что опубликованный указ, — продолжил Его Преосвященство, — меня заставляет терять надежду более чем когда-либо. Ни в какой стране, где есть католики, наши отношения не встречают подобных препятствий. Этим отношениям нечего делать с политикой, и мы их поддерживаем только ради религии — единственной вещи, которая нас касается».

Ему было понятно, когда преграждали путь любому сношению, имевшему политический характер. Каждое правительство вправе это делать: пусть преследует, таким образом, за такие сношения и сурово наказывает виновных в этом, но чтобы не посягали на сферу религии — «это всё, чего мы требуем; и это то, что делает императорское правительство, уничтожая епархии, даруя духовные полномочия и ещё другими действиями».

Капнист заметил, что именно для указания пути, чтобы урегулировать канонически все эти дела, и было разработано постановление, и, лишь приняв это постановление, римская Церковь в России могла пользоваться полной терпимостью, которая ей была предоставлена.

К сожалению, это невозможно, сказал кардинал, новое постановление вместо того, чтобы помогать, лишь ухудшает ситуацию. Святой Престол не может согласиться принять порядок вещей, который предполагал бы отказ от его духовной власти.

Дипломат предпочёл не продолжать обсуждение, понимая, что оно не приведёт ни к какому результату.

Сказанное в беседе с ним Франки в некоторых нюансах отличалось от того, что он услышал от государственного секретаря и его заместителя.

Было бы очень важно знать, — сказал он мне, — как Коллегия будет составлена. Я очень сомневаюсь, — поспешил он добавить, — что епископы согласятся в ней участвовать. Но, возможно, могли бы практическим (всё подчёркнуто в тексте. — О.С.) средством разрешить трудности, вытекающие из постановления. Многие будут зависеть от выбора личности могилёвского архиепископа, который должен председательствовать в Коллегии. Мы не можем признать духовную власть этой Коллегии, но Святой Престол может доверить архиепископу свои полномочия, которые дадут ему возможность вести дела католической Церкви в России, сносясь по ним со Святым Престолом.

Затем Франки поинтересовался, имели ли в виду кого-нибудь на эту кафедру. Капнист сказал, что абсолютно ничего не знал об этом. Франки не верил, чтобы постановление могло бы найти практическое применение, и был уверен, что епископат Польши и России будет пассивно противиться, не имея возможности признать духовную власть, полномочия которой не исходят от Святого Престола. Но из сказанного Франки, заключил Капнист, следует, что римский Двор, в известных случаях, мог бы примениться к новому постановлению, чтобы, так сказать, игнорировать его и рассматривать могилёвского архиепископа в качестве специально уполномоченного папой для ведения дел римской Церкви в России и в Польше¹.

Трезвую оценку этого постановления сам Капнист дал позднее в «Памятной записке о Санкт-Петербургской римско-католической Коллегии» (приложена к его донесению от 5 февраля / 24 января 1872 г.), которая составлялась, когда вновь обсуждался вопрос о ней.

На первый взгляд, значение, придаваемое Коллегии новым постановлением, кажется очень широким. Но лишённое его помпезной формы и его бюрократических выражений, столь же неопределённых, сколь неясных, решение от 22 / 10 мая 1867 г., — писал он, — в действительности сводилось к весьма немногому. Так, все дела, о которых говорилось в двух первых статьях постановления, подразумевали просьбы о диспенсиях и апелляции в третьей инстанции по брачным делам. Но ни в отношении одной, ни другой из этих категорий дел для какой-либо деятельности Коллегии не было места, поскольку принятие решений по ним принадлежало исключительно папе.

Что касалось статьи по поводу вмешательства Коллегии в назначение епископов, её применение на практике повсюду доказало его полную нереальность, ведь они назначались императором после предварительного согласования со Святым Престолом.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Д. 139. Л. 315—317.

Единственная функция, которая была добавлена Коллегии к прежним, состояла в том, чтобы служить бюро по передаче просьб о диспенсиях, адресованных епископами папе, т. е. функция, которую, как полагал Капнист, всего один простой светский служащий мог легко осуществлять, трудясь по полчаса в день.

Не добавив ничего, что могло бы увеличить значение на деле Коллегии, постановление от 22 / 10 мая было сформулировано так, что неизбежно должно было вызвать опасения Святого Престола. Критикуя тех, кто осуждение Коллегии Римом приписывал единственно распространению её власти на епископства Польши, дипломат обвинял их в использовании самого простого способа всё объяснить посредством «польского влияния». Он ссылаясь на не лишённую, с его точки зрения, значения хронологическую деталь. Папская энциклика, осуждающая Коллегию, датировалась 17 октября 1867 г., а распространение власти Коллегии на польские епископства на деле произошло лишь в 1868 г., а в 1867 г. оно только проектировалось. По его мнению, повлияли следующие важные моменты: придание новых функций Коллегии указом от 22 / 10 мая 1867 г.; разрыв дипломатических отношений со Святым Престолом, произошедший незадолго до этого; распространившиеся слухи о намерении правительства создать в России католическую Церковь, полностью отделённую от Святого Престола, сделав из Коллегии своего рода Синод, которые были не лишены видимости правдоподобия.

Капнист признавал, что внешне Коллегии, «влачившей до того весьма бесцветное существование», таким образом, придавалась новая функция органа некоторых сношений со Святым Престолом, что мотивировалось произошедшим разрывом дипломатических отношений. К тому же указ означал распространение юрисдикции Коллегии на епархии, входившие в Царство Польское, до этого уже более шестидесяти лет она имела в своём ведении только католические епархии Империи¹.

С этим указом в С.-Петербурге, как уже отмечалось, действительно связывали надежды на осуществление идеи использовать Коллегию с целью заложить начала автономии латинской Церкви в России. Об этом легко догадались в Риме, и, естественно, должна была и последовала соответствующая реакция, хотя до этого, казалось бы, Святой Престол мало занимала деятельность этого учреждения, о существовании которого он прекрасно знал.

Позднее в записке, составленной, вероятно, в 1890 г., в связи с обсуждением вопроса о восстановлении официальных дипломатических отношений со Святым Престолом Капнист вернулся к этой попытке применить систему, «имевшую целью объединить католическую у нас Церковь и, по мере возможности, прервать её административно-иерархическую связь с римской Курией».

Он по-прежнему находил такую систему непродуктивной. Последствием таких действий, по его мнению, могло стать одно из двух. Либо они

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23 Л. 151, 159–165.

...увенчались бы успехом, и тогда стало бы возможным уничтожить у нас католицизм в его истинном значении и заменить его каким-то неокатолицизмом, который католические подданные принуждены были бы исповедовать; либо общая система оказалась бы неудобноисполнимою, и тогда пришлось бы остановиться на некоторых частных мерах, лишённых конечной цели, но достаточно нарушивших существовавший порядок, чтобы необходимо было их каким-нибудь образом уладить посредством переговоров с Ватиканом. Сбылось последнее из этих двух предположений, и действительно некоторое время спустя будут открыты с папою переговоры¹.

Своё видение выхода для Рима из сложившегося положения А.Б. Лобанов-Ростовский, бывший тогда товарищем министра внутренних дел, в письме Горчакову от 26 / 14 августа 1867 г. сформулировал так:

Все трудности были бы устранены, если бы Святой Престол решился делегировать могилёвскому архиепископу полномочия, которые дали бы ему возможность вести дела католической Церкви в России, сообщаясь со Святым Престолом. Пойдя на подобную сделку, римский Двор смог бы совершенно свободно продолжать игнорировать (подчёркнуто в тексте. — О.С.) существование католической Коллегии, как он это делал до настоящего времени в течение 60 лет, что это установление функционирует².

Такое решение проблемы, конечно, было неприемлемо для Святого Престола. Ведь предоставление таких полномочий могилёвскому архиепископу, очевидно, должно было предполагать признание за ним прав представлять и Царство Польское, а значит, признание единого руководства для католической Церкви Царства и Империи.

В Риме свой ответ на вопрос, что следовало предпринять в сложившейся ситуации, дал Таркуини в докладе от 19 сентября. Он считал невозможным принять сделанное нунцию в Париже Горчаковым и императором предложение, предполагавшее ведение переговоров на основе указа, потому что он не только предосудителен в корне, но ещё неисправим и, больше того, его даже нельзя скрыть. Он был против предоставления епископам (чтобы сделать тщетным этот указ) чрезвычайных прав даже на какое-то время с тем, чтобы они не должны были подчиняться ему, поскольку существовала опасность невозможности отобрать эти полномочия позднее. Он объяснил это тем, что, когда епископы сделаются почти папами, отделение Церкви от Центра единства станет совершившимся фактом; ограничение некоторым временем несколько не поможет, потому что однажды уступленные такие полномочия окажется почти невозможно взять обратно. Не следовало принимать и какое-нибудь крайнее решение, например поставить под управление Пропagанды католическую Церковь в российских владениях.

¹ АВПРИ. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 1. Л. 110.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 1.

Выход ему виделся в том, чтобы направить в С.-Петербург доверенное лицо с неофициальной миссией, т. е. по существу принять предложение, сделанное Шуваловым Киджи, разумеется, полагал он, по договорённости с Горчаковым. Он помнил, что не следовало пользоваться советом врага, но вместе с тем нельзя не учитывать опыт, свидетельствовавший, что всякий раз, когда Святой Престол направлял свои миссии в Россию, он извлекал что-то хорошее. Для обеспечения успеха посланцу он предлагал энергично воспользоваться и другими средствами: могли бы предписать всей католической Церкви общие молитвы за российских католиков и обращение за поддержкой к католическим державам. Только в случае, если эти меры окажутся без результата, можно было прибегнуть к крайним мерам.

На сессии конгрегации 29 сентября мера, принятая правительством в отношении Коллегии, была сочтена опасной из-за принципов, на которые опиралась, и из-за новой формы (более или менее подобной, существовавшей для схизматической Церкви), которую с её помощью пытаются ввести в церковное управление. Будучи таковой сама по себе, эта мера представлялась особенно опасной ещё и из-за того обстоятельства, что президентом Коллегии был назначен могилёвский суффраган Станевский. Его обвиняли в том, что, «либо скрывая всё неудобство доверенной ему тяжёлой обязанности, либо делая вид, что утаивает это под воздействием трусливого страха, он не испытал затруднения, чтобы уведомить письмом Святого Отца о новой мере со словами удовлетворения и признательности по отношению к своему монарху». К тому же в то же время он доставил непосредственно папе некоторое число различных просьб верующих.

В ходе заседания только один кардинал призвал проявить снисходительность к Станевскому, считая смягчающим обстоятельством то, что до этого времени и сам Святой Престол закрывал глаза на существование Коллегии. Но он не был поддержан. Относительно прошений, столь неделикатно направленных епископом прямо папе, не знали, какое принять решение. Чтобы не признавать Коллегию, следовало считать за не имевшее места всё, исходившее от неё, а вести дело только отдельно с каждым епископом. Но в таком случае рисковали поставить под угрозу благо верующих, которые не могли обратиться в Рим, и вовсе не были ответственны за действия власти и за заслуживавшее порицания поведение Станевского. Выход видели в том, чтобы рассмотреть запросы, представленные епархиальными епископами, и поручить папской канцелярии отправить ответы просто по почте на адреса заинтересованных епископов.

Поскольку на заседании ни одно из этих решений не получило большинства голосов, его принятие переложили на папу. Он высказался в пользу верующих. Полученным от епископов запросам следовало дать ход, но при этом никоим образом не брать деньги, посланные оскорбительным для папы образом, отказавшись от векселей.

Что касалось вопроса об уничтожении подлясской епархии, он был найден очень серьёзным не только потому, что Церковь лишилась своего пастыря. Но и потому,

что за несколько месяцев это было второе уничтожение епархии, что «указывало на существование плана разрушения всех Церквей в Империи и Царстве, а следовательно, на насильственное побуждение в ближайшее время к схизме этого несчастного христианства»¹.

О восприятии указа Римом Буду писал так в своей работе. Что касалось Духовной коллегии, она, с точки зрения теоретической и юридической, была признана противоестественным учреждением.

Епископ, глава и верховный судья в своей епархии при папе, вынужден представлять некоторые из своих актов на рассмотрение и суждение совета, лишённого всякой канонической юрисдикции, в котором заседает, в качестве его судьи и его начальника, заседатель из его епархии и его собственный подчинённый. ...Никакое решение Рима не могло быть исполнено, если оно нарушало «законы государства» или «права и священные прерогативы неограниченной монархической власти»: такова была сама буква указа. Все прошения в Рим, которые совсем не соответствовали этим законам, этим правам и прерогативам, должны быть беспощадно устранены: таков был его дух. ...При столь бедственном положении оказалось, что довольно слабый епископ председательствовал в Коллегии и стал главным исполнителем указа².

Публично своё отношение к произошедшему в России Пий IX выразил в энциклике «Levate» («Прекратите») от 17 октября 1867 г. Он говорил о суровом порицании и осуждении, которого заслуживал указ, изданный «светской и схизматической» державой. Затем перечислялось, за что конкретно порицался указ.

Он разрушает божественное основание католической Церкви; приводит в расстройство церковную дисциплину; он посягает на верховную власть римского папы, Нашу, Святого Престола и епископов; он подавляет свободу первого пастора всех верующих; он толкает этих последних к самой пагубной схизме; он сам нарушает и топчет ногами естественное право в вопросах, которые касаются веры и совести³.

Подробности о развитии событий в Риме в С.-Петербурге стали известны из донесения (№ 83) Капниста от 13 / 1 ноября.

Два акта Святого Престола от 17 октября 1867 г. — папский декрет по поводу управления уничтоженной подлясской епархией и энциклика к епископам, — считал он, свидетельствовали об открыто враждебной позиции Курии в отношении Духовной коллегии, полномочия которой были расширены указом от 22 / 10 мая. Папа решился на них после того, как проконсультировался с конгрегацией Чрезвычайных духовных дел, которую собрал в конце сентября для обсуждения положения

¹ ASV. Fondo. Affari Ecclesiastici Straordinari. Rapporti delle Sessioni. Anno 1867. Sessione 387. Vol. XXVII. Fascicolo 7.

² Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 307.

³ Цит. по: Ibid. P. 314–315.

римско-католической Церкви в России и Польше в связи с письмом к нему Станевского. На ней были приняты следующие решения: 1. Ответить публичным актом на указ 22 / 10 мая. 2. Обязать католических епископов Империи и Царства не оказывать поддержки деятельности Коллегии и ответить категорическим порицанием на письмо Станевского. 3. Постановили объявить в принципе Польшу находящейся в состоянии миссии, если императорское правительство уничтожит ещё две католические епархии и продолжит назначать администраторов для епархий, лишённых епископов.

Кроме того, из собранных им сведений следовало, что ставился вопрос о посылке прелата в С.-Петербург с официальной миссией, чтобы побудить императорское правительство к примирению. Это предложение было отклонено из-за неуверенности в приёме, который был бы оказан римскому посланцу, и вероятности того, что он не был бы принят.

Последствием решений конгрегации стали недавние акты римской Курии. В энциклике от 17 октября папа особенно постарался гласно осудить Духовную коллегию. Курия совсем не ответила на письма прелатов Шиманского (подляского епископа) и Казимира Сосновского (люблинского администратора), посланные через Коллегию, в соответствии с положением дел, установленным указом от 22 / 10 мая. Ответом им стал декрет папы от 17 октября, помещённый в официальной газете.

Папа приказал составить суровое бреве Станевскому, предписывавшее ему прекратить исполнять функции, принятые им без согласия Святого Престола. Это бреве уже было отослано и, полагал Капнист, «должно быть известно Вашему Сиятельству» (подчёркнуто в тексте. — О.С.), т. е. Горчакову. Против подчёркнутых им же слов Александр II заметил: «Мне об этом ничего не известно». По имевшимся у Капниста сведениям, оно будет опубликовано в ближайшее время в официальной газете. Папа решил временно отстранить Станевского от должности, если он не подчинится предписанию Святого Престола.

Из верного источника Капнист знал, что почти все без исключения католические епископы Империи и Царства пишут прямо папе, чтобы спросить, должны ли они содействовать формированию Коллегии, направляя в неё представителей их епархий. Им посылался отрицательный ответ в самой категорической форме тем же, вероятно, путём, каким были получены их просьбы.

Не вступая в обсуждение значения и пользы этих актов Курии, в одной из последних бесед с Берарди дипломат выразил удивление манерой оценки римским Двором введённого императорским правительством порядка вещей в отношении римской Церкви. Он предупредил, что римская Курия совершала серьёзную ошибку, последствия которой могут лишь навредить интересам религии, которую представляет Святой Престол.

Его собеседник пояснил, что энциклика и другие акты внушены папе его совестью; что он выполнил свой долг, от которого не мог отступать; что каждый императорский указ относительно римской Церкви требует прямого ответа папы. Что

касалось введённого порядка вещей, он был столь вреден римской религии, что никогда не мог бы быть принят Святым Престолом. По словам Берарди, римский Двор непреложно принял бы своё решение в этом отношении, как только убедился в неэффективности всякой попытки начать предварительные переговоры.

Действительно, Капнисту стало известно, что Антонелли высказался в этом смысле после пребывания императора в Париже.

Берарди заметил, что с политической точки зрения, возможно, могут оспаривать уместность в условиях переживаемого нами кризиса такого акта, как энциклика от 17 октября, «но папа не мог бы поддаться влиянию никакого политического соображения, когда речь шла о выполнении его долга главы Церкви».

В беседе с Франки Капнист прозондировал почву относительно средства выйти из всё более и более сложной ситуации. Как следовало из сказанного им, он его видел в назначении могилёвского архиепископа. Он сказал, что знал, что Коллегия существовала и функционировала издавна, «без того чтобы Святой Престол был бы этим весьма озабочен». Во время поездки Киджи на коронацию члены Коллегии ему были представлены, и папа «об этом был осведомлён».

Но шум, вызванный новыми полномочиями Коллегии, неизбежно вызвал изменение в позиции Святого Престола. Положения указа от 22 / 10 мая, преданного гласности, ясно представляют Коллегию духовной властью (подчёркнуто в тексте. — О.С.), до некоторой степени независимой от Святого Престола. И так, налицо посягательство на духовную власть папы, которого мы не можем допустить. Но то, что особенно повлияло на настроение римского Двора, — это письмо монсеньора Станевского: этот прелат просто уведомил папу о своём вступлении в должности, которые ему были доверены императорским правительством. После этого акта римский Двор не может, при самом большом желании, позволить больше оставаться не замеченным установлению, которое проявляет себя официальными актами, адресованными Святому Престолу. Вот почему папа оказался вынужден после того, как проконсультировался с конгрегацией кардиналов, протестовать против положения дел, недопустимого с канонической точки зрения: теперь гораздо труднее найти удовлетворительное решение в ситуации, которая ухудшается всё больше и больше.

Показав себя совершенно несговорчивым по поводу Коллегии, римский Двор, с другой стороны, был очень расположен начать каким-нибудь образом переговоры с императорским правительством относительно некоторых нерешённых духовных дел. Доказательства этого Капнист получил из достоверного источника: нунций в Вене написал Антонелли, что узнал из верного источника, что императорское правительство было бы готово к назначению епископа для греко-униатской епархии Холма, вакантной со времени смерти Калинского, если на это место будет найдено лицо, достойное доверия и не скомпрометированное в политике. Папа тотчас велел ответить нунцию, уполномочив его договориться с российским представителем

в Вене, чтобы предложить на холмскую кафедру некоего священника из Перемышля. Кроме того, ему было предписано ничем не пренебрегать, чтобы начать конфиденциальные переговоры, если возможно, с российским посланником в Вене по поводу церковных дел латинских епархий в Империи и Царстве.

На донесении император оставил такое заключение: «Это ни в чём не изменит мою точку зрения на нашу позицию в отношении Святого Престола»¹.

Из этих бесед Капниста в С.-Петербурге узнали о реакции в Риме на письмо Станевского. В связи с этим Валуевым была направлена Горчакову записка от 23 / 11 февраля 1868 г., составленная в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий и подписанная также его директором Сиверсом. В ней говорилось о необходимости, возникшей в связи с изменением указом от 10 мая порядка отношений римско-католического духовенства Империи и Царства найти способ решения вопроса о том, кому следовало адресовать в Риме представления епископов папе, при некоторых из которых имелись векселя в пользу папской датерии.

По сведениям из донесения Капниста, другие государства обычно содержали своего агента для передачи прошений относительно диспенсий и других актов, адресуемых римской Курии, им же отправлялись векселя или деньги для передачи по принадлежности. Было известно, что до разрыва отношений с Римом такие функции по делам такого рода выполнял по поручению миссии Весковали. По мнению Капниста, и теперь он мог бы быть посредником между российскими римско-католическими епископами и папским духовным управлением.

Министр предложил вернуться к прежней практике для облегчения положения управляющему могилёвской архиепархией Станевскому, который, кроме того, председательствует и в Коллегии, и договориться с Весковали о продолжении его деятельности в качестве агента и выплачивать ему за это вознаграждение. В связи с этим Валуев просил Горчакова, чтобы Капнисту было поручено заключить такое соглашение с Весковали.

Со своей стороны, в записке Горчакову Валуев счёл необходимым особо отметить, что «до сего времени епископ Станевский положительно не получал никакого бреве в смысле воспреещения ему исполнения возложенных на него обязанностей по Духовной коллегии». И напоминал, что они исполнялись с 1801 г. всеми архиепископами могилёвскими, а равно и самим Станевским с тех пор, как он был избран викарием и управлял могилёвской архиепархией².

Кроме того, Валуев просил Горчакова переслать Капнисту составленную Сиверсом памятную записку от 23 / 11 февраля 1868 г. «о римско-католической Духовной коллегии и наших отношениях к папскому управлению», чтобы он мог ею воспользоваться при переговорах с папской стороной. Все эти записки и Валуева, и Сиверса были направлены Капнисту.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 139. Л. 422–427.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 45.

Из записки Сиверса следовало, что существовавшая с 1801 г. Духовная коллегия никогда ещё не встречала противодействия со стороны епископов или епархиальной администрации. Со своей стороны, Святой Престол до настоящего времени был очень мало озабочен деятельностью Коллегии, существование которой ему было хорошо известно. Так, в римской газете, органе папского правительства, по поводу возведения в сан епископа Фиалковского были, в частности, упомянуты обязанности члена Коллегии, которые он исполнял в это время. Кардинал Киджи во время пребывания в С.-Петербурге в 1856 г. посетил Коллегию, члены которой ему были представлены, и папа об этом был информирован. Нынешнее же недовольство Святого Престола существованием Коллегии, порядком вещей, установившимся с начала века, и его опасения по поводу независимости в религиозном вопросе, которую императорское правительство будто бы имело намерение даровать Коллегии, были ему внушены происками партии, сделавшей из религии политическое оружие. Враждебная благоприятным последствиям для интересов католического исповедания в России соглашения между Святым Престолом и правительством, ради своих политических целей она вызывала недоверие папы к актам и намерениям правительства. Сославшись в подтверждение этого на ряд конкретных фактов, Сиверс объяснил появление указа стремлением после разрыва отношений со Святым Престолом облегчить сообщение Церкви и католических епископов с папой, а для большего порядка эти сообщения будут пересылаться в Рим при посредничестве главы миглёмской архиепархии. Но при этом сохранялся принцип, что поступающие из Рима брeve могут публиковаться лишь с разрешения правительства.

Что касалось упреков в адрес Станевского по поводу допущенной им оплошности, поскольку он направил непосредственно папе несколько просьб о помиловании, сопровождаемых векселями для принятия пожертвований от верующих, которые к ним прилагались, были даны такие разъяснения. До этого императорская миссия, куда прибывали эти представления, по сложившемуся обычаю передавала их компетентным конгрегациям, для которых она учитывала векселя, их сопровождавшие. Допущенное епископом нарушение формы следовало отнести за счёт отсутствия опыта у него в делах такого рода, в отношении которых он решил воспользоваться обычаем, соблюдаемым епископами, полагал Сиверс. Он признавал, что этот инцидент должен был в первый момент, конечно, шокировать папу, но ненадолго, потому что он не преминет увидеть в этом совершенно невольную ошибку епископа, которая не повторится в будущем¹.

Затем в записке давался ответ на замечание, сделанное в адрес Станевского в беседах с Капнистом Берарди и Франки. Они упрекали его в том, что он «просто уведомил папу о том, что приступил к исполнению функций так называемого

¹ Чтобы исключить на будущее возможность их повторения, в Риме был учреждён пост агента, который обеспечивал передачу этих сообщений (АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1867. Оп. 475. Л. 171).

председателя Коллегии, которые ему были доверены императорским правительством». При этом они утверждали, что после такого акта римский Двор, до тех пор не обеспокоенный существованием Коллегии, больше не может, при всём своём желании, оставить без внимания положение, которое раскрывается официальными актами, направленными Святому Престолу.

Это замечание побудило правительство осведомиться о том, что мог написать Станевский, чтобы вызвать подобные обвинения. По этому поводу Сиверс высказал такие соображения. Когда правительство — до того тщательно следившее за передачей корреспонденции Святому Престолу от духовенства через миссию — после разрыва отношений и отзыва своего представителя из Рима посчитало долгом допустить прямые сношения духовенства со Святым Престолом без его посредничества, все епископы поспешили послать папе представления, снабжённые их печатями. Отправить их в Рим должен был епископ Станевский, который, по каноническим правилам, как управляющий могилёвской епархией пользовался правами митрополита в отношении других епархий.

Направляя их по назначению, он счёл долгом информировать папу о допущении правительством прямых сношений епископов со Святым Престолом, т. е. без правительственного посредничества. Как показало знакомство с копией этого письма, отмечал Сиверс, в нём он никак не упоминал ни Коллегию, ни то, что являлся её президентом, а только выражал удовлетворение своё и епископов по поводу этого акта.

В этой связи Сиверс заметил, что правительство вовсе не было сильно озабочено тем, что Станевский писал папе, и только теперь ознакомилось с письмом, чтобы проверить факт, и убедилось, что «данная ему интерпретация была далека от сути этого документа»¹.

На деле Рим, как и следовало ожидать, не мог оставить проступок Станевского без внимания. На письмо епископа папе 3 января 1868 г. ответил Антонелли, известив его об отношении Святого Престола к указу от 22 / 10 мая. В нём говорилось, что он был издан в полном противоречии с божественными установлениями Церкви, с сущностью общества совершенного, автономного и свободного, с божественным первенством римского понтифика. Антонелли так пояснил, что означало бы признание папой за Коллегией, или министром внутренних дел, или одновременно за обоими «права решать то, что является компетенцией Святого Престола». Этим самым он «передал бы в их руки свою собственную власть, иными словами, он им даровал бы своё собственное первенство, что даже против природы первенства и не во власти папы, и именно в этом столь радикальный изъян, по которому осуждённый указ не поддавался никакому исправлению».

Что касалось, собственно говоря, самого выговора, он был беспощадным и формулировался следующим образом. В своём письме Станевский уверял в своём почтении и любви к папе. Не меньше он восхвалял закон, который папа предал прокля-

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 46—49.

тъям; себя он делал его «официальным глашатаем и исполнителем», довольствуясь передачей Святому Отцу прошений и денег, посылку которых одобрила Коллегия.

Такая наглость, — продолжал кардинал, — возмутила папу, и он приказал отправить все векселя, так же как все диспенсии, каждому епархиальному епископу, чтобы они вовсе не проходили через Коллегию, о существовании которой Святой Престол в первый раз официально узнал, благодаря Вам. Из сочувствия к Вашей судьбе и движимый своей отеческой любовью, он меня уполномочил Вас предупредить о Вашей очень серьёзной ошибке, и я думаю, что сделал достаточно. Через моё посредничество он вас настойчиво призывает привести в состояние покоя вашу совесть, устранить возмущение, вызванное Вами у верующих, и Вам напомнить, что Церковь насчитывает среди своих мучеников тех, кто борется не только за веру, но также за её права и за её неприкосновенность. Чтобы облегчить Вам возвращение на правильный путь, он уполномочивает духовника (по Вашему выбору) освободить Вас от порицания, которое Вы навлекли на себя, при условии, что Вы откажетесь от принятой Вами должности и позаботитесь выполнять, с надлежащими прилежанием и усердием, Ваши обязанности капитулярного викария огромной могилёвской епархии¹.

Буду сомневался, чтобы письмо Антонелли могло когда-нибудь дойти до Станевского, поскольку правительство следило за ним. Но, полагал он, епископ не мог долго не знать о его содержании. О нём сообщили прессе, и в начале 1869 г. профессор Духовной академии Франциск Сымон, как следовало из его донесения в Рим от 7 марта 1869 г., дал его ему прочесть во французской газете, но прелат отрицал его подлинность. Он сохранил звание и должность председателя Коллегии, вопреки папе. С обвинениями его в корыстолюбии и честолюбии Буду был не согласен.

Это был человек честный, бесхитростный, глубоко привязанный к своей религии, но слабый, боязливый и робкий, руководимый и получавший советы от лица более виноватого, чем он, — писал он и признавал: — Станевский был первым ответственным за позицию пассивного протеста перед Римом, в которой этот несчастный епископ будет упорствовать до конца своих дней.

А лицом, направлявшим епископа, он называл его друга, ректора санкт-петербургской Духовной академии Доменика Стасевича².

Трудно сказать, было ли доставлено Станевскому письмо Антонелли ко времени сообщений Валуева Горчакову или было получено позднее.

Но многое в отношении как Станевского, так и Коллегии прояснили последующие беседы Капниста (донесение от 15 / 3 мая 1868 г.) с Антонелли и Франки, которым он дал прочитать записку Сиверса.

¹ Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 315–316.

² Ibid. P. 316–317.

После этого Франки пояснил, что недовольство папы по поводу Станевского следовало приписывать не столько письму, сколько обстоятельствам, при которых оно было получено. «Верно, что Святой Престол знал о существовании санкт-петербургской католической Коллегии, — сказал он. — Но указ от 10 мая прошлого года придал этой Коллегии совершенно новое значение, возводя её, так сказать, в центр церковного управления». Это обязывало папу протестовать во всеуслышание против указа, и он это сделал в своей энциклике от 17 октября. К тому же своим письмом папе Станевский, казалось, был готов согласиться с взглядами, сформулированными в указе, приняв роль посредника между епископами и папой, присвоение которой папа не признаёт ни за каким епископом. Поэтому первоначально он решил направить суровый выговор Станевскому, но затем эта идея была оставлена, и сочли достаточным осуждения Коллегии в энциклике.

В этой связи дипломат пояснил, что в своё время, говоря о бреве Станевскому, он дословно повторял сказанное его собеседниками: Антонелли («о суровом ответе, который папа приказал дать Станевскому»), Берарди (положительно подтвердившем это) и Франки (сказавшим позднее, что «бреве должно быть уже отправлено» и будет, «вероятно, официально опубликовано»).

Сегодня же, продолжал Капнист, он узнал из того же источника, что оно, хотя и было составлено, никогда не было отправлено, благодаря его обычному промедлению римский Двор имел время одуматься, заключил он. Казалось, что он опять вернулся до некоторой степени к своим опасениям по поводу Коллегии, в которой ему виделся вначале зародыш независимой духовной власти, аналогичной Святейшему Синоду. Именно этому страху, полагал Капнист, нужно приписать также преувеличенное впечатление, произведённое указом от 22 / 10 мая¹.

Возвращая эту записку (донесение от 24 / 12 мая), Антонелли сказал, что о существовании Духовной коллегии в С.-Петербурге знали и

...если Святой Престол обратил на это внимание в последнее время, так это по причине указа от 10 мая, который ей придаёт новое значение. Мы не можем признать никакого посредника между папой и епископами и, терпя последствия ограничений, которые были по этому поводу вменены силой, Святой Престол не смог бы одобрить никакое установление, стремящееся помешать свободному и прямому сношению между папой и верующими.

Затем кардинал повторил всё сказанное Франки о прямых сношениях духовенства с папой и о разнице в этом отношении между применяемым в России законодательством и действующим в других странах. Что касалось письма Станевского, о котором говорилось в записке, кардинал избегал высказаться, хотя Капнист пытался дать для этого повод. Но он постарался опровергнуть все выдвинутые против Святого Престола обвинения, что касалось неудачи некоторых переговоров

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 118. Л. 229—232.

с императорским правительством, как по поводу кандидатов на вакантные епископские кафедры, так о посылке нунция в С.-Петербург.

Что касалось позиции Святого Престола во время Польского восстания, Антонелли ограничился общими рассуждениями и воздержался от подробного рассмотрения вопросов, поднятых в записке, которую он возвращал¹.

К этому времени, как видно из отчёта о работе министерства за 1867 г. (напомним, что он составлялся весной 1868 г.), на Неве так оценивали сложившуюся ситуацию, исходя не только из сведений, полученных по дипломатическим каналам, но и по публичным акциям Рима.

Если Киджи, как это поняли в С.-Петербурге, вовсе не отклонил сказанное ему императором о том, что «единственную практическую основу» отношений между двумя странами следует искать в новой компетенции, предоставленной Духовной коллегии, то папское правительство не разделяло эту точку зрения.

Было ясно, что Святой Престол рассматривал само учреждение Духовной коллегии в качестве наносившего ущерб его власти, а новую процедуру противоречившей католицизму, поскольку она воздвигала препятствие любым прямым сношениям со Святым Престолом, который не мог допустить вмешательства светской администрации в религиозный вопрос. В Риме опасались, что из Коллегии хотят сделать центр церковной автономии, подчинить её власти епископов, создать род Синода. Поэтому Ватикан отреагировал весьма энергично и занял в отношении новой Коллегии открыто враждебную позицию. Это нашло отражение в том, что конгрегация Чрезвычайных духовных дел публичным актом осудила указ 22 / 10 мая, обязала епископов не оказывать поддержки деятельности Коллегии, предписав им ни в коем случае не подчиняться Коллегии, приостановить выполнение функций, принятых ими без согласия Святого Престола. Она также заявила, что объявит Польшу в состоянии миссии (т. е. подлежащей христианизации страны) в случае, если российское правительство закроет ещё две епархии и продолжит назначение администраторов в епархиях, лишённых епископов².

Тем временем Святой Престол переживал чрезвычайно трудные времена в связи с обострением «римского вопроса», в решение которого была вовлечена вся европейская дипломатия.

Дело в том, что ещё весной 1867 г. в Италии развернулась возглавляемая Гарибальди кампания по объединению патриотических сил для освобождения Рима. Расчёт строился на восстании в Риме и Лацио, поддержанном отрядами волонтеров.

В последних числах сентября отряды Гарибальди начали своё продвижение в направлении Рима. Получив уклончивый ответ итальянского правительства на угрозу интервенции, если оно не помешает этому, французское правительство

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 118. Л. 233–234.

² Там же. Ф. Отчёты МИД. 1867. Оп. 475. Л. 169–171; Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 105–106.

17 октября приняло решение осуществить её. 30 октября французский экспедиционный корпус высадился в Чивита-Веккья. В своё время, в декабре 1866 г., как и было предусмотрено сентябрьским соглашением 1864 г., войска Франции были выведены из Рима.

Между тем 22 октября 1867 г. закончилась провалом попытка восстания в Риме, а 4 ноября волонтёры Джузеппе Гарибальди потерпели поражение под Ментаной от французских и папских войск. Было очевидно, что в такой ситуации неизбежно будет поднят «римский вопрос».

Что касалось России, к этому времени по существу не претерпела изменения занятая ею на его начальной стадии позиция, которая тогда определялась следующим образом:

Поскольку особый характер папской верховной власти её ставит более непосредственно под влияние католических государств, некоторая сдержанность нам была вменена в обязанность в отношении дискуссий, поднятых по поводу светской власти папы. В таком случае были мы не в состоянии оказать прямое воздействие на римский вопрос в ходе различных фаз, через которые он прошёл, до момента, когда вторжение в государства Церкви и в Неаполитанское королевство Сардинии стало причиной отзыва императорской миссии, аккредитованной при сардинском короле.

Ознакомленный с причинами этого разрыва отношений, государственный секретарь признал «ясность нашей позиции», а Киселёв, в ответ на это сообщение, был уполномочен выразить императору признательность папы¹.

Большой интерес к позиции России по «римскому вопросу», естественно, проявляло итальянское правительство. Как видно из записки Александру II от 16 / 4 октября 1867 г., Горчаков заверил итальянского посланника, что ему не следует сомневаться в желании «быть ему полезным во всех возможных случаях», с оговоркой об особом положении России, когда речь идёт о папе, которое ей вменяет необходимость придерживаться позиции воздержания. И разъяснял:

...нам безразлично сохранение светской власти папы, поскольку существует или не существует такая власть, это, никоим образом, не влияет на европейское равновесие; но мы полагаем, что выполняем долг приличия и проявляем деликатность, в нашем качестве не католической державы, совершенно не вмешиваясь в вопросы, не касающиеся непосредственно политического положения главы этой религии, тем более что мы не поддерживаем больше никаких дипломатических отношений со Святым Престолом, и я не могу, никоим образом, предвидеть момент, когда они будут восстановлены, что, к тому же, мы не обладаем никакой прямой информацией о нынешних намерениях кабинета Тюильри в том, что касается римского вопроса.

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД, 1860. Оп. 475. Л. 185–186.

Посланник засвидетельствовал Горчакову признательность своего правительства за такую позицию. Удовлетворён ходом этой беседы был и Александр II. «Вы угадали мои намерения, и я полностью одобряю Ваш ответ»¹, — начертил он на записке министра.

Позднее, когда в дипломатических кругах стало широко обсуждаться предположение о возможной инициативе Франции по созыву конференции по «римскому вопросу», Горчаков (доклад Александру II от 9 ноября / 27 октября) вновь подтвердил итальянскому посланнику, что, если это случится, «императорский кабинет будет предпочтительно склоняться к любой комбинации, благоприятной Италии». Но при этом из-за состояния самого вопроса и своих отношений с папой он не смог бы проявить инициативу никакой комбинации «в силу чувства элементарного приличия». Сказанное министром вновь было одобрено императором².

Такая позиция С.-Петербурга соответствовала не только его доброжелательному отношению к интересам Италии, но и его оценке как её положения на международной арене, так и проявленного ею отношения к России.

Расхождения Италии с Францией в римском вопросе, её переменчивые отношения с Австрией, её связи с Пруссией и её близость к Востоку придали некоторую важность нашим отношениям с флорентийским кабинетом.

С нашей стороны, они оставались постоянно благожелательными к интересам Италии, несмотря на осторожность, которую мы должны были соблюдать в отношении Франции, и сдержанность, которую нам вменяло наше особое положение перед лицом Святого Престола.

Со своей стороны, итальянское правительство нам дало доказательства доброй воли, присоединяясь к нашим демаршам в отношении Порты и приняв участие в спасении жителей Крита. Её собственные проблемы должны были ограничивать активность её политики вовне. Усилия, приложенные, чтобы её отдалить от нас в восточных делах и её вновь привлечь на позицию западных держав, не привели к положительному результату, —

говорилось в отчёте министерства иностранных дел за 1867 г.

При этом подчёркивалось, что не могло бы быть и речи о том, чтобы строить преувеличенные расчёты на союзе с ней, учитывая, что Италия имела слишком много внутренних проблем. Но одновременно признавалось, что «у неё вовсе нет интересов, которые были бы нам враждебны, и она может быть полезной и необходимой поддержкой для нашей внешней политики. Наша позиция в отношении неё такая же, и это взаимное убеждение остаётся базой наших отношений»³.

По поводу просьбы флорентийского кабинета о посредничестве в Париже и вопроса Бисмарка, готова ли Россия взять на себя инициативу совета Парижу

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 48. Л. 482.

² Там же. Л. 512.

³ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1867. Оп. 475. Л. 89–90.

проявить умеренность, Горчаков в письме Отто Бисмарку от 7 ноября / 25 октября так проинтерпретировал свой ответ на эти инсинуации. С одной стороны, разрыв отношений со Святым Престолом поставил Россию в деликатное положение, с другой — казалось, что правительства Франции и Италии одушевлены одним и тем же желанием вовсе не идти на конфликт, а посему нет основания для иностранного посредничества.

Несмотря на серьёзное осложнение этого вопроса, в С.-Петербурге полагали, что обе страны ещё склонялись к полюбовному решению. Здесь были убеждены, что итальянское правительство было не заинтересовано подвергать себя риску борьбы с Францией, и не думали, чтобы император Наполеон намеревался подвергнуть опасности существование Итальянского королевства, созданию которого он очень способствовал. А потому надеялись, что два правительства сумеют найти справедливый выход из осложнений, только что приведших к столкновению их интересов и их военных сил друг против друга. Именно в таком смысле посол должен был высказываться перед французским министром иностранных дел Леонелем Мустье¹.

Из телеграмм российского посла во Франции Будберга и циркуляра французского министра иностранных дел Горчаков пришёл к заключению о намерении Наполеона передать «римский вопрос» на суд конференции держав после того, как в Риме восстановится спокойствие. Поэтому 7 ноября / 25 октября он информировал Будберга о точке зрения правительства по этому вопросу, хотя официального приглашения в С.-Петербурге ещё не было получено. Оно не было против созыва такой конференции, но, прежде чем высказать своё мнение, считало необходимым знать, на каких основах и в каких границах она проходила бы².

После событий при Ментане, 9 ноября, последовала прежде уже предполагавшаяся инициатива Франции. Наполеон III предложил великим державам созвать конференцию для урегулирования отношений Ватикана с Итальянским королевством. Закончилась военная часть «итальянской запутанной интриги», исход которой превзошёл все ожидания в Париже, перешли ко второй части решения вопроса — политико-дипломатической. Созываемую конференцию Будберг находил «несерьёзной», что доказывает само французское правительство, «рассматривавшее как уловку» и испытывавшее нежелание проводить её в Париже. «Политическое оружие, которым особенно охотно пользуется император Наполеон, — это выжидание. С ним он добивался так часто успеха, что, возможно, на него рассчитывает гораздо больше, чем это следовало бы», — полагал посол. Не найдя в пригласительном циркуляре практическую идею, он замечал, что Россию итальянские дела касаются лишь косвенно, а конференция, на его взгляд, являлась лишь инструментом, которым можно было воспользоваться с выгодой и легко

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 134. Л. 477–478.

² Там же. Л. 481.

использовать в пользу своих интересов. После того как Франция «облегчит наше положение на Востоке, мне представляется естественным, что мы были бы расположены оказать ей подобную услугу», — полагал он. На вопрос Горчакова о том, почему кабинет Тюильри придаёт такое большое значение позиции, которую российское правительство займёт в отношении него в этом вопросе, Будберг привёл следующие соображения в донесении от 9 ноября / 28 октября:

Ответ очень прост: не католическая держава, одушевляемая благожелательными намерениями к Франции, может настаивать на желанных благах, о которых кабинет Тюильри колебался бы объявить. Это — извините за выражение — дуате (постановка пальцев рук. — О.С.) в четыре руки на пианино, которое, будучи сильно расстроено, может сделать звучание тем более фальшивым... Естественным, создают много шума вокруг нашего циркуляра. Он даёт повод к самым преувеличенным и ложным интерпретациям. Мне кажется, что мы не должны ни беспокоиться, ни жаловаться на это, а преувеличения, в некотором отношении, даже облегчают наше положение¹.

Ещё до рассылки приглашений на конференцию Горчаков в депеше от 12 ноября / 31 октября аргументированно изложил позицию по «римскому вопросу» Будбергу, поскольку предполагалось его назначить полномочным представителем России на этом собрании, если оно состоится.

Окончательный ответ относительно участия в конференции ставился в зависимости от результата ознакомления с её основами, границами и местом проведения: если им станет Рим, «уже один этот факт исключал присутствие» российского представителя.

Анализ позиции, занимаемой Лондоном и Берлином, да и собственная интуиция подсказывали Горчакову, что конференция не состоится, «во всяком случае, она не даст никакого шанса на практический результат». Тем не менее на тот конкретный момент ожидания приглашения на конференцию, но непременно с комментариями, которыми оно должно сопровождаться, Горчаков так изложил предварительные соображения о позиции России, её месте на этом собрании.

Наша роль деликатна, — признавался он в письме Будбергу. — Учитывая разрыв наших дипломатических отношений со Святым Престолом, враждебность и недоверие, которыми не перестают быть вдохновляемы в отношении нас, и доказательства чего доставила недавняя энциклика, мы не являемся незаинтересованной стороной в этом конфликте. С другой стороны, мы должны и хотим избежать придавать нашей позиции видимость религиозного антагонизма, что возмутило бы всех католиков в Европе, и чего нет, впрочем, ни в мыслях, ни в намерениях нашего Августейшего Монарха. Мне представляется трудным предположить, чтобы путь, по которому следует кабинет Тюильри, был чужд желания пожертвовать

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 133. Л. 476–479.

в какой-то форме светской властью папы. Однако, в этом отношении, не должны рассчитывать ни на какие гарантии с нашей стороны.

Мы от этого откажемся в принципе и категорически. Мы от этого откажемся также потому, что события последнего времени доказали никчёмность этих гарантий. Конечно, территориальное устройство Германии и Италии, целостность Дании были поставлены под гарантии, которым не могли придать форму более торжественную, потому что они покоились на договорах, подписанных всеми великими державами Европы. Это не помешало ни Пруссии, ни Италии, ни Франции нисколько не принимать их во внимание. Дипломатические чернила утратили свой нестираемый характер. Вопросы сегодня разрешаются силой флота, кровью или тёмными интригами. Больше nepозволительно не считаться с этим печальным убеждением.

Я хочу надеяться, что наши потомки вновь обнаружат в политическом словаре слова верность, добрая воля и право. К несчастью, мне дано действовать в эпоху, когда они оказались лишены смысла¹.

Изложенное в этом письме Горчаков счёл нужным дополнить ещё несколькими конфиденциальными соображениями в другом, на этот раз частном письме от 15 / 3 ноября 1867 г. Будбергу, в ответ на частное письмо посла:

Но вопрос, который вызывает волнения в Италии, не так безразличен нам, как представляется Вам, судя по Вашему письму. Мы имеем исключительно важные интересы, которые оказались здесь затронуты, и если они не являются материальными, их моральная ценность не может недооцениваться.

Мы постоянно подвергались обвинениям самым недоброжелательным со стороны Святого Престола. Эти обвинения даже переросли в брань в последнее время. Мы, таким образом, не являемся незаинтересованной стороной, как я Вам уже сказал, но чувство великодушия и благородства, как Вы понимаете, не позволяют императору взять на себя инициативу, чтобы обвинять коронованного старца.

Мы не можем, таким образом, стать флагманами, чтобы подтолкнуть к уничтожению светской власти папы, ни забыть, кроме того, что император имеет много миллионов католических подданных, которых не следует без причин обижать, так же как всех католиков, рассыпанных по всему свету.

С другой стороны, для нас не только невозможно гарантировать эту светскую власть, но даже высказываться в пользу её сохранения.

Причину этого он объяснил тем, что такой образ действия «не был бы понят никем у нас». Потому что, даже если не считали католическую религию причастной ко всему тому, что Святой Престол «совершил и совершает против нас», его действия сохраняются в памяти всех, возбуждают новыми и непрекращающимися актами общее негодование и «заставили бы приписать с полной справедливостью наше великодушное непростительной слабости».

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 134. Л. 487–490.

Министр полагал, что был прав, когда сказал, «что наша позиция в данном деле очень деликатна и что лучший путь для нас воздержаться. Во всяком случае, отказ не последует с нашей стороны», — заверил он¹.

Позднее, в депеше Будбергу от 27 / 15 ноября, Горчаков трезво оценивал заявления официозных парижских газет о согласии на конференцию Флоренции и Рима, якобы одушевлённых духом примирения. Известно, писал он, что Рим смирился лишь вследствие угроз де Сартижа и его обещания, что условия Ватикана будут поддержаны Францией и другими державами. Идея итальянского короля состояла в том, чтобы сделать Рим номинальной столицей с присутствием папы, а Флоренцию сохранить в качестве своей резиденции и места пребывания правительства. Лишить папу светской власти, управление Рима предоставить муниципалитету, обеспечить папе независимость и личную неприкосновенность с помощью гражданского листа или доходов, полученных с предоставленных папству земель, оставить Ватикан папе, сохранив Квиринал за собой, и короноваться в Риме — эти данные о подлинной цене согласия, по мнению министра, наглядно показывали, насколько будет скомпрометировано достоинство держав, которые примут участие в этой конференции. Ведь было очевидно, «что материальная сила не может быть применена и что ни один из двух итальянских Дворов не подпишет добровольно под решениями конференции, если они будут противоречить видам, которые они питают, и надеждам, которые им внушили». В этой конкретной ситуации, считал он, «следовало оставить сговорившихся Англию и Пруссию в первых рядах противодействующих, не забывая, что в политическом отношении наша позиция — такая же»².

Обращая внимание на необычную неопределённость, характеризовавшую французское приглашение на конференцию, Будберг признавался в письме Горчакову от 23 / 11 ноября, что ничего не мог сказать об идеях, которые намерен отстаивать кабинет Тюильри, по той простой причине, что

...он сам об этом ничего не знает. Император Наполеон чувствует, что его мечты, возможно, не реализуемы. Он их не оставляет, но обстоятельства ему не позволяют больше стараться их осуществить. Если конференция состоится, что, между прочим, мне кажется крайне проблематичным, именно в такой ситуации Франция ими займётся. Император Наполеон всю свою жизнь ожидал «*Deus in machina*»³, чтобы его вытянуть из затруднительного положения. Он этого ожидает сегодня, но, особенно, он рассчитывает на бесконечные переговоры, которые ничего не разрешат сами по себе, но которые откроют дверь для непредвиденных случаев.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 134. Л. 515—516.

² Там же. Л. 247—249.

³ Бог из машины (*лат.*). Иногда используемый в античной трагедии драматургический приём, когда запутанная интрига разрешалась благодаря вмешательству Бога, посредством механического приспособления, появившегося среди действующих лиц.

Что касалось позиции России, посол находил её «безупречной», поскольку был точно указан предел её участия, к французскому правительству было проявлено уважение в той мере, в какой оно могло ожидать, оказалась защищена особая его заинтересованность в этом вопросе. Теперь следовало предоставить события их естественному ходу, поскольку ничто «на нынешней стадии не представляется способным нас побудить принять активное участие в вопросе, неразрешимость которого должен признать заранее всякий здравомыслящий человек». Было очевидно, что будет потрачено много времени на стерильную переписку, которая докажет бесполезность собрания, на которое две заинтересованные стороны «идут с твёрдым намерением ни в чём не уступить»¹.

К этой проблеме посол обратился подробнее в письме Горчакову 3 декабря / 21 ноября 1867 г. Он отдавал ясно отчёт в сложности решения «римского вопроса», ибо было «очевидно, что Рим не уступит ни в чём и что Италия не сможет отказаться от своих притязаний. Даже компромиссный выход неспособен их сблизить».

Любопытно замечание по этому поводу, оставленное на полях депеши Александром II: «Это ободряет, когда речь идёт о том, чтобы договориться».

Будберг был весьма скептически настроен в отношении роли, которую могла играть в решении этого вопроса дипломатия, успевшая развернуть вокруг него чрезвычайно большую активность.

Конечно, больше чем «римский вопрос» никакой другой не даёт повода для дипломатических измышлений. Можно составить из них тома; но я сомневаюсь, чтобы удалось их исчерпать. Не существует больше никакого иного вопроса, чтобы пробудить с избытком воображение и заставить измыслить, более или менее, хитроумные комбинации. Но ни в каком вопросе, таким образом, не более трудно оставаться в границах правдоподобия и в пределах сдержанности, —

писал посол. И затем замечал:

Впрочем, нужно быть совершенно слепым, чтобы воображать себе, что этот вопрос мог бы быть разрешён с помощью протокола. Время и события его подняли; совершившиеся факты его разрешат, возможно, завтра, возможно, через полстолетия! Было бы высокомерием хотеть установить срок идейной трансформации, которая происходит вот уже почти сто лет и которая в наши дни достигла огромного прогресса.

Роль России дипломату виделась следующим образом:

Мне кажется, и указания, которые Вы сочли нужным мне передать, утвердили меня в этом мнении — чем меньше мы будем вовлечены в этот вопрос, тем лучше это нам подходит во всех отношениях. Из всех держав мы являемся той, которая поставлена в наиболее выгодные для воздержания условия. Папа позаботился нам

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 133. Л. 493—495.

его ещё более облегчить и избавить даже от деятельного участия, пойти на которое могут посчитать для себя обязательным Пруссия и Англия¹.

Если светская власть выйдет нетронутой из этого испытания, наше положение не станет хуже. Если, напротив, этой власти будет нанесён ущерб, ну что же! перед лицом наших католиков у нас появляется возможность говорить, что мы к этому были непричастны. Это относится к существу вопроса, который в данный момент не обсуждается.

Такой же, как по существу вопроса, должна быть, по мнению Будберга, и позиция по отношению к конференции. Он разделял соображение Горчакова, что не следует мешать Англии и Пруссии, считая «такую позицию чрезвычайно мудрой, поскольку она была единственной, не подвергавшей опасности будущее».

Оценивая возможность созыва конференции на тот момент, посол считал её очень сомнительной. Если бы она всё-таки собралась, поскольку роль России вполне обозначилась,

...её полномочный представитель должен будет держаться как можно дальше в стороне. Чем менее активной будет его роль, тем больше она будет отвечать достоинству и интересам страны. Даже его присутствие на этой конференции было бы лишь уступкой, сделанной ради других наших политических интересов, ибо и без того наш отказ принять в ней участие был бы вполне оправдан и понят всем миром.

В заключение он делился ещё одним соображением:

Изо всех вопросов, которые могли бы возникнуть, последний (о конференции. — О.С.) является, бесспорно, тем, который должен нас устраивать наилучшим образом. Он устраняет от нас тревоги, которые могли нас обременять, и, тем самым, нам позволяет сконцентрироваться на интересах, которые нас касаются более близко. А именно на вопросах нашего внутреннего развития, которому внешнее осложнение, в которое мы оказались бы вовлечены, могло бы только помешать.

Наблюдая ситуацию во Франции, я был поражён предоставленными нам возможностями. Вопрос папства занимает умы. Он не увлекает правительство, но его обязывает быть осмотрительным, и вряд ли оно бросится в авантюры, пока эта обуза висит на его ногах.

На слова о помехе решению внутренних проблем, каковой являются внешние осложнения, Александр II откликнулся замечанием: «Это верно»².

¹ Против этой последней фразы Александр II заметил: «В этом я не совсем разделяю его мнение».

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 133. Л. 501–506.

Примером дипломатических изощрений, о которых упоминал Будберг, были предположения по поводу возможного решения римского вопроса Н.А. Орлова. 4 декабря / 22 ноября 1867 г. в письме из Брюсселя Горчакову он так излагал своё мнение, признавая, что, может быть, оно ему «покажется приемлемым», если конференция соберётся и Россия должна будет в ней участвовать.

Вся трудность римского вопроса заключается в том единственном моменте, что глава римско-католической Церкви вовсе не является подданным никакого светского государя. В то же самое время, как римский епископ, папа не мог бы быть никогда удалён из своей епархии. Мне кажется, что, чтобы всё примирить, нужно было бы сначала создать для папы положение независимого государя, дав ему в качестве территории остров Эльбу, который, после того, как послужил убежищем самого могущественного светского государя нашей эпохи, был бы достоин стать приютом останков папства. После того, как таким образом закрепили бы присутствие папы в обществе европейских светских монархов, должны были бы ему позволить, как римскому епископу, владение Ватиканом и охрану действительной или ложной могилы Св. Петра¹. Поскольку Церковь и государство разделены в Италии, там нельзя ожидать канонического конфликта между папой — римским епископом и светскими властями этой столицы. Впрочем, понтифик был бы защищён в его качестве иностранного суверенного князя и мог бы всегда, в случае необходимости, удалиться в своё нейтральное княжество на острове Эльба, оставив в Риме своего викария.

Признавая, что его идея могла показаться странной, он находил её гораздо меньше странной, чем идея императора Наполеона, «который не помышлял не менее чем о том, чтобы поместить папу в Иерусалим». На это Александр II откликнулся пометой «да, конечно». А на последующее соображение дипломата: «По-моему, остров Эльба с римской епархией — в тысячу раз лучше», император выразил своё согласие одним словом: «конечно».

Закончил своё письмо Орлов словами: «Не говоря о наших религиозных интересах, которые противятся любой подобной комбинации, я должен сказать, что Пий IX в Иерусалиме очень рисковал бы иметь судьбу несчастного Максимилиана в Мексике или же менее трагическую судьбу Бонифация VIII при возвращении в Рим»².

¹ По этому поводу в письме дано разъяснение: «Наши теологи, так же как теологи Оксфорда и Кембриджа, сомневаются, чтобы Св. Пётр когда-либо приезжал в Рим».

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 20. Л. 140–141. Австрийский эрцгерцог, мексиканский император Максимилиан был расстрелян республиканцами в Мексике. Похороны состоялись в Вене в январе 1868 г. (Там же. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 149. Л. 50–52). В ходе конфликта с французским королём Филиппом IV по поводу утверждения о превосходстве духовной власти Церкви над властью светского правителя на Бонифация VIII напал в Ананьи и взял в плен вооружённый отряд короля. Вернувшийся в 1303 г. из плена в Рим папа вскоре умер.

В ответ на сделанное Наполеоном III предложение великим державам созвать конференцию императорское правительство сообщило через французского посла, что в принципе не отказывалось участвовать в её работе, но желало бы быть предварительно ознакомленным с основами и границами предстоявшего обсуждения, тем более что в присланном приглашении об этом не было никакого упоминания.

В С.-Петербурге хорошо отдавали себе отчёт в особой деликатности своего положения. Здесь вовсе не желали отказываться от помощи Наполеону III в его поисках выхода из затруднительного положения, в котором он оказался, тем более в момент, когда нуждались бы в его помощи в Константинополе. Одновременно было невозможно взять на себя инициативу по уничтожению светской власти пап, ибо приходилось считаться с чувствами католических подданных, так же как, с другой стороны, для него невозможно было выступить в качестве защитника установления, мишенью атак которого он сам недавно являлся, а ещё менее гарантировать его целостность¹.

Впрочем, на Неве не строили больших иллюзий в отношении шансов на успех проектируемого Парижем собрания. Особенно ввиду того, что с самого начала стала очевидной нерасположенность лондонского и берлинского кабинетов к этому мероприятию, а римское и флорентийское правительства обнаружили непримиримые притязания. Первое ставило условием своего участия в работе конференции объявление незаконным установившийся с 1861 г. в Италии порядок и протестовало против всякого решения, которое призывало бы к его признанию. Второе своё согласие обуславливало предварительной эвакуацией французских войск из папских государств и оставляло за собой права на Италию, т. е. права на независимое и единое королевство.

Надеясь с помощью конференции найти выход из тупика, в коем оказался, Париж прибег к уловкам, пытаясь убедить в отдельности каждый кабинет в согласии на конференцию других Дворов. В результате он получил согласие лишь правительства В.А. Гессена. Гораздо больше дали усилия французского посла в Риме де Сартжа. После переговоров с ним, под влиянием тайных интриг и его обещаний, папское правительство неожиданно заявило о согласии на участие в работе конференции, мотивируя этот внезапный поворот несерьёзной оговоркой, что в приглашении на неё будет идти речь о европейском разрешении итальянских, а не римских дел.

В это же самое время в С.-Петербурге стало известно о просьбе Парижа к итальянскому правительству поставить его в известность о том, какое решение отвечало его интересам. Тогда же венский Двор сообщил, что безоговорочно принял приглашение Парижа, мотивируя это самим характером обсуждаемого вопроса, не допуская, по мнению государственного канцлера Фердинанда Бейста,

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1867. Оп. 475. Л. 159–160; Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 87. Л. 122.

предварительных условий, что, впрочем, ему не помешало сформулировать программу, отвечавшую исключительно интересам Святого Престола.

На Неве находили бессмысленным созыв конференции в столь запутанной ситуации, когда Святой Престол настаивал на отмене установленного в 1861 г. порядка на полуострове, а итальянское правительство в качестве минимума своих пожеланий выдвинуло провозглашение Рима свободным городом с муниципальной администрацией и низведением римского понтифика до владения лишь Ватиканом.

Поэтому российское правительство поддержало выдвинутую Берлином идею создать в Париже комитет из представителей великих держав, который подготовит решение вопроса, а тем самым основы и границы будущей конференции. Оно усматривало в этой комбинации практическое преимущество. Ибо комитет либо действительно сумеет найти искомый способ мирного сосуществования противных сторон, либо, и это оно считало более вероятным, он должен будет обнаружить невозможность примирить диаметрально противоположные притязания и тем самым окончательно покончить с идеей конференции, не возлагая ответственности за это на вовлечённые в переговоры правительства.

Однако, когда на начало 1868 г. было намечено предварительное обсуждение, публичное заявление 5 декабря 1867 г. в национальном собрании премьера Эжена Руэра показало Европе, в каком именно плане Наполеон III намеревался разрешить спор, выносимый им на коллективное обсуждение держав. От имени правительства Руэр заверил, что Италия никогда не захватит Рим, что Франция никогда не допустит такого оскорбления её чести и верности католицизму, а если Италия двинется на Рим, она встанет на её пути.

Это заявление в С.-Петербурге восприняли как подтверждение его предвидений, широкое оправдание его изначального недоверия к идее проведения конференции. И, естественно, там понимали, что после такого заявления созыв конференции стал беспредметным. Горчаков информировал российских представителей за рубежом, что считал проект конференции окончательно оставленным. Но речь ещё не шла о формальном отказе, воздержаться от которого просило французское правительство, чтобы оставить открытой перспективу конференции, если его усилия найти *modus vivendi*, приемлемый для обеих сторон, приведут к удовлетворительному результату. Российская сторона не принимала никакого участия в переговорах, которые велись о новой конвенции взамен прежней от 15 сентября. Этот вопрос, «в нравственном отношении очень важный, теряется в целом сложной ситуации Европы. Нас, — признавался министр, — он интересует лишь из-за влияния, которое может оказать, с одной стороны, на отношения Франции с Австрией, а с другой — на отношения, связывающие Италию с Пруссией»¹.

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1867. Оп. 475. Л. 160–167; Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 87. Л. 88–93, 115, 122.

Что же касалось такого важного, не только для Курии, события, как оккупация Францией Рима (там находился французский экспедиционный корпус), Горчаков признавал, что она «отвела неизбежную опасность от Святого Престола». Вместе с тем в условиях, когда переговоры по этому вопросу между флорентийским и французским кабинетами были прерваны, такое положение вещей служило элементом раздора между Францией и Италией, хотя одновременно оно предоставило в руки императора Наполеона III средство, чтобы «оплатить в случае необходимости активную помощь Италии»¹.

Тем временем, как уже говорилось, состояние отношений с Россией на протяжении 1867 г. дало почувствовать римскому Двору трудности создавшейся ситуации. Он явно обнаружил расположение к их возобновлению. Об этом свидетельствовало данное Антонелли папскому нунцию в Вене Мариано Фальчинелли 12 ноября указание начать неофициальные переговоры с российским посланником Э.Г. Стакельбергом, прежде всего, о заполнении греко-униатской кафедры в Холме, бывшей вакантной².

К этому времени, как следует из справки «Об избрании и назначении епархиальных епископов холмской епархии», ситуация там была следующей. После смерти Шумборского 17 / 5 января 1851 г. капитул избрал трёх кандидатов на эту кафедру: тогдашнего епископа-суффрагана Терашкевича, протоиерея Шокальского и титулярного протоиерея Льва Смоленца. Этот выбор был признан наместником недействительным, так как выбор епископа принадлежал исключительно правительству. По решению Совета управления Терашкевич остался в его звании администратора холмской епархии, а коадьютером его стал Калинин. 19 / 7 марта 1862 г. исполнявший должность наместника Царства представил на утверждение императора указ о таком их назначении. Из Рима были получены два декрета на имя подьяцкого епископа о поручении провести канонические процессы о Терашкевиче и Калинском. В январе 1863 г. акты об этом процессе были посланы в Рим и были утверждены 16 марта папой. Но ещё до получения известия об этом 1 марта / 17 февраля 1863 г. Терашкевич скончался. После его смерти холмским капитулом 8 марта / 24 февраля 1863 г. был избран администратором епархии старший соборный протоиерей Шокальский и утверждён в этом звании советом управления Царства 27 / 15 марта.

В указе императора от 2 июня / 21 мая 1863 г. говорилось только о Калинском, возведённом папой в сан епископа белдского и коадьютера холмской епархии с правом преемства.

13 / 1 сентября 1866 г. решением наместника Калинин был отстранён от управления епархией и сослан в Вятку за участие в восстании, но по дороге в ссылку 29 сентября скончался³.

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1868. Оп. 475. Л. 142.

² Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 402—403.

³ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 72. Л. 134—137.

К началу переговоров холмская епархия управлялась назначенным правительством священником из Галиции Маркеллом Попелем. В глазах Святого Престола он был незаконным администратором¹.

Как следовало из донесения от 1 декабря / 19 ноября 1867 г. Стакельберга, у этой проблемы имелся ещё один важный аспект. Дело в том, что по соглашению 1815 г. греко-униатский приход в Кракове находился в зависимости от холмской епархии, которая назначала и платила жалование священнику. Эти назначения совершались всегда по согласию между епископами Холма и Пшемысля и благодаря доброжелательству монсеньора Фомы Полянского, как правило, до этого времени это были лица «верные их исповеданию, как и их нации». В последнее время, писал дипломат, пользовались «этой потайной дверью, чтобы привлечь в Холм доверенных лиц, в чём нам было отказано в порядке прямых переговоров». После назначения двух последних настоятелей, представленных Холмом, теперь вновь встал вопрос о том, чтобы «такими же средствами добиться нового, удобного нам назначения». В силу независящих от него обстоятельств намеченный кандидат, принадлежавший к пшемысльской епархии, прибыл слишком поздно в Краков, где его место было уже занято лицом, назначенным латинским епископом, чтобы временно управлять вакантным приходом. Дело было в том, считал посланник, что «наши противники догадались о нашей уловке и хотят закрыть эту открытую дверь, если не претендуют даже на то, чтобы принудить 600 человек этого прихода принять католичество».

Полагая, что Агенор Голуховский (наместник в Галиции) не знал всех этих обстоятельств, Стакельберг изложил свою точку зрения по поводу этих дел. Он заявил, что последнее назначение было неприемлемо, так как этот человек, после того как в Лемберге повсюду говорил о своих враждебных чувствах, был освящен рутенскими студентами, что привело к переводу его в Краков профессором. В пользу своего кандидата он сослался на то, что он был избран консисториями Пшемысля и Холма, «действовавшими согласно, что мы не стали бы выплачивать жалование его конкуренту, а то обстоятельство, что наш кандидат не был введён в должность, смогло бы повлиять на переговоры, касающиеся раздела имущества краковской епархии»².

Как показалось посланнику, Голуховский был задет последним аргументом, но заявил, что всё это было делом священников. Он пояснил, что архиепископ не мог одобрять соглашение, заключённое с холмской епархией, кафедра которой вакантна, что Полянский впал в детство, и это обязало Курию дать ему папского администратора в лице Иосифа Сембратовича, униатского священника, воспитанного в колледже Пропаганды. В заключение он обещал постараться разрешить это дело

¹ Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 403.

² В это время наряду с разделом краковской и келецкой епархий велись отдельно переговоры и о разделе их имущества, от которых Святой Престол, кстати, был отстранён.

в желаемом для Стакельберга смысле и, как последний узнал, уполномочил своего секретаря произвести расследование на месте. Посланник понимал, что «униатский приход перестает быть открытой дверью для посылки новой поросли в Холм, учитывая, что добрая воля монсеньора Полянского будет отныне парализована влиянием его администратора, отступника, преданного иезуитизму».

Нанесённый ему в это же самое время визит нунция, не наведавшему его после отъезда Мейендорфа, Стакельберг счёл далеко не случайным.

Я нашёл монсеньора Фальчинелли более медоточивым, чем когда-либо; он мне прочёл нотацию о вдовстве холмской епархии и заверил, что римский Двор согласился бы посвятить епископа, удобного нам. Я ответил, что в этом сомневался, ввиду того что знал кандидата, намеченного архиепископом, и что, впрочем, мне казалось бы весьма трудным нам договориться о чём бы то ни было после того, как наши отношения со Святым Престолом были прерваны.

Дипломат пояснил, что привёл это обстоятельство, потому что оно совпадало с ходившим слухом относительно изменения позиции в отношении Польши и о мерах милосердия и прощения, которые будут вскоре обнародованы. Французский посол Грамон спрашивал его об этом, и именно поэтому Стакельберг этим слухам приписывал и визит нунция¹.

Из донесения Фальчинелли от 23 ноября 1867 г. видно, что ссылка на это обстоятельство была истолкована нунцием далеко не в том смысле, как было сказано Стакельбергом. Он писал, что на его вопрос, согласилось ли бы его правительство на назначение в Холм епископа Святым Престолом, разумеется, после предварительной договорённости относительно выбора кандидата, последовал ясный ответ:

Для него было невозможно, даже в официозном качестве, представить на рассмотрение своего правительства такое дело, пока продолжался бы дипломатический разрыв между С.-Петербургом и Римом. Такое начинание, конечно, не встретило бы хороший приём у нынешнего правительства. «Князь Горчаков, — сказал посланник, — не имеет больше прежнего влияния. Всеми церковными делами руководят три или четыре глупца (*stupidi*)², которые, в то время как правительство стремится к политическому объединению, имеют в виду только религиозное православное единение во всей Империи»³.

Весьма странно проинтерпретировал сказанное Стакельбергом нунцию Буду, который полагал, что, поскольку он был лютеранином, занимавшийся униатским делом лица, несомненно, не вводили его в курс их секретов. К тому же, заметил

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Оп. 469. Д. 164. Л. 418–421.

² Во французском тексте письма после *imbéciles* в скобках уточнено по-итальянски: (*stupidi*). Можно предположить, что этим нунций привлекал внимание к тому, как дипломат отозвался о тех, кто занимался церковными делами.

³ Цит. по: *Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 403–404.*

историк, когда посланник утверждал, что в С.-Петербурге «не занимаются холмским епископом, он заходил слишком далеко. Монсеньор (Спиридон) Литвинович доставил нунцию доказательства обратного»¹. Если судить по донесению посланника, он вовсе этого и не утверждал.

На деле С.-Петербург, не менее Рима заинтересованный в восстановлении отношений, увидел в поступивших от Стакельберга и Капниста сообщениях о принятых перед ними шагах принятие Святым Престолом на себя инициативы в этом, чему придавали большое значение. Там быстро откликнулись на поступившее предложение и занялись подготовкой переговоров о холмской епархии.

18 / 6 декабря 1867 г. Горчаков сообщил Стакельбергу о результатах состоявшегося у него по указанию императора заседания по вопросу греко-униатской холмской епархии, в котором участвовали Валуев, Д.А. Толстой, прокурор Синода, и Д.Н. Набоков, в 1862 г. состоявший при наместнике Царства Польского, а с 1867 г. главный начальник собственной канцелярии императора по делам Царства.

Предварительно Горчаков зачитал донесение Капниста от 13 / 1 ноября (№ 83), из которого было видно, что папа был расположен прийти к соглашению на счёт этой епархии посредством переговоров своего нунция в Вене с российским посланником, а также депешу Стакельберга от 1 декабря / 19 ноября (№ 197) о попытках нунция начать такие переговоры.

После этого Горчаков поставил вопрос: «...имеем ли мы в виду обращение греко-униатов холмской епархии в православие?». На него последовал единогласный ответ:

...мы не имеем желания обращать греко-униатов холмской епархии в православие и стремимся только к очищению греко-униатского богослужения и обрядов от латинских нововведений; в этом стремлении мы действуем сообразно со смыслом папских же булл, воспрещающих всякое искажение греко-униатских обрядов.

Затем перешли ко второму вопросу: можно ли, несмотря на отсутствие прямых сношений с папой, согласиться на назначение епископов на вакантные греко-униатские кафедры?

Дав на него утвердительный ответ, Толстой заметил, что в этом деле всё зависит от удачного выбора предлагаемого лица, и в качестве такового он предложил священника Попеля, о котором он и Набоков имели удовлетворительные сведения.

В ходе обсуждения исходили из того, что назначение епископа в холмскую епархию было необходимо для упрочения порядка и спокойствия и для пополнения числа униатских священников, и к тому же учитывали проявленную папой через его нунция инициативу в этом вопросе. По окончании обсуждения решили сообщить наместнику об одобренных императором итогах заседания, чтобы узнать его

¹ Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 404.

мнение и просить его вступить в сношения со Стакельбергом «для выражения нашего согласия на утверждение папой того лица, которое будет нами предложено». При этом Бергу называли в качестве кандидата Попеля, но прежде чем написать посланнику, он должен был сообщить в С.-Петербург имя предлагаемого им кандидата, если им был не Попель. После урегулирования этого частного вопроса он должен был уполномочить посланника вступить в переговоры с нунцием, инициативу которых Рим принял в Вене, рекомендуя ему, приступив к ним, подчёркивать факт этой инициативы¹.

20 / 8 января 1868 г. Берг в письме Стакельбергу так объяснил своё заключение по поводу кандидата в епископы. Во-первых, среди местного греко-униатского духовенства он не видел ни одного кандидата, который обладал бы всеми необходимыми качествами для занятия этой кафедры. Архипресвитер Войцицкий не мог её удостоиться согласно канону об архиерейском сане, потому что был женат. Во-вторых, из прибывших из Галиции греко-униатских священников бывший законоучитель львовской гимназии Попель больше других удовлетворял предъявляемым кандидату в холмские епископы требованиям. Своё предложение его кандидатуры Берг мотивировал следующим образом. «Он известен своими похвальными нравственными качествами, отличается высоким духовным образованием и успел уже в течение своей непродолжительной службы в холмской епархии приобрести любовь и уважение к себе местного греко-униатского духовенства». Наместник просил известить об этом нунция².

По получении этих сведений в последних числах января Стакельберг сообщил нунцию о согласии правительства на назначение в Холм епископом Попеля, профессора теологии семинарии в этой епархии. Нунций обещал вскоре дать ответ. 2 февраля он его известил о неприемлемости этой кандидатуры для Рима.

Стакельберг, как писал нунций, просил составить список считавшихся приемлемыми кандидатов, который он принял бы *ad referendum* и направил в С.-Петербург³. А из телеграммы Стакельберга от 6 февраля / 25 января об этой беседе следовало, что ни Попель, ни любой из эмигрировавших священников не мог быть посвящён всан епископа. Нунций сказал, что предложит список приемлемых кандидатов и указал в качестве лучшего из возможных кандидатов Михаила Куземского, посвящение которого не замедлит последовать, а эмигрировавшие священники были бы прощены. Стакельберг просил разрешения согласиться принять кандидатуру Куземского, когда получит этот список⁴. Таким образом, участники переговоров

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 69. Л. 32–33, 36–37; Д. 72. Л. 33–36.

² Там же. Д. 72. Л. 127–128.

³ *Boudou A.* Op. cit. Vol. II. P. 405–406.

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 149. Л. 451.

несколько расходились в том, кто предложил составить список, но одно известно точно: список передаст Фальчинелли Стакельбергу.

Начатые в Вене переговоры, как писал Капнист Стакельбергу 26 / 14 февраля, в Риме держали в глубоком секрете по совету венского нунция. В одной из своих депеш он мотивировал это тем, как была бы огорчена польская мятежная группировка соглашением, даже частичным, между С.-Петербургом и Римом и что она была готова пустить в ход всё, чтобы сорвать такое соглашение. Об этой подробности дипломат узнал от поведавшего ему и о самом демарше нунция ещё в ноябре 1867 г. Франки, который приписывал себе заслугу совета предпринять этот шаг. Согласно ему, папа был готов назначить декретом администратора холмской епархии без предварительного уведомления императорского правительства. Тогда Франки подал мысль уполномочить венского нунция позондировать его через Стакельберга. Папа сначала согласился на эту комбинацию довольно неохотно, ничего не ожидая от российского правительства и будучи убеждён, «что у нас хотят покончить раз и навсегда с католицизмом». По словам Франки, папа был уверен, что «переговоры были бы бесполезны и что наше правительство решительно откажется принять в Холме епископа, посвящённого в Риме». Он согласился с предложением Франки, лишь чтобы «его совесть была чиста, и он сделал всё, прежде чем принять решение». Поэтому не без некоторого удивления Пий IX узнал впоследствии о результате встречи Фальчинелли и Стакельберга и, говоря о ней с Франки, повторял «посмотрим», не скрывая сомнения.

Капнист считал, что недоверие папы к российскому правительству было столь же велико, как его личная обида за резкий разрыв отношений со Святым Престолом. А логика размышлений папы по этому поводу могла бы быть такой. С одной стороны, он видел в восстановлении этих отношений «благо для Церкви, которую он представляет, и удовлетворение для его самолюбия». Но не исключено, с другой стороны, что «неудовольствие и честолюбивые обиды, копившиеся издавна, заставили бы начать развиваться в некоторых тайниках папского рассудка тайное желание дать понять каким-нибудь образом российскому правительству, что гнев Ватикана, не всегда театральная гнев, и что нужно иногда считаться с ватиканским старцем. С этой точки зрения Пий IX увидел бы, возможно, с некоторым удовольствием, что бы дела запутывались больше и больше». Однако для Капниста было очевидно, что

...сдерживающие традиции Курии и её педантичная косность заставят одержать верх осторожности и примирению в действиях папы и не позволят свободную игру его запальчивости, если только, с нашей стороны, не перешли бы некоторые границы. Очевидно, что, если переговоры, которые ведёте Вы, закончатся удовлетворительным результатом, это станет аргументом, который сильно подействует на настрой папы, чтобы его склонить на путь сдержанности. Это был бы удар, нанесённый польской мятежной группировке, которая не преминет показать своё плохое настроение в Риме и даст услышать свои жалобы и даже обвинения папе.

Говоря о Попеле, Франки представил его совершенно неспособным занять пост епископа. Он добавил, что полностью полагались на нунция относительно списка кандидатов и только для проформы Фальчинелли посылал этот список, учитывая, что он должен собрать сведения на их счёт.

Франки заверил, что папа проявит большое рвение, чтобы ввести в сан нового епископа по достижении согласия о выборе, а Курия была расположена быть столь сговорчивой, как это возможно, в этом выборе. И добавил, что у него была большая надежда на благоприятное влияние на примирение, которое не преминуло бы быть оказано первым назначением епископа для России после разрыва отношений¹.

Из почерпнутых Капнистом из беседы с Берарди сведений, о которых он писал Стакельбергу 2 марта / 19 февраля, следовало, что завершению этого дела, решение которого «желательно во всех отношениях», препятствием служил выбор кандидатуры будущего епископа. Он связан с получением точных сведений, так как есть две открыто воюющие партии: рутены и поляки. Если от одной поступит хорошая информация об одном кандидате, другая не преминет втоптать его в грязь. Кажется, ещё не нашли лицо, отвечавшее всем требованиям, так как предложенный, наконец, священник был неприемлем, будучи изобличён во внебрачной связи. Берарди полагал, что достойное епископата лицо, которое, конечно, найдут, должно быть «приятно императорскому правительству и в то же время отвечать условиям духовной пользы».

Капнист в ответ заметил, что, прежде всего, не следовало доверять сведениям, поступившим от польской партии, если хотят достичь удовлетворительного результата в этом деле. В заключение Берарди сказал, что Святой Престол приложил бы самое большое усердие и проявил бы самую большую поспешность для назначения епископа².

Тем временем Фальчинелли известил Стакельберга, что отправил в Рим список из семи кандидатов и об ответе ему сообщит.

По его получении дипломат намерен был написать наместнику и, если не будет иных указаний, ограничиться принятием списка *ad referendum*, а о принятии кандидатуры Куземского не сообщать до предписания министерства³.

Своим восприятием необходимости урегулирования отношений с Ватиканом и предпринятого Святым Престолом демарша в этом направлении Горчаков поделился со Стакельбергом в письме от 4 марта / 20 февраля.

Как ему было известно из его предыдущих сообщений, он

...старался отделить католицизм от полонизма, сохраняя нашу старую и достойную уважения традицию религиозной терпимости, чтобы не оставить в руках

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 72. Л. 102–106.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 149. Л. 225–226.

³ Там же. Л. 222–224.

революционеров грозное оружие Веры. Я не упустил и не упустила никакого случая, чтобы отстаивать мои убеждения по этому поводу с открытым забралом и недвусмысленно, хотя должен бы допускать, что достигну лишь половину или даже незначительного успеха. Исходя из этого, у меня нет необходимости говорить Вам, что, как и Вы, я хочу видеть, как постепенно исчезает напряжение наших отношений с римским Двором, лишь бы это могло бы осуществиться с достоинством, не нанося ущерба и не ущемляя интересы, которыми мы не могли бы пожертвовать. Мы никогда не договоримся относительно принципов, но я достаточно знаком с политической традицией Ватикана, чтобы знать, если он не перестает противопоставлять свой *poppossumus* теориям, он умеет приравниваться к совершившимся фактам и обойти затруднения терпимостью. Мне кажется, что сегодня это путь, на который хотят вступить в Риме, и раздражение, произведённое переговорами относительно австрийско-Конкордата, породило желание устранить трудности в отношении России.

Горчаков считал, что записка Валуева, имея в виду ту её часть, где речь шла об обеспечении через специального агента передачу представлений епископов папе, облегчила бы задачу папских министров, если бы они захотели проявить немного доброй воли. «Этот документ мне представляется очень ловко составленным. Не упоминая Духовную коллегия, которая на таком плохом счету в Риме, он фиксирует очень большую уступку прямых сношений между епископами и Святым Престолом, то есть принцип, который никогда не был принят». Ватикан, по мнению министра, правильно бы поступил, если бы его принял, не слишком придирчиво критикуя его форму. Он полагал, что «это фактически был бы, действительно, первый шаг».

Однако Капнисту не предписывалось предпринять никакого демарша, чтобы избежать видимости инициативы, «которой, впрочем, злоупотребили бы и которая среди наших правительственных влиятельных людей была бы расценена как слабость». Но, заметил министр, «он сможет воспользоваться этими данными в конфиденциальных беседах. Капнист проявил довольно зрелую способность, чтобы не оправдать надежду, что сумеет развить основную мысль искусно и своевременно»¹.

6 апреля / 25 марта нунций передал Стакельбергу список из шести кандидатов, полностью одобренный папой, что очень обрадовало нунция, обеспокоенного задержкой переговоров и опасавшегося препятствий, созданных польским воздействием. Первым в списке шёл Куземский. Приняв список *ad referendum*, в тот же день посланник послал его в С.-Петербург, прося указаний. На его телеграмме император предписал Горчакову переговорить об этом с Бергом и Набоковым².

На следующий день, 7 апреля / 26 марта, Стакельберг был информирован о назначении императором Куземского холмским епископом. Ему предписывалось сообщить об этом нунцию, а о последующем шаге сноситься прямо с Бергом³.

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 72. Л. 1–2.

² Там же. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 149. Л. 463.

³ Там же. Д. 151. Л. 343.

Извещённый о решении императора нунций обещал немедленно сообщить о нём в Рим и просить, чтобы назначение сделали с помощью бреве, не дожидаясь консистории, тогда останется только канонический процесс и посвящение митрополитом Литвиновичем. Нунций «рассыпался в любезностях и весь улыбался; он от меня не скрывал своей радости от успеха переговоров и вернулся к своей любимой теме, что соглашение между правительством и римским Двором лишило бы поляков единственной законной почвы, на которой они могли обосновывать жалобы, которые не перестают заставлять выслушивать Европу». Так по существу подвёл итог переговоров Стакельберг в донесении от 9 апреля / 28 марта 1868 г.¹

В отношении Куземского 14 апреля был начат канонический процесс. Антонелли в этой связи выразил два пожелания: чтобы он прибыл на короткое время в Рим, а его посвящение состоялось в Галиции, после чего он отправился бы в Холм.

Как часто случалось во время такого процесса, в адрес намеченного кандидата поступило немало обвинений, делавших его назначение невозможным. Но Фальчинелли доказал их ложность, к тому же было получено много новых благоприятных свидетельств в его пользу².

Как писал 24 / 12 апреля 1868 г. Стакельберг, навестивший его нунций сообщил, что папа был «очень счастлив» достигнутым соглашением и приказал ему немедленно начать канонический процесс, для чего Куземский будет вызван в Вену. После окончания формальностей, скорее всего, состоится его назначение бреве, чтобы он мог без промедления отправиться в свою епархию.

Фальчинелли выразил сожаление в связи со слухами о перемещении Стакельберга, потому что римский Двор возлагал большие надежды на то, что достигнутое согласие между ним и нунцием поможет теми же средствами заполнению других вакантных кафедр, что лишило бы поляков последнего предлога для жалоб.

В ответ посланник сказал, что был уполномочен вести переговоры только о Холме, но обещал об остальном сообщить в С.-Петербург³.

Куземский 22 июня был введён в сан Пием IX. Его посвящение происходило во Львове в присутствии Фальчинелли.

По сообщению Фальчинелли, в сентябре вскоре после приезда в Холм Куземский отправился в Варшаву, чтобы приветствовать Александра II, бывшего там проездом. Во время беседы (о ней он сообщил в Рим) он узнал о решении передать руководство греко-униатскими делами прокурору Синода. На его просьбу о сохранении его за наместником в Польше император ответил, что уже издал приказ Толстому принять такое руководство. А затем он добавил, что священник Попель окажет епископу помощь, в которой он будет нуждаться. Куземский выразил сомнение в уместности его помощи и добавил, что Святой Престол никогда не согласится дать

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 150. Л. 34–35.

² Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 404–406, 413–414.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 150. Л. 78–79.

его ему в суффраганы. На это император заметил: «Святой Престол имеет привычку всегда противиться моим намерениям в отношении Царства Польского»¹.

В С.-Петербурге не строили иллюзий относительно побудительных мотивов начинания Святого Престола, но ясно отдавали отчёт в важности восстановления отношений. Свидетельством этого являются соображения, изложенные Горчаковым в отчёте за 1867 г., который, как обычно, составлялся весной следующего года. Он писал, что встречаемые папским правительством

...трудности со стороны правительств католических держав, кажется, должны привести его если не к отказу от его принципов, то, по крайней мере, к фактическим сделкам, которые делают возможными отношения. Это всё, что мы можем от него ожидать. Мы должны были отказаться от надежды на достижение искреннего согласия со Святым Престолом. Мы не можем более не признавать неудобства разрыва, который к сложившейся в Европе нынешней ситуации добавляет к политическим страстям фермент клерикальных страстей и позволяет революции прикрыться покровалом религии.

С этого времени нам остаётся только вменить враждебности папского правительства границы, которые его собственная выгода предписывает не переходить. Именно это мы пытались сделать, чётко отделяя религиозные интересы католических подданных Вашего Величества, которые имеют право на всю Вашу заботу, от политических соображений, которые римский Двор стремится сюда впутать. Он должен убедиться, что, насколько кабинет Вашего Величества был расположен справедливо удовлетворить нужды католиков Царства Польского, настолько он решил отклонить всякое вмешательство духовенства в область политических вопросов. Каковы бы ни были трудности, которые нас заставляют предвидеть традиционное упорство Святого Престола, мы полагаем, что, придерживаясь твёрдо этого двойного принципа и его умело применяя, мы сможем прийти к единственному практическому результату, на который благоразумно надеяться².

Слухи о том, что Стакельберг покидает Вену, имели под собой основание: в конце апреля он был извещён о его переводе послом во Францию. Сожалевший о его отъезде нунций продолжил свои настояния о продолжении переговоров. Ставший послом в Вене К.П. Иксуль 27 / 15 мая писал Горчакову о недавнем посещении его аудитором нунциатуры, уполномоченным Фальчинелли выразить благодарность за сговорчивость, проявленную Россией во время неофициальных переговоров о решении вопроса вакантных епархий греко-униатского исповедания. После этого «хвалебного пустословия» в адрес правительства посланец нунция дал понять, насколько Святой Престол был бы рад осуществить таким же путём назначение епископов на вакантные епархии в России.

¹ Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 418.

² АВПРИ. Ф. Отчёты МИД, 1867. Оп. 475. Л. 171–172.

Иксуль ограничился общими фразами, сославшись на полное незнание с этим предметом и с состоянием этого вопроса.

Тем не менее на следующий день посланец нанёс ему новый визит под предлогом скорого приезда Куземского и говорил о формальностях, через которые он должен был пройти до получения инвеституры. Затем он вернулся к первой беседе. Он не скрывал уверенности нунция в одобрении Святым Престолом, если он снова сделается при императорском посольстве конфиденциальным выразителем пожеланий Ватикана в деле, которое папа принимает особенно близко к сердцу. Он говорил о числе вакантных епархиальных епископских кафедрах в России и о том, что в Риме с признательностью отнеслись бы к переговорам, которые имели бы целью даже одну-единственную из четырёх вакантных кафедр.

Иксуль, вновь воздержавшись высказаться в ответ на это начинание и даже не пообещавший о нём сообщить правительству, на деле просил у него указаний, как отнестись к последующим возможным обращениям к нему по этому поводу.

На этом письме император оставил помету: «Нам нужно обсудить этот деликатный вопрос с министром внутренних дел»¹.

Своё мнение по поводу поставленного Иксулем вопроса подробно изложил Стакельберг. Перед отъездом из Вены он выполнил данное Фальчинелли обещание информировать С.-Петербург о пожеланиях Рима продлить переговоры, направив Горчакову секретное письмо от 27 / 15 мая. В нём он напомнил, что на предупреждение о питаемом Святым Престолом таком намерении министр ему сказал, что «нужно было увидеть это со стороны римского Двора и что в этом-то, возможно, было бы средство договориться о вакантных епархиях». Правда, он это говорил ещё до получения последнего бреве (имелось в виду направленное папой Станевскому послание), но, рассматривая дела хладнокровно, Стакельберг не очень хорошо представлял себе, что этот инцидент менял в сути вопроса. Он полагал, что было невозможно рассчитывать на то, чтобы римский Двор принял установление, созданное без его участия, и поэтому вполне естественно, что папа порицает Станевского за принятие председательства в Коллегии, не сносясь с Римом, тем более что он допустил ошибку в форме первого сношения со Святым Престолом. Если Коллегии не удастся служить органом сообщения, нужно будет искать другую комбинацию, потому что речь идёт о почве, где согласие двух сторон необходимо, чтобы прийти к практическому результату. До того как будет найдена такая комбинация, как ему казалось, могли бы, в самых неотложных случаях, пользоваться способом официального или непрямого соглашения, так как император сердечно относится ко всем своим подданным и не может желать видеть свою паству без пастырей.

Стакельберг пояснил, что эти размышления ему внушило знакомство с посылаемым Горчакову письмом Иксуля о начинаниях аудитора. Если бы император спросил его мнение, он бы ответил, «что ему представлялось полезным идти

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 150. Л. 553–555.

на уступку там, где религия отделена от политического вопроса и где проявляется возможность ослабить её средства, которые ненависть католического мира направит против нас при первом благоприятном случае». Такое предложение он сделал бы с оговоркой: если бы император захотел позаботиться о вакантных епархиях указанным путём, папа мог бы злоупотребить этим прецедентом и привык бы рассматривать венскую нунциатуру в качестве миссии «in partibus», которая занимается делами России. Чтобы устранить такие неудобства, надо уполномочить другое посольство на эти переговоры, а именно парижское, например, которое будет менее удобным для Святого Престола, так как не находится по соседству с Россией, ни по пути из Варшавы в Рим.

Короче говоря, он пришёл

...к следующим заключениям. 1. Не в нашей власти заставить папу принять Санкт-Петербургскую Коллегию в качестве посреднического механизма. 2. Нужно время, чтобы прийти к другой комбинации, либо к той, что была первоначально предложена Горчаковым и которая пользуется всеми моими симпатиями, либо к любому другому средству, приемлемому для двух сторон. 3. Принимая во внимание эти отсрочки и учитывая обычай не оставлять паству без пастырей, могли бы приступить к официальным переговорам в указанном месте¹.

Об итоге обсуждения этого вопроса Горчакова с Валуевым можно судить по письму Горчакова Стакельбергу от 4 июня / 23 мая 1868 г., на этот раз уже в Париж. Он писал, что они решили, что назначение епископов «не было для нас срочным», а диспенсии могут продолжать передаваться через Вексвали. Рим же, напротив, заинтересован в назначении епископов и в более регулярном сообщении с Россией. Стакельбергу обещали в своё время направить готовившуюся в министерстве внутренних дел памятную записку в целом по этому вопросу. Если он будет обсуждаться, то между ним и Киджи. Пока же послу предписывалось воздержаться от всякой инициативы, а если её возьмёт на себя Киджи, ограничиться лишь информацией о том, что он скажет².

Вопрос о восстановлении дипломатических отношений между Россией и Святым Престолом занимал не только их руководство и дипломатов, но и прессу, особенно польскую. В конце года настойчиво распространялись слухи о миссии, якобы доверенной Валуеву, приехавшему тогда в Рим. По этому поводу Капнисту последовали запросы от нескольких дипломатов. На деле Валуев решил познакомиться с Антонелли, который, со своей стороны, узнав о его пребывании в Риме, выразил такое же пожелание. Между ними состоялся обмен визитами вежливости, совершенно чуждыми политики. Как писал Капнист, эти встречи прошли «без того, чтобы кардинал ими воспользовался для малейшего намёка на отношения между

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 150. Л. 545–548.

² Там же. Ф. Российское посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 72. Л. 84.

Россией и Святым Престолом», а Валуев «был далёк от того, чтобы поднимать этот вопрос».

Слухи о так называемой миссии Валуева Капнист относил на счёт польской партии, дорожившей своим положением при Ватикане и боявшейся более всего сближения между С.-Петербургом и Римом. Да и среди прессы, распространявшей эти слухи, особо выделялась польская «Czas». По поводу идеи видеть в Польше религиозный вопрос окончательно отделённым от революционного дела в ней последовало заявление, что такое отделение «невозможно для всякого, кто знает Польшу». На него дипломат откликнулся вопросом: «...не значит ли это утверждать во всеуслышание, что полонизм пользуется католической религией лишь в качестве прикрытия своих политических происков?»¹

О том же писал позднее 29 / 8 декабря из Вены Иксуль. Он отмечал, что со времени переговоров о холмской епархии любой симптом улучшения отношений между С.-Петербургом и Римом возбуждал недоверие поляков и провоцировал в прессе Лемберга и Кракова «усиление обычных атак, направленных против нас». На сей раз их предметом в европейской прессе стали якобы происходившие секретные переговоры. Газета «Czas», которая до этого об этом писала с некоторой сдержанностью, теперь посвятила пространную статью. В ней утверждалось, что эти переговоры продолжаются и российская дипломатия уже добилась положительного результата, что папа был бы расположен отделить католицизм от полонизма и призвать польское духовенство проявить умеренность, если, со своей стороны, Россия предварительно согласилась бы пойти на уступки католической Церкви².

В С.-Петербурге иначе оценивали состояние отношений с Римом. В отчёте о работе министерства за 1868 г. Горчаков должен был констатировать: «Наши отношения со Святым Престолом остались в положении status quo, к которому привела отмена Конкордата 1847 г.». При этом в С.-Петербурге полагали, что своим ответом на неофициальные предложения нунция «уступали римскому Двору любую инициативу в этом вопросе». Но с оговоркой: «...тем не менее, мы склонны принять предложения, продиктованные духом примирения и совместимые с принципами нашей политики и безопасности государства»³.

Весьма лаконичному заключению Горчакова весомым дополнением служит записка Капниста от 2 апреля / 21 марта 1869 г. Она была подготовлена в связи с предстоящим приездом в Рим великого князя Владимира, чтобы он был готов при встрече с папой обсудить политические вопросы, если он их поднимет.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1868. Оп. 469. Д. 118. Л. 258.

² Там же. Д. 151. Л. 164–165.

³ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1868. Оп. 475. Л. 142–143.

В ней отмечалось, что в течение прошедших трёх лет со времени разрыва отношений римский Двор в отношении России

...следовал нерешительной и выжидательной политики. Эта политика, казалось, колебалась под воздействием двух противоположных тенденций, с одной стороны — претерпевая влияние полонизма и укоренившихся предубеждений, — Святой Престол не переставал протестовать против того, что ему нравится называть «преследование католицизма российским правительством» и бороться всеми средствами, имевшимися в его распоряжении, против распоряжений императорского правительства в отношении католической Церкви. С другой стороны — видя восстание окончательно подавленным и отдавая себе отчёт в пагубных последствиях, которые может повлечь разрыв отношений для религиозных интересов католиков в России и таковых самого Святого Престола, — Ватикан пытался вернуться к прежнему порядку вещей, вытекающему из терпимых политических отношений.

Такая двойственная тенденция проявилась в первом официальном акте Святого Престола после разрыва — в папской аллокуции от 29 / 17 октября 1866 г. Папа в ней повторил поток своих жалоб относительно так называемых религиозных преследований в Польше и одновременно осудил категорически, но с опозданием революционные происки поляков.

А в ответ на указ 22 / 10 мая 1867 г., которым Духовной коллегии предоставлялось право прямых сношений со Святым Престолом через посредство её председателя, а её юрисдикция была распространена на епархии Царства Польского, папа выступил с очередными нападками в энциклике от 17 октября 1867 г.

За это время дважды состоялся обмен любезностями: по случаю покушения на императора папа через нунция в Париже выразил свои чувства Александру II, а он его поблагодарил; во время пребывания императора в Париже Киджи был принят им в частном порядке.

В качестве основных вопросов, на которых вообще сконцентрировано внимание Ватикана в делах католической Церкви в России, Капнист называл следующие: допуск прямых, неконтролируемых сношений между Ватиканом и римско-католическим духовенством в России; оппозиция санкт-петербургской Духовной коллегии; назначение нескольких епископов на вакантные кафедры, разрешение одному-двум католическим епископам из России приехать в Рим на Собор, что произвело бы особое впечатление на папу, поскольку он был его главной заботой в это время¹.

Воспользоваться сведениями, изложенными в этой записке, князю не пришлось. 6 апреля / 25 марта 1869 г. Капнист телеграммой сообщил Горчакову, что,

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1082. Л. 687–694; Ф. Канцелярия. 1869. Оп. 469. Д. 135. Л. 573–580.

вернувшись от папы, князь сказал, что «нельзя быть более удовлетворённым приёмом Его Святейшества, который не сделал никакого намёка на политику»¹.

Однозначно видевший в Святом Престоле врага, Тютчев, поняв из одной из бесед с Горчаковым осенью 1868 г., что вновь возникли «поползновения к сближению» с римским Двором, был очень ими раздосадован. Он нашёл это «странным, невероятным, невысказанным». Он не мог понять, «отчего в наших правительственных людях, даже лучших из них, такая шаткость, такая податливость, такая невероятная, страшная несостоятельность?». Сам он такую причину видел в том, что все они «очень плохо учили историю, и потому нет ни одного вопроса, который бы они постигли в его историческом значении, с его исторически-непреложным характером. Ни “сделки”, ни “мир”, ни даже “перемирие” с папством невозможны. Папа — и в этом заключается его *raison d'être*² — в отношении к России всегда будет поляком, в отношении к православным христианам на Востоке — всегда будет туркою»³.

Тютчев был прав, что правительственные люди не всегда умеют, да и не стремятся, к сожалению, извлечь уроки из прошлого. Но он слишком увлекался, ведь если с папой невозможны соглашения, мир и перемирие, тогда остаётся только война — в данном случае перманентный разрыв отношений. При наличии миллионов католиков очевидно, что это было чревато серьёзными последствиями, а значит, практически невозможно. Необходимо было считаться с ситуацией конкретного момента, которая настоятельно требовала урегулирования многих непростых вопросов. Естественно, Горчаков не мог ни на минуту забывать об этом, но мог себе позволить Тютчев и обнужить до предела своё видение проблемы в широком плане, с которым, впрочем, трудно согласиться: дипломатия для того и существует, чтобы искать выход даже из положения, казавшегося безвыходным.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1869. Оп. 469. Д. 135. Л. 588.

² Право на существование, смысл существования (*франц.*).

³ Литературное наследство. М., 1935. № 19—21. С. 233.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

I ВАТИКАНСКИЙ (XX ВСЕЛЕНСКИЙ) СОБОР 1869–1870 гг. «РИМСКИЙ ВОПРОС»

Новый серьёзный повод для размышления над перспективами восстановления отношений России со Святым Престолом дал созыв Ватиканского собора в Риме, ставшего XX Вселенским собором. По причине того, что на нём предстояло принятие догмата о непогрешимости папских решений в области веры и нравственности, он привлёк к себе самое пристальное внимание всех правительств. Россия не составляла исключения.

В программе Собора в С.-Петербурге увидели «дерзкий вызов, брошенный иезуитством европейской цивилизации и всем правительствам», а также обратили внимание, что в резкой аллюзии, которой папа его санкционировал, Россия «была присоединена к большей части католических государств враждебностью Ватикана».

Обращаясь непосредственно к епископам, папа выразил надежду в адрес всех правительств, что они не будут создавать препятствий созыву этого собрания. Как и большинство этих правительств, императорское правительство решило предоставить Ватикану свободу действий, отклоняя, однако, административным путём любое противозаконное вмешательство Церкви в гражданские дела. Вместе с тем, «предоставляя другим правительствам позаботиться об оказании морального влияния на папское правительство, чтобы умерить его повадки, мы заняли позицию спокойную и выжидательную перед таким странным поступком Папства, который, посягая на религиозное сознание, мог принести пользу лишь антисоциальным тенденциям, распространённым в Европе»¹.

В беседе с итальянским поверенным в делах Горчаков выразил убеждение, что Собор будет заниматься не только религиозными вопросами, но гораздо больше социальными и политическими, а среди них будет первенствовать вопрос об усилении власти пап вплоть до провозглашения непогрешимости первосвященника во всех вопросах, и даже светских. Он не думал, что к этому акту придут прямым путём, скорее — посредством уловок и тех запутанных мер, таким знатоком которых является римский Двор. Постараются навязать в качестве акта веры принцип, который

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1869. Оп. 475. Л. 31–32.

ущемлял бы права правительственной власти в любом государстве, имеющем подданных католического исповедания, делая их больше подданными желаний и постановлений первосвященника, чем подданными их собственного правительства. Это очень серьёзный вопрос, достойный привлечь внимание правительств не только католических, заметил министр, но и имеющих католических подданных даже в меньшинстве¹.

О настрое Рима в отношении России накануне Собора многое проясняют подготовленные к нему материалы о положении католической Церкви в России и Польше.

В них главное место было отведено такому злободневному вопросу, как Духовная коллегия. Подчёркивалось, что от неё «зависит, некоторым образом, вся жизнедеятельность католицизма в этих странах», что в силу исполняемых ею функций она представляла «подлинный верховный трибунал, от которого зависит не только административная сторона жизни Церкви, но также и юрисдикция». Проистекавшая же от неё «опасность тем более велика, что, хотя отчасти и состоящая из священнослужителей, она полностью зависит от каждодневных манипуляций делами прокурора, а в окончательных решениях от министра исповеданий, которые обычно оба являются схизматиками».

Особо привлекалось внимание к подчинению указом от 22 / 10 мая 1867 г. Царства Польского Коллегии, занимавшейся с учреждения её в 1801 г. делами лишь Империи, а также к значительному расширению её функций. Признавалось, что появление этого указа было следствием разрыва дипломатических отношений и отмены Конкордата 1847 г.

Напоминалось, что хотя в Конкордате прямо не говорилось о Коллегии, существование которой Святой Престол «никогда не хотел признать, однако Конкордат был заключён Святым Престолом при полной осведомлённости о существовании этой Коллегии, и с целью уменьшить опасность от неё, он создал, по необходимости, во многих отношениях подлинную помеху осуществлению её полномочий».

Существуя с 1801 г., Коллегия «никогда не стремилась сама добиться её признания Святым Престолом, ни вступить в сношения с верховным главой Церкви, правительство же всеми возможными способами старалось достичь для этого создания *sui generis*² одобрения Святым Престолом, без того чтобы когда-либо ему удалось бы добиться успеха».

В течение всего этого времени, «когда Святой Престол полагал, что мог спасти польскую Церковь примирительными советами дипломатии, казалось, что он не знал о её существовании, видимость чего воспринималась, как проявление терпимости, если не одобрения». Сами епископы Империи отчасти разделяли такое мнение.

¹ Archivio storico-diplomatico del Ministero degli affari esteri. Fondo. Rappresentanza italiana. Londra. Busta 16.

² Особого рода, своеобразного (лат.).

Святой Престол публично осудил Коллегию только после указа от 22 / 10 мая 1867 г., так расширившего компетенцию, что он её поставил выше верховного главы Церкви.

Вероятно, ввиду пассивной позиции Святого Престола и в силу страха перед гражданским правительством епископы Империи терпели её существование и принимали участие в её работе, хотя всегда стремились на деле уклониться от этого.

Подчёркивалось, что Святой Престол высказался очень решительно против Коллегии и её главы, как в октябрьской аллокуции 1867 г., так и в письме, направленном 8 января, от имени папы, государственным секретарём председателю Коллегии. После этого «никто больше не может участвовать в её работе, не навлекая на себя такое же суровое порицание».

Российское правительство хочет любой ценой сохранить Коллегию и заставить выполнять все её функции, потому что «в силу самого факта существования Коллегии, католическая Церковь в российских владениях полностью теряет свой характер автономного и независимого общества и становится ведомством, служащим политическим видам всемогущего государства»¹.

По существу этот «Краткий исторический обзор религиозного положения в России и Польше, подготовленный для Ватиканского Собора» давал очень трезвую оценку происходивших событий.

Итог «Общих размышлений» о положении римско-католической Церкви в Царстве Польском приводил автора к необходимости, чтобы ей помочь, объявить её в состоянии миссии. Предвидя, что противники такого проекта заявят о невозможности направить миссионеров в государство, управляемое российским правительством, которое не позволит им ни въехать в страну, ни выполнять апостольскую миссию, их автор ссылался на то, что она применялась к странам, где существование религии казалось абсолютно невозможным. «Если миссионеры будут отправлены в Сибирь и на смерть, это будет лишь такая же судьба, как судьба тех, кто едет в Китай или Японию, или ещё дальше. Кровь, говорят они, прольётся, но разве она не льётся теперь, только, в таком случае, она прольётся с пользой, а сегодня она льётся без пользы для Церкви». Другого средства автор не видел².

Тем временем римский Двор через свою нунциатуру в Вене обратился к российскому правительству с просьбой о передаче католическим епископам России и Польши пригласительных билетов на Собор. На это последовало согласие принять их, но с оговоркой, что это не означало разрешения епископам отправиться в Рим.

Прежде чем принять решение по этому вопросу, у Святого Престола запросили гарантий того, что присутствие епископов в Риме не приведёт к враждебным демонстрациям, могущим оказаться пагубными для интересов самой католической Церкви, поскольку неизбежно встреченный ими в Польше отклик вынудил бы

¹ ASV. Fondo. Russia e Polonia. 1869. Posizione 314. Fascicolo 94. Fogli 6–14.

² Ibid. Fogli 93–106.

правительство к репрессивным мерам. «В самых любезных и деликатных формах, мы, — прокомментировал этот шаг Горчаков, — доверили римскому Двору определить гарантии, кои могут быть нам предложены, от обострения предубеждений и нынешней недоброй воли, оказывающей сильное влияние на положение католической Церкви Империи»¹.

Иначе говоря, пояснил министр, Ватикану «стремились дать понять, что охрана прав монарха и защита духовных интересов православной Церкви должны были внушить некоторое чувство меры притязаниям римского духовенства, влияние которого часто вредно сказывалось на преданности католических подданных» российскому монарху. Это значило, что «разделение между деятельностью власти и таковой духовенства должно было быть обозначено с большей, чем в прошлом, определённости». Памятуя о слишком частых намёках Святого Отца на преследования на религиозной почве, предполагалось указать на отсутствие православного храма в Риме, а в качестве доказательства наличия свободы совести в России сослаться на большое число церквей различных исповеданий на центральных улицах её столиц. Имея в виду последнее восстание в Польше, следовало напомнить о том, что в нужный момент не достало пасторского предупреждения беспорядков клерикального полонизма и что приходилось всё ещё ожидать морального удовлетворения. Ведь большинство католического духовенства в Царстве и в Западных областях Империи поддержало политические происки, грозившие целостности Империи².

При этом исходили из прошлого опыта. В первую очередь, из того, что римский Двор никогда не желал обозначить польскому духовенству чёткую демаркационную линию между религиозным долгом и политическими увлечениями.

К тому же этим начинанием, которому постарались придать дружеский и доброжелательный характер, надеялись поставить папское правительство на путь примирительных объяснений, что улучшило бы отношения, предоставив случай путём проявления взаимной доброй воли сгладить следы прошлых разногласий. Таким надеждам не суждено было оправдаться³.

Свои соображения Святой Престол изложил в письме от 4 мая 1869 г. Антонелли, направленном в Вене Фальчинелли, где его копию удалось достать Иксулюю.

15 / 3 мая он писал Горчакову, что оно было наполнено «язвительными и несправедливыми обвинениями», не давало никаких серьёзных гарантий для присутствия епископов в Риме и исключало, по мнению посла, всякую возможность продолжать переговоры. Тем не менее Антонелли уполномочил нунция передать ему циркулярные письма⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1869. Оп. 475. Л. 32, 177.

² Там же. Л. 176–177.

³ Там же. Л. 32–33.

⁴ Там же. Ф. Российское посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 68. Л. 101.

Кардинал резюмировал поставленные российской стороной вопросы в четырёх пунктах: определение границ между обязанностями подданного и католика; свобода совести; суровое порицание восстания и гарантии, необходимые для присутствия католических епископов на Соборе.

Его разъяснения по ним были так проинтерпретированы в отчёте министерства иностранных дел:

По собственному признанию кардинала, религиозные дела у нас часто служили предлогом для недовольства, но, если этот государственный деятель умел оценить в их верном значении польские жалобы, он не находил, однако, никакого средства, чтобы устранить причину зла. Послушать его, правительство Вашего Величества должно было искать такое средство лишь в хорошо известных стремлениях Святого Престола, который никогда не переставал внушать подданным долг отдать Кесарю кесарево, как, с другой стороны, он обращался к власти с требованием позволить верующим отдать Богу то, что принадлежит Богу. Такую демаркационную линию, — замечал министр, — казалось бы, сохранить тем проще, что она установлена была издавна.

Кардинал не признавал наличия в России свободы совести. Перечислив ряд наносящих вред его Церкви актов, Антонелли особо обрушился на запрет переписки между католиками Империи и Святым Престолом.

Что касалось гарантий, в зависимость от которых ставилось присутствие епископов на Соборе, он полагал, что «такие наилучшие гарантии нам были бы предоставлены самим Собором, этим величественным собранием, руководимым Св. Духом, могущим лишь укрепить порядок и мир в мире»¹.

Как писал Капнист 11 мая / 29 апреля 1869 г., Антонелли его информировал о заявлениях, сделанных нунцием в Вене, и о конфиденциальном сообщении российского правительства. При этом с заметным удовлетворением он отметил тот пассаж сообщения, который ещё раз подтверждал, что императорское правительство вовсе не желает смешивать католицизм с полонизмом. Затем он повторил всё то, что папское правительство никогда не преминет сказать, когда его упрекают, что оно не воспользовалось своим влиянием, чтобы остановить польское духовенство на пагубном пути, на который оно вступило. Святой Престол, согласно кардиналу, всегда осуждал революцию, он имел в виду лишь благо религии и не преследовал никакой политической цели, и потому он был обязан протестовать, когда видел, как страдают интересы религии, которые он представляет.

Кардинал допускал, что изложенные во время волнений жалобы Святого Престола могли бы быть интерпретированы в их пользу поляками, которые стремились постоянно создавать себе орудие из религии. Сожалея об этом факте, он отвергал ответственность за это Святого Престола.

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1869. Оп. 475. Л. 178–180.

Капнист постарался избежать бесплодной и устарелой дискуссии по этому поводу, ограничившись замечанием, что эти факты отныне относились к области истории, которая их рассудит, и воспользовался словами депеши Горчакова, что, «тем не менее, религия Господа, предписывая повиновение власти, ещё ожидала морального исправления со стороны нашего католического духовенства».

На донесении император заметил: «Это нас не продвигает ни в чём!»¹

Такие же речи вёл в беседах с Капнистом помощник государственного секретаря Марино Марини. В последней из них (донесение от 16 / 4 мая) он был особенно настойчив, давая запоздалые заверения, что папа был в настоящее время как нельзя лучше расположен к сближению с российским Двором, по поводу чего император заметил на полях: «Он нам этого не доказал до настоящего времени».

В связи с этим утверждением Марини Капнист припомнил, что, действительно, впечатление, произведённое на папу визитом великого князя Владимира и поздравлением, которое император направил по случаю годовщины 11 апреля, было более глубоким, чем он тогда отдавал в этом себе отчёт. Теперь он понимал, что эти любезные поступки действительно оказали большое влияние на впечатлительный ум Пия IX. Поэтому Капнист решил поддержать эту беседу, чтобы выяснить, до какой степени расплывчатые уверения его собеседника могли бы иметь в основе что-то серьёзное.

Убедившись в отсутствии такового, Капнист в ответ на предложение Марини, чтобы он информировал своё правительство о готовности римского Двора к сближению с Россией, пояснил, что ему не подобает говорить от имени Ватикана, что предлагаемые им заявления могли иметь ценность, лишь исходя непосредственно от папского правительства. В ответ на замечание Капниста, что для этого Ватикан мог воспользоваться конфиденциальными сообщениями, недавно сделанными нунцию в Вене, Марини поведал, что посланная нунцию депеша в качестве ответа на это сообщение «содержала заверения в примирительном настрое Святого Престола» (подчёркнуто императором. — О.С.), и предложил показать копию этой депеши.

Относительно подчёркнутых им слов о заверениях в примирительном настрое Святого Престола император заметил: «Если это то, что они называют примирительным, то всякое взаимное понимание остаётся невозможным»².

Обобщая материал донесений Капниста, Горчаков в письме Бергу от 31 / 19 мая 1869 г. приходил к заключению, «что, созывая Собор, папа гораздо меньше имел в виду интересы католической веры, чем приумножение неоправданным способом его личного авторитета». Это же, полагал он,

...может нанести ущерб власти других монархов, так как, если однажды доктрина непогрешимости будет возведена в догму вне Собора и станет обязательной

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1869. Оп. 469. Д. 135. Л. 91, 102.

² Там же. Л. 111–113.

для всех католиков, будет трудно им внушать должное подчинение светской власти во всех случаях, когда Святому Отцу будет угодно перенести на эту почву свои решения. А ведь разграничительная линия, Вы это знаете, никогда не была проведена, и нам известна не одна попытка папского правительства смешивать религиозные интересы с интересами земными¹.

В такой ситуации, как писал Горчаков Бергу 14 / 2 июня 1869 г., было решено: «Мы оставим дела в состоянии статус-кво и сохраним за папским правительством возможность прервать молчание. Если оно это сделает, мы будем действовать в соответствии с адресованными им нам словами. Ни в коем случае наши католические епископы не получат разрешение присутствовать на Соборе»².

Ознакомившись с документами о переговорах с нунцием в Вене и донесениями Капниста, Стакельберг (частное письмо Горчакову от 22 / 10 июня 1869 г.) находил безрезультатными предпринятые демарши. И тем не менее считал, что российской стороне никоим образом не следовало делать первого шага к сближению.

Отдавая отчёт, что из-за нехватки епископов в Империи и Царстве ситуация может стать более трудной, он полагал, что она окажется ещё более нетерпимой в глазах римского Двора, заинтересованного в том, чтобы не оставлять свою паству без пастырей, и он будет вынужден взять на себя инициативу сближения. Он исходил также из следующего соображения: «Никогда ничего не достигают, давая авансы католицизму, а поскольку наши отношения не могут стать хуже, чем они есть сегодня, мы не можем сделать ничего лучше, чем сохранить статус-кво, предоставив Риму заботу изыскать основы модус вивенди». С таким заключением посла были согласны и Горчаков, и Александр II. Первый это выразил замечанием: «Это также моё мнение». Второй к нему присоединился: «И моё мнение тоже»³.

Разделять такое мнение они могли с тем большим основанием, что о настроениях в Ватикане к этому времени судили не только по замечаниям Антонелли. Дело в том, что было перехвачено тайно отправленное из Рима послание папы епископу Станевскому от 10 апреля 1869 г., написанное на этот раз Пием IX лично. Оно было передано неизвестной женщиной портье Коллегии. В нём суровость смешалась «с интонациями сочувствующей и милосердной доброты». Папа с горечью констатировал, что первые внушения остались бесполезными, напоминал об осуждении, которому подверглась Коллегия. А в заключение давал совет:

Устраните советника... который Вас предал... покончите с возмутительными поступками, продемонстрированными перед своим народом, откажитесь от незаконной должности председателя Коллегии. Пусть примеры стольких святых, стольких

¹ АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 2266. Л. 4.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1869. Оп. 469. Д. 125. Л. 404—405.

прославленных епископов, повторенные столькими Вашими достопочтенными Собратьями, Вас образумят и побудят пойти по их славным стопам.

Затем следовал выговор епископу за оказание поддержки установлению, не признанному Святым Престолом, т. е. Духовной коллегии, и суровая критика за то, что он отслужил заупокойную мессу в память скончавшегося наследника российского престола Николая Александровича¹

Александр II решительно отреагировал на этот демарш после того, как была доказана вначале вызывавшая сомнения его подлинность.

Дело в том, что Марини заверил Капниста, что после адресованного в январе 1868 г. письма Станевскому никакого нового демарша не было предпринято в отношении Коллегии. А письмо, переданное портье, датировалось 10 апреля 1869 г. По указанию императора Горчаков направил 27 / 15 мая письмо Капнисту, приложив к нему копию бреве².

Вскоре Капнист телеграммой подтвердил, что бреве папы было действительно подлинным. Сообщая об этом Бергу, Горчаков призывал его (письмо от 7 июня / 25 мая) сопоставить этот факт с данными Марини

...заверениями, со сказанным этому последнему (Капнисту. — О.С.) кардиналом Антонелли и медоточивой манерой папского нунция в Вене и решите, следует ли испытывать малейшее доверие к правдивости и порядочности римского Двора. Все эти любезности, сопровождаемые тайными проделками в противоположном смысле, как кажется, имели целью лишь добиться посылки наших католических епископов на Собор. Я продолжаю думать, что мы правильно сделали, не попав в эту западню. Впрочем, несомненно, не желая того, Курия позаботилась сама открыть нам глаза в надлежащее время³.

После этого, как полагали в С.-Петербурге, уже окончательно ничего не оставалось, как вернуть Ватикану направленные епископам приглашения. Император приказал также придать гласности всю переписку со Святым Престолом, включая и это послание папы, «чтобы предоставить возможность общественному мнению в России и Европе оценить умеренность нашего шага и необузданность такового Святого Престола».

Затем было решено отсрочить эту публикацию по ряду соображений. Сначала, исходя из сложившейся ситуации, когда римский Двор обрушился на все правительства, даже католические, было сочтено «более уместным позволить развернуться этой борьбе, не рискуя объединить наших противников, разделяющих общее враждебное чувство в отношении нас».

¹ Цит. по: Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 337.

² АВПРИ. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 2266. Л. 5–6.

³ Там же. Л. 2.

Позднее её приостановили с целью подождать результатов предупреждения Святому Престолу, которое было предписано сделать Капнисту. Однако из его донесений стало очевидно, что угроза публикации была далека от того, чтобы остановить Святой Престол, не привыкший отступать перед скандалами. Напротив, эта публикация, как предполагал Капнист, могла бы лишь ускорить принятие проектируемых против Станевского суровых мер, вплоть до отлучения от Церкви. А это, в свою очередь, ещё больше осложнило бы отношения с Ватиканом. Ставился также вопрос об объявлении России и Польши в положении миссии, что служило высшим проявлением папской враждебности¹.

Некоторое время спустя после получения епископом письма папы профессор Духовной академии Сымон имел продолжительную беседу со Станевским, желая выяснить, что он думал по поводу этого письма и каковы были его намерения. Станевский не внял его совету повиноваться Святому Престолу. В письме папе от 11 июня 1869 г. Сымон привёл такие слова, в которых хорошо отражался его настрой: «здесь у себя дома жизнь мне в тягость, какой она стала бы в ссылке?».

Тщетно луцко-житомирский епископ Боровский (письмо Пию IX от 31 июля 1869 г.) не давал ему покоя своими упрёками. В ответ на них Станевский ему сказал, что он должен назначить своего делегата, а иначе его ждёт судьба сосланного варшавского архиепископа Викентия Попеля. Он говорил также о намерении лично отправиться в Рим, а если у него не будет сил, направить туда другого епископа, чтобы попытаться всё устроить².

Естественно, что Станевский не мог не отреагировать на письмо папы.

Выступая на заседании католического Комитета 9 июня / 28 мая 1872 г., министр внутренних дел Тимашев (епископ умер в 1871 г. в возрасте 80 лет) заметил: «...для самого надёжного из католических епископов (Станевского. — О.С.) было достаточно одной доставленной ему какой-то женщиной бумаги от папы, чтобы совершенно его парализовать. И с тех пор он постоянно желал сказываться больным и не хотел заседать в Коллегии»³.

Тем не менее Коллегия продолжала свою работу. На епископов явно подействовал печальный пример Попеля, отправленного в ссылку в Пермь после того, как он послал, а затем отозвал своего делегата епископа сейенской епархии Любинского. По дороге в ссылку он умер в июне 1869 г. в возрасте 44 лет и после шести лет своего епископства.

Правда, Боровский, луцко-житомирский епископ, и самогитский епископ Волончевский воздержались от возобновления полномочий своих делегатов. Епископы Царства направили своих представителей в первый раз, а из Империи места

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1869. Оп. 475. Л. 33–35; Ф. Канцелярия. 1869. Оп. 469. Д. 41. Л. 129–130.

² Цит. по: Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 338.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1872. Оп. 470. Д. 23. Л. 220.

сохранили 11 заседателей, почти все добровольно, но некоторые силой, как, например, из сейенской епархии. Заседания проводились регулярно. Председательствовал Станевский¹.

Оказавшись перед дилеммой, что лучше — открытая, объявленная борьба с несговорчивой властью или сомнительные отношения, допускающие любые правонарушения и которые ни примирению, ни репрессиям не удалось поставить на удовлетворительный путь, в С.-Петербурге было решено выждать. Учитывая присущую обычно папскому правительству медлительность, сочли за лучшее посмотреть, какими будут его новые акты, действуя затем в зависимости от их характера². Тем более что нельзя было исключить обсуждения на Соборе вопроса о положении католической Церкви в Польше, что вынудило бы правительство занять более решительную позицию в отношении Святого Престола³.

В С.-Петербурге сожалели, что отсутствие епископов России и Польши на торжестве, на которое стекались католические священники со всего мира, ставило Россию в изоляцию, которая будет плохо проинтерпретирована, но полагали, что ввиду намерений римского Двора их присутствие могло повлечь за собой серьёзную опасность, не принеся никакой пользы.

Из этих двух зол мы выбрали меньшее. Это, к сожалению, единственная альтернатива, которую, во всяком случае, нам предоставили резкие шаги папского правительства. Впрочем, — отмечалось в отчёте министерства иностранных дел, — мы сегодня оказались не одни в борьбе с его нападка. Большинство государств, даже католических, их разделяют с нами⁴.

Тем временем в отношениях России со Святым Престолом появился вопрос, решение которого затянется на десятилетия. Дело в том, что в конце 60-х гг. в высших правительственных сферах была поддержана возникающая среди деятелей в Вильно идея вместо обращения католического населения в православие постараться разъединить католицизм с полонизмом путём введения в нелитургическое, дополнительное, богослужение католиков русской народности вместо польского языка русский. Генерал-губернатор Северо-Западного края А.Л. Потапов, а затем и Юго-Западного края А.М. Дондуков-Корсаков уверяли, что в конкретных условиях этих краёв было целесообразно отменить запрещение 1848 г., чтобы «этим способом разъединить вопрос религиозный и национальный и убедить католическое население нашей западной окраины, что можно быть русским, оставаясь католиком»⁵.

¹ Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 335.

² АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1869. Оп. 475. Л. 35—36.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 182.

⁵ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 44. Л. 50; Д. 71. Л. 72.

Следует напомнить, что такой запрет был введён при Николае I после того, как Перовский сообщил ему 29 / 9 июля 1848 г. о полученном известии от председателя Духовной коллегии Дмоховского о том, что настоятель царскосельской латинской церкви доминиканин отец Богуслав Онихимовский начал проповедовать в праздничные дни на русском языке. Учитывая, что до этого времени в России лишь священнослужителям православной Церкви разрешалось проповедовать по-русски и что «подобное посягательство» его «на права духовенства господствующей Церкви может иметь вредные последствия», министр испросил повеления императора по этому случаю. Оно было собственноручно начертано Николаем I и гласило: «...по-русски запретить; может говорить проповеди на всех иностранных языках»¹. «Это запрещение проповеди по-русски было понято в своё время, как общее воспрещение, наложенное на русский язык в богослужении иноверцев», — прокомментирует это событие в марте 1896 г. тогдашний министр внутренних дел И.Л. Горемыкин. Он же привлечёт внимание Николая II к тому факту, что в 1853 г., «по мысли наследника цесаревича Александра Николаевича, в бытность его главным начальником военно-учебных заведений, преподавание Закона Божия кадетам римско-католического исповедания было установлено, вместо польского языка, на русском, на котором по Высочайшему повелению был тогда же составлен католический катехизис»².

6 января 1870 г. / 25 декабря 1869 г. последовал указ об отмене запрета на употребление русского языка в дополнительном богослужении иностранных исповеданий. Его появление явилось результатом завершения работы специально созванного для этого Александром II особого Комитета под председательством Гагарина.

В него вошли: министр внутренних дел Тимашев, начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии П.А. Шувалов, главный управляющий Второго отделения той же канцелярии С.Н. Урусов, обер-прокурор Святейшего Синода Толстой, генерал-губернаторы Северо-Западного и Юго-Западного края Потапов и Дондуков-Корсаков, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Сиверс.

В основу обсуждения на заседании 28 / 16 декабря 1869 г. был положен материал всеподданнейшего доклада Тимашева от 3 декабря / 21 ноября 1869 г.

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 23. Л. 30.

² Там же. Д. 71. Л. 72. По сведениям, приведённым в докладе на 780-й сессии конгрегации Чрезвычайных духовных дел (август 1896 г.), катехизис был переведён на русский язык проживавшим в С.-Петербурге доминиканином, затем ставшим ректором Духовной академии, отцом Стасевичем сразу после революции 1830 г. для молодых поляков военной школы Империи и был одобрен моголёвским архиепископом Головинским (ASV. Fondo Sessioni. Sessione 780. Anno 1896).

Из него следовало, что в последнее десятилетие взгляд министерства в отношении употребления русского языка в иностранном исповедании совершенно изменился. «Поставив себе задачей разобщение религиозного католического элемента от национального польского, оно, прежде всего, обратило внимание на необходимость ввести в римско-католическое духовенство, кроме поляков, лиц немецкого происхождения и языка, не считая себя ещё вправе открыть римско-католические костёлы для русского языка». Поэтому оно воспользовалось саратовской семинарией для подготовки для российских немецких колоний католического духовенства немецкого происхождения, пригласив для этого священников из Баварии. Позднее, с 1865 г., в министерстве к стремлению разобщения этих двух элементов присоединилось убеждение в необходимости обрусения Западного края. В связи с этим сочли полезным распространить преподавание Закона Божия римско-католического исповедания на русском языке на все вообще учебные заведения края, а для осуществления этого министерство запросило разрешение напечатать пространный, а затем краткий римско-католический катехизис на русском языке.

Обе эти меры — преподавание и катехизис на русском языке — вызвали особое сопротивление со стороны Боровского, но некоторые ксёндзы (в основном законоучители), особенно в Северо-Западном крае, начали совершать молебствия и поучения на русском языке¹.

При рассмотрении вопроса об отмене существовавшего запрета употреблять русский язык в религиозных делах иностранных исповеданий члены Комитета исходили из того, что его отмена «имела целью устранить вред, проистекающий от отождествления какой-либо иноверческой религии с какой-либо определённой национальностью, вред, проявившийся столь положительно в Западном крае». По существу, надо было решить, что для государства было полезнее: запрет употребления русского языка в делах иностранных исповеданий или его отмена.

За отмену высказался Толстой. Осознавая негативные последствия такого решения, он был убеждён, что польза от него превзойдёт их.

Хотя допущение употребления русского языка в иноверческих церквях и есть меч обоюдоострый, но... польза, которую можно и должно ожидать для государства от разъединения вопросов религиозного и национального, так велика, что не следует останавливаться перед опасениями, будто такое разрешение послужит средством к иноверческой, а в особенности римско-католической пропаганде.

Такие опасения ему представлялись «в сравнении с тою пользою ничтожными». Мотивируя свою позицию, он также признавал недостатки существовавшего порядка устранения иноверческих исповеданий от употребления в делах религии языка русского. Ибо этот порядок «повёл к тому, что в Западном крае сделаться

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 44. Л. 53–56.

русским значит то же, что переменить свою веру». Между тем как было «желательно, чтобы напротив того, вошло в сознание тамошнего населения, что можно быть католиком и вместе с тем русским».

Разделяя такие соображения, Комитет единогласно признал полезным отметить высочайшее повеление 1848 г. о запрете употреблять русский язык для проповедей в иноверческих церквях и вообще ограничения в праве пользоваться русским языком в делах религии иностранных исповеданий, а именно, в обучении Закону Божию, преподавании треб и богослужении. При этом, однако, введение его не делалось обязательным для иностранных исповеданий.

Поскольку литургическим языком римско-католической Церкви был латинский, Комитет специально оговорил, что разрешение употребления русского языка для этого исповедания относилось только к дополнительному богослужению или к тем его частям, для которых вместо латинского языка уже употребляются другие языки и наречия, как польский, немецкий, французский, латышский и т. п. Преподавание в Западном крае римским католикам Закона Божия вместо польского на русском языке и треб нижним воинским чинам, уже сделанное обязательным императорскими предписаниями, Комитет сохранил в силе.

Памятуя, что запрещение 1848 г. было объявлено в административном порядке, предлагалось ограничиться таковым и в настоящем случае. О разрешении в принципе допущения употребления русского языка в делах религии иностранных исповеданий следовало сообщить в административном порядке и предоставить администрации дальнейшее развитие и применение такого начала в соответствии с действительными потребностями населения в различных частях государства и местными условиями.

Особо внимание Комитета привлёк вопрос о необходимости изменения прежнего порядка цензуры книг духовного содержания, ибо нельзя было требовать от православной духовной цензуры одобрения книг о догматах и учениях, несообразных с православными, и недопустимо было при цензурировании русских книг для иноверческих исповеданий переделывать их на православные. Поэтому министерству внутренних дел по согласованию с обер-прокурором Святейшего Синода Комитет поручал решить вопрос об издании на русском языке духовных книг иностранных исповеданий¹.

¹ РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 44. Л. 61–65; АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 825. Л. 139–143; Д. 1134. Л. 130–134. Сведения же о составе и о ходе работы этого Комитета, приведённые Буду, не соответствовали действительности. Ведь он утверждал, что председателем её был великий князь Константин и в её работе принимал участие Горчаков.

Сначала большинство хотело, казалось, дойти до крайностей и немедленно предписать употребление русского языка в католической Церкви. К нему принадлежал великий князь, несколько министров, и среди них министр просвещения и прокурор Дм. Толстой.

В отношении порядка объявления указа Департамент духовных дел иностранных исповеданий подготовил 31 / 19 января 1870 г. специальный документ, одобренный императором. В нём исходили из того, что о запрете произносить на русском языке проповеди, последовавшем в 1848 г. по поводу произнесения на нём римско-католическим священником поучения в царскосельской церкви, было объявлено тогда только римско-католической Духовной коллегии для исполнения по её ведомству. Духовным ведомствам других исповеданий о таком запрете сообщено не было, и в законе не содержалось прямых запретительных постановлений, но сам принцип запрещения употребления русского языка в иноверных исповеданиях был выражен во всеподданнейшем докладе министра внутренних дел. Учитывая это, Департамент находил, что указ должен быть объявлен лишь по римско-католическому ведомству, т. е. Духовной коллегией. Она должна сообщить о разрешении употреблять русский язык или о снятии запрета на его употребление, но только в дополнительном богослужении или в тех его частях, в которых уже употребляются другие языки и наречия, как польский, немецкий, латышский. При этом следовало сделать оговорку о том, что латинский язык оставался литургическим языком.

Департамент призывал особо позаботиться, чтобы эта мера применялась только там, где это совпадало с потребностями населения и с видами правительства. Посему «исполнение её не должно быть предоставлено произволу римско-католического духовенства, а поставлено под надзор главного местного гражданского начальства и министерства внутренних дел». А чтобы она не носила принудительного характера и не служила поводом для справедливых нареканий и противодействия со стороны римско-католического духовного начальства, сочли необходимым, чтобы инициатива употребления русского языка исходила либо от духовенства, либо

Другие предлагали теоретически оставить временную свободу и удовлетворялись употреблением русского языка в дополнительном богослужении. Горчаков встал на эту сторону, и, наконец, это умеренное мнение победило, —

так он писал о ходе обсуждения этого вопроса на заседании Комитета (*Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 363*).

Скорее всего, Буду был введён в заблуждение сведениями, присланными Святому Престолу каким-нибудь осведомителем, которые приводятся им без ссылки на источник. Любопытно, что с такими же погрешностями сведения об этом заседании приводятся в записке, составленной в 1873 г., но даётся иная интерпретация хода заседания. При этом и во втором случае в тех же выражениях говорится о роли Горчакова в принятии Комитетом довольно умеренного решения (*ASV. Fondo. Russia e Polonia. 1873. Posizione 323. Fascicolo 97*).

К приведённым им сведениям о работе Комитета Буду затем явно присовокупил решения Комитета, изложенные в пяти пунктах, ссылаясь на сообщение Капниста, имевшееся в материалах архива Ватикана, а посему складывается впечатление, что и сведения о ходе заседания Комитета были почерпнуты из записки дипломата, но это не соответствовало действительности.

от прихожан. Поскольку не приходилось надеяться, что римско-католическое духовенство повсеместно, без постороннего побуждения согласится осуществлять эту меру, сочли целесообразным там, где употребление русского языка окажется в силу потребности местного населения особенно желательным, как, например, в Западном крае, чтобы местное начальство вызывало такую инициативу со стороны духовенства или прихожан. Для этого, объявляя прихожанам-католикам и протестантам об указе, разрешавшем произносить в костёлах проповеди и совершать дополнительное богослужение на русском языке, оно ставило бы их в известность, что в случае желанья большинства среди них слушать на этом языке молитвы и проповеди они могут ходатайствовать об этом через местные гражданские власти.

Для облегчения введения русского языка в употребление у иноверцев Департамент предполагал следить за его преподаванием тем, кто готовился стать священником, и требовать от них надлежащего знания его.

Вопрос о цензуре издаваемых на русском языке духовных книг иностранных исповеданий Комитет считал необходимым обсудить с обер-прокурором Синода¹.

12 февраля / 31 января 1870 г. Духовная коллегия была оповещена об этом одобренном императором документе. 2 марта / 18 февраля она поспешила сообщить епархиальным властям о решении императора и инструкции министра. Вскоре Станевский в качестве могилёвского администратора направил верующим пасторское послание «о новом свидетельстве отцовской любви» императора к подданным всех исповеданий. Решительно воспротивился указу Боровский. Ему дали время одуматься до 13 августа, после чего он был сослан в Пермь. Не помогла его хорошая репутация².

Об этом указе Капнист узнал из газет. Понимая, сколь полезной для проведения его в жизнь была бы поддержка этой меры Святым Престолом, он попытался прозондировать почву в этом отношении. В первых числах января он спросил

¹ АВПРИ. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 825. Л. 131–136.

² О нём в марте 1862 г. Валуев писал: этот «старейший из всех епископов Империи известен глубокими познаниями в богословских науках, безукоризненную жизнь и искреннюю набожность». И хотя он пользовался

...особым расположением папы и хорошим мнением в Риме за преданность свою Церкви, нельзя, однако, назвать его фанатиком и нет повода сомневаться в его преданности нашему правительству, чему могут служить подтверждением действия его при последних событиях в Западном крае; ибо при общем брожении умов он употреблял все усилия к удержанию вверенной ему паствы в пределах законности, чем навлек даже на себя нерасположение помещиков своего края (РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 11. Д. 37. Л. 28).

А ещё раньше, в 1846 г., столь же лестно отзывался о нём Перовский: «Характера кроткого, ума правильного, не фанатик, предан правительству и имеет большие богословские познания» (Там же. Д. 21. Л. 84).

Марини, существуют ли канонические препятствия употреблению русского языка в католическом богослужении, разумеется, в той же мере, что употребляются другие современные языки, и особенно польский; а если нет канонического противодействия, какое значение могут иметь возражения духовенства против такой меры правительства?

Не помогла преднамеренная, совершенно осознанная постановка вопроса таким образом, чтобы лишить собеседника возможности ответить в противоположность точки зрения императорского правительства. Марини уклонился от категорического ответа, сославшись на то, что вопрос следует предварительно изучить, учитывая связанные с ним особые обстоятельства. Правда, он не отрицал, вообще говоря, что употребление русского языка в той же мере, что другие языки, не может иметь ничего антиканонического.

После этого Капнист передал Марини эти вопросы в письменной форме с просьбой ответить на них после изучения вопроса. Он долго не напоминал о своей просьбе и только после получения письма по этому поводу Горчакова от 7 марта / 23 февраля поинтересовался судьбой своей записки. Последовал уклончивый ответ: теоретически нет никакого препятствия употреблению русского языка, но Святой Престол не мог одобрить эту меру, принимая во внимание практические обстоятельства её принятия, что следовало выяснить, в какой степени русский язык был повсеместно языком населения областей, о которых шла речь, для чего требовались свидетельства и содействие епископата; надо было знать, достаточно ли само духовенство знает русский язык, чтобы согласиться с намерением правительства, наконец, нужно было вынести суждение о качестве перевода на русский язык церковных книг. Дать письменный ответ Марини отказался, но в весьма расплывчатой форме добавил, что ему представлялось неуместным заниматься этим в данное время, поскольку вопрос уже решён и правительство уже проводит эту меру в жизнь, не нуждаясь в сотрудничестве Святого Престола.

Позднее Капнист узнал, что Марини передал этот вопрос на рассмотрение иезуитов, о чём ему стало известно от соотечественника — отца И.М. Мартынова. Учитывая это обстоятельство, было ясно, что нельзя было рассчитывать на поддержку Святого Престола.

Капнист находил и сам момент неудачно выбранным для результативного воздействия на расположение Святого Престола: с одной стороны, тревоги, порождённые Собором, достигли такой силы, которая «исключает возможность скоро добиться чего бы то ни было до быстро приближающегося кризиса». К тому же обычная медлительность Курии стала бы в таких обстоятельствах неодолимым препятствием. С другой стороны, после того, как Собор поставил всё под вопрос, почва в Риме стала довольно зыбкой, чтобы послужить основой какого-либо соглашения. Хорватский епископ, возглавивший на Соборе оппозицию, И.Ю. Строссмейер, получивший письмо Сиверса по этому поводу, разделял мнение Капниста.

Было бы иллюзией рассчитывать на то, что Ватикан спонтанно и особенно даром (подчёркнуто в тексте. — О.С.) предложил свою помощь для проведения в жизнь меры, от которой, по его мнению, выиграют только интересы императорского правительства. Сегодня ситуация такова и недоверие — подлинное или ложное — Курии столь велико, что можно добиться чего бы то ни было лишь, так сказать, в качестве услуги за услугу. Благоприятная видам императорского правительства акция Святого Престола стала бы знаком, предвещающим сближение, которое Ватикан надеется осуществить между ним и санкт-петербургским кабинетом. Надежда на такое сближение часто бывает выражена в речах ватиканских деятелей, но, как только они кончают общие рассуждения, она идентифицируется с идеей более или менее химерического проекта нунциатуры в С.-Петербурге, —

писал Капнист в донесении от 1 июня / 20 мая 1870 г., ссылаясь на то, что ему неоднократно говорил Антонелли.

Участие Святого Престола в решении вопроса о языке, полагал Капнист, могло проявиться в трёх формах. Это могло быть решение папского духовного суда. Но необходимость для этого запроса со стороны одного или нескольких епископов из России делала его нереальным, ибо не приходилось рассчитывать на подобную действенную поддержку с их стороны. Сотрудничество Ватикана могло проявиться в одобрении переводов на русский язык катехизиса и молитвенников. Но поскольку в это время готовилась публикация единообразного катехизиса, трудно было рассчитывать на открытое одобрение частного катехизиса. Лучшее всего сложившейся ситуации отвечал бы спонтанный акт папы в форме декрета, публичной или секретной энциклики главам латинских епархий Западных областей Империи, но для этого нужно было изыскать средства очень расположить римский Двор и дать ему понять выгоды, которые он сможет из этого извлечь.

Относя возможность начать действовать ко времени, когда разрешится спровоцированный Собором кризис, прояснятся его принципиальные последствия, а также изменения, которые последуют в силу этого в позиции правительств и части католичества, Капнист рассчитывал, что это произойдёт к октябрю. Пока же он стремился добиться от Святого Престола заверений в поддержке введения русского языка и привёл в действие все средства, коими располагал, чтобы доказать пользу спонтанного демарша с его стороны для латинской церкви в России и для самого Святого Престола. Он видел два пути действий для достижения этой цели. Приступить к рассмотрению этого вопроса с Антонелли, стараясь спровоцировать его на заявление, что употребление русского языка не имеет ничего антиканонического и Святой Престол в принципе не видит этому препятствий. Такое, даже устное заявление послужило бы основой будущих переговоров. Второй путь — это постараться оказать влияние на настроения папы прямо через его доверенных лиц, как, например, Франки, или косвенно через подчинённых лиц, принадлежащих к иезуитам. Последний путь был особенно полезен, чтобы осведомиться о том, чего можно ожидать от Пия IX и о средствах, чтобы воздействовать на его впечатлительный ум.

По прочтении этой депеши Александр II так сформулировал своё мнение: «Мы можем иметь в виду предложенный Капнистом план, но в данный момент ничего нельзя сделать»¹.

В соответствии со своим планом в беседе с Антонелли 11 июня / 30 мая Капнист постарался разъяснить подлинное значение принятых правительством мер, их практический смысл, заключающийся в стремлении отделить дело полонизма от религиозных интересов, мотивы, побуждавшие часть духовенства им противиться. Он показал выгоду и пользу для интересов католической Церкви от сотрудничества Святого Престола в достижении предложенной правительством цели и от его помощи в том, чтобы избежать трений, последствия которых могли отразиться на этих интересах. Наконец, он заметил, что Курии следовало серьёзно изучить вопрос и способствовать его решению.

Кардинал, со своей стороны, выразил недоумение по поводу того, почему нужно изменять существовавшее положение вещей, и пояснил, что Святой Престол в принципе был против любых изменений такого рода, а при нынешних обстоятельствах он опасается вступить на путь, который мог оказаться пагубным для католической Церкви. Он не скрыл, что поступавшие по этому поводу сведения внушали недоверие, ибо из них следовало, что конечной целью правительства была религиозная пропаганда, чтобы постепенно совратить католиков от их религии². Введение русского языка послужило бы первым шагом на этом пути, памятуя, особенно, о присоединении униатов к русской Церкви.

Доказывая несостоятельность этих инсинуаций польской партии, Капнист привёл следующие факты, долженствовавшие, по его мнению, развеять эти ложные утверждения. Он напомнил, что запрет на употребление русского языка в католическом богослужении относится ко времени, когда правительство сочло нужным поставить границы латинской пропаганде среди униатов. Теперь же оно действует в силу другого принципа и в иных обстоятельствах. Первостепенный интерес России состоит в искоренении полонизации её Западных областей. Правительство будет следовать по этому пути, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Оно хотело бы только отделить вопрос религии от дела полонизма, чтобы меры, которые ударят по этому последнему, не нанесли никакого вреда католической

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 85–99.

² Обоснованность такого утверждения кардинала подтверждает, в частности, письмо Пию IX от 5 апреля 1869 г. Боровского. В нём он предостерегал Святой Престол в отношении нового предприятия правительства — этот вопрос, могущий казаться безразличным, на деле представлял угрозу исповеданию и самой вере. Желание отделить польский национализм от католицизма ради спокойствия и мира в Империи епископ считал ложным. «Если петербургская Коллегия — это сеть, предназначенная затянуть всех католиков России и Польши в схизму, и меч, рассекающий религиозную общность со Святым Престолом, то русский язык, который стремятся ввести в Церковь, является ядом, который должен убить рыб», — писал он (*Boudou A. Op. cit. Vol. II. P. 347, 376*).

религии, исповедуемой частью населения этих областей. Таковы, утверждал Капнист, были побудительные мотивы принятых правительством мер, а Святой Престол должен сам судить, соответствовали ли эти меры так называемой политике религиозной пропаганды.

Кардинал нашёл всё это неубедительным для Святого Престола, который не мог действовать на основании простых утверждений. Он нуждался в свидетельствах епископов и, кроме того, должен был знать, до какой степени духовенство в состоянии сообразовываться с этими мерами.

Капнист заверил, что вовсе не претендовал на немедленное решение Святого Престола, просто выполнил свой долг его просветить и доказать необходимость серьёзно принять вопрос во внимание, рассматривая в его подлинном свете. Он также заметил, что, обращаясь только к свидетельствам епископата и духовенства, не следовало терять из вида, что это делало их судьями и свидетелями в своём собственном деле. Аномалия же, которую следует устранить, состоит именно в том, что духовенство в основном польское в стране, где огромное большинство населения русское, и это духовенство использует религию в качестве политического орудия для колонизации населения. После этого он передал записку по этому поводу, составленную в министерстве внутренних дел.

Антонелли обещал ознакомиться с ней, но сказал, что будет очень трудно достичь результата в этом деле. Это означало категорический отказ для тех, кто знал свойственные ему обороты речи. Памятуя, тем не менее, что от Курии можно добиться чего бы то ни было лишь благодаря упорству и твёрдости, Капнист, вернувшись от кардинала, составил короткую записку с опровержением его главных возражений и передал ему.

Упреждая упрёк, что он поднял вопрос, который мог пройти незамеченным Курией, Капнист писал в донесении от 12 июня / 31 мая, что он был уже давно поставлен перед ней польской партией. Полученные же им данные облегчат возможность судить о настроениях Курии¹.

Во время новой беседы после того, как он ознакомился с полученными записками, Антонелли ограничился повторением того, что при нынешнем положении дел Святой Престол не мог ничего сделать в вопросе, о котором шла речь. Невозможность добиться никакого результата доказали и беседы Капниста с Марини и другими прелатами.

На донесении Капниста от 1 июля / 19 июня, подводившем столь неутешительный итог его усилий, Александр II писал: «Я именно это предвидел»².

Между тем Сиверс получил доклад учёного А. Пишлера, направленного в Рим министерством внутренних дел в связи с происходившим Вселенским Собором.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 130–137.

² Там же. Л. 166–167.

По поводу поднятых в нём проблем Капнист, по прочтении его, в донесении от 1 февраля / 20 января 1870 г. поделился некоторыми своими соображениями.

Пишлер предлагал воспользоваться разразившимся на Соборе конфликтом, чтобы получить поддержку интересов и видов императорского правительства антиультрамонтанской оппозиции епископата или, по крайней мере, его части. Борьба против абсолютизма Святого Престола, ведшаяся самими членами епископата, по его мнению, представляла благоприятный случай в двух отношениях. С одной стороны, чтобы переложить всю ответственность на Ватикан за встречавшиеся императорским правительством сложности по части латинской Церкви. С другой стороны, чтобы использовать эту оппозицию в качестве противовеса попыткам, которые, возможно, предпримут поляки, чтобы побудить Собор действовать против России.

Пишлер встретил в Риме благожелательный приём со стороны части епископов, и особенно Строссмейера. Капнист отмечал влиятельное положение, занимаемое последним на Соборе, его влияние в своей партии, энергию, с которой он борется с абсолютистским вмешательством Курии, его ораторский талант, его независимый характер, его антипольские настроения и публично засвидетельствованные симпатии к русской нации. В беседе с Пишлером епископ спонтанно предложил свои посреднические услуги по переговорам со Святым Престолом.

Капнист полагал, что Горчаков высоко оценит это начинание, ибо сам факт взаимопонимания с одним из главных вожakov и самым ярким оратором на Соборе имел двойное значение. Он мог послужить точкой опоры для императорского правительства в его позиции перед Святым Престолом и устрашением для него в случае переговоров с ним. Он был, бесспорно, полезен и на случай, если Собор приведёт к расколу в латинском епископате и предоставит возможность заложить фундамент национальных Церквей, независимых от Рима. В любом случае, сотрудничество с ним было полезно в поиске отвечающих видам правительства священников в качестве кандидатов на вакантные епископские кафедры.

Признавая вместе с Пишлером выгоды, могущие проистекать от установления отношений с Строссмейером, Капнист высказал несколько замечаний, что касалось точки зрения своего учёного соотечественника, несведущего в практике и деталях дипломатических переговоров. Дипломат обращал внимание на то, что использованию хорватского епископа в качестве посредника римский Двор будет чинить многочисленные серьёзные помехи. К тому же пойти на это значило бы присвоить ему роль посредника и в то же время придать характер третьей стороны, что несовместимо в одном и том же лице — по крайней мере, вначале, до того, как он дал бы серьёзные гарантии полного соответствия его взглядов взглядам императорского правительства.

«Очень справедливо», — оценил Александр II это соображение Капниста.

Но самым важным аргументом против его использования было само положение епископа, слишком скомпрометированного в Риме, чтобы рассчитывать в Ватикане

на кредит доверия, необходимого для посредника. Заключение Капниста по этому поводу было следующим:

Воспользоваться влиянием монсеньора Строссмейера на общественное мнение его враждебной позицией, его осведомлённостью и его отношениями с либеральным католическим духовенством — не пользуясь, однако, им в качестве прямого инструмента для переговоров со Святым Престолом — такова линия поведения, представляющаяся мне наиболее отвечающей интересам императорского правительства и нынешним обстоятельствам.

Монарх выразил согласие с мнением дипломата своим «да».

В случае если со стороны епископа последует просьба ознакомить его с точкой зрения и условиями императорского правительства, Капнист предлагал не излагать свои, а спросить о них у него. На данной стадии, полагал он, достаточно было бы сообщённого затем хорватскому епископу письма Сиверса Пишлеру, с разъяснением, что правительство не враждебно в принципе католицизму, а выступает против незаконного вмешательства Курии. Затем в нём должна бы излагаться просьба к епископу, чтобы он сформулировал основы соглашения, согласно тому, что ему кажется справедливым и соответствующим интересам католицизма, а также достоинству и интересам всякого предусмотрительного правительства. Если его требования покажутся приемлемыми, можно было перейти к переговорам о выборе возможных кандидатов на вакантные кафедры. Тем временем работа Собора продвигается вперёд и в зависимости от поворота дел можно будет принять окончательное решение. Александр II своим новым «да» разделил точку зрения дипломата.

Капнист просил указаний, которые позволили бы ему определиться с линией поведения как с членами Курии, так и с оппозиционными епископами. Ввиду отсутствия таковых он не имел прямого контакта с Строссмейером, а на инсинуации Марини изложить в качестве личного мнения основы ведения переговоров он неизменно отвечал, что после депеши Антонелли от 4 мая 1869 г. первый шаг должен сделать Святой Престол и взять на себя инициативу предложений. Конкретно Капнист хотел знать, желательно ли, чтобы Святой Престол принял на себя инициативу начала переговоров; входит ли в виды правительства заполнение вакантных кафедр путём соглашения со Святым Престолом, если Курия согласится на предложенных кандидатов? Император ответил положительно на оба вопроса. На первый — «почему нет»; на второй — «да»¹.

Всего через три дня после написания этого донесения Капнист должен был признать, что вопрос о положении католической Церкви в Польше может быть поставлен на Соборе ранее его ожиданий. Ему стало известно, что это намерен был сделать бывший администратор люблинской епархии прелат Сосновский, ссылаясь на обращённую к нему просьбу польских священников. Полагая, что речь шла о тех

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 126. Л. 112–123.

из них, что эмигрировали в Германию, Францию, Италию, Капнист не исключал, что он действовал с согласия Ватикана, а возможно, и по его наущению. А посему это новое обстоятельство должно было усилить интерес к предрасположенности Строссмейера. В этом его убедило сообщение епископа Пишлеру о посещении его Сосновским, добивавшимся поддержки своего демарша. Строссмейер его отговаривал от этого шага.

Капнист в донесении от 4 февраля / 23 января 1870 г. полагал, что, возможно, было бы полезно снабдить Строссмейера материалами для ответа на речь Сосновского, ознакомив его с перепиской с Веной во время переговоров о приезде епископов из России на Собор. Ведь письмо Антонелли от 4 мая 1869 г., полагал он, могло бы дать красноречивому оратору обширный материал для критики притязаний и манеры действовать Ватикана.

Александр II своим «да» выразил на это согласие¹, что и будет сделано².

При личном знакомстве с Капнистом Строссмейер подтвердил замышляемую на Соборе демонстрацию против России и поделился опасениями, как бы в этом случае французские епископы, даже из оппозиции, не поддались тому, чтобы присоединиться к итальянскому епископату и к ультрамонтанам. Он обещал приложить все усилия, чтобы ей помешать, а если это не удастся, то он намерен был взять слово, чтобы ответить Сосновскому и склонить Собор не поднимать вопрос, не относившийся к его прямой компетенции. Он посоветует оставить его решение Святому Престолу. Капнист был удовлетворён услышанным, ибо «сам факт, что глава и самый выдающийся оратор оппозиции возьмёт слово, чтобы отразить полонофильскую демонстрацию, будет уже преимуществом, которому удастся воздействовать на общественное мнение»³.

Довольно скоро (донесение Капниста от 13 / 1 февраля) Строссмейер поведал дипломату, что был почти уверен в отказе Сосновского от его проекта ввиду позиции, занятой оппозицией⁴.

В связи с дальнейшим развитием событий на Соборе хорватский епископ пересмотрел и свой проект посредничества. Как писал 9 марта / 25 февраля 1870 г. Капнист, епископ, навестивший его утром, был в подавленном и обескураженном состоянии. Петиция против нового правила процедуры — принятия постановлений по догматическим вопросам большинством голосов, — собравшая голоса почти ста епископов, должна быть послана самому папе. Но он не строил никаких иллюзий

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 126. Л. 137–139.

² Капнист был уполномочен Горчаковым передать ему материалы переписки по поводу приглашения папой на Собор католических епископов с тем, чтобы он имел документы, если захочет выступить в защиту России (Там же. Ф. Наместник Царства Польского. Оп. 576. Д. 2266. Л. 10).

³ Там же. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 126. Л. 141–142.

⁴ Там же. Л. 174.

относительно итога такого демарша, полагая, что он останется без результата, как все предшествующие петиции, тем более что в неё не включили заявление, что подписавшиеся воздержатся от участия в работе Собора, пока не получат ответа. Однако петиция включала пассаж, в котором говорилось, что оппозиция не будет рассматривать Собор в качестве вселенского и оспорит обязательную силу его постановлений, если на нём будут решаться догматические вопросы большинством голосов. Епископ считал это совершенно недостаточным и полагал необходимым сделать официальное заявление с амвона на первом же общем заседании Собора. Поскольку он решил пойти на такой шаг, он понимал, что отпадал вопрос о его посредничестве. Он также сказал, что изменил мнение в том, что касается уместности в данное время какого-либо демарша со стороны императорского правительства, высказываясь теперь решительно в пользу выжидательной позиции. «Таково всегда было моё мнение», — заметил Александр II в этой связи на полях донесения.

Капнист сообщил епископу, что их точки зрения совпадали, что правительство никогда не думало делать предложения Святому Престолу в то время, когда другие державы, возможно, находились накануне разрыва с ним, и даже в случае инициативы со стороны Ватикана, вероятно, отложили бы всякое решение до прояснения результатов Собора¹.

В своей речи 22 марта Строссмейер заявил, что принцип большинства никогда не применялся и не может быть применим в вопросах догмата, и объявил, что никогда не признает догмы, принятые вопреки традиции и божественному закону Церкви².

К этому времени определилась позиция австрийского и французского правительств в отношении происходившего на Соборе. Они выступили с предупреждением Святому Престолу, что в случае принятия новых канонов последует запрет на их публикацию в их странах. В сложившейся ситуации Капнист считал, что занятая с самого начала императорским правительством позиция должна определять и его последующую линию поведения. Отказав в своё время в согласии на посылку латинских епископов на Собор, рассматривая буллу о назначении дня его созыва в качестве не имевшей места, логично будет так же поступить с постановлениями Собора. Практические трудности могли возникнуть, полагал дипломат, в том, как предписать такую линию поведения латинскому духовенству в Польше и России. «Именно в этом трудность», — считал и Александр II.

А Капнист, размышляя над дальнейшими перспективами, предвидел возможность оказаться перед альтернативой: либо основать поневоле отдельную от Рима Церковь, либо постепенно осуществить отделение католической Церкви от государства. В первом из этих случаев можно было бы воспользоваться реакцией, которую результаты Собора не преминут вызвать в католицизме, и привести в действие

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 126. Л. 311–312.

² Там же. Л. 374–375.

все средства, которыми располагает государство в отношении Церкви. Однако особое положение императорского правительства в отношении Ватикана и католического вопроса потребовало бы больше осторожности, чем где-либо. Возможно, не следовало бы опережать другие державы, так как любой его акт в отношении католицизма будет рассмотрен лишь с враждебной точки зрения и с подозрением, а посему результаты таких актов могли бы подвергнуться опасности из-за слишком поспешного шага. «Ожидание момента, когда влияние нынешнего Собора определённо проявит себя в остальной Европе, представляется более отвечающим требованиям ситуации», — полагал он.

Александр II зафиксировал своё согласие с ним, написав на полях донесения: «конечно»¹.

Изменение в позиции европейских правительств в отношении Собора, начало которому положила в феврале Франция, а полное развитие придала одновременная акция, предпринятая перед Святым Престолом правительствами, поддержавшими французский демарш, означало отказ Парижа, Вены, Мюнхена, Берлина и Лондона от их позиции невмешательства. Размышляя над положением своего правительства в этой новой ситуации, Капнист (донесение от 26 / 14 апреля) полагал, что его следовало рассматривать с двух точек зрения: его отношений со Святым Престолом и того, как будущие решения Собора могут сказаться на его особых интересах. А также позиции России в отношении католицизма вообще и её положения в европейском концерте.

Изначально намеченная им линия поведения, предполагавшая абсолютное невмешательство, полную и бескомпромиссную сдержанность и свободу действий на будущее, по мнению Капниста, делала с тех пор столь же бесполезным, сколь и недопустимым всякое прямое или косвенное вмешательство России в дела Собора. Такая позиция слишком выгодна, чтобы желать от неё отказаться. «Конечно», — согласился с ним император.

Предоставить события их естественному ходу; подождать результатов кризиса, переживаемого латинской Церковью, и ими воспользоваться впоследствии ввиду особых интересов России — таков путь, вытекающий из предшествующей позиции императорского правительства. Эта позиция не может быть изменена из-за перемены, произошедшей в политике других держав в отношении Собора, —

считал дипломат. «Конечно, нет», — поддержал его император.

К тому же сам характер отношений императорского правительства со Святым Престолом делал трудной, если совершенно не совместимой с его достоинством, акцию, подобную той, что попытались осуществить другие державы. Как Италия и США, оно не имело своего официального представителя в Риме. Кроме того, Капнист был не в курсе, сообщило ли французское правительство о своей ноте

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 126. Л. 397–406.

С.-Петербургу. Но ему было известно, что оно нисколько не рассчитывало на поддержку России и даже считало её нежелательной, опасаясь, как бы она не поставила под угрозу успех его демарша.

Со своей стороны, не веря в успех этого начинания, Капнист считал, что не могло быть и речи об участии в нём России. В то же самое время полное молчание в отношении факта, занимавшего всю Европу, он находил неуместным с точки зрения положения в европейском концерте, ведь оно увеличивало изоляцию, в которую Россию поставили обстоятельства по отношению к католицизму. Поскольку она была безразличной к борьбе, потрясающей Западную Церковь, для России не имело значения, чем окончится демарш Франции: поддержит ли его оппозиция на Соборе или он лишь ускорит победу крайней партии. Тем не менее, воздерживаясь теперь от того, чтобы высказаться против присвоения Святым Престолом чужих прав, императорское правительство, возможно, упускает благоприятный случай, чтобы констатировать точки соприкосновения, обнаружившиеся между его позицией и заявлениями, сделанными присоединившимися к Франции правительствами. Капнист полагал, что «С.-Петербург не может отказаться, вообще говоря, присоединиться к некоторым содержащимся во французской ноте принципам, что касается отношений Церкви и Государства, и тщетности назойливых попыток, осуществлённых Святым Престолом перед лицом XIX века»¹.

Для Капниста ситуацию прояснило письмо Горчакова от 9 мая / 27 апреля. Он его информировал, что французский посол генерал Эмиль Феликс Флёрис в качестве справки ознакомил его с памятной запиской, которая будет представлена папе, на что ему было выражено «наше самое полное одобрение».

Бесполезно делать больше в этом отношении, — считал министр. — Мы будем настойчиво придерживаться позиции спокойной и выжидательной, занятой нами с момента начала заседаний Собора, но также твёрдой и непреклонной решимости не допустить у нас никакой меры, противоречащей законам Империи, или такой, которая под каким-нибудь религиозным предлогом посягала бы на суверенные права нашего Августейшего Монарха².

В канун голосования на Соборе Капнист считал, что на деле папство не выиграет больше, чем католическая Церковь от решения о новой догме. «Будет провозглашена или нет личная непогрешимость папы, об этом будут, конечно, думать меньше после, чем до Собора», — полагал он. А Александр II нашёл его суждение «очень верным».

Свою мысль Капнист подтвердил тем, что никогда папство не обладало такой неограниченной властью в Церкви, как перед Собором. Тогда

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 17–23.

² Там же. Л. 458–459.

...всё, казалось, склонялось перед Ватиканом: никакая оппозиция не обнаруживалась в лоне епископата. Папа был в принципе непогрешим и действовал, как таковой, не вызывая серьёзного сопротивления. Папство было очень заинтересовано оставить, таким образом, доктрину непогрешимости в состоянии неопределённости, выгодной его власти. Эта доктрина, после того, как не выдержала никакого серьёзного обсуждения и не имела никакой солидной базы в теологии, могла быть лишь поколеблена дискуссиями, которые секретный характер Собора не мог избавить от огласки. И именно это произошло. Подвергнутая атакам тех, в ком католицизм видел до настоящего времени свою опору, опровергнутая более чем 100 епископами, считавшимися светилами Церкви, распространённая в обществе благодаря публикациям в тысячах трудов и тысячах газет, обсуждаемая во всём мире — от учёных-богословов до малообразованных классов, — доктрина непогрешимости утратила свою силу, лишившись неопределённости, коей была окружена. Непросвещённые массы, обученные в это верить с детства, узнали — часто с удивлением, — что это была лишь обсуждаемая доктрина, более того, что большая часть их самых выдающихся пастырей в неё не верила. Определяя новую догму, папство подорвёт основы своего всемогущества и своего престижа, которые не выдержали слишком обстоятельного обсуждения. Делая последние выводы из своей системы, доктрина иезуитов неизбежно должна была дойти до абсурда, который в интересах папства было окутать завесой неопределённости, как оно это делало до настоящего времени даже в момент своего самого большого влияния. Претендуя на всеобъемлющее право верховного решения, почти осуществляя его на деле, ни Григорий VII, ни Бонифаций VIII не могли помышлять о том, чтобы возвести в догмат веры отвлечённую теорию, которая задевает здравый смысл, так же как теологические традиции.

Находя, что ни папство, ни Пий IX не выиграют от обнародования новой догмы, Капнист подлинного победителя видел в иезуитской партии. Ведь она, считал он, «будет отождествлять папство со своими собственными интересами и низведёт католическую Церковь до значения партии, в которой она (иезуитская партия. — О.С.) будет господствовать безраздельно». Победа же, по его мнению, иезуитской партии станет предвестием упадка для католической Церкви, в то время как победа умеренных фракций послужила бы доказательством того, что католицизм ещё содержит в себе живые элементы, способные укрепить его сосуществование с современной цивилизацией. Ясно отдавая отчёт в невозможности победы этих последних, Капнист, тем не менее, констатировал, что «жизненные силы католицизма, представленные оппозицией, обнаружили себя с большей силой, чем этого здесь ожидали». Вину же за поражение оппозиции он возлагал «на неблагоприятие и фанатизм одного человека»¹, имея в виду Пия IX.

Отдавая отчёт, что папство, наконец, достигнет цели, неизменно преследуемой им на протяжении десяти веков, Капнист считал, что утверждением этой догмы

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 179—182.

оно бросит вызов современной цивилизации и здравому смыслу, а воздвигнутая иезуитами система получит своё завершение, и их доктрина отныне будет идентифицироваться с католической религией. Для него было очевидно, что с политической точки зрения утверждение новой догмы является некоторым признаком окончательной победы одной партии в латинской Церкви над другой,

...победы, одержанной над современными тенденциями и религиозным слоем общества в католической Церкви, партией, изобретательной, упорной и жадной до власти. Эта партия, для которой все средства хороши, владеющая искусством управлять массами и, благодаря своей удивительно здравомыслящей организации, сохранившая сквозь века и бедствия основную идею её основателей, эта партия — орден иезуитов.

Она добивается успеха постепенно, чтобы часто утратить сразу плод долгих трудов, но всегда, чтобы

...приняться за своё с той же настойчивостью. Скрытая, не имеющая собственного лица и, так сказать, неуловимая, она возрождается в момент, когда её считают исчезнувшей. В то время как правительства и государства изменяли политическую или законодательную систему в отношении Церкви, иезуиты продолжали неустанно свой вековой труд. Эта неизменность составляет секрет их силы и их успеха, но также источник их будущего падения, так как, возможно, близок момент, когда их система разобьётся о силу вещей и прогрессивное движение человечества¹.

Откликнувшись на многие шаги папства, Тютчев летом 1871 г. вновь обличил его в стихотворении «Ватиканская годовщина». В годовщину того дня, когда папа «себя божеством провозгласил», он выразил твёрдую уверенность, что «ватиканский далай-лама не призван быть наместником Христа»².

Развитие событий в Риме, поднимаемые Капнистом в связи с Собором проблемы привлекали пристальное внимание С.-Петербурга. Как писал ему в конце марта 1870 г. Горчаков, вся поступавшая от него корреспонденция была внимательно прочитана Императорскими Величествами и получила их одобрение за богатство информации, содержащейся в ней, и высказанные здравые суждения. Со своей стороны, министр просил только об одном:

Продолжайте, как Вы это делали до сих пор. Что касается нас, мы останемся верны роли наблюдения и выжидания, избранной нами с самого начала Собора. Она не выражает и не могла бы быть выражением безразличия, так как мы сознаём влияние, которое решения этого Собора смогут оказать и на католицизм, и на нынешнюю организацию общества. Вот почему я не колеблюсь в том, чтобы обязать Вас давать нам отчёт о фактах и актах в Риме, не избавляя нас ни от каких

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 219—222.

² Тютчев Ф.И. Сочинения. СПб., 1912. С. 221.

подробностей, не останавливаясь перед пространностью и многочисленностью Ваших донесений¹.

Тем временем сам Капнист в письме от 14 / 2 июня 1870 г., адресованном, очевидно, Жюмини, судя по обращению «господин барон», содержанию и тому, что с ним часто обменивался письмами, делился тем, что волновало его.

В данном случае он отвечал на его письмо, представлявшее для него двойную ценность: как свидетельство

...ободрения его адресата; как надёжное указание пути, по которому нужно следовать. Это ободрение и моральная поддержка те, которые я умею ценить. Хвала меня, Вы перечислили достоинства, которые должны быть присущи дипломату сверх тех, которые у меня есть, в самом деле. Я не могу удержаться, чтобы не осознавать это, учитывая затруднения, которые для меня вытекают из неопределённости положения и весьма расплывчатого представления о том, что об этом думают в С.-Петербурге.

Он высоко ценил сведения и указания, полученные от барона по этому волновавшему его вопросу. И тем более был за них признателен, что,

...испытывая отвращение к нащупываниям (вероятно, имелись в виду действия неуверенные, на ощупь. — О.С.), я очень часто вынужден к ним прибегать. Афоризм Талейрана, что «слово дано, чтобы скрывать мысль», мне кажется, устарел в дипломатии.

Он особенно не допустим, когда говорят со своим собственным правительством, которому дипломат должен говорить всю правду и только правду — «по крайнему своему разумению» (последние слова написаны по-русски во французском тексте письма. — О.С.). Тем не менее, я вынужден соблюдать в моей речи осторожность, которая не способствует, во всяком случае, тому, чтобы сделать её более ясной. Эта осторожность мне предписывается моим положением младшего служащего и моей молодостью. Я говорю «молодостью», так как в наше время признано, что 31 год (иначе говоря, возраст, когда Питт был премьер-министром уже 8 лет) составляет сегодня первую молодость для человека, посвятившего себя общественным делам и, в особенности, дипломатии. Чётко обозначенный тон, с моей стороны, мог бы быть принят за самоуверенность, что мне внушает отвращение, так же как скрытность, —

писал Капнист. Он испытывал удовольствие воспользоваться представившимся случаем,

...чтобы говорить без обходных манёвров и изложить суть своего мнения, «не стесняясь никакими соображениями» (написано по-русски. — О.С.), как сказали бы у нас. Лишь чтобы почувствовать облегчение, я доставляю себе это

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 454—455.

удовольствие; я его сделаю сколь возможно кратким, исходя из того, что самые продолжительные удовольствия не являются наилучшими.

После этой преамбулы Капнист подробно изложил своё мнение по поводу двух главных систем в отношении католической Церкви, сторонники которых имелись в России: обособленной католической Церкви и отделения этой Церкви от государства. Создание обособленной Церкви, иначе говоря, иерархический раскол, можно вообразить, полагал он, лишь при наличии духовенства, проникнутого автономными стремлениями и вдохновляемого национальным духом более сильным, чем его привязанности к Святому Престолу. Поскольку католическое духовенство в России не пребывало в таком состоянии, создание обособленной Церкви было химерой.

Идея отделения Церкви от государства представлялась ему

...более отвечающей современным тенденциям, и спорить можно лишь по вопросу, имеет ли она будущее. Но, тем не менее, верно, что полное отделение Церкви от государства ещё не осуществимо без переходного периода в большей части Европы. В то время как организм Соединённых Штатов, Англии и Бельгии к этому великолепно применяется, нынешнее положение дел во Франции и Германии представляет огромные трудности для решения этой проблемы. Французский налогоплательщик, ожидающий всё от администрации, с трудом свыкнется с идеей, что правительство не должно ему оплачивать ни его епископа, ни его кюре, ни его дерковь... Даже в Англии нужно различать две очень разные системы: систему до и после билля относительно ирландской Церкви. Некогда британское правительство ограничивалось тем, что игнорировало католицизм, терпя его и обеспечивая ему возможность существования, благодаря свободам, проистекавшим из английской конституции. Теперь это правительство положило начало в Ирландии такому положению дел, которое может рассматриваться в качестве идеала Курии и которое в общих чертах таково: признание и обеспечение дотации римской Церкви и, в то же самое время, полное невмешательство в её административные дела. Вот почему (неслыханная вещь!) римский Двор «удовлетворён», и этим всё сказано.

Что касалось России, чтобы отделение католической Церкви от государства стало возможно, надлежало бы упразднить и изменить законы, рассматриваемые в качестве органических. Он считал нужным упомянуть среди прочего запрет прямых отношений и тот факт, что, как только отделение совершится, назначение епископов, разграничение епископств и т. д. и т. д. вернётся непосредственно и исключительно к Святому Престолу. Иначе

...это не было бы отделением, но упразднением (подчёркнуто в тексте. — О.С.) католической Церкви — а это нечто совершенно иное. А ведь в XIX веке безнаказанно не уничтожают религию, как это сделали бы с домом — по причине общественной пользы. Мне кажется, что у нас не отдают достаточно себе отчёт, что для существования католической Церкви недостаточно — по причине

самой её природы — той терпимости, в силу которой у нас есть латинская часовня на Невском проспекте, — ни даже терпимости, которой достаточно для других религий. Для существования римской Церкви, которая является лишь иерархией от кюре до папы, нужна совершенно иная вещь — особенно в бюрократическом государстве. Нужно — при условии разрушения — ей дать возможность иметь свою организацию.

Из дальнейших пояснений Капниста следовало, что система терпимости (в узком смысле этого слова) была хороша до тех пор, пока в России католики, в основном иностранцы, проживали в двух столицах. Но этого стало недостаточно после присоединения областей, имевших католическое население и иерархию. С этого времени правительство неизбежно должно было вступить в контакт с Римом, что и произошло на деле. Эти контакты, вначале не регулярные и, так сказать, случайные (при Екатерине II), повторялись, увеличивались и постепенно привели к созданию системы, получившей своё выражение в Конкордате. Возвращение к терпимости в узком смысле этого слова было невозможно, а сделав это, пришлось бы назавтра вновь вступить на однажды уже пройденный путь.

Отвечая на естественно возникающий вопрос, что же делать, если обе системы, о которых шла речь, не подходят, Капнист указывал: вернуться попросту к системе компромиссов и соглашений, которой следовали более или менее искусно, более или менее плохо или хорошо с тех пор, как получили католические области и до отмены Конкордата. В то же самое время он признавал наличие особых обстоятельств, которые противодействовали возвращению назад, — это достоинство императорского правительства и вздорный характер Пия IX.

Конечно, не я посоветовал бы пожертвовать достоинством, даже если бы это было необходимо для пользы дела. Оно должно считаться, прежде всего, с дорожащей своим благополучием великой нацией и правительством, которое её олицетворяет. С другой стороны, Пий IX прожигает жизнь папства. В данный момент ничего не остаётся, как посторониться и не мешать этому большому ребёнку, который, возможно, готов свернуть шею курице, несущей золотые яйца, которая, тем не менее, так хорошо неслась в течение его понтификата. Желая слишком многого, он всё подвергает опасности. Чтобы его примирить с нами, нужно, по меньшей мере, его привлечь нунциатурой в С.-Петербурге. Ничего из этого, я уверяю, нельзя ни предвидеть, ни реализовать в настоящее время. Таким образом, остаётся изо дня в день прозябать, как Вы говорите, и ставить заплаты, когда это возможно сделать. Я их буду употреблять, насколько в моих силах и рискуя слыть скорее сам за безвольного человека¹.

Интересные сведения о расстановке сил на Соборе, приведённые не дипломатом, а лицом, ставшим, так сказать, случайным свидетелем развития событий,

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 406–409.

содержит письмо находившегося тогда в Риме видного российского учёного П.А. Чихачёва бывшему послу во Франции П.Д. Киселёву, после своей отставки продолжавшему жить в Париже. Данные им оценки тем более заслуживают внимания, что в своё время он блестяще закончил готовившую дипломатов школу в ведомстве Государственной коллегии иностранных дел и работал в министерстве иностранных дел. Но затем увлёкся ботаникой и геологией, совершил несколько научных экспедиций в районы Востока и Европы, неоднократно путешествовал по Италии, изучая физико-географические, экономико-географические и социально-исторические проблемы.

10 декабря 1869 г. он писал по поводу ситуации в Ватикане:

Что Вам сказать о здешних проделках? ...Собор затеян с 3 числа, при полном разводе с церемониею. Покамест всё в руках у иезуитов; даже сам Антонелли осилен ими. Без сомнения, существует сильная оппозиция противу принятия 2 новых догматов между немецким и, отчасти, французским духовенством, но эту оппозицию заглушит своею огромною численностью большинство латинского духовенства, по крайней мере, на первую пору. Впоследствии же понятно, что может выйти раскол, ибо немыслимо, чтобы одними римскими обветшалыми оракулами могло бы перевернуться вверх дном всё течение новейшей образованности. Это лишь недалёковидная претензия иезуитского властолюбия, которому ныне совершенно покорился глава католической Церкви; прискорбно видеть в здешнем пёстром сонме без малого 1000 прелатов довольно значительное число отшельцев Восточного православия. Я уверен, что, если бы им удалось посетить Рим прежде их отречения, то они бы остались верными своей заветной Церкви. Но здесь, как и везде, славны будни лишь за горами¹.

Сделанные накануне открытия Собора предположения Чихачёва в значительной мере оправдались.

В ходе его работы течение непримиримых возоблагодало над течением либеральных католиков. А посему 18 июля 1870 г. был принят догмат о непогрешимости, безошибочности папы при его выступлениях *ex cathedra* (с кафедры, непререкаемо), т. е. с посланиями или, как их называют, энцикликами, в которых определялись основные положения относительно веры и морали. Его принятию противились правительства католических стран по причине трудности разграничения между моральными и политическими вопросами, а также по причине восприятия ими движения непримиримых католиков, как реакционного политического течения. В знак своего несогласия с этим документом многие епископы накануне голосования по нему покинули Рим², хотя позднее подчинились решению Собора и приняли этот догмат.

¹ ЦГИА. Ф. 958. П.Д. Киселёв. Оп. 1. Д. 506. Л. 4.

² Телеграфируя 23 / 11 июля 1870 г. в С.-Петербург об итогах голосования, Капнист сообщал, что за признание папской непогрешимости было подано 547 голосов при прибли-

Охватившее в этой связи католический мир глубокое возбуждение представляло для России, как следовало из отчёта министерства иностранных дел, интерес с нравственной точки зрения, а также затрагивало её в связи с двумя вопросами. Дело в том, что восточные католические священники, более удалённые от Рима и движения западной цивилизации, были задеты в их вере и достоинстве свидетельством римского тщеславия и деспотизма, каковой они увидели в догмате о непогрешимости пап. Их сопротивление вызвало со стороны Курии такую травлю, что турецкий посланник во Флоренции вынужден был прибыть в Рим, чтобы защитить их, как подданных султана. Этот скандал произвёл на Востоке глубокое впечатление¹.

Особо оказалась задета в её старинных привилегиях этим присвоением чужих прав Святым Престолом армянская католическая община, так что её протесты привели к разрыву, который, как полагали в С.-Петербурге, мог стать окончательным и принести в будущем плоды, которыми, возможно, воспользуется эчмиадзинская Церковь², т. е. православная.

Противниками римской Курии обнаружили себя и славянские католические священники. Среди них особенно отличился Строссмейер. Его настроения, подчёркивалось в том же отчёте, свидетельствовали, что религиозные различия не ослабили связи среди славян и что национальные симпатии их глубоко привязывали к России. Доказательством этого служили его попытки примирить свой религиозный и национальный долг, добиваясь сближения России со Святым Престолом. Свою цель (правда, считали, что она больше говорила о его возвышенном чувстве, чем о практичности) он видел в устранении препятствий, которые католические предубеждения могли нанести будущему союзу славян под покровительством России, путём доказательства того, что католическая Церковь из него вовсе не исключалась. Хотя всё ограничилось лишь благими пожеланиями, однако в С.-Петербурге они воспринимались «как важный зародыш, предназначенный приносить пользу по мере того, как будет расширяться расстояние между римским абсолютизмом и славянами-католиками»³.

Что касалось Ватиканского Собора, следует отметить, что вынесенные на его обсуждение вопросы, сам ход событий на нём дали немало важного дополнительного материала для размышлений в С.-Петербурге над различными аспектами проблемы отношений с Ватиканом и над поиском путей её решения, особенно учитывая разрыв с ним дипломатических отношений.

зительно 100 оппозиционерах, которые отсутствовали (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 431).

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1870. Оп. 475. Л. 201–202.

² Там же. Л. 202.

³ Там же. Л. 202–204.

Торжества в Риме по поводу состоявшегося 18 июля провозглашения нового догмата о непогрешимости, безошибочности папских решений в области веры и нравственности ещё продолжались, когда по иронии судьбы буквально на следующий день после его принятия, 19 июля, началась франко-прусская война. Весь интерес и ценность этих теологических дебатов исчезли в этой страшной буре, бушевавшей во Франции и долженствовавшей вскоре поглотить саму светскую власть папства. Сам же вопрос о Соборе, сколь бы серьёзным он ни был, затерялся в тревогах войны, одним из эпизодов которой он стал в связи с окончательным присоединением Рима к Итальянскому королевству¹.

Во Флоренции после получения известия о поражении французов при Седане 3 сентября, а 5 сентября о провозглашении во Франции республики правительство решило занять Рим, сделав предварительно попытку договориться с папой. Для этого в Рим был специально послан граф Густаво Понца ди Сан Мартино, снабжённый письмом Виктора Эммануила II к Пию IX. Их встреча состоялась 10 сентября, когда папе был фактически предъявлен ультиматум итальянского правительства. Речь шла о военной оккупации папских государств, без вмешательства в их управление до созыва европейского конгресса, на котором будут определены основы гарантии свободного осуществления духовной власти, которой Италия никогда не воспротивится.

Свой ответ «*non possumus*»² папа сопроводил резкими словами в адрес итальянского правительства: «Змеиное отродье, лицемеры, я не пророк и не сын пророка, но я вам говорю, что вы не ступите сюда ногой»³. Два дня спустя итальянские войска вступили в Рим.

В С.-Петербурге считали, что вовсе не должны были прямо вмешиваться в судьбы власти, чуждой ему по природе и всегда занимавшей позицию, враждебную его интересам и вере. Внимательно следя за развитием событий, продолжали оставаться их сторонним зрителем. Там понимали, что последнее слово ещё не было сказано ни в одном, ни в другом случае, с возвращением же мира они могли стать источником многих затруднений как для Италии, так и для других стран, где уже явно обнаружил себя отклик в католических кругах. К тому же на Неве были ещё не в состоянии судить о влиянии этих событий на отношения России со Святым Престолом⁴. Пока же положение облегчал разрыв отношений с ним.

Первоначально императорское правительство узнало из газет об актах Святого Престола (нотах, вручённых Антонелли представителям различных держав, аккредитованным в Риме, 20 сентября и 9 ноября), выражавших протест против вторжения в его государства и оккупации Рима итальянским правительством.

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1870. Оп. 475. Л. 204.

² Не можем (*лат.*).

³ Там же. Ф. Российское посольство в Риме. Оп. 525. Д. 1128. Л. 20.

⁴ Там же. Ф. Отчёты МИД. 1872. Оп. 475. Л. 90.

По возвращении Капниста из отпуска в Рим ему были переданы копии этих двух актов. Избранная форма сообщения российскому представителю этих документов не позволила последнему, писал он Горчакову 14 / 2 ноября 1870 г., отклонить их. Ведь ему была направлена вовсе не нота, а простая её копия с приложением записки, информировавшей о посылке ноты представителям аккредитованных при Дворе держав.

Касаясь существа произошедшего, Капнист отмечал, что

...завладение Квириналом австро-итальянцами носило, в самом деле, характер неумело осуществлённого акта ограбления, находящегося в противоречии с неоднократно данными итальянским правительством заверениями, что касается положения, которое оно предполагает обеспечить папе в новой столице королевства. Конечно, было бы лучше оккупировать дворец Квиринала сразу после вступления в Рим, чем искать для этого акта экспроприации законного обоснования, которое почти невозможно сформулировать. Выдвинутые флорентийским кабинетом основания, чтобы провести разницу между дворцом Ватикана и дворцом Квиринала, не выдерживают критики. Такой разницы не существует.

Дело в том, что итальянское правительство среди прочего мотивировало свой демарш ссылкой на то, что Квиринал не был папской резиденцией. При этом исходили из того, что римские папы датировали часто их буллы и церковные постановления дворцом Ватикана, Латерана и церковью Санта Мария Маджоре, но не Квиринала. А он между тем неоднократно служил постоянной резиденцией пап и, между прочим, Пия IX до 1850 г. На деле не существовало никакой разницы между документом о праве собственности на Ватикан и Квиринал, в то время как латеранский дворец Св. Джованни принадлежал папе в его качестве римского епископа, будучи лишь епископальным дворцом.

Музей и галерея Ватикана, — замечал в этой связи Капнист, — могли бы быть истребованы в качестве национальной собственности с большим основанием, чем Квиринал. И именно к этому общественное мнение не преминет принудить правительство, если это последнее продолжит уступать его требованиям. Нынешняя резиденция папы оказалась бы в этом случае разделённой, и даже дворец, в котором он живёт, принадлежал бы ему лишь наполовину¹.

Обращаясь к моральным и политическим последствиям, могущим проистекать из падения светской власти Святого Престола, Капнист оценивал их «как довольно важные, чтобы, бесспорно, поставить это событие в ряд значительных исторических фактов». Отодвинутый, однако, на второй план тем, что происходит в Европе, «римский вопрос» в данный момент, считал он, мог представлять незначительный интерес для императорского правительства, поскольку Россия не имеет

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 272—275.

к тому же ни прямых политических связей с судьбами итальянского полуострова, ни религиозных связей с папством. Исходя из этого, Капнист даже не осмеливался, как признавался в письме Горчакову от 26 / 14 ноября, утруждать его подробным изложением различных поворотов, которые могли, как ему казалось, возникнуть в этом сложном вопросе. Он поэтому ограничился тем, чтобы обрисовать их в общих чертах и как можно более кратко, «рискуя даже придать своему изложению категорическую форму».

Ему представлялось, что «римский вопрос» далёк от того, чтобы быть разрешённым военной оккупацией Вечного города и присоединением путём плебисцита папских государств к Итальянскому королевству. Напротив, как казалось, ситуация всё более и более осложнялась, и новые трудности возникали на каждом шагу итальянского правительства. Такой результат дипломат относил, главным образом, за счёт его нерешительной политики и его неумения воспользоваться надлежащим образом обстоятельствами, открывшими ворота Рима национальным чаяниям Италии.

Капнист писал:

Нынешний флорентийский кабинет ввязался в «римский вопрос» с программой, которую не имел силы заставить одобрить страну, и с тех пор лишь уступал шаг за шагом требованиям партии действия, грозившей в любой момент его опрокинуть. Чтобы привести в исполнение великую идею Кавура «свободная Церковь в свободном государстве», нужно было иметь его способности. Чтобы идти по пути, подготовленному конвенцией от 15 сентября, требовалось, чтобы повторилась ситуация нескольких лет тому назад. Эта ситуация с тех пор изменилась... Новые обстоятельства требовали нового образа действия. Идея мотивировать вступление в Рим необходимостью восстановить там порядок и защитить Святой Престол была, по меньшей мере, неудачной. Откровенные заявления флорентийского правительства, что касалось положения, которое оно обязывалось обеспечить папству, были, по меньшей мере, бесполезными. Никто не требовал от него этих обязательств, а оно вовсе не имело необходимых сил, чтобы их выполнить. Правительство сначала не имело намерения вводить итальянские войска в Рим, а они там находятся. Оно не хотело оккупировать город Леонин — и оно должно было это сделать. Оно не хотело захватывать Квиринал, ни закрывать римскую Коллегию — и оно на это решилось. Король вовсе не хотел вступать в Рим — и будет вынужден к этому. Образ действия более чёткий и более энергичный с самого начала позволил бы избежать большей части нынешних осложнений. Если бы после того, как оно послало свой ультиматум Ватикану и получило категорический отказ на свои предложения, итальянское правительство просто объявило войну светскому монарху римских государств. Если бы оно не связало себя никаким добровольным обязательством, оно могло бы сегодня обращаться с папством, как с воевавшим и побеждённым государством, и заставить его претерпеть все последствия этого. Соглашаться на условия, продиктованные Италией, или покинуть итальянскую

территорию — такова была бы альтернатива, перед которой оказался бы поставлен Ватикан. Если не хотели доводить дело до такой крайности, не нужно было ни за что вступать в Рим, и нужно было формально отказаться с самого начала от перевода туда столицы королевства.

По его мнению, флорентийский кабинет, придерживаясь утопии «недостижимого примирения», неверно судил о самой сущности «римского вопроса». Как любой другой, он имел ряд практических решений. Вместе с тем он включал элемент, которого не следовало затрагивать, чтобы не оказаться в безвыходной ситуации. Им была идея Рима — столицы Италии. Абстрагируясь от неё, можно увидеть варианты практического решения проблемы сосуществования папства и Итальянского королевства. Рим мог стать свободным городом со светской администрацией, с правом представлять себя в итальянском парламенте и свободой для римлян работать в Италии. Будучи неотъемлемой частью королевства, он служил бы для него почётной столицей, подобно Москве, оставаясь исключительной резиденцией папы и административным центром для католической Церкви. Или же Рим, представляющий собой независимый муниципалитет под властью папы с сообщением, обеспеченным со стороны порта Чивита-Веккья.

По поводу этих вариантов Капнист замечал, что, как утверждали, второй был изложен в брошюре герцога Жана Жильбера Персиньи (министра внутренних дел Франции) и отражал французскую политику по «римскому вопросу», а идея Рима — почётной столицы принадлежала Массимо Д'Адзелио, представлявшему умеренных королевства.

После того как Рим стал столицей Италии, «римский вопрос» становится неразрешимым, поскольку два диаметрально противоположных принципа, возможного примирения коих не существует, оказались поставлены друг против друга и вовлечены в отчаянную борьбу — национальные чаяния Италии и действительная независимость духовной власти. Руководители партии «действия» отдают себе отчёт в таком положении дела. Они знают, что сегодня речь больше не идёт об отжившей своё светской власти, а об оказавшейся в опасности духовной власти. Поэтому открыто добиваются упразднения римско-католической иерархии в том виде, как она сложилась сегодня. За их требованием перевода столицы в Рим скрывается «желание лишить папу прав, как верховной власти латинской Церкви, создающей базу мощной иерархической организации католицизма». Массы следовали за своими вождями, не отдавая себе отчёта в том, чего они ищут в Риме — столице. Проникнутые этой народной идеей, они сделали из неё на данное время знамя своих национальных чаяний. И только смутные воспоминания на деле служат единственной основой всеобщего одушевления. Если взглянуть с практической точки зрения, то очевидно реальным интересом для переноса Италией её столицы могла бы служить заинтересованность в нанесении последнего удара по духовной власти папства. Считая выгоду от этого акта ничтожной, Капнист обращал внимание на практические

нежелательные последствия от этого. Недовольство католиков, всегда существующий предлог для вмешательства иностранных держав во внутренние дела новой столицы — это неприятные возможности, если не опасные. Само достоинство короля Италии будет непрерывно страдать из-за этого постоянного и неизбежного контакта с папой, который, пребывая в том же городе, не упустит случая, чтобы бросить свои канонические поношения в лицо королевской власти. Перспектива нового понтификата, с которой связывали надежды сторонники примирения, вполне могли стать лишь последним разочарованием, ибо приход нового папы, скорее всего, не изменит серьёзно позицию Святого Престола. Римская Церковь и Италия окажутся перед двумя возможностями. Либо Италия откажется от своей столицы в пользу католицизма, и тогда какая-то практическая комбинация сможет примирить самостоятельное существование папства с национальными чаяниями итальянской нации. Или, сохраняя свою столицу в Вечном городе, Италия будет продолжать отчаянно бороться со Святым Престолом. В таком случае «римский вопрос» опять окажется перед альтернативой. Или Италия погибнет из-за своих внутренних трудностей, а папство переживёт итальянское объединение, либо Италия постепенно поглотит папство, низведя его до естественных размеров любой другой духовной власти в национальной Церкви. Сторонник этого второго варианта, Капнист высоко оценивал роль Италии.

Если бы этот труд — который, предположительно, разрушил бы организацию римской Церкви в том виде, как она существует сегодня, — удался Италии, она, возможно, тем самым, окажет большую услугу человечеству и христианской религии. Её историческая миссия будет состоять в том, чтобы разрушить папство, родившееся в её недрах, и ниспровергнуть этого теократического колосса в тот самый момент, когда он кончил — после блестящей карьеры — тем, что отделил почти полностью католицизм от христианства, —

писал Капнист.

Одним словом, заключал Капнист,

...одна из двух диаметрально противоположных сил, борющихся в «римском вопросе», должна будет потерпеть поражение или, лучше сказать, претерпеть радикальную трансформацию. Трансформация Италии или трансформация папства — такова альтернатива, перед которой может оказаться поставлен «римский вопрос», если события будут развиваться по нынешнему пути. Первая не сможет совершиться без бурных политических потрясений на полуострове. Вторая не сможет осуществиться, не расшатывая принципа власти в католической Церкви и не вызвав значительных потрясений морального порядка¹.

Суммируя в донесении за то же число подробно изложенное в письме Горчакову, он писал:

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 298–304.

Колебания и полумеры итальянского правительства создали ему трудности для решения римского вопроса. Следуя утопии примирения, оно никогда не решалось считать Святой Престол в качестве воюющей стороны и, с другой стороны, подталкиваемое партией действия, оно было вынуждено оккупировать Рим своими войсками вопреки всем своим заявлениям.

Большая ошибка итальянского правительства состоит в том, что оно добилось осуществления комбинации Рима — столицы, которая создаёт много неудобств Италии. Сохраняя антагонизм Святого Престола и политической власти, она вызывает недовольство католической партии и благоприятствует вмешательству иностранных держав. Даже избрание нового папы не приведёт к значительному изменению в этой ситуации.

Любое другое решение было предпочтительным для Италии, то, которое, например, сделало бы из Рима свободный город или муниципалитет под властью Святого Престола. В нынешних условиях борьба двух властей должна привести либо к победе папства, которое переживёт итальянское объединение, либо к полному изменению новой Италией иерархического принципа папства¹.

Если переживаемые Ватиканом трудности, по наблюдению Капниста, делали его позицию более несговорчивой чем когда-либо в отношении Италии, то его настрой в отношении других правительств стал настолько более примирительным, что предвидят время, когда их поддержка будет ему полезной и необходимой. Допуская, что Святой Престол ожидают лучшие дни, можно было бы, полагал он, рассматривать момент благоприятным для переговоров с Ватиканом по церковным делам, рассчитывая, что будет возникать меньше, чем обычно, трудностей.

Александр II по этому поводу придерживался иного мнения. «Я сомневаюсь, чтобы мы могли этим воспользоваться в данное время»², — заметил он.

Капнист пристально следил за сменой настроений среди населения Рима.

Каждый прошедший день, — писал он 28 / 16 января 1871 г., — способствует укреплению нового порядка вещей, начатого присоединением Рима Итальянским королевством. Самые строптивые умы с этим свыкаются и усваивают мысль, что возвращение к прошлому, даже частичное, становится всё более и более невозможным. Новые интересы, новые заботы стекаются в вечный город и занимают население, почти полностью отвлекая общее внимание от Ватикана, который остаётся, таким образом, изолированным и с каждым днём забытым всё более и более, до такой степени, что на этой стороне Тибра почти не подозревают, что папа продолжает пребывать на другом берегу.

Не менее чем реакция римлян дипломата занимало положение Ватикана на тот момент на международной арене.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Оп. 470. Д. 127. Л. 306–307.

² Там же. Л. 427–428.

Пока Европа молчит и остаётся индифферентной, католический мир не рушится и всё здесь продолжает функционировать без того, чтобы чересчур ощущалось произошедшее вокруг Святого Престола изменение, — продолжал он в том же донесении. — Это испытание представляет собой опасность, как раз самую грозную, для судеб папства. День, когда мир отдал бы себе отчёт в том, что эта основа древней и искусной организации латинской Церкви стала бесполезной; в том, что она не отвечает больше отпавшим потребностям, и в том, что большое число окружающих её установлений не достигает больше первоначальной цели и действует вхолостую, — именно в тот день то же произошло бы с могуществом Ватикана. Но до настоящего времени существует твёрдое убеждение, что этот момент ещё не наступил, и здесь молча готовят начала реакции, которую надеются вызвать в католическом мире, как только Европа вновь обретёт некоторое спокойствие после бурных потрясений, перенесённых ею в эти последние месяцы.

Капнист отмечал, что в начале войны Святой Престол явно склонялся на сторону Пруссии, особенно после первых успехов её армии, что проявилось как в речах папы и кардинала Антонелли, так и в актах Святого Престола. Это продолжалось до начала декабря, после чего началось охлаждение к Пруссии, в то время как всё более очевидно стали проявляться симпатии к Франции, а затем их перестали скрывать. Такой поворот был связан с уверениями французского духовенства в готовившейся во Франции мощной и благоприятной Святому Престолу реакции, при одновременном осознании невозможности чего-либо добиться от Пруссии. С тех пор Святой Престол следил единственно за тем, чтобы не скомпрометировать себя ни с одной, ни с другой из воюющих держав¹.

В отличие от многих членов дипломатического корпуса, озабоченных затруднением, созданным прибытием в Рим пьемонтского наследника, Капнист воспользовался своей независимой позицией в отношении Ватикана, чтобы быть представленным принцу Умберто. В беседе с ним он услышал несколько примечательных соображений. Из них было видно, что он не строил никаких иллюзий относительно возможности достижения согласия с Ватиканом. Для него не могло быть речи о примирении ни с Пием IX, ни даже с его преемником, тем более что он считал возможным избрание иезуита, который окажется столь же несговорчивым, как Пий IX. Он не исключал и осуществления обнаружившейся в Ватикане идеи назначения папой при жизни его собственного преемника. «Почему бы ему этого не сделать, раз он непогрешим и раз иезуитам удалось навязать их волю всем католическим епископам? Их смогут заставить принять это новшество, как их заставили принять непогрешимость. Когда провозгласили этот догмат, я очень обрадовался, хотя продолжал считать, что папа не более непогрешим, чем я сам», а затем принц добавил, что это не мешало ему быть добрым католиком и уважать папство².

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Оп. 470. Д. 95. Л. 8—10.

² Там же. Л. 16—20.

Российское правительство приняло к сведению сообщения итальянского правительства, которое вернуло свободу действий после падения императорского режима во Франции, о его намерениях в отношении решения «римского вопроса». Тем более что в это время обдумывалась возможность решения жизненно важного для России вопроса об отмене стеснительных статей Парижского договора 1856 г. путём заявления российского императора. А в такой ситуации, естественно, не следовало множить внешние трудности, обнаружив себя более требовательными в урегулировании вопроса, к которому были не причастны, чем католические державы, для которых он представлял первостепенный интерес. К тому же в условиях общего потрясения основ, на которых покоился до того весь политический порядок в Европе, представлялось безрассудным претендовать на то, чтобы признать перманентный и действительно прочный характер нового завершения построения итальянского здания. Хорошо помнили в С.-Петербурге и о том, что

...захват Рима был осуществлён самым радикальным путём кондоттьерами космополитической революции. Пьемонтская королевская власть утверждает, что она её терпела, скорее чем искала сближения, ради того чтобы, по крайней мере, спасти принцип социального и монархического порядка, приняв на себя инициативу неизбежной аннексии.

Но легко предвидеть, что партия действия, не имея перед собой больше внешней цели, чтобы её преследовать, направит всю свою энергию на внутреннюю борьбу против королевской власти. Эта власть достаточно сильная, чтобы сделаться меченом революции в эпоху только что завершившихся жестоких аннексий, станет ли она им отныне? Такова проблема, которую одно близкое будущее сможет разрешить. Конечно, это решение будет зависеть по большей части от нового порядка вещей, который сложится в Европе вследствие крушения Франции.

Если эта страна поставлена на прежнее место в условиях нормального существования при законном правительстве, различные признаки заставляют предвидеть реакцию консервативную и религиозную, могущую повлечь серьёзные затруднения по поводу римского вопроса. Италия, кажется, к этому готовится. Наши интересы нам позволят оставаться в стороне в этих обстоятельствах¹,

что, заметим, не означало полного отсутствия интереса к ней.

К циркуляру Горчакова, направленному российским представителям при правительствах великих держав, подписавших Парижский договор, Антонелли отнёсся положительно. Он в принципе признавал справедливость приведённых в нём аргументов. При этом он отмечал, что форма декларации, принятая императорским правительством, строго говоря, вовсе не соответствовала принципам международного права, но считал, что «было бы наивно требовать только от России соблюдения международных правил, пребывающих сегодня в Европе в состоянии лишь простой теории, поскольку основ европейского равновесия, созданного договора-

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1870. Оп. 475. Л. 204—207.

ми, больше не существует». Важнее было то, что он находил «несправедливым бесконечно отсылать Россию к подобному конгрессу, в то время как в принципе признана справедливость её требований, что касается пересмотра некоторых уни- зительных статей Парижского договора». Возможно, что папский министр был при этом небескорыстен, ибо, как показалось Капнисту, он с удовлетворением рас- сматривал перспективу созыва европейского конгресса, вероятно надеясь в этом случае предложить на его рассмотрение «римский вопрос»¹.

Итак, 1870 год, отмеченный рядом важнейших событий в жизни Европы и Ватикана, обозначил определённый рубеж в отношениях России с Ватиканом. С утратой папой светской власти речь больше не шла об отношениях двух монар- хов, а только об отношениях глав двух Церквей. Хотя по существу это мало что в них меняло, но, особенно на первое время, означало появление для пап нового трудного вопроса, решение которого они искали во многих европейских столицах, и С.-Петербург не был исключением.

Оглядываясь на трудный путь, пройденный в этих отношениях почти за пол- столетия, следует выделить два момента.

Отличительной чертой отношений России с Ватиканом, проистекавшей из осо- бенностей самой их природы, было то, что они по существу предполагали опреде- лённое вмешательство Святого Престола во внутренние дела Империи, в жизнь подданных императора, исповедовавших католическую религию.

Что касалось серьёзных взаимных обвинений: со стороны Ватикана — в стремлении императорского правительства покончить с католической Церковью в своих пределах, а со стороны России — в намерении папского правительства совращать российских подданных в католицизм, — представляется необходимым заметить следующее.

Обвинения императорского правительства в намерении покончить с католи- ческой Церковью в Польше, безусловно, выглядят, по меньшей мере, очень не- серьёзно. В С.-Петербурге прекрасно осознавали роль религии, чтобы строить столь нелепые планы. Свою задачу там видели в том, чтобы использовать её в своих целях, а для этого поставить под свой контроль. Она должна была стать составной частью попытки интегрировать польское общество в жизнь Россий- ской империи. При вынесении суждения о многих мерах императорского прави- тельства в отношении католической Церкви Царства Польского, вероятно, надо исходить из общей оценки в принципе интеграционных процессов в целом, со- ставной частью коих они являлись, и прежде всего из того, закономерно ли было его стремление осуществлять их в конкретных условиях Польши, прошедшей через разделы.

Возвращение же униатов в православие трудно инкриминировать российской стороне, как прозелитизм, поскольку речь шла о пастве, которую она считала

¹ АВПРИ. Ф. Отчёты МИД. 1870. Оп. 475. Л. 309—310.

незаконно похищенной в своё время. Далеко не случайно, несмотря на её эмоциональный характер, реакция Курии по этому поводу оказалась вовсе не такой, как можно было ожидать. Ведь она не пошла в этом случае на разрыв отношений, ограничившись выражением огорчения, упреками, хотя никогда не забывала о понесённой утрате.

Прозелитизм же со стороны Курии отражал лишь одно из основополагающих положений римско-католической Церкви, и вполне закономерны были опасения по этому поводу православной Церкви. В этой связи сошлёмся на заключение монсеньора Джузеппе М. Кроче, хорошо знакомого с фондами Секретного архива Ватикана по поводу событий в России. Он писал, что «известие о падении самодержавия, конечно, не было принято с сожалением в Ватиканском дворце, который видел в исчезновении царского режима устранение преследования католицизма и главного препятствия римскому “проникновению” в огромную славянскую нацию». Он же привёл сведения о том, что после прихода к власти временного правительства одна конгрегация утверждала, что «политические изменения в России, наконец, предоставляли возможность реорганизации католических структур, с одной стороны, и миссионерской деятельности в православном мире — с другой»¹.

При близком знакомстве со всеми перипетиями в этих отношениях поражает, какое огромное внимание им уделяли обе стороны, причём и на самом высоком уровне, а именно: российские императоры и римские папы.

¹ Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI. Atti del Simposio organizzato dal Ponteficio Comitato di Scienze Storiche e dall'Istituto di Storia Universale dell'Accademia delle Scienze di Mosca. Città del Vaticano, 2002. P. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ

Архив внешней политики Российской империи
Государственный архив Российской Федерации
Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)
Российский государственный исторический архив
Центральный государственный архив древних актов

Archivio Segreto Vaticano

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Акты и грамоты об устройстве и управлении Римско-католической церкви в Империи Российской и Царстве Польском. СПб., 1861.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы министерства иностранных дел. Сер. первая (1801–1815); Сер. вторая (1815–1830).

Из писем Николая I И.Ф. Паскевичу // Русский архив. Кн. 1. М., 1910. № 3.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. СПб., 1888.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 18–19, 21, 23–28, 31, 34. СПб., 1830.

Последняя польская смута по переписке между Варшавой и Петербургом в 1861 г. // Русская старина. Т. 36. СПб., 1882. № 12.

Штротсмайер И.Г. Речь епископа Штротсмайера, произнесённая в 1870 г. на Ватиканском соборе. Ковно, 1895.

Esposizione documentata sulle costanti cure del Sommo Pontefice Pio IX a riparo dei mali che soffre la Chiesa Cattolica nei Domini di Russia e Polonia. Roma, 1866.

Documenti diplomatici relativi alla questione romana. Firenze, 1870.

La correspondance des papes et des empereurs de Russie (1814–1878). Selon les documents authentiques par S. Olszawska-Scowronska // Miscelanea Historiae Pontificiae edita a Facultate Historicae Ecclesiasticae in Pontificia Universitate Gregoriana. Vol. XXIX. Roma, 1970.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, БИОГРАФИИ, ПУБЛИЦИСТИКА

- Александр II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.
- Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. СПб., 1880.
- Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. М., 1973.
- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. XII–XIII. М., 1952.
- Головин К. Мои воспоминания. СПб.; М., 1910.
- Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1–2. М., 1961.
- Долгоруков П.В. Петербургские очерки 1860–1867. М., 1934.
- Жиркевич А.В. Из-за русского языка. (Биография каноника Сенчиковского в двух частях.) Ч. I: На Родине Белоруссии. Вильна, 1911.
- Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселёв и его время. Т. 3. СПб., 1882.
- Записки Иосифа митрополита (Семашко) литовского. Т. 1–3. СПб., 1883.
- Карцев П.П. Воспоминания. Варшава в 1860 и 1861 гг. // Русская старина. СПб., 1882. № 12.
- Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашко митрополита литовского и виленского и воссоединение западнорусских униатов с православною исповедью в 1839 г. Вильна, 1893.
- Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1868.
- Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. СПб., 1883. № 10.
- Литовский И. Записки о воссоединении греко-униатского духовенства и народа Белоруссии и на Волыни с православной Церковью. Писал для памяти потомства и будущего историка Василий архиепископ, бывший Полоцкий и Витебский. 1866 // Русский архив. Кн. 2. М., 1881.
- Наркевич Н.А. Воспоминания об императоре Александре II. СПб., 1912.
- Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000.
- Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники. Т. 1–2. М., 2000.
- Победоносцев К.Г. Сочинения. СПб., 1996.
- Прцеславский О.А. Воспоминания. Министр — статс-секретарь Туркул (1797–1857) // Русская старина. СПб., 1875. № 12.
- Прцеславский О.А. Воспоминания. Митрополит Головинский (1807–1853) // Русская старина. Т. 66. СПб., 1890.
- Россет А.О. Записки, дневники, воспоминания, письма. М., 1990.
- Светлейший князь А.М. Горчаков. Из воспоминаний о нём его духовника протоиерея И.И. Базарова // Русский архив. М., 1896. № 3.
- Семашко Иосиф. Записки. Т. 1–3. СПб., 1883.
- Толстой Д.Н. В память В.В. Скрипицина. Из воспоминаний о нём. Несколько слов в память // Русский архив. Кн. 1. М., 1876; Кн. 3. 1877; Кн. 3. 1881.
- Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Т. 1–2. М., 1928–1929.
- Тютчев Ф.И. Папство и римский вопрос // Тютчев Ф.И. Полное собр. соч. СПб., 1912.
- Штрессмайер И.Г., Деллингер И. Папская непогрешимость. Сергиев Посад, 1914.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. I–VII. СПб., 1888–1904.

Consalvi Er. Memoires du cardinal Consalvi. Т. 1–2. Р., 1864–1867.

La Guéronnière F. Le Pape et le Congrès. Р., 1860.

Metternich R.W. Memoires, documents et écrits divers. Р., 1881–1883.

The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.I. Variatinskii. 1857–1864 / Ed. with an essay by Reiber. Р.; The Hague, 1966.

ЛИТЕРАТУРА

Батюшков П.Н. Холмская Русь. СПб., 1887.

Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. СПб., 1890.

Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959.

Бушуев С.К. А.М. Горчаков. Дипломат 1798–1883. М., 1961.

Бушуев С.К. А.М. Горчаков. Из истории русской дипломатии. Т. 1–2. М., 1944–1945.

Валуев П.А. Современные задачи // Религия и наука. Вып. 1. М., 1886.

Винтер Э. Папство и царизм. М., 1964.

Военский К.А. Император Николай и Польша в 1830 г. СПб., 1905.

Головин И.Г. Alexandre II et la Pologne. Р., 1863.

Дебидур А. Политическая история Европы XIX века. История внешних сношений европейских держав с 1814 по 1878 г. Т. 1. СПб., 1903.

Жомини А.Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. СПб., 1886. № 4.

Задворнов В., Юдин А. История католической церкви в России. Краткий очерк. М., 1995.

Инглот М. Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820) и его роль в всеобщем восстановлении Ордена во всем мире. М., 2004.

История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997.

История дипломатии. Т. 1. М., 1955.

Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955.

Канделоро Д. История современной Италии. Т. 1–5. М., 1958–1971.

Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998.

Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1965.

Ковалевский У.П. Граф Блудов и его время. Сочинения. Т. 1. СПб., 1871.

Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001.

Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.

Морошкин М.Я. Иезуиты в России в царствование Екатерины II и до нашего времени. Ч. 1–2. СПб., 1867, 1870.

Морошкин М.Я. Воссоединение унии // Вестник Европы. СПб., 1872. № 4.

- Мосолов А.Н. Виленские очерки 1863–1864 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898.
- Назаревский Н.Н. Царствование императора Николая I. 1925–1855. М., 1910.
- Очерк истории Министерства иностранных дел 1802–1902. СПб., 1902.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1–3. М., 2002.
- Пирлинг П. Россия и Папский Престол. Кн. 1: Русские и Флорентийский собор. М., 1912.
- Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России. 1845–1867. СПб., 1868.
- Попов А.Н. Рим в 1847 и 1848 годах. СПб., 1871.
- Попов А.Н. Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год. СПб., 1871.
- Ранке Л. Римские папы в последние четыре столетия. Т. 1–2. СПб., 1874.
- Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. М.; Л., 1957.
- Российская дипломатия в портретах. М., 1992.
- Серова О.В. «Римский вопрос» и внешнеполитический курс Италии в конце XIX в. // Проблемы итальянской истории. М.: Наука, 1983.
- Серова О.В. Взгляд из Петербурга на отношения со Святым Престолом // Россия и Ватикан в конце XIX — начале XX в. СПб., 2003; Она же. Европейский альманах. 1999. М., 2000.
- Серова О.В. Россия и Ватикан в начале 60-х годов XIX века // Россия и Европа. Дипломатия и культура. Вып. 2. М., 2002.
- Серова О.В. Переговоры России со Святейшим Престолом о заключении Конкордата 1847 года // Россия и Европа. Дипломатия и культура. Вып. 3. М., 2004.
- Серова О.В. Российские дипломаты о реакции в Риме на изгнание Общества Иисуса // Россия и иезуиты 1772–1820. М.: Наука, 2006.
- Серова О.В. Встреча двух монархов и глав двух Церквей. Поездка Николая I в Рим // Взаимодействие культур и социумов в контексте всемирной истории. М., 2007.
- Серова О.В. Несостоявшийся брак российской великой княжны с австрийским эрцгерцогом. Роль Ватикан // Европейский альманах. 2006. М., 2007.
- Серова О.В. Папа Пий IX и дело аббата Буткевича // Вопросы истории. М., 2013. № 6.
- Сироткин В.Г. «Римский вопрос» в 1870 г. по донесениям русских дипломатов // Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию. М., 1963.
- Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890.
- Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. Ч. 1, 2 // История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1–2. М., 1996–1997.
- Тальберг Н. Император Николай I в свете исторической правды (1839–1842). Н. У., 1961.
- Тамборра А. Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога. М., 2006.
- Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Соч. Т. 8–9. М., 1959.
- Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая первого. СПб., 1887.
- Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике России. Т. 1–2. СПб., 1890, 1898.

- Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторический очерк. СПб., 1889.
- Татищев С.С.* Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890.
- Татищев С.С.* Император Александр II. Т. 1–2. СПб., 1903.
- Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1–2. СПб., 1911.
- Толомео Р.* Русско-ваканские отношения и армяне-католики Кавказа // Россия и Ватикан в конце XIX — первой трети XX в. СПб., 2003.
- Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1–2. СПб., 1876–1877.
- Шейман М.М.* От Пия IX до Павла VI. М., 1979.
- Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1905.
- Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Кн. 1–2. М., 1997.
- Alexandre II et l'entrevue de Varsovie.* P., 1860.
- Boudou A.* Le Saint Siège et la Russie: Leurs relations diplomatiques au XIX-e siècle. Vol. 1–2. P., 1922, 1925.
- Charles-Roux F.* Alexandre II Gortchakoff et Napoléon III. P., 1913.
- Leonarde P.* L'idée des Nationalités interprétée par Alexandre II. Leipzig, 1864.
- Lescœur L.* L'Eglise catholique en Pologne sous le gouvernement russe. Т. 1–2. P., 1860.
- Pierling P.* La Russie et le Saient Siège. Étude diplomatique. Vol. 5. P., 1912.
- Rouet de Journel M.-J.* La compagnie de Jésus en Russie. P., 1922.
- Salata F.* Per la storia diplomatica della questione romana. Da Cavour alla Triplice Alleanza. Milano, 1929.
- Schmourlo E.* La visita dello zar Nicolò I al papa Grigorio XVI (1845) // Miscelanea di storia e cultura ecclesiastica. Anno V. Roma, 1906–1907.
- Serova O.V.* Uno sguardo da San Pietroburgo alle relazioni con la Sante Sede // Santa Sede e Russia da Leone a Pio. Città del Vaticano, 2002.
- Serra E.* La diplomazia pontificia e le sue fonti // Introduzione alla storia dei trattati e alla diplomazia. Milano, 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Адзелио Массимо Тапарелли д', 947
- Адлерберг Владимир Фёдорович, 466, 676
- Актон Карло Дженнаро Эдоардо (Чарльз Джануариус), 426, 437, 447, 448, 459, 460
- Александр, великий князь, 348
- Александр I, российский император, 20, 22–24, 29, 30, 38–43, 45, 48, 50–52, 55–58, 62, 64, 69, 78, 92, 146, 160, 167, 171, 183, 264, 276, 277, 296, 356, 415, 416, 423, 438, 439, 446, 482, 528, 537, 706, 723, 776
- Александр II, российский император, 12, 711, 723, 725, 731, 732, 745, 746, 755, 757, 758, 762, 769, 770, 773, 776, 779, 783, 788, 789, 799, 802, 810, 812, 814, 816, 819, 821–823, 825, 826, 828, 831, 833, 834, 841, 845, 849, 853, 858, 867, 868, 870, 871, 878, 886, 887, 892–894, 905, 910, 918, 919, 922, 929–936, 949
- Александр III, российский император, 12
- Александр Николаевич, великий князь (российский император Александр II), 185, 233, 234, 237, 348
- Александра Николаевна, великая княгиня, дочь Николая I, 382, 394
- Александра Павловна, великая княгиня, сестра Николая I, 380, 467
- Александра Фёдоровна (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина Прусская), российская императрица, 401, 249, 468, 470, 502, 503, 762
- Алексей Михайлович, русский царь, 15
- Алессандро V, римский папа, 12
- Алессандро VII, римский папа, 107
- Альбани Джузеппе Андреа, 90–92, 102, 107–110, 112, 114–117, 119, 123, 124
- Альберт, прусский принц, 401
- Альберт Альбрехт Фридрих Рудольф, австрийский эрцгерцог, 381, 382, 394, 395
- Альбертов, гражданский губернатор в Плоцке, 764
- Альтенбург Сакс, герцог, 428
- Альтъери Лодовико, 213, 274, 313, 314, 350, 354, 355, 465, 517
- Амвросий (Подобедов Андрей Иванович), митрополит новгородский и петербургский, 25
- Анна Иоанновна, российская императрица, 15
- Антинори, аудитор Роты, 520
- Антон Иосиф, 380
- Антонелли Джакомо, 608–611, 613, 617–621, 623, 624, 640–645, 651, 652, 656, 657, 660–666, 669–676, 683, 684, 687–689, 694, 695, 697–699, 704, 705, 710–713, 715,

- 717–722, 725, 726, 728, 736–738, 746, 748, 750–752, 756, 757, 759, 762–770, 772, 774, 775, 784, 786–792, 798–800, 802, 803, 811, 819, 821, 823–825, 831–834, 838–840, 843, 845–847, 849–854, 867, 870, 872, 879, 882–885, 897, 905, 908, 915, 916, 918, 919, 928–930, 932, 933, 942, 944, 950, 951
- Антоний, епископ брестский, 253
- Ареццо Томмазо, 23, 24, 78
- Аристотель, 433
- Аркетти Джованни Андреа, 18, 19, 28, 540, 565
- Аркур Бернар д', 634, 640
- Арним Гарри фон, 843
- Артибьяни, служащий библиотеки Ватикана, 747
- Б**
- Барберини Бенедетто, 110, 111
- Барятинский Александр Иванович, 779, 781
- Батюшков Помпей Николаевич, 744
- Бейст Фридрих Фердинанд фон, 895
- Беклешов Александр Андреевич, 21
- Бенвенутти Джованни Антонио, 22, 23, 87, 88, 127
- Бенедикт XIV, римский папа, 98, 99, 111, 112, 163, 450, 483, 550, 555, 567, 583, 586, 614, 837
- Бениславский Иоанн, 26
- Бенкендорф Александр Христофорович, 795, 796
- Берарди Джузеппе, 800, 801, 804, 825, 829, 856, 871, 872, 878, 879, 881, 884, 903
- Берг Николай Васильевич, 776, 781, 796
- Берг Фёдор Фёдорович (Фридрих Вильгельм Ремберт), 777, 812, 855, 856, 859, 901, 904, 917–919
- Березовский Антон Иосифович, 867
- Бернетти Томмазо, 55, 59–64, 78, 80–81, 84, 85, 87, 89, 91–93, 95, 97, 99, 100, 110, 116, 123–125, 127, 131–133, 135, 136, 138, 144, 154, 155, 157–160, 163, 168, 169, 173, 174, 178, 179, 181, 187–189, 191, 197, 199, 217, 420, 426, 517
- Бибиков Дмитрий Гаврилович, 627, 795
- Бисмарк Отто фон, 888
- Блок, прелат, 669
- Блоцкий, епископ, 637
- Блудов Дмитрий Николаевич, 31, 69, 71, 72, 92–101, 110, 111, 113, 160, 161, 216, 241–247, 250–253, 506, 515, 516, 523, 525, 528, 531, 532, 534–537, 542–549, 551–558, 561–564, 567, 570–582, 588, 591–596, 605, 610, 615–618, 623, 637, 639, 640, 645, 651, 665, 670, 734, 748
- Бонифаций VII, римский папа, 937
- Бонифаций VIII, римский папа, 894
- Боровский Гаспар, 527, 616, 636, 750, 867, 920, 923, 926, 929
- Борх Александр Михайлович, 793
- Бофонди Джузеппе, 608
- Бранкадоро Чезаре, 60
- Бржзовский Зенон Карлович, 796
- Брунелли Джованни, 524, 554
- Бруннов Филипп Иванович, 56

- Будберг Андрей Фёдорович, 867, 888–894
- Буду Адриен, 34, 169, 215, 216, 226, 355, 629, 631, 690, 821, 829, 871, 877, 883, 899, 924, 925
- Булгак Иосафат Игнатий, 85, 97, 106, 111, 112, 244, 358
- Бунзен Кристиан Карл Йосия, 124, 132, 135
- Буоль-Шауенштейн Карл Фердинанд, 404, 405
- Бутенев Аполлинарий Петрович, 54, 320, 329–333, 336, 341–359, 366–370, 372, 374–378, 384–386, 412–421, 424–426, 435, 437, 441, 447, 452, 454, 455, 457, 469–474, 476–478, 481, 483, 487, 500–503, 508, 516–519, 522–524, 536, 537, 542, 543, 545–547, 551–567, 570–573, 575, 577–582, 588, 591–599, 601–625, 631–635, 637–646, 650–652, 654–665, 667–674, 676, 678, 679, 683–689, 692–699, 702–704, 707, 711, 726–728, 734, 748
- Буткевич Бонавентура, 624, 637, 650–662, 669, 676–691, 693, 696–710, 720, 721, 731, 732, 736, 748
- Бутурлин Дмитрий Фёдорович, 24, 40
- Бышковский Иосиф, 26, 30
- Бьянки Анджело Амброджо, 747, 759–761
- Бялобржеский (Белобржеский, Бялобревский) Антоний, 782, 792
- В**
- Важинский Порфирий, 739
- Валенциани, каноник, 664
- Валле, аббат, 543
- Валуев Пётр Александрович, 779, 783, 793, 799, 811, 812, 817, 837, 859–863, 880, 883, 900, 904, 908, 909, 926
- Ванло, художник, 440
- Вартерисович, администратор армяно-католической могилёвской епархии, 361
- Василий, епископ оршанский, 253
- Василий II Тёмный, великий князь московский, 16
- Велёпольский Александр Игнаци, маркиз Гонзага Мышковский, 780, 811, 816, 862
- Вентура Джоакино, 547
- Вержбицкий Валентин, 277, 278
- Вернег Жозеф Готье, 23
- Весковали Луиджи, 635, 880, 908
- Веспассани Филипп, 747
- Вестман Владимир Ильич, 12
- Виале-Прела Микеле, 386, 387, 394, 402, 405, 410–412, 434, 462, 468, 488, 542, 643, 664, 666–669, 673
- Виктор Эммануил II, итальянский король, 944
- Виклиф (Уиклиф) Джон, 234
- Вильгельм I, вюртембергский король, 468
- Вильгельм I, прусский король, 381, 427, 428
- Вильчинский Анатолий, 105–107, 109–111, 116
- Вильям Селестин, 558, 562, 575, 577, 655
- Винтер Э., 238
- Висконти Джованни Франческо, 455, 457, 674, 676

- Владимир, великий князь, 852, 909, 917
 Вноровский Казимир (Казимеж Юзеф), 680
 Войткевич Адам, 527, 610, 624, 637, 669
 Войцицкий Иосиф, 743, 901
 Волконская Зинаида Александровна, 747
 Волконский Александр Никитич, 849
 Волконский Григорий, 634, 635
 Волконский Пётр Михайлович, 456
 Волончевский Матвей, 610, 636, 920
 Воронцов Александр Романович, 802
 Воронцов Михаил Семёнович, 367, 368
 Воронцов-Дашков Иван Илларионович, 352
 Вяземский Пётр Андреевич, поэт, 515
- Г**
- Гагарин Григорий Иванович, 66, 67, 73–77, 80–93, 101–141, 148, 149, 152, 154–160, 163, 164, 166, 168, 169, 171, 176, 178, 517, 519, 753, 754
 Гагарин Павел Павлович, 838, 853, 859, 922
 Гагстаузен (Хакстхаузен) Август фон, 354, 355, 386
 Гамберини Антонио Доменико, 87, 90, 173
 Гарибальди Джузеппе, 642, 885, 886
 Гаццола Бонавентура, 88
 Гаццоли Лодовико, 521
 Гверчино Джованни Франческо, 542
 Гедеонов (Гнедионов) Степан Александрович, 676
 Гедимин Ефросинья, 474, 477
 Генрих V, английский король, 423
 Гершенцвейг (Герштенцвейг) Александр Данилович, 783
 Гессен (Гезен) Виктор Августович, 895
 Гешковский (Гишковский, Гесковский) Антон, 752
 Гизо Франсуа, 473
 Гинтилло Иоанн, 353, 358, 631, 637
 Гирс Николай Карлович, 12
 Гогенлое-Рехберг, принц, 429
 Гоголь Николай Васильевич, писатель 453–455
 Голдман Иосиф, 324, 325, 327, 328, 340, 358, 680
 Голицын Александр Николаевич, 46, 47, 248
 Головин Евгений Александрович, 210
 Головинский Игнатий, 527, 610, 616, 619, 627–631, 636, 669–671, 690, 710, 735, 736, 796, 922
 Голуховский Агенор Мария Адам, 898
 Горемыкин Иван Логгинович, 922
 Горский Октавиан, 527, 624, 637, 669, 683, 704, 711
 Горчаков Александр Михайлович, 12, 55, 169, 213, 426–430, 468, 591, 746, 747, 750–754, 756–759, 761, 763, 767–768, 770, 772–775, 784–789, 791, 797–802, 809, 810, 819, 827, 828, 830, 841, 844, 845, 847, 849, 850–854, 856, 857, 861, 867–869, 871, 875, 876, 880, 883, 886–894, 896, 897, 899, 900, 903–905, 907, 908, 910, 911, 915, 917–919, 924,

- 925, 927, 931, 933, 936, 938, 945, 951
- Горчаков Михаил Дмитриевич, 755, 766, 771, 776, 777, 779, 780, 781
- Грамон Аженор (Агенор), 899
- Григорий VII, римский папа, 284, 937
- Григорий XIV, римский папа, 439
- Григорий XVI (Бартоломео Альберто Капеллари, в монашестве Дом Мауро), римский папа, 118, 124, 149, 171, 177, 181, 195, 199, 206, 207, 210, 215, 235, 237–240, 264, 271, 287, 288, 291, 292, 299, 301, 303, 304, 307, 314, 318, 357, 386, 387, 391, 393, 394, 412, 415, 418, 423, 430, 432, 437–441, 446, 449–454, 457, 459, 464, 487, 491, 516, 518, 519, 523–525, 543, 586, 599, 623, 650, 653, 654, 675, 694, 740, 839
- Грубер Габриэль, 28, 30
- Грудзинская Иоанна или Жанетта Антоновна, принцесса Лович, княгиня, 275
- Губастов Константин Аркадьевич, 11–13, 852
- Губе Ромуальд Михайлович, 734
- Гуррьери (Гуэррьери) Чезаре, 61
- Гурьев Николай Дмитриевич, 164–182, 185–192, 196, 202, 203, 207, 215–220
- Гус Ян, 234
- Гутковский Иоанн Маркелл, 185, 192–196, 201–204, 206, 208–211, 213–216, 220–233, 241, 254, 256, 259, 262, 266, 272, 274–287, 289, 291–296, 301, 302, 312, 313, 320–322, 328
- Д
- Дамьяно, префект в Грузии, 365
- Де Анжелис Филиппо, 517
- Де Григорио Эммануэле, 87, 89–91, 189, 190
- Де Лука Антонио Саверио, 746
- Делла Дженга Серматтеи Габриэле Аннибале (Лев XII, римский папа), 22, 23
- Делла Сомалья Джулио Мария, 57–62, 76, 78, 87, 91
- Державин Гаврила Романович, поэт, 515
- Джицци Томмазо Паскуале, 517, 523–525, 542–544, 546, 557, 558, 560–566, 572, 574, 575, 577–581, 589, 593, 597, 600, 610, 616
- Джоберти Винченцо, 613
- Джунковский Степан Степанович, 637
- Джустианини, маркиз, 456
- Джустианини Джакомо, 123
- Дзенцельский Юзеф Марцелий, 201
- Дибич Забалканский Иван Иванович, 155
- Дмоховский Казимир, 575, 596, 597, 616, 619, 636, 639, 669, 922
- Доброволький, священник, 274
- Долгорукий Алексей Алексеевич, 752
- Долгорукий Дмитрий Иванович, 334, 336–339
- Долгорукий Юрий Алексеевич, 246, 247
- Домбровский, аббат, 626
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович, 921, 922
- Дондуков-Корсаков Алексей Михайлович, 741, 743, 744
- Дурандо Джованни, 611

Е

- Евгений, великий князь, 762
 Екатерина I Алексеевна (Марта Сковронская), российская императрица, 15
 Екатерина II Алексеевна (Софья Фредерика Августа), российская императрица, 15–22, 28, 29, 38, 47, 55, 56, 67, 69, 80, 92, 261, 264, 265, 298, 304, 354, 363, 398, 482, 540, 565, 576, 723, 802, 839, 941
 Елена Павловна (Фридерика-Шарлотта-Мария, принцесса вюртембергская), великая княгиня, 408, 410, 411, 429, 542, 756, 762
 Елизавета, 348
 Еловинский (Яловицкий) Александр, 402, 421, 444, 459, 475–477, 503

Ж

- Жарский Иосафат, 247, 626
 Жилинский Венцеслав, митрополит, 527, 616, 766, 767, 773, 870, 871
 Жилинский Пётр Игнатий, 626, 630, 636, 752, 793
 Жомини Александр Генрихович, 12, 55, 56, 632, 645, 723, 831, 939
 Жуковский Василий Андреевич, поэт, 453–455, 515

З

- Замойская Элиза (Эльжбета), графиня, 796
 Замойский Андрей, граф, 777, 779, 812
 Зубко Антон, 72, 247, 626

И

- Ибрагим-паша, 406
 Иван III Васильевич, великий князь московский, 396–398
 Иванов Александр Андреевич, художник, 455, 456
 Иероним Прагский (Пражский), 234
 Извольский Александр Петрович, 12, 240
 Икскуль-фон-Гилленбанд Карл Петрович, 906, 907, 915
 Иннокентий X, римский папа, 840
 Иосиф, епископ литовский, 253
 Иосиф Антон, австрийский наместник в Венгрии, 380
 Исидор, митрополит, 16, 93
 Италинский Андрей Яковлевич, 12, 48–53, 56–67, 73, 86, 88, 102, 103, 106, 167, 168, 356, 415, 416, 517, 519, 537

К

- Кавур Камилло Бенсо ди, 946
 Калининский Иоанн, 837, 841, 842, 845, 879, 897
 Камподонико Амброджо, 61
 Кан Фердинанд Геланус, 610, 636, 637, 669, 695, 696, 720, 721, 750
 Капаччини Франческо, 172, 173, 178, 181, 187, 188, 196–199, 204, 207, 215–219, 226, 227, 233, 254, 257, 264, 270–272, 283, 287–290, 292, 294, 297, 299–301, 351, 352
 Капнист Пётр Алексеевич, 33, 800, 821, 852–856, 867, 869–874, 877, 878–881, 883, 884, 900, 903, 904,

- 908, 910, 916–920, 925–942, 945–950, 952
- Каподистрия Иоанн (Иоаннис) Антонович, 753, 754
- Капеллари Дом Мауро (Григорий XVI, римский папа), 88, 90, 106, 108, 122–124, 199
- Капра Джованни Батиста, 856
- Карамзин Николай Михайлович, историк, 515
- Карбони Лука, историк, 13
- Кардиналы Луиджи, 61
- Карл, прусский принц, 428
- Карл III, испанский король, 87
- Карл IV, испанский король, 87
- Карл-Александр, принц Саксен-Веймар-Эйзенахский, 380
- Карл-Альберт, сардинский король, 609
- Карл Фридрих Александр, принц вюртембергский, 427
- Карцев Павел Петрович, 777, 778
- Кассини Виктор Иванович, 23, 24
- Кастильони Франческо Саверио Мария Феличе (Пий VIII, римский папа), 89–91, 123
- Кастракане дельи Антелминелли Каструччо, 106, 517
- Киджи Д. Агостино, 441
- Киджи дон Джованни, 747
- Киджи дон Марио, 747
- Киджи Флавио, 454, 711, 747, 748, 750–759, 794, 796, 797, 867–871, 876, 879, 881, 885, 908, 910
- Киреев Алексей Николаевич, 451
- Киреева Александра Васильевна, 451
- Киселёв Николай Дмитриевич, 473, 705, 726–728, 730, 734, 740, 745–750, 758, 759, 762–770, 772–774, 784–793, 797–804, 809, 819, 821, 823–826, 829, 830, 832–834, 852, 886
- Киселёв Павел Дмитриевич, 13, 354, 506, 724, 725, 734, 752, 793, 794, 796, 942
- Клермон-Тонер Анн-Антуан-Жюль де, 90, 91, 95
- Климент VIII, римский папа, 16, 79, 82, 83, 92, 94, 95
- Климент XIV, римский папа, 29, 73, 85
- Клонжевик Анжей Бенедикт (Клончевич), 266
- Козловский Пётр Борисович, 48
- Козловский Симеон (Семён), 631
- Коллоредо, австрийский посол, 627, 629–631
- Коко Джованни, историк, 14
- Конарский Агриппин, 795
- Консальви Эрколе, 22, 23, 42, 43, 45, 87, 90, 91, 102, 131, 139, 356, 415, 856
- Константин, византийский император, 210
- Константин Николаевич, великий князь, 501, 503, 810–812, 862, 924
- Константин Павлович, великий князь, 41, 105, 275, 276, 780
- Корболи-Бусси Джованни, 481, 483–487, 504, 523, 524, 546, 552, 555, 563, 564, 572, 574, 578, 581, 589, 591, 592, 619, 623–625, 634, 640, 655
- Корф Модест Андреевич, 828

- Коссаковский Станислав Осипович, 102, 106
 Коссовский Генрих Антон, 752
 Костюшко Тадеуш Анжей Бонаventura, 782
 Котовский Антон, 321, 322, 325, 327–329, 332, 333, 358, 655, 656, 681, 703
 Кочубей Виктор Павлович, 23
 Красинский Станислав Адам, 837
 Кривцов Павел Иванович, 196–204, 207–216, 220, 221, 225, 226, 231, 237, 239, 240, 267, 306, 309, 313, 320–329, 332, 358, 363, 366, 367
 Криштофович (Христофорович, Кшиштофович, Крейстофович) Иосиф, 361–363
 Кронберг Леопольд, 779
 Кроче Джузеппе М., 953
 Крупинский, прелат, 680
 Ктосинский Флориан, 193
 Кудэ, аббат, 752
 Куземский Михаил, 901, 903–905, 907
 Куракин Александр Борисович, 23
 Кутузов Михаил Илларионович, 381
- Л**
- Ламартин Альфонс Мари Луи де, 320
 Ламберт Карл Карлович, 781–787
 Ламбрускини Луиджи Эммануэле Николо, 123, 199, 203, 204, 207, 211, 213–216, 227, 230–233, 236, 237, 255, 257–260, 263, 264, 267, 270, 272, 279, 282, 283, 287–290, 292, 294–297, 299, 301, 302, 307–313, 322–324, 327–329, 331–333, 336, 337, 339, 341, 342, 344, 346–350, 353, 355, 356, 358, 359, 363, 365–368, 370, 374–376, 378, 384, 386–388, 391, 402, 405, 408, 412–415, 417–421, 423–425, 431, 432, 434, 437, 444–448, 451, 452, 454, 459, 460, 462, 463, 468, 469, 471, 472, 474, 476–481, 484, 487–489, 493, 501–504, 516–518, 521–523, 543, 544, 546, 549, 550, 552, 554, 555, 558, 563, 564, 571, 572, 574, 576, 577, 580, 582, 589, 592, 600, 629, 640, 641, 667, 694
 Ламенне Фелисите Робер, де 284
 Ланжервье, 812
 Ланской Сергей Степанович, 627, 734, 735, 762, 770, 771
 Лаский, управляющий могилёвской епархией 527, 626
 Лебцельтерн Людвиг Иосиф, 415
 Лев XII (Габриэле Аннибале, граф делла Дженга), римский папа, 61, 73, 75, 76, 84, 86, 88, 118, 119, 122, 130, 139, 156, 160, 176, 519
 Лев XIII (Печчи Джоакино Раффаэле Луиджи), римский папа, 12
 Левинский Францишек Игнацы, 257
 Левшин Лев Герасимович, 782
 Ледоховская, графиня, 680
 Летовский Иосиф, 350, 358, 621–623, 625
 Лидерс (Людерс) Александр Николаевич, 783
 Липский Викентий, 740, 762
 Липский Матвей, 329
 Лисовский Иракий, 95, 96, 495

Литвинович Спиридон, 900, 905
Литта Лоренцо, 20–23, 25, 87, 537, 540, 565
Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, 12, 875
Лович Иоанна (Жанетта) Антоновна (урождённая графиня Грудзинская), княгиня, 275
Лужицкий Василий, 247, 626
Луи Филипп, Луи Наполеон (Наполеон III), 401
Лэмб Фридрих Джеймс, 143
Любинский Константин Тадей Иосиф Иреней, 324, 325, 327, 328, 340, 358, 920
Людиге (Лидике), аббат, 709
Лютер Мартин, 234, 235
Лютцов (Дрей-Лютцов унд Зеедорф) Рудольф фон, 87, 89, 129–132, 134, 135, 144, 154, 158, 160, 388, 391, 393, 394, 403, 406–408, 412–415, 420, 421, 423–425, 433–435, 458, 460, 462–464, 469, 471, 479, 488, 502, 503, 607
Людчарди Доменико, 747

М

Мадзини Джузеппе, 613
Маи Анджело, 517
Макки Винченцо, 123, 517, 518
Макс, баварский кронпринц, 380
Максимилиан Габсбургский, австрийский эрцгерцог, мексиканский император, 894
Максимилиан (Лихтенберг, Лихтенбергский), герцог лихтенбергский, 267, 271, 313, 315, 318
Малаховский, граф, 779
Мальтиц Франц Петрович, 300
Мамиани Теренцио, 613, 632, 633
Марини Марино, 917, 919, 927, 930, 932
Марини Пьетро, 520
Мария Анна, австрийская королева, 503
Мария Николаевна, великая княгиня, графиня лихтенбергская, 267, 313, 394
Мария Фёдоровна, российская императрица, 427
Маркевич Виктор, 72
Мартинес де ла Роса Франсиско Паул, 640
Мартынов Иван Матвеевич, 927
Маршак Д. Маттиа, 622, 623, 643
Маршевский Михаил, 732
Массани Паоло, 61
Массимо Франческо Саверио, 235, 236
Мастаи-Ферретти Джованни Мария (Пий IX, римский папа), 517–519, 522
Маттеи Марио, 516, 520, 522
Маттеуччи Антонио, 235
Медем Павел Иванович, 312, 339, 381–384, 389, 407, 421, 423, 424, 428, 435, 458, 461, 472, 500
Медзофанти (Мещофанти) Джузеппе Гаспаро, 236, 417, 418, 420, 424–426, 447
Мейендорф Петр Казимирович, 467
Мейендорф Феликс Казимирович, 826, 827, 831, 832, 834, 840–846, 848–854, 899

Меттерних Мелани, 459–461

Меттерних-Виннебург Клеменс, 154, 166, 170, 171, 181, 213, 217, 312, 339, 355, 381–383, 388–391, 393, 394, 402–414, 420–424, 430, 433–435, 458–465, 468–470, 472, 479, 487, 488, 500, 503, 504

Микара Лодовико, 517

Милютин Николай Алексеевич, 836

Мирославский Людвиг, 778

Михаил Николаевич, великий князь, 693, 712

Михаил Павлович, великий князь, 408, 429

Мицкевич Адам Бернард, поэт, 609

Мичеславская Макрина, 402, 472–477, 554, 655

Монико Джакомо, 519

Монталамбер Шарль Рене Форб де, 591

Морни Шарль Огюст Луи Жозеф, 754, 756

Мороццо Джузеппе, 87, 362

Морошкин Михаил Яковлевич, историк, 30

Мохаммед Али, 406

Мошоро Николай, 360, 363

Муравьёв Михаил Николаевич, 12

Муравьёв-Виленский Михаил Николаевич, 760, 837

Мустье Леонель, 888

Муханов Александр Сергеевич, 25, 30, 34, 35

Муханов Павел Александрович, 764, 765, 777

Мыслинский Фома, 732, 752, 763–766

Н

Набоков Дмитрий Николаевич, 900, 904

Навроцкий, аббат, 215

Назаревич, викарий, 739

Наполеон I Бонапарт, французский император, 23, 24, 41–43, 57, 60, 146, 275, 484, 553, 856

Наполеон III (Шарль-Луи-Наполеон), французский император, 423, 712, 713, 726, 827, 828, 730, 888, 891, 894–897

Нарушкевич, епископ, 732

Нарышкин Кирилл Михайлович, 430

Нарышкина С.Н., 429

Нессельроде Карл Васильевич, 12, 48, 52, 56–58, 64, 74, 76, 82, 85, 101, 103, 105, 113, 134, 137, 139, 141, 154, 164, 166–169, 181, 186, 189, 191, 203, 204, 227, 232, 259, 261, 268, 271, 278, 283, 287, 294, 304, 320, 324, 345, 352, 357, 360, 362, 370, 371, 374, 376, 382, 384–386, 401–403, 405, 407–409, 421–426, 428, 431–433, 435, 452, 453, 461, 462, 465, 471, 474, 476, 478–481, 484, 487–493, 497, 500, 501, 506, 508, 511, 523, 525, 527, 529, 537, 539, 543, 545, 546, 551–554, 557, 561–563, 570, 571, 573, 574, 576, 578–581, 591, 593, 596, 604, 606, 609, 615, 631, 633, 639–641, 643, 651, 660, 662, 667, 668, 670, 671, 673, 684, 686, 692, 701, 704, 714, 715, 721, 727, 731, 732, 734, 754

Нечаев Степан Дмитриевич, 248–250

Николай, великий князь, 762

Николай I, российский император, 12–14, 54–56, 58, 59, 63, 64, 67, 71, 75–77,

81, 86, 89, 110, 122, 146, 147, 149, 160, 161, 168, 171, 181–183, 188, 220, 233, 234, 237, 238, 240, 241, 253, 259, 262, 264, 266, 271, 287, 288, 291, 292, 296, 297, 301, 312–315, 318, 336, 340, 345, 352, 354, 355, 360, 371, 380, 382–384, 389–393, 395, 397, 398, 401, 403–406, 408–410, 412–414, 418, 420–424, 426, 427, 429–434, 436–441, 444–455, 457–465, 467–471, 474, 479, 487–490, 493, 499, 501, 503–505, 508, 511–515, 527, 530, 536, 537, 542, 544–546, 555, 558, 561–563, 568, 578, 580, 581, 593–595, 602, 627, 635, 638, 641, 659–666, 670, 671, 673, 684, 690, 695, 705, 713–715, 721, 723, 725, 727, 736, 743, 744, 776, 795, 806, 839, 856, 922

Николай II, российский император, 12, 922

Николай Александрович, великий князь, 919

Николай Николаевич, великий князь, 693, 712

О

Одескальки Софья (урождённая Браницкая), 794

Окунев Григорий Николаевич, 721, 722, 774, 775

Олшамовская-Сковроньская Софья, историк, 13

Ольга Николаевна, великая княгиня, принцесса вюртембергская, 380, 382, 387, 390, 394, 395, 401, 423, 425–427, 429, 430, 468–470, 502, 505, 762

Онихимовский Богуслав, 922

Оппицциони Карло, 518

Орлов Алексей Фёдорович, 13, 382, 385, 386, 461, 467, 506

Орлов Николай Алексеевич, 12, 894

Орсини, князь, 520

Оссолинский Войцех Иосифович, 282, 286

Остапович, аббат, 626

Остерман Иван Андреевич, 19, 20

Остини Пьетро, 187–191, 517

П

Павей Владимир, 747

Павел I, российский император, 20–26, 28, 29, 39, 55, 264, 398, 530, 565, 782, 839

Павело-Швейковский, майор, 277

Павловский Игнатий Людвиг, 201, 266, 267, 270–272, 287, 288, 290, 292–297, 299, 301, 360, 362

Пакка Бартоломео, 89, 90, 308

Палотта Антонио, 87

Пальмерстон Генри Джон Темпл, 141, 144

Панебьянко Антонио Мария, 800

Панин Никита Петрович, 22

Паскевич Иван Фёдорович, граф Эриванский, Светлейший князь Варшавский, 13, 148, 151, 154, 158, 221, 271, 276, 281, 292, 301, 312, 402, 421, 499, 500, 504, 511–514, 542, 627, 682, 690, 725, 741–743, 771, 776, 777, 807

Пассалья Карло, 842, 844

Пастор Людвиг, 12

- Пашкович Адам, 186, 188–190
 Педичини Карло Мария, 89
 Пенковский Викентий, 624, 669
 Перовский Лев Алексеевич, 493, 497, 498, 506, 508, 513, 514, 526, 527, 529–531, 535, 570, 615, 626, 628, 631, 639, 922, 926
 Персиньи Жан-Жильбер Виктор, 947
 Пётр I Великий, российский император, 15, 29, 397, 491
 Пива, каноник, 103, 105
 Пивницкий Михаил, 267, 629
 Пий IV, римский папа, 235
 Пий VI, римский папа, 18, 35, 38, 265, 536, 582
 Пий VII, римский папа, 23, 24, 36, 42, 49, 52, 55, 60, 139, 144, 298, 484, 518, 519, 582, 859
 Пий VIII (Франческо Саверио Мария Феличе граф Кастильони), римский папа, 89–91, 118, 121, 122, 326, 327, 572, 653
 Пий IX (Джованни Мария Мастаи-Ферретти), римский папа, 312, 506, 518, 519, 524–544, 546, 554, 561, 580, 594–596, 598, 599, 601, 612, 613, 617, 623, 631, 632, 634, 636, 638, 639, 642, 643, 650–652, 656, 658, 660, 671, 677, 683, 689–691, 698, 707–709, 713, 714, 719, 725, 730, 745, 762, 769, 770, 784, 803, 804, 809, 819, 821, 822, 824–826, 829, 832–834, 839, 841–843, 845, 847, 850, 851, 867, 870, 871, 877, 894, 902, 905, 917, 918, 920, 928, 929, 937, 941, 944, 945, 950
 Пиньятелли Доменико, 520
 Пиотровский Франсуа, 274
 Пиструччи Бенедетто, 675, 676
 Питт Уильям Младший, 939
 Пишлер (Пихлер) А., 930–933
 Платонов Владимир Платонович, 812–814, 836
 Полидори Паоло, 308
 Полянский Фома, 898, 899
 Понца ди Сан Мартино Густаво, 944
 Попель (Попел) Викентий Теофил, 920
 Попель (Попел) Маркелл, 898, 900, 901, 903
 Попов Александр Николаевич, историк, 34, 266, 379, 436, 589–591, 619, 628
 Посевино Антоний, 94
 Потапов Александр Львович, 921, 922
 Потёмкин Иван Алексеевич, 215–218, 220, 223–228, 230–232, 235–237, 240, 254–260, 262–264, 267, 268, 272, 274, 275, 278, 281, 297, 299–301, 304, 306–312, 320, 344, 346, 347
 Потоцкий Болеслав Станиславович, 725, 726
 Поцей Иоанн, 743, 745
 Поццо-ди-Борго Карл Осипович 86, 134
 Пракситель, 674
 Протасов Николай Александрович, 570, 639, 741
 Пушкин Александр Сергеевич, поэт, 515
- Р**
- Рава Павел, 322–324, 329–332, 353, 358, 626, 631, 637

- Радецкий Йосиф, фон, 601
 Реад Николай Андреевич, 277, 278
 Решид-паша, 717
 Ржевуский Павел (Ржевуцкий), 818, 837, 841
 Риарио Томмазо, 521
 Рилло Максимилиан, 417, 445
 Росси Пелегрино, 632, 633
 Рудзишевский Б., 283
 Рупейка, аббат, 626
 Руспони Франческа, 833
 Руэр Эжен, 896
- С**
- Сазонов Сергей Дмитриевич, 12
 Саккони Карло, 664, 786
 Сальвиати Григорий, 635
 Сальвиати Жером, 635
 Самарин Юрий Фёдорович, 836
 Сантини Гаспар, 23
 Сантуччи Винченцо, 606
 Сартиж де, барон, 867, 891, 895
 Сартори, аббат, 106, 109, 110, 116, 179, 180
 Североли Антонио Габриель, 91
 Сеймур Джорж Гамильтон, 140, 141
 Семашко Иосиф, 68–72, 100, 244, 250, 402, 472, 626, 658, 744
 Сембратович Иосиф, 898
 Сент Олар (Сент Олер) Луи Клер Бонуаль, 134, 138, 144
 Сестренцевич-Богуш Станислав Иоанн, 17–21, 24–26, 28–30, 34, 35, 46–49, 66, 162, 360, 361, 363, 446, 495, 802
 Сиверс Эмануил Карлович, 859, 860, 880–883, 922, 927, 930, 932
 Сигизмунд III, король Речи Посполитой, 16, 107
 Симонетти Лоренцо, 331
 Симонович (Шимонович) Ян Якуб, архиепископ леопольский (львовский), 363
 Скарятин Александр Яковлевич, 670, 671, 674–677, 683, 695, 698, 699, 704, 705, 708, 713–722, 748, 749
 Сковронский, член Комиссии внутренних и духовных дел, 277
 Скорковский (Скоркович) Карл Викентий, 185–192, 210, 213, 257, 350
 Скрипицин Валерий Валерьевич, 626–628, 630, 631
 Смирнов Николай Михайлович, 454
 Смирнова-Россет Александра Осиповна, 384, 455
 Смоленц Лев, 897
 Солья Джованни, 517, 615, 619–624, 631, 632, 641, 643
 Сосновский Казимир, 878, 932, 933
 Стакельберг Густав Густавович, 282, 283
 Стакельберг Густав Оттонович (Густав Эрнест), 48
 Стакельберг Эрнест Густавович, 897–908, 918
 Станевский Максимилиан Иосиф, 870, 871, 876, 878, 880–884, 907, 918–920, 926
 Станислас, кузен Б. Буткевича, 710
 Стасевич Доменик, 883, 922

- Стефан, австрийский эрцгерцог, 380—382, 384, 387, 389, 394, 395, 468, 503
 Страшинский (Страшинский, Старшинский) Павел, 196, 200, 203, 652, 740
 Строганов Александр Григорьевич, 360, 362, 363
 Строганов Б.С., 193, 194
 Строганов Сергей Григорьевич, 795, 796
 Строссмейер (Штроссмайер) Йосип Юрай, 927, 931—934, 943
 Струве Густав Генрихович, 384—389, 403, 404, 406
 Стумер, врач, 277
 Сухозанет Николай Онуфриевич, 783
 Сушков Н.В., 474
 Сымон Франциск, 883, 920
- Т**
- Талейран-Перигор Шарль Морис, 939
 Тамборра Анджело, историк, 612, 725
 Таркуини (Тарквини) Камилло, 805, 807, 809, 871, 875
 Татищев Дмитрий Павлович, 134, 138, 141, 154, 158, 161, 166, 186—191, 213
 Татищев Сергей Спиридонович, 56, 723
 Тейль ван Сероскеркен Фёдор Васильевич, 42—46, 48, 53
 Терашкевич Иоанн, 740—745, 749, 769, 772, 837, 897
 Тизенгаузен Екатерина Фёдоровна, 381
 Тимашев Александр Егорович, 706, 920, 922
 Толстой А.П., 454
- Толстой Дмитрий Андреевич, 10, 30, 900, 905, 922—924
 Толстой Дмитрий Николаевич, 626—628
 Толстой Иван Матвеевич, 757
 Томашевский Валентин, 196, 200, 203, 514, 624, 634, 637, 651, 669, 740
 Туркул Игнатий Лаврентьевич, 506, 513, 639, 734
 Тютчев Фёдор Иванович, 646—649, 857, 911, 938
- У**
- Уваров Сергей Семёнович, 355, 506, 509—511
 Умберто, итальянский принц, 950
 Урбано VIII, римский папа, 102, 106, 110, 111
 Урусов Сергей Николаевич, 922
 Устинов Михаил Александрович, 415, 416, 640
- Ф**
- Фабрис Эмилио де, 676
 Фальконьери Меллини, 517
 Фальца Каппа (Фальцакаппа) Джованни, 90
 Фальчинелли Мариано Антонио, 897, 899, 902, 903, 905—907, 915
 Фарэ Клеман, 747
 Фелинская Ева (урождённая Вендорф), 794, 795
 Фелинский Герард, 794

Фелинский Сигизмунд (Зигмунт) Феликс
Шенский, 791–796, 799, 809–813,
815–819, 832, 837, 868, 871

Фердинанд I, австрийский император,
383, 390, 392, 393

Фердинанд II, неаполитанский король,
643

Феррари, монсеньор, 677, 679, 682, 698,
699, 709, 710

Феррари Андреа, 611

Ферретти Габриэле, 581, 589, 597,
603–606, 608, 616

Фиалковский Антоний-Мельхиор, 624,
637, 732, 752, 762, 764–767, 779,
782, 788, 791, 797, 881

Фикельмон Дарья Фёдоровна, 381

Фикельмон Карл Людвиг, 462

Филарет (Дроздов Василий Михайло-
вич), митрополит московский и всея
Руси, 244, 251, 756

Филипп IV, французский король, 894

Флёри Эмиль Феликс, 936

Фонтон Феликс Петрович, 155

Форнари Раффаэле, 473

Франки Алессандро, 867, 873, 879, 881,
883, 884, 902, 903, 928

Франц Иосиф I, австрийский император,
венгерский король, 190, 663

Францони Джакомо Филиппо, 517

Фридрих I, король вюртембергский, 247

Фридрих Август, король саксонский, гер-
цог варшавский, 41, 739

Фурман Фёдор Фёдорович, 164, 241,
287, 289, 292–299, 303, 309, 311,
314

Х

Халерс, профессор, хирург, 386

Хороманский Станислав Костка, 200,
201, 203

Хрулёв Степан Александрович, 781

Ц

Цехановский Фердинанд, 739, 740

Циммерман Клеменс фон, 746

Циши Мелани (жена Меттерниха) 459

Ч

Чакки Луиджи, 613

Чарторыйский Владислав, князь, 440

Черкасский Владимир Александрович,
836

Чихачёв Пётр Александрович, 942

Ш

Шагулов (Шагульянти, Шагулави) Па-
вел, 360, 362, 363, 365

Шевлянич Михаил, 248

Шевырёв Степан Петрович, 456

Шемешь Адам, 795

Шемешь Полина (урождённая Фелин-
ская), 795

Шептицкий Андрей Роман Мария Алек-
сандр 12

Шептицкий Афанасий, 18

Шептицкий Варлаам, 18

- Шептицкий Лев, 18
Шиллинг Конштат Маврикий Фабиано-
вич фон, 12, 429
Шиманский Вениамин, 732, 741, 742,
878
Шлёнке, купец, 779
Шокальский Стефан, 742, 772, 897
Шпаур Иоган Баптист, 414, 451, 453,
468, 634, 640
Шувалов Андрей Петрович, 501, 502
Шувалов Пётр Андреевич, 870, 876,
922
- Шумборский Филипп Фелициан Фер-
динанд, 102, 740–742, 897
- Э**
- Элеонора, австрийская императрица, 390
Этьенн, прелат, 561
- Я**
- Языков Николай Михайлович, поэт, 454,
455

Научное издание

Ольга Васильевна Серова

РОССИЯ И ВАТИКАН.
ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ.
XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

Книга 1
1825–1870

Корректор О. Круподёр
Художественное оформление И. Богатырёвой
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 14.01.2019. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Academia.
Усл. печ. л. 79,33. Тираж 600. Заказ №

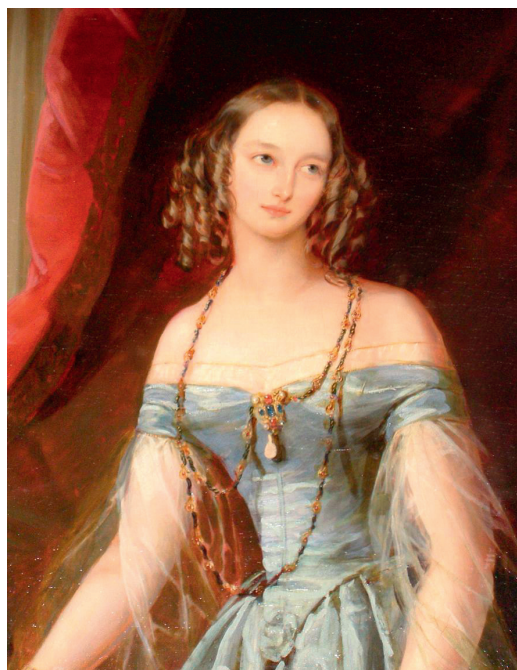
Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru vk.com/gnosisbooks

Николай I, российский император (1825–1855)

Ольга Николаевна, великая княгиня,
дочь Николая I, принцесса вюртембергская

Нессельроде Карл Васильевич,
министр иностранных дел России
(1816–1856)

Блудов Дмитрий Николаевич,
управляющий Департаментом духовных дел
иностранных исповеданий МВД,
министр внутренних дел (1832–1838)

Паскевич Иван Фёдорович,
наместник Царства Польского (1831–1856)

Лев XII
(Габриэле Аннибале делла Дженга),
римский папа (1823–1829)

Пий VIII,
(Франческо Саверио граф Кастильони),
римский папа (1829–1830)

Григорий XVI (Бартоломео Альберто Каппеллари),
римский папа (1831–1846)

Италинский Андрей Яковлевич,
посланник России при Святом Престоле (1816–1827)

Гагарин Григорий Иванович,
посланник России при Святом Престоле (1827–1832)

Гурьев Николай Дмитриевич,
посланник России при Святом Престоле (1832–1837)

Бутенев Апполинарий Петрович,
посланник России при Святом Престоле (1843–1855)

Делла Сомалья Джулио Мария,
государственный секретарь
(1823–1828)

Альбани Джузеппе Андреа,
государственный секретарь
(1829–1831)

Бернетти Томмазо,
государственный секретарь
(1828–1829; 1831–1836)

Ламбрускини Луиджи Эммануэле Николо,
государственный секретарь
(1836–1846)

Александр II, российский император
(1855–1881)

Горчаков Александр Михайлович,
министр иностранных дел России
(1856–1882)

Киселёв Николай Дмитриевич,
посланник России при Святом Престоле
(1855–1864)

Мейендорф Феликс Казимирович,
поверенный в делах России
при Святом Престоле (1864–1866)

Пий IX
(Джованни Мария Мاستаи-Ферретти),
римский папа (1846–1878)

Киджи Флавио, возглавлял посольство
в Москву и С.-Петербург по случаю
коронации Александра II (1856)

Джицци Томмазо Паскуале,
государственный секретарь
(1846–1847)

Антонелли Джакомо,
государственный секретарь
(1848–1876)